11-99

БИБЛІОТЕКА
ОБЩЕСТВА ДЛЯ ДОСТАВЛЕНІЯ СРЕДСТВЪ
ВЫСШИМЪ
ЖЕНСКИМЪ КУРСАМЪ.
Шкафъ XXVII XXIV S с Б
Полка 6 3 5
№ 29 42 12 т. 1

П-99

ПУТЕШЕСТВІЕ

ПО

КИТАЮ

въ 1874—1875 гг.

ЧЕРЕЗЪ СИБИРЬ, МОНГОЛІЮ, ВОСТОЧНЫЙ, СРЕДНІЙ и СѢВЕРО-ЗАПАДНЫЙ КИТАЙ

ИЗЪ ДНЕВНИКА ЧЛЕНА ЭКСПЕДИЦІИ

П. Я. Пясецкаго.

Д-ра Мед., Дѣйств. Чл. И. Р. Геогр. и др. учен. Общ., Почетн. Общ. И. Акад. Худож.

6399

Удостоено **Большой Золотой Медали** Императорскаго Русскаго Географическаго Общества

и

ОДОБРЕНО ученымъ комитетомъ министерства народнаго просвѣщенія для фундаментальныхъ библіотекъ всѣхъ учебныхъ заведеній и учительскихъ семинарій.

ВЪ ДВУХЪ ТОМАХЪ

СЪ КАРТОЮ И ПОРТРЕТОМЪ АВТОРА

ТОМЪ I.

Лен. Гос. ... Научная библ... им. Горьк...

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи (М. Катковъ),
на Страстномъ бульв...
1882.

БИБЛІОТЕКИ Егора Егоровича ЗАМЫСЛОВСКАГО

БИ... О-ва для ... средствъ ... РСАМЪ.

1171 — Зам.

БИБЛІОТЕКА
Старца Евфросина
САМУЛОВСКИЙ

Егору Егоровичу
Замысловскому

в знак глубокого уважения

от автора.

С.Петербург.
1885 мая
в 21 день.

Съѣзд. зав. Лаптевъ, Горбовъ и Грашанскій. Невс. 46.

ПОСВЯЩАЕТСЯ

ВСѢМЪ БУДУЩИМЪ НАЧАЛЬНИКАМЪ

„УЧЕНО-ТОРГОВЫХЪ“

ЭКСПЕДИЦІЙ.

Лен. Гос.
НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
им. Горького

ОТЪ АВТОРА

ПО ПОВОДУ ВТОРАГО ИЗДАНІЯ.

Легче, пожалуй, написать два тома, чѣмъ составить предисловіе къ своей книгѣ. Это происходитъ отъ многихъ причинъ и между прочимъ отъ укоренившихся обычаевъ, выбиваться изъ-подъ которыхъ всегда не легко. Цѣль предисловія заключается въ томъ, чтобы въ нѣсколькихъ словахъ дать читателю понятіе о своемъ трудѣ. Само собою разумѣется, что каждому автору желательно, чтобъ книга его расходилась и читалась, а не лежала забытою въ складахъ; поэтому надо сказать о ней доброе слово, другими словами—похвалить самого себя; но это и безполезно, и всегда непріятно.

Но выпускъ книги вторымъ изданіемъ облегчаетъ задачу въ томъ смыслѣ, что она уже подвергнута критикѣ и слѣдовательно о ней имѣются чужія мнѣнія. Они-то, по моему, и могутъ служить лучшимъ предисловіемъ ко второму изданію. Въ самомъ дѣлѣ, если печать существуетъ для того, чтобы напечатанное читалось и становилось извѣстнымъ, если читатель самъ желаетъ узнать что нибудь о книгѣ, сказанное компетентными людьми, то почему не облегчить ему этого труда отыскиванія какихъ нибудь отзывовъ, почему не приложить ихъ къ самой этой книгѣ? На это могутъ замѣтить, что каждый выберетъ только хорошее, а о худомъ умолчитъ... Согласенъ, но можно привести такія слова, ко-

торыя исключаютъ всякое недоразумѣніе, и послѣднее можетъ совсѣмъ не имѣть мѣста, если имя рецензента извѣстно и если это имя заслуженно и почтенно. Отзывъ такихъ постороннихъ цѣнителей труда будетъ имѣть въ глазахъ читателей всегда большее значеніе, чѣмъ собственныя слова автора. Поэтому я предпочитаю привести по нѣскольку словъ изъ отзывовъ о настоящей книгѣ лицъ, принадлежащихъ къ С.-Петербургскому Университету: В. П. Васильева (профессора Китайскаго языка и глубокаго знатока Китая), покойнаго В. В. Григорьева (извѣстнаго оріенталиста, бывшаго профес. Исторіи Востока и А. М. Позднѣева (доцента Монгольской Литературы) *).

Этихъ трехъ судей достаточно, чтобы я самъ не думалъ, что нахожусь въ заблужденіи и ввожу въ него другихъ.

Вотъ что сказалъ профессоръ Васильевъ:

«Г. Пясецкій, какъ видно, принималъ на себя не простое отбываніе званія члена экспедиціи. Жители Петербурга имѣли достаточную возможность познакомиться съ его замѣчательною коллекціей типовъ и видовъ изъ китайской жизни и природы. Отъ его кисти и вѣрнаго взгляда не ускользнуло ничто сколько нибудь оригинальное изъ быта и обстановки оригинальнѣйшаго въ мірѣ народа. Невольно удивляешься и поражаешься, какъ и когда успѣлъ г. Пясецкій сдѣлать такое огромное количество эскизовъ, которые носятъ на себѣ такую отчетливую и вѣрную отдѣлку....»

«Такимъ же точно, какъ и въ живописи, разнообразнымъ и неутомимымъ, является г. Пясецкій и въ своихъ двухъ огромныхъ томахъ. Онъ даетъ въ нихъ веденныя имъ день за день во все время путешествія записки; съ полною отчетливостью вноситъ онъ въ нихъ всѣ подробности о всѣхъ про-

*) Первые двое находились въ составѣ Комиссіи И. Р. Геогр. Общ. по присужденію медалей.

ıсшествіяхъ, о всемъ видѣнномъ, слышанномъ, и вы видите очень ясно, что онъ ничего не прибавляетъ, ничего не выдумываетъ; для посѣщавшихъ Китай, тѣмъ болѣе для имѣвшихъ счастье попадать въ лапы ловкихъ руководителей—начальниковъ весь его разсказъ становится еще понятнѣе. Видно по всему, какъ авторъ сильно интересовался этимъ открывшимся для него новымъ міромъ, какъ онъ жаждалъ все охватить, все изучить, до всего такъ сказать дотронуться осязательно»...

«Съ перваго взгляда два огромные тома убористой печати кажутся неодолимыми, но сочиненіе г. Пясецкаго читается легко, потому что авторъ умѣетъ заохочивать читателя слѣдовать вмѣстѣ съ нимъ и за нимъ; онъ одинаково ясно умѣетъ передавать, какъ картины природы, такъ и живой разговоръ. Мы слышали отъ нѣкоторыхъ лицъ упреки автору за то, что онъ заставляетъ читателя прочитывать его личные счеты и жалобы; но по нашему мнѣнію, всякій авторъ не только имѣетъ право, но даже долженъ высказать въ своей книгѣ, почему онъ могъ писать такъ, а не иначе. Притомъ справедливыя указанія на недостатки должны служить поучительнымъ руководствомъ для организаціи будущихъ экспедицій и ученыхъ изслѣдованій».

„Описаніе не спеціальнаго, но образованнаго путешественника гораздо больше заохотятъ заинтересоваться неизвѣстною страной“...

„Но и спеціалистъ читаетъ такую книгу, какъ сочиненіе г. Пясецкаго, съ неменѣе живымъ интересомъ; она обновляетъ и оживляетъ его знанія, напоминаетъ ему видѣнное и изученное имъ; послѣдняя же, то-есть вторая часть путешествія г. Пясецкаго, несомнѣнно будетъ и для спеціалиста единственнымъ источникомъ для провѣрки книжныхъ туземныхъ сообщеній“. (Отч. И. Р. Геогр. Об. за 1880 г.).

Изъ довольно длиннаго разбора профессора Григорьева мы приведемъ лишь первыя его строки.

„Добросовѣстность—явленіе рѣдкое во всѣхъ сферахъ человѣческой дѣятельности, и особенно въ сферѣ литературной производительности. Потому, когда въ этой послѣдней сферѣ встрѣчаешься съ трудомъ, исполненнымъ вполнѣ честнымъ образомъ, необходимо обращать на него общественное вниманіе для того, чтобы познакомить съ нимъ общество, и чтобы общество могло принести автору такого труда дань подобающаго ему уваженія. Съ этою цѣлью и представляемъ мы слѣдующій отчетъ о трудѣ доктора Пясецкаго“... („Отголоски“ 1881 № 1).

Г. Позднѣевъ въ своемъ наиболѣе подробномъ разборѣ книги (въ отдѣлѣ „Крит. и Библіогр.“ Журнала Мин. Народн. Просв. іюль 1881) говоритъ между прочимъ:

„Давно уже ни одно изъ путешествій по востоку не возбуждало собою такого интереса въ нашей читающей публикѣ, какой вызвала въ ней книга доктора Пясецкаго. Мы не ошибемся даже, если скажемъ, что и вообще на долю немногихъ путешествій выпадаетъ такая доля общественнаго вниманія“.

„Съ своей стороны мы ставимъ въ особенное достоинство г. Пясецкому то, что онъ не захотѣлъ написать о Китаѣ книгу въ родѣ тѣхъ, какія часто пишутся подъ названіемъ путешествій,—книгу, которая была бы наполнена свѣдѣніями по географіи, исторіи и статистикѣ, взятыми изъ готовыхъ источниковъ, то-есть просто изъ чужихъ книгъ. Онъ предпочелъ дать читателю свой простой разсказъ исключительно о томъ, что онъ видѣлъ и наблюдалъ самъ, и этотъ методъ къ распространенію положительныхъ знаній, при большой живости изложенія, ставитъ его трудъ въ рядъ достовѣрнѣйшихъ и лучшихъ путешествій, какія есть въ нашей литературѣ“.

„Авторъ оказалъ намъ незамѣнимую услугу, передавая факты. Для того, чтобъ умѣть прочитать, понять и оцѣнить ихъ, конечно, всегда найдутся люди, и если этого не способенъ сдѣлать всякій, то въ этомъ, само собою разумѣется, вина не г. Пясецкаго. Онъ честно исполнилъ свое дѣло, и люди науки признали за нимъ его заслугу".

Къ этимъ лестнымъ для меня словамъ почтенныхъ критиковъ могу прибавить только, что я не ожидалъ ни такихъ отзывовъ, ни такого сочувствія въ родномъ обществѣ, ни тѣхъ наградъ и успѣха, какихъ удостоилась моя книга.

Г. Позднѣевъ не ошибся, говоря, что всегда найдутся люди, которые сумѣютъ прочитать, понять и оцѣнить сообщаемые книгою факты: прошло только полтора года и все первое изданіе разошлось, а требованіе на нее скорѣе увеличивается. Это сочувственное отношеніе къ ней доказываетъ, что русское общество далеко не равнодушно къ трудамъ своихъ соотечественниковъ, и что въ русскомъ человѣкѣ крѣпки нравственное чувство и любовь къ родинѣ: я доказалъ моей, во многомъ обличительной, книгой, что русскій человѣкъ умѣетъ горячо вступиться за честь и интересы родины и дѣлаетъ это смѣло и открыто; общество встрѣчаетъ мое обличеніе громкими одобреніями, и, кто бы что ни говорилъ (не смѣя подписать своего имени), сочувствіе этого общества никогда не будетъ на сторонѣ обличаемаго.

Съ такими задатками можно надѣяться, и я надѣюсь, что въ будущемъ немыслимы безнаказанныя дѣйствія подобныя описаннымъ мною; по крайней мѣрѣ это наиболѣе вѣрный путь къ тому, чтобъ и самыя дѣйствія, требующія судебнаго преслѣдованія, повторялись рѣже, если ужъ имъ не суждено совсѣмъ исчезнуть изъ среды человѣческихъ обществъ.

— «Цзинъ-го шэ-ло сань нянь па цзинъ-шэнъ», говоритъ китайская пословица, то-есть, «укушенный змѣею три года боится колодезной веревки». — А попробуйте, истребите «змѣй»—прибавимъ мы отъ себя,—или лишите ихъ «жала», напримѣръ въ образѣ карающей печати, тогда у тѣхъ, кого слѣдуетъ держать въ постоянномъ страхѣ, пожалуй пропадетъ страхъ даже предъ «веревкой».

Прочли и оцѣнили мой трудъ и въ чужихъ краяхъ, гдѣ онъ переводится на иностранные языки. Раньше другихъ, насколько мнѣ извѣстно изъ писемъ издателя, (Hachette) появится изданіе моего путешествія на французскомъ языкѣ, (въ іюлѣ или августѣ этого года) иллюстрированное большимъ количествомъ исполненныхъ мною рисунковъ.

Настоящее изданіе выпущено безъ нихъ потому что помѣщеніе большого числа хорошо исполненныхъ рисунковъ у насъ недоступно безъ значительнаго повышенія цѣны на книгу. Она же противъ прежней понижена.

Я предполагаю издать отдѣльно альбомъ китайскихъ видовъ къ моему путешествію, и матеріаломъ для него послужатъ упомянутые выше мои рисунки, рѣзанные на деревѣ въ Парижѣ.

ПРЕДИСЛОВІЕ

КЪ ПЕРВОМУ ИЗДАНІЮ.

Настоящее путешествіе совершено мною въ качествѣ офиціальнаго члена экспедиціи, отправленной въ Китай нашимъ правительствомъ въ началѣ 1874 года.

Черезъ годъ и девять мѣсяцевъ я вернулся въ Петербургъ и немедленно приступилъ къ разработкѣ привезеннаго матеріала (записокъ, зоологической, ботанической, минералогической и этнографической коллекцій и большого числа рисунковъ съ натуры); но участіе въ турецкой войнѣ, въ теченіе всей кампаніи 1877—78 гг. и послѣдствія перенесеннаго въ Болгаріи тифа замедлили появленіе въ свѣтъ настоящей книги.

Предоставляя бывшему начальнику экспедиціи говорить о цѣляхъ послѣдней, и о томъ, что послужило поводомъ къ ея снаряженію и отправленію,—такъ какъ ему это гораздо ближе извѣстно, — я нахожу нужнымъ упомянуть, что мысль о подобной экспедиціи давно многимъ приходила въ голову; много разъ обсуждался вопросъ объ ея отправленіи и даже имѣлись въ виду лица, долженствовавшія войти въ составъ ея; но различныя обстоятельства заставляли откладывать ея осуществленіе, и наконецъ, намъ суждено было выполнить эту задачу.

Экспедиція 1874—75 гг. состояла изъ начальника, капитана генеральнаго штаба Юліана Адамовича Сосновскаго, врача-натуралиста Павла Яковлевича Пясецкаго и офицера-топографа Зиновія Лавровича Матусовскаго, присоединившагося въ Омскѣ. Въ конвой намъ были даны три казака западно-

сибирскаго войска: Николай Смокотнинъ, Аксентій Павловъ (урядники) и Иванъ Степановъ. Они присоединились къ экспедиціи въ г. Семипалатинскѣ. Частнымъ образомъ были приглашены: фотографъ М., который по нездоровью былъ замѣненъ въ Омскѣ Адольфомъ Эразмовичемъ Боярскимъ, и переводчики: Иннокентій Степановичъ Андреевскій, отправившійся съ нами изъ Иркутска, и китаецъ Сюй изъ Пекина. Кромѣ того, во время пути къ намъ присоединялись другія лица, съ которыми читатель познакомится въ самомъ разсказѣ.

У каждаго изъ насъ были свои спеціальныя обязанности, сообразныя цѣлямъ экспедиціи, и оффиціальный отчетъ объ исполненіи моихъ былъ своевременно мною напечатанъ [1]). Но отправляясь въ путь, я ставилъ себѣ задачей сдѣлать не только то, что былъ обязанъ исполнить, а все, что окажется возможнымъ и на что хватитъ умѣнья. Да кромѣ того и трудно создавать себѣ строго опредѣленный планъ, когда отправляешься въ страны, столь мало знакомыя, какъ Китай, считавшійся до сихъ поръ доступнымъ лишь на окраинахъ, да въ немногихъ пунктахъ внутри; у насъ же былъ проектъ углубиться въ самую средину его, посѣтить мѣста, до сихъ поръ почти невѣдомыя, и возвратиться въ Россію такимъ путемъ, по которому проѣздъ иностранцевъ китайскимъ правительствомъ не допускается или разрѣшается весьма неохотно.

Хотѣлось и нужно было предварительно многое узнать объ этихъ странахъ, а главное о самыхъ существенныхъ житейскихъ потребностяхъ; но узнать было не откуда, и передъ глазами стоялъ мракъ, наводившій на разныя тревожныя мысли, почти всегда порождаемыя невѣдѣніемъ. И я между прочимъ рѣшилъ про себя разсѣять по крайней мѣрѣ этотъ мракъ, чтобъ будущій путешественникъ по Китаю зналъ, что его тамъ ожидаетъ, что онъ найдетъ, чего нѣтъ.

Моя цѣль будетъ достигнута, если настоящая книга дастъ

---

[1]) Подъ заглавіемъ „О медицинѣ и санитарныхъ условіяхъ Китая". 1876 г. Во второмъ изданіи, изложенномъ для всѣхъ читателей, брошюра озаглавлена „Какъ живутъ и лѣчатся китайцы". 1882.

возможность читателю составить себѣ ясное понятіе обо всемъ, видѣнномъ и испытанномъ мною, и узнать много интереснаго; а также порадоваться, погрустить, и поскучать съ нами вмѣстѣ. Послѣднее въ подобномъ путешествіи неизбѣжно, а слѣдовательно и въ описаніи его поневолѣ попадутся, можетъ быть, нѣсколько утомительныя страницы.

Онѣ тѣмъ болѣе возможны, что я веду читателя по своимъ слѣдамъ, заставляя почти каждый день присутствовать при себѣ, слѣдить за нашимъ движеніемъ, занятіями, нашимъ внутреннимъ бытомъ и часто даже за ѣдой и другими подробностями, ничтожными дома, но въ дорогѣ важными, и особенно въ Азіи, гдѣ путешественникъ не найдетъ желѣзныхъ дорогъ, отелей и магазиновъ, со всѣмъ, что европейцу нужно: тамъ путешественнику не рѣдко приходится запасаться провизіей и даже водой на дорогу, платьемъ, мыломъ, лопатой для рытья колодцевъ, рабочими принадлежностями и т. п. Поэтому рѣчь о томъ, что не важно и скучно въ Европѣ, интересна и очень важна по отношенію къ Азіи.

Эту-то бесѣду и поведемъ мы съ читателемъ въ видѣ дневника, писаннаго въ дорогѣ, и познакомимъ его съ природою странъ обширной Китайской Имперіи, съ ея степями, моремъ и оживленными рѣками; съ внутренними провинціями, поражающими густотою своего населенія, и характеромъ представителей послѣдняго; съ провинціями, обезлюденными послѣднею страшною войною, и съ необитаемыми пустынями, лежащими въ предѣлахъ того же Чжунъ-Го, Да-Цинъ-Го, Хуа́-Го или Тянь-Ся [1]), какъ китайцы называютъ свое государство.

Читатель не найдетъ въ моей книгѣ ссылокъ на чужія сочиненія о Китаѣ, которыхъ теперь очень много и какими особенно богата литература англійская,—вопервыхъ потому что они касаются по преимуществу восточной части Китая, а не средней и западной, которыя насъ интересовали главнымъ образомъ; а вовторыхъ, я предпочиталъ лучше сказать

[1]) Срединное Государство, Государство Великой Цинъ (настоящая династія), Цвѣтущее Государство, или Поднебесная (въ смыслѣ Вселенная).

меньше, не столь ученое и менѣе важное и цѣнное, да свое, заботясь только о томъ, чтобы сказанное было правдиво... Не люблю я вообще плохо повторять то, что хорошо сказано другими—повторять уже сообщенное раньше. Избѣгалъ я также выводовъ, какъ чужихъ, такъ и собственныхъ, полагая, что люди, болѣе свѣдующіе, сдѣлаютъ это лучше меня...

Итакъ, не взыщите, читатель: чѣмъ богатъ, тѣмъ и радъ подѣлиться съ вами; вѣдь въ строгомъ описаніи путешествія вымыслы не допускаются, точно такъ, какъ, по моему мнѣнію, не слѣдуетъ выпускать и темныхъ страницъ.

Сожалѣю, что не могъ приложить къ книгѣ большаго числа рисунковъ, что было бы возможно по имѣющемуся матеріалу. Хотѣлось бы помѣстить портреты всѣхъ описываемыхъ мѣстностей, людей и сценъ; но число ихъ слишкомъ велико; выборъ труденъ, и я принужденъ ограничиться лишь типами; а потому въ распредѣленіи ихъ не существуетъ прямаго отношенія къ страницамъ, у которыхъ они помѣщены.

Въ концѣ книги приложены карта, списокъ рисунковъ и списокъ названій собранныхъ мною растеній, расположенныхъ въ хронологическомъ порядкѣ ихъ поступленія въ гербарій, что дастъ возможность читателю точно и легко опредѣлить мѣстность, въ которой данное растеніе находится, и наоборотъ, познакомиться съ флорою каждой данной мѣстности.

Итакъ, ѣдемте, читатель—путь великъ и интересенъ!

ОГЛАВЛЕНІЕ

ПЕРВАГО ТОМА.

Стр.

ГЛАВА I. **Отъ Петербурга до Май-Май-Чэна.**—Отъѣздъ.—Весенняя распутица.—Заботы объ увеличеніи средствъ экспедиціи въ г. Тюмени.—Семипалатинскъ.—Потеря всего серебра.—Пріѣздъ на китайскую границу.—Кяхта.—Ея хлѣбосольство.—Первые китайцы.—Визитъ къ май-май-чэнскому мандарину.—Прогулка по китайскому городу.—Обѣдъ у китайцевъ.—Отъѣздъ.—Первый ночлегъ въ Монголіи..... 1

ГЛАВА II. **Черезъ Монголію.**—Монгольская ѣзда въ телѣгахъ.—Монголки.—Переправа черезъ р. Ирё-Голъ.—Фотографированіе монголъ.—Станціи.—Пріемъ и встрѣчи на пихъ монгольскими чиновниками.—Перевалъ черезъ горы.—Домашній обиходъ монголовъ.—Обо.—Пріѣздъ въ Ургу.—Русское консульство.—Осмотръ города.—Лагерь китайскаго гарнизона.—Китайскіе солдаты.—Лѣтній дворецъ Хутукты.—Посѣщеніе города ночью.—Русскіе купцы въ Ургѣ.—Отъѣздъ.—Постепенный переходъ къ пустынѣ.—Пикетъ Сайръ-Усу.—Картины безплодной пустыни.—Первое знакомство со „степными законами".—Пикетъ Толи и Ламскій монастырь.—Замѣчательный человѣкъ.—Пустыня Гоби.—Верблюды и ихъ страданія.—Безсонная ночь.—Постепенное оживленіе страны.—Конецъ степи и ночлегъ въ китайской гостинницѣ Норъ-Дянь.—Древняя Великая Стѣна.—Величественная картина.—Спускъ съ горъ на китайскую равнину.—Пріѣздъ въ г. Калганъ..... 20

ГЛАВА III. **Отъ Калгана до Тянь-Цзиня.**—Городъ Калганъ.—Русскіе поселенцы въ немъ.—Его уличная жизнь.—Китаецъ Ѳедоръ—новый переводчикъ.—Отъѣздъ.—По дорогѣ въ Пекинъ.—Городъ Сюань-Хуа Фу.—Ночной пріѣздъ въ г. Ша-Чэнъ.—Великая Стѣна и ущелье Гуань-Гоу.—Запоздалый путникъ.—Пріѣздъ въ Пекинъ.—Его стѣны и бастіоны.—Улицы.—Ресторанъ въ воротахъ.—Императорскій городъ и его стѣны.—Домъ Русскаго Посольства.—Знакомство съ Пекиномъ въ цѣломъ.—Русская духовная Миссія.—Поѣздка въ окрестности Пекина.—Гроза.—Десять дней въ кумирнѣ.—Я одинъ среди китайцевъ и первыя симпатіи къ нимъ.—Бой сверчковъ.—Исключительный китаецъ.—Измѣненіе плана путешествія.—Обученіе стрѣльбѣ изъ лука.—Страхъ пекинскихъ собакъ передъ иностранцами.—Обѣдъ въ китайской гостинницѣ.—Китайская игра Хуа-Цюань.—Театръ.—Отъѣздъ.—Городъ Тунъ-Чжоу.—По рѣкѣ Бэй-Хо до г. Тянь-Цзиня.—Голоданіе.—Пріѣздъ въ Тянь-Цзинь.—Русскіе поселенцы въ немъ.—Знакомство съ городомъ.—Встрѣча съ генералъ-губернаторомъ столичной провинціи, Ли-Хунъ-Чжанъ.—Переселеніе на пароходъ..... 106

ГЛАВА IV. **Черезъ Шанъ-Хай въ Хань-Коу.**—Мы на морѣ.—Продолжительная стоянка на якорѣ.—Надменный капитанъ паро-

Стр.

хода.—Дѣятельность на кораблѣ.—Курильщики опія на пароходѣ.—Птицы прилетающія отдыхать.—Гигантское устье Янъ-Цзы-Цзяна.—Приходъ въ Шанъ-Хай.—Oriental Hotel.—Знакомства.—Китайскій банкъ.—Въ камерѣ китайскаго судьи.—Китайскій арсеналъ и казенный домъ.—Обѣдъ у китайскаго судьи Чэнъ.—Ночлежные пріюты.—Опійныя курильни.—Китайскій городъ.—Католическій дѣтскій пріютъ—Си-Ка-Вэй.—Отрубленная голова въ клѣткѣ.—Ночная прогулка въ Смѣшанномъ городѣ.—Отъѣздъ.—На пароходѣ вверхъ по Янъ-Цзы-Цзяну.—Виды береговъ.—Китаянка Филомена.—Пріѣздъ въ Хань-Коу 238

ГЛАВА V. **Два мѣсяца въ Хань-Коу.**—Хань-Коу съ парохода.—Русская колонія.—Носильщики.—Надежды на новаго переводчика.—На той сторонѣ Янъ-Цзы.—Толпа за нами и ея поведеніе.—Фабрика кирпичнаго чая.—Свѣдѣнія о приготовленіи чая.—Нить ли намъ чай?—Китайскія улицы.—Клубы.—Визиты къ мандаринамъ.—Ученіе китайскимъ войскамъ.—Визитъ къ частному человѣку.—Нѣкоторыя ремесла.—Издѣлія изъ бамбука.—Уродованіе женскихъ ногъ.—Красавица Сэнки.—Скачка казаковъ.—Фальшивая тревога.—Общественныя удовольствія европейцевъ.—Рождество и Новый годъ въ Хань-Коу.—Забытые переводчики.—Прощальный обѣдъ съ пѣвицами.—Два слова о китайскомъ языкѣ..... 285

ГЛАВА VI. **Въ Низовьяхъ рѣки Хань.**—Отъѣздъ изъ Хань-Коу.—Первая ночь въ лодкахъ.—Ихъ устройство.—Берега рѣки Хань.—Жизнь большаго села.—Неожиданная любезность туземцевъ.—Непастье и остановка.—Китайскій Новый годъ.—Февраль.—Посѣщеніе города И-Чэнъ-Сянь.—Извѣстіе о кончинѣ Императора Тунъ-Чжи.—Пріѣздъ въ Фань-Чэнъ.—Смѣна конвоя.—Перемѣна лодокъ.—Знакомства съ мандаринами.—Обѣдъ у одного изъ мѣстныхъ купцовъ.—Превращеніе китайскаго солдата въ нашего повара.—Прогулки по городу безъ провожатыхъ.—Мѣстный гарнизонъ и ученіе войскамъ.—Замѣчательный артистъ.—Поѣздка въ г. Сянь-Янъ-Фу.—Свѣдѣнія о переводчикахъ.—Рыбная ловля ученными птицами.—Пріѣздъ переводчиковъ.—На пути въ Лао-Хо-Коу.—Ночная тревога.—Промывка золота изъ рѣчнаго леску..... 378

ГЛАВА VII. **На горной рѣкѣ.**—Село Лао-Хо-Коу.—Первая прогулка.—Я осажденъ больными. — Новая лодка.—Толпа расшалилась.—Отъѣздъ.—Перемѣна въ характерѣ рѣки.—Весна идетъ.—Живописные берега.—Горныя тропинки лямочниковъ.—Г. Юнь-Янъ-Фу.—Китайскій художникъ.—Изумленія туземцевъ. — Интересная дѣвочка.—Мартъ.—Ненастье.—Г. Бай-Хо-Сянь.—Пороги.—Нашъ день въ лодкѣ.—Любезность туземцевъ изумляетъ меня.—Фабрикація бумаги.—Предостереженіе относительно рѣчныхъ разбойниковъ.—Поэтическіе дни и ночи.—Гонецъ и извѣстія съ родины.—Поразительная степень населенія.—Г. Синъ-Ань-Фу.—Напуганный юноша.—Неожиданная встрѣча.—Прогулка по городу.— Каменноугольныя копи.—Трудный порогъ.—Г. Цзы-Янъ-Сянь.—Поврежденіе лодки и остановка.—Временная разлука.—Г. Ши-Цюань-Сянь.—Мастерица на улицѣ. — Изобиліе цвѣтовъ на берегахъ. Нѣсколько словъ отъ автора. Три письма г. Сосновскаго..... 487.

ГЛАВА I.

ОТЪ ПЕТЕРБУРГА ДО МАЙ-МАЙ-ЧЭНА.

Отъѣздъ. — Весенняя распутица.—Заботы объ увеличеніи средствъ экспедиціи въ г. Тюмени.—Семипалатинскъ.—Потеря всего серебра.—Пріѣздъ на китайскую границу.—Кяхта.—Ея хлѣбосольство.—Первые китайцы.—Визитъ къ май-май-чэнскому мандарину.—Прогулка по китайскому городу.—Обѣдъ у китайцевъ.—Отъѣздъ.—Первый ночлегъ въ Монголіи.

Проведя нѣсколько недѣль въ сборахъ къ дальнему пути, проведя нѣсколько безсонныхъ ночей въ безполезномъ стараніи воображенія представить себѣ ту дальную страну, въ которую судьба открывала мнѣ путь, я, наконецъ, выѣхалъ изъ Петербурга 14 марта 1874 года и остановился въ Москвѣ, чтобъ проститься съ родными, которыхъ покидалъ, по „человѣческому предположенію“, на два года. Здѣсь меня догнали два другихъ спутника, начальникъ Сосновскій и фотографъ М., чтобъ ѣхать дальше вмѣстѣ. Я встрѣтился съ ними лишь незадолго предъ тѣмъ, въ первый разъ въ жизни, но тотъ, до извѣстной степени, подвигъ, на который мы шли, опредѣлилъ и связалъ наши отношенія, ставшія сразу дружескими. Въ самомъ дѣлѣ, мы ѣхали въ почти невѣдомыя страны—ибо Китай теперь хорошо извѣстенъ лишь на восточныхъ окраинахъ—къ несовсѣмъ дружелюбному народу, которымъ былъ убитъ не одинъ европеецъ; намъ нечего было дѣлить, кромѣ радостей и горя въ пути, и мы друзьями отправились изъ Москвы въ долгій и далекій путь.

Пріѣхали въ Нижній-Новгородъ, откуда намъ предстояло проѣхать около 6000 верстъ на почтовыхъ, черезъ Сибирь до Кяхты. Давно не случалось мнѣ отъѣзжать зимою въ сторону отъ желѣзныхъ дорогъ, и я даже сталъ забывать ту поэзію и прозу

зимней ѣзды на почтовыхъ, которыя теперь опять воскресли предъ моими глазами. Эта проза—покупка саней, запасныхъ топора, гвоздей и веревокъ на случай разныхъ поломокъ въ дорогѣ, укладка вещей, тяжелыя зимнія одежды, въ которыхъ едва можешь дышать, плата прогоновъ на каждой станціи и много еще другихъ непредвидѣнныхъ непріятныхъ случайностей... А поэзія—чистый воздухъ просторныхъ полей, картины зимней природы, лунныя ночи да лихая ѣзда съ колокольчикомъ, самоваръ и чай на станціяхъ, а главное—природа и движеніе. Въ этомъ движеніи впередъ, черезъ новыя мѣста съ ихъ новыми впечатлѣніями, по моему—одно изъ самыхъ высокихъ наслажденій, доступныхъ человѣку на землѣ. Вотъ мы и въ дорогѣ. Въ знакомыхъ мнѣ благодатныхъ странахъ теперь ужъ зеленѣютъ луга и деревья цвѣтутъ, а тутъ природа еще спитъ зимнимъ сномъ подъ своимъ покровомъ. Минуемъ Волгу, Казань, Пермь, переѣзжаемъ черезъ Уралъ и начинаемъ сильно страдать отъ наступающей весенней распутицы. Въ воздухѣ потеплѣло, днемъ уже не нужны шарфы, полушубки и рукавицы. Мало-по-малу исчезаетъ снѣгъ; бѣгутъ съ журчаньемъ вешнія воды и показывается земля; дорога испортилась такъ, что ни въ саняхъ, ни на колесахъ нельзя ѣхать, и много мученій испытали мы за это время. Теплые вѣтры несутся на встрѣчу и первые голоса воздушныхъ пѣвцовъ привѣтствуютъ идущую весну. Ухо чутко прислушивается къ уже начавшемуся весеннему шуму, и загадочное сердце наполняется сладкими, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, какими-то тоскливыми ощущеніями. За Ураломъ снѣгу уже не было; сани брошены и застучали колеса, но не тѣмъ раздражающимъ городскимъ дребезжаніемъ, а мягкимъ, не тревожащимъ уха стукомъ по довольно просохшей естественной дорогѣ. Вотъ мы и въ границахъ Сибири; вотъ ея первый городъ на этомъ трактѣ—Тюмень, въ которомъ мы пробыли цѣлыхъ девять дней. Сосновскій остановился здѣсь по дѣлу экспедиціи, которой онъ на отпечатанныхъ бланкахъ далъ названіе „учено-торговой“; такъ по торговымъ дѣламъ считалъ онъ нужнымъ переговорить съ представителями тюменскаго купечества. Мои обязанности входили въ первую часть титула экспедиціи, и потому я считалъ лишнимъ заглядывать въ сферу ея торговыхъ задачъ; но пока моя дѣятельность не началась, я интересовался ими, какъ общимъ дѣломъ, и потому присутствовалъ при его бесѣдахъ съ тюменцами, которыя, какъ онъ говорилъ, имѣли цѣлью „поученіе купечества общегосударственнымъ поль-

замъ". Тюменцы слушали очень внимательно, соглашались, повидимому, съ тѣмъ, что новый путь въ Западный Китай, который мы откроемъ, окажетъ весьма большія услуги нашей торговлѣ вообще и западно-сибирской въ особенности; но когда пришлось доказать, что они научились нѣсколько „общегосударственнымъ пользамъ", т.-е. сдѣлать денежное пожертвованіе въ пользу экспедиціи, въ размѣрѣ тысячъ 15 или 20, какъ допускалъ Сосновскій, они подъ разными благовидными предлогами отказались. Поученія производились снова, усиленно, съ неоднократными посѣщеніями нѣкоторыхъ [1]) на дому, съ поѣздкой его даже въ деревню къ одному изъ тюменскихъ капиталистовъ [2]), но все было напрасно. Они не только ничего не пожертвовали, но даже кто-то распустилъ слухъ, что мы „вовсе не лица, командированныя правительствомъ, а странствующіе артисты" и т. д. Сосновскаго это сердило, а меня только забавляло. Да и стоило ли сердиться; вѣдь у насъ были доказательства тому, кто мы; вѣдь правительствомъ были даны средства на всѣ расходы по экспедиціи: зачѣмъ же, думалось мнѣ, еще частныя пожертвованія? Положимъ, что не мѣшаетъ имѣть большія средства, но они не были необходимыми; а все нужное мы имѣли... Отчего же раздражаться и даже какъ будто отчаиваться? Такими словами старался я успокаивать своего обезкураженнаго спутника, но не скоро могъ его утѣшить.

— Хорошо, говорилъ онъ намъ въ раздумьи,—что хоть отъ Губкина, въ Кунгурѣ, я получилъ двѣ тысячи рублей; а то съ этими, какъ съ москвичами, ничего не сдѣлаешь. Впрочемъ, передъ нами еще Томскъ, Иркутскъ, Кяхта,—теперь какъ будто утѣшалъ онъ насъ.

Впрочемъ мы должны помянуть Тюмень добромъ: тамъ были изготовлены для экспедиціонной фотографіи до пятнадцати ящиковъ превосходной работы, со всевозможными удобствами и приспособленіями. Труды по этому взяли на себя И. В. Канонниковъ и К. Н. Высоцкій, а на кого пали расходы, вѣроятно не малые, мнѣ неизвѣстно. Эта услуга тюменцевъ была очень большая, потому что если бы фотографическія принадлежности мы повезли въ петербургскихъ ящикахъ, упаковки Ширла, то отъ всего остались бы только щепки, да толченое стекло. Всѣ эти ящики были

[1]) Гг. Холмогоровъ, Подаруевъ.
[2]) Г. Козелло-Паклевскій.

высланы намъ въ Томскъ, и когда ихъ раскрыли, мы долго просто любовались ими; кромѣ того, оказалось, что всѣ пустыя мѣста были наполнены разнаго рода необходимыми или полезными въ дорогѣ вещами, а бутыли для будущихъ химическихъ растворовъ оказались наполненными разноцвѣтными жидкостями съ надписями: коньякъ, ромъ, наливка и проч. Все дорогія вещи въ дорогѣ, но всего дороже, конечно, были любезность и предупредительное вниманіе къ намъ, за которыя и говоримъ нашимъ землякамъ самое большое спасибо.

Изъ Тюмени путь лежалъ на Омскъ,—центръ управленія Западной Сибири. На этомъ пути мы миновали нѣсколько небольшихъ городовъ, переѣхали на паромѣ черезъ нѣсколько рѣкъ и, наконецъ, черезъ Иртышъ, у сліянія котораго съ Обью стоитъ Омскъ. Здѣсь мы провели недѣлю, хотя, какъ мнѣ казалось, могли бы управиться со всѣми дѣлами въ два, три дня. Въ этомъ городѣ жилъ, какъ я сказалъ, офицеръ-топографъ Матусовскій, нашъ новый товарищъ на весь остальной путь. И съ нимъ мы сразу стали въ товарищескія отношенія, и теперь вчетверомъ, въ сопровожденіи порядочнаго багажа, который везли на двухъ телѣгахъ, отправились въ г. Семипалатинскъ, главный городъ области того же названія. Онъ собственно не лежалъ на нашемъ пути, но здѣсь, говорилъ Сосновскій, должны были „завершиться окончательныя приготовленія къ путешествію“; сюда же были вызваны и казаки. По гладкой степи и прекрасной естественной дорогѣ, идущей почти все время параллельно Иртышу, скоро докатили мы до Семипалатинска и расположились въ приготовленномъ для насъ домѣ.

Былъ уже май мѣсяцъ, и здѣсь наступила знойная пора. Мы прожили тутъ двадцать три дня, тоже, по-моему, вдвое болѣе, чѣмъ было нужно для приведенія всего въ порядокъ. Можетъ быть, тотъ радушный пріемъ, какой былъ намъ оказанъ въ семьѣ В. А. Полторацкаго, бывшаго тогда губернаторомъ области, былъ виною тому, что мы пробыли въ Семипалатинскѣ слишкомъ долго и успѣли привыкнуть къ нему. Съ грустью покидали мы этотъ неважный городокъ, когда-то окруженный лѣсами, а теперь лежащій посреди сухихъ песчаныхъ степей; добрые люди провожали насъ, желали успѣховъ въ нашемъ предпріятіи и обѣщали съ нетерпѣніемъ ожидать нашего возвращенія, года черезъ два, съ богатыми результатами, честью и славой... Но, увы! изъ Семипалатинска мы увезли, пока каждый тайно про себя, первое

сомнѣніе въ томъ, что все исполнится такъ хорошо, какъ того хотѣлось. Но теперь поворота не могло быть, развѣ—что случится что-нибудь особенное. И это особенное случилось: мы чуть-чуть не принуждены были возвратиться съ большимъ стыдомъ въ Петербургъ, и вотъ какъ это вышло. Выѣхали мы изъ Семипалатинска въ ночь, отправивъ за полчаса впередъ казаковъ съ багажомъ, и теперь догоняли ихъ въ своемъ особомъ экипажѣ въ родѣ кареты, но на двухъ огромныхъ колесахъ. Двое сидѣли впереди, другіе двое спиной къ нимъ и, слѣдовательно, лицомъ назадъ. Я также помѣстился сзади и смотрѣлъ, задумавшись, на уходившую изъ-подъ колесъ черную степь. Ночь была темная, но звѣздная. Когда мы проѣхали уже значительно больше половины станціи, я вижу, что за нами кто-то скачетъ верхомъ; всмотрѣлся внимательнѣе,—дѣйствительно, всадникъ скакалъ во весь опоръ и еще погонялъ лошадь, сильно размахивая нагайкой. Всадникъ нагонялъ насъ, и я услыхалъ, что онъ что-то кричалъ, но словъ нельзя было разслышать за тѣмъ страшнымъ грохотомъ, какой производили желѣзныя стѣнки нашей колесницы, какъ ее назвали ямщики. Вѣрно мы забыли что-нибудь, и за нами послали гонца съ забытой вещью, подумалъ я, и крикнулъ ямщику: стой!

— Что случилось? спросили меня спутники.

— Еще не знаю. Кто-то скачетъ за нами и что-то кричитъ. Не къ намъ ли посланный съ чѣмъ.

Остановились, и подскакавшій всадникъ, къ нашему изумленію, оказался казакомъ Степановымъ.

— Откуда ты? какъ очутился назади и отчего верхомъ? засыпали мы его вопросами; но, не отвѣчая на нихъ, онъ объявилъ:

— „Несчастіе случилось, — вы все серебро потеряли. — Весь ящикъ, какъ былъ, такъ и выскочилъ, проломивши въ каретѣ дно, разбился и все серебро по дорогѣ разсыпалось....

— Я говорилъ, что это такъ и будетъ, сказалъ, словно отпечаталъ, проснувшійся Матусовскій.

Я вспомнилъ, что дѣйствительно цѣлыхъ два дня спорилъ онъ съ Сосновскимъ, доказывая и убѣждая, что въ одинъ деревянный ящикъ нельзя класть всѣхъ пятнадцати пудовъ серебра, (бывшаго въ видѣ китайскихъ слитковъ), что нужно пошить кожаные мѣшки и разложить ихъ болѣе или менѣе равномѣрно по всѣмъ экипажамъ, что или ящикъ разобьется или онъ своею тяжестью можетъ продавить дно въ экипажѣ, особенно такомъ не-

прочномъ, какъ наша колесница. Но всѣ убѣжденія ни къ чему не привели и его даже попросили не учить другихъ, прибавивъ, что здѣсь дѣтей нѣтъ.

— Да какъ ты очутился позади насъ? спросилъ я казака Степанова.

Онъ объяснилъ, что они сбились съ дороги, взяли въ сторону и потомъ уже, услыхавъ нашъ колокольчикъ, выбрались на дорогу и тутъ вскорѣ наткнулись на что-то. Увидавъ ящикъ и разсыпанное серебро, они поняли въ чемъ дѣло; двое остались тамъ караулить, а онъ на пристяжной пустился за нами въ догонку.

— Еще слава-богу, ваше благородіе, что лѣшій насъ спуталъ, и мы, значитъ, съ дороги сбились; а то бы мы теперь были ужъ на станціи... Кто бы завтра первый проѣхалъ, того бы и серебро было.

Справедливо разсуждалъ казакъ Степановъ: мы совершенно не слыхали, какъ ящикъ, проломивъ дно нашей колесницы, выскочилъ вонъ и, пожалуй, въ первые дни никому и въ голову бы не пришло заглянуть подъ сидѣнье, „потому что ѣдетъ ящикъ, значитъ ничего“. Потомъ бы открыли пріятный сюрпризъ, что денегъ нѣтъ,—вотъ тогда и разыскивай... Вотъ-те и путешествіе въ Китай! И каково было бы наше положеніе: какъ признаться, что мы потеряли деньги! Всѣ ли бы повѣрили этому? Что бы заговорили тогда въ Тюмени, въ Москвѣ, въ Петербургѣ!... Такія мысли мигомъ пролетѣли, вѣроятно, чрезъ голову каждаго и просто морозъ по кожѣ пробѣжалъ...

Ославъ Степанова обратно хранить кладъ, такъ счастливо давшійся въ руки, и доѣхавъ до станціи, оттуда послали двухъ человѣкъ съ фонарями назадъ, а сами остались ожидать ихъ возвращенія; и вотъ только на этой станціи, а не во время нашего пребыванія въ Семипалатинскѣ, суждено было построиться тѣмъ кожанымъ мѣшкамъ, о которыхъ такъ горячо ратовалъ опытный человѣкъ, Матусовскій. Послали разыскивать кожи, мастеровъ и проч.; нашли всего, и черезъ нѣсколько часовъ мѣшки были готовы; въ нихъ насыпали привезенные серебряные куски и разложили по всѣмъ тремъ экипажамъ. Получивъ это первое предостереженіе, мы, довольные тѣмъ, что дѣло кончилось такъ счастливо, отправились въ дальнѣйшій путь.

Теперь лежалъ этотъ путь черезъ роскошныя, благоухающія степи, черезъ дремучіе лѣса и громадныя рѣки, какъ Обь, Томь и Енисей, въ которомъ мѣстами едва можно видѣть берега. Пере-

правлялись черезъ нихъ на паромахъ, обыкновенныхъ или такъ-называемыхъ самолетахъ, весьма остроумно придуманныхъ, удобныхъ и быстро переносящихъ съ одного берега на другой большія количества людей съ экипажами и лошадьми. Мы видѣли, или, вѣрнѣе, передъ нашими глазами промелькнуло много деревень и городовъ, какъ хорошенькій Барнаулъ, живописный Томскъ, (гдѣ были повторены поученія купечества общегосударственнымъ пользамъ, но тоже безуспѣшно); бѣдненькій Маріинскъ, съ гостинницею „Парижъ“; во всѣхъ отношеніяхъ обыкновенный Ачинскъ; постоянно провѣтриваемый и заносимый пылью Красноярскъ; маленькій Канскъ съ единственною церковью и единственнымъ каменнымъ домомъ; почти такой же маленькій Нижнеудинскъ и наконецъ пріѣхали въ столицу Восточной Сибири — Иркутскъ, гдѣ потерпѣли еще одну неудачу: и иркутское купечество осталось глухо и равнодушно къ общегосударственнымъ пользамъ. Наше купечество, обыкновенно столь отзывчивое на всякія правительственныя начинанія, очень часто щедрое на многія жертвы, тутъ-точно сговорилось, точно никто вѣрить не хотѣлъ въ общегосударственную полезность плановъ и предпріятій начальника нашей экспедиціи. Досадно и удивительно!

Отъ Иркутска наша компанія увеличилась еще однимъ членомъ, переводчикомъ Андреевскимъ, котораго пригласили за глаза, и онъ вскорѣ самъ признался, что говоритъ по-китайски очень плохо. „Но вѣдь и жалованья всего 600 руб“., прибавлялъ онъ, какъ бы въ оправданіе себѣ...

Переѣхали мы на пароходѣ черезъ „Море“, какъ мѣстные жители называютъ озеро Байкалъ; миновали какой-то безпріютный, точно заброшенный въ пустынѣ, городокъ Селенгинскъ, переплыли рѣку Селенгу, услыхали въ послѣдній разъ воскресный благовѣстъ русскихъ колоколовъ въ послѣднемъ русскомъ городѣ Троицкосавскѣ, и яснымъ іюльскимъ утромъ пріѣхали въ пограничную съ Китаемъ слободу Кяхту. Россія осталась за нами.

Государственныя границы всегда имѣютъ для нашего воображенія что-то особенное; къ нимъ подъѣзжаешь съ особеннымъ чувствомъ, и теперь это чувство по понятнымъ причинамъ волновало меня сильнѣе обыкновеннаго.

Наши пять экипажей въѣхали на просторный дворъ и остановились у крыльца дома кяхтинскаго купца Н. К. Соколова, который любезно предложилъ его къ нашимъ услугамъ на время остановки въ Кяхтѣ.—Домъ двухъэтажный, просторный и благо-

устроенный. Тотчасъ размѣстились мы съ нашими вещами по разнымъ комнатамъ и намѣревались приступить къ одному изъ большихъ наслажденій въ дорогѣ—умыванію и переодѣванію, чтобъ потомъ идти скорѣе, за китайскую границу, знакомиться съ маймай-чэнскими сынами Поднебесной Имперіи; но не успѣли снять сюртуковъ, какъ въ комнату, въ которой я помѣстился съ Матусовскимъ, они сами вошли къ намъ въ числѣ четырехъ. Подойдя къ намъ, и, привѣтствуя насъ по-русски, они подали по очереди руку такъ обыкновенно и просто, какъ будто мы были ихъ старыми пріятелями и какъ будто они являлись къ намъ уже въ сотый разъ. Тотчасъ почувствовался сильный запахъ чесноку и опійнаго дыма; тѣмъ не менѣе я очень обрадовался ихъ посѣщенію, потому что мнѣ хотѣлось скорѣе увидать этихъ представителей интереснаго народа, и я принялся разсматривать ихъ самихъ, ихъ платье и обувь, даже съ большею безцеремонностью, чѣмъ они поступали съ нами, потому что для нихъ русскіе люди уже не были диковиной. Началась бесѣда на русскомъ языкѣ, который здѣшніе китайцы знаютъ почти всѣ, но этотъ языкъ до такой степени не похожъ на нашъ, что ему справедливо дали особое названіе „кяхтинскаго языка“: какъ только разговоръ перешелъ за предѣлы привѣтствій и самыхъ обыкновенныхъ фразъ, такъ продолженіе его оказалось невозможнымъ,—требовался посредникъ, переводчикъ, чтобъ продолжать бесѣду. Такимъ переводчикомъ служитъ обыкновенно кто-нибудь изъ русскихъ, кяхтинскихъ жителей. Вотъ для примѣра нѣсколько образцовъ этого непріятнаго нарѣчія, которымъ, къ сожалѣнію, говорятъ съ китайцами всѣ кяхтинцы.

Сыталáсту, пелеятеле!	Здравствуй пріятель!
Када пэлеéхалэ?	Когда пріѣхалъ?
Никанскэ манела пакавалú ни сынáша?	По китайски говорить не умѣешь?
Ну, саматалú, балáта, подý-ма отопалúцзы ниту.	Ну смотри, братъ, потомъ не отпирайся.
Куда пошóла буду?	Куда ѣдешь?
Тывая́ úмэн' кáка?	Какъ твое имя?
Пáтюшекэ úмэн' кáка?	Батюшкино имя какъ?
Фамúръ [1]) кáка?	Фамилія какъ?

[1]) Нашего *р* китайцы совсѣмъ произнести не могутъ и или замѣняютъ его звукомъ *л*, или чѣмъ-то среднимъ между *р*, *г* и *л*.

Тибэ годо́фу сыко́лика?	Сколько лѣтъ?
Молодой ишо́, ни сытала.	Молодой еще, не старый (комплиментъ уже европейскій, а не китайскій).
Чинофэни́ка?	Чиновникъ?
Сыта́цкэ али воён'?	Штатскій или военный?
Вама побольша́нкэ кому?	Кто изъ васъ старшій?
И фы Бэ - Цзинъ пошола буду?	И въ Пекинъ поѣдешь?
Фы пе́лвы ла́сэ? Пеле́жеде ни бы́ла?	Въ первый разъ? Прежде не былъ?
Тывая́ котолна голда?	Ты изъ какого города?
Питилабу́лахы хыло́са?	Петербургъ хорошъ?
Толыгово́й како́й буду?	Торговать чѣмъ будешь?

Дальше этихъ вопросовъ разговоръ не клеился или, по выраженію китайцевъ, „не сопёта“ (буквально говорится о засорившейся трубкѣ,—не сопитъ, а въ переносномъ значеніи—вообще не ладится) потому, что пошли такія слова, которыхъ безъ словаря или переводчика ни за что не угадать. Напримѣръ, *поигро́*—театръ, *цяктинскэ кубицкэ*,—кяхтинскій купецъ, *оку ту яворъ*,—ахъ ты дьяволъ, *андали*—все равно, *поделицза*—война, *сандаиза*—солдатъ, *яровo*—скоро, *на лошакъ верхан*—верхомъ на лошади, *делевеника*—столяръ и т. п.

Намъ хотѣлось поскорѣе совершить туалетъ и призвать кого нибудь на помощь. Но гости не уходили. Мы дѣлаемъ намеки, говоримъ, что съ дороги нужно умыться, платье перемѣнить, отдохнуть.

— „Тывая пэла́вда, фу доло́гѣ пыли мыного“ (твоя правда, въ дорогѣ пыли много) соглашаются они, но съ мѣста не трогаются. Ничего не оставалось, какъ прямо попросить ихъ уйти; приходилось перемѣнять европейскіе обычаи на азіатскіе. Такъ и сдѣлали, и они, нисколько не обидѣвшись, собрались уходить и, прощаясь, опять каждый подалъ свою руку. Уходя, одинъ изъ нихъ говоритъ мнѣ, повидимому спрашивая что-то.

— Не понимаю, скажи по-русски, отвѣчаю я, думая, что онъ, забывшись, заговорилъ по своему.

— Инотэнки, повторяетъ онъ одно слово изъ своей фразы и показываетъ рукою наверхъ.

— Что такое инотэнки? Не понимаю; покажи, посмотри, нѣтъ ли этого здѣсь, въ комнатѣ, и укажи, что это́ такое; я не могу

понять. Но онъ повторялъ одно слово инотэнки, начиная досадовать и наконецъ закончилъ такими словами:

— „Ты сываю сылòфа нисына́ша, наша сыло́фа нисынаша, какасы тапо́й кавали́ мо́шана! Сы тапой кавали нпися“,—и ушелъ.

Это я понялъ. Ты, значитъ, своего языка не знаешь, нашего не знаешь, какъ же съ тобой говорить можно. Съ тобой говорить нельзя. Предыдущее же недоразумѣніе объяснилось тѣмъ, что онъ искалъ нашего переводчика, котораго зовутъ Иннокентій. Хотя это и близко къ инотэнки, тѣмъ не менѣе трудно было догадаться, особенно когда онъ произносилъ только одно это слово. Но, несмотря на подобныя невыгодныя для бесѣды условія, съ перваго до послѣдняго дня нашего двухнедѣльнаго пребыванія въ Кяхтѣ посѣщенія китайцевъ не прекращались, и если не повторялись такъ же часто и въ такомъ числѣ посѣтителей, какъ въ первые дни, то только потому, что мы принуждены были отдать приказаніе не пускать ихъ къ намъ во всякое время. — Эти дѣти природы, не связанныя приличіями, въ своей безграничной наивности и безцеремонной простотѣ, скоро стали надоѣдать намъ, мѣшать не только заниматься, но даже обѣдать и спать. Что́ бы мы ни дѣлали, въ какихъ бы костюмахъ ни заставали они насъ, они входили въ комнату, садились на стулья, на кровати или куда попало, и сидѣли, кой что спрашивая или предлагая купить у нихъ что-нибудь, а то и совсѣмъ молча; тогда они разсматривали и трогали платье и всякія вещи, невиданныя ими прежде. Но не смотря на эти непріятныя манеры, они мнѣ нравились и не переставали интересовать очень сильно. Они были чрезвычайно похожи на любознательныхъ, незастѣнчивыхъ дѣтей, которыя все осматриваютъ, обо всемъ разспрашиваютъ и обращаются съ незнакомымъ человѣкомъ въ первый же разъ, какъ со старымъ пріятелемъ. Не нравились они мнѣ и были въ тягость такъ же, какъ дѣти неблаговоспитанныя, не знающія ничему мѣры, ни приличій, ни скромности,—надоѣдающія и неспособныя сами понять это. Впрочемъ считаю нужнымъ теперь же сдѣлать замѣчаніе, что подобное безцеремонное посѣщеніе незнакомыхъ вовсе не есть обычная черта китайцевъ; это только особенность май-май-чэнцевъ, и виноваты въ этомъ, конечно, сами русскіе, живущіе въ Кяхтѣ, тѣмъ, что дали имъ полную волю, а тѣ только воспользовались ею.

Гостепріимные жители Кяхты устроили для нашего пріема не только все необходимое, но даже окружили насъ всевозможной роскошью. Они обо всемъ позаботились, и мы пріѣхали какъ въ

свой собственный домъ, въ которомъ все было готово, чай, обѣдъ и даже экипажъ.

Въ первый день мы познакомились съ нашимъ пограничнымъ коммиссаромъ, Е. В. Пфаффіусъ, и его семействомъ, полиціймейстеромъ г. Троицкосавска и еще не многими домами, потому что большинство кахтинскихъ жителей находилось на дачахъ, верстахъ въ тридцати. Остатокъ дня провели въ приготовленіяхъ къ предстоявшей дорогѣ, такъ какъ на остановку въ Кяхтѣ назначалось дней шесть-семь.

Прогулку за границу, т. е. въ китайскій городъ, я отложилъ до другаго дня, чтобы явиться туда съ полнымъ вниманіемъ и бодрыми силами. Названіе Май-ма-ченъ или, правильнѣе, Майма-чэнъ т.-е. торговый городокъ, не имѣетъ значенія собственнаго имени, а есть общее; поэтому китайцы въ разговорѣ съ русскими часто называютъ Кяхту „ваша Май-май-чэнъ“; они называютъ ее и ея собственнымъ именемъ, только произносятъ иначе, Цякэту, и предполагая, что и это слово, подобно Май-май-чэну, также значитъ торговый городъ, называютъ свой Май-май-чэнъ „наша Цякэту“. Итакъ я отправился изъ „наша Май-май-чэнъ“ въ „китайскую Цякету“. Пройдя мимо городскаго садика, занимающаго средину небольшой площади и затѣмъ конецъ малооживленной улицы, единственой въ Кяхтѣ, я вышелъ на пустое, ничѣмъ не застроенное пространство, которое и представляетъ пограничную полосу никому непринадлежащей земли; она имѣетъ въ ширину 120 саженъ и на ней въ одномъ мѣстѣ торчатъ два жалкихъ деревянныхъ столба, старыхъ, грязныхъ, безъ всякихъ надписей, — это пограничные столбы Россіи и Китая. Хотя, конечно, пограничные знаки и не имѣютъ особеннаго значенія, но все бы слѣдовало, мнѣ кажется, двумъ „великимъ государствамъ“ позволить себѣ въ этомъ отношеніи нѣкоторую роскошь и позаботиться нѣсколько болѣе о декоративной сторонѣ своихъ пограничныхъ знаковъ. Если бы я имѣлъ власть, я ставилъ бы на мѣстахъ ихъ храмы той и другой націй. Какъ было бы красиво, напримѣръ, еслибы прекрасный Кахтинскій соборъ стоялъ напротивъ не менѣе прекрасной май-ма-чэнской пагоды. Въ моемъ воображеніи эти храмы дѣйствительно стояли другъ предъ другомъ, окруженные каждый своимъ садомъ и своей оградой, а предъ ними съ каждой стороны по обелиску съ надписями на русскомъ и китайскомъ языкахъ: Россія,— О-Го, Китай,—Чжунъ-Го... Но какъ скоро создалась

въ воображеніи эта картина, такъ же скоро она и исчезла и предъ мной была жалкая дѣйствительность: грязная черная юрта какого-то нищаго или караульнаго; около нея кучи сору и рывшіяся въ нихъ собаки; на противоположной сторонѣ тянулся рядъ домиковъ или мазанокъ съ глухими стѣнами, т.-е. безъ оконъ, и бревенчатымъ частоколомъ между ними. Въ одномъ мѣстѣ стоитъ отдѣльно глиняный домикъ китайскаго караульнаго и возлѣ него покрытыя оригинальной крышей ворота, ведущія въ Май-ма-чэнъ. Къ нимъ и я направился въ сопровожденіи одного изъ китайцевъ, своихъ новыхъ знакомыхъ, который встрѣтился со мною дорогой.

„Наша Май-ма-чэнъ пасаматали буду? Наша ни хылошанки. (Нашъ Май-ма-чэнъ хочешь посмотрѣть. Нашъ нехорошъ).

— А мнѣ люди поговори было, шибко хылошанки, ломалъ я свой языкъ на кяхтинскій манеръ, чтобъ спутникъ могъ понимать меня.

— Э! Ниту, ниту! Ваша хылоса.

Я вошелъ въ ворота, изъ нихъ повернулъ въ улицу и остановился, пораженный неожиданностью и новизною обстановки... Мнѣ показалось, что въ эту минуту я былъ перенесенъ въ какой-то совершенно другой міръ,—въ такой степени все въ немъ было не похоже на то, что̀ я видѣлъ до сихъ поръ въ Европѣ. Каждый предметъ былъ своеобразенъ и новъ для меня: узенькая улица и въ глубинѣ ея башня съ крестообразными воротами въ ея основаніи; крыши и фасады домовъ, открытыя двери, чрезъ которыя видны дворы съ цвѣтами, птицами въ клѣткахъ и висячими у входовъ красивыми надписями,—все здѣсь новое, самобытное, невиданное. И сами люди тутъ только, среди своей обстановки, явились для меня настоящими китайцами... Очарованный иду дальше; провожатый мой объясняетъ мнѣ, и я кой-что понимаю изъ его объясненій. Онъ указалъ на домъ мѣстнаго начальника (цзаргуци) или цзаргучея, какъ его называютъ тамъ русскіе. Это былъ собственно входъ въ его домъ, а послѣдній совершенно скрытъ въ глубинѣ дворовъ; у воротъ его стояли солдаты въ формѣ. Потомъ мы прошли къ храму, и когда вступили на его дворъ, у меня просто голова закружилась отъ массы новыхъ впечатлѣній; я растерялся посреди тысячи своеобразныхъ формъ, предметовъ и красокъ. Вошли внутрь храма— и его обстановка поразила меня еще болѣе своей оригинальностью, своими страшилищами идолами, вычурными фонарями,

запахомъ тлѣвшихъ жертвенныхъ свѣчъ и царствовавшимъ въ глубинѣ мракомъ, гдѣ помѣщалась главная статуя Кунъ-Фу-Цзы, окруженнаго маленькими идолами. Я сразу почувствовалъ все безсиліе языка передъ этимъ хаосомъ невиданныхъ предметовъ и формъ. Нужны бумага и краски, сказалъ я себѣ, ибо только рисунокъ можетъ живо передать то, что видитъ здѣсь глазъ; слово можетъ только пояснить его, добавить то, что не видно глазу, какъ, напримѣръ, этотъ тихій мелодичный звонъ колокольчиковъ, висящихъ подъ углами крышъ и колеблемыхъ вѣтромъ.

Я и не стану описывать подробностей храма, потому что не хочу исписать много бумаги только для того, чтобъ наскучить читателю. Я возвратился домой и приготовился, чтобъ завтра придти сюда рисовать; сегодня же всѣ отправились съ оффиціальнымъ визитомъ къ цзаргучею.—Этотъ визитъ былъ также полонъ для меня интереса и пропустить его мнѣ никакъ не хотѣлось. Пріѣхали. И опять какая разница въ обстановкѣ и обычаяхъ, напримѣръ въ сравненіи съ нашимъ пограничнымъ коммиссаромъ, которому цзаргучей вполнѣ соотвѣтствуетъ по своему положенію. Какая скромность и простота у насъ и какая торжественность у китайцевъ: на первомъ дворѣ насъ встрѣчаетъ стража; на второй дворъ, окруженный низенькими постройками съ галлереей вокругъ,выходитъ въ сопровожденіи свиты изъ нѣсколькихъ человѣкъ цзаргучей—встрѣтитъ насъ... Коммиссаръ представилъ ему всѣхъ по очереди и перенявшій нѣкоторые европейскіе обычаи мандаринъ подавалъ каждому изъ насъ руку, но дѣлалъ это такъ, какъ архіерей, раздающій направо и налѣво благословеніе, и пригласилъ войти въ комнаты. Тутъ глаза опять разбѣжались по сторонамъ; хотѣлось все увидать и удержать въ памяти, но впечатлѣнія смѣнялись и перепутывались; изъ первой комнаты, гдѣ я замѣтилъ только жаровню и стоявшій мѣдный чайникъ съ горячей водой, мы перешли въ пріемную. Она раздѣлена на три части перегородками со стеклами; въ комнатѣ полусвѣтъ и прохлада; на стѣнахъ висятъ надписи, подъ потолкомъ фонари; у одной стѣны каменное возвышеніе или лежанка (*канъ*—по китайски), покрытое циновками; посреди комнаты круглый столъ и около него съ трехъ сторонъ узенькія деревянныя скамейки, покрытыя краснымъ сукномъ. На столѣ стоитъ круглая лакированная коробка съ нѣсколькими отдѣленіями, въ которыхъ насыпаны разныя конфекты. Мы усѣлись всѣ вокругъ стола, на которомъ тотчасъ поставили чашки

съ горячимъ чаемъ и начали бесѣду обычными привѣтствіями, освѣдомленіями о здоровьѣ, о томъ, давно ли мы сюда пріѣхали, куда ѣдемъ, и проч.; потомъ перешли къ дѣлу, т.-е. нашему дальнѣйшему движенію черезъ Монголію въ Пекинъ. Нужно было дать знать впередъ о заготовленіи для нашего проѣзда лошадей и верблюдовъ, о выставленіи юртъ и о томъ, чтобы вообще сдѣлать наше слѣдованіе по возможности удобнымъ и безопаснымъ. Первый разъ въ жизни мнѣ пришлось говорить черезъ переводчика, и я почувствовалъ всю непріятность подобной бесѣды: говорить можетъ только одинъ; переводчикъ не всегда понимаетъ мысль, часто выбираетъ не ту форму выраженій, говоритъ не тѣмъ тономъ, какимъ вы сами сказали бы,—а отъ этого часто зависитъ все. Пока другіе говорили я разсматривалъ мандарина. Онъ сидѣлъ въ конической соломенной шляпѣ, покрытой красной волосяной кистью, съ синимъ шарикомъ на верху; китайскій этикетъ запрещаетъ хозяину оставаться предъ гостями безъ шляпы, точно такъ, какъ и гости сдѣлали бы большую неделикатность, если бы сняли свои; мы также сидѣли поэтому съ покрытыми головами. Коммиссаръ, наконецъ, предложилъ ему снять шляпу; цзаргучей согласился, но прежде попросилъ насъ снять свои; затѣмъ уже отдалъ приказаніе одному изъ стоявшихъ позади его офицеровъ. Тотъ приблизился, и осторожно, точно дорогую вазу, двумя руками снялъ шляпу съ его головы и также бережно положилъ ее на назначенное для нея мѣсто. Цзаргучей былъ человѣкъ лѣтъ сорока, серьезный на видъ: говорилъ бойко, плавно и энергично, даже какъ бы съ нѣкоторымъ оттѣнкомъ строгости. Когда къ нему обращались съ рѣчью на русскомъ языкѣ, онъ все время смотрѣлъ на говорящаго, какъ бы внимательно слушалъ его и дѣлая видъ, будто понимаетъ его слова; и только по окончаніи рѣчи обращался къ переводчику, желая узнать сказанное. Точно также и, отвѣчая на вопросъ, онъ обращался къ собесѣднику, а не къ переводчику; послѣдній долженъ былъ слушать его и передавать. Это была китайская учтивость, впрочемъ вполнѣ понятная, и этикетъ требовалъ того же и съ нашей стороны; но Сосновскій никакъ не могъ справиться съ этимъ,—онъ весь разговоръ держалъ съ переводчикомъ, отвернувшись отъ хозяина, что̀ дѣйствительно было очень не ловко. Мандаринъ видимо чувствовалъ себя въ непріятномъ положеніи и старался сдѣлать его незамѣтнымъ, угощая насъ въ это время то тѣмъ, то другимъ. Когда переговорили о дѣлѣ,

онъ обратился ко мнѣ со словами, что очень радъ видѣть у себя доктора, что посѣщенію доктора каждый радъ, и началъ жаловаться на свое нездоровье, прося помочь ему. Я попросилъ его пойти со мною въ особую комнату, гдѣ бы мнѣ удобно было осмотрѣть его, и мы удалились въ его крошечную спальню, которую почти всю занимала кровать, завѣшенная голубыми шелковыми занавѣсками.

При осмотрѣ присутствовали нѣсколько человѣкъ изъ его свиты, которые, казалось мнѣ, побаивались нѣсколько, какъ бы я чего не сдѣлалъ надъ нимъ. Я далъ совѣтъ и запретилъ куреніе опіума. Онъ отвѣчалъ, что и такъ не куритъ. „Тѣмъ и лучше“, отвѣтилъ я, хотя и предполагалъ, что онъ отъ того и страдалъ. Возвратившись въ пріемную, я попросилъ позволеніе осмотрѣть его домъ, на что онъ тотчасъ согласился и приказалъ одному изъ офицеровъ проводить меня. Обойдя лабиринтъ крошечныхъ двориковъ, проходовъ, корридоровъ, пройдя чрезъ кухню и опять очутившись на дворѣ, я рѣшительно потерялся и вынесъ самое смутное представленіе о видѣнномъ мною. Съ одного изъ дворовъ я выходилъ на крышу дома, откуда можно было окинуть однимъ взглядомъ весь городъ, который представлялъ цѣлую сѣть соединенныхъ другъ съ другомъ гладкихъ и чистенькихъ крышъ, сдѣланныхъ изъ глины съ рубленой соломой. По этимъ крышамъ можно было обойти всю половину города, такъ какъ сообщенія не было только черезъ главную улицу, отдѣлявшую другую половину. Въ 1869 году Май-май-чэнъ, какъ и Кяхта, сильно пострадалъ отъ пожара, но слѣдовъ послѣдняго незамѣтно, хотя, говорятъ, прежде этотъ городокъ былъ красивѣе и значительно больше, чѣмъ теперь.

На слѣдующій день утромъ цзаргучей прислалъ сказать, что желаетъ быть у насъ съ визитомъ и проситъ увѣдомить можемъ ли мы его принять. Онъ пріѣхалъ въ телѣгѣ, запряженной муломъ, но на улицѣ, у воротъ нашего дома мула выпрягли, а телѣгу съ мандариномъ солдаты его конвоя на себѣ провезли рысью черезъ дворъ и, подвезя къ самому крыльцу, высадили его подъ руки, какъ архіерея. Свита изъ четырехъ маленькихъ мандариновъ сопровождала его, когда онъ входилъ въ домъ. Онъ пробылъ у насъ съ часъ. Ему показывали кой какія вещи, болѣе интересовавшія его, угощали шампанскимъ и въ заключеніе я нарисовалъ себѣ въ альбомъ его портретъ, для котораго онъ позировалъ весьма охотно. Только разговоръ у насъ не клеился.

Кяхтинцы старались познакомить насъ со всѣми сторонами китайскаго быта, и такъ какъ они сами большіе охотники обѣдать у китайцевъ, то они устроили для насъ обѣдъ у одного купца, который явился приглашать насъ. Такъ какъ я еще буду имѣть случай говорить о китайскомъ обѣдѣ, то теперь не стану описывать его, а скажу только что я не только не нашелъ китайскихъ кушаній такими отвратительными, какъ о нихъ привыкли думать по невѣрнымъ разсказамъ нѣкоторыхъ путешественниковъ, а многія, напротивъ, показались мнѣ очень вкусными, такъ что я совершенно успокоился на счетъ своего пропитанія въ Китаѣ. Вотъ любителю крѣпкихъ напитковъ и винъ здѣсь совсѣмъ плохо: и страшная бѣдность въ выборѣ, и все плохаго качества. Еще не дуренъ подогрѣтый спиртъ съ запахомъ розъ, подаваемый за обѣдомъ въ крошечныхъ чашечкахъ.

Принимавшіе насъ Китайцы были чрезвычайно любезны, милы и просто до нѣжности внимательны; хозяинъ ни за что не хотѣлъ сѣсть за столъ и все время хлопоталъ и угощалъ, какъ и всѣ его приказчики, прислуживавшіе за столомъ. Они не давали ни минуты отдыха, все упрашивая попробовать то того, то другаго. Одинъ, особенно ухаживавшій за мной, хорошенькій мальчикъ лѣтъ семнадцати, все уговаривалъ меня, чтобъ я „покушалэ полевъ палюха,“—т. е. „брюха борова“, увѣряя, что это кушанье „шипака хылоса“.

Послѣ обѣда, обильнаго и многосложнаго, я, какъ и всѣ другіе, не чувствовалъ даже ни малѣйшей тяжести въ желудкѣ, хотя перепробовалъ положительно всѣ кушанья, а ихъ было нѣсколько десятковъ.

Приглашенія то того, то другаго изъ любезныхъ кяхтинцевъ сильно мѣшали предаться какому нибудь занятію, и какъ ни хорошо и привольно жилось намъ въ Кяхтѣ, я сталъ скучать отъ праздности и мнѣ хотѣлось поскорѣе уѣхать. Дѣла въ Кяхтѣ по разнымъ торговымъ вопросамъ было, конечно, очень много, и интереснаго, и важнаго, но оно, все равно, не дѣлалось. То вечеръ здѣсь, то прогулка въ городскомъ саду, то обѣдъ тамъ,—и дни проходили не замѣтно, не принося никакого результата. Я едва успѣлъ сдѣлать два небольшихъ рисунка—Май-май-чэнской кумирни и пограничной полосы земли съ частью Кяхты съ одной стороны и Май-май-чэна — съ другой. Сосновскій, какъ потомъ оказалось, послалъ отсюда въ Петербургъ одно фальшивое донесеніе.

Отправившись въ Май-Май-чэнъ на работу, я, помня о нелюбви китайцевъ показывать свою жизнь иностранцамъ, шелъ не смѣло, часто спрашивалъ, можно ли пройти въ эти ворота, чрезъ этотъ проходъ, и былъ весьма удивленъ, что „тута висадѣ ходи мошана“, какъ объявляли мнѣ китайцы. Отчего же, думалось мнѣ, китайцевъ считаютъ такими скрытными? Должно быть, это здѣсь только они стали такими откровенными, вслѣдствіе знакомства съ русскими и довѣрія къ нимъ, а тамъ, у себя, дальше, они вѣрно, такими не будутъ,—пожалуй никуда не пустятъ, ничего не покажутъ, не только что дозволятъ срисовывать. Но тутъ мнѣ никто не мѣшалъ, нигдѣ не останавливали и не спрашивали, что̀ и зачѣмъ я дѣлаю. Около меня собиралось до десятка и больше человѣкъ; они разсматривали мой складной стулъ, о которомъ довели до свѣдѣнія цзаргучея, и тотъ прислалъ ко мнѣ своего мастера снять копію; они весьма интересовались работой и наперерывъ расхваливали ее и даже меня самого: „Шипака мастелана! Пелыфа солата! Тута бисъ ума подѣла нилися; тибѣ ума мыного. Така люди, какъ ту, мало; така люди лѣдаки“ (очень мастерски, первый сортъ; этого безъ ума сдѣлать нельзя, у тебя ума много; такіе люди, какъ ты, рѣдки).

Насколько они были фальшивы или искренны въ своихъ похвалахъ, кто ихъ знаетъ; но меня радовало то, что я подмѣтилъ въ нихъ неподдѣльную любовь къ рисованію и надѣялся, что оно окажетъ мнѣ большія услуги для сближенія съ людьми всѣхъ слоевъ общества.

Предоставляя Сосновскому трактовать „о значеніи кяхтинской торговли“, я упомяну только о томъ, что здѣшнее купечество вручило начальнику экспедиціи на ея нужды 3000 руб. золотомъ и отпустило образцовъ разныхъ товаровъ рублей на тысячу слишкомъ для того, чтобъ мы могли познакомить китайцевъ съ нашими издѣліями и узнали, что имъ требуется, что понравится особенно, и что не пойдетъ. Тутъ были сукна, бумажныя матеріи, кожи, сафьянъ и проч. Кромѣ того, они снабдили насъ на дорогу разными съѣстными припасами, винами, конфектами и проч.

Мы, наконецъ, стали собираться уѣзжать изъ Кяхты: запасы, между которыми главное мѣсто занимали сухари изъ чернаго хлѣба, были сдѣланы; экипажи готовы, вещи уложены, и только на двѣнадцатый день мы собрались въ путь. Насъ пріѣхали проводить нѣкоторые изъ знакомыхъ; пообѣдавъ вмѣстѣ, мы заѣхали

6399
Лен. Гос. Научная библиотека им. Горького

въ домъ коммиссара, который съ семействомъ также отправлялся съ нами на первую монгольскую станцію Гиланъ-Норъ.

Наконецъ все готово; мы уѣзжаемъ за русскую границу... Разнородныя мысли и чувства наполняютъ душу человѣка, когда онъ отправляется надолго въ чужую страну. Каждый человѣкъ тогда, каждый предметъ родины получаетъ особенный, какъ будто новый видъ и значеніе, какихъ они прежде не имѣли. Что особеннаго, напримѣръ, въ обыкновенныхъ почтовыхъ повозкахъ, на которыя въ послѣдній разъ уложили нашъ багажъ, чтобъ отвезти его уже не на русскую землю и передать не русскимъ ямщикамъ; а я долго и задумчиво смотрѣлъ имъ вслѣдъ, когда онѣ уѣзжали впередъ, вдаль, къ тѣмъ синимъ горамъ, за которыми лежали неизвѣстныя намъ чужія земли; долго и чутко прислушивался я къ знакомымъ звукамъ русскихъ колокольчиковъ, къ крикамъ и свисту ямщиковъ, на которыхъ я тоже смотрѣлъ теперь не такъ, какъ всегда. Прежде онъ былъ просто ямщикъ, теперь онъ былъ русскій ямщикъ, съ русской посадкой и ухваткой, на немъ была шляпа съ русскимъ гербомъ; по-русски онъ кричалъ и посвистывалъ на лошадей; а я самъ какъ будто сталъ иностранцемъ, и смотрѣлъ на него, и какъ будто изучалъ его особенности.

Уѣхали всѣ повозки съ транспортомъ и три китайскихъ телѣги, а за ними и мы, размѣстившись по разнымъ экипажамъ провожавшихъ насъ соотечественниковъ.

Скоро Кяхта и Май-май-чэнъ остались позади, а предъ нами протянулась просторная монгольская степь, вся зеленая лишь съ разбѣгавшимися по ней въ разныхъ направленіяхъ красноватыми песчаными дорожками; на горизонтѣ, въ юго-восточной части, поднимались синія зубчатыя горы, а надъ ними нависли тяжелыя тучи, почти такія же синія какъ и оттѣненныя ими горы. Тамъ шелъ проливной дождь; но намъ, повидимому, онъ не угрожалъ, потому что тучи шли медленно и въ другомъ направленіи; однако мы ошиблись; туча неожиданно быстро надвинулась надъ нашими головами; мы стали погонять лошадей, чтобы до дождя доѣхать до юртъ,—не тутъ-то было: страшный ливень вдругъ промчался надъ нами и въ нѣсколько минутъ промочилъ насквозь наше платье; особенно досталось дамамъ, которыя въ виду прекрасной погоды не запаслись лишними одѣяніями. Подъ этимъ ливнемъ мы прискакали къ юртамъ. Сухаго не было ничего и мы прозябнувъ, принуждены были достать хоть палатку, чтобъ по-

крыться ею. Дождь еще продолжалъ лить на землю, но теперь мы сидѣли подъ защитой и у насъ шелъ разговоръ, раздавался веселый смѣхъ надъ своимъ положеніемъ и юрта, освѣщенная не очагомъ, а стеариновыми свѣчами и наполненная людьми, представляла новую и интересную картину. Въ дверяхъ толпились монголы и монголки, разсматривавшіе насъ съ любопытствомъ и нѣкоторымъ страхомъ. Когда дождь пересталъ, мы выбрались на открытый воздухъ; возлѣ юрты поставили двѣ палатки и въ одной приготовили столъ съ закусками и винами; всѣ гуляли, любуясь степью, и еще ѣли и пили, желали намъ здоровья и успѣховъ, и наконецъ въ сумеркахъ мы разстались. Провожавшіе насъ возвратились въ свои дома, въ Троицкосавскъ и Кяхту, а мы остались ночевать здѣсь, въ палаткахъ и юртахъ, чтобъ на слѣдующій день продолжать путь далѣе за синѣвшія вдали горы, въ монгольскій городъ Ургу.

Ночь была ясная и тихая, но свѣжая: взошла на половину освѣщенная луна; развели костеръ, и онъ освѣтилъ весь лагерь красноватымъ свѣтомъ. Монголы привезли телѣги подъ багажъ, запряженныя отчасти быками, отчасти лошадьми, такъ какъ верблюдовъ здѣсь не было. Постели были приготовлены и мы скоро улеглись спать. Но я долго разсматривалъ юрту, въ которой проводилъ ночь въ первый разъ въ жизни, и нашелъ это жилище, состоящее изъ легкаго деревяннаго остова, покрываемаго войлокомъ, не только сноснымъ, но даже въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ пріятнымъ; только не надо быть очень требовательнымъ на счетъ чистоты и не обращать вниманія на разныхъ насѣкомыхъ, обитающихъ въ естественномъ полу юрты, т. е. голой землѣ. Теперь требовалось надолго отказаться отъ удобствъ городской жизни.

ГЛАВА II.

ЧЕРЕЗЪ МОНГОЛІЮ.

Монгольская ѣзда въ телѣгахъ.—Переправа черезъ р. Ире-Голъ.—Станціи.—Пріемъ и встрѣчи на нихъ монгольскими чиновниками.—Перевалъ черезъ горы.—Домашній обиходъ монголовъ.—Обо.—Пріѣздъ въ Ургу.—Русское консульство.—Осмотръ города.—Лагерь китайскаго гарнизона.—Китайскіе солдаты.—Лѣтній дворецъ Хутукты.—Посѣщеніе города ночью.—Русскіе купцы въ Ургѣ.—Отъѣздъ.—Постепенный переходъ къ пустынѣ.—Пикетъ Сайръ-Усу.—Картины безплодной пустыни.—Первое знакомство со „степными законами".—Пикетъ Толи и Ламскій монастырь.—Замѣчательный человѣкъ.—Пустыня Гоби.—Верблюды и ихъ страданія.—Безсонная ночь.—Постепенное оживленіе страны.—Конецъ степи и ночлегъ въ китайской гостинницѣ Норъ-Дянь.—Древняя Великая Стѣна.—Величественная картина.—Спускъ съ горъ на китайскую равнину.—Пріѣздъ въ г. Калганъ.

Перенесите ваши мысли, читатель, къ отдаленной Кяхтѣ и названному монгольскому кочевью Гиланъ-Норъ и если у васъ хватитъ терпѣнія, не разлучайтесь со мной до возвращенія на русскую границу въ другомъ мѣстѣ, далеко отсюда. Взгляните на карту. Мы проѣдемъ восточную Монголію чрезъ Ургу, вступимъ у города Калгана за Великую Стѣну въ собственный Китай, посѣтимъ его столицу, нѣсколько южнѣе ея, въ городѣ Тянь-Цзинь, сядемъ на пароходъ, на которомъ выйдемъ въ Великій Океанъ и изъ него войдемъ въ устье громаднаго Янъ-Цзы. По этой рѣкѣ проникнемъ внутрь Китая, проплывемъ долгое время въ лодкѣ по одному изъ ея притоковъ; потомъ пройдемъ чрезъ западныя провинціи Шень-Си и Гань-Су, пересѣчемъ пустыню Гоби и, переваливъ чрезъ горный хребетъ Тянь-Шань, вступимъ въ новыя степи и пустыни, по которымъ доберемся до нашей границы у Зайсанскаго Поста.

Монголія, которую намъ предстоитъ проѣхать на большомъ пространствѣ, есть подвластная Китаю страна, имѣющая своими

сосѣдями съ сѣвера Сибирь, съ востока Манчжурію, на югѣ — собственно Китай и на западѣ Туркестанскій край. Въ общихъ чертахъ она представляетъ громадныхъ размѣровъ нагорье, т. е. страну значительно возвышенную надъ уровнемъ моря и довольно ровную, но въ ней есть и впадины и невысокія горы; она бѣдна водою и растительностью, особенно въ своей южной части, гдѣ носитъ названіе Пустыни, Гоби по-монгольски и Ша-Мо по-китайски. Населеніе ея повсюду ведетъ кочевую жизнь, за исключеніемъ немногихъ пунктовъ осѣдлости, по преимуществу около буддійскихъ монастырей. Эти осѣдлые монголы живутъ въ маленькихъ домикахъ или мазанкахъ, а бродячіе въ войлочныхъ кибиткахъ (урто) или юртахъ. Питаются они мясомъ и молокомъ, получаемыми отъ своихъ стадъ. Другія пищевыя вещества, какъ напримѣръ разнаго рода хлѣбъ (вообще составляющій рѣдкость) и другія необходимыя вещи, какъ одежду и утварь, они получаютъ по преимуществу отъ китайцевъ; сами же они производятъ почти исключительно войлоки и сѣдла. Отъ прежнихъ воинственныхъ и когда-то странныхъ монголовъ не осталось ничего, кромѣ преданій; теперь они представляютъ совершенно мирный, добродушный и до извѣстной степени забитый народъ.

Итакъ, начнемъ разсказъ о нашемъ странствованіи въ предѣлахъ Китайской Имперіи, продолжавшемся годъ и три мѣсяца.

13 іюля 1874 года.

Утро было прекрасное; и чай, на коврѣ, разостланномъ на травѣ подъ открытымъ голубымъ небомъ, подъ пѣсни жаворонковъ, подъ говоръ собравшихся монголовъ, былъ весьма поэтиченъ. Кругомъ черноглазые, загорѣлые монголы и монголята съ кривыми прищуренными глазами и широкими скулами то сидятъ на корточкахъ, то лежатъ на животахъ, на травѣ и глазѣютъ на насъ, слѣдя за каждымъ движеніемъ руки. Мы не торопились уѣзжать, потому что транспортъ на быкахъ будетъ двигаться медленно и мы легко могли нагнать его, а потому продолжали лежать на коврѣ, бесѣдуя о предстоявшемъ намъ пути. Наконецъ собрались уѣзжать. Трое сѣли въ двухколесныя китайскія телѣги, изъ которыхъ одна, казенная, была дана комиссаромъ, а двѣ другія одинъ изъ май-мачэнскихъ купцовъ просилъ насъ довести до Калгана съ тѣмъ чтобы мы пользовались ими въ дорогѣ. Ихъ называютъ въ Кяхтѣ „лежанками“, потому что самое удоб-

ное положеніе, какое можно принять въ нихъ, есть лежачее, пожалуй, полусидячее. Устройство китайскихъ телѣгъ и монгольская запряжка лошадей настолько оригинальны, что ихъ стоитъ описать подробно. Телѣги, какъ я сказалъ, имѣютъ два большихъ колеса съ зубчатыми шинами и съ бо́льшимъ количествомъ спицъ, чѣмъ у нашихъ. Они укрѣплены на оси, которая въ комфортабельныхъ телѣгахъ выносится назадъ, такъ что кузовъ сидитъ впереди ея, на двухъ довольно толстыхъ дрожинахъ, прямо переходящихъ въ оглобли. Отъ этого телѣга дѣлается менѣе тряскою. Предоставленная самой себѣ, она немедленно падаетъ на оглобли и можетъ стоять въ горизонтальномъ положеніи только при помощи трехугольной подставки, находящейся подъ каждой телѣгой и на ходу подвязываемой. Телѣга имѣетъ будку настолько длинную, что человѣкъ можетъ свободно лежать въ ней, вытянувшись во всю длину, а ширина дозволяетъ помѣститься двоимъ, но вдвоемъ и лежать и сидѣть уже тѣсно. Входомъ въ будку служитъ обыкновенно переднее отверстіе, а въ болѣе усовершенствованныхъ телѣгахъ дѣлается открывающаяся дверь сбоку. Запряжки у монголовъ собственно не существуетъ никакой, ибо монгольскія лошади, кромѣ уздечки и сѣдла, ничего другаго не знаютъ даже тогда, когда везутъ телѣгу. Это дѣлается при помощи особой поперечной жерди, толщиною въ руку, которая прикрѣпляется къ концамъ оглобель крѣпкими веревками или ремнями, такъ что она виситъ на нихъ въ поперечномъ къ оглоблямъ направленіи, примѣрно на полторы четверти ниже оглобель. Когда желаютъ отправиться въ путь, два человѣка берутъ телѣгу за оглобли и нѣсколько приподнимаютъ; два другихъ поднимаютъ надъ оглоблями упомянутую поперечную жердь, такъ что теперь уже оглобли висятъ на ней. Два всадника заѣзжаютъ съ боковъ и заставляютъ своихъ лошадей подойти головами подъ концы приподнятой поперечины, что̀ не всегда сразу удается, потому что лошадь иногда ни за что не хочетъ подойти подъ палку, или иногда и хочетъ, да не можетъ побороть, повидимому, одолѣвающаго ее страха. Но какъ только она подойдетъ, всадникъ кладетъ себѣ конецъ поперечины на бедра, ухватываетъ одной рукой ремень, привязанный къ ея концу; то же дѣлаетъ другой и затѣмъ они одновременно пускаютъ лошадей, которыя являются двигающими машинами, а люди, такъ сказать, столбами или крючьями, за которые телѣга прицѣплена; потому что поперечина лежитъ на ихъ бедрахъ и при движеніи давитъ на послѣднія и на нижнюю

часть живота. Лошадей пускаютъ или галопомъ или рысью и телѣга идетъ довольно плавно, но лишь до тѣхъ поръ, пока лошади не пойдутъ согласнымъ галопомъ или рысью съ одной ноги; какъ только это случается, телѣга начинаетъ ритмически подпрыгивать оглоблями вверхъ, что производитъ весьма непріятную качку; а какъ только онѣ собьются, такъ опять движеніе дѣлается плавнѣе; самое лучшее, поэтому, если одна лошадь идетъ галопомъ, а другая—рысью. Но лучше ли это для несчастныхъ возницъ, не знаю, потому что я, къ сожалѣнію, не попробовалъ насколько легко, или, вѣрнѣе, какъ должно быть тяжело исполнять эту незавидную роль живого гужа. Когда случится, что лошадь, испугавшись, бросится въ сторону и всаднику не удастся удержать ее подъ поперечиной, она выскакиваетъ вмѣстѣ съ нимъ въ сторону, при чемъ поперечина падаетъ внизъ, выскакивая въ то же мгновеніе изъ сѣдла другаго и телѣга мгновенно останавливается, воткнувшись оглоблями въ землю; она, разумѣется, получаетъ толчокъ, и тѣмъ болѣе сильный, чѣмъ быстрѣе передъ этимъ двигалась, такъ что иногда сидящій въ телѣгѣ выскакиваетъ при этомъ вонъ, впередъ.

Каждую телѣгу обыкновенно везутъ два всадника, а въ трудныхъ мѣстахъ присоединяются еще два, четыре или болѣе, смотря по надобности, и они или помогаютъ тащить экипажъ впередъ, напримѣръ, при подъемѣ на гору, или, наоборотъ, задерживаютъ его, тормозятъ, при спускахъ. Для этого, а также и для смѣны людей, въ дорогу отправляется всегда большее или меньшее число запасныхъ всадниковъ и лошадей. Понятно, какъ тягостна должна быть работа для людей при описанномъ способѣ ѣзды; понятно также, что и лошади при ней устаютъ гораздо скорѣе, потому что на ихъ спину, кромѣ тяжести сидящихъ на нихъ, давитъ еще телѣга, своимъ постояннымъ стремленіемъ упасть оглоблями внизъ. Вотъ почему при нашихъ трехъ телѣгахъ составлялась большая кавалькада монголовъ, а иногда и ихъ дамъ, которыя также ѣздятъ верхомъ и также везутъ телѣгу на своихъ ногахъ и животахъ.

Весь нашъ поѣздъ, тронувшійся со станціи Гиланъ-Норъ, состоялъ человѣкъ изъ двадцати монголовъ, двухъ монголокъ, лѣтъ двадцати, съ довольно красивыми и пріятными лицами, изъ пятерыхъ всадниковъ русскихъ и двухъ чиновниковъ, китайскаго и монгольскаго, сопровождавшихъ насъ по заведенному обычаю. Кромѣ того, имѣлось до пятнадцати запасныхъ лошадей. Для

полноты описанія этой оригинальной и живописной группы должно упомянуть о наружности и костюмахъ монголъ и монголокъ. Эти смуглые скуластые люди, съ узенькими, косо-прорѣзанными глазами и прекрасными зубами, одѣты большею частью бѣдно и грязно; костюмы мужчинъ и женщинъ очень похожи между собою и состоятъ изъ шароваръ и халата съ косымъ воротомъ, часто изъ матерій яркихъ цвѣтовъ, перетянутаго кушакомъ, на которомъ вѣшаютъ приборъ съ ножомъ, ложкой и палочками, да кисетъ съ табакомъ и трубкой,—все китайской работы. На ногахъ кожаные сапоги, а на головахъ шляпы съ отвороченными полями, разрѣзанными назади, гдѣ къ шляпѣ прикрѣпляются обыкновенно двѣ ленты краснаго или голубаго цвѣта съ поларшина длины. Шляпы эти сидятъ на затылкѣ и удерживаются завязками подъ подбородкомъ. Мужчины, какъ китайскіе подданные, брѣютъ голову оставляя на затылкѣ косу; женщины заплетаютъ свои волосы въ двѣ косы, которыя носятъ спереди по плечамъ или за спиной.

Дорога отъ Гиланъ-Нора идетъ по равнинѣ и поѣздъ нашъ ѣхалъ все время рысью или галопомъ. Сначала на довольно большомъ разстояніи тянутся сосновые и березовые лѣса, которые потомъ постепенно рѣдѣютъ; появляются песчаные холмы, отдѣльно возвышающіеся надъ гладкою степью, и посреди ея расположена станція Ибицыкъ, т.-е. стоятъ всего двѣ юрты и около нихъ толпятся монголы съ приготовленными для смѣны лошадьми.

Когда мы подъѣхали, на встрѣчу вышли два монгола, одѣтые нѣсколько чище другихъ; они привѣтствовали насъ реверансами и пригласили войти въ юрту, гдѣ былъ приготовленъ чай. Оттого, что я давно не ѣздилъ помногу верхомъ, оттого, что не имѣлъ привычки къ монгольскому сѣдлу, маленькому, жесткому и съ короткими стременами, я послѣ этого переѣзда, въ двадцать семь верстъ, почувствовалъ порядочную усталость, особенно въ колѣнахъ, и радъ былъ сойти съ лошади и походить въ ожиданіи, пока подойдетъ нашъ транспортъ, который мы обогнали дорогой. На досугѣ я хотѣлъ-было набросать портретъ сопровождавшей насъ красивой монголки, на она замѣтила это и стала кокетничать: подъѣдетъ довольно близко, остановится и позволяетъ на себя смотрѣть, сколько угодно и сама смотритъ на меня, но какъ только я поднесу къ бумагѣ карандашъ, такъ она ударитъ нагайкой по лошади и ускачетъ за версту. Подъѣхала другая и остановилась неподалеку. Я сталъ-было рисовать ее, но

первая подскакала, хлопнула нагайкой по ея лошади и, поѣхавъ съ нею рядомъ, стала что-то говорить ей; онѣ смѣялись, оборачивались, снова подъѣзжали, останавливались, дѣлали какіе-то знаки руками и опять обманывали; однако, несмотря на всѣ эти эволюціи, портретъ одной удалось набросать. Вскорѣ привели верблюдовъ, которые должны были везти дальше нашъ транспортъ, и эти „корабли пустыни“ отвлекли мое вниманіе отъ кокетокъ-монголокъ. Меня мучила жажда, и я вошелъ въ юрту выпить чаю; и, хотя мѣдный чайникъ и деревянныя чашки были весьма сомнительной чистоты, хотя чай былъ кирпичный съ молокомъ, неизвѣстно какимъ, я напился имъ съ жадностью... Да, жажда не разбираетъ формы чашекъ, рисунка на нихъ, не разбираетъ даже чистоты посуды,—ей нужна жидкость, и больше ничего... Потомъ, не знаю отчего на меня напалъ такой непреодолимый сонъ, что я засыпалъ стоя; но какъ заснуть, когда кругомъ было столько интересныхъ по своей новизнѣ предметовъ, какъ типы новаго народа, его передвижные дома, верблюды, и новая страна съ ея природой. Я боялся что-нибудь проглядѣть, упустить, но нельзя однимъ глазами воспринять и узнать много; являлась потребность въ языкѣ, въ переводчикѣ. А переводчикъ у насъ одинъ; онъ занятъ разными распоряженіями по части движенія, и если удастся найти минуту свободную, то черезъ минуту его опять отзываютъ по другому дѣлу. Нечего дѣлать, приходилось сожалѣть и довольствоваться только тѣмъ, что видѣли глаза.

Пришелъ транспортъ; вещи переложили съ телѣгъ на спины верблюдовъ и мы отправились дальше. Эту станцію я ѣду въ „лежанкѣ“. Въ нее должно садиться прежде, чѣмъ заложатъ лошадей, т.-е. прежде, чѣмъ подъѣдутъ всадники и примутъ отъ помогающихъ поперечную жердь на свои сѣдла, когда оглобли телѣги еще упираются въ землю своими передними концами. А чтобы сѣсть въ этотъ экипажъ, нужно войти въ оглобли, просунуть въ телѣгу сначала голову, потомъ на колѣнахъ проползти вглубь ея и тамъ принять положеніе, какое вамъ угодно; можно лечь, какъ въ кровати, или сѣсть, но не иначе какъ по-турецки, т.-е. поджавши ноги, потому что вы находитесь на ровномъ днѣ телѣги, не имѣющемъ никакого сидѣнья, никакого углубленія, куда бы можно было ноги опустить. Сѣсть, свѣсивши ноги, можно только въ самомъ отверстіи въ телѣгу, но это не безопасно, потому что при толчкѣ можно выскочить вонъ и, кромѣ того, лошадямъ тогда гораздо тяжелѣе везти. Дно въ телѣгѣ сдѣлано

изъ досокъ и его покрываютъ чѣмъ-нибудь мягкимъ; такъ у меня лежали: матрацъ, полушубокъ, кожаный плащъ и теплое военное пальто,—сидѣть и лежать, значитъ, было не жестко; въ головахъ, кромѣ того, лежала подушка. Будка обита внутри толстой бумажной матеріей синяго цвѣта; съ боковъ сдѣланы большіе карманы, въ которыхъ я помѣстилъ кой-какія книги, тетрадь для записокъ и рисовальныя принадлежности; а спереди, у входа въ телѣгу, находятся стеганыя, подбитыя ватой занавѣски, которыя, въ случаѣ дождя или вѣтра, могутъ быть плотно закрыты. Но если бы ихъ оказалось недостаточно, можно еще поверхъ ихъ опустить толстый стеганый фартукъ, имѣющійся при телѣгѣ и обыкновенно скатанный въ трубку и подвязанный надъ входомъ. Снаружи будка покрыта войлокомъ и циновкой, образующею спереди выступъ въ видѣ козырька, дающаго тѣнь; а благодаря блестящей циновкѣ, отражающей солнечные лучи, и войлоку, какъ извѣстно, плохому проводнику тепла, внутри телѣги никогда не бываетъ жарко, какъ бы ни жгло солнце; такъ, напримѣръ, при 37 градусахъ жара на дворѣ, въ телѣгѣ было только 20° Р.

Читатель видитъ изъ этого, что обстановка была довольно комфортабельна. Мѣстность на этомъ переѣздѣ представляла частые гигантскіе холмы, одѣтые на вершинахъ березовыми лѣсами, глубокія долины и котловины, и по нимъ то шла дорога. Нашъ поѣздъ, пестрѣвшій яркими цвѣтами монгольскихъ одеждъ, очень оживлялъ картину, а монгольская запряжка, во многихъ отношеніяхъ неудобная, представляется глазу зрителя чрезвычайно граціозной, напоминая отчасти ѣзду древнихъ римлянъ на ристалищахъ. Пока дорога была гладка, телѣга шла довольно покойно; я уставалъ только отъ непривычнаго сидѣнія на турецкій ладъ; но потомъ, когда на дорогѣ стали чаще и чаще попадаться камни, когда монголы помчали телѣгу прямо по степи, не разбирая ничего, тряска сдѣлалась до того невыносимой, что я велѣлъ имъ остановиться, взялъ у одного ѣхавшаго рядомъ монгола лошадь и сѣлъ на нее, а его посадилъ на свое мѣсто; однако неудобное сѣдло и, главное, короткія стремена, на какихъ обыкновенно ѣздятъ монголы, скоро заставили меня пересѣсть обратно въ телѣгу. Попробовалъ читать, но книга такъ плясала въ рукахъ, что о чтеніи и думать было нечего, и мнѣ ничего не оставалось, какъ глазѣть и даже не по сторонамъ, а только на то, что̀ было передо мною, потому что въ стороны изъ телѣги ничего не видно. Передо мною же на первомъ планѣ были возницы на коняхъ; и

я смотрѣлъ на этихъ добродушныхъ обитателей степей, бѣдныхъ, грязныхъ, неразвитыхъ и ничего не знающихъ, кромѣ своей степи. Вспоминались мнѣ ихъ дикіе и страшные предки, когда-то наводившіе ужасъ на Европу; заглядывалъ я въ будущее этихъ полудикихъ кочевниковъ, и думалъ, что вѣроятно и къ нимъ, рано или поздно, проникнетъ цивилизація... Но будутъ ли они тогда счастливѣе, спрашивалъ я самъ себя, счастливѣе, чѣмъ теперь, съ своими ограниченными потребностями, многими лишеніями, но за то почти безграничной свободой.

Наконецъ подъѣзжаемъ къ берегу рѣки Ирё-голъ, притока Орхона, впадающаго въ свою очередь въ Селенгу. Тутъ находится третья станція, называемая по имени рѣки. Рѣка Ирё-голъ имѣетъ въ этомъ мѣстѣ значительную ширину, но она не глубока, теченіе же ея чрезвычайно быстро. Намъ предстояла переправа черезъ нее. Но на чемъ? Неужели на этомъ поплавкѣ, состоящемъ всего изъ трехъ выдолбленныхъ бревенъ, скрѣпленныхъ въ трехъ мѣстахъ прибитыми къ нимъ планками? Должно быть, на немъ, потому что нигдѣ больше не видно ни людей, никакихъ иныхъ судовъ. Скоро вслѣдъ за нами подошли къ берегу верблюды съ нашимъ багажомъ; его сняли съ нихъ, сложили на берегу, и когда всѣ собрались, приступили къ переправѣ. Прежде всего стали устанавливать телѣгу. Два монгола, въ костюмахъ акробатовъ, только не въ трико, а въ собственной кожѣ, и босые вошли въ воду и, поставивъ свой поплавокъ,—я не придумаю другаго названія этому невиданному снаряду для судоходства,—однимъ концомъ къ берегу, удерживали его въ такомъ положеніи, пока другіе надвигали на него телѣгу оглоблями впередъ; она легла на бревна своимъ дномъ, свѣсивъ колеса до половины въ воду. Ее еще подвинули впередъ настолько, что позади ея могъ помѣститься другой перевозчикъ, и отплыли.

Сердитая рѣка плескалась около этого поплавка и обдавала его водой. Голые монголы стали на концахъ своего оригинальнаго судна, взяли въ руки длинные шесты и направились противъ теченія, дѣйствуя своими шестами, которыми они упирались въ дно. Они работали ими съ изумительнымъ проворствомъ и ловкостью, не поддаваясь теченію, старавшемуся унести ихъ внизъ. Они держались своими босыми ногами на мокрыхъ бревнахъ съ такой силой и твердостью, какъ будто ихъ ноги были привинчены къ нимъ. Имъ часто приходилось перемѣнять позы, переносить шесты то на ту, то на другую сторону, быстро пе-

рестaвлять ноги съ одного бревна на другое, и они исполняли это не глядя, такъ же спокойно, какъ будто они дѣйствовали на просторной палубѣ.... Мнѣ не разъ становилось за нихъ страшно: одинъ невѣрный шагъ, нога соскользнетъ и онъ полетитъ въ воду; но они, видимо, были увѣрены, что этотъ невѣрный шагъ для нихъ невозможенъ, потому что даже и тѣни страха не выражалось на ихъ лицахъ; въ движеніяхъ не было ни малѣйшей торопливости. Они такъ боролись съ бѣшеной водой, какъ будто играли на лугу и только воображали себѣ, что переплываютъ черезъ бурную рѣку. Несмотря однако на любовь монголовъ погорланить, тутъ вовсе не было слышно криковъ; лишь изрѣдка говорилось то однимъ, то другимъ слово команды, и поплавокъ не плылъ—летѣлъ, по крайней мѣрѣ такъ казалось оттого, что летѣла вода мимо него.

„Ну и молодцы же эти монголишки“! сказалъ одинъ изъ казаковъ, слѣдя за ними глазами.

Поднявшись на довольно большое разстояніе по рѣкѣ вверхъ, „монголишки“ повернули свой „корабль“ и стремительно помчались внизъ по теченію, направляя его къ противоположному берегу, и пристали къ тому мѣсту, гдѣ стояли люди, телѣги, быки и лошади, ожидавшіе тамъ, чтобы везти насъ дальше. Поставивъ на берегъ телѣгу, они переплыли назадъ и такимъ же манеромъ перевезли двѣ другія телѣги, потомъ насъ всѣхъ и багажъ въ нѣсколько пріемовъ. Меня такъ заинтересовала эта переправа, что я совершилъ нѣсколько рейсовъ туда и обратно, такъ, ради прогулки, и не переставалъ удивляться желѣзнымъ силамъ и просто обезьяньей ловкости этихъ людей.

Переправа и укладка багажа на новыя телѣги продолжались почти до вечера, такъ что уже было поздно отправляться въ дальнѣйшій путь, и мы заночевали тутъ на берегу. Разложили костеръ, поужинали и въ ожиданіи, пока вскипитъ вода для чаю, заставили монголъ пѣть свои пѣсни, на что они не сразу согласились, но мы не потеряли бы нисколько, еслибы они и совсѣмъ отказались. Ихъ пѣніе я могу сравнить, не въ обиду имъ будь сказано, съ нестройнымъ воемъ собакъ или завываніями вѣтра. Какъ профанъ въ музыкѣ, я не могъ уловить въ ихъ пѣсняхъ никакого мотива, и мнѣ казалось, что они всегда импровизировали, просто переходя отъ низкихъ нотъ къ высокимъ и наоборотъ; но музыкантъ, можетъ быть, нашелъ бы и мелодію, и смыслъ въ пѣсняхъ монголовъ... Потомъ двое изъ нашихъ каза-

ковъ спѣли нѣсколько своихъ пѣсенъ, и какое же сравненіе можетъ быть между тѣми и другими. Монголы слушали внимательно, съ дѣтскимъ изумленіемъ и улыбками на лицахъ. Хотѣлось бы знать понравились ли имъ наши казацкія пѣсни. Пожалуй, тоже нѣтъ, ибо музыка—вещь условная.

Мы улеглись спать, кто подъ открытымъ небомъ, кто въ палаткѣ, а казаковъ съ транспортомъ отправили впередъ. Наступила ночь и все затихло кругомъ; только шумѣла рѣка: трещалъ изрѣдка костеръ, да взвизгивали изъ-за чего-то неладившія между собою лошади. Мы спали въ степи совершенно спокойно, безъ малѣйшаго опасенія не только за свою жизнь, но даже за сохранность нашихъ вещей, такъ какъ хорошая слава, пріобрѣтенная здѣшними монголами, была для насъ лучшей охраной; а оставаясь въ своемъ кружкѣ, мы подчасъ совсѣмъ забывали, что мы ужь не въ Россіи.

14 іюля, воскресенье.

Такъ какъ мы не торопились уѣзжать, давая транспорту уйти подальше, а утро было превосходное, мѣсто на берегу широкой Ирё-голъ привольное, то мы провели здѣсь еще часа два. Боярскій пробовалъ фотографировать, но никакъ не могъ добиться неподвижнаго стоянія монголовъ и ихъ лошадей, долженствовавшихъ принять участіе въ картинѣ лагеря; по этому поводу было много крику, но весьма мало толку: неимѣющимъ понятія о фотографіи монголамъ никакъ не могли втолковать, чего отъ нихъ хотятъ. Объясняютъ имъ, разсказываютъ, поощряютъ къ спокойному сидѣнью собственнымъ примѣромъ; усадятъ всѣхъ.—„Ну, сидите же смирно, смирно, не шевелясь“, говоритъ переводчикъ.—Сайнъ-байна! (Ладно), киваютъ утвердительно головой, повидимому, уразумѣвшіе монголы. Сидятъ. Фотографъ приготовилъ стекло, открылъ камеру и считаетъ моменты дѣйствія свѣта. Вдругъ кто-нибудь изъ позирующихъ встаетъ и съ дѣтскимъ простодушіемъ идетъ посмотрѣть въ объективъ, что тамъ происходитъ... Общее смятеніе, крикъ, брань однихъ, взрывы негодованія другихъ. Опять „снова здорово“;—и такъ разъ пять пробовали снять телѣгу съ всадниками и группу монголъ; но такъ и бросили, по крайней мѣрѣ ничто хорошо не вышло.—„Не робѣйте, господа, говорю своимъ спутникамъ, у насъ карандашъ и краски есть; отъ нихъ они не отвертятся“. Наконецъ собрались и уѣхали. Я опять сѣлъ въ телѣгу и жалѣлъ, что изъ нея не-

льзя было видѣть всего кругомъ себя, такъ какъ она приспособлена китайцами отнюдь не для созерцанія природы, а для мертваго сна, какъ извѣстно, очень сокращающаго время въ дорогѣ; для китайцевъ же это время еще длиннѣе, потому что они обыкновенно ѣздятъ тихо или даже совсѣмъ шагомъ, на однихъ и тѣхъ же лошадяхъ, безъ перемѣны.

Когда я читалъ описанія природы Монголіи, у меня, оказывается, создавалось довольно вѣрное представленіе о ней, только здѣсь все носитъ на себѣ печать величія, въ буквальномъ смыслѣ слова. Гигантскіе округленные холмы, одѣтые травой; величественныя линіи котловинъ, которыхъ не охватить однимъ взглядомъ,—все тутъ такъ громадно, что мнѣ, не испытавшему нигдѣ въ другихъ мѣстахъ подобныхъ зрительныхъ ощущеній, казалось, что я попалъ въ страну, гдѣ непремѣнно должны жить только великаны, которые ѣздятъ непремѣнно на громадныхъ лошадяхъ: до такой степени чувствуешь здѣсь себя маленькимъ и незамѣтный посреди громадныхъ пустынныхъ пространствъ. А какая въ самомъ дѣлѣ пустота кругомъ! Только нашъ поѣздъ и оживляетъ ее; но какой миніатюрной группой кажется онъ мнѣ, когда я, отставъ отъ другихъ, смотрю на него издали;—букашки, кажется, ползутъ, а не люди съ лошадьми и экипажами ѣдутъ. Жизнь хотя и кипитъ въ этихъ обширныхъ волнистыхъ степяхъ, но она замѣтна только, когда станешь смотрѣть себѣ подъ ноги: въ травѣ скрываются міріады кузнечиковъ, взлетающихъ съ трескомъ изъподъ ногъ лошадей; мѣстами вьются цѣлые рои бабочекъ, все больше одного сорта, темно-бурыя, почти черныя (сатиры), да копошатся другія насѣкомыя;—вотъ и все живое, что̀ замѣтитъ здѣсь путникъ, быстро проѣзжающій въ телѣгѣ или верхомъ. А мы ѣхали сегодня быстрѣе обыкновеннаго. Монголы вообще имѣютъ беззаботный, веселый нравъ, и сегодня они принялись забавляться тѣмъ, что безпрестано обгоняли другъ друга. Обыкновенно они рѣдко ѣдутъ молча,—все время болтаютъ о чемъ-нибудь; но тутъ, задумавъ обогнать ѣдущую впереди телѣгу, они притихнутъ: лица ихъ сдѣлаются серьезными, словно они хитрятъ съ непріятелемъ; они пригнутся къ лошадямъ, которыя, кажется, также принимаютъ участіе въ ихъ продѣлкѣ, и начинаютъ понемногу прибавлять ходу, еще, еще и потомъ вдругъ ударятъ по лошадямъ и съ криками помчатся въ объѣздъ, точно на полѣ сраженія или на маневрахъ. Вы только держитесь. Обгоняемые догадались, всполошились, кричатъ, гонятъ своихъ лошадей, но

ужъ поздно,—другая телѣга съ торжествомъ вынеслась впередъ, и на всѣхъ лицахъ, въ позахъ и крикахъ обогнавшихъ выражается одно—побѣда! И сколько хохоту, сколько удовольствія, какая искренняя радость сіяетъ на лицахъ побѣдителей!.. Дѣти, совершенныя дѣти, эти вольные, полуголодные и полуодѣтые добряки. Не знаютъ они той гнетущей тоски, которую—увы! цивилизація несетъ всюду за собою...

Опять ѣдемъ спокойно, ровно, но довольно скоро. Лѣсовъ, какіе попадались раньше, сегодня не встрѣчалось вовсе; земля покрыта хорошею травой, изъ которой мѣстами торчатъ голые камни; заросла травой и дорога; впрочемъ, монголы вообще не любятъ держаться ея; для нихъ дорога вездѣ, гдѣ есть подъ ногами земля; они не разбираютъ ни кустовъ, ни камней, ни ямокъ,—черезъ все несутся съ одинаковою небрежностью; и только въ несокрушимой китайской телѣгѣ на двухъ колесахъ возможно ѣздить подобнымъ образомъ.

Съ приближеніемъ къ станціи Хойтунъ или Куйтунъ открылась великолѣпная широкая и гладкая долина между горами, покрытая зеленой травой и кустарникомъ караганы. На этой станціи монголами намъ былъ поданъ чай съ молокомъ, но вовсе не соленый, и я нашелъ его очень пріятнымъ напиткомъ; подали также такъ называемый „урюмъ“,—или жирныя пѣнки, собранныя съ кипяченаго молока и особое кислое питье „áйрикъ“,—нѣчто въ родѣ кумыса, но гораздо кислѣе его; онъ хорошо утоляетъ жажду и никакого вреднаго дѣйствія, даже на непривычный желудокъ, не производитъ. Только все, подаваемое монголами, надо пить и ѣсть не при очень яркомъ освѣщеніи, и не всматриваясь; иначе, пожалуй, ничто въ горло не пойдетъ,—до такой степени все у нихъ грязно. Но при ихъ обстановкѣ иначе и быть не можетъ.

На каждой станціи мы платили по кирпичу чаю и по три серебряныхъ рубля съ каждаго пассажира, причемъ казаки не брались въ разсчетъ, итого по 15 рублей. Такая плата, какъ намъ объяснили въ Кяхтѣ, установлена обычаемъ, и на предыдущихъ станціяхъ монголы были совершенно довольны ею; а здѣсь почему-то просили прибавки; но ихъ просьбы не уважили, потому что не было никакого основанія дать имъ больше чѣмъ другимъ.

Въ четыре часа пополудни отправились дальше. Я поѣхалъ верхомъ. Лошадка моя была небольшаго роста, какъ вообще монгольскія лошади (которыхъ англичане называютъ даже не

иначе какъ пони); но быстрая и неудержимо рвавшаяся впередъ. Я сначала сдерживалъ ея пылъ, заставляя идти рысью, но потомъ мои руки устали тянуть поводья, и я далъ ей волю. Въ ту жъ минуту, буквально какъ пущенная съ тетивы стрѣла, вылетѣла она впередъ и понеслась по равнинѣ. Съ легкостью птицы взлетала она по гигантскимъ склонамъ на вершины холмовъ и съ тою же быстротой неслась потомъ въ долину и все такъ легко, какъ будто я не сидѣлъ на лошади, а самъ имѣлъ крылья и переносился на нихъ съ холма на холмъ.

Я спустился въ долину, по дну которой извивался зигзагами ручей, образуя болотистыя мѣста, по которымъ бродили сѣрые журавли; а на склонахъ горъ паслись многочисленныя стада барановъ, особой породы, бѣлаго цвѣта съ черными головами. Наступалъ вечеръ; въ небѣ пѣлъ знакомый пѣвецъ—жаворонокъ и пѣсня его какъ будто неслась изъ тѣхъ родныхъ полей, гдѣ я впервые услыхалъ ее, гдѣ привыкъ ее слышать потомъ. И сердце заныло; и жаль мнѣ стало покинутыхъ полей.

Скоро и почти незамѣтно прибыли мы на пятую станцію Урмуктуй. Монгольскій чиновникъ, встрѣтившій и принимавшій насъ здѣсь, сталъ разспрашивать о здоровьѣ нашего Государя, о генералѣ Игнатьевѣ, проѣзжавшемъ здѣсь въ 1860 году, и о Деспотъ-Зеновичѣ, о которомъ онъ слышалъ, когда бывалъ въ Кяхтѣ. Хотя этотъ монголъ считался, какъ говорилъ переводчикъ, довольно важнымъ лицомъ по своему положенію, тѣмъ не менѣе, когда ему подарили кусокъ плису и два шерстяныхъ платка, онъ, приподнявъ подарокъ надъ своею головой, поклонился передъ нами въ землю.

Было уже поздно, когда мы собирались ѣхать дальше. И хотя я и Матусовскій не совѣтовали пускаться въ дорогу, тѣмъ болѣе, что намъ во всякомъ случаѣ пришлось бы дожидаться транспорта, мы все-таки отправились и проѣхали станцію въ потьмахъ, о чемъ нельзя не сожалѣть, когда проѣзжаешь по новымъ мѣстамъ. Несмотря на жаркій день, ночь была очень прохладная,—явленіе здѣсь обыкновенное и зависящее отъ высокаго положенія этой мѣстности надъ уровнемъ моря. Когда мы были уже на ночлегѣ, пошелъ дождь, подъ шумъ котораго всегда хорошо спится; но, послѣ ѣзды верхомъ въ продолженіе цѣлаго дня, боль въ мускулахъ ногъ была очень сильна и чувствовалась большая общая усталость. Дома, пожалуй, ужь считалъ бы себя больнымъ

и день-другой пролежалъ бы въ постели, а здѣсь лѣченіе другое,—завтра опять на коней и я зналъ, что чрезъ нѣсколько дней все пройдетъ.

15 іюля.

Сѣренькій день. Небо затянуто тучами; дождь не то идетъ, не то нѣтъ, не разберешь: и мочитъ кажется, и не мочитъ. Сегодня намъ предстоитъ перевалъ черезъ горы. Дорога почти отъ самой станціи стала подниматься, извиваясь по такъ-называемому Хараголскому ущелью. По мѣрѣ поднятія, у дороги стали появляться лѣса, глинистая почва смѣнилась черноземомъ; растительность стала замѣтно разнообразнѣе и въ густой травѣ появилось множество знакомыхъ цвѣтовъ, часто встрѣчающихся и на нашихъ лугахъ. Дождь усилился и порядочно смочилъ землю; дорога изъ гладкой становилась неровной, заваленной крупными кусками гранита и лошади съ трудомъ тащили телѣги, несмотря на то, что теперь помогали многіе всадники. Крикъ по этому поводу былъ страшный. Мою телѣгу везли сначала четыре всадника,—два обычныхъ и два другихъ, которые помогали, ухватившись одной рукой за ремни, прикрѣпленные къ концамъ поперечной жерди. Потомъ, когда надо было подняться на еще болѣе крутой склонъ, лошадямъ дали отдохнуть и къ оглоблямъ привязали длинные ремни; къ нимъ—другую поперечную жердь и два новыхъ всадника положили послѣднюю къ себѣ на сѣдла и потащили. Такимъ образомъ одну телѣгу везли шесть всадниковъ, которые всѣ, по случаю дождя, были одѣты въ особые широкіе плащи или бурнусы съ башлыками изъ шерстяной матеріи разныхъ оттѣнковъ краснаго цвѣта.

Въ этомъ трудномъ мѣстѣ дороги мы нагнали нашъ транспортъ, шедшій на быкахъ, и жаль было смотрѣть на нихъ бѣдныхъ,—такъ они устали, такъ трудно имъ было карабкаться по камнямъ въ гору на своихъ неспособныхъ ногахъ. Дорога была узка, и мои возницы, чтобъ объѣхать обозъ, свернули въ сторону и поѣхали по сухому руслу, по которому весною и во время сильныхъ дождей несутся горные ручьи воды. Оно было чрезвычайно извилисто, изрыто и завалено гранитными обломками, иногда до аршина вышины; но это ни мало не смущало монголовъ. Телѣгу страшно качало вправо и влѣво; будка ея скрипѣла и трещала; меня бросало изъ стороны въ сторону, и я заботился только о томъ, чтобъ не удариться обо что-нибудь головой. Наконецъ подъемъ

кончился; монголы остановились, чтобъ дать лошадямъ отдохнуть, и я вышелъ изъ телѣги. Къ сожалѣнію густой туманъ зарывалъ совершенно даже не очень отдаленные предметы; а видъ отсюда долженъ быть великолѣпный... Стали спускаться,и спускъ былъ гораздо страшнѣе поднятія въ гору:—по какимъ только рытвинамъ, ручьямъ и рвамъ не пробирались мы; иногда, заѣхавъ въ какую-нибудь яму, и люди, и лошади становились въ тупикъ, и стояли, соображая, какъ изъ нея выбраться. Только зная свойство телѣги тотчасъ ткнуться оглоблями въ землю и остановиться, на какой бы покатости она ни стояла, я не боялся за цѣлость своихъ костей и только съ любопытствомъ слѣдилъ за монголами, которые разрѣшали разныя трудныя задачи,—куда теперь направлять телѣгу. Но они обыкновенно недолго размышляли, благополучно выходили изъ повидимому безвыходнаго положенія, снова попадали въ такое же, опять выбивались и, наконецъ, добравшись до гладкой покатости, спускавшейся въ долину, понеслись по ней маршъ-маршемъ, и, не измѣняя хода, скоро доскакали до слѣдующей станціи Баинъ-Голъ, гдѣ насъ встрѣтилъ, въ качествѣ хозяина, толстякъ-монголъ, важный на видъ, съ многоэтажной шеей, богатый человѣкъ и генералъ китайской службы, какъ объяснили намъ. Эта служба, впрочемъ, состояла лишь въ томъ, чтобы въ извѣстные сроки являться ко двору для поднесенія кому слѣдуетъ подарковъ и полученія такихъ же въ свою очередь. На немъ была форменная шляпа съ краснымъ шарикомъ и чистый, свѣтло-сѣрый халатъ. Послѣ обыкновеннаго монгольскаго привѣтствія „амрханъ сайнъ байна“! онъ сказалъ намъ по-русски „здравствуй“!Онъ также бывалъ въ Кяхтѣ, и зналъ нѣсколько русскихъ словъ: здраствуй, прощайте, нѣту, хорошо и проч. Юрта, въ которую онъ велъ насъ,была покрыта кругомъ новыми войлоками; въ срединѣ стоялъ круглый таганъ, наполненный курившимся навозомъ, и тяжелый дымъ наполнялъ всю юрту въ такой степени, что въ ней нельзя было ни смотрѣть, ни свободно дышать. Хотя этотъ разведенный огонь и служилъ выраженіемъ особенно любезнаго вниманія къ намъ хозяина, тѣмъ не менѣе мы тотчасъ попросили убрать его, сказавъ, что намъ не холодно, что мы къ холоду привыкли и огня не любимъ... Я старался объяснить ему черезъ переводчика, что отъ этого дыма у нихъ такъ часто болятъ глаза, что надо бы устраивать печь съ трубой, куда бы уходилъ дымъ, но онъ, кажется, ничего не понялъ, по крайней мѣрѣ ничего не отвѣтилъ на мои

слова и тупо смотрѣлъ то на меня, то въ пространство. Не знаю отчего не понялъ.

Чувствуя сильное утомленіе, я протянулся на войлокѣ, на который ложился теперь смѣло: а еще недавно эти войлоки казались мнѣ настолько отвратительными, мнѣ такъ много говорили о живущихъ въ нихъ паразитахъ самаго непріятнаго сорта, что я даже избѣгалъ садиться на нихъ...„Ла, усталость и привычка дѣлаютъ свое дѣло. Вотъ,еслибы сразу перенести европейца изъ его чистой комнаты въ монгольскую юрту, онъ бы не рѣшился ни прилечь въ ней, ни съѣсть, ни выпить что-либо изъ туземной посуды. Столовъ у монголовъ вовсе нѣтъ, стульевъ тоже, и люди сидятъ на войлокахъ, положенныхъ прямо на землю; иногда встрѣчаются небольшія скамеечки, служащія столами, но не часто; обыкновенно чашки ставятся прямо на земь, гдѣ рядомъ лежитъ сухой навозъ, или землю покрываютъ вокругъ войлоками. Соблюденіе чистоты при подобной обстановкѣ, если бы и хотѣлъ, невозможно; только-что нальешь, напримѣръ чашку чаю, какъ черезъ минуту поверхность его покрывается пылью; взглянешь на ложку, и на ней непремѣнно увидишь нѣсколько приставшихъ къ ней волосковъ неизвѣстно откуда. И мы сами постепенно стали вовсе неразборчивы; наше кушанье, напримѣръ вареная баранина, везлась въ дорогѣ просто въ корзинѣ; соль подавалась въ мѣшечкѣ; хлѣбъ въ видѣ сухарей—также въ мѣшкѣ; тѣмъ не менѣе мы ѣли все съ удовольствіемъ.

На этой станціи намъ долго пришлось ожидать транспорта; наконецъ онъ пришелъ, и переводчикъ нашъ ужасно раскричался на толстяка генерала за его будто бы нераспорядительность, хотя я не могъ понять, въ чемъ послѣдняя заключалась, почему онъ былъ виноватъ, что транспортъ запоздалъ: скорѣе мы сами были виноваты тѣмъ, что слишкомъ скоро ѣхали; вѣдь транспорты нигдѣ и никогда рысью не идутъ. Мнѣ было непріятно и совѣстно предъ старикомъ, который видимо пользовался между монголами уваженіемъ, и вдругъ его такъ отдѣлали въ присутствіи всѣхъ. Я потомъ шепнулъ переводчику, что не хорошо намъ, „просвѣщеннымъ европейцамъ“, такъ обращаться съ туземцами, но онъ сталъ увѣрять меня, что „съ ними иначе нельзя, что ужъ онъ ихъ знаетъ; монголы—все-равно,что его родные братья“, и такъ далѣе. Я болѣе не возражалъ, но внутренно не соглашался съ тѣмъ,чтобъ нужно было обходиться съ ними „по-братски“.

Подъ дождемъ отправились мы далѣе и уже поздно, такъ что ночь застала насъ въ дорогѣ. Генералъ сопровождалъ насъ до слѣдующей станціи. Сначала мы ѣхали всѣ вмѣстѣ, т.-е. всѣ были въ виду другъ у друга, а потомъ разбились; и гдѣ кто находился, и по какой мѣстности мы ѣхали, я не зналъ, потому что стало совершенно темно; подъ копытами лошадей шлепала вода, почва была мягка, какъ-будто болотистая, но ноги лошадей не вязли. Со мной ѣхалъ одинъ монголъ, присутствіе котораго совершенно успокоивало меня,—я зналъ, что мы найдемъ юрту; но онъ ѣхалъ слишкомъ смѣлой рысью, а я опасался нечаяннаго паденія моей лошади. Долго ѣхали мы въ потемкахъ; вдругъ намъ послышался отдаленный лай собакъ, передъ глазами неожиданно явилась какая-то юрта, словно изъ земли выросшая, около нея въ оградѣ находилось стадо барановъ. Собаки примчались издали и съ отчаяннымъ лаемъ напали на насъ. Изъ юрты вышелъ человѣкъ, съ которымъ мой проводникъ обмѣнялся нѣсколькими словами, и потомъ, махнувъ мнѣ рукой, помчался въ сторону. Я понялъ, что онъ спрашивалъ, гдѣ для насъ выставлены юрты, и, буквально ничего не видя, пустилъ поводья своей лошади, предоставивъ ей догонять ускакавшаго впередъ вожака. Минутъ черезъ десять мы пріѣхали на станцію, а черезъ часъ, ушедшій на ужинъ и чай, я укладывался спать но въ юртѣ, а въ телѣгѣ, которая превратилась теперь въ оригинальную маленькую спальную, освѣщенную огаркомъ стеариновой свѣчи, поставленнымъ на полочку, придѣланную въ задкѣ телѣги. Закрывъ занавѣсками входъ, я былъ совершенно защищенъ отъ сердитаго вѣтра и продолжавшаго идти дождя, и, несмотря на ненастье, посреди безграничной степи, чувствовалъ себя совсѣмъ какъ дома, читая въ постели книгу. Просто сонъ на яву, думалось мнѣ иногда.

16 іюля.

Ѣду верхомъ; рядомъ со мной переводчикъ Андреевскій, который долго жилъ среди монголъ, и я сталъ разспрашивать его, какъ очевидца, объ образѣ ихъ жизни. Онъ сообщилъ, что монголы умываются не каждый день, а женщины будто бы никогда не моются; рубашку мѣняютъ, приблизительно, разъ въ мѣсяцъ и то только лѣтомъ, а зимой не мѣняютъ вовсе. Главную пищу ихъ составляетъ чай съ молокомъ, *айрикъ* (родъ кумыса), приготовляемый изъ коровьяго молока, *хурутъ*—высушен-

ный и поджаренный творогъ или сыръ; онъ бываетъ кислый или прѣсный, жирный или вовсе не содержащій масла; *урюмъ* или пѣнки съ молока. Изъ растеній сарана — луковичное растеніе, дикій лукъ и другія. Если есть мука, которую они покупаютъ у китайцевъ, они пекутъ изъ нея прѣсныя лепешки; иногда варятъ кашу изъ проса съ молокомъ. Мясо, по преимуществу баранье, ѣдятъ только люди зажиточные; а бѣдные совсѣмъ его не ѣдятъ, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда у нихъ падетъ корова, баранъ, верблюдъ или лошадь; въ такомъ случаѣ монголъ ни за что не допуститъ, чтобъ такое добро пропало, и съѣстъ дохлую скотину. Монголы, какъ извѣстно, ведутъ жизнь кочевую, переходя со своими стадами съ одного мѣста на другое по мѣрѣ того, какъ на данномъ мѣстѣ истребляется кормъ. И разбираніе юрты, перевозка ея на новое мѣсто и постановка здѣсь составляютъ, кажется, единственныя занятія всякаго монгола. Но какъ только юрта опять поставлена, монголъ снова свободенъ съ утра до вечера; и такъ нынѣче, завтра, послѣ завтра, свободенъ всегда, пока снова не явится необходимость перекочевать на новое мѣсто. Бараны и лошади — его деньги, за которыя онъ можетъ получить платье, сѣдло, ножъ, трубку, шляпу, сапоги и нѣкоторые предметы роскоши въ родѣ украшеній,—словомъ все, что̀ ему нужно лично для себя или его семьи; и все это ему продадутъ китайцы. У нихъ же пріобрѣтаетъ онъ и домашнюю утварь, а именно мѣдную и чугунную посуду, деревянный сундукъ, скамейку, ложку и чашку. Жена завѣдуетъ всѣмъ домашнимъ хозяйствомъ: она приготовитъ кумысъ, урюмъ и хурутъ, сваритъ кашу, а главѣ семейства остается ѣсть, ходить праздно вокругъ своей юрты, лежать на солнцѣ или сидѣть задумчиво на корточкахъ, напѣвая, или, лучше сказать, завывая свою безобразную, пискливую пѣсню съ невѣроятными переходами отъ низкихъ нотъ къ самымъ высочайшимъ тонамъ, на какіе, я думалъ, способны только женскія или дѣтскія гортани. Но за то какъ нѣжны и чисты выходятъ у него эти ноты!.. Надоѣстъ монголу сидѣть дома, устанетъ онъ отъ ничего-недѣланія, тогда осѣдлаетъ лошадь и поѣдетъ,—или такъ просто въ степь, въ надеждѣ встрѣтить кого-нибудь, или отправится навѣстить сосѣда, верстъ за двадцать, за тридцать. Встрѣтившись, пріятели поздороваются, сойдутъ съ лошадей, которыхъ бросятъ просто; или привязавъ поводъ къ ногѣ, сядутъ на корточки, закурятъ трубки и, обмѣнявшись впечатлѣніями и новостями, главнымъ образомъ на-

счетъ состоянія своихъ стадъ, или событія, подобнаго нашему проѣзду, и затѣмъ разъѣдутся по домамъ.

Мы миновали станцію Хара-Голъ, гдѣ переправились въ бродъ черезъ рѣчку этого названія; проѣхали еще двѣ станціи, на одной изъ которыхъ была выставлена хорошенькая юрта, обтянутая внизу англійскимъ ситцемъ. Видѣли въ сторонѣ одно соленое озеро, на которомъ находилось много утокъ разныхъ породъ, лебедей и куликовъ.

Ночевать остановились на станціи Куй, гдѣ, кромѣ двухъ юртъ, выставленныхъ для насъ, стояли рядомъ еще другія, въ которыхъ жили кочевавшіе здѣсь монголы; поэтому двери нашихъ юртъ постоянно были закрыты снизу до верху мозаикой изъ физіономій любопытныхъ зрителей, пока ночь не разогнала ихъ по домамъ. Ночь была свѣтлая, лунная, и я пошелъ побродить; прошелъ мимо юртъ и заглянулъ въ нѣкоторыя изъ нихъ, хотѣлъ войти внутрь, но онѣ были до такой степени наполнены дымомъ, что я не могъ открыть глазъ, и сами несчастные монголы щурились и утирали, выступавшія у нихъ слезы. Что за беззаботный и неряшливый народъ, думалось мнѣ... А и то можетъ быть, что устройство печей, напримѣръ, почему нибудь совсѣмъ не удобно для нихъ.

17 іюля.

Съ этой станціи мы пріѣзжали въ Ургу или *Куренъ*, какъ его называютъ монголы, или Да-Куренъ, что̀ значитъ монастырь. Сначала дорога шла по глубокой долинѣ, покрытой вдали хвойнымъ, осиновымъ и березовымъ лѣсомъ; съ лѣвой стороны ее окаймляли горы, также одѣтыя хвойнымъ лѣсомъ; а луга покрыты богатой травой, пестрѣющей множествомъ цвѣтовъ. Вскорѣ потомъ начался подъемъ на вершину гряды горъ по довольно отлогой покатости, такъ что мы добрались до высшей точки безъ особенныхъ трудностей и остановились отдохнуть. Картина, открывающаяся съ этой возвышенной точки, походитъ на взволнованное море съ гигантскими валами; и надъ пустынною землею царила такая же тишина, какъ надъ поверхностью моря, когда смотришь на него съ вершины высокой горы, куда не достигаетъ шумъ его валовъ. На перевалѣ, какъ почти на всѣхъ возвышенныхъ мѣстахъ въ Монголіи, находятся такъ-называемыя *обо* — мало интересныя кучи, состоящія, изъ камней, палокъ, вѣтокъ, костей, разныхъ лоскутковъ, иногда

платковъ съ отпечатанными на нихъ религіозными изображеніями и молитвами. Эти *обо* заключаютъ что-то религіозное въ своемъ основаніи и создаются такимъ образомъ: кто-нибудь первый сложитъ на холмѣ или на горѣ близъ дороги группу камней и потомъ каждый монголъ, проѣзжая мимо, при видѣ ихъ непремѣнно вспомнитъ о божествѣ, по ихъ мнѣнію, обитающемъ здѣсь и броситъ въ кучу нѣсколько новыхъ камней или какой-нибудь другой предметъ, имѣющійся подъ руками, или что-либо изъ своихъ вещей. Такъ съ годами воздвигаются цѣлыя пирамиды набросанныхъ камней и другихъ предметовъ, иногда саженъ до трехъ и болѣе вышины.

Пока я осматривалъ мѣстность, бывшіе со мною монголы, бормоча про себя молитвы, бросали камни въ каждое изъ восьми стоящихъ здѣсь *обо*, и, уходя, каждый изъ нихъ протягивалъ по направленію къ нимъ руку. Монголы убѣждены, что принесеніе подобной жертвы божеству сохраняетъ путниковъ въ дорогѣ отъ несчастій... Вездѣ человѣкъ одинъ и тотъ же; вездѣ онъ, въ своемъ несчастномъ положеніи на землѣ, чувствуетъ потребность задобрить невѣдомое божество, олицетворяемое каждымъ народомъ по-своему, и умилостивить его тѣми или другими жертвами.

Проѣхавъ отъ этого мѣста верстъ пятнадцать, мы, наконецъ, увидали передъ собою городъ, расположенный на обширной плоской долинѣ, окруженной горами. На встрѣчу стали попадаться монголы и монголки, ѣхавшіе верхомъ или въ телѣгахъ, запряженныхъ волами, или пѣшеходы,—все бѣдный, оборванный людъ, съ загорѣлыми лицами, блестѣвшими отъ выжатаго горячимъ солнцемъ жира. Несмотря на палящій зной, многіе ѣхали совсѣмъ безъ шапокъ; на другихъ же былъ смѣшной головной уборъ, сдѣланный изъ длинношерстнаго бараньяго мѣха, выкрашеннаго въ оранжево-желтый цвѣтъ и представляющій нѣчто въ родѣ сіянія. Встрѣчавшіеся относились ко мнѣ равнодушно, изъ чего я заключилъ, что для нихъ человѣкъ въ европейскомъ платьѣ—вещь обыкновенная.

Затѣмъ я вступилъ на площадь, застроенную маленькими одноцвѣтными глиняными домиками, или, лучше сказать, мазанками. Это и есть городъ Урга, въ которомъ только въ одномъ мѣстѣ возвышались блестящія золотыя крыши, причудливыхъ формъ, окруженныя странными фигурами символическаго значенія; неподалеку находилась другая, куполообразная крыша, повидимому—храма, да еще верхушка какъ бы огромной юрты. Множество ма-

ленькихъ флаговъ и воткнутыхъ сосновыхъ вѣтвей, еще зеленыхъ или уже покраснѣвшихъ, украшали эти зданія. Послѣднія были: дворецъ Хутукты,—духовнаго лица, въ которомъ олицетворяется божество; кумирня бога Майдаръ и монгольское ламское училище... Такъ вотъ какова Урга! Какъ ни мало я ожидалъ отъ нея, все-таки ожидалъ бо́льшаго, болѣе представительнаго и интереснаго.

Отставъ далеко отъ своихъ спутниковъ, я одинъ со своими вожаками въѣхалъ въ городъ. Монголы, монголки и китайцы встрѣчались намъ все чаще и чаще; совершенно голыя дѣти изображали разныя сцены амуровъ, только безкрылыхъ, загорѣлыхъ и грязныхъ. Ѣду дальше глухими переулками, потомъ черезъ площадь, заставленную множествомъ лавокъ въ видѣ войлочныхъ будокъ или шалашей, усѣянную людьми во всевозможныхъ одеждахъ и шапкахъ, лошадьми, верблюдами, телѣгами, всадниками, баранами и собаками, и усыпанную соромъ и костями, между которыми попадались и человѣческія. Солнце жжетъ этихъ людей и животныхъ, движущихся и кричащихъ каждый свое и по своему; и, кажется, никому дѣла нѣтъ, до палящаго зноя; его, кажется, и не замѣчаетъ никто, потому что людямъ некогда: они такъ заняты своими будничными интересами и заботами, преимущественно по части купли и продажи; а животныя рады, что имъ дали отдохнуть. Надъ площадью стонъ стоитъ отъ множества голосовъ, сливающихся въ общій базарный гамъ... Когда я шагомъ проѣзжалъ черезъ площадь, лишь немногіе удостоили меня своимъ взглядомъ, въ которомъ выражалось изумленіе и какъ будто насмѣшка.

Вотъ и кончился городъ и мы опять въ степи. Гдѣ же домъ русскаго консульства? хотѣлось мнѣ спросить, но я не умѣлъ и слѣдовалъ молча за провожатыми; я заключилъ, что онъ стоитъ внѣ города, и дѣйствительно увидалъ его вдали. Домъ совершенно русской постройки, двухъэтажный съ флигелями, молодымъ садомъ передъ нимъ и оградой вокругъ всего участка, принадлежащаго консульству. Я галопомъ прискакалъ во дворъ и тутъ былъ встрѣченъ нашимъ секретаремъ Е. В. Падеринымъ, русскими переводчиками монгольскаго языка и живущими здѣсь казаками. Вошли въ домъ, и видъ чистой свѣтлой комнаты, хотя я еще и недавно разстался съ нею, доставилъ мнѣ неожиданно большое наслажденіе: мнѣ пріятно было войти въ нее, а не влѣзать, какъ въ юрту; пріятно, что въ ней можно стоять и ходить, не согнувшись, какъ въ юртѣ; радъ былъ встрѣчѣ съ земляками.

Побесѣдовавъ за чаемъ съ любезнымъ хозяиномъ и приведя себя въ порядокъ, мы отправились съ визитомъ къ консулу Я. П. Шишмареву, весьма любезно принявшему насъ и пригласившему къ себѣ обѣдать каждый день. Онъ совѣтовалъ намъ сдѣлать визиты мѣстнымъ китайскимъ властямъ, и мы на слѣдующій день послали къ Амбаню [1]), узнать, когда онъ можетъ принять насъ, а въ ожиданіи отвѣта поѣхали осматривать городъ; посѣтили дворецъ Хутукты, кумирню Майдаръ. Но внутрь перваго состоящіе при немъ духовные—ламы, ни за что не хотѣли впустить насъ, такъ что намъ удалось лишь взглянуть на первый круглый дворъ, который показался мнѣ заброшеннымъ, бѣдненькимъ циркомъ,—такъ все въ немъ было старо, грязно и ветхо,—да полюбоваться снаружи вызлащенными крышами дворца. Кумирня же, посвященная богу Майдаръ, въ извѣстные часы дня открыта для всѣхъ. При входѣ въ нее находятся четыре колонны съ навѣсомъ, сдѣланныя изъ дерева и разрисованныя пестрымъ оригинальнымъ узоромъ, представляющимъ сочетанія самыхъ яркихъ красокъ; а внутри помѣщается бронзовая статуя главнаго бога, имѣющая, какъ мнѣ казалось, саженъ до восьми вышины и драпированная желтымъ атласомъ [2]). Передъ сидящимъ идоломъ, у его огромныхъ ногъ, стоитъ жертвенникъ, на которомъ находятся подсвѣчники, чашечки съ разными яствами и напитками и стоятъ въ два ряда шестнадцать какихъ-то символическихъ знаковъ въ видѣ кружковъ, напоминающихъ мишени, по какимъ стрѣляютъ изъ пистолетовъ, но раскрашенныхъ розовой и голубой красками. По сторонамъ у жертвенника стоятъ двѣ другія большія человѣческія фигуры изъ бронзы. Въ боковыхъ отдѣленіяхъ, между жертвенникомъ и стѣнами, расположены низенькіе диваны съ грязнѣйшими засаленными подушками и столиками передъ ними; здѣсь засѣдаютъ обыкновенные ламы, бубнятъ и поютъ свои молитвы, а также помѣщаются кресла Хутукты, покрытыя чехломъ. Лама, провожавшій насъ, считалъ насъ недостойными видѣть эту святыню и не хотѣлъ снять чехла, но, получивъ серебряный рубль, позволилъ даже посидѣть въ креслахъ. Въ кумирнѣ вверху устроены хоры, обходящія кругомъ всего

[1]) Нѣчто въ родѣ губернатора.

[2]) Она отлита въ Тибетѣ, привезена сюда по частямъ и здѣсь уже составлена. Зданіе было выстроено надъ нею уже послѣ того, какъ она была готова.

зданія. Отсюда лучше можно видѣть верхнюю часть идола, голова котораго находится все-таки выше зрителя, стоящаго на этой галлереѣ. Вдоль стѣнъ разставлены также изображенія различныхъ боговъ, большихъ и малыхъ, сидящихъ въ креслахъ или на подушкахъ, по-турецки. Есть, между прочимъ, одинъ богъ, изображающій Бѣлаго Царя,—Цаганъ-Дархи. Въ промежуткахъ между большими статуями помѣщаются витрины съ покатымъ дномъ и въ нихъ хранятся, я думаю, цѣлыя тысячи маленькихъ бронзовыхъ идоловъ, разложенныхъ рядами; на стѣнахъ развѣшены рисунки, представляющіе какихъ-то страшныхъ уродовъ; это, говорятъ, ихъ святые. Вотъ вся обстановка кумирни Майдаръ. Во всѣхъ священныхъ зданіяхъ толпятся духовныя особы, откормленныя, блестящія отъ жира, съ гладко выбритыми головами, оплывшими лицами и сонными глазами. Разодѣтые въ красныя и желтыя хламиды, они важно расхаживаютъ безо всякаго дѣла, сонно или надменно поглядывая на всѣхъ, какъ на нѣчто низшее себя, механически бормоча про себя молитвы и перебирая четки [1]). Какое-то смутное, но чрезвычайно тяжелое, отталкивающее впечатлѣніе производили на меня обстановка буддійскихъ храмовъ и ихъ служители—ламы.

Когда мы, осмотрѣвъ кумирню, собрались уходить, въ нее вошелъ какой-то простой монголъ или „черный“ (хара́), какъ ихъ называютъ въ отличіе отъ духовныхъ (лама́); но, должно быть, онъ явился несвоевременно или не имѣлъ на то права, потому что въ ту же минуту получилъ отъ провожавшаго насъ ламы звонкій подзатыльникъ и поспѣшно удалился безо всякихъ возраженій и, повидимому, безо всякаго неудовольствія, какъ будто бы онъ только за этимъ и являлся, словно за благословеніемъ. Это вышло чрезвычайно комично, тѣмъ комичнѣе, что все совершилось моментально, самымъ серьёзнымъ манеромъ и безъ всякихъ разговоровъ. Вслѣдъ затѣмъ въ кумирню ввалилась цѣлая толпа ламъ, по преимуществу мальчишекъ; они разсыпались по всѣмъ направленіямъ и пошли прикладываться лбомъ къ своимъ идоламъ, выбирая тѣхъ, которые были покрупнѣе, и эта проце-

[1]) Они придумали любопытный облегченный способъ молиться богу: въ разныхъ мѣстахъ въ городѣ, подъ навѣсами или въ часовенькахъ на дорогахъ, устраиваются деревянные цилиндры, могущіе вращаться на вертикальныхъ осяхъ. Цилиндры оклеены бумагой, на которой напечатаны молитвы, и достаточно привести этотъ цилиндръ во вращательное движеніе, чтобъ считалось, что всѣ написанныя молитвы прочитаны.

дура совершалась ими безъ всякаго сознанія, даже безъ малѣйшаго внѣшняго благоговѣнія; мальчишки, заглядываясь на насъ, часто даже не попадали въ цѣль и мотали головой въ пустомъ мѣстѣ.

Отсюда мы отправились въ лагерь, гдѣ помѣщается китайскій гарнизонъ, начальникъ котораго, по знакомству съ нашимъ консуломъ, обѣщалъ произвести передъ нами ученіе солдатамъ. Сопровождавшій насъ переводчикъ консульства отправился впередъ, чтобъ предупредить его о нашемъ скоромъ прибытіи.

Пріѣзжаемъ. У воротъ, ведущихъ въ лагерь, стояли, разсыпавшись въ безпорядкѣ, китайскіе солдаты въ новенькихъ широкихъ курткахъ чернаго цвѣта, съ красными или бѣлыми кругами на груди, на которыхъ выбиты синія или черныя буквы, означающія подраздѣленія на отряды и роты; другія части ихъ костюма состояли изъ черныхъ широкихъ шароваръ и башмаковъ, обутыхъ по бѣлымъ холщевымъ чулкамъ; головы были повязаны черными платками на подобіе турецкой чалмы небольшого размѣра. Они встрѣтили насъ съ добродушными улыбками и, пропустивъ въ ворота, послѣдовали за нами. Черезъ нѣсколько шаговъ мы подъѣхали къ другимъ боковымъ воротамъ, за которыми открылся большой чистый дворъ, и въ глубинѣ его стоялъ маленькій и низенькій домикъ начальника, а по бокамъ двора расположены солдатскія казармы. Начальникъ лагеря съ своимъ помощникомъ вышли на крытое крылечко своего дома и стояли въ ожиданіи насъ, пока мы шагомъ проѣзжали довольно длинный дворъ. Не доѣзжая нѣсколькихъ шаговъ, мы сошли съ лошадей и подошли къ нимъ пѣшкомъ; поздоровались по европейскому обычаю за руку и вошли въ комнату, гдѣ тотчасъ явились чай и лакомства, состоявшія изъ русскаго мармелада. Разговоръ былъ труденъ, потому что переводчикъ нашъ опять чистосердечно признавался, что ему по-китайски говорить трудно, и все увѣрялъ, что за то онъ отлично знаетъ монгольскій языкъ; но это „за то“ весьма мало утѣшало меня, а какъ смотрѣли на это другіе, я еще пока не зналъ. Кой-какъ обмѣнявшись немногими словами о направленіи и дальности нашего путешествія, о медленности движенія въ Китаѣ въ сравненіи съ быстрою ѣздою по желѣзнымъ дорогамъ, о которыхъ мандаринъ зналъ по слухамъ, и о небезопасности предстоящаго пути, мы уже почувствовали себя въ затруднительномъ положеніи.—Начальникъ имѣлъ, повидимому, веселый общительный характеръ; его лицо, голосъ и манеры были весьма симпатичны; держалъ онъ себя просто, и говорилъ, что людямъ во-

еннымъ не къ лицу излишнія церемоніи, что меня не мало удивило. Такъ какъ разговоръ не пошелъ на ладъ, то онъ сталъ показывать намъ разныя европейскія вещи, интересныя для него, но вовсе не занимательныя для насъ, напримѣръ, револьверъ, полученный въ подарокъ отъ кого-то изъ русскихъ, часы, бинокль и т. п. Затѣмъ хотѣли приступить къ маневрамъ, но оказалось, что отъ губернатора не было получено на это разрѣшенія, и начальникъ лагеря предложилъ намъ посмотрѣть упражненіе солдатъ въ дѣйствіи холоднымъ оружіемъ и приказалъ дать сигналъ. Мы вышли на крыльцо. Два трубача взошли на стѣну и положивъ на ся парапетъ свои длинныя трубы, обративъ ихъ къ полю, сыграли сигналъ, состоявшій только изъ двухъ протяжныхъ, нѣсколько дрожащихъ нотъ, и повторили его три раза. Солдаты тотчасъ зашевелились и забѣгали, какъ муравьи потревоженной кочки; они бѣжали со всѣхъ сторонъ изъ дверей и закоулковъ и собирались на главномъ дворѣ; каждый держалъ въ рукѣ длинную гибкую пику, украшенную маленькимъ флагомъ какого нибудь яркаго цвѣта, или ружье; другія ружья бо́льшихъ размѣровъ несли на плечахъ два человѣка каждое.—Почти въ одно мгновеніе весь дворъ былъ наполненъ людьми и надъ ними возвышался цѣлый лѣсъ пикъ съ флагами, среди которыхъ развѣвались три огромныхъ шелковыхъ знамени, каждое изъ семи полосъ самыхъ яркихъ цвѣтовъ. Дворъ представлялъ весьма живописное зрѣлище. Трубачи сыграли новый сигналъ, и въ войскѣ произошло движеніе; построеніе измѣнилось и солдаты пошли изъ воротъ лагеря въ поле. Описавъ полукругъ, они вернулись и выстроились на дворѣ шпалерами, по обѣимъ его сторонамъ и полукругомъ передъ нами.

Смутныя чувства и мысли шевелились во мнѣ при видѣ этого чужаго народа, теперь, здѣсь радушно принимающаго насъ, дружелюбно показывающаго, какъ онъ могъ бы насъ уничтожить, и съ которымъ, можетъ быть, придется встрѣтиться, какъ съ врагомъ, идти противъ этихъ самыхъ алебардъ, ножей и ружей, такъ какъ никто не могъ знать, какъ примутъ насъ внутри Китая... Но вотъ забилъ барабанъ и зазвучалъ пронзительно мѣдный тазъ [1]); по этому сигналу изъ рядовъ вышелъ одинъ солдатъ съ алебардой въ рукѣ, сдѣлалъ передъ нами реверансъ, очень напо-

[1]) Его путешественники совершенно невѣрно называютъ *гонгомъ*, очевидно принявъ слово *гэнъ*,—что значитъ стучать въ тазъ ночью для указанія часовъ,—за названіе самаго инструмента. Онъ называется по китайски *Ло*.

мнившій мнѣ наѣздниковъ въ циркахъ, когда они появляются передъ публикой, и тотчасъ началъ свои упражненія, представляя то наступательныя, то оборонительныя дѣйствія своимъ страшнымъ оружіемъ. Послѣднее представляло большой широкій ножъ, имѣющій три зубца на одной и два на другой сторонѣ и насаженный на длинное древко. Солдатъ бѣгалъ, прыгалъ, оборачивался назадъ, вертѣлъ и махалъ оружіемъ, нападалъ, отступалъ, и всѣ движенія его были такъ легки и ловки, словно онъ игралъ имъ или какъ будто передъ нами дѣйствительно былъ акробатъ. Звуки барабана и таза смолкли; солдатъ опять сдѣлалъ реверансъ и возвратился на свое мѣсто. Вслѣдъ за нимъ на сцену явился другой,—косой съ безобразными торчащими впередъ зубами. Онъ держалъ въ каждой рукѣ по длинному ножу. Снова начался частый барабанный бой и зазвучалъ мѣдный тазъ; солдатъ началъ упражненія, дѣйствуя разомъ обоими ножами, которыми онъ размахивалъ около себя, а самъ въ то же время выдѣлывалъ всевозможные повороты и иногда подносилъ ножи такъ близко къ своему туловищу или быстро обводилъ ими вокругъ своей шеи, что на него страшно было смотрѣть; я не разъ подумалъ, что онъ рѣшился зарѣзаться передъ нами или сдѣлаетъ это нечаянно. Но онъ оставался цѣлъ и невредимъ, и мои мысли принимали другое направленіе: ну, не желалъ бы я повстрѣчаться одинъ на одинъ съ этимъ или ему подобнымъ операторомъ, не имѣя въ рукахъ хорошаго револьвера. За этимъ являлись новые солдаты по два человѣка вмѣстѣ; одинъ наступалъ, держа въ рукахъ пику, другой только оборонялся при помощи двухъ длинныхъ палокъ, связанныхъ на концахъ третьей, короткой. Всего намъ показали до десяти различныхъ упражненій и всѣ солдаты были чрезвычайно ловки. Видно, что они не мало времени тратятъ на подобныя упражненія, и мнѣ стало искренно жаль ихъ бѣдныхъ: ну къ чему все это въ наше время, когда существуютъ такія адскія изобрѣтенія, какъ дальнобойныя орудія, митральезы и скорострѣльныя оружья? На что́ пригодно это знаніе, особенно при неумѣніи стрѣлять; а стрѣлять ихъ, надо думать, не учатъ. Да и кто будетъ учить, когда военачальники ихъ сами этому не обучены. На казакахъ, пріѣхавшихъ съ нами, были заряженные бердановскіе штуцера, и начальникъ лагеря, какъ видно большой охотникъ до оружія, выразилъ желаніе посмотрѣть ихъ; ему показали устройство, дальность полета пули и ея дѣйствіе; онъ пришелъ въ восторгъ, причемъ, кажется, понялъ, что противъ десятка такихъ

ружей съ хорошимъ запасомъ патроновъ безполезны всякія ухищренія съ страшными ножами, алебардами и длинными пиками. Но какъ я былъ удивленъ тѣмъ, что онъ,—военный чиновникъ, и, повидимому, любитель оружія,—ружья въ руки взять не умѣлъ; о способѣ наведенія его въ цѣль онъ какъ будто и не слыхивалъ никогда.

Всѣ вошли въ комнату, а я отправился осмотрѣть казармы, кухни и другія подробности лагеря. Всѣ постройки въ немъ сдѣланы изъ кирпича-сырца, съ окнами, заклеенными бумагой, слѣдовательно холодныя, имѣющія только лежанки, отапливаемыя въ зимнее время. Въ каждомъ отдѣленіи барака помѣщается по шести человѣкъ; жилища содержатся довольно чисто и такъ какъ они постоянно открыты, то воздухъ въ нихъ совершенно свѣжій.

Наконецъ мы простились съ начальникомъ, и на обратномъ пути изъ лагеря домой заѣхали осмотрѣть лѣтній дворецъ Хутукты. Онъ стоитъ совсѣмъ отдѣльно, недалеко отъ рѣки Улясутая, обнесенъ каменной оградой, имѣющей восемь воротъ, съ навѣсами надъ ними въ китайскомъ стилѣ. — На дворѣ растутъ нѣсколько тополей; подъ тѣнью ихъ устроена купальня земнаго бога—Хутукты, состоящая изъ деревяннаго чана, врытаго въ землю. Теперь онъ былъ пустъ. Вошли во дворецъ, представляющій небольшой домъ въ три этажа. Всѣ комнаты большею частью маленькія клѣтки и, совершенно пустыя, какъ бываетъ въ домѣ, изъ котораго люди выѣхали совсѣмъ; остались только нарядныя стѣны, разрисованныя мелкой кропотливой работой, съ изображеніями всевозможныхъ боговъ и сценъ изъ ихъ жизни, иногда самаго нескромнаго содержанія, но провожавшій насъ лама къ нимъ-то, по преимуществу, и прикладывался лбомъ. Нигдѣ во всемъ дворцѣ ни одного стула, ни скамьи, ни столика.

—„Да какъ же Хутукта живетъ здѣсь, вѣдь долженъ же онъ сидѣть на чемъ-нибудь, ѣсть, пить, спать? спросилъ я.

Лама отвѣтилъ, что онъ, когда переѣзжаетъ сюда, живетъ не здѣсь, а на дворѣ, въ юртѣ, которую тогда выставляютъ тамъ, а во дворецъ онъ ходитъ только молиться. Ну, скромно здѣсь живутъ земные боги, подумалъ я. Впрочемъ, тутъ все покрыто завѣсой таинственности и никогда не узнать иностранцу-туристу, что совершается внутри этихъ стѣнъ; про то знаютъ только ламы, которые глубоко хранятъ тайну, потому что, можетъ быть, отъ нея зависитъ все ихъ благосостояніе: ибо извѣстно, что чѣмъ

въ большемъ невѣдѣніи находится масса, тѣмъ лучше живется на ея счетъ всякимъ паразитамъ.

И здѣсь, въ этомъ такъ называемомъ лѣтнемъ дворцѣ, похожемъ скорѣе на могильный склепъ, отвсюду вѣетъ запустѣніемъ и смертью, и при бѣгломъ обзорѣ онъ представляетъ мало занимательнаго.

Мы поѣхали домой. Небо быстро нахмурилось; горы затянуло полосами дождя, который подвигался къ намъ и уже началъ накрапывать. Мы пустили лошадей въ карьеръ и, не разбирая дороги, прискакали домой, какъ тотчасъ разразилась сильнѣйшая гроза съ проливнымъ дождемъ, который шелъ во весь остальной день и всю ночь.

На слѣдующій день мы обмѣнялись визитами съ китайскимъ амбанемъ или губернаторомъ,—маленькимъ, толстымъ генераломъ, съ хитрымъ и нѣсколько насмѣшливымъ лицомъ. У него въ домѣ я увидалъ первыхъ китайскихъ дамъ, такъ какъ въ Май-майчэнъ [1]), по закону, китайцы не имѣютъ права привозить своихъ женъ. Ихъ было двѣ, старуха и молоденькая; онѣ гуляли въ саду и, повидимому, вовсе не смутились, увидавъ насъ и не подумали бѣжать или прятаться, какъ я ожидалъ. Онѣ даже вышли въ садъ, очевидно, для того, чтобъ посмотрѣть на пріѣзжихъ иностранцевъ. Это были, вѣроятно, жена и дочь амбаня, а можетъ быть старая и молодая жены. Старая была толста и не красива, а молодая очень набѣлена, но съ довольно пріятнымъ лицомъ, съ задумчивыми глазами, не очень узкими и не особенно искривленными. О безсодержательномъ визитѣ и разсказывать не стоитъ.

Время шло быстро, а дѣла дѣлалось въ Ургѣ мало; — не многое и наблюдать доводилось, по незнанію языка. Мнѣ хотѣлось посмотрѣть на ночную жизнь города, и я предложилъ Матусовскому и переводчику предпринять со мной прогулку въ городъ сегодня ночью. Они согласились, и мы отправились втроемъ въ телѣжкѣ, или, какъ тамъ называютъ по-сибирски, въ сидѣйкѣ.

Насъ въ консульствѣ предупредили, чтобъ мы были осторожнѣе, что караульные, объѣзжающіе городъ ночью, иногда забираютъ всѣхъ, кто ходитъ или ѣздитъ послѣ извѣстнаго часа, а иногда даже стрѣляютъ по такимъ охотникамъ до ночныхъ про-

[1]) Близъ Урги находится китайская слобода, называемая также Май-майчэнъ.

гулокъ, но такъ какъ насъ серьезно не удерживали и не очень отговаривали, то я принялъ сказанныя слова за шутку, и мы отправились. Было полнолуніе и ночь стояла какъ день ясная. Ѣдемъ степью, отдѣляющею домъ консульства отъ города; кругомъ мертвая тишина и ни одного живаго существа. Вдругъ точно изъ земли выросъ всадникъ, подскакалъ къ намъ сбоку и что-то отрывисто заговорилъ на непонятномъ для меня языкѣ. Переводчикъ понялъ и отвѣтилъ. Всадникъ былъ китайскій караульный солдатъ, спрашивалъ кто мы и куда ѣдемъ; посмотрѣвъ нѣсколько времени намъ вслѣдъ, что то проворчалъ и отправился своей дорогой; потомъ еще разъ остановился и еще какъ будто подозрительно посмотрѣлъ на насъ, но больше не показывался. Мы въѣхали въ городъ;—ни гдѣ ни души. Вотъ мы въ срединѣ его, переѣзжаемъ площадь—та же мертвая тишина и нигдѣ никакихъ признаковъ жизни, кромѣ двухъ собакъ, тихо перебѣжавшихъ улицу. Какая разница съ большими европейскими городами.

— Ну что же, нечего смотрѣть, поѣдемъ домой, сказалъ я, когда мы были недалеко отъ китайскаго лагеря; но только что я выговорилъ эти слова.... бацъ! раздается выстрѣлъ.... Мы оглянулись—никого нигдѣ не видать, черезъ секунду бацъ—другой.

Неужели это по насъ стрѣляютъ, подумали мы. Вѣдь пожалуй и попадутъ. Впрочемъ послѣ двухъ выстрѣловъ мы не слыхали свиста ни одной пули; и близко ни одна не пролетѣла.

— Окликните, Иннокентій Степановичъ, обратился я къ переводчику,—спросите что надо. А окликать было некого, потому что нигдѣ никого невидно.

Онъ крикнулъ по монгольски,—кто и зачѣмъ стрѣляетъ?—но ни откуда отвѣта не послѣдовало; мы ждали еще выстрѣловъ; они больше не повторились. Въ недоумѣніи, кто и зачѣмъ стрѣлялъ, и въ насъ или не въ насъ, вернулись мы домой, и только на другой день узнали, что въ Ургѣ стрѣляютъ для острастки холостыми зарядами караульные на русскихъ дворахъ, гдѣ находятся склады чая и другихъ товаровъ.

Дни проходили; я дѣлалъ прогулки въ городъ, бродилъ по его улицамъ, заходилъ къ своимъ землякамъ, которые живутъ здѣсь уже по нѣсколько лѣтъ, занимаясь торговлей чаемъ, мукой и зерномъ разнаго рода, а также мѣхами и разными мелкими предметами по части домашней утвари или украшеній, входящихъ въ несложныя потребности монголовъ. Я познакомился съ однимъ

русскимъ куцпомъ, урожденцомъ города Бійска. Онъ прожилъ девять лѣтъ въ монгольскомъ городѣ Улясутаѣ, откуда пріѣхалъ сюда по какому-то дѣлу. Съ нимъ была его жена, женщина лѣтъ тридцати, высокая и здоровая, какъ бо́льшая часть сибирячекъ. Она простая женщина, скромна, даже нѣсколько застѣнчива; лицо совершенно обыкновенное; манеры ея угловаты; но поставьте ее рядомъ съ монголкой... и какая будетъ разница во всемъ, въ ростѣ, цвѣтѣ кожи, чертахъ и выраженіи лица и кажущемся здоровьѣ! Эта простая женщина показалась бы царицей между монголками. Въ одномъ развѣ уступитъ она имъ, въ посадкѣ на конѣ и умѣніи ѣздить верхомъ; но и она пріѣхала теперь въ Ургу изъ Бійска, верхомъ, на мужскомъ сѣдлѣ, и каждый годъ ѣздитъ изъ Улясутая въ Бійскъ, также верхомъ, а разстояніе между этими городами болѣе тысячи верстъ. Я разспрашивалъ ея мужа про его торговлю, и какъ ему живется въ Монголіи.

— Ничего, дѣла идутъ порядочно, отвѣчалъ онъ, процентовъ 50, 60 и 75 получаемъ барыша;—мы больше сурьими кожами торгуемъ; а жить плохо,—своего дома строить не позволяютъ; нанимаемъ у китайца, ну, а у нихъ, извѣстно, какіе дома: крошечные безъ половъ, окна бумажныя, печей нѣтъ; зимой холодъ и сырость ужасно донимаютъ. На силу выпросилъ позволеніе полъ сдѣлать, да рамы вставить, а то не смѣй ничего передѣлывать, потому, говоритъ хозяинъ, мнѣ за это достанется,—незаконный домъ будетъ".

Дѣйствительно въ Китаѣ при постройкахъ домовъ строго соблюдаются предписанныя закономъ правила. Но иностранцы въ большинствѣ случаевъ не повинуются этимъ правиламъ. Въ Ургѣ нѣкоторые русскіе купцы имѣютъ свои дома, но такіе крошечные, что ихъ едва замѣтишь между монгольскими мазанками и то только по окнамъ со стеклами. Здѣсь, значитъ, завоевали у китайцевъ право вольничать подобнымъ манеромъ. Вѣдь чудаки китайцы! Живи, говорятъ, у насъ, но непремѣнно по нашему, а по своему не смѣй....

Гуляя по городу и его окрестностямъ, я все надѣялся увидать трупъ человѣка, выброшеннаго на съѣденіе собакамъ, что̀ какъ извѣстно, монголы всегда дѣлаютъ со своими покойниками. Извѣстно, что они не хоронятъ мертвыхъ, а обыкновенно выносятъ за городъ и просто-напросто кладутъ тѣло на землѣ; вскорѣ являются собаки, для этого и существующія здѣсь въ большомъ

количествѣ, и начинаютъ пожирать его; и если онѣ не съѣдятъ трупа въ три дня, родственники покойнаго впадаютъ въ грусть, заключая изъ этого, что значитъ умершій чѣмъ-нибудь прогнѣвалъ боговъ, и начинаютъ молиться объ отпущеніи ему грѣховъ. Молитва бываетъ обыкновенно услышана, и собаки, отдохнувъ отъ предварительнаго и сытнаго обѣда, кончаютъ свое дѣло съ новымъ кандидатомъ. Мнѣ ни разу не удалось набрести на это любопытное, но, должно быть, непріятное зрѣлище; я находилъ часто только разныя человѣческія кости и цѣлые черепа, валявшіеся не только въ окрестностяхъ города, но даже на самыхъ его улицахъ, и никто не обращалъ на нихъ ни малѣйшаго вниманія. Живущіе здѣсь соотечественники разсказывали мнѣ, что близъ Урги живутъ стаи полуодичавшихъ собакъ, питающихся исключительно человѣческими трупами; онѣ, говорятъ, очень злы и иногда нападаютъ на живыхъ людей и даже всадниковъ. Поэтому они предостерегали меня, чтобы я одинъ не заходилъ далеко, но, вѣроятно, подобные случаи весьма рѣдки.

Не удалось мнѣ также познакомиться съ однимъ замѣчательнымъ ламою, живущимъ въ Ургѣ и занимающимся медицинской практикой по правиламъ тибетской науки. Имя его Чоиндонъ, и мнѣ много разсказывали про него въ Кяхтѣ и здѣсь, что онъ „просто чудеса дѣлаетъ“. Жаль, говорю, но полагаю, что, не видавъ ламу Чоиндона, я потерялъ не особенно много, такъ какъ всѣ разсказы, самые убѣдительные для другихъ, только вредили ламѣ, потому что онъ являлся въ моихъ глазахъ самымъ обыкновеннымъ знахаремъ. Особенно не хорошо на меня подѣйствовало то, что онъ лечитъ чрезвычайно сложными смѣсями, даже изъ 70 разныхъ травъ; что берется за пророчества и иногда дастъ такіе совѣты, надъ которыми можно только смѣяться. Такъ одной знакомой мнѣ дамѣ (въ Кяхтѣ) онъ совѣтовалъ отъ мигрени слѣдующее средство: лечь въ постель и, приставивъ ноги къ стѣнѣ въ вертикальномъ положеніи, пролежать 6 или 8 часовъ, и не бояться, если изъ ушей, рта и носа пойдетъ кровь. Мигрень ея онъ приписалъ простудѣ отъ поясницы до ногъ. Словомъ всѣ разсказы про Чоиндона рисуютъ его самымъ обыкновеннымъ шарлатаномъ.

Пробывъ въ Ургѣ, вмѣсто трехъ дней девять, мы уѣхали оттуда 24 іюля, провожаемые нашими соотечественниками. Мы разстались на берегу небольшой, но чрезвычайно быстрой рѣчки Толы, которую предстояло переѣхать въ бродъ. Ея прозрачная

вода, клубясь и плескаясь какъ бы взволнованная вѣтромъ, несется съ такой быстротой, что у меня голова кружилась, когда лошадь вошла по животъ въ рѣку, такъ что я принужденъ былъ не смотрѣть на воду, чтобъ не упасть отъ сильнаго головокруженія. Нѣсколько человѣкъ монголъ, голыхъ и полуголыхъ, съ страшными криками, помогали переправлять наши повозки и телѣги съ багажомъ. Всегда со страхомъ смотрѣлъ я на эти переправы въ бродъ, боясь за порчу разныхъ вещей, которыхъ въ пути не достать; но на этотъ разъ все обошлось благополучно, и мы отправились въ путь почти на тысячу верстъ, которыя отдѣляли насъ отъ ближайшаго города—Калгана, перваго за древней Великой Стѣной. Этотъ путь лежалъ черезъ высокую монгольскую равнину и пустыню Гоби, которая такъ влекла меня къ себѣ; мнѣ такъ страстно хотѣлось скорѣе увидать ее, что я рѣшительно не боялся той тоски, какую, говорятъ, нагоняетъ она на переѣзжающихъ ее. Отъѣхавъ немного и поднявшись на небольшой холмъ, я оглянулся назадъ. Передо мной разстилалась огромная зеленая долина; рѣчка Тола разбилась по ней на множество рукавовъ, изгибы которыхъ представлялись отсюда небольшими озерками; между ними стояли разбросанныя, кой-гдѣ дымившіяся юрты; во многихъ мѣстахъ паслись стада бѣлыхъ, черноголовыхъ барановъ, рогатаго скота и табуны лошадей; по покатости боковыхъ горъ, окаймляющихъ долину, спускался чей-то караванъ навьюченныхъ верблюдовъ. За долиной, на которой лежитъ городъ, поднимается отдаленный голубой хребетъ горъ, замыкающихъ ее съ сѣверо-западной стороны.

Проѣхали станцію въ 18 верстъ, и на дорогѣ мнѣ попалось до десятка выбѣленныхъ водой и солнцемъ, чистенькихъ человѣческихъ череповъ, изъ которыхъ одинъ отправился со мной въ Россію. Станція представляетъ нѣсколько юртъ кочующихъ монголовъ. Ихъ здѣсь немного, за то сколько крику, толкотни и суматохи по поводу приготовленій для насъ лошадей. На насъ сходятся глазѣть мужчины, женщины и дѣти, и все это оретъ, какъ будто въ этомъ заключается священная обязанность каждаго честнаго монгола. Проѣхавъ еще двѣ станціи по однообразной степи, остановились на ночлегъ.

25 іюля.

Мы ѣхали быстро, и потому, отправивъ впередъ транспортъ, сами остались на станціи, чтобы дать ему время отойти подаль-

ше. Боярскій здѣсь фотографировалъ, а я, воспользовавшись остановкой, набросалъ акварелью нѣсколько типовъ монголовъ и монголокъ, которыхъ угощалъ въ благодарность за позпрованіе леденцомъ и китайскимъ печеньемъ, полученнымъ въ подарокъ отъ одного май-май-чэнскаго китайца.

День былъ ясный, но въ сторонѣ шелъ дождь; повидимому, готовилась гроза и солнце жгло страшно. Я ѣхалъ верхомъ. Вскорѣ небо заволокло надвинувшейся тучей, солнце скрылось; блеснула молнія, и я еще никогда не видывалъ ея въ такомъ близкомъ сосѣдствѣ съ собою: она точно обвилась вокругъ меня и въ то же мгновеніе раздались другъ за другомъ два такихъ страшныхъ удара, что я не струслъ только потому, что успѣлъ подумать:—слышу громъ, значитъ живъ. Лошадь моя шарахнулась со всѣхъ ногъ въ сторону и понесла. Черезъ минуту полился дождь какъ изъ ведра и продолжался съ одинаковой силой нѣсколько часовъ, такъ что даже мой жирно промасленный кожаный плащъ мѣстами промокъ насквозь. На этомъ переѣздѣ близь дороги встрѣчалось много сурковъ и непзвѣстно кому принадлежащихъ собакъ, которыя, кажется, охотились за ними, подкарауливая ихъ у отверстій норъ. Когда пріѣхали на слѣдующую станцію Чжарганту, дождь пересталъ, опять выглянуло солнце, и мы принялись просушивать свое промокшее платье. Передъ вечеромъ отправились дальше; сначала дорога шла по гористой мѣстности, потомъ степью. На ночлегъ прибыли уже ночью, которая была великолѣпна: небо словно горѣло,—такъ много было видно звѣздъ и такъ ярко онѣ свѣтили. Млечный путь казался сіяніемъ какимъ-то. Только-что подъѣхали къ юртамъ, какъ по небу пролетѣлъ яркій метеоръ, сверкнувъ и озаривъ землю свѣтомъ, точно молнія; но свѣтъ его не исчезъ тотчасъ, а оставилъ по себѣ слѣдъ, въ видѣ свѣтлой горизонтальной черты, которая держалась, какъ мнѣ показалось, минуты три и, прежде чѣмъ угаснуть, свѣтлая черта изогнулась.

26 іюля.

Встали рано и открыли у себя покражу: собака, забравшись ночью въ юрту, поѣла наши свѣчи, стоявшія у изголовья постелей, на низенькихъ скамейкахъ. Мы не взяли съ собой достаточно стеариновыхъ свѣчей и принуждены были пользоваться сальными китайскими; вотъ почему онѣ и показались собакѣ болѣе пригодными для ужина, чѣмъ для освѣщенія, и, пожалуй, она

права, потому что китайскія свѣчи съ деревянной свѣтильней изъ рукъ вонъ плохи.

Сегодня удалось порисовать, что доставляло большое удовольствіе монголамъ, главнымъ образомъ потому, что они могли спокойно и долго разсматривать и меня и мои вещи, которыя возбуждали еще бо́льшій интересъ, чѣмъ я самъ. Ихъ очень занималъ мой складной стулъ, довольно сложный, и они вели о немъ продолжительныя бесѣды, объясняя другъ другу его устройство, назначеніе каждой части; не менѣе удивительны были для нихъ зажигательное стекло, когда я закуривалъ отъ солнца папиросу, резинка, когда ею стиралъ карандашъ, и другія вещи. Когда я, работая, насвистывалъ что-нибудь, монголы старательно заглядывали мнѣ въ ротъ, чтобъ узнать, какъ и чѣмъ я это дѣлаю, нѣтъ ли и во рту у меня какой-нибудь диковинки. Сами они насвистываютъ только сквозь зубы и очень тихо. Они наслаждались и удивлялись, и удивленіе свое выражали причмокиваніемъ, производя его не губами, а языкомъ съ открытыми губами, и часто повторяя его нѣсколько разъ кряду.

Степь становится все бѣднѣе травой, и мнѣ говорятъ, что сегодня мы вступаемъ въ ту ея часть, которая носитъ названіе пустыни—у монголовъ Гоби, у китайцевъ—Ша-Мо. Мы подвигались впередъ рысью или больше шагомъ, потому что жаръ стоялъ удушливый: вѣтерка никакого, и единственнымъ облегченіемъ было въѣзжать въ пятна тѣни, падавшей отъ облаковъ. Тотчасъ же становится замѣтно, что на васъ не падаютъ непосредственно солнечные лучи: они перестаютъ жечь, и чувствуется такая же прохлада, какъ-будто въѣзжаешь въ тѣнистую рощу, и вмѣстѣ съ этимъ въ памяти воскресаютъ воспоминанія о высокихъ зеленыхъ сводахъ сибирскихъ лѣсовъ, укрывающихъ землю отъ палящаго зноя, о прелестныхъ тропинкахъ въ лѣсной глуши, о ея влажномъ и прохладномъ воздухѣ. Но облако, а съ нимъ и тѣнь быстро проносятся на встрѣчу; и опять на далекое разстояніе тянется пространство, освѣщенное жгучимъ солнцемъ, отъ котораго напрасно ищешь защиты. Некуда здѣсь скрыться: хоть весь день скачи, не встрѣтишь иного убѣжища, кромѣ выставленной юрты; а онѣ стоятъ не чаще, какъ на разстояніи двадцати пяти, а то и сорока верстъ. И вотъ ваши мечты несутся къ этой грязной юртѣ, какъ къ какому-нибудь дворцу или райскимъ садамъ; всѣ помышленія направлены теперь только къ ней, къ ея благодатной тѣни, и ничего тутъ, кромѣ тѣни и воды, не нужно. Да, скуч-

но, утомительно,—оттого главнымъ образомъ, что вниманію не на чемъ сосредоточиться: сегодня, напримѣръ, на всемъ переѣздѣ мнѣ встрѣтились только два предмета, кромѣ неба и голой земли: пролетѣвшій орелъ, да какая-то каменная плита въ аршинъ величиною, съ изсѣченною рельефною надписью — монгольской молитвой, какъ сказалъ переводчикъ.

Пріѣхали на станцію Тола-Булыкъ. Здѣсь кочевали десятка два монгольскихъ семействъ, и скудость природы отражается на всемъ: люди бѣдны; животныя худы и ихъ мало; юрты маленькія, бѣдныя и грязныя; а одна такихъ размѣровъ, что живущая въ ней нищая, несмотря на свой маленькій ростъ, стоя посреди ея, могла свободно высовывать свою голову черезъ верхнюю отдушину. Тутъ расположились завтракать. Юрта грязна и пыльна, да и провизія наша, состоявшая изъ холодной вареной баранины, черныхъ сухарей и сыра, не отличалась особенною чистотой: почти все трещитъ на зубахъ отъ примѣси песку. Впрочемъ, этого легко могло не быть, еслибы мы запаслись хорошей и удобной посудой для храненія въ дорогѣ съѣстныхъ припасовъ, которые везлись просто въ корзинѣ. Между монголами, жившими на этой станціи, находился одинъ съ тѣмъ врожденнымъ недостаткомъ, который называется заячьей, т. е. раздвоенной верхней губой. Это непріятное безобразіе, какъ извѣстно, легко поправляется операціей, требующей не болѣе четверти часа времени на все, съ приготовленіемъ и перевязкой. Инструменты были у меня подъ рукой, и я предложилъ монголу исправить ему губу; но на мое предложеніе онъ отвѣтилъ вопросомъ: а сколько барановъ онъ (т.-е я) за это возьметъ? И когда ему сказали, что я не возьму ничего, онъ не повѣрилъ и на операцію не согласился. Это доказываетъ, что ихъ духовныя особы, занимающіяся медицинской практикой, даромъ никого не лечатъ и занимаются медициной ужъ конечно не изъ любви къ наукѣ или человѣчеству. Я повторилъ предложеніе, но онъ видимо сомнѣвался и, кажется, заподозривъ меня въ какомъ-то злобномъ намѣреніи, наотрѣзъ отказался, а можетъ и просто струсилъ, такъ какъ ему сказали, что губу надо будетъ сшить. Въ ожиданіи отъѣзда, я пошелъ взглянуть на жилыя юрты монголовъ. Особенно мнѣ хотѣлось посмотрѣть на обстановку упомянутаго крошечнаго жилища бѣдной женщины. Воспользовавшись ея отсутствіемъ, я заглянулъ внутрь: на полу, т. е. на землѣ, лежалъ кусокъ стараго войлока, посреди юрты стоялъ таганъ и котелокъ на немъ: на веревочкѣ висѣли кожаныя круж-

ки, или правильнѣе мѣшки для воды; противъ двери стоялъ маленькій сундучокъ, запертый висячимъ замкомъ, и мнѣ чрезвычайно хотѣлось узнать, что такое хранитъ тамъ эта жалкая, полуголая старушонка,—вѣроятно, святыню какую-нибудь, въ родѣ платочковъ съ изображеніями боговъ и молитвами, маленькихъ идоловъ и т. п. вещи, какія я видѣлъ у другихъ монголовъ.

Съ этой станціи я поѣхалъ въ телѣгѣ, которую монголы везли „цѣликомъ“, по гладкой твердой степи, и телѣга шла настолько спокойно, что я могъ даже заглядывать въ книгу, но только заглядывать, потому что читать было невозможно. Природа кругомъ однообразна и бѣдна; новаго ждать нечего, такъ какъ горизонтъ открытъ во всѣ стороны на необъятное пространство, и я принялся за изученіе русско-китайскаго словаря, полученнаго мною въ подарокъ въ Кяхтѣ отъ одного изъ соотечественниковъ [1]). Хотя заучиваніе китайскихъ словъ и не доставляло большаго удовольствія, особенно безъ всякой помощи со стороны знающаго человѣка, однако я значительно сокращалъ себѣ скучную дорогу.

Почва или покрыта мелкой галькой, или глинистая, или песчаная; растительность очень бѣдна, однако въ общемъ, когда смотришь вдаль, земля представляется зеленою. Куда ни поглядишь, вездѣ одна ширь да гладь, но никакой божьей благодати; только дикаго луку такое изобиліе, что весь воздухъ пропитанъ его запахомъ. Земля ровна, какъ столъ, и лишь изрѣдка поверхность ея разнообразится небольшими впадинами и невысокими каменистыми грядками. Животныхъ не видно никакихъ. У станціи Нарунъ лежитъ небольшое соленое озерко, набирающееся изъ двухъ ключей, вода которыхъ чуть-чуть солоновата. На слѣдующемъ переѣздѣ мѣстность представляла болѣе волнистый харак-

---

[1]) Этотъ словарь составленъ членомъ нашей духовной миссіи въ Пекинѣ, покойнымъ отцомъ Исаіею, переписанъ однимъ изъ албазинцевъ и вырѣзанъ китайцами на доскахъ, съ которыхъ потомъ и отпечатанъ. Слова въ немъ расположены по русскому алфавиту; затѣмъ слѣдуютъ столбцы съ китайскими письменами, а въ третьихъ помѣщается произношеніе словъ по-китайски, написанное русскими буквами. Онъ изданъ еще въ 1867 году, но до сихъ поръ составляетъ рѣдкость въ Европейской Россіи, и то встрѣчается лишь въ частныхъ рукахъ; въ продажѣ же его совсѣмъ не было, какъ и никакихъ другихъ. Только въ настоящемъ году поступилъ въ продажу новый русско-китайскій словарь, составленный первымъ драгоманомъ нашего посольства П. С. Поповымъ.

теръ; встрѣчалась высокая трава чій да кустики караганы. Растеніе чій имѣетъ въ маловодныхъ степяхъ то значеніе, что онъ растетъ по солонцамъ и служитъ такимъ образомъ ихъ примѣтой, а солонцы въ свою очередь указываютъ на близость подпочвенной воды; поэтому, когда въ водѣ является потребность, ее ищутъ тамъ, гдѣ растетъ чій. Солонцами же или солончаками, какихъ много встрѣчалось сегодня, называются тѣ мѣста, гдѣ почва содержитъ въ себѣ такъ много соли, что она выступаетъ на поверхности земли въ видѣ бѣлаго налета въ болѣе или менѣе сильной степени. Земля въ этихъ мѣстахъ кажется какъ бы слегка посыпанною мукою или мѣломъ, или же выступившая соль бываетъ похожа еще на маленькій, только-что выпавшій снѣгъ, залегшій пятнами во впадинахъ; но мысль о снѣгѣ плохо вяжется съ такою жарой, какая стоитъ здѣсь.

Изрѣдка перелетаютъ жаворонки и другія мелкія пташки, но пѣсенъ ихъ не раздается въ воздухѣ; слышно только жужжаніе мухъ, которыя вьются надъ нами и сопровождаютъ насъ на далекія разстоянія. На станціи Модонъ остановились ужинать и ночевать. Мы ѣдимъ, по распоряженію начальника, разъ въ день, на ночь, передъ самымъ сномъ, что какъ извѣстно, совершенно противорѣчитъ правиламъ гигіены; я, какъ врачъ, попробовалъ было обратить на это вниманіе, но здѣсь законы науки, какъ и всякіе другіе, оказались не для всѣхъ писаны; и въ этомъ путешествіи мнѣ довелось познакомиться съ особенными, такъ-называемыми „степными законами“, въ которые насъ посвятилъ и на которые очень любилъ опираться нашъ распорядитель. Но существуютъ ли они у туземцевъ, кочующихъ въ степяхъ, и именно въ такомъ видѣ, въ какомъ представлялъ ихъ Сосновскій, я сильно сомнѣваюсь; или, можетъ быть, я еще не постигъ истиннаго смысла этихъ законовъ и ждалъ разъясненія его отъ будущаго. Скоро, скоро разъяснятся они и для васъ, читатель.

27 іюля.

Вчера вотъ пріѣхали на ночлегъ уже въ потьмахъ. Сегодня поутру вышелъ изъ юрты, оглядѣлся; кругомъ — гладкая степь и нѣсколько жилыхъ юртъ стоятъ возлѣ нашихъ; монголы, монголки и дѣти любопытствуютъ, подсматриваютъ, удивляются и болтаютъ между собою на нашъ счетъ и по поводу нашихъ вещей.

Между монголками была одна молодая женщина по имени Льты, маленькаго роста, какъ бо́льшая часть ихъ, и также, какъ

большинство, некрасивая; но ея манеры и движенія невольно бросились мнѣ въ глаза своею особенностью: въ нихъ проявлялась какая-то изящная лѣнь, если можно такъ выразиться. Хотя повидимому здоровая, она казалась слабенькой, утомленной; всѣ движенія были какъ будто тяжелы для нея, но въ то же время чрезвычайно граціозны, и эта грація тѣмъ сильнѣе поражала, что все остальное кругомъ было такъ мало изящно. Также невольно обращалъ на себя вниманіе ея тихій и въ высшей степени симпатичный голосъ, одинъ изъ тѣхъ голосовъ, про которые говорятъ, что они такъ и просятся въ душу. Вся она была симпатичная, и смотря на нее и вспоминая нѣкоторыхъ барышень, которыхъ такъ много и напрасно муштровали, желая сдѣлать граціозными, невольно приходишь къ заключенію, что истинной граціи не учатъ, а она дается самой природой.

Льты,—это нѣжное на видъ созданіе,—также отправилась съ нами верхомъ и также то везла повозку, то держала въ поводу запасныхъ лошадей во время движенія. Мѣстность та же, и та же пустота. Но сегодня видѣли стадо птицъ бульдруковъ или пустынниковъ; имъ обрадовались, пробовали подъѣзжать съ ружьями, но охота невозможна при поспѣшной ѣздѣ; а мы спѣшимъ, хотя и немного проѣзжаемъ въ день. Можно бы найти время и для охоты, и заняться чѣмъ-нибудь, еслибъ иначе расположить движеніе и остановки, но это невозможно, потому что „степные законы“ Сосновскаго мѣшаютъ всему.

Проѣхали еще три станціи по такой же грязной степи; видѣли озера вдали; надъ нами пролетѣло нѣсколько сѣрыхъ журавлей; на горизонтѣ появились пригорки... И за то спасибо, — все не такъ тоскливо, какъ смотрѣть на одну безграничную равнину. Зной стоялъ удушливый, который спадалъ только по закатѣ солнца. Не бываетъ жарко, конечно, и въ ранніе часы утра; но ѣхать въ эти часы и даже вставать рано у насъ считается дѣйствіемъ „противозаконнымъ“, и мы предпочитаемъ двигаться въ самый зной, да по ночамъ, а утра поневолѣ просыпаемъ. Такъ и сегодня: пора бы ложиться спать, а мы отправляемся еще на тридцать верстъ. Слава Богу, что лошади здѣсь большею частью хорошія, а то и тяжело ѣхать, да и до бѣды не далеко. Доставшаяся мнѣ небольшая бѣлая лошадка оказалась превосходнымъ иноходцемъ, за которымъ другія лошади едва поспѣвали въ карьеръ. Впереди меня ѣхали фотографъ, казакъ Степановъ, проводникъ и монгольскій чиновникъ, сопровождавшій насъ; у нихъ

также были хорошія лошади, и мы, пока еще было свѣтло, вздумали устроить джигитовку. Пустили лошадей маршъ-маршемъ, и какъ ураганъ понеслись впятеромъ по гладкой степи. Изъ-подъ копытъ лошадей летѣла, какъ дробь, мелкая галька, которой, точно искусственно, одѣта здѣсь вся равнина: за нами протянулось только облачко пыли, которая, подобно дыму за пароходомъ, повисла въ неподвижномъ воздухѣ. Проскакавъ версты три, мы поѣхали шагомъ. На равнинѣ попадались довольно высокіе и отдѣльные, какъ пирамиды, холмы, но изъ чего они состояли—въ густыхъ сумеркахъ нельзя было разглядѣть; а скоро и совсѣмъ стемнѣло. Скучно и утомительно ѣхать ночью верхомъ, особенно сознавая безполезность подобнаго изнуренія себя. Даже на умъ ничто не идетъ. Но сегодня намъ попался проводникъ, такой говорунъ, что можно бы провести нѣсколько часовъ съ большимъ удовольствіемъ, еслибы я могъ располагать переводчикомъ. Этотъ монголъ, зная очень хорошо, что мы ничего не понимаемъ, битый часъ болталъ безъ умолку. Онъ часто повторялъ слово „о́рсо“—русскій, представлялъ руками игру на гармоникѣ и русскую пляску, причемъ совершалъ самые быстрые и чуть не полные обороты; и все это продѣлывалъ на лошади, иногда даже на полномъ ходу.

28 іюля, воскресенье.

Пасмурно; накрапываетъ мелкій дождь. Сегодня ѣхали по холмамъ, поднимаясь и спускаясь. На вершинахъ холмовъ грядами торчали изъ земли обнаженные разрушающіеся камни то голубоватаго, то почти чернаго цвѣта. Растительность становится еще бѣднѣе, мѣстность еще угрюмѣе, и изъ живыхъ существъ попадаются только ящерицы да саранча. Я ѣхалъ въ телѣгѣ, и она сегодня часто падала вслѣдствіе того, что лошадь одного изъ возницъ все отчего-то кидалась въ сторону. Два раза она даже сбросила его съ себя, и я разъ вылетѣлъ изъ телѣги,—къ счастію безъ дурныхъ послѣдствій. Поверхность земли въ общемъ представляется уже не зеленою, какъ прежде, а желтовато-сѣрой, какъ бы запыленной. Вершины встрѣчающихся пригорковъ имѣютъ темный цвѣтъ. Изъ земли во многихъ мѣстахъ торчатъ камни, которые въ общемъ напоминаютъ развалины бывшаго города. Дождь шелъ цѣлый день, и по случаю его монголы нарядились въ плащи и башлыки краснаго и малиноваго цвѣтовъ; нѣкоторые, впрочемъ, ѣхали въ обыкновенныхъ одеждахъ; а иные были даже безъ шапокъ и съ голыми ногами отъ колѣнъ до сапогъ.

Сегодня былъ какой-то незадачливый день для монголъ, которыхъ нѣсколько разъ сбрасывали съ себя лошади; и эти несчастные люди, вскакивая съ земли, прежде всего взглядывали со страхомъ на сидящаго въ телѣгѣ господина или *амбохана*, какъ они насъ величали. Лица ихъ выражали испугъ и мольбу о прощеніи: должно быть подобныя паденія не проходятъ имъ даромъ, когда они везутъ китайскихъ мандариновъ; послѣдніе, говорятъ, очень жестоко обращаются съ ними. Впрочемъ, мы не въ правѣ винить китайцевъ: у здѣшнихъ монголъ свѣжо воспоминаніе о проѣздѣ одного русскаго офицера Б—та и еще одного господина Г—на, оставившихъ по себѣ такую память, что приходится краснѣть, слушая разсказы объ ихъ воинственныхъ подвигахъ, совсѣмъ уже не европейскаго характера; а монголы, какъ нарочно, такъ хорошо помнятъ ихъ фамиліи и такъ отчетливо ихъ произносятъ. Впрочемъ, хотя оба они состояли на русской службѣ, первый изъ нихъ нѣмецъ, и второй также не русскаго происхожденія.

Въ 6 часовъ вечера мы подъѣзжали къ станціи Сайръ-усу, гдѣ предполагали остановиться на день, чтобъ дождаться отставшаго каравана. Сайръ-усу есть пикетъ, на которомъ живетъ китайскій чиновникъ и можетъ быть поэтому насъ встрѣчали и принимали здѣсь съ большимъ почетомъ, скажу даже съ нѣкоторою торжественностью: четыре человѣка монголъ вышли на встрѣчу и приняли телѣгу на довольно далекомъ разстояніи отъ юрты, потомъ сами взяли ее подъ оглобли, подвезли къ юртѣ и передъ дверью бережно опустили ихъ на землю. Передъ каждымъ выходящимъ изъ телѣги они дѣлали реверансы съ преклоненіемъ на одно колѣно и складываніемъ рукъ ладонями вмѣстѣ. Въ юртѣ противъ двери былъ устроенъ высокій красный диванъ, какъ бы сдѣланный изъ двухъ, трехъ матрацовъ, положенныхъ одинъ на другой. Я пріѣхалъ послѣ всѣхъ, и когда вошелъ въ юрту, вслѣдъ за мной явился и принимавшій насъ монгольскій чиновникъ. Онъ еще разъ сдѣлалъ реверансъ и отдалъ въ мое распоряженіе свою табакерку съ нюхательнымъ табакомъ, — ихъ обычная вѣжливость;—я понюхалъ и предложилъ ему своего табаку для трубки; но онъ не догадался, и также взялъ щепотку и понюхалъ. Вслѣдъ за нимъ явились еще двое, и точно также отдали мнѣ свои табакерки съ обычными словами привѣтствія „амрханъ сайнъ байна?“ т.-е. хорошо ли поживаете?

Разговоры съ туземцами у насъ какъ-то не вязались, хотя нѣ-

реводчикъ и хорошо зналъ ихъ языкъ; одни не находили о чемъ можно говорить съ необразованными монголами; другимъ не удавалось, или мысли были подавлены подъ вліяніемъ общей безурядицы.

29 іюля.

Итакъ мы въ пустынѣ... Проснувшись раньше другихъ, я пошелъ побродить около пикета. Утро было ясное и дулъ порядочный вѣтеръ. Мѣстность здѣсь имѣетъ самый печальный, пустынный характеръ и я невольно пожалѣлъ тѣхъ, кому суждено провести тутъ весь свой вѣкъ: что за безотрадная природа, наводящая уныніе! А живутъ люди... Но что и за жизнь! Тяжело и имъ и скоту ихъ. Неподалеку отъ юртъ собралась группа верблюдовъ и лошадей, къ которымъ продолжали подходить съ разныхъ сторонъ другіе; я догадался, что тамъ находился колодецъ, и пошелъ посмотрѣть. Опишу его подробнѣе, чтобъ познакомить читателя съ этимъ важнымъ предметомъ въ пустынѣ. У колодца, который представлялъ яму съ резервуаромъ на днѣ, стоялъ наблюдавшій за порядкомъ монголъ; онъ доставалъ бадьей воду и выливалъ ее въ поставленное возлѣ ямы корыто. Животныхъ, желающихъ пить, является много, а корыто одно; они лѣзутъ къ нему всѣ заразъ, и безъ помощи человѣка навѣрно ни одинъ верблюдъ не напился бы,—такъ они мѣшали другъ другу.—Даже несмотря на присутствіе блюстителя порядка, иногда нѣсколько длинныхъ шей и губошлепыхъ мордъ, какими природа надѣлила верблюдовъ, протягивались разомъ къ корыту и отъ этого ни одинъ не могъ пить спокойно и удобно. Имъ, бѣднымъ, повидимому, всѣмъ страшно хотѣлось пить и они испытывали мученія Тантала, стоя въ ожиданіи, пока до нихъ дойдетъ очередь. Я долго стоялъ возлѣ, наблюдая за водопоемъ, и мнѣ казалось, что ни одному верблюду не удалось напиться толкомъ, до сыта; они отходили отъ корыта не потому, что не хотѣли больше пить, а по неволѣ, потому что ихъ прогоняли; и ихъ всегда грустные глаза, казалось, были еще грустнѣе, когда они уходили прочь, не удовлетворивъ вполнѣ жажды. Качая въ стороны головами, они фыркали и отряхивали воду съ своихъ мокрыхъ губъ; многіе изъ нихъ выражали свое томленіе и досаду отъ нетерпѣливаго ожиданія еще тѣмъ, что топали ногою въ землю и измученными глазами поглядывали по сторонамъ; другіе стояли, стояли,—ждали, ждали, да такъ, не дождавшись и уходили, можетъ быть

въ надеждѣ найти воды въ другомъ мѣстѣ; но напрасно искали они ее, потому что другаго колодца здѣсь нѣтъ. Тяжело было смотрѣть на это томленіе бѣдныхъ животныхъ, и меня досада разбирала на лѣнивыхъ и беззаботныхъ монголъ: неужели нельзя было бы устроить болѣе свободнаго доступа къ водѣ, напримѣръ расширивъ колодецъ или вырывъ нѣсколько другихъ рядомъ, тѣмъ болѣе, что вода совсѣмъ недалеко отъ поверхности; или отчего бы не сдѣлать больше корытъ!

Тяжелое было зрѣлище. Я отошелъ прочь и, увидавъ, какъ одинъ наѣздникъ-монголъ ловилъ арканомъ въ табунѣ лошадей, остановился посмотрѣть. Его арканъ представлялъ длинную тонкую палку, имѣющую на концѣ веревочную не стягивающуюся петлю, которую онъ, носясь на своей лошади, старался набросить чрезъ голову на шею той, которую хотѣлъ поймать. Онъ ловилъ то ту, то другую, какая была ближе. Лошади долго не поддавались, увертываясь чрезвычайно ловко, но какъ только одна изъ нихъ чувствовала присутствіе петли на своей шеѣ, она мгновенно останавливалась и уже не пыталась сопротивляться, хотя ей ничего бы не стоило, выдернувъ палку изъ рукъ всадника, ускакать прочь и потомъ сбросить петлю чрезъ голову.

Около юрты монгола почти всегда можно найти стоящую осѣдланную лошадь; а теперь около нашихъ юртъ ихъ было нѣсколько. Я сѣлъ на одну и поѣхалъ одинъ къ той грядкѣ невысокихъ горъ, называемыхъ Нэмихэ, которая тянулась въ недалекомъ разстояніи отъ пикета; мнѣ хотѣлось посмотрѣть, что тамъ, за этими горами, не разнообразнѣе ли тамъ природа или она еще безжизненнѣе, чѣмъ здѣсь. Ѣду по песчаной равнинѣ, лишенной растительности. На ней мѣстами торчатъ груды бѣлаго кварца, блистающаго подъ лучами солнца какъ серебро, или темные вертикально стоящіе пласты сланца; и эти каменныя породы, точно кости, торчатъ изъ земли и, мало-по-малу, разрушаясь, усѣваютъ песчаную поверхность почвы своими обломками. Ѣхалъ я дальше по совершенно сухимъ русламъ, вливающимся одно въ другое, подобно тѣмъ ручьямъ, отъ которыхъ они образовались, а эти ручьи свидѣтельствовали о недавно бывшихъ здѣсь проливныхъ дождяхъ.

Около кустовъ караганы песокъ сдуло въ бугры, поверхность которыхъ испещрена тонкими и правильными узорами, оставленными на нихъ лапками ящерицъ и разныхъ жуковъ, кажется единственныхъ обитателей этой скудной земли. Вдругъ, къ моему

величайшему удивленію, взлетаетъ бекасъ и съ крикомъ уносится вдаль... Бекасъ, здѣсь, среди этихъ голыхъ сухихъ песковъ,— что онъ могъ тутъ дѣлать! Нигдѣ вблизи болотистыхъ мѣстъ я не видалъ, да здѣсь и трудно предположить существованіе ихъ... Невысокая гряда Нэмихэ съ приближеніемъ къ ней становилась все выше и перебраться чрезъ нее, оказалось, вовсе не такъ легко, какъ я думалъ; но мнѣ ужъ не хотѣлось отказаться отъ своего намѣренія и я поднялся на самый высокій изъ пригорковъ, съ котораго ожидалъ увидать открытое пространство; но за первой грядой оказалась вторая, отдѣленная отъ нея совершенно мертвой долиной. Я спустился на дно ея по извилистому углубленію, также наполненному пескомъ, и поѣхалъ галопомъ чрезъ долину, которая мнѣ показалась шириною шаговъ не болѣе пятисотъ; но я очень ошибся: лошадь скакала быстро по твердому грунту между песчаныхъ наносовъ, а долина словно росла. Я былъ ужь далеко отъ первой гряды, а до второй, казалось, оставалось все то же разстояніе; наконецъ я добрался до нея и сталъ подниматься въ гору. Кругомъ меня было безмолвное царство смерти и разрушенія безжизненныхъ каменныхъ породъ. Какая тишина и спокойствіе—и вмѣстѣ съ тѣмъ какая убійственная пустота! Лошадь продолжала осторожно взбираться по мелкимъ плитамъ сланца и остановилась на вершинѣ гряды, за которой опять открылась долина, еще болѣе пустынная и дикая. Вѣтеръ чуть слышно гудѣлъ въ зубчатыхъ верхушкахъ каменистыхъ холмовъ, да муха звенѣла крыломъ, носясь надъ лошадью... Вотъ здѣсь пустыня; и безотраднѣе и безжизненнѣе этого мѣста кажется и придумать нельзя.

Вернувшись домой, я засталъ въ нашей юртѣ сопровождавшаго насъ монгольскаго чиновника—Хундэ, который оказался музыкантомъ и пѣвцомъ. Онъ принесъ свою скрипку, круглую съ длиннымъ грифомъ, усѣлся на войлокѣ, поджавъ подъ себя ноги и, поставивъ свой инструментъ, какъ віолончель, началъ играть смычкомъ и пѣть подъ собственный аккомпанементъ. Звуки его скрипки были глухи, нечисты и чрезвычайно походили на жужжаніе шмеля или большой мухи, когда они, влетѣвъ въ комнату, носятся подъ потолкомъ, ударяясь объ него и совершая порывистый полетъ въ разныхъ направленіяхъ; впрочемъ нѣкоторыя тихія ноты были недурны и отчасти напоминали человѣческій голосъ. Пѣніе Хундэ было однообразно и особенно непріятно своими рѣзкими переходами изъ баритона въ сопрано

обрываніями на этихъ высокихъ нотахъ и новымъ начинаніемъ съ баритона. Мнѣ казалось, онъ импровизировалъ, но весьма неудачно. Вообще въ монгольской пѣснѣ я находилъ большое сходство съ жалобнымъ ревомъ больнаго или чѣмъ-нибудь недовольнаго верблюда, которому они можетъ быть и подражаютъ.

30 іюля.

Приступили къ вьючкѣ багажа и началась та обычная музыка, какою она сопровождается, т.-е. громкіе и жалобные голоса верблюдовъ. Животныя всѣ въ сборѣ; однихъ вьючатъ, другія стоятъ, ожидая своей очереди. Подходитъ монголъ къ одному, беретъ веревку, привязанную къ палочкѣ, продѣтой чрезъ ноздри; верблюду это видимо непріятно и онъ начинаетъ ревѣть, можетъ быть, вспоминая боль, не разъ причиненную ему грубымъ человѣкомъ.—„Цокъ! цокъ“! командуетъ монголъ и громадное животное повинуется: въ нѣсколько пріемовъ всегда однихъ и тѣхъ же ложится верблюдъ на землю, поджимая подъ себя ноги, и на эту живую гору надѣваютъ сѣдло, состоящее изъ двухъ боковыхъ подушекъ, прикладываемыхъ къ горбамъ и дощечекъ, выстоящіе концы которыхъ связываютъ веревками и затѣмъ начинаютъ взваливать ящики, тюки, узлы, кадки для воды, ведра, войлоки и прочія вещи, распоряжаясь такъ безцеремонно, какъ будто они производили эту укладку на какой-нибудь деревянной крышѣ или на земляномъ пригоркѣ. Наконецъ всѣ положенныя вещи притянуты и увязаны веревками,—возъ готовъ; веревочку подергиваютъ кверху, чтобъ заставить верблюда встать. Опять съ жалобнымъ ревомъ и вздохами поднимается онъ также въ нѣсколько опредѣленныхъ пріемовъ съ своей ношей, которой онъ, кажется, вовсе не замѣчаетъ, по крайней мѣрѣ ничѣмъ не выражаетъ, чтобъ ему было тяжело. Караванъ тронулся. Верблюды вытягиваются въ линію, всѣ садятся на лошадей; трогаются телѣги и потянулись опять въ путь, и, кажется, этому пути не будетъ конца, что такъ и будемъ все ѣхать по этой пустынной землѣ, не ожидая никакой перемѣны, никакого новаго предмета. А если и встрѣтимъ что нибудь необыкновенное, то это необыкновенное будетъ или тоже караваномъ, подобнымъ нашему, или колодцемъ, или соленымъ озеромъ вдали. Другаго здѣсь ожидать нечего. Такова Гоби. И слѣдующій переѣздъ совершился по равнинѣ, покрытой мѣстами сплошными пространствами песку, лишенными всякой растительности, мѣстами усѣянной галькой

или представлявшей большія глинистыя площади, на которыхъ, какъ видно, еще недавно стояли лужи дождевой воды; мѣстами глина была еще влажна, бо́льшею же частью уже высохла и растрескалась. Кой-гдѣ еще держалась вода и около нея зеленѣла травка, а по лужамъ бродила мелкая болотная дичь. Значитъ только воды и не достаетъ для того, чтобы пустыня одѣлась растительностью и быстро населилась разными обитателями.

31 іюля.

Жарко, + 37° Р. Пьется много, и пьешь все, что̀ попадается: воду, кумысъ, чай туземнаго приготовленія, и всѣ эти напитки такой сомнительной чистоты, что не испытываешь отвращенія только потому, что не видишь, откуда берется для нихъ вода и какъ они приготовляются. Колодцы содержатся монголами невообразимо грязно; у нихъ полнѣйшее презрѣніе къ соблюденію какой-нибудь чистоты. Въ томъ колодцѣ, изъ котораго берутъ воду для питья людямъ, они поятъ лошадей и верблюдовъ, и остатки воды изо рта тѣхъ и другихъ падаютъ обратно; въ него же течетъ вода изъ лужъ, образующихся около колодца и образующихся, конечно, не изъ одной только воды. Но они прывыкли, и имъ кажется, что иначе и быть не можетъ.

Проѣхавъ еще двѣ станціи все по той же однообразной и пустынной мѣстности, мы встрѣтили на третьемъ перегонѣ до десятка тощихъ вязовъ, какимъ-то чудомъ очутившихся здѣсь. Они растутъ въ неглубокомъ ущельѣ, которое вьется между пригорками. Пріѣхали на третью станцію, Горба̀нь-Найма̀; солнце стояло еще довольно высоко и мы могли бы добраться сегодня до слѣдующей станціи, но Сосновскій, охотившійся за кѣмъ-то, долго не возвращался; переводчикъ былъ также съ нимъ, и мы, прождавъ ихъ до сумерекъ, пришли къ заключенію, что, вѣроятно, здѣсь заночуемъ, тѣмъ болѣе, что на станціи не было видно тѣхъ обычныхъ приготовленій для дальнѣйшаго движенія, какія обыкновенно дѣлались еще до нашего пріѣзда: возлѣ юртъ не было ни людей, ни лошадей, ни верблюдовъ. Отсутствовавшіе спутники явились только на закатѣ солнца, но, несмотря на позднее время, было отдано распоряженіе ѣхать дальше. Для телѣгъ достали лошадей и онѣ отправились впередъ; а для насъ еще ловили ихъ въ табунѣ. Людей было такъ мало, что казакъ Степановъ самъ вооружился арканомъ и отправился добывать разныхъ „саврасокъ и буланокъ“.

Наконецъ снарядились,—на-скоро, кой-какъ; лошадей наловили какихъ попало; а намъ предстоялъ переѣздъ въ тридцать пять верстъ, да еще ночью, которая ужь надвигалась. Ну когда мы пріѣдемъ на ночлегъ, думалось мнѣ и, вѣроятно, многимъ:—чуть ни къ тому времени, когда слѣдовало бы вставать и ѣхать дальше... Но мы вѣдь были „въ степи“... Отправились всѣ вмѣстѣ; но не отъѣхали и версты отъ станціи, какъ лошадь Сосновскаго споткнулась и упала, и онъ, разумѣется, съ нею. Перемѣнили лошадь, но только-что на эту надѣли уздечку, какъ она поднялась на дыбы и грохнулась назадъ, черезъ спину. Съ нами были еще другія запасныя лошади, но онъ уже не хотѣлъ болѣе сѣсть ни на одну изъ лошадей, говоря, что не можетъ ѣхать верхомъ, потому что ушибъ ногу; но такъ какъ всѣ три телѣги уже уѣхали, то онъ придумалъ слѣдующій планъ:—вернуться на станцію, оттуда послать монгола гонцомъ на слѣдующую, и велѣть немедленно прислать оттуда одну телѣгу съ казакомъ, да приказать ему, чтобъ онъ ѣхалъ какъ можно скорѣе; а также привезти чаю, сахару и постель. Итого, въ оба конца надо было сдѣлать семьдесятъ верстъ, да еще ночью и на измученныхъ лошадяхъ. Я попробовалъ посовѣтовать не оставаться тутъ, а ужь добраться хоть шагомъ до слѣдующей станціи, доказывая, что мы потеряемъ изъ-за этого цѣлый день, что наши постели, чай и сахаръ придутъ тогда, когда будутъ совсѣмъ не нужны. Но всякіе доводы, какъ всегда, были напрасны.

— Если вамъ угодно, вы можете ѣхать, а я сказалъ, что останусь ночевать здѣсь, и приказалъ прислать сюда за мною телѣгу,— отвѣтилъ съ разстановками на каждомъ словѣ Сосновскій.

Онъ остался съ переводчикомъ и казакомъ Степановымъ; а я, не желая проводить ночь въ пустой юртѣ, безъ постели, безъ достаточнаго платья, безъ ѣды, чаю и сахару, предпочелъ промаяться ночью часовъ шесть верхомъ на плохой лошади, да покрайней мѣрѣ добраться до постели, и простившись съ своими спутниками, уѣхалъ вслѣдъ за передней компаніей, которая уже скрылась изъ виду. Со мной поѣхали два монгола съ одной заводной лошадью. Мы благополучно ѣхали рядомъ рысцой; потомъ моей лошадкѣ вздумалось пройтись галопомъ; степь была ровная и я не сталъ удерживать ее, въ надеждѣ потомъ проѣхать шагомъ и немного отдохнуть отъ ея тряской рыси, какъ вдругъ она рухнулась со всѣхъ ногъ на землю. Я, разумѣется, полетѣлъ съ нею вмѣстѣ и упалъ на правый локоть, а моя правая нога

осталась подъ нею. Еще лежа въ такомъ положеніи я шевельнулъ рукой и убѣдился, что кости всѣ цѣлы; тогда сталъ высвобождать съ усиліемъ ногу изъ-подъ тяжести лошади, и выбравшись, всталъ, нигдѣ не чувствуя боли. Лошадь тоже сейчасъ поднялась и стояла смирно; но только-что я хотѣлъ было взять поводья, какъ вдругъ она, словно испуганная выстрѣломъ, шарахнулась отъ меня прочь и унеслась въ степь. Буквально въ тотъ же мигъ монголъ пустился за нею въ погоню, а за нимъ и другой, который держалъ запасную лошадь. Было уже темно и они черезъ минуту пропали въ ночномъ мракѣ, а я остался одинъ, безъ людей и безъ лошади... Кругомъ темнота и мнѣ видно только звѣздное небо надъ черной пустыней. Стою, жду. Сначала я слышалъ топотъ лошадей и голоса сумашедшихъ монголъ; но скоро и они пропали вдалекѣ. Я былъ совершенно покоенъ и не допускалъ мысли, что проводники бросятъ меня; я зналъ навѣрно, что они вернутся, если не нынче, такъ завтра; что никакой опасности здѣсь не могло быть ни отъ людей, ни отъ звѣрей; но мнѣ начинало дѣлаться холодно и стало скучно ходить по одному мѣсту, въ ожиданіи пока изловятъ мою лошадь. Предпринять я ровно ничего не могъ; поэтому оставалось только ждать спокойно и терпѣливо... Долго ходилъ я взадъ и впередъ, поглядывая то на черную степь, то на небо, которое мало-помалу заволокло тучами, и прислушиваясь ко всякому звуку. Вотъ слышу топотъ нѣсколькихъ лошадей и человѣческіе голоса, но ужасно далеко отъ меня. Судя по топоту, лошади неслись по степи самымъ отчаяннымъ галопомъ, и я только дивился смѣлости монголовъ, съ какою они носились по неровной степи въ такую темную ночь, не разбирая, разумѣется, никакихъ дорогъ: я рѣшительно не могъ себѣ представить, какъ можно поймать лошадь при такой темнотѣ и начиналъ сомнѣваться, чтобъ имъ это удалось. Мнѣ хотѣлось кликнуть ихъ, заставивъ вернуться съ запасной лошадью, а убѣжавшую бросить, такъ какъ она не пропадетъ; но, вопервыхъ, они были далеко; вовторыхъ я ничего не зналъ по-монгольски. Стою и прислушиваюсь къ топоту; онъ то слышится яснѣе и до меня доносятся отрывистые и короткіе, какъ удары бича, крики монгола,—ай! ай!... извѣщавшіе меня, что лошадь еще не поймана; то опять ровно ничего не слышно. Только теперь сталъ я чувствовать боль въ рукѣ и ногѣ, но она не внушала мнѣ никакого опасенія.

Небо все темнѣло отъ надвигавшихся тучъ; вѣтеръ подулъ

сильнѣе, а я былъ въ одномъ парусинномъ кителѣ, и хотя я не надѣялся согрѣть себя историческими воспоминаніями, но они сократили мнѣ время скучнаго ожиданія. А не хорошо было бы остаться здѣсь въ подобномъ положеніи въ ту эпоху, когда монголы были могущественнымъ и воинственнымъ народомъ: за то какъ было бы интересно.

Наконецъ послышался топотъ и на этотъ разъ ближе. Я крикнулъ и получилъ отвѣтъ; вскорѣ затѣмъ ко мнѣ подъѣхалъ монголъ съ заводной лошадью, но только онъ одинъ, и мы поѣхали съ нимъ вдвоемъ. Гдѣ былъ другой, я спросить не умѣлъ. Черезъ полчаса онъ возвратился съ пойманной лошадью, осѣдланною моимъ сѣдломъ, и такъ какъ монгольское сѣдло весьма неудобно, и эта лошадь была гораздо хуже первой, то я пересѣлъ на бѣглянку. Вмѣсто того, чтобъ быть усталой и измученной послѣ такой бѣшеной скачки, она только плясала и рвалась впередъ, имѣя непонятное стремленіе унестись, куда глаза глядятъ, такъ что я едва могъ сдерживать ее, сумашедшую, и то только тѣмъ, что постоянно направлялъ ее на ѣхавшаго предо мной монгола. Такъ я промучился съ нею почти всю дорогу. Вдругъ къ намъ подскакиваетъ, неизвѣстно откуда взявшійся, всадникъ... Человѣкъ, въ этой пустынѣ, да еще ночью! Это такое рѣдкое явленіе, что не можетъ не произвести впечатлѣнія. Откуда? кто онъ? какія у него намѣренія? Я не могъ ни спросить, ни сказать,— кто я и куда ѣду, еслибы онъ сталъ спрашивать. Онъ подъѣхалъ очень близко прямо ко мнѣ, какъ будто ему именно меня было нужно, вглядѣлся пристально и потомъ, отъѣхавъ къ провожатымъ, заговорилъ съ ними по-монгольски. Этого было достаточно, чтобъ совершенно успокоиться. Монголъ—значитъ человѣкъ не опасный; но я такъ и не узналъ, кто онъ былъ,—вѣроятно, изъ нашей же компаніи, потому что вскорѣ мы нагнали одну изъ телѣгъ. А я предполагалъ, что онѣ ужь давно на станціи. Въ этой телѣгѣ ѣхалъ Матусовскій.

— Что вы такъ отстали? спрашиваю его.

— Да лошади устали, едва идутъ; двадцать шаговъ пройдутъ и останавливаются отдыхать... А вы отчего такъ долго не ѣхали? спрашивалъ онъ меня въ свою очередь.

Я разсказалъ объ оставшихся спутникахъ, о своемъ паденіи и побѣгѣ лошади.

— Вотъ такъ всегда бываетъ, когда по ночамъ ѣздятъ. Мы когда-нибудь еще шею себѣ сломимъ, говорилъ онъ съ оттѣн-

комъ досады.—Теперь бы спать давно надо, а тутъ вотъ еще тащись; на станцію пріѣдешь, тамъ еще дожидайся чаю, пока-то вода вскипитъ. Ну кто ѣздитъ по ночамъ, когда въ томъ нѣтъ ни малѣйшей надобности. Всѣ порядочные люди выѣзжаютъ чѣмъ свѣтъ и съ закатомъ солнца останавливаются на ночлегъ,—вотъ какъ въ степи дѣлаютъ. Спросите кого хотите, кто ѣзжалъ; да и по здравому смыслу это ясно... Что мы станемъ дѣлать съ больнымъ, если кто-нибудь себѣ, напримѣръ, ногу сломаетъ; а ночью долго ли до этого!..

Я разсказалъ ему, какъ распорядился съ собою Сосновскій, и наша хотя и невеселая бесѣда по этому поводу значительно сократила время; наконецъ дотащились до юртъ, больше которыхъ намъ ничего не было нужно. Но, увы! то, что̀ зачернѣлось передъ нами и что̀ мы приняли за юрты, были верблюды какого-то чужаго каравана, который шелъ на встрѣчу; мечты о скоромъ отдыхѣ исчезли, какъ мыльный пузырь, и опять осталась одна дорожная скука да усталость. Еще съ часъ протащились мы и наконецъ послышался лай собакъ, запахло дымомъ горящаго навоза,—это ужь несомнѣнные признаки близкаго кочевья. Дѣйствительно, вскорѣ мы очутились у самыхъ юртъ, которыя всегда точно изъ земли выростаютъ, когда къ нимъ подъѣзжаешь ночью и если не видишь издали огней. Эта станція по счету была 33-я отъ Урги, значитъ больше половины Гоби проѣхали.

Пріѣхавшіе раньше уже заснули, но мы разбудили ихъ, потому что знали, что и они были голодны, какъ и мы, и велѣли скорѣе готовить чай и доставать сухари; разсказали о приключеніяхъ и стали дѣлать распоряженія объ отправленіи телѣги за оставшимися назади спутниками. Отправка телѣги тотчасъ въ обратный путь была просто жестокостью: бѣдные монголы чуть не заплакали, когда имъ объявили, что они должны сейчасъ же ѣхать опять назадъ, опять тащить телѣгу на своихъ избитыхъ бедрахъ, на своихъ голодныхъ и измученныхъ лошаденкахъ, которыя въ здѣшнихъ голодныхъ мѣстахъ едва находятъ себѣ пищу... Вотъ каковы „степные законы“ административные... каковы же должны быть карательные! Мы не желали знакомиться съ ними, и потому отправили, какъ было приказано нашимъ мудрымъ распорядителемъ, одного казака назадъ съ постелями и припасами. Монголы думали, что не смѣли не повиноваться, и поѣхали; но мысли о нихъ и ихъ несчастныхъ лошадяхъ долго мѣшали намъ заснуть спокойно.

1 августа.

Оставшіеся спутники пріѣхали сегодня только послѣ полудня и мы тронулись въ путь лишь во второмъ часу. День былъ знойный, удушливый. Сегодня часто встрѣчаются голые пески. Мѣстами по равнинамъ растетъ въ большомъ количествѣ кустарникъ, называемый монголами *хармукъ* (Nitraria Schoberi), и гонимый вѣтромъ песокъ, задерживаясь въ его густосплетенныхъ вѣтвяхъ, образуетъ высокіе бугры, достигающіе иногда вышины болѣе всадника. Сегодня опять попадались отдѣльно стоящія деревья, числомъ до двадцати; встрѣтились два каравана; кой-гдѣ держалась въ лужахъ вода, по которой бродили кулики. Все это нѣсколько разнообразило впечатлѣнія и сокращало дорогу. Ѣдемъ недурно, но лошади капризничаютъ, ни за что не желая подходить подъ поперечную жердь при перемѣнѣ всадниковъ, что̀ дѣлается всегда на ходу. Поэтому прибѣгали къ разнымъ хитростямъ, чтобъ заставить ихъ повиноваться. Чаще всего лошади не хотѣли входить въ средину между всадникомъ и оглоблей; тогда новый всадникъ подъѣзжалъ на своей капризной лошади съ боку, а прежній или пріостанавливалъ свою лошадь, которая опускала голову, жердь проходила надъ ней и онъ отъѣзжалъ въ сторону, а новый подвигался ближе къ оглоблѣ; или же онъ переносилъ свои ноги одну за другой черезъ палку, потомъ перекладывалъ ее черезъ заднюю луку сѣдла и, освободившись такимъ образомъ, быстро выѣзжалъ впередъ и затѣмъ въ сторону, а обманутая лошадь новаго всадника принуждена была везти одна.

На слѣдующей станціи мы увидали ламскій монастырь, и трудно передать, до какой степени пріятно встрѣтить среди такой мертвой земли, какъ Гоби, подобный оживленный уголокъ. Впрочемъ, спѣшу прибавить, что онъ только по сравненію съ пустыней показался мнѣ оживленнымъ, только потому, что мои глаза уже отвыкли отъ всего, кромѣ неба, безотрадной земли, да лицъ моихъ спутниковъ, среди обычной обстановки поѣзда, т.-е. телѣгъ, лошадей и верблюдовъ. Только-что мы пріѣхали и вошли въ приготовленныя для насъ юрты, какъ послѣднія обступила толпа монголовъ, по преимуществу бритоголовыхъ, т.-е духовныхъ—ламъ. Эти ламы были не изъ большихъ, а потому вовсе не рисовались своимъ величіемъ, подобно ургинскимъ, а держали себя такъ же просто и наивно, какъ и обыкновенные монголы. Послѣднихъ тоже собралось не мало, и я очень обрадо-

вался этой интересной, пестрой толпѣ, жадной до всякаго рода новыхъ впечатлѣній. Все свое имъ надоѣло, а все новое и невиданное приводило въ ребяческое изумленіе. Тутъ опять пришлось играть первую роль такимъ предметамъ, какъ зажигательное стекло, бумага и карандашъ, гуттаперчевый стаканъ, бинокль, складной стулъ, надувающаяся подушка и т. п., которые дѣлались по-очереди предметомъ общаго вниманія, удивленія и восторга. Эти вещи оказывали мнѣ ту услугу, что, привлекая къ себѣ зрителей, давали мнѣ возможность близко разсматривать ихъ и иногда срисовывать. Я жалѣлъ только о томъ, что времени было мало: его казалось тѣмъ менѣе, чѣмъ больше было матеріала для изученія. Какихъ ни встрѣчалось здѣсь типовъ и костюмовъ! Сколько проходило предъ глазами различныхъ оригинальныхъ сценъ! Многіе изъ ламъ были въ однѣхъ юпкахъ, стянутыхъ на туловищѣ поясомъ, за который воткнутъ столовый приборъ, китайскаго издѣлія—съ ножомъ, ложкой и палочками, но больше какъ украшеніе, потому что ножъ еще употребляется въ дѣло, а палочками монголъ почти никогда не ѣстъ: онъ предпочитаетъ имъ собственную пятерню, которую запускаетъ во всякія кушанья, потомъ облизываетъ ее и вытираетъ объ голову или объ халатъ; а вмѣсто ложки находитъ болѣе удобною чашку, вѣроятно, какъ скорѣе достигающую цѣли. Вотъ пришелъ лама, задрапированный плащомъ, причемъ одна рука и плечо оставлены голыми; другіе въ обыкновенныхъ халатахъ или же просто прикрыты кускомъ какой-нибудь ткани, безо всякой претензіи на щегольство, а только скромности ради. Такъ какъ бóльшая часть настоящей толпы состоитъ изъ духовныхъ лицъ, то въ одеждахъ преобладаютъ желтый и красный цвѣта, но есть и синій, малиновый, красно-коричневый и сѣрый. Головы у большинства ничѣмъ не покрыты и или гладко выбриты, или съ волосами уже отросшими, какъ-будто коротко остриженными; нѣкоторые въ шапочкахъ, въ родѣ татарскихъ ермолокъ; иные въ шляпахъ съ шарпками наверху и лентами сзади; другіе повязаны, какъ бабы, платками. Мужчины бритые или съ усами; у немногихъ есть жиденькая бородка, но и такая—явленіе рѣдкое. Въ толпѣ также много женщинъ съ ихъ оригинальными прическами, для достиженія которыхъ волосы промазываются столярнымъ клеемъ. Они раздѣляются на затылкѣ на двѣ пряди, расчесываются въ видѣ широкихъ лентъ и, благодаря клею, остаются, какъ деревянныя, въ данномъ положеніи. На эти ленты изъ волосъ надѣваются

разныя украшенія, серебряныя съ кораллами и бирюзой или мѣдныя съ цвѣтными стеклышками. Костюмъ женщинъ чрезвычайно уродливъ: онъ представляетъ родъ длинной, узкой рубашки съ узкими, длиннѣйшими рукавами, подобранными на плечахъ буфами; рукава обыкновенно подбиты ватой и простеганы частыми рубчиками. Дѣвушки ходятъ вездѣ свободно и открыто, хотя и считаютъ долгомъ казаться нѣсколько застѣнчивыми; но дѣти дики, какъ волчата. Они въ малѣйшемъ нашемъ движеніи самаго невиннаго характера сейчасъ видятъ намѣреніе преслѣдовать ихъ и спасаются отъ опасности бѣгствомъ,—но, отбѣжавъ на нѣкоторое разстояніе, улыбаются, показывая два ряда прекрасныхъ, блестящихъ зубовъ. Встрѣчаются, впрочемъ, дѣти вовсе неробкія. Посреди толпы людей нерѣдко видишь лошадей, которыя стоятъ и ходятъ тутъ же въ компаніи, а также верблюдовъ, которыхъ вьючатъ или развьючиваютъ; нѣкоторые изъ монголовъ на лошадяхъ стоятъ тутъ же или носятся стрѣлой по степи по какимъ-то своимъ экстреннымъ дѣламъ. Все говоритъ, кричитъ, хохочетъ, потѣшается, и лишь весьма немногіе стоятъ задумчиво и спокойно, увлекшись созерцаніемъ какой-нибудь диковины въ родѣ замшевой перчатки или серебряныхъ пуговицъ на кителѣ. Духовенство держало себя такъ же развязно и весело, какъ всѣ остальные; они даже были еще веселѣе, потому что ламы, какъ привилегированное сословіе, вообще довольнѣе жизнью. Даже люди очень взрослые дурачились нерѣдко словно наши уличные ребятишки. Одинъ лама, напримѣръ, шлепнулъ другаго, стоявшаго передъ нимъ, ладонью по его бритой головѣ. Тотъ обернулся, не спѣша, спокойно взглянулъ на товарища, потомъ плюнулъ себѣ на ладонь, растеръ другой рукой и, нагнувшись, приложилъ мокрую ладонь къ землѣ, отчего къ ней пристали песокъ и разный соръ. Этою-то ладонью онъ влѣпилъ товарищу звонкую пощечину; но сдѣлалъ это безъ гнѣва, безъ злобы, просто мило пошутилъ; и получившій оплеуху принялъ ее отнюдь не какъ оскорбленіе дѣйствіемъ, а лишь какъ выраженіе вниманія въ отвѣтъ на его заигрываніе: онъ нисколько не разсердился, а только весело засмѣялся; въ толпѣ также никто не обратилъ вниманія на эту сцену.

Наглядѣвшись на толпу, я отправился взглянуть на монастырь. Онъ обнесенъ высокой кирпичной стѣной съ бордюромъ, идущимъ по верхнему краю и выдѣланнымъ изъ того же кирпича. Внутренность его представляла колонаду, въ глубинѣ кото-

рой помѣщалась бронзовая статуя Будды. Между колоннами стояли въ два ряда низенькія скамейки, на которыхъ сидѣли ламы и совершали богослуженіе: они всѣ до одного громко и монотонно читали по своимъ тетрадкамъ молитвы, по временамъ сопровождая это чтеніе барабаннымъ боемъ и звуками мѣдныхъ тарелокъ. Двое, кромѣ того, трубили въ извѣстные моменты въ трубы, длиною сажени въ полторы и болѣе; они производили сначала одинъ протяжный, ровный звукъ, потомъ вводили въ него нечастые переливы и колебанія. Въ двухъ другихъ храмахъ меньшаго размѣра, находившихся по бокамъ, происходило то же самое. Вообще богослуженіе въ буддійскихъ храмахъ почти никогда не прекращается. Но что́ это за богослуженіе! Я всякій разъ выносилъ самое тяжелое впечатлѣніе изъ монгольскихъ кумиренъ, когда бывалъ въ нихъ во время службы: ни въ одномъ изъ ламъ, участвовавшихъ въ немъ, я не замѣтилъ проявленія не только какого-нибудь чувства, но даже и внѣшняго благоговѣнія. Храмъ походилъ скорѣе на фабрику, въ которой обязанность нерадивыхъ рабочихъ состояла въ томъ, чтобы отбубнить положенныя молитвы, ударить извѣстное число разъ въ барабанъ и въ тарелки и погудѣть въ трубы. Забастовавъ опротивѣвшую работу, этотъ фабрично-набожный людъ безпорядочной шумной толпой летѣлъ вонъ изъ храма въ кухню, гдѣ для нихъ былъ готовъ даровой обѣдъ, или бѣжалъ на улицу глазѣть и шляться до тѣхъ поръ, пока призывный звукъ не соберетъ ихъ снова на низенькія скамейки для повторенія въ стотысячный разъ все одного и того же. Понятно, до какой степени должны опротивѣть имъ и храмъ и стоящіе въ немъ идолы и эти молитвы. Да, на мой взглядъ, ламы—одни изъ несчастныхъ дармоѣдовъ, незнающихъ наслажденій, доставляемыхъ трудомъ, что-нибудь производящимъ, а исполняющихъ всю свою жизнь безплодную работу, подобно Данаидамъ, наполнявшимъ водою бездонныя бочки.

Однако, компанія уже уѣхала, надо догонять ее. Мнѣ попалась дурная лошадь, и я торопился догнать поѣздъ, чтобъ перемѣнить ее на другую. День клонился уже къ вечеру. Кругомъ разстилалась зеленая степь, на горизонтѣ виднѣлись невысокіе пригорки, освѣщенные красноватымъ свѣтомъ заходящаго солнца. Часто встрѣчались песчаныя поляны, иногда имѣвшія до странности правильную форму круга, какъ будто кто нарочно выдѣлалъ ихъ по циркулю, и я не могъ объяснить ссбѣ ихъ происхожденія. Сегодня попался на встрѣчу проѣзжающій,—какой-то ки-

таецъ; онъ ѣхалъ въ телѣгѣ и сидѣлъ въ ней полуголый. Еще встрѣтились одинъ караванъ возвращавшихся верблюдовъ подъ одними сѣдлами и два съ грузомъ чая, отправлявшагося въ Россію... Столько встрѣчъ одна за другой—небывалое событіе въ Гоби; здѣсь онѣ бываютъ не чаще чѣмъ встрѣчи кораблей въ океанѣ, поэтому ни одна не проходитъ незамѣченною. Эти встрѣчи нѣсколько облегчили 46-ти верстный переѣздъ, чему помогалъ также и превосходный воздухъ, наполненный ароматомъ какъ будто отъ цвѣтущихъ линъ или луговыхъ цвѣтовъ; но откуда онъ взялся здѣсь, среди необозримыхъ пространствъ почти голой земли? Вѣроятно, его принесло издалека съ потокомъ воздуха, предшествовавшимъ бурѣ, которая дошла до насъ ночью и, сопровождаемая дождемъ, бушевала до утра. Телѣга, въ которой я спалъ, дрожала и скрипѣла, и я каждую минуту ожидалъ, что вотъ-вотъ ее опрокинетъ... Но мои опасенія, къ счастію, оказались напрасными.

2 августа.

Сегодня мы проѣхали мимо одной изъ такъ-называемыхъ Святыхъ горъ, какихъ въ Монголіи много, и всѣ онѣ называются общимъ именемъ Богдо-ула. Здѣшняя представляетъ длинный, довольно высокій увалъ, издали чрезвычайно похожій на насыпь, какія дѣлаются для проведенія желѣзныхъ дорогъ, потому что верхній край ея представлялъ издали совершенно прямую горизонтальную линію. Одинъ конецъ этого увала тянется вдаль и исчезаетъ, сливаясь съ горизонтомъ, а другой обрывается крутымъ уступомъ на совершенно гладкой и безграничной равнинѣ, производя чрезвычайно странное впечатлѣніе: просто не вѣрится, чтобъ онъ былъ естественнаго происхожденія. Наверху, у самаго обрыва, стоитъ обо̀ въ видѣ маленькой кельи, убранной сухими вѣтками и разными лоскутьями, и мнѣ захотѣлось разсмотрѣть его поближе, для чего нужно было подняться на верхнюю площадь горы. Она казалась невысокою, и я поѣхалъ; но не разъ хотѣлъ вернуться назадъ, потому что подъемъ былъ чрезвычайно крутъ и труденъ. Да поворотъ былъ уже невозможенъ, такъ какъ на узенькой тропинкѣ моей лошади негдѣ было бы обернуться, и я поневолѣ продолжалъ взбираться на гору. Лошадь не разъ становилась почти въ вертикальное положеніе и тогда мнѣ казалось, что она готова полетѣть назадъ черезъ свою спину вмѣстѣ со мною; я совсѣмъ лежалъ на ея шеѣ, не смѣя приподняться,

чтобъ не перенести назадъ центра тяжести, и наконецъ, добрался благополучно, подъѣхалъ къ обо—и къ великой досадѣ нашелъ, что, по поговоркѣ, овчинка не стоила выдѣлки: обо и мѣстность вокругъ него не представляли никакого особеннаго интереса. Переводчикъ раньше передалъ слова монголъ, ѣхавшихъ съ нами, что по преданію, на этой горѣ находилась кузница Чингизъ-хана. Такія кузницы указываютъ также во многихъ другихъ мѣстахъ. Чтобъ не совсѣмъ даромъ пропали мой рискъ и трудъ моей лошади, я набросалъ рисунокъ этого обо съ частью разстилавшейся внизу равнины, которая теперь, когда я находился на значительной высотѣ, открылась передъ моими глазами на необъятное пространство. Почти лишенная всякой растительности, окрашенная какимъ-то неопредѣленнымъ фіолетово-сѣрымъ цвѣтомъ, она чрезвычайно походила на море въ тихую, пасмурную погоду.

У слѣдующей станціи Тугурикъ лежитъ соленое озеро, на которомъ было довольно много дичи,—куликовъ, утокъ, колпицъ и журавлей; но безъ собаки охота была неудобна, почти невозможна. Казакъ Степановъ вздумалъ купаться, но оказалось, что озеро очень мелко, такъ что онъ ни въ одномъ мѣстѣ не погрузился въ воду даже до половины туловища.

На дальнѣйшемъ пути встрѣчалось много скелетовъ верблюдовъ и костей другихъ животныхъ; на землѣ во многихъ мѣстахъ валялись большіе клочья верблюжьей шерсти, которою можно бы одѣть большое число людей, а здѣсь она пропадаетъ даромъ. Мѣстность пустынна и дика; по ней разсѣяно много гранитныхъ глыбъ, торчащихъ изъ земли и состоящихъ изъ нѣсколькихъ слоевъ, горизонтально наложенныхъ другъ на друга (такъ-называемыя „чертовы мельницы“). Дорога была скверная, тряская, невольно заставлявшая удивляться крѣпости китайской телѣги, которая все выдерживала и не ломалась. Совершивъ еще переѣздъ въ 28 верстъ подъ знойнымъ солнцемъ все по той же безотрадной, выжженной степи, мы пріѣхали на пикетъ Толи. Солнце уже садилось; тѣмъ не менѣе отдавалось распоряженіе ѣхать дальше и только величина предстоявшей станціи заставила остановиться здѣсь ночевать, чему я былъ искренно радъ, потому что всякое селеніе представляетъ какой-нибудь свой интересъ. Я тотчасъ пошелъ бродить по селу. Однако при словѣ „селеніе“, „село“ читатель не долженъ представлять себѣ что-нибудь похожее даже на нашу деревню, въ которой все-таки есть улица, гдѣ-нибудь торчитъ ракита, кустъ, зеленѣетъ трава... Ничего подоб-

наго здѣсь не встрѣчается глазу. Путникъ увидитъ здѣсь вотъ что: по чистой, нѣсколько волнующейся степи просто разбросаны въ безпорядкѣ до тридцати или болѣе юртъ—то близко, то далеко одна отъ другой,—вотъ это и есть селеніе. Ни одного домика, ни двора, обнесеннаго оградой, ни огорода здѣсь вы не встрѣтите; между юртами, въ нихъ и вокругъ нихъ, толчется населеніе и бродитъ принадлежащій ему скотъ. Земля выбита, утоптана ногами и усыпана всякимъ соромъ. Зелени нигдѣ ни пятнышка. Но тутъ, въ Толи, нѣсколько въ сторонѣ отъ юртъ, стоитъ ламскій монастырь. Однако, что́ за странность! Селеніе довольно велико, людей должно бы быть много, а мы пріѣхали и толпы любопытныхъ нѣтъ—куда же дѣвались обитатели? Это необыкновенное явленіе скоро объяснилось: мы узнали, что вчера пріѣхалъ сюда изъ Тибета новый гыгэнъ или хутукта, и ламы, составляющіе большинство населенія Толи, находились при немъ или по обязанности, или изъ благоговѣнія, а пожалуй, просто изъ любопытства, какъ передъ всякой новинкой.

Вечеръ былъ тихій, на западѣ догорала заря, и часто мысли невольно уносились туда, къ этому западу... Въ ожиданіи прихода нашего транспорта, приготовили чай, и мы, собравшись въ юртѣ, разлеглись на войлокахъ вокругъ низенькой скамейки, служившей намъ столомъ, пили чай и бесѣдовали. На столикѣ стояли чашки съ налитымъ въ нихъ чаемъ, сахарница, бутылка съ виномъ,—остатокъ даровъ любезной Кяхты, и стеариновая свѣча въ низенькомъ подсвѣчникѣ. Вдругъ налетѣлъ неожиданный порывъ вѣтра, мгновенно сорвалъ войлоки съ половины юрты, задулъ свѣчу, и такъ затрясъ и закачалъ нашъ непрочный домъ, что, не ухватись за него руками монголы, его бы навѣрно сломало въ одну секунду и натворило бы намъ бѣдъ, перебивъ посуду, просыпавъ сахаръ и проливъ вино. Вмѣстѣ съ вѣтромъ западали крупныя капли дождя... Но буря такъ же быстро прекратилась, какъ быстро налетѣла: буквально чрезъ минуту воздухъ опять былъ совершенно неподвиженъ, такъ что свѣча могла, не колеблясь, горѣть на дворѣ; дождь пересталъ, но отъ надвинувшихся тучъ небо стало черно, какъ земля. Вѣтеръ больше не повторился.

Мы опять собрались въ юрту и продолжали бесѣду. Разговоръ шелъ, между прочимъ о хутуктѣ, находившемся близко отъ насъ. Намъ очень хотѣлось увидать его; но вѣроятно это невозможно, думали мы, потому что мы видѣли въ Ургѣ, какъ недо-

ступно они себя держатъ. Однако рѣшили попытать счастья и отправили къ нему посла, приказавъ сказать, что русскіе, ѣдущіе въ Пекинъ, привѣтствуютъ его и желаютъ-де получить отъ него благословеніе,—такъ не можетъ ли онъ принять ихъ. Сидимъ и ждемъ отвѣта. Посланный ушелъ, и къ нашему не малому удивленію, отъ таинственнаго человѣка, олицетворяющаго на землѣ божество, пришло приглашеніе: хутýкта приказалъ сказать, что ожидаетъ насъ, только проспъ поскорѣе придти, потому что скоро ляжетъ спать.

Не медля ни минуты мы отправились. Ночь, какъ я сказалъ, была страшно темная. Лама, явившійся къ намъ съ отвѣтомъ хутукты, шелъ впереди съ фонаремъ; за него держался одинъ, за другаго третій; такъ прошли все разстояніе до монастыря...

Когда ожидаешь увидать что-нибудь занимательное, напримѣръ почему-нибудь особенно интереснаго человѣка, мысль и воображеніе всегда обгоняютъ дѣйствительность. Такъ было со мною и на этотъ разъ: пока мы шли къ монастырю и потомъ проходили его дворъ, передо мною уже создался образъ того, кого я долженъ былъ сейчасъ увидѣть; только я ужасно боялся, чтобы какая-нибудь случайность не помѣшала нашему визиту. Среди окружавшей насъ темноты только въ дверяхъ боковыхъ отдѣловъ храма сквозилъ тусклый свѣтъ; тамъ совершалось богослуженіе, сопровождаемое по обыкновевію дикими завываніями трубъ, лязгомъ мѣдныхъ тарелокъ въ тактъ съ барабаннымъ боемъ, и теперь въ этомъ непроглядномъ мракѣ, въ глубинѣ пустыни, оно только увеличивало интересъ и придавало таинственную торжественность предстоящему свиданію. Въ моемъ воображеніи уже создалась обстановка, среди которой я долженъ буду увидать хутукту: мнѣ чудилась большая юрта или одна изъ такихъ комнатъ, какія я видѣлъ въ Ургѣ въ лѣтнемъ дворцѣ; въ глубинѣ ея на возвышеніи нѣчто въ родѣ трона съ навѣсомъ надъ нимъ; на тронѣ сидитъ важная, молчаливая и непремѣнно толстая фигура въ роскошныхъ одеждахъ, съ руками, какъ бы осѣняющими все, что̀ находится ниже его; по сторонамъ мнѣ представлялись ряды стоящихъ ламъ, съ опущенными головами въ тихомъ благоговѣніи; я видѣлъ и насъ самихъ, подходящихъ къ этому святому, и не могъ только представить себѣ, что̀ мы предпримемъ, войдя; не зналъ, какъ должны будемъ держать себя, говорить ли, и что̀ именно, или молчать, предоставляя ему первое слово.

Мы перешли дворъ, и въ лѣвой сторонѣ его мелькнулъ свѣтъ,

какъ будто въ низенькой и маленькой двери; въ темнотѣ ночи я не могъ разсмотрѣть, въ какое зданіе она вела. Шедшій впереди лама направился именно къ ней и, остановившись, пригласилъ насъ войти. Эта дверь была такъ низка и мала, что мы должны были сильно согнуться, чтобъ пройти или, лучше сказать, пролѣзть въ нее по одному, такъ какъ войти заразъ двоимъ было невозможно. Вошелъ и я. И каково же было мое изумленіе, когда я очутился въ маленькой, плохо освѣщенной юртѣ, лицомъ къ лицу съ хутуктой, который сидѣлъ на низенькомъ диванѣ или постели, не болѣе какъ въ двухъ шагахъ отъ входной двери. Созданная воображеніемъ картина съ ея величіемъ, таинственностью и важностію, оказалось, никуда не годилась, и исчезла, уступивъ мѣсто совершенно простой и, какъ видите, совсѣмъ убогой дѣйствительности.

Какъ только мы вошли, хутукта (или гыгэнъ) привсталъ, поздоровался съ нами мило, просто и любезно; съ необыкновенной живостью и привѣтливымъ выраженіемъ лица, онъ тотчасъ пригласилъ насъ сѣсть на стоявшія маленькія скамеечки, не больше четверти аршина вышины, и велѣлъ подать чаю, который въ одну минуту былъ принесенъ въ чашкахъ двумя ламами. Остальные нѣсколько ламъ сидѣли возлѣ постели на корточкахъ.

Начался разговоръ черезъ переводчика; но содержаніе его можно безъ всякой потери выпустить, хотя онъ и могъ быть весьма интереснымъ. Я тѣмъ временемъ разсматривалъ хутукту и его обстановку. Онъ былъ человѣкъ средняго роста, лѣтъ сорока, худощавый, съ желтовато-смуглой кожей. Вся голова его была гладко выбрита; черты лица довольно правильны и гораздо болѣе подходили къ кавказскому типу, чѣмъ къ монгольскому; глаза черные, быстрые и умные; выраженіе лица любезное, внимательное и привѣтливое. Одѣтъ онъ былъ въ плащъ темно-желтаго цвѣта, перекинутый черезъ лѣвое плечо и окутывающій все тѣло, кромѣ правыхъ плеча и руки, которыя оставались обнаженными; а подъ плащомъ былъ халатъ или юпка коричнево-краснаго цвѣта. На диванѣ, стоявшемъ подъ навѣсомъ и служившемъ ему, какъ видно, постелью, лежала подушка въ видѣ валика; у изголовья, подъ занавѣсомъ, стоялъ столикъ, на которомъ помѣщались футляры съ стеклянными дверками и бронзовыми идолами внутри; передъ ними горѣла маленькая лампада. На другомъ столикѣ, возлѣ дивана, лежала пачка бумаги, исписанной молитвами, стоялъ ночникъ, освѣщавшій юрту, и лежала

табакерка, изъ которой хутукта часто нюхалъ табакъ; на него же поставили и наши чашки съ чаемъ.

Онъ говорилъ чрезвычайно развязно, держалъ себя совершенно просто, безъ малѣйшей важности, но съ достоинствомъ; во всѣхъ его манерахъ, вѣжливомъ обращеніи и любезномъ выраженіи лица проглядывалъ скорѣе европеецъ, да еще свѣтскій человѣкъ; на полудикаго же сына азіатскихъ степей онъ не походилъ нисколько. Хутукта просто изумилъ меня и мнѣ захотѣлось непремѣнно нарисовать его съ натуры. Я попросилъ переводчика передать ему о моемъ желаніи сохранить себѣ на память его портретъ и просьбу дозволить снять его. Гыгэнъ согласился безъ малѣйшаго возраженія... Какая разница, подумалъ я, между этой простотой, сговорчивостью и любезной готовностью на все, о чемъ его просили, и той напускной важностью и неприступной таинственностью, какими окружали себя и дворецъ главнаго хутукты старшіе ламы въ Ургѣ. Впрочемъ это и естественно: всякаго рода лакеи, въ большинствѣ случаевъ, бываютъ важнѣе и надменнѣе своихъ господъ. Такъ какъ мы знали, что онъ уже собирался лечь спать, то мы поторопились уйти. На прощанье онъ подалъ каждому изъ насъ руку, совершенно по европейски, и, простившись самымъ любезнымъ манеромъ, приказалъ ламамъ проводить насъ съ фонаремъ до нашей юрты. Сосновскій послалъ ему съ провожатыми одну изъ коробочекъ конфектъ, подаренныхъ намъ въ Кяхтѣ, а ламамъ—по грошевому складному ножу, самой плохой работы, такъ какъ лучшими онъ, къ сожалѣнію, не запасся. Я говорю, къ сожалѣнію, потому что по подобнымъ образцамъ монголы и китайцы должны составить себѣ весьма невыгодное понятіе о русскихъ издѣліяхъ.

Дома мы долго говорили о нашемъ новомъ знакомомъ, оставившемъ у всѣхъ хорошее воспоминаніе и всѣхъ удивившемъ своимъ утонченно вѣжливымъ обращеніемъ и простотою. Мнѣ же онъ просто показался загадочнымъ. Не монголъ онъ, невольно думалось мнѣ...

3 августа.

Проснувшись съ восходомъ солнца, совершивъ наскоро туалетъ и выпивъ чашку чаю, я одинъ отправился съ альбомомъ и красками въ монастырь — рисовать портретъ гыгэна. Въ Азіи это—визитъ вовсе не ранній, такъ какъ тамъ еще не научились превращать дня въ ночь и ночи въ день. Проходя черезъ пер-

вый дворъ, я увидѣлъ высокую и довольно красивую монгольскую дѣвушку, полную здоровья и силъ, которая стояла на ступеняхъ каменной лѣстницы передъ входомъ главнаго храма и молилась; щеки ея рдѣли румянцемъ, глаза были опущены внизъ, сложенныя руки подняты кверху и приложены ко лбу; по временамъ она набожно склонялась на колѣни и, вставая опять поднимала надъ головой свои руки. Не трудно видѣть молится ли человѣкъ отъ души или совершаетъ процессъ молитвы... Она отъ души молилась и мнѣ, по свойственному туристамъ любопытству, ужасно захотѣлось узнать, о чемъ просила небо эта молодая монголка? Готовилась ли она къ чему нибудь важному въ жизни или это важное уже совершилось и она благодарила боговъ? Но узнать не было средствъ, да и попытка эта, можетъ быть, была бы слишкомъ большою нескромностью.

Войдя въ юрту, я нашелъ хутукту совсѣмъ готовымъ къ сеансу; онъ былъ одѣтъ въ парадную одежду, т.-е. желтый атласный халатъ съ широкими рукавами и высокій желтый клобукъ, остроконечный съ отворотами. Поздоровавшись съ нимъ, я руками объяснилъ ему, что не умѣю говорить; показалъ ему свой альбомъ съ рисунками, сдѣланными раньше въ дорогѣ; онъ и находившіеся въ юртѣ ламы разсматривали ихъ съ дѣтскимъ любопытствомъ и неподдѣльнымъ интересомъ. Потомъ, также пантомимами, я далъ знать, что намѣренъ начать рисованіе портрета и онъ принялъ покойное положеніе. Портретъ акварелью, съ необенно тщательной отдѣлкой, дѣлается очень скоро, и когда онъ былъ готовъ, всѣ стали разсматривать его, удивлялись сходству, узнавали нарисованныя вещи, и не могли удержаться, чтобъ не хохотать отъ удовольствія, причемъ каждый изъ нихъ объяснялъ другому, что̀ узналъ самъ.

Увидавъ у меня резинку, которой я стиралъ карандашъ, хутукта пожелалъ посмотрѣть ее, и вѣроятно подумавъ, что это что-нибудь въ родѣ краски, которой можно рисовать, попробовалъ провести ею черту; но какъ только почувствовалъ, что она гнется, онъ вдругъ съ испугомъ бросилъ ее въ сторону и затрясъ рукою, растопыривъ пальцы, какъ дѣлаютъ, когда схватятъ что-нибудь отвратительное. На лицѣ его выразился страхъ. Я невольно разсмѣялся; а ламы въ испугѣ вскочили съ своихъ мѣстъ и закричали, спрашивая: „Га́ла?—Га́ла?“ Огонь? Горячее? Но гыгэнъ самъ тотчасъ расхохотался и успокоилъ свою свиту. Резинка пошла по рукамъ, и ея свойству — стирать карандашъ,

сгибаться и опять выпрямляться, — не могли достаточно надивиться... Когда мы въѣхали въ Монголію, я постоянно носилъ въ карманѣ гуттаперчевый стаканъ для питья, какъ монголы носятъ за пазухой деревянныя чашки для той же цѣли; я показалъ его гыгэну, который теперь хотя безъ страха, но все-таки съ нѣкоторымъ отвращеніемъ взялъ его въ руки и много удивлялся его способности складываться, выворачиваться и опять принимать прежнюю форму. Они, очевидно, совсѣмъ не были знакомы съ гуттаперчей.

Я сталъ прощаться; но онъ попросилъ еще разъ показать ему мой альбомъ; потомъ я обратился къ нему съ просьбой подписать подъ портретомъ свое имя, что̀ онъ тотчасъ исполнилъ. Для фотографа онъ позировалъ съ такою же готовностью.

За обѣдомъ переводчикъ разсказывалъ, что между ламами начинался разговоръ о томъ,—хорошо ли они сдѣлали, что позволили снимать портреты съ такого святаго человѣка, нѣтъ ли въ этомъ грѣха; и, кромѣ того, ихъ не мало смущали вопросы, зачѣмъ мы это дѣлали, не вышло бы изъ всего какой бѣды? Но гыгэнъ успокоилъ ихъ совершенно, объяснивъ, что изображеніе его снято для тѣхъ ихъ единовѣрцевъ, которые живутъ въ Россіи—для бурятъ, и такъ какъ они не могутъ пріѣхать сюда, чтобъ поклониться ему, то имъ пріятно будетъ по крайней мѣрѣ имѣть его изображеніе... Опять, какова находчивость и какой тактъ! Но дозволить сдѣлать фотографическій снимокъ съ ламъ въ храмѣ, во время богослуженія, хутукта не рѣшился, объяснивъ, что онъ лично не видитъ въ этомъ никакого грѣха, и понимаетъ, насколько это для насъ интересно, но суевѣріе ламъ такъ велико, что онъ опасается заслужить ихъ нареканіе и неудовольствіе, чего онъ бы не желалъ... Вотъ какого, по-своему замѣчательнаго, человѣка довелось встрѣтить на далекомъ суевѣрномъ востокѣ!

Въ полдень мы оставили Толи. Цѣлый день ѣдемъ по камнямъ, среди камней и можемъ любоваться различными видоизмѣненіями опять-таки каменныхъ породъ; вездѣ камень и камень... Страстный минералогъ задохнулся бы здѣсь отъ восторга; но просто живому человѣку тутъ кажется жутко: кварцъ, сланецъ, гранитъ, галька, песокъ и лишь кой-гдѣ рѣденькая тощая травка—вотъ и все содержаніе картинъ здѣшней природы; а жаркій воздухъ, отъ котораго негдѣ укрыться, соленая грязная вода въ колодцахъ, да невыносимо тряская дорога составляютъ условія здѣшняго

комфорта. Къ ночи собралась и разразилась страшная гроза съ проливнымъ дождемъ, но телѣги и юрты вполнѣ защищали насъ отъ бушевавшихъ стихій; только мы плохо надѣялись на свои непрочныя убѣжища и потому спали тревожно.

4 августа, воскресенье.

Теперь чувствуется, что мы въ глубинѣ безплодной пустыни и скудость ея природы сильно сказывается во всемъ; несчастная обстановка здѣшняго населенія становится еще болѣе поражающею. Это—страна страшныхъ лишеній для людей и невообразимыхъ страданій для животныхъ. Юрты здѣсь грязны; люди одѣты какъ нищіе и имѣютъ болѣзненный видъ; лошади худы; рогатаго скота не видно совсѣмъ; голодныя собаки, какъ тѣни, бродятъ около юртъ или верблюдовъ, можетъ быть ожидая съ нетерпѣніемъ ихъ смерти, а пока лижутъ и грызутъ снятыя съ нихъ сѣдла, потому что на нихъ остались слѣды крови отъ израненныхъ спинъ этихъ горемычныхъ созданій. Иные изъ верблюдовъ представляютъ буквально кожу да кости, тѣмъ не менѣе ихъ заставляютъ таскать на себѣ вьюки, потому что замѣнить ихъ некѣмъ; спины ихъ изъязвлены, а раны полны личинокъ мухъ, отъ которыхъ монголы стараются освободить ихъ, но дѣлаютъ это до крайности грубо. А иногда еще прилетитъ разбойникъ-воронъ и, если не доглядятъ, примется клевать израненную спину живаго верблюда...

Да, читатель, отвратительно и страшно; но такова здѣшняя жизнь! Я даже пожалѣлъ, что подошелъ къ верблюдамъ, когда ихъ развьючивали. Сердце мое страдало, когда я видѣлъ эти кроткіе глаза, изъ которыхъ текли слезы, не поэтическія, а настоящія, какія текутъ у людей въ минуты непосильныхъ физическихъ страданій; когда я услыхалъ ихъ жалобные стоны, ревъ и вздохи при грубомъ обхожденіи съ ними людей, хотя и безъ дурнаго намѣренія. У нѣкоторыхъ недоставало голоса кричать отъ боли; они только стонали и охали—и какъ эти стоны походили на человѣческіе! Да для чего же и за что, невольно спрашиваешь себя, на долю нѣкоторыхъ живыхъ существъ выпадаетъ такъ много и такихъ жестокихъ страданій! И какъ бы хотѣлось положить имъ конецъ, или, по крайней мѣрѣ, облегчить, уменьшить ихъ. Можетъ быть, это и возможно, но не для проѣзжающаго мимо путешественника; а потому—лучше уйдемъ скорѣе отъ тяжкаго зрѣлища.

Я обрадовался, когда увидалъ, что со слѣдующей станціи нашъ багажъ повезли не на верблюдахъ, а на двухъ китайскихъ грузовыхъ телѣгахъ: лошади все-таки не такъ измучены, да и появленіе этихъ телѣгъ служило пріятнымъ вѣстникомъ, что пустынѣ скоро конецъ. Тѣмъ не менѣе на протяженіи всей слѣдующей станціи поверхность земли представлялась усѣянною одними голыми камнями, какъ будто нарочно насыпанными здѣсь; и больше о дорогѣ сказать нечего...

Почти каждая ночь застаетъ насъ въ дорогѣ и никакія силы не въ состояніи что-нибудь измѣнить въ предписаніяхъ „степныхъ законовъ“. Сегодня опять пріѣхали на ночлегъ, когда почти слѣдовало бы вставать.

5 августа.

Вслѣдствіе ѣзды по ночамъ, которыя здѣсь обыкновенно очень свѣжи, мы начинаемъ хворать: у одного насморкъ, у другаго зубы разболѣлись, у того въ ухо стрѣляетъ. Казаки жалуются на усталость, оттого, что имъ не удается выспаться, потому что имъ приходится по ночамъ возиться съ вещами, принимать ихъ, укладывать на новыя телѣги или вьюки; а въ потьмахъ это въ высшей степени неудобно и совершается медленно.

Выѣхали, разумѣется, не рано. Дорога идетъ равниной, которая сегодня въ общемъ имѣетъ зеленый цвѣтъ; попадаются даже мелкіе цвѣты; множество ящерицъ бѣгаетъ по землѣ. Въ полдень пріѣхали на станцію усталые и голодные, и тутъ отдается такая программа на нынѣшній день: часамъ къ четыремъ пріѣхать на слѣдующую станцію; тамъ остановимся часа на три, потому что убьютъ барана и будутъ варить супъ; а послѣ обѣда поѣдемъ дальше. Выходитъ, что отъ 12 часовъ до 4-хъ, т.-е. самое жаркое время дня, мы будемъ печься на солнцѣ сами и морить животныхъ, а отъ четырехъ часовъ, когда жаръ спадетъ, простоимъ на мѣстѣ въ ожиданіи вареной баранины и потомъ, наѣвшись, выѣдемъ на закатѣ солнца. Значитъ опять пріѣдемъ поздно, и на другой день опять поздно встанемъ... Всѣ изумлялись, и какъ ни ломали себѣ голову, чтобъ разрѣшить вопросъ, — почему же такъ лучше, въ чемъ тутъ выгода,—ничего придумать не могли и только повиновались, утѣшая себя надеждою, что авось послѣ, когда опытъ научитъ, у насъ пойдутъ иные порядки.

Я уѣхалъ съ однимъ изъ казаковъ впередъ. Ѣдемъ по равнинѣ, нѣсколько болѣе оживленной; на ней встрѣчаются интересныя

чашеобразныя углубленія съ озерками посрединѣ; вся равнина представляетъ царство полыни и воздухъ сильно пропитанъ ея запахомъ. Стадо антилопъ (цзэрэнъ), головъ въ тридцать, пересѣкло намъ дорогу и унеслось вдаль; невдалекѣ отъ насъ расхаживали двѣ драхвы и надъ нами пролетѣло стадо пустынниковъ. Это появленіе животныхъ также служило предвѣстникомъ, что мы скоро выберемся изъ Гоби.

Пріѣхали на станцію Шара-Мурэнь, сорокъ третью по счету отъ Урги, и нашли здѣсь сопровождавшаго насъ монгольскаго чиновника,—Хундэ или Хундугэ, пріѣхавшаго раньше насъ. Онъ отдавалъ распоряженія о лошадяхъ и телѣгахъ для дальнѣйшаго движенія и заботился о приготовленіи намъ ужина. Солнце уже опускалось къ горизонту, а лошадей я не видалъ нигдѣ, телѣгъ тоже; за бараномъ только-что послали куда-то, и меня даже удивляло, куда тутъ можно послать, когда кромѣ трехъ жалкихъ юртъ на всемъ пространствѣ ничего кругомъ не видать, на сколько глазъ хватаетъ; а онъ вездѣ видитъ открытый горизонтъ. Однако, барана достали. Ну, не скоро мы уѣдемъ отсюда, подумалъ я; и дѣйствительно, пока всѣ съѣхались, пока сварили супъ и всѣ пообѣдали, и когда наконецъ все было готово къ отъѣзду, свѣтило уже не солнце, а молодой мѣсяцъ да яркія звѣзды. Но когда вышли изъ юрты, чтобъ садиться въ телѣги и на лошадей, тутъ только узнали, что еще не хватаетъ многихъ людей и лошадей, и нѣтъ телѣгъ подъ багажъ. Поднялись крикъ, гамъ, бѣготня; крошечный пикетъ ожилъ; пустыня огласилась распеканіями за нераспорядительность, угрозами, направленными на Хундэ и громогласными приказаніями, чтобъ сейчасъ, немедленно все было готово. Раздался топотъ гонцовъ, полетѣвшихъ во всѣ стороны за разными предметами, безъ которыхъ мы не могли двинуться съ мѣста. А на дворѣ ужъ ночь. Спать бы пора, а мы начинаемъ въ дорогу собираться.

Я и Матусовскій предложили-было остаться здѣсь ночевать, приготовить все съ вечера и завтра чѣмъ свѣтъ выѣхать; но наше предложеніе было отвергнуто на томъ основаніи, что мы „и такъ проѣхали сегодня слишкомъ мало, только 47 верстъ“. Пробовали еще убѣждать; но наши слова были названы „оппозиціей“, и рѣшено во что бы ни стало проѣхать сегодня еще станцію, хотя на самомъ дѣлѣ это дѣлалось, конечно, на счетъ завтрашняго дня. Ну, проѣдемъ еще станцію сегодня. Стоимъ готовые къ отъѣзду, ждемъ. Суматоха не прекращается; то за-

тихнетъ, то, какъ пламя пожара, снова вспыхнетъ: рѣчи принимаютъ болѣе громкій тонъ, болѣе грозное содержаніе; до моего уха долетаютъ удары нагайки,—этого неразлучнаго спутника „степныхъ законовъ“; за ударами раздаются крики мольбы о помилованіи; а дѣло впередъ не подвигается. Девять часовъ вечера,—мы стоимъ у незаложенныхъ телѣгъ; десять часовъ, одиннадцать,—все стоимъ и все собираемся въ путь. Измученные казаки и монголы не спятъ, мы тоже; стоимъ и дремлемъ. О гонцахъ, ускакавшихъ за лошадьми точно въ другой міръ,—ни слуху, ни духу. Степь давно спитъ мертвымъ сномъ и ни одинъ звукъ теперь не нарушаетъ ея ночнаго безмолвія. Наконецъ, когда стоявшіе за отъѣздъ сегодня, а не завтра, Сосновскій, и съ нимъ Боярскій и Андреевскій, пришли къ убѣжденію, что посредствомъ крика и прочаго нельзя создать настоящихъ лошадей,—отъ перваго пришло приказаніе оставаться ночевать... Но, какъ часто бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, сонъ прошелъ, и я лежалъ въ телѣгѣ, предаваясь, противъ воли, размышленіямъ о разныхъ непостижимыхъ для меня вещахъ нашего путешествія, которое начинало дѣлаться загадочнымъ. Чрезъ нѣсколько времени является Матусовскій.

— Вы не спите? спрашиваетъ онъ.

— Нѣтъ.

— Отчего это у меня такое непріятное ощущеніе во рту? спрашиваетъ онъ:—что-то такое, этакое...

— Оттого, что ѣдите на ночь, отвѣтилъ я.

— Что же бы сдѣлать, чтобы не было?

— Да что́ же сдѣлать? Давайте выпьемъ чаю; кстати и мнѣ пить хочется, да и сонъ совсѣмъ пропалъ.

Мы шепнули казаку Степанову, чтобъ онъ согрѣлъ намъ въ маленькомъ чайникѣ воды и принесъ въ пустую юрту. Казакъ Степановъ принадлежитъ къ числу тѣхъ людей, у которыхъ въ рукахъ дѣло горитъ: у Степанова и костеръ быстрѣе разгорается, и вода скорѣе закипаетъ, и у всякой лошади рыси прибавляется, когда она подъ нимъ идетъ. Мы уже со Степановымъ, по русской поговоркѣ, довольно соли съѣли, чтобъ я могъ разглядѣть въ немъ неутомимаго, ловкаго и вмѣстѣ съ тѣмъ чрезвычайно скромнаго человѣка, и въ этомъ отношеніи онъ представлялъ полнѣйшій контрастъ съ другимъ казакомъ,—Павловымъ. Степановъ работаетъ больше всѣхъ, менѣе всѣхъ замѣтенъ и никогда про свои достоинства и дѣятельность ничего не разсказываетъ. О чемъ

бы и когда бы его ни попросили, отказа никогда не бываетъ. „Слушаю-съ", отвѣтитъ онъ, и просьба мигомъ исполняется. Такъ и теперь онъ живо согрѣлъ чайникъ, заварилъ чаю и принесъ въ юрту. У меня нашлись огарки стеариновыхъ свѣчей; ихъ зажгли, и пошла у насъ съ Матусовскимъ бесѣда, которая, какъ извѣстно, у русскихъ людей за чаемъ всегда споръе идетъ. Говорилось, разумѣется, о путешествіи, о томъ, что уже прошло; главной же нашей заботой было будущее. Многое начинало серьезно тревожить насъ; но раньше мы, какъ еще мало знакомые между собою, не высказывались, а тутъ въ первый разъ разговорились; и открылось, что мы во многомъ были единомышленниками. Эта бесѣдка имѣла важное значеніе на томъ основаніи, что путешественникамъ полезно и даже необходимо оглядываться по временамъ назадъ, на пройденный путь, на самого себя и собирать мысли, которыя, подъ вліяніемъ безпрестанно мѣняющихся обстановки и впечатлѣній, ужасно разбредаются. Въ путешествіи же, подобномъ нашему, необходимо было кромѣ того будить мысли, потому что я чувствовалъ, что мозгъ впадалъ въ какую-то спячку.

О чемъ шла у насъ бесѣда, я здѣсь не повѣдаю читателю, а можетъ быть разскажу въ другомъ мѣстѣ; теперь же скажу, что будущее послѣ нея стало представляться намъ въ самомъ мрачномъ цвѣтѣ. Матусовскій наконецъ заснулъ, а у меня сонъ окончательно прошелъ, и я рѣшилъ дождаться восхода солнца,—хотѣлось посмотрѣть, какъ восходитъ оно въ Гоби, словно послѣдняя не есть частичка все той же нашей планеты. Сначала я долго писалъ въ юртѣ свои кой-какія замѣтки, а когда черезъ щели ея уже стало просвѣчивать голубое небо, я вышелъ и отмѣтилъ въ своей дорожной книжкѣ число слѣдующаго дня.

6 августа.

Свѣтаетъ. Монголы уже проснулись; слышны говоръ, чей-то мучительный кашель и ржаніе лошадей, которыя, бѣдныя, такъ и простояли всю ночь подъ сѣдлами привязанными; слѣдовательно онѣ были голодны, и сколько смысла въ этомъ поворотѣ головы къ подходящему человѣку, во взглядѣ и въ этомъ ржаніи, выражающемъ вопросы: отчего же до сихъ поръ не даютъ намъ ѣсть? Зачѣмъ цѣлую ночь продержали на привязи?.. Жалко было бѣдныхъ животныхъ... Утро было такое свѣжее, что я въ тепломъ пальто дрожалъ и не могъ согрѣться; думалъ ужъ не мо-

розъ ли, но термометръ показывалъ даже десять градусовъ тепла. Вотъ что значитъ привыкнуть къ теплу тридцатипяти-градусному, какое стояло въ то время днемъ.

Хожу около юртъ и посматриваю на постепенно разгорающійся на востокѣ уголокъ бирюзоваго неба. Вся земля еще въ синеватомъ туманѣ; но вотъ лучъ свѣта скользнулъ по ней и озарилъ зеленую траву, юрты, телѣги и лошадей. Отъ всѣхъ предметовъ протянулись по степи длинныя холодныя тѣни; все ожило; проснулись и потянули черезъ степь стада птицъ; другія, маленькія, прилетѣли къ нашему лагерю и запрыгали вблизи юртъ, чирикая и посвистывая на разные лады. Проснулись казаки, потомъ другіе мои спутники и, снарядившись, вскорѣ тронулись въ путь.

Почва стала болѣе глинистой, и растительность, хотя все еще бѣдная, обильнѣе покрывала землю. Здѣсь уже была видна настоящая дорога въ двѣ колеи, кругомъ обросшія травой, точь въ точь какъ наши не бойкія проселочныя дороги; встрѣчалось также много нашихъ травъ и цвѣтовъ, и даже нѣсколько стебельковъ гречихи, выросшей вѣроятно изъ случайно попавшихъ сюда зеренъ. А мысли, навѣянныя этой дорогой и цвѣтущей гречихой, унеслись къ русскимъ деревнямъ и полямъ, и мнѣ такъ и казалось, что вотъ сейчасъ въ знакомую усадьбу пріѣдемъ. Я задумался; но подъѣхалъ Степановъ и при его словахъ мысли о далекой родинѣ мигомъ улетѣли прочь.

— Цѣлая тысяча дикихъ козъ, говоритъ онъ, стараясь придать своему голосу выраженіе самаго невозмутимаго спокойствія; но я видѣлъ, какъ билось его охотничье сердце, и понялъ, что́ значили его слова,—надо бы подъѣхать съ ружьями,

— Гдѣ онѣ?

— „А вотъ тутъ, недалечко за уваломъ...

Мы достали изъ повозокъ свои бердановскіе штуцера и отдавъ монголу лошадей, пригнувшись, пошли пѣшкомъ къ пригорку, за которымъ должны были увидать стадо антилопъ—цзэрэнъ. Сердце билось такъ, какъ будто лопнуть собиралось; въ груди спирало дыханіе. Проползши еще нѣсколько десятковъ шаговъ и приподнявшись, мы увидали за холмомъ ихъ красивыя головки; но и онѣ тоже замѣтили насъ и стали тихо уходить прочь.—„Стрѣляй, Степановъ!“ сказалъ я, зная, какое удовольствіе доставлялъ ему этимъ правомъ перваго выстрѣла. Онъ прицѣливается, раздается выстрѣлъ, но, понятно, безъ успѣха... Вотъ почему понятно; чтобъ стрѣлять хорошо, надо хорошо знать свое ружье, а мы ихъ во-

все не знали, потому что хотя и стрѣляли изъ нихъ въ цѣль въ Семипалатинскѣ подъ руководствомъ нашего распорядителя, но крайне безтолково, по избитымъ мишенямъ, и ничему не научились. Цзэрэны стрѣлой умчались на отдаленный холмъ, а мы, какъ это всегда бываетъ съ охотниками, стали разсуждать о томъ, какъ надо было бы дѣйствовать, т.-е. не такъ, какъ мы поступили, и поѣхали дальше. Въ пожелтѣвшей травѣ бѣгало и взлетало почти изъ-подъ ногъ лошадей множество жаворонковъ, но пѣнія ихъ нигдѣ не было слышно: все было тихо кругомъ.

На станціи Цаганъ-Худукъ юрта оказалась тѣсная и старая, но на полу постланъ новый и бѣлый, какъ снѣгъ, войлокъ, на который даже пріятно лечь; отъ солнца защита есть, а больше намъ ничего не требуется, — мы ужъ стали кочевниками. Я настолько забылъ о европейскомъ комфортѣ и такъ привыкъ къ неудобствамъ бродячей жизни, что мнѣ начинало казаться, что я никогда и не жилъ иначе. Напившись здѣсь чаю, мы уѣхали дальше; я сѣлъ теперь въ повозку, потому что меня одолѣвалъ сонъ, и проспалъ половину дороги до слѣдующей станціи, пока меня не разбудила страшная тряска телѣги, которая тяжело поднималась въ гору по отвратительной каменистой дорогѣ. Несчастные возницы—беззубый старикъ и юноша,—мальчикъ или дѣвушка, ихъ не разберешь,—просто изъ силъ выбились и послѣдній чуть не плакалъ, такъ что я велѣлъ другому монголу замѣнить его. За переваломъ пошла холмистая мѣстность и растительность стала богаче; луга пестрѣли цвѣтами. Гористая мѣстность тянулась и за станціей Олонъ-Худукъ; а огромные холмы, образующіе величественные покатые склоны, спускающіеся въ громадныя долины, напомнили мнѣ мѣста, встрѣчавшіяся между Кяхтой и Ургой. Растительность становится еще разнообразнѣе; встрѣчается много цвѣтовъ, но они однообразны и между ними преобладаютъ мелкія сибирскія астры.

Мнѣ попалась такая дурная и тряская лошадь, что я почти всю станцію съ удовольствіемъ прошелъ пѣшкомъ, только по временамъ садясь на нее, чтобъ отдохнуть. На слѣдующей станціи Голтай остановились ночевать.

7 августа.

Выставленныя для насъ юрты и стоящій не подалеку небольшой монгольскій поселокъ, состоящій лишь изъ нѣсколькихъ юртъ, расположены на равнинѣ, окруженной холмами, по кото-

рымъ точно искусственно разставлены камни, напоминающіе надгробные памятники или развалины. За ближайшими холмами поднимаются другіе, болѣе высокіе, всѣ одѣтые травой. Перемѣнили лошадей и уѣхали. Обширныя зеленыя долины смѣнялись холмами; проѣхали небольшимъ ущельемъ, въ которомъ лежатъ округленные временемъ обломки упавшихъ и разбившихся скалъ, и когда выбрались изъ лабиринта холмовъ, передъ нами опять открылась обширная гладкая долина, ушедшая въ безпредѣльную туманную даль, гдѣ надъ нею поднимались легкія голубыя горы, образующія нѣсколько плановъ.

Жарко и скучно; непонятная жажда движенія впередъ къ новому и невѣдомому заставляетъ погонять лошадь; хочется скорѣе достигнуть этой ширмы горъ и скорѣе увидать, что тамъ скрывается за ними. Но тяжело иногда бываетъ отъ этого стремленія въ неизвѣстную даль, все къ чему-то лучшему, и не разъ я завидовалъ тѣмъ, кто не страдаетъ этой болѣзнью. Вотъ рядомъ со мной ѣдетъ монголъ, ведетъ запасныхъ лошадей. Что за блаженнѣйшая и всѣмъ довольная физіономія. Солнце жжетъ его непокрытую голову; лицо блеститъ, словно намазанное масломъ; прищуривъ глаза такъ, что отъ нихъ остались двѣ узенькія щелочки, онъ какъ будто улыбается, но, всмотрѣвшись въ его лицо, видишь, что улыбки нѣтъ. Видно только, что онъ въ эту минуту ничего не желаетъ, ни о чемъ не думаетъ и никуда не стремится; онъ ѣдетъ, потому что сидитъ на лошади, потому что лошадь его везетъ, потому что ему приказано ѣхать; онъ просто живетъ какъ цзэрэнъ, какъ степная птица, и, пока здоровъ и сытъ, совершенно доволенъ и покоенъ... И смотря по состоянію духа, въ какомъ находишься, или содрогнешься при мысли о подобномъ существованіи, или позавидуешь ему.

Переѣзжаемъ равнину. Лошадь моя бѣжитъ хорошей рысью или несется галопомъ, а до ея другаго конца все еще далеко. Добрались наконецъ, перевалили черезъ холмъ и, спустившись съ него, неожиданно очутились у самой станціи. Здѣсь по нешироко долинѣ разсѣяно много отдѣльныхъ поселковъ въ три, четыре юрты каждый; не вдалекѣ пасутся табуны лошадей и стада рогатаго скота, а на высокихъ боковыхъ пригоркахъ, зеленыхъ и такихъ гладенькихъ, какъ будто стриженый газонъ въ паркѣ, пестрѣютъ стада барановъ. Все это, послѣ мертвыхъ пустынь, очень радуетъ глазъ.

Наши юрты выставлены отдѣльно въ сторонѣ; но народу со-

бралось много, и между монголами были также китайцы; тутъ же стояло много осѣданныхъ лошадей; въ аулахъ раздавались шумъ, говоръ, и въ одномъ мѣстѣ сердитые крики; это два монгола подрались за какую-то веревку. Не подалеку отъ юртъ я увидалъ въ каменной оградѣ огородъ, засѣянный картофелемъ, и видъ его, послѣ безконечныхъ пространствъ невоздѣланной земли, опять произвелъ на меня необыкновенно пріятное впечатлѣніе. Но какой оригинальный контрастъ: рядомъ съ знакомой теперь и читателю громадной пустыней—огородъ саженъ въ полторы длины; и въ полтора аршина ширины!

Его хозяйка была тутъ, и мы спросили, не продастъ ли она намъ картофелю; но монголка ни за что не соглашалась, потому что, говорила она, законъ запрещаетъ продавать то, что еще не созрѣло; и долго стояла на своемъ. Однако коварный блескъ новенькаго серебрянаго рубля искусилъ ее и она продала за него и законъ, и весь свой картофель, который сейчасъ и повыдергала; клубни его были еще величиною не больше волошскихъ орѣховъ... Итакъ у насъ свѣжій молодой картофель и этого одного достаточно, чтобъ ознаменовать день въ настоящей однообразной жизни. Впрочемъ нынѣшній день замѣчателенъ во многихъ отношеніяхъ: онъ представляетъ, полное нарушеніе „степныхъ законовъ“; а именно, сегодня мы вовремя выѣхали, на слѣдующей станціи съ аппетитомъ пообѣдали и напились чаю и потомъ ѣхали бодрыми, веселыми и не голодными, какъ прежде, весь день до вечера.

Дорога шла дальше по холмистой мѣстности, камней встрѣчалось не такъ много, хотя попадались довольно большіе; и нельзя было не удивляться, какъ никому въ голову не придетъ сбросить ихъ прочь, такъ какъ здѣсь пошла уже не бездорожная степь, которую всю, разумѣется, не расчистишь, а ясный колесный путь, который, правда, расходится мѣстами, напримѣръ въ долинахъ, на десять и болѣе дорогъ. Но черезъ пригорки, гдѣ всего чаще попадаются камни, идетъ всегда одна дорога, и съ нея, повидимому, ни одинъ человѣкъ не сбросилъ камня, словно это считается грѣхомъ. Не лежитъ ли въ самомъ дѣлѣ какой-нибудь предразсудокъ въ основаніи этой замѣчательной небрежности монголъ по отношенію къ своимъ дорогамъ?

Далѣе характеръ страны рѣзко мѣняется: степныхъ травъ и цвѣтовъ почти не видно; вмѣсто нихъ явились богатыя луговыя растенія со множествомъ разнообразныхъ цвѣтовъ. Но не потя-

нется ли за этими лугами опять оголенная и выжженная почва? Нѣтъ,—вамъ говорятъ, что пустыня кончилась... Та страшная Гоби, которая пугаетъ воображеніе человѣка, намѣревающагося переѣхать ее, — она уже осталась назади. А я все ожидалъ настоящей пустыни, вполнѣ похожей на созданную воображеніемъ...

Слѣдующая станція, Чачарту, представляла довольно оживленный пикетъ, похожій на нашу деревню, если забыть, что передъ глазами стоятъ не избы, а юрты. Послѣднія окружены здѣсь каменными оградами,—признакъ нѣкоторой осѣдлости и роскоши, какой я еще не встрѣчалъ въ Монголіи до сихъ поръ; здѣсь впрочемъ и во всемъ видно больше довольства, и вода прекрасная, хотя также добываемая изъ колодца, а не ручья.

Мы продолжали путь по долинѣ, усѣянной множествомъ цвѣтовъ и какъ бы искусственно украшенной изсѣченными изъ гранита фигурами разныхъ животныхъ и другихъ предметовъ, на которые похожи разсѣянныя по степи гранитныя глыбы, основаніемъ своимъ уходящія въ землю. Неизвѣстно какъ и откуда попали онѣ сюда, такъ какъ нигдѣ вблизи горъ нѣтъ, чтобы можно было принять ихъ за обломки послѣднихъ. Солнце скрылось за высокіе холмы и въ долинѣ вдругъ такъ посвѣжѣло, что пришлось надѣть суконные сюртуки. Когда долина кончилась, мы точно выѣзжали изъ какихъ-то гигантскихъ воротъ, на которыя походили возвышавшіеся по обѣимъ сторонамъ почти вертикальные холмы, и въ отверстіи между ними открывалась обширная равнина, вблизи желтоватая, а вдали голубая, какъ море. Выѣхавъ на нее мы увидали себя среди громаднаго открытаго пространства, окаймленнаго со всѣхъ сторонъ очень отдаленными горами. Въ лѣвой сторонѣ отъ дороги лежало большое озеро Цаганъ-Норъ. Солнце сѣло, воздухъ сталъ холоденъ, и такъ сыръ, что даже чувствовалась влажность платья,—вліяніе близости упомянутаго озера. Мы приближались къ мѣстечку, судя по количеству юртъ довольно многолюдному, по имени Минганъ. Юрты его хорошо сдѣланныя, чистыя; около нихъ также каменныя ограды и огороды; вблизи сложены запасы топлива въ видѣ хвороста; въ окрестностяхъ пасутся большія стада барановъ.

Уже наступили сумерки и въ воздухѣ очень холодно; монголы стоятъ разсѣянными группами около разведенныхъ костровъ, на которыхъ варятъ пищу и грѣются; все селеніе дымится. Я въѣхалъ въ нѣкоторое подобіе улицы; проводникъ круто поворачиваетъ за уголъ и останавливается, но ужъ не у юрты, а у не-

большихъ воротъ въ глиняной оградѣ, за которой стояли наши телѣги, окруженныя толпою собравшихся туземцевъ. И вся обстановка въ этомъ временномъ пріютѣ оказывается совершенно новою: внутри ограды находится дворъ и на немъ стоятъ четыре глиняныхъ китайскихъ домика. Этотъ домъ служитъ станціей для проѣзжающихъ; живущихъ же въ немъ никого нѣтъ. Я вошелъ въ комнату средняго домика, въ которомъ помѣстились мои спутники. Она была маленькая съ однимъ окномъ, заставленнымъ рамой, оклеенной тонкой бумагой. У окна находилась широкая глиняная лежанка, покрытая ковромъ, на которомъ стоялъ низенькій столикъ, а по остальнымъ тремъ сторонамъ устроены деревянныя лавки, неподвижно придѣланныя къ стѣнамъ. Послѣднія покрыты бѣлой штукатуркой и всѣ изрисованы безобразными фигурами лошадей, а также картинами нецензурнаго характера, и исписаны китайскими, маньчжурскими надписями, содержаніе которыхъ для насъ осталось неизвѣстнымъ, такъ какъ нашъ переводчикъ читать ни по-китайски, ни по-маньчжурски не умѣлъ. Потолокъ въ комнатѣ сдѣланъ изъ бамбуковой рѣшетки, оклеенной бумагой, которая во многихъ мѣстахъ прорвана и виситъ внизъ безобразными клочьями. Поужинавъ, мы улеглись спать въ этой комнатѣ... А давно ужь въ домѣ не спали.

8 августа.

Выѣхали рано. Густая яркозеленая трава была еще покрыта давно невиданной росой, дорога шла непрерывной равниной до слѣдующей станціи, устроенной также въ видѣ китайскаго домика. Напились чаю и продолжали путь все черезъ ту же равнину. Озеро Цаганъ-Норъ у насъ еще въ виду, а не далеко отъ дороги встрѣтилось другое меньшей величины, но также большое. Его голые и топкіе берега такъ низки, что вдали на горизонтѣ видна только узенькая полоска земли, отдѣляющая небо отъ поверхности воды. На его берегахъ сбивается какъ бы желтоватая пѣна, но она плотна и состоитъ изъ особаго рода водоросли. Вблизи озера растетъ много чія; вода въ немъ мутна на видъ, точно смѣшана съ молокомъ, и солоноватаго вкуса. Хотя на озерѣ встрѣчаются птицы,—журавли, утки и кулики разныхъ породъ,—но онѣ не оживляютъ унылой картины, какую представляютъ его окрестности: онѣ пусты, безжизненны и производятъ на душу гнетущее впечатлѣніе; недостаетъ человѣка или чего-нибудь, напоминающаго о немъ. Вонъ только тамъ, на

сѣверо-западѣ, видны отдаленныя невысокія горы; у подошвы ихъ бѣлѣются зданія ламскаго монастыря, а выше его въ горахъ расположенъ другой подобный, и ихъ пріятно видѣть даже издали.

Остальная часть дороги была дурна; на ней безпрестанно попадались кочки и стояли лужи отъ недавнихъ дождей. Но переѣздъ былъ небольшой и передъ нашими глазами скоро показались разсѣянныя стада барановъ и юрты станціи Хуйсуту. Въ подобныхъ мѣстностяхъ каждый новый предметъ обращаетъ на себя вниманіе—и считаешь нужнымъ обо всемъ упомянуть... Такъ здѣсь новостью явились пастухи въ соломенныхъ шляпахъ съ широкими полями и, что за чудо! — домикъ, на видъ совсѣмъ русской постройки, съ деревянной крышей, крыльцомъ съ навѣсомъ и заборомъ. Я узналъ только, что это былъ хлѣбный магазинъ; но кто и когда его построилъ и почему на русскій ладъ,— даже этого добиться не могъ: до того плохи были наши разговорныя средства.

Пока на станціи шли приготовленія къ дальнѣйшему движенію, я присѣлъ въ тѣни телѣги и писалъ свои замѣтки. Кругомъ, по обыкновенію, собрались любопытные и наблюдали за моимъ письмомъ, передавая другъ другу свои замѣчанія, по преимуществу насчетъ поражавшей ихъ быстроты писанія. Рядомъ съ большими стояли прелестные ребятенки, лѣтъ шести, семи и, несмотря на то, что они сами едва стали ходить твердо, эти крошки ужь таскали на спинѣ своихъ младшихъ братьевъ и сестеръ, которые держались ручонками за ихъ шеи; и все это дѣлалось такъ просто и даже серьезно, что, видно, подобное тасканіе маленькихъ дѣтей болѣе взрослыми не есть случайность или забава, а одна изъ ихъ обычныхъ домашнихъ обязанностей.

Ѣдемъ дальше равниной же: кругомъ все зелено; часто встрѣчаются озерки или лужи, образующія болотистыя мѣста, на которыхъ держится водяная птица; чибесы летаютъ надъ болотомъ, которое мы переѣзжаемъ. Другаго ничего не встрѣтилось... На слѣдующей станціи къ намъ явился разнощикъ съ яблоками, мелкими и невкусными; но вѣдь это были первыя яблоки; они были единственныя, явившіяся послѣ переѣзда черезъ пустыню,—такъ можно ли было разбирать и выбирать. Мы купили всѣ и отправились въ путь.

Дорога вскорѣ стала подниматься съ пригорка на пригорокъ; лошадь у меня была превосходная; она легко и бодро, точно на

крыльяхъ, взлетала на нихъ; а когда лошадь такъ идетъ, то и самому кажется, что не ѣдешь, а несешься подобно вѣтру, такъ легко и плавно. Миновавъ много пригорковъ и долинъ, обогнавъ телѣги и оставивъ ихъ далеко за собой, я мигомъ поднялся еще на одинъ высокій холмъ, ничего не ожидая увидать за нимъ, кромѣ такихъ же холмовъ,—и вдругъ былъ пораженъ неожиданной перемѣной въ характерѣ мѣстности. Остановилъ лошадь и заглядѣлся на открывавшійся передо мною видъ, простой, но очаровательный своею безпредѣльностью. Почти отъ самого подножія холма, на которомъ я остановился, передо мною, далеко внизу, вдругъ открылась поверхность огромнаго озера, окаймленнаго зелеными берегами; съ одной стороны они постепенно поднимались къ окрестнымъ холмамъ, а съ другой—уходили вдаль, гдѣ надъ ними возвышалась голубая гряда невысокихъ горъ. Вода въ озерѣ была спокойна и гладка, и лишь мѣстами вѣтеръ рябилъ ея зеркальную гладь, проводя по ней тонкіе штрихи бирюзоваго цвѣта. Это было второе изъ двухъ озеръ Цаганъ-Норъ, которыя монголы называютъ по какому-то повѣрью „родными братьями“. Холмъ былъ очень высокъ и спускался къ равнинѣ весьма отлогой покатостью, окончаніе которой на равнинѣ было такъ далеко отъ вершины, что, несмотря на хорошее зрѣніе, я едва могъ разглядѣть двигавшіяся тамъ чьи-то телѣги. Эта равнина, кромѣ своихъ величественныхъ размѣровъ, производила еще сильное впечатлѣніе той торжественной тишиной, какая царила надъ нею и надъ озеромъ. Но картина слишкомъ мертва; въ ней, при общемъ взглядѣ, нигдѣ не видно живыхъ существъ; точно смотришь на землю въ ту эпоху, когда были только „отдѣлены воды отъ земли и послѣдней повелѣно произвести растенія“. Только всматриваясь внимательнѣе, разглядишь гдѣ-нибудь орла, сидящаго на темно-сѣромъ камнѣ, какихъ тутъ много разсѣяно по склонамъ холмовъ, да чуть бѣлѣющія вдали юрты, къ которымъ я и направился.

Вся равнина покрыта ярко-зеленой травой, тонкой и гладкой, какъ волосы на давно небритой головѣ ламы; только изрѣдка на ней попадаются отдѣльные кусты чія и мѣстами встрѣчаются почти голыя песчаныя пространства, но небольшихъ размѣровъ. Быстро проѣхалъ я по этому гладкому и мягкому, какъ шелковый коверъ, лугу, пробрался черезъ встрѣтившіяся потомъ болотистыя и грязныя мѣста и пріѣхалъ на станцію, гдѣ должны были ночевать.

9 августа.

Утромъ была открыта фотографія и, пользуясь остановкой, я также нарисовалъ нѣсколько портретовъ и типовъ здѣшнихъ монголовъ, которые принадлежатъ къ племени цахаровъ. Они отличаются отъ обитателей Халхи, по которой мы ѣхали до сихъ поръ, какъ лицомъ, такъ особенно костюмомъ, а женщины еще и прической. У цахаровъ менѣе выдаются скулы, не такъ скошены глазныя щели и профиль нѣсколько правильнѣе. На этой станціи, во время нашихъ занятій, къ намъ явился странствующій пѣвецъ-китаецъ, съ двумя инструментами,—флейтой и другимъ, который я назову скрипкой, хотя это названіе можно ему дать только потому, что на немъ играютъ смычкомъ. Музыкантъ игралъ и пѣлъ очень ловко; мотивы его пѣсенъ были веселые, размѣръ и характеръ напѣва живой и энергичный; къ сожалѣнію, смыслъ словъ остался для меня непонятнымъ.

Слѣдующую станцію я проѣхалъ въ телѣгѣ вдвоемъ съ Матусовскимъ, что оказалось возможнымъ и не особенно неудобнымъ. Мы проговорили всю станцію объ одномъ эпизодѣ, имѣвшемъ важное значеніе для всѣхъ, отправлявшихся вмѣстѣ въ полуторагодовое путешествіе; но важность случившагося на прошлой станціи не всѣми спутниками понималась. Этотъ случай, ничтожный и не интересный самъ по себѣ, ясно доказалъ, что такъ-называемые „степные законы“ Сосновскаго суть не что иное, какъ правила, которыя могутъ быть примѣняемы, какъ ему будетъ угодно и какъ выгодно. Другими словами, онъ доказалъ, что никакихъ правилъ и законовъ нѣтъ и не будетъ, а есть и будетъ ничѣмъ не сдержанный произволъ нашего распорядителя надъ всѣми нами. Мы уже давно стали чувствовать всю шаткость и эластичность этихъ „законовъ“, но все думали, — авось это еще перемѣнится, и потому многое прощали ему, думая про себя,— ну, „не всяко же лыко въ строку“. Точно такъ же мы старались позабыть и сегодняшній случай.

Проговоривъ всю дорогу, которая не представляла ровно ничего интереснаго, мы не замѣтили, какъ пріѣхали на станцію Бургасутай. Тутъ находился миніатюрный, хорошенькій постоялый дворъ, просившійся на картинку. На дворѣ толпились монголы и китайны; передъ воротами и напротивъ, черезъ дорогу, стояло множество китайскихъ грузовыхъ телѣгъ съ какою-то кладью, покрытою циновками. Былъ уже вечеръ, и этотъ транспортъ расположился здѣсь на ночлегъ. Рядомъ стояла палатка

и возлѣ нея ходили нѣсколько китайцевъ, не рабочихъ, а болѣе приличнаго вида. Мы узнали, что везли чай, принадлежавшій одному русскому купцу, но фамиліи его никакъ не могли разобрать; даже ничего похожаго ни на какое русское слово не выходило. Двое изъ китайцевъ, находившихся при транспортѣ, говорили по-русски, и увидавъ, что Матусовскій велъ съ однимъ изъ нихъ бесѣду, я подошелъ къ нимъ и прислушался.

— Вы понимаете все? спросилъ онъ у меня.

— Нѣтъ и половины не понимаю.—А вы?

— Я ровно ничего.

Дѣйствительно, китайскій приказчикъ говорилъ невообразимо плохо, тѣмъ не менѣе очень развязно, нисколько не затрудняясь въ выборѣ словъ; онъ говорилъ на кяхтинско-русскомъ нарѣчіи. Мы почти ничего отъ него не узнали, потому что и онъ насъ понималъ такъ же плохо, какъ мы его. Ему удалось пріобрѣсти отъ насъ только полезныя свѣдѣнія о томъ, какъ насъ зовутъ, по скольку намъ лѣтъ, женаты мы или нѣтъ; и въ заключеніе не повѣрилъ, когда ему сказали,—нѣтъ, не женаты.

Въ наши телѣги запрягли новыхъ лошадей и мы отправились дальше. Верховыхъ лошадей порядочныхъ здѣсь не нашлось; поэтому мы съ Матусовскимъ предпочли сѣсть опять вмѣстѣ въ телѣгу и уѣхали... Но скоро намъ пришлось выдти изъ нея, потому что дорога довольно круто пошла въ гору, изрѣзанную глубокими рытвинами и была усѣяна такими крупными камнями, что лошади едва тащили даже пустую телѣгу. Не ожидая встрѣтить ничего особеннаго, шли мы потихонько въ гору. Подъемъ все продолжался и черезъ нѣсколько временп мы замѣтили, что очутились на значительной высотѣ. Уже настала ночь, но довольно свѣтлая. Я осмотрѣлся кругомъ и попрошу читателя отчетливѣе представить себѣ описываемую мѣстность, чтобъ понятнѣе были слѣдующія страницы.

Влѣво отъ насъ былъ очень крутой обрывъ, и за нимъ открывалось огромное пространство; мы могли видѣть, что тамъ во многихъ мѣстахъ шелъ дождь, который представлялся намъ въ видѣ туманныхъ занавѣсей, опускавшихся на землю изъ висѣвшихъ надъ нею темносинихъ тучъ. По характеру мѣстности можно было думать, что намъ предстоитъ перевалъ черезъ невысокій горный кряжъ; но въ подобныхъ случаяхъ, прежде чѣмъ доберешься до водораздѣльной линіи, уже задолго видишь себя окруженнымъ со всѣхъ сторонъ горами, долинами и ущельями;

здѣсь же этого не было. Здѣсь за нами осталась слегка взволнованная пустыня, по которой мы ѣхали около трехъ недѣль, и которая, какъ извѣстно, лежитъ надъ уровнемъ моря на четыре и болѣе тысячъ футовъ; теперь, оставшись назади, она оказалась гораздо ниже насъ и, уходя въ необозримую даль, сливалась съ горизонтомъ. Передъ собою мы видѣли только дорогу, и она въ родѣ какого-то гигантскаго горбатаго моста уходила кверху, неизвѣстно куда, и такъ далеко, что для того, чтобъ увидать ея верхній край, нужно было порядочно закинуть голову назадъ. Съ правой стороны этой дороги возвышались темные пригорки съ башнями какой-то разрушенной стѣны, въ которыхъ не трудно было угадать остатки древней Великой Стѣны;—и на нихъ также надо было смотрѣть, поднявши голову. Слѣва же шелъ искусственный валъ почти въ ростъ человѣка и за нимъ, судя по всему, должна была находиться страшная пропасть. Черезъ него ничего нельзя было видѣть, кромѣ дали, а черезъ встрѣчавшіеся въ немъ проломы земля виднѣлась ужасно далеко внизу и, озаренная слабымъ свѣтомъ луны, представляла рѣзкую противоположность съ черной неосвѣщенной дорогой, по которой мы шли. Тамъ, внизу, казалось, текла широкая рѣка; за нею разстилалась огромная равнина, окутанная голубоватымъ туманомъ, а дальше за равниной поднимались такія же туманно-голубыя горы, и замѣчательнѣе всего было то, что вершины этихъ, повидимому, очень отдаленныхъ, горъ, находились на одной высотѣ съ нами. Кромѣ описаннаго мы ничего не могли разглядѣть. Идемъ дальше по крутой дорогѣ кверху, за взбирающейся телѣгой; любопытство мое разгорается, оттого что я не могу угадать, что̀ будетъ дальше; а съ другой стороны мнѣ было ужасно досадно, что мы проѣзжаемъ это мѣсто ночью.

Черезъ нѣсколько времени телѣга исчезла, я ищу ее глазами,—нигдѣ нѣтъ, а передо мной, въ тѣни возвышающихся пригорковъ, внизу, стоитъ низенькая глиняная ограда и въ ней ворота съ навѣсомъ. Въ нихъ-то, оказалось, и въѣхала наша телѣга; я вошелъ за нею и очутился среди довольно большаго, открытаго двора; упомянутые темные пригорки разступились, и съ неба прямо глядѣла луна, ярко освѣщая дворъ, посреди котораго стояло много повозокъ, лошадей и муловъ; и между ними толкались и говорили между собой китайцы и монголы. По двумъ сторонамъ двора тянулись низенькія помѣщенія съ освѣщенными дверьми и окнами, и въ одномъ мѣстѣ, въ отдѣльномъ домикѣ, находилась кухня.

Я понялъ, что мы пріѣхали на постоялый дворъ или, пожалуй, „гостинницу съ нумерами для пріѣзжающихъ“. Она называется Норъ-Дянь. Къ намъ тотчасъ явился слуга, мальчикъ лѣтъ пятнадцати въ бѣломъ халатѣ, бритый, съ длинной косой и обратился къ намъ съ разговоромъ на китайскомъ языкѣ. Я ничего не понялъ и какъ ни старался припомнить выученныя дорогой китайскія слова, но не могъ ничего изъ нихъ слѣпить. Китаецъ опять заговорилъ, что-то объясняя намъ или предлагая.

— Ну, это ты, братъ, напрасно безпокоишься, потому что, если будешь молчать, я пойму ровно столько же сколько теперь, отвѣтилъ я ему по-русски.

— Ни шо шима? (Что ты говоришь?) спросилъ удивленный слуга и, понявъ, что мы не умѣемъ говорить на его языкѣ, показалъ намъ рукою на дверь, которая вела въ комнату, и самъ пошелъ впередъ. Мы съ Матусовскимъ послѣдовали за нимъ. Вошли въ такъ-называемую комнату (у-цзы); но, по нашему мнѣнію, это была даже не кухня. Такъ какъ у насъ нѣтъ подобныхъ построекъ, то я не могу подобрать подходящаго названія. Представьте себѣ маленькую коморку шириною только въ окно и дверь, находящіяся совершенно рядомъ,—что составитъ, можетъ быть, немногимъ болѣе сажени. Съ правой стороны отъ самой двери идетъ сплошная перегородка, отдѣляющая комнату отъ сосѣдняго такого же нумера; а съ лѣвой, также отъ самой двери, идутъ нары,—такъ что свободнаго пространства, или пола комнаты, остается лишь столько, что три ставшіе рядомъ человѣка занимаютъ его все; и если бы въ комнату пожелали войти четвертый, пятый и т. д., то вошедшіе раньше должны были бы влѣзть на нары и сѣсть тамъ по-турецки; на нихъ можно также и стать во весь ростъ,—мѣста до потолка для этого довольно. Стѣны въ комнатѣ обмазаны глиной, полъ земляной, окно рѣшетчатое, заклеенное тонкой и во многихъ мѣстахъ продранной бумагой; освѣщалась комната однимъ ночникомъ, висѣвшимъ на стѣнѣ. Это называется нумеромъ гостинницы.

Спутники наши еще не добрались; переводчикъ же ѣхалъ въ повозкѣ позади всѣхъ, и скоро ли пріѣдетъ, мы не могли знать; а намъ очень хотѣлось ѣсть и спать. Надо было объясниться собственными средствами. Достали словарь, отыскали слова: яйцо, хлѣбъ, соль, чашка; произносимъ ихъ по-китайски, кажется, точно такъ, какъ написано въ словарѣ, и слова для произношенія, ка-

жется, не хитрыя: ци-дàнь, мò-мо, янь, вань; но китаецъ ничего не понимаетъ. Тогда мы показываемъ ему словарь, въ которомъ есть и китайскія письмена; онъ тотчасъ прочелъ ихъ и воскликнулъ, какъ будто говорилъ: „такъ вы бы давно такъ сказали!“ Онъ сталъ спрашивать, чего сколько подать, показывая на пальцахъ. Мы показали. Мальчикъ ушелъ и скоро принесъ сваренныхъ въ смятку яицъ, прѣсныхъ блиновъ и соли.

— А чашку? спросилъ Матусовскій, который не хотѣлъ признавать, что китайцы не понимаютъ по-русски, а требовалъ, чтобъ понимали и кончено; и иногда не на шутку сердился, когда китаецъ только таращилъ глаза, услыхавъ обращенную къ нему русскую рѣчь.

— Ча-ша-коу?—переспросилъ длиннокосый слуга такимъ тономъ, въ которомъ выражалось и удивленіе и какъ будто большая неожиданная радость.

— Да; то чашка, а это яйцо, наставлялъ его Матусовскій.

— Яи-цзо? опять удивился и какъ будто чему-то обрадовался китаецъ.

Трудно было справляться однимъ. Наконецъ пріѣхали остальные, только переводчика еще не было; но казакъ Смокотнинъ, оказалось, порядочно говорилъ по-китайски, и при его помощи дѣло скоро пошло на ладъ. Мы все получили, чего желали, поужинали и расположились спать въ двухъ нумерахъ, на лежанкахъ или канахъ, постлавъ на нихъ свои постели.

10 августа.

Когда я вышелъ изъ своей комнаты, солнце только-что поднялось надъ землей, и я отправился со двора, чтобъ ознакомиться съ загадочной мѣстностью, которой не могъ понять вчера. Выйдя за его ограду черезъ открытыя ворота, противоположныя тѣмъ, въ которыя мы вчера въѣхали, я вдругъ увидалъ передъ собою цѣлое море окутанныхъ туманомъ голубыхъ горъ и остановился на мѣстѣ, пораженный величіемъ и красотою картины, и долго не могъ оторвать очарованныхъ глазъ отъ земли, на которую, мнѣ чудилось, я смотрѣлъ съ воздушнаго шара: — такъ я былъ высоко, такъ круто обрывалась въ нѣсколькихъ шагахъ отъ меня маленькая площадка, на которой я находился, и такъ далеко внизу открывалась передъ моими глазами взволнованная, какъ

море и какъ море свѣтлая и синѣющая въ утреннемъ туманѣ земля.

Я стоялъ на той точкѣ, съ которой путешественникъ бросаетъ первый взглядъ на землю Собственнаго Китая, на томъ мѣстѣ, про которое разсказываютъ съ восхищеніемъ всѣ, проѣзжавшіе по этой дорогѣ. Дѣйствительно, какое величественное, поражающее зрѣлище! Про него можно сказать то же, что̀ Гете говорилъ о Неаполѣ: „кто видѣлъ его хоть разъ въ жизни, тотъ не имѣетъ права назваться несчастнымъ“...

Узнавъ, что мы сейчасъ послѣ завтрака уѣзжаемъ, и что фотографъ намѣренъ что-то снимать здѣсь, я, не теряя ни минуты времени, захватилъ рисовальныя принадлежности и усѣлся рисовать, тутъ же, не далеко отъ упомянутыхъ воротъ. Къ сожалѣнію, я долженъ былъ спѣшить, потому что могъ располагать только тѣмъ временемъ, какое нужно было фотографу, чтобы достать свои аппараты, установить ихъ и снять виды. Но рисованье акварельными красками не требуетъ почти никакихъ приготовленій, и ими можно работать съ необычайной быстротой; такъ мы съ фотографомъ кончили наши снимки въ одно время.

Отъ древней Великой Стѣны остался лишь низенькій каменный валъ, да многочисленныя болѣе или менѣе сохранившіяся башни, четырехгранныя, нѣсколько суживающіяся кверху. Онѣ расположены вдоль по стѣнѣ, преимущественно на вершинахъ горъ, черезъ которыя стѣна вьется безконечной змѣей. Я взошелъ на одну изъ нихъ, чтобъ еще посмотрѣть на чудную картину... Не часто приходится человѣку переживать подобныя минуты, испытывать такія ощущенія, какія наполняли здѣсь мою душу. Они были точно не подъ силу мнѣ одному, и мнѣ хотѣлось раздѣлить ихъ съ кѣмъ-нибудь; но я былъ одинъ. Мнѣ хотѣлось сохранить въ описаніи воспоминаніе объ этой картинѣ, но я чувствовалъ все безсиліе языка передъ этимъ прекраснымъ и стройнымъ хаосомъ, подобіе котораго, и то слабое, можно передать развѣ только формами и красками. Въ самомъ дѣлѣ, какъ описать сотни вдругъ открывающихся глазу горъ, долинъ, ущелій, руслъ и горныхъ склоновъ съ разсѣянными по нимъ деревнями, разноцвѣтными полями, пашнями и фермами, окутанными зеленью, съ сверкающими на солнцѣ или голубыми озерами, съ движущимися людьми и животными, которыхъ глазъ едва различаетъ, но все-таки видитъ. Зритель вдругъ видитъ здѣсь жизнь

не деревни, не города, а цѣлой страны,—зрѣлище необыкновенное и непривычное! Тутъ кажется, что какимъ-то чудомъ видишь передъ собою разомъ цѣлое государство!

Я стоялъ и смотрѣлъ то въ одну, то въ другую сторону, потомъ опять въ ту же; снова хотѣлъ записать хоть что-нибудь, но только мучилъ себя, какъ передъ неуловимыми чертами лица красавицы; а красавица-природа стояла передо мной въ такомъ невозмутимомъ спокойствіи, какъ бы приглашая и писать и рисовать съ нея. Тутъ была не одна, а тысячи картинъ, составленныхъ безъ рамъ и приведенныхъ въ гармонію. Я только вздыхалъ отъ волненія, наслаждался и восклицалъ: Боже мой, какъ здѣсь хорошо... Неужели это земля!

Чтобы дать читателю хотя слабое понятіе о содержаніи картины, я сдѣлаю описаніе ея по частямъ, потому что видъ занимаетъ три четверти горизонта,—съ востока, юга и запада; а на сѣверѣ, какъ я сказалъ, стелется безконечною гладью пустыня. Обратимъ лицо на востокъ и, напрягая зрѣніе, взглянемъ съ высоты внизъ. Передъ нами лежитъ долина, испещренная милліонами неровностей, и по нимъ разсѣяны хутора и деревни китайцевъ, съ растущими около нихъ деревьями и рощицами; а за долиной въ нѣсколько ярусовъ и плановъ поднимаются гряды горъ, вершины которыхъ находятся на одномъ уровнѣ съ нами.

Взглянемъ на западъ. Тутъ почва круто и вдругъ спускается далеко-далеко внизъ, къ долинѣ, за которою простирается отлогая покатость предгорья и за нею возвышаются горы; за ними другія, выше и прозрачнѣе первыхъ; дальше опять, еще выше и еще прозрачнѣе, и такъ далѣе, все легче и легче, пока едва замѣтные силуэты ихъ не сольются съ небомъ. Ближайшіе планы горъ представляются до того изрытыми водою, до того испещреннымп бороздами и оставшимися между ними возвышеніями, что онѣ съ высоты кажутся какимъ-то безконечнымъ городомъ съ тѣсно прилѣпившимися другъ къ другу домиками.

На южной сторонѣ, на ближайшемъ планѣ передъ нами стелятся луга и пашни съ отдѣльными рѣдкими домиками; черезъ луга, мимо пашенъ тянется змѣей валъ Великой Стѣны и мѣстами, подобно гробницамъ, возвышаются остатки ея башенъ. За этимъ ближайшимъ планомъ поверхность скоро обрывается, круто спускаясь въ невидимую для насъ глубокую долину, и изъ-за этого округленнаго обрыва поднимаются какъ будто изъ нѣдръ

земли опять громады голубыхъ горъ. Глазамъ кажется, что онѣ достигаютъ неба и непосредственно въ него переходятъ,—такъ онѣ кажутся высоки и такъ прозрачны.

Вотъ и все, что могу сказать словами; но не то бы я сказалъ красками. Жаль было мнѣ уходить отсюда такъ скоро; но своей воли у меня не было... Приду ли еще сюда когда-нибудь, подумалось мнѣ; доведется ли вновь пережить такія же минуты, какія пережиты здѣсь? Едва ли, отвѣтило сознаніе: вѣдь мы находились почти за десять тысячъ верстъ отъ нашей родины; можно ли думать, что судьба занесетъ сюда еще разъ... Намъ слѣдовало бы пожертвовать хоть однимъ днемъ и провести его здѣсь, тѣмъ болѣе, что жертвовали же мы не днями, а недѣлями и безъ всякой надобности, только потому, что обѣдъ былъ хорошъ, да что въ прохладныхъ комнатахъ пріятно было ходить изъ угла въ уголъ, ничего не дѣлая, какъ, напримѣръ, въ Кяхтѣ и Ургѣ... Мы уѣхали почти тотчасъ и должны были прибыть сегодня въ первый китайскій городъ—Калганъ.

День былъ удушливо жаркій. Почти отъ самаго домика Норъ-Дянь мы стали спускаться подъ гору, на которую въ это время поднимался обозъ на быкахъ, намъ на встрѣчу. Дорога здѣсь идетъ карнизомъ по боку горы и такъ узка, что двѣ телѣги едва-едва разъѣзжаются, и то не одновременно, а такъ, что одна должна прижаться къ горѣ, въ наклонномъ положеніи, и ждать пока другая проѣдетъ. Справа по горѣ опять тянется Великая Стѣна, которую время и разрушаетъ, и убираетъ цвѣтами; а слѣва идетъ крутая покатость, спускающаяся до самаго дна глубочайшей долины. На ближайшихъ склонахъ этой покатости подѣланы небольшія искусственныя террасы, засѣянныя разными растеніями: коноплей, просомъ, картофелемъ или овсомъ; возлѣ нихъ, на подобныхъ же террасахъ, лѣпятся деревеньки и отдѣльные хорошенькіе домики съ балкончиками и террасками, убранными зеленью... И люди, люди вездѣ, куда ни взглянешь: длиннокосые мужчины съ открытыми головами, съ вѣерами въ рукахъ или въ широкихъ соломенныхъ шляпахъ, въ бѣлыхъ рубашкахъ и широкихъ синихъ шароварахъ; женщины въ однѣхъ юпкахъ на помочахъ, и почти голыя дѣти съ яркими цвѣтами, украшающими ихъ оригинально причесанныя головки... И все это явилось такъ неожиданно, вдругъ, послѣ тѣхъ безжизненныхъ пустынь, изъ которыхъ, можно сказать, мы только вчера выбрались. Голова кру-

жится отъ новыхъ впечатлѣній, и буквально шея заболѣла отъ безпрестанныхъ поворотовъ то въ ту, то въ другую сторону.

Хорошо еще, что лошади привычныя и сами идутъ осторожно, а то тутъ при подобной дорогѣ не заглядѣлся бы по сторонамъ. Европеецъ даже не въ состояніи и представить себѣ этого живописнаго хаоса камней, который тутъ дорогой зовется; камни часто бываютъ такъ крупны, что телѣгу, спускающуюся безъ всякаго тормоза съ крутой горы, впряженные волы или лошади должны не сдерживать, чтобы она не раскатилась, а тащить съ усиліемъ, чтобъ подвинуть впередъ.

Итакъ, не боясь упасть или, вѣрнѣе, забывъ, что это возможно, я бросилъ поводъ на шею своей смирной лошади и записывалъ въ свою тетрадку бѣглый конспектъ всего, что было передъ глазами. А картины со всѣхъ сторонъ становились оживленнѣе и интереснѣе. Теперь, казалось мнѣ, мы въѣхали въ какое-то безконечное село, которое въ безпорядкѣ раскинулось по склону горы: домики въ зелени вверху надъ дорогой, такіе же домики внизу, по лѣвую сторону ея; между ними идутъ вверхъ и внизъ лѣстницы и вьются заманчивыя тропинки, то взбирающіяся въ гору, въ тѣни деревьевъ, то пробѣгающія между полей и фермъ. Въ домикахъ всюду красивыя узорчатыя окна, всюду около нихъ цвѣтники, чистенькіе дворы, садики; и все такъ уютно, симпатично и мило... И какая повсюду жизнь,—повсюду трудъ, пѣсни и говоръ людей. Вотъ онъ, настоящій человѣческій муравейникъ, но не безмолвный, а говорливый, наполненный тысячами разнообразныхъ звуковъ,—голосами людей и животныхъ, гремящихъ бубенчиками; свистомъ и чириканьемъ на разные лады птицъ и стукомъ движущихся по дорогѣ обозовъ... Вотъ онъ настоящій, переполненный людьми Китай!

Посматривая по временамъ на дорогу и слѣдя за тянувшимися по ней телѣгами, я дивился крѣпости ихъ и особенно ихъ колесъ: кажется, желѣзо изломалось бы при этомъ непрерывномъ прыганьѣ съ камня на камень, а эти деревянные экипажи и колеса все выдерживали.

По мѣрѣ того какъ мы спускались внизъ по зигзагамъ извилистой дороги, горизонтъ постепенно суживался, но все еще былъ обширенъ, и передъ глазами долго мелькали картины той же кипучей жизни. Наконецъ спустились на долину и скоро потомъ вступили въ ущелье, которое по временамъ, напримѣръ

послѣ сильныхъ дождей, превращается въ бурный и опасный потокъ; тогда движеніе по немъ совсѣмъ прекращается, такъ что въ Калганъ нельзя попасть, пока не уйдетъ вода. Такъ было нѣсколько дней назадъ, но теперь русло было совершенно сухо и дно его усѣяно камнями. По обѣимъ сторонамъ ущелья безпрестанно встрѣчаются отдѣльные дома или деревни; около нихъ поля овса, гречихи, проса-китайки, гао-лянъ или бакчи арбузовъ и огороды, расположенные на искусственныхъ террасахъ или горныхъ склонахъ. Почва вездѣ глинистая красноватаго цвѣта, а въ обрывахъ проглядываетъ сланецъ. Мѣстами бока ущелья сближаются и представляютъ голые гранитные, почти отвѣсные утесы; на вершинахъ горъ построено много башенъ, сбитыхъ изъ земли или кирпичныхъ, и нѣкоторыя кажутся недавно сдѣланными; но съ какою цѣлью—трудно придумать: какихъ враговъ тутъ ждутъ китайцы, или если враги придутъ, то кого думаютъ они устрашить своими башнями. Ущелье суживается болѣе и болѣе; чаще дѣлаются зигзаги; солнце понизилось и въ ущельѣ больше тѣни; по его дну съ журчаніемъ бѣжитъ ручей, образующійся изъ ключей, которые текутъ изъ подножій горъ. Деревни становятся больше и многолюднѣе; жители ихъ сидятъ возлѣ домовъ или на землѣ подъ тѣнью прекрасныхъ густолиственныхъ вязовъ и ивъ; тутъ же часто встрѣчаются продавцы арбузовъ и дынь, расположившіеся живописными группами около своихъ шалашей изъ циновокъ. Нашъ проѣздъ, хотя обращаетъ на себя ихъ вниманіе, но не поражаетъ, что доказываетъ, что они привыкли къ иностранцамъ. Дома въ деревняхъ большею частью обмазанные глиной съ плоскими крышами, рѣшетчатыми дверьми и окнами; но есть и иного рода жилища, вырытыя на подобіе келлій отшельниковъ въ глинистой почвѣ, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ она образуетъ отвѣсные обрывы.

Вслѣдствіе моихъ частыхъ остановокъ то надъ тѣмъ, то надъ другимъ, я отсталъ отъ своихъ спутниковъ и ѣхалъ вдвоемъ съ монголомъ-проводникомъ, и разумѣется въ полномъ безмолвіи. Ѣхали мы долго, но занятый наблюденіями, я не замѣчалъ дороги, забылъ и о времени. Онъ неожиданно обращается ко мнѣ съ какими-то словами, потомъ уѣзжаетъ впередъ въ сторону отъ дороги и манитъ меня рукой за собою. Я не понималъ куда и зачѣмъ онъ меня зоветъ,—въ гости, что ли, къ кому,—но повиновался и, поднявшись немного по тропинкѣ въ гору, былъ очень

удивленъ, увидавъ Матусовскаго, сидѣвшаго на террасѣ довольно большаго дома съ китайской крышей, но европейскими окнами. Я понялъ, что уже пріѣхалъ въ Калганъ или собственно въ предмѣстье его, деревню Чао-Яцъ-Цунь; что это и есть домъ нашихъ соотечественниковъ, купцовъ Казанцева и Матренинскаго, которые въ бытность нашу въ Ургѣ предложили намъ остановиться у нихъ.

Неожиданность была весьма пріятна, потому что я порядочно усталъ, и отъ жары, и отъ ѣзды на лошади шагомъ въ продолженіе почти цѣлаго дня.—Вхожу въ домъ, и его чистыя и удобномеблированныя комнаты, терраса, на ней столъ съ самоваромъ и готовый чай, встрѣча съ новыми русскими людьми, молодыми и весьма любезно принимавшими насъ,—все это доставляло много наслажденія послѣ скучнаго и сопряженнаго со многими лишеніями переѣзда черезъ Гоби, послѣ которой все получило особую цѣнность. Такъ, здѣсь намъ устроили даже ванну,—которая въ безводныхъ пустыняхъ могла намъ только сниться, и то развѣ по старымъ воспоминаніямъ. Я даже не вдругъ пришелъ въ себя отъ всѣхъ этихъ неожиданныхъ благополучій, потому что ожидалъ найти домъ нашихъ соотечественниковъ въ самомъ городѣ, думалъ, что онъ по устройству похожъ на тѣсные и неудобные китайскіе дома съ бумажными окнами, которыя китайцы будутъ продирать пальцами и, наблюдая за нами, не дадутъ намъ и минуты покоя. Здѣсь же, наоборотъ, царствовала полная тишина и спокойствіе. Домъ стоитъ въ сторонѣ отъ дороги и совсѣмъ отдѣльно, какъ дача, пріютившись у подножія горъ, обрамляющихъ ущелье. Ни одного китайца, кромѣ живущей въ домѣ прислуги, здѣсь и близко нѣтъ; дворъ обращенъ къ горамъ, а лицевой стороной домъ смотритъ въ ущелье, только на другой сторонѣ котораго расположена у подножія горъ китайская деревня, но такъ далеко, что шумъ и говоръ людей почти не доносятся сюда.

Я узналъ, что домъ построенъ только въ 1872 году, на землѣ, принадлежащей одному китайцу (здѣсь земли иностранцамъ не продаютъ), и на такихъ условіяхъ, что домовладѣлецъ можетъ пользоваться имъ всю жизнь, а по смерти его домъ переходитъ въ собственность хозяина земли. Постройка этого дома, съ флигелями на дворѣ и со всѣми службами, которыхъ довольно много, обошлась,—я просто вѣрить не хотѣлъ,—всего въ полторы тысячи рублей; у насъ подобный домъ, даже въ провинціальномъ

городѣ, стоилъ бы никакъ не менѣе пяти тысячъ. Здѣсь, говорятъ, жизнь вообще дешева; обѣдъ, напримѣръ, состоящій изъ трехъ блюдъ, обходится въ пять рублей въ мѣсяцъ каждому. Пять рублей! Вѣдь въ этомъ даже стыдно признаться порядочному человѣку. Но по-китайски это выходитъ очень эффектно: по здѣшнему счету пять рублей составляютъ 12 тысячъ чохъ! Выговорить страшно:—двѣнадцать тысячъ одному проѣсть въ одинъ мѣсяцъ!.. Не дороги также и удовольствія: такъ лучшее мѣсто въ здѣшнемъ театрѣ стоитъ полторы тысячи чохъ! А это на наши деньги выходитъ менѣе семи гривенъ. Вотъ, значитъ, какъ здѣсь дороги деньги...

Итакъ, мы въ настоящей Срединной Имперіи... Прощайте, пустынныя монгольскія степи! Скоро воспоминанія о васъ изгладятъ новыя впечатлѣнія многолюднаго Китая.

ГЛАВА III.

ОТЪ КАЛГАНА ДО ТЯНЬ-ЦЗИНЯ.

Городъ Калганъ.—Русскіе поселенцы въ немъ. — Его уличная жизнь.—Китаецъ Ѳедоръ—новый переводчикъ.—Отъѣздъ.—По дорогѣ въ Пекинъ.—Великая Стѣна и ущелье Гуань-Гоу.—Запоздалый путникъ.—Пріѣздъ въ Пекинъ.—Его стѣны и бастіоны.—Улицы.—Ресторанъ въ воротахъ.—Императорскій городъ и его стѣны.—Домъ Русскаго посольства.—Знакомство съ Пекиномъ въ цѣломъ.—Русская духовная миссія.—Поѣздка въ окрестности Пекина.—Десять дней въ кумирнѣ.—Я одинъ среди китайцевъ, и первыя симпатіи къ нимъ.—Бой сверчковъ.—Исключительный Китаецъ.—Измѣненіе плана путешествія.—Страхъ пекинскихъ собакъ передъ иностранцами.—Обѣдъ въ китайской гостинницѣ.—Китайская игра Хуа-Цюань.—Театръ.—Отъѣздъ.—Городъ Тунъ-Чжоу.—По рѣкѣ Бэй-Хо до г. Тянь-Цзинь.—Русскіе поселенцы въ немъ.—Знакомство съ городомъ.—Встрѣча съ генералъ-губернаторомъ столичной провинціи Ли-Хунъ-Чжанъ.—Переселеніе на пароходъ.

11 августа, воскресенье.

Сопровождавшіе насъ за послѣднее время монголы возвращались отсюда домой и пришли сегодня проститься съ нами. Одинъ изъ нихъ, маленькій чиновникъ—хундэ, проѣхалъ съ нами большое пространство, и мнѣ хотѣлось сохранить себѣ на память его портретъ. Человѣкъ онъ былъ нѣсколько глуповатый, но добродушный и на видъ какой-то жалкій; на станціяхъ онъ кричалъ больше всѣхъ, нерѣдко пускалъ въ дѣло нагайку, но больше только для страху, чтобъ заставить себѣ повиноваться, — больно же никого не ударилъ; онъ очень заботился о нашемъ спокойствіи, но толку отъ его распорядительности и усердія было мало. Вотъ предшественника его, съ которымъ мы проѣхали первую половину Монголіи, никто не слыхалъ, и его почти никогда не видали, а у насъ вездѣ все было готово и все въ порядкѣ; этотъ же суетился, кричалъ, выходилъ изъ себя, а черезъ

минуту хохоталъ дробнымъ задушевнымъ смѣхомъ съ тѣми, кого сейчасъ только-что распекалъ. Онъ часто вбѣгалъ въ нашу юрту и иногда безъ всякаго дѣла, сопровождая свои визиты такой громкой отрыжкой, на какую только способенъ человѣческій желудокъ, и иногда въ ту же самую минуту уходилъ назадъ, какъ будто онъ для того только и являлся, чтобъ показать намъ, какъ искусно онъ можетъ это сдѣлать.

Я нарисовалъ его портретъ и въ благодарность за позированіе подарилъ ему нѣсколько вещицъ: хорошій завьяловскій ножъ, которому онъ сейчасъ нашелъ и примѣненіе, показавъ, что будетъ бритъ имъ голову, зажигательное стекло, не разъ приводившее его въ удивленіе, пачку иголокъ, тетрадку бумаги и карандашъ съ резинкой—предметы постояннаго восхищенія и изумленія всѣхъ монголовъ вообще.

Послѣ завтрака мы сдѣлали визитъ другимъ землякамъ, живущимъ здѣсь,—Шишмаревымъ, изъ которыхъ одинъ состоялъ въ должности почтмейстера русской Кяхтинско-Тянь-Цзиньской почты, и вмѣстѣ съ ними отправились пѣшкомъ въ городъ.

Калганъ (или по-китайски Чжанъ-Цзя-Коу) лежитъ въ томъ же ущельѣ, только нѣсколько дальше, но уже и здѣсь оживленіе настолько велико, что чувствуешь себя скорѣе въ городѣ, чѣмъ внѣ его. Горы, обрамляющія эту часть ущелья, имѣютъ болѣе скалистый характеръ; у основанія ихъ тянутся ряды домиковъ и лавокъ, составляющихъ городское предмѣстье или часть города, находящуюся внѣ его стѣны, и по мѣрѣ приближенія къ послѣдней число домовъ и встрѣчавшихся китайцевъ все увеличивалось, а дома и лавки становились больше и наряднѣе. Наконецъ мы увидали передъ собою зубчатую городскую стѣну, которая почти отвѣсно спускается съ горы, отъ стоящей на ней башни, тянется поперекъ ущелья и совершенно запираетъ его, такъ что не будь въ ней воротъ, въ городъ невозможно было бы и войти. Такимъ образомъ здѣсь находятся въ буквальномъ смыслѣ ворота въ Китай, отчего городъ и получилъ названіе „Воротъ“ или „Проѣзда“, какъ на монгольскомъ, такъ и китайскомъ языкахъ. На днѣ ущелья городская стѣна опирается на крѣпкую набережную, сдѣланную изъ большихъ кусковъ плотнаго известняка, скрѣпленныхъ цементомъ и желѣзными швами, и построенную для удержанія напора воды, когда она мчится по ущелью во время наводненій. Ограда набережной имѣетъ вышину въ половину роста человѣка и такъ толста, что заглянуть черезъ нее внизъ

совершенно невозможно. Далѣе набережная расширяется въ площадь, которая была заставлена телѣгами съ разною кладью, верблюдами, палатками и кишила народомъ. Упомянутая ограда постепенно понижается и сама расширяется въ площадку настолько широкую, что по ней можно удобно ходить.

Здѣсь описанное ущелье соединяется съ другимъ, подобнымъ ему, которое также служитъ путемъ изъ Монголіи въ Китай и по которому бѣжитъ рѣчка Дунъ-Хо, сливающаяся съ рѣчкою Си-Хо. Обѣ онѣ, какъ горные потоки, способны быстро наполняться водой, и эти неожиданныя наводненія, происходящія отъ проливныхъ дождей въ горахъ, нерѣдко причиняютъ бѣдствія, унося скотъ и даже людей, застигнутыхъ врасплохъ на днѣ ущелій. Прежде рѣка Дунъ-Хо проходила сквозь арку въ городской стѣнѣ, переброшенную на другой берегъ; но однимъ изъ наводненій стѣну подмыло, и она обрушилась въ воду, такъ что теперь на противоположной сторонѣ видно только мѣсто, гдѣ стѣна соприкасалась со скалой, да немного оставшихся тамъ кирпичей. Надъ этимъ мѣстомъ, довольно высоко, въ скалу вдѣлано нѣсколько каменныхъ досокъ, очевидно носившихъ какія-то надписи, которыя время уничтожило.

Осмотрѣвъ эту набережную, мы направились къ городскимъ воротамъ, которыхъ тутъ двое: одни большія, служащія теперь для входа въ городъ, — это новѣйшія,—и другія древнія. Но послѣднія такъ малы, что ихъ скорѣе слѣдуетъ назвать дверью или лазейкой, которая представляется какой-то дырой или ходомъ въ подземелье, когда взглянешь вдругъ на нихъ и на всю вышину стѣны. Это древнее „Коу“ (ротъ, отверстіе) представляетъ историческій памятникъ, свидѣтельствующій о томъ страхѣ, какой внушали китайцамъ сѣверные варвары, и о тѣхъ предосторожностяхъ, какія они принимали въ первоначальныхъ сношеніяхъ съ ними. Всѣ направились къ главнымъ воротамъ, а меня привлекала къ себѣ эта „историческая дыра“, и мнѣ непремѣнно хотѣлось войти въ городъ черезъ нее. Одинъ изъ здѣшнихъ земляковъ также пошелъ со мной. Какъ только мы вошли въ упомянутую дверь, передъ нами явилась другая высочайшая стѣна, и мы принуждены были повернуть направо въ узенькій закоулочекъ, въ которомъ тотчасъ опять наткнулись на стѣну; но въ ней находились другія ворота, черезъ которыя мы и вступили въ улицу.

Вскорѣ потомъ вышли на большую четырехъугольную площадь,

обстроенную по боковымъ сторонамъ лавками; а наверху городской стѣны находится въ этомъ мѣстѣ красивая кумирня, къ которой ведетъ хорошая каменная лѣстница, ступеней въ восемьдесятъ, и мы направились по ней къ храму. Какой-то мальчикъ, повидимому прислужникъ кумирни, съ полною любезностью провелъ насъ на террасу передъ храмомъ и отворилъ дверь внутрь его. Первое и главное вниманіе при входѣ обращаютъ на себя идолы, — большія безобразныя фигуры съ злыми физіономіями, стоящія въ воинственныхъ позахъ, съ оружіемъ въ рукахъ или съ сжатыми кулаками, какъ будто собирающіяся сокрушить каждаго, осмѣлившагося явиться передъ ними. Непонятно, для чего изображать въ храмѣ такихъ уродовъ, и еще непонятнѣе, какъ можно молиться передъ ними?! Затѣмъ глазъ европейца, привыкшаго видѣть въ храмѣ болѣе или менѣе обширное свободное пространство, гдѣ должны помѣщаться сотни и тысячи людей, приходящихъ молиться, поражается тѣснотою и отсутствіемъ здѣсь этого сободнаго мѣста. Но это объясняется тѣмъ, что въ китайскихъ храмахъ не бываетъ богослуженій, на которыя бы собирались молящіеся; китайцы обращаются съ молитвой къ Богу лишь по мѣрѣ надобности и когда кому вздумается, а не въ опредѣленное время, такъ что въ этой кумирнѣ, напримѣръ, едва могли бы помѣститься пятьдесятъ человѣкъ. На жертвенникѣ стояли чаши, какой-то пирогъ весьма вычурной формы, свѣчи и разныя украшенія, которыхъ я не успѣлъ разсмотрѣть всѣ, потому что спутники мои торопились и уже ушли; и я только остановился на минуту на убранной растеніями террасѣ, гдѣ стояли акваріумы съ золотыми рыбками,—любимое украшеніе, весьма часто встрѣчаемое въ Китаѣ.

Мы вернулись домой, гдѣ насъ ожидалъ русскій обѣдъ, приготовленный поваромъ-китайцемъ. Обѣдъ былъ дѣйствительно русскій, и щи изъ свѣжей капусты были приготовлены очень хорошо. Оказалось, что въ Пекинѣ жилъ когда-то одинъ русскій поваръ, отъ котораго и пошло поколѣніе поваровъ-китайцевъ, умѣющихъ готовить по-нашему.

12 августа.

Хотя г. Калганъ представляетъ огромное значеніе въ нашей торговлѣ съ Китаемъ, Сосновскій однако не нашелъ нужнымъ что нибудь узнавать здѣсь, и на завтра уже назначенъ выѣздъ отсюда. Этотъ же день провели въ Калганѣ, утромъ занимаясь

приготовленіями къ отъѣзду, а потомъ поѣхали на званый обѣдъ къ одному китайцу, которому мы привезли изъ Май-май-чэна нѣсколько пудовъ серебра по порученію отъ его компаньона. Ему отправили ящики съ серебромъ, и онъ явился лично благодарить насъ и приглашать обѣдать; прислалъ даже извощиковъ изъ города. Но ѣзда въ ихъ экипажахъ, нисколько не приспособленныхъ къ тому, чтобы уменьшать толчки и сотрясенія, безъ преувеличенія ужасна, и особенно еще по здѣшнимъ мостовымъ.

Обѣдъ (въ отелѣ) состоялъ изъ сорока пяти блюдъ, большею частью такихъ вкусныхъ, что лучшаго стола я бы никогда не желалъ имѣть. Вотъ имѣть другаго начальника экспедиціи мы бы всѣ желали, а то съ Сосновскимъ, какъ начинаютъ всѣ чувствовать, многаго не пріобрѣтешь... Да и наше безъязычіе начинало сказываться все сильнѣе и сильнѣе.

Послѣ обѣда мы зашли къ нашему новому знакомому въ домъ, но вслѣдствіе замкнутости китайской семейной жизни никого и ничего не видали, кромѣ его пріемной, его самого и его прислуги. Бесѣда не клеилась по невозможности толково говорить; и я, чтобъ не совсѣмъ потерять время, нарисовалъ въ свой альбомъ портретъ хозяина, увидавъ который, онъ самъ и его домочадцы много смѣялись отъ удовольствія, и онъ въ знакъ самой высокой похвалы показалъ мнѣ свои сложенныя вмѣстѣ руки съ поднятыми къ верху большими пальцами, изобразившими что-то въ родѣ рогъ или заячьихъ ушей; но я уже въ Май-май-чэнѣ привыкъ къ этому странному способу выраженія наибольшей похвалы.

Отъ него мы не поѣхали, а пошли всей компаніей пѣшкомъ, что̀ было и гораздо пріятнѣе и интереснѣе, такъ какъ можно было гораздо больше увидать. Мы заходили въ частные фруктовые сады, въ виноградники, гдѣ хозяева угощали насъ виноградомъ и долго не соглашались брать никакой платы. Виноградъ растетъ здѣсь въ видѣ кривыхъ, ползучихъ деревьевъ, образующихъ граціозныя бесѣдки и веранды, а не черенками, какъ въ Европѣ. Потомъ зашли въ портняжную мастерскую, гдѣ было человѣкъ до тридцати рабочихъ, изъ которыхъ одни кроили, другіе гладили утюгами, представляющими небольшія желѣзныя кастрюли съ толстыми стѣнками и гладкимъ дномъ; они имѣютъ обыкновенную ручку, за которую ихъ двигаютъ, а внутрь кладутъ горячіе уголья, что̀ въ Европѣ стали дѣлать, какъ извѣстно, только въ послѣднее время. Третьи склеивали клейстеромъ нѣ-

которыя части одеждъ, которыя, какъ воротники напримѣръ, должны быть жесткія. Рабочіе въ этой мастерской получаютъ поденную плату и пищу; мнѣ захотѣлось попробовать эту послѣднюю, и я попросилъ передать хозяину о моемъ желаніи, а про себя подумалъ, что ужъ не слишкомъ ли далеко я зашелъ въ своей любознательности. Но хозяинъ, ни мало не удивляясь, ни въ чемъ меня не заподозривъ, не спросивъ даже, зачѣмъ это мнѣ, тотчасъ отрядилъ одного мастероваго и велѣлъ проводить меня, а другаго послалъ впередъ—подержать злую собаку, мимо которой мы должны были пройти.

Кухня устроена въ видѣ плиты съ двумя котлами; въ одномъ варилась лапша, въ другомъ свиное мясо съ какою-то зеленью, или лучше сказать зелень съ мясомъ, потому что послѣдняго было весьма немного; кромѣ этихъ двухъ кушаній, были приготовлены маленькіе пирожки съ чеснокомъ и свинымъ саломъ. На вкусъ мнѣ ни то, ни другое не понравилось, но относительно пища порядочная; только мясо, какъ я узналъ, дается черезъ четыре дня въ пятый. Рабочіе на видъ ни лучше, ни хуже нашихъ мастеровыхъ; есть между ними и болѣзненные, но не много. За то страдающіе глазами здѣсь вообще встрѣчаются часто, что̀ объясняется постоянною пылью и дымомъ, который не отводится трубами вверхъ, а наполняетъ жилища и даже улицы.

Заглянули еще въ слесарную мастерскую, гдѣ рабочіе выколачивали молотками изъ мѣдныхъ листовъ разныя вещи по части посуды, которая поэтому очень груба. Далѣе мнѣ указали на аптеку, которой я самъ никакъ не замѣтилъ бы, потому что она имѣла видъ простой мелочной лавчонки; заглянули и въ мясную лавку, въ надеждѣ увидать битыхъ собакъ, но я ни одной не видалъ, и мнѣ сказали, что ихъ здѣсь и не бываетъ никогда. Народу на улицахъ встрѣчалось столько сколько у насъ бываетъ въ исключительные дни на базарныхъ площадяхъ; но онъ не валилъ за нами толпой. Здѣшніе жители большею частью худощавы, но между ними попадаются почтенные толстяки, особенно между женщинами; ростъ людей обыкновенный и вовсе не малый; цвѣтъ кожи смуглый, но желтымъ я бы никакъ его не назвалъ; правда, что бѣлыхъ и румяныхъ нѣтъ; но они ни въ какомъ случаѣ не желтокожіе... Но сколько набѣленныхъ, нарумяненныхъ женщинъ, и какъ набѣленныхъ и нарумяненныхъ! совсѣмъ какъ святочныя маски...

Остановившись въ одной изъ менѣе людныхъ улицъ, я сталъ

срисовывать фигуру одной женщины лѣтъ сорока или пятидесяти, ради ея оригинальнаго полукостюма. Окружавшіе меня китайцы тотчасъ замѣтили это и дали ей знать; я подумалъ,—вотъ сейчасъ уйдетъ и спрячется; но она, казалось, была скорѣе польщена, чѣмъ испугана, и ни мало не смутившись, только отвѣтила что-то смѣясь и продолжала стоять смирно. Ея нарядъ состоялъ изъ головной повязки, чего-то въ родѣ очень низенькаго корсета на помочахъ, широкихъ шароваръ и крошечныхъ ботинокъ на ногахъ; а грудь и руки оставались совсѣмъ открытыми.

Мы пошли дальше, и городъ все сильнѣе производилъ на меня впечатлѣніе гостиннаго двора, пестраго, оживленнаго, шумнаго и притомъ грязнаго, пыльнаго и зараженнаго испареніями разныхъ нечистотъ, которыя, хотя отчасти убираются бѣдняками, продающими ихъ потомъ для удобренія земли, но не совершенно; и во многихъ мѣстахъ на улицахъ буквально дыханіе спирается въ груди отъ амміачныхъ и сѣроводородныхъ испареній. Улицы въ Калганѣ не особенно узки; но въ переулкахъ разъѣздъ двухъ телѣгъ совершенно невозможенъ, потому что вся ширина ихъ равняется почти телѣжной оси, и вслѣдствіе этого въѣзжающій съ одного конца обыкновенно кричитъ на весь переулокъ, чтобы другой кто-либо не въѣхалъ съ конца противоположнаго; а если это случается, то одинъ изъ встрѣтившихся долженъ выпрягать лошадь, поворачивать телѣгу, поднявъ ее оглоблями къ верху, или вытаскиваетъ обратно и завозитъ въ боковую улицу, чтобы дать другому проѣхать. Улицы и переулки хотя и вымощены камнемъ, но мостовая повсюду очень плоха,—представляетъ частыя и глубокія выбоины, доказывающія, что ея никогда не исправляютъ. Тротуары представляютъ или земляныя возвышенія, или груды просто набросанныхъ камней, по которымъ не ходятъ, а лазятъ, прыгаютъ, или совсѣмъ обходятъ ихъ.

Лавокъ всего болѣе съ мелочнымъ товаромъ, со всякой всячиной, какъ говорятъ; чайныхъ же лавокъ совсѣмъ не замѣтно или я ихъ не замѣтилъ; впрочемъ чай тутъ находится въ складахъ, такъ какъ торговля имъ производится оптомъ. Но если нигдѣ не видно чаю, то повсюду въ глаза лѣзетъ чеснокъ, который наваленъ цѣлыми горами или развѣшенъ огромными пучками подъ навѣсами крышъ и у оконъ; китайцы ѣдятъ его въ очень большомъ количествѣ. Вездѣ множество вывѣсокъ въ видѣ вертикально висящихъ или вбитыхъ надъ входомъ разноцвѣтныхъ досокъ съ надписями, а также въ видѣ разныхъ

символическихъ значковъ, повѣшенныхъ на длинныхъ палкахъ; и эти разноцвѣтныя вывѣски придаютъ картинѣ ту пріятную пестроту, безъ которой она была бы сѣра и монотонна.

Торговля совершается вездѣ въ самыхъ широкихъ размѣрахъ: продаютъ въ лавкахъ, на площадяхъ и на улицахъ; здѣсь торгуютъ главнымъ образомъ мелочнымъ товаромъ на столикахъ, напримѣръ различными фруктами и нарѣзанными арбузами; и какимъ неприхотливымъ надо быть, чтобы ѣсть эти арбузы, остающіеся открытыми цѣлый день въ такомъ пыльномъ воздухѣ.

Сдѣлавъ этотъ бѣглый осмотръ главныхъ улицъ Калгана и видѣвъ навѣрно нѣсколько тысячъ китайскихъ лицъ, я вовсе не нашелъ такого однообразія типа и именно того типа, какимъ мы привыкли представлять себѣ китайцевъ: ни особенно узкихъ и искривленныхъ глазъ, ни длинныхъ и тонкихъ усовъ, ни чрезвычайно длинныхъ ногтей я не встрѣчалъ; и мнѣ кажется, что если китайцы и отличаются рѣзко отъ европейцевъ, то гораздо болѣе своею внѣшностью чисто искусственною,—своей бритой головой, косой и костюмомъ,—а уничтожьте эти особенности, и, пожалуй, національность значительной части китайцевъ была бы не узнана. Между ними навѣрно нашлось бы не мало физіономій красивыхъ и симпатичныхъ и на нашъ взглядъ. Вотъ относительно прекрасной половины китайской расы я никакъ не могу сказать того же: я видѣлъ сегодня много женщинъ, особенно когда мы проходили не главными улицами, гдѣ онѣ встрѣчаются очень рѣдко, а мимо огородовъ, позади дворовъ,—туть по преимуществу ихъ царство,—много женщинъ видѣлъ, говорю, но не встрѣтилъ ни одного лица, которое даже съ большимъ снисхожденіемъ могъ бы назвать красивымъ. Онѣ повидимому и сами, бѣдняжки, не особенно высокаго мнѣнія о своей красотѣ, потому что бѣлятся и румянятся безпощадно; брови даже не подрисовываютъ, а прямо рисуютъ черной краской; губы красятъ въ густой карминный цвѣтъ, и, если есть у нихъ что́ хорошаго, такъ это черные глаза, которые блестятъ и точно свѣтятся, несмотря на свою черноту. Кривой глазъ и узкость ихъ у женщинъ гораздо замѣтнѣе, чѣмъ у мущинъ.

Я мало встрѣчалъ и больныхъ; за то уличныя собаки почти всѣ поражены накожной болѣзнью, отъ которой шерсть у нихъ почти вся вылѣзаетъ; онѣ худы и очень жалки на видъ;—видно, что вся жизнь ихъ проходитъ въ голоданіи и разныхъ страданіяхъ. На мои вопросы,—есть ли въ городѣ больница, богадѣльня

или дѣтскій пріютъ? получилъ отвѣтъ—ничего не существуетъ, по крайней мѣрѣ живущіе здѣсь русскіе не слыхали объ ихъ существованіи; а въ чести ихъ должно сказать, что они хорошо знаютъ городъ,—видно, что не сидятъ запершись въ четырехъ стѣнахъ своего дома.

Пройдя еще переулокъ, мы вошли на довольно просторную площадь. Здѣсь, противъ одного храма, на возвышенной и открытой эстрадѣ, только подъ навѣсомъ, давалось театральное представленіе; мужская публика толпилась на площади, стоя; женщины смотрѣли на сцену, сидя въ своихъ телѣгахъ, въ которыхъ пріѣхали. Представленіе шло, а шумъ на площади происходилъ невообразимый; актеры напрягали всѣ свои силы, обливались потомъ; а находившійся на сценѣ оркестръ убійственной музыки только увеличивалъ содомъ, происходившій на площади, полной народу; тѣмъ не менѣе голоса актеровъ были слышны, но едва ли можно было понять все, что они говорили.

Въ такія-то мѣста, преисполненныя адскаго шума, китайцы, страстные любители пѣвчихъ птицъ, приносятъ ихъ съ собою въ клѣткахъ, въ томъ убѣжденіи, что среди городскаго шума онѣ совершенствуются въ своемъ вокальномъ искусствѣ. И дѣйствительно, эти птицы старались не менѣе актеровъ и заливались на разные лады. Лучшій изъ пѣвцовъ, содержимыхъ въ клѣткахъ,—это китайскій жаворонокъ,—бай-ликъ-цзы. Мнѣ говорили еще, что истые охотники до птицъ, даже старики, забравъ своихъ пѣвцовъ, отправляются съ ними на горы, куда доносится хоръ, составленный изъ милліоновъ разнообразныхъ звуковъ, раздающихся въ городѣ, и разжигаетъ соревнованіе пернатыхъ пѣвцовъ, которыхъ тамъ удобнѣе и пріятнѣе слушать. И эта черта китайскаго характера мнѣ очень понравилась; въ ней есть что-то чистое, дѣтское.

Я возвратился домой утомленный почти до опьянѣнія массою впечатлѣній; и пока сидѣлъ на террасѣ, любуясь прекрасною лунною ночью, въ моихъ ушахъ долго раздавались то звуки оркестра, то крики продавцовъ и праздной толпы, то голоса актеровъ или неистовое пѣніе птицъ, какъ будто выходившихъ изъ себя и старавшихся все заглушить своимъ свистомъ.

13 августа.

Сегодня хотѣли уѣхать, да не успѣли. А это ужасно непріятно, потому что нѣтъ ничего досаднѣе, какъ незнаніе впередъ, ка-

кимъ временемъ располагаешь каждый день въ каждомъ данномъ мѣстѣ: остаться на день неожиданно, когда готовъ къ отъѣзду и все уложено,—совсѣмъ не то же, чѣмъ знать впередъ, что можешь располагать еще однимъ днемъ. Это одна изъ удобнѣйшихъ системъ, практикуемыхъ дурными людьми, когда они желаютъ мѣшать другимъ заниматься,—назначать день отъѣзда всегда раньше предполагаемаго, и, благодаря ей, я потерялъ за дорогу не мало дней. Точно такъ у меня пропалъ и нынѣшній день, который я проспдѣлъ дома, ничего не сдѣлавъ, и никуда не пошелъ, потому что все говорилось, можетъ быть еще сегодня поѣдемъ.

Погода перемѣнилась. На небѣ собрались темныя тучи и разразились грозой съ такимъ проливнымъ дождемъ, что маленькій ручей, бѣгущій по дну ущелья, быстро превратился въ мутную бѣшеную рѣку, катившую волны во всю ширину русла, по которому мы пріѣхали въ Калганъ. Но вскорѣ небо очистилось и снова показалось солнце.

Только вечеромъ было рѣшено, что остаемся до завтра. Я былъ недоволенъ и собой и обстановкой: такъ о многомъ хотѣлось бы разспросить, такъ многое надо было узнать и мнѣ и другимъ, толкомъ разсмотрѣть, записать, срисовать, и все это было бы возможно... На меня начинала нападать хандра; я видѣлъ, что многое не такъ дѣлается, какъ слѣдовало бы, не серьезно, на авось и спустя рукава, и начиналъ смотрѣть впередъ чуть не съ унынiемъ.

14 августа.

Сегодня во время дорожныхъ сборовъ къ намъ въ домъ является одинъ китаецъ, въ бархатныхъ сапогахъ и вообще очень прилично одѣтый, и здоровается съ нами, говоря довольно чистымъ русскимъ языкомъ. Онъ объяснилъ, что услыхалъ о нашемъ проѣздѣ черезъ Калганъ и пришелъ предложить свои услуги какъ переводчикъ или, если переводчика не нужно, то просто какъ слуга... Я несказанно обрадовался этому съ неба свалившемуся благополучію и уже считалъ его своимъ спутникомъ на всю дорогу: теперь у насъ будетъ два переводчика; теперь можно будетъ больше ходить по городамъ, спрашивать, узнавать, говорить съ туземцами: теперь я не буду находиться въ состоянiи ничего не понимающаго истукана. Китаецъ этотъ оказался христiаниномъ. Онъ въ дѣтствѣ попалъ въ Сибирь, въ городъ Верх-

неудинскъ, гдѣ одинъ купецъ крестилъ его и назвалъ Ѳедоромъ. Съ нимъ вступили въ переговоры, но онъ не хотѣлъ предлагать никакихъ условій:

— Возьмите, говоритъ, такъ;—я поживу у васъ мѣсяцъ, два; вы увидите, гожусь ли я вамъ на что; тогда сами назначите мнѣ и жалованье по заслугамъ. Если я буду хорошъ, можетъ быть вы возьмете меня и въ Россію, куда мнѣ очень хочется уѣхать, такъ какъ здѣсь у меня родныхъ нѣтъ и дѣлать нечего.

Его пригласили ѣхать, и онъ отправился домой за своимъ немногосложнымъ имуществомъ.

Передъ отъѣздомъ мы завтракали у Шишмаревыхъ и тамъ зашелъ разговоръ о нашемъ новомъ переводчикѣ. Отзывы о немъ говорили не особенно въ его пользу, и его главнымъ недостаткомъ было то, что онъ нигдѣ не жилъ подолгу, а постоянно перемѣнялъ мѣста.

— А другихъ болѣе серьезныхъ нѣтъ? нечестности, лживости, напримѣръ? спросилъ я.

— Нѣтъ, этого никогда не замѣчали за нимъ.

Ну, думаю себѣ, съ первымъ недостаткомъ можно справиться: стоитъ хорошо платить за службу, сдѣлать жизнь въ нашемъ обществѣ пріятною, и человѣку не зачѣмъ будетъ бѣжать отъ насъ.

Послѣ обѣда уѣхали и земляки провожали насъ всей компаніей. Городъ сегодня еще болѣе оживленъ по случаю какого-то праздника: повсюду на улицахъ и площадяхъ густая пестрая толпа народа; на каменной оградѣ набережной сидятъ нарядныя женщины и вниманіе ихъ сосредоточивается на нашей кавалькадѣ; посматриваютъ на насъ проходящіе и проѣзжающіе китайцы, но ни одинъ не сдѣлалъ намъ малѣйшей непріятности, даже не обругалъ ни одинъ, какъ я ожидалъ на основаніи многихъ прежде слышанныхъ разсказовъ. Рядомъ съ нами довольно долго ѣхала телѣга, въ которой сидѣли четыре дамы; кучеръ шелъ пѣшкомъ и велъ лошадь подъ уздцы, а пожилая дама держала возжи. Три молодыя китаянки помѣщались въ глубинѣ экипажа; но ихъ можно было хорошо видѣть, и я пользовался этой возможностью самымъ нескромнымъ образомъ, т.-е. смотрѣлъ на нихъ во всѣ глаза, точь-въ-точь какъ онѣ смотрѣли на насъ и даже улыбались чему-то; но я отвѣчалъ на эти насмѣшливыя улыбки самой благопристойной серьезностью. Всѣ онѣ курили трубки и были отчаянно набѣлены и нарумянены; это были не живыя лица, а

картонныя маски, такъ что даже ихъ черные глаза казались стеклянными и безсмысленными на этихъ безжизненныхъ лицахъ. Красивы только ихъ волосы, прически и костюмы. Судя по изящно отдѣланной телѣгѣ, хорошей лошади и тому, что кучеръ шелъ пѣшкомъ и былъ одѣтъ въ форменную шляпу съ красной кистью, должно было думать, что дамы принадлежали къ высшему кругу общества; оказалось дѣйствительно, что это было семейство мѣстнаго губернатора. Нѣкоторые изъ китайцевъ почему-то здоровались съ нами, произнося свое обычное привѣтствіе, заключающееся въ вопросѣ:—хао?—хорошо ли?—А одинъ привѣтствовалъ насъ по-русски, только кяхтинскимъ словомъ, — сыталасату, — вмѣсто здравствуй.

Наконецъ городъ кончился и мы выѣхали на воздѣланную равнину, за которой на горизонтѣ виднѣлись горы. Тутъ простились съ нашими соотечественниками и продолжали путь одни. Дорога вошла опять въ русло, и на вершинахъ окаймляющихъ его высокихъ холмовъ опять тянулась Великая Стѣна, отъ которой виднѣлись однѣ бойницы. Опять стали встрѣчаться деревни и хутора, стоящіе бо́льшею частью подъ тѣнью старыхъ развѣсистыхъ ивъ. Солнце сѣло. Взошла полная луна, и уже при ея свѣтѣ мы добрались до станціи, но не остановились тутъ ночевать, а только перемѣнили лошадей и потянулись дальше. Послѣ вчерашняго дождя на дорогѣ образовались глубокія борозды и топкія мѣста; стояла лужами вода, въ которую лошади уходили по колѣно, а наемныя лошади, на которыхъ мы ѣхали верхомъ, были плохія; онѣ спотыкались даже когда шли шагомъ. Рысью идти ихъ и не заставить бы; впрочемъ намъ не зачѣмъ было торопиться, потому что обозъ былъ сзади, а въ немъ наши постели, чай и свѣчи: слѣдовательно, по пріѣздѣ на ночлегъ, все равно пришлось бы дожидаться ихъ.

Повсюду царствовала мертвая тишина, а лунный свѣтъ придавалъ горамъ и развалинамъ чудесный видъ. Послѣ скользкаго глинистаго дна русла, по которому вчера мчался бурливый потокъ, дорога вошла въ узкое ущелье, и мы ступили на искусственную дорогу, сдѣланную изъ большихъ камней, когда-то должно быть превосходную, но теперь заброшенную, сильно испорченную и даже почти уничтоженную; она тянется не болѣе какъ на версту. Изъ темнаго ущелья выѣхали на обширную, облитую луннымъ свѣтомъ равнину; миновали встрѣчавшіяся на пути деревни, въ которыхъ была такая тишина, какъ будто въ нихъ не

осталось ни одного живаго существа; а часы показывали только девять. Мы переѣзжали въ бродъ быстрые ручьи; ѣхали дорогой, представлявшей аллею, густо обсаженную огромными дуплистыми деревьями, бо́льшею частью ивами. Наконецъ въ просвѣтахъ между ними показалась высокая зубчатая стѣна города Сюань-Хуа-Фу, которая скоро открылась передъ нами вся. Она была въ тѣни и казалась черной; у подножія ея бѣжалъ потокъ, и переѣхавъ черезъ него въ бродъ, мы очутились у самыхъ городскихъ воротъ. Они были открыты; никого мы не встрѣтили и въѣхали въ нихъ; стѣна же здѣсь такъ толста, что проѣздъ подъ сводомъ воротъ походитъ на маленькій тоннель. Только-что мы выѣхали изъ его другаго конца, какъ увидали передъ собою другую, еще болѣе высокую стѣну, старую, мѣстами обвалившуюся и поросшую ползучими растеніями. Повернувъ вправо, мы двигались такимъ образомъ между двумя стѣнами, какъ будто по дну глубокаго рва; а шаговъ черезъ пятьдесятъ во внутренней стѣнѣ показались ворота, и въѣхавъ въ нихъ мы очутились на маленькомъ дворикѣ, обрамленномъ со всѣхъ сторонъ высокими стѣнами, изъ-за которыхъ во дворъ не проникалъ ни одинъ лучъ луннаго свѣта, и онъ казался мрачнымъ и мертвымъ; людей нигдѣ не души. Въ каждой изъ четырехъ стѣнъ двора находятся ворота, но они всѣ заперты, кромѣ однихъ—направо, куда мы и повернули нашихъ лошадей. И тутъ только окликнулъ насъ караульный, находившійся въ сторожкѣ, стоявшей не подалеку отъ воротъ. „Кто ѣдетъ“? спросилъ онъ. Ему отвѣтили: „Лао-е лайле!—господа пріѣхали“! и тотъ вполнѣ удовлетворился отвѣтомъ... Точно помѣщики въ свою деревню пожаловали. Странно все это было для меня: я все ожидалъ препятствій, остановокъ, допросовъ, осмотровъ, всякихъ предосторожностей со стороны подозрительныхъ китайцевъ; а все еще ничего подобнаго не было. Въѣхали въ улицу. По обѣимъ сторонамъ ея стоятъ низенькіе домики, точно забитые наглухо; ни оконъ ни дверей не видно; все пусто и тихо, и только одинъ сторожъ ходитъ по ней взадъ и впередъ и стучитъ въ мѣдный кругъ (ло). Проѣзжая дальше, мы услыхали музыку: во что-то стучали, били въ барабанъ и мѣдныя тарелки, пѣли пѣсни; въ домѣ, гдѣ она раздавалась, виднѣлся свѣтъ.

— Покойника поминаютъ, пояснилъ Ѳедоръ.

Улица снова уперлась въ высокую каменную стѣну съ большой башней наверху и воротами подъ нею; въѣхавъ въ нихъ, мы

увидали, что на этомъ мѣстѣ крестообразно пересѣкаются двѣ улицы, проходя черезъ башню.

Еще долго ѣхали мы по безмолвному городу, поворачивая изъ улицъ въ переулки, изъ нихъ опять въ улицы или выѣзжая на незастроенныя поляны, иногда занятыя огородами; миновали какой-то прудъ или большую лужу. Намъ стали попадаться люди, которые проходили молча, не останавливаясь, точно боялись насъ, и наконецъ мы повернули въ домъ гостинницы, стоящей въ узкомъ и грязномъ переулкѣ, хотя и назначенной, какъ объяснилъ переводчикъ, для остановки пріѣзжающихъ чиновниковъ; но по подъѣзду она гораздо болѣе походила на домъ, служащій притономъ ночнымъ бродягамъ.

Насъ ввели въ двѣ комнаты, которыя показались порядочными; впрочемъ усталость была такъ велика, что не до осмотра было. Я прилегъ на канъ, покрытый войлокомъ, и почти моментально заснулъ, хотя, какъ и всѣ, былъ голоденъ и хотѣлъ пить; но обозъ остался позади, и, когда онъ пришелъ, когда приготовили ужинъ и меня разбудили, было ужъ за полночь. Такъ какъ было уже поздно, я не велѣлъ развязывать своей постели и проспалъ на войлокѣ, покрывъ его, ради чистоты, кожанымъ плащомъ, а подъ голову положивъ сюртукъ и гуттаперчевую подушку. Положимъ, что сильная усталость смягчаетъ и еще болѣе жесткое ложе; но для чего мы морили себя, никто объяснить себѣ не могъ. Мы теперь уже въѣхали въ благоустроенное государство, а „степные законы“ все еще въ силѣ.

15 августа.

Итакъ, мы провели ночь въ китайской гостинницѣ, съ которой только сегодня утромъ я нѣсколько ознакомился. При словѣ гостинница, отель, воображенію европейца рисуется довольно большой домъ, по крайней мѣрѣ, въ два этажа, со многими нумерами, кроватями въ нихъ, умывальниками и бѣльемъ; но если этотъ европеецъ будетъ собираться путешествовать по Китаю, пусть онъ забудетъ о малѣйшемъ комфортѣ европейскихъ отелей и приготовится къ нѣсколько инымъ порядкамъ, а именно: умываться на дворѣ изъ чайной чашки, безъ мыла и полотенца, если онъ не запасется своими, не говоря ужъ о зеркалѣ, щеткахъ и тому подобныхъ предметахъ роскоши. Въ нумерѣ китайской гостинницы путешественникъ найдетъ только столъ, нѣсколько стульевъ или табуретовъ и каменный канъ, покрытый войлокомъ либо ци-

новкой и служащій кроватью; ни графина, ни стакана, ни вѣшалки для платья и въ заводѣ не имѣется. Но прислуга есть, пищи онъ такъ же достанетъ и кипятку для чаю получитъ во всякое время, только не ночью.

Мы оставили гостинницу и по предложенію переводчика Андреевскаго, ѣзжавшаго прежде этой дорогой, поѣхали взглянуть на недавно (1869 г.) построенную въ Сюань-Хуа-Фу католическую церковь французской миссіи и познакомиться съ живущими при ней миссіонерами. Мы застали дома только одного. Онъ былъ еще молодой человѣкъ, видъ имѣлъ совершеннаго китайца, брилъ голову, носилъ косу и вполнѣ китайскій костюмъ. Хотя онъ былъ родомъ французъ, а по костюму китаецъ, но по своимъ манерамъ не походилъ на представителя ни одной изъ этихъ деликатнѣйшихъ въ мірѣ націй: такъ мало былъ онъ любезенъ съ нами, и мнѣ все казалось, что онъ имѣлъ на то какія-то особенныя причины. Онъ, казалось, только изъ учтивости разспрашивалъ насъ о нашемъ путешествіи и его цѣляхъ, и бесѣда шла вяло. Мы спросили, между прочимъ, успѣшно ли идутъ его миссіонерскія дѣла, много ли у нихъ обращенныхъ въ христіанство туземцевъ, и получили отвѣтъ: около четырехъ тысячъ, что́ показалась мнѣ сомнительнымъ: какъ-то ужъ очень вскользь сообщилъ онъ эту цифру; потомъ его попросили показать церковь, но онъ нашелъ какой-то предлогъ, почему этого нельзя было сдѣлать. Наше присутствіе какъ будто стѣсняло его почему-то; да и Сосновскаго ужъ очень затрудняла бесѣда на французскомъ діалектѣ, а потому мы поторопились уѣхать. Но на прощаньи этотъ сухой или сердитый духовный отецъ угостилъ насъ виноградным виномъ своего издѣлія, что́ здѣсь рѣдкость, такъ какъ китайцы изъ винограда вина не дѣлаютъ.

Ѣдемъ по городу, и какъ вчера ночью улицы его были безмолвны и пусты, такъ теперь онѣ были переполнены народомъ, и воздухъ колебался отъ страшнаго оглушительнаго оркестра изъ тысячи всевозможныхъ звуковъ. Улицы, узкія даже когда онѣ пусты, теперь стали еще тѣснѣе, такъ что двѣ, три лошади, остановившіяся посреди ихъ, образовали уже баррикаду; движеніе прекращалось и поднимались крики негодованія и понуканія, чтобы скорѣе открывали дорогу. А тутъ такъ хотѣлось останавливаться на каждомъ шагу и смотрѣть, смотрѣть во всѣ стороны на эту необыкновенную и въ высшей степени интересную обстановку: на эти дома, пестрѣющіе яркоцвѣтными вывѣс-

ками и затѣйливо отдѣланными лавками, на узорчатыя тріумфальныя ворота, на изящныя, украшенныя фигурами крыши,—домовъ и храмовъ, на эту волнующуюся толпу китайцевъ въ бѣлыхъ, голубыхъ и синихъ курмахъ или халатахъ, или полуголыхъ, т.-е. только въ однихъ шароварахъ и башмакахъ. Одни изъ нихъ въ широкихъ соломенныхъ или бамбуковыхъ шляпахъ; другіе, несмотря на солнечный зной, ходятъ съ открытыми головами; одни идутъ пѣшкомъ въ противоположныхъ направленіяхъ; другіе ѣдутъ верхомъ или въ носилкахъ; тутъ же пробираются транспорты до нельзя навьюченныхъ замѣчательныхъословъ, отправляющихся въ другой городъ собственными средствами, т.-е. безъ погонщиковъ; въ толпѣ снуютъ продавцы фруктовъ; въ растерявшихся глазахъ мелькаютъ палатки, зонтики, вѣера, фонари, цвѣты, клѣтки съ птицами,—и все это сбилось въ кучу на небольшомъ пространствѣ улицы.

Эта картина, освѣщенная яркими и горячими лучами солнца, исполненная самой кипучей дѣятельности, оживленная и привлекательная своей оригинальностью формъ, взаимныхъ отношеній людей, обычаями и сценами, произвела на меня глубокое впечатлѣніе. Тутъ надо бы провести по крайней мѣрѣ цѣлый день, чтобы только оглядѣться и привести въ порядокъ свои утомленныя мысли и чувства, а то точно пьянѣешь, какъ при бѣгломъ осмотрѣ богатой картинной галлереи, и выносишь о ней самое смутное воспоминаніе: и видѣлъ, кажется, все, и, кажется, ничего не видалъ; словно все это было только сновидѣніемъ.

Съ такимъ ощущеніемъ и съ большими сожалѣніями оставилъ я шумный и оживленный Сюань-Хуа-фу. Выѣхавъ за городскую стѣну черезъ южныя ворота, мы подвигались впередъ сначала по долинѣ рѣки Янъ-Хо; потомъ дорога поднялась на скалистый лѣвый берегъ послѣдней, гдѣ она проложена по совершенно голымъ гранитнымъ и сланцевымъ скаламъ, которыя люди не нашли нужнымъ сколько-нибудь выровнять, чтобъ придать имъ хотя нѣкоторое подобіе дороги, а такъ прямо по дикимъ скаламъ проѣхалъ одинъ,—оказалось возможнымъ; за нимъ другой—и дорога открылась. Что это открытіе было сдѣлано въ незапамятныя времена и что съ тѣхъ поръ тутъ прошли и проѣхали милліоны вьючныхъ животныхъ и телѣгъ, въ томъ убѣдиться очень легко,—стоитъ только взглянуть на твердыя, какъ желѣзо, гранитныя скалы, по которымъ пролегаетъ дорога, и обратить вниманіе на тѣ ямки и колеи, которыя вытоптали въ этихъ скалахъ ноги

ословъ, лошадей и муловъ и протерли телѣжныя колеса: въ эти ямки оступиться можно, а колеи достигаютъ иногда глубины до полуаршина. Запасшись этими свѣдѣніями о состояніи бойкаго тракта, читателю не трудно себѣ представить что̀ это за дорога и какова ѣзда по ней въ телѣгѣ!.. Мы, разумѣется, ѣдемъ верхомъ; но я наблюдаю за ѣдущей передо мной телѣгой: колеса ея не столько катятся, сколько падаютъ съ бугра въ ямку, потомъ поднимаются на другой такой же, опять соскакиваютъ въ новую выбоину, и такъ далѣе. Три лошади, запряженныя цугомъ (причемъ впереди двѣ, а въ оглобляхъ одна), иногда должны употреблять не мало усилій, чтобы тронуть съ мѣста телѣгу, спускающуюся съ горы. Для людей здѣсь только и мыслима ѣзда верхомъ или въ носилкахъ; но грузы, несмотря на только что сказанное, провозятся, кромѣ вьючныхъ каравановъ, и на телѣгахъ.

Отдавъ должное вниманіе этой удивительной дорогѣ, бросимъ взглядъ кругомъ себя. Вблизи мы видимъ небольшія засѣянныя поля и между ними разсѣянныя семейныя кладбища. Въ окрестныхъ горахъ, къ которымъ мы приближаемся, встрѣчаются самые пустынные и дикіе пейзажи; напримѣръ, мѣстами на ихъ склонахъ видны огромные, совершенно голые наносы желтаго песку; иногда цѣлыя горы состоятъ, повидимому, только изъ него одного, и мысли невольно возвращаются къ Гобійской пустынѣ; но всматриваясь внимательнѣе, мы разглядимъ на нѣкоторыхъ изъ вершинъ пирамидальныхъ горъ, на неприступной высотѣ какія-то зданія,—это монастыри китайскихъ отшельниковъ, — вотъ ужъ подлинно людей не отъ міра сего. И когда смотришь на эти уединенныя обители, въ голову невольно приходитъ вопросъ: какъ же живутъ тамъ люди, какъ они получаютъ все необходимое; или у нихъ есть тамъ и своя вода, и свои поля, и скотъ, такъ что они ни въ чемъ не нуждаются и могутъ совсѣмъ не спускаться внизъ? А какъ должно быть тамъ хорошо! Что за видъ долженъ открываться оттуда; какой всегда чистый воздухъ на этой высотѣ, какая тишина вокругъ! Мнѣ ужасно захотѣлось пожить тамъ хоть день или два; но я не имѣлъ времени даже подняться ни къ одному изъ нихъ и старался хоть въ бинокль разсмотрѣть жилище счастливцевъ, какъ мнѣ казалось, и я не разъ позавидовалъ имъ. Съ помощью бинокля, я разглядѣлъ хорошенькіе домики, террасы и балконы, около нихъ—мостъ надъ пропастью; но люди или не показывались, или за дальностью разстоянія я не могъ ихъ видѣть.

Дальше рѣка Янъ-Хо отошла къ западу; долина ея расширилась, и вскорѣ мы увидали вдали зубчатую стѣну мѣстечка Цзи-Минъ-И, къ которому подъѣзжали по крупному щебню, образовавшемуся естественнымъ путемъ изъ каменныхъ обломковъ, отвалившихся съ горъ и наполнившихъ русла дождевыхъ потоковъ. Горы здѣсь имѣютъ свѣтло-сѣрый цвѣтъ и почти лишены растительности; по ихъ ущельямъ и склонамъ держатся большими стадами горныя куропатки, которыхъ мы убили дорогой нѣсколько штукъ. Онѣ, какъ видно, мало напуганы и, увидавъ людей, спасаются не въ летъ, а бѣгствомъ; поднимаются весьма неохотно, лишь въ самыхъ крайнихъ случаяхъ, и, перелетѣвъ на небольшое разстояніе, снова опускаются на землю. Тѣмъ не менѣе за ними, должно быть, охотятся здѣсь, потому что между застрѣленными мною оказалась одна безъ ноги, которая, очевидно, была давно отбита у нея. Онѣ бѣгаютъ съ необыкновенной быстротой и ловко скрываются между камнями, на что, какъ видно, сильно разсчитываютъ, потому что иногда взлетаютъ почти изъ-подъ самыхъ ногъ.

Уже наступалъ вечеръ, когда мы пріѣхали въ Цзи-Минъ-И; тѣмъ не менѣе послѣдовало распоряженіе ѣхать далѣе. И дѣйствительно, перемѣнили лошадей и поплелись опять, предпочитая знакомиться съ отдаленными странами ночью.

Дорогой я вступилъ въ бесѣду съ нашимъ новымъ переводчикомъ Ѳедоромъ, который у казаковъ сталъ уже называться Ѳедькой. Оказалось, что онъ порядочно говорилъ по-французски и немного по-англійски, чему научился, когда жилъ въ качествѣ слуги въ домахъ иностранцевъ въ Шанъ-Хаѣ и Тянь-Цзинѣ. Вообще онъ былъ расторопный, ловкій и смышленый человѣкъ, къ сожалѣнію только мало развитой и необразованный, а то былъ бы дорогимъ переводчикомъ. Но лучше имѣть хоть такого, чѣмъ никакого. Я узналъ отъ него, что побужденіемъ къ крещенію въ нашу вѣру ему главнымъ образомъ послужило желаніе побывать въ Россіи; но изъ немногихъ разговоровъ не трудно было увидать, что онъ не имѣлъ никакихъ религіозныхъ понятій, не зналъ самыхъ основныхъ началъ христіанства; евангеліе зналъ лишь по названію; о какихъ-либо молитвахъ, кажется, и не слыхивалъ. А человѣкъ былъ способный, и мнѣ непонятно, отчего онъ остался въ такомъ невѣжествѣ. Такъ какъ онъ много вращался между китайцами разныхъ мѣстностей, гдѣ проповѣдуется христіанство,

то я спросилъ его, много ли вообще китайцевъ, принимающихъ это ученіе.

— Нѣтъ, мало, отвѣтилъ онъ, — да если и обращаются, такъ больше потому, что миссіонеры даютъ деньги; но ихъ у насъ все-таки не любятъ, особенно католическихъ, за то, что они очень надоѣдаютъ, навязывая свои священныя книги, что очень хвалятъ свою вѣру, а надъ китайской смѣются.

Но, разумѣется, слова его не могутъ имѣть въ данномъ случаѣ большаго значенія. Я сталъ разспрашивать его о вещахъ болѣе ему знакомыхъ, напримѣръ о цѣнахъ на разные предметы. Ѳедоръ, не подозрѣвая, что мы удивлялись дешевизнѣ всего, счелъ нужнымъ утѣшить меня словами, что „отъ Калгана до Пекина все дорого, но дальше все будетъ гораздо дешевле“.

Нашу бесѣду прервалъ казакъ, присланный отъ начальника, который былъ впереди, съ приказаніемъ, чтобъ Ѳедоръ сейчасъ ѣхалъ къ нему и находился при немъ, „для собиранія разспросныхъ свѣдѣній“. Лошадь моя едва шла, и догнать передовую компанію я не могъ, а потому попросилъ казака передать Сосновскому мою просьбу прислать ко мнѣ, вмѣсто Ѳедора, Андреевскаго. Но онъ, вернувшись, объявилъ, что „имъ и Андреевскій нуженъ“. „Они сердятся“, прибавилъ казакъ, „что два раза присылать заставляютъ.“

Меня возмутило и опечалило это странное распоряженіе, доказывавшее ясно нежеланіе, чтобъ я могъ что бы то ни было говорить черезъ переводчика или съ нимъ. Я продолжалъ дорогу одинъ, и, занятый невеселыми мыслями, разсѣянно смотрѣлъ на освѣщенныя луной поляны и частыя селенія, расположившіяся подъ тѣнью огромныхъ деревьевъ, образующихъ цѣлыя рощи; ѣхалъ мимо какихъ-то развалинъ, стѣнъ и укрѣпленій, но съ такимъ чувствомъ, какъ будто все это было мнѣ давно знакомо и даже надоѣло. Матусовскій подъѣхалъ ко мнѣ, и я, все еще мало зная его, сталъ осторожно высказывать давившія мою голову невеселыя думы. Но оказалось, что тѣ же мысли и то же настроеніе были и у него, и мы разговорились съ полнымъ довѣріемъ другъ къ другу и полною откровенностью. Раньше я видѣлъ въ немъ серьезнаго, свѣдущаго и честнаго человѣка, теперь нашелъ себѣ единомышленника, и это значительно облегчило мое мрачное состояніе духа. Онъ также повеселѣлъ. Эта дорога и эта лунная ночь были для насъ знаменательными: мы почувствовали безъ словъ и признаній, что будемъ друзьями, что́ бы ни случи-

лось, такъ какъ наша дружба основывалась на чувствѣ взаимнаго уваженія. Сосновскій же упалъ въ нашихъ глазахъ очень низко; но тогда мы еще не знали и не могли допустить, чѣмъ окажется онъ къ концу нашего путешествія, какъ ни за что не догадается и читатель.

Незамѣтно подвигались мы впередъ и добрались до предмѣстья города Ша-Чэнъ, за которымъ тянулась его высокая, начинающая разрушаться стѣна и вдоль нея рядъ большихъ деревьевъ. Городскія ворота были заперты и ихъ долго не открывали, такъ что здѣсь мы нагнали нашихъ остальныхъ спутниковъ. Ѳедоръ крикнулъ что-то по-китайски, и голосъ его рѣзко раздался надъ сонной улицей предмѣстья; изъ-за воротъ откликнулся сторожъ; потомъ все смолкло; мы стояли въ молчаніи и ждали. И въ этомъ простомъ эпизодѣ была для меня своя особенная прелесть: эта лунная ночь, эта высокая старая стѣна, тяжелыя, обитыя желѣзомъ, запертыя ворота и наша группа всадниковъ возлѣ нихъ перенесли мои мысли къ среднимъ вѣкамъ и ихъ неприступнымъ замкамъ съ башнями и зубчатыми стѣнами, смутно напомнивъ мнѣ поэтическія былины и сказанія о похожденіяхъ тогдашнихъ рыцарей.

Ворота скоро отворили, и мы въѣхали опять въ небольшое пространство, обнесенное высокими стѣнами; потомъ черезъ другія ворота вступили въ городъ и скоро повернули во дворъ гостинницы. При въѣздѣ, у самыхъ воротъ ея, находилась освѣщенная кухня, открытая на улицу и во дворъ; послѣдній довольно великъ, вымощенъ камнемъ и надъ нимъ сдѣлана покрышка изъ циновокъ; а по бокамъ, подъ навѣсомъ, помѣщаются стойла и ясли для животныхъ. Мы вошли въ домъ, помѣщавшійся въ задней части двора; въ немъ было три довольно чистыя комнаты, и средняя была даже нарядна. Когда мы напились чаю и легли спать, было уже два часа ночи или, правильнѣе, утра слѣдующаго дня: значитъ, если положить семь часовъ на сонъ, мы могли только проснуться въ девять часовъ и никакъ не позже десяти выѣхать... Въ чемъ же заключался выигрышъ времени отъ ночнаго движенія?! А мы подъ вліяніемъ такихъ порядковъ стали хворать,—кто жалуется на кашель, кто на боли въ желудкѣ или въ суставахъ; обращаются ко мнѣ за помощью, но что я могу сдѣлать, не имѣя возможности измѣнить странный обычай—ѣздить или въ самый сильный зной, или по ночамъ, ѣсть не иначе, какъ на ночь, и тому подобные порядки?

16-го августа.

Дѣйствительно, всѣ только проснулись въ десятомъ часу. Утро было сѣрое, но скоро облака разсѣялись, и солнце стало грѣть очень сильно. Оставивъ городъ, мы поѣхали дорогой, по сторонамъ которой тянутся непрерывные поля и огороды, расположенные террасами; по нимъ разсѣяны частыя деревья и развалины укрѣпленій; вдали со всѣхъ сторонъ поднимаются гряды горъ, и по нимъ тянется Великая Стѣна. Почва вездѣ глинистая и изъ нея устроены какъ старинныя укрѣпленія и боевыя башни, такъ и стѣны, окружающія селенія, отчего все, за исключеніемъ зелени, имѣетъ глинисто-желтый цвѣтъ. Ѣду, болтая съ Ѳедоромъ, пока его опять не отозвали, и начинаю учиться разговорному китайскому языку, произношеніе котораго я не нахожу труднымъ, и по-моему онъ вовсе не производитъ на слухъ непріятнаго впечатлѣнія, а иногда даже напоминаетъ итальянскій языкъ. Однажды два китайца о чемъ-то долго спорили между собою, и мнѣ показалось, что они поютъ пѣсню, — такъ они растягивали окончанія каждой фразы и въ то же время разомъ повышали тонъ нѣкоторыхъ словъ. Точно такъ же, когда мы остановились на станціи обѣдать, я услыхалъ на дворѣ раздававшійся по временамъ чей-то пѣвучій голосъ, который повторялъ одну и ту же коротенькую пѣсню. Потомъ узнаю, что этотъ голосъ принадлежалъ трактирному слугѣ, который вовсе не пѣлъ, а получивъ какой-нибудь заказъ, выходилъ изъ харчевни во дворъ и, обратившись къ кухнѣ, выкрикивалъ на распѣвъ требованіе и тотчасъ уходилъ назадъ, въ комнаты—подавать и принимать приборы отъ посѣтителей; въ кухнѣ сказанное имъ тотчасъ записывалось конторщикомъ въ книгу, а поваръ въ то же время исполнялъ его требованіе; это былъ, слѣдовательно, родъ депешъ, отправляемыхъ разомъ къ двумъ лицамъ; а я, говорю, думалъ, что онъ пѣсню пѣлъ.

На станціи Ту-Ма́-Тоу наши вещи, которыя передъ этимъ везлись на телѣгахъ, навьючивали на ословъ и муловъ. Вьючка кончилась уже поздно, когда совсѣмъ стемнѣло, и мы выѣхали только въ десятомъ часу вечера, предполагая проѣхать сегодня еще пятнадцать верстъ; ѣхать же приходилось шагомъ, потому что лошади были очень плохи, худы и измучены... Когда опять доплетемся до ночлега!

Переѣхали мостъ, устроенный надъ рѣкою—Цинъ-цзы-хэ. Онъ весь каменный, на пяти стрѣльчатыхъ аркахъ, и имѣетъ по бо-

камъ массивную, также каменную, ограду, которая впрочемъ на одной сторонѣ почти вся разрушилась. Мостъ, какъ видно, старинный, выстланный огромными каменными, хорошо сохранившимися плитами; подъемъ на него и спускъ довольно круты. Когда дорога стала ровнѣе, мы попробовали заставить лошадей идти рысью; но онѣ скоро отказались, и мы долго тащились шагомъ, пока наконецъ достигли станціи Юй-Линъ, гдѣ нашли трехъ изъ своихъ спутниковъ, уѣхавшихъ впередъ на лучшихъ лошадяхъ, уже спящими. Мы съ Матусовскимъ напились чаю съ грязнымъ сахарнымъ пескомъ, потому что своего сахару некогда было доставать, и записавъ кой-что улеглись спать; но крикъ на дворѣ, переполненномъ китайцами-извозчиками и животными, еще долго не давалъ намъ покою.

17-го августа.

Выѣхали въ восемь часовъ утра. Дорога Великой Стѣны шла по широкой долинѣ, по обѣимъ сторонамъ которой возвышались на подобіе гигантскихъ стѣнъ кряжи горъ, сходившихся впереди и, какъ казалось, замыкавшихъ долину. На вершинахъ ихъ возвышаются башни Великой Стѣны, которая вьется по холмамъ и ложбинамъ горъ. Дорога была песчаная и усѣянная обломками гранита и кварца. Черезъ нѣсколько часовъ мы приблизились къ горамъ и остановились въ деревнѣ Ча-Дао, чтобы позавтракать и перемѣнить лошадей.

Далѣе путь нашъ лежалъ черезъ ущелье, которое запираетъ другая вѣтвь Великой Стѣны,—позднѣйшей и болѣе прочной постройки. Въ этомъ мѣстѣ въ ней находятся ворота, ведущія въ ущелье, извѣстное подъ названіемъ Гуань-Гоу'скаго прохода. Дорога, ведущая черезъ это ущелье, доступна только для всадниковъ, вьючныхъ животныхъ, да китайскихъ телѣгъ,—этихъ несокрушимыхъ экипажей, не знающихъ никакихъ преградъ. Карабкаясь по безобразнымъ глыбамъ красноватаго гранита, усыпаннымъ остроугольнымъ щебнемъ, по обнаженнымъ скаламъ, крѣпкимъ, какъ сталь, путникъ можетъ подумать, что здѣсь онъ первый вступаетъ на почву дѣвственныхъ горъ, на которыя еще не становилась нога ни человѣка, ни прирученнаго животнаго: такъ онѣ дики, такъ незамѣтно здѣсь какой бы то ни было попытки со стороны людей сколько-нибудь облегчить себѣ проѣздъ по этой дорогѣ; а между тѣмъ глубокія колеи, и здѣсь протертыя коле-

сами въ скалахъ, убѣдительно говорятъ о многихъ вѣкахъ, въ теченіи которыхъ тутъ происходитъ безпрестанное движеніе.

Смотришь на подобные пути сообщенія и не знаешь, чѣмъ объяснить себѣ такое равнодушіе китайцевъ къ своимъ дорогамъ... Лѣностью? Но кто не слыхалъ о ихъ трудолюбіи; и кромѣ того у нихъ есть превосходныя дороги... Неумѣніемъ, недостаткомъ средствъ? Но тутъ же рядомъ стоитъ Великая Стѣна,— или „Стѣна въ десять тысячъ ли въ длину“ (Вань-Ли-Чанъ-Чэнъ) [1]), какъ называютъ ее китайцы, — монументъ, подобнаго которому по колоссальности работы не имѣетъ ни одинъ народъ въ мірѣ. Сколько для нея потребовалось и умѣнья, и труда, и средствъ! Итакъ что же? Я слышалъ только одно мнѣніе, что китайцы оставляютъ здѣшнія дороги въ такомъ первобытномъ видѣ въ силу стараго правила—всячески затруднять доступъ въ Китай сѣвернымъ варварамъ, то есть монголамъ. Можетъ быть это и справедливо.

Мы подъѣзжали къ Великой Стѣнѣ, которая пересѣкла намъ дорогу, проходящую сквозъ нее, чрезъ упомянутыя ворота—Гуань-Гоу... Волнуемый тѣмъ чувствомъ, которое вызываютъ въ насъ памятники глубокой старины, приблизился я къ Стѣнѣ, и остановившись по сѣверную сторону ея, расположился на пригоркѣ, чтобы сдѣлать рисунокъ этого чуда, которое хотя и кажется теперь ненужнымъ, тѣмъ не менѣе поражаетъ каждаго своею громадностью, древностію и историческими воспоминаніями.

Сдѣлавъ рисунокъ общаго вида Стѣны съ ея воротами, я отправился осматривать ея подробности, начиная съ основанія, сложеннаго изъ большихъ кусковъ гранита и розоватаго кварца. Всѣ спутники мои уже уѣхали дальше, а меня поджидалъ только одинъ проводникъ изъ туземцевъ. Но я и забылъ обо всѣхъ и на часы не смотрѣлъ, счастливый тѣмъ, что мнѣ привелось увидать этотъ единственный въ мірѣ памятникъ глубокой старины.

Чтобы подняться на Стѣну, надо пройти чрезъ упомянутыя ворота внутрь обнесеннаго ею пространства, то есть въ Застѣнный Китай; тамъ, у основанія Стѣны, имѣются двери, ведущія по лѣстницамъ на ея верхнюю площадь, и взойдя я пошелъ по ней, въ одномъ направленіи. Ширина верхней площади вездѣ

---

[1]) Китайское названіе Великой Стѣны составлено изъ слѣдующихъ словъ: *Вань*—десять тысячъ, *Ли*—мѣра длины, приблизительно половина нашей версты, *Чанъ*—длинный, *Чэнъ*—стѣна.

одинакова и равняется семи шагамъ; она выстлана кирпичными плитами въ девять квадратныхъ вершковъ каждая и около двухъ вершковъ толщины. На сѣверной сторонѣ, то есть обращенной къ непріятелямъ, находится парапетъ вышиною въ средній ростъ человѣка; а на южной—другой такой же, только въ половину роста вышины. Плиты мѣстами открыты и поросли бѣлыми, желтыми и черными лишайниками, обыкновенно растущими на камняхъ; а въ другихъ мѣстахъ вся верхняя площадь заросла такой густой и высокой травой, что не только не видно почвы, на которой она растетъ, но черезъ нее съ трудомъ можно пробраться. Тутъ растутъ и злаки, и луковичныя растенія; есть представители крестоцвѣтныхъ, бобовыхъ и другихъ семействъ.

Мѣстами въ этой травѣ валяются чугунныя пушки въ аршинъ съ четвертью длины и съ жерломъ, имѣющимъ два вершка въ діаметрѣ; форма ихъ ближе подходитъ къ цилиндрической; но каждая изъ нихъ имѣетъ по три перехвата. Другія такія же пушки лежатъ еще на своихъ мѣстахъ и глядятъ чрезъ амбразуры на сѣверную сторону внизъ. Можетъ быть нѣкоторыя изъ нихъ остались даже заряженными съ поконъ-вѣка, подумалось мнѣ.

Идя по стѣнѣ все въ одномъ направленіи, я достигъ ближайшей башни и вошелъ черезъ ведущую въ нее дверь. — Башня представляетъ, такъ-сказать, небольшой домъ въ нѣсколько комнатъ, сообщающихся окнами между собою, и съ корридоромъ, идущимъ по южной сторонѣ. Въ корридорѣ и комнатахъ также настланъ каменный полъ, но онъ заваленъ мусоромъ отъ развалившихся нѣкоторыхъ стѣнъ, и дикій виноградъ густо разросся во всѣхъ отдѣленіяхъ башни, словно въ оранжереяхъ. Нѣкоторые кирпичи въ стѣнахъ висѣли, держась только одной стороной, и, казалось, готовы были упасть, такъ что мнѣ не разъ становилось страшно при мысли, какъ бы отъ произведеннаго мною сотрясенія какой-нибудь стѣнѣ или полу не вздумалось обрушиться въ моемъ присутствіи, — опасеніе не безосновательное, такъ какъ мѣстами Стѣна разваливается во всей своей толщинѣ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, гдѣ стѣны башни рушатся, видны деревянныя бревна, вмазанныя въ слой кирпича, и это дерево сохранилось замѣчательно хорошо; оно совершенно сухо и крѣпко, такъ что я съ трудомъ могъ отломить себѣ кусокъ его для образца.

Всматриваясь въ отдѣльныя части башни, все больше и больше приходишь къ заключенію, что не для одной обороны возводи-

лась эта гигантская постройка; по всей вѣроятности она должна была также служить памятникомъ архитектуры, судя по ея тщательной отдѣлкѣ. Такъ, напримѣръ, въ кладкѣ ея наружнаго покрова проявляется стремленіе къ строгой правильности и красотѣ; въ башняхъ надъ дверями и окнами кирпичи расположены правильными полукругами, очевидно съ намѣреніемъ украсить постройку. У верхняго края башенъ идетъ бордюръ изъ косо-положенныхъ кирпичей; каждый верхній кирпичъ въ амбразурѣ имѣетъ хотя простое, но довольно тщательно сдѣланное украшеніе. Точно также пороги, находящіеся въ дверяхъ, ведущихъ въ башни и сдѣланные изъ гранита, носятъ на себѣ изсѣченный барельефомъ рисунокъ. На верхней площади Стѣны подѣланы углубленія для стока воды и каменные желоба, которыми они оканчиваются, изображаютъ изъ себя головы драконовъ. Лѣстницы, ведущія черезъ входы съ южной стороны на верхнюю площадь Стѣны, сдѣланы также весьма тщательно; известн, выступающей между кирпичами, вездѣ придана правильная призматическая форма... Словомъ, все указываетъ, что настоящая постройка возводилась не наскоро и не ради только одной защиты себя.

Такъ какъ Стѣна имѣетъ вездѣ,—по крайней мѣрѣ въ этой части,—одинаковую вышину, то ея верхняя площадь, какъ и всѣ ряды кирпичей, идутъ параллельно той поверхности почвы, по которой она проходитъ, образуя болѣе или менѣе крутые подъемы и такія же покатости; послѣднія бываютъ иногда такъ значительны, что ходить по нимъ весьма трудно; а въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ Стѣна поднимается на очень крутой холмъ или быстро спускается въ глубокую долину, верхняя площадь ея превращается въ лѣстницы съ огромными ступенями, почти до колѣна вышины каждая, что̀ также затрудняетъ хожденіе по нимъ. Эти лѣстницы, равно какъ и башни, стоящія на самой Стѣнѣ, составляютъ неустранимое препятствіе для проѣзда по ней не только въ экипажѣ, но даже верхомъ, еслибы даже покатости и не мѣшали этому; кромѣ того нѣкоторыя двери башенъ завалены въ нижнихъ частяхъ кучами мусору, такъ что въ нихъ надо проходить согнувшись. Слѣдовательно, если бы кто вздумалъ предпринять путешествіе вдоль Великой Стѣны по ней самой, то онъ долженъ былъ бы отправиться не иначе, какъ пѣшкомъ, и то ему пришлось бы во многихъ мѣстахъ спускаться на землю, чтобъ

миновать обвалы [1]), которымъ Стѣна подвергается мѣстами во всю свою толщу. Заговорилъ же я о путешествіи потому, что при видѣ такой прекрасной и на первый взглядъ удобной дороги мысль о немъ невольно приходитъ въ голову каждому. Но, какъ читатель видитъ, подобное путешествіе едва ли возможно.

Взобравшись на башню, стоящую на самой высшей точкѣ, которыя открывались передо мной, я заглядѣлся на прекрасный видъ зеленыхъ волнующихся горъ, и мысли невольно перенеслись къ далекому прошлому. Мнѣ живо представилась та оживленная картина, какую представляла эта теперь безмолвная и пустынная мѣстность въ то время, когда тутъ происходила самая постройка Стѣны. Мнѣ видѣлся этотъ кипящій дѣятельностію муравейникъ рабочихъ, измученныхъ, усталыхъ, таскающихъ кирпичи, известь, воду, глыбы гранита, пушки, бревна и другіе предметы. Исторія гласитъ, что для постройки Стѣны было употреблено одновременно до милліона рабочихъ.

Стѣна образуетъ здѣсь зигзагъ и уходитъ на югъ, теряясь около конца Гуань-Гоу'скаго ущелья, а за нимъ, какъ мнѣ было видно съ высоты, открывалась безграничная равнина, уходившая въ туманную даль, къ подножію хребта Инъ-Шань. Въ другую сторону отъ меня Стѣна убѣгала черезъ горы на западъ, часто прерываемая башнями, которыхъ вообще настроено такъ много, что я только съ моего пункта насчиталъ ихъ до двадцати-пяти.

Если бы я не былъ принужденъ догонять своихъ уѣхавшихъ спутниковъ, я охотно остался бы здѣсь еще довольно долгое время,—интереса хватило бы,—но теперь я и такъ замѣшкался, и потому поспѣшно вернулся къ своему ма-фу (погонщику), и мы, сѣвъ на лошадей, отправились въ путь въ самомъ благочестивомъ молчаніи, такъ какъ не могли и двумя фразами обмѣняться другъ съ другомъ. Миновали вторыя ворота, преграждающія ущелье, и за ними пошли карабкаться по гранитнымъ скаламъ, то взбираясь на нихъ, то спускаясь на дно ущелья. Въ одномъ мѣстѣ съ нами повстрѣчалась китаянка, ѣхавшая верхомъ на ослѣ, котораго велъ подъ уздцы мущина, и она то скромно опускала внизъ свои глаза, то съ живымъ любопытствомъ поглядывала на меня, какъ на заморскаго звѣря. Попа-

[1]) Въ одномъ изъ упомянутыхъ обваловъ я съ удивленіемъ увидалъ, что вся толща Стѣны состоитъ изъ такихъ же кирпичей, какіе лежатъ и снаружи, и что они также были залиты известью.

дались на встрѣчу караваны навьюченныхъ муловъ, и при одной изъ такихъ встрѣчъ, въ узкомъ мѣстѣ между скалами, мулъ своимъ вьюкомъ задѣлъ мой зонтикъ и оторвалъ веревку, которой онъ былъ притороченъ къ сѣдлу. Его погонщикъ ужасно сконфузился, началъ извиняться передо мной и тотчасъ поправилъ то, что было испорчено, какъ онъ думалъ, по его винѣ. Этотъ случай былъ моимъ первымъ знакомствомъ съ китайской учтивостью, и онъ не могъ не произвести на меня весьма хорошаго впечатлѣнія. Далѣе встрѣтился одинъ монголъ, ѣхавшій верхомъ на верблюдѣ и мурлыкавшій про себя пѣсню; онъ тотчасъ узналъ во мнѣ русскаго и любезно поздоровался со мной, словно со старымъ пріятелемъ.... И какъ всѣ эти мелочи цѣнятся на чужой сторонѣ!

Дикое ущелье, по которому лежитъ путь, въ высшей степени живописно; и только дурная и опасная дорога мѣшаетъ любоваться гранитными скалами, богатой растительностью, какой убраны подошвы ихъ, бѣгущимъ по его дну ручьемъ, образующимъ мѣстами живописные каскады, и хорошенькими деревеньками, пріютившимися подъ тѣнью густолиственныхъ деревьевъ. И какъ было жаль проѣзжать безъ остановки по такимъ богатымъ и интереснымъ мѣстамъ!

Такъ какъ ѣхать здѣсь скорѣе, чѣмъ тихимъ шагомъ, было нельзя, то я пошелъ пѣшкомъ: мнѣ и лошади было жаль, и сидѣть надоѣло, и наконецъ я опасался, что лошадь, пожалуй, упадетъ, невѣрно ступивъ на какой-нибудь камень. Я шелъ, любуясь дивными красотами природы, такъ щедро разсѣянными здѣсь, и завидуя счастливымъ обитателямъ этого прекраснаго уголка. Потомъ мое вниманіе невольно обратили на себя нѣкоторые предметы, вовсе не подходившіе къ общей картинѣ дикой природы: я увидалъ, напримѣръ, огромную, совершенно правильную круглую вазу, изсѣченную изъ цѣльнаго куска гранита, и стоящую на землѣ у дороги, посреди дикихъ камней; далѣе, также возлѣ дороги, валялись обдѣланные куски бѣлаго мрамора, какъ бы предназначавшіеся для какой-нибудь роскошной лѣстницы; на нѣкоторомъ разстояніи дальше встрѣтился небольшой клочокъ великолѣпной дороги, сдѣланной изъ большихъ гранитныхъ камней, также правильной прямоугольной формы. Вѣроятно первые везли куда нибудь, но, измучивъ животныхъ, не могли тащить дальше и сложили ихъ или совсѣмъ бросили здѣсь; дорогу же скорѣе слѣдовало считать зачатками новаго роскошнаго пути,

чѣмъ остатками прежде существовавшаго, судя по состоянію гранита. Далѣе, въ одномъ изъ зигзаговъ ущелья, я увидалъ хорошенькую кумирню, прилѣпленную довольно высоко въ небольшомъ углубленіи подъ навѣсомъ скалъ, въ которыхъ изсѣчена ведущая къ ней лѣстница.

Мой проводникъ, вѣроятно давно приглядѣвшійся ко всѣмъ здѣшнимъ прелестямъ, вовсе не раздѣлялъ моихъ восторговъ и уѣхалъ впередъ, да такъ далеко, что я начиналъ побаиваться, не вздумалъ бы онъ прямо отправиться на станцію, не дожидаясь меня; боялся же потому, что уже наступали сумерки, а дорога была дурная,—мѣстность малонаселенная. Я усталъ идти и хотѣлъ сѣсть на лошадь, но держа въ рукахъ разныя дорожныя принадлежности, никакъ не могъ этого сдѣлать безъ посторонней помощи, и потому долженъ былъ идти пѣшкомъ, пока не встрѣчу кого-нибудь. На пути попалась одна деревня, стоявшая на другомъ берегу ручья, и я, увидавъ тамъ одного изъ туземцевъ, подозвалъ его къ себѣ и знаками попросилъ подержать мою лошадь и вещи, пока я сяду; онъ исполнилъ все съ видимымъ удовольствіемъ, совершенно просто, и за услугу ничего не потребовалъ.

Ѣду теперь на лошади, спѣшу, но ускорить ея ходъ и думать было нечего, а небо все темнѣло,—приближалась ночь. Въ каждомъ поворотѣ я ожидалъ конца ущелью, въ каждой деревнѣ надѣялся обрѣсти станцію, но никакихъ примѣтъ такой станціи не появлялось, и отъ этого напряженнаго ожиданія дорога казалась только длиннѣе, и время тянулось медленнѣе. Меня, кромѣ того, смущало исчезновеніе моего проводника: вѣдь въ потьмахъ легко сбиться съ пути, а въ такой мѣстности и въ пропасть оборваться не долго. Наконецъ онъ неожиданно очутился передо мною, выйдя изъ одного дома, въ которомъ, я подумалъ, мои спутники расположились на ночлегъ; но напрасно обрадовался, потому что, оказалось, проводникъ только присѣлъ, чтобъ дождаться меня, и когда я поравнялся съ домомъ, онъ сѣлъ на свою лошадь и что-то сказавъ, поѣхалъ впереди меня. Мнѣ хотѣлось его спросить, гдѣ же станція, далеко ли еще до нея, но я еще ничего не зналъ по-китайски и, покорясь своему непріятному положенію, ѣхалъ молча.

Дорога же становилась все труднѣе и ужаснѣе; собственно даже дороги не было никакой: почва, по которой мы ѣхали, представляла, можно сказать, разбитыя въ дребезги скалы или

какъ бы груду развалинъ города, построеннаго изъ большихъ кусковъ гранита и потомъ разрушеннаго землетрясеніемъ. Наконецъ стемнѣло настолько, что я едва могъ различать подъ ногами только большія глыбы гранита, и потому не рѣшался болѣе управлять лошадью, а предоставилъ все ея ловкости и благоразумію; но не скажу, чтобъ оставался совершенно покойнымъ: въ первый разъ въ жизни довѣрялся я лошади въ такой мѣрѣ. Она скользила, спотыкалась, срывалась съ камней, черезъ которые не переходила, а скорѣе перелѣзала, потому что иные изъ нихъ достигали такой величины, что она помѣщалась на одномъ камнѣ всѣми четырьмя ногами! Наступила совершенная темнота; однако наши лошади не останавливались и потихоньку подвигались впередъ; я только удивлялся ихъ зрѣнію, осторожности и просто разсудительности, съ какою онѣ дѣлали каждый шагъ. Иногда онѣ останавливались въ недоумѣніи, глядѣли по сторонамъ и наконецъ придумывали какъ выдти изъ затруднительнаго положенія.

Я ужь ничего не видалъ кругомъ себя; мы куда-то поднимались вверхъ, и тогда я слышалъ сердитый шумъ ручья далеко внизу; потомъ спускались внизъ и переѣзжали этотъ ручей въ бродъ; проѣзжали мимо многихъ деревень, и въ одной изъ нихъ изъ домика вышла старуха съ фонаремъ и, поговоривъ о чемъ-то съ проводникомъ, нѣсколько времени шла передъ нами, освѣщая дорогу. Но лучше бы она этого не дѣлала, потому что своимъ освѣщеніемъ только дала мнѣ возможность составить понятіе о всѣхъ ужасахъ проѣзжаемыхъ мѣстъ. Когда она вернулась назадъ, ночь, казалось, стала еще темнѣе, и я сталъ каждую минуту ожидать паденія: состояніе было крайне напряженное. Но вскорѣ мое вниманіе было отвлечено какими-то искорками, носившимися въ воздухѣ и подобными тѣмъ, какія иногда вылетаютъ изъ трубъ; только эти имѣли нѣсколько зеленоватый цвѣтъ и летали въ воздухѣ не угасая. Я скоро узналъ въ нихъ свѣтящихся жучковъ, во множествѣ летавшихъ надъ кустами и подъ деревьями.

Въ воздухѣ сильно похолодѣло; лошади видимо изнурились, и я не зналъ, скоро ли настанетъ конецъ моему физическому истязанію, которое еще сопровождалось сильнѣйшимъ сожалѣніемъ, что я не вижу и никогда не увижу красотъ проѣзжаемаго ущелья. Отчаявшись достигнуть сегодня того мѣста, до котораго успѣлъ догнать моихъ несчастныхъ товарищей еще болѣе несчастный капитанъ, взявшійся, какъ теперь было видно, совсѣмъ не за

свое дѣло, я приготовился заночевать въ ущельѣ и придумывалъ, какъ бы сдѣлать изъ большаго дорожнаго зонтика палатку, чтобъ хоть ею защититься отъ холода, такъ какъ теплаго платья со мною не было. Но умныя животныя все шли да шли впередъ и наконецъ благополучно довезли насъ до станціи Цзюй-Юнъ-Гуань, гдѣ я нашелъ всѣхъ своихъ спутниковъ.

Довольный тѣмъ, что я въ комнатѣ, что опасность упасть и изломать себѣ кости миновала, довольный своими набросками, сдѣланными на Великой Стѣнѣ, я показалъ ихъ товарищамъ и началъ-было бесѣду о впечатлѣніяхъ прошлаго дня, но Сосновскій, очевидно разстроенный, остановилъ меня замѣчаніемъ, что я „задерживаю общее движеніе, что еслибы не я, такъ мы бы завтра къ ночи пріѣхали въ Пекинъ"... Правда, я былъ виноватъ въ томъ, что увлекся такими пустяками, какъ Великая Стѣна, и потому запоздалъ. Но отчего же не дѣлается заранѣе распоряженія на цѣлый день, чтобы всѣ впередъ знали, сколько должны проѣхать и гдѣ останавливаться? Отчего ужъ прямо не объявить запрещенія заниматься чѣмъ бы то ни было.

— Спасибо вамъ, что вы запоздали, говоритъ мнѣ потомъ Матусовскій,—а то бы мы пріѣхали въ Пекинъ завтра ночью, что̀ не одно и то же, что въѣзжать днемъ; столица же Китая, смѣю думать, не лишена нѣкотораго интереса.

18 августа. Воскресенье.

Мы оставили станцію въ седьмомъ часу утра, едва бросивъ взглядъ на живописное и интересное мѣсто, въ которомъ расположено селеніе Цзюй-Юнъ-Гуань, на проходящую здѣсь вѣтвь Великой Стѣны и на замѣчательныя ворота, запирающія здѣсь ущелье. Они имѣютъ грандіозный видъ и украшены въ пролетѣ интересными барельефами, надъ которыми я не могъ остановиться, опять „не задержавъ общаго движенія"... Да, мы проходили мимо историческихъ памятниковъ, какъ мимо самыхъ обыкновенныхъ огородовъ съ совершенно обыкновенной капустой.

Дорога продолжаетъ идти тѣмъ же ущельемъ, которому придаютъ чрезвычайно пріятный и оживленный видъ чистый ручей, бѣгущій въ зеленыхъ берегахъ, богатая растительность, частыя многолюдныя селенія съ ихъ открытыми на улицу харчевнями и безпрестанно встрѣчающіеся люди, по преимуществу пѣшіе и бо́льшею частью продавцы фруктовъ, между которыми первое мѣсто по количеству занимаютъ цзао-ръ (ююбы). Ихъ множество

вездѣ, куда ни поглядишь; почти нѣтъ дома, передъ которымъ бы или на его террасахъ не лежали эти плоды, разложенные на циновкахъ и выставленные на солнце для провяливанія.

Казалось бы, какъ весело и привольно должно быть тутъ людямъ, какое, повидимому, здоровое мѣсто; а здѣшніе жители по бо́льшей части худы, блѣдны, нѣкоторые имѣютъ даже изнуренный видъ.

За станціей Нань-Коу, гдѣ останавливались, чтобъ позавтракать и перемѣнить верховыхъ лошадей и вьючныхъ животныхъ,— мы скоро выѣхали изъ ущелья на равнину, и хотя теперь на дорогѣ не было, какъ прежде, крупныхъ камней, за то она была сплошь покрыта слоемъ ничѣмъ не посыпаннаго щебня, по которому лошадямъ было въ высшей степени трудно идти. По обѣ стороны дороги тянутся поля особаго злака (гао-лянъ), образующаго высокія живыя стѣны, а также проса, луку, чесноку и другихъ растеній, окаймленныя рядами красивой клещевины. На поляхъ во многихъ мѣстахъ виднѣлись работавшіе китайцы. Деревни и фермы, мимо которыхъ мы проѣзжали, имѣютъ вообще чистенькій, выглаженный видъ; дворы и улицы такъ тщательно подметены, какъ будто ихъ только вчера убрали, приготовившись къ какому-нибудь празднику. Почти вездѣ на домахъ и оградахъ видишь различныя украшенія въ видѣ узоровъ, выложенныхъ изъ кирпича и черепицы, цвѣтовъ, рисунковъ, различныхъ лѣпныхъ фигуръ или просто кусковъ красной бумаги, приклеенныхъ здѣсь и тамъ. Никакихъ украшеній здѣсь нѣтъ только на самыхъ убогихъ лачужкахъ. Колодцы содержатся превосходно, обложены камнемъ и иногда обнесены съ трехъ сторонъ каменною оградою; а стоящія возлѣ нихъ корыта для водопоя животныхъ нерѣдко высѣчены изъ цѣльнаго куска гранита.

Около меня ѣхалъ одинъ изъ погонщиковъ нашихъ наемныхъ лошадей и почти спалъ подъ широкими полями своей соломенной шляпы. Убаюканный тихимъ дождичкомъ, онъ проспалъ одинъ поворотъ, и мы очутились съ нимъ вдвоемъ, а остальные спутники уѣхали другой дорогой. Я ѣду, ничего не зная, что̀ будетъ впереди, скоро ли, не скоро ли пріѣдемъ; но вотъ между двумя полями высокаго гаолянъ мелькнула стѣна города Чанъ-Пинъ-Чжоу; мы повернули налѣво въ аллейку, и въ глубинѣ ея увидали городскія ворота, къ которымъ скоро и подъѣхали. Возлѣ нихъ маленькая харчевня; въ пролетѣ воротъ сидятъ по бокамъ продавцы фруктовъ, предлагающіе покупать свой товаръ. Въѣхали

въ улицу и потомъ во дворъ гостинницы, гдѣ я нашелъ своихъ спутниковъ за чаемъ. Здѣсь намъ пришлось прождать часа три, пока разыскивали телѣги подъ нашъ багажъ. Взявъ съ собою связку монетъ [1]), штукъ до трехъ-сотъ, называемыхъ у русскихъ чохами, а по китайски *цянъ*, или *чэнъ*, какъ здѣсь выговариваютъ, я вышелъ на улицу и сталъ разсматривать, что́ было предъ глазами; остановился около одного китайца, который очень искусно плелъ циновку изъ пластинокъ бамбука, и слѣдилъ за его работой. Возлѣ меня очутился мальчишка съ больными глазами; я взглянулъ на него внимательнѣе и окружавшіе тотчасъ заговорили между собою, часто повторяя слово дай-фу,— докторъ, но что́ именно говорили они, я не зналъ. Занимавшійся плетеніемъ циновки тотчасъ бросилъ работу и, исчезнувъ на минуту, вынесъ изъ своего дома дѣвочку, болѣзненную на видъ, и съ поклонами обратился ко мнѣ, что-то говоря. Я догадался, что онъ просилъ меня помочь его дитяти; у дѣвочки была англійская болѣзнь, и я знаками велѣлъ ему послѣдовать за собою на станціонный дворъ, гдѣ черезъ переводчика далъ совѣтъ, какъ и чѣмъ надо ее лѣчить. А черезъ нѣсколько времени къ намъ во дворъ ввалилась уже порядочная толпа, и меня осадили со всѣхъ сторонъ жалобами на разныя болѣзни и просьбами о помощи, и я, насколько могъ, старался удовлетворить ихъ требованіямъ; но, къ сожалѣнію, большинство болѣзней были не таковы, чтобъ въ нихъ можно было легко и скоро помочь. Многіе изъ здѣшняго населенія имѣли зобъ, а въ сосѣдствѣ, мнѣ говорили, есть села, въ которыхъ всѣ жители безъ исключенія страдаютъ этой болѣзнью и заболѣваютъ съ дѣтства.

Итакъ, нынѣшній день былъ для меня веселымъ днемъ, потому что онъ подалъ мнѣ надежду, что китайцы не будутъ относиться съ недовѣріемъ и даже враждебно ко мнѣ, врачу-иностранцу, чего я опасался на основаніи разсказовъ нѣкоторыхъ путешественниковъ. Напротивъ, я надѣялся на то, что они завалятъ меня работой, а я соберу много драгоцѣнныхъ свѣдѣній, и что такимъ образомъ мои добрыя отношенія съ туземцами будутъ всегда и вездѣ обезпечены; только бы имѣть при себѣ дѣльнаго

---

[1]) Круглыя, большею частью въ наши двѣ копѣйки величиной и имѣющія по срединѣ квадратное отверстіе для нанизыванія ихъ на бичевку, на которой ихъ носятъ связками. Эта монета дѣлается изъ сплава желтой мѣди съ цинкомъ.

помощника для разговора съ ними, какого я надѣялся образовать изъ китайца Ѳедора. Лѣкарствъ со мной было достаточно, хирургическихъ инструментовъ и перевязочнаго матеріала тоже; заготовлены книги для записыванія паціентовъ и своихъ наблюденій, и я съ нетерпѣніемъ ожидалъ пріѣзда въ Пекинъ, откуда, какъ говорилъ нашъ распорядитель, мы должны были начать наше настоящее путешествіе, то-есть не только ѣхать, а работать, двигаясь не спѣша, по составленному плану, для исполненія котораго насъ и послало правительство.

Прождавъ напрасно телѣгъ, потому что ихъ такъ и не достали, мы тронулись въ путь, а за нами вышелъ транспортъ на ослахъ и мулахъ, украшенныхъ ожерельями изъ бубенчиковъ, производившихъ необыкновенную трескотню и звонъ. Улицы города Чанъ-Пинъ-Чжоу, по которымъ мы проѣзжали, въ высшей степени симпатичны, благодаря прекраснымъ пальмовымъ деревьямъ, покрывающимъ ихъ почти сплошь своею тѣнью, такъ что этотъ городъ скорѣе похожъ на дачи, расположенныя въ какомъ-нибудь паркѣ. Крыши и террасы многихъ домовъ опираются на гигантскіе сучья вѣковыхъ деревьевъ и тонутъ въ ихъ прекрасной густой листвѣ. Какъ были благоразумны и какъ счастливы теперь люди, которые, подобно другимъ, не истребили, а сберегли деревья въ своихъ городахъ; невольно позавидуешь имъ.

Не менѣе привлекательны и окрестности этого зеленаго городка съ ихъ хорошенькими деревнями, расположенными вблизи или вокругъ небольшихъ озеръ или прудовъ, на поверхности которыхъ цвѣли бѣлые и розовые цвѣты лотоса и плавали его большіе круглые листья. И въ этихъ селеніяхъ также все сіяло праздничной чистотой и прибранностью.

Я сталъ отставать отъ своихъ спутниковъ, потому что доставшаяся мнѣ лошадь не поспѣвала за остальными; но такъ какъ, по обычаю, семеро одного не ждутъ, то я хотѣлъ удержать около себя одного изъ переводчиковъ, но имъ обоимъ опять „было приказано находиться при капитанѣ“, какъ доложилъ казакъ. Нечего дѣлать; ѣду одинъ съ проводникомъ, у котораго лошадь была еще хуже моей, такъ что онъ въ свою очередь скоро отсталъ отъ меня.

Дорога шла между полями высокаго гао-лянъ или густыхъ кустарниковъ разныхъ породъ. По нимъ разрослись и переплелись другія растенія и превратили ихъ въ непроницаемыя живыя стѣны, осыпанныя бѣлыми и розовыми цвѣтами... Какая поэти-

ческая дорога, да и кругомъ какъ хорошо! Ѣду себѣ преспокойно одинъ-одинешекъ, точно гдѣ-нибудь въ окрестностяхъ Петербурга, и только, какъ будто стряхнувъ съ себя дремоту, по временамъ мысленно спрашиваю себя,—неужели и въ самомъ дѣлѣ я въ Великомъ Дай-Цинскомъ государствѣ, въ нѣсколькихъ часахъ ѣзды отъ его столицы? Неужели я членъ ученой экспедиціи?

Воздухъ, освѣженный недавнимъ дождемъ, такъ чистъ и прозраченъ; легкія тучки, изъ которыхъ утромъ моросилъ едва замѣтный дождикъ, разсѣялись; межъ нихъ сквозитъ голубое небо и пробиваются яркіе лучи солнца, уже склонившагося къ горизонту, гдѣ рисуется силуэтъ отѣненныхъ горъ, а на склонахъ ихъ собрались облака, пронизанныя насквозь золотистымъ свѣтомъ. Дорогу опять пересѣкла рѣчка Ша-хо, которую я уже разъ переѣхалъ сегодня въ бродъ, и не вдалекѣ увидалъ перекинутый черезъ нее прекрасный каменный мостъ, сложенный изъ огромныхъ камней. Но онъ поврежденъ,—его какъ будто прорвало водою у одного конца, и онъ теперь заброшенъ, а рѣчку переѣзжаютъ въ бродъ.

Вскорѣ я въѣхалъ въ большое и многолюдное село Ша-хо, расположенное по обѣимъ сторонамъ дороги. Дома его стоятъ на очень возвышенныхъ тротуарахъ; на стѣнахъ ихъ и на каменныхъ оградахъ подѣланы крупныя надписи, вѣроятно имѣющія значеніе вывѣсокъ. На улицу выходитъ много открытыхъ харчевень и воротъ постоялыхъ дворовъ, должно быть не совсѣмъ незнакомыхъ и весьма любезныхъ моему почтовому Россинанто, который, бѣдный, едва передвигалъ ноги, потому что онъ вдругъ прибавилъ шагу, самовольно свернулъ съ дороги по направленію къ однимъ изъ воротъ, и совершилъ это съ такою стремительностью, что мнѣ едва удалось остановить его въ воротахъ и повернуть опять мордой къ улицѣ. Но заставить его идти впередъ уже не было никакихъ средствъ: нагайка, поводья, пришпориванья—все было пущено въ ходъ, но ничто не помогало. Лошадь, вѣрно, была очень утомлена и голодна, и ни за что не хотѣла отойти отъ знакомаго пріюта, гдѣ вѣроятно разсчитывала найти и кормъ и отдыхъ; но я не могъ дать бѣдному животному ни того, ни другаго,—надо было во что бы ни стало ѣхать впередъ. Китайцы, находившіеся на улицѣ, увидавъ, какъ я мучился съ лошадью, подняли веселый смѣхъ. Одинъ молодой, мускулистый, полуголый малый, безъ моей просьбы взялъ ее подъ уздцы и хотѣлъ провести нѣсколько вдоль улицы; тянулъ, тянулъ за по-

водья, но лошадь не сдѣлала ни одного шага, она только вытягивала шею и голову, пятилась назадъ, и, казалось, рѣшилась скорѣе разстаться съ головой, чѣмъ двинуться съ мѣста. Дѣлать было нечего; я слѣзъ съ нея, и въ ожиданіи пока подъѣдетъ проводникъ, присѣлъ на скамью у одного изъ столовъ ближайшей харчевни. Въ ту же минуту меня обступила весело болтавшая толпа одѣтыхъ только до половины китайцевъ, и, кто успѣлъ, они усѣлись противъ меня; поставили на столъ свои локти, подперевъ на ладони головы и начали съ жадностью разсматривать меня, а я глядѣлъ на нихъ. Меня никто не безпокоилъ, и я даже съ удовольствіемъ подвергался этому экзамену; вынулъ портъ-табакъ и собираюсь сдѣлать папиросу. У зрителей начинается споръ, и каждый, повидимому, старается угадать, что я хочу дѣлать и предсказываетъ. Одни говорятъ: „обѣдать будетъ“, другіе—„будетъ курить табакъ“. Ихъ все интересуетъ: табакъ, бумага, мундштукъ, потому что все это не таково, какъ у нихъ: они курятъ табакъ исключительно въ своихъ мѣдныхъ крошечныхъ трубочкахъ, а съ папиросами незнакомы вовсе; но самое большое вниманіе, интересъ и одобреніе заслужило бывшее у меня механическое огниво, и я чувствовалъ, что эта вещь сразу пріобрѣла мнѣ уваженіе въ глазахъ китайцевъ. Огниво дѣйствовало желѣзнымъ колескомъ, которое заводится пружиной и, быстро завертѣвшись въ противную сторону, производитъ стукъ и искры отъ тренія о вставленный внутри камешекъ. Дѣйствіе его пришлось повторить нѣсколько разъ, и этотъ звукъ всякій разъ пугалъ толпу своею неожиданностью; но когда проходило мгновеніе испуга, и они всѣ видѣли дымъ отъ загорѣвшагося фитиля, правыя руки всѣхъ съ поднятыми большими пальцами показывались мнѣ въ знакъ похвалы, и всѣ обращались ко мнѣ съ словомъ: хáо!—хорошо! Покуривая и поджидая погонщика, я сталъ писать и письмомъ также чрезвычайно заинтересовалъ своихъ сосѣдей:—они такъ тянулись ко мнѣ, такъ внимательно разсматривали, какъ будто надѣялись прочесть написанное, если взглянутъ поближе.

Хотя китайцы и были въ высшей степени безцеремонны, хотя они давали полную волю самой громогласной отрыжкѣ, вовсе не думая ни отворачиваться, ни закрывать себѣ рукою ротъ, но во всѣхъ другихъ отношеніяхъ я сидѣлъ такъ же спокойно, какъ будто находился на террасѣ собственнаго дома; никто меня не тревожилъ; не подскакивалъ половой съ вопросомъ, что мнѣ

угодно, зачѣмъ я сижу на скамьѣ, принадлежащей трактиру, если я ничего не спрашиваю... Не спросилъ же я себѣ ничего потому, что у меня не было при себѣ ни одного чоха; денегъ не было потому, что эта монета, кажется, сдѣлана для того, чтобы ее никогда не носить съ собою,—вѣдь для одного, размѣненнаго на чохи рубля потребовался бы почтенныхъ размѣровъ и очень крѣпкій карманъ или кошелекъ. (Китайцы носятъ ихъ связками, какъ баранки, въ рукахъ или на плечѣ.)

Одинъ мальчишка обращается ко мнѣ съ разговоромъ, и по двумъ знакомымъ словамъ, ма-фу и чанъ,—проводникъ и ружье,—а также по его жестамъ, я понялъ, что проводникъ мой уже проѣхалъ впередъ, мимо, не замѣтивъ меня, окруженнаго тѣсной группой туземцевъ. Сажусь поспѣшно на лошадь, чтобъ пуститься въ догонку, а то, думаю себѣ, проводникъ будетъ догонять меня и удеретъ безъ оглядки; но лошадь моя и не думала измѣнять своего рѣшенія: несмотря ни на какія усилія, она такъ же, какъ прежде, шагу не сдѣлала съ мѣста. Одинъ китаецъ снова сталъ помогать мнѣ сдвинуть ее, но достигъ только того, что стащилъ съ нея уздечку, къ общему удовольствію, вызвавшему взрывъ хохота сотни голосовъ. Положеніе становилось непріятнымъ, какъ потому что мнѣ вовсе не хотѣлось потѣшать собою толпу, такъ главное потому, что я остался теперь совершенно одинъ позади всѣхъ, не умѣя говорить и, какъ сказалъ, безъ денегъ; а время шло къ вечеру. Я слѣзъ съ лошади и надѣвъ уздечку, пошелъ пѣшкомъ, ведя ее за собою въ поводу; къ счастію, на это она согласилась, и я прошелъ всю длинную улицу села; потомъ, зная, что лошади охотнѣе идутъ, когда впереди ѣдетъ другой человѣкъ, я воспользовался проѣздомъ какого-то всадника-китайца, сѣлъ на свою лошадь, и теперь она дѣйствительно пошла за нимъ безъ малѣйшихъ капризовъ.

Скоро встрѣтился другой, подобный упомянутому, мостъ и на немъ я нашелъ своего проводника, который разыскивалъ меня и, увидавъ, что я ѣду сзади, остановился ждать. Онъ что-то заговорилъ, объясняя руками; но я ничего не понялъ. Поѣхали вмѣстѣ, хотѣли было заставить лошадей идти рысью, но онѣ и шагомъ едва двигались и безпрестанно останавливались, чтобъ сорвать растущаго возлѣ дороги проса или травы: голодъ видимо страшно мучилъ ихъ. Только ночью добрались мы до станціи, гдѣ спутники мои остановились ночевать.

19 августа.

Отсюда до столицы всего одинъ переѣздъ. И какъ я доволенъ, что не вчера ночью, а сегодня утромъ мы въѣзжаемъ въ Бэй-Цзинъ [1]). Не знаю, что вы чувствуете теперь, читатель, когда ваши мысли уносятся къ такъ-называемой Великой Столицѣ востока, но я почти въ лихорадочномъ волненіи отъ ожиданія и нетерпѣнія увидать ее скорѣе; я точно готовлюсь къ чему-то чрезвычайно важному... Да, ничего подобнаго не испытываешь, подъѣзжая къ европейскимъ городамъ, какъ бы они знамениты ни были.

Утро стоитъ знойное. Мы проѣзжаемъ то улицами селеній съ ихъ лавками, харчевнями и вывѣсками, то полями, мимо фермъ, кладбищъ и деревень, стоящихъ подъ тѣнью восточныхъ туій, можжевельниковъ и плакучихъ ивъ; и онѣ такъ часты, что мнѣ кажется, я ѣду все по одному огромному имѣнію съ безчисленными хозяйственными и жилыми постройками.

Наконецъ передъ нами открылась длинная улица предмѣстья Пекина,—Данъ-По, широкая, просторная, но очень грязная, по причинѣ недавнихъ дождей; а въ глубинѣ ея явилась и величественная стѣна столицы съ возвышающимся здѣсь надъ нею огромнымъ и оригинальнымъ бастіономъ. Въѣхавъ въ улицу предмѣстья, я сразу почувствовалъ рѣзкую перемѣну въ воздухѣ, который здѣсь наполненъ такими противными испареніями, что было бы хорошо на время потерять обоняніе; за то какая любопытная картина для глазъ, какая неизобразимая пестрота! Китайцы, почти исключительно мущины, въ бѣлыхъ одеждахъ, полуголые или почти голые, снуютъ во всѣхъ направленіяхъ; разныхъ возрастовъ дѣти, старики, няньчащіе ребятъ, ослы, лошади, мулы,—все слилось и толчется на мѣстѣ, или движется съ шумомъ и гамомъ; всюду лавки съ разнымъ товаромъ,—отъ каменнаго угля, гробовъ и мяса до предметовъ туземной роскоши; дымятся харчевни и кузницы; продавцы всякой всячины ходятъ съ своимъ товаромъ и стучатъ, поютъ или кричатъ каждый свое для привлеченія къ себѣ вниманія покупателей, другіе ѣдятъ и пьютъ. Жалкіе, отверженные гости на земномъ пиру—нищіе, съ страшными лицами и косматыми головами выпрашиваютъ милостыню; посреди улицы упала и издыхаетъ лошадь; ревутъ или стоятъ спокойно верблюды, посматривая на все своимъ кроткимъ и нѣ-

[1]) Китайское названіе Пекина; значитъ Сѣверный Дворъ.

сколько надменнымъ взглядомъ и задумчиво пережевывая въ сотый разъ свою жвачку. Солнце ярко освѣщаетъ и печетъ своими лучами этотъ оживленный базаръ, эту шумную толкучку, этотъ муравейникъ, черезъ который мы проѣзжаемъ верхомъ, и все приближаемся къ высокой кирпичной стѣнѣ, пока совершенно скрывающей отъ насъ жизнь интереснаго города.

Теперь ясно, съ подробностями, рисуется передъ нашими глазами упомянутая величественная башня съ четырьмя рядами амбразуръ, изъ которыхъ должны бы грозно глядѣть на приближающихся жерла пушекъ; но всѣ амбразуры пусты, а въ двухъ или трехъ вставлены лишь деревянные щиты, на которыхъ нарисованы черные кружки съ краснымъ ободкомъ, долженствующіе изображать собою дула орудій и какъ бы объясняющіе, для чего сдѣланы въ башнѣ какъ эти, такъ и всѣ остальныя окошечки. Наконецъ, мы у основанія стѣны, служащей подножіемъ описанной башни. Окружающая Пекинъ стѣна такъ высока, что стоя даже не очень близко къ ней нужно сильно поднять голову, чтобъ увидать ея верхній зубчатый край. У основанія ея вырытъ каналъ, который, такъ же какъ и она, окружаетъ столицу со всѣхъ сторонъ, и черезъ него здѣсь перекинутъ мостъ; за нимъ пошла гладкая дорога, сложенная изъ большихъ каменныхъ плитъ. Далѣе, въ томъ мѣстѣ, гдѣ стѣна образуетъ округленный поворотъ, эта дорога расширилась въ площадь, на которой толпился народъ и продавались фрукты и всякій старый хламъ.

Обогнувъ упомянутый полукруглый выступъ стѣны, мы въѣхали черезъ гигантскія ворота, показывающія страшную толщину ея, во дворъ, который также обнесенъ со всѣхъ сторонъ стѣною, одинаковой высоты съ внѣшнею: на немъ растутъ деревья и стоитъ кумирня, изящная крыша которой покрыта желтой черепицей; и этотъ желтый, императорскій цвѣтъ напомнилъ намъ, что мы находились въ резиденціи Богдыхана. Изъ двора повернули налѣво, черезъ другія ворота, и теперь вступили въ столицу. [1])

Тутъ мостовая... читатель думаетъ—стала гораздо лучше,—нѣтъ, она кончилась сейчасъ за воротами, и за нею пошла просто земляная, пыльная дорога. Широкая улица, обставленная двумя непрерывными рядами одноэтажныхъ домиковъ, которые

[1]) Такихъ воротъ для въѣзда въ нее и съ такими же башнями надъ ними существуетъ шестнадцать.

представляются исключительно лавками, была залита народомъ, пѣшимъ или ѣхавшимъ, по преимуществу верхомъ на ослахъ, гремящихъ надѣтыми на нихъ бубенчиками и оглашающихъ воздухъ своимъ отвратительнымъ ржаньемъ. Кромѣ двигающагося народа, на скамеечкахъ сидятъ подъ огромными зонтиками и навѣсами множество продавцовъ съ фруктами и разными готовыми кушаньями, разставленными въ чашкахъ или разложенными на лоткахъ, и все это, конечно, покрывается толстѣйшимъ слоемъ пыли, осѣдающей изъ воздуха, который переполненъ ею до густоты. Далѣе ряды лавокъ прервались, и въ улицѣ уже нѣтъ ни того многолюдства, ни того раздирающаго уши разнороднаго шума. Изъ воротъ невзрачныхъ и на видъ пустыхъ домовъ выглядываютъ жители,—мущины, а иногда и женщины, толстыя, набѣленныя и некрасивыя, а также хорошенькія молоденькія дѣвушки; изъ разнощиковъ тутъ встрѣчались только продавцы цвѣтовъ.

Двигаясь далѣе, мы подъѣхали къ огромной, заново раскрашенной башнѣ, въ которой преобладалъ красный цвѣтъ. Она деревянная на каменномъ фундаментѣ, въ которомъ черезъ перекрещивающіеся пролеты проходятъ крестомъ двѣ улицы. Кругомъ ея верхняго этажа обходитъ галлерея подъ навѣсомъ изогнутой черепичной крыши, поддерживаемой деревянными колоннами; выше находится еще этажъ, меньшей вышины, безъ галлереи, а лишь съ одними окнами, закрытыми рѣшетками, и надъ нимъ вторая черепичная крыша, высокая и изящно отдѣланная. Отъ этой башни мы повернули направо въ другую улицу, и она представила самую любопытную картину, какую я когда-либо видѣлъ.

Опять, для того, чтобы познакомить съ нею читателя, нужны рисунокъ и краски, непремѣнно краски; но будемъ продолжать нашъ путь. Средина улицы представляется возвышенною въ видѣ насыпи или вала около сажени вышины, такъ что ѣдущій здѣсь, особенно верхомъ, находится на значительной высотѣ и смотритъ на стоящіе по бокамъ дома, которые всѣ одноэтажные, нѣсколько сверху. Здѣсь опять почти каждый домъ выходитъ на улицу лавкою или магазиномъ и фасады послѣднихъ отдѣланы съ поражающею, совершенно своеобразною роскошью: весь фасадъ дома, напримѣръ, представляетъ ажурную рѣзьбу по дереву, вызлащенную или только покрытую лакомъ, и узоры ея чрезвычайно сложны и разнообразны: на однихъ домахъ изображены въ фи-

гурахъ цѣлыя поэмы, другіе украшены букетами и гирляндами цвѣтовъ, красиво сгруппированными фруктами, или вѣтками и листьями, на третьихъ представлены разные звѣри, птицы и другія животныя или просто арабески того или другаго стиля. Издали эти изящные фасады магазиновъ, особенно вызлащенные, чрезвычайно похожи на иконостасы нашихъ церквей. Разсматривая подробности ихъ, дивишься искусству и терпѣнію рѣзчиковъ, а съ другой стороны приходишь къ заключенію, что значитъ эта рѣзная работа, которая у насъ такъ высоко цѣнится, здѣсь вовсе не дорога, если подобныя сокровища выставляются прямо на улицѣ, снаружи, гдѣ они подвергаются пыли и дождю.

Но вотъ другая характерная особенность Великой Столицы: рядомъ съ описанными блестящими и раззолоченными магазинами (или собственно напротивъ ихъ), тянется линія балагановъ, прикрытыхъ какими-то тряпками, въ родѣ одѣялъ нищихъ; а на землѣ повсюду грязь, соръ и всякая рухлядь; въ этомъ ряду помѣщаются мясныя, зеленныя и другія лавки, каждая съ своими вывѣсками, самыхъ разнообразныхъ формъ, цвѣтовъ и значеній, а именно: висящія разноцвѣтныя доски съ надписями, бумажная бахрома, цвѣтныя перья, куски матерій, столбы съ различными фигурами и проч. И буквально нѣтъ ни одной сажени, на которой бы не было людей.

Далѣе мы подъѣхали къ новой стѣнѣ, но улица продолжалась, проходя чрезъ двойныя ворота — Хоу-Мынь. Здѣсь на открытомъ воздухѣ, только подъ широкимъ навѣсомъ этихъ воротъ, расположенъ ресторанъ, ведущій, какъ видно, весьма оживленную торговлю. Вотъ какъ онъ устроенъ: въ промежуткѣ между двумя проѣздами стоятъ большіе столы съ разными горячими кушаньями, фруктами, чайниками съ горячей водой и множествомъ разной посуды,—это буфетъ. Въ другихъ мѣстахъ по сторонамъ проѣзжей дороги разставлены столики для посѣтителей, и многочисленная прислуга снуетъ на самой дорогѣ, перебѣгая отъ одного столика къ другому, выслушивая заказы и исполняя требованія гостей, которые тутъ ѣдятъ и пьютъ.

Мы проѣзжаемъ черезъ ресторанъ верхомъ и такъ близко отъ самыхъ столовъ, что того и гляди задѣнешь кого-нибудь изъ посѣтителей или стащишь у него ногою тарелку съ кушаньемъ. Тутъ же черезъ этотъ оригинальный ресторанъ безпрестанно проѣзжаютъ телѣги. Въ воздухѣ стоитъ пыль, кухонный чадъ и табачный дымъ; откуда-то пахнетъ опіемъ; всѣ говорятъ, каждый

свое, и каждый говоритъ, какъ кричитъ, потому что иначе даже ближайшій сосѣдъ ничего не услышитъ.

Черезъ эти ворота мы вступаемъ въ такъ-называемый Императорскій Городъ, т.-е. въ центральную часть Пекина [1]), обнесенную со всѣхъ сторонъ особенной стѣной, а въ глубинѣ улицы, которую окаймляютъ съ боковъ низкія зданія казармъ для маньчжурскихъ войскъ, тянется поперекъ розовая стѣна, окружающая, слѣдовательно, третій внутренній четыреугольникъ, такъ-называемый Запрещенный Городъ,—Цинь-чэнъ, и скрывающая отъ глазъ простыхъ смертныхъ и всего міра таинственную обитель богдохановъ, — дворцы и сады Сына Неба, какъ величаютъ китайцы своего императора. Эта розовая стѣна на половину облиняла, штукатурка ея обвалилась; по своему верхнему краю она одѣта темножелтой эмальированной черепицей, во многихъ мѣстахъ перебитой и упавшей; а фундаментъ ея опускается въ воду канала, окружающаго Запрещенный Городъ также со всѣхъ сторонъ.

Изъ-за стѣны видны лишь деревья да изящныя крыши нѣкоторыхъ дворцовыхъ зданій, стоящихъ отдѣльными павильонами. Далѣе надъ стѣною поднимается невысокая, искусственно сдѣланная горка, на которой устроены три бесѣдки съ разнообразными крышами изъ синей и желтой эмальированной черепицы. Эта горка, какъ гласитъ исторія, вся состоитъ изъ каменнаго угля, представляющаго тотъ запасъ топлива, который былъ сдѣланъ для дворцовъ во время осады Пекина маньчжурами. На ней же лишилъ себя жизни послѣдній императоръ минской династіи.

Итакъ, путешественникъ можетъ видѣть: только упомянутый каналъ съ мраморной оградой и нѣсколькими такими же мостами черезъ него; стѣну, верхушки деревьевъ, крыши нѣкоторыхъ зданій и упомянутыя три бесѣдки; но онъ не увидитъ изъ-за стѣны ни одного человѣка и не составитъ себѣ ни малѣйшаго понятія о совершающейся за нею жизни. А близость ея только усиливаетъ желаніе познакомиться со всѣми ея подробностями, и я чувствую себя неудовлетвореннымъ. Совсѣмъ не таково было мое представленіе, созданное по описаніямъ и китайскимъ картинамъ: я никакъ не представлялъ себѣ дворца китайскаго императора, вопервыхъ, въ такой степени скрытымъ за стѣнами; вовторыхъ, не ожидалъ увидать вокругъ, вблизи самаго дворца,

[1]) Собственно центральную часть сѣверной половины его, или Маньчжурскаго Города.

такой запущенности и упадка, такого неприбраннаго вида,—напримѣръ разрушающихся старыхъ зданій, готовыхъ упасть деревьевъ, толпы пріютившихся тутъ же грязныхъ нищихъ и т. п. Я зналъ о разрушеніи и упадкѣ китайской столицы, но не думалъ, что они достигли такой степени.

Проѣхали нѣсколько улицъ и на этомъ пути встрѣтили много большихъ и маленькихъ мостовъ, устроенныхъ надъ каналами или небольшими рѣчками; но больше всего видѣли длинныхъ, высокихъ и совершенно глухихъ стѣнъ, наводящихъ тоску и въ то же время разжигающихъ любопытство путешественника: хочется заглянуть черезъ нихъ; по натурѣ человѣческой все думается, что за ними-то и скрывается самое интересное. Проѣхали вдоль набережной,—каменной, когда-то, должно быть, хорошо устроенной, а теперь также разрушающейся; миновали ограды Германскаго и Англійскаго Посольствъ, и затѣмъ, повернувъ еще въ улицу, увидали на ея правой сторонѣ ворота въ стѣнѣ, и надъ воротами русскій флагъ — это былъ.... я хотѣлъ сказать домъ, вѣрнѣе же стѣна и ворота Русскаго Посольства, потому что здѣсь съ улицы не видно не только никакого дома, но даже ни одной крыши, ни одного флигеля. Точно такъ же мы поглядѣли на указанную каменную ограду Американскаго Посольства, которое находится въ этой же улицѣ, какъ разъ напротивъ Русскаго. Въѣзжаемъ въ ворота и видимъ себя въ саду, гдѣ въ разныхъ мѣстахъ сквозятъ между деревьями каменныя постройки, а прямо передъ нами проходитъ крытая возвышенная галлерея. Тутъ мы сошли съ лошадей и тутъ встрѣтились съ однимъ изъ живущихъ здѣсь нашихъ соотечественниковъ, П. С. Поповымъ, драгоманомъ нашего посольства... Какъ ни-мало я его зналъ раньше, но встрѣча въ такой дали отъ родины даетъ исключительныя права, и каждый землякъ здѣсь, посреди чужихъ, сразу является роднымъ, дорогимъ человѣкомъ. Любезно встрѣтилъ и онъ насъ, пріѣзжихъ гостей изъ отдаленной родины; тотчасъ указалъ намъ наши помѣщенія, прислалъ слугъ-китайцевъ, немного говорившихъ по-русски, и оставилъ насъ приводить въ порядокъ себя и свои вещи.

Итакъ, мы въ Пекинѣ, въ домѣ Русскаго Посольства, въ средѣ своихъ земляковъ. И увидавъ себя снова посреди европейскаго комфорта, мы почувствовали всю его прелесть и превосходство надъ китайскимъ умѣньемъ или, правильнѣе, ихъ неумѣнь-

емъ жить; но нельзя не пожалѣть о томъ, что комфортъ очень скоро дѣлаетъ человѣка нѣжнымъ тепличнымъ растеніемъ.

Вскорѣ мы всѣ были въ полномъ парадѣ и отправились къ нашему посланнику, Е. К. Бюцову, который тотчасъ придалъ этому оффиціальному представленію характеръ простаго свиданія. Бесѣда шла о нашей дорогѣ; Сосновскій, между прочимъ, разсказалъ о своихъ „поученіяхъ купечества обще-государственнымъ пользамъ“, всякій разъ употребляя эти самыя слова; подѣлился своимъ горемъ по поводу того, что оно осталось глухо къ этимъ поученіямъ, надъ чѣмъ посланникъ, хотя и сочувствовавшій неудачѣ, много смѣялся. Въ заключеніе онъ пригласилъ насъ на сегоднешній день къ обѣду, до котораго оставалось еще достаточно времени, и мы отправились съ визитами къ находившимся въ Пекинѣ соотечественникамъ — доктору Э. В. Бретшнейдеру, секретарю А. И. Кояндеру [1]) и почтмейстеру Гомбоеву; (два другихъ члена нашего посольства, директоръ обсерваторіи г. Фритше и старшій драгоманъ Ленци, находились въ то время въ Россіи, въ отпуску).

Познакомимся теперь съ русской пекинской колоніей, состоящей изъ двухъ частей, удаленныхъ одна отъ другой на значительное разстояніе. Часть, занимаемая посольствомъ, называется Южнымъ Подворьемъ; другая, гдѣ помѣщаются члены нашей духовной миссіи,—Сѣвернымъ Подворьемъ. Посольскій Дворъ, какъ всякій другой хорошій домъ въ Пекинѣ, обнесенъ, подобно монастырю, глухой каменной оградой, совершенно уединяющей его отъ всего, находящагося внѣ этой ограды,—кромѣ, разумѣется, городскаго шума. Пространство, заключающееся внутри ея, раздѣляется легкой деревянной рѣшеткой на двѣ части, которыя можно назвать дворомъ и садомъ. На первомъ находятся помѣщенія для казаковъ, живущихъ при посольствѣ, и для китайской прислуги; а также—кухни, кладовыя, конюшни и другія домашнія службы; въ саду же, довольно густомъ и дающемъ тѣнь, рас-

[1]) Который замѣтилъ намъ, что о снаряженіи и отправленіи нашей экспедиціи въ Пекинѣ они ничего не знали до послѣдняго времени, потому что только изъ Кяхты получили первое письмо отъ Сосновскаго, сообщившаго посольству эту новость. Это было и странно, и видимо непріятно посланнику. Сосновскій же не рѣшался извѣщать посольство о своемъ назначеніи, боясь, чтобъ его почему нибудь не вернули съ дороги. Опасеніе не безосновательное, такъ какъ мысль о возвращеніи его явилась въ Мин. Иностр. Дѣлъ по прочтеніи его перваго донесенія изъ Кяхты.

положены домъ посланника, церковь и отдѣльные флигели, гдѣ находятся квартиры остальныхъ служащихъ при посольствѣ лицъ. Постройки всѣ одноэтажныя каменныя, подъ черепичными крышами.

Насъ размѣстили въ разныхъ зданіяхъ, гдѣ оказались свободныя комнаты, которыя всѣ болѣе или менѣе просторны и свѣтлы, и остатокъ дня незамѣтно прошелъ у насъ въ раскрываніи нѣкоторыхъ чемодановъ, размѣщеніи необходимыхъ вещей, устраиваніи рабочихъ столовъ, постелей и проч.; и послѣ поздняго обѣда у посланника мы скоро разошлись по своимъ комнатамъ.

На слѣдующій день я проснулся рано и, по усвоенному мною обычаю, спѣшилъ взобраться на какой-нибудь возвышенный пунктъ, чтобы съ него осмотрѣть городъ и оглядѣться въ немъ. Мнѣ совѣтовали совершить для этой цѣли прогулку по стѣнѣ, раздѣляющей Пекинъ на два большихъ отдѣла — маньчжурскій или татарскій городъ, и китайскій. Г. Поповъ предложилъ быть моимъ руководителемъ, и мы отправились вмѣстѣ.

Пекинскія городскія стѣны имѣютъ тридцать футъ вышины и двадцать пять ширины въ основаніи, кверху же нѣсколько суживаются; на нихъ всходятъ по особеннымъ для этой цѣли устроеннымъ откосамъ или спускамъ, при входѣ на которые находятся всегда запертыя ворота, но за ассигнацію, равняющуюся нѣсколькимъ тысячамъ чохъ, по пекинскому счету, а на наши деньги копѣйкамъ пятнадцати (!), привратникъ открылъ ихъ и пропустилъ насъ безъ всякихъ препятствій и предосторожностей. Скоро мы уже шли по широкой, одѣтой квадратными плитами, верхней площади стѣны, мѣстами густо заросшей травой и кустарникомъ, мѣстами покрытой цвѣтниками; и, смотря оттуда на зелень почти непрерывныхъ садовъ, въ которыхъ мелькали крыши по преимуществу домовъ, я забывалъ, что иду по стѣнѣ многолюднаго Пекина, а не по дорожкѣ въ какомъ-нибудь паркѣ.

Долго шли мы по стѣнѣ, все въ одномъ направленіи, и я все ожидалъ, когда же наконецъ откроется передо мной столица во всемъ ея величіи, о которомъ мнѣ такъ много разсказывали май-май-чэнскіе китайцы, да и не они одни... Когда же я увижу зеркальныя воды ея обширныхъ прудовъ и чудеса китайской архитектуры,—ея волшебные сады съ дворцами, балконами, мостами и бесѣдками, какіе являются европейцамъ въ ихъ воображеніи... Смотрю во всѣ стороны, ищу глазами того изящества, роскоши и красоты, какими щеголяютъ другія столицы, ищу, — но ничего, говорящаго о нихъ, о резиденціи Сына Неба, не вижу.

Спутникъ наконецъ указалъ мнѣ на дворецъ Богдохана. Но я не хотѣлъ вѣрить ни его словамъ, ни своимъ глазамъ, до такой степени то, что было видно отъ дворца, не отвѣчало моему ожиданію и представленію,—я досадовалъ на то, что видно такъ мало и что увидать остальнаго невозможно ни подъ какимъ предлогомъ. Приходилось довольствоваться описаніями и создавать себѣ какіе угодно образы на слѣдующія темы: „Сѣни Обширнаго Міра“, „Сѣни Совершеннаго Спокойствія“, „Сѣни Прочнаго Мира“, „Спокойный Дворецъ Неба“, „Дворецъ Земнаго Отдохновенія“ или, „Дворецъ Супруги Неба“, „Дворецъ Напряженія Мыслей“, „Храмъ Великаго Счастія“ и другія подобныя названія зданій Запрещеннаго Города. Если же вы, читатель, придете на то мѣсто внутренней пекинской стѣны, гдѣ я стою въ настоящую минуту и откуда всего виднѣе доступныя части дворца, то вы увидите лишь слѣдующее: заросшую травою площадь, черезъ которую проходитъ вымощенная каменными плитами дорога, ведущая черезъ довольно неуклюжее зданіе, въ родѣ сарая съ тройными воротами, на слѣдующій дворъ; увидите этотъ дворъ, также обнесенный стѣною, также съ каменною дорогою посрединѣ и со вторымъ подобнымъ, но болѣе красивымъ зданіемъ, имѣющимъ также трое воротъ; за нимъ виднѣются сады, и между деревьями возвышается рядъ углубляющихся въ перспективу зданій, съ довольно скромными крышами желтаго, зеленаго и синяго цвѣтовъ. Вотъ и все; но и это малое доступно глазу наблюдателя лишь въ общихъ чертахъ, потому что большое разстояніе мѣшаетъ видѣть какія-либо подробности. А всѣ ворота на заперти.

Спутникъ мой указалъ еще на немногія лучшія зданія города, возвышающіяся надъ общимъ уровнемъ домовъ; но они отстоятъ очень далеко отсюда и виднѣлись въ туманѣ. Кромѣ же этихъ немногихъ монументовъ, глазу рѣшительно не на чемъ остановиться: Пекинъ, разсматриваемый съ высоты, даже вовсе не имѣетъ характера города, и только по уходящимъ въ даль стѣнамъ да отдаленности возвышающихся на нихъ башенъ и деревьевъ, можно судить о его значительной величинѣ; видомъ же своимъ онъ скорѣе походитъ на пригородъ или подгородное село, весьма богатое садами, между которыми разсѣяны дома съ сѣрыми крышами и такія же ограды. Отсюда же можно видѣть, что Пекинъ стоитъ среди огромной равнины, на сѣверной и западной окраинахъ которой возвышается вдали хребетъ Инъ-Шань.

Мы прошли верстъ пять вдоль стѣны, миновавъ нѣсколько устроенныхъ на ней домиковъ, въ которыхъ живутъ караульщики для охраненія здѣсь... не знаю чего; при этихъ домикахъ находятся дворики, цвѣтники и содержатся нѣкоторыя домашнія животныя.

Стѣна настолько высока, что городской шумъ, когда находишься на ней, слышенъ слабо; а потому я черезъ нѣсколько времени услыхалъ странные, довольно нѣжные дрожащіе звуки, которые лились откуда-то сверху. Я долго искалъ ихъ источникъ, и спутникъ мой, замѣтивъ это, объяснилъ, что оригинальную музыку, которую я слышу, производятъ летающіе надъ нами вертящіеся голуби, благодаря особаго рода свисткамъ, прикрѣпленнымъ къ ихъ хвостамъ. Они дѣлаются изъ самаго легкаго матеріала, представляютъ большое разнообразіе въ величинѣ, формѣ и по числу свистящихъ трубочекъ, которыхъ бываетъ отъ трехъ до семи въ каждомъ; а принципъ вездѣ одинъ и тотъ же, т. е. обыкновеннаго свистка; звуки же происходятъ отъ сопротивленія воздуха во время быстраго полета голубей. Для прикрѣпленія ихъ расщепляютъ одно изъ хвостовыхъ перьевъ и продѣвъ черезъ эту щель тонкую ножку свистка, имѣющую маленькую дырочку, вкладываютъ въ послѣднюю тоненькій клинышекъ въ родѣ колесной чеки. Первоначально, говорятъ, эти свистки имѣли другое назначеніе, а именно предохраненіе голубей отъ хищныхъ птицъ, а потомъ превратились въ оригинальные музыкальные инструменты. Пекинцы, какъ видно, большіе охотники до этой музыки, потому что почти во всѣхъ концахъ столицы раздается этотъ дрожащій мелодичный свистъ, не лишенный нѣкоторой прелести.

Возвращаясь назадъ, мы остановились у одной изъ башенъ, построенной надъ воротами, черезъ которыя проходитъ самая главная улица Пекина Хо-Да-Мынь. Она была переполнена людьми всякаго рода, и въ это время по ней проходила богатая похоронная процессія; мы остались тутъ, пока вся она не прошла передъ нашими глазами. Процессія растянулась по крайней мѣрѣ на версту, но она не представляла одной непрерывной массы людей, а всѣ участвовавшіе въ ней шли отдѣльными группами на нѣкоторомъ разстояніи одна отъ другой, каждая въ своей особенной роли: одни несли какіе-нибудь символическіе знаки, — флаги, зонтики особаго рода, какъ выраженіе извѣстнаго званія покойнаго; другіе имѣли въ рукахъ мѣдные „ло“, въ которые ко-

лотили весьма усердно палками, но даже звуки мѣди не могли заглушить раздирающаго душу воя наемныхъ плакальщицъ; третьи сопровождали два паланкина и экипажъ, принадлежавшіе умершему; четвертая группа, наконецъ, несла его тѣло въ гробу подъ балдахиномъ, уставленнымъ на огромныхъ тяжелыхъ носилкахъ. Въ этой послѣдней группѣ участвовало человѣкъ шестьдесятъ, которые всѣ были одѣты въ одинаковое платье зеленаго цвѣта съ большими кругами яркихъ цвѣтовъ. За гробомъ въ нѣсколькихъ повозкахъ ѣхали родственники и друзья покойнаго въ бѣлыхъ, т. е. траурныхъ одеждахъ. Это зрѣлище, печальное по своему существу, имѣло по внѣшнему виду скорѣе веселый, торжественный характеръ: столько здѣсь было громкихъ звуковъ, столько блеска и яркихъ цвѣтовъ, необыкновенно оживлявшихъ картину; и самый катафалкъ былъ наряднѣе всего: онъ весь обитъ пунцовой, шелковой матеріей, а на верху и по угламъ онъ имѣлъ позлащенныя украшенія, отъ которыхъ расходились на четыре стороны плоскія и широчайшія, также позлащенныя цѣпи, поддерживаемыя людьми.

Почти всѣ вещи для этихъ процессій берутся на прокатъ, какъ, напримѣръ, катафалкъ, символы, одежда для участвующихъ въ процессіи людей, точно такъ, какъ и самые эти люди нанимаются изъ уличныхъ нищихъ. Похороны для нихъ — истинный праздникъ, потому что въ этотъ день они будутъ накормлены и, кромѣ того, пройдутся по городу въ нарядныхъ одеждахъ. На свои тряпки или почти голое тѣло они надѣваютъ нарядное ярко-цвѣтное платье; украшаютъ свои, большею частью паршивыя, головы форменными шляпами и, довольные какъ своимъ щегольскимъ костюмомъ, такъ предстоящими „чы-фань“ (обѣдомъ) и денежнымъ вознагражденіемъ, они весело идутъ вдоль улицы, часто довольно откровенно смѣясь и заигрывая между собою.

Мы возвратились домой къ завтраку и нашли на посольскомъ дворѣ нѣсколько человѣкъ китайскихъ купцовъ, которые почти ежедневно являются къ живущимъ здѣсь иностранцамъ, принося съ собой разныя вещицы по части посуды, украшеній, коробокъ, мѣховъ, картинъ и разныхъ бездѣлушекъ. Они, вопервыхъ, избавляютъ ихъ такимъ образомъ отъ не всегда пріятныхъ прогулокъ по городу, а иногда приносятъ рѣдкія и цѣнныя вещи, какихъ, пожалуй, и не удалось бы разыскать въ магазинѣ. Эти странствующіе купцы-китайцы научились дорого продавать и страшно запрашиваютъ, особенно съ новичковъ; иногда спрошен-

ная цѣна бываетъ такъ высока, что купца немедленно и безъ всякихъ дальнѣйшихъ разговоровъ выгоняютъ вонъ, съ тѣмъ чтобы онъ никогда больше не смѣлъ показываться въ этотъ домъ. Китаецъ связываетъ въ узелокъ свои вещи и уходитъ, но только съ тѣмъ, чтобы завтра же явиться опять съ тѣми же или новыми вещами; нѣсколько дней онъ воздерживается отъ заламливанія непозволительныхъ цѣнъ, а потомъ при удобномъ случаѣ опять прорвется—и въ убыткѣ, разумѣется, никогда не бываетъ.

На слѣдующій день послѣ завтрака мы поѣхали въ нашу духовную миссію, находящуюся, какъ я сказалъ, также въ стѣнахъ Пекина на такъ-называемомъ Сѣверномъ Подворьѣ, отстоящемъ отъ Южнаго верстъ на семь. Оно также представляетъ обнесенный каменной оградой садъ; въ немъ находятся церковь, крошечная колокольня, построенная въ китайскомъ стилѣ, и зданія, въ которыхъ помѣщались члены духовной миссіи: отецъ архимандритъ Палладій [1]), извѣстный всему ученому міру своимъ глубокимъ знаніемъ китайскаго языка и литературы, и монахи о. Іоаннъ, о. Геронтій и о. Флавіанъ [2]), съ которыми мы познакомились, посѣтивъ каждаго въ своей квартирѣ. Они всѣ носятъ свой костюмъ, а не китайскій, какъ это дѣлаютъ миссіонеры другихъ національностей; жизнь ведутъ уединенную, въ стѣнахъ своего подворья; съ туземцами сходятся рѣдко, потому что убѣдились въ малой пользѣ насильственной проповѣди и предоставили только право являться къ себѣ каждому, желающему вести съ ними религіозныя бесѣды, за что китайцы относятся къ нимъ съ бо̀льшимъ уваженіемъ, чѣмъ къ горячимъ католическимъ миссіонерамъ, навязывающимъ свое ученіе почти насильно. Наши бесѣды съ ними вращались главнымъ образомъ на нашемъ дальнѣйшемъ путешествіи.

Солнце уже садилось, когда мы возвращались домой, и на этотъ разъ намъ довелось познакомиться съ однимъ изъ обычныхъ явленій пекинской жизни,—съ поливаніемъ нѣкоторыхъ наиболѣе пыльныхъ столичныхъ улицъ. Какъ въ поливаніи улицъ вообще, такъ и въ китайскомъ способѣ производить его нѣтъ ничего особеннаго; но дѣло въ томъ, что здѣсь оно производится тою водою, которая собирается въ лужахъ, стоящихъ по сторонамъ упомянутаго выше

---

[1]) Теперь скончавшійся (въ Марсели 6 декабря 1878 года, на пути въ Россію).

[2]) Настоящій архимандритъ нашей миссіи послѣ о. Палладія.

средняго возвышенія. Эти лужи набираются во время дождей и вода въ нихъ, постоянно пополняемая разными помоями и другими жидкостями, стоитъ цѣлое лѣто. Онѣ являются такимъ образомъ открытыми помойными ямами, и судите сами, какова должна быть въ нихъ вода. Отъ разросшихся водорослей она имѣетъ ярко-зеленый цвѣтъ и содержитъ огромное количество всякаго рода органическихъ примѣсей, которыя разлагаются въ ней и образуютъ различные газы, собирающіеся въ видѣ пузырей подъ пленкой, которая покрываетъ ихъ поверхность, такъ что подъ ней не сразу угадаешь присутствіе воды. Послѣдняя до того грязна и насыщена всякими гадостями, что кажется на видъ густою; пока она стоитъ неподвижно, такъ сказать подъ своей корой: послѣдняя препятствуетъ газамъ выдѣляться и подниматься въ воздухъ.

И вотъ по вечерамъ, когда поднятая съ улицъ густѣйшая пыль стоитъ въ воздухѣ и душитъ людей, они принимаютъ противъ нея мѣры посредствомъ поливанія дороги... но чѣмъ? только-что описанной водой изъ упомянутыхъ лужъ! И не испытавъ того, что̀ бываетъ слѣдствіемъ этой поливки, нельзя себѣ представить всего ужаса того смрада, какой распространяется тогда въ воздухѣ... Скажу только, что обыкновенный, то-есть всегда болѣе или менѣе зловонный воздухъ пекинскихъ улицъ показался бы чистѣйшимъ воздухомъ полей въ сравненіи съ тою удушающею и пропзводящею тошноту атмосферой, какую пропзводитъ это убійственное „гигіеническое мѣропріятіе“. Мнѣ кажется, что никогда прежде обоняніе мое не страдало въ такой степени, какъ здѣсь, въ этихъ улицахъ, во время или послѣ поливки ихъ; мнѣ казалось, что можно задохнуться здѣсь отъ зловредныхъ газовъ, и я старался какъ можно скорѣе, не дыша, проѣхать политое пространство. А китайцы, повидимому, были совершенно равнодушны къ этой непзобразимой вони и какъ будто вовсе не замѣчали ея... Вотъ странные или, скорѣе, несчастные люди! Имъ, разумѣется, не проходятъ даромъ подобные эксперименты надъ своимъ здоровьемъ и жизнью: частыя эпидеміи оспы и тифа уносятъ постоянно большое количество жертвъ, а глазными болѣзнями страдаетъ чутъ не бо́льшая половина населенія.

Да, Великая Столица Востока требуетъ немедленнаго и радикальнаго обновленія... А во время о́но въ ней была устроена замѣчательная система водосточныхъ трубъ и водопроводовъ, остатки которыхъ еще и теперь можно видѣть кой-гдѣ. Они пред-

ставляются въ видѣ каналовъ, не очень глубоко лежащихъ подъ землей, но обложенныхъ каменными плитами, скрѣпленными цементомъ. Въ Пекинѣ все приходитъ въ страшный упадокъ, судя по тому, что здѣсь встрѣчаешь на каждомъ шагу рядомъ золото и грязь, дорогую рѣзьбу и падающія зданія, изящнѣйшіе мраморные барельефы и жалкія развалины; и остатки старины вездѣ величественнѣе, богаче, изящнѣе, чѣмъ позднѣйшія произведенія архитектуры и искусствъ.

Тѣмъ не менѣе этотъ городъ полонъ интереса для путешественника какъ средоточіе китайской жизни, богатства матеріальнаго и умственнаго, и наконецъ съ чисто внѣшней стороны; и умѣй я самъ сколько нибудь говорить, я бы, конечно, ни одного дня не просидѣлъ дома. Но читатель помнитъ, что переводчика въ моемъ распоряженіи не было, а прибѣгать къ помощи нашего драгомана я могъ лишь изрѣдка,—и вотъ дни стали проходить, можно сказать, безсодержательно и безплодно. Я сидѣлъ въ стѣнахъ посольства, почти не выходя изъ нихъ; и мнѣ удавалось видѣть что-нибудь только въ тѣхъ случаяхъ, когда г. Поповъ былъ свободенъ и предлагалъ свои услуги совершить прогулку въ ту или другую часть города, или когда мы отправлялись куда-нибудь всей компаніей; но тутъ выборъ предметовъ и мѣстъ, которые намѣревались осмотрѣть, зависѣлъ не отъ меня, да и не отъ кого, а единственно отъ случая.

Такъ, напримѣръ, два католическихъ миссіонера сочли долгомъ (можетъ быть своей службы) сдѣлать намъ визитъ. По долгу вѣжливости мы должны были заплатить тѣмъ же и отправились. Дорога къ нимъ идетъ отчасти мимо Императорскаго Города, и въ этой части его находится много чрезвычайно красивыхъ воротъ въ видѣ тріумфальныхъ арокъ и видны изящныя крыши стоящихъ за стѣною дворцовыхъ зданій. Близъ этого мѣста начинается огромный мраморный мостъ,—Юй-Хэ-Цяо, украшенный на обоихъ концахъ тріумфальными воротами и перекинутый черезъ громадный прудъ, Лянь-Хуа́-Чи́, окаймленный зелеными берегами и густо заросшій китайскимъ лотосомъ (Nelumbium Speciosum), который, къ сожалѣнію, уже отцвѣлъ. Съ моста открывается красивый видъ, но опять не въ такой степени, какъ можно было ожидать по китайскимъ рисункамъ, представляющимъ его. По берегамъ, обсаженнымъ деревьями, подъ тѣнью ихъ разсѣяны хорошенькія постройки въ родѣ домовъ, бесѣдокъ и храмовъ, а черезъ впадающіе въ прудъ ручьи перекинуты горбатые мрамор-

ные мостики. Но такъ какъ прудъ очень обширенъ, а зданія мелки, то они очень теряютъ; и на рисункѣ этотъ видъ въ цѣломъ вовсе не былъ бы интересенъ, а въ подробномъ описаніи навѣрно создалъ бы въ воображеніи читателя обманчивое, поэтическое и весьма изящное представленіе, то-есть гораздо болѣе привлекательное, чѣмъ сама дѣйствительность.

Вскорѣ мы пріѣхали въ католическое подворье, гдѣ были встрѣчены однимъ изъ миссіонеровъ, весьма любезнымъ и пріятнымъ французомъ, Mr. Favier, который провелъ насъ въ пріемную, представляющую прекрасную комфортабельную комнату, украшенную картинами религіознаго содержанія и разными китайскими вещами. Святой отецъ очень живо, даже можно сказать страстно интересовался нашимъ предстоящимъ путешествіемъ; подробно по картѣ разсмотрѣлъ направленіе всего пути, и, какъ мнѣ показалось, съ нѣкоторымъ страхомъ спрашивалъ, не имѣемъ ли мы намѣренія проводить изъ Россіи въ Китай желѣзную дорогу... Такъ какъ такого намѣренія вовсе не было, то намъ не трудно было его успокоить, если только онъ повѣрилъ.

Затѣмъ онъ предложилъ посмотрѣть ихъ библіотеку, музей туземныхъ естественно-историческихъ предметовъ заключающій въ себѣ главнымъ образомъ коллекціи ученаго миссіонера-путешественника Armand David'a. Онъ представляетъ довольно большую залу, наполненную чучелами птицъ, звѣрей, банками съ пресмыкающимися, витринами съ насѣкомыми и минералами. Но въ этомъ серьезномъ и цѣнномъ музеѣ, рядомъ съ другими предметами, помѣщаются неизвѣстно для чего чучела бѣлокъ, дерущихся на шпагахъ, и лягушекъ, играющихъ въ карты!

Изъ музея отправились въ церковь. Она представляетъ большое свѣтлое зданіе, хорошо, но скромно отдѣланное. Богослуженія не было; тѣмъ не менѣе съ лѣвой стороны у колоннъ стояли четыре китаянки на своихъ маленькихъ ножкахъ; другія сидѣли на плоскихъ четырехъугольныхъ подушечкахъ, и хотя наше появленіе отвлекло ихъ вниманіе, но очень мало: онѣ продолжали возносить свои мысли къ Богу, и особенно одна молодая, довольно красивая женщина молилась, повидимому, очень усердно; она клала земные поклоны и, положивъ голову на стиснутыя руки, долго оставалась въ такомъ положеніи. Mr. Favier взошелъ на хоры и заигралъ на органѣ... Тишина храма, прекрасные звуки органа, эти женщины, принадлежащія къ націи, столько вѣковъ не хотѣвшей признать чужаго вліянія, молящіяся

здѣсь передъ изображеніемъ Того, Кто сказалъ, что придетъ время когда будетъ едино стадо и единъ пастырь; неожиданно нахлынувшія воспоминанія объ отдаленной родинѣ; мысли о предстоящемъ трудномъ и, можетъ быть, не безопасномъ пути,—все это вмѣстѣ доставило мнѣ одну изъ тѣхъ рѣдкихъ минутъ жизни, въ которыя наше сердце смутно постигаетъ, что есть на землѣ что-то таинственное, что̀ выше нашихъ дѣлъ, заботъ, выше всѣхъ величайшихъ созданій человѣческаго ума, передъ чѣмъ наша жизнь со всѣми ея проявленіями, кромѣ любви и стремленія къ истинѣ, есть жалкая и обидная комедія!..

Высокій мигъ отлетѣлъ. И я опять превратился въ прежняго любопытствующаго путешественника: мнѣ ужасно хотѣлось заглянуть въ души этихъ новообращенныхъ христіанокъ и узнать степень искренности того, что̀ онѣ совершали... Не могу дать себѣ яснаго отчета—почему, но мнѣ казалось, что эти вновь-обращенныя соблюдали только внѣшнія формы религіи; можетъ быть такъ казалось потому, что онѣ ужъ очень добросовѣстно и умѣло все это дѣлали и такъ упорно молились, несмотря на наше появленіе, хожденіе по церкви и разговоры съ ихъ духовнымъ отцомъ. А можетъ быть я грѣшу противъ нихъ.

Нѣсколько дней спустя мы отправились съ г. Поповымъ въ китайскій городъ съ цѣлью побродить по разнымъ магазинамъ. Пройдя нѣсколько улицъ и миновавъ колоссальныя ворота Цянь-Мынь, находящіяся въ знакомой читателю стѣнѣ, раздѣляющей Пекинъ на двѣ части, мы вступили въ китайскую половину столицы, и только здѣсь я увидалъ всю ея кипучую жизнь, передъ которой въ маньчжурскомъ городѣ, хотя также очень оживленномъ, можетъ показаться пусто, безжизненно и тихо. Тотчасъ за Цянь-Мынь'скими воротами открывается большая, окруженная домами и лавками площадь, пересѣкаемая такъ-называемою „Охраняющею городъ рѣкою“, — Ху-Чэнъ-Хэ, черезъ которую перекинутъ широкій каменный мостъ въ три проѣзда и украшенный четырьмя рѣзными мраморными оградами.

У европейцевъ онъ извѣстенъ подъ названіемъ „Моста нищихъ“, потому что эти жалкіе люди избрали его своимъ пріютомъ, сдѣлали, такъ-сказать, клубомъ своимъ. Въ настоящее время членовъ этого клуба было довольно много налицо, и ужъ, конечно, ни одинъ непривычный человѣкъ не пройдетъ мимо группы пекинскихъ нищихъ, не удостоивъ ихъ вниманія; а передъ нѣкоторыми невольно останавливаешься и также невольно произносишь

какое-нибудь восклицаніе ужаса или сожалѣнія... Видъ ихъ страшенъ: такую худобу тѣла, не исключая даже молодыхъ людей, я видывалъ только въ больницахъ на смертномъ одрѣ; ихъ одеждѣ, едва прикрывающей нѣкоторыя части тѣла, не придумаешь названія; ихъ грязную и испеченную на солнцѣ кожу можно принять за кожу только потому, что видишь ее на человѣкѣ; ихъ молчаливое движеніе воочію представляетъ хожденіе оживших мертвецовъ, а обращенные къ прохожимъ крики о милостынѣ раздираютъ душу; на ихъ лицахъ читаешь то выраженіе безсильной злобы, то чувство крайняго стыда, то послѣднія проявленія угасающей жизни... Да, эти нищіе, въ которыхъ съ трудомъ признаешь такихъ же людей, какъ самъ, производятъ на душу европейца потрясающее и въ высшей степени тягостное впечатлѣніе. Я уже успѣлъ отчасти привыкнуть къ этимъ зрѣлищамъ, такъ какъ не разъ видѣлъ подобныхъ нищихъ въ лежавшихъ на пути къ Пекину китайскихъ городахъ; только тамъ они не встрѣчались въ такомъ множествѣ, какъ здѣсь. Но воображаю, какое впечатлѣніе произвелъ бы одинъ изъ подобныхъ типовъ, явившись на улицахъ любаго изъ европейскихъ городовъ, гдѣ, я увѣренъ, никто не видалъ ничего подобнаго. Туземцы же такъ привыкли къ нимъ, что совсѣмъ ихъ не замѣчаютъ, словно бы ихъ и не существовало: нищіе ходятъ или сидятъ на улицахъ, иногда лежатъ на плитахъ самой дороги, и ихъ только обходятъ, предоставляя имъ полную свободу жить и заниматься своими дѣлами...

Когда мы шли черезъ ворота Цянь-Мынь, гдѣ безпрестанной вереницей проходятъ взадъ и впередъ люди и проѣзжаютъ телѣги, въ нихъ посреди дороги лежалъ на пыльныхъ камняхъ мальчишка лѣтъ двѣнадцати; онъ метался, какъ въ судорогахъ, и не знаю отчего страшно кричалъ, заглушая даже уличный гамъ; но ни одинъ человѣкъ не обратилъ на него вниманія больше того, сколько было нужно, чтобъ только не наткнуться на него. Всѣ люди проходили мимо, точь въ точь съ тѣмъ же участіемъ, съ какимъ пробирался при мнѣ мулъ, тащившій телѣгу: онъ опустилъ голову и, разсматривая глубокомысленнымъ взглядомъ бившагося на землѣ человѣка, немножко пятился въ сторону и осторожно переставлялъ свои ноги, чтобъ нечаянно не наступить на него.

Не берусь рѣшить, что доказываетъ подобное безпримѣрное равнодушіе къ страданіямъ и нуждѣ ближняго, — черствость ли сердца, крайній ли эгоизмъ, сознаніе ли своего безсилія помочь

этимъ погибшимъ людямъ, или справедливое презрѣніе къ нимъ за ихъ собственные пороки, которые привели ихъ въ состояніе такой нищеты. А можетъ быть и у нихъ причины тѣ же, что у иностранцевъ, такъ же безучастныхъ къ нимъ, какъ и туземцы: европейцы сначала охотно подавали милостыню, но теперь рѣшительно отказались отъ прежней благотворительности и не даютъ ни единаго чоха ни одному, по той простой причинѣ, что стоитъ дать одному, чтобъ вся ватага осадила васъ и послѣдовала за вами во всѣ улицы, куда бы вы ни зашли; они не сдѣлаютъ вамъ обиды, не употребятъ ни малѣйшаго насилія, боясь отвѣтственности, но такъ надоѣдятъ своими безотвязными, тысячу разъ повторяемыми просьбами, что вы не рады будете жизни. Иногда бываетъ достаточно не только дать что-нибудь, а просто выразить сочувствіе или участіе, чтобы повторилась та же исторія. Вотъ почему и спутникъ мой не далъ мнѣ остановиться и узнать причину крика мальчишки, валявшагося по землѣ въ воротахъ; а мнѣ очень хотѣлось и узнать и помочь.

— Посмотрите лучше вотъ сюда, обратился онъ ко мнѣ, указывая въ сторону. Мы стояли у лѣваго края моста и я сталъ смотрѣть на сплошныя массы домовъ, возвышавшихся по обоимъ берегамъ рѣки. Они стары, ветхи, по всей вѣроятности очень неудобны для жизни, но глазу художника доставляютъ много наслажденія красотою своихъ подробностей и оригинальностью. И вѣроятно я бы долго простоялъ здѣсь, заглядѣвшись на интересную картину, если бы около насъ не явились два полуголыхъ, мускулистыхъ малыхъ, которые принесли на коромыслѣ огромный ушатъ, наполненный самыми отвратительными жидкостями и поставивъ его на мосту, стали выливать черпакомъ его содержимое въ рѣку, будто бы „охраняющую городъ“... Вотъ она опять—гигіена!

Мы невольно поторопились уйти и направились сначала прямо по широкой и вымощенной улицѣ—Цянь-Мынь-Да-Цзѣ, а потомъ повернули направо въ пересѣкающую ее боковую улицу. Эта послѣдняя такъ узка, что двѣ китайскія телѣги, которыя значительно у́же нашихъ, едва-едва могутъ разъѣхаться въ ней и то почти взбираясь на лѣстницы, ведущія въ лавки и магазины, какими она окаймлена съ обѣихъ сторонъ. Отъ этой тѣсноты улицъ масса разсѣянныхъ повсюду людей кажется еще больше; узкость улицъ, кромѣ того, увеличивается вывѣсками, которыя не прибиты къ стѣнамъ или дверямъ, какъ у насъ, а пред-

ставляютъ доски, повѣшенныя въ вертикальномъ направленіи, на особыхъ крюкахъ, торчащихъ въ улицу... Опять ужасно неудобно, но въ высшей степени красиво и такъ своеобразно, что не видавши этихъ улицъ-корридорчиковъ, пестрѣющихъ самыми яркими цвѣтами и позолотой, нельзя представить себѣ всей ихъ оригинальной прелести. Еще труднѣе вообразить себѣ степень оживленія этихъ улицъ людьми и животными, которыя безостановочною толпой движутся по двумъ противоположнымъ направленіямъ, и притомъ не соблюдая правой и лѣвой стороны.

Читатель, особенно если онъ самъ художникъ, пойметъ всю степень моего желанія перенести на бумагу эту живую сцену изъ отдаленнаго уголка земли. Тѣмъ не менѣе я принужденъ былъ отказаться отъ своего намѣренія, потому что тѣснота улицы, невозможность найти свободный уголокъ, изъ котораго я бы могъ удобно смотрѣть, постоянное движеніе и пыль являлись для меня непреодолимымъ препятствіемъ. Вообще въ Пекинѣ рисованіе красками на улицѣ почти немыслимо: это будетъ скорѣе живопись пылью съ водой, т.-е. грязью, особенно въ мѣстахъ наиболѣе оживленныхъ; а они-то и наиболѣе интересныя.

Мы прошли рядами мелочныхъ лавокъ, устроенныхъ въ родѣ балагановъ и обыкновенно снимающихся на ночь; въ этомъ ряду чуть не на каждомъ шагу встрѣчаются харчевни или открытыя кухни, въ которыхъ дѣйствуютъ полуголые повара. Отъ сковородъ валитъ ѣдкій, удушливый чадъ; въ нихъ пузырится и трещитъ масло и растопленное сало, въ которое повара бросаютъ всякіе пирожки, лепешки, бублики, витушки самыхъ разнообразныхъ формъ—все опредѣленнаго вѣса и опредѣленной цѣны. Ко всему, разумѣется, въ изобиліи примѣшивается наполняющая воздухъ густая уличная пыль; тѣмъ не менѣе всѣ эти печенья и жаренья представляютъ предметы большаго соблазна для бродячихъ потребителей: они раскупаются на расхватъ, такъ что повара едва успѣваютъ подбрасывать новые и новые куски тѣста, изготовляемые и пододвигаемые на лоткахъ ихъ помощниками, которые придаютъ имъ должные форму и вѣсъ.

Мы заходили сегодня во многіе магазины, видѣли множество прекрасныхъ вещей по части фарфоровой и металлической эмальированной посуды, множество вещей рѣзной работы, лаковыхъ издѣлій и проч.; но цѣны на все мнѣ показались дорогими. Тутъ на сотни рублей не много купишь, — надо приносить тысячи... Хотя почти во всѣхъ магазинахъ существуетъ, какъ объявлено,

prix-fixe, тѣмъ не менѣе вездѣ запрашиваютъ безсовѣстно и потомъ уступаютъ за одну пятую, одну шестую спрошенной цѣны. Читатель увидитъ впослѣдствіи, что запрашиванье высокихъ цѣнъ мало распространено въ Китаѣ, и здѣшнія исключенія должно объяснять присутствіемъ и нѣкоторыми обычаями европейцевъ, которые сами на все повышаютъ цѣны, часто соря деньгами, въ надеждѣ хоть этимъ снискать себѣ расположеніе туземцевъ, — разсчетъ, конечно, фальшивый.

Въ день 30 августа мы всей русской компаніей предприняли прогулку въ окрестности Пекина. Въ пятнадцати верстахъ отъ него къ сѣверозападу лежатъ, въ недалекомъ другъ отъ друга разстояніи, три загородныхъ императорскихъ парка, Вань-Шоу-Шань, Юй-Цюань-Шань и Сянъ-Шань, всѣ вмѣстѣ называемые Юань-Минъ-Юань. Эти парки, бывшіе когда-то великолѣпными, теперь запущены; зданія ихъ, представлявшія главнымъ образомъ храмы, почти разрушены или повреждены; и только уцѣлѣвшіе отъ пожара остатки и развалины говорятъ о ихъ прежнемъ великолѣпіи, а также напоминаютъ о посѣщеніи этихъ мѣстъ арміями двухъ представительницъ западной цивилизаціи, Франціи и Англіи: дворцы и храмы были сожжены ими и разграблены. Мы провели въ паркахъ цѣлый день, но успѣли лишь бѣгло осмотрѣть ихъ; пообѣдали въ паркѣ Вань-Шоу-Шань на террасѣ, вдающейся въ озеро, и отправились въ находящуюся неподалеку отсюда небольшую кумирню И-Гуань-Сы, гдѣ расположились на ночлегъ, на своихъ постеляхъ, которыя были присланы сюда изъ Пекина въ наемной извощичьей телѣгѣ,—мѣра, необходимая въ Китаѣ, иначе пришлось бы спать на каменныхъ лежанкахъ, покрытыхъ только циновками.

Желая припомнить впечатлѣнія нынѣшняго дня, я чувствую всю трудность описанія осмотрѣнныхъ парковъ. Для этого описанія необходимо много времени; оно могло бы составить цѣлую книгу, а книга въ свою очередь потребовала бы рисунковъ и рисунковъ, безъ которыхъ она была бы мало понятною и, пожалуй, скучною. Голова кружится отъ одного списка предметовъ, которые я только назову здѣсь. Вотъ они: дорожки, вымощенныя булыжникомъ, расположеннымъ правильными узорами; множество подраздѣленій на отдѣльные сады, дворы и дворики, отдѣленные другъ отъ друга каменными узорчатыми оградами; двери въ нихъ, представляющія то правильный кругъ, то листъ какого-нибудь дерева, то вазу; тріумфальныя арки; поставленная

на прудѣ мраморная лодка такихъ размѣровъ, что она образуетъ, можно сказать, островокъ; террасы, статуи боговъ и символическихъ животныхъ; мраморныя лѣстницы и эстрады; подземные ходы, проведенные въ искусственныхъ горахъ; каналы; резервуары; каскады; бесѣдки и павильоны, съ странными названіями „Гремящихъ, Нагромоздившихся“ и другихъ „Облаковъ“; крытыя галлереи; озера; пруды съ золотыми рыбками; острова, соединенные съ берегомъ и между собою мостами; пригорки и овраги; прекрасныя деревья; гроты, ручьи и наконецъ множество пагодъ, башенъ и храмовъ, построенныхъ преимущественно на вершинахъ и склонахъ холмовъ и заключающихъ въ себѣ жилые покои императоровъ, на случай ихъ временнаго здѣсь пребыванія... Массы бѣлаго мрамора, эмальированной черепицы и изразцовъ, одѣвающихъ крыши и стѣны храмовъ, драгоцѣнные сорта дерева, масса художественныхъ работъ по части рѣзьбы и другихъ украшеній—собраны и положены здѣсь вмѣстѣ съ вѣковымъ человѣческимъ трудомъ, но все это, благодаря тому же человѣчеству, представляетъ теперь лишь остатки того, что̀ было, въ видѣ болѣе или менѣе сохранившихся и болѣе или менѣе живописныхъ развалинъ. Такими особенно богатъ Вань-Шоу-Шань, а лучшій паркъ, въ которомъ живутъ цѣлыя стада антилопъ, находится въ Сянъ-Шань.

Итакъ, мы провели ночь въ кумирнѣ и на слѣдующій день вскорѣ по восходѣ солнца отправились въ другіе окрестные монастыри и кумирни—Бао-Цзанъ-Сы, Во-Фо-Сы и Би-Юнь-Сы, расположенные въ прекрасной мѣстности у подножія горъ. Особенность китайскихъ монастырей состоитъ въ томъ, что число живущихъ въ нихъ духовныхъ особъ чрезвычайно мало, а зданія большія, и потому они кажутся безжизненными, какъ бы заброшенными; и посѣщаются они рѣдко, такъ что не знаешь, для кого и для чего настроены здѣсь эти храмы съ ихъ многочисленными дворами. Они хорошо содержатся; дворы вымощены камнемъ или кирпичемъ и чисто выметены: растущіе на нихъ вѣковые каштаны, софоры, салисбуріи и другія деревья укрываютъ ихъ своею густою тѣнью; многія террасы убраны рѣдкими цвѣтами и растеніями, содержимыми въ кадкахъ и вазахъ; но жизни нѣтъ, и не хочется долго оставаться здѣсь. Менѣе же всего привлекательны статуи боговъ, стоящія въ храмахъ,—большею частью безобразныя и изобличающія дѣтское состояніе скульптуры. Въ храмѣ Во-Фо-Сы, напримѣръ, т.-е. Лежачаго Будды, послѣдній

дѣйствительно представленъ въ лежачемъ положеніи, но какъ это сдѣлано! Отлита статуя Будды, стоящаго въ обыкновенной позѣ на двухъ ногахъ, и потомъ положена; поэтому она вовсе не представляетъ лежащаго человѣка, а только повалившуюся огромную куклу, которую никакъ не примешь за бога, пожелавшаго отдохнуть, хотя онъ будто бы и туфли снялъ и поставилъ около себя (около статуи помѣщается пара громадныхъ туфлей, соотвѣтствующихъ величинѣ ея ногъ).

Нѣсколько бо́льшій интересъ представляютъ двѣ залы въ монастырѣ Бао-Цзанъ-Сы: въ нихъ посредствомъ множества фигуръ изображены всевозможныя муки ада и райскія блаженства. Первое отдѣленіе называется Ши-Па-Ди-Юй, т.-е. „Восемнадцать адскихъ темницъ“; вторая—Ши-Эръ-Танъ, т.-е. „Двѣнадцать райскихъ обителей“. Человѣческія фигуры, сгруппированныя въ упомянутыя сцены, имѣютъ большею частью натуральную величину; другія меньше. Въ адскихъ темницахъ ихъ мучатъ самыми варварскими способами; а въ райскихъ обителяхъ они просто сидятъ и наслаждаются правомъ безнаказанно ничего не дѣлать.

Монастырь Би-Юнь-Сы стоитъ выше двухъ первыхъ, на склонахъ горъ, въ ложбинѣ между двумя высокими холмами; его просторные дворы расположены террасами и сообщаются между собою прекрасными лѣстницами, оканчивающимися наверху двумя тріумфальными арками изъ бѣлаго рѣзнаго мрамора, ведущими къ главному зданію храма, которое также все сдѣлано изъ бѣлаго мрамора. Стиль его не чисто китайскій, а напоминающій отчасти произведенія индійской архитектуры, а на его фундаментѣ весьма отчетливымъ барельефомъ изображена исторія Будды. Вокругъ храма обходятъ три галлереи, и съ верхней открывается обширный видъ назадъ, на окрестныя горы и впередъ на разстилающуюся у подошвы ихъ великолѣпную равнину, на которой можно видѣть отсюда: разсѣянныя деревни и фермы, окруженныя садами, рощами и пашнями; пагоды и храмы упомянутыхъ загородныхъ парковъ Юань-Минъ-Юань и пробѣгающія по равнинѣ дороги и рѣчки; а у самыхъ ногъ стоящаго на галлереѣ зрителя колеблются вершины темнозеленыхъ туій и такъ называемыхъ бѣлыхъ кедровъ, образующихъ рощу, принадлежащую монастырю... Хорошо, привольно, но не симпатично,—живыхъ людей нѣтъ, по крайней мѣрѣ мнѣ такъ казалось; мнѣ казалось, что отовсюду здѣсь вѣетъ смертью.

Насъ сопровождали живущіе при монастыряхъ монахи, одинъ

или два, и они провели насъ отсюда въ одно изъ огромныхъ зданій, въ которомъ помѣщаются пятьсотъ статуй боговъ, деревянныхъ и вызлащенныхъ, причемъ каждая—раза въ два болѣе натуральной величины. Онѣ расположены тѣсно, почти какъ въ кладовой, и отъ этого въ общемъ зала мало привлекательна, но интересна: каждая статуя служитъ символомъ чего-нибудь: однѣ, напримѣръ, держатъ чайникъ и чашку въ рукахъ; другія—какихъ-нибудь животныхъ и т. п. Выраженіе лицъ у однихъ самодовольное, улыбающееся, у другихъ гнѣвное или грозное. Но смыслъ всего остался теменъ, потому что некогда было подробно разсмотрѣть все и обо всемъ поговорить.

Бритому попу съ истощеннымъ лицомъ и невѣрной походкой, изобличавшими стараго курильщика опія, надоѣло ходить съ нами; ему хотѣлось скорѣе получить вознагражденіе и уйти на покой; но докторъ Бретшнейдеръ непремѣнно хотѣлъ показать мнѣ, „какъ художнику“, еще одинъ изъ дворовъ этого монастыря, гдѣ онъ однажды провелъ нѣсколько дней, и сказалъ ему объ этомъ; но попъ представился непонимающимъ; съ нами же былъ г. Поповъ, котораго не понять нельзя, да и докторъ хорошо говоритъ по-китайски, что́ они ему и доказали. Скрѣпя сердце, онъ повелъ насъ черезъ нѣсколько дворовъ внизъ, и наконецъ открылъ дверь въ тотъ, который мы желали видѣть.

Это былъ дѣйствительно прелестный уголокъ,—идеальный уголокъ для любителя уединенія: онъ представляетъ какъ бы углубленіе посреди отвѣсныхъ скалъ, изъ-подъ которыхъ бьетъ ключъ чистѣйшей воды, собирающейся здѣсь въ маленькій прудъ, и въ него со всѣхъ сторонъ глядятся дикія скалы, обросшія мхами, виноградной лозой и нѣжными кустарниками. Прудъ обложенъ большими самородными камнями, а посреди его на маленькомъ островкѣ стоитъ миніатюрный домикъ съ галлереей вокругъ него и мостикомъ, перекинутымъ на берегъ. Солнце лишь не надолго заглядываетъ въ эту уединенную обитель; а кромѣ того, два-три дерева, поднимающіяся изъ углубленнаго двора, осѣняютъ его своею зеленою тѣнью. Но и тутъ пусто, и этотъ домъ не жилой! Теперь иностранцы, живущіе въ Пекинѣ, начинаютъ все больше и больше нанимать подобныя помѣщенія въ монастыряхъ подъ лѣтнія дачи. И не во многихъ мѣстахъ можно найти такіе прелестные, уединенные и спокойные уголки, какъ здѣсь. Въ этомъ дворикѣ, напримѣръ,—сколько поэзіи, какая тишина, какая прохладная тѣнь! И на сколько онъ самъ оживетъ, когда въ немъ

поселится не китайскій монахъ, а образованный европеецъ. Тогда здѣсь явится женщина со своимъ животворящимъ духомъ; исчезнутъ пыль и пустота, нагоняющая уныніе на непривычнаго человѣка; богатая органическая жизнь возвысится и украсится присутствіемъ духовной жизни человѣка.

Отправились въ обратный путь. Мы ѣхали по равнинѣ, черезъ деревни, безпрестанно теряясь въ ихъ переулкахъ или посреди множества полевыхъ дорожекъ, направленія которыхъ наши провожатые не знали. Вслѣдствіе этого Попову приходилось безпрестанно, по учтивому китайскому выраженію, „заимствовать разума“ у встрѣчавшихся съ нами или сидѣвшихъ у своихъ домовъ китайцевъ. Туземцы при этомъ всякій разъ вставали и просто съ изысканной любезностью отвѣчали на его вопросы.

Два молодыхъ малыхъ, изъ мѣстныхъ жителей, замѣтивъ, что мы не знаемъ дороги, отправились за нами слѣдомъ безъ нашего приглашенія и на каждомъ перекресткѣ подсказывали, куда надо ѣхать... Это значило, какъ объяснилъ мнѣ спутникъ, что они намѣрены проводить насъ до мѣста, въ надеждѣ получить вознагражденіе, ибо они знаютъ по опыту, что иностранцы въ подобныхъ случаяхъ въ долгу не остаются. Такого рода непрошенные провожатые часто являются даже тогда, когда вы нисколько не нуждаетесь въ ихъ указаніяхъ, даже когда скажете, что съ вами нѣтъ денегъ, чтобъ ему заплатить,—все равно, онъ пойдетъ и проводитъ васъ, повѣривъ вамъ въ долгъ, и крѣпко убѣжденъ, что этотъ долгъ не пропадетъ. Съ нами не было мелкихъ денегъ, и поэтому, выѣхавъ на прямую дорогу, мы велѣли своимъ погонщикамъ заплатить упомянутымъ мальчуганамъ двѣ тысячи чохъ. Приказаніе было немедленно исполнено, но между выдававшими и получавшими тотчасъ произошелъ споръ, который скоро принялъ грозный характеръ, и еслибъ мы не вмѣшались, пожалуй, кончился бы дракой;—поводомъ же къ нему было то, что нашъ погонщикъ отдавалъ имъ не двѣ тысячи, какъ было приказано, а только одну; но они хорошо слышали, что ему было приказано выдать двѣ. Первый находитъ, что съ нихъ и одной довольно; тѣ, разумѣется, не хотятъ съ нимъ согласиться и понимаютъ, что съ насъ-то онъ получилъ двѣ, слѣдовательно тысячу возьметъ себѣ за комиссію. Погонщикъ прибавляетъ по немножку, въ надеждѣ нажить хотя сколько нибудь; но провожавшіе насъ малые знать ничего не хотятъ и требуютъ все сполна,

что́ приказано выдать „вельможами“ (да-жень). Нечего было дѣлать—отдалъ.

Дорогой мы заѣхали въ паркъ Юй-Цюань-Шань, гдѣ мнѣ хотѣлось осмотрѣть внутренность высокой башни [1]), стоящей на вершинѣ большаго холма. На послѣдній ведутъ лѣстницы, сдѣланныя изъ природныхъ сланцевыхъ плитъ, вѣроятно картинности ради, но не столько живописныхъ, сколько неудобныхъ для хожденія по нимъ. Башня эта имѣетъ шестигранную форму; внутри ея идетъ хорошая винтовая лѣстница; всѣ шесть этажей равной величины и одинаковаго устройства, а именно: въ каждомъ находится маленькая круглая комната съ тремя окнами, или скорѣе дверями, потому что они доходятъ до полу; въ нихъ нѣтъ ни рамъ, ни даже рѣшетокъ въ нижней части, такъ что при малѣйшей неосторожности или головокруженіи очень легко полетѣть внизъ на каменную гору и, разумѣется, разбиться до смерти. Въ каждой комнатѣ съ одной стороны три углубленія, въ которыхъ помѣщаются статуэтки бо́льшею частью отвратительнаго вида, изображающія боговъ, а передъ ними стоятъ столики для жертвенныхъ сосудовъ. Вотъ и все, другаго ничего нѣтъ. Башня выстроена чрезвычайно изящно и хотя еще довольно новая, но уже запылена и загрязнена; вообще китайцы живутъ въ большомъ ладу съ пылью и всякимъ соромъ. Изъ оконъ или, правильнѣе, дверей верхнихъ ярусовъ башни открывается великолѣпный видъ на равнину, но мнѣ было такъ страшно стоять у этихъ скользкихъ отверстій, кругомъ обложенныхъ гладкимъ камнемъ, что я чувствовалъ, что если еще останусь тутъ нѣсколько минутъ, непремѣнно вылечу черезъ дверь внизъ; голову мою такъ и тянуло туда, а подъ ложечкой чувствовалось какое-то непріятное замираніе, точно у нервной дамы, и я поспѣшилъ сойти внизъ, гдѣ меня ожидали мои спутники.

Въ паркѣ Вань-Шоу-Шань, на той же террасѣ, гдѣ и вчера, насъ ожидалъ обѣдъ, приготовленный взятымъ съ собою домашнимъ поваромъ, и послѣ обѣда мы стали собираться въ обратный путь, въ Пекинъ. Въ городъ надо было поспѣть до закрытія воротъ, чтобъ не пришлось ночевать за городомъ, такъ какъ послѣ заката солнца ихъ ни за что и ни для кого не отворятъ. Вечеръ былъ прекрасный, только неизвѣстно откуда до насъ долетѣлъ

---

[1]) Онѣ называются по-китайски Та, а кумирни или храмы—Мяо и Танъ. Пагода—слово индійское и китайцамъ неизвѣстное.

одинъ раскатъ отдаленнаго грома, но больше не повторился. У меня и Попова были лошади, а Матусовскій и докторъ Бретшнейдеръ ѣхали на ослахъ, предпочитая ихъ за спокойствіе, хотя докторъ терпѣть не могъ ослинаго ржанія; тотъ же, на которомъ онъ ѣхалъ, ржалъ ежеминутно, потому, будто бы, какъ объяснялъ погонщикъ, что „на востокѣ ржалъ другой оселъ", голосъ котораго онъ слышалъ. (Китайцы обыкновенно обозначаютъ мѣстность не словами: вправо, влѣво и т. п., а по странамъ свѣта.) Встрѣчавшіеся люди совѣтовали намъ торопиться, и мы съ Поповымъ поѣхали полной рысью, добрались вовремя и наконецъ подъѣзжали къ однимъ изъ городскихъ воротъ.

— Ну, докторъ и Матусовскій, значитъ, не попадутъ въ городъ, говоритъ мой спутникъ.

— Что же они будутъ дѣлать?

— А переночуютъ у однихъ знакомыхъ китайцевъ,—тамъ есть,—или у секретаря Испанскаго Посольства, который живетъ на дачѣ, недалеко отъ Пекина.

Въ эту минуту сверкнула яркая молнія; вскорѣ раздался ударъ грома и по землѣ застучали крупныя капли дождя. Расположившіеся у воротъ продавцы всякой всячины должно быть поняли смыслъ этого предостереженія и мигомъ всполошились, начавъ скорѣе собирать свое добро, и вмѣстѣ съ другими бѣжали подъ ворота, куда и мы успѣли укрыться. Съ лошадей мы не стали слѣзать въ надеждѣ, что тучу сейчасъ пронесетъ, дождь перестанетъ и мы отправимся домой. Пекинскія городскія стѣны такъ толсты, что подъ навѣсомъ продѣланныхъ въ нихъ воротъ, какъ въ тоннелѣ, набилось множество народа; сюда же влѣзли двѣ телѣги и нѣсколько навьюченныхъ муловъ иословъ.

Не больше „какъ черезъ минуту, дождь полился буквально какъ изъ ведра; молніи засверкали чаще и чаще, такъ что громъ гремѣлъ почти не переставая, и вмѣстѣ съ крикомъ не могущихъ не кричать китайцевъ страшно раздавался подъ сводомъ громадной каменной арки. Черезъ нѣсколько времени раздались рѣзкіе звуки отъ ударовъ въ металлическую доску: это было обычное извѣщеніе, что ворота сейчасъ будутъ запирать, вслѣдствіе чего суматоха еще увеличилась; поднялся гамъ еще болѣе оглушительный; и вдругъ среди его раздается страшный, пронзительный крикъ какого-то человѣка, съ которымъ, можно было подумать, случилось что-нибудь ужасное.

— Что такое съ нимъ? Отчего онъ такъ закричалъ? спросилъ я Попова, который, казалось, и не слыхалъ этого крика.

— А это онъ отдалъ приказаніе запирать ворота. Это ужъ всегда такъ дѣлается,—форма такая...

— „Только? а я думалъ, что его зарѣзалъ кто-нибудь.

Привратники съ трудомъ повели тяжелыя створы воротъ и закрыли ихъ; брякнулъ и зазвенѣлъ замокъ и какое-то неясное, непріятное чувство шевельнулось во мнѣ... Теперь поворота нѣтъ, какъ покаянія послѣ смерти, казалось выговорилъ этотъ зазвенѣвшій замокъ. Меня какъ будто заперли въ тюрьму вмѣстѣ съ этими людьми, горланившими непонятныя для меня слова; а эти люди, какъ я тогда думалъ, болѣе или менѣе всѣ недоброжелатели и даже враги каждаго европейца. У меня было свѣжо въ памяти описаніе избіенія европейцевъ въ день 21 іюня 1871 года въ Тянь-Цзинѣ и въ голову невольно пришла такая мысль: вздумайся теперь этой толпѣ, такъ потѣхи ради, убить насъ двоихъ,— какая тутъ можетъ быть оборона? Гдѣ искать спасенія?.. Да, непріятно дѣйствуютъ на человѣка крики галдящей толпы, когда вовсе не понимаешь, о чемъ у людей идетъ говоръ.

Простояли мы четверть часа въ ожиданіи прекращенія дождя, но онъ и не думалъ переставать; небо совсѣмъ заволокло тучами, наступила страшная темнал ночь, но молніи блистали каждую секунду. Извощиковъ не было, да и не удобно было бы ѣхать въ телѣгѣ, имѣя при себѣ двухъ верховыхъ лошадей.

— Что же, долго мы этакъ стоять будемъ? обратился я къ своему спутнику:—давайте что-нибудь предпримемъ; вѣдь не оставаться же цѣлую ночь въ такомъ положеніи, а дождь, кажется, не намѣренъ скоро перестать. Поѣдемте въ ближайшую гостинницу, что ли.

— Во-первыхъ, съ нами денегъ нѣтъ, отвѣтилъ онъ,—а во-вторыхъ, развѣ вы не знаете, что такое китайская гостинница: мы пріѣдемъ мокрыми и въ этомъ платьѣ должны будемъ остаться; мы не получимъ ни подушки, ни одѣяла, ни сухой рубашки; значитъ должны будемъ на голыхъ циновкахъ въ мокрыхъ платьяхъ проваляться всю ночь... Нѣтъ, лучше во что бы ни стало добраться домой... Только дѣло въ томъ, продолжалъ онъ, помолчавъ,—что я ночью могу потеряться въ переулкахъ, не найду дороги; а теперь, пожалуй, тамъ ни одного человѣка не встрѣтишь, у кого можно бы было „позаимствовать разума“...

Вотъ что: попробуемъ предложить, не пожелаетъ ли кто проводить насъ.

Онъ обратился съ предложеніемъ къ близь стоявшимъ китайцамъ; но ни одинъ человѣкъ не отвѣтилъ ни слова. Онъ повторилъ свои слова громче и пообѣщалъ хорошее вознагражденіе. Опять ни слова въ отвѣтъ; значитъ охотниковъ провожать не было. Положеніе становилось трагическимъ, потому что насъ начиналъ пробирать холодъ въ нашихъ парусинныхъ сюртучкахъ. Наконецъ одинъ китаецъ изъявилъ согласіе и, ни слова не говоря о вознагражденіи, вышелъ изъ-подъ воротъ на улицу, попросивъ слѣдовать за собою.

Я подумалъ, не желаетъ ли этотъ провожатый потѣшиться надъ нами, какъ, говорятъ, бывали случаи, вывести на дождь, провести немного и потомъ скрыться, что было очень удобно сдѣлать, благодаря совершенной темнотѣ ночи. Я сообщилъ свою мысль Попову.

— Очень можетъ быть, отвѣчалъ онъ,—но дѣлать нечего, попробуемъ; тогда ужъ поѣдемъ домой во что бы ни стало, авось доберемся какъ-нибудь.

Говоря это, мы уже ѣхали по улицѣ, слѣдуя за нашимъ вожакомъ подъ такимъ проливнымъ дождемъ, что вода въ минуту пробралась до рубашекъ, и мы отдались на волю разбушевавшихся стихій, потому что нечего было и думать о какой-либо защитѣ. Молніи сверкали безпрестанно, и передъ нашими глазами безпрестанно смѣнялись одни другими моменты то самаго яркаго освѣщенія, то самаго страшнаго мрака, когда не видно было ни неба надъ головой, ни земли подъ ногами, и только по сторонамъ отъ насъ, въ лавкахъ, горѣли фонари, но они освѣщали лишь спдѣвшихъ въ нихъ кущовъ, которые любовались грозой, попивали чай и играли въ шахматы или весело болтали между собою; до улицы же свѣтъ отъ нихъ не достигалъ ни сколько.

Хотя эти безпрестанные переходы отъ свѣта къ мраку, и наоборотъ, были не особенно пріятны, но безъ молній мы совершенно не могли бы двигаться или навѣрно свалились бы гдѣнибудь въ лужу,—а въ лужахъ Пекина, какъ мнѣ было извѣстно, ежегодно тонетъ не мало людей; да не только люди, тонутъ даже мулы и лошади. Теперь же, благодаря молніямъ, мы узнавали, гдѣ ѣдемъ, какая передъ нами дорога, гдѣ лужа, гдѣ торчитъ камень или столбъ и, запасаясь такимъ образомъ свѣдѣніями о дорогѣ на каждые десять шаговъ впередъ, мы подвига-

лись тихонько, не теряя изъ вида своего провожатаго. А этотъ несчастный сынъ „Поднебесья“ имѣлъ на своемъ тѣлѣ только одни брюки; онъ снялъ даже башмаки, чтобъ не потерять, и несъ ихъ въ рукахъ, шагая босикомъ по водѣ, мѣстами по колѣно глубины.

Хотя нельзя сказать, чтобъ намъ было пріятно, но не было и скучно; мы изрѣдка обмѣнивались словами, хохотали сами надъ своимъ положеніемъ; то бранили или похваливали дождь, который лился съ прежнею силой и казалось рѣшился затопить землю. На насъ, какъ я сказалъ, уже давно не было ни одной сухой нитки; даже ботинки были полны водою, а намъ предстоялъ еще далекій путь: я припоминалъ, какъ долго рысью ѣхали мы отъ дома посольства до городскихъ воротъ, а теперь мы плелись шагомъ; значитъ еще не скоро кончится этотъ невольный холодный душъ.

Къ довершенію нашего бѣдствія вдругъ подулъ свѣжій вѣтеръ и мы, какъ будто сговорившись, впали въ ознобъ, до того сильный, что едва могли говорить; зубы у насъ стучали, какъ въ лихорадкѣ. Но ознобъ продолжался недолго и такъ же одновременно у обоихъ кончился, какъ и начался; а нашъ предводитель сталъ жаловаться на холодъ, только гораздо позже. Мы жалѣли его, удивлялись его желѣзному тѣлу, его привычкѣ къ лишеніямъ, завидовали ему и рѣшили наградить его по пришествіи домой двумя серебряными рублями, что̀ для китайца составляетъ цѣлый капиталъ: два серебряныхъ рубля равняются по среднему курсу въ Пекинѣ двѣнадцати тысячамъ чохъ; на сотню же этихъ монетъ можно пообѣдать неприхотливому человѣку.

Подвигаясь понемногу впередъ при даровомъ электрическомъ освѣщеніи, посылаемомъ небомъ, мы начали помышлять о свѣтлой комнатѣ, сухомъ бѣльѣ, горячемъ чаѣ съ ромомъ и теплой постели, и мечтали объ этомъ такъ, какъ будто подобныя блага еще никогда не были испытаны нами. Но не смотря на непріятность нашего положенія, я наслаждался величественною красотою грозовой ночи,—столько было прелести и поэзіи въ этихъ почти безостановочныхъ молніяхъ, въ этомъ громѣ, буквально не умолкавшемъ ни на секунду въ продолженіе цѣлаго часа!

Никогда не видалъ я такой сильной и такой продолжительной грозы. Блеснетъ молнія и озаритъ голубоватымъ свѣтомъ небо и землю, на которой, какъ днемъ, глазъ успѣваетъ разглядѣть мельчайшія подробности, отдаленнѣйшія зданія и даже узо-

ры на нихъ, деревья и на нихъ каждый листочекъ, и потомъ—черный могильный мракъ... А небо какъ торжественно красиво! Тамъ словно происходилъ артиллерійскій бой: то въ той, то въ другой сторонѣ его вспыхивали поочередно ослѣпительные огни, ярко освѣщая нагроможденныя другъ на друга горы облаковъ, которыя такъ походили на громадные клубы пороховаго дыма. Въ отвѣтъ на этотъ огонь сверкалъ другой въ другой сторонѣ неба; въ отвѣтъ на одни удары грома, просто потрясавшаго землю, раздавались другіе съ противной стороны, еще болѣе грозные и страшные.

Не дойдутъ ли когда-нибудь люди, подумалось мнѣ, до открытія, которое въ самомъ дѣлѣ дастъ возможность употреблять атмосферное электричество, какъ боевую силу въ войнѣ съ непріятелемъ. Спеціалистамъ военнаго дѣла стоитъ подумать: большую награду получить можно и потомъ привилегію взять.

Наконецъ мы подъѣхали къ знакомому читателямъ Мраморному мосту и я узналъ его. Спутникъ мой, не обращавшій прежде вниманія на то, гдѣ мы ѣхали, теперь сообразилъ, что мы сдѣлали огромный крюкъ, замедлившій нашъ пріѣздъ домой чуть не на цѣлый часъ, и напустился на провожатаго съ выговоромъ, зачѣмъ онъ повелъ насъ дальней дорогой; но тотъ отвѣтилъ, что если бы онъ пошелъ ближайшимъ путемъ, по переулкамъ, то или бы самъ сбился, или мы свалились бы съ лошадьми въ воду на какомъ-нибудь косогорѣ; поэтому онъ предпочелъ сдѣлать лишнее, да хорошо провести.

— Молодецъ мущина! сказалъ Поповъ,—надо ему еще прибавить шесть тысячъ чохъ—за благоразуміе. Мы подъѣхали къ императорскому городу, черезъ который существуетъ прямой проѣздъ, и онъ могъ значительно сократить намъ дорогу; но бѣда въ томъ, что европейцамъ строго запрещено ѣздить этимъ путемъ, послѣ того какъ какой-то англичанинъ, неизвѣстно для чего, разбилъ одну изъ статуй на богдоханскомъ дворѣ. На минуту мы остановились у воротъ въ раздумьи—рискнуть или не надо, вступить во дворъ и проѣхать черезъ него, или сдѣлать объѣздъ кругомъ? Рискъ могъ быть серьезный. Мы спросили проводника, какъ онъ думаетъ? Онъ рѣшился рискнуть, и только попросилъ не произносить ни слова, чтобъ не выдать ни себя, ни его.

До сихъ поръ такъ исправно служившая намъ молнія, освѣщая дорогу, теперь могла явиться предательницей, открывъ насъ

караульнымъ, находившимся у дворцовыхъ воротъ. Проводникъ удралъ далеко впередъ, чтобъ отклонить отъ себя подозрѣніе въ сообщничествѣ съ нами, а мы, въ случаѣ, если бы насъ остановили, условились отговориться незнаніемъ запрещенія...

Ѣдемъ, чувствуя то усиленное біеніе сердца, которое испытываетъ человѣкъ, когда совершаетъ преступное дѣяніе и ожидаетъ, что его могутъ изловить на мѣстѣ. Но, вѣроятно, караульные вообще не ожидали проѣзда лицъ, которымъ тутъ ѣздить не слѣдовало; а холодъ и дождь заставили ихъ пріютиться въ глубинѣ однихъ воротъ, а можетъ быть и вздремнуть, ибо часовые въ Китаѣ далеко не то, что въ Европѣ.

Мы ѣдемъ въ потьмахъ мимо стѣны; никого нигдѣ не слышно; проѣзжаемъ мимо воротъ, слѣдовательно мимо самаго караула; вдругъ слышимъ голоса разговаривающихъ... Сердце забилось сильнѣе. Ну, сейчасъ скандалъ, подумалъ я, столкновеніе съ китайскими солдатами, а пожалуй и пуля въ догонку. Но миновали ворота въ промежутокъ между двумя молніями; насъ, разумѣется, не могли видѣть, и никто не окликнулъ. Вдругъ молнія освѣтила на мгновеніе все, и мы ждемъ, что будетъ,—увидятъ или нѣтъ; но насъ никто не останавливалъ, никто ничего не крикнулъ въ слѣдъ, и мы переступили черезъ второй запрещенный порогъ, на этотъ разъ избавляясь отъ опасности, и почувствовали себя облегченными.

„Теперь лови“, сказалъ мой спутникъ и расхохотался отъ удовольствія. — Накатывайте, Павелъ Яковлевичъ, произнесъ онъ свою обычную фразу,—сейчасъ дома будемъ.

У воротъ стоялъ нашъ вожакъ и объяснилъ, что караульные спали, а говорили простые китайцы, укрывшіеся отъ дождя подъ навѣсомъ воротъ.

Дождь не уменьшался, но молніи повторялись рѣже и намъ стало труднѣе ѣхать: приходилось останавливаться и ждать, чтобъ въ моментъ освѣщенія взглянуть на дорогу, на нѣсколько шаговъ впередъ, что въ Пекинѣ необходимо, такъ какъ тамъ и днемъ нельзя ходить, не глядя себѣ подъ ноги, потому что рискуешь попасть въ канаву, оборваться съ какого-нибудь бугра или еще наткнуться на камни, которые для непонятной цѣли поставлены на нѣкоторыхъ тротуарахъ поперекъ, въ видѣ пороговъ съ поларшина вышиною. Вотъ наконецъ послѣдній мостъ и набережная, вотъ нашъ переулокъ и ворота посольства, подъ навѣсомъ которыхъ, какъ и другихъ, по обыкновенію, спятъ нѣсколько че-

ловѣкъ полуголыхъ нищихъ, не имѣющихъ инаго пріюта; и сегодня эта „спальня“ была полнѣе обыкновеннаго.

Наконецъ мы дома. Проводникъ получилъ три серебряныхъ рубля и чуть не кинулся въ ноги отъ неожиданнаго благополучія; онъ, очевидно, никакъ не разсчитывалъ на такое вознагражденіе и, счастливый, убѣжалъ отогрѣваться и вѣроятно курнетъ сегодня опіума на славу. А мы черезъ нѣсколько минутъ были въ своей комнатѣ, и, переодѣтые, продѣлывали разныя гимнастическія упражненія, чтобъ согрѣться; потомъ явился чай, виноградъ и груши, и нашему ощущенію блаженства не было предѣловъ; я даже долго не могъ заснуть, все думая о томъ, какъ это пріятно быть дома, въ постели, когда на дворѣ такъ скверно. Но въ томъ-то и дѣло, что въ Пекинѣ я былъ не дома, а лишь на одной изъ станцій далекаго, далекаго пути. Мнѣ представлялись подобныя ночи, которыя можетъ быть не разъ придется провести въ открытой степи, въ палаткѣ или даже безъ нея; да и что значитъ палатка, напримѣръ, въ подобный ливень! Жутко становилось по временамъ и сонъ отходилъ прочь...

Прошло нѣсколько дней, какихъ много проходитъ въ жизни, повидимому, не безъ дѣла, а спросишь себя: да на что же ушли эти дни? и не можешь найти никакого отвѣта, и какъ жалѣешь о потерѣ ихъ... Сосновскій отправился съ переводчикомъ Андреевскимъ въ Тянь-Цзинь, для своей главной цѣли, то-есть „поучать купечество общегосударственнымъ пользамъ“, а я въ ожиданіи возвращенія его собирался отправиться на нѣсколько дней въ посѣщенные нами парки, чтобы, пользуясь досугомъ, да оставшимся безъ всякаго дѣла переводчикомъ Ѳедоромъ, сдѣлать тамъ нѣсколько эскизовъ съ болѣе интересныхъ мѣстъ и зданій.

Наступилъ сентябрь, и въ Пекинѣ начиналось самое пріятное время года. Погода стояла великолѣпная, и третьяго сентября мы съ Ѳедоромъ отправились верхомъ на осликахъ, въ сопровожденіи ихъ двухъ погонщиковъ, въ упомянутую выше кумирню И-Гуань-Сы, гдѣ я предполагалъ основать станцію, съ которой намѣревался ѣздить на цѣлый день въ тотъ или другой паркъ. Погонщики ословъ служили намъ въ то же время и носильщиками; имъ были вручены: мой складной стулъ, зонтикъ и сакъ-вояжъ. Мы ѣдемъ уже знакомыми мѣстами, и потому мое вниманіе занято больше наблюденіемъ надъ ослами. Меня удивляла и всю дорогу занимала понятливость этихъ, напрасно обижаемыхъ человѣкомъ, животныхъ, именемъ которыхъ (люй) и въ Китаѣ точно

также бранятся, какъ въ Европѣ. Я съ любопытствомъ слѣдилъ за тѣмъ, правда несложнымъ, разговоромъ, какой погонщикъ ведетъ съ своимъ осломъ, отлично понимающимъ, что ему говорятъ и повинующимся однимъ словамъ, безъ хлыста.

— И! И! И! закричитъ напримѣръ малый, и оселъ тотчасъ беретъ влѣво.

Раздается отрывистый крикъ, похожій на приступъ удушливаго старческаго кашля,—О-хо! О-хо! О-хо!—и оселъ поворачиваетъ направо.

— Трр! Трр! У!—кричитъ погонщикъ; оселъ прибавляетъ шагу и даже пойдетъ рысцой.

— Хуа! (поскользнешься), или: Кэръ-доу (ровъ, берегись), говоритъ погонщикъ и оселъ тотчасъ замедляетъ шагъ, разсматриваетъ дорогу и ступаетъ осторожно.

Оселъ понимаетъ похвалы и одобренія, получаемыя имъ отъ своего хозяина, точно такъ, какъ и брань, и чувствуетъ его неудовольствіе. Вообще, оселъ — очень милое, доброе и полезное животное, честный и неутомимый помощникъ человѣку... Ужъ не оттого ли онъ и бранится его именемъ?

Мы ѣхали по улицамъ совершенно покойно, не привлекая особенно ничьего вниманія; купили себѣ дорогой у разнощика вареной кукурузы и бататовъ—всего, кажется, на одну нашу копѣйку,—и ѣли дорогой не съ голоду, разумѣется, а изъ любви къ кукурузѣ; съ бататами же я еще былъ мало знакомъ [1]). И вотъ, какъ нарочно въ то время, когда мы набивали себѣ рты этими не элегантными фруктами, съ нами повстрѣчалась кавалькада важныхъ мандариновъ. Оказалось, что это проѣхалъ одинъ изъ дядей императора въ сопровожденіи своей свиты; но такъ быстро, что я не успѣлъ разглядѣть ихъ хорошенько и у меня осталось только впечатлѣніе изящныхъ, разодѣтыхъ въ шелки всадниковъ.

Выѣхавъ изъ города, мы направились по большой и когда-то прекрасной дорогѣ, сдѣланной изъ камней, залитыхъ сверху слоемъ извести или какого-то цемента; но въ настоящее время она очень изрыта и вовсе не исправляется, потому что парки заброшены послѣ погрома и теперь никогда не посѣщаются импера-

---

[1]) Хотя бататъ, или пататъ, принадлежитъ къ другому семейству (Вьюнковыхъ), онъ очень похожъ на картофель, только длиннѣе, желтѣе цвѣтомъ и слаще его.

торами. За то по ней происходитъ, какъ вообще въ окрестностяхъ Пекина, такое движеніе, какого нѣтъ на улицахъ многихъ изъ нашихъ даже большихъ городовъ.

Часа черезъ четыре ѣзды мы пріѣхали въ кумирню, гдѣ насъ встрѣтилъ живущій при ней священникъ, очень любезный старичекъ, маленькаго роста, съ постоянно качающейся головой и бѣгающими глазками. Мои любезные соотечественники прислали впередъ повара, который долженъ былъ оставаться здѣсь во все время моего пребыванія. Онъ уже приготовилъ обѣдъ, чай и фрукты; я устроилъ свою постель, разложилъ вещи, состоявшія главнымъ образомъ изъ бумаги, банокъ и коробокъ для насѣкомыхъ, а также рисовальныхъ принадлежностей; заготовилъ все для завтрашнихъ занятій и рано легъ спать, велѣвъ разбудить себя на слѣдующій день съ восходомъ солнца.

Не хорошо спится европейцу въ китайскихъ домахъ. Меня долго смущалъ прорванный бумажный потолокъ, изъ котораго я все ожидалъ, что ко мнѣ на постель упадетъ скорпіонъ или сколопендра, которыхъ здѣсь много, и непремѣнно укуситъ меня ночью; но я утѣшалъ себя тѣмъ, что живутъ же здѣсь люди и не очень-то часто жалятъ ихъ эти непріятели. Въ самомъ дѣлѣ, китайцы чрезвычайно привыкли къ скорпіонамъ, и, между прочимъ, умѣютъ ловить ихъ руками весьма искусно. Въ Пекинѣ я попросилъ нѣкоего Андрея (слугу китайца), говорившаго по-русски, поймать мнѣ скорпіона; и не болѣе какъ черезъ четверть часа онъ принесъ ихъ цѣлыхъ пять штукъ.

— Какъ это вы ихъ ловите? спросилъ я его.

— А это не трудно, надо только „мало-мало вѣтру“, объяснилъ онъ; но это объясненіе стало мнѣ понятнымъ только тогда, когда мнѣ его растолковали. А именно: китайцы хорошо знаютъ мѣста, въ которыхъ по преимуществу держатся скорпіоны, и увидавъ одного на стѣнѣ, дуютъ на него, вслѣдствіе чего тотъ, почувствовавъ близость непріятеля, становится въ оборонительное положеніе, т.-е. готовится нанести раненіе остріемъ своего хвоста и для этого поднимаетъ его кверху; тогда китаецъ осторожно беретъ его рукой за этотъ самый хвостъ, тотчасъ ниже опаснаго крючка и скорпіонъ дѣлается совершенно безвреднымъ, какъ ядовитая змѣя, схваченная за шею и, слѣдовательно, лишенная возможности укусить. Тѣмъ не менѣе укушенія скорпіонами въ Пекинѣ случаются не рѣдко; они, какъ извѣстно, сопровождаются сильнѣйшею болью и опуханіемъ укушеннаго мѣста, но смер-

тельными и здѣсь никогда не бываютъ, по крайней мѣрѣ объ этомъ никто не слыхивалъ.

Я провелъ въ И-Гуань-Сы полторы недѣли. Погода за это время, кромѣ одного дня, стояла превосходная, и я ежедневно раннимъ утромъ отправлялся въ тотъ или другой паркъ, проводилъ тамъ цѣлый день за собираніемъ растеній, насѣкомыхъ и рисованіемъ, а вечеромъ возвращался въ свою кумирню. Уже въ первые дни о моихъ посѣщеніяхъ узнали всѣ, живущіе въ паркахъ, всѣ отъ мала до велика, и какъ только я пріѣзжалъ туда и, избравъ мѣсто, располагался съ своимъ стуломъ и зонтикомъ, такъ тотчасъ начинали раздаваться по парку слова: „иностранный художникъ рисуетъ тамъ-то“! И всякій, до кого они доходили, оглядывался, искалъ глазами и увидавъ направлялся въ мою сторону: бѣжали мальчуганы разныхъ возрастовъ, тащились, кряхтя, старики, съ трудомъ взбираясь на гору; и въ теченіи всего моего пребыванія я имѣлъ достаточно случаевъ убѣдиться въ неподдѣльной и очень сильной любви китайцевъ къ живописи, а также и въ томъ уваженіи, какое они оказываютъ художникамъ. Они собирались около меня иногда въ числѣ двадцати, тридцати человѣкъ, и какъ только начиналась работа, она привлекала все ихъ вниманіе; они уже не смотрѣли, какъ прежде, на меня, а глаза ихъ были обращены на бумагу, и иногда они простаивали позади меня все время, какое было нужно, чтобъ окончить рисунокъ. Они часто разсматривали его однимъ глазомъ чрезъ кулакъ, что дѣлали даже ребятишки лѣтъ семи, выставивъ впередъ свои животы. Зрители тихо вели между собою разговоръ о рисункѣ, объясняли его другъ другу, выражали удивленіе по поводу сходства съ натурой и скорости работы, и расточали мнѣ самыя щедрыя и, казалось, искреннія похвалы. Въ теченіе дня, бывало, такъ наслушаешься ихъ, что онѣ долго потомъ раздаются въ ушахъ, когда возвратишься къ себѣ домой.

„Хэнь хао! Чжень хао! Хуа-ды хао! Чжень-чжень-хао! Иго янъ! Это значитъ: очень хорошо! Дѣйствительно хорошо! Нарисовано прекрасно! Очень, очень хорошо! Одинъ образъ! (т.-е. одинаково съ натурой). И большіе пальцы правыхъ рукъ показывались мнѣ со всѣхъ сторонъ. Многимъ, повидимому, не хотѣлось уходить прочь, но, должно быть, дѣло призывало ихъ. Одинъ скажетъ: пойдемъ, пора! другой отвѣтитъ: пора, пойдемъ сейчасъ; и стоятъ оба. Наконецъ скомандуютъ снова: цзоу! пойдемъ!—и отправятся; но, уходя, еще нѣсколько разъ обернутся, продолжая издали кри-

чать мнѣ: хэнь хао! чжень хуа-ды хао! и поднимаютъ пальцы кверху. Туземцы были такъ любезны со мною, такъ вѣжливо и даже нѣкоторымъ образомъ подобострастно раскланивались, такъ старались предупредить мои малѣйшія желанія, что чувства опасенія встрѣтить съ ихъ стороны какое-нибудь враждебное дѣйствіе,—опасенія, навѣянныя многими разсказами о злобѣ китайцевъ къ европейцамъ,—у меня совершенно разсѣялись, и я сталъ чувствовать себя не только какъ дома, но еще господиномъ надъ всѣми ими, потому что каждый старался служить мнѣ, какъ и чѣмъ могъ. Я имѣлъ много случаевъ убѣдиться въ несправедливости того сложившагося у многихъ мнѣнія относительно холоднаго эгоизма и черствaго практическаго характера китайцевъ, для которыхъ будто бы не существуетъ на свѣтѣ другихъ интересовъ, кромѣ ѣды, барыша и денегъ. Я сталъ думать, кромѣ того, что степень ненависти къ иностранцамъ не такъ велика, какъ это представляется большинствомъ европейцевъ; мнѣ начинало казаться, что ее не трудно, если не превратить въ симпатію, то по крайней мѣрѣ уничтожить.

Въ продолженіи описываемаго времени, проведеннаго исключительно среди китайцевъ разныхъ классовъ общества, я могъ достаточно наблюдать ихъ, чтобъ придти къ заключеніямъ, думаю, не очень ошибочнымъ, хотя я и стараюсь не спѣшить съ своими выводами. Я видѣлъ, напримѣръ, какъ одинъ мандаринъ изъ живущихъ въ паркѣ, сперва надменный, превратился потомъ въ учтиваго, любезнаго, даже заискивающаго моего знакомства человѣка; какъ нѣкоторые съ виду богатые люди, сначала безучастно и важно проходившіе мимо меня, не удостоивая никакого вниманія, потомъ разыскивали меня, спрашивая у привратниковъ, куда я пошелъ, и, отыскавъ, заботливо разспрашивали у Ѳедора: „обѣдалъ ли я, гдѣ здѣсь нахожу себѣ обѣдъ, и какъ могу цѣлый день не ѣсть, не хочу ли я чего? „Эти сначала гордые люди потомъ не разъ сами приносили чайникъ съ только-что завареннымъ чаемъ туда, гдѣ я работалъ, и упрашивали меня выпить, говоря, что теперь жарко, что вѣроятно у меня сильная жажда; многіе съ застѣнчивой робостью обращались ко мнѣ съ просьбою показать имъ еще другіе рисунки, если они есть со мною, и, разсматривая ихъ, не разъ говоривали: „на картину пріятнѣе смотрѣть, чѣмъ на дѣйствительность“, которая имъ ужъ надоѣла. Нѣкоторые произносили даже фразы въ родѣ слѣдующихъ: „хорошо, что теперь иностраннымъ людямъ позволено пріѣ-

ѣзжать къ намъ, а то мы ничего подобнаго не видали бы". Все это передавалъ мнѣ Ѳедоръ.

Видѣлъ я также здѣсь, съ какимъ выраженіемъ любопытства относятся китайцы ко всему, что̀ кажется имъ необыкновеннымъ, и это наводило меня на другія мысли о причинахъ частаго непониманія китайцевъ иностранцами.

Вотъ примѣръ. Иногда мой завтракъ, который я бралъ съ собой, былъ слишкомъ обиленъ, и я дѣлилъ его между своимъ переводчикомъ и однимъ изъ погонщиковъ, находившимся при мнѣ въ качествѣ носильщика. Такъ вотъ, когда этотъ оборванецъ держалъ въ рукахъ, напримѣръ, большой кусокъ жареной баранины, это необыкновенное явленіе такъ поражало случайно находившихся около меня китайцевъ, что они тотчасъ окружали его, подходили къ нему такъ близко, какъ только было возможно и глядѣли на него чуть не съ такимъ же откровеннымъ удивленіемъ, съ какимъ они разсматриваютъ въ первый разъ „заморскаго человѣка". Иностранцу, если бы подобное любопытство было обращено къ нему, легко принять за нахальство безцеремонность этого разсматриванія, за желаніе выразить къ нему свое неуваженіе. А изъ этого могутъ возникнуть и дальнѣйшія недоразумѣнія... Нѣтъ, у нихъ свои правила деликатности; они учтивы по своему и мы, въ свою очередь, очень часто можемъ казаться имъ людьми, съ ихъ точки зрѣнія, самыми неблаговоспитанными. И вотъ примѣръ одной китайской учтивости, вовсе незнакомой у насъ. У меня было, какъ я сказалъ, два погонщика: одинъ обыкновенно оставался при ослахъ у въѣзда въ паркъ, другой находился при мнѣ въ продолженіе цѣлаго дня; и его товарищъ, отправляясь обѣдать въ ближайшее селеніе, привозилъ ему оттуда нѣсколько блиновъ или варенаго рису, что̀ составляло его обѣдъ. Получивъ ихъ, простолюдинъ-малый никогда не начиналъ ихъ ѣсть, не освѣдомившись у всѣхъ присутствовавшихъ, не исключая и меня,—ѣли ли мы сегодня и не желаемъ ли попробовать его блиновъ? И не сдѣлавъ этого, онъ явился бы передъ своими соотечественниками невѣжей съ китайской точки зрѣнія, а насъ бы, пожалуй, обидѣлъ....

Но правъ ли я былъ или нѣтъ, а китайцы начинали мнѣ нравиться; и такъ какъ мнѣ предстояло долгое время прожить съ ними, посреди ихъ, то я съ удовольствіемъ открывалъ въ нихъ симпатичныя мнѣ стороны характера. Теперь я смѣлѣе смотрѣлъ впередъ, въ ближайшее будущее, и у меня все болѣе крѣпла на-

дежда на то, что я не встрѣчу съ ихъ стороны серьезнаго недоброжелательства и сумѣю поладить съ ними всюду, куда бы ни занесла меня судьба, и, наоборотъ, мало-по-малу слабѣли мои опасенія, навѣянныя разными посторонними вліяніями. Желаю, чтобы я не ошибся.

Проведя цѣлый день въ томъ или другомъ паркѣ, я съ закатомъ солнца, усталый, возвращался домой съ болѣе или менѣе богатой добычей. Дома, т.-е. въ кумирнѣ И-Гуань-Сы, меня ожидалъ обѣдъ, превосходные фрукты и чай; и послѣ обѣда, разобравъ и приведя въ порядокъ все собранное за день, я или ложился спать, или, если было еще не поздно, садился на дворѣ на террасу и, слушая оглушительный трескъ цикадъ (цзи-ля́о-ръ), смотрѣлъ на одну китайскую забаву, до которой мой переводчикъ Ѳедоръ былъ страстный охотникъ.

Эта забава состояла въ устраиваніи „Боя сверчковъ“, на подобіе пѣтушьихъ боевъ англичанъ, боя перепеловъ и другихъ подобныхъ развлеченій. Эта оригинальная китайская забава настолько распространена въ Пекинѣ и его окрестностяхъ, что разные предметы, необходимые для учиненія подобныхъ сраженій, составляютъ статью довольно обширной торговли. Одни служатъ для ловли сверчковъ, другіе для содержанія ихъ и третьи для устраиванія самыхъ состязаній. Всѣ эти приборы не сложны и не особенно замысловаты, а именно: долотцо, которымъ разрываютъ землю или расширяютъ щели между камнями и трещины въ старыхъ стѣнахъ, въ какихъ обыкновенно сидятъ сверчки; колпачокъ изъ проволочной сѣтки; трубка вершковъ въ пять длины, открытая съ обоихъ концовъ, и двѣ чашки,—одна побольше, съ крышкой, другая меньшей величины, открытая. Первая назначается для постояннаго содержанія сверчка и въ ней поэтому находятся еще блюдечки для воды и рису и глиняный домикъ, въ родѣ миніатюрной собачьей конуры, только съ сквознымъ ходомъ и крышкой сверху, чтобъ можно было дуновеніемъ заставить сверчка выйти изъ нея въ большую чашку. Колпачекъ и трубка необходимы для того, чтобъ поймать сверчка, не дотрогиваясь до него руками, потому что въ этомъ случаѣ ему очень легко причинить какой-нибудь вредъ, и тогда онъ будетъ плохимъ бойцомъ; при помощи же названныхъ инструментовъ онъ попадаетъ въ казенную квартиру со столомъ въ буквальномъ смыслѣ слова неприкосновеннымъ.

Я не разъ наблюдалъ за Ѳедоромъ, который по цѣлымъ ча-

самъ отыскивалъ и ловилъ ихъ [1]). Выгнавъ сверчка изъ засады на открытое мѣсто, онъ осторожно накрывалъ его колпачкомъ, и какъ только онъ всползалъ изнутри на его стѣнку, Ѳедоръ подставлялъ къ нему трубку, въ которую сверчокъ самъ переходилъ весьма охотно; потомъ онъ держалъ трубку надъ чашкой и дуновеніемъ съ верхняго конца пугалъ сверчка и заставлялъ его бросаться внизъ, т.-е. въ чашку, которую онъ тотчасъ закрывалъ крышкой и, поставивъ въ сторону, отправлялся на поиски за другимъ. Этого онъ сажалъ непремѣнно въ другую, подобную чашку, иначе они, какъ очень ревнивый народъ, сейчасъ же начнутъ между собою драку, особенно если предметъ ревности будетъ налицо. Потомъ ловятъ третьяго, четвертаго и такъ далѣе, насколько позволяетъ время или число свободныхъ квартиръ, т.-е. чашекъ. Посмотримъ теперь на самый турниръ сверчковъ, вѣроятно никогда не виданный читателемъ.

Два обладателя этихъ потѣшныхъ рыцарей сходятся, усовливаются относительно веденія боя, и того, какой моментъ считать побѣдой одного и пораженіемъ другаго; назначаютъ призъ побѣдителю, обыкновенно денежный, и затѣмъ выпускаютъ своихъ героевъ въ бой. Ареной служитъ пустая открытая чашка съ прямымъ дномъ и вертикальными боками; на нее выпускаютъ сначала одного сверчка, потомъ другаго. Эти маленькія насѣкомыя до такой степени враждебно относятся къ своему собрату того же пола, что достаточно прикосновенія усами другъ къ другу, чтобъ они воспламенились взаимнымъ гнѣвомъ и немедленно началось наступленіе, или одновременно съ обѣихъ сторонъ, или какого-нибудь одного. Тотчасъ начинается бой крѣпкими, острыми челюстями; бойцы схватываются, какъ два человѣка, и дерутся, пока одинъ не обратится въ бѣгство или не будетъ выброшенъ вонъ изъ чашки. Вслѣдъ за этимъ слѣдуетъ радость и смѣхъ хозяина-побѣдителя и конфузъ и неудовольствіе проигравшаго.

Иногда къ сверчку-побѣдителю пускаютъ новаго врага съ свѣжими силами или перемѣняютъ обоихъ бойцовъ. Проигравшаго сраженіе или оставляютъ у себя, если надѣятся, что въ другой разъ онъ будетъ храбрѣе и ловчѣе, или съ позоромъ выгоняютъ вонъ, т.-е. отпускаютъ на свободу, посылая ему вслѣдъ разныя слова, нелестныя для его самолюбія.

---

[1]) Для боя употребляется сверчокъ полевой, черный (Gryllus campestris).

„Не стоитъ тебя кормить, подлеца“, говаривалъ, въ случаѣ неудачи, Ѳедоръ, не мало забавлявшій меня своимъ увлеченіемъ и той серьезностью, съ какою относился онъ къ этой игрѣ. Впрочемъ оставаться совершенно спокойнымъ онъ и не могъ, потому что съ побѣдой или пораженіемъ его сверчковъ связывался денежный вопросъ,—выигрышъ или проигрышъ. Кромѣ приза, достающагося одному изъ обладателей бойцовъ, часто устраиваются пари между зрителями, обыкновенно собирающимися на подобныя состязанія.

Какъ совершается цѣлая торговля описанными принадлежностями для ловли и боя сверчковъ, такъ на пекинскихъ базарахъ и улицахъ вы можете видѣть продающихся бойцовъ, и этотъ торгъ, разсказывали мнѣ, доставляетъ существованіе не одной тысячѣ людей,—потому что цѣна сверчку стоитъ рѣдко ниже рубля на наши деньги, а охотники платятъ иногда даже до 30 рублей и дороже за испытаннаго въ сраженіяхъ бойца. Въ Пекинѣ вамъ могутъ указать хорошіе дома, принадлежавшіе прежде людямъ, потерявшимъ все свое состояніе въ „сверчковыхъ сраженіяхъ“. Суть здѣсь, разумѣется, въ азартной игрѣ.

Не безъ сожалѣнія покинулъ я 12 сентября свою обитель въ И-Гуань-Сы, потому что сдѣлалъ далеко не все, что хотѣлось, и ѣхалъ съ Ѳедоромъ обратно въ Пекинъ, потому что предполагалось вскорѣ отправляться въ дальнѣйшій путь. Погонщики нашихъословъ видимо торопились въ городъ и все время погоняли ихъ, бѣжа за ними рысцой, хотя погода стояла жаркая; и я удивлялся и завидовалъ ихъ привычкѣ такъ легко переносить зной.

Они оба были молодые малые, лѣтъ восемнадцати: одинъ крѣпкій, неловкій, тупой и мало разговорчивый; другой, напротивъ, худенькій, необыкновенно живой, веселый и предупредительный; притомъ болтунъ, какихъ я мало видѣлъ; онъ, казалось, не могъ помолчать и одной минуты. Если ему не съ кѣмъ было вести бесѣду, онъ пѣлъ пѣсни или говорилъ безъ умолку одинъ и такъ искусно представлялъ нѣсколько лицъ, разговаривающихъ между собой, что я не разъ оглядывался, думая, что сзади меня идетъ человѣкъ пять; на самомъ же дѣлѣ онъ все время былъ одинъ. Когда ему надоѣдало это, онъ обращался съ безпрестанными замѣчаніями или похвалами къ своему ослу, повторяя слѣдующія слова въ разномъ порядкѣ:—Трръ-и! Кэръ-доу! Та-ъ! [2]) Охъ-о!

[1]) Слова, написанныя такимъ образомъ, нужно произносить такъ, какъ будто передъ буквой ъ стоитъ к, только при чтеніи не выговаривается.

Хай! У! Трр! Я-ъ! Хай! Охъ-о! Хао! И! И! И! Ай-ё! Шима дунси! Въ этихъ словахъ заключаются и порицанія и одобренія, угрозы, предостереженія и разныя приказанія.

Мы добрались, наконецъ, до столицы и поѣхали вдоль внѣшней стѣны. Солнце ярко освѣщало ея башни и огромные выступы, находящіеся почти на каждыхъ ста шагахъ; и въ этой части у стѣны нѣтъ ни одного домика, точно такъ, какъ ни одно зданіе не возвышается надъ нею; но людей идетъ и ѣдетъ повсюду множество. Параллельно стѣнѣ тянется каналъ, окружающій Пекинъ. Вотъ и ворота. Въѣхали въ городъ, точно въ адъ кромѣшный: въ облакахъ густой пыли двигаются во всѣхъ направленіяхъ человѣческія фигуры; въ ушахъ тотчасъ раздался крикъ, какой у насъ можетъ быть развѣ въ случаѣ важныхъ несчастій, напримѣръ пожара, нашествія непріятеля или во время большой драки; здѣсь же это только обыкновенное проявленіе общественной жизни; и, я увѣренъ, что тишина на улицахъ Пекина непремѣнно поразила бы всякаго, пожившаго здѣсь немного, какъ нѣчто необычайное и многозначительное.

Къ моему удовольствію, погонщики сами избѣгали большихъ улицъ, сворачивая при первой возможности въ переулки, и между послѣдними попадались такіе узенькіе, что не только телѣгамъ, а двумъ всадникамъ разъѣхаться трудно, и потому по нимъ стараются проѣхать какъ можно скорѣе, чтобъ избѣжать встрѣчи. Ослы, повидимому, уже знаютъ это и бѣгутъ по переулкамъ торопливою иноходью, весело гремя чуть не сотнями своихъ бубенчиковъ, надѣтыхъ на нихъ въ видѣ ожерелья. Буквально каждую минуту приходится кричать прохожимъ: И-бяръ-цзоу! И-бяръ-цзоу! (Стороной иди!) Тай-тоу! (Поднимай голову!). Столько людей проходитъ даже по глухимъ переулкамъ! И эти слова здѣсь необходимо знать, чтобъ не наѣхать на кого.

Наконецъ, пріѣхали въ наше посольство, гдѣ я радъ былъ встрѣтить своихъ добрыхъ знакомыхъ, которыхъ давно не видалъ. Разсматривая мои работы, они передали мнѣ, что красавица-сосѣдка, дочь секретаря американскаго посольства, мисъ Ульямсъ, съ нетерпѣніемъ ожидала моего возвращенія, чтобъ посмотрѣть на мои рисунки.

Меня уже ожидало приглашеніе отъ нея и ея ученаго отца [1]).

---

[1]) Авторъ сочиненія о Китаѣ, Middle Kingdom, и другихъ сочиненій о Китаѣ, а также составитель большаго китайскаго словаря.

Я отправился на слѣдующій же день и нашелъ американскую миссъ дѣйствительно обворожительной. Она говоритъ кромѣ англійскаго языка, по-французски и по-китайски и, говорятъ, превосходно знаетъ этотъ языкъ, на которомъ читаетъ и пишетъ. Она, кромѣ того, художникъ въ душѣ и уже начала учиться живописи. Послѣ обычныхъ фразъ перваго знакомства, послали ко мнѣ за моимъ альбомомъ, и онъ удостоился всѣхъ общепринятыхъ похвалъ, вздоховъ и выраженій зависти моему таланту и проч. Затѣмъ мнѣ былъ предложенъ вопросъ, когда эти рисунки будутъ изданы? Они спрашивали—когда; а я думалъ про себя,—будутъ-ли изданы когда-нибудь...

Во время моего визита получилось письмо отъ жены англійскаго посланника, госпожи Уэдъ, съ просьбой доставить ей возможность видѣть мой альбомъ. Она сама художникъ и потому интересовалась моей работой. Проще и учтивѣе всего было отправиться къ ней самому, тѣмъ болѣе, что прелестная миссъ вызвалась сама проводить меня въ Англійское посольство. Эта семнадцатилѣтняя красавица одна преспокойно расхаживаетъ по улицамъ Пекина и не боится что ее обидятъ или зарѣжутъ китайцы.

Мы пришли въ великолѣпно отдѣланный и роскошно убранный внутри посольскій домъ и обмѣнялись съ мистрисъ Уэдъ комплиментами: я хвалилъ ея акварели, она—мои, и даже попросила позволенія скопировать нѣкоторыя, для пополненія своего очень хорошаго собранія видовъ изъ окрестностей Пекина.

Мало-по-малу мои знакомства въ европейской колоніи увеличивались, но поддерживать ихъ было некогда: мнѣ хотѣлось знакомиться съ Китаемъ и китайцами. Такъ, 14 сентября, составилась компанія для осмотра храма Неба (Тянь-Танъ), находящагося въ китайскомъ городѣ, неподалеку отъ южныхъ воротъ. Мы пошли пѣшкомъ, потому что ѣзда по китайскому городу иначе немыслима, какъ шагомъ, по причинѣ густоты населенія и почти сплошной толпы на улицахъ. Къ храму Неба ведетъ знакомая читателю широкая улица Цянь-Мынь-Да-Цзѣ, единственная, кажется, вымощенная улица въ Пекинѣ и, можетъ быть, единственная въ мірѣ по степени ея оживленія. Когда она кончилась, передъ нами открылась обширная площадь, замыкавшаяся вдали городскою стѣной съ воротами. Въ лѣвой сторонѣ ея, внутри особой каменной ограды, посреди находящагося въ ней парка, стоитъ этотъ храмъ, а напротивъ, т.-е. вправо отъ дороги, дру-

гой—Храмъ Земледѣлія (Сянь-Нунъ-Танъ). Собственно вамъ говорятъ, что они находятся здѣсь; сами же вы ни того, ни другаго не видите, потому что оба они совершенно скрыты въ стѣнахъ и садахъ.

Подходимъ къ воротамъ, которыя заперты. Поповъ стучитъ въ нихъ, и изъ двора раздается голосъ, объявляющій коротко и ясно, что безъ денегъ никого не впустятъ. Спрашиваемъ, что стóитъ пропускъ? Голосъ отвѣчаетъ—пятнадцать тысячъ чохъ. Начался торгъ и остановились на семи тысячахъ или, по-нашему, на рублѣ съ небольшимъ. Ворота раскрылись, и мы увидали передъ собою прямую широкую аллею, обсаженную прекрасными деревьями восточной туіи; въ глубинѣ аллеи виднѣлись вторыя ворота, которыя были открыты; но только-что мы приблизились къ нимъ, какъ сидѣвшіе въ караульномъ домикѣ китайцы вскочили съ своихъ мѣстъ и, скрывшись за ворота, поспѣшно заперли ихъ на замокъ. И тутъ повторилась та же исторія. Начались новые переговоры и соглашенія относительно платы за пропускъ. Торгъ продолжался не мало времени и наконецъ поладили на десяти тысячахъ чохъ (рубля полтора) и вошли. За этими воротами открывается обширная площадь, густо заросшая травой и отѣненная деревьями, запущенная и неприбранная. Въ лѣвой сторонѣ ея стоитъ зданіе, обнесенное своей отдѣльной каменной оградой, обведенное каналомъ, въ которомъ въ настоящее время воды нѣтъ, и онъ густо заросъ тростникомъ. Вокругъ стѣны обходитъ крытая галлерея, съ которой ведутъ двери внутрь зданія; это—Дворецъ Поста (Чжай-Гунъ), въ которомъ Императоръ постится одинъ день передъ приношеніемъ жертвъ Небу.

Мы отправились къ храму и шли по упомянутому большому двору, или площади, которая вся вымощена квадратнымъ кирпичомъ; но, несмотря на это, сила растительности одержала верхъ и заглушила мостовую совершенно. Далѣе идетъ дорога между двумя густыми рощами туій, обсаженная по краямъ шелковичными деревьями, и подходитъ къ покатой каменной площадкѣ, по которой мы поднялись на террасу, также выложенную большими каменными плитами. По обѣимъ сторонамъ ея, вправо и влѣво, на нѣкоторомъ удаленіи, мы увидѣли два храма съ невысокими коническими крышами, покрытыми синей эмальированной черепицей и направились къ правому или южному зданію. Оно находится въ центрѣ каменной ограды, представляющей правильный кругъ, а по бокамъ его стоятъ два меньшихъ храма. Воро-

та, ведущія внутрь этой ограды, были заперты, и такъ какъ не было ни души, къ кому можно было бы обратиться съ просьбой о пропускѣ, то мы принуждены были ограничиться созерцаніемъ только крышъ, всегда, впрочемъ, самыхъ изящныхъ частей въ китайскихъ зданіяхъ, и разсматриваніемъ отдѣльно стоящаго алтаря для жертвоприношеній. Послѣдній же представляетъ слѣдующее.

Передъ южными воротами храма лежитъ квадратная площадь, окруженная оградой высотою ниже человѣческаго роста, окрашенная розовокраснымъ цвѣтомъ и обложенная по верхнему краю также ультрамариновосиней черепицей. Внутри этой квадратной стѣны находится другая такой же отдѣлки, но представляющая правильный кругъ, въ который ведутъ четверо воротъ въ видѣ тройныхъ арокъ, сдѣланныхъ изъ бѣлаго мрамора. Войдя въ нихъ и сдѣлавъ шаговъ пятнадцать, поднимаются по лѣстницамъ, находящимся противъ каждыхъ воротъ, на самый жертвенникъ. Онъ представляетъ круглое трехъярусное возвышеніе съ двумя террасами и верхней площадью, обнесенными мраморными балюстрадами, украшенными искусной рѣзьбой. На площадкѣ, выстланной бѣлыми мраморными плитами, находятся четыре круглыхъ стола или тумбы также изъ бѣлаго рѣзнаго мрамора. Здѣсь-то и совершается обрядъ принесенія императоромъ жертвъ Небу, а въ одномъ изъ угловъ квадратной ограды стоитъ желѣзная рѣшетчатая печь, служащая для сожиганія убитыхъ быковъ и барановъ, приносимыхъ въ жертву; этотъ жертвенникъ представляетъ нѣчто въ родѣ тѣхъ печей, въ какихъ у насъ сжигаютъ въ государственномъ банкѣ старыя ассигнаціи.

Отсюда мы направились къ другому зданію, гдѣ находится главный храмъ съ трехъярусной крышей; но ворота, ведущія въ окружающую его ограду, также запертыя, не открылись передъ нами, и попъ, находившійся позади ихъ, произнеся торжественнымъ голосомъ фразу,—„кто войдетъ въ ограду этого храма, тотъ совершитъ преступленіе“,—ушелъ въ глубину двора и не сталъ съ нами говорить. Но потомъ вернулся и началъ торговаться, назначая сумму, за которую предлагалъ впустить; но его нахальство раздражило Попова, и на этотъ разъ мы ушли прочь, оставивъ его, вѣроятно, въ большомъ сожалѣніи объ упущенномъ изъ рукъ доходѣ.

Итакъ, посѣщеніе храма вышло въ сущности только желаніемъ его осмотрѣть; на самомъ же дѣлѣ мы видѣли почти одни дворы, ограды да крыши.

Часть нашей компаніи ушла домой, а я остался съ цѣлью нарисовать общій видъ зданій Храма Неба, насколько они были доступны. Окончивъ работу, я прошелъ въ другія части парка, въ которомъ разсѣяны другія небольшія зданія, обнесенныя каждое своею оградою. Все здѣсь ужасно запущено, запылено, грязно, все разваливается и, повидимому, обречено на постепенное окончательное разрушеніе. Тутъ, между деревьями, у оградъ и на дорожкахъ, лежатъ снопы скошеннаго тростнику и, должно быть, давно лежатъ неподвижно на этихъ мѣстахъ, потому что они кругомъ оплетены густыми покрывалами паутины.

Усталый и голодный, возвратился я вечеромъ домой и вскорѣ послѣ обѣда легъ спать, но шумъ, ни въ какой часъ ночи не прекращающійся на улицахъ Пекина, сегодня тревожилъ меня сильнѣе обыкновеннаго. Я вышелъ въ садъ. Ночь была теплая; на небѣ горѣли звѣзды; въ самомъ зенитѣ стояла луна; и долго гулялъ я, прислушиваясь къ шуму никогда не прекращающейся городской жизни. До меня доносились звуки мѣдныхъ тазовъ, трескъ шутихъ и крики человѣческихъ голосовъ, по преимуществу продавцовъ, выкрикивавшихъ на распѣвъ названія разныхъ съѣстныхъ припасовъ... Это ночью-то! Китайцы, какъ мнѣ разсказывали, часто ѣдятъ по ночамъ, что, конечно, скорѣе доказываетъ недостатокъ пищи или ея недостаточную питательность, а ужъ никакъ не обжорство, какъ нѣкоторые думаютъ... Какая своеобразная и странная жизнь, и какъ хотѣлось мнѣ проникнуть во всѣ ея слои и закоулки, познакомиться со всѣми ея проявленіями, узнать, чѣмъ „эти люди живы“! Но бросимъ взглядъ на то, что было мнѣ доступно.

Давно собирался я сдѣлать визитъ къ одному живущему здѣсь китайцу по имени Янъ-Фанъ, человѣку во многихъ отношеніяхъ замѣчательному, но, за непмѣніемъ переводчика, я былъ принужденъ ожидать пока найдется свободный день у Попова, который никогда не отказывался оказать мнѣ услугу, и который самъ былъ хорошо знакомъ съ Янъ-Фаномъ. Этимъ свободнымъ днемъ было 26-е сентября, и мы отправились. Фотографъ также пошелъ съ нами, а слѣдомъ за нимъ несли фотографическія принадлежности.

Янъ-Фанъ живетъ въ своемъ домѣ, въ китайскомъ городѣ, не очень далеко отъ Русскаго посольства, и мы пошли пѣшкомъ. Придя въ домъ, велѣли привратнику доложить о себѣ, и скоро сынъ домохозяина, молодой человѣкъ лѣтъ двадцати, выбѣжалъ къ намъ на встрѣчу, какъ это предписываетъ дѣлать Кон-

фуцій, и со всею учтивостью образованнаго китайца пригласилъ насъ войти въ домъ или собственно въ ворота перваго двора, потомъ во второй дворъ, затѣмъ въ какой-то переулочекъ или узенькій проходъ между двумя глухими стѣнами, ведущій въ садъ; прошли черезъ послѣдній по боковой крытой галлереѣ, и черезъ дверь въ стѣнѣ вышли опять въ новый дворикъ, изъ котораго начинался проходъ между высокими стѣнами, еще болѣе узкій и не имѣвшій нигдѣ выхода, такъ что дальше идти было некуда. Молодой человѣкъ пролѣзъ между нами и стѣною впередъ, приподнялъ пеструю ситцевую занавѣску, скрывавшую дверь и, отворивъ послѣднюю, попросилъ насъ войти на этотъ разъ дѣйствительно въ домъ и даже прямо въ кабинетъ хозяина.

Было еще рано, и хозяинъ не могъ выйти къ намъ на встрѣчу, такъ что мы нѣсколько минутъ оставались въ кабинетѣ одни, и я занялся осмотромъ послѣдняго. Онъ представлялъ большую и высокую комнату почти исключительно съ европейскою мебелью, съ драпировками на окнахъ и даже со стеклами въ европейскихъ рамахъ, и, къ моей великой неожиданности, съ нѣсколькими газовыми рожками. На письменномъ столѣ стояли различныя принадлежности для химическихъ работъ и подлѣ него шкафъ съ книгами. Здѣсь же, подъ альковомъ, помѣщалась кровать, а передъ дверью, которая вела въ другую комнату, стояли ширмы, мѣшавшія мнѣ заглянуть въ дальнѣйшіе покои; а потому они казались мнѣ самыми интереснымъ.

Наконецъ явился хозяинъ,—человѣкъ небольшаго роста, на видъ лѣтъ пятидесяти, довольно полный, съ узкими глазами и рѣденькими усами. Одѣтъ онъ былъ въ свѣтлый шелковый халатъ, а на головѣ имѣлъ обыкновенную атласную шапочку чернаго цвѣта. Еще въ дверяхъ онъ началъ разговоръ извиненіями въ томъ, что не успѣлъ насъ встрѣтить; потомъ поздоровался съ нами по-европейски, за руку. Мы сказали другъ другу по нѣскольку любезныхъ фразъ, и затѣмъ началась бесѣда о разныхъ предметахъ: о медицинѣ, докторахъ, болѣзняхъ и лекарствахъ, потомъ о фотографіи и химіи; но подобные разговоры черезъ третье лицо трудно вести даже на европейскомъ языкѣ, если самъ переводчикъ не знакомъ съ предметомъ; а на китайскомъ, по-моему, и совсѣмъ невозможно. А потому я поторопился передать Янъ-Фану мою просьбу о дозволеніи осмотрѣть его домъ, дворы и садъ, и сдѣлать нѣсколько рисунковъ съ того, что̀ меня болѣе заинтересуетъ. Онъ тотчасъ согласился, и мы отправились въ

садъ, а по дорогѣ осмотрѣли,—я долженъ подчеркнуть слѣдующія слова,—устроенный имъ маленькій газовый заводъ, на которомъ онъ также самъ добываетъ газъ для освѣщенія своего дома.

Впослѣдствіи онъ надѣется взять на себя устройство газоваго освѣщенія всей столицы, что, онъ полагаетъ, должно совершиться не въ очень далекомъ будущемъ. Потомъ онъ показалъ намъ,—новая еще бо́льшая неожиданность,—домашній телеграфъ, который онъ устроилъ, конечно, безъ всякой надобности, а просто изъ любви къ знанію. Затѣмъ осмотрѣли его фотографическую мастерскую и сарай, въ которомъ стояли разныя паровыя машины, выписанныя изъ Европы, но всѣ онѣ стояли тутъ въ бездѣйствіи; и перешли въ садъ.

Онъ занимаетъ весьма небольшое пространство, обнесенное стѣною или обстроенное разными фантастическими зданіями. Однако, несмотря на его миніатюрные размѣры, за которые его невольно хочется назвать садикомъ, посѣтитель найдетъ въ немъ много предметовъ: павильоны и бесѣдки, соединенныя между собою галлереями; искусственныя скалы съ выдѣланными въ нихъ лѣстницами и гротами; пруды съ перекинутыми черезъ нихъ мостиками; башни, цвѣтники, акваріумы и т. п.—всего, разумѣется, по немножку, и все миніатюрно, а нѣкоторые предметы имѣютъ почти игрушечный характеръ или напоминаютъ модели. Въ бесѣдкахъ, однако, у стоящаго посреди́нѣ стола могутъ помѣститься человѣка четыре, пожалуй шесть, но шестерымъ будетъ ужъ совсѣмъ тѣсно. Менѣе всего въ саду деревьевъ, цвѣтовъ и вообще зелени, а о тѣни нѣтъ и помину;—развѣ гдѣ-нибудь подъ кустами, у стѣны, ее еще можно найти; тѣнь даютъ только окружающія садъ стѣны да сосѣднія строенія.

Своимъ оригинальнымъ устройствомъ, тѣснотою, съ какой громоздятся другъ возлѣ друга и почти другъ на другѣ упомянутые предметы, своеобразностью каждаго изъ послѣднихъ, этотъ садикъ, могущій служить типомъ китайскаго сада вообще, произвелъ на меня довольно пріятное впечатлѣніе,—но онъ, какъ и многое другое, далеко не отвѣчалъ моимъ ожиданіямъ и представленіямъ... Выбравъ пунктъ, я расположился съ бумагой и красками, а фотографъ началъ готовиться къ сниманію видовъ; и хозяинъ, а также его сынъ и даже жены очень охотно позировали по нашей просьбѣ, чтобъ оживить садъ присутствіемъ людей. Двѣ супруги Янъ-Фана вышли откуда-то изъ глубины, черезъ особенную дверь прямо на галлерею, а съ галлереи въ бе-

сѣдку, гдѣ и оставались нѣсколько минутъ, пока фотографъ дѣлалъ свои приготовленія. Этого времени для меня было достаточно, чтобъ набросать ихъ фигуры и костюмы. Онѣ были одѣты въ очень нарядныя шелковыя платья; головы были тщательно причесаны и убраны искусственными цвѣтами, лица ужасно набѣлены; щеки и губы нарумянены совершенно откровенно; брови также безъ малѣйшей застѣнчивости выведены въ видѣ тонкихъ черныхъ дугъ. Но ничто не помогало; черты лица ихъ были некрасивы: носъ широкій съ низкой переносицей, губы толстыя, скулы широкія... Не нравятся еврепейцу и узкіе, косо прорѣзанные глаза, несмотря ва ихъ черноту, доходящую до степени какого-то зеркальнаго блеска.

Когда онѣ появились въ первый разъ на переднемъ планѣ бесѣдки, какъ видно предупрежденныя заранѣе о своей роли, я всталъ и, снявъ фуражку, раскланялся съ ними; но мой поклонъ, кажется, только смутилъ ихъ и,—кто ихъ знаетъ!—можетъ быть еще обидѣлъ. Ни одна на него не отвѣтила ни малѣйшимъ движеніемъ, и я почувствовалъ что-то тягостное, даже грустное при видѣ этихъ забитыхъ и тупыхъ существъ, какими они мнѣ показались... Менѣе красивая имѣла не то сердитый, не то сконфуженный видъ и, мнѣ казалось, была недовольна тѣмъ, что ее заставили показаться иностранцамъ; другая смотрѣла на насъ съ довольно живымъ любопытствомъ. Только этимъ и проявилась ихъ жизнь; онѣ, говорю, произвели на меня тяжелое впечатлѣніе какихъ-то живыхъ куколъ, которыя появились, посидѣли почти неподвижно и черезъ извѣстный промежутокъ времени скрылись....

Я окончилъ рисунокъ и получилъ отъ хозяина „три короба“ самыхъ лестныхъ похвалъ моему таланту. Потомъ попросилъ нарисовать что-нибудь ему на память и принесъ для этого два бѣлыхъ шелковыхъ вѣера, которые черезъ нѣсколько минутъ покрылись яркими цвѣтами, листьями, фантастическими птицами и бабочками. А затѣмъ мы стали торопиться домой: хотя было еще не поздно, но сегодня, по случаю отсутствія императора, ворота между маньчжурскимъ и китайскимъ городомъ запирались раньше обыкновеннаго.

Получивъ приглашеніе еще побывать у него, мы отправились торопливымъ шагомъ домой, пробираясь по улицамъ, и все ускоряли шаги, потому что шедшіе на встрѣчу китайцы, зная, что всѣ иностранцы живутъ въ маньчжурскомъ городѣ, кричали

намъ:—скорѣй, скорѣй! ворота сейчасъ запрутъ! Мы ужъ не подошли, а подбѣжали къ нимъ... но увы! ихъ только сію минуту затворили, и привратникъ еще гремѣлъ за ними желѣзными затворами. Поповъ обратился къ нему съ просьбою пропустить насъ; но на просьбу никто ничего не отвѣтилъ, можетъ быть, потому, что его словъ не слыхали, такъ какъ съ обѣихъ сторонъ у воротъ стояло по шумной толпѣ опоздавшихъ,—явленіе, повторяющееся, говорятъ, каждый день. У этихъ воротъ стоитъ небольшой казенный домъ для дежурнаго полицейскаго чиновника, и спутникъ мой отправился къ нему, надѣясь отъ него получить разрѣшеніе на пропускъ; но чиновника не оказалось; тамъ былъ только сторожъ. Поповъ началъ что-то горячо говорить ему; тотъ что-то отвѣчалъ, дѣлая реверансы и складывая руки въ знакъ почтенія; потомъ явился другой и вступилъ въ разговоръ, также съ реверансами, еще болѣе почтительными, но ясно говорившими, что просьбы уважить никакъ нельзя.

Я сидѣлъ на открытой террасѣ, предъ которой колыхалась огромная шумная толпа китайцевъ, поднимавшая ногами цѣлую тучу пыли. Ближайшіе къ террасѣ стояли и разсматривали меня, что-то толковали между собою, но никто ни малѣйшей дерзости не сдѣлалъ; я же, наслушавшись разныхъ разказовъ, постоянно ожидалъ отъ нихъ разнаго рода оскорбленій и даже чего-нибудь похуже; прежде у меня даже былъ просто страхъ,—не скрываю,—когда я оставался одинъ въ толпѣ; въ послѣднее же время я сталъ привыкать къ народу, и онъ все болѣе и болѣе начиналъ казаться мнѣ слишкомъ добродушнымъ для того, чтобъ быть опаснымъ, особенно для иностранца, разумѣется если онъ самъ не подастъ къ тому повода.

Несмотря ни на просьбы, ни на требованія, ни на деньги, которыя предлагалъ Поповъ привратникамъ, намъ воротъ не открыли, объясняя, что если объ этомъ узнаютъ, завтра же ихъ головы будутъ выставлены у этихъ самыхъ воротъ въ клѣткахъ. Ничего не оставалось дѣлать, какъ покориться и заночевать въ китайскомъ городѣ, что̀ чрезвычайно раздосадовало моего товарища и, напротивъ, очень обрадовало меня, потому что доставляло неожиданный случай провести ночь въ этой менѣе знакомой части Пекина. Но гдѣ ночевать? Въ гостинницѣ скверно; идти къ Янъ-Фану не хотѣлось изъ чувства деликатности, и вотъ когда мы находились въ нерѣшимости, не зная, что предпринять, передъ нами точно изъ земли выростаетъ его знакомый вамъ сынъ.

— Вы какъ здѣсь? спрашиваемъ его.

— А отецъ послалъ меня, отвѣтилъ онъ, за вами вслѣдъ, на случай, если вы опоздаете и не попадете въ ворота, и велѣлъ пригласить васъ къ намъ ночевать.

Поповъ долго не соглашался, говоря, что не хочетъ причинять безпокойства, что мы можемъ переночевать въ гостинницѣ; но молодой человѣкъ отвѣтилъ на это, что если мы не примемъ приглашенія, отецъ сказалъ, что самъ придетъ сюда просить насъ... Отказываться дальше было безполезно, и мы отправились въ обратный путь, а за нами хлынула вся стоявшая у воротъ толпа народу: слѣдовательно, она оставалась тутъ все время только ради насъ, чтобъ поглазѣть на насъ,—такъ еще интересуютъ китайцевъ иностранцы, хотя ихъ теперь много постоянно живетъ въ Пекинѣ. Впрочемъ, должно прибавить, что они не очень-то часто появляются на улицахъ китайскаго города. Многіе дошли съ нами до самаго дома Янъ-Фана, гдѣ насъ ожидали слуги съ фонарями и провели черезъ дворы и разные переходы въ тотъ же кабинетъ, гдѣ мы были утромъ и гдѣ встрѣтилъ насъ радушный хозяинъ.

Теперь комната была освѣщена буквально какъ днемъ: въ люстрѣ горѣло шесть большихъ рожковъ газоваго пламени и еще на столѣ стояла газовая же лампа съ гуттаперчевой трубкой. Тотчасъ подали чай и стали приготовлять столъ для обѣда или правильнѣе ужина. Складной круглый столъ краснаго дерева выдвинули на средину комнаты и на него прямо поставили три прибора, безъ скатерти и безъ салфетокъ; за то тарелки были европейскія, даже съ шифромъ хозяина; ножи и вилки также европейскіе, а ложки китайскія, серебряныя круглыя, съ тонкими прямыми ручками.

Въ ожиданіи обѣда, Янъ, желая познакомить меня со всѣмъ, что у него есть, показалъ мнѣ свой барометръ-анероидъ и два хорошихъ микроскопа. Ему все хотѣлось знать, всему научиться, онъ все пріобрѣталъ, но изъ всего извлекалъ для своего пытливаго ума весьма мало пользы, потому что или учиться было не у кого, или мѣшало незнаніе никакого европейскаго языка. Начавъ, напримѣръ, заниматься химіей, онъ запутался въ лабиринтѣ названій и такихъ вещей, которыя требуютъ хорошей предварительной подготовки; а ея у него не было и быть не могло. Онъ зналъ много названій, кой-какія свойства тѣлъ и нѣкоторыя явленія, но отрывочно и безъ малѣйшей системы. И мнѣ было

искренно жаль его, когда онъ рылся въ разныхъ сочиненіяхъ по химіи, но блуждалъ въ нихъ, какъ въ темному лѣсу; когда онъ засыпалъ меня вопросами, думая, что въ одинъ вечеръ можетъ узнать отъ меня все, что́ для него было не ясно; когда онъ не могъ сладить съ микроскопомъ, а желалъ научиться, говорю, такъ страстно.

Подали обѣдъ. Янъ старался быть совсѣмъ европейцемъ; онъ пользовался ножомъ и вилкой, но очень не ловко, и часто дѣйствовалъ прямо руками, а, главное, во все время обѣда ужасно харкалъ и плевалъ на полъ; а его слуга, старый и грязный, отнималъ у насъ аппетитъ какимъ-то просто сверхъестественнымъ сопѣньемъ. Послѣ обѣда подали кофе, котораго китайцы вообще не пьютъ, — это тоже былъ европеизмъ Яна. Затѣмъ опять начался разговоръ о химіи, по преимуществу фотографической, который жестоко надоѣлъ Попову.

— Возьмите-ка лучше краски и нарисуйте что-нибудь, обратился онъ ко мнѣ,—а то онъ насъ замучитъ.

Рисованіе дѣйствительно выручило обоихъ; я сдѣлалъ карандашемъ его портретъ, который онъ попросилъ позволенія показать женамъ и ушелъ черезъ таинственную дверь за ширмы. Минутъ черезъ пять возвращается оттуда съ тремя вѣерами и передаетъ, что жены просятъ нарисовать каждой изъ нихъ что-нибудь на память... Три вѣера!... Съ этой невыгодной для посѣтителей стороной многоженства я еще не былъ знакомъ! Я бы предпочелъ побесѣдовать съ этими тремя женами, которыя шушукали потихоньку за ширмами, посматривая на насъ черезъ такія маленькія скважинки, что ихъ самихъ рѣшительно нельзя было увидать и онѣ своимъ шепотомъ только дразнили мое любопытство. Если бы я могъ самъ говорить съ Яномъ, я бы непремѣнно сказалъ ему, что ужъ если онъ хочетъ подражать европейцамъ, то пусть научится ихъ обычаямъ вполнѣ и соблюдаетъ ихъ, по крайней мѣрѣ въ сношеніяхъ съ иностранцами; пусть позволитъ своимъ женамъ выходить къ гостямъ и принимать участіе въ общей бесѣдѣ, какъ это дѣлается у насъ. Спутникъ же мой, какъ я ни упрашивалъ его, ни за что не рѣшился передать ему моихъ словъ, потому что, говорилъ онъ, сказавъ китайцу подобную нескромность, ничего болѣе не остается какъ провалиться сквозь землю.

Мы простились съ хозяиномъ только часу въ первомъ ночи и легли спать въ той же комнатѣ, въ приготовленныя для насъ по-

стели. На кроватяхъ находились европейскіе матрацы съ пружинами, подушки и байковыя одѣяла, но простыни и наволоки ни одной... Бѣдный Янъ! Какъ ему плохо удавалось копированіе запада; онъ это самъ чувствовалъ и иногда конфузился и краснѣлъ за свое неумѣніе.... Какія-то насѣкомыя, должно-быть блохи, а также караульщикъ, ходившій по двору и почти безостановочно стучавшій въ свою колотушку, долго не давали мнѣ заснуть. Смущало меня также желаніе взглянуть на жизнь и ночные порядки китайцевъ, узнать, какъ они спятъ, посмотрѣть устройство ихъ постелей, манеру покрываться, ночные костюмы и т. п. Все это было мнѣ незнакомо, а врачу все интересно знать; но познакомиться съ этимъ здѣсь, въ Пекинѣ, мнѣ такъ и не удалось.

Утромъ, когда мы только-что проснулись, но еще не успѣли встать, слуга принесъ въ комнату умывальный приборъ, состоявшій изъ тазика съ теплой водой и опущенной въ нее грубой сѣрой тряпкой, и ушелъ; а прислуживалъ намъ при умываніи самъ сынъ Яна. Не оказалось ни мыла, ни сухаго полотенца, такъ какъ въ нихъ сами китайцы не нуждаются: ихъ умываніе состоитъ только въ обтираніи себѣ лица и рукъ теплой, мокрой тряпкой и больше ничего,—а потомъ высыхай, какъ знаешь! Мы только отерли себѣ руки и то больше изъ деликатности, и, выпивъ потомъ по чашкѣ чаю, простились съ хозяиномъ и вернулись домой.

Здѣсь меня ожидало приглашеніе отъ англійскаго посланника г. Уэда на обѣдъ. Но въ этотъ день я почувствовалъ себя нездоровымъ и потому не могъ воспользоваться приглашеніемъ, чему я былъ отчасти радъ, потому что къ намъ пріѣхалъ о. архимандритъ Палладій, бесѣды котораго были въ высшей степени драгоцѣнны. Въ этотъ же день пріѣзжалъ и Янъ заплатить намъ визитъ. За обѣдомъ у посланника о. Палладій, когда снова зашелъ разговоръ о нашемъ путешествіи, совѣтовалъ намъ, между прочимъ, непремѣнно входить въ сношенія съ мѣстными властями; но Сосновскій не соглашался съ нимъ, говоря, что находитъ это положительно неудобнымъ, потому что они будутъ только слѣдить за нами и мѣшать заниматься, что чиновники въ Китаѣ — самый непріятный народъ и что надо держаться отъ нихъ какъ можно подальше. Извѣстный всему ученому міру глубокій знатокъ Китая и въ высшей степени деликатный и скромный человѣкъ, о. Палладій не возражалъ; а всѣ присутствовавшіе обмѣнивались между собою многозначительными взглядами и сдержанными улыб-

ками насчетъ потѣшнаго капитана, котораго они уже во многомъ поняли.

На слѣдующій день, послѣ завтрака, мы опять отправились къ Янъ-Фану, и сегодня я попросилъ его показать мнѣ устройство и расположеніе всего его дома, на что онъ согласился безъ малѣйшихъ оговорокъ, и повелъ насъ черезъ упомянутую таинственную дверь, въ первый визитъ заставленную ширмами. За нею находилась небольшая проходная комната, уставленная по сторонамъ шкафами съ китайскими книгами; противоположная дверь изъ нея вела во дворъ, небольшой, всего шаговъ тридцати въ квадратѣ, окруженный одноэтажными строеніями. Съ трехъ сторонъ его находились жилыя помѣщенія, а четвертая была занята воротами, обыкновенно закрытыми и открываемыми, какъ объяснилъ Янъ, только въ случаяхъ оффиціальныхъ пріемовъ или посѣщенія церемонныхъ гостей; эти ворота не створчатыя, а заставляются досками, какъ это дѣлается у насъ въ нѣкоторыхъ магазинахъ и лавкахъ. Прямо противъ этихъ воротъ расположены пріемныя комнаты, а по бокамъ, должно думать, находятся женскія помѣщенія, потому что черезъ ихъ стеклянныя окна я видѣлъ въ нихъ только женскія фигуры и лица, числомъ до пятнадцати. Тутъ жили, какъ я узналъ, жены и дочери Яна, а также женская прислуга. Хотя я изъ скромности старался менѣе заглядываться на стеклянныя окна, а все-таки успѣлъ разглядѣть кой-что. Но такъ какъ окна этихъ комнатъ находятся довольно высоко надъ землей, то я могъ видѣть только головы и лица дамъ, занимавшихся, повидимому, какими-то работами. Головы ихъ были старательно причесаны и убраны яркими цвѣтами, косы заплетены на разныя манеры, а лица у всѣхъ набѣлены и нарумянены. При нашемъ появленіи на дворѣ, однѣ изъ дамъ скромно опустили головки внизъ, такъ что я не могъ разглядѣть ихъ лицъ; другія, довольно хорошенькія, съ самымъ живымъ любопытствомъ поглядывали въ окна, но встрѣтивъ обращенный на нихъ взглядъ тотчасъ прятались, впрочемъ не всѣ; и кажется, что тѣ, которыя продолжали любопытствовать и позволяли смотрѣть на себя, были красивѣе другихъ. Но я обо всѣхъ могу сказать только одно, что онѣ были болѣе или менѣе дурны собою.

Читатель понимаетъ насколько было бы для меня интересно пройти черезъ комнаты дамъ, увидать ихъ обстановку и занятія заключенныхъ въ нихъ обитательницъ, и, умѣй я самъ говорить, я убѣжденъ, что добился бы этого отъ Яна, желающаго изобра-

жать изъ себя передоваго человѣка: я бы представилъ ему тысячи убѣдительныхъ доводовъ, что дозволить это европейцу ни сколько не предосудительно, такъ какъ по нашимъ обычаямъ женщины не скрываются отъ мужчинъ... Но что было дѣлать? Приказывать моему спутнику говорить, что я хотѣлъ, я не имѣлъ права.

Затѣмъ мы прошли въ пріемныя комнаты, которыхъ три; онѣ обращены окнами во дворъ, напротивъ воротъ, а остальныя ихъ стѣны глухія. Меблированы онѣ отчасти по-китайски, отчасти по-европейски; и въ средней комнатѣ виситъ большой портретъ хозяина, написанный масляными красками однимъ русскимъ художникомъ, жившимъ прежде въ Пекинѣ, — имени его Янъ не помнилъ. Дальше, въ рядъ съ пріемными комнатами, помѣщалась спальня съ кроватью за прозрачнымъ шелковымъ пологомъ; за нею комната его старшей жены, съ каномъ, покрытымъ краснымъ сукномъ, и стоящими на немъ вдоль стѣнъ низенькими шкафчиками, на которыхъ были разставлены разныя бездѣлушки, въ родѣ коробочекъ, фарфоровой посуды, искусственныхъ цвѣтовъ и т. п. За этой находились двѣ полуосвѣщенныя комнаты, заставленныя разными сундуками и загроможденныя, точно кладовыя, многими предметами домашняго хозяйства. Наконецъ, въ послѣдней комнатѣ, по обстановкѣ также похожей на кладовую, устроена маленькая кумирня, въ родѣ модели, хорошо сдѣланной изъ дерева. Она стоитъ на одномъ столѣ, а на другомъ передъ нею разставлены чаши и вазы съ различными жертвенными дарами, а именно зернами риса и пшеницы, воды и т. п. Это была, такъ сказать, образница или молельня; но тутъ же, въ двухъ стеклянныхъ вазахъ, содержались сверчки для устраиванія теперь знакомыхъ читателю потѣшныхъ состязаній; на днѣ вазъ былъ насыпанъ слой песку; на немъ разставлены маленькіе домики сверчковъ и между ними разбросаны зерна варенаго рису. Я не сталъ разспрашивать, почему сверчки находятся также здѣсь, такъ какъ мнѣ показалось, что Янъ сконфузился, когда я обратилъ на нихъ вниманіе и назвалъ ихъ по-китайски (цюй-цюръ).

Потомъ Янъ провелъ насъ черезъ нѣсколько дворовъ еще въ одинъ, окруженный галлереей, вдоль которой находились нежилыя комнаты, служившія мѣстомъ склада всякаго домашняго хлама. Въ нихъ не было ничего интереснаго, я и не знаю, зачѣмъ Янъ показалъ ихъ намъ, въ насмѣшку ли надъ моимъ любопытствомъ, или чтобъ показать, что онъ ничего не скрываетъ, что все те-

перь показалъ и больше осматривать въ домѣ нечего. У одного изъ столбовъ, поддерживающихъ галлерею, на этомъ дворѣ сидѣли на цѣпи двѣ обезьяны изъ породы мартышекъ,—мать съ сыномъ, какъ объяснилъ хозяинъ, и выдѣлывали самые забавные прыжки, ни минуты ни оставаясь въ покоѣ.

Осмотрѣвъ домъ, я спросилъ, какъ онъ отапливается зимою? Янъ показалъ намъ печи, которыя устроены подъ каменнымъ поломъ и нагрѣваютъ послѣдній, а отъ него уже тепло распространяется по всѣмъ комнатамъ; никакихъ другихъ печей въ домѣ нѣтъ, и зимою въ немъ бываетъ холодно.

Вернулись въ домъ, и я расположился въ одной изъ комнатъ, чтобъ нарисовать ея внутренность; а хозяинъ и Поповъ помѣстились тутъ же и вели бесѣду, среди которой Янъ опять обращался ко мнѣ съ разными вопросами все по части химіи, а также медицины и разныхъ лекарствъ. Онъ спросилъ между прочимъ, можно ли вѣрить тому, чтобъ существовало такое лекарство, отъ принимания котораго могла бы увеличиться въ объемѣ, напримѣръ, рука, нога и т. п., что будто бы въ китайской медицинѣ такое средство есть. Но онъ уже самъ, не дожидаясь моего отвѣта, выражалъ сильное сомнѣніе.

Разсказалъ онъ еще о чудесныхъ цирюльникахъ, которые могутъ вызывать по произволу мгновенный обморокъ или остановить дыханіе и также по произволу привести человѣка въ сознаніе и возстановить дыханіе. По его словамъ, они дѣлаютъ это только посредствомъ ущипыванія кожи на затылкѣ.

— Вы навѣрно этого сами не видали, сказалъ я ему.

Онъ только засмѣялся, въ знакъ согласія, однако продолжалъ утверждать, что такіе люди есть, что ему разсказывали объ этомъ его знакомые, вполнѣ достойные довѣрія. Я предложилъ произвести надо мною опытъ, который меня самого интересовалъ; но Янъ выразилъ опасеніе за меня и не соглашался; я повторилъ просьбу и онъ, видя мою рѣшимость, позвалъ слугу и велѣлъ привести въ домъ извѣстнаго цирюльника. Слуга ушелъ, но вернувшись черезъ полчаса, объявилъ, что не засталъ его дома. Я очень пожалѣлъ объ этомъ, хотя и былъ убѣжденъ, что изъ чудесныхъ опытовъ надъ врачемъ, какъ и изъ опытовъ Юма и ему подобныхъ ничего бы не вышло, если бы онъ ограничился только ущипываніемъ кожи на затылкѣ, не заставляя дѣлать ничего другаго.

Когда рисунокъ былъ оконченъ, хозяинъ опять понесъ его съ

моего позволенія показывать своимъ дамамъ и, вернувшись, передавалъ ихъ лестныя похвалы мнѣ и „заморскому искусству“. Вскорѣ затѣмъ мы простились съ Яномъ и вернулись домой къ обѣду.

Наступаетъ второй осенній мѣсяцъ, но осень здѣсь еще мало чувствуется: листья хотя опадаютъ понемногу, но деревья еще зелены, трава также; и погода стоитъ хорошая, лишь изрѣдка выпадаютъ пасмурные дни съ непродолжительнымъ дождемъ и вѣтрами.

Съ 19-го августа живемъ мы въ Пекинѣ, и хотя мало въ немъ видѣли, но пора бы и отправляться; вѣдь онъ для насъ—лишь временная станція. Отсюда мы должны были отправляться сухимъ путемъ въ Хань-Коу, какъ вдругъ сегодня (29 сентября), узнаемъ, что планъ нашего движенія измѣняется, что мы не ѣдемъ упомянутой дорогой всѣ, какъ предполагалось, а только Матусовскій съ переводчикомъ и казакомъ отправятся по ней, а остальные, и я въ томъ числѣ, поѣдемъ въ Тянь-Цзинь и оттуда на пароходѣ черезъ Шанъ-Хай. О какомъ-нибудь предварительномъ совѣщаніи и рѣчи не было и что послужило основаніемъ подобному, совершенно неожиданному, измѣненію первоначальнаго плана, для насъ осталось тайною. Не считать же въ самомъ дѣлѣ за причину такого важнаго измѣненія въ маршрутѣ то, что движеніе сухимъ путемъ стоило бы намъ всѣмъ рублей на четыреста дороже, хотя, говорю, никакой другой причины не было.

Въ интересахъ дѣла, да и во всѣхъ отношеніяхъ, мнѣ полезнѣе было ѣхать сухимъ путемъ, потому что здѣсь я могъ видѣть страну, людей и ихъ бытъ, могъ собрать коллекціи мѣстныхъ растеній и животныхъ, составить собраніе интересныхъ рисунковъ; и потому я обратился къ Сосновскому съ просьбой отпустить меня также сухимъ путемъ вмѣстѣ съ Матусовскимъ и былъ убѣжденъ, что, конечно, получу разрѣшеніе, такъ какъ мое присутствіе на кораблѣ во время непродолжительнаго морскаго переѣзда изъ Тянь-Цзиня въ Хань-Коу было рѣшительно не нужно ни для кого, ни для чего. Но, къ величайшему удивленію, я встрѣтилъ съ его стороны рѣшительный отказъ, котораго онъ не хотѣлъ даже ничѣмъ мотивировать... „Просто, говоритъ, нахожу неудобнымъ отправлять васъ съ Матусовскимъ, вотъ и только“!... Какъ будто именно эта комбинація Пясецкаго и Матусовскаго была „неудобна“ и вредна для дѣла. Я былъ въ горѣ и недоумѣніи... Впрочемъ недоумѣнія тогда уже не было,—я все понималъ, но что думалъ, не повѣдаю читателю.

Посланникъ, при которомъ происходилъ нашъ разговоръ, также былъ удивленъ подобнымъ рѣшеніемъ и также прямо высказался въ пользу отправленія меня сухимъ путемъ. Повидимому мои доводы и совѣты посланника оказали свое дѣйствіе, и Сосновскій согласился. Разговоръ прервался, и я ушелъ къ себѣ, чтобъ скорѣе заняться приготовленіями къ отъѣзду. Но къ вечеру онъ выработалъ новый планъ, рѣшившись еще уменьшить результаты экспедиціонныхъ работъ и пожертвовать, неизвѣстно чему, топографической съемкой пути отъ Пекина до Хань-Коу; онъ теперь,—читатель не повѣритъ,—не отправлялъ сухопутной дорогой и Матусовскаго, а рѣшилъ послать переводчика Андреевскаго съ нанятымъ въ Тянь-Цзинѣ китайцемъ Сюемъ; мы же оба должны были ѣхать съ остальными на пароходѣ... Совершилось, скажемъ пока, что-то странное и непонятное, и характеръ этого эпизода былъ таковъ, что я и Матусовскій были какъ будто наказаны этимъ новымъ распоряженіемъ; и намъ дѣйствительно было невыразимо жаль дѣла, которое досталось въ руки такого человѣка. Нами все было испробовано, но все напрасно, и ничего больше не оставалось, какъ скрѣпя сердце, повиноваться. А Сосновскій еще говорилъ, что отъ Пекина начнется уже настоящее путешествіе, т. е. медленное съ правильными полезными занятіями.

День выѣзда еще не былъ назначенъ, и я успѣлъ еще разъ побывать въ китайскомъ городѣ, разумѣется съ Поповымъ. День былъ ненастный; сильный вѣтеръ несъ по улицамъ соръ и пыль, которую онъ выдувалъ изъ домовъ и разныхъ закрытыхъ мѣстъ, куда не могъ проникнуть дождь; песокъ засыпалъ глаза и трещалъ на зубахъ. Эта тонкая песочная пыль есть также одно изъ пекинскихъ золъ, и отъ нея не спасаютъ даже двойныя рамы.

Во время сегодняшней прогулки мнѣ предстояло познакомиться еще съ одной особенностью китайской жизни. Мы шли по улицѣ, которая идетъ отъ воротъ Цянь-Мынь, что противъ богдоханскаго дворца, и по которой, какъ намъ было извѣстно, завтра императоръ долженъ будетъ проѣхать куда-то за городъ. Всѣ жители были извѣщены о предстоящемъ событіи особыми объявленіями черезъ полицію, и вслѣдствіе этихъ объявленій всѣ переносныя лавочки сегодня убирались отсюда прочь; лавки, находящіяся въ домахъ, должны быть завтра всѣ закрыты; всѣ боковыя улицы и переулки уже сегодня были загорожены досками и завѣшены циновками и матеріями, такъ что завтра на всей улицѣ, пока по

ней не проѣдетъ императорскій поѣздъ, не будетъ ни одного человѣка, ни иностранцевъ, ни китайцевъ. Да и сегодня уже она казалась необыкновенно пустынною.

Мы вступили въ гостинный дворъ, построенный въ двѣ линіи вдоль внутренней городской стѣны, раздѣляющей Пекинъ на двѣ части; и здѣсь народъ кишитъ какъ всегда. Заходимъ въ лавку, гдѣ продаются картины, вѣера, фонари, бумага, кисти и краски; и за нами слѣдомъ вваливается толпа безцеремонныхъ зрителей,—черта также совершенно особенная, свойственная, можетъ быть, одному Китаю: у насъ, какъ извѣстно, въ лавкѣ не позволятъ остаться и одному человѣку, если онъ ничего не покупаетъ; а тутъ вдругъ она вся набивается народомъ, какъ церковь въ праздничный день,—только за прилавокъ не пронцкаютъ,—а купцы и не думаютъ выгонять праздныхъ зрителей. Впрочемъ, сколько я замѣтилъ, эта терпимость существуетъ поневолѣ: мнѣ казалось, что купцы чувствуютъ себя безсильными противъ толпы и даже опасаются ея мести. Я замѣтилъ также, что они боятся, чтобъ не произошло кражи въ лавкѣ, что легко можетъ случиться при густой толпѣ; и вслѣдствіе этихъ опасеній они вѣжливо, съ извиненіями и выраженіями сожалѣній, просили насъ оставить ихъ лавку, чтобъ только выжить нашу докучливую свиту, избавиться отъ которой иныхъ средствъ не было.

Дѣйствительно, сегодня, напримѣръ, мы пробыли въ одной лавкѣ около часу, и столько же времени простояли тутъ любопытные зрители всякихъ возрастовъ и, не сводя глазъ, смотрѣли на насъ. Нѣкоторые изъ нихъ вступали съ нами въ бесѣду, принимали участіе въ нашихъ покупкахъ и разговорахъ съ купцами, помогали сводить счеты, подсказывая, напримѣръ, что 150 и 350 будетъ 500 и т. п. Иногда они ловили какія-нибудь русскія слова, казавшіяся имъ болѣе занимательными, или, можетъ быть, по созвучію съ китайскими они получали для нихъ значеніе, конечно совсѣмъ иное и должно быть забавное, потому что иногда вдругъ всѣ весело расхохочутся по поводу какого-нибудь слова, и долго потомъ повторяютъ его въ своихъ фразахъ, опять принимаясь хохотать.

Сдѣлавъ нужныя покупки, мы возвращались домой, и дорогой я увидалъ четырехъ человѣкъ, стрѣлявшихъ изъ лука, подъ руководствомъ учителя, въ цѣль. Сцена для меня новая, и я, простившись съ Поповымъ, остановился возлѣ нихъ и долго простоялъ, смотря на эти военныя упражненія.

Любопытное зрѣлище представляютъ китайцы, стрѣляющіе изъ лука по всѣмъ правиламъ классическаго искусства; на нихъ едва можно смотрѣть безъ смѣха; но въ то же время они возбуждаютъ сожалѣніе къ себѣ, подобно людямъ, до сихъ поръ ходящимъ на судахъ при помощи бичевы или вóрота, когда въ то же время мимо нихъ пробѣгаютъ быстрые пароходы. Въ самомъ дѣлѣ, какой смыслъ могутъ имѣть луки и стрѣлы наряду съ скорострѣльными ружьями? Разумѣется, никакого. Но посмотрите, сколько времени, труда, мукъ и вѣроятно наказаній предпринимается и переносится, чтобъ достигнуть извѣстнаго совершенства въ искусствѣ правильно стрѣлять изъ лука, главное—по правиламъ. Китайцы относятся къ этому искусству, какъ къ дѣлу необыкновенной важности. Лица ихъ при исполненіи его такъ серьезны; движенія и всѣ пріемы совершаются съ торжественною медленностію: видно, что всѣ они продѣлываются по предписаннымъ правиламъ, какъ по нотамъ, строго, однообразно, и малѣйшее отступленіе ученика отъ правилъ тотчасъ поправляется учителемъ.

Китайцы, которыхъ я наблюдалъ теперь, стрѣляли поочереди, нѣсколько разъ къ ряду каждый. Вотъ очередь новаго. Будущій воинъ производитъ всѣ движенія медленно, какъ будто совершая какой-нибудь религіозный обрядъ; медленно, даже какъ бы въ разсѣянности, беретъ лукъ, приставленный къ стѣнѣ, у которой происходитъ ученье, и становится у черты, проведенной на землѣ ногой учителя въ разстояніи шаговъ пятнадцати отъ цѣли. Потомъ онъ потихоньку разставляетъ ноги, какъ это дѣлаетъ акробатъ, когда онъ устанавливается на канатѣ, на большой высотѣ, или подобно человѣку, у котораго на головѣ поставлена, положимъ, драгоцѣнная ваза и онъ боится ее уронить. Разставивъ нѣсколько ноги, онъ изгибаетъ туловище, выставляя грудь и голову впередъ, а животъ до послѣдней возможности втягивая назадъ,—и все съ необыкновенною медленностію и торжественностію. Затѣмъ такимъ же манеромъ дѣлаются другія движенія, какъ бы для того, чтобы расправить плечи. Въ лѣвой рукѣ у него лукъ, въ правой стрѣла; онъ смотритъ на нихъ, какъ бы раздумывая о чемъ-то; потомъ кладетъ стрѣлу остріемъ на лукъ, опять смотритъ на свое смертоносное оружіе и, продвинувъ ее впередъ, ставитъ на тетиву, а послѣднюю захватываетъ по правиламъ пальцами указательнымъ и большимъ, на которомъ надѣто особое кольцо. Затѣмъ онъ высоко поднимаетъ лукъ со стрѣлой, вытягивая при этомъ руки во всю ихъ длину, и потомъ опускаетъ ихъ

до той высоты, съ которой предполагаетъ стрѣлять; но предварительно взглядываетъ на собравшуюся толпу серьезнымъ, задумчивымъ взглядомъ, который какъ будто говоритъ: что дѣлать! я не желалъ бы, но долженъ стрѣлять! Медленно повернувъ голову въ ту сторону, гдѣ стоитъ мишень, онъ натягиваетъ тугую тетиву, причемъ его руки замѣтно дрожатъ; наконецъ стрѣла слетѣла, а правая рука, пустившая ее, остается нѣсколько времени на отлетѣ, подобно тому, какъ у фехтующихъ лѣвая. Она опускается только когда стрѣла упадетъ на землю; вслѣдъ затѣмъ выпрямляется туловище и ноги составляются; и все по правиламъ, просто до тошноты медленно. Проходитъ минута бездѣйствія, какъ бы отдыха; изъ-за пояса вынимается другая стрѣла и съ нею повторяются всѣ, скучные и въ описаніи и въ дѣйствительности, описанные выше акты, со стереотипною точностью. Лицо все время остается безстрастнымъ, какъ лицо покойника или спящаго съ открытыми глазами: ни удовольствія въ случаѣ самаго счастливаго выстрѣла, ни тѣни досады въ случаѣ промаха, ничего не прочтешь на немъ. Очевидно и этого требуютъ правила высокаго искусства.

Къ чему же все это нужно? спрашивалъ я себя, уходя домой отъ этой забавной, но тяжелой сцены. Китайцы—старый и весьма практичный народъ; вѣроятно все, что я видѣлъ, дѣлается не даромъ. Но неужели,—спрашивалъ я себя,—безъ этихъ классическихъ пріемовъ и позъ нельзя хорошо стрѣлять изъ лука? Неужели эта медленность дѣйствій можетъ быть на что-нибудь годна въ военномъ дѣлѣ? Вѣдь изъ скорострѣльнаго ружья можно легко сдѣлать десять выстрѣловъ въ китайца, пока онъ соберется пустить одну стрѣлу и взять другую.—Бѣдный народъ! Кто его изуродовалъ такъ, и какъ онъ не сброситъ съ себя гнета заѣдающей его рутины! Или она стала такъ люба ему? Или онъ въ самомъ дѣлѣ умеръ безповоротно? Нѣтъ, этому повѣрить я не могу...

Но, уѣзжать, уѣзжать изъ Пекина пора... Когда въ посольствѣ узнали объ измѣненіи плана экспедиціи, всѣ были ужасно удивлены и выражали сожалѣніе, потому что около двухъ тысячъ верстъ пути по мало извѣстной странѣ, для изслѣдованія которой насъ послало правительство, выбрасывались безъ всякой сколько-нибудь уважительной причины изъ предварительнаго плана и оставлялись неизслѣдованными нами, — тѣ самыя двѣ тысячи верстъ, которыя, уже не говоря о научномъ интересѣ,

имѣютъ для русскихъ особенное значеніе, потому что по этому пути шли изъ Хань-Коу всѣ транспорты съ чаемъ на Калганъ и далѣе на Кяхту.

О. Палладій не хотѣлъ вѣрить, когда ему сказали, что экспедиція ѣдетъ въ Хань-Коу моремъ; относительно же отправленія сухимъ путемъ только Андреевскаго и Сюя, многіе выражали даже безпокойство и неудовольствіе, совѣтуя этого не дѣлать, потому что оба отправляемыя лица были вовсе не подготовлены для исполненія возлагавшагося на нихъ порученія, и даже просто не годились для него. Самое порученіе, даваемое Сосновскимъ двумъ переводчикамъ, было кромѣ того такъ сложно, что обнимало собою чуть не всѣ обязанности, распадавшіяся на каждаго изъ насъ трехъ членовъ экспедиціи. Всѣ, говорю, были просто возмущены этимъ распоряженіемъ, но больше всѣхъ, конечно, волновались, сожалѣли и досадовали мы съ Матусовскимъ. Попытались еще разъ измѣнить положеніе дѣлъ: все испробовали; но ничто не помогло и кромѣ непріятностей ничего не вышло. На томъ рѣшеніе и остановилось. Сосновскій одержалъ блестящую побѣду, лишивъ своихъ спутниковъ возможности сдѣлать полезное дѣло.

Разговоры объ отъѣздѣ начались собственно давно, но наши сборы въ дорогу были утомительно длинны и скучны: назначается день отъѣзда, напримѣръ черезъ три дня, на четвертый; потомъ въ этотъ четвертый день откладывается на недѣлю; пройдетъ она, и отъѣздъ откладывается на десять дней, и такъ далѣе; такъ что всѣ наши соотечественники ужъ и спрашивать насъ перестали о днѣ, въ который мы намѣрены выѣхать. Да и мы сами перестали вѣрить въ эти назначаемые дни отъѣзда, въ которые мы сидѣли въ стѣнахъ Русскаго посольства, или гуляли по улицамъ столицы.

Я настолько ознакомился съ ближайшими къ нашему дому кварталами, что отправлялся иногда одинъ, и во время этихъ прогулокъ горевалъ, что не могу ни съ кѣмъ слова сказать, горевалъ тѣмъ болѣе, что китайцы казались мнѣ такими общительными и разговорчивыми; тѣмъ не менѣе, однако, каждая прогулка доставляла мнѣ какое-нибудь новое впечатлѣніе или наблюденіе. Во время такихъ странствованій въ той части Пекина, гдѣ находятся европейскія посольства и гдѣ, слѣдовательно, чаще всего можно видѣть на улицахъ европейцевъ, я дѣйствительно не мало встрѣчалъ ихъ и не разъ былъ возмущенъ ихъ поведеніемъ, а съ дру-

гой стороны не мало удивлялся кротости и долготерпѣнію китайцевъ и совершенно понималъ причины тѣхъ недобрыхъ чувствъ, какія китайцы питаютъ къ европейцамъ, помимо всякихъ политическихъ, коммерческихъ и религіозныхъ столкновеній. Посмотрите, что многіе изъ нихъ позволяютъ себѣ, появляясь на улицахъ. Одинъ бранится ни за что, ни про что; другой машетъ палкой въ толпѣ и кричитъ, чтобъ ему давали дорогу, причемъ, разумѣется, палка „касается“ нѣкоторыхъ неловкихъ, не успѣвшихъ увернуться; третій дѣйствуетъ болѣе энергично и раздаетъ затрещины направо и налѣво и тоже безъ малѣйшаго къ тому повода; четвертый ломаетъ замокъ на дверяхъ храма, когда его не хотятъ туда впустить, и входитъ насильно; пятый разбиваетъ статую на богдоханскомъ дворѣ и т. д.

Иногда еще европейцы, ради собственнаго развлеченія, бьютъ несчастныхъ китайскихъ собакъ, бѣгающихъ по улицамъ и попадающихся имъ на дорогѣ, за то, изволите видѣть, что они имѣютъ отвратительный видъ; и вслѣдствіе этого бѣдныя животныя до того напуганы и озлоблены, что они теперь, завидѣвъ еще издали европейца, узнаютъ его по фигурѣ и платью; и если онъ направляется въ ихъ сторону, они, ощетинивъ шерсть и поджавъ хвостъ, съ лаемъ спасаются бѣгствомъ, оглядываясь, чтобъ узнать, не настигаетъ ли ихъ непріятель. Такъ бѣжали собаки и отъ меня, хотя на мнѣ не лежало ни одного грѣха противъ нихъ. Когда же мнѣ случалось близко подойти къ собакѣ, которая была занята чѣмъ-нибудь и не замѣчала моего приближенія, она потомъ, неожиданно увидавъ меня близь себя, стрѣлой бросалась въ сторону съ жалобнымъ визгомъ, какъ будто я ее кипяткомъ обдалъ. И отбѣжавъ далеко, она еще долго не могла оправиться отъ испуга и продолжала взвизгивать по временамъ....

Гдѣ, спрашивается, въ какомъ европейскомъ государствѣ потерпѣли бы подобное поведеніе иностранцевъ? Конечно нигдѣ. И какое заключеніе должны вывести изысканно-вѣжливые китайцы о „заморскихъ людяхъ“?! Не дали ли имъ сами эти люди права называть себя варварами, какъ называютъ ихъ китайцы, прибавляя „хотя весьма искусными въ многихъ дѣлахъ“.

Конечно, не всѣ рекомендуютъ себя такими неблаговоспитанными людьми, но достаточно и одного случая, чтобъ пятно ложилось болѣе или менѣе на всѣхъ иностранцевъ, которыхъ китайскій народъ еще не научился различать... Мнѣ могутъ сказать,

что подобными разсужденіями я могу вооружить китайцевъ противъ иностранцевъ... Не бойтесь, господа. Будьте вѣжливы, какъ китайцы, и они станутъ вашими друзьями, насколько это возможно для такого зоологическаго индивида, какъ homo sapiens sinensis, или всякой другой національности,—это безразлично.

Наконецъ соотечественники даютъ намъ прощальный обѣдъ въ китайской гостинницѣ и я надѣюсь, что мы ограничимся однимъ, а не доживемъ до второго, который они вынуждены будутъ дать „по желанію публики".

Вопросы о томъ, „что я ѣлъ въ Китаѣ, что ѣдятъ китайцы, какъ у нихъ готовятъ кушанья, какія именно и изъ чего, хороши ли или отвратительны они, можно ли ихъ ѣсть или нѣтъ",—эти вопросы, предлагавшіеся мнѣ по моемъ возвращеніи, даютъ мнѣ право думать, что многимъ изъ читателей не будетъ скучно выслушать подробный разсказъ о составѣ нашего обѣда, тѣмъ болѣе, что о предметахъ, употребляемыхъ китайцами въ пищу, до сихъ поръ существуетъ много искаженныхъ понятій. Еще до сихъ поръ есть не мало людей, убѣжденныхъ въ томъ, что китайцы ѣдятъ по преимуществу разныя гадости, въ родѣ собакъ, кошекъ, крысъ, мышей, червей, пауковъ и т. п. Для этихъ повѣрій и слуховъ, дошедшихъ въ разныя страны, были и есть свои основанія; но вслѣдствіе недостаточныхъ и неточныхъ свѣдѣній, нѣкоторыя частности, отдѣльные и даже исключительные случаи, превратились въ общіе выводы.

Итакъ, читатель, отправимся въ одну изъ пекинскихъ гостинницъ (дянь), отобѣдаемъ тамъ въ русской компаніи изъ десяти человѣкъ и многое узнаемъ объ интересующемъ насъ предметѣ. Обѣдъ заказанъ уже наканунѣ, и насъ ожидаетъ въ отелѣ отдѣльная комната, обращенная окнами во дворъ. На этомъ дворѣ, когда мы пришли, раздавался какой-то неистовый крикъ нѣсколькихъ голосовъ; хотѣлось бы выглянуть, узнать въ чемъ дѣло, но окна заклеены бумагой и, не продравъ ея, увидать ничего нельзя. Крикъ усиливается: тамъ должна происходить, думаю себѣ, горячая ссора, отъ которой недалеко до драки, а то и до ножей. Однако, вижу, всѣ совершенно покойны; никто изъ китайской прислуги и нашихъ окитаившихся земляковъ не обращаетъ на разгорающійся скандалъ ни малѣйшаго вниманія. Я же встревоженъ и спрашиваю объясненія. Оказывается, что кричащіе и, какъ я былъ убѣжденъ, доходящіе до бѣшенства, люди играютъ

самымъ благодушнымъ образомъ, за обѣдомъ, въ особую игру, называемую Хуа-Цюань!...

Пока еще не вся компанія собралась, я разскажу вамъ, въ чемъ она состоитъ. Эта игра похожа на итальянскую „морра“, какъ по своей сущности, такъ и потому, что предаются ей обыкновенно во время ѣды; состоитъ же она въ томъ, что двое играющихъ показываютъ въ одинъ и тотъ же моментъ каждый свою руку, на которой открываетъ то или другое число пальцевъ, отъ нуля, т.-е. сжатаго кулака, до пяти, т. е. всей открытой руки, и одновременно съ выставленіемъ рукъ они произносятъ то или другое число изъ десяти, т.-е. наибольшей суммы пальцевъ, могущихъ быть показанными обоими заразъ. Китайцы обыкновенно произносятъ не просто число, а какую-нибудь фразу, изящную, пріятную или остроумную или просто ту или другую поговорку. Напримѣръ, когда кто-нибудь хочетъ назвать число одинъ, онъ произноситъ фразу, въ которую входитъ слово одинъ или первый.

И-пинь-гао-шенъ! — желаю быть выше первой степени! Или:

И-пинь-данъ-чао! Буквально: одинъ, степень, служить, дворъ; значитъ желаю вамъ служить при дворѣ чиновникомъ первой степени.

На число четыре:

Сы-цзи-фа-цай! Четыре времени года богатѣть—подразумѣвается: желаю.

На число шесть:

Лю-лю-да-шунь! Шесть разъ шесть великая удача; т.-е. желаю вамъ полнѣйшей удачи.

На десять:

Цюань-лай-лё! Все пришло, т.-е. всѣ десять пальцевъ. Или Ши фынъ-хао! десять десятыхъ хороши, т.-е. все хорошо, подразумѣвается,—въ васъ и т. п.

Вотъ эти-то фразы и выкрикиваются во всю глотку, какъ говорится, и непремѣнно одновременно обоими играющими. Для этого они предварительно слаживаются, подготовляются, чтобъ крикнуть въ одинъ моментъ, словно разомъ выстрѣлить изъ двухъ пушекъ; и на нихъ въ это время невозможно смотрѣть безъ смѣха. Выкрикивая фразы, они смотрятъ другъ другу на руку, и какъ только кто-нибудь произнесетъ фразу, заключающую въ себѣ число, равняющееся суммѣ показанныхъ обоими пальцевъ, тотъ считается выигравшимъ; а проигравшій подвергается оригинальному штрафу, заключающемуся въ томъ, что онъ обязанъ выпить

чашечку вина!... Вотъ до чего Китай не похожъ на насъ: тамъ и вино пить заставляютъ за наказаніе; тамъ пьетъ вино тотъ, кто проигралъ. А потому, съ увѣренностью можно сказать, что у насъ эта игра не пойдетъ; если же привьется, такъ сразу отобьетъ страсть къ выигрышамъ. У китайцевъ же игра Хуа-Цюань составляетъ одну изъ обыкновенныхъ и наиболѣе распространенныхъ забавъ во всѣхъ классахъ, такъ что безъ нея рѣдко обходится обѣдъ или ужинъ, за которымъ сойдутся пріятели.

Но, всѣ собрались, и слуги, стоящіе въ комнатѣ, въ числѣ нѣсколькихъ человѣкъ, спрашиваютъ въ какомъ порядкѣ подавать кушанья, въ китайскомъ или европейскомъ. Съ общаго согласія отдали второе распоряженіе, потому что непріятно начинать обѣдъ чаемъ и сладостями и кончать кислыми, горькими или безвкусными вещами въ родѣ просто варенаго риса, какъ это дѣлаютъ китайцы.

Вскорѣ на столъ были поставлены первыя кушанья въ родѣ нашихъ закусокъ въ числѣ девяти сортовъ, каждаго сорта по два блюдечка. Тутъ были:

Маринованные огурцы, нарѣзанные ломтиками.

Какая-то прокисшая масса,—Цзянь-доу-фу, приготовленная изъ гороха или бобовъ съ разными приправами. Она имѣетъ видъ мази коричневаго цвѣта; вкусъ ея кисло-соленый, острый, напоминающій отчасти нѣкоторые старые сыры. Намазанная въ небольшомъ количествѣ на хлѣбъ, она довольна вкусна и многимъ европейцамъ очень нравится.

Пикули, очень разнообразные, приготовляемые изъ многихъ корней и зеренъ; также довольно вкусные.

Ветчина, нарѣзанная тоненькими ломтиками.

Кушанье, названіе котораго въ буквальномъ переводѣ съ китайскаго значитъ „утиныя пятки“ или „утиныя подошвы“. Это мягкія части утиныхъ лапокъ, отдѣленныя отъ кожи; онѣ подаются вареными и потомъ остуженными.

Смѣсь изъ мяса съ уксусомъ и кайенскимъ перцемъ, страшно жгущая горло.

Маринованный чеснокъ, который китайцы ѣдятъ, какъ у насъ рѣдиску, только въ меньшемъ количествѣ.

Нарѣзанныя длинными, тонкими ломтиками рѣдька и сердцевина кочаныхъ стеблей (кочарыжки).

Соленыя утиныя яйца, приготовленныя особеннымъ образомъ. Ихъ варятъ, просаливаютъ и потомъ, обмазавъ известью, кладутъ

на два года въ землю. Они получаютъ темнобурый цвѣтъ, сильно пахнутъ амміакомъ и по моему противны, но китайцамъ очень нравятся, чему впрочемъ не имѣютъ права удивляться охотники до извѣстныхъ сыровъ и начавшей разлагаться дичи.

Это были закуски. Теперь начинается собственно обѣдъ. Перваль смѣна блюдъ, которыя поданы въ чашкахъ, формою и величиною, какъ наши полоскательныя въ чайномъ приборѣ.

Супъ изъ ласточкиныхъ гнѣздъ. Онъ приправленъ черными древеснымп грибами и тонко, почти нитями, нарѣзанной яичницей. Къ нему, кромѣ того, подали вареныя голубиныя яица. Это очень тонкій супъ, немного напоминающій нѣжный бульонъ, съ весьма слабымъ запахомъ морской воды или нѣкоторыхъ морскихъ водорослей.

Такъ какъ во время обѣда бесѣды позволительны, то я отвлекусь отъ супа и скажу нѣсколько словъ о всѣмъ извѣстныхъ по названію ласточкиныхъ гнѣздахъ. Это оригинальное кушанье (по китайски Янъ-уо́, что значитъ заморское гнѣздо) представляетъ дѣйствительно гнѣзда особаго вида ласточки [1]), которая водится на островахъ Остъ-Индскаго архипелага и Японіи и прикрѣпляетъ свои гнѣзда къ неприступнымъ скаламъ. Они имѣютъ форму приблизительно половины полушарія, или четверти шара, длиною около двухъ вершковъ и около вершка ширины, а вещество, изъ котораго они состоятъ, похоже на полупрозрачную, какъ бы волокнистую, плохо очищенную желатину, сухую и хрупкую; размоченное или разваренное, оно сильно разбухаетъ, дѣлается болѣе прозрачнымъ и распадается на ленточки, въ родѣ вермишели или сильно разваренной визиги. Это-то вещество и составляетъ самое дорогое кушанье богатыхъ людей въ Китаѣ. По ихъ мнѣнію оно весьма здорово и драгоцѣнно тѣмъ, что будто бы очень долго сохраняетъ силы молодости.

Относительно же того, что̀ такое представляетъ вещество, изъ котораго эта ласточка дѣлаетъ свое гнѣздо, ученые до сихъ поръ расходятся между собою: нѣкоторые считали его за одинъ изъ морскихъ водорослей [2]), выбрасываемый прибоемъ на скалы, гдѣ ласточки и собираютъ его для изготовленія своихъ гнѣздъ; теперь же считается доказаннымъ, что вещество, служащее для

---

[1]) Collocalia esculenta, fucifaba.

[2]) Fucus bursa, sphaerococcus cartilagineus и др.

постройки гнѣзда, есть продуктъ выдѣленія подъязычной слюнной железы самой ласточки.

Такъ какъ ласточкины гнѣзда привозятся въ Китай и такъ какъ добываніе ихъ сопряжено съ большими трудностями, главное же потому что они считаются китайцами за весьма здоровое кушанье, цѣнность ихъ очень высока [1]); они составляютъ предметъ роскоши, доступной только людямъ богатымъ, да и тѣ ѣдятъ ихъ не каждый день. Но на парадныхъ или сколько-нибудь торжественныхъ обѣдахъ гнѣзда подаются непремѣнно и, подобно тому, какъ у насъ безъ нѣкоторыхъ рѣдкихъ вещей, такъ у китайцевъ безъ супа изъ ласточкиныхъ гнѣздъ самый хорошій обѣдъ будетъ плохъ...

Однако подано второе блюдо, также супъ, но такого сложнаго состава, что пришлось спросить, изъ чего онъ приготовленъ. Онъ очень вкусенъ, и если вамъ, читатель, доведется испробовать его когда нибудь, вы, надѣюсь, не скажете, что у меня плохой вкусъ. Въ его составъ входятъ разваренные плавники акулы, свинина, трепанги, ветчина, осетровый плавательный пузырь и разныя приправы. Съ акулой, конечно, всѣ знакомы, но можетъ быть не всѣмъ извѣстно, что Китай съѣдаетъ огромное количество плавниковъ и заостренныхъ носовъ этого морскаго людоѣда. Ея плавники, будучи разварены, распадаются на волокна, по составу напоминающія вязигу; они легко переносятся желудкомъ и довольно питательны, но вкуса, безъ приправъ, неопредѣленнаго. Въ супѣ они также имѣютъ видъ полупрозрачной вермишели, которую китайцы очень искусно таскаютъ своими палочками, и ужъ не это ли подало поводъ къ смѣшному слуху, будто они даже супъ палочками ѣдятъ. Это, понятно, шутка; у нихъ есть для этого ложки фарфоровыя и металлическія, хотя первыя совсѣмъ оригинальныя, напоминающія отчасти совочки, какіе употребляются въ лавкахъ, только маленькія и съ поднятой къ верху ручкой; а вторыя очень похожи на старинныя русскія.

Вѣроятно, читателю извѣстенъ и трепангъ [2]) (по-китайски

---

[1]) Въ приморскихъ и пограничныхъ съ ними областяхъ Китая ласточкины гнѣзда стоятъ въ одной цѣнѣ съ серебромъ, т.-е. за фунтъ гнѣздъ платятъ фунтъ серебра,—а изъ фунта ихъ можно приготовить приблизительно двадцать пять, тридцать порцій супу; въ мѣстахъ же, наиболѣе удаленныхъ отъ моря, стоимость ихъ, возрастая постепенно, увеличивается даже въ четыре раза, т.-е. до ста рублей за одинъ фунтъ.

[2]) Holothuria edulis.

Хай-шень), принадлежащій къ извѣстнымъ морскимъ животнымъ (голотуріямъ, или морскимъ кубышкамъ, или брызгалкамъ). Такъ какъ они съ виду похожи на большихъ толстыхъ піявокъ, то, можетъ быть, они подали поводъ къ мнѣнію, что китайцы ѣдятъ какихъ-то червей, что̀, впрочемъ, также не было бы преступленіемъ, если бы они ѣли ихъ даже живыми,—вѣдь ѣдимъ же мы живыхъ устрицъ... Трепанги живутъ въ моряхъ между полипняками, у береговъ Австраліи, Цейлона, Каролинскихъ, Молукскихъ и другихъ острововъ, а также у насъ, въ Приморской Области Восточной Сибири, на что̀ указываетъ и китайское названіе Владивостока—Хай-шень-вэй, т.-е. „Трепанговый округъ“. Ихъ ловятъ длиннѣйшими палками изъ нѣсколькихъ связанныхъ бамбучинъ съ крючкомъ на концѣ, и ежегодно вылавливаютъ огромное количество; прокопченые и высушенные, они служатъ предметомъ милліонной торговли.

Въ высушенномъ видѣ они такъ тверды, что при постукиваніи ими объ столъ напримѣръ они издаютъ звукъ подобно камню или дереву; поэтому для приготовленія въ пищу ихъ предварительно размачиваютъ въ водѣ, въ продолженіе, какъ мнѣ говорили, трехъ, четырехъ дней и потомъ уже варятъ. Видъ вареныхъ и нарѣзанныхъ трепанговъ, какъ ихъ обыкновенно подаютъ въ какомъ-нибудь супѣ или соусѣ, всего болѣе напоминаетъ резинку, употребляемую для стиранія карандаша, и именно тотъ сортъ ея, который представляетъ не равномѣрную окраску чернаго цвѣта, а съ постепеннымъ переходомъ въ бурый. Они почти не имѣютъ вкуса, упруги и потому трудно разжевываются, за то легко проглатываются безъ этой процедуры и легко переносятся желудкомъ. Хорошаго въ нихъ самихъ ничего нѣтъ; да и не за вкусъ цѣнятъ ихъ китайцы, а опять за то, что, по ихъ мнѣнію, кто ѣстъ Хай-шень, тотъ будетъ жить до глубокой старости и всегда будетъ молодцомъ во всѣхъ отношеніяхъ.

Замѣчу мимоходомъ, что эти свойства тамъ приписываются многимъ предметамъ, употребляемымъ въ пищу или какъ лекарства: вотъ за такія-то воображаемыя свойства цѣнятся, какъ сказано, и ласточкины гнѣзда, и знаменитый жень-шень, рога изюбрей и еще многое многое, другое. Я бы охотно посмѣялся надъ китайцами за ихъ наивное простодушіе, если бы не долженъ былъ краснѣть за тѣ невинныя заблужденія своихъ соотечественниковъ, находящихъ свои „ласточкины гнѣзда“ въ гомеопатіи и еще болѣе непозволительной „электрогомеопатіи“ какого-то итальянут. по китаю, т. I. 14

лнскаго „ученаго“, не разъ осмѣяннаго печатно, а все-таки пользующагося довѣріемъ. Итакъ, оставимъ будущимъ, вѣроятно, еще очень отдаленнымъ вѣкамъ просвѣщать человѣчество, а обратимся лучше къ третьему блюду и безъ того продолжительнаго китайскаго обѣда, который я еще затягиваю своей болтовней. Теперь, впрочемъ, онъ пойдетъ скорѣе.

Подали утку съ такъ-называемымъ императорскимъ рисомъ, приправленнымъ каштанами и ломтиками трепанговъ и ветчины, и при видѣ ея нельзя не замѣтить превосходныхъ качествъ китайскихъ утокъ,—ихъ необыкновенной величины и богатства жира. Нельзя не упомянуть также, какъ оригинально подано кушанье: вся кожа съ утки, бѣлая, нѣжная и жирная, снята цѣликомъ, и ею прикрыто все, что находится внутри чашки, т.-е. все снятое съ костей и изрѣзанное мясо съ упомянутыми прибавленіями.

Жирную утку смѣнила не менѣе жирная и превосходная карпія подъ сладкимъ соусомъ, имѣвшимъ запахъ меда.

Пятая смѣна: одновременно поданы три чашки; въ одной вязига съ ветчиной, въ другой—стружки сушеной рыбы съ грибами, и въ третьей—также рыба, нарѣзанная шарообразными кусочками, но какая именно, я не могъ узнать. Все на вкусъ не дурно.

Блюдо шестое: вареная свинина съ какими-то грибами, которыхъ у насъ не ѣдятъ и въ общежитіи называютъ поганками [1]).

Седьмое блюдо,—курица, разваренная до такой степени, что мясо ея разсыпается на самыя тончайшія нити, тѣмъ не менѣе никакія питательныя и вкусовыя частицы его не пропали: всѣ сохранены тутъ же въ этой чашкѣ, гдѣ курица и варилась на особомъ аппаратѣ, о которомъ теперь не стану разсказывать, но не потому, чтобы теперь намъ некогда было побесѣдовать, нѣтъ, времени за обѣдомъ еще будетъ довольно.... Изволите видѣть,—вотъ длиннокосые слуги въ бѣлыхъ халатахъ опять несутъ и ставятъ на столъ четыре новыхъ кушанья. Будемъ разсматривать и все пробовать, непремѣнно все, хотя ужъ я сытъ давно, какъ ни старался беречь мѣсто для „городничаго“. А явился дѣйствительно „городничій“ въ образѣ жареныхъ крабовъ... Въ жизни

[1]) Въ привезенной мною китайской этнографической коллекціи находится много всевозможныхъ китайскихъ пищевыхъ веществъ, какія только могъ найти въ консервованномъ видѣ.

моей не ѣлъ я ничего болѣе вкуснаго, и таковы отзывы о нихъ всѣхъ, кому довелось познакомиться съ ними. Но сопровождавшія крабовъ блюда, какъ корни растенія Цзяо-бай подъ неопредѣленнымъ соусомъ, креветки подъ соусомъ изъ корней Би-Цзи (Scirpus) и знакомые читателю плавники акулы только въ иномъ видѣ, не представляли ничего особенно интереснаго, ни вкуснаго, какъ и слѣдующая перемѣна, состоявшая также изъ четырехъ блюдъ, о которыхъ я только упомяну. А именно: поджаренный рыбій пузырь, въ видѣ рыхлой пузыристой массы, безъ опредѣленнаго собственнаго вкуса; вареная капуста съ каштанами; вареная баранина и свиныя ножки съ ветчиной и трепангами...

Ну, слава Богу, думаетъ читатель,—теперь все; но онъ ошибается: на мѣсто убранныхъ четырехъ кушаній является новыхъ шесть, и видно, какъ ни поворачивай китайскаго обѣда, онъ все европейскимъ не будетъ. Слѣдующихъ блюдъ вы навѣрно никакъ не ожидали, какъ и я, сидя въ то время за этимъ столомъ. Въ самомъ дѣлѣ, кому придетъ въ голову, что послѣ столькихъ мясъ, суповъ, рыбъ, соусовъ и раковъ, вамъ предложатъ наслаждаться булками изъ противнаго прѣснаго тѣста, котораго и съ голоду-то не съѣшь много. Это особаго рода прѣсные хлѣбцы, вареные въ пару, совершенно безвкусные, даже безъ соли; за то ихъ можно очистить, какъ персикъ, содравъ съ нихъ мягкую корочку! Плохо идутъ въ горло и пирожки изъ прѣснаго тѣста съ какой-то сладкой начинкой коричневаго цвѣта, смѣшанной съ очищенными арбузными зернышками, до которыхъ китайцы большіе охотники и нерѣдко носятъ ихъ въ карманахъ, какъ у насъ орѣхи или подсолнухи. Еще не дурны на вкусъ и чрезвычайно изящны на видъ пирожки изъ рисоваго полупрозрачнаго тѣста съ мелкоизрубленными грецкими орѣхами, сообщающими имъ самый нѣжный запахъ жасмина. Четвертый сортъ пирожковъ приготовленъ изъ рыхлаго желтаго тѣста съ запахомъ шафрана. Пятый сортъ,—читатель, приготовьтесь къ изумленію,—пирожки съ чеснокомъ и какою-то зеленью. Я честно исполнилъ обязанность путешественника, съѣлъ и проглотилъ и пирожокъ съ чеснокомъ, послѣ котораго выпилъ глотокъ шестаго кушанья изъ четвертой категоріи, представлявшаго нѣчто въ родѣ молока или жидкаго киселя, сдѣланнаго изъ абрикосовыхъ зеренъ, сладкаго вкуса и поданнаго горячимъ.

Теперь обѣдъ кончился и за нимъ слѣдовалъ десертъ. Онъ состоялъ изъ Би-Цзи, т.-е. очищенныхъ корней одного болотнаго

растенія (Scirpus tuberosus), называемаго земляными или водяными каштанами. Сочные, холодные, безвкусные и даже непріятные, они по-моему вовсе не напоминаютъ каштановъ. Когда ихъ жуешь, они не раздѣляются зубами, а только сдавливаются въ тонкую плотную массу, лишенную сока, который выжимается, какъ вода изъ губки. Китайцы приписываютъ имъ свойство возбуждать аппетитъ, или буквально, „осаживать пищу внизъ“, и давать возможность пропустить въ себя еще нѣсколько разныхъ кушаній;—если правда, драгоцѣнное качество для людей, живущихъ для того, чтобъ ѣсть. Другіе фрукты были—яблоки, груши и виноградъ. Потомъ подавались жареные грецкіе орѣхи, обсыпанные сахарнымъ пескомъ; пастила изъ мороженыхъ яблокъ и поджаренныя зернышки абрикосовъ, и тотчасъ послѣ обѣда подали желтый чай, называемый Сянь-Пянь. Этимъ чаемъ собственно должно было бы начать обѣдъ, если бы мы не извратили китайскаго обычая. Я еще забылъ упомянуть про китайскую водку и вино, приготовляемое изъ риса и называемое Шао - Синъ, по имени города Шао-Синъ-Фу, гдѣ оно производится по преимуществу.

Итакъ, за обѣдомъ было тридцать семь различныхъ кушаній, большихъ и малыхъ; но этотъ обѣдъ, какъ приготовленный по заказу, далеко не представляетъ, какъ говорили мнѣ, полнаго типа китайскихъ обѣдовъ, еще болѣе продолжительныхъ и обильныхъ просто неимовѣрнымъ разнообразіемъ блюдъ. Намъ еще представится случай познакомиться съ ними; а теперь отправимся въ одинъ изъ столичныхъ театровъ. Въ нихъ представленіе, какъ въ нашихъ балаганахъ на масляницѣ, происходитъ цѣлый день, слѣдовательно туда можно отправляться когда угодно.

Войдя съ улицы въ дверь, ведущую въ зданіе театра, мы прошли черезъ три грязныхъ двора, на которыхъ сидѣли продавцы многихъ готовыхъ кушаній, лакомствъ и фруктовъ. Вотъ дверь въ театръ и за нею лѣстница, ведущая на хоры, гдѣ мы предпочли занять мѣста, чтобы быть болѣе уединенными и менѣе обращать на себя вниманіе туземной публики. Вслѣдствіе легкости деревянной постройки всего театра, намъ, когда мы всходили на лѣстницу, были ясно слышны шумъ, стукъ и говоръ отдѣльныхъ голосовъ, словно мы приближались къ толкучкѣ; но въ то же время раздавались и голоса актеровъ, что доказывало, что тогда не было антракта, какъ можно было думать по шумному поведенію публики.

Представленіе дѣйствительно шло, и вотъ мы у эстрады хоръ, садимся на узенькія передвижныя деревянныя скамьи, какія у насъ можно встрѣтить лишь въ бѣдныхъ мастерскихъ сапожниковъ и столяровъ или въ харчевняхъ. Намъ сейчасъ же подали, безъ нашей просьбы, чашки съ горячимъ чаемъ; а бывшій съ нами слуга-китаецъ принесъ разныхъ сортовъ орѣховъ, и мы принялись истреблять ихъ, щелкая такъ же просто и откровенно, какъ и туземная публика. Вся большая зала открыта передъ нами, и видъ ея легкихъ стѣнъ, покосившихся перилъ и тонкихъ колоннъ, поддерживающихъ хоры, наполненные народомъ, внушалъ мнѣ серьезныя опасенія; но китайцы объ этомъ не думали. Вся обстановка бѣдна и грязна; сцена, на которой помѣщается и оркестръ, представляетъ только выступъ въ родѣ бесѣдки, а не часть залы во всю ея ширину; на нее открываются двѣ двери, ведущія за кулисы; черезъ правую актеры выходятъ на сцену, черезъ лѣвую уходятъ обратно. Сцена вовсе не имѣетъ глубины, и остается открытою со всѣхъ трехъ сторонъ, какъ терраса; декорацій и занавѣса не существуетъ, слѣдовательно она всегда одна и та же и постоянно открыта передъ глазами зрителей. Перемѣняются только костюмы,—для чего актеры уходятъ за кулисы,—и разные находящіеся на сценѣ предметы, напримѣръ, столы, стулья, троны и т. п., и перемѣна послѣднихъ совершается открыто, тутъ же, передъ глазами снисходительной публики. Но если не взыскательны зрители, то во сколько разъ менѣе взыскательны бѣдные актеры, возбуждающіе къ себѣ невольное состраданіе. Какія страшныя усилія должны употреблять они надъ своими легкими и гортанями, чтобъ заглушить безцеремонный говоръ, шумъ и смѣхъ сотенъ человѣкъ, которые во все время представленія ѣдятъ, пьютъ чай, курятъ, болтаютъ, иногда даже ссорятся, а то и дерутся между собою. Публика, повидимому, не особенно интересуется тѣмъ, что происходитъ на сценѣ; и даже самое устройство партера таково, что зрители сидятъ не прямо лицомъ къ сценѣ, а бокомъ, т.-е ряды мѣстъ расположены не поперекъ, а вдоль залы!.. Подумаешь, китайцы нарочно все дѣлали такъ, чтобъ не походить на другихъ людей... Вѣроятно, они разсуждали такъ: кто хочетъ смотрѣть на сцену, тотъ повернетъ голову или все туловище, а нежелающаго видъ ея нисколько не будетъ безпокоить.

Я, говорю, былъ пораженъ малымъ вниманіемъ людей, собравшихся въ театръ, чтобъ смотрѣть на представленіе и почти не

поворачивавшихъ головы къ сценѣ, а все время безъ умолку болтавшихъ между собою. По всему должно думать, что театръ у нихъ скорѣе клубъ, а представленіе — нѣчто въ родѣ оркестра музыки; впрочемъ были люди, видно слѣдившіе за игрой. Но какъ только въ публикѣ было замѣчено появленіе на хорахъ нѣсколькихъ иностранцевъ, т.-е. насъ, сцена была уже окончательно забыта и все вниманіе обратилось къ намъ; даже актеры, во время исполненія своихъ ролей, чаще всего посматривали въ нашу сторону.

Костюмы, въ какихъ они являлись на сценѣ, совсѣмъ не похожи на существующіе въ настоящее время въ Китаѣ, а соотвѣтствуютъ, какъ мнѣ объяснили, древней эпохѣ, особенно женскіе. Они отличаются своею длинною, такъ что волочатся по полу, и длиннѣйшими рукавами иногда ниже колѣнъ. Лица мужчинъ бо́льшею частью до того разрисованы красками, что теряютъ часто сходство съ человѣческой физіономіей.

Содержаніе разыгрываемой пьесы состояло въ томъ, что одинъ мандаринъ объявляетъ своей дочери о желаніи императора избрать ее въ число своихъ наложницъ, на что́ дѣвушка ни за что не соглашается; отецъ уговариваетъ, настаиваетъ и ожидаетъ назначеннаго визита императора, приходя въ отчаяніе отъ этого сопротивленія своей дочери, которая въ еще бо́льшемъ отчаяніи, не зная, какъ ей избавиться отъ предлагаемой чести. На помощь является ея преданная служанка и совѣтуетъ своей молодой госпожѣ притвориться сумашедшей, и та съ радостью ухватывается за эту мысль. Является императоръ; ему представляютъ дѣвушку; но она разыгрываетъ роль безумной, и огорченный императоръ удаляется. Содержаніе, какъ видите, не сложно и мало занимательно; тѣмъ труднѣе, слѣдовательно, задача актеровъ и они, по-моему, выполнили ее очень хорошо. Въ пьесѣ было довольно много живо сыгранныхъ моментовъ, и я слѣдилъ за игрою даже съ удовольствіемъ.

Всѣ женскія роли въ Китаѣ всегда исполняются мужчинами, потому что женщина не является на сценѣ иначе, какъ въ качествѣ пѣвицы или музыкантши; и роль благородной дѣвушки была исполнена, можно сказать, превосходно, съ чувствомъ и вся прошла ровно; заподозрить въ женской роли мужчину не было никакой возможности. Жаль, что и этотъ актеръ, подобно остальнымъ, говорилъ, какъ того требуютъ условные законы искусства, не обыкновеннымъ своимъ голосомъ, а визжалъ какимъ-то

тяжелымъ, напряженнымъ фальцетто, часто заставлявшимъ опасаться за его гортань. Его хорошая игра выкупала также и всѣ его движенія, которыя были—тоже на основаніи требованій искусства — несоотвѣтственны роли, представляя какія-то условныя безобразныя кривлянья: взмахиванія длиннѣйшими рукавами, особенная манерная походка, плавные повороты полукругами, дѣлаемые ни съ того, ни съ сего,—все это производитъ впечатлѣніе такого балагана, на которомъ все представляется въ каррикатурѣ, какъ бы съ единственною цѣлью насмѣшить зрителей. Судите же, насколько все это идетъ къ драмѣ. Тѣмъ не менѣе, говорю, актеръ въ женской роли, минутами былъ очень не дуренъ, напримѣръ, когда изображалъ горе, отчаяніе и борьбу дѣвушки съ упорствовавшимъ, но любимымъ ею отцомъ.

Музыка, убійственная, невообразимая, лишенная всякой гармоніи, и даже кажется мотива, наполняетъ залу отчаянными звуками, иногда заглушая голоса актеровъ; по временамъ она прекращается или играетъ то тише, то съ удвоеннымъ усердіемъ, доходящимъ до степени ожесточенія, смотря по ходу пьесы... Вообще о китайскомъ театрѣ должно сказать, что насколько нашъ театръ вводитъ или по крайней мѣрѣ стремится ввести зрителей въ жизнь настоящую, старается обмануть ихъ, настолько китайскій отрываетъ зрителей отъ дѣйствительности, отъ правды жизни, и представляетъ какую-то смѣсь настоящаго съ каррикатурнымъ: такъ какъ декорацій нѣтъ, то требуемая извѣстною сценой обстановка просто предполагается; напримѣръ, актеръ дѣлаетъ видъ, что садится на лошадь, и потомъ уходитъ со сцены особенной походкой съ разставленными ногами, и зрители должны думать, что онъ не ушелъ, а уѣхалъ верхомъ. Такъ почти и все.

Пробывъ въ театрѣ до окончанія первой пьесы, мы ушли и вернулись домой, гдѣ занялись сборами въ дорогу.

Итакъ, экспедиція уѣзжаетъ наконецъ; члены экспедиціи ѣдутъ моремъ, а случайно присоединившіеся къ ней, такъ-называемые переводчики — сухимъ путемъ съ цѣлью научнаго изслѣдованія его!.. Получивъ отъ Сосновскаго весьма сложную инструкцію — узнать, изучить, собрать и проч., а также 240 р. денегъ на двоихъ на всю дорогу (!), Андреевскій и Сюй отправились въ Фань-Чэнъ, до котораго отсюда около 2000 верстъ, и въ который приблизительно черезъ мѣсяцъ должны были пріѣхать и мы.

На другой день былъ прощальный обѣдъ у посланника, а

утромъ, того же 9-го октября, мы отправили впередъ нашъ багажъ до ближайшаго города Тунъ-Чжоу; сами же пошли въ церковь, гдѣ о. Палладій долженъ былъ отслужить для насъ напутственный молебенъ. Сюда собрались всѣ русскіе люди, чтобъ помолиться вмѣстѣ и проводить насъ. На клиросѣ стояли и пѣли также русскіе люди, хотя и переродившіеся совсѣмъ въ китайцевъ по внѣшнему виду и по языку. Мнѣ всегда странно было видѣть на клиросѣ въ нашей церкви людей въ китайскихъ костюмахъ съ бритыми головами и косами. Эти люди—потомки жителей города Албазина, взятыхъ китайцами въ плѣнъ и отведенныхъ въ Пекинъ, что̀ было лѣтъ 200 слишкомъ назадъ; и теперь они не сохранили отъ своихъ предковъ ничего, кромѣ своей вѣры да иконы Св. Николая Чудотворца, которую они тогда принесли съ собою въ Пекинъ и которая находится теперь въ нашей церкви на Сѣверномъ Подворьѣ.

Слушая о. Палладія, читавшаго напутственныя молитвы и произносившаго наши имена, я невольно подумалъ,—кто знаетъ, можетъ быть въ послѣдній разъ въ жизни приходится мнѣ молиться въ русской церкви, ибо такой не встрѣтится теперь до самаго нашего возвращенія на родину... Какъ врачъ, я зналъ лучше другихъ, какъ близка смерть къ человѣку всегда, а въ подобныхъ путешествіяхъ въ особенности.

Послѣ завтрака у посланника, послѣ прощаній, рѣчей и добрыхъ пожеланій намъ, мы выѣхали со двора Русскаго посольства, и мнѣ показалось, что только теперь мы очутились за границей.

Проѣхали городскія улицы, миновали ворота и, бросивъ взглядъ назадъ, на величественныя стѣны столицы, простились съ нею,—конечно, думалось мнѣ, на всю жизнь,—и эта мысль съ воспоминаніемъ о покинутыхъ добрыхъ соотечественникахъ, такъ радушно принимавшихъ насъ, и къ которымъ мы успѣли привыкнуть, производили, понятное читателю, грустное настроеніе духа. Вскорѣ миновали южныя предмѣстья Пекина, и за ними потянулись поля,—но не наши пустынныя и безмолвныя нивы, въ которыхъ только вѣтеръ шумитъ колосьями да раздаются голоса птицъ, а оживленныя безпрестанно встрѣчавшимися людьми, деревнями, хуторами и харчевнями, отдѣльно стоящими у дороги и предлагающими путнику пищу и питье чуть не на каждой четверти версты. Люди идутъ пѣшкомъ или ѣдутъ на ослахъ и мулахъ; они одѣты уже въ теплыя платья,—имъ уже холодно, а

намъ еще жарко; идутъ торопливо разносчики, несущіе зелень или садки съ живой рыбой; везутся тачки, на которыхъ наложены огромные возы разныхъ ящиковъ, посуды, сундуковъ, и весь этотъ на видъ огромный возъ везетъ передъ собою одинъ человѣкъ при помощи рукъ, да перекинутой черезъ шею и плечи лямки.

Если бы у дороги не было зелени, если бы по бокамъ ея не стояли стѣнами хлѣба, можно бы было подумать, по степени оживленія, что мы еще въ городѣ. Намъ часто встрѣчались мосты, большіе или маленькіе, но всѣ каменные, прочно устроенные надъ рѣчками, арыками [1]) и рвами; дальше мы переѣхали прекрасную дорогу, сдѣланную изъ большихъ каменныхъ плитъ, и историческій мостъ Па-Ли-Цяо или Па-ли-Као, какъ произносятъ французы, и не замѣтили какъ проѣхали разстояніе верстъ въ двадцать-пять, считающееся до Тунъ-Чжоу.

Вотъ и стѣна этого города, мѣстами разрушающаяся; вотъ городскія ворота и возлѣ нихъ кумирни, также покривившіяся отъ старости, узкія улицы съ низенькими домами, съ лавками и харчевнями; вездѣ много людей всякаго возраста отъ дѣтей до стариковъ: одни заняты дѣломъ; другіе, кажется, просто гуляютъ по улицамъ съ цвѣтами въ рукахъ, а нѣкоторые, по преимуществу люди преклоннаго возраста, носятъ на палочкахъ привязанныхъ къ нимъ ниткой ручныхъ птичекъ. Какое невинное удовольствіе, особенно для стариковъ, и не есть ли оно доказательство извѣстной нѣжности натуры китайца вообще. Современный человѣкъ посмѣется надъ этимъ, а мнѣ понравилось...

Миновавъ нѣсколько улицъ, мы выѣхали на набережную рѣки Бэй-Хо, при которой расположенъ городъ, и увидали передъ собою первую судоходную рѣку въ Китаѣ и первую пристань. Множество лодокъ разныхъ величинъ и вида съ цѣлымъ лѣсомъ высокихъ мачтъ загромоздили нешірокую рѣку почти во всю ея ширину: однѣ берутъ пассажировъ; другія нагружаютъ ихъ багажъ или товары; третьи разгружаются; одни уходятъ, другіе пришли и вереницами пробираются къ берегу на освободившіяся мѣста,—и все это совершается въ замѣчательномъ порядкѣ, хотя никакихъ спеціальныхъ блюстителей послѣдняго нѣтъ. Понятно, что при такой массѣ судовъ, каждой лодкѣ, пришедшей въ Тунъ-Чжоу, приходится иногда очень долго ждать очереди; но никто

[1]) Канавы съ бѣгущей по нимъ водою, назначенныя для орошенія полей.

не торопится, не понукаетъ другъ друга и изъ-за очереди не ссорятся, можетъ быть потому, что нѣтъ особенной надобности спѣшить, такъ какъ китайцы на своихъ лодкахъ—дома: на нихъ имѣется все необходимое въ хозяйствѣ, печка, посуда, съѣстные припасы и т. п., грузы же и пассажиры безъ нихъ не уйдутъ... А издали все подходятъ новыя и новыя лодки и барки, по виду похожія на наши, и ихъ такъ же, какъ наши, тянутъ бичевой, такъ же при помощи лямки, только эта послѣдняя дѣлается у китайцевъ иначе и на первый разъ поражаетъ кажущеюся непрактичностью, а именно: вмѣсто мягкой петли нашихъ бурлаковъ, они дѣлаютъ ее изъ дощечки, къ концамъ которой привязываютъ двѣ веревки, сходящіяся у бичевы и образующія треугольникъ; его-то и надѣваютъ на себя, кладя дощечкой на грудь. Но выгода этого способа заключается въ томъ, что при немъ грудь не сдавливается и дыханіе не стѣсняется, какъ при мягкой обхватывающей петлѣ. Умно и заслуживаетъ подраженія.

Лодки, нанятыя для насъ отправленными впередъ переводчикомъ Ѳедоромъ и однимъ изъ казаковъ, должны были находиться здѣсь; но въ такой массѣ ихъ было чрезвычайно трудно найти; за то не трудно европейцу увидать себѣ подобнаго, какъ бы ни была густа толпа китайцевъ: видъ европейца посреди ея, можно сказать, поражаетъ глазъ и на немъ тотчасъ безсознательно останавливается вниманіе. Такъ, когда мы шли вдоль берега, я совершенно неожиданно увидалъ издали стоявшаго на одной изъ отплывавшихъ лодокъ человѣка въ европейскомъ костюмѣ и не узналъ его. Смотрю,—раскланивается со мною. Это былъ мистеръ Дедженъ, докторъ англійской духовной миссіи, одинъ изъ моихъ пекинскихъ знакомыхъ. Догадавшись, что мы ищемъ своихъ людей и наши лодки, онъ крикнулъ мнѣ, что они стоятъ гораздо выше этого мѣста. А не сообщи онъ этого, мы бы еще долго проискали своихъ спутниковъ.

Наступилъ уже вечеръ; въ воздухѣ стало свѣжо; небо хмурилось, и этотъ новый городъ, все чужой народъ, эта дѣловая суматоха тысячъ человѣкъ, производили на меня подавляющее впечатлѣніе; чувствовалось, что мы на чужой сторонѣ и никому до насъ нѣтъ никакого дѣла; а это значило, что мы отвыкли отъ путешествія и обсидѣлись въ Пекинѣ, на покоѣ. Надо опять привыкать къ походной жизни.

Отыскавъ своихъ посланныхъ, мы отправились въ гостинницу, чтобъ поужинать и потомъ перебраться на лодки. Гостинница

находится на набережной, въ домѣ, принадлежащемъ, какъ мы узнали къ нашему удовольствію, русскому купцу, А. Д. Старцову. Здѣсь помѣщаются склады отправляемаго этимъ путемъ чая. Домъ по устройству совершенно китайскій, но въ комнатахъ есть много европейскихъ вещей, какъ-то: зеркала, картины, лампы и проч. Прислуга вся китайская и по-русски не говоритъ ничего, кромѣ „самоваръ“, который скоро и явился у насъ на столѣ вмѣстѣ съ русскими чайникомъ, чашками, блюдечками и стаканами.

Тѣмъ временемъ велѣно было приготовить что-нибудь закусить, и черезъ полчаса намъ подали цѣлый ужинъ въ шесть блюдъ на семь человѣкъ; но ѣсть почти никто не хотѣлъ, и кушанья взяли съ собою въ дорогу. Спрашиваемъ, что̀ слѣдуетъ заплатить за все? Китайцы не назначаютъ цѣны, говоря, что съ европейцевъ они никогда не спрашиваютъ опредѣленной платы, а довольствуются тѣмъ, что̀ они дадутъ,—обычай, безъ сомнѣнія, основанный на томъ, что европейцы платятъ за все дороже, чѣмъ ожидаютъ китайцы. Но Сосновскій настоялъ на томъ, чтобъ ему была назначена плата, и съ насъ спросили за все два доллара (около трехъ серебряныхъ рублей). Пекинскія бумажки [1]), которыхъ у насъ осталось немного, здѣсь уже не принимаются; долларовъ у насъ не было, такъ какъ ихъ въ Пекинѣ почти нѣтъ, а серебряной или золотой монеты въ Китаѣ, какъ извѣстно, не существуетъ; поэтому пришлось достать одинъ изъ слитковъ серебра и отбить кусокъ цѣнностью приблизительно въ три рубля; потомъ надо было взвѣшивать его и добавлять маленькими кусочками, которые такъ же надо было отбивать молоткомъ и ножомъ... Это было первое знакомство съ расплатой серебромъ по-китайски... Да, при этой удобной денежной системѣ, пожалуй, легче приготовить самый ужинъ, чѣмъ получить за него деньги.

Окончивъ счеты, мы уже въ потьмахъ перешли на наши лодки, которыхъ было три; каждая имѣла каюту такой величины, что въ ней можно было свободно сидѣть, не сгибаясь, и лежать на устроенныхъ нарахъ; на нихъ казаками уже были приготовлены наши постели, а подъ нарами уложены чемоданы. Все было готово; мы размѣстились по лодкамъ,—я, разумѣется съ Матусовскимъ,—и ожидали очереди, когда можно будетъ тронуться въ путь.

[1]) Эти ассигнаціи, пяо-цзы, выпускаются не правительствомъ, а каждымъ частнымъ банкомъ свои. Тамъ всякій человѣкъ, заручившійся кредитомъ, можетъ выпускать сколько ему угодно своихъ ассигнацій безъ всякаго контроля.

Наступила ночь, лунная, тихая, но довольно холодная; рѣка блеститъ, какъ зеркало; кругомъ на лодкахъ кипитъ жизнь; всюду слышится людской говоръ; а по темному берегу движутся какіе-то огоньки,—это фонари, съ которыми китайцы ходятъ ночью почти всѣ безъ исключенія, потому что дороги плохи, а искусственнаго освѣщенія на улицахъ нѣтъ. Я стоялъ на палубѣ и смотрѣлъ кругомъ себя. Вдругъ на одной изъ сосѣднихъ лодокъ запрыгали и затрещали, какъ фейерверкъ, огоньки шутихъ.—„Хоронятъ кого-то“, сказалъ Ѳедоръ, указавъ на лодку. На ней дѣйствительно стоялъ гробъ, и одинъ китаецъ лѣтъ тридцати, стуча рукою въ его крышку, громко рыдалъ и произносилъ непонятныя для меня слова; впрочемъ ихъ смыслъ понятенъ, на какомъ бы языкѣ они ни были сказаны; кому же не понятенъ тонъ, въ которомъ слышится глубокое горе, чью бы душу оно ни надрывало!..

Когда мы размѣстились по лодкамъ, гребцы отчалили и потомъ, упираясь въ дно неглубокой рѣки длинными бамбуковыми шестами, пошли внизъ по теченію. Скоро городъ Тунъ-Чжоу съ его шумной пристанью и виднѣвшеюся вдали многоэтажной башней остался за нами, и берега рѣки представляли теперь пустынный характеръ. Лунная ночь, рѣка, длинныя лодки, отчасти похожія на гондолы и ходившіе по нимъ гребцы, говорившіе на непонятномъ языкѣ, перенесли мои мысли къ лагунамъ Венеціи.... И я долго еще оставался на палубѣ, предаваясь безпорядочно толпившимся мыслямъ о недавнемъ прошломъ и вслѣдствіе его—о нашемъ будущемъ: низко упавшій въ нашихъ глазахъ Сосновскій заставлялъ страшиться за исходъ дѣла каждаго, кто понимаетъ что̀ значитъ долгъ и честь своей страны.

11 октября.

Итакъ мы опять въ дорогѣ... Утро стоитъ пасмурное, холодное, точь въ точь какъ наши осенніе дни. Кругомъ на берегахъ пусто; пусто и на рѣкѣ; тѣмъ не менѣе я ни разу не замѣтилъ, чтобъ наши лодки были однѣ на видимой части рѣки: всегда гдѣ-нибудь виднѣлись другія, двигавшіяся вверхъ или внизъ пассажирскія лодки или грузовыя баржи, служившія здѣсь единственными предметами для наблюденій. Въ устройствѣ тѣхъ и другихъ замѣчается та особенность, что носъ и корма у нихъ очень подняты, а палуба сильно вогнута на срединѣ. Лодки шли при помощи шестовъ, лямокъ или подъ парусами.

Обыкновенно во все время переѣзда отъ Тунъ-Чжоу до Тянь-Цзиня пассажиры остаются въ лодкахъ, почти не сходя на берегъ, и на ночлегъ лодки останавливаются прямо посреди рѣки на якорѣ,—можетъ быть, для бо́льшей безопасности или по причинѣ мелководья у береговъ; а рѣка здѣсь вообще такъ мелка, что даже плоскодонныя лодки, но нѣсколько болѣе нагруженныя, безпрестанно садятся на мель. На лодкахъ живутъ, какъ въ домахъ: на нихъ готовится пища въ имѣющихся особыхъ печахъ, тутъ же грѣется вода для чаю; а всякаго рода ненужные предметы выбрасываются прямо въ рѣку, вслѣдствіе чего ея вода, при большомъ движеніи, должна быть весьма загрязнена, тѣмъ не менѣе она идетъ для пищи и питья, потому что другой нѣтъ; да и странно было бы плывущимъ по рѣкѣ людямъ запасаться водою. Вотъ запасаться провизіей на этотъ переѣздъ необходимо, потому что ея не достанешь здѣсь на каждомъ шагу, а движеніе подвержено разнымъ случайностямъ, и чаще всего подъ вліяніемъ перемѣнъ погоды: здѣсь нерѣдко бываютъ довольно продолжительныя задержки. Объ этомъ предупреждали насъ наши пекинскіе знакомые и совѣтовали нанять четвертую лодку для казаковъ, которые бы готовили на ней обѣдъ для себя и для насъ изъ заранѣе купленной провизіи, такъ какъ здѣсь можно ничего не найти для своего пропитанія. Но Сосновскій, который до сихъ поръ завѣдывалъ хозяйствомъ, разсчитывалъ на то, что и изъ Пекина, подобно Кяхтѣ, насъ проводятъ съ хлѣбомъ-солью на цѣлую недѣлю; но когда ошибся, утѣшалъ себя и насъ фразой: какъ-нибудь перебьемся, говорилъ онъ... Ну, будемъ перебиваться, хотя мы могли бы позволить себѣ такую роскошь, какъ ежедневный обѣдъ. Уже сегодня, когда были съѣдены остатки вчерашняго ужина, у насъ оказался полный недостатокъ въ продовольствіи, и его пришлось искать во встрѣчавшихся изрѣдка береговыхъ селеніяхъ; но въ нихъ, и то не во всѣхъ, мы могли добыть только рѣдьки, вареныхъ бататовъ, яицъ, сквернаго грушъ, земляныхъ орѣховъ и прѣсныхъ китайскихъ лепешекъ. Голодъ конечно, заставилъ питаться этимъ, но отъ такой пищи у многихъ изъ насъ на другой же день сдѣлались спазмы въ желудкѣ. Но спазмы что! Со спазмами еще жить можно, хотя и непріятно; а у насъ черезъ день совсѣмъ нечего было ѣсть! Нечего дѣлать... Ѣдемъ дальше съ слабой надеждой встрѣтить что-нибудь въ родѣ харчевни, а пока утѣшаемъ себя тѣмъ, что „не о хлѣбѣ единомъ живъ будетъ человѣкъ“...

Пойдемъ на палубу и будемъ любоваться природой. Низкіе глинистые берега рѣки, бо́льшею частью пустынные, окаймленные не менѣе пустынными полями, лишь нѣсколько оживлялись вдали ивовымъ кустарникомъ и отдаленными рощами, окрашенными въ осенніе цвѣта или еще зелеными; но эти бѣдныя и однообразныя картины равнинъ, сѣренькаго неба да туманной дали,—какъ онѣ напомнили мнѣ далекую родину! И воспоминанія о ней нѣсколько уменьшили скуку, наводимую тѣсной лодкой, изъ которой нельзя было выйти, ея медленнымъ движеніемъ и—голодомъ. Надоѣло сидѣть и смотрѣть на бѣдныхъ лодочниковъ, которые цѣлый день ходятъ взадъ и впередъ по передней части палубы, упираясь въ рѣчное дно своими шестами и налегая на нихъ плечомъ; хотѣлось бы заняться чѣмъ-нибудь,—книги есть, и читать ихъ нужно,—да не здоровится отъ скверной пищи, и ничто на умъ не идетъ. Вздумалъ было записывать слова, какими наши китайцы-лодочники обмѣнивались между собою или съ своими собратами на встрѣчавшихся судахъ, но не могъ записать не только ни одной фразы, но и одного слова: такъ трудно уловить звуки ихъ языка... Такъ и пропалъ ни за что цѣлый день. Впрочемъ рисовалъ кое-что.

12 октября.

Погода не измѣнилась. Ужъ девятый часъ, а свѣту такъ мало, какъ будто солнце еще не взошло. Тяжелыя темносѣрыя тучи спустились надъ горизонтомъ и какъ будто лежатъ на самой землѣ. На ихъ темномъ фонѣ рисуются еще болѣе темныя рощи; рѣка слегка волнуется отъ налетающаго порывистаго вѣтра. Споръ осенній дождь падаетъ тихо и равномѣрно на опустѣвшую землю и стучитъ въ крышу нашей каюты. Рѣка опустѣла, потому что движеніе остановилось; лишь изрѣдка по ней проходили на встрѣчу лодка или плотъ; и на одномъ изъ такихъ я увидалъ топившуюся печку, сдѣланную изъ глины съ соломой,—приспособленіе весьма важное и полезное, какого у насъ мнѣ ни разу не случалось видѣть:—и погрѣться можно, и пищи горячей приготовить.

Наши лодочники также отказались идти по случаю дождя, и мы принуждены были остановиться, укрѣпившись якорями недалеко отъ берега, рядомъ съ другими лодками, остановившимися здѣсь по той же причинѣ. Всѣ забрались въ каюты и точно притаились или заснули, потому что даже разговоровъ нигдѣ не слыш-

но. Такая же пустота и безмолвіе кругомъ, на берегахъ; только галки, собравшіяся въ огромную стаю, какъ-то безумно летаютъ надъ однимъ мѣстомъ и перекрикиваются между собою неизвѣстно о чемъ... Неисчерпаемый источникъ поэзіи заключается въ осеннемъ ненастьѣ; но не въ дорогѣ можно наслаждаться имъ, особенно въ томъ незавидномъ положеніи, въ какомъ очутились мы. Тепла только пять градусовъ; порывистый вѣтеръ свиститъ черезъ щели въ дырявой будкѣ нашей каюты и пронизываетъ насъ насквозь; усиливающійся дождь заставилъ закрыть дверь, которая служила единственнымъ источникомъ свѣта и мы сидимъ въ полумракѣ и дрогнемъ; о какихъ-нибудь занятіяхъ и думать нечего. Въ такую погоду только бы спать, да сонъ на умъ не идетъ, потому что теперь направленіе мыслей измѣнилось: „только о хлѣбѣ единомъ живъ будетъ физическій человѣкъ“, говоритъ желудокъ; ѣсть хочется; и чуть задремлешь, какъ начинаютъ грезиться разныя кушанья,—а сегодня у насъ нѣтъ даже ни одной черствой булки, потому что ее даже купить негдѣ... Впрочемъ мы съ Матусовскимъ винили только себя за оплошность: вѣдь ужъ мы знали, что у нашего распорядителя одна забота и одна мысль,—сберечь какъ можно больше денегъ, назначеніе которыхъ для насъ пока не было еще извѣстно. Да, опростоволосѣли мы, какъ говорится,—что дѣлать! Вдругъ мы вспомнили объ орѣхахъ, [1]) какъ единственномъ продуктѣ, который можно было ѣсть и если не наѣсться, то хоть обмануть голодъ, и мы принялись за нихъ.

Стояли мы, стояли, пока наконецъ казаки, побуждаемые голодомъ, еще болѣе ощутительнымъ, чѣмъ у насъ, не подняли лодочниковъ насильно и не заставили ихъ идти до ближайшей деревни, чтобъ тамъ купить хоть хлѣба. Проведя безсонную ночь, я заснулъ и не слыхалъ, когда это совершилось, какъ мы прошли около десяти верстъ и добрались до деревушки. Слышу Матусовскій будитъ меня словами:

„Вставайте, въ городъ пріѣхали! Пойдемъ въ гостинницу, „живопёръ“ [2]) будемъ ѣсть“.

[1]) Это собственно не орѣхи, а стручья растенія Arachis hypogaea, которое разводится въ Китаѣ въ огромномъ количествѣ, и его плоды, извѣстные подъ названіемъ Лао-Хуа-Шенъ или просто Хуа-Шенъ, идутъ въ пищу въ видѣ лакомства или для приготовленія масла, а выжимками ихъ откармливаютъ скотъ.

[2]) Такъ называли казаки одно вкусное китайское кушанье „Жоу-пяръ“, состоящее изъ нарѣзанной ломтиками баранины, поджаренной съ лукомъ и какимъ-то соусомъ.

Выхожу изъ каюты и вижу, что на берегу, вмѣсто города, стоятъ нѣсколько бѣдныхъ лачужекъ; въ одной изъ нихъ, подъ навѣсомъ, сдѣланнымъ изъ хвороста, поставлены на землѣ двѣ-три скамейки. Это и были „городъ“ и „гостинница“, въ которые приглашалъ меня пошутившій товарищъ. Мы перебрались съ лодки по положенной узкой и мокрой доскѣ на крутой и отъ грязи скользкій берегъ, съ трудомъ взобрались на верхъ и вошли въ харчевню, бѣдную и грязную. Однако, какъ ни жалка, какъ ни убога была она на видъ, мы нашли въ ней вареныя свинину, печенку и легкія, свѣжую капусту и хлѣбъ; купили всего, не разбирая, и принялись утолять свой волчій аппетитъ. Но намъ хотѣлось заказать себѣ что-нибудь горячее, для чего требовался переводчикъ, какимъ въ этомъ случаѣ намъ могъ служить Смокотнинъ, но мнѣ хотѣлось попробовать свои силы въ китайскомъ языкѣ, такъ какъ я уже научился нѣкоторымъ необходимымъ словамъ.

У самой входной двери устроена печь въ родѣ плиты съ двумя вмазанными въ нее неглубокими котелками и въ настоящее время топится. На землѣ возлѣ печки стоитъ деревянная колода съ изрубленною поверхностью, на которой приготовляются всякія кушанья; и стоявшій у печки китаецъ-поваръ, онъ же и хозяинъ, обратился къ намъ съ рѣчью. Не трудно было догадаться, что онъ спрашиваетъ, что̀ намъ угодно; и отвѣчаемъ на предполагаемый вопросъ двумя словами—жоу-пяръ. Онъ, повидимому, понялъ только первое слово, что значитъ вообще мясо, и наговорилъ намъ что-то много, изъ чего я въ свою очередь могъ понять только одно слово „ка́нь-кань“, (что значитъ показать, посмотрѣть) и отвѣчаю ему,—„кань-кань“. Китаецъ ушелъ въ сосѣднюю темную комнату и принесъ два большихъ куска сырой свинины... Вотъ подобнымъ образомъ проходитъ русскій солдатъ и матросъ черезъ всѣ страны міра, не особенно часто встрѣчая затрудненія въ сношеніяхъ съ туземцами по части языка. Въ роли солдатъ и матросовъ и мы, конечно, не пропадемъ, съ голоду не умремъ. А чего же намъ еще желать!

Такимъ образомъ при помощи обоюдныхъ объяснительныхъ жестовъ, звукоподражательныхъ шипѣній и дуновеній да немногихъ словъ, мы поняли другъ друга. Китаецъ досталъ блюдце; я порубилъ надъ нимъ руками; онъ кивнулъ головой, жестомъ изобразилъ на немъ пирамидку проектируемаго горячаго жоу-пяръ и сдѣлалъ знакъ, что пришлетъ его намъ на лодку. Оставалось со-

считаться и заплатить. Счетъ я зналъ, и мы заплатили 140 чохъ (коп. 12) за небольшую жареную утку, 120 ч. за кусокъ вареной баранины, 360 ч. за три порціи жоу-пяръ и 180 ч. за 30 булокъ.

Итакъ всѣ подкрѣпили силы, всѣмъ стало теплѣе; и отдохнувшіе лодочники отправились въ путь; они шли потомъ цѣлую ночь и сдѣлали хорошій переходъ, а мы отлично выспались,—для рабочаго же человѣка это очень важное дѣло.

13-го октября.

Повеселѣло и въ природѣ. Проснувшись рано я вышелъ на палубу. Утро солнечное, но холодное; на солнцѣ только десять градусовъ, и мнѣ просто совѣстно: я дрожу, одѣтый въ полушубокъ, а нѣкоторые изъ китайцевъ, нашихъ лодочниковъ,—съ открытыми головами, или только платками повязаны; на нихъ надѣты ватныя кофты или курмы, но шея и грудь остаются открытыми; на ногахъ ватные или холодные шаровары да холщевые чулки и башмаки, а нѣкоторые совсѣмъ босые. Все въ нихъ меня интересуетъ, и я наблюдаю за ними. Они всѣ умывались поутру, смачивая въ водѣ тряпки и обтирая себѣ ими лицо; потомъ поѣли рису и отправились въ дальнѣйшій путь.

Низкіе берега Бэй-Хо, мѣстами укрѣпленные фашинникомъ, стали оживленнѣе; чаще встрѣчались деревни, у которыхъ китайцы нагружали хлѣбомъ лодки; на поляхъ зеленѣла китайская (не кочаная) капуста. Идемъ дальше, и черезъ нѣсколько времени показываются дома большей величины или собственно большей длины, потому что вышина ихъ всѣхъ почти одинакова; потомъ мелькнули лучше отдѣланныя крыши и извѣстили насъ о приближеніи къ городу.

Говорятъ, скоро пріѣдемъ въ Тянь-Цзинь-Фу [1]). Начались его предмѣстья. По обоимъ берегамъ рѣки стоятъ непрерывными рядами дома; количество лодокъ и плотовъ на рѣкѣ увеличивается; больше людей вездѣ; вездѣ движеніе и дѣятельность. Немного времени спустя, мы плыли уже въ чертѣ города и подвигались мимо береговъ, искусственно возвышенныхъ и укрѣпленныхъ циновками, бревнами и заборами, въ предупрежденіе обваловъ почвы, подмываемой во время наводненій. Они застроены

[1]) Одинъ изъ важнѣйшихъ городовъ провинціи Чжи-Ли, по своей чрезвычайно оживленной торговлѣ, размѣрами которой онъ превосходитъ Кантонъ. Въ немъ до полмилліона жителей, и дѣятельностью, по словамъ Уильямса, онъ напоминаетъ Ливерпуль.

густыми массами домиковъ, надъ которыми нѣсколько возвышаются крыши немногихъ кумиренъ и полуразрушенныя стѣны католическаго храма,—грустный памятникъ пожара и убійствъ, произведенныхъ здѣсь китайцами въ 1871 году.

Наши, снабженныя мачтами, лодки подошли вмѣстѣ съ другими къ понтонному мосту, по которому непрерывной вереницей шло и ѣхало множество людей. Чтобы пропустить насъ, надо было развести мостъ, слѣдовательно прервать это оживленное сообщеніе, что̀ и было немедленно исполнено, какъ только увидали, что ѣдутъ иностранцы. Вотъ какова вообще любезность китайцевъ по отношенію къ нимъ; для своихъ этого не дѣлается, а мостъ разводится въ опредѣленное время, и теперь передъ нимъ собралось столько судовъ, ожидавшихъ пропуска, что буквально вся рѣка на большое пространство была почти сплошь покрыта ими. На нѣкоторыхъ изъ нихъ подъ звуки пѣсни происходила нагрузка хлѣба, глиняной посуды, соли, дерева и другихъ предметовъ, а также выгрузка. Другія лодки отдавали грузы на берегъ.

Мостъ развели, пропустили насъ, а также нѣсколько другихъ лодокъ, шедшихъ за нами, чему никто не мѣшалъ и не думалъ кричать чего-нибудь въ родѣ: „васъ нэ прыказано“!.. Съ нихъ и съ насъ взяли по нѣскольку копѣекъ за проѣздъ. Далѣе за мостомъ мы прошли мимо какихъ-то невысокихъ, на видъ крѣпостныхъ стѣнъ, которыя тянутся по обоимъ берегамъ рѣки; тутъ стояло нѣсколько китайскихъ канонирокъ, покрытыхъ чехлами и украшенныхъ развѣвавшимися цвѣтными флагами; прошли мимо устья впадающей здѣсь въ Бэй-Хо рѣки Дунъ-Хо, черезъ которую перекинутъ деревянный, очень горбатый мостъ на сваяхъ и видѣли издали начало императорскаго канала (Юнь-Лянъ-Хэ). Повсюду стоитъ или движется множество разнообразныхъ судовъ и ихъ огромные паруса, поднятые для просушки, походятъ на стаю фантастическихъ бабочекъ съ распущенными крыльями опустившихся надъ рѣкой. Между мелкими судами стоитъ нѣсколько морскихъ джонокъ, большихъ размѣровъ и очень высоко поднятыхъ надъ водой, особенно въ кормовой части, которая разрисована пестрыми рисунками съ извивающимся посреди дракономъ. Общая картина—въ высшей степени оживленная и для непригляд̀вшагося глаза поразительная и симпатичная.

Мы шли мимо китайскаго города, направляясь къ европейскому кварталу, и наконецъ китайскія зданія и лодки уступили мѣ-

сто ряду европейскихъ домовъ.... И странно:—какъ ни привлекательны оригинальныя сцены китайской жизни, а увидишь что-нибудь, что̀ напомнитъ о Европѣ, такъ душа такъ и встрепенется... И не разберешь, чего этой душѣ нужно! Увидалъ незнакомую китайскую башню или джонку,—обрадовался; теперь радуюсь при видѣ европейскихъ домовъ и нѣсколькихъ пароходовъ, стоящихъ здѣсь у берега. Все, говорящее о Европѣ, кажется тутъ роднымъ, а всѐ дѣйствительно родное, когда отъ него уйдешь далеко, получаетъ неизмѣримо высшее значеніе.

Вотъ между нѣсколькими иностранными пароходами видимъ русскую воинную лодку „Горностай“, и опять какая радость! И тросы высыпали на берегъ и уже выгружали наши вещи изъ передовой лодки, раньше подошедшей къ пристани. Китайцевъ и здѣсь много, но посреди общаго шума и ихъ щебетанія намъ какъ-то особенно ясно слышатся русскія слова нашихъ матросовъ; они рѣзко выдѣляются изъ общаго шума и туземнаго говора, какъ нѣчто полное, твердое и крѣпкое, какими казались и сами матросы передъ здѣшними китайцами, большею частью худыми и блѣдными.

Сошли на берегъ, гдѣ тотчасъ насъ встрѣтилъ одинъ изъ здѣшнихъ купцовъ, А. Д. Старцовъ, и пригласилъ въ свой домъ, находящійся тутъ же на берегу въ нѣсколькихъ шагахъ отъ пристани... И опять мы словно въ Россіи очутились; но намъ надо знакомиться съ Китаемъ, сейчасъ бѣжать все осматривать, что̀ доступно. Познакомившись съ любезнымъ хозяиномъ дома и его женою, а также съ пришедшимъ сюда капитаномъ лодки „Горностай“ В. А. Терентьевымъ, я отправился съ послѣднимъ въ городъ, и мы вышли на набережную. Здѣсь у берега стояли японская, французская, англійская и русская военныя лодки, изображая собою Дамокловъ мечъ, повѣшенный надъ головою китайцевъ послѣ упомянутой катастрофы 1871 года: произведи они теперь малѣйшее возмущеніе, и пушки этихъ лодокъ обратятъ на городъ свои жерла и разгромятъ его до основанія; жители очень хорошо это знаютъ, и навѣрно теперь не рѣшатся повторить того страшнаго избіенія европейцевъ, которое они произвели въ 1871 году, въ день 21 іюня.

Причины его остались не совсѣмъ разъясненными; но это былъ взрывъ накипѣвшей злобы китайской черни, во время котораго были убиты двадцать одинъ европеецъ, въ числѣ ихъ двѣнадцать женщинъ (изъ нихъ девять сестеръ милосердія французской

миссіи). Между иностранцами были убиты и трое русскихъ купцовъ,—Протопоповы мужъ съ женой, лишь за нѣсколько дней передъ этимъ отпраздновавшіе свою свадьбу, и нѣкто молодой человѣкъ Басовъ. Одной французской дамѣ, г-жѣ Шальмезенъ, удалось избѣгнуть несчастной участи, благодаря быстротѣ бѣга своей лошади, на которой она ѣхала верхомъ по улицѣ въ то время, когда вспыхнулъ пожаръ и начались убійства. Она прискакала въ европейскій кварталъ. Но жила въ китайскомъ городѣ, гдѣ остался ея мужъ. Переодѣвшись въ платье китаянки, эта героиня отправилась назадъ, пробралась благополучно почти до своего дома, но была узнана по ногамъ и варварски убита на мѣстѣ...

Когда мы шли по набережной, разсматривая европейскіе дома, вдали, растянувъ надъ собою облако чернаго дыма, показался большой пароходъ „Шань-Дунъ“, приходившій изъ Шанъ-Хая, куда на немъ же мы должны будемъ отплыть чрезъ два дня. Большой самъ по себѣ, онъ здѣсь, на небольшой рѣкѣ, казался вдвое громаднѣе... Зрѣлище величественное! Толпа китайцевъ собралась на берегу; тутъ же между ними была разсѣяна горсть европейцевъ, между которыми изрѣдка попадались, нѣсколько „лавирующіе“, матросы разныхъ флаговъ; всѣ перемѣшались, разница націй забылась; всѣ глаза были обращены къ великану, который теперь, по волѣ одного маленькаго человѣка, стоявшаго на вышкѣ и отдававшаго приказанія, поворачивалъ свое гигантское тѣло въ тѣсной рѣкѣ.

— Европеецъ пришелъ въ Китай! сказалъ я своему спутнику,—посмотримъ на него.

Въ самомъ дѣлѣ, стоило остановиться и посмотрѣть на тѣ маневры, какіе дѣлаютъ всѣ приходящіе сюда морскіе пароходы.

Они обыкновенно тотчасъ по приходѣ дѣлаютъ полный оборотъ, чтобы стать носомъ къ устью, и потомъ уже выпускаютъ пассажировъ; и когда „Шань-Дунъ“, дѣлая этотъ маневръ, сталъ одно время поперекъ рѣки, онъ почти касался ея береговъ, съ той и другой стороны,—такъ не широка и въ то же время такъ глубока здѣсь Бэй-Хо.

Пассажировъ было не много, исключительно китайцевъ, которые уже поняли всѣ преимущества заморской „лодки съ огненными колесами“, „Хо-Лунь-Чуань“, (Хо—огонь, Лунь—колесо, Чуань—лодка, корабль), какъ они называютъ пароходъ; они теперь охотно ѣздятъ на немъ и уже завели нѣсколько своихъ.

Спутникъ указалъ мнѣ на стоявшую не вдалекѣ китайскую паровую яхту „Цзинъ-Хай", на которой въ это время раздавалась музыка китайскаго оркестра, обученнаго по-европейски, и онъ игралъ такъ хорошо, что музыка ничѣмъ на отличалась отъ европейской; музыканты же были всѣ китайцы, и только инструменты и ноты европейскіе. Ужасно хотѣлось мнѣ посмотрѣть на нихъ поближе да времени не было...

Да, западная цивилизація сильно проникаетъ въ Китай; впрочемъ, исторія гласитъ, что двери его были давно открыты для европейцевъ; что они сами закрыли ихъ и заставили китайцевъ запереться и не пускать къ себѣ заморскихъ варваровъ, какими ни разъ заявили себя представители Европы. Теперь Китай уступилъ силѣ дальнобойныхъ орудій и скорострѣльныхъ ружей, но Европа вооружаетъ его, и Китай мало-по-малу заводитъ у себя и тѣ и другія. Вотъ здѣсь, напримѣръ, имѣется работающій паромъ арсеналъ, въ которомъ по прошествіи только пяти лѣтъ работаютъ ужс исключительно китайцы; европейца нѣтъ ни одного даже въ администраціи. Любопытны дальнѣйшія судьбы китайскаго народа въ военномъ и воинственномъ отношеніяхъ.

Но не будемъ заглядывать въ будущее, а возвратимся къ дѣйствительности. Продолжая свою прогулку съ своимъ спутникомъ, я при его помощи достаточно ознакомился съ маленькимъ европейскимъ кварталомъ, называемымъ по-китайски Цзы-Чжу-Линъ и сдѣлалъ визиты нашему консулу К. И. Веберу и секретарю консульства В. М. Успенскому. Всѣ дома европейскаго квартала, числомъ до двадцати, вытянулись почти въ одинъ рядъ по набережной, но стоятъ на нѣкоторомъ разстояніи одинъ отъ другаго, отдѣляясь садами и просторными дворами. Цзы-Чжу-Линъ расположенъ приблизительно въ верстѣ отъ китайскаго города, а между нимй образовался смѣшанный кварталъ, гдѣ живутъ и китайцы и европейцы. Въ немъ находится одинъ магазинъ со всевозможными иностранными товарами; однимъ китайцемъ здѣсь заведена фотографія, но работаетъ онъ еще весьма плохо; а живущими здѣсь англичанами устроенъ рэсъ-корсъ,—мѣсто для скачекъ, которыя правильно повторяются въ началѣ каждой осени.

На слѣдующій день я сдѣлалъ прогулку, верхомъ, въ сопровожденіи одного китайца, слуги г. Старцова, въ китайскій городъ; и когда, вернувшись домой, хотѣлъ записать воспоминанія о видѣнномъ, я рѣшительно не могъ представить себѣ ясно того лабиринта, изъ котораго только-что выбрался. Помню, что мы

въѣхали въ городъ чрезъ одни городскія ворота и выѣхали въ другія, пробравшись по многимъ улицамъ, переулкамъ и закоулкамъ.

Всѣ улицы Тянь-Цзинь-Фу узки, грязны, и воздухъ въ нихъ въ такой степени переполненъ міазмами, что атмосфера нашихъ городовъ показалась бы въ сравненіи съ нимъ идеально чистою. Главная улица его, обрамленная сплошными рядами магазиновъ и лавокъ, затянутая сверху синей бумажной матеріей во всю ея длину и ширину, превращена такимъ образомъ въ длинный коридоръ, который имѣетъ въ ширину едва ли болѣе одной сажени,—по крайней-мѣрѣ мнѣ такъ казалось;—движеніе же въ ней совершается такое, что ни разу на всемъ протяженіи улицы я не видалъ и пяти шаговъ свободнаго пространства: вся эта живая волна, состоящая изъ пѣшеходовъ, а иногда и всадниковъ, носильщиковъ съ коромыслами, рабочихъ, везущихъ тачки, и людей, ѣдущихъ въ носилкахъ, сливается какъ будто въ одно цѣлое и подвигается постепенно, но быстро, вся разомъ, каждый другъ за другомъ; но равномѣрность движенія этой волны всею массою постоянно нарушается, потому что напротивъ ея идетъ другая такая же волна.

Въ этакую-то толпу затесался я нечаянно на лошади, которая еще, какъ меня предупреждали, была пуглива, и я сидѣлъ на ней, страшась каждую минуту за то, чтобъ она не кинулась въ сторону, не вздумала бы стать на дыбы или лягнуть задомъ: большое несчастіе могло бы причинить волненіе въ подобной густой толпѣ,—люди передавили и передушили бы другъ друга, а я могъ бы пострадать, какъ виновникъ всѣхъ бѣдъ. Съ этимъ постояннымъ страхомъ подвигался я впередъ, не смѣя подолгу заглядываться по сторонамъ, а все посматривая на тѣхъ людей, которые шли возлѣ меня у самой лошади, такъ что я безпрестанно толкалъ ихъ своими стременами, на что они впрочемъ не обращали никакого вниманія; нѣкоторые толкали нечаянно мою лошадь, которая при этомъ каждый разъ вздрагивала, присѣдала на заднія ноги, но, къ счастью, осталась благоразумной до конца, т.-е. до перваго переулка въ бокъ, куда мы тотчасъ свернули, и тутъ только вздохнулъ я свободнѣе.

Въ этомъ переулкѣ съ нами повстрѣчался какой-то мандаринъ, котораго несли въ носилкахъ; нѣсколько человѣкъ солдатъ шли впереди ихъ, нѣсколько другихъ сзади. Мой спутникъ-китаецъ тотчасъ соскочилъ съ лошади и пошелъ пѣшкомъ, ведя ее подъ

уздцы, и только пройдя мимо, когда мандаринъ проѣхалъ, сѣлъ опять, и мы продолжали свой путь... Назовите это китайской церемоніей или принятой учтивостью, все равно—но на мой взглядъ она по крайней мѣрѣ не смѣшна.

Дорогой повстрѣчали мы нѣсколькихъ нищихъ, еще молодыхъ людей, но страшно худыхъ, черныхъ и едва прикрытыхъ; и какъ хотѣлось бы разспросить каждаго и узнать, отчего онъ дошелъ до своего настоящаго положенія... Встрѣтили процессію, состоявшую человѣкъ изъ пятнадцати замаскированныхъ и одѣтыхъ въ нарядные костюмы. Всѣ они шли на ходуляхъ въ сопровожденіи оркестра самой оглушительной и вполнѣ безтолковой музыки. Это была одна изъ обычныхъ процессій, какія часто устраиваются отдѣльными обществами, по случаю разныхъ мѣстныхъ праздниковъ.

Выѣхавъ за городскія ворота, мы пустили лошадей полною рысью и скоро пріѣхали домой, торопясь къ обѣду, послѣ котораго меня ожидало одно интересное зрѣлище.

Когда мы еще сидѣли за семейнымъ столомъ г. Старцова, раздался пушечный выстрѣлъ, котораго я ожидалъ и который, я зналъ, долженъ былъ извѣстить о пріѣздѣ на лодку „Горностай“ генералъ-губернатора столичной провинціи (Чжи-ли) Ли-Хунъ-Чжана. Мнѣ еще не удавалось познакомиться въ самомъ Китаѣ ни съ однимъ мандариномъ; а этого, во многихъ отношеніяхъ замѣчательнаго человѣка, было въ особенности интересно видѣть.

Я ушелъ, не дождавшись конца обѣда, и торопливымъ шагомъ шелъ по набережной къ „Горностаю“, съ котораго продолжали раздаваться салютные выстрѣлы. На берегу около него выстроились въ двѣ шеренги солдаты конвоя Ли-Хунъ-Чжана. Я хорошо зналъ послѣдняго по видѣннымъ въ Пекинѣ портретамъ, и взойдя на палубу нашей военной лодки, тотчасъ узналъ его среди толпы, образовавшейся изъ нашихъ матросовъ и мандариновъ его свиты; да онъ и ростомъ былъ выше всѣхъ. Одѣтъ же былъ такъ же какъ всѣ; можетъ быть и лицо у него было совершенно обыкновенное; но люди вообще склонны находить что-то особенное въ физіономіяхъ выдающихся людей; а Ли-Хунъ-Чжанъ, какъ мнѣ было извѣстно, выходилъ изъ ряда обыкновенныхъ по своимъ дарованіямъ, благодаря которымъ онъ, несмотря на скромное происхожденіе, достигъ такого высокаго положенія, а также по своему свѣтлому взгляду на государственный порядокъ и международныя отношенія. Однако я не нашелъ въ его лицѣ чего-либо

особенно выразительнаго. Открытый покатый лобъ, который у китайцевъ кажется вообще большимъ, вслѣдствіе манеры носить шляпу на затылкѣ; выдающіяся скулы, небольшіе темнокаріе глаза, зорко смотрящіе изъ-подъ нѣсколько нависшихъ верхнихъ вѣкъ и высоко поднятыя надъ ними брови; маленькій ротъ подъ опущенными рѣдкими усами, и такой маленькій, ушедшій назадъ подбородокъ, какъ будто половины его недоставало; на немъ была темносиняя суконная куртка, съ синимъ же бархатнымъ воротникомъ; подъ нею синій атласный халатъ; черные атласные сапоги на толстыхъ бѣлыхъ подошвахъ, точь-въ-точь какъ на остальныхъ, и только „линъ-цзы“,—т.-е. густая кисть изъ павлиньихъ перьевъ на шляпѣ, отличала его отъ другихъ тѣмъ, что на ней было видно два глазка, а не одинъ, какъ у обыкновенныхъ генераловъ. Его черная круглая шляпа съ отвороченными краями нѣсколько напоминала формою русскій кокошникъ; среднее возвышеніе ея покрывалось красною шелковою кистью, а на верху его на золотой ножкѣ укрѣпленъ розовый коралловый шарикъ, величиною съ небольшой грецкій орѣхъ,—общій знакъ генеральскаго чина.

Капитанъ „Горностая“ г. Терентьевъ, встрѣтившій его въ полной формѣ, показывалъ ему въ подробности судно, орудія и способы обученія стрѣльбѣ изъ пушекъ. Разговоръ происходилъ при помощи секретаря нашего консульства г. Успенскаго. Ли-Хунъ-Чжанъ со вниманіемъ слушалъ и, какъ я замѣтилъ, всегда отлично понималъ его, когда самъ желалъ узнать что-нибудь, и наоборотъ, какъ будто понималъ совсѣмъ плохо, въ другихъ случаяхъ,—это, вѣроятно, невинный дипломатическій пріемъ.

Затѣмъ капитанъ перешелъ къ самому интересному: онъ обѣщалъ Ли показать устройство и дѣйствіе „торпедо“, т. е. подводной мины, употребляемой въ морской войнѣ для взрыванія непріятельскихъ кораблей. Эта мина имѣетъ видъ большой гранаты съ стеклянной трубкой на ея остромъ концѣ; въ трубкѣ находятся концы электрическихъ проволокъ, и до тѣхъ поръ, пока онѣ не соприкасаются между собою или пока между ними не явится какого-нибудь проводника электричества, напримѣръ воды, мина спокойно остается скрытою подъ водой; но достаточно стеклянной трубкѣ сломаться, чтобъ вода охватила концы проводниковъ, замкнула собою цѣпь и чтобъ произошелъ взрывъ. Или цѣпь можетъ быть замкнута иначе, въ самой батареѣ, находящейся на кораблѣ...

Начались приготовленія. Матросы собирали мѣдныя и цинковыя пластинки Вольтова столба, перекладывая ихъ кусочками фланели, и устанавливали ихъ въ ряды. Ли-Хунъ-Чжанъ и его свита смотрѣли на эти непонятныя для нихъ дѣйствія и не имѣвшіе значенія предметы; они смотрѣли то съ удивленіемъ, то какъ будто съ недовѣріемъ, чтобъ изъ такого вздора могло произойти что-нибудь путное, а въ то же время и съ нѣкоторымъ страхомъ, потому что они заранѣе знали, что̀ изъ всего должно выйти; только не знали когда гдѣ. Мина въ это время находилась еще подъ водою, и когда батарея была готова, ее приподняли, чтобъ показать, въ чемъ она состоитъ, и потомъ снова погрузили въ воду.

На берегу собралась огромная толпа народа, которая также знала, что должно совершиться, а по рѣкѣ спокойно проходили туземныя лодки и барки, которыхъ предупредить было невозможно. Все было готово, и вотъ, выждавъ минуту, когда вблизи не было никакихъ судовъ, капитанъ, обративъ вниманіе генерала на извѣстное мѣсто на рѣкѣ, замкнулъ цѣпь. Въ тотъ же мигъ „Горностай“, на которомъ мы находились, вздрогнулъ всѣмъ тѣломъ; вода въ томъ мѣстѣ, гдѣ была мина, вдругъ заволновалась, точно ее вскипятили мгновенно, и потомъ кинулась кверху огромнымъ столбомъ саженъ въ пять или болѣе вышины и упала, какъ разомъ остановленный фонтанъ.

Раздался взрывъ тысячъ голосовъ собравшихся на берегу зрителей, выразившихъ свой восторгъ, удивленіе и одобреніе. Генералъ и свита, повидимому, были поражены не менѣе и, успокоившись, стали выражать капитану свои похвалы словами и непремѣннымъ выставленіемъ правыхъ рукъ съ поднятымъ кверху большимъ пальцемъ. Они опять подошли къ батареѣ и теперь страстно желали узнать, въ чемъ тутъ сущность. Имъ захотѣлось устроить себѣ подобную штуку, и Ли-Хунъ-Чжанъ попросилъ у капитана позволеніе прислать къ нему одного изъ своихъ чиновниковъ съ тѣмъ, чтобы онъ объяснилъ ему устройство мины, на что тотъ выразилъ полную готовность.

Затѣмъ, когда осмотръ кончился, онъ представилъ ему меня и Сосновскаго, который также былъ на лодкѣ. Генералу объяснили, что мы пріѣхали въ Китай съ цѣлью ознакомленія съ ихъ страною, черезъ которую намѣрены проѣхать отсюда поперекъ и вернуться на родину съ противоположной стороны. Не зналъ ли онъ дѣйствительно о нашей экспедиціи,—что̀ очень возможно,—или только сдѣлалъ видъ, что не знаетъ, только онъ отнесся къ

этому извѣстію такъ, какъ будто въ первый разъ услыхалъ о немъ.

Капитанъ пригласилъ всѣхъ въ свою каютъ-компанію, гдѣ было приготовлено угощеніе съ разными лакомствами, фруктами и шампанскимъ. Когда всѣ усѣлись вокругъ стола и началась бесѣда, разговоръ сначала долго вертѣлся на торпедо, потомъ Ли-Хунъ-Чжанъ сталъ разспрашивать насъ о предстоящемъ путешествіи, не разъ выражалъ удивленіе, какъ мы не боимся ѣхать такъ далеко, черезъ мѣста, гдѣ нѣтъ воды, черезъ край, гдѣ еще не совсѣмъ кончилась война, спрашивалъ сколько насъ, есть ли съ нами оружіе, и просилъ показать ему образецъ. Послали за ружьемъ и продолжали бесѣду. Онъ выразилъ, между прочимъ, сожалѣніе, что въ Китаѣ нѣтъ ни телеграфовъ, ни желѣзныхъ дорогъ, прибавивъ, что онъ непремѣнно устроилъ бы и тѣ и другія, если бы всѣ правительственныя лица были однихъ съ нимъ взглядовъ, а то есть много противниковъ этихъ нововведеній.

Принесли ружье (штуцеръ системы Бердана), объяснили способъ его употребленія и показали силу боя. У китайцевъ просто глаза разгорѣлись,—такъ оно имъ понравилось. Имъ, видимо, хотѣлось все перенять, все завести у себя, и генералъ, справившись о названіи ружья, велѣлъ своему адъютанту записать его. Ружье назвали, какъ ихъ вообще называютъ,—берданкой, и тотъ записалъ со всею точностью, какая возможна для китайскаго письма. Онъ написалъ и прочелъ: „Па-ли-данъ-кэ“.

Генералъ справился о его цѣнѣ и спросилъ у Сосновскаго: а нельзя ли получить нѣсколько такихъ ружей, и если можно, то желательно бы поскорѣе. Онъ даже хотѣлъ и деньги впередъ заплатить. Тотъ отвѣчалъ, что очень возможно, что Сосновскому стоитъ только написать въ Россію письмо, и ему, Ли-Хунъ-Чжану, ружья будутъ высланы немедленно Генералъ былъ оченъ обрадованъ и пожелалъ получить тысячу штукъ.

— Черезъ два, много три мѣсяца вы ихъ навѣрно получите, сказалъ Сосновскій съ полною развязностью и, конечно, столь необдуманно. И исполнявшій обязанность переводчика, г. Успенскій, какъ секретарь консульства, предупреждалъ Сосновскаго, что подобнаго обѣщанія никакъ не слѣдовало давать, особенно въ виду политическихъ обстоятельствъ даннаго времени (у Китая тогда была война съ Японіей). Онъ говорилъ, что это дѣло не обойдется безъ затрудненій, и что, помимо посланника. даже не увѣдомивъ его предварительно, отнюдь нельзя дѣлать подоб-

ныхъ вещей. Онъ даже отказывался передавать Ли-Хунъ-Чжану слова Сосновскаго, но тотъ брался самъ исполнить обѣщаніе. Такимъ образомъ дѣло о ружьяхъ считалось рѣшеннымъ [1]).

Потомъ разговоръ получилъ другое направленіе. Ли-Хунъ-Чжанъ спросилъ у насъ, есть ли у насъ карты западнаго Китая; сказалъ самъ, что мы, конечно, будемъ производить съемку во время пути и попросилъ прислать ему потомъ одинъ экземпляръ нашей новой карты... Вотъ какъ относится этотъ подозрительный китаецъ къ съемкамъ въ ихъ странѣ, подумалъ я, и вспомнилъ разсказы многихъ путешественниковъ о невозможности какихъ-либо подобныхъ работъ въ Китаѣ, о необходимости производить ихъ тайкомъ, прибѣгая къ разнымъ отведеніямъ глазъ. Но, можетъ быть, въ этомъ выражалась также исключительная черта просвѣщеннаго генерала: можетъ быть, другіе, думалъ я, отнесутся къ этому совсѣмъ иначе...

Занимаясь со страстію усовершенствованіемъ китайской арміи и желая преобразовать ее по европейскому образцу, онъ, какъ умный чедовѣкъ, часто провѣрялъ себя впечатлѣніями другихъ и спрашивалъ ихъ мнѣнія о своихъ солдатахъ. Такъ и сегодня онъ обратился къ Сосновскому съ вопросомъ, видѣлъ ли онъ гдѣнибудь китайскихъ солдатъ и какъ ихъ находитъ?

— Ничего, солдаты молодцы, отвѣчаетъ тотъ еще болѣе развязно.—Все было бы хорошо, если бы только они не стучали такъ ногами, когда маршируютъ... Солдаты должны ходить свободно, вольно, пояснилъ онъ свою мысль.

Секретарь, хотя и съ улыбкой, но передалъ.

— Гмъ! отвѣтилъ на это Ли-Хунь-Чжанъ и, смотря на Сосновскаго, нѣсколько времени помолчалъ. О солдатахъ онъ больше ужъ не спрашивалъ.

Я сидѣлъ молча; альбомъ былъ со мною, и я, слушая эти разговоры, нарисовалъ подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ сцену взрыва торпедо и попросилъ г. Успенскаго передать рисунокъ генералу, объяснивъ что я прошу его сохранить этотъ набросокъ у себя въ память посѣщенія имъ русской военной лодки и нашей встрѣчи. Генералъ былъ изумленъ тѣмъ, откуда взялось это изображеніе, весьма обрадовался подарку и продолжительно благодарилъ меня, сложивъ на груди руки и учтиво раскланиваясь. Свитскіе тотчасъ потянулись къ нему, вставая съ своихъ мѣстъ,

[1]) Посланникъ остановилъ дѣло, и ружья высланы не были.

и желая взглянуть на рисунокъ, который пошелъ по рукамъ, заслуживая отъ всѣхъ похвалы,—поднятія большихъ пальцевъ? спрашиваетъ читатель... Ужъ конечно!

Затѣмъ Ли-Хунъ-Чжанъ велѣлъ передать рисунокъ одному изъ младшихъ офицеровъ, которые не сидѣли за столомъ, а стояли позади старшихъ чиновниковъ, и приказалъ ему тотчасъ отвезти его осторожно къ нему въ домъ.

— Ши! (есть!) коротко отвѣтилъ офицеръ въ знакъ повиновенія и вышелъ. Мандарины теперь принялись внимательнѣе разсматривать меня и сидѣвшіе ко мнѣ ближе пробовали разговаривать; я качалъ головою; улыбался и пожималъ плечами; они старались говорить яснѣе, громче, но, разумѣется, напрасно. Секретарь же былъ единственнымъ переводчикомъ и былъ занятъ, такъ какъ генералъ продолжалъ бесѣдовать съ Сосновскимъ. Онъ предложилъ ему въ это время вопросъ о томъ, знаетъ ли онъ какого-то Цзо-Цзунъ-Тана (генералъ-губернатора Западнаго Китая, какъ пояснилъ секретарь), и какъ онъ его находитъ?

— Какъ же, знаю очень хорошо, отвѣтилъ Сосновскій и прибавилъ, что онъ хорошій администраторъ, но плохой полководецъ.

Генералъ опять задумался.

— А вы можете быть хорошимъ полководцемъ? спросилъ онъ потомъ.

— Могу, отвѣтилъ Сосновскій, такъ весело разсмѣявшись, что разсмѣшилъ китайскаго генерала, который, по окончаніи этого смѣха, собрался уѣзжать и при прощаньи еще разъ повторилъ свою просьбу, чтобъ обѣщанныя ружья были высланы какъ можно скорѣе.

Была уже ночь. Мы всѣ проводили его съ лодки на берегъ, гдѣ его ожидалъ паланкинъ. Кланялся онъ, стоя у носилокъ; кланялись мы; мандарины его свиты дѣлали передъ нимъ реверансы и также кланялись. Наконецъ онъ сѣлъ въ носилки; ихъ закрыли до половины занавѣской; четыре носильщика ловко подняли ихъ и быстро зашагали по набережной; конвойные солдаты дали два залпа изъ ружей и послѣдовали за генераломъ. Остальные мандарины вернулись на лодку и продолжали бесѣду о разныхъ предметахъ военнаго и морского дѣла; и теперь я внимательнѣе разсмотрѣлъ ихъ. Они были большею частью живые, любознательные люди; но симпатичнѣе всѣхъ одинъ, по имени Лю, капитанъ китайской паровой яхты и, какъ говорили, люби-

мецъ Ли-Хунъ-Чжана. Онъ былъ человѣкъ среднихъ лѣтъ, съ пріятной физіономіей, и живой, страстный, постоянно возбужденный любовью къ знанію. Разсказывали, что онъ былъ слугою Ли-Хунъ-Чжана и сдѣлалъ карьеру благодаря своимъ дарованіямъ, прилежанію и трудолюбію. И если это правда, если карьеры этимъ путемъ часто дѣлаются въ Китаѣ, то этому государству не грозитъ разрушеніе. Лихорадка любознательности снѣдала Лю, но и ему, какъ знакомому читателю Янъ-Фану, недостатокъ основнаго общаго образованія мѣшалъ хорошо понимать спеціальные предметы, что онъ самъ сознавалъ; и это, видимо, приводило его въ раздраженіе, но онъ не терялъ надежды научиться всему, чему хотѣлъ. Онъ говорилъ по-англійски, хотя плохо, на особомъ ломанномъ языкѣ, который образовался подобно нашему кяхтинскому и представляетъ особое англо-китайское нарѣчіе, называемое „бидженъ“, т.-е, business (бизнэсъ), дѣло (business language,—дѣловой языкъ). Наконецъ мы простились и, вернувшись домой, стали готовиться къ отъѣзду.

Завтра рано утромъ мы отправлялись въ Шанъ-Хай,—увы! моремъ. Наши вещи были уже перевезены на пароходъ: билеты прямаго сообщенія на проѣздъ до Хань-Коу взяты (по 120 серебряныхъ рубля съ каждаго пассажира), и мы, проведя вечеръ у г. Старцова, куда собрались всѣ русскіе—проводить насъ, перебрались на пароходъ, что совершилось только въ третьемъ часу ночи.

Во время разговоровъ сегодняшняго вечера г. Старцовъ и другіе много говорили намъ о нѣкоемъ М. Г. Шевелевѣ, живущемъ въ Хань-Коу, какъ объ очень развитомъ и хорошемъ человѣкѣ, и желая пользы дѣлу экспедиціи настоятельно совѣтовали во что бы ни стало уговорить его ѣхать съ нами въ качествѣ превосходнаго переводчика и какъ человѣка знакомаго съ коммерческимъ дѣломъ... Слава Богу, думалъ я, у насъ будетъ наконецъ именно такой переводчикъ, какого намъ нужно.

Отовсюду я увозилъ хорошія воспоминанія и чувства благодарности за радушный пріемъ и вниманіе, какіе оказывали намъ наши соотечественники; а съ другой стороны отовсюду увозилъ болѣе и болѣе крѣпкое убѣжденіе въ томъ, что ничто намъ въ прокъ не пойдетъ, потому что распорядителемъ у насъ капитанъ Сосновскій.

ГЛАВА IV.

ЧЕРЕЗЪ ШАНЪ-ХАЙ ВЪ ХАНЬ-КОУ.

Мы на морѣ.—Продолжительная стоянка на якорѣ.—Надменный капитанъ парохода.—Дѣятельность на кораблѣ.—Курильщики опія на пароходѣ.—Птицы, прилетающія отдыхать.—Гигантское устье Янъ-Цзы-Цзяна.—Приходъ въ Шанъ-Хай.—Oriental Hotel.—Знакомства.—Китайскій банкъ.—Въ камерѣ китайскаго судьи.—Китайскій арсеналъ и казенный домъ.—Обѣдъ у китайскаго судьи Чэнъ.—Ночлежные пріюты.—Опійныя курильни.—Китайскій городъ.—Католическій дѣтскій пріютъ.—Си-Ка-Вэй.—Отрубленная голова въ клѣткѣ.—Ночная прогулка въ Смѣшанномъ городѣ.—Отъѣздъ.—На пароходѣ вверхъ по Янъ-Цзы-Цзяну.—Виды береговъ.—Китаянка Филомена.—Пріѣздъ въ Хань-Коу.

16 октября.

Я зналъ, что мѣстность въ низовьяхъ р. Бэй-Хо не представляетъ ничего особеннаго, да и чувствовалъ сильную усталость, а потому легъ спать и проснулся, когда мы уже пришли въ фортъ Да-Гу, построенный при ея устьѣ.

День былъ сѣрый и холодный; я вышелъ на палубу и увидалъ себя среди обширнаго моря (Китайскаго или Желтаго) почти со всѣхъ сторонъ окаймлявшаго горизонтъ; только при устьѣ рѣки глазамъ являлись ея низкіе берега съ нѣсколько возвышающимися надъ ними фортами. Эти форты помнятъ лордовъ Сэймура и Эльджина, начальниковъ англійской арміи, высадившейся здѣсь во время послѣдней войны съ Китаемъ; но и англійскія войска вѣроятно не забыли топей здѣшнихъ илистыхъ береговъ, гдѣ они потеряли много своихъ солдатъ, которые не могли выбраться изъ болотъ и погибли въ нихъ. Въ устьѣ рѣки и по заливу было разсѣяно много китайскихъ джонокъ, стоявшихъ на якоряхъ съ поднятыми для просушки парусами. Вотъ и все, что можно было видѣть съ корабля. Вскорѣ мы снялись съ якоря и

вышли въ открытое море. Почти тотчасъ насъ стало покачивать, а къ вечеру вѣтеръ засвѣжѣлъ, качка усилилась и нѣкоторые изъ спутниковъ стали страдать отъ морской болѣзни, особенно Матусовскій.

Итакъ, нежданно-негаданно мы очутились на бортѣ американскаго парохода—праздными пассажирами перваго класса, вмѣсто того, чтобъ пробираться тихонько по землѣ Срединнаго Царства, преисполненной всевозможнаго интереса,—только умѣй находить его, да имѣй время брать; а матеріалу, говорю сколько душѣ угодно... Тутъ же, расхаживая по корабельной палубѣ да комфортабельнымъ салонамъ, какую дань возьмешь съ океана, хоть и Великаго? Развѣ нѣсколько многозначительныхъ фразъ безъ глагола, выражающаго какое-либо дѣйствіе, напримѣръ: „отъ береговъ моря Балтійскаго до отдаленныхъ береговъ Великаго Океана и отъ этихъ послѣднихъ до Балтійскаго моря“... А дальше что? Сегодня качало; на завтра качать перестало. Нынче погода прекрасная; завтра—буря и опять качка; вчера море свѣтилось, а сегодня ни одной искорки... Вотъ и все. Только слава, что видѣли Желтое море!..

Море—тоже хорошая вещь; я и отъ него не прочь; всѣмъ сердцемъ обрадовался ему, когда, проснувшись сегодня утромъ, вышелъ на палубу и увидалъ передъ собой его безпредѣльный просторъ и набралъ полную грудь его живительнаго воздуха. Да не за тѣмъ мы поѣхали, чтобъ огибать водою сѣверную половину приморской границы Китая, ничего не видавъ отъ послѣдняго, кромѣ Шань-Дун'скаго мыса. И что теперь будешь отвѣчать читателю, этому неумолимому читателю, которому все давай подробныя, точныя свѣдѣнія, въ которыхъ бы не было сомнѣній; давай живыя, бытовыя сцены изъ жизни интереснаго народа; давай картины; привози какъ можно больше всевозможныхъ предметовъ—и обыденныхъ, житейскихъ и чисто научныхъ. Ахъ, строгій читатель, развѣ мы не привезли бы всего, чего ты такъ страстно желаешь, да не наша вина. Виноваты во всемъ китайцы; только не правительство, нѣтъ, оно благословило насъ на свободное странствованіе по своей землѣ, куда мы хотимъ; не подозрительный народъ, а только злодѣи извозщики!.. И вотъ, какъ это вышло.

Извозчики, или хозяева вьючныхъ муловъ, которыхъ они отдаютъ путешественникамъ въ наемъ подъ верхъ или подъ вьюки для перевозки багажа, не сошлись съ Сосновскимъ въ цѣнѣ.

Ужъ онъ торговался, торговался съ ними; дней пять ходили они къ намъ, но все-таки на его цѣну не согласились.

„Ну, не хотите, такъ мы моремъ поѣдемъ“! сказалъ онъ имъ, и достойно наказалъ ихъ, лишивъ заработка, которымъ они только и живутъ. Вѣдь, бѣдняги, всѣ почти нищіе... Итакъ они потеряли возможный заработокъ; мы же только въ барышахъ остались, потому что моремъ гораздо дешевле проѣдемъ, тѣмъ болѣе, что за казаковъ и Ѳедора здѣсь платить не нужно. А задачи экспедиціи отъ этого нисколько не пострадаютъ, потому что всѣ нужные строгому читателю отвѣты непремѣнно привезутъ поѣхавшіе сухимъ путемъ „иркутскій гражданинъ“ (оффиціальное названіе нашего переводчика Андреевскаго) и „представитель серьезной фирмы“ (такое же названіе китайскаго переводчика Сюя).

И какъ я имъ завидовалъ, какъ мнѣ хотѣлось присоединиться къ нимъ, хотя бы даже съ оффиціальнымъ званіемъ „вносителя раздоровъ въ семью экспедиціи“! Но Сосновскій очень берегъ мое слабое здоровье и силы, и потому находилъ, что мнѣ покойнѣе и здоровѣе совершить переѣздъ до Хань-Коу моремъ, чѣмъ тащиться сухимъ путемъ, гдѣ, онъ зналъ, я буду работать до изнеможенія. Большое спасибо ему! А съ другой стороны и раздоровъ меньше, когда я меньше работаю, такъ какъ теперь уже не было тайной, что мои успѣхи сдѣлали меня его врагомъ.

17 октября.

Шли всю ночь, болѣе или менѣе страдая, какъ всегда бываетъ въ первые дни, отъ морской болѣзни, и, перейдя заливъ Бэй-Чжи-Ли, около девяти часовъ утра стали на якорь противъ порта Чжи-Фу, гдѣ по причинѣ волненія, которое не унималось, простояли цѣлый день; но не потому, конечно, что пароходъ не могъ идти, а потому, что лодки съ берега не могли подойти къ нему, чтобы взять грузъ, назначенный для Чжи-Фу и доставить на него уголь, который онъ долженъ былъ здѣсь взять. Съ берега пріѣзжалъ на нашъ корабль только какой-то чиновникъ пароходной компаніи; гребцы были китайцы, и я тутъ увидѣлъ, какіе они молодцы, какъ смѣло и ловко дѣйствуютъ на водѣ; прежній фальшивый образъ слабосильнаго и трусливаго китайца, какимъ онъ представлялся мнѣ по невѣдѣнію моему, уступилъ теперь мѣсто другому, совсѣмъ иному впечатлѣнію.

На рейдѣ стояли еще три парохода и много парусныхъ китайскихъ судовъ, якорныя цѣпи которыхъ натянулись у всѣхъ какъ

струны. Въ морѣ судовъ нигдѣ не видно и вѣтеръ дѣйствительно очень свѣжій; нашъ пароходъ такъ качаетъ, что по его гладкой палубѣ страшно ходить,—того и гляди, что снесетъ въ море. Онъ пробушевалъ всю ночь, и свистъ его въ корабельныхъ снастяхъ да скрипъ парохода, переваливающагося съ боку на бокъ, не особенно хорошо дѣйствуютъ на непривычнаго человѣка.

18 октября.

И весь этотъ день мы простояли здѣсь же, на якорѣ, теперь по случаю выгрузки и нагрузки товаровъ. Не унимавшееся волненіе помѣшало мнѣ съѣздить на берегъ, такъ что пришлось ограничиться знакомствомъ издали съ общимъ видомъ Чжи-Фу при помощи бинокля, да тѣмъ, что можно было вычитать въ книгѣ Treaty ports of China and Japan, къ которой я и отсылаю читателя, если онъ пожелаетъ подробнѣе ознакомиться съ этимъ портомъ и его дѣятельностью.

Городокъ растянулся длинной полосой по берегу моря на небольшихъ возвышенностяхъ, образуемыхъ здѣсь почвою. Домики маленькіе, сѣрые, съ виду европейскіе, исключая одной стоящей на вершинѣ холма китайской башни, на которой устроенъ маякъ. За домами зеленѣютъ сады, рощицы, а повыше, на склонахъ холмовъ, виднѣются поля, среди которыхъ стоитъ длинное бѣлое зданіе съ высокой церковью—католическій монастырь... Однако не мало уже здѣсь этихъ монастырей: католики, какъ видно, близко принимаютъ къ сердцу печальное заблужденіе китайцевъ и изъ всѣхъ силъ стараются озарить ихъ истиннымъ свѣтомъ христіанства. Какіе добрые и самоотверженные люди!..

На рейдѣ около Чжи-Фу стоитъ множество лодокъ и джонокъ разныхъ величинъ и фасоновъ, и ихъ столпившіяся мачты дѣйствительно напоминаютъ лѣсъ. Чжи-Фу имѣетъ до 12 т. жителей; здѣсь, говорятъ, здоровый климатъ, и онъ привлекаетъ сюда много иностранцевъ, французовъ, англичанъ, нѣмцевъ и американцевъ, которые имѣютъ тутъ свои хорошіе, прочно построенные дома. Больше разсматривать нечего.

Погода мѣняется чуть не каждую минуту: то выглянетъ солнце, то опять станетъ пасмурно, какъ въ сумеркахъ; однако дождя не было, и я все время оставался на палубѣ. Вотъ раздается звонокъ къ завтраку; потомъ является слуга китаецъ, скверно говорящій по англійски, и приглашаетъ меня „чавъ-чавъ“ (искаженное китайское слово, чóу-и-чóу—пробовать, кушать,—усвоен-

ное не только европейцами, но и китайцами). На пароходѣ Шань-Дунъ, какъ вѣроятно и на другихъ, пассажировъ просто закармливаютъ, и человѣкъ съ большимъ аппетитомъ могъ бы блаженствовать тутъ за ѣдой чуть не съ утра до ночи. Въ самомъ дѣлѣ: отъ пяти до восьми часовъ утра здѣсь можно пить чай или кофе, въ девять часовъ завтракаютъ (breakfast); въ часъ пополудни завтракаютъ второй разъ (lunch) и наконецъ въ шесть обѣдаютъ (dine); и почти каждый изъ этихъ трехъ разъ подаютъ одинаковое число блюдъ, т.-е. до десяти, съ фруктами, которыхъ не бываетъ только за девятичасовымъ завтракомъ.

Прихожу къ столу и въ первый разъ встрѣчаюсь съ капитаномъ, мистеромъ Уиндзоръ. Этотъ красивый американецъ, человѣкъ среднихъ лѣтъ, вѣжливо, но молча раскланялся съ нами, и все время потомъ имѣлъ самый серьезный, даже можно сказать надменный видъ. Другихъ пассажировъ перваго класса, кромѣ насъ, на пароходѣ не было, то-есть былъ одинъ китаецъ, но китайцы почему-то почти никогда не являются къ общему столу, а обѣдаютъ въ своей каютѣ и иногда даже запасаются своей провизіей: не любятъ ли чужихъ кушаній, непріятно ли имъ общество иностранцевъ,—не знаю.

Мы говорили между собою (по-русски, разумѣется), а капитанъ ни однимъ словомъ не нарушалъ молчанія и только изрѣдка украдкой посматривалъ на насъ. Не знаю, какое впечатлѣніе произвели на него мы, а мы невольно пришли къ заключенію, что онъ долженъ быть очень гордымъ человѣкомъ; и, не имѣя никакой надобности заискивать его расположенія, оставили его въ покоѣ. Такъ весь завтракъ и прошелъ въ молчаніи. Кончивъ ѣду, я остался за столомъ и раскрылъ книгу Middle Kingdom, которую читалъ раньше. И вдругъ, увидавъ ее въ моихъ рукахъ, капитанъ преобразился, точно воскресъ, и сейчасъ же заговорилъ самымъ любезнымъ и удивленнымъ тономъ.

— Вы читаете по-англійски, слѣдовательно и говорите?! обратился онъ ко мнѣ и просто просіялъ до неузнаваемости.— А я сидѣлъ и, вѣрите ли, не смѣлъ на васъ смотрѣть, господа, продолжалъ онъ,—потому что ни на какомъ другомъ языкѣ, кромѣ англійскаго, не говорю, и не могъ предполагать, что вы его знаете... Когда я узналъ, продолжалъ онъ,—что мнѣ предстоитъ ѣхать съ нѣсколькими русскими офицерами, я просто не зналъ, какъ мнѣ быть, что я буду дѣлать, и весь вчерашній день просто мучился этою мыслью, а теперь... Ахъ, какъ я радъ, какъ я радъ!

повторялъ онъ, точно сто тысячъ нашелъ, и сразу превратился въ самаго любезнаго и веселаго человѣка.

Я откровенно признался ему въ своемъ мнѣніи, какое составилъ о немъ на основаніи его молчаливаго и неприступнаго вида, и что только поэтому не рѣшился съ нимъ заговорить. Онъ расхохотался. Мы очень скоро коротко познакомились и теперь за завтраками и обѣдами ни одной минуты не сидѣли молча. Онъ по преимуществу интересовался Россіею и выражалъ свои симпатіи къ русскимъ... Слава Богу, еще не всѣ на свѣтѣ стали ея врагами.

Мнѣ кажется, что ужъ нѣсколько дней стоимъ мы тутъ, все ожидая, когда стихнетъ волненіе и съ берега придутъ ожидаемыя лодки: такъ тянулось время. Скучно было. На пароходѣ почти всѣ люди попрятались, и весь онъ словно заснулъ, убаюканный морскими волнами.

Наконецъ какъ-то вдругъ появились изъ своихъ каютъ служащіе на пароходѣ, выползли изъ трюма матросы и забѣгали по палубѣ; поднялись тревога и крики; начали таскать веревки, блоки, какія-то бревна; нѣкоторые матросы полѣзли на мачты и очень быстро и ловко выдвинули машину для выгрузки и нагрузки. Смотрю и казакъ Степановъ тутъ же дѣйствуетъ,—не вытерпѣлъ. Съ разныхъ точекъ берега теперь поплыли лодки, однѣ съ людьми-китайцами, другія съ тюками и ящиками и, приблизившись, стали подходить по очереди къ пароходу, въ боку котораго въ это время открыли четыре люка. Черезъ два изъ нихъ передавали внутрь привезенную кладь; черезъ два другихъ высаживали пассажировъ второго класса и выгружали ихъ багажъ. Пароходъ точно проснулся и повеселѣлъ; на немъ поднялся такой шумъ и гамъ, столько голосовъ стало орать вдругъ на разные лады, что непривычный и незнающій въ чемъ дѣло человѣкъ, пожалуй, подумалъ бы, что и пароходу, и всѣмъ людямъ грозитъ страшная бѣда; что бѣда уже разразилась и люди, потерявъ головы, только взываютъ къ небу о помилованіи. Нѣчто подобное и мнѣ пришло на мысль въ первую минуту. Причина же этого содома заключалась только въ появленіи и присутствіи китайцевъ,—причина всегда достаточная, чтобъ о тишинѣ не было и помину. Пойдемъ и будемъ наблюдать за этими горластыми крикунами; посмотримъ, почему имъ такъ необходимо драть свои глотки.

Море еще не успокоилось, и подплывавшія къ намъ лодки такъ

дрожали и плясали на метавшихся волнахъ, что ихъ кормчіе едва-едва изловчались, чтобъ какъ-нибудь пристать къ пароходному люку. Вотъ почему и имъ, и гребцамъ, и пассажирамъ, спѣшившимъ скорѣе попасть на пароходъ, надо было кричать изо всѣхъ силъ; а вслѣдствіе этого, конечно, и распорядителямъ на пароходной палубѣ. Не ладится дѣло, не удается что-нибудь, люди злятся и кричатъ. Попалъ какъ-нибудь тюкъ ловко особенно на мѣсто своего назначенія,—кричатъ отъ удовольствія. Окатило волной какую-нибудь лодку и всѣхъ сидящихъ въ ней,—раздается взрывъ самаго веселаго смѣха, противъ котораго никому невозможно устоять, и хохочутъ всѣ зрители.

Мало-по-малу привыкаешь къ этимъ крикамъ; они ужъ не пугаютъ больше, и тогда начинаешь только любоваться на быструю и ловкую работу китайцевъ: весело смотрѣть на нихъ, какъ они на своихъ оригинальныхъ лодкахъ ныряютъ между волнами или вскакиваютъ на ихъ гребни, качаясь на нихъ подобно чайкамъ. Какой смѣлый народъ, что̀ за желѣзные люди эти китайскіе лодочники: одѣтые по лѣтнему, несмотря на холодную погоду, кромѣ того, нерѣдко промокнувъ до послѣдней нитки, они, повидимому, и не замѣчаютъ этого, какъ будто̀ вовсе не чувствуютъ холода!

Здѣшнія лодки, вмѣщающія въ себѣ по нѣсколько десятковъ человѣкъ и большое количество груза, представляютъ оригинальное, весьма практичное устройство, какого я не видывалъ прежде. У нихъ довольно узкій киль, а въ верхней части онѣ расширяются и имѣютъ палубу, которая открывается, какъ крышка, и въ срединѣ ея находится четырехъугольное отверстіе съ довольно высокими бортами. Въ лодку сначала кладется грузъ, потомъ палуба, или крышка, закрывается настолько плотно, что вода никакъ не можетъ попасть въ нее въ большомъ количествѣ; а въ упомянутое среднее отверстіе садятся и становятся люди, сколько ихъ можетъ въ него втиснуться, и въ такомъ видѣ лодка, закрытая почти герметически, смѣло отправляется въ море, купаясь своими закупоренными бортами въ водѣ, которая скатывается съ нихъ буквально, какъ съ гуся. Мнѣ кажется,—можетъ быть, по невѣдѣнію моему,—что такая лодка никогда, ни при какомъ волненіи не можетъ затонуть, если только ея удѣльный вѣсъ не превзойдетъ такого же вѣса воды.

Нагрузка продолжалась весь день до ночи, происходила потомъ и въ потьмахъ, при свѣтѣ фонарей; наконецъ кончилось, и пароходъ опять затихъ. Капитанъ сообщилъ, что въ полночь

мы отходимъ и такъ какъ ожидавшіеся пассажиры изъ Чжи-Фу не пріѣхали, то онъ предложилъ намъ размѣщаться какъ и гдѣ угодно; словомъ, всѣ каюты перваго класса были къ нашимъ услугамъ. Но какъ мало пассажировъ находилось въ первомъ классѣ, такъ было полно второклассное отдѣленіе, занятое исключительно китайцами. Проходя по палубѣ мимо люковъ этого отдѣленія, я постоянно слышалъ сильный запахъ выходившаго оттуда опійнаго дыма, и мнѣ хотѣлось пройти къ нимъ, посмотрѣть на способъ куренія, съ которымъ я былъ еще не достаточно знакомъ.

— Можно ли мнѣ пройти въ отдѣленіе втораго класса? спрашиваю капитана,—не будутъ ли китайцы недовольны, такъ какъ, мнѣ кажется, они курятъ опій до нѣкоторой степени по секрету.

— О нѣтъ, сколько угодно... Да пойдемте вмѣстѣ, пригласилъ онъ, и мы отправились.

Въ отдѣленіи втораго класса отдѣльныхъ каютъ не было; оно представляло общее помѣщеніе, въ которомъ по бокамъ и въ срединѣ устроены въ три яруса койки, и всѣ онѣ были биткомъ набиты китайцами, завалены узлами и заставлены разными съѣстными припасами, которые, какъ передалъ капитанъ, они берутъ съ собой, несмотря на то, что за проѣздную плату (50 ланъ или болѣе ста рублей) имъ предлагается отъ парохода и столъ... Такова должно быть у нихъ привычка къ своимъ кушаньямъ.

Тусклое освѣщеніе этого отдѣленія казалось еще слабѣе отъ опійнаго дыма, наполнявшаго общую каюту, которую мы обошли всю кругомъ: одни пассажиры ходили, другіе играли въ домино, такое же, какъ у насъ; иные ужинали, а остальные лежали на своихъ койкахъ и курили опіумъ. Мы остановились около одного, который только приготовлялъ себѣ трубку, и наше присутствіе нисколько не смутило его; онъ выкурилъ и добродушно улыбнулся намъ; другіе также посмѣивались. Курившихъ было много, и между ними не мало очень молодыхъ людей. Хотя я и находилъ опійный дымъ скорѣе пріятнымъ, чѣмъ противнымъ, тѣмъ не менѣе долго оставаться въ атмосферѣ, напитанной имъ, было съ непривычки тяжело, и мы удалились, сдѣлавъ нѣсколько интересныхъ наблюденій, которыя я сообщу впослѣдствіи.

19 октября.

Пошли наконецъ. Погода наступила хорошая, но море еще не успокоилось, и насъ продолжаетъ качать. Земли не видно нигдѣ,

за исключеніемъ Шань-дун'скаго мыса, который представляется намъ блѣднофіолетовымъ островкомъ надъ темнозеленымъ горизонтомъ моря. Къ нашему пароходу сегодня нѣсколько разъ подлетали разныя птицы: онѣ долго вились надъ нимъ, видимо желая присѣсть отдохнуть; и маленькія птички [1]), какъ болѣе довѣрчивыя, садились на снасти вблизи палубы или на послѣднюю, не подозрѣвая, что съ ними пожелаетъ мило пошутить съ виду такой красивый, но кровожадный звѣрь,—кошка, принадлежавшая капитану; она ловила ихъ и, задушивъ, каталась потомъ въ самыхъ граціозныхъ позахъ, приглашая ихъ отвѣчать на ея заигрыванья. Будь эта кошка моя, я бы научилъ ее уважать чужую жизнь, что совершенно возможно и ни для кого не новость. Но жестокій американецъ и не думалъ запрещать ей ея невинныя развлеченія.

Двѣ горлинки долго летали надъ нами, садились гдѣ нибудь на одну секунду, но, плохо вѣря въ доброту людей, тотчасъ улетали опять и потомъ потерялись изъ виду. Онѣ, вѣроятно, были очень измучены продолжительнымъ полетомъ и голодомъ; жаль было ихъ, бѣдныхъ; но ни покормить, ни пріютить ихъ было невозможно по причинѣ ихъ непобѣдимой осторожности. Интересно было бы узнать, что увлекло этихъ птицъ такъ далеко въ море и куда онѣ направляли свой полетъ.

Цѣлый день мы шли въ открытомъ морѣ и не встрѣтили ничего интереснаго; никакихъ особенныхъ явленій не было; не встрѣчалось никакихъ животныхъ. Только ночью волны опять свѣтились, а также и вода, наливаемая въ темной комнатѣ изъ крана въ стаканъ. Когда она успокоивалась, свѣченіе прекращалось, но достаточно было взболтнуть ее или помѣшать, напримѣръ, пальцемъ, чтобы въ ней снова запрыгали фосфорическія искры. А на видъ она была совершенно чиста.

20 октября.

Оттого ли, что мы спустились къ югу,—мы находились теперь подъ 32° сѣв. широты,—или просто погода улучшилась, только нынѣшній день былъ такой теплый, пріятный, и я ходилъ по палубѣ въ одномъ сюртукѣ съ открытой головой. Надъ нами стояло голубое небо, а кругомъ разстилалась безпредѣльная гладь водъ, которыя отъ волненія казались темными, почти черными.

---

[1]) Изъ нихъ узнана только одна,—Regulus ignicapillus.

Пользуясь хорошей погодой, китайцы-пассажиры также появились сегодня на палубѣ и, подойдя, вѣжливо осматривали и меня самого, и мой сюртукъ съ лицевой стороны и съ подкладки, разсматривали накрахмаленные рукава моей рубашки и ботфорты, и все расхваливали. Они обращались ко мнѣ съ разговоромъ, повидимому съ какими-то вопросами, которыхъ я не понималъ и въ этихъ случаяхъ отвѣчалъ что нибудь по-русски. Мы взаимно очень сожалѣли, что не можемъ поговорить другъ съ другомъ, а поговорить со мною имъ, кажется, хотѣлось еще сильнѣе, чѣмъ мнѣ съ ними.

Прекрасная звѣздная ночь смѣнила день; воздухъ успокоился, но неугомонное море все покачиваетъ насъ, и пароходъ не перестаетъ скрипѣть и трещать. Гребни волнъ всю ночь искрились фосфорическимъ свѣтомъ.

21 октября, воскресенье.

— Сегодня придемъ въ Шанъ-Хай, объявилъ намъ капитанъ. А пока мы еще въ открытомъ морѣ, познакомимся съ нимъ предварительно. Этотъ уѣздный городокъ одной изъ восточныхъ провинцій,—Цзянъ-Су, лежитъ почти на 30 градусовъ южнѣе Петербурга и приблизительно на 90 градусовъ восточнѣе его, близъ того мѣста, гдѣ гигантская рѣка, очень поэтично названная китайцами Сыномъ Океана (Янъ-Цзы), изливаетъ въ море свои воды. Неважный самъ по себѣ, Шанъ-Хай пользуется всемірной извѣстностью за ту важную роль, какую онъ играетъ въ заграничной торговлѣ Китая. Англичане своимъ практическимъ, дальнозоркимъ умомъ провидѣли его значеніе и раньше всѣхъ позаботились о томъ, чтобы занять лучшее мѣсто на всемірномъ коммерческомъ пиру, который богатый Китай будетъ еще долго давать другимъ націямъ.

Не стану разсказывать, какъ они пришли сюда въ 1841 году и какъ потомъ, послѣ Нань-Кин'скаго трактата, основали свой settlement рядомъ съ китайскимъ Шанъ-Хаемъ. Эта юная колонія теперь уже представляетъ „городъ дворцовъ“, какъ его иногда называютъ. Въ немъ теперь живутъ представители восемнадцати различныхъ націй, все народъ дѣловой, люди капитала въ душѣ и на дѣлѣ. Теперь здѣсь, кромѣ англійской, еще двѣ колоніи,—французская и американская, и всѣ вмѣстѣ онѣ образуютъ, такъ-сказать, европейскій Шанъ-Хай съ своимъ управленіемъ, по-

лиціей и всѣми преимуществами хорошаго европейскаго города, и если еще не всѣми, то многими недостатками его...

Но вотъ показались берега въ видѣ узенькой полоски земли; мы постепенно приближаемся къ нимъ, и я не замѣтилъ, когда и какъ вошли мы въ гигантское устье Янъ-Цзы-Цзяна. Мнѣ это сказали; но и теперь, уже зная, я не могу понять его береговъ. Капитанъ парохода указываетъ мнѣ на тоненькія полоски земли или какъ будто ряды невысокихъ деревьевъ, появившіеся на горизонтѣ; но они такъ удалены одинъ отъ другаго, что съ корабля, вошедшаго въ устье рѣки, они едва видны.

Такъ же незамѣтно мы перешли изъ этого устья Янъ-Цзы въ притокъ послѣдняго, рѣку У-Сунъ, и теперь стало ясно, что мы идемъ по рѣкѣ; но все-таки водная поверхность была огромная, и никакихъ подробностей на берегахъ разглядѣть невозможно: въ бинокль вижу только, что они низки, что вездѣ зелены, какъ лѣтомъ; на нихъ, по мѣрѣ нашего движенія, встрѣчаются устья впадающихъ здѣсь маленькихъ рѣчекъ, загроможденныя лодками; на берегахъ ихъ расположены деревни, а между послѣдними тянутся непрерывныя поля, покрытыя, какъ казалось, всходами новыхъ посѣвовъ, но такъ ли это и какихъ именно растеній, я не могъ ни разглядѣть, ни узнать изъ разспросовъ. Солнце не грѣетъ, а просто жжетъ....

Черезъ нѣсколько времени передъ нами вдали показался городъ, сначала въ голубоватомъ туманѣ, въ видѣ немногихъ свѣтлыхъ пятнышекъ, которыя потомъ превратились въ дома, и окна послѣднихъ, отражая солнечный свѣтъ, горѣли словно бриллианты. Видъ постепенно становился открытѣе и пространнѣе, потому что рѣка расширилась до размѣровъ озера. Мы быстро приближаемся къ городу, проходимъ мимо нѣсколькихъ превосходно устроенныхъ загородныхъ дачъ съ оранжереями, купальнями и другими условіями европейскаго комфорта. Число разнообразныхъ судовъ увеличивается, и на нихъ развѣваются флаги различныхъ націй, а также множество туземныхъ судовъ разсѣяно по гладкой водной поверхности, и повсюду кипитъ жизнь. Приходятъ, отходятъ, грузятся; раздаются звонки и сигнальные звуки рожка; слышится разноголосый стукъ желѣза въ мастерскихъ; отдается команда; доносятся бряцанье якорныхъ цѣпей, шумъ и свистки сотенъ работающихъ здѣсь машинъ... Вотъ она, хотя и насильно привитая, но хорошо привившаяся новая жизнь

на дальнемъ востокѣ! За то о Китаѣ здѣсь ничто не говоритъ и не можешь вѣрить, что видишь передъ собою его владѣнія.

Подходимъ къ городу и идемъ вдоль набережной, на которой находится много различныхъ мастерскихъ, складовъ разнаго товара и угля: это рабочая часть города. Но постепенно набережная принимаетъ все болѣе и болѣе изящный видъ: дома ея красивѣе, улица чистая съ гладкой мостовой, по которой ѣдутъ англійскіе экипажи; вездѣ много людей въ европейскихъ и китайскихъ костюмахъ, двигающихся по разнымъ направленіямъ. Откуда-то донеслись звуки оркестра духовой музыки, и ею точно насъ встрѣтили, потому что въ это самое время нашъ пароходъ остановился у пристани. Мы остановились у европейскаго города, а дальше по берегу, за стройнымъ рядомъ высокихъ красивыхъ зданій, тянулись китайскіе дома, съ своими оригинальными крышами, и около нихъ буквально непроглядный лѣсъ мачтъ отъ столпившихся у берега туземныхъ судовъ, которыя навѣрно здѣсь надо считать тысячами.

Мы стояли на палубѣ и смотрѣли на берегъ, стараясь узнать въ толпѣ русскаго консула Ю. А. Рединга, котораго увѣдомили изъ Тянь-Цзиня о нашемъ пріѣздѣ; но мы не знали его лично и потому ожидали, что онъ самъ придетъ къ намъ на пароходъ. Дѣйствительно онъ вскорѣ явился, и мы, простившись съ „надменнымъ“ капитаномъ, отправились съ нашимъ новымъ знакомымъ въ рекомендованную намъ гостинницу—„Oriental Hôtel“, а казаки остались на пароходѣ съ вещами, за которыми должны были прислать китайцевъ съ тачками.

Едва мы ступили на берегъ, какъ послѣдніе, подобно нашимъ извозчикамъ, поднявъ страшный крикъ, наперерывъ начали предлагать намъ свои миніатюрные экипажи, стоявшіе тутъ же безъ всякихъ впряженныхъ въ нихъ животныхъ. Эти экипажи представляютъ или тачки, на какихъ у насъ возятъ багажъ, воду, зелень и проч., или похожи на крытыя колясочки, въ какихъ катаютъ дѣтей или больныхъ; ихъ везутъ сами китайцы, становясь сзади или впрягаясь спереди. Безъ привычки ѣздить на людяхъ въ такой экипажъ просто совѣстно сѣсть, и мы предпочли пройтись пѣшкомъ, что кромѣ того всегда полезнѣе, когда желаешь больше увидать.

На пути къ отелю мы прошли по самой парадной части набережной, мимо дѣйствительно прекрасныхъ домовъ, выходящихъ фасадомъ на улицу, или скрытыхъ въ глубинѣ густыхъ садовъ,

между разнообразными и совершенно зелеными деревьями которыхъ выглядывали крупные листья банановъ, пальмы-латаніи и магноліи и сквозили гладкіе и свѣжіе, какъ весною, газоны. Отъ этой набережной отходятъ улицы съ гладкой и чистой, какъ полъ, мостовою; по нимъ мчались щегольскіе экипажи съ англійской упряжью, а также бѣжали китайцы съ своими колясочками, въ которыхъ они везли исключительно европейцевъ. Въ одномъ кабріолетѣ сидѣла нарядная европейская дама съ ребенкомъ на колѣнахъ; рядомъ съ нею грумъ-китаецъ, лѣтъ шестнадцати, правившій лошадью; а сзади, спиною къ нимъ, пожилая китаянка,— нянька, судя по виду. Вездѣ встрѣчалось много китайцевъ и моряковъ разныхъ націй; много европейскихъ дамъ спокойно прогуливались по улицамъ пѣшкомъ. И эти сцены такой тѣсной совмѣстной жизни европейцевъ съ туземцами были для меня новостью.

Погода стояла великолѣпная; мѣстные жители, вѣроятно, рады были, что кончились лѣтніе жары и наступило свѣжее осеннее время, въ какое можно гулять, а мнѣ казалось было жарко, какъ лѣтомъ. Пришли въ гостинницу, хозяинъ которой американецъ, а вся прислуга состоитъ изъ китайцевъ, и тотъ и другіе говорятъ только по-англійски или по-китайски, такъ что здѣсь безъ англійскаго языка шагу нельзя сдѣлать, какъ въ Европѣ безъ французскаго, если не знаешь туземнаго. Намъ дали двѣ просторныхъ комнаты, порядочно меблированныхъ, каждая съ двумя хорошими кроватями. Плата берется не съ комнаты, а съ лица, по три доллара въ сутки, съ кофеемъ, завтракомъ и обѣдомъ, которыми разрѣшается не пользоваться, но за которые не позволяется не платить даже и въ такомъ случаѣ.

Былъ уже полдень, когда мы устроились, и вскорѣ явился китаецъ, приглашая насъ „чавъ-чавъ“, т.-е. завтракать. Мы отправились въ столовую, гдѣ всѣ, впрочемъ немногочисленные, обитатели отеля сидѣли за общимъ столомъ, очень мило убраннымъ букетами свѣжихъ цвѣтовъ.

Послѣ завтрака привезли съ парохода багажъ, и за доставку вещей, моихъ и Матусовскаго, я далъ привезшему ихъ китайцу два доллара; но онъ остался недоволенъ и говорилъ что-то, но такомъ ломаномъ англійскомъ языкѣ, что я никакъ не могъ понять его. Въ это время къ намъ вошелъ хозяинъ отеля, справиться всѣмъ ли мы довольны, и я обратился къ нему съ просьбою объясниться съ китайцемъ, котораго я не могъ понять, и

узнать, сколько онъ желаетъ получить еще сверхъ двухъ долларовъ.

— Вы дали ему два доллара? За доставку вещей съ парохода сюда? А онъ еще проситъ! Это совершенно понятно: онъ проситъ больше потому, что вы дали и такъ слишкомъ много.

Сказавъ это, онъ взялъ у китайца одинъ долларъ назадъ и отдалъ мнѣ, а китайцу далъ подзатыльникъ, закричалъ и затопалъ на него ногами, послѣ чего тотъ немедленно убрался безъ всякихъ объясненій, но вѣроятно съ большими сожалѣніями.

Такъ какъ мы предполагали пробыть въ Шанъ-Хаѣ только два дня, то я спѣшилъ ознакомиться хотя съ внѣшней стороной его; а познакомиться тутъ было съ чѣмъ какъ въ китайскомъ, такъ и въ европейскомъ городѣ. Кромѣ нашего консула мы скоро пріобрѣли еще нѣсколько человѣкъ знакомыхъ между европейцами, и всѣ они любезно приглашали насъ къ себѣ и предлагали быть нашими руководителями. Составлять систему или выбирать было некогда; надо было брать, что̀ представлялось.

Такъ г. Рединъ предложилъ сегодня сдѣлать прогулку на скачки, и мы отправились пѣшкомъ. Проходя по англійскому кварталу города, я совершенно забылъ, что нахожусь въ Китаѣ: видъ его чистыхъ улицъ съ прекрасными мостовыми, газовые фонари, большіе дома, магазины, церкви, почтамтъ, аптека, люди въ европейскомъ платьѣ, все переносило мысли въ Европу; но съ удаленіемъ отъ набережной характеръ города измѣняется: европейскій элементъ постепенно слабѣетъ, а китайскій начинаетъ преобладать. Хотя улицы и здѣсь также широки, гладки и чисты, но дома съ непремѣнными лавками почти въ каждомъ изъ нихъ подходятъ къ китайскому типу, хотя во многомъ отличаются отъ настоящихъ туземныхъ; народу на улицахъ здѣсь больше; европейцевъ мало; видны все китайцы и китаянки, и послѣднихъ тутъ встрѣчается гораздо болѣе, чѣмъ въ настоящихъ китайскихъ городахъ. Эта часть Шанъ-Хая называется смѣшаннымъ городомъ, гдѣ живутъ китайцы въ своихъ домахъ, построенныхъ на территоріи, принадлежащей европейцамъ. Онъ имѣетъ свое особое управленіе и свой судъ, въ которыхъ служатъ представители какъ китайской, такъ и европейской власти.

Проходя мимо дома здѣшняго судьи, гдѣ обыкновенно производится самый судъ и гдѣ находится также тюрьма, мы увидали на дворѣ послѣдней трехъ человѣкъ, подвергнутыхъ оригинальному наказанію: на шеѣ у нихъ были надѣты большія и толстыя

квадратныя доски, прикрѣпленныя цѣпями къ тумбамъ. Эта доска состоитъ изъ двухъ половинъ съ полукруглыми вырѣзками на внутреннихъ краяхъ, и когда онѣ складываются около шеи и замыкаются особымъ замкомъ, голова кажется продѣтой сквозь круглое отверстіе въ квадратной доскѣ, такъ что снять послѣднюю, не отомкнувъ замка или не разбивъ ея, невозможно. А какъ разобьешь на своей шеѣ! Простая, но мучительная штука, и подобный галстукъ надѣваютъ, говорятъ, иногда даже на мѣсяцъ и болѣе!

Чѣмъ далѣе подвигались мы къ мѣсту скачекъ, тѣмъ болѣе возрастало оживленіе; толпа становилась гуще и шумнѣе; экипажей ѣхало больше, и между ними былъ одинъ оригинальный шарабанъ, большой, высокій, запряженный парой прекрасныхъ лошадей; въ немъ сидѣло шесть молоденькихъ нарядныхъ и что-то ужъ слишкомъ развязныхъ китаянокъ. Въ ихъ манерахъ и дѣйствіяхъ не было нисколько той застѣнчивой робости, которая такъ характеризируетъ настоящую молодую дочь Поднебесья, забитую, униженную и постоянно скрываемую отъ излишняго любопытства постороннихъ глазъ. Эти дѣвицы, напротивъ, смѣло осматривали толпу своими черными глазами и, встрѣтивъ взглядъ, иногда весьма краснорѣчиво улыбались; онѣ развязно и громко болтали между собою, и часто безъ малѣйшей церемоніи указывали пальцами на того или другаго изъ проходившихъ по улицѣ, и сейчасъ же вслѣдъ за этимъ громко хохотали. Я не зналъ, кто онѣ такія, но онѣ рекомендовали себя очень плохо. Въ толпѣ, наполнявшей улицу, были, кромѣ европейцевъ и китайцевъ, еще представители японцевъ, индійцевъ, персіянъ, арабовъ и негровъ.

Наконецъ пришли къ кругу, по которому въ это время неслась кавалькада наѣздниковъ, въ яркоцвѣтныхъ костюмахъ и такихъ же фуражкахъ. Народу было такое множество, что подойти поближе къ барьеру не было никакой возможности, и мы, постоявъ немного, вернулись назадъ по другимъ улицамъ и вышли опять на набережную, къ скверу. На немъ стоитъ памятникъ англійскимъ офицерамъ, убитымъ въ 1862—64 годахъ въ войнѣ съ китайскими мятежниками (тай-пинами).

Вернувшись домой, мы отправились обѣдать къ одному изъ нашихъ новыхъ знакомыхъ, австрійскому консулу г. Шликъ, у котораго встрѣтились и познакомились еще съ нѣсколькими иностранцами, господами Гасъ, Грёневельдтъ и Гимли,—драгоманами австрійскаго, голландскаго и германскаго консульствъ. По-

слѣдній былъ, какъ говорили, замѣчательный лингвистъ и въ числѣ многихъ языковъ зналъ довольно хорошо и русскій, на которомъ онъ легко читалъ и порядочно писалъ, но говорилъ съ трудомъ и книжнымъ языкомъ, потому что выучился ему только теоретически; онъ видимо щеголялъ своимъ знаніемъ русскаго языка и никогда не упускалъ случая поговорить на немъ, что безъ сомнѣнія доставляло ему и удовольствіе и пользу, какъ упражненіе; но собесѣднику его, какъ мнѣ, напримѣръ, приходилось плохо, потому что онъ тянулъ каждое слово, иногда долго отыскивалъ подходящее выраженіе и обдумывалъ построеніе фразы. На другихъ же языкахъ онъ говорилъ бойко, и я въ бесѣдахъ съ нимъ пробовалъ переходить на одинъ изъ европейскихъ діалектовъ, но онъ ни за что не хотѣлъ отступить передъ баррикадами изъ русскихъ словъ, и на мои французскія, англійскія или нѣмецкія фразы всегда отвѣчалъ, къ моему величайшему огорченію, по-русски; просто душу вытягивалъ онъ изъ меня своимъ россійскимъ разговоромъ.

Всѣ эти господа весьма интересовались нашимъ путешествіемъ и особенно его цѣлями, и изъ ихъ вопросовъ, какіе они намъ предлагали, было ясно, что цѣлью нашей экспедиціи они считали предварительное изслѣдованіе мѣстности для проведенія желѣзной дороги изъ Россіи въ Китай; а эта мысль, какъ мнѣ казалось, до извѣстной степени лишала ихъ покоя и днемъ и ночью.

Г. Гимли, напримѣръ, меланхолическій нѣмецъ, человѣкъ характера спокойнаго, даже вялый, однажды спросилъ меня о томъ, какъ далеко на востокъ проникли наши желѣзныя дороги, и когда я сказалъ, что теперь строится Пермская линія, онъ чуть не вскочилъ съ своего мѣста и почти съ ужасомъ воскликнулъ:

— Какъ! до Перми ужъ открыта?!

Я не могъ понять отчего ему показалось это такъ ужасно. Развѣ, что Пермь представлялась ему гдѣ нибудь уже не далеко отъ китайской границы, такъ какъ онъ и другіе, сколько я могъ замѣтить, имѣли о Россіи не особенно точныя свѣдѣнія. Изъ нѣкоторыхъ вопросовъ нашихъ шанхайскихъ знакомыхъ я убѣдился, что наша „страна медвѣдей“ все представляется имъ главнымъ образомъ побережьемъ суроваго Полярнаго моря и они тверже всего знаютъ лишь о русскихъ снѣгахъ, морозахъ да буранахъ.

22 октября.

Утромъ, когда мы только-что проснулись и еще не успѣли встать, слуга-китаецъ, отворивъ дверь изъ корридора въ нашу комнату, лаконически спросилъ:

— Чай? кофе?

И послѣ столь же лаконическаго отвѣта—кофе—удалился. Черезъ нѣсколько времени онъ принесъ все на одномъ подносѣ; только вмѣсто сахару былъ поданъ песокъ да еще въ простой чайной чашкѣ. Не элегантно!

Вслѣдъ за этимъ явился другой слуга, обязанность котораго состояла въ убираніи постелей; третій, оказывалось, завѣдывалъ умывальникомъ; четвертый пришелъ и взялъ для чистки наши сапоги; онъ же кромѣ того зажигалъ газъ. Вотъ какое бываетъ раздѣленіе труда въ Китаѣ! И какимъ яснымъ доказательствомъ служитъ оно изобилія здѣсь людей, ищущихъ работы и предлагающихъ ее за ничтожную плату. Я невольно вспомнилъ европейскіе отели, гдѣ на одномъ слугѣ лежатъ почти всѣ упомянутыя обязанности.

Вспомнилъ я и чистоту европейскихъ отелей, когда нашъ здѣшній „постельничій“ принялся за свое дѣло. Онъ сначала взялъ и все побрасалъ съ кровати на полъ,—одѣяла, подушки, простыни, и потомъ, даже не тряхнувъ ихъ, сталъ укладывать все обратно, въ должномъ порядкѣ.

Я говорю ему, что такъ дѣлать не слѣдуетъ, потому что по полу ходятъ ногами, а на подушку ложатся лицомъ; онъ въ первую минуту показался удивленнымъ, но потомъ согласился со мною и съ слѣдующаго дня сталъ класть всѣ вещи не на полъ, а на кресла.

Послѣ чаю мы съ Матусовскимъ отправились въ городъ вдвоемъ по разнымъ дѣламъ и прежде всего зашли въ банкъ, гдѣ должны были получить по чеку г. Старцова деньги вмѣсто врученнаго ему китайскаго серебра. Тутъ пришлось обождать нѣсколько времени, такъ какъ работа просто кипѣла; но я охотно просидѣлъ бы здѣсь самъ лишнюю четверть часа, заглядѣвшись на изумительную ловкость китайцевъ, съ какою они перебрасывали въ своихъ рукахъ доллары для опредѣленія достоинства ихъ и отдѣленія фальшивыхъ монетъ; послѣднихъ здѣсь, говорятъ, въ обращеніи такъ много, что банкъ не принимаетъ никакой суммы долларовъ, не перепробовавъ ихъ всѣхъ по одиночкѣ.

За нѣсколькими столами банка, въ которомъ служатъ и евро-

нейцы и туземцы, сидѣли и стояли нѣсколько человѣкъ китайцевъ, которые исключительно занимались этой провѣркой долларовъ, и я просто любовался ихъ руками: онѣ дѣйствовали съ быстротою и отчетливостью машины, такъ что не сразу можно было разглядѣть, какъ у нихъ это дѣлалось. Вы видите, какъ китаецъ беретъ столбикъ долларовъ, (которые величиною больше нашего рубля), приблизительно штукъ въ тридцать и, положивъ на руку, держитъ въ открытой ладони. Вы видите далѣе, какъ потомъ монеты по одной появляются на мгновеніе на концѣ большаго пальца, какъ въ это время объ нее ударяется другой долларъ, находящійся на пальцѣ другой руки; слышите звенящій звукъ металла и затѣмъ первый долларъ отскакиваетъ въ сторону. И это дѣлается такъ быстро, что, наблюдая за нимъ, вы только слышите частые звуки—динь! динь! динь!—и видите паденіе монетъ на столъ; движеній же пальцевъ дѣйствующей руки почти невозможно подмѣтить. Наблюдая довольно долго за этимъ процессомъ, вы вдругъ услышите среди чистыхъ звенящихъ звуковъ настоящаго серебра глухой звукъ фальшиваго доллара, и въ ту же минуту забракованная монета отскакиваетъ въ противоположную сторону. Не пройдетъ минуты, какъ всѣ монеты взятаго столбика уже проэкзаменованы и, если попались фальшивыя, раздѣлены на двѣ группы. Замѣчательно то еще, что экзаменаторъ часто говоритъ въ это время съ кѣмъ-нибудь, спрашиваетъ самъ или отвѣчаетъ другому на вопросъ; и во время разговора доллары падаютъ то направо, то налѣво, т.-е. фальшивые отдѣляются отъ настоящихъ.

23 октября.

Мнѣ очень хотѣлось побывать въ здѣшнемъ „смѣшанномъ судѣ“ (mixt court), и драгоманъ австрійскаго консульства г. Гасъ обѣщалъ сегодня отправиться туда со мною и Матусовскимъ.

Китайцы вообще встаютъ съ солнцемъ, и въ семь часовъ утра судья былъ уже на своемъ посту. Миновавъ нѣсколько непзбѣжныхъ дворовъ, мы дошли наконецъ до двери, ведущей въ залу суда, откуда доносились многіе громкіе голоса; но эта дверь, этотъ деревянный щитъ передъ нею, деревянныя же, старыя и запыленныя стѣны, отсутствіе потолка въ судебной залѣ дѣлали ее болѣе похожею на какой-нибудь большой сарай или пакгаузъ; но удобства ради будемъ называть ее залою суда.

Итакъ, мы вошли въ залу и очутились въ двухъ шагахъ отъ

судей, которые сидѣли передъ столомъ спиною къ упомянутому досчатому щиту, на небольшомъ возвышеніи, отдѣленномъ съ боковъ грубыми деревянными перилами. Судей было двое: одинъ—китайскій мандаринъ, другой—европеецъ, кто-то изъ англичанъ. Они сидѣли рядомъ. Названныя деревянныя перила раздѣляютъ залу на три части: въ средней, передъ судейскимъ столомъ, за которымъ также сидятъ маленькіе туземные чины, находится свободное мѣсто для введенія подсудимыхъ, истцовъ, свидѣтелей и полицейскихъ, и въ нее входятъ черезъ особую широкую дверь прямо со двора; двѣ боковыя части залы назначены для публики; въ правой помѣстились и мы. Судья тотчасъ замѣтилъ наше появленіе, раскланялся съ нами, и г. Гасъ представилъ насъ ему... Это на судѣ-то, во время хода дѣла! Онъ тотчасъ пригласилъ насъ скорѣе садиться, какъ будто замѣтилъ, что намъ почему нибудь было трудно стоять и затѣмъ сдѣлалъ знакъ слугѣ; тотъ черезъ минуту подалъ намъ чашки съ горячимъ чаемъ и каждому по сигарѣ.

Расположившись съ такими удобствами, хотя и на неудобныхъ деревянныхъ скамейкахъ, мы стали слѣдить за ходомъ дѣла. Я смотрѣлъ на оригинальную обстановку, оригинальныхъ людей и здѣшніе своеобразные порядки. Какъ все здѣсь рѣзко отличалось отъ европейской олимпійски-величественной судебной обстановки! За то подсудимый, истецъ и свидѣтели все время стояли на колѣнахъ или присаживались, не вставая съ нихъ, какъ это дѣлаютъ дѣти, напримѣръ въ церкви, когда они устанутъ во время продолжительнаго колѣнопреклоненія. И имъ это не запрещалось. О томъ, что̀ называется у насъ соблюденіемъ благочинія въ судѣ, здѣсь и помину нѣтъ: тяжущіяся стороны по временамъ поднимаютъ между собою споръ или, правильнѣе сказать, ссору, чуть не доходящую до драки, и послѣдней тѣмъ легче ожидать, что враги сидятъ на колѣнкахъ совсѣмъ близко одинъ отъ другаго, такъ что имъ ничего не стоитъ достать другъ друга. Далѣе: судья станетъ имъ говорить что-нибудь, а стоящіе сбоку четыре солдата безпрестанно вмѣшиваются, то поясняя имъ его слова, то вставляя собственныя, въ родѣ совѣта, увѣщанія или негодованія, а иногда и брань для усмиренія ужъ слишкомъ раскричавшихся враговъ. Вотъ какая патріархальность!

При насъ было разобрано два дѣла, одно о присвоеніи чужой собственности, какого-то платья, которое и было приказано воз-

вратить его настоящему хозяину, а виновному отпустить извѣстное число ударовъ бамбуковой линейкой, но не по пяткамъ, какъ многіе думаютъ и даже пишутъ, а по бедрамъ; и приговоръ судьи тотчасъ же былъ приведенъ въ исполненіе на одномъ изъ боковыхъ дворовъ. Второго дѣла,—объ укрывательствѣ бѣжавшей отъ мужа жены, судья не рѣшилъ своею властью, а велѣлъ передать его губернатору, какъ ему неподсудное.

Затѣмъ онъ прервалъ засѣданіе для отдыха и пригласилъ насъ къ себѣ, т.-е. въ свою квартиру, помѣщавшуюся въ томъ же домѣ. Здѣсь опять тотчасъ явился чай, разныя лакомства, сигары и шампанское, этотъ непремѣнный спутникъ западной цивилизаціи, очень полюбившійся китайцамъ. Судья (по имени Чэнъ), человѣкъ уже пожилой, небольшаго роста, довольно полный и очень некрасивый, но съ добрымъ выраженіемъ лица. Онъ съ интересомъ распрашивалъ о направленіи нашего пути и также выражалъ страхъ за насъ, не разъ восклицая: — какъ можно пускаться въ этакую даль, черезъ безводныя пустыни и мѣста, гдѣ еще не кончилась война! Въ этихъ словахъ, какія мы уже слышали и отъ другихъ китайцевъ, я видѣлъ (можетъ быть ошибочно) отнюдь не желаніе запугать насъ и заставить отказаться отъ своего намѣренія, а просто непривычку къ путешествіямъ, нѣкоторую изнѣженность и пожалуй трусость, происходящую часто отъ невѣдѣнія.

Чэнъ разсказалъ намъ, что въ прошломъ году сынъ нашего „Хуанъ-Ди,“ т.-е. Государя, былъ здѣсь, удостоилъ его своимъ посѣщеніемъ и подарилъ ему на память часы, которые онъ и показалъ намъ. Онъ постоянно носитъ ихъ при себѣ и, какъ говорилъ г. Гасъ, очень гордится этимъ подаркомъ Великаго Князя Алексѣя Александровича. Онъ помнитъ и К. Н. Посьета подъ именемъ По-Да-Жень, т.-е. вельможи По [1]) и справлялся у насъ объ ихъ здоровьѣ.

Когда мы ушли отъ него домой, г. Гасъ говоритъ намъ:

— Сейчасъ же онъ заплатитъ вамъ визитъ и непремѣнно пригласитъ къ себѣ на обѣдъ,—это ужъ у него законъ.

---

[1]) Китайцы вслѣдствіе особенностей своего языка, состоящаго только изъ короткихъ звуковъ, очень затрудняются многосложными словами иностранныхъ языковъ и, запоминая имена иностранцевъ, всегда называютъ ихъ только однимъ первымъ слогомъ, прибавляя въ концѣ слова: господинъ, великій господинъ, наставникъ и т. п.

Дѣйствительно, не болѣе какъ черезъ два часа онъ уже былъ у насъ, познакомился съ остальными спутниками и пригласилъ къ себѣ обѣдать сегодня вечеромъ какъ насъ, такъ и названныхъ выше нашихъ знакомыхъ.

Времени до обѣда оставалось еще достаточно, и мы могли съѣздить сегодня, какъ предполагалось, осмотрѣть китайскій арсеналъ; онъ довольно удаленъ отъ центра города; но нашими любезными знакомыми была добыта и приготовлена для насъ маленькая паровая лодка, въ которой мы доѣхали быстро. Г. Гревельдтъ былъ нашимъ путеводителемъ и помощникомъ по части языка, на которомъ онъ говорилъ, какъ на родномъ. Пріѣхавъ, доложили начальнику арсенала, и онъ скоро вышелъ къ намъ на встрѣчу, пригласивъ войти въ свою небольшую скромную комнату, такую же скромную, какъ и онъ самъ. Пожилой человѣкъ съ кроткимъ выраженіемъ лица, онъ не только не проявлялъ важности, хвастовства или самодовольства, а казался скорѣе застѣнчивымъ, какъ благовоспитанный юноша. Визитъ начался, читатель уже знаетъ чѣмъ,—чаемъ, лакомствами, фруктами и опять шампанскимъ.

Затѣмъ онъ повелъ насъ по своему арсеналу, который, какъ устроенный европейцами, ничѣмъ особеннымъ не отличается, кромѣ того, что въ немъ работаютъ теперь исключительно китайцы, въ числѣ 1400 человѣкъ, а арсеналъ устроенъ только одиннадцать лѣтъ назадъ. Рабочіе на немъ по преимуществу кантонцы, т.-е. жители г. Кантона или ближайшихъ къ нему мѣстъ. Этимъ кантонцамъ, какъ ранѣе всѣхъ другихъ познакомившимся съ европейцами, выпало на долю быть повсюду въ своемъ государствѣ проводниками идей и знаній Запада: они по преимуществу торгуютъ европейскими товарами въ открытыхъ портахъ; они же фотографы и художники, перенявшіе до извѣстной степени европейскую живопись; они портные, работающіе съ помощью швейныхъ машинъ, и главные рабочіе на фабрикахъ и заводахъ, устроенныхъ на началахъ западной науки. Кантонцы ближе всѣхъ стоятъ къ европейцамъ, легко сходятся съ ними, поступаютъ къ нимъ въ дома въ различныя должности, выучиваются ихъ языкамъ и отстаютъ отъ многихъ изъ своихъ старыхъ обычаевъ и предразсудковъ, напримѣръ отъ уродованія женщинамъ ногъ: китаянку-кантонку вы сразу отличите по ея здоровымъ, т.-е. обыкновеннымъ ногамъ.

Рабочіе въ арсеналѣ работаютъ превосходно, усердно, ловко,

и производятъ самыя точныя копіи съ европейскихъ образцовъ; но они возбуждаютъ невольное состраданіе своими худыми лицами, впалыми глазами и щеками и своимъ изнуреннымъ тѣломъ, вѣроятно подъ вліяніемъ большого труда, дурной обстановки и пищи, а главное—куренія опіума.

При быстромъ осмотрѣ арсенала, особенно мнѣ, какъ неспеціалисту въ военномъ дѣлѣ, трудно было узнать и увидать многое; тѣмъ болѣе, что мы прошли черезъ арсеналъ очень быстро, почти ничего не спрашивая, и за тѣмъ отправились, по предложенію г. Греневельдта, въ одинъ казенный китайскій домъ, принадлежащій городу и назначенный для остановокъ мандариновъ, пріѣзжающихъ въ Шанъ-Хай по дѣламъ службы. Начальникъ арсенала также отправился съ нами. Домъ находился неподалеку отсюда, и мы скоро пришли къ нему. Вамъ говорятъ, наконецъ, пришли; вотъ домъ, войдемте! А вы пока, кромѣ воротъ, ничего не видите. Въ Китаѣ вообще съ улицы видны только домики бѣдняковъ, владѣющихъ очень ограниченнымъ клочкомъ земли; но если домохозяинъ мало-мальски зажиточный человѣкъ, его домъ будетъ непремѣнно скрытъ внутри каменной ограды, изъ-за которой можно видѣть развѣ только крыши находящихся за нею построекъ; если же домъ очень большой, какъ, напримѣръ, этотъ, если онъ владѣетъ большимъ количествомъ земли, тогда послѣдняя вся раздѣлена каменными болѣе или менѣе высокими стѣнами на отдѣльные большіе или маленькіе дворы и разные узенькіе проходы, въ родѣ открытыхъ сверху коридоровъ; самый же домъ, всегда одноэтажный и невысокій, помѣщается обыкновенно въ срединѣ или въ концѣ всей этой разгороженной площади. Вотъ почему въ китайскихъ городахъ совсѣмъ не видно домовъ богатыхъ людей, точно такъ, какъ и храмовъ, и европеецъ напрасно будетъ надѣяться увидать въ Китаѣ на улицахъ изящный фасадъ какого-нибудь большаго зданія.

Итакъ, пойдемте вмѣстѣ, читатель, въ большой казенный домъ. Должно быть онъ стóитъ того, чтобъ его показывали европейцамъ-путешественникамъ. Мы еще на улицѣ и подходимъ къ высокой оградѣ съ одними воротами, черезъ нихъ вступаемъ на небольшой дворъ, вымощенный кирпичомъ, причемъ послѣдній поставленъ ребромъ и расположенъ красивымъ узоромъ; у стѣны растетъ, въ видѣ миніатюрной стройной рощицы, тонколистный и вѣчно зеленый бамбукъ. На этомъ дворѣ, близъ одного изъ его угловъ, находится дверь, которая ведетъ въ длинный, узень-

кій и глухой дворикъ или корридоръ, заключенный между высокими стѣнами; изъ-за нихъ сюда почти никогда не проникаютъ прямые солнечные лучи; поэтому въ немъ всегда поддерживается влажная прохлада и теперь кирпичныя плиты, которыми онъ вымощенъ, позеленѣли отъ покрывшихъ ихъ зарослей мховъ. Вдоль боковыхъ стѣнъ его также растетъ бамбукъ, и въ жаркое лѣтнее время этотъ невѣдомый, точно отъ всего міра отдѣленный, уголокъ долженъ представлять чрезвычайно пріятное убѣжище, прохладное и спокойное, въ которое не долетятъ ни уличный шумъ, ни говоръ домашнихъ людей. Если буду когда строить себѣ домъ, подумалъ я, непремѣнно сдѣлаю такой дворикъ и буду проводить въ немъ лѣтніе дни.

Изъ этого двора-корридора, въ самомъ началѣ его, въ лѣвой сторонѣ находится дверь, черезъ которую мы вступаемъ на третій дворъ, большихъ размѣровъ и также изящно вымощенный; его, пожалуй, можно назвать садомъ, потому что здѣсь растетъ много разнообразныхъ красивыхъ деревьевъ и кустарниковъ. Вокругъ его обходитъ крытая галлерея съ выходящими на нее рѣшетчатыми окнами жилыхъ помѣщеній, также окружающихъ дворъ съ трехъ сторонъ, а въ четвертой находится родъ просторныхъ сѣней или крытой, нѣсколько возвышенной, террасы, поддерживаемой деревянными столбами...

Вотъ это и есть самый домъ, образующій слѣдовательно четыреугольникъ, одну сторону котораго занимаетъ упомянутая терраса; она гладко вымощена и имѣетъ по двери въ каждой изъ трехъ сторонъ, направо и налѣво; онѣ ведутъ въ многочисленные внутренніе покои, окружающіе дворъ, а средняя открывается въ небольшой, но весьма симпатичный садикъ. Онъ также представляетъ поэтическій уголокъ, уединенный въ своихъ высокихъ стѣнахъ и прикрытый сверху трельяжемъ, на которомъ густою сѣткой переплелись стебли дикаго винограда. У стѣны, противоположной входу, устроенъ изъ дикихъ камней резервуаръ, съ искусственнымъ скалистымъ островкомъ, мѣстами убраннымъ зеленью; около него разбиты цвѣтники и посреди ихъ стоитъ мраморный столъ съ нѣсколькими фарфоровыми табуретами вокругъ. Очень, очень мило!

Хотѣлось бы остаться тутъ подольше и, конечно, нарисовать и увезти хорошенькую картинку съ собой. Да некогда, уходимъ дальше, и все быстро, точно ревизуемъ учебное заведеніе или госпиталь. Заглянули въ двѣ-три комнаты, и въ одной изъ нихъ

нашъ руководитель показалъ мнѣ портретъ покойнаго знаменитаго Цзэнъ-Куо-Фана, извѣстнаго своимъ умомъ и просвѣщенными взглядами, большаго друга европейцевъ. Портретъ—китайской работы и очень плохо сдѣланъ, но должно быть похожъ. Въ другой комнатѣ находилось огромное собраніе стоявшихъ въ станкахъ типографскихъ досокъ, на которыхъ вырѣзаны, какъ объяснилъ г. Греневельдтъ, переведенныя на китайскій языкъ извѣстныя сочиненія по части механики; но, прибавилъ онъ, переводъ сдѣланъ плохо, и этотъ громадный трудъ почти пропалъ даромъ. Онъ приписывалъ это отчасти недостаточному знанію языка европейцевъ-переводчиковъ, отчасти свойствамъ самаго китайскаго языка... Остальныхъ комнатъ, къ моему сожалѣнію, осматривать не стали, потому что, говорятъ, онѣ всѣ на одинъ ладъ.

Мы вернулись къ ожидавшему насъ катеру, чтобъ возвратиться домой. Начальникъ арсенала проводилъ насъ до самаго берега, и послѣ многихъ, впрочемъ не особенно церемонныхъ прощаній мы уѣхали домой. Маленькій пароходикъ, въ родѣ тѣхъ, какіе бѣгаютъ у насъ по Невѣ, широкая рѣка и высокіе дома Шанъ-Хай'ской набережной—все это очень напоминало Петербургъ и переносило мысли на далекіе Невскіе берега. Сходство дѣйствительно было большое, особенно когда вечерній сумракъ стушевалъ подробности... Родина, родина! за что и зачѣмъ такъ любишь тебя?... За многое, и извѣстно зачѣмъ.

Вскорѣ по возвращеніи домой мы отправились на обѣдъ къ безобразному добряку-судьѣ Чэну, вмѣстѣ съ нашими новыми знакомыми, въ числѣ девяти человѣкъ и пяти различныхъ націй. Было уже темно; улицы хорошо освѣщены газомъ; но дворовъ китайцы не освѣщаютъ и потому насъ ожидали слуги съ фонарями, а на второмъ дворѣ встрѣтилъ самъ Чэнъ, одѣтый въ полную форму, въ сопровожденіи другихъ слугъ, также освѣщавшихъ фонарями дорогу. Послѣ обычныхъ поклоновъ и привѣтствій здѣсь, на дворѣ, мы вошли въ комнату, гдѣ онъ снова поздоровался съ каждымъ изъ насъ однимъ изъ восьми китайскихъ поклоновъ, называемымъ „Цзо-и“ и состоящимъ въ наклоненіи туловища и подниманіи сложенныхъ рукъ надъ своею головою. Потомъ тотчасъ былъ поданъ чай въ чашкахъ, которыя слуги разносили по одной, просто въ рукахъ и ставили подлѣ каждаго изъ гостей на столикъ; если же кто стоялъ посреди комнаты, онъ подносилъ чашку и, говоря „хо-ца“,—пей чай,—передавалъ чашку въ руки.

Длинный обѣденный столъ, стоявшій посреди комнаты по направленію отъ входной двери къ почетному мѣсту, находящемуся противъ нея, былъ уже приготовленъ. На немъ стояли китайскіе приборы, вазы съ цвѣтами и фруктами и подсвѣчники съ сальными свѣчами краснаго цвѣта; висящіе подъ потолкомъ фонари, обтянутые красной матерісй, были также зажжены и разливали по комнатѣ слабый красноватый свѣтъ.

Хозяинъ пригласилъ вообще всѣхъ садиться за столъ, и потомъ слуги повторили его приглашеніе, подходя къ каждому отдѣльно, и послѣ каждаго такого приглашенія приставляли къ столу по одному креслу или табурету. Наконецъ всѣ усѣлись, и ужъ конечно послѣ всѣхъ сѣлъ самъ хозяинъ.

Смотрю,—въ открытой входной двери, въ трехъ-четырехъ шагахъ отъ насъ, стоитъ густая толпа разнаго народа, съ любопытствомъ разсматривающая насъ и болтающая вполголоса... Какое странное сочетаніе—съ одной стороны, неприступной важности китайскихъ сановниковъ, и съ другой — такой простоты отношеній: народъ лѣзетъ почти въ самую комнату, гдѣ мандаринъ даетъ парадный обѣдъ своимъ гостямъ. Хотя это и не совсѣмъ удобно, но эта черта мнѣ понравилась.

Обѣдъ начался. Снова каждому подали по чашкѣ чаю; всѣ отказались, но Чэнъ выпилъ. Потомъ налили въ маленькія чашечки китайскаго рисоваго вина, и наполнили бокалы (европейскіе) шампанскимъ. Въ это же время поставили на столъ разныя закуски, сладкія, соленыя, кислыя и острыя. Но никто ни къ чему не прикасался,—такъ нужно было. Тогда хозяинъ взялъ свою чашечку съ виномъ, всталъ и, съ поклономъ пригласивъ всѣхъ пить, выпилъ самъ. Потомъ онъ отдалъ слугѣ приказаніе, и тотъ снялъ съ него форменную шляпу, вмѣсто которой надѣлъ обыкновенную атласную шапочку, съ которой китайцы почти никогда не разстаются. Онъ также снялъ черезъ голову рѣзныя костяныя бусы, висѣвшія на немъ, подобно цѣпи нашихъ мировыхъ судей, и представляющія довольно высокій знакъ отличія. Наконецъ началась ѣда и бесѣда...

Обѣдъ былъ изобильный, многосложный, продолжительный, заключавшій въ себѣ множество изысканныхъ кушаній китайской кухни и—надо отдать послѣдней справедливость,—кушаній превосходныхъ. За обѣдомъ шелъ довольно оживленный разговоръ, но не общій, потому что не было общаго языка, для всѣхъ понятнаго. Слуги безпрестанно подливали вино и угощали, мимоходомъ

снимая пальцами нагорѣвшія свѣтильни сальныхъ свѣчъ и бросая ихъ на полъ, отчего въ комнатѣ скоро распространился извѣстный противный запахъ. Послѣ десятковъ двухъ-трехъ блюдъ, сдѣлали антрактъ, походили, покурили сигаръ и потомъ снова усѣлись дообѣдывать.

Всѣ уже давно были сыты, но еще долго подавались разныя блюда, пока наконецъ не явился спасительный рисъ, возвѣстившій, что объѣденію наступилъ конецъ. Простой вареный рисъ есть всегда послѣднее блюдо на всякомъ китайскомъ обѣдѣ. Никому изъ насъ онъ, конечно, въ горло не пошелъ, но Чэнъ съѣлъ полную чашку; затѣмъ онъ потихоньку отдалъ приказаніе слугѣ, который теперь надѣлъ на него бусы и форменную шляпу. Чэнъ всталъ, что̀ сдѣлали и мы, и сталъ раскланиваться, что̀ означало, что онъ насъ больше не удерживаетъ, не смѣетъ мѣшать необходимому послѣ обѣда отдохновенію. Предупрежденные нашими спутниками, мы, подобно истымъ китайцамъ, тотчасъ взяли шляпы и, простившись съ хозяиномъ, удалились; онъ проводилъ насъ до вторыхъ воротъ своего дома, и тутъ мы разстались. Я обратился къ любезному г. Гасъ съ просьбою показать мнѣ нѣкоторыя интересовавшія меня общественныя учрежденія, а именно, общія спальныя, или ночлежные пріюты и опійныя курильни.

Первые настолько оригинальны, что я нигдѣ не видалъ ничего подобнаго. Представьте себѣ узенькую длинную комнату, дверь въ которую ведетъ прямо съ улицы. Съ лѣвой стороны къ стѣнѣ приставленъ открытый, раздѣленный на клѣтки, шкафъ въ родѣ тѣхъ, какіе у насъ находятся въ швейцарскихъ собраній, театровъ или клубовъ для пріема на храненіе верхняго платья, съ тою разницею, что клѣтки этого шкафа большаго размѣра, и не квадратныя, а длинныя, немного больше средняго роста человѣка. Онѣ расположены въ четыре ряда другъ надъ другомъ. Вотъ эти-то клѣтки и суть отдѣльные нумера общественной спальной, нанимаемые небогатыми людьми, приходящими и пріѣзжающими въ Шанъ-Хай на побывку изъ другихъ городовъ или окрестныхъ селъ, а также людьми, запоздавшими въ данной части города. Читатель убѣжденъ, что въ описанныхъ клѣткахъ есть какая-нибудь подстилка, одѣяло и подушка. Ничего нѣтъ, вслѣдствіе чего китайцы простолюдины, отправляясь куда-нибудь на нѣсколько дней, обыкновенно берутъ съ собою собственную постель. Когда я вошелъ въ это оригинальное учрежденіе, я ни-

кого не встрѣтилъ въ комнатѣ, ни хозяина, ни прислуги; да постоянное присутствіе кого-либо здѣсь и не необходимо, такъ какъ украдкой воспользоваться кроватью нельзя, и плата за ночлегъ взимается утромъ. Клѣтки занимаются постепенно, начиная снизу, и теперь въ нижнихъ уже слышалось храпѣніе, въ другихъ только укладывались спать, въ третьи влѣзали новые временные обитатели, при помощи подставной лѣсенки, а верхніе нумера были еще пусты. Мнѣ вспомнились наши спальные вагоны.

Общественныя бани, также паровыя, похожи на наши народныя, но грязны, и воздухъ въ нихъ ужасно тяжелъ. Осмотрѣть ихъ хорошо не удалось, какъ потому, что я былъ не одинъ, такъ и по самому неудобству осмотра бань одѣтому человѣку. Меня удивило то, что уже за первою дверью, ведущей съ улицы, я очутился въ самой банѣ, среди раздѣтыхъ китайцевъ. Гдѣ же они раздѣваются, какъ и куда проходятъ въ платьяхъ, мимо плескающихъ водою—этого я такъ и не дослѣдовалъ, о чемъ жалѣю.

Изъ бань зашли въ опійныя лавочки или курильни. Онѣ представляютъ нѣчто въ родѣ нашихъ полпивныхъ или неважныхъ ресторановъ, съ тою разницей, что здѣсь, вмѣсто столиковъ и стульевъ, въ комнатахъ устроено нѣсколько лежанокъ (канъ), покрытыхъ сукномъ, хорошими циновками или тонкими войлоками. На такихъ канахъ находятся двѣ или болѣе цилиндрическія подушки, и когда является посѣтитель, ему сюда же подается приборъ для куренія опія. Когда мы вошли, на нѣкоторыхъ канахъ лежали посѣтители, китайцы, а на одномъ помѣщались рядомъ и курили опій мужчина и женщина; спавшихъ или опьянѣвшихъ я не видалъ ни одного, хотя осмотрѣлъ всѣхъ находившихся тутъ.

Китаецъ слуга тотчасъ предложилъ намъ мѣсто, спросивъ, сколько трубокъ мы прикажемъ подать, и его вопросъ былъ такъ просто и откровенно предложенъ, что можно было подумать, что посѣщеніе европейцами опійныхъ лавочекъ съ цѣлью куренія явленіе столь же обыкновенное, какъ и посѣщеніе китайцами. Точно также и отказъ нашъ онъ принялъ весьма просто и, получивъ его, не сталъ спрашивать—что же намъ угодно, а преспокойно отошелъ къ своему мѣсту, гдѣ былъ прежде; мы же, точно какіе блюстители порядка, продолжали осматривать заведеніе, переходя изъ одной комнаты въ другую и останавливаясь передъ курившими, совершенно незнакомыми намъ людьми, и наблюдали за ихъ дѣйствіями. Подобная безцеремонность,—не-

понятная и немыслимая въ Европѣ, — ни мало не смущала китайцевъ: ни одинъ не думалъ обижаться, негодовать или жаловаться, что его безпокоятъ; и не потому, что они сдерживались, не смѣя проявлять своего негодованія,—нѣтъ, этихъ чувствъ ни у одного не было, что́ разглядѣть было не трудно,—это было видно по ихъ добродушнымъ физіономіямъ и той обычной учтивости, которыя почти всегда характеризуютъ китайцевъ. Одинъ изъ нихъ, напримѣръ, когда я подошелъ къ нему ближе и внимательно смотрѣлъ на приготовленіе имъ опіума для куренія, какъ только трубка была готова, предложилъ ее мнѣ съ любезной, добродушной улыбкой и словами:—цинъ-цинъ!—прошу покорно! И это предложе́ніе было искренно, въ немъ не замѣчалось и тѣни насмѣшки, какъ читатель можетъ подумать.

Я справился о цѣнахъ на опій, продаваемый въ курильняхъ по мелочи, и несмотря на общую дешевизну въ Китаѣ, цѣны на это зелье оказались очень высокими: каждая трубка опія средняго достоинства стоитъ отъ 10 до 15 центовъ (100 центовъ равняются одному доллару, который составляетъ на наши деньги отъ 1 р. 50 до 1 р. 75 коп, на ассигн.). Сдѣлавшій же привычку къ опію китаецъ выкуриваетъ одну за другой двѣ или три трубки, а если средства дозволяютъ—то пять и семь Вообще курить нужно тѣмъ чаще и больше, чѣмъ сильнѣе привычка. Обыкновенно курятъ раза три-четыре въ день: слѣдовательно ежедневный расходъ среднимъ числомъ можно опредѣлить въ одинъ долларъ; а кто не можетъ курить достаточно, тотъ уже страдаетъ. Какъ велико число потребителей опія, можно видѣть изъ числа куриленъ, которыхъ въ Шанъ-Хаѣ, напримѣръ, въ нѣкоторыхъ улицахъ можно встрѣтить чуть не на каждыхъ ста шагахъ—одну.

Теперь я достаточно ознакомился съ процессомъ куренія опія и разскажу вамъ, читатель, объ этомъ оригинальномъ и для многихъ людей гибельномъ удовольствіи.

Куреніе опіума настолько не похоже на куреніе табаку и такъ мало извѣстно въ Россіи, о немъ имѣются такія ложныя понятія, что я скажу о немъ нѣсколько подробнѣе. Вопервыхъ, опія съ табакомъ, ни табаку съ опіемъ въ Китаѣ не курятъ. Для опія существуетъ совершенно особенная своеобразная трубка. Она состоитъ изъ чубука около аршина длины; чубукъ имѣетъ одинъ конецъ наглухо закрытый, а на нѣкоторомъ разстояніи отъ него сбоку находится отверстіе, въ которое вставляется

фарфоровая или глиняная трубка. Она представляетъ какъ бы наглухо закрытую крышкой маленькую чашку, имѣющую въ днѣ отверстіе, посредствомъ котораго она сообщается съ чубукомъ. На противоположной сторонѣ, такъ сказать на вершинѣ крышки, имѣющей нѣсколько коническую форму, находится маленькое отверстіе, такое маленькое, что въ него можетъ пройти только толстая булавка.

Вотъ аппаратъ для куренія, а для послѣдняго нужны еще нѣкоторыя приготовленія. Опійная масса, назначенная для этой цѣли, представляетъ на видъ очень густой сиропъ чернаго цвѣта. Захваченная на желѣзную иглу, она подогрѣвается надъ пламенемъ лампочки, скатывается на пальцѣ, снова подогрѣвается, снова скатывается и т. д. нѣсколько разъ, пока получитъ способность отвердѣвать при охлажденіи. Тогда она, подогрѣтая еще разъ, прикленвается въ видѣ конуса надъ упомянутымъ маленькимъ отверстіемъ трубки, въ которое потомъ пропускается игла; масса остается на трубкѣ, а игла, слегка поворачиваемая, удаляется, оставляя послѣ себя каналъ, проходящій черезъ всю массу опія и сообщающійся съ полостью трубки, а слѣдовательно и чубукомъ. Когда это готово, курильщикъ обыкновенно ложится, беретъ чубукъ въ ротъ, подноситъ опій къ пламени лампочки и держа надъ нимъ втягиваетъ въ себя воздухъ, дѣйствуя не щеками, а всей грудной клѣткой. Опій только кипитъ, потому что ему не даютъ загораться пламенемъ. Не болѣе какъ въ минуту весь опій превратится въ дымъ и курильщикъ или довольствуется одной такой порціей (съ маленькій наперстокъ величиной), или выкуриваетъ одну за другой четыре, пять и шесть такихъ порцій, такъ что привычные люди выкуриваютъ опія въ день до одной осьмой фунта.

Въ чемъ же заключается дѣйствіе опія? въ чемъ его прелесть, такъ привязывающая къ нему людей? До сихъ поръ кажется всѣ были убѣждены, что онъ даетъ человѣку сонъ, сопровождаемый какими-то пріятными видѣніями; но это оказывается совершенно невѣрнымъ: никакихъ видѣній, ни даже сна опій при куреніи его не производитъ. Въ началѣ людямъ просто нравится запахъ его дыма, или они начинаютъ курить, подчиняясь модѣ, или изъ шалости, какъ мы табакъ. И затѣмъ незамѣтно подкрадывается бѣда, т.-е. пріобрѣтается привычка, неудовлетворять которой почти невозможно.

Дѣйствіе опія на старыхъ курильщиковъ совершенно то же,

какое оказываетъ похмѣлье на пьяницу. Они, говорю, отнюдь не впадаютъ въ дремоту, сопровождаемую какими-либо пріятными видѣніями, въ чемъ многіе убѣждены до сихъ поръ, а только чувствуютъ себя здоровѣе, бодрѣе и веселѣе. Отъ продолжительнаго некуренія у него начинаются разныя болѣзненныя ощущенія, а именно: боли въ спинѣ, подъ ложечкой, слезотеченіе, тяжесть головы, общая слабость и неопредѣленная тоска съ упадкомъ духа, а послѣ куренія всѣ они проходятъ, уступая мѣсто чувству общаго довольства и бодрости. Непривыкшіе къ опію ничего подобнаго не испытываютъ. Я, напримѣръ, курилъ его много разъ и никогда не могъ добиться другаго эффекта кромѣ головокруженія, головной боли, сердцебіенія и рвоты, когда курилъ много; въ противномъ случаѣ эффекта не было никакого. То же передавали мнѣ всѣ пробовавшіе курить, но не сдѣлавшіе привычки. Въ чемъ же заключается вредное вліяніе, оказываемое опіемъ на организмъ? Оно выражается по преимуществу разстройствомъ органовъ пищеваренія и питанія тѣла, а главнымъ образомъ нервной системы.

Люди, курящіе опій, ставятъ себя въ такую зависимость отъ привычки къ нему, что если почему-нибудь они не могутъ удовлетворить потребности—утолить эту, такъ сказать, опійную жажду, они дѣлаются страдальцами. Сначала они испытываютъ въ тѣлѣ непріятное состояніе, какъ бы недостатокъ чего-то, неспособность ничѣмъ заниматься; потомъ это неопредѣленное томленіе переходитъ въ такія муки, что человѣкъ бросаетъ все, отдаетъ послѣднія деньги, чтобъ купить лекарство отъ своего нездоровья, продаетъ платье, если не имѣетъ денегъ, продаетъ все, не исключая самыхъ дорогихъ ему людей, идетъ воровать или даже убивать, если не имѣетъ что продать. Лекарство же отъ этой тяжкой болѣзни есть тотъ же опій, который такимъ образомъ дѣлается для человѣка единственнымъ источникомъ здоровья, хотя и фальшиваго, единственною цѣлью жизни, — но жизни въ конецъ испорченной, отравленной до послѣдней надежды.

Физическія муки отъ некуренія дѣлаютъ человѣка неспособнымъ къ работѣ, парализуютъ волю, производятъ упадокъ духа и такое мучительное общее состояніе, что человѣку легче убить себя, чѣмъ дольше переносить свои страданія. Пока курильщикъ имѣетъ возможность покупать опій, онъ избавляется отъ нихъ; но дозу надо постоянно увеличивать, а это дорого стоитъ и человѣкъ небогатый начинаетъ разорять себя. Онъ сознаетъ, что

слабѣетъ силами, погибаетъ нравственно, теряя окончательно волю,—идетъ, такъ сказать, къ краю пропасти, но не можетъ остановиться и знаетъ, что не остановится. Онъ сознаетъ, что разоряетъ свой домъ, ведетъ къ нищетѣ свою семью и теряетъ сонъ отъ представляющихся ему ужасовъ ожидающей его нищеты. Опять нуженъ тотъ же губительный опій, который одинъ является средствомъ временнаго успокоенія. Наконецъ наступаетъ время, когда его не на что купить, и вотъ на улицахъ китайскихъ городовъ появляются знакомые читателю страшные образы полумертвыхъ и почти голыхъ отъ нищеты людей. И имъ ничего болѣе не остается, какъ ждать естественной смерти или, если хватитъ воли, покончить самоубійствомъ, къ чему, впрочемъ, они прибѣгаютъ очень рѣдко.

Гибельныя послѣдствія куренія опія, однако, не бросаются въ глаза, не поражаютъ при бѣгломъ наблюденіи надъ людьми. Жизнь, кажется, идетъ обыкновеннымъ порядкомъ; никакой въ этомъ бѣды будто бы нѣтъ; и только отдѣльныя личности изумляютъ наблюдателя своимъ болѣзненнымъ и унылымъ видомъ. Но не бросается это въ глаза потому, что разрушеніе какъ здоровья, такъ и имущества совершается медленно. Сильнаго впечатлѣнія еще потому получить нельзя, что куреніе производится, какъ я сказалъ, до нѣкоторой степени втайнѣ и по преимуществу ночью.

24-го октября.

День прошелъ въ посѣщеніи магазиновъ и покупкѣ разныхъ вещей, необходимыхъ для путешествія и этнографической коллекціи, какую я сталъ составлять. Эти разнообразные предметы нашъ краснорѣчивый казакъ почему-то называлъ „вещами для лести Китая“. Такихъ „вещей для лести Китая“, самыхъ интереснѣйшихъ или изящныхъ,—множество; и тутъ легко разориться, тѣмъ болѣе, что въ магазинахъ за все запрашиваютъ въ тридорога и только зная настоящія цѣны можно купить дешево. Эта наука плутовства и обмана въ широкихъ размѣрахъ развилась, какъ мнѣ говорили, только съ поселеніемъ между китайцами европейцевъ, но не потому, чтобъ послѣдніе учили ихъ плутовать, а тѣмъ что дозволяли это дѣлать съ собою и часто сами платили дороже, чѣмъ съ нихъ спрашивали.

Составляя этнографическую коллекцію, я пріобрѣталъ также фотографіи видовъ, портретовъ и типовъ Китая, хотя съ нами и

была казенная фотографія; но казенныя вещи дѣлаются въ извѣстныхъ рукахъ частною собственностью. И намъ съ Матусовскимъ не удалось пользоваться ею, и мы знали, что не получимъ ни одного снимка изъ всего путешествія. Вотъ почему приходилось покупать ихъ здѣсь дорогой цѣной у фотографа Саундерса, который тутъ былъ одинъ; дальше же, я зналъ, достать будетъ негдѣ.

25 октября.

До сихъ поръ я все говорилъ о европейскомъ Шанъ-Хаѣ; сегодня же, воспользовавшись предложеніемъ г. Гасъ, я отправился съ нимъ въ китайскій городокъ.

Миновавъ французскій кварталъ и переѣхавъ по мосту черезъ каналъ, окружающій настоящій Шанъ-Хай, мы оставили у городскихъ воротъ свой экипажъ съ слугою и пошли въ городъ пѣшкомъ, такъ какъ ѣзда въ экипажѣ въ большей части здѣшнихъ улицъ почти невозможна. Входимъ въ городъ, и какой поразительный контрастъ между двумя мірами—европейскимъ и китайскимъ! Вступая въ этотъ послѣдній, чувствуешь себя какъ будто очутившимся въ огромной лавкѣ, наполненной въ безпорядкѣ разнымъ стариннымъ хламомъ.

Уже у самыхъ городскихъ воротъ громоздятся лавочки и кишитъ толпа китайцевъ. Чего-чего нѣтъ въ этихъ лавкахъ и на этихъ полкахъ, приткнутыхъ во всевозможныхъ мѣстахъ, гдѣ только есть аршинъ свободнаго пространства. Этотъ бѣдный людъ бьется, по пословицѣ, какъ рыба объ ледъ, торгуя самымъ разнообразнымъ товаромъ, а также затѣями въ родѣ, напримѣръ, бѣлыхъ мышей, посаженныхъ въ клѣтки и бѣгающихъ въ вертящихся колесахъ, или разныхъ кузнечиковъ въ соломенныхъ корзиночкахъ и т. п. Узенькія, грязныя и смрадныя улицы сплошь обставлены лавками и мастерскими и загромождены подвижными мелочными лавчонками со всякимъ хламомъ, должно быть необходимымъ... Но какъ пестро, оживленно, шумно и весело! Въ узкихъ улицахъ тѣснота страшная, но и на площадяхъ не многимъ просторнѣе: и тамъ такое же движеніе и почти вся жизнь какъ на ладони: мышечная работа, торговля, отдыхъ, ѣда, чудесное исцѣленіе отъ болѣзней, совершеніе туалета и проч. и проч.—все увидитъ пришедшій сюда путешественникъ...

Я остановился возлѣ одного изъ своихъ собратій по искусству, туземнаго эскулапа. Онъ сидѣлъ подъ тѣнью большаго четырехъ-

угольнаго зонтика, въ родѣ палатки, на низенькомъ складномъ стулѣ, передъ большимъ и также низенькимъ столомъ, на которомъ лежали всевозможные „цѣлебные“ предметы: разные коренья, сухія травы, пуки различныхъ вѣтокъ въ видѣ хвороста, грязные черепа животныхъ (и даже тигра), скелетъ обезьяны, кожа ежа, корки разныхъ плодовъ, змѣиная и крокодилья кожи, изюбревы рога, какая-то птица, высушенная цѣликомъ, медвѣжьи лапы, пучки высушенныхъ летучихъ мышей и проч. и проч. Недоставало только „специфическихъ электро-гомеопатическихъ средствъ“ графа Маттэи... Изъ хирургическихъ инструментовъ на столѣ знахаря находились лишь иглы да деревянныя кровососныя банки.

При мнѣ къ нему подошелъ больной человѣкъ, очень жалкій на видъ, худой и съ выраженіемъ страданья на лицѣ; онъ обратился къ нему за совѣтомъ, чему я весьма обрадовался, такъ какъ нѣтъ ничего занимательнѣе, какъ наблюдать за шарлатаномъ, когда онъ и не подозрѣваетъ, что около него стоитъ настоящій врачъ. Докторъ съ важнымъ видомъ изслѣдовалъ пульсъ, сдѣлалъ многозначительную гримасу и нашелъ нужнымъ употребить хирургическое леченіе: онъ вкололъ ему иглу въ спину, ниже лопатки, и оставилъ ее въ такомъ положеніи. Несчастный паціентъ терпѣлъ, конечно въ надеждѣ на обѣщанное эскулапомъ „необыкновенно скорое и вѣрное исцѣленіе“.

Бѣдное человѣчество! Какъ легко тебя дурачить всякому, у кого есть на это талантъ и призваніе!... Сцена производила тяжелое впечатлѣніе, особенно воткнутая игла на моего спутника, и онъ увелъ меня за руку прочь.

Пройдя еще по нѣкоторымъ улицамъ, мы поднялись на городскую стѣну и пошли по ней. Туземцы, которые, кажется, должны бы уже привыкнуть къ европейцамъ, съ которыми они давно живутъ рядомъ, все-таки съ любопытствомъ разсматривали насъ, какъ нѣчто необыкновенное, и особенно женщины; мальчишки, бывшіе въ улицахъ и на дворахъ своихъ домовъ, посылали намъ въ первый разъ услышанную мною извѣстную брань—черти или заморскіе черти (Янъ-гуй-цзы!).

— Смотрите, смотрите, кричали они, — заморскіе черти идутъ по стѣнѣ!

Это однако нисколько не мѣшало намъ любоваться хорошенькими узенькими каналами, какихъ много въ Шанъ-Хаѣ. По бокамъ ихъ лѣпятся оригинальные домики, уходящіе своими высо-

кими фундаментами въ воду; они большею частью двухъэтажные, съ балконами и легонькими мостиками, перекинутыми надъ каналомъ и ведущими отъ двери одного дома къ двери другаго, противоположнаго, и перила этихъ мостиковъ сплошь обиты циновками.

Я набросалъ видъ одного изъ такихъ каналовъ, и мы пошли дальше по стѣнѣ, надѣясь найти спускъ съ нея, но такого не оказалось, и намъ приходилось возвращаться назадъ, что̀ было весьма непріятно. Стоимъ на стѣнѣ и думаемъ, что̀ предпринять? Въ это время мальчикъ-китаецъ, лѣтъ двѣнадцати, увидалъ насъ, понялъ, что мы ищемъ мѣста, гдѣ бы можно было спуститься со стѣны, тотчасъ притащилъ откуда-то лѣстницу и приставилъ къ стѣнѣ. Совсѣмъ неожиданная любезность! Мнѣ хотѣлось поблагодарить его, но у меня, къ сожалѣнію, ничего не оказалось въ кошелькѣ, кромѣ русскаго серебрянаго пятачка, уже два года лежавшаго въ немъ. Я подарилъ ему его на память, объяснивъ, что онъ ничего на него купить не можетъ.

Мы отправились домой и по пути заходили въ разныя лавки, изъ которыхъ наиболѣе интереса представила для меня лавка съ музыкальными инструментами. Ихъ въ Китаѣ довольно много,— духовыхъ, струнныхъ или разныхъ мѣдныхъ, въ видѣ сковородъ, литавръ, колокольчиковъ, а также барабановъ разной величины и формы, и просто дощечекъ и трещетокъ. Духовые инструменты похожи на наши кларнеты и флейты, но въ самомъ простомъ видѣ; струнные могутъ быть названы гитарами, балалайками, скрипками, гуслями, цитрами, но также рѣзко отличаются отъ нашихъ какъ формою, струнами, которыя у нихъ дѣлаютъ изъ сученыхъ шелковыхъ нитокъ или мѣдной проволоки, такъ главнымъ образомъ извлекаемыми изъ нихъ звуками. Одни изъ нихъ нечисты и непріятны и вообще слабы; другіе, наоборотъ, такъ громогласны и рѣзки, что способны, пожалуй, выгнать изъ дому вонъ. Къ послѣднимъ крикливымъ инструментамъ относятся маленькія дудки изъ бамбука, употребляемыя при похоронахъ, богослуженіяхъ и при поминкахъ умершихъ родственниковъ. Одинъ инструментъ, совершенно оригинальнаго устройства и также употребляемый при похоронахъ и на поминкахъ, состоитъ изъ тонкихъ бамбучинокъ разной длины, собранныхъ въ кружокъ, связанныхъ кольцомъ и укрѣпленныхъ на пустомъ стативѣ, имѣющемъ мундштукъ. Онъ издаетъ слабые мелодичные звуки, но, кажется, не имѣетъ опредѣленнаго строя, и на немъ играютъ такъ, какъ дѣти на гар-

моникахъ, — что̀ выйдетъ, то и ладно, лишь бы игралъ. Онъ и основанъ на томъ же принципѣ, какъ гармоника. Я купилъ себѣ нѣсколько разныхъ образцовъ, и мы возвратились домой.

Позавтракавъ и захвативъ съ собою австрійскаго консула и Матусовскаго, мы поѣхали вчетверомъ въ католическое миссіонерство, называемое Си-Ка-Вэй, находящееся верстахъ въ пятнадцати отъ Шанъ-Хая.

Европейское вліяніе не ограничилось здѣсь только площадью, занимаемою городомъ, а распространилось и на его окрестности. Такъ изъ Шанъ-Хая идетъ прекрасное шоссе, устроенное для загородныхъ прогулокъ въ экипажахъ; вдоль его разсѣяны дачи и рестораны („бунгало“, какъ ихъ тамъ называютъ), стоящіе между полями хлопчатника и окруженные небольшими садиками. Смотрю кругомъ, и все здѣсь говоритъ о Европѣ, такъ что про Китай совершенно забываешь. Пріѣхали въ миссіонерство, доложили о себѣ, и скоро одинъ изъ патеровъ вышелъ къ намъ и съ полною любезностью изъявилъ готовность показать все учрежденіе.

Учрежденіе несомнѣнно полезное и весьма интересное. Оно назначено для туземныхъ дѣтей, брошенныхъ родителями или безпріютныхъ сиротъ, и такъ какъ оно существуетъ уже давно, то въ немъ образовалось нѣсколько отдѣленій разныхъ возрастовъ— отъ новорожденныхъ до взрослыхъ молодыхъ людей, которые получаютъ здѣсь образованіе. Воспитанники его обучаются китайскому чтенію и письму, а также латинскому и французскому языкамъ; кромѣ того, они получаютъ нѣкоторыя общеобразовательныя свѣдѣнія, но, кажется, главнымъ образомъ изучаютъ философію и богословіе, а также занимаются разными ремеслами и искусствами. Мы осмотрѣли устроенныя здѣсь мастерскія—столярную, сапожную, слесарную, для рѣзьбы по дереву, лаковыхъ издѣлій и живописи, гдѣ пишутъ почти исключительно образа для христіанскихъ церквей, находящихся въ Китаѣ, и для китайцевъ-христіанъ; вездѣ работали дѣти и юноши, по внѣшнему виду — китайцы, но въ своемъ обращеніи и манерахъ имѣвшіе гораздо болѣе европейскаго, а нѣкоторые даже и типомъ вовсе не походили на китайцевъ, невольно наводя на разныя мысли о своемъ происхожденіи.

Мы прошли черезъ хорошенькій садикъ, въ которомъ все было зелено, цвѣло много цвѣтовъ и весело щебетали птицы. Какая благодатная страна! невольно воскликнешь здѣсь, представляя

себѣ наши холодъ, слякоть и, пожалуй, ужъ снѣгъ въ эту пору. Патеръ провелъ насъ на обсерваторію, гдѣ показалъ одинъ сложный приборъ, съ которымъ, къ стыду моему, я раньше не былъ знакомъ. Этотъ приборъ даетъ графическое изображеніе, то-есть самъ записываетъ колебанія температуры въ теченіе дня и ночи, измѣненіе направленія вѣтра, давленіе барометра и даже количество выпадающаго дождя. Все это дѣлается приборомъ самостоятельно, такъ что наблюдателямъ остается только разсматривать потомъ вынутые изъ машины листы и переводить ихъ знаки на обыкновенныя цифры и буквы.

Показывая намъ свое учрежденіе, патеръ весьма подробно и съ живымъ интересомъ разспрашивалъ насъ о планѣ нашего предстоящаго путешествія и его цѣляхъ... Все цѣли безпокоили ихъ! Нѣтъ сомнѣнія, что у европейцевъ много корыстныхъ видовъ на Китай, и они, казалось, боялись, какъ бы мы не предвосхитили ихъ плановъ и, слѣдовательно, выгодъ.

Въ этомъ же миссіонерствѣ находится и отдѣленіе для дѣвочекъ, гдѣ живутъ и которымъ завѣдуютъ сестры. Намъ интересно было видѣть и его, но туда, какъ объяснилъ намъ патеръ, не только мужчинъ, но даже дамъ не пускаютъ... Почему же дамъ-то? Мы не стали спрашивать, на чемъ основана такая таинственность, вовсе не идущая къ учрежденіямъ подобнаго рода, — не стали, боясь коснуться, можетъ быть, нѣкоторыхъ щекотливыхъ вопросовъ и, простившись, уѣхали домой по другой дорогѣ.

На пути встрѣтилась одна деревня, на улицѣ которой было множество людей, взрослыхъ и ребятъ. Жизнь со всѣми ея проявленіями била здѣсь горячимъ ключомъ, и тутъ же, почти рядомъ, на воткнутомъ въ землю шестѣ висѣла грубая деревянная клѣтка съ заключенной въ ней головой преступника, казненнаго два мѣсяца назадъ. Мы ѣхали быстро, и я замѣтилъ только темную круглую массу, пріютившуюся въ одномъ изъ угловъ клѣтки; и какъ ни привыкъ я въ анатомическомъ театрѣ ко всякаго рода раздѣленію человѣческаго тѣла, тѣмъ не менѣе эта голова вызвала во мнѣ тяжелое и непріятное чувство, а также невеселыя мысли о нашемъ, такъ часто погрѣшимомъ, правосудіи и ужасныхъ мукахъ человѣка, медленно ожидающаго своей казни.

Я задумался... Въ Европѣ составилось убѣжденіе, что китайцы равнодушны къ жизни и умираютъ отъ руки палача такъ же спокойно, какъ ложатся спать... Какъ они идутъ на казнь, мнѣ, къ счастію, не привелось видѣть. Но о томъ, насколько презрительно

но относятся они къ жизни, я много бесѣдовалъ съ тѣми, кто долго жилъ среди китайскаго народа; самъ видѣлъ много больныхъ и пришелъ къ тому заключенію, что китайцу, какъ и всякому другому человѣку, пока онъ здоровъ, жизнь дороже всего на свѣтѣ. Въ самомъ дѣлѣ, что доказываетъ ихъ страстное желаніе „долгоденствія“, о которомъ вездѣ читаешь и слышишь и которое считается однимъ изъ „пяти высшихъ даровъ неба“? Для чего же китайцы такъ старательно ищутъ средствъ для продленія своей жизни? Какъ согласовать съ равнодушіемъ къ жизни ихъ страхъ даже передъ обыкновенной смертью, а не передъ казнью? Можетъ-быть, во время послѣдней китайцы умѣютъ только умирать геройски, но развѣ это значитъ—не жалѣя разставаться съ жизнью? Нѣтъ, китайцы любятъ жизнь даже тогда, когда право жить покупается очень дорогой цѣной, напримѣръ самымъ тяжелымъ трудомъ. Смерти же они не желаютъ, а боятся; и у нихъ этотъ страхъ проявляется точно такъ же, какъ у нѣкоторыхъ изъ нашихъ малодушныхъ и слабонервныхъ людей. А именно: китайцы простолюдины, какъ разсказывали мнѣ, избѣгаютъ даже разговоровъ о смерти (сы), стараясь не произносить этого слова; они даже не любятъ называть гробъ его настоящимъ именемъ (гуáнь-цáй), а говорятъ просто — „дерево“ (мý-тоу).

Ошибочно было бы видѣть доказательство презрѣнія къ жизни и равнодушія къ смерти въ томъ, что толпа безчувственна къ вывѣшиваемымъ въ клѣткахъ человѣческимъ головамъ; это доказываетъ только то, что люди ко всему могутъ привыкнуть и что назиданія въ отрубленной и выставленной на показъ головѣ гораздо меньше, чѣмъ ожидалъ законодатель. Съ большимъ сомнѣніемъ отношусь я также къ словамъ тѣхъ, которые разсказываютъ о смѣхѣ, ѣдѣ и веселомъ говорѣ, происходящихъ будто бы при исполненіи смертной казни, рядомъ со сценами медленнаго душенія человѣка, по закону, или отсѣченія головы; а если это такъ, то опять можетъ служить подтвержденіемъ только-что высказанной мысли, т.-е. что въ публичной смертной казни, особенно часто повторяемой, назидательнаго для другихъ весьма мало...

Но, пріѣхали домой. Пообѣдали и вечеромъ отправились съ Матусовскимъ въ сопровожденіи того же обязательнаго г. Гаса въ китайско-европейскій городъ, въ которомъ мнѣ хотѣлось посѣтить еще тѣ кварталы, которые днемъ спятъ, но за то живутъ полною жизнью ночью.

По улицамъ, освѣщеннымъ газомъ и многочисленными бумажными фонарями разныхъ видовъ, которыхъ по нѣскольку виситъ въ каждой лавкѣ, двигаются густыя толпы народа, почти исключительно мужчинъ и почти исключительно китайцевъ. Эти люди теперь не спѣшатъ и не бѣгутъ, толкаясь и сбивая другъ друга съ ногъ, какъ это обыковенно бываетъ днемъ; теперь видно, что они вышли гулять, отдыхаютъ, наслаждаются или просто ходятъ по улицѣ, потому что здѣсь веселѣе чѣмъ дома. Но не одной прогулкой на свѣжемъ воздухѣ наслаждается здѣсь публика, — у нея есть много удовольствій и развлеченій: трактиры или чайныя съ музыкантами, пѣвцами, фокусниками и забавными разскащиками, а также молоденькими пѣвицами; есть театры, курильни опія и особыя, нѣсколько таинственныя заведенія также съ музыкой, пѣвицами и опіемъ. Какъ первые открыты на улицу или отдѣлены отъ нея только одной входной дверью, такъ эти послѣднія скрыты въ глубинѣ дворовъ, среди лабиринта корридоровъ и лѣстницъ здѣшнихъ двухъэтажныхъ домовъ, такъ что можно долго ходить около такого заведенія и не подозрѣвать о его существованіи, или знать, что оно существуетъ, да не умѣть найти входа. Европейцу, и особенно путешественнику, да еще не умѣющему объясняться съ туземцами, чрезвычайно трудно проникнуть въ этотъ уединенный и скрытый міръ и не всегда, говорятъ, безопасно отправляться въ подобныя мѣста. Хотя я теперь мало вѣрилъ въ разсказы европейцевъ о всевозможныхъ опасностяхъ, но не смѣлъ и отрицать ихъ, а потому долженъ былъ подчиняться совѣтамъ моего руководителя. Но умѣй я хоть сколько-нибудь говорить по-китайски, я бы вездѣ побывалъ и убѣжденъ, что вынесъ бы свою голову цѣлою.

Бродя по отдаленной части города, переходя изъ одной улицы въ другую и проходя переулками, мы не разъ попадали въ такіе запутанные проходы, что одинъ я едва ли выбрался бы изъ нихъ. Идемъ, напримѣръ, по улицѣ и входимъ въ ворота, какъ будто ведущія внутрь двора; оказывается — переулокъ, длинный и темный, заключенный между глухими высокими стѣнами, и его едва освѣщаетъ висящій гдѣ-нибудь пузатый бумажный фонарь. Идемъ по этому переулку и въ стѣнѣ находимъ дверь; напротивъ ея, въ противоположной стѣнѣ другая такая же; это оказывается тоже родъ переулка, пересѣкающаго первый. Въ нихъ совершенно пусто,—ни души, кромѣ насъ троихъ. Этотъ второй переу-

лочекъ или проходъ такъ узокъ, что локтями можно почти касаться противоположныхъ стѣнъ. Дошли по немъ до конца; тутъ въ боку видимъ рѣшетчатое окно, изъ котораго валитъ освѣщаемый изнутри паръ. Я заглянулъ: вижу—какая-то кухня, гдѣ нѣсколько поваровъ творятъ многочисленныя и разнообразныя кушанья, и наше появленіе, наше безцеремонное заглядываніе и громкій разговоръ на французскомъ языкѣ принимаются ими, какъ явленіе самое обыкновенное; они ни на минуту не отвлеклись отъ своего дѣла и на насъ, можно сказать, не обратили ни малѣйшаго вниманія...

Идемъ дальше. Переулокъ повернулъ налѣво и сталъ нѣсколько пошире; онъ проходилъ теперь между двухъэтажными домами полукитайской, полуевропейской архитектуры; въ ихъ окнахъ вездѣ былъ видѣнъ свѣтъ; изъ дверей нижнихъ этажей выглядывали китаянки, которыхъ можно было видѣть много внутри комнатъ черезъ отворенныя двери. Иногда между ними сидѣлъ мужчина, тоже китаецъ. Женщины или работали что-нибудь или сидѣли и полулежали, ничего не дѣлая, и бесѣдовали съ гостемъ.

Женщины, стоявшія въ дверяхъ, при нашемъ приближеніи большею частью прятались. Нашъ путеводитель входитъ въ одну изъ такихъ отворенныхъ дверей; мы вошли за нимъ и очутились въ небольшой комнаткѣ, гдѣ у стола сидѣли китаецъ и двѣ китаянки. Вошли мы, какъ власть, какъ полиція, безъ позволенія безъ поклона и, разсматривая ихъ, вели свой непонятный для нихъ разговоръ о нихъ же. Я чувствовалъ всю неловкость подобной безцеремонности, возможной только въ Китаѣ и для меня совершенно непривычной. Но, думаю себѣ, значитъ въ этотъ домъ можно входить всѣмъ безъ доклада и приглашенія. Китаецъ, очевидно, злился; женщины—тоже. Они говорили между собой; наконецъ одна изъ нихъ обратилась къ намъ и сдѣлала рукой какой-то жестъ, который, пожалуй, могъ значить—убирайтесь вонъ! Мы исполнили ея желаніе, но предварительно заглянули черезъ дверь въ сосѣднюю комнату, которая оказалась пустою, и интереснаго въ ея обстановкѣ, какъ и передней, ничего не было. Этотъ эпизодъ интересенъ только своимъ способомъ вхожденія въ частный домъ, чтобъ „скромно“ ознакомиться съ его устройствомъ и тѣмъ, что въ немъ происходитъ. Способъ, какъ видите, самый простой: дверь не заперта, значитъ—входи.

Пройдя далѣе по переулку, мы прямо изъ него поднялись по одной грязной каменной лѣстницѣ во второй этажъ какого-то

дома и вышли на галлерею, съ которой можно было удобно смотрѣть черезъ открытыя окна въ ярко-освѣщенныя комнаты верхняго этажа. Онѣ имѣли изящную обстановку въ китайскомъ вкусѣ; то хорошенькія, то некрасивыя, но одинаково нарядныя китаянки ходили по нимъ или сидѣли у столиковъ, болтая съ китайцами и что-то ѣли; а въ глубинѣ раздавались звуки безобразной туземной музыки. Насъ замѣтили, поняли, что мы наблюдаемъ за ними, но ничѣмъ не выразили неудовольствія за подобную нескромность.

Я попросилъ г. Гасъ войти въ домъ и вообще не спѣшить.

— Невозможно, отвѣтилъ онъ и повелъ насъ дальше. Пришли къ двери, отъ которой вела лѣстница въ верхній этажъ, гдѣ находился театръ; хотѣли было войти туда, но китаецъ, молодой малый, весьма учтивымъ образомъ не впустилъ насъ, давъ понять, что мы можемъ наткнуться на непріятность.

— Лучше будетъ, если вы не войдете, сказалъ онъ намъ самымъ мягкимъ тономъ.

Мы послушались и пошли дальше, ограничивалсь заглядываніемъ по пути въ освѣщенныя окна и двери, которыя всѣ вели въ разныя увеселительныя заведенія.

Чувствую, читатель, что васъ не удовлетворяетъ мой разсказъ, что въ немъ недостаетъ подробностей, разговоровъ съ туземцами и объясненій видѣннаго. Но думаете ли вы, что самъ я былъ доволенъ такимъ бѣглымъ осмотромъ и недомолвками нашего путеводителя?... Что дѣлать! Но, когда видишь все это въ первый разъ, тогда и поверхностное знакомство полно интереса и какой-то таинственности, которая дѣлаетъ дѣйствительность похожею на сонъ, превращаетъ сцены изъ житейской правды въ туманныя картины, показываемыя въ залѣ театра, когда вся она темна, а освѣщена только сцена. Итакъ, если вамъ не наскучило бродить со мною по китайскимъ закоулкамъ, пойдемте дальше.

Въ кварталѣ, по которому мы проходимъ, буквально всѣ дома открыты для каждаго, желающаго въ нихъ войти; цѣлые переулки заняты ими, а также курильнями опія; послѣднія представляютъ много различныхъ степеней,—отъ самыхъ комфортабельныхъ, хотя для европейскаго глаза весьма и весьма скромныхъ, до куриленъ послѣдняго сорта, посѣщаемыхъ разными уличными бродягами и даже нищими. Воздухъ не только въ этихъ домахъ, но въ самихъ переулкахъ наполненъ кухоннымъ чадомъ, дымомъ опія и испареніями разлагающейся грязи. Когда мы очутились

въ этихъ вертепахъ, нѣкоторые китайцы обращались къ намъ съ предложеніемъ своихъ услугъ, проводить насъ, куда намъ угодно,—въ надеждѣ, конечно, получить за трудъ какую-нибудь плату. Я попросилъ спутника спросить у одного изъ нихъ, можетъ ли онъ привести къ какой-нибудь женщинѣ, которая позволила бы снять рисунокъ съ ея ноги.

Е́сп! Е́сп! (англійское yes, въ китайскомъ произношеніи), отвѣтилъ обрадованный предстоящимъ заработкомъ несчастный оборванецъ.

Велѣли вести, и онъ повелъ насъ по еще болѣе темнымъ и грязнымъ переулкамъ, но въ которыхъ людей было больше. Въ одномъ мѣстѣ прошли мимо разскащика, который, надсаживая свои легкія и гортань, забавлялъ шумѣвшую толпу, но, кажется, почти ничего не получалъ отъ своихъ слушателей. Наконецъ провожатый привелъ, и мы вошли въ домъ; проводникъ объяснилъ (хозяйкѣ, надо полагать) цѣль нашего прихода. Но въ ту же секунду, получивъ пощечину, вышелъ вонъ, и сдѣлалъ это съ такимъ невозмутимымъ спокойствіемъ, какъ будто вовсе не замѣтилъ оскорбленія, и дорогой сталъ утѣшать насъ, обѣщая провести къ другой обладательницѣ маленькихъ ножекъ. Идемъ дальше. Онъ останавливается у новаго дома; стучитъ въ дверь, передаетъ приказанное ему предложеніе явившейся на порогѣ китаянкѣ, получаетъ новую пощечину и, нѣсколько сконфуженный неудачей, продолжаетъ путь, все-таки приглашая насъ слѣдовать за собою. Въ третьемъ домѣ его не ударили по лицу только потому, что онъ вовремя увернулся. По всей вѣроятности онъ и впередъ зналъ, что все это именно такъ и совершится, что иного результата и ожидать нельзя; но его цѣль заключалась совсѣмъ не въ томъ, чтобъ мой альбомъ пополнился рисункомъ изуродованной женской ноги, а въ томъ, чтобъ заработать плату за проводы и самоотверженіе, съ какимъ онъ подставлялъ свою физіономію подъ удары грубыхъ и безобразныхъ китайскихъ бабъ. Эта цѣль была имъ достигнута: онъ получилъ франкъ и, совершенно довольный, простился съ нами, выражая сожалѣніе, что не удалось исполнить нашего желанія.

Проходя далѣе по улицѣ, мимо одной двери, изъ которой доносились звуки музыки и пѣсенъ, мы вошли въ нее и поднялись по качавшейся отъ ветхости деревянной лѣстницѣ во второй этажъ дома.

Въ первой маленькой комнатѣ стоялъ китаецъ за прилавкомъ

въ родѣ нашихъ трактирныхъ и разливалъ чай въ стоявшія передъ нимъ многочисленныя чашки; въ слѣдующемъ помѣщеніи, гораздо большемъ, находилась публика, состоявшая исключительно изъ мущинъ; а въ глубинѣ залы, на возвышеніи, сидѣли артисты—музыканты и пѣвицы. Комната была полна, и только одна скамейка оставалась свободною; сѣсть же на нее можно не болѣе какъ двоимъ, а насъ было трое.

Я не хотѣлъ садиться, потому что стоя мнѣ было удобнѣе видѣть и сцену, и публику; но одинъ изъ китайцевъ тотчасъ всталъ и уступилъ мнѣ свое мѣсто.

— Цзо, цзо! Цинъ-цзо! (садитесь, садитесь, прошу садиться), заговорилъ онъ: я было попробовалъ отказаться, но онъ такъ приставалъ, что пришлось скорѣе сѣсть, чтобъ не мѣшать слушателямъ, бо́льшая часть которыхъ уже отвернулась отъ сцены и смотрѣла на насъ.

На сценѣ въ это время однимъ старикомъ и двумя молодыми пѣвицами исполнялся въ разговорной формѣ юмористическій разсказъ, не совсѣмъ скромнаго или, правильнѣе, совсѣмъ нескромнаго содержанія, сопровождаемый иногда пѣніемъ куплетовъ съ акомпаниментомъ своеобразной скрипки старика и гитаръ, на которыхъ играли дѣвицы. Пѣніе и декламація артиста заключали въ себѣ столько живости и комизма, что, даже не зная содержанія, его можно было съ удовольствіемъ слушать и слѣдить за игрою его физіономіи; пѣніе же дѣвицъ, можетъ-быть, весьма искусное съ китайской точки зрѣнія, напоминало моему уху, не въ обиду имъ будь сказано, крики оперируемыхъ кошекъ. Но играли онѣ на своихъ инструментахъ весьма недурно, несмотря на длинные ногти и серебряные наперстки, въ вершокъ и болѣе длины, какіе носятъ щеголихи-китаянки на двухъ послѣднихъ пальцахъ рукъ, собственно для сохраненія длинныхъ ногтей, но больше изъ подраженія модѣ или чтобы заставить думать, что подъ ними сохраняются весьма длинные ногти, считающіеся признакомъ аристократизма, на томъ основаніи, что, слѣдовательно, человѣкъ можетъ жить не отъ труда рукъ своихъ. (Дѣйствительно, рабочіе люди никогда не носятъ длинныхъ ногтей). Тотчасъ, какъ только мы сѣли на свои мѣста, намъ подали чашки съ чаемъ, предложили огня закурить папиросы и спросили плату за входъ (20 центовъ,—коп. 25 на серебро).

Публика успокоилась, и я было раскрылъ альбомъ, чтобъ на-

бросать видъ сцены и артистовъ, но мнѣ удалось сдѣлать лишь нѣсколько первыхъ очертаній, какъ зрители, смотрѣвшіе на насъ гораздо болѣе, чѣмъ на сцену, вдругъ потянулись ко мнѣ со своихъ мѣстъ, сначала ближайшіе, потомъ и болѣе отдаленные, и стали собираться около меня кружкомъ. Пока было можно я продолжалъ чертить. Пѣвицы тотчасъ замѣтили, что съ нихъ рисуютъ, сконфузились и стали прятаться за свои гитары; старикъ же не только не смущался, а, повидимому, былъ даже польщенъ, да и публика, казалось, тоже была обрадована доставленнымъ ей новымъ развлеченіемъ. Не радовало только меня ея лестное вниманіе къ моей работѣ, которую я долженъ былъ прервать, потому что всѣ было поднялись и направились въ мою сторону. Я закрылъ альбомъ и, когда пѣвцы кончили, мы ушли, чтобъ продолжать нашу ночную экскурсію.

Видѣли мы еще много другихъ увеселительныхъ домовъ, однообразной постройки и занимающихъ цѣлые кварталы подъ рядъ. Эти—всѣ безъ оконъ и имѣютъ только дверь, выходящую на улицу и заставленную частоколомъ изъ бревенъ, изъ которыхъ одно вынимается, когда нужно пропустить гостя. Домики населены, какъ казалось, исключительно женщинами, и жалкія обитательницы подобныхъ пріютовъ—большею частію сироты или купленныя (иногда, говорятъ за гривенникъ!) и воспитаны особаго рода эксплуататорами мужскаго или женскаго пола. Этихъ дѣвушекъ можно видѣть стоящими у своихъ дверей или гуляющими по улицѣ около своихъ домовъ и отъ скуки приглашающихъ къ себѣ въ гости всѣхъ проходящихъ мимо.

Отсюда мы прошли переулками, которые можно назвать царствомъ ужасающей нищеты и самаго грубаго разврата, разврата по неволѣ, а не по призванію,—царствомъ болѣзни и нравственной смерти живущихъ или слоняющихся тутъ людей. Мы прошли слишкомъ быстро, и у меня остались лишь смутныя воспоминанія.

Въ заключеніе разсказа объ этой прогулкѣ считаю необходимымъ прибавить, что нигдѣ, ни разу, мы не встрѣтили самой малѣйшей непріятности или оскорбленія, не только злаго умысла. Таковъ фактъ; а зависитъ ли онъ отъ чувства страха къ европейцамъ и основаннаго на немъ уваженія или просто отъ мирнаго нрава китайскаго народа, предоставляю судить другимъ, болѣе счастливымъ путешественникамъ и знатокамъ Китая.

27 октября.

Вчерашній день прошелъ въ приготовленіяхъ къ отъѣзду, и еще нѣкоторыхъ покупкахъ въ городѣ, а вечеромъ, послѣ прощальнаго обѣда у г. Шликъ, мы отправились на пароходъ „Fire Queen“ въ сопровожденіи нашихъ любезныхъ знакомыхъ, о которыхъ мы увозили съ собою самыя пріятныя воспоминанія.

Мы ѣхали теперь въ Хань-Коу вдвоемъ съ Матусовскимъ, такъ какъ Сосновскій съ остальной компаніей выѣхалъ туда уже три дня назадъ... Въ Шанъ-Хаѣ дѣйствительно жизнь дорога; а интереснаго онъ ничего не нашелъ.

Сегодня, когда я проснулся и вышелъ на палубу, пароходъ былъ уже далеко отъ Шанъ-Хая. Навстрѣчу намъ плавно катились быстрыя воды Сына Океана (Янъ-Цзы), и теперь уже нѣтъ сомнѣнія, что мы идемъ по рѣкѣ, которую китайцы справедливо называютъ еще „Великой Рѣкой“ (Да-Цзянъ) или „Рѣкой“ (Цзянъ), желая этимъ сказать, что другія рѣки передъ нею ужъ не рѣки. Она такъ широка здѣсь, что ея берега едва видны и картина скорѣе напоминаетъ море, если не всматриваться очень внимательно въ даль. Вода ея вовсе не имѣетъ голубаго цвѣта, какъ можно было думать по довольно употребительному въ Европѣ названію—Голубая рѣка, а грязно-желтый; да китайцы никогда ее голубою (Лань-Цзянъ) не называли и не называютъ.

Погода стоитъ превосходная, и я расхаживаю въ одномъ сюртукѣ по палубѣ, убранной живыми цвѣтами, и наслаждаюсь свѣтлымъ и теплымъ днемъ. Мнѣ даже жарко становилось по мѣрѣ поднятія солнца надъ горизонтомъ; впрочемъ въ тѣни было свѣжо. Берега рѣки нѣсколько сблизились и на нихъ виднѣлись зеленыя поля и рощи около деревень, надъ ними пролетали стада дикихъ утокъ и гусей, которые иногда поднимались, при нашемъ приближеніи, изъ густыхъ безконечныхъ зарослей тростника, тянущихся по обѣимъ сторонамъ. По рѣкѣ идутъ подъ парусами туземныя лодки и джонки въ большомъ количествѣ; на берегахъ и судахъ видны китайцы и очень рѣдко праздные, обыкновенно же занятые чѣмъ-нибудь: или ловятъ рыбу, или рѣжутъ тростникъ, складывая его на лодки, или работаютъ на судахъ.

Мѣстами берега Янъ-Цзы пустынны и представляютъ утомительныя своимъ однообразіемъ равнины; большею же частью мѣстность холмистаго характера, и нѣкоторые холмы достигаютъ значительной высоты. На рѣкѣ нерѣдко попадаются скалистые острова, которые, какъ и берега, оживлены пагодами

или монастырями; на берегахъ часто встрѣчаются города со своими зубчатыми стѣнами и деревни съ симпатичными сценами тихой, но дѣятельной сельской жизни.

За завтракомъ мы познакомились съ нашимъ капитаномъ, американцемъ мистеромъ Полъ, и его чрезвычайно толстой миссизъ Полъ, которая, несмотря на четырнадцать лѣтъ своей супружеской жизни, до сихъ поръ такъ влюблена въ своего мужа, какъ будто послѣ свадьбы не прошло и четырнадцати дней. Мнѣ вчужѣ становилось жутко... Четырнадцать лѣтъ страстной любви!! Но капитанъ Полъ терпѣливо выносилъ эти гоненія.

Сегодня же познакомился я съ одной интересной личностью, находившейся на нашемъ пароходѣ, — воспитанницей госпожи Полъ, китаянкой Филоменой, которую она получила отъ одной англичанки, уѣхавшей на родину, куда дѣвушка не захотѣла послѣдовать за нею. Миніатюрная, некрасивая смуглянка имѣла, какъ я узналъ, восемнадцать лѣтъ, но на видъ ей казалось не болѣе четырнадцати; черты ея лица неправильны, но не непріятны; зубы прекрасные, бѣлые и ровные; черные волосы гладко зачесаны назадъ и заплетены въ одну косу. Одѣта она въ синюю рубашку съ широкими рукавами и спускающуюся ниже колѣнъ, въ черныя широкія шаровары и китайскіе башмаки, но не крошечные женскіе, а маленькіе мужскіе. Движенія ея медленны, говоритъ она своимъ симпатичнымъ голоскомъ тоже чрезвычайно медленно и тихо. Она родилась въ г. Су-Чжоу и во время такъ-называемаго Тайпин'скаго мятежа была потеряна на улицѣ матерью, можетъ-быть убитою, и осталась въ совершенно безпомощномъ положеніи. Такіе случаи часто бываютъ во время войны. Упомянутая добрая леди, жившая въ этомъ городѣ съ своимъ мужемъ, взяла ее къ себѣ и воспитала. Дѣвочка сдѣлалась христіанкой, получила имя Филомены и сохранила свои здоровыя ножки, которыхъ еще не успѣли изуродовать. Теперь она очень хорошо говоритъ по-англійски, немного по-французски и по-португальски; но не забыла и роднаго языка, на которомъ умѣетъ даже нѣсколько читать и писать.

Кромѣ того, у нея проявляются способности и любовь къ рисованію, которое помогло мнѣ сблизиться съ этой дѣвушкой, интересной своею національностью и судьбой. Хотя она была очень скромна, но въ ней вовсе не замѣчалось дикости китаянки; она не пряталась отъ мужчинъ, а совершенно спокойно оставалась въ общей залѣ и по вечерамъ иногда присутствовала за

общимъ столомъ. Какъ любительница рисованія, она часто подходила ко мнѣ, когда я работалъ на палубѣ или въ залѣ, и, ставъ возлѣ меня, слѣдила за моей рукой, по временамъ спрашивая объясненія того или другаго пріема, и постоянно выражала желаніе научиться рисовать красками и такъ же легко, скоро и хорошо... Да не подумаетъ читатель, чтобы я хвастался послѣдними словами; я просто не хочу ничего выпустить изъ немногихъ словъ Филомены, характеризующихъ ея личность, которая меня занимала тѣмъ болѣе, что я не надѣялся встрѣтить другую китаянку, съ которой бы могъ хотя немного поговорить непосредственно, т.-е. безъ переводчика, такъ какъ иную бесѣду я и за разговоръ не считаю.

— Какая комбинація! восклицаетъ однажды мистеръ Полъ, подойдя къ намъ:—на американскомъ пароходѣ русскій докторъ бесѣдуетъ съ китаянкой на англійскомъ языкѣ!

Дѣйствительно странное сочетаніе... Я разспрашивалъ Филомену, между прочимъ, о ея намѣреніяхъ и планахъ въ будущемъ, на что она сказала, что надѣется выйти замужъ, что имѣетъ уже жениха, китайца, но еще не рѣшилась на этотъ шагъ. Мнѣ хотѣлось узнать степень ея развитія въ религіозномъ отношеніи—и изъ разговоровъ съ нею я пришелъ къ заключенію, что въ сущности она не имѣетъ никакихъ понятій о религіи, а знаетъ лишь нѣсколько молитвъ, которыя повторяетъ аккуратно утромъ и вечеромъ, но, кажется, не понимаетъ даже и ихъ настоящаго смысла. Я пожалѣлъ объ этомъ и сказалъ ей, прибавивъ что изъ нея могла бы быть хорошая проповѣдница христіанства между китайскими женщинами, и мнѣ казалось, что эта мысль очень понравилась ей, потому что она сама нѣсколько разъ потомъ возвращалась къ ней, спрашивая, что же нужно знать христіанину? И я, насколько съ умѣлъ, высказалъ ей свои искреннія убѣжденія, которыя Филомена выслушала съ большимъ вниманіемъ; но читателю знать ихъ вовсе не интересно.

Трое съ половиной сутокъ провели мы на пароходѣ, поднимаясь по Янъ-Цзы-Цзяну и все углубляясь въ страну. За это время проѣхали двѣ провинціи (Цзянъ-Су и Ань-Хуй)—и вступили въ третью—провинцію Ху-Бэй; проѣхали мимо семнадцати городовъ, расположенныхъ на его берегахъ, на которыхъ я насчиталъ двадцать семь высокихъ многоэтажныхъ пагодъ (та), чаще всего шести или осьмигранныхъ, большею частью старыхъ и не поддерживаемыхъ, такъ что нѣкоторыя изъ нихъ обросли навер-

ху и на карнизахъ травой и порядочнымъ кустарникомъ. Значеніе ихъ не религіозное, а онѣ играютъ роль памятниковъ, поставленныхъ въ воспоминаніе какихъ-нибудь событій. Эти пагоды далеко не такъ изящны и граціозны, какъ о нихъ привыкли думать, какими я и самъ ожидалъ увидать ихъ.

Движеніе туземныхъ судовъ по Янъ-Цзы громадное, несмотря на пароходы, которые, говорятъ, значительно уменьшили размѣры туземной торговли. Особенно сильно оживляется „Рѣка“ послѣ ненастной погоды, причина чего заключается въ слѣдующемъ: бури на такомъ широкомъ просторѣ бываютъ очень опасны даже для большихъ китайскихъ лодокъ, и потому застигнутые непогодой суда спѣшатъ добраться до какой-нибудь пристани и тутъ останавливаются, чтобъ переждать бурю. Но какъ только погода измѣняется къ лучшему, всѣ онѣ разомъ пускаются въ путь и тогда на обширной поверхности рѣки появляются густыя и просто безконечныя вереницы различныхъ лодокъ съ ихъ рубчатыми парусами, поднятыми для просушиванія ихъ. Картина поразительная и едва ли еще гдѣ можно увидать подобную ей!

Такъ какъ пароходъ останавливался лишь въ немногихъ пунктахъ, да и то на самое короткое время, и такъ какъ мы съ Матусовскимъ ѣхали не путешественниками, а только догоняли нашего начальника, который торопился скорѣе выѣхать изъ Хань-Коу въ дальнѣйшій путь, то мы лишь мелькомъ видѣли нѣкоторые города, и я даже не стану называть ихъ. Упомяну только о Нань-Кинѣ, который съ парохода почти не видѣнъ и отъ котораго, говорятъ, остались лишь жалкіе остатки, благодаря упомянутому Тайпин'скому бунту; а отъ знаменитой фарфоровой башни не сохранилось, говорятъ, ни одного кирпича, которые теперь развезены по всему свѣту.

Съ каждой пройденной милей мы продолжали углубляться внутрь Китая и наконецъ 31 октября нашъ пароходъ подходилъ къ огромному, какъ казалось, одному городу, раскинувшемуся на обоихъ берегахъ Янъ-Цзы и впадающаго въ него здѣсь большаго притока, Хань-Цзянъ. Въ географическомъ же смыслѣ въ этомъ пунктѣ находится не одинъ, а три города: У-Чанъ-Фу,—главный городъ провинціи Ху-Бэй и Ху-Нань, г. Хань-Янъ-Фу и г. Хань-Коу, крайній пунктъ нашего плаванія и въ то время вообще пароходнаго движенія по Янъ-Цзы. Этотъ пунктъ весьма важный и интересный.

ГЛАВА V.

ДВА МѢСЯЦА ВЪ ХАНЬ-КОУ.

Хань-Коу съ парохода.—Русская колонія.—Носильщики.—Надежды на новаго переводчика.—На той сторонѣ Янъ-Цзы.—Толпа за нами, и ея поведеніе.—Фабрика кирпичнаго чая.—Свѣдѣнія о приготовленіи чая.—Пить ли намъ чай?—Китайскія улицы.—Клубы.—Визиты къ мандаринамъ.—Ученіе китайскимъ войскамъ.—Визитъ къ частному человѣку.—Нѣкоторыя ремесла.—Издѣлія изъ бамбука.—Уродованіе женскихъ ногъ.—Красавица Сенки.—Скачка казаковъ.—Фальшивая тревога.—Общественныя удовольствія европейцевъ.—Рождество и Новый годъ въ Хань-Коу.—Забытые переводчики.—Прощальный обѣдъ съ пѣвицами.—Два слова о китайскомъ языкѣ.

Глазамъ путешественника, подъѣзжающаго въ хорошую погоду на пароходѣ къ Хань-Коу, представляется сдѣдующая панорама: передъ собою онъ видитъ обширную зеркальную гладь рѣки, уходящую въ прозрачную, сливающуюся съ небомъ, даль; на правомъ берегу тянется длинный рядъ зданій, стѣснившихся въ одну густую массу, возлѣ которой на рѣкѣ стоитъ какъ бы другой, пловучій городъ,—это множество разнообразныхъ судовъ; а за ними возвышается оживленная набережная, усѣянная рабочимъ людомъ,—почти исключительно китайцами.

Изъ этой густой массы китайскихъ построекъ, облѣпившихъ берегъ, взглядъ тотчасъ выдѣляетъ рядъ двухъэтажныхъ европейскихъ домовъ, которые всѣ до одного кажутся дворцами передъ низенькими и въ общемъ не представительными постройками туземцевъ. Передъ европейскими домами тянется, приблизительно на версту, высокая каменная набережная, вдоль которой проходитъ чистая широкая улица или скорѣе длинная площадь, обсаженная со стороны рѣки густымъ рядомъ еще зеле-

ныхъ, пушистыхъ ивъ. Это европейскій кварталъ Хань-Коу, а непосредственно за нимъ слѣдуетъ китайскій городъ съ своими, какъ бы старающимися взлетѣть къ верху, крышами домовъ и почти полнымъ отсутствіемъ какой бы то ни было зелени.

Пароходъ нашъ остановился у пристани, на которую мы должны были сойти, и въ каютъ-компанію, гдѣ мы еще собирали разныя мелкія вещи, вошелъ незнакомый намъ пожилой человѣкъ и пріятно удивилъ насъ русскимъ привѣтствіемъ. Это былъ нашъ здѣшній вице-консулъ Н. А. Ивановъ, котораго мы раньше знали только по имени. Каждая встрѣча съ землякомъ вдали отъ родины доставляетъ человѣку одно изъ самыхъ отрадныхъ чувствъ, за которыя многое можно отдать. Сегодня же намъ предстояло познакомиться со многими живущими тутъ соотечественниками.

Мы отправились вмѣстѣ съ г. Ивановымъ пѣшкомъ въ приготовленное для насъ помѣщеніе въ единственномъ, имѣющемся въ Хань-Коу, отелѣ. Наша комната, какъ и весь отель, имѣла невзрачный, неприбранный видъ, и послѣ парохода, гдѣ все сіяло чистотой и изяществомъ, эта новая обитель произвела на насъ весьма непріятное впечатлѣніе; но выбора не было. Непріятная комната, впрочемъ, имѣла ту выгоду, что она выгоняла на улицу, и я дѣйствительно тотчасъ пошелъ бродить и въ этотъ же первый день перезнакомился почти со всѣми членами здѣшней русской колоніи, въ которой находились и двѣ дамы—жена вице-консула и его сестра, г-жа фонъ-Гленъ.

Предметовъ для бесѣдъ у насъ было конечно много: они разспрашивали насъ о Россіи, а мнѣ хотѣлось скорѣе знакомиться съ тѣмъ, какъ они здѣсь поживаютъ. Всѣ они хорошо обставлены, вполнѣ по-европейски, но жалуются, особенно дамы, на сильныя лѣтнія жары и необычайную сырость воздуха въ весеннее время. Отъ жары, говорятъ, нѣтъ спасенія ни днемъ, ни ночью, несмотря на самыя легкія одежды, на постоянное обмахиваніе вѣеромъ. Лѣтомъ на солнцѣ ртуть поднимается, говорятъ, до 45° R и до 30° въ комнатахъ, несмотря на разныя приспособленія въ домахъ, вѣера и панкеры; испарина ничего не даетъ дѣлать, потому что приходится почти безпрестанно вытирать лицо и руки; жара мѣшаетъ спать ночью и доводитъ до разслабленія и головокруженія. Дѣти, даже родившіяся въ Китаѣ, такъ же томятся отъ жары. И такихъ тяжелыхъ мѣсяцевъ въ году четыре (начиная съ іюня). За это время всѣ такъ привыкаютъ къ теплу, что когда подъ вліяніемъ сѣвернаго вѣтра температура упадетъ

до 24-хъ градусовъ тепла, всѣ начинаютъ зябнуть, а при четырнадцати уже просто дрожатъ отъ холода!

— А какъ китайцы переносятъ зной и чѣмъ они защищаются отъ него? спросилъ я.

— Работой, должно быть, отвѣчали мнѣ,—потому что они цѣлые дни проводятъ подъ открытымъ солнцемъ, да еще часто съ голой головой.

Дѣйствительно, на лѣтнее время выпадаетъ самая тяжелая работа, это—самый дѣятельный сезонъ въ Хань-Коу: тогда совершаются главныя дѣла по покупкѣ и отправкѣ чая. Но, разумѣется, не любовь къ теплу и не желаніе погрѣться на „привѣтливомъ солнышкѣ“ вызываетъ китайцевъ на улицу. Тотъ, кого не выгоняетъ неволя, сидитъ въ саду, подъ навѣсомъ зеленыхъ верандъ, въ тѣни галлерей или знакомыхъ читателю прохладныхъ двориковъ. Остальные же, чтобъ не умереть съ голоду, принуждены таскать тюки товаровъ, чайные ящики, мѣшки съ каменнымъ углемъ, бревна, камни, кули съ мукой, и проч. и проч., словомъ все, что у насъ перевозится на телѣгахъ лошадьми, здѣсь проходитъ черезъ спины и плечи людей. Къ переносимымъ тяжестямъ надо прибавить еще мандариновъ и вообще людей достаточныхъ классовъ, которымъ не охота ходить пѣшкомъ по жарѣ, и они ѣздятъ въ носилкахъ на плечахъ тѣхъ же людей.

Вотъ картина Хань-Коу въ лѣтнее время, которой, къ сожалѣнію, намъ не удалось видѣть, чтобъ познакомиться подробно и точно со всѣми сторонами чайнаго дѣла. О дѣятельности же лѣтняго сезона я могъ составить себѣ нѣкоторое понятіе, потому что въ пунктахъ, подобныхъ Хань-Коу, работа никогда не прекращается совсѣмъ. Китайцы трудятся здѣсь цѣлые дни, и цѣлые дни съ утра до вечера раздаются ихъ крики, очень похожіе на стоны, какими они всегда сопровождаютъ тяжелую работу при переноскѣ тяжестей, вѣроятно для того, чтобъ идти равномѣрно въ тактъ съ товарищемъ, когда несутъ что-нибудь вдвоемъ, или съ колебаніями своего гибкаго коромысла. Таковъ повсемѣстный обычай у китайцевъ.

Въ первые же дни моего пребыванія въ Хань-Коу я довольно насмотрѣлся на этихъ дѣйствительно молодцовъ, которые не боятся ни зноя, ни холода: несмотря на наступившій ноябрь они почти всѣ работали полуголыми. Я такъ наслушался ихъ упомянутыхъ криковъ или стоновъ, что даже, когда никто не кричалъ,

они постоянно раздавались у меня въ ушахъ, раздаются и теперь, когда пишу и переношусь воспоминаніями въ Хань-Коу'скій портъ.

Вотъ быстро идутъ двое и несутъ повѣшенный на коромыслѣ тюкъ. „Охъ-охъ-о!“—кричитъ протяжно одинъ. „Эхъ-ихъ-и!“—отвѣчаетъ ему товарищъ. „Эхъ-хю-хю!“—стонетъ опять первый. „Э-хе-хе“—вторитъ другой. Первый:„Э-холи!“ Второй:—„А-холи!“ Первый: „Э-хэ!“ Второй:—„И-хи!“... И такъ далѣе, на разные лады, но все въ томъ же родѣ. Я привожу подобныя, въ сущности ничего не значащія слова или даже звуки, потому что безъ нихъ мой разсказъ не имѣлъ бы цѣльнаго представленія. Я научу васъ даже прочесть эти китайскіе звуки правильно, какъ они раздаются тамъ, въ Срединномъ Царствѣ, и всюду—по большимъ дорогамъ, въ горахъ, по рѣкамъ и на улицахъ городовъ. Вы не читайте приведенныя слова просто, а кричите жалобнымъ голосомъ, какъ будто вы страдаете отъ боли; протягивайте по преимуществу первый слогъ и произносите коротко другіе. Тогда вы возсоздадите эту музыку и впечатлѣніе будетъ вѣрное, т.-е. тяжкое.

Да, пока я не привыкъ, мнѣ было очень непріятно, просто тяжело, слышать эти грустные, надрывающіе душу, крики. То же говорили мнѣ другіе, а наши дамы разсказывали, что онѣ въ первое время готовы были уйти куда-нибудь изъ дому, чтобъ только не слыхать этихъ раздававшихся на улицѣ подъ ихъ окнами стенаній.

Здѣшняя небольшая русская колонія, существующая въ Хань-Коу около пятнадцати лѣтъ, состояла человѣкъ изъ двадцати, бо́льшею частью молодыхъ и холостыхъ людей, помѣщавшихся въ трехъ домахъ,—г. Иванова [1]), г. Токмакова-Шевелева и К° и г. Родіонова [2]). Колонія эта обязана своимъ существованіемъ чайной торговлѣ. Названные дома занимаются коммиссіонерскимъ дѣломъ, т.-е. покупкою чая здѣсь, по заказамъ нашихъ крупныхъ

---

[1]) *Домъ г. Иванова и К°*. Гг.: Ивановъ, фонъ-Гленъ, Молчановъ, Нѣмчиновы 1 и 2-й и Косыгинъ.

[2]) *Домъ Токмакова, Шевелева и К°*. Гг.: Шевелевъ, Колыгинъ, Молотковъ, Лебедевъ, Ватсонъ, Ширкуновъ, Ремянниковъ, Сахаровъ, Нольтингъ, Барташовъ и Кузнецовъ.

Домъ Родіонова и К°. Гг.: Родіоновъ, Краснопольскій, Марьинъ, Пежемскій и Лаврентьевъ.

Домъ Черепанова и К°.

чаеторговцевъ, и отправкою его въ Россію. Никакихъ же „собственныхъ чайныхъ плантацій“ въ Китаѣ у русскихъ, какъ и у другихъ иностранцевъ, нѣтъ, и въ нихъ надо перестать вѣрить, что̀ бы ни гласили разныя „привлекательныя“ надписи на оберткахъ, въ которыхъ продается чай въ розничной продажѣ: весь онъ покупается у китайцевъ и черезъ китайцевъ, а здѣшніе русскіе только служатъ посредниками между туземцами и коммерсантами, живущими въ Россіи. Послѣдніе присылаютъ ежегодно требованія въ тотъ или другой домъ на извѣстное количество ящиковъ чаю и ждутъ, пока ихъ получатъ. Сами же русскіе, живущіе здѣсь, приготовляютъ только кирпичный чай на собственныхъ или арендуемыхъ у китайцевъ фабрикахъ. Познакомимся съ ними ближе.

Почти всѣ изъ нашихъ соотечественниковъ, забравшихся въ средину Китая,—уроженцы или временные жители Кяхты и Иркутска и немногіе изъ нихъ—бывшіе ученики существовавшей въ Кяхтѣ русско-китайской школы, гдѣ они изучали китайскій языкъ и получали начальное образованіе. Всѣ они весьма порядочные молодые люди, хотя, конечно, не безъ того, что молодежь, при легко достающемся и хорошемъ заработкѣ, не прочь кутнуть иной разъ, ну а во хмѣлю, какъ извѣстно, у всякаго своя натура. Хотя это̀ совершается рѣдко и дома, но я отъ души желалъ бы имъ сдѣлаться еще болѣе скромными и деликатными людьми, чѣхъ даже они теперь.

Ближе всѣхъ изъ нихъ я познакомился и вскорѣ подружился съ тѣмъ Шевелевымъ, о которомъ, какъ читатель помнитъ, намъ говорили въ Тянь-Цзинѣ. Поэтому, а также потому, что еще не разъ встрѣтится его имя, я разскажу о немъ нѣсколько подробнѣе. Онъ уже двѣнадцать лѣтъ прожилъ въ Хань-Коу, занимаясь коммиссіонерскимъ дѣломъ; но, какъ натура исключительная, одаренная недюжиннымъ умомъ и любознательностью, онъ не могъ ограничиться только коммерческой дѣятельностью, а продолжалъ изученіе туземнаго языка и овладѣлъ имъ въ той степени, какой достигаютъ лишь люди, посвятившіе себя спеціально изученію китайскаго языка и литературы. Кромѣ того, долго проживъ среди туземнаго населенія и имѣя общительный и наблюдательный характеръ, онъ практически изучилъ живую, разговорную рѣчь.

Природныя склонности влекли его къ наукѣ, но съ основами ея ему не суждено было познакомиться въ молодости, и онъ искалъ

выхода волновавшей его внутренней силѣ, но не находилъ его и скучалъ, не зная, на что употребить свой трудъ и способности. Онъ научился англійскому языку и знакомился съ Китаемъ по русскимъ, китайскимъ и англійскимъ источникамъ; но не видѣлъ въ этомъ никакого примѣненія, а ему главнымъ образомъ нужно было примѣненіе. По своей скромности онъ не вѣрилъ въ свои силы, и писать что-нибудь не рѣшался, хотя, какъ я говорилъ и ему, могъ бы писать очень хорошо, и матеріала кругомъ было много, и обладалъ онъ большими свѣдѣніями.

Вотъ почему онъ обрадовался пріѣзду въ Хань-Коу русской экспедиціи. Что для него могло быть лучше, какъ примкнуть къ ней въ качествѣ переводчика и сотрудника въ дѣлѣ изученія Китая въ торговомъ отношеніи. Не знаю, кто изъ насъ кому обрадовался больше,—онъ намъ или мы ему, какъ рѣдкой и драгоцѣнной находкѣ. По крайней мѣрѣ, я былъ ужасно обрадованъ встрѣчей съ нимъ, и съ первыхъ же дней началъ уговаривать его ѣхать вмѣстѣ съ нами. Мнѣ въ моихъ планахъ и намѣреніяхъ недоставало совершенно такого помощника, какимъ былъ Шевелевъ, и я былъ убѣжденъ, что онъ непремѣнно будетъ нашимъ сотрудникомъ и спутникомъ. Однажды, когда зашелъ объ этомъ разговоръ, я говорю ему:

— Да, Михаилъ Григорьевичъ, вы поѣдете съ нами вмѣстѣ, и если вздумаете отказываться, я на колѣнки передъ вами стану и не поднимусь, пока вы не скажете,—ладно, ѣдемъ.

Эти „колѣнки“ такъ смутили его, что онъ покраснѣлъ, задвигался, заходилъ по комнатѣ и кажется готовъ былъ сбѣжать изъ дому и ничего не отвѣтилъ, кромѣ: что вы, что вы, что вы! Но я видѣлъ, что онъ не устоитъ, поѣдетъ, хотя и имѣлъ тогда намѣреніе навѣстить свою старушку-мать.

Съ перваго же раза мы видѣлись съ нимъ каждый день и иногда цѣлые дни проводили вмѣстѣ. Не сдѣлавшись еще нашимъ оффиціальнымъ переводчикомъ и помощникомъ, онъ уже былъ имъ de facto. Нужно ли поѣхать съ визитомъ къ китайскимъ властямъ, просятъ Шевелева; понадобилось то или другое свѣдѣніе о Китаѣ, спрашиваютъ у него: Михаилъ Григорьевичъ составляетъ выписки, исполняетъ всевозможныя просьбы и порученія, съ какими мы къ нему обращаемся, и все дѣлаетъ всегда охотно, не отказываясь тѣмъ, что онъ занятъ своими дѣлами, какъ не разъ отказывались, и совершенно естественно, другіе.

Мы съ Матусовскимъ были одинаково рады находкѣ, но, зная

уже, какъ не любилъ нашъ начальникъ, чтобъ ему что-нибудь предлагали или совѣтовали, мы, чтобъ не испортить дѣла, ничего не говорили ему о Шевелевѣ, ожидая, когда онъ самъ сдѣлаетъ ему предложеніе ѣхать съ нами, такъ какъ рѣчь объ этомъ уже была въ Тянь-Цзинѣ.

Оставимъ пока начальника соображать о томъ, полезно или вредно будетъ присоединить къ экспедиціи умнаго и свѣдущаго человѣка и нужно ли ей вообще имѣть такого въ лицѣ переводчика настоящаго, а не фиктивнаго, какихъ у насъ было двое; сами же будемъ продолжать разсказъ о томъ, какъ проходило наше время въ Хань-Коу.

Интереснаго здѣсь много, и намъ надо спѣшить, такъ какъ Сосновскій объявилъ, что мы останемся тутъ не болѣе двухъ-трехъ недѣль. Надо скорѣе знакомиться съ мѣстностью. И на другой же день нашего пріѣзда мы съ Матусовскимъ и въ сообществѣ нѣкоторыхъ изъ земляковъ предприняли прогулку въ большой двухпарусной лодкѣ, чтобъ ознакомиться въ общихъ чертахъ съ положеніемъ находящихся въ этомъ мѣстѣ трехъ названныхъ мною городовъ, по преимуществу съ высоты.

Переплывъ на правый берегъ Янъ-Цзы, мы поднялись вверхъ до города У-Чанъ-Фу, высокая и зубчатая стѣна котораго громоздится вдоль скалистаго берега рѣки у самаго его края; у этой стѣны почти на всемъ ея протяженіи лѣпятся странныя, подпертыя столбиками хижины, и въ одномъ мѣстѣ подъ стѣною возвышается трехъэтажная башня оригинальной постройки, называемая Хуанъ-Хо-Лоу. Очертанія ея состоятъ изъ изогнутыхъ кривыхъ линій, ограничивающихъ ея многочисленные, поднятые къ верху углы, подъ которыми висятъ колокольчики; вся она пестрѣетъ разрисованными карнизами, и тонкими изящными рѣшетками въ окнахъ; вся обставлена колонками и увѣшена цвѣтными досками съ надписями, состоящими изъ нѣсколькихъ крупныхъ буквъ.

Отъ башни спускаются къ рѣкѣ каменныя лѣстницы и расширяются въ большую гладкую площадку, къ которой пристаютъ лодки. Мы также причалили здѣсь и поднялись къ башнѣ. Китайцы вездѣ кишмя кишатъ, и какъ только мы вышли на берегъ, за нами хлынула мгновенно собравшаяся толпа. Хотя китайцы, какъ говорятъ, и не долюбливаютъ европейцевъ, бранятъ ихъ заморскими чертями, но какъ интересуютъ ихъ эти черти,

какъ все въ нихъ привлекательно для китайцевъ, даже живущихъ въ сосѣдствѣ съ ними въ теченіе почти пятнадцати лѣтъ.

Но вѣдь европейцы—не то, что китайцы; этихъ, если разсмотрѣть разъ-два въ подробности, если видѣлъ пятьдесятъ или сто человѣкъ различныхъ классовъ, такъ ужъ больше новаго и ожидать нечего,—всѣ будутъ одѣты и причесаны одинаково, и у всѣхъ на себѣ или при себѣ будутъ однѣ и тѣ же вещи; а у европейцевъ что́ ни человѣкъ, то что-нибудь новое: или платье, какого они прежде не видывали, или какую-нибудь удивительную вещь принесетъ онъ съ собою: и не можетъ устоять ни одинъ китаецъ противъ соблазна,—бѣжитъ вслѣдъ, чтобъ распознать все вблизи и подробно...

Вотъ теперь Матусовскій пріѣхалъ въ русскомъ военномъ сюртукѣ, вѣроятно никогда прежде сюда не заглядывавшемъ; а кромѣ того, онъ принесъ съ собой какую-то штуку, въ которую, взобравшись на башню, сталъ смотрѣть въ даль, наводя ее въ разныя стороны. Это была буссоль, съ помощью которой топографы измѣряютъ углы, необходимые при съемкѣ плановъ. Разсматриваніе сквозь діоптру этой буссоли страшно взволновало любопытство китайцевъ, и толпа привалила за нами на башню; а этотъ маленькій и съ виду неважный инструментъ такъ заинтересовалъ кого-то изъ туземцевъ, что онъ, воспользовавшись удобной минутой и густотою толпы, стащилъ его. Поднялась тревога, розыски, разспросы; сами китайцы, казалось, были недовольны совершившейся пропажей и тоже принялись искать. Съ нами былъ, разумѣется, Шевелевъ, а также поѣхалъ слуга его, китаецъ Лао-Чэнъ, очень ловкій и расторопный малый. Онъ побѣжалъ разыскивать пропавшую вещь, спрашивая то у того, то у другаго, не видали ли, кто укралъ; но буссоль не находилась; тогда ему приказано было объявить толпѣ, что нашедшій получитъ тысячу чохъ награжденія.

Объявленіе сдѣлано, и черезъ минуту одинъ изъ толпы шепнулъ Лао-Чэну, что вещь находится въ столѣ у духовной особы (хэ-шанъ), который служитъ и живетъ при здѣшнемъ храмѣ. Лао-Чэнъ явился прямо къ нему и, бросивъ на столъ обѣщанную связку монетъ въ тысячу штукъ, потребовалъ выдачи вещи. Тотъ было отперся, но когда ему сказали, что сейчасъ призовутъ полицію, онъ открылъ ящикъ, досталъ и возвратилъ буссоль, а на ея мѣсто положилъ взятыя со стола деньги... И это было сдѣлано такъ просто и натурально, какъ будто вещь купили въ лав-

кѣ, которой онъ былъ хозяиномъ. Я не замѣтилъ, чтобъ кто-нибудь былъ возмущенъ этимъ поступкомъ,—нисколько,—никто не обратилъ и малѣйшаго вниманія, а въ Китаѣ очень строго преслѣдуютъ за кражу. Можетъ быть отгого-то и не привлекли вора къ отвѣтственности, т.-е. изъ состраданія къ нему.

Матусовскій съ Шевелевымъ продолжали измѣрять углы, а я осмотрѣлъ внутренность храма. Тутъ все то же, только съ нѣкоторой разницей въ подробностяхъ. Потомъ я сталъ смотрѣть въ бинокль на городъ и его окрестности, чѣмъ опять смутилъ любопытство китайцевъ, тотчасъ облѣпившихъ меня почти вплотную со всѣхъ сторонъ. Тутъ были молодые и старые, хорошо одѣтые и оборванные, солдаты и дѣти. И если бы эти люди были озлобленные и ненавидящіе европейцевъ, какъ часто говорятъ и до сихъ поръ,—чего стоило бы имъ истребить насъ и скрыть виновныхъ. Но у нихъ ничего подобнаго и на умѣ не было. Имъ хотѣлось теперь одного—посмотрѣть въ мой бинокль, и по степени этого ясно выражавшагося желанія всѣ они были дѣти, такія дѣти, не позабавить которыхъ было бы просто жестокосердно. Я поднесъ бинокль къ глазамъ одного изъ близъ стоявшихъ. Онъ такъ и впился въ него головой. Посмотрѣлъ этотъ, за нимъ другой и третій и потомъ удивленію и разговорамъ конца не было; счастливцевъ разспрашивали: они разсказывали о томъ, какъ все приближается и какъ потомъ все удаляется, если смотрѣть то въ маленькое, то въ большое стекло; и я жалѣлъ, что не могъ всѣмъ доставить того же удовольствія.

Осмотрѣвъ общій видъ и окрестности У-Чанъ-Фу, я сѣлъ въ храмѣ и сталъ, въ ожиданіи другихъ, рисовать карандашомъ портретъ одного юноши въ шелковой новенькой курмѣ, бѣлолицаго и нѣжнаго, съ маленькими и красивыми, хотя и не особенно чистыми руками. Ближайшіе изъ толпы, всѣ наклонились и смотрѣли,—смотрѣли тихо, внимательно, ничего не говоря и потомъ пришли въ восторгъ, хотя восторгаться было рѣшительно нечѣмъ, кромѣ нѣкотораго сходства. Раздались крики „хао!“ и большіе пальцы были показаны мнѣ не только тѣми, кто видѣлъ, но изъ сочувствія къ общему восторгу и всѣми остальными, которымъ только сказали, что „заморскій господинъ“ (янъ-да-жень) нарисовалъ очень похожій портретъ. Юноша присталъ ко мнѣ и вымолилъ его себѣ; и получивъ, едва ушелъ изъ толпы хлынувшей за нимъ съ требованіемъ показать всѣмъ.

Когда Матусовскій измѣрилъ всѣ углы, какіе ему было нужно,

чему никто не мѣшалъ, никто не боялся и не спрашивалъ, зачѣмъ это ему,—мы сошли внизъ и отправились по узенькимъ смрадным улицамъ города, заваленнымъ кучами сору, съ ручьями отвратительной грязи, на такъ-называемую Змѣиную Гору (Шэ-шань), лежащую среди города и съ которой открывается обширный видъ на всю окрестную страну.

Въ улицахъ, съ которыми теперь читатель хорошо знакомъ, вездѣ великое множество людей; они такъ и кишатъ, но все мужчины и мужчины—такъ что о прекрасной половинѣ рода человѣческаго можно бы было совсѣмъ позабыть, если бы хотя изрѣдка не выглядывали, по большей части черезъ полуотворенную дверь, китаянки съ выраженіемъ страстнаго любопытства на лицѣ, которое черезъ мгновеніе озаряла непзвѣстно чѣмъ вызванная улыбка. Отношенія женщинъ къ иностранцамъ весьма не одинаковы, и я никакъ не могъ объяснить себѣ, почему однѣ изъ нихъ стоятъ въ своей двери, не думая прятаться и преспокойно разсматриваютъ васъ, тогда какъ другія, увидавъ еще издали, быстро пускаются въ бѣгство, насколько это позволяютъ ихъ крошечныя ножки. Эта разница не зависѣла, по моимъ наблюденіямъ, отъ возраста, потому что иногда молоденькія не пугались вовсе, а иная старуха поспѣшно пряталась за дверь своего дома и выглядывала потомъ черезъ щелочку; она не объяснялась классомъ, къ какому принадлежала женщина, ни тѣмъ, видывала ли она раньше европейцевъ или нѣтъ, и я склоненъ думать, что эта разница зависѣла только отъ степени природнаго ума.

Когда мы поднялись на гору, намъ стало невыносимо жарко, несмотря на первое число ноября и на наши довольно легкія платья. Но взойти сюда стоило: отсюда открывался обширный видъ на всю окрестную мѣстность. На южномъ склонѣ Змѣиной горы зеленѣетъ небольшой, но густой садъ, находящійся при одномъ храмѣ; а у подножія горы, по обѣимъ ея удлиненнымъ сторонамъ, разстилается столица провинціи, г. У-Чанъ-Фу. Самъ по себѣ городъ вовсе не красивъ и представляетъ огромную площадь, густо застроенную однообразными низкими домиками бѣлаго цвѣта, съ темносѣрыми черепичными крышами, углы которыхъ здѣсь длиннѣе, острѣе и болѣе изогнуты, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ, видѣнныхъ мною раньше. Хотя мы смотрѣли на городъ почти съ высоты птичьяго полета, но улицъ въ немъ не было видно,—до того онѣ узки; мы также не видали ни одной пло-

щади; вездѣ только дома и дома или, лучше сказать, крыши и стѣны, стѣны и крыши. Надъ этой массой однообразныхъ построекъ лишь нѣсколько возвышаются храмы, отличающіеся большею величиною и лучшей отдѣлкой. Городъ простирается до самаго Янъ-Цзы, отдѣляясь отъ него стѣною, которая совершенно скрываетъ отъ глазъ его обитателей широкую [1]) поверхность прекрасной рѣки и лежащіе на ея противоположномъ берегу города Хань-Янъ и Хань-Коу. Съ горы хорошо видна и рѣка и эти города.

Одинъ писатель говоритъ: „если считать эти два города вмѣстѣ съ У-Чанъ-Фу за три части одного, то едва ли въ свѣтѣ найдется еще гдѣ собраніе въ одномъ мѣстѣ такого огромнаго числа домовъ и жителей... Развѣ только Лондонъ и Іедо поравняются съ ними.“ Я однако вовсе не вынесъ такого грандіознаго впечатлѣнія; за то масса судовъ, стоящихъ на пристаняхъ у этихъ городовъ, не можетъ не поразить и довольно много видѣвшаго на своемъ вѣку. Здѣсь считаютъ только судовъ самаго бо́льшаго размѣра болѣе десяти тысячъ, а мелкимъ лодкамъ буквально нѣтъ счета, и если положить, что на каждой изъ нихъ живетъ по пяти человѣкъ,—а это скорѣе будетъ слишкомъ мало, чѣмъ слишкомъ много,—то, населеніе, живущее здѣсь постоянно на водѣ, будетъ громадно.

Вся окрестная мѣстность, открывающаяся отсюда, представляетъ равнину, по которой течетъ пятиверстная въ ширину рѣка и кой-гдѣ поднимаются отдѣльные, довольно высокіе холмы, въ родѣ описанной Змѣиной горы; а на югъ отъ У-Чанъ-Фу на равнинѣ блеститъ цѣпь большихъ и малыхъ озеръ, за которыми чуть виднѣется гряда очень отдаленныхъ горъ, замыкающихъ горизонтъ.

Порядочно утомленные и проголодавшіеся мы возвратились отсюда къ нашей лодкѣ, гдѣ былъ приготовленъ обѣдъ. Мы усѣлись за столъ, а лодка пошла поперекъ Янъ-Цзы къ городу Хань-Янъ-Фу, и времени, необходимаго для этого, было достаточно, чтобъ мы могли не спѣша пообѣдать. Пришли и, выйдя на берегъ, мы поднялись къ кумирнѣ, стоящей на вершинѣ высокаго пригорка и превращенной отчасти въ пивальню, потому что тамошніе хэ-шаны шили внутри ея на столахъ разное мужское платье,

[1]) По англійскимъ источникамъ ширина Янъ-Цзы равняется здѣсь одной лигѣ league (5.208 верстъ).

а частью въ складочное мѣсто для гробовъ, заключавшихъ въ себѣ покойниковъ, которыхъ должны были переслать на мѣсто ихъ родины,—явленіе, въ Китаѣ довольно обыкновенное, доступное не однимъ богатымъ людямъ, какъ у насъ. Я сталъ внимательно осматривать деревянные гробы, такъ хорошо закрытые, что отъ труповъ, находившихся внутри ихъ, какъ я узналъ, уже въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, не было ни малѣйшаго запаха. Встрѣтившіе насъ здѣсь хэ-шаны были чрезвычайно учтивы и любезны, все показывали, все позволяли смотрѣть; но когда я дотронулся до гроба рукою, желая лучше разсмотрѣть замазку, которой были задѣланы пазы, одинъ изъ нихъ вѣжливо отвелъ мою руку и съ улыбкой на лицѣ сталъ между мною и гробомъ, желая этимъ показать, что нельзя прикасаться къ подобной святынѣ, т.-е. останкамъ покойнаго.

Выйдя изъ тихаго и мрачнаго дворика на открытую гору, я долго любовался обширнымъ и какъ бы прозрачнымъ видомъ, освѣщеннымъ теплыми лучами уже склонявшагося къ горизонту солнца. Внизу, у подножія горы, протекаетъ загроможденный лодками Ханъ-Цзянъ, за нимъ растянулся пестрѣющій домиками Хань-Коу, а дальше, какъ гигантское зеркало, распростерлась гладь спокойныхъ водъ Янъ-Цзы съ г. У-Чанъ-Фу на другомъ берегу и уходящими до горизонта равнинами. Мы стояли такъ высоко надъ окрестностью, что до насъ не доносился ни одинъ звукъ, и дѣйствительность представлялась величественной декораціей.

Домой вернулись уже въ сумеркахъ, и я былъ очень доволенъ совершонной прогулкой, вопервыхъ потому, что теперь вездѣ могъ оріентироваться самъ, безъ провожатаго, и вовторыхъ,—что главное,—я нашелъ характеръ туземцевъ и здѣсь такимъ же миролюбивымъ, какимъ онъ казался мнѣ раньше. А это давало мнѣ смѣлость, безъ которой не стоитъ и пускаться въ путешествіе. Теперь я буду ходить здѣсь всюду, куда вздумаю.

Куда же идти, пріѣхавши въ Хань-Коу, съ чѣмъ знакомиться прежде всего? Конечно, съ чаемъ, такъ какъ здѣсь—чайное царство; и нельзя же уйти отсюда, не ознакомившись, насколько возможно подробнѣе, со многими вопросами о чаѣ, между которыми еще до сихъ поръ есть не мало совсѣмъ темныхъ или рѣшаемыхъ противорѣчивыми другъ другу отвѣтами. Къ сожалѣнію мы пріѣхали въ это царство во время его самаго глубокаго сна: въ осенніе и зимніе мѣсяцы чайное дѣло останавливается, и въ

это время нельзя видѣть ни сбора чая, ни первыхъ операцій надъ листомъ, ни его дальнѣйшей фабрикаціи. Нечего дѣлать, приходилось ограничиваться разспросными свѣдѣніями, да осмотрѣть что̀ было можно на фабрикахъ кирпичнаго чая, которыя дѣйствуютъ и зимой. Опишу сначала то, что̀ самъ видѣлъ.

Въ Хань-Коу находится одна такая фабрика, принадлежащая г. Черепанову. Она помѣщается въ зданіи, которое можно назва̀ть огромнымъ каменнымъ сараемъ съ крышей, поддерживаемой посрединѣ рядомъ четырехъугольныхъ столбовъ, сложенныхъ изъ кирпича, безъ потолка, но съ поломъ, вымощеннымъ также кирпичомъ. Бо́льшая часть его, когда я пришелъ, была заставлена плетеными бамбуковыми ящиками и деревянными формами, въ которыхъ выдѣлываются чайные кирпичи. Въ одномъ углу зданія лежалъ толстый слой чаю, ссыпаннаго прямо на полъ и содержавшаго болѣе или менѣе крупные комки, которые рабочіе разбивали толстыми палками. Это были, какъ мнѣ объяснили, бракованные кирпичи; ихъ снова распариваютъ и разбиваютъ въ порошокъ, идущій опять въ дѣло, т.-е. на новый кирпичъ. Въ другой части фабрики происходила укупорка кирпичей въ ящики для отправки въ Россію и надписываніе на ихъ крышкахъ знака фабрики; дальше столяры дѣлали новыя формы или поправляли старыя; а въ срединѣ зданія, ближе къ одной изъ боковыхъ стѣнъ, помѣщался тотъ прессъ, на которомъ выдѣлываются чайные кирпичи, и при немъ находилось человѣкъ до двадцати рабочихъ, исключительно китайцевъ.

Другія приспособленія, необходимыя для фабрикаціи кирпичнаго чая, суть: печь для распариванія матеріала и формъ, въ которыя его высыпаютъ. Печь помѣщается внѣ зданія, у боковой стѣны, въ которой здѣсь продѣлано большое отверстіе въ родѣ поперечнаго окна, приходящагося рядомъ съ прессомъ; въ устроенной надъ печью плитѣ вмазаны пять котловъ для кипяченія воды; котлы закрываются сверху бамбуковыми рѣшетами, и на послѣднія кладутъ въ салфеткахъ отвѣшенное количество обыкновеннаго сухаго чаю, нужное для одного кирпича, и затѣмъ всѣ котлы покрываются бамбуковыми же колпаками для сгущенія пара, въ которомъ чай скоро размягчается; тогда его всыпаютъ въ деревянную форму, на дно которой предварительно кладется такъ называемый „верхъ“, т.-е. болѣе измельченный, слегка подкрашенный сажей чай, для того, чтобы кирпичъ имѣлъ снаружи гладкій и черный видъ; такой же „верхъ“ присыпается въ фор-

му и сверху. Затѣмъ въ нее вставляютъ крышку, и всю форму подставляютъ подъ прессъ, которымъ и вдавливаютъ ее съ большою силой въ средину; крышку заклиниваютъ съ боковъ, чтобъ она не отошла, и форму отставляютъ въ сторону, а на ея мѣсто пододвигаютъ другую и т. д., до тѣхъ поръ, пока не спрессуютъ 600 кирпичей, на что̀ требуется отъ 2 до 3 часовъ времени. Тогда ихъ вынимаютъ и, нѣсколько просушивъ, укладываютъ въ ящики.

Теперь сто́итъ упомянуть, какъ дѣйствуютъ самымъ прессомъ,— этой по истинѣ допотопной машиной. Я не стану подробно описывать ея устройство, а скажу только, что онъ приводится въ дѣйствіе посредствомъ длиннаго крѣпкаго рычага, который, когда форма кладется подъ прессъ, находится всегда въ вертикальномъ положеніи; для того же, чтобы сдавить прессомъ форму, надо наклонить рычагъ внизъ до самаго пола, что̀ требуетъ довольно большаго усилія и достигается при помощи четырехъ человѣкъ. Одинъ изъ нихъ всходитъ на возвышеніе аршина въ два, берется руками за вертикально-стоящій рычагъ и бросается вмѣстѣ съ нимъ внизъ, описывая своимъ полетомъ дугу въ четверть круга. Во время этого полета, два человѣка стоящіе на полу съ боковъ ловятъ рычагъ и спѣшатъ на него сѣсть, чтобы тяжестью своего тѣла осадить его къ низу еще больше и не дать вырваться кверху. Четвертый рабочій стоитъ на высокомъ табуретѣ, противъ пресса, и держится руками за двѣ привязанныя къ потолку веревки и въ то время, когда рычагъ съ летящимъ внизъ человѣкомъ проходитъ мимо его, онъ становится одной ногой на его конецъ и, не выпуская изъ рукъ веревокъ, опускается съ нимъ внизъ, также помогая вѣсомъ своего тѣла нажимать и удерживать рычагъ. Это совершается въ то время, когда насыпанная чаемъ форма подставлена подъ нажимающую часть пресса.

Всѣ описанныя роли строго распредѣлены между рабочими, и дѣло идетъ быстро. Одинъ отвѣшиваетъ чай, другой распарпваетъ, третій насыпаетъ форму, четвертый вкладываетъ въ нее крышку и подставляетъ подъ прессъ; пятый заклиниваетъ сдавленную крышку; шестой относитъ готовую форму въ сторону. И когда видишь, какъ ловко идетъ работа, перестаешь удивляться, что на такой несовершенной машинѣ въ одну минуту выдѣлывается шесть кирпичей.

Кирпичный чай бываетъ трехъ сортовъ:

1) Лао-Ча—большой или „обыкновенный“ кирпичъ, идущій въ Среднюю Азію.

2) Цзинъ-Чжуань (столичный кирпичъ). Оба эти сорта— суть зеленый чай. Идетъ туда же и въ Восточную Сибирь.

3) Ми-Чжуань, кирпичный черненькій, малаго размѣра; чай черный, байховый. Расходится главнымъ образомъ по Сибири.

Это было отдѣленіе для прессовки кирпичей; а въ другомъ отдѣленіи фабрики половина помѣщенія была занята до потолка мѣшками съ чаемъ, рѣшетами, корзинами, вѣялками и разнаго рода ящиками; тутъ происходило просѣиваніе, отвѣиваніе, просушка и подкраска чаю (матеріала для кирпичей).

Почти на всѣхъ предметахъ здѣсь лежитъ такой толстый слой рыжеватой пыли, что съ нѣкоторыхъ давно лежащихъ въ покоѣ предметовъ ее можно было удобно снимать щепотками, чѣмъ я и воспользовался, чтобы взять себѣ образецъ для изслѣдованія. Подъ микроскопомъ она оказалась состоящею изъ тѣхъ самыхъ нѣжныхъ волосковъ, какіе покрываютъ нижнюю поверхность чайныхъ листьевъ, и вѣроятно въ ней заключается причина того воспаленія вѣкъ, какимъ страдаютъ всѣ рабочіе этого отдѣленія. Они были заняты теперь просѣиваніемъ чая, для отдѣленія другъ отъ друга листочковъ разной величины, что производится руками посредствомъ большихъ бамбуковыхъ рѣшетъ, которыхъ существуетъ для этой цѣли до 18 различныхъ нумеровъ, отъ крупнодырчатыхъ до самыхъ частыхъ.

Вѣялка, служащая для отдѣленія легкаго, большею частью рыжеватаго и плохо свернувшагося листа, идущаго въ кирпичъ, почти ничѣмъ не отличается отъ нашей обыкновенной. Около нея работали два человѣка.

Просушка чая производилась въ особаго рода бамбуковыхъ корзинахъ, которыя имѣютъ посрединѣ перехватъ и раздѣляются вставляемой въ этомъ мѣстѣ рѣшеткой на два отдѣленія. Корзины ставятся надъ горячими угольями, положенными въ вырытыя въ землѣ углубленія и для равномѣрности нагрѣванія покрытыми пепломъ, а въ верхнее отдѣленіе насыпается чай, который хотятъ просушить. Если случится, что чай отсырѣетъ и сляжется въ комки, его разсыпаютъ на цыновкахъ, и самый обыкновенный способъ размельченія комковъ состоитъ въ хожденіи по слою чая людей, обутыхъ въ сандаліи изъ сухой травы.—Эта операція производилась и во время моего посѣщенія четырьмя китайцами, которые, сложивъ руки на груди или заложивъ ихъ

за спину, съ самымъ беззаботнымъ видомъ, какъ будто совершая прогулку, прохаживались взадъ и впередъ по циновкамъ усыпаннымъ толстымъ слоемъ чая и какъ бы соображая о своихъ дѣлахъ, разсѣянно смотрѣли по сторонамъ или въ потолокъ. Куда-то попадешь ты, подумалъ я, смотря на этотъ разминаемый сандаліями чай, гдѣ, на чьемъ столѣ будутъ всыпать тебя въ чайникъ, кто будетъ раливать, кто утолитъ тобою свою жажду?...

Тутъ же неподалеку три человѣка занимались перемѣшиваніемъ мелкихъ высѣвокъ чая съ сажей, которая должна была придать имъ черный цвѣтъ и сдѣлать годными для упомянутаго покрыванія снаружи чайныхъ кирпичей.—Это производилось въ длинныхъ холщевыхъ мѣшкахъ, привязанныхъ однимъ концомъ къ крюку, вбитому въ стѣну, а за другой рабочіе держали ихъ въ рукахъ и сильно встряхивали.

Вотъ и все, что я видѣлъ на здѣшней чайной фабрикѣ. Съ тѣми же процедурами, какія совершаются надъ свѣжими листьями, какъ послѣдніе превращаются въ извѣстный намъ черный чай, я познакомиться не могъ (это можно видѣть съ апрѣля по сентябрь), и потому принужденъ былъ ограничиться разспросомъ и разсказами людей, хорошо знакомыхъ съ этимъ дѣломъ на практикѣ, и болѣе всего съ Шевелевымъ, который еще раньше написалъ о приготовленіи чая статейку, но по своей застѣнчивости напечатать не рѣшился. Вотъ что я узналъ. Вопервыхъ, въ Китаѣ не дѣлается подраздѣленія чайнаго куста на такіе, которые бы давали сорта черные, зеленые и желтые. Вовторыхъ, не подлежитъ никакому сомнѣнію, что листья чайнаго куста вовсе не обладаютъ ароматическими качествами, точно такъ какъ и цвѣты его, что было и раньше извѣстно и въ чемъ я самъ убѣдился. Втретьихъ, никогда цвѣтовъ въ чай не кладутъ, какимъ бы „цвѣточнымъ“ онъ ни назывался; а то, что многіе принимаютъ за цвѣты (не ботаники разумѣется) есть не что иное какъ молодые листочки, покрытые серебристымъ пушкомъ (называемымъ по китайски бай-хао, откуда произошло и названіе „байховый чай“).

Цвѣты чая нѣсколько похожи на шиповникъ, бѣлаго или едва желтоватаго цвѣта съ большимъ количествомъ желтыхъ тычинокъ.

Чайныя плантаціи разбиваютъ въ гористыхъ мѣстностяхъ, достигающихъ высоты даже 9000 футъ, по преимуществу на южныхъ склонахъ горъ, на глинистой почвѣ, или на разрыхленномъ

глинистомъ сланцѣ, который составляетъ самую лучшую почву для чая.—Выростая въ долинахъ на почвѣ болѣе влажной, чай даетъ худшіе сорта листьевъ и цвѣтъ ихъ никогда не бываетъ довольно чернымъ, а всегда рыжеватымъ. Видъ плантацій, которыя я и самъ видѣлъ, не представляетъ ничего привлекательнаго; это площади на склонахъ горъ, болѣе или менѣе правильно засаженныя корявымъ кустарникомъ, приблизительно по колѣно вышины. Разводятся новыя плантаціи посредствомъ сѣмянъ, которыя кладутся по нѣсколько штукъ въ вырываемыя ямки; листъ же начинаютъ собирать съ трехлѣтняго куста. Сборъ повторяется ежегодно три раза — въ апрѣлѣ, іюлѣ и августѣ. Собираются листья или самими семьями, которымъ принадлежатъ небольшіе участки, или наемными рабочими, если плантаціи занимаютъ большія пространства.—Чтобъ увидать, можно ли сохранить сортировку листьевъ, положимъ по мѣстностямъ, стóитъ пройти на фабрику и понаблюдать за процессомъ покупки чая и его дальнѣйшей обработки. Вотъ какъ объ этомъ разсказываютъ много лѣтъ прожившіе тамъ. На первомъ дворѣ, гдѣ нибудь подъ навѣсомъ, поставлены вѣсы и около нихъ сидитъ пріемщикъ. Являются китайцы изъ разныхъ болѣе или менѣе отдаленныхъ мѣстъ, принесшіе кто много, кто мало чайныхъ листьевъ, свѣжихъ или слегка подсушенныхъ. Покупщикъ принимаетъ ихъ по вѣсу, и листья сваливаютъ въ общую массу, которая потомъ поступаетъ въ слѣдующія отдѣленія для дальнѣйшей обработки. Такимъ образомъ тысячами людей сносятся тысячи и милліоны фунтовъ листьевъ, и когда ихъ смѣшаютъ въ массу, допустимъ не въ одну, а въ десять, то и тогда, спрашиваю я, можно ли услѣдить за тѣмъ, чтобы получились чистые сорта?.. Но, какъ я сказалъ, объ этомъ никто и не заботится; этого вовсе не нужно. Чай вообще сортируется только по возрасту, то-есть перваго сбора, втораго и третьяго, и потомъ послѣ окончательной обработки по тѣмъ качествамъ, какія получились въ результатѣ. Но въ это время дѣлаются самыя перепутанныя смѣшенія посредствомъ прибавленій одного сорта къ другому, разведеній и прикрашиваній одного чая другимъ и т. п.

Описанный порядокъ вещей есть обыкновенный; онъ есть правило, а объ исключеніяхъ я не говорю. Можетъ быть для богдахановъ содержатся какія-нибудь особыя плантаціи; можетъ быть, каждый листокъ назначеннаго для нихъ чая свертывается отдѣльно руками или еще какъ-нибудь,—это совсѣмъ особое дѣло,

которое не можетъ быть принимаемо въ разсчетъ, и я объ этомъ ничего не могъ узнать.

Итакъ, будемъ слѣдить за дальнѣйшимъ и обыкновеннымъ превращеніемъ чайныхъ листьевъ въ тотъ знакомый намъ черный чай, какой мы покупаемъ и пьемъ. Когда листья нѣсколько завянутъ или когда ихъ подогрѣютъ на огнѣ, безпрестанно помѣшивая, они дѣлаются мягкими; тогда ихъ начинаютъ мять (обыкновенно ногами), стараясь при этомъ, чтобъ листья по возможности свертывались. Это дѣлается отчасти, а можетъ быть и исключительно для того, чтобы, высохнувъ, они занимали какъ можно меньше мѣста,—вопросъ весьма важный для укладки и перевозки чая. Другіе думаютъ, что свертываніемъ ему желаютъ придать болѣе красивый или болѣе однородный видъ, что̀ можетъ быть также справедливо.

Итакъ, перемятые и свернутые или, правильнѣе, скомканные листья остается просушить, разсортировать, отвѣять пыль, опять смѣшать и затѣмъ насыпать въ ящики для отправки. Все это, разумѣется, не такъ скоро дѣлается, какъ, говорится; хлопотъ за чаемъ много.

Сейчасъ я назвалъ всѣ существенныя дѣйствія, кромѣ одного, о которомъ умолчалъ умышленно. Я пропустилъ его потому, что и безъ этого акта можно приготовить чай, и онъ дѣйствительно приготовляется въ огромномъ количествѣ, напримѣръ, для туземнаго употребленія, но онъ оказывается совсѣмъ не такой, какой привозится въ Россію, къ какому мы привыкли и кромѣ котораго мы не признаемъ никакого другаго, по крайней мѣрѣ не признаемъ за хорошій чай. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ желтый и зеленый сорта для насъ тотъ же чай, только съ тонкой разницей? Вовсе нѣтъ. Для насъ въ нихъ нѣтъ ничего общаго съ чаемъ, кромѣ одного названія, да того, что они также привезены изъ Китая; и дѣйствительно, они не даютъ ни того темно-краснаго настоя, какой получается отъ нашего чая; не имѣютъ того аромата, который такъ своеобразенъ и присущъ только употребляемому нами чаю, что мы не можемъ сравнить его ни съ какимъ другимъ и называемъ чайнымъ; безъ него чай будетъ все, что̀ угодно, только не чай, напримѣръ— спитой или фальшивый, поддѣльный и т. п. Точно также и чай, приготовленный описаннымъ способомъ и какой пьютъ сами китайцы, не имѣетъ ни извѣстнаго намъ цвѣта настоя, ни, главное, чайнаго аромата. Китайцы и назвали нашъ чай „краснымъ“ (хунъ-ча) по цвѣту на-

стоя, въ отличіе отъ своего, имѣющаго всегда зеленые листья и дающаго настой почти безцвѣтный.

Откуда же берется нашъ душистый чай, когда, какъ я сказалъ, ни чайнаго куста, ни листьевъ не раздѣляютъ на разные сорта. Значитъ онъ получается все съ тѣхъ же кустовъ, только приготовляется иначе. Дѣйствительно, онъ нѣсколько иначе приготовляется: въ описанный выше процессъ вводится еще одинъ актъ, называемый русскими въ Китаѣ „замариваніемъ“. Онъ состоитъ въ томъ, что чайные листья, прежде окончательной просушки, складываются плотно въ большія массы, въ корзины, или даже закрома и цѣлыя комнаты, и въ такомъ состояніи оставляются на нѣкоторое время, какое именно—это ужъ дѣло знатоковъ. Для насъ интересно только показаніе, что когда чай складывается въ такія большія массы, онъ, какъ говорятъ, сгорается, замарпвается, т.-е. дѣлается внутри горячимъ, и только послѣ этого замариванія у него появляется тотъ самый ароматъ, по которому мы узнаемъ о присутствіи чая. Во время этого же процесса измѣняется и цвѣтъ листьевъ изъ зеленоватаго въ темнобурый, почти черный, и теперь они при настаиваніи ихъ съ горячей водой даютъ уже не зеленый, желтый или безцвѣтный настой, какъ прежде, а красный, считаемый нами за свойственный чаю вообще.

Что же это за превращеніе, въ чемъ состоитъ такъ-называемое замариваніе? Должно думать, что это есть измѣненіе физическихъ и химическихъ свойствъ чайныхъ листьевъ подъ вліяніемъ разложенія, начавшагося въ нихъ, когда они были поставлены въ условія благопріятныя для этого процесса, непремѣнно наступающаго во всѣхъ скважистыхъ тѣлахъ, какъ напримѣръ въ сѣнѣ, когда оно сырое стоитъ въ стогахъ и проч. Полагаю, что въ данномъ случаѣ можно безъ ошибки допустить наступленіе процесса гніенія листьевъ, которымъ можно объяснить всѣ упомянутыя выше перемѣны въ свойствахъ чая.

Каждому изъ насъ доводилось наблюдать совершенно аналогичное явленіе, происходящее въ нашихъ лѣсахъ, только намъ не приходило въ голову, что въ этихъ лѣсахъ ежегодно совершается самою природою приблизительно то, что̀ дѣлается въ Китаѣ людьми,—природою для образованія чернозема, а китайцами для приготовленія всемірнаго напитка. Я говорю о загнившихъ листьяхъ. Когда поздней осенью листья упадутъ съ деревьевъ и покроютъ сырую почву, вы войдете въ лѣсъ, то услышите осо-

бенный запахъ, довольно пріятный, какого въ другое время года вы въ томъ же лѣсу никогда не слыхали, а въ извѣстную пору осени, говорю, будете ощущать непремѣнно. Этотъ запахъ происходитъ отъ извѣстной степени процесса разложенія опавшихъ листьевъ, а въ послѣдующіе затѣмъ моменты его уже не будетъ.

То же происходитъ и съ чаемъ: не дождетесь должнаго момента и просушите чай преждевременно,—онъ не будетъ или почти не будетъ имѣть аромата; пропустите этотъ моментъ и чай сгоритъ, превратится, такъ сказать, въ черный хрупкій уголь, также лишенный какого бы ни было запаха. Вотъ въ этомъ-то умѣніи уловить надлежащій моментъ, въ который слѣдуетъ прервать процессъ замариванія чая,—въ умѣніи не поспѣшить, не опоздать,—и заключается заслуга спеціалиста-мастера и отъ большей или меньшей опытности послѣдняго зависитъ происхожденіе хорошихъ или плохихъ сортовъ чая, совершенно независимо отъ того, гдѣ и съ какихъ породъ кустарника собраны листья. Дѣло это не точное, и потому трудное:—никакимъ инструментомъ этой минуты подкараулить нельзя, а приходится руководствоваться обоняніемъ и опытомъ.

Такихъ людей, обладающихъ подобнымъ умѣньемъ, есть довольно много между китайцами; они приноровились ко вкусу иностранцевъ и умѣютъ угодить ему. Сдѣлавъ наблюденіе, какого достоинства чай коммиссіонеры различныхъ націй предпочитаютъ всѣмъ другимъ, они такой и стараются приготовлять. Самый же способъ прекращенія броженія листьевъ или замариванья заключается въ томъ, что въ массѣ сложенныхъ листьевъ прорываютъ ходы снизу до верху, вслѣдствіе чего чай быстро охлаждается и постепенно начинаетъ сохнуть; а для просушиванья небольшихъ количествъ его просто разсыпаютъ на циновкахъ и выставляютъ въ тѣни на открытомъ воздухѣ. Для совершенной просушки большихъ помѣщеній требуется около мѣсяца.

Итакъ, выводъ отсюда такой: мы получаемъ изъ Китая не просто чай, а предварительно начавшій разлагаться; китайцы же пьютъ чай просто высушенный, какъ сушатъ у насъ для питья трифоль, мелиссу, мяту, липовый цвѣтъ и другія растенія.

И какъ долженъ быть восхитителенъ тотъ настоящій чай, какимъ наслаждаются на своихъ террасахъ и въ садахъ китайскіе мандарины! Такъ вѣроятно думаетъ читатель, никогда не бывавшій въ Срединномъ Государствѣ. Я былъ въ немъ, пилъ чай съ мандаринами и на террасахъ, и въ садахъ несчетное число разъ

и теперь охотно подѣлюсь съ читателями своими воспоминаніями. Впрочемъ нѣтъ, не особенно охотно, потому что я буду принужденъ разрушить всѣ ихъ иллюзіи насчетъ созданнаго ихъ воображеніемъ нектара китайскихъ мандариновъ. Поэтому отодвинемъ отъ себя хотя на нѣсколько минутъ всегда непріятное разочарованіе и бросимъ взглядъ на дѣятельность нашихъ фабрикъ и коммиссіонерскихъ домовъ, находящихся въ Хань-Коу.

Русскихъ фабрикъ въ окрестностяхъ его четыре. Онѣ расположены, какъ здѣсь обыкновенно говорятъ, „въ горахъ“ [1]) и лежатъ южнѣе Хань-Коу; но на этихъ фабрикахъ приготовляется сравнительно ничтожное количество чая [2]), такъ что почти весь запасъ его, идущій въ Россію, покупается у китайскихъ оптовыхъ торговцевъ уже готовымъ, при посредствѣ коммиссіонеровъ-китайцевъ, что̀ совершается обыкновенно слѣдующимъ заведеннымъ порядкомъ.

Когда новый чай собранъ и приготовленъ, тогда коммиссіонеры являются въ европейскіе торговые дома съ предложеніемъ товара. Одинъ выбираетъ одни сорта, другой—другіе; но выборъ дѣлается не столько по названіямъ сортовъ, сколько путемъ самыхъ примитивныхъ пробъ, а именно: въ каждый домъ иностранцевъ-коммиссіонеровъ доставляются образцы въ жестяныхъ банкахъ, на которыхъ обозначены названіе партій чая, число ящиковъ и мѣсто, откуда онъ доставленъ; и число такихъ пробъ, получаемыхъ каждымъ домомъ, доходитъ до пяти тысячъ ежегодно. Вы вѣроятно сомнѣваетесь, какъ и я недовѣрчиво относился къ этой цифрѣ, но всѣ утверждаютъ одно и то же. Эти жестянки съ пробами помѣщаются на полкахъ въ особыхъ, такъ-называемыхъ, пробныхъ комнатахъ, имѣющихъ нѣкоторыя особенности и устроенныхъ во всѣхъ иностранныхъ домахъ почти одинаково.

Существенныя приспособленія въ нихъ не многосложны и состоятъ въ слѣдующемъ. Окна пробной комнаты имѣютъ снаружи родъ маркизъ, но прикрѣпленныхъ въ обратномъ положеніи, какъ это дѣлаютъ въ нѣкоторыхъ тюрьмахъ, т.-е такъ, что свѣтъ падаетъ въ окно только сверху; онѣ дѣлаются изъ дерева и вы-

[1]) Въ уѣздахъ: Чунъ-Янъ, Пу-Ци, Тунъ-Шань и Сянъ-Нинъ. Въ послѣднее же время фабрики переносятся въ Хань-Коу.

[2]) Но количество кирпичнаго чая достигаетъ до 100,000 и болѣе ящиковъ въ годъ.

крашены внутри черной краской; назначеніе же ихъ состоитъ въ томъ, что при такомъ свѣтѣ гораздо легче опредѣляется цвѣтъ чайныхъ листьевъ, играющій въ торговлѣ не послѣднюю роль. Чай высыпаютъ на лотокъ и разсматриваютъ передъ такимъ окномъ или собственно подъ окномъ, потому что отверстіе, черезъ которое проходитъ свѣтъ, довольно высоко. Другія принадлежности пробной комнаты составляютъ: столъ съ двадцатью или болѣе совершенно одинаковыми фарфоровыми кружками небольшой величины, съ носиками и крышками; большой сосудъ, въ родѣ вазы, для выливанія ненужнаго чая, вѣсы для отвѣшиванія одинакаго количества засыпаемаго чая и песочные часы для опредѣленія времени, на какое оставляютъ обваренный чай. Затѣмъ настой наливается въ чашки и пробуется, причемъ его, разумѣется, не пьютъ, а только полощутъ имъ ротъ.

Во время чайнаго сезона это полосканье ртовъ производится ежедневно отъ пяти часовъ утра до четырехъ пополудни. Подобнымъ испытаніемъ чая можетъ заниматься не всякій, а только знатоки,—люди, обладающіе тонкимъ обоняніемъ и вкусомъ и особенно хорошей памятью на вкусовыя и обонятельныя ощущенія, потому что отъ знатока требуется одно—умѣнье угодить вкусу публики; а это умѣнье пріобрѣтается только опытомъ: они должны помнить, какія качества имѣлъ тотъ чай, на который, положимъ въ прошломъ году, былъ большой спросъ; какой получилъ одобреніе покупателей и дорого продался. Описанный способъ опредѣленія достоинствъ покупаемыхъ чаевъ и самое существованіе пробныхъ комнатъ съ ихъ приспособленіями лучше всего доказываетъ несуществованіе извѣстныхъ, всегда одинаковыхъ сортовъ чая съ своими названіями.

Изъ разсказаннаго видно до какой степени въ этомъ дѣлѣ все условно, относительно и не точно: то хорошо, что̀ нравится большинству, и что̀ не нравится, то дурно,—вотъ критерій для цѣнителя и избирателя, такъ что отвѣчать на вопросы: какія качества хорошаго чая и за какія свойства его слѣдуетъ забраковать—почти невозможно. Въ общихъ чертахъ хорошимъ считается тотъ сортъ, который имѣетъ пріятный ароматъ, не горекъ и не производитъ сильно вяжущаго ощущенія, легко настаивается, не скоро сливается; и наоборотъ. Условность и шаткость основаній для опредѣленія достоинствъ чая выражается, кромѣ описаннаго, еще тѣмъ, что нерѣдко случается, что чай болѣе до-

рогой въ оптовой покупкѣ оказывается на вкусъ потребителей худшимъ, чѣмъ стоющій дешевле.

Итакъ, вотъ въ краткихъ чертахъ тѣ мытарства, черезъ которыя проходятъ чайные листья, и имъ теперь предстоятъ путешествія въ самыя отдаленныя мѣста земнаго шара...

Не разъ уже выражали нѣкоторое изумленіе передъ тою ролью, которую суждено этому растенію играть если не въ исторіи, то въ жизни человѣчества. Его листья даютъ тонъ общественной жизни во многихъ мѣстахъ земнаго шара, опредѣляютъ занятія и карьеру людей, измѣняютъ характеръ городовъ и т. п. Такъ, напримѣръ, видъ Хань-Коу и другихъ чайныхъ рынковъ въ періодъ времени съ мая по октябрь, когда происходитъ покупка и отправка чаевъ во всѣ части свѣта, совершенно преображается: довольно спокойный и, въ другое время, даже мало оживленный европейскій кварталъ Хань-Коу съ наступленіемъ чайнаго сезона вдругъ оживляется; въ немъ начинается движеніе на улицахъ, движеніе и дѣятельность буквально въ каждомъ домѣ, потому что обитатели всѣхъ здѣшнихъ домовъ живутъ тутъ для чая и по случаю чая. Каждый день, въ каждомъ домѣ, перебываетъ до двухъ сотъ человѣкъ китайцевъ съ предложеніями, порученіями, справками и т. п. Въ описанныхъ пробныхъ комнатахъ съ утра до ночи происходитъ разсматриваніе чаевъ для опредѣленія тонкостей въ его колоритѣ; съ утра до ночи производится полосканье ртовъ. Изслѣдователи подъ вліяніемъ этого занятія доходятъ, говорятъ, до нервнаго раздраженія, теряютъ сонъ и аппетитъ, страдаютъ отъ страшной сухости во рту, испытываютъ боли въ подреберьяхъ, особенно въ лѣвомъ, а у иныхъ сильно разстраивается пищевареніе. Весьма интересенъ сообщенный мнѣ въ Хань-Коу фактъ, что человѣкъ, даже опытный извѣстный знатокъ, не въ состояніи оцѣнить достоинствъ чая, если онъ будетъ разсерженъ или вообще находится въ раздраженномъ состояніи: тогда чай кажется ему соленымъ, и въ такихъ случаяхъ онъ обыкновенно не ходитъ на пробу, чтобъ не надѣлать непоправимыхъ ошибокъ при выборѣ покупаемыхъ сортовъ. Но все это требуетъ повѣрки.

Улицы европейскаго Хань-Коу наполняются вереницами туземцевъ-носильщиковъ, таскающихъ ящики въ пакгаузы или изъ нихъ на пароходы, и цѣлый день они оглашаютъ воздухъ своими раздирающими душу припѣвами; на дворахъ и въ пакгаузахъ идетъ укупорка ящиковъ для отправки въ дальнюю дорогу, и

готовые ящики переносятся въ иныя мѣста, напримѣръ на пристани, и нагружаются на пароходы или лодки, смотря по тому, куда чай отправляется... А солнце въ это время не грѣетъ, а жжетъ, и такая знойная пора продолжается во весь сезонъ.

Десятки и сотни тысячъ ящиковъ съ чаемъ отправляются въ Россію моремъ и сухимъ путемъ, и доставленный сухопутно считается почему-то самымъ лучшимъ. Вотъ какимъ путемъ онъ идетъ: изъ Ханъ-Коу на пароходахъ черезъ Шанъ-Хай до Тянь-Цзинь-Фу и далѣе знакомымъ читателю путемъ на лодкахъ до Тунъ-Чжоу; потомъ сухопутно на Пекинъ и Калганъ; изъ Калгана на спинахъ верблюдовъ перевозится черезъ всю Гоби на Ургу и оттуда въ Кяхту. Здѣсь ящики „ширятъ“, какъ говорятъ тамъ, т.-е. зашиваютъ въ кожи (цыбикъ) для дальнѣйшей отправки черезъ Сибирь въ европейскую Россію.

И сколько людей, какъ подумаешь, занимаетъ собою чай, прежде чѣмъ попадетъ въ чей-нибудь желудокъ; сколько мукъ перенесутъ носильщики и извозчики, волы, мулы, верблюды и лошади, таща на себѣ наполненные чаемъ ящики; черезъ сколько рукъ онъ пройдетъ и сколько, вслѣдствіе этого, наростетъ на немъ расходовъ,—все это не трудно себѣ представить.

И если смотрѣть на дѣло съ той точки зрѣнія, что все, что̀ доставляетъ многимъ людямъ работу и пропитаніе, есть дѣло хорошее, то мы можемъ сказать чаю только спасибо. Но если задуматься надъ этой развозкой по всему свѣту какихъ-то загнившихъ листьевъ, то невольно спросишь себя: да дѣйствительно ли эта игра сто́итъ сожиганія столькихъ свѣчей? Стоитъ или не стоитъ? Надъ этимъ вопросомъ надо опять призадуматься, хотя и прошло много лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ мы стали пить чай, хотя онъ сроднился съ нами, и мы сжились съ нимъ, словно съ рожью, одѣвающею наши нивы. Стоитъ ли, въ самомъ дѣлѣ, чай того, чтобъ его возитъ изъ такого далека и такъ дорого платить за него? Мнѣ кажется, не стоитъ... Эта мысль и раньше приходила мнѣ въ голову, а съ тѣхъ поръ, какъ я побывалъ въ царствѣ чая, я все болѣе и болѣе склоняюсь къ этому убѣжденію. Во всякомъ случаѣ справедливо, мнѣ кажется, то, что не стоитъ выписывать такое количество чаю, какое мы получаемъ теперь.

Такъ какъ слова мои вовсе не имѣютъ значенія приговора, а только выражаютъ мои мысли, которыя, очень можетъ быть, окажутся заблужденіемъ, то я выскажу ихъ, чтобы убѣдить другихъ или разубѣдиться самому. Нашъ чай есть, какъ я сказалъ, искус-

ственный продуктъ, а не представляетъ только высушенныхъ листьевъ такого растенія, которое бы само обладало тѣми качествами, за какія мы его цѣнимъ. Мы оцѣнили чай, впервые явившійся къ намъ, какъ пріятный напитокъ. Точно такъ же и теперь побужденіемъ къ питью чая служитъ, кромѣ рутины и привычки, извѣстное удовольствіе, а никакъ не различныя соображенія на счетъ того, что чай питателенъ, что онъ способствуетъ пищеваренію и возбуждаетъ умственную дѣятельность. Исключенія будутъ самыя ничтожныя. Я хочу сказать, что до всего этого дошли уже гораздо позже, чѣмъ чай сталъ потребностью огромнаго количества людей; до этого додумались точно такъ, какъ и открыли въ немъ особое вещество „теннъ“ только въ недавнее время.

Слѣдовательно, съ практической точки зрѣнія, для насъ гораздо важнѣе рѣшить: много ли мы потеряемъ отъ того, что замѣнимъ чай чѣмъ-нибудь другимъ, а не то, какого дѣйствія на нашъ организмъ мы лишимся, если перестанемъ пить чай. Во-первыхъ, должно признаться, что до сихъ поръ мы почти ничего положительнаго о чаѣ по его отношенію къ дѣйствію на человѣка не знаемъ. Все, что говорилось о вліяніи его на организмъ, говорилось, можно сказать, по вдохновенію или на основаніи наблюденій, какъ недостаточно многочисленныхъ, такъ и не довольно точныхъ; кромѣ того, о чаѣ говорилось и говорится много противорѣчій, напримѣръ относительно его вліянія на пищевареніе: одни увѣряютъ, что чай способствуетъ пищеваренію, другіе, что онъ его разстраиваетъ. Одни убѣждены, что онъ производитъ безсонницу, другіе въ этомъ сомнѣваются, третьи совсѣмъ отрицаютъ это свойство. И по моимъ наблюденіямъ надъ собою и надъ многими знакомыми всѣ въ свою очередь правы. Еще говорятъ, что чай сушитъ (?) грудь, что отъ него человѣкъ худѣетъ; но на это справедливо возражаютъ, указывая на купцовъ, болѣе другихъ употребляющихъ чай и болѣе другихъ отличающихся полнотою тѣла; а слова „сушитъ грудь“ ровно ничего не выражаютъ.

Словомъ, физіологическое дѣйствіе чая на человѣка есть еще вопросъ, требующій подробной и строгой научной разработки; однихъ наблюденій и мнѣній людей, незнакомыхъ ни съ физіологіей, ни съ химіей, недостаточно. Мы не можемъ также придавать чаю теоретически важное значеніе на основаніи того, что онъ содержитъ сродный съ кофеиномъ теннъ, потому что не зна-

емъ въ точности пользы отъ этого теина. Но допустимъ даже, что теинъ есть дѣйствительно полезное вещество,—хотя во всякомъ случаѣ необходимое для каждаго здороваго человѣка,—то спрашивается: всѣмъ ли покупающимъ и пьющимъ чай достается то количество теина, которое въ состояніи произвести замѣтное дѣйствіе на организмъ? Почти съ увѣренностью можно сказать—вовсе нѣтъ!... Надѣюсь, никто не станетъ спорить со мною о томъ, что большинство русскихъ людей пьетъ чай въ такомъ видѣ, что если бы отнять отъ него нѣкоторый цвѣтъ да не приправлять его сахаромъ или другимъ чѣмъ, то оказалось бы, что они пьютъ столько же чай, сколько и не чай. Большинство (даже не въ народѣ только) такъ мало понимаетъ толкъ въ чаю и пьетъ его только по рутинѣ, по привычкѣ, что даже не всегда замѣчаетъ, что пьетъ чай спитой, и только подкрашенный, что пьетъ настой даже вовсе не чайныхъ листьевъ, а другихъ растеній, которыя не только подмѣшиваются къ чаю, но и продаются цѣликомъ вмѣсто него, напримѣръ листья кипрея (Epilobium angustifolium), камнеломки (Saxifraga officinalis) и др. Въ сибирскомъ городѣ Тюмени, черезъ который везутся всѣ чаи, доставляемые изъ Китая сухимъ путемъ, я получилъ образецъ чая, который приготовляется тамъ дома изъ камнеломки и продается въ довольно большомъ количествѣ, даже открыто, только съ оговоркою „для простонародья“. Но это „простонародье“ и за камнеломку платитъ такія же деньги, какъ за чай, пьетъ ее и похваливаетъ чай китайскій.

Что̀ такое у насъ питье чая, какъ не обычай, какъ не случайная привычка въ родѣ куренія или нюханья табаку? Она даже не переходитъ въ такую сильную потребность организма, какъ привычки, напримѣръ, къ табаку, опію, водкѣ и гашишу; чай, какъ питье для утоленія жажды, можно легко замѣнить чѣмъ угодно, тогда какъ этого отнюдь нельзя сдѣлать съ потребностями организма курильщиковъ и пьяницъ. Это и доказываетъ, что роль теина или не важна для организма, или весьма ничтожна. Намъ трудно отказаться не столько отъ чаю, сколько отъ процесса чаепитія, который служитъ до извѣстной степени декораціей и утѣхой въ жизни, развлеченіемъ, модой, которой нельзя не подчиняться, но, повторяю, не органической потребностью. Кому не случалось, и сколько разъ, пить чай только потому, что „пора чай пить“, потому что „самоваръ готовъ“, что чай подаютъ всѣмъ, и т. п.? И наоборотъ, кому не случалось дѣлать са-

мому или наблюдать, что когда сильно хочется пить, сначала напьются воды, квасу или другаго чего, и потомъ „садятся“ пить чай ужъ ради обычая или удовольствія?

Какъ вообще стали употреблять его? Къ намъ онъ попалъ случайно, привезенный между подарками отъ богдохана къ царскому двору, и потомъ мало-по-малу распространился и сдѣлался общеупотребительнымъ (въ городахъ). Въ самомъ же Китаѣ о его первоначальномъ введеніи въ употребленіе разсказывается слѣдующее. Китайцы съ давнихъ поръ замѣтили, что питье сырой воды часто дѣйствуетъ на человѣка вредно, производя лихорадки и горячки, и мало-по-малу отвыкли отъ употребленія ея, а стали пить воду не иначе, какъ прокипяченую и притомъ горячую; для того же, чтобъ придать ей запахъ или вкусъ, а можетъ быть и цѣлебную силу, которой китайцы по легковѣрію своему ищутъ во всемъ и по невѣдѣнію способны видѣть во всемъ, они стали, говорю, прибавлять къ ней разныя травы или листья съ различныхъ кустарниковъ и деревьевъ.

Въ одной мѣстности для этого брали одно, въ другой—другое, и такъ какъ о вкусахъ не спорятъ, то одни восхваляли одни растенія, другіе—другія. Попробовали между прочимъ и чайные листья и тоже стали находить ихъ полезными; мало-по-малу слава чая упрочилась и разнеслась сначала во владѣніяхъ Китая, а потомъ распространилась и за предѣлы его, чуть не по всему свѣту. Но китайцы избрали чай не за вкусъ или ароматъ, не за какое другое пріятное качество, а потому, что открыли въ немъ будто бы цѣлебныя свойства. Другой вопросъ—насколько послѣднія дѣйствительны; но я положительно убѣдился въ томъ, что и въ настоящее время они цѣнятъ въ чаѣ вовсе ни вкусовыя качества, а только его вліяніе на здоровье.

Чай, приготовленный по-китайски, т.-е. какъ они его употребляютъ, имѣетъ такіе слабые намеки на какой-либо вкусъ или запахъ, что можно сказать, что онъ не имѣетъ никакого вкуса и никакого аромата; по крайней мѣрѣ ни я, никто изъ тѣхъ, кого я объ этомъ спрашивалъ, не находили ихъ даже въ самыхъ дорогихъ сортахъ чая, какими насъ угощали въ разныхъ городахъ мандарины, какъ рѣдкихъ и до извѣстной степени почетныхъ гостей. Многіе изъ нихъ при этомъ считали долгомъ обратить наше вниманіе на рѣдкія качества подаваемаго чая и его высокую цѣну (напримѣръ, до 8 руб. за одинъ цзинъ, или наши полтора фунта,—въ Китаѣ). Я принималъ чашку изъ рукъ хозяина

который обыкновенно самъ передаетъ ее съ подноса, и въ первое время съ полнымъ вниманіемъ, даже нѣкоторымъ благоговѣніемъ, готовился вкусить этого дара китайскихъ небесъ; открывалъ крышечку, какою китайцы всегда покрываютъ чашку съ чаемъ и видѣлъ въ ней едва зеленоватую или желтоватую, прозрачную воду съ лежавшими на днѣ мелкими и совершенно зелеными листочками. Извѣстно, что въ Китаѣ чай съ сахаромъ такъ же немыслимъ, какъ у насъ чай, поданный безъ сахару; у насъ еще бываютъ исключенія, тамъ—никогда. Это я зналъ и даже былъ доволенъ этимъ обычаемъ, потому что, думаю себѣ, такъ мнѣ легче будетъ узнать качества самаго чая. Дѣлаю глотокъ драгоцѣнной влаги и... я солгу немного, если скажу, что, вмѣсто ожидаемаго восхитительнаго, никогда неиспробованнаго напитка, вкушаю чистѣйшую кипяченую воду... Выходитъ дѣйствительно неиспробованный напитокъ, только не тотъ!.. И такъ было вездѣ и всегда.

— Что вы чувствуете? спрашивалъ я въ изумленіи своихъ спутниковъ, которые также отвѣдали „настоящаго китайскаго чаю“.

— Горячо! отвѣтитъ кто-нибудь.

— А еще что?

— Еще соломой пахнетъ; а вы какъ находите?

— Да, соломой или, пожалуй, циновками пахнетъ, а больше я ровно ничего не слышу.

— Я тоже. И такъ всѣ и всегда, кого и гдѣ я ни спрашивалъ. Исключеніе составлялъ только чай, надушенный какими-нибудь цвѣтами, напримѣръ, розы, жасмина или деревца olea fragrans. Но этими цвѣтами можно съ одинаковымъ успѣхомъ надушить простую воду или настой всякихъ другихъ листьевъ, не имѣющихъ никакого своего запаха. Вотъ, надушенный цвѣтами жасмина желтый чай, называемый Сянь-Пянь, по моему превосходный напитокъ, но самый чай тутъ, полагаю, не причемъ. Да и онъ далеко не многимъ нравится.

Какого мнѣнія будутъ обо мнѣ мандарины, если узнаютъ, какъ я невѣжественъ, что я не могъ оцѣнить ихъ самыхъ лучшихъ сортовъ чая; они даже могли бы обидѣться. Впрочемъ они сами никогда и не говорятъ о вкусѣ или ароматѣ чая, какъ о достоинствахъ, а когда хвалятъ его, то вовсе не за нихъ, а за производимое имъ вліяніе на здоровье вообще или на пищевареніе. Они будутъ обращать ваше вниманіе, напримѣръ, на то, что вы-

питая послѣ обильнаго обѣда чашка извѣстнаго чаю отлично „осаживаетъ пищу внизъ“, что послѣ этой чашки снова является возможность продолжать обѣдъ, тогда какъ раньше они ужъ ничего больше не могли проглотить. Китаецъ похвалитъ чай за то еще, что онъ уничтожаетъ одышку, происходящую оттого, что человѣкъ объѣлся и т. п., словомъ что пить чай—здорово.

Итакъ вотъ въ чемъ заключаются качества нектара мандариновъ, о которомъ мы съ вами такъ мечтали, читатель, а почему—и сами не знали... Теперь мы больше заблуждаться не будемъ; всѣ иллюзіи пропали...

А хотите узнать, какого мнѣнія китайцы насчетъ нашего чая? Нашъ черный или красный чай такъ мало употребляется въ Китаѣ, что во многихъ мѣстахъ его даже не знали и называли „заморскимъ“ чаемъ. Китайцы этихъ мѣстъ были убѣждены, что мы привезли его съ собою изъ своей земли. Когда же намъ случалось угощать своимъ чаемъ гостей изъ мандариновъ или, другими словами, предлагать имъ попробовать „заморскаго чаю“, они пили его видимо неохотно, а иные просто съ отвращеніемъ, хотя и старались изъ деликатности скрыть свои ощущенія. Нѣкоторые же, попробовавъ, совсѣмъ отказывались, хотя чай у насъ былъ самаго высокаго качества. Выпившихъ я просилъ сказать мнѣ откровенно, не стѣсняясь, какъ они его находятъ? „Бу! Бухао!“—(нѣтъ, не хорошъ), отвѣчалъ иной откровенный человѣкъ, тряся при этомъ головой и дѣлая гримасу.

Чтобы покончить съ вопросомъ о чаѣ, я обращу вниманіе читателя еще на одинъ важный и вѣроятно новый для него фактъ. Хотя въ Китаѣ буквально каждый человѣкъ пьетъ „ца“ или „ча“, но изъ этого вовсе не слѣдуетъ заключать, что они пьютъ настой дѣйствительно чайныхъ листьевъ. Здѣсь только слова „ча—ѣ“ (чайные листья) одни и тѣ же; растенія же, съ которыхъ они добываются, въ высшей степени разнообразны. Они собираются, высушиваются и поступаютъ въ продажу точно такъ же, какъ и чай, и въ Китаѣ это не есть плутовство, какъ у насъ или въ другихъ европейскихъ государствахъ, нисколько: китайцы завѣдомо имѣютъ множество растеній если не соперниковъ чайнаго куста, то его, такъ сказать, дѣятельныхъ помощниковъ, или суррогатовъ. Торговля ими производится въ самомъ Китаѣ въ довольно большихъ размѣрахъ безъ малѣйшаго намѣренія и даже мысли о томъ, чтобы выдавать ихъ за настоящій чай. Нѣтъ, одинъ приходитъ въ магазинъ и спрашиваетъ себѣ одного „ча“, другой—

другаго, имѣющихъ свои спеціальныя названія, въ родѣ „женскаго чая“, „чая почтенныхъ стариковъ“ и т. п.

Это послѣднее обстоятельство, т.-е. замѣна чая другими растеніями, невольно наводитъ на слѣдующую мысль: отчего бы намъ самимъ не попробовать дать массѣ народа такого напитка, который не только не уступалъ бы чаю, а даже можетъ быть превосходилъ его. И мнѣ кажется, что превзойти тотъ чай, какой пьетъ нашъ народъ, совсѣмъ не хитрое дѣло, потому что вѣдь превосходить придется только подкрашенную горячую воду... Какъ не жаль платить деньги за дѣйствительно полезныя или хорошія вещи, такъ нельзя не пожалѣть о нихъ, когда въ результатѣ оказывается только самообольщеніе или неумышленное самообманываніе. Мнѣ кажется поэтому, что стóитъ подумать надъ тѣмъ, чтобъ замѣнить китайскій чай какимъ-нибудь домашнимъ растеніемъ, которое окажется по изслѣдованію наиболѣе удовлетворяющимъ цѣли, и прекратить выписываніе чая изъ Китая, которому мы платимъ ежегодно около двадцати милліоновъ рублей звонкой монетой, или если не прекратить совершенно, то по крайней мѣрѣ значительно уменьшить выписываемое теперь количество. Любители, знатоки и вообще тѣ, которые могутъ получать чай хорошаго достоинства и хорошо приготовлять его, еще что-нибудь потеряли бы отъ этой замѣны, но то большинство, которое пьетъ подъ названіемъ чая только горячую, подцвѣченную воду и платитъ за нее дороже всѣхъ (потому что покупаетъ чай по мелочамъ, восьмушками и засыпками), это большинство, говорю, ничего не потеряетъ, если станетъ пить настой другихъ листьевъ, вмѣсто чаю.

Если даже мы допустимъ, какъ фактъ, не подлежащій сомнѣнію, что теинъ, принимаемый въ чайномъ настоѣ, возбуждаетъ умственныя способности и помогаетъ пищеваренію, если допустить также, что нашъ народъ очень нуждается въ возбужденіи умственныхъ способностей и въ содѣйствіи пищеваренію посредствомъ теина, то и тогда, говорю, громадное большинство потребителей чая, лишенное этого возбудителя ума и дѣятельности желудка, ничего не потеряетъ, потому что первое дѣйствіе можно легко замѣнить другими, гораздо болѣе дѣйствительными средствами, не говоря ужъ объ „образовательномъ теинѣ“; во второмъ же отношеніи, мнѣ кажется, лучше человѣку доставлять себѣ то, что̀ можетъ служить здоровой и питательной пищей, чѣмъ сначала портить себѣ желудокъ разною дрянью и потомъ

поправлять свое разстроенное пищевареніе. А какъ напитокъ, неужели нашъ сбитень, хорошій квасъ и брага хуже плохаго чая!?

Такимъ образомъ, на основаніи всего сказаннаго, я не могу сочувствовать—хотя меня объ этомъ, конечно, никто не спрашиваетъ,—сочувствовать мысли введенія у насъ въ большихъ размѣрахъ употребленія чая, напримѣръ, въ войскахъ. Я считаю эти расходы совершенно непроизводительными, и думаю, что при помощи сахару, да какого-нибудь экстракта изъ своихъ растеній можно приготовлять, напримѣръ для солдатъ, очень хорошій напитокъ, и здоровый, и пріятный. Въ самомъ дѣлѣ, не нужно быть очень наблюдательнымъ и глубокомысленнымъ, чтобъ убѣдиться въ томъ, что, напримѣръ, для прозябнувшихъ солдатъ важна кружка не чаю собственно, а кружка горячаго чаю, то-есть что главное тутъ въ температурѣ питья...

Повторяю, надъ этимъ стоитъ подумать, но не теперь и не здѣсь, а то я уже и такъ отвлекся отъ своего разсказа и можетъ быть наскучилъ читателю. Но какъ было объ этомъ не сказать, если въ виду имѣется для Россіи экономія въ двадцать милліоновъ рублей въ годъ, уплачиваемыхъ теперь за продуктъ весьма сомнительной полезности и вовсе не необходимый.

Возвращаюсь къ нашему пребыванію въ Хань-Коу. Какъ читатель помнитъ, время стояло зимнее, и хотя здѣшняя зима и вовсе не похожа на нашу, тѣмъ не менѣе для какихъ бы то ни было естественно-историческихъ занятій, которыя я намѣревался начать здѣсь, пора была самая неблагопріятная. Деревья бо́льшею частью стояли голыя, насѣкомыхъ почти не было; ближайшія окрестности Хань-Коу представлялись безжизненными равнинами, поэтому за городъ ничто не тянуло; да и то еще непріятно было, что приходилось кому-нибудь кланяться, прося пойти или поѣхать со мною; а у всѣхъ были свои дѣла. Ѳедора для меня теперь окончательно не существовало. Онъ состоялъ при начальникѣ и его другѣ, фотографѣ. Вслѣдствіе этихъ-то причинъ, я, чтобы что-нибудь дѣлать, проводилъ бо́льшую часть своихъ дней въ китайскомъ городѣ, непосредственно примыкающемъ къ европейскому, или же уѣзжалъ на ту сторону Янъ-Цзы въ У-Чанъ-Фу, пользуясь всякими средствами и случаями для ознакомленія съ домашнимъ бытомъ китайцевъ. Лучше, думалъ я, что-нибудь узнать, чѣмъ пріѣхать въ Китай и ходить въ своей комнатѣ или грѣться, сидя передъ каминомъ и сочинять для Петербурга фальшивыя донесенія.

Мнѣ хотѣлось схватить этотъ бытъ китайскаго народа возможно полнѣе и разностороннѣе и передать его наглядно, при помощи слова, карандаша и красокъ. Такимъ-то образомъ въ каждомъ городѣ мой альбомъ обогащался нѣсколькими новыми рисунками, и уже начиналъ принимать размѣры и значеніе серьезной коллекціи. Рисованіе же, кромѣ того, оказывало мнѣ большую пользу тѣмъ, что доставляло множество знакомствъ и всюду открывало двери. При помощи его я проникалъ въ среду китайской жизни, уличной и домашней, сталкивался съ людьми всѣхъ возможныхъ классовъ общества, отъ важнаго сановника, почти никуда не выходящаго изъ своего дома, до безпріютнаго нищаго, коротающаго весь свой печальный вѣкъ на улицѣ, и за время моего пребыванія въ Хань-Коу изучилъ жизнь китайцевъ настолько насколько это было доступно для меня,—вопервыхъ, мужчины, во вторыхъ, иностранца и въ третьихъ, человѣка, тогда, къ сожалѣнію, вовсе не умѣвшаго говорить по-китайски. Поэтому какихъ-либо точныхъ свѣдѣній о Хань-Коу моихъ собственныхъ у меня нѣтъ, да я и не стремился къ изученію его, какъ торговаго пункта, такъ какъ эти обязанности взялъ на себя Сосновскій; я же могу познакомить васъ, читатель, съ тѣмъ, что̀ мнѣ самому удалось видѣть, гдѣ быть, съ кѣмъ и что̀ говорить и что́ я самъ тутъ дѣлалъ. Если угодно, слушайте.

Черезъ нѣсколько дней, проведенныхъ нами въ плохой гостинницѣ, г. Ивановъ пригласилъ меня и Матусовскаго переселиться въ его домъ и хотя совѣстно было причинять ему безпокойство, но мы съ радостью приняли приглашеніе, потому что въ нашемъ нумерѣ почти невозможно было ничѣмъ заняться,—такъ онъ былъ неудобенъ и не устроенъ. Теперь же у насъ отличная рабочая комната и никакихъ заботъ объ этомъ несносномъ пропитаніи; словомъ, мы живемъ въ русской радушной семьѣ, и насъ даже не по заслугамъ балуютъ. Сосновскій съ фотографомъ, переводчикомъ и казаками, пріѣхавъ прямо въ домъ Токмакова, Шевелева и К°, устроился такъ удобно, что мы прожили здѣсь, вмѣсто предполагавшихся двухъ-трехъ недѣль, два мѣсяца. И я, насколько могъ, близко ознакомился съ уличною жизнью китайскихъ городовъ и многими ихъ особенностями.

Приглашаю читателя всюду слѣдовать за собою, чтобы я могъ познакомить его съ этими особенностями и больше къ нимъ уже не возвращаться, такъ какъ китайскіе города въ главныхъ чертахъ чрезвычайно похожи другъ на друга. Мнѣ уже и теперь

придется впасть въ нѣкоторыя неизбѣжныя повторенія, но за то послѣ читатель будетъ отъ нихъ избавленъ.

Выйдемъ изъ хорошаго двухъэтажнаго каменнаго дома совершенно европейской постройки, стоящаго въ европейскомъ кварталѣ и занимаемаго г. Ивановымъ, и пойдемъ изъ воротъ направо по широкой и чистой улицѣ. Она скоро упирается въ другую такую же широкую улицу; повернемъ въ нее налѣво, потомъ въ первую же улицу направо, и вотъ мы уже вступили въ китайскій городъ, по крайней мѣрѣ, видимъ себя среди китайской обстановки... Все вдругъ перемѣнилось: здѣсь другой свѣтъ въ улицѣ, потому что она гораздо у́же; другой воздухъ, потому что она содержится неопрятно, и онъ наполненъ испареніями всякой грязи, чадомъ и дымомъ. Низенькіе одноэтажные дома тянутся непрерывными рядами, и такъ какъ лицевая сторона каждаго изъ нихъ занята лавкой, то здѣсь мы вовсе не увидимъ жилыхъ домовъ, какъ привыкли представлять ихъ себѣ, а находимъ два ряда лавокъ съ тѣмъ или другимъ товаромъ—и только. Не менѣе рѣзкая перемѣна сразу замѣчается здѣсь и въ количествѣ людей: на европейскихъ улицахъ пройдетъ одинъ, другой или нѣсколько европейцевъ или китайцевъ, чинно и тихо; по китайской же улицѣ люди не проходятъ только, а живутъ въ ней: тутъ дѣла, заботы, ѣда, утѣхи, борьба страстей, словомъ—почти все, изъ чего слагается далеко не поэтическая жизнь человѣчества, когда на нее поглядишь въ цѣломъ. Здѣсь улица—клубъ съ ежедневными собраніями отъ зари до зари.

Пойдемте по ней и потеряемся въ лабиринтѣ узенькихъ улицъ и переулковъ Хань-Коу. Съ каждымъ шагомъ движеніе и масса людей увеличиваются, и скоро приходится уже не идти, а пробираться между китайскимъ людомъ, обходить, сторониться или обгонять,—столько идетъ людей въ противоположныхъ направленіяхъ, вовсе не думая разбирать правой и лѣвой сторонъ. Толпа состоитъ почти исключительно изъ мужчинъ, но изрѣдка встрѣчаются и женщины, не только старыя, но и молодыя, которыя, въ большинствѣ случаевъ, увидавъ насъ, со страхомъ бросаются куда попало, такъ что даже просто обидно становится.

Вотъ, черезъ эту движущуюся толпу пронесли кого-то въ носилкахъ, и тѣснота еще болѣе увеличилась. Слава Богу, что паланкины не часто появляются здѣсь, потому что богатый или чиновный человѣкъ вообще рѣдко показывается на улицахъ; тутъ преимущественно гомозитъ все блѣдный людъ,—рабочіе,

носильщики съ разными грузами на спинѣ или на коромыслѣ, продавцы - разносчики съ всякой всячиной, какъ-то: готовыми кушаньями, посудой, лекарствами, игрушками и разнымъ мелочнымъ товаромъ; тутъ толкутся въ ожиданіи работы или сидятъ и занимаются разные ходячіе мастеровые, напримѣръ башмачники, цирюльники, гдѣ-нибудь здѣсь же брѣющіе кому-нибудь голову, чистящіе глаза или уши; чинильщики битой посуды, слесаря, паяльщики и т. п. И при этомъ каждый стучитъ или звенитъ въ присвоенный его званію инструментъ, по звукамъ котораго жители издали узнаютъ о прохожденіи или приближеніи такого-то спеціалиста и зовутъ того, въ комъ имѣется надобность. Около лавокъ бродятъ,—какъ звѣри или воскресшіе мертвецы,—страшные нищіе. Проходятъ водоносы съ ведрами въ рукахъ или на коромыслахъ; такимъ же способомъ проносятся ведра и съ самыми отвратительными веществами, продающимися тутъ же на улицахъ, какъ удобреніе, и нерѣдко ихъ разставляютъ на базарахъ рядомъ съ корзинами зелени или фруктовъ, съ рыбными садками, столиками съ хлѣбомъ и другими съѣстными припасами; наконецъ, ходятъ просто гуляющіе досужіе люди, довольные и жизнью, и собой. Подъ ногами непремѣнно шныряютъ собаки, эти несчастные члены китайской санитарной полиціи,—худыя, почти всѣ пораженныя паразитной болѣзнью кожи, и потому часто совершенно облѣзлыя; эти жалкія животныя, никому не принадлежащія, всегда голодны и въ вѣчной заботѣ о своемъ пропитаніи, потому что хозяевъ у нихъ нѣтъ, и никто ихъ не кормитъ. Другіе члены на всѣхъ здѣшнихъ улицахъ,—свиньи особенной породы,—китайскія свиньи, всѣ чернаго цвѣта, съ сморщенными мордами, точно у лягавыхъ щенятъ и въ большинствѣ случаетъ съ такими отвислыми животами, что послѣдніе волочатся по землѣ. Онѣ такъ же, какъ собаки не мало способствуютъ очисткѣ городовъ, и трудно вообразить, что было бы здѣсь безъ этихъ ходячихъ ретортъ, посредствомъ которыхъ природа совершаетъ свои дезинфекціонныя работы, столь необходимыя въ здѣшнемъ климатѣ, при подобной стройкѣ городовъ и здѣшнемъ многолюдствѣ. Ужъ кажется и такъ узка улица,—нѣтъ, по сторонамъ ея еще выстроились ряды столиковъ съ разнымъ мелочнымъ товаромъ или готовыми кушаньями, разставленными и разложенными на нихъ совсѣмъ открыто.

Идемъ дальше и видимъ стоящій на улицѣ низенькій столъ, у котораго сидитъ человѣкъ, работаетъ что-то; подходимъ ближе,

и прилежный китаецъ оказывается художникомъ, который помѣстился здѣсь по недостатку въ комнатѣ свѣта. Дальше за большимъ столомъ мы видимъ сидящаго старика въ огромныхъ круглыхъ очкахъ. Это эскулапъ въ родѣ того, какого мы видѣли въ китайскомъ Шанъ-Хаѣ, и на его столѣ разложенъ тотъ же хламъ для исцѣленія недуговъ страждущаго человѣчества. Вотъ на нѣкоторомъ разстояніи сидитъ другой „великій мужъ“ (дай-фу, т.-е. докторъ). Этотъ даже не у стола, а просто на разостланной циновкѣ, подъ тѣнью большаго зонтика. Подобно знаменитому графу Маттеи, онъ прославляетъ цѣлебную силу своихъ „специфическихъ“ средствъ отъ всѣхъ неизлечимыхъ болѣзней и обращаетъ вниманіе публики на ихъ безвредность и дешевизну, говоря, что воздухъ, которымъ люди дышатъ, стоитъ дороже, чѣмъ его лекарства. И эти соблазнительныя рѣчи привлекаютъ къ нему, по невѣдѣнію своему, вѣрующихъ. Пройдемте мимо,—сцена обыкновенная, житейская и отвратительная, ибо ничего нѣтъ хуже, какъ жить, обманывая другаго, да еще и безъ того несчастнаго человѣка.

Посмотримъ лучше, чѣмъ заняты честные рабочіе китайцы, пока болѣзнь не бросила ихъ въ руки шарлатановъ. Заглянемъ въ мастерскія, которыя всѣ открыты на улицу, такъ что намъ не нужно далеко идти или спрашивать позволенія, чтобъ увидать чуть не всѣ отрасли народной промышленности. Въ двухъ-трехъ большихъ улицахъ мы можемъ видѣть и узнать все. Но какъ легко увидать, такъ трудно описать видѣнное: опять сотни страницъ потребуются для того, чтобы разсказать о находящихся здѣсь мастерскихъ и все небольшихъ, незатѣйливыхъ, дешевыхъ; большихъ фабрикъ или заводовъ совсѣмъ не видно. Тутъ изготовляются шелковыя и бумажныя ткани, тамъ столярныя, портняжныя и сапожныя, мастерскія металлическихъ издѣлій; рядомъ сидятъ граверы, тамъ выдѣлываютъ всевозможныя вещи изъ бамбука; вотъ мастерскія искусственныхъ цвѣтовъ, роговыхъ фонарей, шляпныя и свѣчныя заведенія; здѣсь люди стоятъ или сидятъ, согнувшись надъ столами, и вышиваютъ шелками и золотомъ разныя парадныя одежды для чиновныхъ особъ и богатыхъ дамъ; далѣе красильни, кондитерскія и проч. и проч., всего, разумѣется, и не пересчитать скоро. Всѣ эти работы совершаются, можно сказать, на улицѣ, т.-е. въ открытыхъ мастерскихъ или дѣйствительно на улицѣ, въ одномъ изъ ея закоулковъ.

Да, жизнь здѣсь бьетъ полнымъ ключомъ и, если вы перене-

сетесь мысленно въ этотъ житейскій адъ, вамъ не трудно будетъ представить себѣ тотъ страшный шумъ, какой неизбѣжно долженъ происходить въ подобной улицѣ; изъ сколькихъ тысячъ и какихъ разнообразныхъ звуковъ долженъ слагаться этотъ нестройный оркестръ, и какъ бы ни старались люди вести себя тихо, тишина здѣсь немыслима; а китайцы къ тому же вовсе не заботятся о соблюденіи тишины на улицахъ; у нихъ вовсе не считается неблагопристойнымъ самый громкій разговоръ и, за немногими исключеніями, тамъ совсѣмъ не въ обычаѣ говорить тихо; оттого, можетъ быть, и голоса ихъ такіе сильные и звонкіе... Да кромѣ человѣческихъ голосовъ тутъ милліонъ другихъ звуковъ. О, это ужасный, но не лишенный своей прелести концертъ, ошеломляющій свѣжаго человѣка, и надо не мало походить по китайскимъ улицамъ, чтобъ нервы окрѣпли и не напрягались словно передъ общественнымъ бѣдствіемъ, какого все ждетъ непривычный путешественникъ, недавно попавшій сюда. Но если достается здѣсь слуху, то не менѣе страдаетъ обоняніе; достается иногда и глазамъ при видѣ нѣкоторыхъ сценъ ужъ слишкомъ физіологическаго свойства для улицы и бѣла дня.

Но вамъ надоѣло, читатель; вы утомлены даже описаніемъ; вамъ нуженъ отдыхъ... Хотя и интересно, но жить такъ, посреди такой сутолки, европейцу тяжело... И когда, бывало, выйдешь изъ китайскаго въ европейскій кварталъ, мнѣ всякій разъ казалось, что я переносился въ другой міръ, гдѣ и воздуху, и свѣту больше и дышется легче; гдѣ все кажется такъ чисто, спокойно и тихо... За то, съ другой стороны, и безжизненно, вяло, какъ-то холодно... Чувствуешь, что тамъ люди плохо живутъ, а здѣсь стараются хорошо жить.

Теперь я постараюсь изобразить передъ вами характеристику *типичнаго китайскаго города*, положимъ — Хань-Коу, — это все равно, тамъ любой городъ можетъ быть типомъ чуть не всѣхъ остальныхъ.

Переходя изъ одной улицу въ другую съ цѣлью добраться до самой лучшей части города, вы напрасно стали бы искать большихъ зданій, къ какимъ привыкли наши глаза въ Европѣ, напримѣръ: церквей, дворцовъ, потому что хотя всѣ такіе предметы тамъ и есть, но размѣры всего сравнительно очень не велики, манера строить ихъ не на улицу, не на показъ самыми красивыми сторонами, какъ это дѣлается въ кокетливой Европѣ, а въ глубинѣ дворовъ, за почти глухими стѣнами, дѣлаетъ то, что луч-

шія созданія китайской архитектуры ни мало не служатъ къ украшенію внѣшняго вида города. Тамъ на улицу выходятъ только лавки, мастерскія, бѣдные трактиры да глухія стѣны дворовъ съ болѣе или менѣе красиво отдѣланными входными дверьми или воротами. Но я не хочу сказать, что китайскіе города вовсе лишены красоты,—нѣтъ, они только не такъ красивы, какъ могли бы быть, если бы въ нихъ все самое изящное не пряталось за стѣнами. Тогда красота ихъ пожалуй, превзошла бы многое, что̀ считается образцомъ изящества въ Европѣ; а то для того, чтобъ увидать хорошее зданіе, надо проникать внутрь дворовъ, за окружающія его ограды...

Самыя богатыя и красивыя зданія въ Китаѣ—безспорно храмы (мя́о) и пагоды—(та); и самые роскошные изъ храмовъ находятся при особыхъ учрежденіяхъ, которыя можно назвать биржами или клубами. Они устраиваются частными купеческими обществами, правильно организованными, составляющими очень многочисленный и богатый классъ, и купеческое сословіе въ каждомъ городѣ раздѣляется на кружки, составляемые обыкновенно уроженцами какой-нибудь одной, двухъ или болѣе провинцій. Каждое такое общество имѣетъ свой домъ собранія, называемый хуй-гуа́нь, съ присоединеніемъ имени одной или нѣсколькихъ провинцій для отличія одного учрежденія отъ другаго. Напримѣръ Шань-Си-хуй-гуань, Цзянъ-Си-хуй-гуань, Ху-Нань-Ху-Бэй-хуй-гуань и т. п.

Такія учрежденія или клубы строятся въ главныхъ чертахъ по одному образцу, отличаясь только въ частностяхъ и отдѣлкѣ. Каждый клубъ имѣетъ: нѣсколько дворовъ, отдѣленныхъ другъ отъ друга каменными стѣнами, большее или меньшее число жилыхъ помѣщеній, на случай пріѣзда, одинъ или нѣсколько садиковъ, храмъ и театръ. Послѣдній представляетъ собственно открытую сцену, которая помѣщается всегда на одномъ дворѣ съ храмомъ, непремѣнно на противоположной сторонѣ. По бокамъ двора устраиваются ложи для членовъ общества или почетныхъ посѣтителей; другихъ же мѣстъ для сидѣнія нѣтъ, такъ что всѣ остальные зрители, собираясь сюда въ дни представленій, помѣщаются просто на пустомъ вымощенномъ дворѣ стоя и стоятъ, какъ понятно, обернувшись къ храму спиной. Въ созданіи храмовъ и китайцы видятъ угожденіе небу или богамъ, а потому не щадятъ на это средствъ, да кромѣ того общества разныхъ провинцій обыкновенно соперничаютъ между собою въ богатствѣ и роскоши отдѣлки своихъ клубовъ, стараясь превзойти другъ дру-

га, и не останавливаются ни передъ чѣмъ; все самое лучшее, что они могутъ достать, вносится въ храмъ. Здѣсь сосредоточивается самое цѣнное дерево, какъ строительный матеріалъ, такъ что нерѣдко, напримѣръ, одна деревянная колонна стóитъ на наши деньги двѣ тысячи рублей; для храмовъ выдѣлываются самые лучшіе изразцы и дорогая эмальированная черепица; здѣсь сосредоточиваются самыя дорогія краски, позолота, мраморъ и искусная рѣзная работа.

Въ постройкѣ этихъ зданій и ихъ отдѣлкѣ проявляется по преимуществу творческій геній китайскихъ архитекторовъ, рѣзчиковъ и всякихъ художниковъ; но генію въ Китаѣ вообще мало даютъ воли, потому что все главное должно быть такое же, какимъ было въ старину, иначе художнику, пожалуй, не сдобровать, если онъ задумаетъ вводить разныя новости. Крыши, покрытыя черепицею иногда самыхъ яркихъ цвѣтовъ, украшаются множествомъ вычурныхъ фигуръ, драконовыхъ головъ, звѣрей, птицъ, рыбъ, цвѣтовъ или разныхъ узоровъ; углы ихъ вытянуты и загнуты кверху; карнизы представляютъ цѣлую сѣть, самымъ замысловатымъ образомъ сплетенную изъ деревянныхъ брусковъ, разрисованныхъ пестрыми узорами самыхъ яркихъ цвѣтовъ; въ дверяхъ и окнахъ вмѣсто рамъ со стеклами вставлены изящнѣйшія рѣшетки, оклеенныя изнутри тонкой бумагой; во многихъ мѣстахъ развѣшены фонари часто самыхъ причудливыхъ формъ; на дворахъ разставлены также весьма изящные жертвенники. Находящіеся при храмахъ сады украшаются искусственными скалами, гротами, резервуарами съ перекинутыми черезъ нихъ каменными мостиками; цвѣты, акваріумы, прекрасныя деревья,— все это собирается въ подобныхъ домахъ купеческихъ собраній.

Таковы они болѣе или менѣе вездѣ, и я прошу читателя удержать въ своемъ воображеніи типъ такаго учрежденія, такъ какъ намъ придется часто встрѣчаться съ ними. Въ Хань-Коу самое блестящее учрежденіе этого рода принадлежитъ купцамъ—уроженцамъ провинціи Цзянъ-Си [1]). Въ немъ, какъ вообще въ учрежденіяхъ этого рода, бываютъ собранія какъ для совѣщаній по разнымъ торговымъ дѣламъ, такъ и съ цѣлью пирушекъ и увеселеній, устраиваемыхъ обыкновенно въ праздничные дни, напримѣръ, въ дни, посвященные главнымъ богамъ храма, покровителямъ родины, торговли и т. п. Но такіе праздники бываютъ

[1]) Въ этой провинціи находятся самыя лучшія фарфоровыя фабрики.

не часто; во все же остальное время эти дома стоятъ пустыми, подъ присмотромъ живущихъ въ нихъ духовныхъ лицъ, хэ-шановъ; содержатся довольно небрежно, и о сохраненіи въ нихъ чистоты и благочинія заботятся весьма мало, что̀ мы впослѣдствіи увидимъ сами.

Итакъ я познакомилъ васъ съ улицей Хань-Коу, по которой вы можете представить себѣ и всѣ остальныя, сообщающіяся между собою мало оживленными переулками; познакомилъ съ однимъ изъ типичныхъ китайскихъ общественныхъ учрежденій; теперь отправимся въ домъ довольно важнаго мандарина, чиновника особыхъ порученій, завѣдывающаго дѣлами по сношенію съ иностранцами. Онъ называется Дао-Тай.

Намъ совѣтовали обратиться къ нему лично по разнымъ вопросамъ нашего дальнѣйшаго движенія и сдѣлать ему визитъ; и къ счастью нашъ капитанъ теперь не отрицалъ необходимости сношеній съ ними, убѣдившись, что съ ними „вести дѣла“ можно.

Къ Дао-Таю отправили написанное Шевелевымъ письмо, въ которомъ было выражено желаніе такихъ-то видѣться съ нимъ, и просьба увѣдомить, когда онъ можетъ принять; и въ тотъ же день былъ полученъ учтивый отвѣтъ слѣдующаго содержанія. Передаю его въ дословномъ переводѣ, сдѣланномъ тѣмъ же Шевелевымъ.

„Я весьма обрадованъ тѣмъ, что дорогіе гости великаго русскаго государства намѣрены озарить сіяніемъ мою скверненькую хижину, и буду ожидать ихъ сегодня, въ 23-й день 11-й луны, въ 3 часа пополудни. Подписано: Вашъ младшій братъ, глупецъ, Дао-Тай такой-то.

Какъ ни забавны на первый разъ эти слова, „младшій братъ и глупецъ“, но въ нихъ, разумѣется, столько же серьезнаго сколько и въ нашихъ всевозможныхъ „увѣреніяхъ въ совершенной преданности“ и различныхъ самоуниженіяхъ, прежде выражавшихся словами „рабъ, песъ, холопъ“, а теперь — покорнѣйшій слуга и т. п.

Итакъ—пора; ѣдемте съ *визитомъ къ Дао-Таю*. Китайцы въ высшей степени акуратны, и онъ теперь уже ожидаетъ насъ.

День очаровательный, теплый, даже почти жаркій и своимъ безоблачнымъ небомъ скорѣе напоминающій нашу весну, чѣмъ вторую половину ноября. Мы съ гораздо бо́льшимъ удовольствіемъ прошлись бы пѣшкомъ, но по китайскому этикету,—далеко не чуждому и Европѣ,—немыслимая вещь, чтобы, дѣлая оффи-

ціальный визитъ, придти пѣшкомъ, — это значитъ совершенно уронить свое достоинство; нельзя даже верхомъ пріѣхать, надо непремѣнно дозволить принести себя въ носилкахъ. Можно бы пріѣхать въ экипажѣ, но такихъ здѣсь европейцы почти не имѣютъ; они держатъ только верховыхъ лошадей и имѣютъ свои носилки или паланкины (Цзяо), а также свое платье для носильщиковъ, которое шьется у всѣхъ по китайскому образцу, причемъ каждый домъ имѣетъ свои условные цвѣта, напримѣръ, бѣлые съ синей отдѣлкой, синіе съ черной отдѣлкой, лиловые съ красной и проч. Носильщиковъ же нанимаютъ, когда нужно, что̀ дѣлается въ одну минуту и на любомъ мѣстѣ, въ китайской улицѣ: сто́итъ только сдѣлать предложеніе и въ тотъ же мигъ къ услугамъ вашимъ явится всегда больше, чѣмъ вамъ нужно. Если же требуется разомъ нѣсколько носилокъ, какъ напримѣръ въ настоящемъ случаѣ для пятерыхъ человѣкъ, тогда ихъ нанимаютъ, подобно нашимъ каретамъ или дрожкамъ, для чего посылаютъ въ городъ къ содержателямъ наемныхъ паланкиновъ.

Итакъ на дворѣ, у крыльца нашего дома, насъ ожидаютъ поставленныя на землю пять носилокъ и около нихъ двадцать носильщиковъ, по четыре человѣка на каждые, а не по два, какъ обыкновенно;—это число также требуется этикетомъ. Въ паланкинъ садятся, когда онъ стоитъ еще на землѣ, и его поднимаютъ вмѣстѣ съ вами. Сидѣть въ нихъ очень удобно; и даже, для того чтобъ было на что облокотить руки, передъ сидящимъ кладется поперечная дощечка.

Городскіе жители, китайцы, уже знали о томъ, что „пріѣзжіе русскіе чиновники“ поѣдутъ сегодня съ визитомъ, къ кому и какъ они будутъ одѣты; и падкіе до всего, сколько-нибудь выходящаго изъ ряда обыкновеннаго, они собрались на улицѣ у воротъ, расположившись шпалерами; къ нимъ присоединялись новые изъ проходившихъ по улицѣ свободныхъ китайцевъ, а тѣ, кому былъ недосугъ, только спрашивали въ чемъ дѣло, проходили мимо и потомъ сообщали встрѣчнымъ пріятную новость о предстоящемъ сегодня проѣздѣ черезъ городъ „иностранныхъ людей къ нашему Дао-Таю“. Объ этомъ и о томъ, что въ китайскомъ городѣ насъ уже давно ждутъ, что всю улицу запрудили и только разговору, что о насъ, разсказалъ мнѣ пришедшій къ намъ изъ своего дома Шевелевъ.

Наконецъ мы вышли, одѣтые въ полную форму, и, размѣстившись каждый по своимъ носилкамъ, отправились. Въ узенькихъ

улицахъ китайскаго города, дѣйствительно, воздвиглись сплошныя живыя стѣны изъ тысячъ китайцевъ всѣхъ возрастовъ, и по срединѣ между ними осталось ровно столько мѣста, сколько было нужно, чтобъ могли пройти носилки. Наша процессія вступила въ эту живую аллею, волновавшуюся, кричавшую и Богъ знаетъ чему радовавшуюся; такъ что наше движеніе по справедливости могло назваться какимъ-нибудь шествіемъ.

Впереди всѣхъ шелъ слуга вице-консула съ пакетомъ изъ красной бумаги, въ которомъ заключались наши визитныя карточки, сдѣланныя по китайскому образцу, то-есть на красной бумагѣ четверти въ полторы длины и болѣе двухъ вершковъ ширины; рядомъ съ нимъ шли двое полицейскихъ съ палками въ рукахъ, и оба кричали толпѣ, чтобъ давали дорогу; а въ тѣхъ случаяхъ, когда крики не помогали, они пускали въ дѣло палки или оружіе, доступное только китайцамъ, а именно: свои собственныя косы, которыми они дѣйствовали, какъ плетью и съ замѣчательною ловкостью. Также кричали на народъ и сами носильщики; но этотъ народъ, возбужденный такимъ необычайнымъ зрѣлищемъ, мало внималъ распоряженіямъ, угрозамъ и даже презиралъ приведеніе угрозъ въ исполненіе. Китайцы тянулись къ носилкамъ, до послѣдней возможности вытягивали шеи, въ тщетной надеждѣ дотянуть ихъ до окна, за которымъ сидѣлъ такой соблазнительный предметъ, какъ русскій офицеръ въ мундирѣ съ эполетами; другіе присѣдали и заглядывали снизу, потому что внизу еще возможно было просунуть впередъ голову. Многимъ хотѣлось бы идти рядомъ, чтобъ подольше посмотрѣть, но толпа мѣшала ихъ желанію, за что они бранились, толкали другъ друга и чуть не дрались. Мнѣ было ужасно трудно оставаться серьезнымъ, какъ того требовало достоинство „заморскаго мандарина“, какимъ я былъ въ ихъ глазахъ, и я едва удерживалъ невольное желаніе расхохотаться при видѣ того увлеченія и усердія, какія проявляли эти взрослыя дѣти. Но я понималъ ихъ.

Примѣрно черезъ каждыя пять минутъ носильщики останавливались чтобъ перемѣнить плечо, на которомъ лежала палка, и переложить ее на другое, что̀ дѣлалось по командѣ одного, чрезвычайно ловко и быстро, не болѣе какъ въ нѣсколько секундъ; и этими немногими секундами счастливцы изъ толпы, около которыхъ происходила эта остановка, пользовались съ такою поспѣшностью и даже ожесточеніемъ, какъ будто очень, очень многое и важное въ нхъ жизни зависѣло отъ того,—успѣютъ они

увидать насъ или упустятъ этотъ благопріятный моментъ. И опять меня разбиралъ смѣхъ.

Но взглядъ на людей, которые меня несли, тотчасъ прогонялъ его прочь и заставлялъ чувствовать нѣчто въ родѣ стыда. Носильщики ступаютъ видимо тяжело, подъ вліяніемъ ноши, обливаются пóтомъ, но идутъ бодро. Носилки открыты спереди и я невольно смотрѣлъ на нихъ, видѣлъ какъ палки давятъ имъ плечи, и мнѣ становйлось неловко, просто совѣстно... Да, нужно лишиться своихъ ногъ, чтобъ не испытывать этого чувства, отъ котораго не отдѣлаешься, когда васъ здороваго несутъ на плечахъ люди: я не могъ сидѣть свободно и покойно, потому что мои мускулы находились въ невольномъ напряженномъ состояніи отъ постояннаго желанія сидѣть смирнѣе и сдѣлать себя какъ можно легче; а вѣсъ моего тѣла, казалось, только вдвое увеличивался. И только сознаніе что вы все-таки оказываете одолженіе этимъ людямъ тѣмъ, что позволяете себя нести и заработать плату, да веселый видъ этихъ добродушныхъ людей нѣсколько уменьшаютъ описанное непріятное состояніе.

Они идутъ, почти постоянно болтая между собою—не знаю о чемъ, или ведутъ переговоры о дорогѣ. Передній обыкновенно предупреждаетъ заднихъ разными словами о какихъ-нибудь препятствіяхъ, которыя надо обойти; а задніе считаютъ долгомъ отвѣчать на каждое предостереженіе. Эти фразы отчасти перешли въ поговорки и иногда подбираются въ риѳму. Напримѣръ:

— Хуа́-ды-хы́нь! (Очень скользко!) предупреждаетъ передовой.

— Цáй-ды-вы́нь! (Ступаю твердо!) отвѣчаютъ другіе, или:

— Ся́о-синь! (Я остороженъ).

— Цзо́-шо́у-ка́о! (Лѣвой стороной задѣнешь!) говоритъ опять первый.

— Цай-ю! (Ступаю вправо!) отвѣчаютъ ему.

— Цянь-кунъ, лянъ-шоу-као! (Впереди ровъ, съ обоихъ боковъ препятствія, т.-е. посторониться или обойти нельзя).

Ему отвѣчаютъ:

— Го-цюй-тя́о! (Перепрыгивай, валяй прямо!)

Я привожу подлинныя китайскія слова, полагая, что большинству читателей интересно будетъ хоть нѣсколько ознакомиться съ звуками этого, можно сказать, неслыханнаго у насъ языка.

Впослѣдствіи я разскажу о тѣхъ изъ его странныхъ особенностей, какихъ не представляетъ никакой другой языкъ цивилизованнаго народа... Теперь же я сгораю отъ любопытства и по-

добно китайцамъ, жаждущимъ видѣть, разсмотрѣть и изучить меня, мнѣ хочется скорѣе увидать китайскаго мандарина, не на картинѣ, не на сценѣ театра, не на русской границѣ, не въ гостяхъ у русскаго, а въ глубинѣ Китая, въ его собственномъ домѣ. Я волнуюсь и въ лихорадкѣ отъ нетерпѣливаго ожиданія этого перваго подобнаго визита. И развѣ это не интересно?! Ужасно интересно... И мнѣ хочется все, все подробно разсказывать вамъ, потому что я чувствую, какъ вамъ самимъ хочется скорѣе дойти до этихъ таинственныхъ покоевъ. Я слышу, какъ вы вслухъ или мысленно восклицаете: ахъ, счастливый этотъ докторъ Пясецкій,—онъ ѣдетъ въ гости къ китайскому мандарину!

Вотъ остановились;—должно быть пріѣхали. Вотъ ворота губернаторскаго [1]) дома, говорятъ вамъ; но никакого дома даже вблизи нигдѣ не видно и кругомъ все та же запутанная картина стѣнъ, дверей, переулковъ, крышъ, воротъ и закоулковъ. Вотъ въѣзжаемъ, говорятъ, на первый дворъ, но находимъ здѣсь толпу народа и видимъ тѣ же уличныя сцены: тутъ цирюльникъ брѣетъ одному голову; тамъ походный кухмистеръ жаритъ оладьи на своей переносной печкѣ и т. п.

Гдѣ же мы?.. Куда мы пріѣхали?.! Я не могъ понять, на улицѣ ли были мы, или на дворѣ губернаторскаго дома? Мы дѣйствительно находимся на первомъ дворѣ его дома (я-мынь); онъ всегда открытъ для публики, и въ этомъ выражается „общеніе народа съ властями“, которыя въ патріархальномъ Китаѣ называются, когда говорятъ о нихъ вообще, — „Отецъ и Мать“. И „Дѣтей“, т.-е. народъ, не пускаютъ къ „Отцу и Матери“ безъ особеннаго дѣла только за слѣдующія тройныя ворота, куда лежалъ намъ путь.

Носильщики направляются къ нимъ; но громкій и грозный крикъ и строго поднятая кверху рука привратника заставили ихъ остановиться. Они конечно знали, что все это именно такъ и должно было произойти. Сняли носилки съ плечъ, но не поставили на землю, а только подперли ихъ особыми имѣющимися для этой цѣли подставками и ждали дальнѣйшихъ распоряженій. Мы сидимъ въ слегка покачивающихся экипажахъ и выглядываемъ въ окна. Ворота, стоявшія передъ этимъ открытыми, теперь затворились.

---

[1]) Дао-Тая, для краткости, называютъ обыкновенно губернаторомъ.

Прошло съ минуту или болѣе, пока докладывали о нашемъ пріѣздѣ, и затѣмъ привратникъ, торжественно запретившій намъ входъ во дворъ, теперь не менѣе торжественно распахнулъ створы среднихъ воротъ; носильщики скомандовали другъ другу — цзоу! (трогай!) и быстрыми шагами понесли насъ въ слѣдующій дворъ, гдѣ насъ встрѣтили два китайца въ форменныхъ шляпахъ и провели къ слѣдующимъ воротамъ, которыя уже не были затворены; а за ними открывалась глубокая перспектива еще нѣсколькихъ воротъ и дворовъ. Насъ быстро проносятъ черезъ всѣ ихъ и я замѣтилъ, что эти дворы, обнесенные стѣнами и прислоненными къ нимъ низкими и длинными домами, съ галлереей, не отличались ни особенной чистотой, ни порядкомъ или роскошью, какъ можно было ожидать, какъ мы привыкли видѣть на дворахъ губернаторскихъ домовъ. Тутъ, между прочимъ, на одномъ изъ дворовъ стоялъ какъ будто заброшенный старый паланкинъ подъ грязнымъ чехломъ; на другомъ лежала куча капустныхъ листьевъ; валялись чьи-то старые башмаки, положенные, какъ надо думать, для просушки подошвами кверху; шлялись противнаго вида собаки; на скамьяхъ у своихъ домиковъ, расположенныхъ по бокамъ дворовъ, сидѣли какіе-то грязно и бѣдно одѣтые китайцы. Наконецъ, на четвертомъ или пятомъ, по счету, дворѣ,—не помню,—мы остановились. Носилки теперь опустили и, поставивъ дномъ на землю, предложили выходить. Въ ту минуту, когда мы, выйдя каждый изъ своихъ носилокъ, собрались въ одну группу, намѣреваясь идти дальше, куда укажутъ,—изъ боковой двери, которая вела еще въ новый дворъ, показался и медленно, словно задумчиво, вышелъ къ намъ навстрѣчу хозяинъ дома...

Итакъ, вотъ онъ передъ нами,—таинственный жилецъ таинственной обители; вотъ онъ самъ Дао-Тай; и я впиваюсь въ него глазами, точь-въ-точь какъ нѣсколько минутъ назадъ китайцы глядѣли на меня... Но не похожъ былъ образъ живаго Дао-Тая на созданный моимъ воображеніемъ. Этотъ „нашъ младшій и глупый братъ“ съ виду вовсе не походилъ на глупаго и еще менѣе на младшаго: онъ представлялъ высокаго, широкоплечаго маньчжура, на видъ не болѣе пятидесяти лѣтъ, въ большихъ темныхъ очкахъ, въ сдвинутой на затылокъ черной шляпѣ въ родѣ кокошника и украшенной назади кистью изъ павлиньихъ перьевъ; въ черной атласной курмѣ, опушенной у воротника и на рука-

вахъ прекраснымъ собольимъ мѣхомъ и надѣтой поверхъ желтаго шелковаго халата.

Мы приблизились; вице-консулъ сталъ представлять ему насъ по очереди, а Дао-Тай, сохраняя серьезный и полный достоинства видъ, молча раскланивался съ каждымъ, складывая руки вмѣстѣ въ одинъ кулакъ и прижимая ихъ къ своей груди, причемъ каждому повторялъ слова: цинъ! цинъ! (прошу). Когда представленіе кончилось, онъ пригласилъ насъ войти въ дверь, изъ которой онъ передъ тѣмъ вышелъ; но это не сразу удалось привести въ исполненіе, вслѣдствіе обоюдной игры въ правила учтивости и деликатности и онъ, разумѣется, вошелъ послѣднимъ. Дворикъ, на который мы вошли и куда также выходила дверь изъ пріемной комнаты, былъ очень не великъ, но уютенъ и чрезвычайно мило убранъ цвѣтами и растеніями, посаженными въ горшкахъ. Преодолѣвъ еще одно препятствіе, встрѣченное въ дверяхъ пріемной, мы наконецъ вошли въ эту послѣднюю и усѣлись по приглашенію хозяина вокругъ приготовленнаго стола.

Сосновскій, которому всегда принадлежало первое слово, началъ разговоръ общаго характера, т.-е. что намъ очень пріятно познакомиться, что мы съ китайцами старые друзья, что мы разсчитываемъ на содѣйствіе китайскихъ властей, надѣемся получить провожатыхъ и т. п. Шевелевъ доводилъ это до сознанія мандарина, а я, слушая разговоръ, тѣмъ временемъ предался созерцанію хозяина и окружавшей насъ обстановки.

Дао-Тай и теперь, какъ въ первую минуту, имѣлъ очень важный и серьезный видъ, говорилъ тихимъ голосомъ и медленно; всѣ движенія его были торжественны, словно онъ совершалъ какое-нибудь таинство. Но выраженіе его лица не всегда соотвѣтствовало этой общей холодной фигурѣ и на немъ можно было наблюдать самыя любопытные по своей быстротѣ переходы отъ необыкновенно важнаго, почти можно сказать надутаго или сердитаго, какое оно имѣло, когда къ нему никто не обращался, къ самому учтивому и любезному, появлявшемуся тотчасъ какъ только съ нимъ заговаривали.

Въ минуты общаго молчанія,—которыхъ было-таки довольно, словно намъ не о чемъ было поговорить съ нимъ, и когда онъ предполагалъ, что за нимъ никто не наблюдаетъ, я не разъ замѣтилъ, какъ онъ, не поворачивая головы, обращалъ глаза въ нашу сторону и украдкой изъ-подъ своихъ темныхъ очковъ съ любопытствомъ разсматривалъ насъ; и эти взгляды ясно доказы-

вали мнѣ, что вся его важность была исключительно ролью извѣстнаго рода: если не мы сами, то наши можетъ быть невиданные имъ мундиры несомнѣнно интересовали его, и весьма сильно.

Разговоръ, какъ я сказалъ, не вязался, потому что Сосновскаго всегда затрудняла необходимость вести бесѣду, меня же и Матусовскаго онъ видимо не допускалъ до разговоровъ. Такимъ образомъ, вмѣсто того, чтобъ быть очень интереснымъ по содержанію и пріятнымъ, визитъ вышелъ чуть не пыткой для всѣхъ; и потому я очень былъ радъ, когда мы, выпивъ вина и сдѣлавъ честь китайскимъ лакомствамъ, поданнымъ каждому Дао-Таемъ собственноручно, встали и начали прощаться. Хорошо еще, что Шевелевъ зналъ, въ какомъ отношеніи экспедиція въ своемъ дальнѣйшемъ движеніи нуждалась въ мѣстныхъ властяхъ, въ такомъ духѣ онъ и говорилъ. И Дао-Тай обѣщалъ сдѣлать для нашего спокойствія во время пути все, что только отъ него зависѣло. Значитъ существенное сдѣлано.

Но я возвращался домой недовольный визитомъ, потому что мнѣ бы хотѣлось ближе познакомиться съ какимъ-нибудь мандариномъ, чтобъ можно было придти къ нему запросто, провести у него цѣлый день и посмотрѣть на нормальный ходъ его обыденной жизни; но, подчиняясь закону грустной необходимости, долженъ былъ отказаться отъ этого намѣренія. Да и можно ли было добиться чего-нибудь.

Дао-Тай, напримѣръ, далъ намъ совѣтъ между прочимъ сдѣлать визитъ къ генералъ-губернатору провинціи Ху-Бэй, въ которой мы находились, и сосѣдней съ нею Ху-Нань. Я мысленно готовился къ этому новому, не менѣе интересному визиту. Но Сосновскій опасался, какъ бы не оскорбить такого важнаго сановника тѣмъ, что онъ привезетъ съ собою и своихъ подчиненныхъ, и потому рѣшилъ сдѣлать этотъ визитъ одинъ. Онъ это такъ прямо и изложилъ... Хорошъ начальникъ ученой экспедиціи!.. Вотъ-те, думаю себѣ, и интересный визитъ къ генералъ-губернатору. Это было на обѣдѣ у вице-консула.

— Да чего же вы опасаетесь, возразилъ г. Ивановъ,—вѣдь у доктора чинъ старше вашего: такъ что въ случаѣ, если бы тотъ дѣйствительно обидѣлся,—чего никогда быть не можетъ,—то вы всегда можете на это указать.

— Въ такомъ случаѣ, сказалъ я—мы съ Матусовскимъ можемъ побывать у него въ качествѣ частныхъ путешественни-

ковъ. Сосновскаго это испугало, и онъ предпочелъ отправиться съ нами вмѣстѣ.

Изъ разговоровъ, которые велись вообще по поводу китайскихъ властей, я убѣдился въ томъ, что отношенія къ нимъ иностранцевъ весьма натянутыя и исключительно оффиціальныя, такъ что нѣтъ даже никакихъ попытокъ къ сближенію съ туземной интеллигенціей, къ простому человѣческому сближенію, не говоря ужъ о другихъ. А оно, мнѣ казалось, было бы возможно и несомнѣнно полезно. Вообще иностранцы ведутъ себя въ Китаѣ — какъ бы это сказать?—ну, скажемъ—оригинально. Англичане обращаются съ властями надменно, съ народомъ грубо; русскіе—съ народомъ гораздо мягче, съ властями никакъ, т.-е. никогда ихъ не видятъ, пока неволя не заставитъ; и они объясняютъ такія свои дѣйствія надменностью и чванствомъ китайцевъ; но я вовсе не вижу причины, почему требовать отъ китайцевъ,—полагаю, хозяевъ у себя дома,—чтобы они сдѣлали первый шагъ, чтобы они старались заслужить вниманіе ихъ, европейцевъ, явившихся къ нимъ все-таки непрошенными гостями. Мнѣ это совсѣмъ непонятно, и я думаю, что такой порядокъ скоро измѣнится.

Когда я обращался съ просьбою доставить мнѣ возможность ближе познакомиться съ кѣмъ-нибудь изъ здѣшнихъ властей, мнѣ отвѣчали, что это рѣшительно невозможно, что это не принято, не въ обычаѣ, что это даже можетъ уронить достоинство русскаго имени и проч. Но я остаюсь при своемъ убѣжденіи, что подобная система фальшивая, что слѣдовало бы сближаться съ людьми, въ странѣ которыхъ живешь, и всегда можно держать себя такъ, что достоинство имени, русскаго или иного, нисколько не уронится, а напротивъ можно заставить только больше уважать это имя.

Потерявъ надежду свести знакомство съ оффиціальными лицами, я попросилъ нашего вице-консула познакомить меня съ какимъ-нибудь частнымъ зажиточнымъ человѣкомъ, у котораго есть свой хорошій домъ и семья: меня, понятно, очень привлекалъ къ себѣ семейный бытъ туземцевъ. Это оказалось возможнымъ, и меня познакомили съ однимъ „*банкиромъ*“, какъ мнѣ его представили.

И вотъ, заручившись его приглашеніемъ, я черезъ нѣсколько дней отправляюсь къ нему. Онъ жилъ довольно далеко; поэтому, а также для поддержанія собственнаго достоинства въ его глазахъ, я опять не пошелъ пѣшкомъ, а поѣхалъ въ открытомъ

креслѣ съ двумя носильщиками. Оно дѣлается обыкновенно изъ бамбука и укрѣпляется на двухъ длинныхъ дрожинахъ или коромыслахъ, которыя люди кладутъ себѣ на плечи. Безъ переводчика ѣхать было нельзя, и на этотъ разъ со мной отправился одинъ изъ здѣшнихъ молодыхъ людей, г. Пежемскій, который ѣхалъ въ другомъ подобномъ же креслѣ. Когда мы проѣзжали по ближайшимъ къ европейскому кварталу улицамъ, до моего слуха безпрестанно доносились слова: „заморскій докторъ“ или „заморскій художникъ“ (янъ-да́й-фу и янъ-хуа-хуа́ръ-ды), доказывавшія, что меня уже многіе здѣсь узнали, что̀ и не мудрено, такъ какъ жители Хань-Коу видѣли меня почти каждый день.

Мы проѣзжали сначала красивыми улицами, потомъ насъ внесли въ одинъ изъ узенькихъ переулочковъ съ глухими стѣнами и поставили на землю около небольшой двери, находившейся въ одной изъ нихъ. За нами, разумѣется, слѣдовала порядочная свита китайцевъ.

Войдя въ дверь, я увидалъ крошечный дворикъ, изъ котораго вела завѣшенная дверь въ комнату, откуда тотчасъ явился хозяинъ и, поздоровавшись на дворѣ, пригласилъ въ комнату. Онъ зналъ о цѣли моего съ нимъ знакомства, спросилъ, намѣренъ ли я сегодня срисовывать что-нибудь, и такъ какъ въ комнатѣ было не достаточно свѣтло, то онъ, получивъ утвердительный отвѣтъ, немедленно приказалъ прорвать въ нѣсколькихъ мѣстахъ бумагу, которою были заклеены окна.

Домъ его вообще былъ небольшой, весьма скромный, и все въ немъ заставляло сомнѣваться, чтобъ онъ служилъ мѣстомъ жительства банкиру. Не таковы наши представленія о жизни людей съ такимъ солиднымъ титуломъ. Впрочемъ не всѣ банкиры одинаковы, и этотъ, вѣроятно, былъ не изъ важныхъ.

Я сталъ срисовывать комнату, въ которой мы сидѣли, и мое присутствіе нисколько не мѣшало хозяину совершать при помощи явившагося цирюльника свой туалетъ. Послѣдній выбрилъ ему голову, расчесалъ и заплелъ косу, потомъ, держа послѣднюю лѣвою рукой, правой умывалъ ему лицо изъ поставленнаго на табуретку тазика съ теплой водой, надъ которымъ тотъ сидѣлъ, нагнувшись. И любопытнѣе всего было то, что почему-то особенно старательно цирюльникъ мылъ банкиру губы; онъ, можно сказать, чистилъ ихъ почти какъ сапоги!.. Хозяинъ дома такъ и остался на моемъ рисункѣ въ моментъ умыванія, что̀ доставило ему несказанное удовольствіе. Это умываніе лица не своими ру-

ками, а предоставленное цирюльнику, было однимъ изъ выраженій привольной жизни и даже нѣкоторой важности, такъ что я при видѣ этой церемоніи долженъ былъ проникнуться къ нему уваженіемъ; однако мнѣ даже вчужѣ непріятно было смотрѣть, какъ не особенно чистая рука цирюльника прогуливалась по щекамъ, глазамъ и губамъ блаженствовавшаго банкира.

Сдѣлавъ рисунокъ комнаты, я перешелъ для той же цѣли въ упомянутый дворикъ, и во все время моего пребыванія здѣсь, когда я сидѣлъ недалеко отъ двери, которая вела на улицу, около нея стоялъ слуга, нарочно приставленный для того, чтобы сдерживать толпу, буквально ломившуюся въ ворота. Онъ сначала увѣщевалъ ее, потомъ бранился и угрожалъ словами и палкой, ожесточенно плевалъ черезъ щели въ лицо наиболѣе любознательнымъ, и наконецъ, иногда открывая на мгновеніе дверь, колотилъ палкой кого попало. Но никакія средства не помогали. Тѣмъ не менѣе толпа не могла мнѣ мѣшать, и я сдѣлалъ, что желалъ, хотя далеко не все, по невозможности самому объясниться съ хозяиномъ: я не добился отъ него, чтобъ онъ познакомилъ меня съ своимъ домашнимъ бытомъ.

А мнѣ казалось, что для иностранца это не особенно трудно достижимо, тѣмъ болѣе, что хозяинъ дома былъ очень любезенъ со мной. Онъ часто приходилъ смотрѣть на мою работу, безпрестанно угощалъ то чаемъ, то конфектами, и когда я собрался уѣзжать домой, онъ нѣсколько разъ останавливалъ меня, все прося снова вынуть изъ портфеля рисунки и еще разъ позволить посмотрѣть на нихъ. Итакъ, я уѣхалъ, не видавъ никого, кромѣ его и прислуги.

Вернувшись домой я узналъ, что отъ генералъ-губернатора Ли [1]) получено приглашеніе на завтрашнее утро.

Этотъ *намѣстникъ* или вице-король, какъ его называютъ англичане (vice roi), повелитель двухъ провинцій Ху-Бэй и Ху-Нань, живетъ въ городѣ У-Чанъ-Фу, за рѣкой; поэтому туда заранѣе были отправлены на лодкахъ носилки, также въ числѣ пяти, а сами мы въ полномъ парадѣ вышли изъ дому и пѣшкомъ дошли до набережной, гдѣ насъ ожидала большая китайская лодка, и въ двѣнадцать часовъ дня отплыли на противоположную сторону Янъ-Цзы.

---

[1]) Онъ былъ родной братъ знакомаго читателямъ Ли-Хунъ-Чжана.

Потребовался часъ времени, чтобъ переѣхать эту громадную рѣку и потомъ подняться вверхъ, такъ какъ насъ сильно отнесло теченіемъ. Мы долго поднимались вдоль берега, на которомъ жизнь просто кишитъ на каждомъ шагу. Онъ застроенъ домиками большею частью бѣдненькими, старыми, но оригинальными и живописными, благодаря многимъ рѣшетчатымъ узорамъ, всевозможнымъ пристройкамъ безъ малѣйшаго плана и бамбуковымъ циновкамъ, которыя также входятъ въ составъ строительнаго матеріала. Вездѣ люди, и вездѣ идетъ у всякаго своя работа: одни носятъ ведрами воду изъ рѣки, другіе моютъ бѣлье или платье; во многихъ мѣстахъ ловятъ сѣтями рыбу; тамъ бамбуковый домъ цѣликомъ передвигаютъ на новое мѣсто по подложеннымъ подъ него толстымъ бамбучинамъ же; и это производится безъ всякихъ машинъ, просто руками людей, силъ въ пятнадцать, что, разумѣется, возможно только благодаря необыкновенной легкости бамбуковыхъ построекъ.

Проходя на лодкѣ вдоль гранитной набережной, одѣвающей здѣсь берегъ Янъ-Цзы, путешественникъ навѣрно обратитъ вниманіе на тѣ безчисленныя воронкообразныя углубленія, какими испещрены на извѣстной высотѣ всѣ куски гранита набережной. Онъ замѣтитъ, что всѣ эти углубленія обращены въ одну сторону, противъ теченія, и догадается, что они представляютъ слѣды багровъ, которыми упираются лодочники, поднимающіеся вверхъ противъ воды. Эти выдолбленныя дырки, напоминающія отверстія норъ береговыхъ ласточекъ, суть печать вѣковой работы многихъ поколѣній отъ давно успокоившихся на своихъ родныхъ кладбищахъ людей до плавающихъ здѣсь теперь все въ такихъ же лодкахъ и тѣми же способами, какъ тысячи лѣтъ назадъ.

Лодка наша остановилась у пристани, между множествомъ другихъ; приглашаютъ выходить на берегъ.

Сошли и поднялись по каменной лѣстницѣ на возвышенный берегъ, и тотчасъ вслѣдъ за нами съ берега и съ лодокъ помчался народъ смотрѣть на людей въ невиданныхъ одеждахъ, какими были для нихъ наши болѣе или менѣе блестящіе а въ сравненіи съ ихъ скромнымъ костюмомъ и очень блестящіе, мундиры. И какое странное по своей неодинаковости впечатлѣніе производили на толпу мы сами и наши одѣянія: одни, повидимому, проникались чувствомъ уваженія передъ разными серебряными блестками; другіе неудержимо и громко хохотали.

Размѣстившись въ ожидавшіе насъ у пристани паланкины, мы поѣхали по узкой улицѣ городскаго предмѣстья. Она, какъ и ея населеніе, имѣла бѣдный и жалкій видъ; воздухъ въ ней пропитанъ разными міазмами. Поѣздъ нашъ изъ пяти паланкиновъ привелъ въ смущеніе всѣхъ и все, поднявъ на ноги и старыхъ, и малыхъ. Передъ моими глазами во время этого проѣзда промелькнуло безчисленное множество лицъ, между которыми не мало встрѣчалось людей, обезображенныхъ оспой и съ испорченными глазами; промелькнуло также не мало паршивыхъ головъ; видѣлъ на улицахъ нѣсколько человѣкъ, повидимому, тяжело больныхъ, да и вообще все здѣшнее населеніе имѣетъ болѣзненный видъ; всѣ какіе-то худые и блѣдные... Климатъ ли плохъ или плохо исполняетъ свое назначеніе „надъ всѣми надзирающій призракъ“ (Ду-Ча-Юань, т.-е. прокурорскій приказъ,—учрежденіе, существующее въ Китаѣ для поддержанія нравственности въ самомъ правительствѣ), сразу этого не узнаешь; а говорятъ, что „призракъ“, хотя и продолжаетъ надзирать, но дѣйствуетъ далеко не столь ревностно и успѣшно, какъ во времена оны.

Свернувъ изъ улицы въ сторону и пройдя нѣсколько переулковъ, носильщики остановились у воротъ генералъ-губернаторскаго дома; но почему-то они не внесли насъ въ послѣднія, а обогнувъ дворъ, занесли съ противоположной стороны. Вѣроятно такъ требовалось по церемоніалу. На этомъ дворѣ опять остановились передъ тройными воротами, которыя вели въ слѣдующій дворъ и послали карточки: тѣмъ временемъ толпа, воспользовавшись остановкой, разсматривала каждаго изъ насъ, какъ невиданныхъ звѣрковъ, привезенныхъ въ клѣткахъ; да и паланкины-то, въ которыхъ мы сидѣли, дѣйствительно походили на клѣтки.

Матусовскій вздумалъ было покурить въ ожиданіи и досталъ папиросу; въ ту же секунду изъ толпы ему,—читатель думаетъ, закричали: нельзя, нельзя, что̀ вы дѣлаете!—совсѣмъ нѣтъ,—въ ту же секунду ему была подана тлѣющая трубочка бумажнаго трута [1]). Но онъ не успѣлъ закурить, какъ раздался отчаянный крикъ привратника; среднія ворота тотчасъ растворились, и носильщики, молодецки подхвативъ носилки, понесли насъ черезъ второй дворъ, потомъ черезъ третій и четвертый.

[1]) Китайцы спичекъ не знаютъ, а привозныхъ почему-то почти не употребляютъ.

И здѣсь эти дворы не только не отличались роскошью, какъ можно было ожидать отъ жилища такого важнаго сановника, но даже и чистотой не могли похвастаться. Не представляли они и ничего особенно интереснаго: на нихъ растутъ нѣсколько деревьевъ, стоящихъ какъ бы на каменныхъ пьедесталахъ; по обѣимъ боковымъ сторонамъ тянутся низенькія строенія съ галлереей, на которой стоитъ много носилокъ въ вертикальномъ положеніи,—вотъ и все, что̀ я замѣтилъ на этихъ дворахъ. Ворота, ведущія въ четвертый дворъ, имѣютъ видъ большой открытой бесѣдки, которая, какъ я узналъ потомъ, есть зала гласнаго суда или собственно помѣщеніе представителя закона, засѣдающаго въ креслахъ передъ столомъ, у котораго стоятъ еще нѣсколько табуретовъ; а залой для публики служитъ самый дворъ... И сколько, должно быть, ужасовъ совершилось подъ этимъ навѣсомъ, судя по разсказамъ путешественниковъ; сколько произнесено жестокихъ приговоровъ, какими такъ богаты китайскіе уголовные законы; и при видѣ ея въ воображеніи невольно воскресаютъ описанія такихъ страшныхъ и отвратительныхъ сценъ, о которыхъ лучше не вспоминать!..

Подъ этимъ самымъ навѣсомъ насъ ожидали стоя нѣсколько мандариновъ въ парадной формѣ; одинъ изъ нихъ, который держалъ въ рукѣ наши карточки, раскланявшись, хотя любезно, но съ достоинствомъ, пригласилъ слѣдовать за собою въ новую дверь, на пятый дворъ, а остальные пошли за нами. Въ почтительномъ молчаніи совершалось это шествіе. Шедшій впереди мандаринъ съ генеральскимъ (краснымъ) шарикомъ на шляпѣ посторонился, чтобъ пропустить насъ впередъ; но мы не знали, куда идти и тоже остановились въ недоумѣніи. Произошла минута общаго смущенія, неловкаго и совсѣмъ непонятнаго. Но дѣло скоро разъяснилось: самъ генералъ-губернаторъ былъ уже здѣсь, на дворѣ, между нами; китайцы его видѣли, а мы не замѣтили. Мандарины думали, конечно, что такой фактъ абсолютно невозможенъ... Развѣ можно не замѣтить Ли-Да-Чэнь, повелителя двухъ провинцій! И потому они не сочли нужнымъ обратить на него наше вниманіе.

Но какъ ни высокъ санъ важнаго генерала Ли, онъ такъ мало отличался своимъ видомъ отъ всѣхъ остальныхъ, что мы прошли мимо его въ двухъ шагахъ, ища глазами передъ собою человѣка, болѣе представительнаго, чѣмъ низенькая толстая фигурка въ мѣховой курткѣ темнаго цвѣта и черной шляпѣ. Безъ сомнѣнія,

привыкшій къ тому, чтобъ его всѣ видѣли и замѣчали издали, Ли самъ растерялся, когда мы прошли мимо него впередъ, даже не взглянувъ ни разу. Онъ, можетъ быть, подумалъ, что такъ требуется нашими законами церемоніала и, предоставивъ намъ свободу дѣйствій, ждалъ, что̀ будетъ дальше. И вотъ только, когда замѣтили наше замѣшательство, свитскіе мандарины представили намъ своего властелина.

Мы любезно поздоровались, извинились тѣмъ, что не надѣялись встрѣтить его здѣсь и затѣмъ вошли въ пріемную, гдѣ тотчасъ были усажены въ кресла за круглымъ столомъ, и при помощи Шевелева началась бесѣда. И тутъ произошло новое смущеніе отъ старой причины: Сосновскому никакъ не давался извѣстный пріемъ, о которомъ я говорилъ раньше, или учтивая манера говорить черезъ переводчика, т.-е. прямо отъ себя, обращаясь къ лицу, съ которымъ ведется бесѣда. Съ перваго и до послѣдняго слова онъ все любезничалъ съ Шевелевымъ, котораго онъ просилъ передать ему, т.-е. хозяину то-то и то-то, такъ что генералъ Ли совсѣмъ былъ оставленъ въ сторонѣ, пока Шевелевъ не обращался къ нему, чтобъ передать слова нашего начальника. Генералъ-губернаторъ, очевидно, чувствовалъ себя въ весьма неловкомъ положеніи во время молчаливаго ожиданія того, что̀ ему сообщатъ. Отъ этого и всѣмъ было неловко, и даже очень неловко.

— Отчего вы не говорите ему прямо, обратился я къ Сосновскому;—посмотрите, какъ ему хочется на васъ смотрѣть и васъ самихъ слушать, хоть онъ и не понимаетъ.

— А я бы васъ просилъ не учить меня, какъ мнѣ съ кѣмъ говорить нужно, отвѣтилъ строгій начальникъ.

Я, разумѣется, струсилъ и замолчалъ. Тяжелое состояніе было, и не будь на Сосновскомъ каски съ бѣлымъ султаномъ, аксельбантовъ и орденовъ, не будь на мнѣ густыхъ эполетъ и тому подобныхъ занимательныхъ предметовъ, которые генералъ-губернаторъ изучалъ съ самымъ живымъ любопытствомъ, даже трогая руками, нашъ визитъ былъ бы весьма непріятнымъ и крайне неловкимъ, вслѣдствіе невозможности говорить съ туземцами непосредственно и имѣя при себѣ только одного переводчика. Необходимо было приглашать съ собою, конечно, не менѣе двухъ; и отчего не брали съ собою Ѳедора, я только удивлялся, но спросить не смѣлъ—боялся... Я вообще ужасно боюсь своихъ начальниковъ: такъ ужъ съ дѣтства осталось.

Мы сидѣли, не снимая фуражекъ, за круглымъ столомъ, чернымъ, лакированнымъ, ничѣмъ не покрытымъ; на немъ уже заранѣе было наставлено много маленькихъ чашечекъ съ разнаго рода кушаньями, большею частью сладкими, а также фруктами, но не цѣлыми, а нарѣзанными маленькими кусочками; и эта ѣда также не мало способствовала облегченію и украшенію нашего свиданія и препровожденія времени въ гостяхъ у интереснаго человѣка. Мы съ Матусовскимъ и Боярскимъ сидѣли молчаливыми свидѣтелями и слушателями разговора нашего начальника и вице-консула. Я съ неменьшимъ интересомъ разсматривалъ хозяина, который представлялъ для меня воплотившійся живой образъ одного изъ тѣхъ представленій, какія давно, издалека, волновали мое воображеніе. Этотъ Ли-Да-Чэнь былъ еще не старый, полный человѣкъ, небольшаго роста, съ очень добродушнымъ и привѣтливымъ лицомъ и обхожденіемъ.

Разговоры, какіе происходили во время этого визита, я пропущу, и читатель ровно ничего не потеряетъ, если не узнаетъ ихъ; не интересенъ тотъ разговоръ, который ведется только потому, что нельзя же сидѣть молча, когда самъ съ визитомъ пріѣхалъ,—а содержанія для бесѣды такъ мало, что приходится къ другимъ обращаться съ просьбою—„пожалуйста говорить что-нибудь“. И вотъ только на основаніи этой просьбы мы вставили и свои кой-какія фразы. Такимъ образомъ, при помощи любезнаго смѣха, по большей части безпричиннаго, немногихъ фразъ да разныхъ учтивыхъ тѣлодвиженій, визитъ получилъ довольно нормальный видъ.

Разскажу лучше читателямъ о характерѣ и убранствѣ пріемной комнаты, въ которой мы находились. Она также вовсе не отвѣчала моимъ представленіямъ о пріемномъ залѣ такого важнаго сановника, какъ китайскій „вице-король“ Ли-Да-Чэнь. Хотя довольно просторная и красивая своею оригинальностью, пріемная все-таки скорѣе походила на сарай, приспособленный къ извѣстному случаю, и названіе залы, напримѣръ, ужъ никакъ не могло идти къ ней... Кирпичный полъ, покрытый только въ средней части грубымъ краснымъ сукномъ; неуютно разставленные въ два ряда столики и кресла; темный деревянный потолокъ, подъ которымъ висѣло нѣсколько большихъ фонарей; окна, вмѣсто стеколъ затянутыя какимъ-то пестренькимъ ситцемъ,—все это было убого и грязно на видъ. Комнату еще нѣсколько скрашивали два большихъ европейскихъ зеркала, стоявшія въ видѣ экрановъ на полу

по сторонамъ кана, да нѣкоторыя украшенія на стѣнахъ, напримѣръ красивыя доски краснаго или голубаго цвѣта съ написанными на нихъ двумя-тремя китайскими знаками, вставленныя въ золоченыя рамы. Боковыя стѣны были сплошь покрыты картинами и рукописями, сдѣланными на продольной бумагѣ,—одно изъ самыхъ обычныхъ украшеній китайскихъ комнатъ.

Во все время нашего визита, изъ-за ширмъ, которыми была заставлена лѣвая входная дверь, слышался шепотъ нѣсколькихъ голосовъ, невольно заставлявшій поворачивать къ нимъ голову и стараться разглядѣть тѣхъ, кому они принадлежали; но ничего нельзя было увидать, кромѣ блестѣвшихъ въ щелочкахъ черныхъ глазъ, очевидно разсматривавшихъ насъ съ полнымъ удобствомъ. По временамъ съ той или другой стороны показывалась на мгновеніе то одна, то другая женская головка, широкій рукавъ женскаго платья или край разноцвѣтной шелковой юпки. За ширмами, безъ сомнѣнія, помѣстились заранѣе любопытныя дочери Евы, чтобы также посмотрѣть на заѣзжихъ издалека гостей. Какъ же, въ самомъ дѣлѣ, имъ было не посмотрѣть на русскихъ офицеровъ!...

До Ли уже дошла вѣсть о моемъ художественномъ талантѣ и онъ обратился ко мнѣ съ просьбою „нарисовать ему на память поѣздъ желѣзной дороги, а также, если у меня есть время, сдѣлать его портретъ“. Я съ удовольствіемъ обѣщалъ исполнить то и другое, и затѣмъ мы отправились въ обратный путь.

На другой день посланный извѣстилъ, что Дао-Тай будетъ у насъ. Этого знакомаго читателямъ мандарина принимали въ домѣ нашего вице-консула. Пріѣхавъ, онъ передалъ, что явился къ намъ съ засвидѣтельствованіемъ почтенія Ли-Да-Чэнь, а также съ извиненіями и выраженіемъ сожалѣнія, что по причинѣ нездоровья самъ онъ у насъ быть не можетъ. Дао-Тай просидѣлъ съ полчаса и объявилъ между прочимъ, что намъ будетъ дана для сопровожденія по рѣкѣ Хань военная лодка.

Г. Ивановъ угощалъ его шампанскимъ, которое мандаринъ пилъ съ видимымъ удовольствіемъ, но все время сохранялъ серьезный, даже нѣсколько натянутый видъ; вообще онъ должно быть не прочь нѣсколько поважничать невинно. Напримѣръ, когда курилъ, онъ никогда самъ не бралъ трубки въ руки, а одинъ мандаринъ подносилъ ее ему съ боку и держалъ, пока тотъ тянулъ изъ нея дымъ. Но увы, важный видъ и сознаніе собственнаго достоинства не помѣшали этому генералу нѣсколько

разъ въ теченіе визита громко рыгнуть и одинъ разъ встать и плюнуть въ большую фарфоровую вазу, стоявшую какъ украшеніе около камина.

Когда онъ собрался уѣзжать, мы вышли проводить его, и тутъ я увидѣлъ, какая многочисленная и многосложная свита сопровождала его. Мнѣ стало совершенно понятно, какимъ образомъ эта свита растягивается, какъ разсказывали, на такое пространство, что иногда случается, что голова процессіи уже достигаетъ дома, въ который мандаринъ отправляется съ визитомъ, а онъ самъ еще изъ дому на улицу не выѣхалъ. Такъ бываетъ, когда разстояніе не особенно велико.

Зрѣлище, представляемое *офиціальной свитой китайскаго мандарина,* прелюбопытное и я, воспользовавшись тѣмъ, что Дао-Тай поѣхалъ отъ насъ къ американскому консулу, схвативъ альбомъ, поспѣшно отправился въ домъ Шевелева, мимо котораго онъ долженъ былъ проѣхать на обратномъ пути, и здѣсь съ балкона успѣлъ набросать всю ее въ полномъ составѣ. Вотъ она идетъ.

Впереди важно шагаютъ восемь мальчишекъ, по четыре въ два ряда, со значками въ родѣ нашихъ военныхъ, которые они несли на плечахъ, какъ ружья.

На нѣкоторомъ разстояніи другіе восемь, также въ два ряда, съ досками краснаго цвѣта, въ родѣ большихъ лопатъ, на которыхъ изображены крупными черными буквами чинъ и другія достоинства мандарина.

За ними идутъ четыре палача, по два въ рядъ; первые два стучали въ мѣдныя „ло“, а два другихъ были вооружены плетьми, которыми немедленно наказывается какой-нибудь ослушникъ, или зазѣвавшійся и неуступившій во время дороги. Кромѣ плетей, предназначавшихся для публики, они несутъ въ рукахъ цѣпи, имѣющія назидательное значеніе для самого Дао-Тая: онѣ должны напоминать ему, что, въ случаѣ какой-нибудь несправедливости или вообще нарушенія закона, онъ самъ можетъ быть закованъ въ цѣпи. (И въ Китаѣ это не одна парадная гримаса, не есть только декорація,—нѣтъ, такія цѣпи не разъ побывали на шеяхъ, рукахъ и ногахъ въ чемъ-либо провинившихся сановниковъ, и впослѣдствіи мнѣ самому пришлось увидать одного изъ нихъ въ такомъ положеніи.)

За палачами слѣдуютъ два человѣка, которые несутъ по очереди большой красный зонтъ. Имъ защищаютъ мандарина отъ

солнца, если бы онъ пожелалъ пройтись и, кромѣ того, висящая вокругъ тройная оборка такого же цвѣта есть знакъ извѣстнаго достоинства.

За ними идутъ двое другихъ съ такъ-называемымъ „вѣеромъ скромности“. Это родъ большаго нескладывающагося вѣера, назначеніе котораго состоитъ въ томъ, чтобы закрывать имъ особу, въ случаѣ если бы она пожелала перемѣнить въ дорогѣ платье на болѣе теплое или болѣе прохладное, смотря по застигшей ее въ дорогѣ перемѣнѣ погоды[1]). Во что же онъ будетъ переодѣваться? Развѣ съ нимъ платье есть?—спроситъ читатель... Какъ же! Съ запасомъ его четырьмя солдатами несется на коромыслѣ сундукъ порядочной величины.

За людьми съ сундукомъ слѣдуетъ конвой изъ восьми человѣкъ пѣшихъ солдатъ.

Позади ихъ на нѣкоторомъ разстояніи идутъ опять двое съ краснымъ зонтомъ, но не съ тройной, а съ двойной оборкой.

За ними вторая эскорта въ восемь человѣкъ пѣшаго конвоя, предшествующая носилкамъ, которыя несутъ не четыре, а восемь человѣкъ солдатъ.

Въ нихъ уже сидитъ Дао-Тай, а за носилками ѣдутъ верхомъ шесть человѣкъ свитскихъ мандариновъ, заключающихъ торжественное шествіе.

Итого, слѣдовательно, сорокъ восемь человѣкъ сопровождаютъ одного вельможу. „Неужели же вся эта ватага людей содержится собственно для этой цѣли?“—естественно раждается вопросъ. Нѣтъ, это дѣлается проще: солдаты наряжаются изъ мѣстныхъ войскъ, а мальчишки сзываются съ улицы за ничтожную плату. Постоянно имѣется только форменное платье для послѣднихъ.

Такъ проходили въ Хань-Коу наши дни. Погода, несмотря на зимнее время, стояла бо́льшею частью хорошая и настолько теплая, что я ходилъ въ одномъ сюртукѣ и могъ свободно работать на открытомъ воздухѣ, а въ солнечные дни даже бывало нѣсколько жарко; но перепадали и дождливые, холодные дни; показывался даже снѣгъ. Въ такую погоду улицы значительно пустѣли, потому что китайцы больше всего не любятъ дождя и воды вообще; мнѣ разсказывали, что самымъ вѣрнымъ и самымъ

[1]) Этимъ вѣеромъ также закрываютъ другъ отъ друга мандариновъ, въ случаѣ встрѣчи съ другою такою же процессіей, чтобъ не заставлять ихъ выходить изъ паланкиновъ и раскланиваться.

употребительнымъ средствомъ положить конецъ дракѣ двухъ китайцевъ, когда ничто другое не помогаетъ, служитъ ведро воды, вылитое на дерущихся. Враги сейчасъ же бросаютъ другъ друга и начинаютъ отряхиваться, вытираться и обсушиваться.

27-го ноября всѣ были заняты наблюденіемъ надъ прохожденіемъ Венеры черезъ дискъ солнца, что̀ дѣлали какъ при помощи закопченыхъ стеколъ, такъ посредствомъ другаго простаго способа,—при помощи таза съ водою, въ которой отражалось солнце. На это отраженное изображеніе его можно было безъ особаго утомленія глазъ смотрѣть довольно долгое время, и темная точка на солнечномъ дискѣ была видна совершенно отчетливо. Этого способа я раньше не зналъ.

Продолжая заниматься дома чтеніемъ сочиненій о Китаѣ, я знакомился понемногу съ китайскимъ языкомъ, а въ свободное время ѣздилъ въ У-Чанъ-Фу для срисовыванія видовъ города и различныхъ частей *дома генералъ-губернатора*, гдѣ мгновенно являлось къ моимъ услугамъ все, что̀ бы я ни спросилъ, и даже то, чего я не спрашивалъ, какъ чай, вино и разныя угощенія. Около меня всегда собиралась толпа зрителей, но не такая многочисленная, какъ на улицѣ, и гораздо болѣе учтивая; изъ кого она состояла, я не зналъ, потому что мандариновъ, когда они не въ парадномъ платьѣ, никакъ не отличишь по внѣшнему виду отъ обыкновенныхъ, порядочно одѣтыхъ людей, что̀ весьма непріятно въ томъ отношеніи, что не знаешь, какъ съ кѣмъ себя держать, а въ азіатскихъ странахъ это гораздо важнѣе, чѣмъ въ Европѣ.

Однажды я расположился на дворѣ, чтобъ нарисовать амфиладу воротъ между вторымъ, третьимъ и четвертымъ дворами, для чего попросилъ растворить всѣ ихъ. Просьбу тотчасъ исполнили, но не иначе, какъ съ разрѣшенія кого-то изъ мандариновъ, такъ какъ это было нѣкоторымъ нарушеніемъ обычныхъ порядковъ, потому что въ обыкновенное время ворота бываютъ затворены, кромѣ правой боковой двери, оставляемой для постояннаго сообщенія живущихъ здѣсь [1]).

Толпа, увидавъ меня съ улицы, ворвалась во дворъ и облѣпила меня съ трехъ сторонъ съ страстнымъ желаніемъ посмотрѣть, что̀ я буду дѣлать. Они невольно стали мнѣ мѣшать работать и, не явись полицейскій съ плетью, зрители навѣрно рас-

[1]) Въ лѣвую же проводятся только подсудимые и преступники.

положись бы и передо мною и закрыли бы то, на что я долженъ былъ смотрѣть. Рядомъ со мной сидѣлъ Шевелевъ, почти всегда сопровождавшій меня, и отъ времени до времени сообщалъ мнѣ, о чемъ шелъ разговоръ въ толпѣ. Послѣдній все время вращался на рисункѣ: его то хвалили, то корили, то удивлялись и наслаждались. Когда же мнѣ приходилось изображать доски съ китайскими буквами, я нѣкоторыя изъ нихъ копировалъ точно, а очень сложнымъ только подражалъ, чтобъ получить лишь общее сходство. Первыя буквы китайцы читали вслухъ, когда же доходили до тѣхъ, которыхъ прочесть было невозможно, они говорили между собою: „онъ (т.-е. я) попробовалъ было писать по нашему, но, должно быть, трудно показалось и онъ свои буквы написалъ“. То-есть не точно написанныя китайскія буквы они считали за русскія. Наивность нѣкоторыхъ изъ нихъ доходила еще до бо́льшихъ размѣровъ. Шевелеву случалось иногда обратиться съ китайской рѣчью къ кому-нибудь изъ стоявшихъ. Тотъ въ первую минуту изумится, раскроетъ глаза, слушаетъ, что̀ говоритъ заморскій человѣкъ, и потомъ вдругъ, расхохотавшись чуть не до слезъ, объявляетъ своимъ сосѣдямъ, что у заморскихъ людей языкъ такой же, какъ у нихъ, китайцевъ, что рѣшительно все понимать можно; напримѣръ, по нашему фу-цинь (отецъ) и по ихнему фу-цинь; по нашему—янь (табакъ) и по ихнему—янь и т. д.

Разумѣется, такимъ простодушіемъ отличались только люди совсѣмъ небывалые, деревенскіе, которые, разговорившись съ заморскимъ человѣкомъ, съ удивленіемъ узнавали отъ него, что и у насъ есть солнце, луна, есть лѣса, горы и что все это—такое же, какъ у нихъ.

Между зрителями, собиравшимися вокругъ меня на этомъ дворѣ, являлись и представители китайской аристократіи; такъ, однажды приходилъ сынъ генералъ-губернатора съ своимъ дядькой, — хорошенькій мальчикъ, нѣжный и бѣлый съ черными, какъ бархатъ, глазами; приходилъ генералъ-губернаторскій братъ, очень важный на видъ, съ лицомъ постоянно серьезнымъ и неподвижнымъ, какъ мраморное изваяніе. При его первомъ появленіи толпа робко зашевелилась, притихла, и многіе даже убрались, по добру-по здорову, сами; а остальныхъ прогнали полицейскіе.

Когда я окончилъ рисунокъ, мандарины, бывшіе около меня, попросили позволенія показать его Ли-Да-Чэню, а насъ съ Ше-

велевымъ пригласили въ пріемный залъ, гдѣ предложили выпить вина и закусить. Сюда пришелъ старшій сынъ Ли; онъ самъ принесъ мой рисунокъ, а также альбомъ съ рисунками, какъ оказалось, своей работы и просилъ меня принять его о немъ на память. Въ нихъ проглядывалъ несомнѣнный талантъ и огромное терпѣніе; но пріемъ и манера были китайскіе, т.-е. по-нашему никуда не годные. Я отдарилъ его однимъ изъ своихъ рисунковъ, сдѣлавъ дома копію съ того, который ему наиболѣе нравился. Во все остальное время дня онъ не отходилъ отъ меня и съ большимъ вниманіемъ слѣдилъ за моей работой. Нѣсколько разъ приходилъ самъ Ли, также живо интересовавшійся рисованьемъ и повторилъ просьбу насчетъ своего портрета. Мы условились относительно дня, въ который я пріѣду исключительно для этой цѣли.

Мало-по-малу я переносилъ на бумагу всѣ мѣста и предметы китайскаго быта, стараясь не оставить ничего забытымъ или недостаточно объясненнымъ, и для этой цѣли старался проникать всюду, куда было возможно. Здѣшній садъ при казенномъ домѣ генералъ-губернатора очень симпатиченъ, но въ настоящее время бѣденъ зеленью, такъ какъ многіе деревья и кустарники стоятъ совсѣмъ безъ листьевъ. А лѣтомъ онъ, съ своими маленькими прудами и перекинутыми черезъ нихъ мостиками съ бесѣдками, украшенными разноцвѣтными фонарями, съ затѣйливыми тѣнистыми дорожками, гротами и бамбуковыми рощицами, долженъ быть очень милъ.

Двадцать девятаго ноября насъ ожидало новое интересное зрѣлище—*ученье китайскимъ войскамъ*. Такъ какъ оно дѣлалось по нашей просьбѣ и нарочно для насъ, такъ какъ китайскіе офицеры, мы знали, будутъ въ полной формѣ, то мы отправились въ лагерь также въ мундирахъ.

Лагерь мѣстныхъ войскъ находится на правомъ берегу Янъ-Цзы не подалеку отъ г. У-Чанъ-Фу.

День былъ превосходный. Въ просторной лодкѣ съ шестью гребцами переправились мы на противоположную сторону, гдѣ насъ встрѣтили на берегу нѣсколько мандариновъ, одинъ даже съ краснымъ шарикомъ, и мы вмѣстѣ отправились пѣшкомъ въ лагерь, до котораго отъ пристани было съ четверть версты. За нами собралась порядочная толпа народа, но она держала себя весьма скромно. Поднявшись на одинъ пригорокъ, мы увидали ряды выстроенныхъ солдатъ, въ одеждѣ которыхъ сильно пре-

обладалъ ярко-красный цвѣтъ, и въ эту минуту раздались одинъ за другимъ три салютныхъ выстрѣла изъ пушекъ.

Невдалекѣ отъ насъ протянулась за деревьями бѣлая стѣна лагеря и, войдя въ ея ворота, мы вступили на длинный узкій дворъ, по обѣимъ сторонамъ занятый выстроившимися солдатами съ длинными пиками, поставленными „къ ногѣ“. Въ глубинѣ двора насъ встрѣтилъ начальникъ мѣстныхъ войскъ, важный генералъ Лю, что̀ узнается потому, что онъ въ желтой атласной куртк̀ѣ; поверхъ послѣдней на немъ была надѣта другая теплая, мѣхомъ наружу. Его веселое привѣтливое лицо, скромность и любезное обращеніе сразу располагали въ его пользу. Онъ пригласилъ насъ въ комнату, такую маленькую и невзрачную, что ее скорѣе можно назвать сарайчикомъ или кладовой.

Мы думали, что сейчасъ и отправимся на разводъ, а оказалось, что насъ намѣрены покормить сначала: посрединѣ комнатки стоялъ столъ съ чаемъ, европейскими винами, портеромъ и китайскимъ завтракомъ. Приборы были европейскіе. Тотчасъ пригласили къ столу, начали ѣсть и пить, и я сказалъ бы—бесѣдовать, если бы разговоръ шелъ не черезъ переводчика. Говорилъ нашъ начальникъ, а мы слушали да наблюдали; сегодня этотъ разговоръ былъ съ самаго начала дѣловой, спеціальный, состоявшій изъ вопросовъ въ родѣ того, когда офицеры и солдаты получаютъ жалованье и въ какомъ размѣрѣ; какъ часто солдаты мѣняютъ бѣлье и т. п. Я уже этого не буду касаться. Мы прочтемъ объ этомъ въ спеціальномъ сочиненіи Сосновскаго, а я буду продолжать разсказъ о предметахъ.

При концѣ завтрака въ комнату вошли нѣсколько мандариновъ, и всѣ преклонились передъ Лю на одно колѣно. Онъ отвѣтилъ поднятіемъ своихъ сложенныхъ рукъ ко лбу и потомъ представилъ ихъ намъ. Это были здѣшніе офицеры. Между ними одинъ невольно обращалъ на себя вниманіе своею прекрасною наружностью: на его лицѣ выражались благородство, отвага, умъ и доброта; всѣ движенія его были граціозны, манеры просты, но чрезвычайно изящны. Мнѣ очень понравились костюмы китайскихъ офицеровъ; по моему, они очень красивы, но, должно быть, вообще не особенно удобны, а для военныхъ людей въ особенности. Кромѣ того, платье ихъ было, по нашему, слишкомъ тепло для настоящаго времени: они были въ сукнѣ, ватѣ и мѣхахъ, тогда какъ намъ въ однихъ мундирахъ было скорѣе жарко. Офицеры являлись за распоряженіемъ и, получивъ его, вышли изъ комнаты.

Тотчасъ военная труба сыграла хриплымъ голосомъ сигналъ; солдаты на дворѣ зашевелились, распустили флаги и пошли изъ лагеря. Вскорѣ и мы отправились вслѣдъ за ними вмѣстѣ съ генераломъ Лю, и черезъ нѣсколько минутъ передъ нами открылась интересная и великолѣпная картина.

На длинномъ возвышеніи, тянувшемся около лагеря параллельно рѣкѣ, образовалась длинная аллея изъ людей и волновавшихся отъ вѣтра разноцвѣтныхъ шелковыхъ флаговъ, которые они держали въ рукахъ. По другую сторону возвышенія, ниже его, были разсыпаны по площадкѣ до самой рѣки группы солдатъ въ своихъ яркоцвѣтныхъ курмахъ. Широкая, какъ озеро, рѣка была спокойна и свѣтла, и за ней въ туманѣ рисовался берегъ съ городами Хань-Коу и Хань-Яномъ и береговыми возвышенностями, увѣнчанными кумирнями.

Опять проиграла труба; взвилась ракета въ видѣ бѣлой змѣйки и дробь выстрѣловъ прокатилась по всѣмъ рядамъ отъ одного фланга до другаго. Вслѣдъ за тѣмъ пошла отдѣльная перестрѣлка то въ томъ, то въ другомъ мѣстѣ. Потомъ начались разныя, мало понятныя для меня, примѣрныя военныя дѣйствія, наступленія, передвиженія и т. п. Сигналы и команда производились посредствомъ маханій и наклоненій нѣсколькихъ флаговъ, находившихся неподалеку отъ главнокомандующаго. Это очень красиво, но не знаю—насколько практично. Но и не спеціалисту въ военномъ дѣлѣ легко замѣтить, что многое въ китайской арміи непрактично, и для настоящаго, то-есть боеваго, назначенія негодно,—напримѣръ, оружіе, трубы, платье и множество ни на что ненужныхъ знаменъ. За то какъ все эффектно и живописно. Передо мною, можно сказать, была декорація изъ какой-нибудь фантастической оперы, даваемой на открытомъ воздухѣ... И по окончаніи ея мы возвратились домой.

Вотъ и первый зимній мѣсяцъ наступилъ... Я написалъ въ своей памятной книжкѣ—1 декабря, отмѣтилъ температуру, а самому плохо вѣрится, что это правда,—такъ эти рядомъ стоящія слова и цифры необычайны для насъ, жителей сѣвера: въ самомъ дѣлѣ, только семь часовъ утра, а термометръ показываетъ восемь градусовъ тепла; дверь изъ комнаты на балконъ открыта, небо голубое, солнце сіяетъ. Какое же это 1-е декабря! Днемъ напримѣръ было 18 градусовъ тепла...

Мы ожидали сегодня визита генерала Лю. Говорятъ, онъ уже пріѣхалъ. Я вышелъ изъ своей комнаты, но вижу, что его еще

нѣтъ; до насъ дошла только сопровождавшая его большая свита изъ солдатъ, вооруженныхъ холоднымъ оружіемъ, и они громкими криками,—„вельможа ѣдетъ!“—дали знать, что генералъ Лю имѣетъ сейчасъ прибыть. Солдаты выстроились въ два ряда вдоль улицы, воткнувъ въ землю свои алебарды и пики. Лю, какъ военный генералъ, пріѣхалъ верхомъ, но на улицѣ у воротъ нашего дома онъ пересѣлъ въ носилки, слѣдовавшія за нимъ, и въ нихъ его пронесли черезъ дворъ и внесли на крыльцо.

Мы ожидали гостя, и завтракъ былъ готовъ, такъ что мы тотчасъ пригласили его къ столу и за ѣдой бесѣдовали. Лю былъ очень симпатичный человѣкъ, и хотя частый смѣхъ есть вообще плохая рекомендація, но нѣтъ правила безъ исключенія, а кромѣ того, онъ смѣялся такимъ задушевнымъ и заразительнымъ смѣхомъ, что послѣдній вовсе не производилъ непріятнаго впечатлѣнія, и не отвѣчать на него было невозможно, хотя причина смѣха и не всегда бывала извѣстна, хотя ея иногда, казалось, вовсе не было. Такъ, напримѣръ, Лю расхохотался самымъ веселымъ смѣхомъ, когда я прочелъ ему два китайскихъ іероглифа изъ надписи на чашкѣ.

Содержательныхъ разговоровъ,—читатель уже знаетъ самъ,—опять никакихъ не было. Онъ знаетъ и причины, почему не было: потому что тѣ, кому принадлежало по преимуществу право бесѣды, не пользовались имъ; а другіе, послѣ того, какъ ихъ право слова было не разъ ограничено, растеряли свои мысли и не могли ихъ собрать даже тогда, когда первые призывали ихъ на помощь въ дѣлѣ заниманія гостя... Да, „плохія пѣсни соловья въ когтяхъ у кошки“, сказалъ Иванъ Андреевичъ въ своей баснѣ...

Однако мы засидѣлись въ Хань-Коу гораздо дольше, чѣмъ объявилъ нашъ начальникъ, и полное невѣдѣніе того, скоро ли мы поѣдемъ, или еще долго пробудемъ здѣсь, ужасно мѣшало мнѣ предпринять что-нибудь, напримѣръ экскурсію въ окрестности Хань-Коу,—и потому, хотя я и ни минуты не сидѣлъ празднымъ, дѣлалось лишь то, что̀ было подъ рукой. А подъ рукой былъ китайскій городъ, переполненный интересными предметами всякаго рода.

Въ одну изъ моихъ прогулокъ я забрелъ въ упомянутый выше Цзянъ-Си'скій клубъ, или Вань-Шоу-Гунъ, и былъ пораженъ красотою его храма, театра и сада.

Достаточно увидать что-либо подобное человѣку, владѣющему красками, чтобы не уйти изъ этого мѣста, не срисовавъ ихъ для

того, чтобы имѣть возможность познакомить съ ними своихъ соотечественниковъ. И я нѣсколько дней кряду приходилъ сюда по утрамъ съ рисовальными принадлежностями и завтракомъ въ карманѣ; но матеріала въ этомъ учрежденіи хватило бы на мѣсяцъ. Сколько здѣсь интересныхъ видовъ, какое множество не менѣе интересныхъ подробностей!..

Но что̀ дѣлаютъ китайцы съ своими лучшими произведеніями архитектуры!.. Они не только не строятъ ихъ на видныхъ мѣстахъ, а еще закрываютъ ихъ со всѣхъ сторонъ такими высокими стѣнами, что изъ-за нихъ даже крышъ нельзя ни откуда видѣть. Вы можете пройти сто разъ мимо, напримѣръ, этого великолѣпнаго храма и вовсе не подозрѣвать его существованія тутъ вблизи, рядомъ съ вами. Чтобъ попасть въ него, вы должны войти съ улицы въ длинный и узенькій переулочекъ, проходящій между двумя высочайшими стѣнами, пройти по немъ до рѣшетчатой двери, которою переулочекъ замыкается; потомъ войти въ эту дверь и, только повернувъ налѣво, вступите въ обнесенное высокими стѣнами пространство, гдѣ глазамъ тотчасъ представится великолѣпный храмъ, внутри котораго вы неожиданно очутитесь. При немъ чистый, вымощенный кирпичными плитами дворъ; по другую сторону, противъ храма, театральная сцена, по бокамъ ея ложи, бесѣдки, башни; а въ другомъ отдѣленіи устроенъ садъ съ извѣстными принадлежностями китайскаго вкуса.

Когда я пришелъ было сюда въ первый разъ, строгій привратникъ не впустилъ меня внутрь; почему я не могъ узнать,— онъ даже денегъ не хотѣлъ взять; но потомъ Дао-Тай отдалъ распоряженіе, чтобы для меня всѣ двери всегда были открыты, и тогда я такъ же спокойно располагался здѣсь съ своей работой, какъ дома. Сначала я думалъ, что мое рисованье въ храмѣ будетъ оскорблять религіозное чувство туземцевъ, но скоро убѣдился, что никакихъ у нихъ этихъ религіозныхъ чувствъ по отношенію къ храму нѣтъ. Храмъ всегда оставался пустъ, и лишь изрѣдка въ него заходили по одному или по нѣскольку человѣкъ мужчинъ и женщинъ, но гораздо рѣже для молитвы, чѣмъ просто для того, чтобъ походить или посидѣть въ покойномъ и прохладномъ мѣстѣ, покурить на досугѣ трубочку, поболтать, а то и побороться съ пріятелемъ, а очень можетъ быть, чтобъ и на меня поближе посмотрѣть. Иногда еще сюда приходили вопрошать судьбу или боговъ, то-есть гадать съ помощью одного изъ священниковъ, живущихъ при храмѣ; и про нихъ можно также

сказать, что они относятся къ своей святынѣ столь же безцеремонно, какъ и публика: тутъ они и трубки курятъ, и чай пьютъ, лапшу сушатъ, сучатъ нитки изъ шелку и т. п. Такъ какъ храмъ открытъ, то птицы свободно влетаютъ въ него, и нѣкоторыя даже свили себѣ гнѣзда въ удобныхъ уголкахъ. Собаки безпрепятственно расхаживаютъ вездѣ, и, разумѣется, эти посѣтители не способствуютъ поддержанію въ храмѣ чистоты. Да и люди не лучше. Въ углахъ нерѣдко лежалъ всякій неубранный соръ и грязь, и нельзя равнодушно смотрѣть на подобную неряшливость и такое отсутствіе уваженія къ мѣсту все же молитвы.

Я сказалъ, что въ этомъ храмѣ интересенъ каждый уголокъ,—идолы и бесѣдки или алтари, въ которыхъ они помѣщаются, фонари, жертвенные столы, съ такими же сосудами, колонны, стѣны, балюстрады; всего же живописнѣе въ нихъ деревянные карнизы и крыши изъ фарфоровой эмальированной черепицы. Послѣдняя имѣла самые чистые цвѣта,—бѣлый, желтый, розовый и голубой, и была расположена рядами, образуя тотъ или другой рисунокъ. Кромѣ этой черепицы полуцилиндрической формы, въ составъ отдѣлки крышъ входили различныя, также фарфоровыя, украшенія, въ видѣ изразцовъ и разныхъ фигуръ, разставленныхъ на гребняхъ и по угламъ крышъ. Изразцами были украшены и карнизы стѣнъ.

Во время моихъ нѣсколькихъ посѣщеній этого учрежденія со мною, разумѣется, перезнакомились всѣ живущіе при немъ китайцы, и они чрезвычайно заботливо ухаживали за мной, осыпая меня комплиментами за мое, словно не вѣсть какое, искусство.

Отправляясь въ Вань-Шоу-Гунъ и возвращаясь домой, я по пути заходилъ иногда въ лавки, кондитерскія, мастерскія, или на фабрики, гдѣ приготовляются разные предметы необходимости и роскоши. Я не стану разсказывать всего видѣннаго мною, а ограничусь лишь нѣкоторыми, болѣе оригинальными способами производства. Напримѣръ, способъ приготовленія китайцами *сальныхъ свѣчей* съ восковой оболочкой рѣзко отличается отъ нашего.

Вопервыхъ, свѣтильнями въ нихъ служатъ высушенные стебли одного растенія въ родѣ полыни, обернутые хлопчатобумажными нитками или сердцевиной другаго растенія, отчасти похожей на сердцевину бузины. Эти стебли навѣшиваются на горизонтальное колесо, устроенное надъ чаномъ, въ которомъ разогрѣвается сало. Когда колесо опустятъ внизъ, всѣ свѣтильни погружаются въ сало, и въ такомъ положеніи ихъ оставляютъ на столько времени,

чтобъ оно успѣло остыть и загустѣть; тогда колесо поднимаютъ на прежнюю высоту, сало прилипаетъ къ каждой свѣтильнѣ довольно толстымъ слоемъ, и свѣчи готовы. Остается только облить ихъ растопленнымъ воскомъ бѣлаго или краснаго цвѣта, что дѣлается для того, чтобы свѣчи не плыли, когда горятъ. Это обливаніе дѣлается просто ложкой надъ котелкомъ каждой свѣчи отдѣльно. При такомъ способѣ приготовленія свѣчей величина и форма ихъ получается совершенно случайная, но въ общемъ онѣ очень близко похожи одна на другую, и по виду, и по вѣсу. Торчащая снизу часть палочки, непокрытая саломъ, служитъ для укрѣпленія свѣчи въ землѣ, подсвѣчникѣ, или фонарѣ.

Двѣсти гинъ сала (около 350 фунтовъ) даютъ 2000 свѣчей, которыя изготовляются въ одинъ день тремя рабочими... Процедура эта не требуетъ никакихъ особыхъ зданій, а можетъ производиться въ каждомъ обыкновенномъ домѣ, требуя самыхъ нехитрыхъ приспособленій. Правда, что и свѣчи выходятъ плохія, горятъ тускло, коптятъ и требуютъ частаго сниманія нагорѣвшей свѣтильни, что китайцы дѣлаютъ просто руками, сбивая или бросая ее на полъ, причемъ распространяется извѣстный противный смрадъ горящаго сала. Тѣмъ не менѣе такія свѣчи жгутся и въ домахъ вельможъ,—я бы сказалъ, за неимѣніемъ лучшихъ, если бы не видалъ употребленія туземныхъ свѣчей важными мандаринами даже въ тѣхъ городахъ, гдѣ всегда имѣются въ продажѣ европейскія стеариновыя свѣчи; но они почти не прививаются у китайцевъ, можетъ быть въ силу привычки ко всему своему; можетъ быть они не покупаютъ ихъ по принципу, или находятъ слишкомъ дорогими. Въ Китаѣ есть еще свѣчи, приготовляемыя изъ растительнаго воска и сала, добываемыхъ изъ такъ называемаго восковаго дерева (бай-ла-шу) и сѣмянъ сальнаго дерева; но онѣ мало употребительны, потому что однѣ дороже, а другія и горятъ не лучше.

Весьма интересно наблюдать за изготовленіемъ ремней для обуви, очень разнообразныхъ лакомствъ, дамскихъ украшеній изъ голубыхъ перьевъ зимородка; за рѣзьбою печатей и книгъ на деревѣ, изготовленіемъ циновокъ изъ пальмовыхъ листьевъ и бамбука, дѣланіемъ рисовальныхъ и писчихъ кистей. Но я не стану входить въ описаніе этихъ ремеслъ, потому что оно заняло бы чрезвычайно много мѣста; скажу только, что кромѣ извѣстнаго всѣмъ китайскаго терпѣнія, я часто изумлялся ловкости рукъ

этихъ людей, доходящей иногда до точности и быстроты просто машинной работы.

Говоря о ремеслахъ, нельзя не упомянуть объ одномъ драгоцѣнномъ матеріалѣ, которымъ природа въ изобиліи надѣлила Китай. Это—*бамбукъ*.

Кто незнакомъ съ бамбукомъ, кто не держалъ въ своихъ рукахъ какой-нибудь вещицы, или просто хоть палочки или пластинки изъ этого замѣчательнаго по своей полезности дерева? Всего, что̀ выдѣлывается въ Китаѣ изъ одного бамбука, и не пересчитать скоро: дома, посуда, мебель, музыкальные инструменты, бумага, палочки для ѣды, шляпы, фонари, вѣера, циновки, рѣшета и сита, веревки, орудія наказанія, паланкины, лѣтнія подушки, и проч., и проч. Все это выдѣлывается исключительно изъ этого драгоцѣннаго дерева, которое крѣпко, какъ желѣзо, когда вы захотите переломить или перерѣзать его поперекъ, и въ то же время чрезвычайно легко раскалывается вдоль даже на самыя тончайшія волокна. Молодые ростки его, напоминающіе отчасти спаржу, только гораздо бо́льшихъ размѣровъ, употребляются въ пищу, и на мой вкусъ несравненно вкуснѣе первой; а выросши онъ крѣпокъ, говорю, какъ желѣзо, и иногда его также обрабатываютъ при помощи огня... Когда, напримѣръ, бамбуковую палочку или пластинку нужно выгнуть такъ или иначе, ее подогрѣваютъ надъ угольями и при помощи дощечки съ вырѣзкой на одномъ боку и щипцовъ ей даютъ какую угодно кривизну, затѣмъ быстро охлаждаютъ, и бамбукъ, теряя въ подогрѣтомъ мѣстѣ упругость, сохраняетъ данную ему форму. Но крѣпость бамбука, подобная желѣзу, не мѣшаетъ тому, что изъ него люди дѣлаютъ подушки! Вотъ какъ онѣ приготовляются: ихъ или плетутъ изъ тонкихъ пластинокъ, которыми обтягивается каркасъ той или иной формы, сдѣланный также изъ бамбуковыхъ палочекъ, или дѣлаютъ изъ него тонкія упругія пластинки, которыя, подобно выпуклымъ рессорамъ, вставляются въ рамки, поставленныя на ножки. Получаются собственно подставки подъ голову, которыя употребляются китайцами дома или въ дорогѣ въ лѣтнее время, когда сильный зной дѣлаетъ непріятнымъ и почти невыносимымъ продолжительное прикосновеніе къ чему-либо мягкому. Эти же подушки легки, проницаемы для воздуха, и потому всегда прохладны, то-есть нисколько не согрѣваютъ сами.

И какъ дешевы всѣ эти бамбуковыя издѣлія: по своей цѣнѣ они доступны для самаго бѣднѣйшаго человѣка. Да и не мудре-

но, потому что природа весьма щедро надѣлила Китай этимъ драгоцѣннымъ матеріаломъ, а также ловкими и алчущими работы руками.

Да, эти руки алчущія работы... Что можно было бы создать,—не разъ приходило мнѣ въ голову,—если бы умѣючи и широко воспользоваться всѣми рабочими силами китайцевъ! И какъ жаль, что многіе изъ нихъ остаются безъ дѣла, потому что послѣдняго не хватаетъ на всѣхъ. Это тѣмъ болѣе жаль, что китайцы работаютъ не только ради заработка и куска хлѣба, а нерѣдко влюбляются въ свою работу, наслаждаются ею, какъ художники, какова бы она ни была. Я это много разъ видѣлъ и смѣло говорю,—у такихъ людей будущее есть.

Всѣмъ извѣстная *дешевизна труда въ Китаѣ* особенно велика въ зимнее время, когда нѣтъ работъ на поляхъ. Въ Хань-Коу, напримѣръ, итальянскіе миссіонеры, съ нѣкіимъ патеромъ Анджелло во главѣ, приступали, въ бытность мою тамъ, къ постройкѣ церкви, и, во избѣжаніе опасностей отъ наводненій, рѣшили поднять почву на девять футовъ вокругъ будущаго храма. Не трудно себѣ представить, сколько потребовалось земли для этой задачи. Брать же ее и носить приходилось не ближе какъ за версту; и вся эта работа производилась исключительно людьми, при помощи корзинъ, таскаемыхъ на плечахъ. Носильщики эти, работая съ утра до ночи, получали отъ 100 до 200 чохъ, т.-е. отъ 10 до 20 копѣекъ въ день задѣльной платы! Такихъ примѣровъ можно бы привести много, да довольно и одного.

Дальше, при случаѣ, я буду говорить о цѣнности той или другой работы въ Китаѣ; а теперь, заговоривъ объ *итальянскомъ миссіонерствѣ*, скажу нѣсколько подробнѣе о немъ. Оно состоитъ, какъ всегда, изъ миссіонеровъ, миссіонерокъ,—по обыкновенію раздѣленныхъ нѣкоторымъ разстояніемъ,—и двухъ пріютовъ—дѣтскаго, и для старыхъ и убогихъ. Я нерѣдко заходилъ туда и однажды увидалъ старуху-китаянку, слѣпую вслѣдствіе катарактъ въ обоихъ глазахъ, и предложилъ возвратить ей зрѣніе посредствомъ операціи. Получивъ ея согласіе, я въ назначенный день явился и произвелъ извлеченіе катаракты, при чемъ помощникомъ моимъ былъ живущій въ Хань-Коу докторъ Ридъ, англичанинъ. Операція вполнѣ удалась; заживленіе раны въ глазу пошло отлично, и я съ нетерпѣніемъ ожидалъ, когда можно будетъ разрѣшить паціенткѣ взглянуть въ первый разъ. Но она, не дождавшись моего дозволенія, сдѣлала это сама. Сестрамъ, ходив-

шимъ за этой малоумной старухой, стоило большаго труда удержать ее въ постели, въ темной комнатѣ, и не дозволять снимать повязки, пока я не позволю. Ея желаніе скорѣе видѣть было такъ велико, что она однажды, улучивъ минуту, когда въ комнатѣ никого не было, подойдя къ окну, отдернула занавѣску и стала смотрѣть на открытый дворъ, какъ говорится, во всѣ глаза и обрадовалась, что увидала такъ много свѣту; но радость ея была непродолжительна: на слѣдующій день въ глазахъ развилось воспаленіе, и все дѣло было испорчено къ огорченію моему и сестеръ и къ позднему раскаянію неподдавшейся убѣжденіямъ старухи. Сестры особенно жалѣли о неудачѣ, потому что имъ ужасно хотѣлось убѣдить китайцевъ, что европейцы, вмѣсто того, чтобъ ослѣплять ихъ, „для добыванія“,—какъ въ темномъ народѣ ходили слухи,—„жидкостей, посредствомъ которыхъ будто бы снимаются фотографическіе портреты“, напротивъ, возвращаютъ имъ потерянное зрѣніе. Послѣ этого случая я далъ зарокъ не дѣлать больше туземцамъ такихъ операцій, послѣ которыхъ уходъ играетъ столь важную роль, какъ послѣ удаленія катаракты, напримѣръ.

Въ дѣтскомъ пріютѣ этихъ миссіонерокъ мнѣ удалось близко ознакомиться со способомъ всѣмъ извѣстнаго *уродованія ногъ китайскимъ дѣвочкамъ*.

Такъ какъ сестры миссіи не рѣшались идти противъ освященнаго вѣками и укоренившагося съ невѣроятной силой одного изъ нелѣпѣйшихъ обычаевъ—измѣнять форму ногъ, то всѣ воспитывающіяся у нихъ дѣвочки и дѣвушки безобразятъ ихъ по всѣмъ правиламъ искусства и моды. Спасибо имъ, что онѣ согласились показать мнѣ ихъ, ибо увидать разутыя ноги китаянки почти невозможно, не только европейцу, но даже китайцу. Считается ли это стыдомъ, кокетливость ли женская мѣшаетъ этому, не знаю; но второе предположеніе весьма вѣроятно, потому что обнаженная изуродованная нога дѣйствительно возбуждаетъ только чувство отвращенія. Хотя мы сами не свободны отъ нѣкоторыхъ смѣшныхъ и вредныхъ законовъ моды, мы все-таки никогда не перестанемъ дивиться этому наиболѣе безумному обычаю, лишающему человѣка одного изъ лучшихъ наслажденій въ жизни,—свободнаго и здороваго движенія.

Въ исторіи Китая не сохранилось никакихъ положительныхъ указаній на то, что̀ послужило основаніемъ этому непонятному обычаю. Говорятъ, будто бы у одной императрицы были уродли-

выя ноги отъ рожденія, и ей мало-по-малу стали подражать сначала придворныя дамы, а потомъ это перешло въ общій обычай... (Подобные примѣры вѣрноподданства въ исторіи бывали.) Есть и другое мнѣніе, которое, пожалуй, вѣроятнѣе, а именно, что ревнивые китайцы-мужья изобрѣли это, какъ средство противъ побѣговъ женъ изъ дому. Но, говорю, исторія не сохранила никакихъ точныхъ данныхъ для объясненія этого обычая, такъ какъ происхожденіе его уходитъ въ очень отдаленную эпоху. Но какъ бы это ни началось, а теперь сдѣлалось закономъ и непремѣннымъ условіемъ красоты женщины.

О томъ, какъ это дѣлается и въ чемъ состоитъ самое уродованіе, мы имѣли не совсѣмъ вѣрныя свѣдѣнія, а потому я остановлюсь на этомъ предметѣ нѣсколько подробнѣе. Были сообщенія (даже въ печати и не очень давно), въ которыхъ говорилось, что въ Китаѣ ножки маленькихъ дѣвочекъ зашиваются въ крѣпкую кожу и оставляются такъ до окончанія роста тѣла, отчего будто бы онѣ сохраняли свои первоначальные размѣры; говорилось также объ употребленіи деревянныхъ колодокъ и ломаніи или „коверканьи“ ногъ; но и то, и другое, какъ и слѣдовало ожидать, оказалось невѣрнымъ. Уродованіе ногъ достигается орудіемъ самымъ невиннымъ, а именно—простымъ бинтомъ, какой употребляется и у насъ въ хирургіи,—да еще, нужно прибавить, китайскимъ терпѣніемъ, которое оказывается могущественнѣе всякой бычачьей кожи и деревянныхъ колодокъ въ дѣлѣ борьбы съ природой.

Вотъ какъ это дѣлается. Дѣвочкѣ лѣтъ съ шести, семи,—и обыкновенно по ея собственной просьбѣ, какъ у насъ насчетъ продѣванія серегъ,—начинаютъ ежедневно забинтовывать обѣ стопы; и разъ начатое бинтованіе повторяется потомъ въ теченіе всей жизни, потому что съ прекращеніемъ его, какъ имѣются факты, природа беретъ свое, и нога распрямляется. Увивая ногу бинтомъ, стараются мало-по-малу достигнуть того, чтобы четыре меньшихъ пальца ноги подогнуть постепенно подъ подошву—это первая задача, а вторая заключается въ томъ, чтобъ укоротить стопу, притягивая пятку къ пальцамъ.

Полный успѣхъ наступаетъ лишь въ нѣсколько лѣтъ. И вотъ въ чемъ состоитъ этотъ успѣхъ, этотъ идеалъ красоты, къ которому такъ страстно стремятся Евины внучки китайской расы: вопервыхъ, нога дѣлается острою, потому что впередъ выдается только одинъ большой палецъ, да и онъ посредствомъ по-

стояннаго дѣйствія бинта превращается изъ круглаго въ остроконечный; вовторыхъ, подъемъ стопы сталъ гораздо круче,—онъ изгибается впередъ горбомъ, а пятка притянута къ пальцамъ иногда почти до полнаго соприкосновенія, причемъ на подошвѣ образуется глубокая поперечная складка.

Не трудно себѣ представить, что ходить на такихъ ногахъ совсѣмъ неудобно, тѣмъ болѣе, что ихъ кромѣ того постоянно стягиваютъ бинтомъ, отчего кровообращеніе дѣлается неправильнымъ и кожа нерѣдко изъязвляется. Но эта, въ сущности пожизненная пытка китайской женщины переносится ею не только безропотно, но еще съ любовью, съ наслажденіемъ, съ гордостью. И чѣмъ богаче женщина, чѣмъ менѣе она обязана ходить по неволѣ, чѣмъ больше у нея досуга, тѣмъ болѣе она ухаживаетъ за своими ножками, и добивается иногда такихъ блестящихъ результатовъ, что едва держится на своихъ, точно ампутированныхъ конечностяхъ, заслуживающихъ въ такомъ случаѣ почетный титулъ „золотыхъ лилій“. Малость такихъ выхоженныхъ ножекъ, когда видишь ихъ въ ботинкахъ, дѣйствительно поразительна.

Въ моей коллекціи китайскихъ вещей есть, напримѣръ, пара ботинокъ, длина которыхъ по подошвѣ равняется всего одному вершку съ четвертью, такъ что недовѣрчивый человѣкъ можетъ впасть въ сомнѣніе на счетъ того, неужели такія ботинки можетъ носить взрослая женщина. Но если вамъ, сомнѣвающійся читатель, придется побывать въ Хань-Коу, то потрудитесь отыскать тамъ одного китайца, большаго почитателя всего европейскаго и даже называющаго себя не иначе, какъ „мистеръ“ Сэнки. Познакомьтесь съ нимъ, а онъ непремѣнно представитъ васъ своей хорошенькой женѣ, мисызъ Кокъ-Синъ Сэнки; и тогда на ея ножкахъ вы увидите пару такихъ же атласныхъ, расшитыхъ золотомъ, ботинокъ, въ вершокъ съ четвертью длины, т.-е. точно такихъ, какъ находящіяся у меня, такъ какъ эти самыя ботинки принадлежали ей. Получивъ ихъ, мнѣ чрезвычайно интересно было бы увидать ея разутую ногу и снять съ нея мѣрку, но всякому легче нѣсколько разъ провалиться сквозь землю, чѣмъ разъ запнуться о подобной просьбѣ. Хотѣлось же мнѣ видѣть ея ногу, или другую такихъ же размѣровъ, для того, чтобъ убѣдиться въ томъ предположеніи, что сама нога навѣрно не показалась бы мнѣ такою маленькою, что она все-таки больше.

Впослѣдствіи, въ упомянутомъ пріютѣ, я перерисовалъ нѣсколько формъ женской ноги отъ первыхъ измѣненій ея у дѣтей до окончательнаго обезображенія у восемьнадцатилѣтней дѣвушки, съ ноги которой я сдѣлалъ гипсовую форму, и хотя она носила очень маленькія ботинки, нога ея значительно превосходила размѣры ихъ. Оказывается,—китаянки, кромѣ уменьшенія ногъ, обладаютъ еще *особеннымъ искусствомъ обуваться*. А именно, онѣ не вдѣваютъ въ ботинку всей стопы, а лишь переднюю часть, опирающуюся на внутренній, сильно покатый къ переди каблукъ, пятка же остается на вѣсу, тотчасъ за нимъ, и потомъ нога надъ ботинкой увивается лентой. Этимъ-то послѣднимъ актомъ и удается какъ можно лучше маскировать пятку, сильно притягивая ее впередъ, т.-е. къ пальцамъ.

Какъ я сказалъ, маленькія ноги есть одно изъ важнѣйшихъ условій женской красоты въ Китаѣ. Онѣ составляютъ предметъ нѣжной заботливости невѣстъ; о нихъ болѣе всего справляются женихи, чтобъ потомъ имѣть право гордиться своей женой, если она будетъ едва держаться стоя, едва ходить безъ чужой помощи, и, какъ говорятъ ихъ поэты, „колебаться отъ дуновенія вѣтра, подобно листочку ивы“.

Такъ гордился и мистеръ Сэнки своею Кокъ-Синъ. Я сказалъ, что онъ большой поклонникъ европейцевъ, и дѣйствительно онъ не пропускалъ ни одного случая познакомится съ кѣмъ-либо изъ иностранцевъ, чувствовалъ себя очень польщеннымъ, когда они посѣщали его и, стараясь подражать нашимъ обычаямъ, онъ всегда знакомилъ гостей съ своей женой, которая, хотя и съ нѣкоторымъ видимымъ страхомъ, всегда выходила къ гостямъ, подавала каждому руку, но, къ сожалѣнію, почти всегда оставалась въ безмолвной роли, если гость не говорилъ по-китайски, такъ какъ она другаго языка не знала.

Мисызъ Сэнки отличалась рѣдкой для китаянки красотой, и я однажды обратился къ ея мужу съ просьбою передать ей о моемъ желаніи сдѣлать ея портретъ. Согласіе было немедленно получено, назначено время, и въ два сеанса портретъ былъ готовъ. Первый сеансъ происходилъ въ саду въ бесѣдкѣ, въ присутствіи гостей,—одного китайскаго семейства; второй разъ въ комнатѣ. Въ этотъ разъ мужа не было дома, когда сеансъ начался, и мы были вдвоемъ, если не считать служанки дѣвочки, которая стояла позади стула своей госпожи и съ любопытствомъ слѣдила за всѣми моими движеніями.... Вотъ какой прогрессъ! Китаянка

вдвоемъ съ иностранцемъ въ одной комнатѣ и на прощанье даже руку ему подаетъ!

Разскажу теперь, какъ мнѣ удалось получить отъ нея въ подарокъ ея ботинки. Какъ читатель помнитъ, я жилъ въ домѣ нашего вице-консула; жена же и сестра его были знакомы съ красавицей-сосѣдкой, и она во время нашего пребыванія въ Хань-Коу была у нихъ разъ съ визитомъ, при которомъ и я присутствовалъ уже какъ ея знакомый. Разговоръ происходилъ черезъ переводчика. Она казалась застѣнчивой и робкой; но мнѣ думается, что это происходило только отъ неумѣнья говорить ни на одномъ изъ европейскихъ языковъ, а не будь этого, она по всей вѣроятности оказалась бы очень живой, веселой и пріятной собесѣдницей.

Хотя она и опускала глазки, когда къ ней обращались съ разговоромъ, но потомъ украдкой все поглядывала то на того, то на другаго; она часто курила изъ трубки промасленный табакъ и по временамъ шалила съ собачкой, затрогивая ее своей ножкой, что̀ можетъ быть отчасти дѣлалось именно для того, чтобъ дать возможность замѣтить ихъ малость и красоту. Кокъ-Синъ-Сэнки едва могла ходить одна: ее почти всегда сопровождала и поддерживала служанка; а на лѣстницу безъ этой помощи она совсѣмъ не могла взойти. Изъ дому же она, разумѣется, иначе не выходитъ, какъ выѣзжая въ носилкахъ.

Разговоръ у насъ шелъ вяло, и гостью старались занять чѣмъ-нибудь кромѣ разговора; для нея играли на роялѝ и на органѣ, танцовали при ней, желая познакомить ее съ европейскими удовольствіями, а она въ наивности своей приняла вальсъ за театральное представленіе! Но когда ей объяснили ея заблужденіе, она сказала:

— А вотъ я на своихъ ногахъ не могу этого сдѣлать. Общее вниманіе снова было обращено на ея крошечныя ножки.

—Могу ли я срисовать одну изъ нихъ? попросилъ я позволенія.

— Пожалуйста, только въ другой разъ; я тогда надѣну покрасивѣе ботинки.

— А можно попросить у васъ одну изъ нихъ на память, рискнулъ обратиться я съ просьбою, и даже самъ испугался своей смѣлости; г. же Нѣмчиновъ, бывшій при этой бесѣдѣ въ качествѣ переводчика, хотя и покраснѣлъ порядочно, но, спасибо ему, передалъ мою просьбу.

И оказалось что степень цивилизаціи мисызъ Сэнки, превосходила наши ожиданія.

— Зачѣмъ же одну! Я вамъ двѣ подарю, отвѣтила она,—сама вышью и подарю.

И читатель уже знаетъ, что она сдержала обѣщаніе.

Сѣвъ къ рояли, она начала трогать то тотъ, то другой клавишъ, но такъ, просто, ничего не подбирая, и занималась этимъ довольно долго и серьезно.

— Нѣтъ, не умѣю, сказала она наконецъ, — сыграйте вы, попросила она, обратясь къ дамамъ.

— А не рисуете ли вы? спросилъ я.

— Рисую, только по-своему, и то плохо...

Я предложилъ свой альбомъ и карандашъ, попросивъ нарисовать мнѣ что-нибудь.

— Я рисую красками, отвѣтила она.

— Такъ я сейчасъ принесу краски, сказалъ я и хотѣлъ уйти за ними въ свою комнату; но она схватила меня за рукавъ и закричавъ:—нѣтъ, нѣтъ, не надо, рисовать не стану, грозила мнѣ другою рукой. Потомъ закрыла себѣ ею глаза, а другою продолжала крѣпко держать меня и тянуть за рукавъ... Подобной развязности никто не ожидалъ отъ такой скромной на видъ мисызъ Сэнки.

Наконецъ она успокоилась и собралась уѣзжать; мы проводили ее до дому, за что̀ получили въ благодарность нѣсколько лукавыхъ и не лишенныхъ кокетства взглядовъ ея блестящихъ черныхъ глазъ.

— Много побѣдъ одержала бы эта красавица-дикарка, сказалъ я, вернувшись домой,—если бы она явилась въ одной изъ столицъ Европы. И съ этимъ мнѣніемъ согласились всѣ присутствовавшіе.

Но забудемъ лучше коварную китайскую красавицу и отправимся на рэсъ-корсъ, — тамъ сегодня *скачка англичанъ* и русскихъ,—происходитъ состязаніе въ быстротѣ бѣга лошадей, разумѣется со всякаго рода пари, безъ которыхъ англичане жить не могутъ.

Много объ нихъ говорить нечего, если не быть близко заинтересованнымъ въ самихъ скакунахъ, т.-е. монгольскихъ лошадкахъ, приводимыхъ сюда для этой цѣли. Но сегодня Хань-Коу видѣлъ необыкновенное зрѣлище, вѣроятно первое въ его лѣтописяхъ и какого онъ едва ли еще скоро дождется: сегодня три

русскихъ казака передъ здѣшней англійской колоніей и безчисленной толпою зрителей туземцевъ показали свою джигитовку со всѣми ея удивительными штуками—стрѣльбой другъ въ друга и заряжаньемъ ружей на всемъ скаку, подниманіемъ съ земли монетъ—и т. п. Эффектъ произведенъ необычайный; аплодисментамъ джентльменовъ и лэди, а также крикамъ безчисленной толпы китайцевъ, не было конца... Англичане пришли въ такой восторгъ и умиленіе, что набросали не мало долларовъ для того, чтобы еще и еще разъ посмотрѣть, какъ the Russian Cosaks будутъ поднимать ихъ съ земли на всемъ скаку. Но такъ какъ я пишу для русскихъ читателей, то въ подробности джигитовки входить не буду.

Дни проходили своимъ чередомъ. Погода стояла непостоянная, и нерѣдко выпадали ненастные дни съ дождемъ, вѣтромъ и даже снѣгомъ, очень напоминавшіе нашу глубокую осень; но ненастье здѣсь не затягивалось надолго. День, два дождливыхъ, а потомъ опять ясная и теплая погода. Экое приволье! думалъ я.—Нѣтъ, каковъ холодище! говорили китайцы, закрываясь зонтиками отъ дождя и кутаясь въ мѣха и въ вату... Когда же это пройдетъ зима! восклицали итальянки, сестры милосердія, привыкшія къ своему и къ здѣшнему теплу. Онѣ даже высказали однажды предположеніе, когда термометръ показывалъ три градуса тепла, „что въ Россіи, вѣроятно, бываетъ еще холоднѣе этого!“

Вотъ ужъ и тринадцатое декабря или двадцать пятое новаго стиля; здѣшніе англичане празднуютъ Рождество, и въ этотъ, какъ и въ другіе большіе праздники, китайскіе купцы имѣютъ обыкновеніе посылать своимъ постояннымъ покупателямъ-европейцамъ подарки, большею частью въ видѣ сладкаго пирога, убраннаго искусственными цвѣтами, фруктовъ, а иногда и живой домашней птицы. Такъ одинъ мой знакомый англичанинъ получилъ сегодня живую индѣйку и въ шутку выражалъ сожалѣніе что праздники не довольно часто повторяются.

— Вотъ Новый годъ близко, утѣшалъ я его,—другую получите.

Наступилъ канунъ новаго года (наше 19 декабря), а мы все еще въ Хань-Коу. Сасновскій все собирался ѣхать „въ горы“, какъ здѣсь говорятъ, т.-е. на чайныя плантаціи, чтобъ изучить въ подробностяхъ чайное дѣло, но раздумалъ, предпочтя послать туда Матусовскаго и фотографа.

По отъѣздѣ моего товарища и сожителя я остался въ своей

комнатѣ одинъ, и въ этотъ вечеръ, то-есть наканунѣ новаго года, случилось такъ, что изъ молодыхъ людей, живущихъ въ домѣ же г. Иванова, никого не было. Было около двѣнадцати часовъ ночи, и я уже улегся въ постель, но по обыкновенію еще читалъ... Вдругъ на улицѣ раздается выстрѣлъ... Обыкновенно здѣсь ночью не стрѣляютъ... Что это можетъ значить? спрашиваю себя подъ вліяніемъ разныхъ тревожныхъ слуховъ, ходившихъ здѣсь въ послѣдніе дни о безпокойствѣ между китайскимъ населеніемъ, будто бы давно злобствующимъ за что-то на европейцевъ. Такіе слухи не разъ повторялись здѣсь, но имъ, повидимому, никто не придавалъ важнаго значенія.

Вскорѣ выстрѣлъ повторился, и послѣ него я слышу на улицѣ отчаянные крики множества голосовъ, стукъ въ мѣдные тазы и литавры. Вотъ голоса и звуки мѣди все ближе и слышатся яснѣе; толпа несомнѣнно вступила въ нашу улицу, приближается къ нашему дому и, судя по безобразнымъ крикамъ, неистовствуетъ... Этотъ дикій хоръ, такъ неожиданно начавшійся въ такое необычайное время, когда въ европейскомъ кварталѣ бываетъ всегда такая тишина; эти недавно слышанные разсказы о злыхъ замыслахъ китайцевъ произвести здѣсь нѣчто подобное тянь-цзиньскому избіенію европейцевъ, невольно и быстро навели меня на тревожныя мысли, и я чутко прислушиваюсь къ приближающемуся нестройному гаму на улицѣ... Вздоръ, говорю себѣ!.. Да, но въ Тянь-Цзинѣ также говорили—вздоръ и никакимъ слухамъ не хотѣли вѣрить.

Сожителей, какъ я сказалъ, никого нѣтъ дома, спросить объясненія не у кого. Лежу и жду, что будетъ. Бушующая толпа, я слышу ясно, возлѣ самаго дома, который стоитъ во дворѣ за чугунной рѣшеткой; толпа какъ будто подъ моими окнами, выходящими во дворъ; крики тысячъ голосовъ и завыванія мѣдныхъ тазовъ, мнѣ кажется, яснѣе слышатся уже со двора, какъ будто домъ окружаютъ съ разныхъ сторонъ... Я привсталъ на своей кровати и, испытывая весьма непріятное волненіе, мысленно спрашиваю себя: не пора ли братъ оружіе, — вѣдь не даромъ же отдавать себя! Европейцы должны и, вѣрно, постоятъ за себя крѣпко. Надо бы соединиться съ ними, думаю себѣ, но теперь выйти изъ дому уже нельзя. Я наскоро одѣлся и, каюсь въ своей трусости, чувствовалъ, какъ сердце колотило тревогу... Впрочемъ, кто не струситъ передъ возможностью быть убитымъ, да еще не въ равномъ бою, а растерзаннымъ толпою. Китай же,

говорили и говорятъ многіе, такая страна, гдѣ мятежа всегда можно ожидать. Дѣйствительно, сколько ихъ было и какихъ, и какъ они внезапно начинались! Тутъ отъ совершенно мирнаго и спокойнаго существованія до рѣзни и пожара одинъ шагъ...

Но вотъ голоса и звуки барабановъ и инструментовъ стали стихать; ясно, что толпа провалила мимо, и мало-по-малу шумъ ея вдали почти затихъ... А черезъ нѣсколько времени раздается бой европейскаго барабана, — значитъ, дѣйствительно тревога. Вѣроятно это сигналъ сбора европейцамъ, подумалъ я, и съ ружьемъ и револьверомъ бросился къ лѣстницѣ, чтобъ бѣжать на улицу. Но крики и шумъ толпы снова приближаются, и вслѣдъ затѣмъ раздается оглушительный трескъ тысячъ шутихъ... Тогда мнѣ все стало понятно... И никогда, я думаю, никакая мелодія Баха не дѣйствовала такъ успокоительно на человѣческую душу, какъ этотъ трескъ разрывавшихся хлопушекъ разомъ успокоилъ меня и заставилъ посмѣяться надъ своимъ воинственнымъ настроеніемъ... Читатель еще въ недоумѣніи, но вотъ въ чемъ дѣло: если шутихи трещатъ, значитъ все благополучно, значитъ праздникъ какой-нибудь, свадьба, пиръ на поминкахъ по усопшемъ или что-нибудь подобное.

Я вернулся домой и опять легъ въ постель. Дѣйствительно скоро все стихло, и только караульщикъ спокойно и совершенно обыкновенно постукивалъ въ свою чугунную доску... На другой день я узналъ, что шумное шествіе толпы было только выраженіемъ вниманія къ европейцамъ. Оказалось, что это китайцы (конечно, не всѣ,—Боже упаси!—а лишь болѣе знакомые съ европейцами) поздравляли ихъ съ наступленіемъ новаго года.

И какъ мнѣ все это странно! Не вязались въ моей головѣ разсказы о злобѣ китайцевъ и всегда возможной будто бы опасности съ ихъ стороны съ подобными проявленіями вниманія и симпатій, хотя и основанныхъ, можетъ быть, на нѣкоторыхъ матеріальныхъ разсчетахъ. Неужели же подобныя, добрыя съ виду отношенія ни что иное какъ дипломатическая хитрость, намѣреніе усыпить вниманіе, чтобы, когда настанетъ время дѣйствовать, застигнуть врасплохъ? Не думаю я. Развѣ что европейцы сами создадутъ и вызовутъ взрывъ негодованія противъ себя... Этого я отрицать не стану, потому что и здѣсь я не разъ видѣлъ самое грубое обращеніе ихъ съ туземцами, особенно нѣкоторыхъ англичанъ, не въ обиду имъ будь сказано.

Въ слѣдующіе дни за новымъ годомъ англичане устраивали

разныя общественныя удовольствія,—такъ-называемую paper hunt, охоту за зайцами и спектакль, и мы также получили приглашеніе принять участіе въ этихъ развлеченіяхъ.

Первая забава состоитъ въ томъ, что всѣ собравшіеся въ условленномъ пунктѣ всадники отправляются по данному сигналу за однимъ коноводомъ, обыкновенно самымъ ловкимъ наѣздникомъ, который называется „лисицей". Онъ начинаетъ какъ бы уходить, а всѣ должны его преслѣдовать или, точнѣе, слѣдовать за нимъ. Онъ нарочно выбираетъ трудную дорогу съ разными препятствіями въ родѣ канавъ, кустарниковъ, плетней и невысокихъ оградъ и, перескакивая черезъ нихъ, заставляетъ и всѣхъ остальныхъ преодолѣвать эти трудности и не отставать отъ него. Проскакавъ по полямъ нѣсколько верстъ въ самыхъ извилистыхъ направленіяхъ, „лисица" направляется къ кругу для скачекъ, гдѣ также настроено и наставлено въ опредѣленныхъ мѣстахъ много разныхъ препятствій—насыпей, барьеровъ, рвовъ и проч, а разсыпанными по землѣ бумажками обозначенъ путь, по которому нужно пройти черезъ всѣ преграды, не исключая ни одной; и кто первымъ достигнетъ послѣдней, тотъ, считается побѣдителемъ. Можетъ быть впрочемъ я разсказываю что-нибудь и не такъ,—не знаю. Да не въ этомъ дѣло: главная задача тутъ заключается просто въ веселой и пріятной прогулкѣ верхомъ, точно такъ, какъ и охота за зайцами въ томъ видѣ, какъ она устраивается здѣсь.

За неимѣніемъ гончихъ и борзыхъ, ее производятъ съ обыкновенными собаками, у кого какія есть; тѣмъ не менѣе охотникамъ всегда удается изловить одного, другаго зайца, который и достается хозяину собаки. Такъ и при мнѣ затравили одного, и побѣдительницей была чья-то русская дворняжка „Потемка," и слова the russian dog и Potemka долго и много разъ повторялись въ разговорахъ возвращавшихся съ охоты англичанъ и ихъ лэди, также принимающихъ участіе въ скачкахъ и, повидимому, весьма заинтересованныхъ именно въ томъ, чья собака получитъ пальму первенства. Такъ живутъ здѣсь англичане, то-есть вездѣ и всегда, какъ у себя дома.

Я принималъ участіе въ этихъ удовольствіяхъ для того, чтобъ ознакомиться съ окрестностями Хань-Коу, и нашелъ, что они не особенно привлекательны, по крайней мѣрѣ теперь, въ зимнее время: кругомъ на необъятное пространство разстилается на видъ пустынная равнина, занятая полями, которыя мѣстами зе-

ленѣли едва пробивавшимися изъ земли всходами озимыхъ хлѣбовъ или представлялись пустыми и взрытыми послѣ добыванія такъ-называемыхъ земляныхъ орѣховъ, которые сѣютъ здѣсь въ большомъ количествѣ. Почва здѣсь по преимуществу песчаная, мѣстами болотистая. Вдали блестятъ поверхность Великой Рѣки и небольшія разсѣянныя озера. Нѣсколько оживляютъ эту гладкую равнину разсѣянныя маленькія деревеньки съ такими же около нихъ рощицами, но теперь большею частью голыми.

Вотъ наступилъ и нашъ рождественскій праздникъ. Веденіе дневника несомнѣнно убѣждаетъ меня въ томъ, что сегодня дѣйствительно 25 декабря. Но обстановка опять такова, что буквально ничто не говоритъ о русскихъ святкахъ, и въ этотъ фактъ вѣришь какъ-то на половину. Въ самомъ дѣлѣ, какъ явится мысль о Рождествѣ, когда на дворѣ днемъ 12 градусовъ тепла, когда всѣ окна и двери открыты настежъ, когда террасы уставлены зеленью и подъ окнами цвѣтутъ чайные кусты. Если бы здѣсь была церковь, то богослуженіе нѣсколько напомнило бы о нашемъ праздникѣ; но и его очень странно было бы слышать при такой необыкновенной декораціи.

Собрались земляки къ утреннему чаю, поздравляютъ другъ друга; приходятъ съ визитами русскіе изъ другихъ домовъ, и вотъ, когда мы сидѣли за общимъ столомъ, является одинъ китаецъ и чистымъ русскимъ языкомъ поздравляетъ всѣхъ съ праздникомъ и каждому по очереди подаетъ руку. Это былъ одинъ албазинецъ, жившій въ домѣ вице-консула въ качествѣ управляющаго типографіей. И его появленіе произвело на меня хорошее впечатлѣніе: въ чужой далекой странѣ всегда пріятно встрѣчать единовѣрца, особенно въ людяхъ чуждой націи, какими стали для насъ теперь потомки жителей русскаго города Албазина, по крайней мѣрѣ по внѣшнему виду и всему образу жизни.

Здѣшняя молодежь замышляетъ разныя удовольствія, собирается маскироваться, готовится къ предполагающемуся спектаклю. Маскарадъ удался, и вечеръ былъ довольно оживленный, но спектакль почему-то не состоялся. Мы побывали только въ англійскомъ спектаклѣ, на который получили пригласительные билеты.

Театръ на зиму они устраиваютъ въ одномъ изъ пакгаузовъ, т.-е. огромныхъ амбаровъ для складовъ чаю. Тѣмъ не менѣе обстановка выходитъ вполнѣ приличная. Играли любители весьма и весьма не дурно... Вообще англичане умѣютъ хорошо устроить для себя жизнь, обставивъ ее всѣми благами цивилизаціи.

Въ этомъ отношеніи у нихъ соперниковъ нѣтъ, но есть подражатели, и слава Богу, потому что лучше подражать хорошему, чѣмъ быть худо оригинальнымъ. Да, у англичанъ есть чему поучиться.

Нашъ новый годъ мы встрѣтили здѣсь же, но при болѣе зимней обстановкѣ, потому что вечеромъ, 31-го декабря, выпалъ снѣгъ, покрывшій всю землю вершка на два или на три. Этотъ день русская колонія ознаменовала литературнымъ вечеромъ съ танцами; къ сожалѣнію только здѣсь большой недостатокъ въ дамахъ *).

Прошли еще полторы недѣли въ медленныхъ сборахъ и неизвѣстности, — въ какой именно день уѣдемъ мы наконецъ изъ Хань-Коу. Все уже не разъ было готово къ отъѣзду, и потомъ опять приходилось раскладываться; это, разумѣется, нарушало порядокъ въ жизни и занятіяхъ, и не мало времени уходило у насъ по этой причинѣ почти безполезно.

О приглашеніи Шевелева ѣхать съ нами не было рѣчи, и я видѣлъ, что этому не бывать. Читатель самъ пойметъ, какой кладъ мы столь непростительно упускали; но помочь горю никто властенъ не былъ. Чувствуя, что мнѣ придется пробавляться собственными силами, я сталъ знакомиться съ китайскимъ языкомъ; но въ такое короткое время что можно сдѣлать, особенно при изученіи такого исключительнаго языка. Я старался пріобрѣтать болѣе необходимыя слова и при помощи Шевелева познакомился съ нѣкоторыми его особенностями.

Полагаю, что читатель не безъ интереса прочтетъ нѣсколько строкъ объ этомъ языкѣ; но въ подробности, не бойтесь, я не пущусь.

Въ китайскомъ языкѣ разговорная рѣчь и письмо представляютъ самыя необыкновенныя особенности; пишутъ они не буквами, а цѣлыми словами, слѣдовательно, чтобъ писать, нужно учиться не азбукѣ, а умѣнью писать слова, какія кому нужны; говорятъ же китайцы не словами, а звуками, большею частью короткими, и число послѣднихъ не доходитъ даже до пяти сотъ. Вотъ почему изученіе китайскаго письма въ высшей степени трудно, а разговорнаго языка, наоборотъ, гораздо легче, чѣмъ любаго европейскаго.

---

*) Госпожи: Иванова, фонъ-Гленъ, Родіонова и Ступакъ, (мать и дочь). Вотъ и всѣ русскія, живущія здѣсь. (1875 г.)

Въ самомъ дѣлѣ, не легче ли удержать въ памяти и научиться произносить пятьсотъ звуковъ, чѣмъ двадцать тысячъ... Значитъ, у китайцевъ всѣхъ словъ менѣе пяти сотъ, могутъ подумать, а слѣдовательно столько же и понятій. Нѣтъ, и у китайцевъ послѣднихъ приблизительно столько же, сколько и у другихъ образованныхъ народовъ; но дѣло въ томъ, что у нихъ каждому звуку приходится исправлять помногу обязанностей, то-есть на каждый звукъ приходится нѣсколько, а иногда и множество значеній; это встрѣчается и въ другихъ языкахъ, напр. въ англійскомъ, но далеко не въ такой степени.

Возьмемъ нѣсколько примѣровъ. Если мы скажемъ по-русски, напримѣръ, слово „истина“, то у слушателя тотчасъ явится одно опредѣленное понятіе; а если вы китайцу скажете китайское слово *Ши*, что́ значитъ между прочимъ — истина, этотъ звукъ или не вызоветъ у него никакого представленія, или вдругъ нѣсколько, или одно изъ многихъ, случайно пришедшее ему на память, потому что звукъ *Ши*, кромѣ истины, имѣетъ множество другихъ значеній, которыхъ всѣхъ и не перебрать скоро; но вотъ для примѣра:

Ши значитъ также: да, такъ, свинья, трупъ, камень, чиновникъ, левъ, десять, учитель, базаръ, стрѣла, и проч. и проч.

Звукъ или слово *Фу* значитъ областной городъ, но въ то же время и—отруби, гнить, счастіе, оброкъ, и проч. Слово *Гу*—барабанъ, причина, и еще многое другое.

Слово *Я* значитъ утка, отецъ, зубъ. *Чы* обозначаетъ ѣсть, пресмыкающееся животное, румяный и проч.

Слово *Мо*—точить, тушь, не, и т. д.

Слово *Ла*—свѣча, тащить, воскъ, и проч.

Слово *Бу*—нѣтъ, министерство и проч.

Слово *Янь*—табакъ, глазъ, глотать...

Слово *Яо*—лекарство, надо, кусаться...

Но не всѣ слова состоятъ изъ одного слога, а тѣ же самые звуки въ различныхъ сочетаніяхъ образуютъ новыя слова, сложныя, состоящія изъ двухъ, трехъ, четырехъ, пяти слоговъ и кажется не больше; напримѣръ: *Цзяо хуа́* — просвѣщеніе, *Хао-минъ-жень*—честолюбецъ, *Суй-цзи-инъ-бянь*—находчивый, *Гуй-гуй-цзюй-цзюй ди*—чинно. Эти сложныя слова могутъ быть понимаемы отдѣльно каждое, а простыя, хотя и имѣютъ значеніе каждое само по себѣ, понимаются только въ фразѣ, по смыслу и

сочетанію съ другими; и тутъ, какъ понятно, является обширное поле для каламбуровъ всякаго рода.

Но несмотря на упомянутую бѣдность въ звукахъ языка, и китайцы употребляютъ для одного понятія разные звуки, выражающіе тонкія различія, и такихъ примѣровъ множество.

Какъ въ нашемъ языкѣ для выраженія, напримѣръ, понятія о прекращеніи жизни есть нѣсколько словъ, синонимовъ слова умереть, напримѣръ: скончаться, почить, отойти, околѣть, издохнуть, и проч., такъ и у китайцевъ въ разныхъ случаяхъ смерти употребляются разныя слова.

Напримѣръ, когда говорится о смерти единодержавнаго властителя Китая, употребляется слово „*пынъ*“. Когда умираетъ не полный государь, говорятъ „*хунъ*“. Если же онъ при жизни потерялъ сына и потомъ самъ умеръ, тогда говорятъ уже не *хунъ*, а „*цзу*“!.. „*Цзу*“ говорятъ также, когда умираютъ вельможи. Про независимыхъ отъ Китая владѣтелей говорятъ просто „*сы*“— умирать, какъ и о смерти обыкновенныхъ людей и животныхъ, а также о засыханіи деревьевъ.

Вотъ другой примѣръ, указывающій на неожиданное богатство языка: старшій братъ называется *гэ-гэ*; а младшій иначе—*сюнъ-ди*; родные же братья *ди-сюнъ*. Старшая сестра—*цзѣ-цзѣ*; младшая—*мэй-мэй*; а просто сестры—*цзѣ-мей*.

При описанныхъ свойствахъ языка, разумѣется, очень часто должны встрѣчаться непониманія и недоразумѣнія, которыя разрѣшаются нѣсколькими объяснительными вопросами въ родѣ слѣдующихъ. Положимъ, что въ разговорѣ непонятно слово „*тянь*“, которое значитъ—небо, сладкій и проч. Непонявшій спрашиваетъ: какой „*тянь*“? Если собесѣдникъ хотѣлъ сказать о небѣ, онъ отвѣчаетъ—небо-земляной (*тянь-ди-дэ-тянь*), если о сладкомъ, тогда говоритъ—сладкій-горькій (*тянь-гу-дэ-тянь*) и т. п. Если же бесѣдуютъ люди грамотные, они въ такихъ случаяхъ пишутъ пальцемъ на ладони тотъ или другой знакъ, а каждый знакъ или іероглифъ имѣетъ только одно опредѣленное значеніе.

Такое непониманіе можетъ встрѣтиться не только между людьми одной мѣстности, а и одной семьи. Между китайцами разныхъ мѣстностей, вслѣдствіе несходства нарѣчій и выговора, разговоръ дѣлается совершенно невозможнымъ, потому что несходство доходитъ иногда до такой степени, какъ между двумя чужими языками. Такъ напримѣръ: *пъсть* на одномъ нарѣчіи говорится *чы*, на другомъ *якъ*. *Чжо-цзы*—столъ, на другомъ—*цзу ли* и т. п.

Такое несовершенство языка разговорнаго, звуковаго, пополняется у китайцевъ такъ-называемымъ идеологическимъ письмомъ. Ихъ знаки суть іероглифы, то-есть знаки, выражающіе условное, опредѣленное понятіе.

Мы пишемъ, напримѣръ, слово „человѣкъ“, подбирая 8 буквъ, соотвѣтствующихъ звукамъ, изъ какихъ оно состоитъ; они дѣлаютъ двѣ черты въ видѣ конуса, и каждый грамотный китаецъ, увидавъ ихъ, прочтетъ *„жень“* и пойметъ, что это значитъ человѣкъ. При видѣ написаннаго квадратика онъ назоветъ: ротъ—*коу*. Перечеркните его,—будетъ солнце, *„жи“*; знакъ похожій на нашу букву *ш*, съ удлиненной средней палочкой, вызоветъ у китайца представленіе о горѣ, *шанъ* и т. д.

Знаки эти не измѣняются по падежамъ, числамъ и другимъ правиламъ грамматики, подобно тому, какъ наши цифры; поэтому чтеніе китайскаго письма, вопервыхъ, не можетъ быть плавно, вовторыхъ, не можетъ быть понимаемо вполнѣ, если слушающій не будетъ слѣдить за написаннымъ по книгѣ или по рукописи. Дѣйствительно, они читаютъ отрывисто, называя каждый знакъ соотвѣтствующимъ ему звукомъ. Такъ если я сдѣлаю дословный переводъ съ китайскаго текста и поставлю русскія слова въ ихъ начальныхъ формахъ, безъ управленія и согласованія, то вы невольно будете читать такъ же, какъ китайцы читаютъ свои письмена.

Вотъ примѣръ изъ выданнаго Матусовскому, когда онъ уѣзжалъ на чайныя плантаціи, паспорта, или, какъ онъ называется у китайцевъ, „охраняющаго сіянія“:

„Русскій, консулъ, давать, знать, теперь, есть, русскій, чиновникъ, сопровождать, солдатъ, три, человѣкъ, отправляться“, (слѣдуютъ названія мѣстностей), „прогуливаться, просить, давать, покровительство, чиновники, караулы, городской, деревенскій, стража, всѣ, вообще, почтительный, гулять, рисовать, нѣтъ препятствовать“ и т. д.

Понимать же это и переводить на нашъ языкъ нужно такъ: Русскій консулъ увѣдомилъ о пріѣздѣ русскихъ чиновниковъ, которые въ сопровожденіи солдата, итого трое, отправляются въ такія-то мѣстности для прогулки. Прошу всѣхъ вообще, чиновниковъ, караулы, городскія и деревенскія стражи быть почтительными, оказывать имъ покровительство, не мѣшать имъ гулять, рисовать и т. д.

Понятно, что и письмо такого рода оставляетъ широкое по-

ле для догадокъ, ошибокъ и недоразумѣній. Понятно также, во сколько разъ оно труднѣе нашего письма, хотя трудность писанія условными знаками, которыхъ нужно удержать въ памяти десятки тысячъ, и облегчается извѣстной системой. Эта послѣдняя основана на томъ, что всѣ сходныя понятія имѣютъ одинъ основной знакъ,—ключъ, къ которому прибавляются другіе второстепенные дополнительные знаки. Тѣмъ не менѣе, говорю, трудность изученія китайскихъ чтенія и письма очень велика.

Иногда въ манерѣ изображать какое-нибудь понятіе лежитъ извѣстная идея, но въ большинствѣ случаевъ они чисто условные. Вотъ примѣры для первыхъ: для означенія понятія „свѣтлый“ китайцы пишутъ рядомъ знаки солнца и луны; но тогда этотъ сложный знакъ произносится совсѣмъ иначе, чѣмъ каждый изъ нихъ отдѣльно, напр. *жи* (солнце), *юе́* (луна), а вмѣстѣ *минъ* (свѣтлый). Знакъ обозначающій женщина (*нюй*) и другой, значащій сынъ (*цзы*), написанные вмѣстѣ, составляютъ новый знакъ, который читается *хао* и значитъ хорошо. Знакъ дерева (*му*), написанный два раза вмѣстѣ, служитъ для выраженія понятія о лѣсѣ, рощѣ (*линъ*).

Изъ приведенныхъ примѣровъ будутъ достаточно понятны все неудобство подобной системы письма, трудность изученія, трудность составленія словаря и другія преграды, оказываемыя языкомъ и письмомъ китайцевъ въ дѣлѣ сношеній ихъ съ другими народами.

Можетъ-быть я ошибаюсь, но мнѣ кажется, что языкъ и письмо были и остаются до сихъ поръ гораздо болѣе высокой и крѣпкой стѣной, чѣмъ ихъ Великая, каменная,—непреодолимой преградой, замыкающей въ себѣ китайскій народъ. Я думаю, что эти двѣ причины останутся надолго, если не навсегда, неустранимымъ препятствіемъ къ тѣсному сближенію китайцевъ съ другими націями. Дѣти въ Китаѣ выучиваются умѣнью читать и писать, приблизительно тысячу словъ, въ восемь лѣтъ. Взрослый человѣкъ, конечно, справится съ этимъ скорѣе; но во всякомъ случаѣ требуется много времени и громаднаго труда, чтобъ научиться читать большинство сочиненій, потому что знанія разговорнаго языка совсѣмъ недостаточно для этого.

Съ другой стороны китайцамъ чрезвычайно трудно перенимать чужой языкъ въ звуковомъ отношеніи, что̀ происходитъ вслѣдствіе особенностей ихъ рѣчи. Въ немъ никогда не встрѣчается рядомъ двухъ ясныхъ согласныхъ звуковъ, что̀, какъ

извѣстно, въ другихъ языкахъ бываетъ на каждомъ шагу; поэтому для избалованнаго языка китайца произношеніе какого-нибудь слова въ родѣ *встрѣча*, гдѣ стоятъ къ ряду четыре согласныхъ, представляется невыполнимой акробатической штукой. Онъ можетъ произнести его не иначе, какъ раздѣливъ согласныя вставленными гласными звуками и произнесетъ его не иначе какъ: вы-сы-та-лѣ-ча, т.-е. разложитъ его на такіе звуки, какіе есть въ его родномъ языкѣ; а эта „высыталѣча“ напомнитъ читателю русскій языкъ май-май-чэнцевъ и онъ пойметъ теперь причину его происхожденія.

Звука *р* въ китайскомъ языкѣ совсѣмъ нѣтъ, а въ пекинскомъ нарѣчіи часто встрѣчается звукъ весьма близкій къ англійскому *r*; и когда я училъ говорить по-русски одного китайца, пожелавшаго пріѣхать со мной въ нашъ Пекинъ, какъ онъ называлъ Петербургъ, я никакъ не могъ заставить его выговорить слово *три*. Несмотря на всѣ старанія и усилія, онъ все говорилъ *ты-ли*. Наконецъ дошелъ до того, что научился произносить *тр-ли*. Но мнѣ было то удивительно, что этотъ же самый человѣкъ, погоняя свою лошадь, вмѣсто нашего *но!* кричалъ на нее по китайскому обычаю *трр!-трр!*—самымъ чистѣйшимъ манеромъ. Казалось бы, чего стоило сдѣлать изъ этого *три*—такъ нѣтъ, не могъ!

Изъ сказаннаго понятно, какъ трудно китайцамъ изучать чужіе языки: точно написать произношеніе иностраннаго слова для нихъ часто совсѣмъ невозможно, и они могутъ только приблизиться къ нему, изображая его готовыми звуками. Вотъ примѣръ.

Для оффиціальныхъ визитовъ мы должны были имѣть наши визитныя карточки, написанныя китайскими іероглифами; и моя фамилія въ устахъ китайца, читавшаго ихъ, превращалась въ Па-сѣ-сы-цзи, Шевелевъ—въ Ши-вэй-лёу-фу, и т. п. Произносить и помнить такія длинныя имена для китайцевъ чрезвычайно трудно и потому еще, что они привыкли къ своимъ большею частію односложнымъ именамъ. Поэтому они величаютъ иностранцевъ только первымъ слогомъ ихъ фамилій, прибавляя къ нимъ слово господинъ, великій господинъ, но не въ началѣ, а въ концѣ. Такимъ образомъ, читатель, если вы когда-нибудь проѣдете Китай, и если оставите тамъ по себѣ даже очень многочисленныя воспоминанія, вашего настоящаго имени все-таки знать не будутъ, а сохранятъ только его первый слогъ. И лишь

односложныя имена могутъ сохраняться въ Китаѣ цѣликомъ, но и то непремѣнно будутъ искажены, если они не подходятъ вполнѣ къ китайскимъ звукамъ.

Теперь представьте себѣ, въ какомъ положеніи будутъ находиться учитель, профессоръ, проповѣдникъ, или наоборотъ—ихъ слушатели, когда первымъ придется говорить долго и много о какихъ-нибудь вещахъ не изъ обыденной жизни, а болѣе или менѣе отвлеченныхъ или научныхъ предметахъ... Сколько должно будетъ возникнуть недоразумѣній, или еще вѣрнѣе, въ какое непониманіе должна впадать аудиторія, слушая, напримѣръ, какую-нибудь туманную проповѣдь или сложную научную теорію!.

Безъ сомнѣнія и вы теперь, читатель, зная только то, что̀ сейчасъ узнали отъ меня, скажете сразу, что подобнаго рода бесѣды или чтенія для китайцевъ—немыслимы. Дѣйствительно ихъ въ Китаѣ не существуетъ; и я утверждаю, что онѣ не могутъ существовать. Но не потому, что китайцы недостаточно одарены умственно, а только вотъ въ этихъ свойствахъ ихъ младенческаго языка должно искать причину застоя въ Китаѣ въ тѣхъ областяхъ знанія, гдѣ слово играетъ первую роль, какъ средство для сохраненія знаній и ихъ преемственной передачи. Замѣтьте, что Китай задолго до Европы и далеко ушелъ во всѣхъ практическихъ знаніяхъ, ремеслахъ и искусствахъ, гдѣ совершенствованіе людей въ извѣстной отрасли могло идти путемъ наглядnаго обученія. Вездѣ же, гдѣ требовалось живое слово наставника или точное изложеніе предмета письменно, у нихъ оказывается страшная отсталость. Такъ и теперь: наглядно, примѣромъ, дѣйствіемъ, вы научите китайца всему и въ совершенствѣ; теоретически же ничему не можете научить, какъ бы хорошо вы ни знали его языкъ. Онъ васъ не пойметъ, не потому что вы иностранецъ и говорите не точно, а потому же, почему не пойметъ и природнаго китайца, то-есть потому, что понять нельзя, не создавъ точнаго звуковаго языка... Поэтому мнѣ думается, что хотя прогрессъ для Китая возможенъ вполнѣ, но при одномъ непремѣнномъ условіи—при усвоеніи себѣ совершеннаго языка, годнаго для точнаго выраженія всѣхъ понятій и идей.

Ну, довольно... Будемъ продолжать нашъ разсказъ. Долго мы не знали, что̀ насъ удерживало въ Хань-Коу, потому что Сосновскій ничего не говорилъ; и мы съ Матусовскимъ только случайно узнали, что причина нашего сидѣнья здѣсь была отнюдь не

„ученаго“ свойства, а заключалась въ ожиданіи отвѣта отъ г. Губкина изъ Кунгура!.. Если читатель помнитъ, онъ обѣщалъ Сосновскому сдѣлать пожертвованіе въ пользу экспедиціи въ 2000 руб., о выдачѣ которыхъ хотѣлъ послать распоряженіе своему повѣренному въ Хань-Коу, г. Марьину. Но по пріѣздѣ сюда Сосновскій узналъ, что послѣдній никакого подобнаго распоряженія отъ своего довѣрителя не получалъ. Тогда начальникъ послалъ телеграмму на счетъ выдачи упомянутой суммы. Такъ вотъ отвѣта на нее-то мы и ожидали; но, какъ оказалось, ожидали напрасно: г. Губкинъ отвѣтилъ молчаніемъ.

Это такъ дурно подѣйствовало на Сосновскаго, что ему показалось, будто у насъ совсѣмъ нѣтъ денегъ, что будто намъ дальше ѣхать не на что, о чемъ онъ и заявилъ вице-консулу. По этому поводу было не мало разговоровъ въ Хань-Коу между русскими, соболѣзнованій, удивленій; и наконецъ г. Ивановъ сдѣлалъ въ пользу экспедиціи пожертвованіе въ 2,000 руб., а другія 2,000 руб. далъ заимообразно, о чемъ мы съ Матусовскимъ, конечно, сейчасъ же узнали отъ самого Иванова, который, какъ онъ сказалъ, „счелъ необходимымъ сообщить намъ о пожертвованіи и на наши непредвидѣнные расходы“. Но является Сосновскій въ нашу квартиру, куда онъ обыкновенно не хаживалъ, и неизвѣстно для чего докладываетъ намъ, что онъ *занялъ* у Иванова 4000 руб. Какъ четыре,—думаю себѣ, и ушамъ своимъ не вѣрю. Неужели же онъ затѣмъ и пришелъ, чтобъ обмануть!.. Матусовскій, вижу, хочетъ мнѣ сказать ту же мысль, и мы опять поняли другъ друга безъ словъ, и все поняли... Но Сосновскаго оставили въ убѣжденіи, что мы ничего не знаемъ и не догадываемся.

Точно также, мы сдѣлали видъ, что ничего не знаемъ о другихъ 2000 р. пожертвованныхъ позже купцомъ Родіоновымъ, и также позволили нашему почтенному начальнику утаить ихъ.

Исторія этихъ двухъ тысячъ очень интересна... По пріѣздѣ въ Хань-Коу капитанъ Сосновскій немедленно приступилъ къ „поученіямъ“ мѣстнаго русскаго купечества „общегосударственнымъ пользамъ,“ поощряя „избранныхъ“ къ денежнымъ пожертвованіямъ. Однимъ изъ избранныхъ былъ почему-то и А. Л. Родіоновъ. Онъ былъ человѣкъ больной,—чахоткою страдалъ,—тѣмъ не менѣе самъ завѣдывалъ дѣлами, по которымъ ему нерѣдко приходилось уѣзжать изъ Хань-Коу.

Случилось такъ, что въ день пріѣзда въ этотъ городъ Сосновскаго, или наканунѣ, ужъ не помню, Родіоновъ уѣхалъ на нѣ-

сколько дней въ Шанъ-Хай... И могло ли бы вамъ, читатель, придти въ голову, чтобъ на этомъ ничтожномъ случаѣ можно было построить цѣлый планъ атаки, которая увѣнчалась впослѣдствіи пожертвованіемъ въ упомянутыя 2000 рубл.?!. Дѣло въ томъ, что Сосновскій *нашелъ нужнымъ* увидать въ этомъ отъѣздѣ „умышленное уклоненіе отъ нравственной обязанности," лежавшей на Родіоновѣ, какъ русскомъ купцѣ, который будто бы долженъ былъ доставлять экспедиціи,—правительственной экспедиціи, нужныя для нея свѣдѣнія. Придавъ поѣздкѣ Родіонова такой колоритъ, Сосновскій старался доставить ему случай *загладить свою ошибку*, а въ противномъ случаѣ угрожалъ донести объ этомъ „Михаилу Христофоровичу" (онъ иначе не называлъ министра финансовъ Рейтерна). Но Родіоновъ должно быть не догадывался, какъ выйти изъ бѣды, и даже оффиціальнаго визита Сосновскому не сдѣлалъ. Тогда этотъ самъ зашелъ къ нему,—случайно, провожая однажды семейство Родіонова со скачекъ. Тутъ очень самоотверженно поучаетъ его общегосударственнымъ пользамъ, но тотъ все не догадывается, и о готовности своей служить „высшимъ заданіямъ": ничего не говоритъ. Но на другой день послѣ этого посѣщенія посылаетъ ему вѣжливое письмо, въ которомъ приглашалъ его къ себѣ обѣдать (все не сдѣлавъ визита). Сосновскій впалъ въ благородное негодованіе, и съ этимъ приглашеніемъ является къ намъ; опять ужасно удивляетъ насъ этимъ, разсказываетъ то, что̀ читатель сейчасъ узналъ, и затѣмъ читаетъ написанный имъ отвѣтъ. Мы понимаемъ все насквозь, но прикидываемся дѣтьми, и Сосновскій, по прочтеніи намъ своего письма къ Родіонову, ушелъ торжествующимъ.

Вотъ что̀ онъ писалъ ему. (Это письмо, замѣтьте, на простой бумагѣ: на бланкахъ подобныя вещи писать опасно [1]):

Милостивый Государь

Андрей Львовичъ!

„Ваше письмо и приглашеніе побуждаютъ меня адресовать Вамъ предлежащія строки, которымъ я тѣмъ болѣе охотно даю мѣсто, что всегда считалъ себя недругомъ всякихъ недоумѣній и недомолвокъ.

---

[1]) Копіи съ этихъ писемъ получены отъ г-жи Родіоновой, которою и дано право на напечатаніе ихъ.

Я слишкомъ высоко ставлю дѣло, котораго имѣю честь быть представителемъ, чтобы снисходительно относиться даже къ внѣшнимъ признакамъ невниманія къ нему, будь то преднамѣренно или случайно; личныя мои отношенія поэтому не могутъ претендовать на самостоятельное значеніе; они должны быть въ зависимости отъ цѣлей, которымъ я служу. Исходя изъ этой точки зрѣнія, я хотѣлъ бы возстановить въ Вашей памяти рядъ предшествовавшихъ обстоятельствъ.

Какъ разъ въ день прибытія экспедиціи въ Хань-Коу, Вы изволили уѣхать, хотя можно было надѣяться, что состоя представителемъ отдѣльной фирмы и имѣя за собой опытъ многихъ лѣтъ нахожденія въ странѣ, Вы могли бы дать указанія, которыя, быть-можетъ, были бы не безполезны въ общемъ строѣ изысканій экспедиціи. Понимая, однако, что условія частной жизни не всегда укладываются въ подчиненіи интересамъ общимъ, я готовъ былъ разсматривать Вашъ отъѣздъ, какъ непріятную лишь случайность; но согласитесь, я въ правѣ былъ думать, что Вы не преминете, при первой возможности, устранить всякій поводъ къ сомнѣніямъ, путемъ ли личныхъ объясненій или инымъ соотвѣтственнымъ способомъ. Вышло не такъ. Вчерашнему посѣщенію моему Вы придали не надлежащій смыслъ. Прежде всего я просилъ бы видѣть въ немъ простой актъ приличія, когда отвѣчаютъ на любезность дамы; но, не скрою, Вы имѣли въ немъ шансъ къ сближенію, конечно, въ благовидной формѣ, обходя нѣкоторыя установленныя свѣтомъ требованія. Я ошибся. Лично я могъ бы удовольствоваться Вашими письмами и приглашеніемъ, но какъ представитель дѣла, къ коему допущено столь легкое отношеніе, я считаю себя не въ правѣ принять ни то, ни другое; какъ Ю. А. Сосновскій, я могъ бы удѣлить нѣсколько часовъ досуга для бесѣды съ Вами, но какъ начальникъ экспедиціи, я признаю неумѣстнымъ быть тамъ, гдѣ завѣдомо не найдутъ мѣста мои товарищи. Прошу извинить,—такова неизмѣнно вѣрная форма простыхъ житейскихъ отношеній".

27 декабря 74
18 января 75
Хань-Коу.

Юл. Сосновскій.

Къ чему тутъ приплетены „мои товарищи", которые „завѣдомо не найдутъ мѣста" тамъ, гдѣ мы съ Матусовскимъ бывали такъ же просто, какъ и у другихъ нашихъ земляковъ, мы ужъ рѣшитель-

но недоумѣвали, но ничего не сказали и нарочно даже похвалили письмо во всѣхъ отношеніяхъ.

Полученное Родіоновымъ, оно произвело должное впечатлѣніе:—донесетъ,—думаетъ онъ, нажалуется, непріятности выйдутъ... Онъ задумался и рѣшилъ наконецъ дать 2000 р.

Хотя это было уже послѣ нашего отъѣзда изъ Хань-Коу, но для цѣльности впечатлѣнія я приведу теперь же и второе письмо Сосновскаго, въ отвѣтъ на сдѣланное пожертвованіе. Я забѣгу нѣсколько впередъ и приведу послѣ втораго нѣкоторыя выраженія изъ третьяго письма къ тому же Родіонову, написаннаго ему послѣ еще новаго пожертвованія или, выражаясь словами Сосновскаго, „воспособленія“, въ размѣрѣ 800 серебряныхъ рублей (400 ланъ).

Итакъ, вотъ второе письмо, написанное, какъ видите, на бланкѣ и въ высшей степени типичное и знаменательное:

НАЧАЛЬНИКЪ,
КОМАНДИРОВАННОЙ
ПО
ВЫСОЧАЙШЕМУ ПОВЕЛѢНІЮ
УЧЕНО-ТОРГОВОЙ ЭКСПЕДИЦІИ
ПО
КИТАЮ

февраля 17 дня 1875 года.
марта 1

№ 48

—

Фанъ-ченъ.

Милостивый Государь

Андрей Львовичъ!

„Прибывшій сейчасъ Андреевскій передалъ мнѣ форменное Ваше предложеніе вложить долю участья въ общее дѣло, которому служитъ экспедиція. Понимая, что гдѣ нужны прежде всего матеріальныя воспособленія, ближе всего можно помочь денежными рессурсами, Вы, какъ онъ мнѣ заявилъ, *съ готовностью хотите* внести свою лепту, назначаете двѣ тысячи рублей. *Каковы бы ни были личные мои взгляды, я признаю преступнымъ отринуть посильныя услуги кого-либо изъ моихъ соотечественниковъ* на пользу всѣмъ намъ дорогихъ интересовъ отечественной промышленности, Я съ благодарностью принимаю ваше *предложеніе,* буду свидѣтельство-

вать о немъ предъ властями и прошу Васъ передать деньги Н. А. Иванову, у котораго, кромѣ назначенныхъ имъ, подобно Вамъ, безвозвратно на усиленіе средствъ экспедиціи 2-хъ тысячъ рублей, я занялъ еще другія двѣ тысячи съ обязательствомъ возмѣстить черезъ Посольство, которому я вмѣстѣ съ симъ и сообщаю. Пусть этотъ актъ Вашей *готовности служить общегосударственнымъ цѣлямъ* разсѣетъ тѣ грустныя и непріятныя впечатлѣнія, которыя я вынесъ изъ Хань-Коу“ [1]).

Совершенно признательный и готовый

къ услугамъ *Юл. Сосновскій.*

[1]) О послѣдующемъ посему благоволите сообщить въ Хань-Чжунъ-Фу черезъ посредство консульства.

Вотъ какъ теперь начиналось третье письмо, и какія уже встрѣчаемъ мы въ немъ выраженія:

Милостивый Государь

Андрей Львовичъ!

„Дорого яичко къ Свѣтлому дню“.

„*Святая Русь сложила непреложную истину этихъ словъ въ ходячее* изреченіе. Такъ встрѣчаетъ она своевременную незнающую цѣны услугу, такъ поистинѣ надлежитъ привѣтствовать и Васъ, любезнѣйшій соотечественникъ“...

„И вотъ, въ годину такого испытанія, точно по устроенію Всевышняго, является посланецъ съ вашимъ письмомъ. Какъ русскій гражданинъ, какъ лицо, коему ввѣрено правительствомъ начинаніе, благодарю Васъ, Андрей Львовичъ, благодарю за оказанное воспособленіе и сочувствіе. Я сочту лучшимъ днемъ жизни, если въ состояніи буду лично свидѣтельствовать выражаемыя здѣсь чувства. Вѣрю, любезнѣйшій Андрей Львовичъ, что Ваша готовность содѣйствія есть святая правда; думаю также, что и другіе уважаемые соотечественники въ Хань-Коу не отступятся передъ необходимостью посильныхъ услугъ... И т. д.“

Въ цѣломъ мы прочтемъ это письмо въ своемъ мѣстѣ, а теперь вернемся къ разсказу.

Итакъ наши дѣла были очень не дурны... А вотъ какъ-то поживаютъ совсѣмъ забытые нами переводчики на свои 240 руб.? Гдѣ они теперь? Вѣдь мы имъ ни разу не написали въ Фанъ-Чэнъ, куда они уже должны были давно пріѣхать!..

— Да что, перебьются какъ-нибудь, говоритъ Сосновскій.—Все равно и такъ дождутся; безъ насъ не уѣдутъ...

Не уѣдутъ-то не уѣдутъ, да прождались вѣрно, бѣдные!... Вѣдь мы имъ сказали, что въ Хань-Коу пробудемъ не больше двухъ-трехъ недѣль...

Ну, посмотримъ. А теперь отправимся въ китайскую гостинницу, куда Шевелевъ пригласилъ насъ обѣдать.

Но увы,—это былъ обѣдъ не по поводу его вступленія въ экспедицію, а прощальный, на разставаніи... Все было поэтому досадно, не весело, не такъ, какъ ожидалось и какъ хотѣлось. Не занимали меня китайская обстановка, музыканты и пѣвицы, хотя послѣднихъ и интересно было видѣть такъ близко, тѣмъ болѣе, что женщина въ Среднемъ Китаѣ рѣдко является въ обществѣ въ какой-либо роли.

Когда начался обѣдъ, т.-е. когда подали чай, артисты, которыхъ было восемь человѣкъ, начали какую-то пѣсню; и по окончаніи ея одна изъ пѣвицъ подходитъ къ нашему столу и подаетъ Матусовскому свой вѣеръ.

— Что сей сонъ значитъ? обратился онъ къ Шевелеву за объясненіемъ.

Оказалось, что на вѣерѣ были написаны названія пѣсенъ, входящихъ въ репертуаръ всѣхъ четырехъ пѣвицъ, причемъ каждая имѣла свои, и, подавая вѣеръ, она просила указать на одну изъ нихъ. Ей указали, и пѣсня была пропѣта одною изъ пѣвицъ, соло, съ акомпаниментомъ китайской четырехструнной гитары (Пи-Ба). То же повторялось послѣ каждой пѣсни, и такъ какъ имена пѣвицъ не были обозначены на вѣерѣ противъ названій пѣсенъ, то случайно выходило такъ, что одна пѣла чуть не каждый разъ, а другой совсѣмъ не приходилось.

Пѣвицы были вообще не красивы собою; двѣ по крайней мѣрѣ молоды: всѣ онѣ обладали сильными и звонкими голосами, и нѣкоторыя пѣсни слушались съ интересомъ по своей оригинальности. Особенно всѣмъ понравилась пѣсня подъ названіемъ „Двѣнадцать цвѣтовъ“ (Ши-Эръ-Хуа) съ оригинальнымъ припѣвомъ, походившимъ нѣсколько на воркованіе горлинки: въ немъ пѣви-

ца долгое время переливала или перекатывала на разные тоны звукъ самаго чистаго р. Пѣвицы держали себя довольно развязно, но съ достоинствомъ, а самая молоденькая, лѣтъ семнадцати, была даже очень бойка и своимъ веселымъ характеромъ всѣмъ очень нравилась. Она вовсе не была застѣнчива, играла на вино, въ Хуа-Цюань, часто проигрывала и вслѣдствіе этого столько выпила, что я невольно удивлялся, какъ она не опьянѣла.

Обѣдъ кончился, и мы довольно рано разошлись по домамъ оканчивать свои приготовленія къ отъѣзду, который назначался теперь на 11 число.

ГЛАВА VI.

ВЪ НИЗОВЬЯХЪ РѢКИ ХАНЬ.

Отъѣздъ изъ Хань-Коу.—Первая ночь въ лодкахъ.—Ихъ устройство.—Берега рѣки Хань.—Жизнь большаго села.—Неожиданная любезность туземцевъ.—Ненастье и остановка.—Китайскій Новый годъ.—Февраль.—Посѣщеніе города И-Ченъ-Сянь.—Извѣстіе о кончинѣ Императора Тунъ-Чжи.—Пріѣздъ въ Фань-Чэнъ.—Смѣна конвоя.—Перемѣна лодокъ.—Знакомства съ мандаринами.—Обѣдъ у одного изъ мѣстныхъ купцовъ.—Превращеніе китайскаго солдата въ нашего повара.—Прогулки по городу безъ провожатыхъ.—Мѣстный гарнизонъ и ученіе войскамъ.—Замѣчательный артистъ.—Поѣздка въ г. Сянь-Янъ-Фу. Свѣдѣнія о переводчикахъ.—Рыбная ловля учеными птицами. Пріѣздъ переводчиковъ.—На пути въ Лао-Хо-Коу.—Ночная тревога.—Промывка золота изъ рѣчнаго песку.

Много разъ откладывавшійся отъѣздъ дѣйствительно состоялся 11 января, и мы наконецъ уѣзжаемъ изъ Хань-Коу, въ которомъ, вмѣсто двухъ-трехъ недѣль, прожили два мѣсяца.

Мы за это время такъ привыкли къ здѣшнимъ соотечественникамъ, что не безъ грусти разставались съ ними, тѣмъ болѣе, что они были такъ добры и внимательны ко всѣмъ намъ. Опять мы привыкли къ комфорту городской жизни и съ сожалѣніемъ покидали свои удобныя комнаты, мѣняя ихъ на тѣсныя лодки, которыя повезутъ насъ теперь на далекое пространство, все въ даль отъ цивилизованнаго міра, для котораго здѣсь Хань-Коу служитъ крайнимъ пунктомъ. Далѣе къ западу отъ него ни телеграфъ, ни даже почтовыя сообщенія не связывали насъ съ Европой, и такъ будетъ пока мы не вступимъ въ предѣлы своей родины; а чтобы добраться до нея, намъ нужно не менѣе года времени, а то и гораздо болѣе, смотря по количеству дѣла въ дорогѣ.

Но теперь о родинѣ позволяется думать лишь на столько, чтобы во имя ея чести и славы, исполнить какъ можно лучше

возложенное на насъ этой родиной порученіе, чтобъ не только оправдать оказанное намъ ея представителями довѣріе, но превзойти результатами своихъ работъ ожиданія даже самыхъ требовательныхъ людей. Вотъ—одна задача, одна общая цѣль, и къ ней дѣйствительно стремятся всѣ помышленія.

Мысли уже убѣгаютъ впередъ къ этой оживленной рѣкѣ, по которой намъ предстоитъ долго плыть въ лодкахъ, къ богатой и живописной провинціи Китая, Сы-Чуань, которую намъ нужно изслѣдовать по преимуществу; воображеніе уже рисуетъ ея интересную и привлекательную столицу,—Чэнъ-Ды-Фу, хочется скорѣе увидать знаменитый и важный по настоящей торговлѣ городъ Си-Ань-Фу, древнюю столицу всего Китая, которую намъ также нужно посѣтить, какъ одинъ изъ важнѣйшихъ торговыхъ пунктовъ. Я ужъ вижу собранныя богатства свѣдѣній, наблюденій, естественно-историческихъ коллекцій, всевозможныхъ вещей и рисунковъ, и хочется скорѣе начать работать.

Ну, ѣдемъ, ѣдемъ! Жизнь коротка, а хорошаго въ ней такъ много; обязанностей у насъ—тоже, и исполнять ихъ такъ весело...

День былъ великолѣпный. Выйдя изъ дома Шевелева, куда собрались всѣ наши соотечественники проводить насъ, всѣ по моей просьбѣ остановились на берегу Янъ-Цзы-Цзяна, чтобы сдѣлать фотографическій снимокъ со всей русской колоніи и нашихъ лодокъ; сняли группу и, простившись еще разъ со всѣми, размѣстились по лодкамъ и отчалили. Нѣкоторые изъ земляковъ поѣхали съ нами еще проводить насъ въ лодкахъ и ужъ разумѣется Шевелевъ между ними; но его присутствіе только усиливало мою грусть. Мы съ Матусовскимъ ничѣмъ не могли себя утѣшить, оттого что онъ оставался здѣсь, а не ѣхалъ съ нами, какъ мы надѣялись, все надѣялись до послѣдняго времени... Не поѣхалъ же онъ потому, что Сосновскій его боялся: онъ зналъ, что Шевелевъ его единомышленникомъ и соучастникомъ въ разныхъ дѣлишкахъ никогда не будетъ. И вотъ теперь умственныя силы и средства экспедиціи ужъ не могутъ увеличиться, потому что взять ихъ уже будетъ не откуда.

День клонился къ вечеру. Наши четыре лодки медленно подвигались впередъ, преодолѣвая быстрое теченіе Янъ-Цзы; проѣхали европейскій кварталъ, за которымъ потянулись деревянныя китайскія постройки, на высокихъ сваяхъ, а у берега тутъ стояла цѣлая флотилія лодокъ съ ихъ безчисленными мачтами. Вотъ и загроможденное ими устье рѣки Хань. Хань-Коу растянул-

ся по ея лѣвому берегу, у котораго такимъ же громаднымъ флотомъ стоятъ грузовыя и пассажирскія лодки.

Солнце ужъ сѣло, а мы еще не выбрались за городъ. Наконецъ, пройдя не болѣе пяти верстъ за него, мы должны были остановиться на ночлегъ, такъ какъ ночью лодки не ходятъ по той простой причинѣ, что рабочимъ нуженъ отдыхъ, чтобъ на слѣдующій день раннимъ утромъ они могли отправляться въ дальнѣйшій путь. На этой остановкѣ еще было выпито по бокалу шампанскаго, захваченнаго провожавшими насъ молодыми людьми; еще простились въ послѣдній разъ, и земляки уѣхали, когда уже было совсѣмъ темно.

Мы остались одни... теперь надолго одни, въ своемъ маленькомъ кружкѣ, такъ какъ до возвращенія въ Россію мы уже не могли встрѣтиться съ русскими.

Успокоившись и оглядѣвшись, мы стали размѣщаться по своимъ лодкамъ, устраивать постели и раскладывать вещи, оставляя болѣе нужныя подъ руками, и закладывая другія въ разные углы, чтобы онѣ не мѣшали и не занимали мѣста, котораго въ нашей плавучей квартирѣ и безъ того было мало. Размѣстились по лодкамъ такъ: одну занялъ Сосновскій съ фотографомъ, другую я и Матусовскій, а въ третьей находились казаки и кухня. Онѣ всѣ были крытыя, одной величины и одного устройства, а именно каждая изъ нихъ состояла изъ трехъ отдѣленій,—кормовой части, занятой семьей лодочника и ихъ кухней,—средней, которая служила комнатой для пасажировъ, и передней, гдѣ помѣщались рабочіе. Наше отдѣленіе состояло изъ двухъ поперечныхъ возвышеній въ видѣ ларей, на которыхъ были постланы наши постели, и остающагося между ними углубленія, гдѣ стоялъ небольшой столъ, а напротивъ его сдѣлана лавка для сидѣнья; здѣсь же я поставилъ и свой складной стулъ. Этими предметами все мѣсто было такъ занято, что въ нашемъ салонѣ можно было только сидѣть; пожалуй, можно сдѣлать одинъ шагъ, но втораго уже некуда. Полукруглая крыша лодки, или будка, давала возможность стать во весь ростъ, но только въ упомянутомъ углубленіи; въ боковой части этой будки находится съ одной стороны окно, которое по произволу можетъ открываться и закрываться задвигаемымъ ставнемъ. Спереди каюта закрывается на ночь створчатой дверью, а на день она обыкновенно снимается. Противоположная или задняя сторона забрана деревянной перегородкой, имѣющей также закрываемое оконце въ кухню.

Тѣсно и душно показалось намъ въ этихъ лодкахъ, послѣ просторныхъ комнатъ; темно при одной тонкой стеариновой свѣчкѣ послѣ лампы; непріятно и не уютно. Но стерпится—слюбится, говоритъ пословица.

Я вышелъ изъ каюты на палубу, чтобы посмотрѣть, что̀ кругомъ насъ происходитъ. А вокругъ насъ стоялъ цѣлый плавучій городокъ на лодкахъ; на нихъ гомозятъ китайцы; и кажется, что находишься съ ними въ одномъ домѣ, только раздѣленномъ на клѣтки тонкими переборками: людей снаружи почти не видать, но всюду идетъ говоръ, впрочемъ сдержанный; плачутъ дѣти; кто-то кашляетъ на сосѣдней лодкѣ удушливымъ старческимъ кашлемъ; солдаты китайской военной лодки, данной намъ для конвоя, болтаютъ между собою, а часовой на ней постукиваетъ по временамъ въ барабанъ; кто-то выкрикиваетъ на берегу протяжнымъ голосомъ,—караульщикъ должно быть... Словомъ вся жизнь со всѣми ея нуждами, заботами, горемъ и радостями и даже школами для дѣтей лодочниковъ, совершается тутъ, на этой рѣкѣ, въ этихъ лодкахъ, и подобной ей по оживленію я еще никогда нигдѣ не видывалъ.

Ночь стояла лунная, тихая. Реомюръ показывалъ четыре градуса тепла... Да, это не наша зимняя ночь, не нашъ январь; однако мы дрогнемъ отъ холода, потому что и обстановка не наша, не русская: у насъ, можетъ быть, теперь двадцать градусовъ мороза, но въ комнатахъ ужъ, конечно, не четыре градуса тепла, а не менѣе двѣнадцати; въ лодкѣ же у насъ всего лишь на градусъ теплѣе, чѣмъ снаружи.

Множество щелей въ ея будкѣ пропускаютъ вѣтеръ, и въ защиту отъ него я устроилъ надъ изголовьемъ своей постели будку изъ китайскаго походнаго полога, которымъ запасся на дорогу. Этотъ пологъ представляетъ весьма практичную выдумку китайцевъ. Онъ дѣлается изъ бамбуковыхъ палочекъ, скрѣпленныхъ мѣдными шарнирами и могущихъ удобно складываться или раскрываться. Въ послѣднемъ случаѣ онъ представляетъ фигуру какую мы получили бы, если бы поставили параллельно два раскрытыхъ вѣера и соединили концы ихъ палочекъ другими поперечными перекладинками. Этотъ остовъ обтягивается какою-нибудь матеріей, напримѣръ, для зимы фланелью, а лѣтомъ—газомъ или тюлемъ; въ первомъ случаѣ онъ защищаетъ отъ холода, во второмъ отъ насѣкомыхъ. Я раскрылъ его только на половину и прочно укрѣпилъ къ стѣнкамъ каюты шнурками и

такимъ образомъ былъ совершенно защищенъ отъ вреднаго вліянія сквознаго вѣтра. Матусовскій, по моему совѣту, сдѣлалъ то же самое.

Однако, несмотря на описанный комфортъ, намъ плохо спалось въ эту первую ночь, проведенную въ лодкѣ: безпокоилъ насъ и холодный воздухъ, и шумъ кругомъ на сосѣднихъ лодкахъ, на которыхъ никогда, кажется, не засыпаютъ всѣ одновременно; безпрестанно будилъ барабанъ часоваго на китайской конвоиркѣ, и ужасно надоѣдали доносившіяся откуда-то отвратительныя завыванія какой-то дудки или раковины,—я не могъ узнать что это было и только въ первый разъ слышалъ эти невообразимо противные звуки. Наконецъ усталось взяла свое.

Но только что мы съ Матусовскимъ заснули, какъ является казакъ и передаетъ распоряженіе начальника—вставать и трогаться въ путь. Мы поднялись, но, открывъ лодку, увидали, что на дворѣ была еще черная ночь.

— Куда же трогаться въ путь? вѣдь теперь ночь... Какъ же я съемку буду дѣлать? Что ты! Какой тутъ путь. Пойди спроси, что̀ тебѣ велѣли.

Казакъ ушелъ и больше не возвращался,—значитъ, убѣдилъ ретиваго изслѣдователя. Подождавъ его, мы прилегли и опять заснули.

12 января.

Сосновскій теперь, какъ видно, страстно желалъ скорѣе окончить путешествіе и ужасно торопился ѣхать. Снова явился казакъ, еще до восхода солнца, и разбудилъ насъ, сказавъ, что сейчасъ всѣ отправляются.

Земля побѣлѣла на зарѣ, какъ у насъ бываетъ въ началѣ сентября. Воздухъ сырой, холодный; непріятный полумракъ окутываетъ землю.

Тронулись. Хозяинъ нашей лодки и нанятый имъ помощникъ сошли на берегъ съ открытыми головами и голыми ногами, только на своихъ солеменныхъ подошвахъ и, натянувъ бичеву, медленно потащили впередъ нашу лодку; а слѣдомъ за нами подвигались и остальныя три съ своими рабочими. Несмотря на свѣжесть воздуха и легкую одежду послѣднихъ, они, пройдя немного, уже обливались по́томъ,—такъ не легка, значитъ, повидимому, не очень тяжелая работа.

Рѣка, никогда не знавшая льда, бѣжитъ намъ на встрѣчу; по

ней быстро идетъ внизъ множество лодокъ; такое же множество медленно тянется по одному съ нами направленію, борясь съ быстрымъ теченіемъ воды. На высокихъ берегахъ виднѣются непрерывные ряды домиковъ, и нѣкоторымъ изъ нихъ грозитъ близкая опасность быть подмытыми водою и обрушиться въ рѣку. Дома построены большею частью изъ кирпича, а другіе, побѣднѣе—изъ бамбука, гао-лянъ и тростнику. Почва береговъ сѣрая; печальные виды одноцвѣтны и незанимательны, и ихъ лишь нѣсколько разнообразятъ стоящія кой-гдѣ на возвышеніяхъ кумирни, да высокія каменныя печи для обжиганія кирпича, устроенныя по берегамъ рѣки. Послѣднія представляютъ нѣчто въ родѣ большихъ кирпичныхъ колпаковъ съ четырьмя трубами по сторонамъ. Возлѣ нихъ виднѣлись работавшіе китайцы.

Матусовскій началъ производить свою съемку, нанося на карту всѣ изгибы рѣки и отмѣчая все, что находилось на берегахъ, при чемъ единственнымъ помощникомъ у него былъ казакъ Смокотнинъ, какъ переводчикъ. Мнѣ же, сидя въ лодкѣ, дѣлать было нечего, и моя ученая дѣятельность все еще не начиналась.

Около полудня лодочники остановились близъ одного селенія для отдыха и обѣда, и какъ только наши лодки пристали къ берегу, на немъ тотчасъ собралась толпа изъ мѣстныхъ жителей. Всѣ стояли чинно; на каждомъ лицѣ было выраженіе интереса и даже удовольствія, съ какими они разсматривали пріѣхавшихъ „янъ-жень“, что буквально значитъ „заморскихъ людей“. Въ толпѣ были разносчики, торговавшіе разнаго рода съѣстными припасами, и они все продавали намъ охотно и по обыкновеннымъ цѣнамъ. Мы купили земляныхъ орѣховъ, прѣсныхъ лепешекъ и пирожковъ двухъ сортовъ: одни внутри съ какой-то коричневой массой сладкаго вкуса; другіе съ начинкой изъ листьевъ чесноку; пирожки, хотя и не особенно вкусные, но за неимѣніемъ лучшаго и они были хороши.

Пока мы стояли у берега, никто не выражалъ ни злобы, ни намѣренія оскорбить насъ; но какъ только лодки отчалили, ребятишки стали показывать намъ кулаки и кричать извѣстныя бранныя слова—„янъ-гуй-цзы“! Заморскіе черти!

Такъ какъ на нашихъ лодкахъ находились печи, то мы могли обѣдать не останавливаясь; требовалось только запасаться провизіей, а послѣднюю можно было найти почти въ каждомъ селеніи.

Шли до вечера, и характеръ рѣки и береговъ былъ тотъ же,

только рѣка стала шире. Вскорѣ послѣ заката солнца мы остановились на ночлегъ у селенья Цай-Дянь, расположеннаго при устьѣ небольшой рѣчки Синъ-Хэ, гдѣ также стояла цѣлая флотилія по преимуществу грузовыхъ лодокъ.

13 января 1875 года.

День такой же ясный и теплый; небо совершенно безоблачное; берега такіе же монотонные и незанимательные, и я на досугѣ сталъ знакомиться съ своими спутниками или даже сожителями, то-есть семьею лодочника.

Открывъ задвижное окно изъ нашей каюты въ помѣщеніе, занимаемое хозяевами лодки, я сталъ разсматривать его устройство, хотя и чувствовалъ, что дѣлаю нескромность, такъ какъ тамъ были женщины. Эта часть лодки равнялась лишь половинѣ нашей каюты и притомъ была вдвое ниже, такъ что стоять въ ней было невозможно. Однако, такіе миніатюрные размѣры ея не мѣшали помѣщаться въ ней довольно многимъ, а ночью и всѣмъ десяти членамъ, или, какъ китайцы говорятъ, „ртамъ“—семьи, и только въ хорошую погоду мужчины спали не здѣсь.... Не придумаешь и названія этому жилищу людей, но вотъ слова, изъ которыхъ можно выбрать любое: клѣтка, яма, казематъ и самое почетное—каморка. Такъ и будемъ ее называть.

Въ этой же каморкѣ устроена печь, въ которой для всѣхъ десяти „ртовъ“ приготовляется обѣдъ... Читателю и не понять, гдѣ же она можетъ помѣщаться, если я не скажу, что эта печь есть просто большой глиняный горшокъ, въ боку котораго, внизу, сдѣлана дыра,—это топка. Въ верхнее отверстіе вмазана глиняная труба, выведенная черезъ крышу лодки; рядомъ съ этимъ горшкомъ стоитъ другой подобный, и въ него вдѣланъ чугунный плоскій котелокъ;—вотъ и все. Около печи развѣшена и разложена на полкахъ разная посуда и кухонныя принадлежности. Во время топки печи вся каморка очень часто наполняется густымъ горькимъ дымомъ, отъ котораго бѣднымъ людямъ и уйти некуда, и онъ губитъ имъ глаза и легкія.

Кто же эти десять упомянутыхъ „ртовъ“? Мать лодочника, подслѣповатая старушка, почти не сходившая съ мѣста, но не по болѣзни, а потому, что сойти некуда. Она называется „почтенная бабушка“ (лао-тай-тай). Жена лодочника, лѣтъ сорока на видъ, старшая дочь, дѣвушка лѣтъ двадцати, которая изъ скромности или дикости спрятала свое лицо въ колѣни и все время

просидѣла такъ, не шевелясь, пока я смотрѣлъ въ окно; вторая дочь, лѣтъ семнадцати, иногда управлявшая рулемъ; четверо меньшихъ дѣтей, которыя всѣ имѣли на лицѣ слѣды только-что перенесенной оспы. Они лежали больными, разумѣется, здѣсь же, въ этой самой лодкѣ... Хороша эта больничная палата?!.. А вѣдь всѣ выздоровѣли.

Мои наблюденія видимо стѣсняли взрослыхъ женщинъ, и я торопился закрыть окно, чтобъ не тревожить ихъ и освободить несчастную дикарку изъ ея согнутаго, неподвижнаго положенія съ лицомъ, спрятаннымъ въ колѣни.

Итакъ, вотъ какова обстановка семьи безземельнаго и бездомовнаго гражданина Китая, — лодочника. Подробности жизненнаго комфорта дорисуйте сами, и вы навѣрно содрогнетесь.

Во время обѣденной остановки, разумѣется тамъ, гдѣ пришлось, я вышелъ на берегъ и скоро долженъ былъ сбросить съ себя мѣховое платье, въ которомъ сидѣлъ въ лодкѣ, не чувствуя тягости или жара; здѣсь же на солнцѣ температура доходила до 21° R. тепла. Вблизи, на возвышенномъ берегу, находилась одна изъ упомянутыхъ печей для обжиганія кирпича, и я поднялся къ ней, потомъ по шедшей вокругъ тропинкѣ взошелъ на ея верхнюю площадку, гдѣ стояла вода. Эту воду китайцы пропускаютъ внутрь печи, гдѣ она превращается въ паръ, который измѣняетъ свойство кирпича, дѣлая его изъ краснаго сѣрымъ и придавая необыкновенную прочность. Внутри печь была пуста и теперь, повидимому, служила пріютомъ какимъ-то китайцамъ. Одинъ изъ нихъ сидѣлъ возлѣ лужи и мылъ себѣ ноги; другой просто лежалъ и грѣлся на солнцѣ. Я поздоровался съ ними обыкновеннымъ привѣтствіемъ:

— Хао, бу-хао? Чы-ле-фáнь-ле?—Буквально значитъ: хорошо, не хорошо? Ѣли ли кашу?

— Ѣли, ѣли, отвѣтили они съ добродушной улыбкой, и въ свою очередь освѣдомились у меня о томъ же.

Окрестность, открывавшаяся глазу съ возвышенія, на которомъ я стоялъ, представляла равнину съ черными или зеленѣющими полями; по ней извивалась рѣка, оживленная множествомъ лодокъ, а по берегамъ тянулись деревни, окутанныя кустарниками и деревьями. На югѣ виднѣлись вдали туманныя невысокія горы, называемыя туземцами Чэнъ-Тоу-Шань. Почва береговъ песчаная, очень рыхлая и постоянно подмывается множествомъ род-

никовъ, бѣгущихъ съ береговъ къ рѣкѣ. Въ лужахъ стоячей воды и въ воздухѣ здѣсь, какъ видно, никогда не прекращается органическая жизнь: въ водѣ растетъ яркозеленая водоросль и вьются личинки комаровъ, а надъ водой съ шумомъ носятся мухи. Изъ птицъ видны только черныя вороны съ бѣлыми ошейниками, коршуны да сороки. По крайней-мѣрѣ на рѣкѣ и берегахъ другихъ нѣтъ. Вчера видѣлъ журавлей, высоко пролетѣвшихъ надъ нами, да стадо дикихъ гусей, штукъ въ двадцать.

Животныхъ вообще мало, за то люди встрѣчаются буквально на каждомъ шагу; они или стоятъ на берегу группами, или идутъ каждый по своимъ дѣламъ, неся разные предметы въ родѣ корзинъ, паланкиновъ и ящиковъ; по рѣкѣ везутъ товары въ лодкахъ; во многихъ мѣстахъ происходитъ переправа черезъ рѣку.

Когда я стоялъ на берегу, ко мнѣ съ осторожностью подошли два мальчика лѣтъ десяти-двѣнадцати; я заговорилъ съ ними по-руски; они отвѣтили что-то по-китайски и хотя говорили громко и, повидимому, смѣло, но на ихъ лицахъ ясно выражался страхъ, а въ позахъ была замѣтна готовность каждую минуту удрать безъ оглядки; каждый мой шагъ по направленію къ нимъ, каждое мое движеніе заставляли ихъ вздрагивать или прятаться другъ за друга, а иногда пускаться отъ меня бѣгомъ.

Въ это время къ намъ подъѣхалъ пожилой китаецъ верхомъ на буйволѣ, остановился и сталъ молча глядѣть на меня. Буйволъ вообще животное кроткое, невозмутимо-спокойное и до того смирное, что маленькія дѣти сплошь и рядомъ беззаботно разъѣзжаютъ на немъ верхомъ. Но тутъ, постоявъ минуту передо мной, онъ приподнялъ голову, началъ усиленно втягивать ноздрями воздухъ и съ шумомъ выдувать его обратно, широко раскрылъ глаза и осматривалъ меня пугливо и сердито. Онъ, очевидно, узналъ во мнѣ иностранца и безпокоился... Какъ это странно!

Не знаю, что сталъ бы онъ дѣлать передо мною или со мной, еслибъ я еще оставался тутъ, но меня позвали на лодку, потому что лодочники пообѣдали и собирались идти. Сегодня прошли тридцать верстъ, и характеръ рѣки и береговъ на этомъ пространствѣ одинъ и тотъ же.

Остановились на ночлегъ, и съ военной лодки сдѣлали выстрѣлъ изъ пушки, потому, какъ объяснили намъ, что въ здѣшнихъ мѣстахъ есть разбойники, промышляющіе иногда грабежомъ на лодкахъ, которыя останавливаются на ночлегъ,—такъ чтобъ

пристращать ихъ. Наконецъ вездѣ погасли огни; барабанъ пробилъ вечернюю зарю, такъ же какъ у насъ въ девять часовъ; люди забрались въ лодки и замолкли; только гдѣ-то слышался сдержанный разговоръ китайцевъ, да стоны и оханья одного старика, рабочаго на сосѣдней лодкѣ. Незавидную долю послала судьба этимъ бѣднымъ труженикамъ; они цѣлый день тянутъ бичеву или работаютъ веслами и получаютъ за это отъ 10 до 15 коп. въ день и пищу, состоящую изъ нѣсколькихъ чашекъ варенаго рису. И они еще благословляютъ небо, когда есть работа, а то безъ послѣдней положеніе становится еще хуже, если про черный день не сбережено нѣсколькихъ сотенъ чохъ. Хорошо еще, что живутъ они въ такомъ благодатномъ краю: у насъ развѣ въ августѣ бываютъ такія ночи, какъ здѣшнія январскія. Хоть одеждъ не требуется много.

14 января, воскресенье.

Проѣзжаемыя мѣста должны быть очень красивы въ лѣтнее время, когда деревья, растущія здѣсь въ большомъ количествѣ по берегамъ, бываютъ одѣты зеленью. Селенія почти не прерываются, и прежде я еще не видывалъ внѣ городовъ такого множества человѣческихъ жилищъ, заразъ открывающихся передъ глазами. Рѣка Хань-Цзянъ называется здѣсь уже другимъ именемъ,—Сянъ-Хо,—что въ Китаѣ вообще бываетъ очень часто; такъ что иногда одна и та же рѣка носитъ въ разныхъ участкахъ до десяти различныхъ названій, что, вѣроятно, во время оно бывало и во всѣхъ странахъ, когда сообщенія были плохи и люди жили болѣе разъединенно.

На солнцѣ 24° R. тепла. Вѣтерокъ едва чувствителенъ. Мы подходимъ къ городу Хань-Чуань, стоящему на берегу, значительно поднятомъ надъ уровнемъ рѣки; такъ по крайней мѣрѣ кажется теперь, вслѣдствіе низкаго стоянія воды, какое обыкновенно бываетъ въ зимнюю пору года.

Быстрота, съ какою мѣстное населеніе узнаетъ о нашемъ пріѣздѣ, просто изумительна. Точно испуганные чѣмъ-нибудь бросаютъ они свои мирныя занятія и бѣгутъ со всѣхъ ногъ съ крутаго берега къ рѣкѣ, къ нашимъ лодкамъ. Слова: янъ-жень! (заморскіе люди) летятъ впередъ насъ, и не успѣютъ наши лодки причалить къ берегу, какъ на немъ уже стоитъ толпа мужчинъ, дѣтей обоего пола и старухъ, стоящихъ обыкновенно нѣсколько въ сторонѣ. Раньше всѣхъ прибѣгаютъ мальчишки; за ними схо-

дятся поспѣшнымъ шагомъ или бѣгомъ взрослые и почтенные обитатели деревни; потомъ плетутся дряхлые старики и ковыляютъ на своихъ ножкахъ женщины. Иногда какая-нибудь дряхлая старушонка смотритъ на диковинныхъ людей тоже съ увлеченіемъ, стараясь какъ можно шире раскрыть свои полуугасшіе глаза. Никогда она не видала русскаго офицера, а тутъ вдругъ Господь сподобилъ увидать. Брови подняты, ротъ раскрытъ, все лице оживилось, но не надолго; и выраженіе интереса очень быстро смѣняется непонятнымъ гнѣвомъ. Иногда въ обществѣ старухъ бываютъ и молодыя женщины, болѣе или менѣе нарядныя, съ браслетами и кольцами на рукахъ, въ платьяхъ яркихъ цвѣтовъ, зеленаго, розоваго, голубаго или свѣтло-лиловаго, и непремѣнно съ маленькими ножками.

Наше появленіе всюду возбуждаетъ большой интересъ; и сколько оживленія, предметовъ для разговоровъ и споровъ привозимъ мы съ собою въ каждую деревню! Праздникъ настоящій, и разговоръ идетъ исключительно о проѣзжающихъ иностранцахъ. Каждый спѣшитъ посмотрѣть на нихъ, старается все подмѣтить, ничего не пропустить, и втихомолку идутъ разспросы—кто такіе заморскіе люди, куда и зачѣмъ ѣдутъ? Лодочники и солдаты военной лодки, до нѣкоторой степени гордые тѣмъ, что они находятся съ нами въ такихъ близкихъ отношеніяхъ, удовлетворяютъ любопытству спрашивающихъ, объясняя, что это „улóсы (русскіе), проѣзжающіе изъ Пекина въ свою землю“.

Я подозвалъ къ себѣ изъ толпы продавца конфектъ, взялъ одну и сталъ разсматривать. Слышу, въ толпѣ сейчасъ заговорили: „Та-бу-ся́о-ды“! (Онъ не знаетъ, что это такое), и стали смѣяться.

Это ѣдятъ! Можно ѣсть! Попробуй! весело горланило нѣсколько голосовъ.

Я попробовалъ и похвалилъ, хотя конфекты были не очень вкусны, но и не особенно противны. Я началъ одѣлять ими мальчишекъ, и въ толпѣ по этому поводу поднялись веселый шумъ, крики и смѣхъ; руки поднялись кверху и потянулись ко мнѣ; брали конфекты и ѣли безъ какого-либо выраженія благодарности, такъ какъ благодарить за всякую бездѣлицу, какъ принято у насъ,—въ Китаѣ, этой странѣ церемоній, оказывается совсѣмъ не въ обычаѣ.

Продавецъ подалъ мнѣ еще пригоршни конфектъ, я роздалъ; потомъ еще и еще. За все онъ спросилъ двѣсти чохъ, и я велѣлъ казаку, бывшему нашимъ казначеемъ, отдать; но казакъ

нашелъ, что этого слишкомъ много и далъ ему только сто, сказавъ,—будетъ съ тебя и этого.—Ладно, отвѣтилъ тотъ и взялъ съ такой улыбкой, которая ясно говорила, что онъ доволенъ продажей; а сто чохъ по мѣстному курсу составляли на наши деньги менѣе гривенника.

Когда я потомъ стоялъ на лодкѣ и, куря сигару, разсматривалъ толпу, около меня совершенно неожиданно явился одинъ незнакомый китаецъ и вознамѣрился взять у меня сигару, да еще прямо изо рта. Я зналъ, что подобная безцеремонность отнюдь непозволительна даже съ точки зрѣнія азіятской патріархальности, и потому этотъ поступокъ показался мнѣ умышленною дерзостью, желаніемъ доказать товарищамъ, что не только бояться, но и церемониться съ заморскими чертями нечего. А можетъ быть и просто сигара ужъ очень интересовала его, какъ невиданная вещь.

Я спокойно отвелъ его руку и только сердито посмотрѣлъ на него, какъ онъ тотчасъ ушелъ и, перескочивъ на сосѣднюю лодку, гдѣ находился Боярскій, въ одно мгновеніе вырвалъ у него сигару и такъ же быстро возвратился на берегъ. Тутъ стало ясно, что онъ былъ командированъ сосѣдями, въ качествѣ охотника, съ порученіемъ во что бы ни стало добыть сигару. Онъ покурилъ ее самъ, потомъ передалъ сосѣду, тотъ—своему и т. д. Сигара пошла по рукамъ, переходя изо рта въ ротъ. Многіе отъ нея раскашлялись, другіе плевали, и почти всѣ дѣлали гримасу,—табакъ, очевидно, показался имъ слишкомъ крѣпкимъ.

Послѣ обѣда мы пошли дальше. Рѣка стала шире, виды красивѣе, количество деревьевъ, окутывающихъ селенія, теперь еще увеличилось, а на горизонтѣ стали показываться синеватые холмы.

Въ сумеркахъ остановились на ночлегъ. Матусовскій вышелъ на берегъ, чтобъ произвести измѣреніе ширины рѣки; я также пошелъ съ нимъ и по пути спрашивалъ названія стоявшихъ у берега деревьевъ. Спросилъ одного проходившаго мимо китайца, потомъ другаго, оба назвали одинаково, только произносили различно,—янъ-хю, янъ-сю, или янъ-шу (тополь).

Съ военной лодки снова раздался пушечный выстрѣлъ и забили зарю. Наступила ночь, тихая и теплая. Мы порядочно устали и хотѣлось скорѣе улечься спать, но крикъ и плачъ больныхъ дѣтей на нашей лодкѣ, да барабанъ караульнаго, который постукивалъ въ него цѣлую ночь, минутъ черезъ пять, такъ надоѣдали, что я наконецъ сталъ затыкать уши ватой, чтобъ

нѣсколько „оглохнуть“; и это средство оказалось очень дѣйствительнымъ, а то, бывало, цѣлую ночь заснуть не можешь.

15 января.

Путешествіе наше, какъ и читатель вѣроятно чувствуетъ, пока не особенно занимательно. Вопервыхъ, природа рѣки и береговъ очень бѣдна и однообразна, а вовторыхъ, и самый способъ нашего движенія таковъ, что много интереснаго не узнаешь и не увидишь: мы цѣлый день сидимъ въ лодкѣ и выходимъ на берегъ лишь на нѣсколько минутъ, и не тамъ, гдѣ стóитъ выйти, гдѣ есть что-нибудь интересное, а тамъ, гдѣ застанетъ часъ обѣда лодочниковъ, да на ночлегахъ. Безъ сомнѣнія, здѣсь можно было бы найти много занимательнаго и узнать много полезнаго, еслибы имѣть при себѣ хорошаго переводчика и останавливаться хоть на нѣсколько часовъ въ мѣстахъ, заслуживающихъ вниманія. Теперь же за цѣлый день нашему наблюденію были доступны только голые песчаные берега и то съ лодки, да эта послѣдняя, но на ней самыми интересными предметами были люди, а какъ было съ ними говорить! Приходилось поневолѣ довольствоваться только созерцаніемъ да собственными догадками.

Ну, будемъ созерцать и догадываться. Жизнь этихъ людей представлялась мнѣ чрезвычайно печальною: вся она проходитъ на этой рѣкѣ, въ этихъ лодкахъ; въ нихъ они родятся, и ребятами, пока не умѣютъ ходить, ползаютъ по ея верхней палубѣ. Мальчики, когда подростутъ, начинаютъ помогать отцу, тянутъ лямку, какъ и онъ, или работаютъ багромъ, потомъ сами становятся отцами и продолжаютъ ту же работу при помощи своихъ дѣтей, и такъ далѣе. Такимъ образомъ они всѣ дни своей жизни измѣряютъ тяжелыми шагами эти песчаные берега. Но дѣвушки и вообще женщины, можетъ-быть, и этому завидуютъ, потому что онѣ совсѣмъ лишены движенія; онѣ никогда не выходятъ изъ своей коморки. Праздныя, потому что для нихъ нѣтъ подходящихъ занятій, и неграмотныя, коротаютъ онѣ свой жалкій вѣкъ, не зная ни радостей, ни интересовъ, ни игръ,—гдѣ же двигаться въ лодкѣ... Не ужасно ли это! А такой участи подвергаются въ Китаѣ цѣлые милліоны дѣтей и женщинъ.

16 января.

Когда мы прошли небольшое пространство, подулъ попутный вѣтеръ; люди тотчасъ убрали бичеву, перешли съ берега на лодки

и пошли подъ парусами, открывъ ихъ только на одну треть. Они отдыхали и радовались тому, что вѣтеръ взялъ на себя ихъ работу. Онъ усилился, и лодки шли ходко; вода точно кипѣла вокругъ ихъ, какъ въ котлѣ, и мы могли бы сдѣлать сегодня хорошій переходъ; но Сосновскій ушелъ на охоту, и мы вскорѣ принуждены были остановиться.

Небо было пасмурно и въ воздухѣ холодно. Собравшіеся на берегу китайцы, хотя и одѣтые въ ватное платье, ёжились отъ холода; у многихъ изъ нихъ были надѣты оригинальные наушники, представляющіе плоскія крышечки, подбитыя мѣхомъ и надѣвающіеся на самыя уши, какъ на вѣшалки. Толпа состояла, судя по платью, все изъ бѣдняковъ, да и на видъ здѣшніе жители большею частью нездоровы, худы и слабы.

Дождавшись возвращенія Сосновскаго, пошли дальше, и только что наши лодки отплыли отъ берега, какъ толпа, до этого смирная и, какъ казалось, почтительная, вдругъ разразилась криками, между которыми преобладающими были слова—„заморскіе черти“; но я видѣлъ, что кричали почти мальчишки. Теперь они очень храбро выступали впередъ и грозили намъ кулаками. То же сдѣлалъ и одинъ взрослый, какой-то оборванецъ. Остальные продолжали стоять покойно и лишь смотрѣли намъ вслѣдъ...

Рѣка стала дѣлать частые изгибы, хотя характеръ ея и ея береговъ не измѣнялся,—пусто, сѣро и невесело. Вскорѣ мы повернули къ сѣверу и вѣтеръ пересталъ помогать лодочникамъ; они опять надѣли черезъ плечо, словно орденскія ленты, свои лямки, спрыгнули на берегъ и, согнувшись, зашагали опять, натягивая бичевы. Галки стаей носились высоко надъ рѣкой, какъ онѣ обыкновенно летаютъ передъ холодной порой или снѣгомъ. Но здѣсь, вмѣсто снѣжной мятели, вѣтеръ несъ мелкую песчаную пыль, наполняя ею наши лодки, покрывая густымъ слоемъ все, находящееся въ нихъ, и засыпая ею чай и кушанья, которыя отъ песку трещали на зубахъ.

Мы остановились для обѣда у большаго села Сянь-Тоу-Чжэнь, которое расположилось на самомъ краю обрывистаго берега, такъ что его крайняя улица идетъ не по землѣ, а устроена на подмосткахъ! У села стояло множество лодокъ, возлѣ которыхъ мы проходили, и намъ была видна вся происходившая на нихъ жизнь. Женщины шили или стряпали обѣдъ; мужчины обѣдали, жадно истребляя рисъ, торговали рыбой и зеленью, или няньчили дѣтей. Дѣти постарше играли или ползали на крышахъ лодокъ;

тутъ же по лодкамъ шныряли собаки, живущія на нихъ въ качествѣ караульщиковъ. Эти собаки свободны, а дѣти сидятъ на привязи, потому что у каждаго изъ нихъ вы видите вокругъ туловища веревку, дающую ему возможность ползать по крышѣ лодочной каюты, а другимъ концомъ привязанную къ чему-нибудь прочному. Эта предосторожность необходима на случай безпрестанно случающихся паденій ихъ въ воду: упавшаго немедленно вытаскиваютъ за веревку и водворяютъ на прежнемъ мѣстѣ, въ большинствѣ случаевъ предоставляя ему самому утѣшаться и обсушиваться, впрочемъ, когда въ воздухѣ тепло, а въ холодное время перемѣнятъ платьишко, если есть.

Я уже начиналъ пріобрѣтать кой-какія свѣдѣнія въ китайскомъ языкѣ, могъ кой-что спросить, напримѣръ, что̀ ты ѣшь?—вопросъ, который въ Китаѣ представляетъ только учтивость. И я, проѣзжая совсѣмъ близко мимо обѣдавшихъ на своихъ лодкахъ китайцевъ, предлагалъ имъ этотъ учтивый вопросъ, на который не только всегда получалъ отвѣтъ, но могъ и убѣдиться въ томъ, что меня не обманывали, такъ какъ они, отвѣтивъ, сейчасъ же показывали и чашку съ кушаньемъ, которое они ѣли черезъ ея край, помогая себѣ палочками. У нѣкоторыхъ, кромѣ рису, въ чашкахъ находилось мясо, рыба, капуста, бамбукъ, гороховый кисель, лукъ или рѣдька.

Всѣ жители села были на улицѣ; тутъ они работали, тутъ обѣдали, а праздные проводили свой досугъ, спрятавъ руки въ широкіе рукава и посматривая на проходящихъ. Вотъ прошла свадебная процессія. То была маленькая деревенская свадьба: два человѣка шли впереди, шагахъ въ двадцати, и стучали въ мѣдные тазы; за ними двое несли большіе фонари на высокихъ палкахъ; шагахъ въ двухъ позади ихъ четыре человѣка, въ сопровожденіи мужчинъ и женщинъ, несли нарядныя, наглухо закрытыя носилки, въ которыхъ сидѣла, въ совершенной темнотѣ, виновница скромнаго торжества—невѣста; на нѣкоторомъ разстояніи за ними слѣдовали еще четыре человѣка, несшіе въ трехъ или четырехъ сундукахъ свадебные подарки... Однако четыре сундука съ подарками! подумаетъ читатель,—это очень много для скромной деревенской свадьбы... Да, но дѣло въ томъ, что въ Китаѣ и эти вещи, подобно всѣмъ другимъ, также берутся на прокатъ, т.-е. чтобы ихъ только видѣли на улицѣ, когда процессія проходитъ.

Отправились дальше. Берега рѣки становятся оживленнѣе и

густота населенія начинаетъ поражать: не успѣетъ одно селеніе кончиться, какъ начинается другое; по берегамъ постоянно идутъ люди и несутъ что-нибудь. Вотъ опять свадебная процессія; тамъ еще „драгоцѣнныя носилки“, то-есть съ невѣстой, переправляютъ въ лодкахъ черезъ рѣку. И еще нѣсколько свадебныхъ процессій встрѣтили мы сегодня... Что за странность! Отчего ихъ такъ много въ одинъ день? Оттого, изволите видѣть, что этотъ день (21 день 1-й луны) считается въ Китаѣ счастливымъ днемъ для бракосочетаній... У китайцевъ не меньше суевѣрій, чѣмъ у европейцевъ, и они будто бы знаютъ разные счастливые дни для разныхъ предпріятій. Такъ, есть дни, въ которые „небо милости оказываетъ“ вообще; дни, счастливые для хлѣбныхъ магазиновъ, для браковъ, для отправленія въ путь и т. п.

17 января.

Ночь была свѣжѣе: вѣтеръ сильно волновалъ рѣку, качалъ лодку и стучалъ снастями. Въ 8 часовъ утра въ каютѣ было лишь 2° тепла, а снаружи 1°, но мы уже привыкли находиться постоянно на воздухѣ, одѣты были тепло и потому не зябли; но погрѣться не мѣшало, и я пошелъ съ казакомъ Степановымъ пѣшкомъ вдоль берега.

Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ рѣка дѣлала изгибъ, мы шли прямо, слѣдовательно удаляясь отъ нея, и проходили черезъ расположенныя здѣсь селенія и окружающія ихъ поля. Симпатичные маленькіе домики, сплетенные изъ бамбука и обмазанные глиной, съ гладкими соломенными крышами, отѣненные кустарниками и деревьями, разбросанные въ безпорядкѣ среди маленькихъ полей и хорошенькихъ крошечныхъ огородовъ, уже зеленѣвшихъ разными овощами, напоминали мнѣ наши тонущія въ зелени украинскія села. Солнце свѣтило ярко, и всѣ обитатели этихъ маленькихъ домовъ находились на открытомъ воздухѣ; внутри ихъ хлопотали по хозяйству только женщины. Старики няньчили маленькихъ дѣтей; взрослые занимались кой-чѣмъ или грѣлись на солнцѣ и болтали между собою. На разставленныхъ возлѣ домиковъ столахъ была разложена хлопчатая бумага, которую колотили смычками; на циновкахъ просушивались зерна гао-лянъ (сорго), а также пшеницы и рису.

Неожиданное появленіе насъ двоихъ на улицахъ этихъ селеній было для ихъ жителей почти чѣмъ-то сверхъестественнымъ, такъ мало ожидали они увидать когда-нибудь у своихъ домовъ

двухъ, неизвѣстно откуда и куда проходящихъ, человѣкъ—некитайцевъ. Пораженіе ихъ было велико; но всѣ обходились съ нами очень вѣжливо, и нѣкоторые даже усердно упрашивали зайти къ нимъ напиться чаю, что̀ я съ удовольствіемъ сдѣлалъ бы, если бы не торопился.

Когда большой толпы нѣтъ, какъ здѣсь, напримѣръ, тогда любопытство китайцевъ вовсе не тягостно для путешественника; мнѣ даже пріятно было доставлять имъ невинное удовольствіе посмотрѣть на себя, на что-нибудь новое, напримѣръ, въ родѣ русскаго романовскаго полушубка, высокихъ кожаныхъ сапогъ и т. п.

И никогда, я думаю, этотъ полушубокъ и королёвскіе сапоги не удостоивались такого вниманія и не заслуживали столькихъ похвалъ, какими осыпали ихъ китайцы. Они ходили кругомъ меня, поднимали полы, трогали руками мѣхъ, кожу, воротникъ, дотрогивались до сапогъ, постукивали по нимъ ногтями и испытывали мягкость кожи.

Они весело болтали, безпрестанно на разные лады хвалили мое платье и бывшія со мною вещи и охотно сообщали все, о чемъ ихъ спрашивали; но, къ сожалѣнію, я не многимъ могъ воспользоваться; а въ головѣ роились тысячи вопросовъ; торопиться такъ не хотѣлось. Хотѣлось изучать и природу, и людей, и условія ихъ жизни,—заглянуть въ ихъ духовный міръ; но для этого нужно держаться латинскаго правила—поспѣшай медленно, а мы поспѣшаемъ очень быстро. Но почему? Куда? На основаніи какихъ соображеній? Мы еще ничего не знаемъ и спрашивать не смѣемъ.

Миновавъ селеніе, мы съ Степановымъ шли по уединенной тропинкѣ, пробираясь между полями къ рѣкѣ, гдѣ должны были встрѣтить наши лодки, какъ съ нами повстрѣчался одинъ китаецъ. Отъ несъ кувшинъ водки и велъ поросенка за веревочку, продѣтую сквозь его ухо. Эти водка и поросенокъ предназначались для предстоящаго праздника Новаго года, и обладатель этихъ скромныхъ даровъ міра сего, повидимому, былъ очень доволенъ своей судьбой, хотя его бѣдная одежда обличала весьма небольшой достатокъ. Онъ самымъ любезнымъ образомъ поздоровался съ нами и съ сіяющимъ лицомъ указалъ на кувшинъ и поросенка, какъ бы говоря: вотъ мы нынче какъ!—Онъ такъ былъ радъ, что забылъ даже о страхѣ, который долженъ былъ испытать, встрѣтившись съ нами одинъ въ открытомъ полѣ.

Спросили у него, какъ намъ ближе пройти къ рѣкѣ, и онъ не только объяснилъ намъ, но весело и любезно предложилъ дойти вмѣстѣ съ нами; но мы, поблагодаривъ, отказались, не желая обременять его напраснымъ трудомъ.

— Рѣдко у насъ бываютъ заморскіе люди, сказалъ онъ.

— Оттого рѣдко, отвѣчалъ я,—что вы сами не хотите, чтобъ они къ вамъ пріѣзжали; ваши люди все бранятъ ихъ заморскими чертями.

— Э, нѣтъ, нѣтъ, заговорилъ онъ поспѣшно,—не правда, мы любимъ иностранцевъ; хорошо, когда они пріѣзжаютъ; иностранцы—хорошіе люди!...

Это отчасти значило, что онъ ни откуда не разсчитывалъ на подкрѣпленіе и потому чувствовалъ себя въ нашей власти. Вдали показалось нѣсколько человѣкъ китайцевъ, которыхъ нашъ собесѣдникъ не утерпѣлъ, чтобъ не подозвать; онъ извѣстилъ, что тутъ заморскіе люди, и звалъ скорѣе приходить смотрѣть на нихъ. Тѣ подошли ускореннымъ шагомъ и предались молчаливому созерцанію; потомъ ихъ заинтересовало мое писаніе, и я понялъ изъ ихъ разговора, что имъ хотѣлось попробовать, какъ пишутъ „иностранной кистью“, т.-е. карандашомъ. Я предложилъ его и свою книжку; но никто не рѣшался взять ихъ, за то каждый ободрялъ своего сосѣда и совѣтовалъ ему попробовать. Наконецъ одинъ мальчуганъ лѣтъ тринадцати рискнулъ, взялъ карандашъ, написалъ на моей книжкѣ два іероглифа и прочелъ ихъ вслухъ,—„Тянь, Ди“! (небо, земля). При этомъ онъ указалъ на нихъ пальцемъ. Онъ ничего не хотѣлъ сказать этими словами, а написалъ ихъ потому, что, вѣроятно, недавно научился имъ. Съ нихъ, кажется, начинаются китайскія азбуки.

Мы мирно разстались съ собесѣдниками и пошли своей дорогой, спустились къ берегу и, сѣвъ въ стоявшую тутъ маленькую рыбачью лодку, переправились на ней на проходившую въ это время военную лодку, командиръ которой пригласилъ насъ въ свою каюту и сталъ предлагать обѣдать или выпить чаю; когда же мы отказались, онъ велѣлъ подать трубку, но и это предложеніе было отклонено нами, потому что вовсе не было охоты курить промасленный табакъ, употребляемый китайцами, да еще изъ чужой трубки.

Вскорѣ остановились для обѣда у селенія Хуанъ-Коу. Народъ собрался поглазѣть на насъ, и когда на берегъ были выброшены завернутые въ бумагу ненужные обрѣзки остатка окорока, этотъ

свертокъ былъ поспѣшно поднятъ китайцами и тщательно разсмотрѣнъ; ветчина была попробована, и потомъ долго шелъ разговоръ о томъ, что́ это за мясо; рѣшили, что ветчина, что хорошая ветчина и что ветчина иностранная такая же, какъ китайская (съ чѣмъ однако я не могу согласиться, ибо китайская гораздо хуже, очень суха и недостаточно жирна).

День былъ превосходный, тихій, ясный и теплый. Облитая и согрѣваемая солнечными лучами толпа мужчинъ, женщинъ и дѣтей стояла на берегу противъ нашихъ лодокъ и, казалось, съ выраженіемъ сожалѣнія, что мы мало гостили у нихъ, провожала глазами наши отплывавшія лодки. Когда мы отошли шаговъ на двадцать, толпа тронулась и стала расходиться, но вдругъ кто-то громко крикнулъ и этимъ крикомъ мгновенно заразилъ всѣхъ желаніемъ просто погорланить, безъ всякихъ враждебныхъ намѣреній; всѣ пустились бѣжать по берегу вслѣдъ за нами, крича, припрыгивая и играя. На этотъ разъ даже обычной брани не было слышно.

Я замѣтилъ въ толпѣ одного китайца безъ правой руки, но, къ сожалѣнію, не могъ узнать, гдѣ и какъ онъ лишился ея, потому что мы отошли уже далеко; я бы вернулся, да начальникъ нашъ все торопилъ идти какъ можно скорѣе, точно мы разсчитывали на призъ за скороходство. Вопросъ же объ отнятой рукѣ потому интересовалъ меня, что китайскіе врачи—вообще врачи плохіе и еще болѣе плохіе хирурги; они вовсе не умѣютъ отнимать большихъ членовъ, и даже по принципу не дѣлаютъ ампутацій, чтобы не обезображивать тѣла, считая это большимъ грѣхомъ для паціента противъ своихъ родителей.

На закатѣ солнца мы приближались къ селенію Юй-Цзя-Коу. По нашему, это—городъ, и по величинѣ, и по числу жителей, которыхъ здѣсь, говорятъ, болѣе 10.000; а по здѣшнему—село или пристань. Множество лодокъ большихъ и маленькихъ стояло здѣсь у берега, тѣсно сбившись въ одинъ пловучій городокъ, въ которомъ совершалась своя отдѣльная жизнь, почти независимая отъ земли, такъ какъ обитатели лодокъ, и то лишь мужчины, сходятъ только для закупки съѣстныхъ припасовъ, да для бритья своихъ головъ, чего, замѣчу кстати, китайцы никогда не дѣлаютъ сами ни себѣ, ни другъ другу, какъ бы они бѣдны ни были, потому что у нихъ профессія цирюльниковъ считается дѣломъ позорнымъ. Можетъ быть это воззрѣніе установилось во время оно, когда головы брились по приказанію, въ знакъ вы-

раженія вѣрноподданническихъ чувствъ новой династіи (маньчжурской): въ то время, слѣдовательно, цирюльники являлись до извѣстной степени палачами. Вѣдь до владычества маньчжуровъ китайцы головъ не брили и косы не носили, а просто длинные волосы.

Въ селѣ Юй-Цзя-Коу, когда мы подошли къ нему, кипѣла жизнь, выражавшаяся движеніемъ множества людей, сновавшихъ въ разныхъ направленіяхъ, и тысячами разнообразныхъ голосовъ и звуковъ, сливавшихся въ одинъ общій гамъ или какъ бы жужжаніе пчелинаго роя.

Наши лодки вмѣстѣ съ другими, чужими, которыхъ не мало пришло одновременно съ нами, пристали къ берегу, бросивъ на него якоря. Тотчасъ же по всей набережной разнеслись, какъ будто сигналъ военной тревоги, слова „янъ-жѣнь“! (заморскіе люди). Этотъ сигналъ мигомъ собралъ огромную толпу и выстроилъ ее амфитеатромъ передъ нашими лодками, палубы которыхъ превратились въ театральныя сцены, а мы—въ актеровъ; зрителей же собралось столько, и они удостоивали насъ такого напряженнаго вниманія, что намъ могли бы позавидовать въ этомъ отношеніи самыя крупныя знаменитости сценическаго искусства. Но намъ вовсе не льстило это вниманіе, и мы съ наслажденіемъ остались бы наединѣ съ самими собою. Да какъ прогнать толпу? Для этого не существуетъ никакой возможности, или это осуществимо при помощи вооруженнаго отряда человѣкъ во сто. Прогоняемые властью или страхомъ съ одного мѣста, люди только переходили на другое; убывая на одномъ флангѣ, толпа въ то же время росла и усиливалась на другомъ; прогоняли одного, а на его мѣсто являлось пять...

Здѣсь уже было получено извѣщеніе о нашемъ прибытіи, и черезъ нѣсколько минутъ по пріѣздѣ къ намъ явился чиновникъ мѣстной полиціи и спросилъ, когда мы прикажемъ прислать солдатъ для огражденія насъ отъ докучливой толпы. Солдаты скоро явились, однако толпа, несмотря на всѣ ихъ усилія, не убавлялась; за то она стала гораздо смирнѣе.

Положеніе путешественника въ Китаѣ, находящагося на лодкѣ, весьма выгодно: онъ, вопервыхъ, остается на ней относительно покойнымъ, недоступнымъ по крайней мѣрѣ для толчковъ и осязательнаго изслѣдованія крайне безцеремонныхъ зрителей; вовторыхъ, послѣдніе остаются передъ его глазами не только

цѣлыми часами, а цѣлыми днями, съ ранняго утра до глубокой ночи, какъ на сценѣ: только смотри и изучай.

Стоя на палубѣ своей лодки передъ толпою китайцевъ, по крайней мѣрѣ въ полторы тысячи человѣкъ, я сталъ выбирать и рисовать въ свой альбомъ наиболѣе типичныя физіономіи. Они тотчасъ догадались, что̀ я дѣлаю, и любопытство ихъ было доведено просто до степени страданія; они стали подниматься на носки, взлѣзали на что̀ было можно взлѣзть, чтобъ заглянуть въ мой альбомъ, хотя сами, вѣроятно, были убѣждены, что съ берега ничего увидать нельзя. Испробовавъ всѣ средства и убѣдившись, что̀ все напрасно, они стали просить меня показать рисунокъ имъ; наконецъ одинъ не вытерпѣлъ и быстро взошелъ по положеннымъ сходнямъ на лодку.

— Что̀ вамъ угодно? спокойно спросилъ я его по-русски. Онъ смутился, испугался неизвѣстно чего и, быстро повернувшись, сбѣжалъ по той же доскѣ обратно на берегъ и за свой неудачный походъ подвергся веселому осмѣянію своихъ собратій. Новыхъ попытокъ являться на лодку не было, и я продолжалъ набрасывать то того, то другаго.

Въ толпѣ между тѣмъ появились продавцы мяса, хлѣба, зелени, и они не только охотно продавали все, что̀ было нужно, но даже навязывали, такъ какъ намъ они, вѣроятно, продавали свой товаръ съ нѣсколько бо́льшимъ барышомъ, хотя все казалось намъ необыкновенно дешевымъ. Многое впрочемъ и намъ продавалось по той же цѣнѣ, какъ и всѣмъ [1]), такъ что нашъ казакъ не разъ восклицалъ въ такихъ случаяхъ:

Это, ваше высокоблагородіе, какой-то безгрѣшный народъ!..

Здѣсь была назначена дневка съ цѣлью производства такъ называемыхъ астрономическихъ наблюденій; но для чего бы она ни назначалась, я дневкѣ былъ радъ.

18 января.

Утро. Солнце только-что восходитъ; надъ рѣкой еще лежитъ густой туманъ и въ воздухѣ свѣжо. Жители Юй-Цзя-Коу давно проснулись, работаютъ, бѣгутъ по разнымъ дѣламъ или ужъ стоятъ праздные на берегу и глазѣютъ на наши лодки, поджидая нашего выхода; на селѣ раздаются говоръ, звуки мѣдныхъ

[1]) Напримѣръ гинъ или цзинъ (около полутора нашего фунта рѣдьки стоитъ 4 чоха или $^1/_4$ коп. Полтора фунта дровъ—3 чоха. Дрова продаются на вѣсъ!

тазовъ и тарелокъ, свистъ и трели птицъ, по преимуществу скворцовъ, во множествѣ и совершенно смѣло летающихъ вблизи домовъ и людей, а также по самымъ лодкамъ. Всѣ эти звуки общимъ хоромъ наполняютъ всю окрестность.

Я сошелъ съ Матусовскимъ на берегъ. Онъ измѣрялъ ширину рѣки, а я осматривалъ набережную селенія. Одного китайскаго солдата при насъ было совершенно достаточно, чтобы слѣдовавшая за нами толпа держала себя почтительно и не мѣшала намъ.

Ну, съ солдатомъ—такъ, думалъ я; но вѣдь нельзя же всюду и всегда таскать съ собою солдата, надо попробовать одному ходить по улицамъ, и отправился внутрь селенія одинъ. Пройдя черезъ узенькій переулокъ, выходившій на набережную, я очутился на главной улицѣ, которая идетъ параллельно съ послѣднею. Видъ ея съ ея лавками и снующимъ населеніемъ былъ похожъ на всякую другую улицу китайскаго городка. Мое появленіе въ европейскомъ костюмѣ тотчасъ обратило на меня вниманіе туземцевъ, и то обстоятельство, что я былъ одинъ, безъ провожатаго и стражи, кажется произвело на нихъ хорошее впечатлѣніе. Они и удивлялись моему появленію, и рады были посмотрѣть на меня вблизи.

— „Янъ-жень! Янъ - жень?“ — Иностранецъ?! вопросительно восклицали они вслухъ, какъ бы не довѣряя своимъ глазамъ и желая слышать подтвержденія другихъ; и всякій, кто былъ свободенъ, отправлялся слѣдомъ за мною, постепенно увеличивая мою свиту. Нѣкоторые изъ свитскихъ потихоньку дотрогивались сзади до моего полушубка; другіе, крича во всю глотку, извѣщали, судя по силѣ крика, всѣхъ жителей всего селенія, о томъ, что „заморскій человѣкъ идетъ“.

Купцы смотрѣли, но изъ лавокъ, вѣроятно изъ осторожности, не выходили. Какой-то мальчишка толкнулъ меня сзади, не знаю умышленно или нечаянно, и на него тотчасъ строго закричали и должно быть въ сильныхъ выраженіяхъ, потому что китайченокъ сейчасъ же удралъ домой. Потомъ ко мнѣ подошелъ одинъ молодой человѣкъ, одѣтый лучше другихъ, и обратился было съ разговоромъ; но я ничего не могъ понять, что объяснилъ ему знаками, и продолжалъ идти своей дорогой. Но люди, находившіеся возлѣ меня и слышавшіе сказанное имъ, вдругъ заговорили съ одушевленіемъ, показывая что-то руками все по одному направленію. Я вслушался, но не могъ поймать ни одного знакомаго мнѣ слова и, не понимая въ чемъ дѣло, что они мнѣ

хотять растолковать, все иду впередъ. Тогда они пристали сильнѣе и еще усерднѣе и громче объясняли мнѣ что-то. Я позволилъ имъ вести себя, куда они желали, и черезъ минуту, взглянувъ по указанному направленію, увидалъ на маленькой площадкѣ въ сторонѣ отъ улицы стоявшій столъ, а на немъ какъ бы модель военной лодки, около сажени величины, но весьма грубой работы. На эту-то лодку имъ и хотѣлось обратить мое вниманіе, показать мнѣ это чудо искусства.

Подошелъ къ ней, и мнѣ объяснили знаками, чтобъ я посмотрѣлъ въ стекла, представлявшія люки на бокахъ лодки. Я догадался, что это панорама, въ родѣ тѣхъ, какія показываются у насъ въ небольшихъ городахъ, по преимуществу на ярмаркахъ и обыкновенно въ сопровожденіи разныхъ объясненій, прибаутокъ и риѳмованныхъ разсказовъ. Тутъ находился и счастливый обладатель этого чуда, собиравшій убогія копѣйки съ любопытныхъ зрителей и вѣроятно этимъ поддерживавшій свое существованіе.

Впрочемъ зрителей не являлось вовсе,—должно быть они уже всѣ переглядѣли въ таинственные люки и наизусть знали, что̀ за ними скрывается. Имъ хотѣлось теперь подѣлиться со мною своими впечатлѣніями. Хозяинъ панорамы въ свою очередь весьма любезно предлагалъ мнѣ насладиться скрываемымъ внутри лодки зрѣлищемъ; но со мной по обыкновенію не было денегъ и я объяснилъ ему это словами и знаками. Не знаю, понялъ ли онъ меня или нѣтъ и, сказавъ что-то въ отвѣтъ, заставилъ смотрѣть въ отверстіе, находившееся въ передней части судна. Я повиновался и увидалъ не интересный театръ маріонетокъ; но все похвалилъ, какъ умѣлъ, и поблагодарилъ его извѣстнымъ жестомъ складыванія рукъ у своей груди. Я хотѣлъ прислать ему денегъ по возвращеніи на лодку, но онъ ни за что не хотѣлъ принять ихъ.

Возвращаясь къ своимъ лодкамъ, я пошелъ другой дорогой черезъ узкій переулокъ, оказавшійся чрезвычайно грязнымъ, и воздухъ въ немъ по извѣстной причинѣ былъ ужасенъ.

Спускъ къ рѣкѣ въ этомъ мѣстѣ былъ такъ крутъ и неудобенъ, что не будь тутъ вбито какихъ-то столбовъ, мнѣ бы пожалуй пришлось вспомнить объ извѣстномъ способѣ катанья съ ледяныхъ горъ, который называется „сами по себѣ“, т.-е. попросту сѣсть и съѣхать; но по этой дорогѣ ежедневно проходитъ множество людей, отчего я объ этомъ и упоминаю.

Стоявшая на берегу передъ лодками густая толпа китайцевъ

разступилась, чтобъ пропустить меня, что было сдѣлано не столько изъ почтенія, сколько вслѣдствіе непонятнаго страха, внушаемаго имъ видомъ иностранца. Но какъ ни силенъ былъ этотъ страхъ, любопытство одерживало надъ нимъ верхъ, и толпа такъ стала надоѣдать намъ, что мы рѣшились перейти отъ села къ противоположному берегу, что̀ и было сдѣлано.

Ширина рѣки противъ Юй-Цзя-Коу около 120 саженъ—значитъ съ одного берега на другой не много видно; тѣмъ не мѣнѣе толпа еще долго послѣ нашего отплытія не расходилась.

Противоположный берегъ у того мѣста, гдѣ пристали наши лодки, былъ пустыненъ и тихъ; ни одного домика не видно вблизи; нигдѣ не замѣтно и одного человѣка. Но не болѣе какъ черезъ пять минутъ на возвышенной части берега уже стояло человѣкъ до двадцати китайцевъ, и вскорѣ потомъ число ихъ возросло до сотни, если не болѣе... Эти люди точно изъ земли выростали. Они приходили богъ-вѣсть откуда, изъ-за высокаго вала, тянувшагося вдоль берега; другіе, какъ бы соскучившись безъ насъ, приплывали съ той стороны, т.-е. изъ оставленнаго нами села.

Впрочемъ тутъ зрители, вѣроятно, не чувствовали себя достаточно въ силѣ и не мѣшали нашимъ занятіямъ, хотя при насъ на берегу находился только одинъ конвойный солдатъ изъ мѣстной полиціи; на нихъ, очевидно, внушительно дѣйствовала сопровождавшая насъ китайская военная лодка. Между зрителями здѣсь находилось нѣсколько женщинъ и одна дѣвушка, лѣтъ семнадцати, очень хорошенькая собой. Въ бинокль можно было хорошо видѣть ея лицо, которое мнѣ хотѣлось нарисовать въ альбомъ; но она, замѣтивъ, что я смотрю на нее, спряталась за другихъ, а потомъ и совсѣмъ ушла съ нѣсколькими женщинами; я смотрѣлъ ей въ слѣдъ; она и это замѣтила и нѣсколько разъ оборачивалась и останавливалась—почему и зачѣмъ, кто ее знаетъ. Простое ли любопытство одолѣвало и ее, какъ и другихъ; пріятно ли ей было, что на нее смотрятъ; сознавала ли она свою красоту и дозволяла любоваться ею,—не знаю. Красавица скрылась.

Побродивъ по берегу, собравъ кой-какія растенія и взявъ образцы здѣшней почвы, я поднялся на верхнюю площадь берега, на которой разстилались поля, а за ними шагахъ въ трехъ стахъ отъ рѣки тянулся параллельно ей земляной, валъ обросшій травою. Этотъ валъ есть одна изъ тѣхъ плотинъ, которыми жители равнины Хань-Цзяна защищаются отъ наводненій.

Когда я взошелъ на него, передо мною вдругъ открылась неожиданная картина: вмѣсто полей, какія я думалъ увидѣть по другую его сторону, глазамъ моимъ представилась обширная водная гладь, начинавшаяся далеко внизу, у самаго подножія вала, который съ этой стороны оказался гораздо болѣе высокимъ, чѣмъ съ другой, откуда я подошелъ. Громадная зеркальная поверхность воды, показавшаяся мнѣ въ первую минуту озеромъ, была раздѣлена узенькими полосками земли на четыреугольники и изъ воды кой-гдѣ торчала трава... Это были рисовыя поля, на которыхъ вода задерживается нарочно во время разлива рѣки и потомъ стоитъ въ теченіе всего года до новаго половодья,

Всматриваясь въ даль, я различалъ на этомъ водяномъ зеркалѣ острова, полуострова и перешейки, болѣе или менѣе густо засаженные деревьями, а подъ ними уютно стоявшіе разсѣянные домики фермеровъ и небольшія пагоды; кой-гдѣ упомянутыя полоски земли соединялись мостиками. На водѣ плавали въ одиночку дикія утки или бродили и перелетали цапли. Одинъ китаецъ что-то доставалъ изъ земли, другой велъ привязаннаго за веревку буйвола (водяную корову—шуйню), какъ китайцы ихъ называютъ, и больше никого не видно.

Надвигались сумерки, и розоватый туманъ затягивалъ всю окрестность; картина была такъ привлекательна, что мнѣ нехотѣлось глазъ оторвать отъ нея... И какой рѣзкій контрастъ представляли двѣ половины горизонта! Этотъ валъ словно раздѣлялъ землю на двѣ части: позади, за рѣкой, была страна житейской суеты, труда, заботъ и радостей; надъ ней стояли гулъ и гамъ,—это селеніе Юй-Цзя-Коу; передо мной лежала страна невозмутимой тишины и покоя,—поля и фермы китайцевъ поселянъ...

Уже стемнѣло, когда я вернулся на свою лодку, и здѣсь моимъ глазамъ представилось новое интересное зрѣлище.

Въ черномъ мракѣ, одѣвшемъ всю землю, во многихъ мѣстахъ на набережной и лодкахъ горѣли огни отъ сожигаемой бумаги; они гасли и загорались вновь, отражаясь въ тихой рѣкѣ длинными золотистыми полосами; горѣли шутихи, треща и разбрасывая искры; внизу на лодкахъ и на макушкахъ ихъ высокихъ мачтъ покачивались разноцвѣтные фонари... Эти яркіе огни и фонари, это усиленное сожиганіе трескучихъ шутихъ, стрѣльба изъ ружей и пушекъ, завывающіе звуки мѣдныхъ тазовъ, въ которые китайцы колотили сегодня съ удвоеннымъ усердіемъ, бы-

ли явленіемъ необыкновеннымъ, не ежедневнымъ. Оказалось что сегодня былъ двадцать третій день первой луны,—праздникъ.

На нашемъ берегу хозяева лодокъ также зажгли пучки священной бумаги,—толстой, грубой бумаги, сдѣланной изъ бамбука, съ выбитыми на ней подобіями мѣдныхъ денегъ; они закурили свѣчки и воткнули ихъ въ особыя назначенныя для этого дырочки на носовой части лодокъ и по временамъ зажигали пучки шутихъ. То же самое происходило и на военной лодкѣ. Когда бумага догорала, люди молились, воздѣвая къ небу сложенныя руки и кладя земные поклоны, и эти молитвы и жертвоприношенія продолжались долгое время; наконецъ, въ нашемъ лагерѣ все заснуло и стихло, а на противоположномъ берегу еще долго горѣли жертвенные огни и раздавалась отчаянная музыка.

Въ этотъ день по всему Китаю каждый хозяинъ дома или лодки непремѣнно сожжетъ сколько-нибудь бумаги, свѣчей и шутихъ. Представьте же себѣ количество всего уничтожаемаго въ этотъ день матеріала!

19-го января.

Рѣшено почему-то еще остаться здѣсь на одинъ день, чему я душевно радъ.

Переводчикъ Ѳедоръ отправляется въ Юй-Цзя-Коу и я съ нимъ. У нашего берега стояло нѣсколько лодокъ, перевозившихъ китайцевъ на другой, и я могъ взять лодку отдѣльно для насъ двоихъ; но слѣдуя принятому мною правилу,—не удаляться отъ туземцевъ, а напротивъ, входить въ ихъ среду всегда, когда этому ничто не мѣшаетъ, сѣлъ въ лодку, въ которой уже находилось много пассажировъ. Я зналъ, кромѣ того, что своимъ присутствіемъ доставлю имъ величайшее удовольствіе. Одинъ старичокъ, сосѣдъ, тотчасъ вступилъ со мной въ разговоръ. Ѳедоръ передалъ мнѣ его слова.

— Всѣ люди одинаковы, сказалъ онъ,—только языкъ различный.

— Да, всѣмъ людямъ одно солнце свѣтитъ, отвѣтилъ я ему вычитаннымъ въ книгѣ китайскимъ изреченіемъ.

— И въ вашей странѣ есть такое же солнце? спросилъ старикъ.

— Не только такое же, а это же самое.

Китаецъ удивился, но, кажется, повѣрилъ.

— А луна у васъ есть?

— И луна та же самая что и у васъ свѣтитъ.

Онъ опять удивился и на этотъ разъ остался какъ бы въ сомнѣніи, не подольщаюсь-ли я къ нимъ, китайцамъ?..

Мы приближались къ противоположному берегу, и видно китайцы зорко слѣдили за нами, потому что здѣсь уже было извѣстно, что одинъ изъ иностранныхъ людей сѣлъ въ лодку и переправляется на ихъ сторону. На берегу, а также на стоявшихъ возлѣ него лодкахъ собралась въ ожиданіи моего прибытія толпа, и я уже издали слышалъ вопросительные крики и восклицанія „янъ-жень-на“!? „Ян'на!“—заморскій человѣкъ?! Они радовались, какъ богъ-знаетъ какому благополучію, и ужасно смѣшили меня этою радостью; со стороны, зритель могъ бы подумать, что они ожидали своего стариннаго друга, котораго не видали очень долго, и желали скорѣе прижать его къ своему сердцу. Я вышелъ съ Ѳедоромъ и толпа съ криками: пріѣхалъ, пріѣхалъ!—послѣдовала за нами.

Поднявшись на берегъ, мы пошли вдоль по главной улицѣ, которая идетъ по валу или береговой плотинѣ, служащей защитой отъ наводненій, вслѣдствіе чего она лежитъ значительно выше; другія же улицы, слѣдующія за ней дальше отъ берега, находятся сажени на полторы ниже, и къ нимъ отъ главной ведутъ лѣстницы; слѣдовательно, сообщеніе между ними возможно только для пѣшеходовъ; впрочемъ здѣсь экипажей и не видно совсѣмъ. Китайцы съ большою любезностью провожали меня въ кумирни, которыя привлекали меня красотою своихъ крышъ и которыя я желалъ осмотрѣть. Меня впускали всюду безъ всякихъ препирательствъ или ограниченій, нигдѣ не спрашивали денегъ за пропускъ, какъ это вошло въ обычай въ городахъ, гдѣ поселились европейцы.

Дойдя до одного храма, мы вошли во дворъ,—толпа тоже, и, когда мы приблизились къ входной двери, она вдругъ съ громомъ захлопнулась у меня передъ носомъ. Я заключилъ, что меня не хотятъ впустить, и рѣшилъ-было уже отправиться назадъ, какъ дверь пріотворилась, и хэ-шанъ (священникъ),—таинственно кивалъ мнѣ рукой, приглашая войти и лукаво подмигивая на многочисленную толпу. Оказалось, что онъ не желалъ впускать непрошенную свиту, слѣдовавшую за мною; но сдѣлать это было не легко, потому что въ подобныхъ случаяхъ толпа ломится съ страшною силой, такъ что иногда и двери не выдерживаютъ передъ ея натискомъ. На этотъ разъ намъ однако удалось про-

скользнуть въ дверь, а изъ свиты посчастливилось лишь пятишести человѣкамъ. Эти торжествовали и хохотали, а оставшіеся стали-было ломиться въ двери, и послѣднія удалось сохранить только обѣщаніями, что я сейчасъ же выйду обратно, что не стоитъ входить.

Внутренность храма была мрачна и бѣдна въ сравненіи съ видѣнными мною; она не представляла ничего интереснаго,—только крыши китайскихъ храмовъ вообще такъ красивы, что каждую изъ нихъ хочется срисовать. На дворѣ кумирни священнослужители занимались сученіемъ шелковыхъ нитокъ; а въ одномъ изъ угловъ самаго храма лежало нѣсколько тюковъ, зашитыхъ въ рогожи. Спросилъ что въ нихъ находится?

— Хуа-шэнъ [1]), отвѣтилъ священникъ и тотчасъ хотѣлъ разорвать тюкъ, чтобъ достать и показать мнѣ. Но я остановилъ его, сказавъ, что знаю хуа-шенъ, очень люблю ихъ и ѣмъ каждый день, какъ, и было въ самомъ дѣлѣ.

Изъ этой кумирни мы направились въ другую; толпа хлынула за нами по узенькой улицѣ, по которой она, подобно волнѣ, шла во всю ея ширину, не рѣдко опрокидывая столы и корзины торговцевъ и иногда сшибая съ ногъ встрѣчавшихся людей. Эти кричали, всячески бранили своихъ земляковъ, но на меня не претендовали.

Во второй кумирнѣ я полюбопытствовалъ узнать содержаніе надписей на доскахъ, которыя обыкновенно носятъ въ процессіяхъ. Переводчикъ Ѳедоръ самъ былъ неграмотный и спросилъ у другихъ,—не знаютъ; спросилъ у священника—и тоже не получилъ объясненія: не понималъ ли онъ его нарѣчія или не зналъ самъ,—и то и другое могло быть. Не могъ я также добиться объясненія значенія разныхъ символическихъ предметовъ, употребляемыхъ въ процессіяхъ и хранящихся въ храмахъ. Они всѣ укрѣплены на длинныхъ палкахъ и представляютъ различные предметы: ножъ, топоръ, руку, держащую кисть, руку съ шарикомъ красной краски, какая употребляется для прикладыванія печатей, золотой арбузъ, голова дракона и проч.

Проходя дальше, я остановился опять передъ красотою крышъ и богатствомъ рѣзьбы, которая встрѣчается въ Китаѣ очень часто въ огромномъ количествѣ. Иногда, напримѣръ, цѣлыя балки, поддерживающія театральныя сцены и ложи, перекладины,

[1]) Уже извѣстные читателю земляные орѣхи.

связывающія колонны, эти послѣднія, а также двери, карнизы,— все отдѣлано болѣе или менѣе тонкой и глубокой, какъ горельефъ, рѣзьбой. Тутъ представляются различныя сцены или даже цѣлыя эпопеи; выраженія лицъ и положенія нѣкоторыхъ фигуръ иногда бываютъ замѣчательно хороши, хотя по большей части комичны и каррикатурны.

Зная, какъ цѣнится у насъ рѣзьба по дереву, особенно глубокая, я полюбопытствовалъ узнать, чего стоитъ она здѣсь. Оказалось, что рѣзчики получаютъ поденную плату въ триста чохъ и пищу, значитъ деньгами по здѣшнему курсу отъ 17 до 20 коп. въ день; но выгодная сторона этой работы заключается только въ томъ, что она идетъ медленно, слѣдовательно обезпечиваетъ человѣку пропитаніе на долгое время.

Въ лавкахъ главной улицы, на которую мы опять вышли, чтобъ вернуться къ переправѣ, находятся всевозможные предметы туземной торговли, а также попадаются немногіе иностранные товары, въ родѣ нѣкоторой стеклянной посуды, часовъ, мыла, банокъ съ мятными лепешками, стеариновыхъ свѣчей, англійскихъ иголокъ, бумажныхъ матерій и разныхъ мелкихъ вещицъ, но все въ небольшомъ количествѣ. Нѣкоторые изъ иностранныхъ товаровъ идутъ въ Китаѣ весьма плохо, напримѣръ мыло и стеариновыя свѣчи. Безъ перваго китайцы обходятся вовсе, а вторымъ предпочитаютъ свои сальныя съ восковой оболочкой, за ихъ дешевизну.

Увидавъ меня идущаго къ берегу, гдѣ стояли лодки перевозчиковъ, послѣдніе стали зазывать меня каждый къ себѣ, а публика, сидѣвшая въ очередной лодкѣ, поджидавшей еще нѣсколькихъ пассажировъ, подняла крикъ, приглашая меня въ свою компанію. Я уважилъ ея просьбы, и мы поѣхали вмѣстѣ. Толпа, стоявшая на берегу, проводила насъ криками, напомнившими мнѣ наше ура-а! ура-а! ура-а!

Мы пристали нѣсколько ниже нашихъ лодокъ, и перевозчикъ хотѣлъ довезти насъ до нихъ, но мы предпочли выйти на берегъ и пройтись по деревнѣ. Тутъ я остановился, чтобъ нарисовать одинъ изъ ея домиковъ, которые, какъ вообще въ этой части Хань-Цзяна, построены на одинъ манеръ, т.-е. изъ деревяннаго остова и кирпича-сырца, и покрыты черепичными крышами. Мнѣ тотчасъ принесли скамейку, и какъ только я расположился со своей работой, меня окружила такая толпа, что можно было думать, все населеніе деревни отъ мала до велика собралось сю-

да; и хотя они мѣшали мнѣ массою и своимъ чрезмѣрнымъ любопытствомъ, но всѣ были почтительны и даже любезны. Вся эта толпа проводила меня до мѣста, гдѣ стояли наши лодки, и оставалась здѣсь пока мы не тронулись въ дальнѣйшій путь.

Съ попутнымъ вѣтромъ мы прошли довольно скоро тридцать ли и сдѣлали остановку въ ожиданіи другой отставшей лодки. Выйдя на берегъ, я опять поднялся на валъ, за которымъ точно такъ же глазамъ представилась равнина, тянувшаяся до горизонта и занятая полями, кой-гдѣ покрытыми водой, и заселенная разбросанными деревнями и фермами.

Изъ ближайшей деревни тотчасъ явились китайцы, которые уже начинали мнѣ надоѣдать: я настолько приглядѣлся къ нимъ, что давно уже не смотрѣлъ на нихъ съ прежнимъ страстнымъ, такъ-сказать, китайскимъ любопытствомъ; мнѣ казалось, что и имъ пора бы приглядѣться ко мнѣ; но я забывалъ, что толпа на каждой нашей новой стоянкѣ состояла изъ новыхъ людей, еще не видавшихъ меня; я забывалъ, что мнѣ еще долгое время предстоитъ являться, подобно актеру на сценѣ, каждый день передъ новыми страстными зрителями.

На этотъ разъ разговоръ между ними шелъ о томъ, понимаю ли я ихъ языкъ или нѣтъ. Одни говорили: „Та дунъ-дэ — (онъ понимаетъ); другіе—та бу-дунъ-дэ (онъ не понимаетъ). Кромѣ того толковали объ одеждѣ, возрастѣ и по поводу его о бородѣ: они находили что мнѣ еще рано бороду носить.

Тѣсно обступивъ меня, китайцы отчасти невольно, отчасти умышленно стали толкать другъ друга, отчего вся толпа заволновалась, какъ поле ржи въ вѣтренную погоду, и толчки доходили до меня; я стоялъ на краю глубокаго обрыва, и мнѣ невольно вспомнились слова одного китайца въ Хань-Коу, выражавшаго въ бесѣдѣ съ другимъ сильное желаніе столкнуть заморскихъ чертей съ крутаго берега въ воду, И хоть и говорили мнѣ, что у китайцевъ отъ слова до дѣла еще очень далеко, я все-таки отодвинулся отъ обрыва во избѣжаніе случайнаго несчастія и направился прямо черезъ толпу къ стоявшему неподалеку домику, оказавшемуся маленькой корчмой, какія не разъ встрѣчались намъ на этой рѣкѣ. Въ зимнее время они строятся вдоль береговъ у самой воды и дѣлаются изъ бамбука. Въ немъ стоятъ двѣ-три скамьи, а при входѣ выдѣланъ изъ глины прилавокъ, на которомъ въ глиняныхъ кувшинахъ стояла водка и лежали въ чашечкахъ разныя незатѣйливыя закуски.

Въ этомъ домикѣ продавцомъ была женщина, довольно мѝловидной наружности, и не старая. Эта открытая общественная дѣятельность женщины въ Китаѣ—явленіе исключительное, дѣлается обыкновенно съ общаго согласія съ мужемъ и встрѣчается, говорятъ, не рѣдко.

20 января.

Ясный, тихій и такой теплый день, что термометръ въ тѣни показываетъ 11 градусовъ тепла. Рѣка стала значительно шире, теченіе ея спокойнѣе; песчаные берега понизились, и въ нихъ близъ воды попадается кой-гдѣ красноватая глина.

Въ селеніи Цзы-Коу сдѣлали привалъ, и разумѣется, были встрѣчены толпой, въ которой сегодня было видно уже не мало полуголыхъ ребятишекъ;—это въ январѣ-то! Женщины стояли на берегу вблизи самыхъ нашихъ лодокъ!... Такихъ либералокъ я также еще не встрѣчалъ между китаянками.

Тихая, теплая ночь застала насъ въ селеніи Сы-Цзянь, расположенномъ вдоль по береговому валу. Когда все успокоилось и затихло, на берегу кто-то запѣлъ... Но что это была за пѣсня! Голосъ былъ, повидимому, человѣческій, но до того искаженъ, что его не сразу можно было угадать, и пѣніе это всего вѣрнѣе можно сравнить съ криками дерущихся кошекъ. Откуда-то раздался выстрѣлъ, эхо котораго прокатилось надъ рѣкой и, можетъ быть, испугало ночнаго пѣвца или пѣвицу—ихъ и не разберешь. Спасибо выстрѣлу, пѣсня смолкла. Да, совсѣмъ не мастера пѣть китайцы, и хорошо еще, что пѣніе въ Китаѣ раздается не часто, что жители его имъ не щеголяютъ, подобно нѣкоторымъ безголосымъ и фальшиво поющимъ пѣвцамъ и пѣвицамъ, усердно угощающимъ гостей своимъ вокальнымъ искусствомъ...

Но какими невѣроятными способами узнавали китайцы о нашемъ появленіи! Уже совсѣмъ въ потьмахъ изъ деревни приходили жители съ фонарями и, бродя по берегу, старались хотя на сколько удастся посмотрѣть на насъ; вѣроятно они не надѣялись застать насъ завтра здѣсь, а не увидавъ заморскихъ гостей должно быть не могли и уснуть спокойно.

Мнѣ самому нынче долго не спалось, и я все слышалъ, какъ надъ нашими головами пролетали съ крикомъ стада дикихъ гусей, длинныя вереницы которыхъ я много разъ видѣлъ сегодня днемъ.

21 января, Воскресенье.

Погода перемѣнилась,—утро было сѣрое, туманное и холодное. Не широкая при своемъ устьѣ рѣка постепенно становилась шире по мѣрѣ поднятія по ней, а сегодня она представлялась большимъ озеромъ съ гладкой поверхностью; берега ея мѣстами возвышенные и на нихъ, надъ самой рѣкой, стоятъ домики поселянъ, подъ тѣнью маленькихъ бамбуковыхъ рощъ или тѣнистыхъ садиковъ. По берегамъ, куда ни взглянешь, сидятъ или движутся люди. Однообразіе ихъ бритыхъ головъ и костюмовъ начинаетъ утомлять, и я сегодня несказанно обрадовался, когда принялъ издали ѣхавшаго въ лодкѣ китайскаго солдата за европейскую даму... Читатель изумленъ, я вижу. Но за кого бы вы приняли скорѣе человѣческую фигуру въ синей широкой кофтѣ, въ соломенной шляпѣ, съ загорѣлымъ лицомъ, подобнымъ густой вуали коричневаго цвѣта, и съ зонтикомъ въ рукѣ? Обману содѣйствовало еще то, что соломенная шляпа была надѣта сверхъ черной повязки въ родѣ чалмы, которая издали показалась мнѣ женской прической извѣстнаго рода.

Потянулъ слабенкій вѣтерокъ, и китайцы, работавшіе длинными баграми, которыми они упираются въ дно, медленно подвигая лодку впередъ, обрадовались ему и, вѣруя въ возможность сношеній съ духами-управителями стихій, начали, посматривая кверху, покрикивать совершенно особеннымъ манеромъ: это они вызывали вѣтеръ, въ надеждѣ, что онъ задуетъ посильнѣе и можно будетъ идти подъ парусомъ. Но богъ вѣтра былъ глухъ или былъ за что-нибудь недоволенъ и не внималъ ихъ просьбамъ. Такъ и добрались до ночлега, то при помощи багровъ, то на лямкѣ.

22 января.

Опять ясный и теплый день; многіе китайцы идутъ по берегамъ, сбросивъ платье съ одного плеча и половины груди. Около полудня мы пришли въ большое торговое селеніе или пригородъ уѣзднаго города Шай-Янъ-Сянь, съ множествомъ грузовыхъ лодокъ, стоящихъ у пристани.

Послали за покупкою съѣстныхъ припасовъ, а я тѣмъ временемъ сошелъ на берегъ, чтобы ознакомиться съ положеніемъ Шай-Яна и его окрестностями. Селеніе лежитъ шагахъ въ полутораста отъ рѣки, при ея зимнемъ, т.-е. самомъ низкомъ уровнѣ, и расположено на валу, растянувшись вдоль берега на

большое пространство; а, также за валомъ, и съ этой стороны оно обнесено стѣною, подобною городскимъ.

Отъ береговой улицы въ одномъ мѣстѣ спускается внизъ каменная лѣстница къ равнинѣ, разстилающейся на обширное пространство и, вѣроятно, въ половодье заливаемой водою, и потому по ней проведена дорога, гладкая, сдѣланная изъ большихъ каменныхъ плитъ, уложенныхъ на насыпи. Она ведетъ въ другое селеніе, находящееся отъ Шай-Яна въ верстѣ или въ двухъ. Вся окрестная равнина изрѣзана маленькими каналами съ возвышенными берегами, и между ними зеленѣютъ поля съ разнаго рода овощами.

Всѣ эти каналы наполняются изъ искусственнаго, находящагося неподалеку, водоема. Онъ запертъ двумя противоположными шлюзами; одни открываются во время лѣтняго половодья для наполненія его, другіе для спуска воды изъ него въ каналы, назначенные для орошенія полей. Такимъ образомъ вода въ этомъ резервуарѣ сохраняется отъ одного разлива до другаго въ теченіи цѣлаго года, обусловливая плодородіе здѣшней равнины.

Запасшись провизіей, мы отправились; на ходу приготовили обѣдъ, на ходу же пообѣдали и, остановившись сегодня еще разъ у одной деревни для отдыха рабочихъ, добрались до слѣдующаго ночлега, руководясь отнюдь не выборомъ мѣста, а просто часами дня и ночи. И я все больше и больше начиналъ убѣждаться, что мы будемъ ѣхать не какъ изслѣдователи съ извѣстными задачами и цѣлями, а просто, какъ почтальоны или эти лодочники, которые обязаны доставить товаръ изъ одной части рѣки въ другую, т.-е. чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше.

Легли спать; но громкая болтовня за тоненькой перегородкой, отдѣляющей меня отъ коморки, гдѣ помѣщается семья лодочника, мѣшаетъ мнѣ заснуть. И какъ мнѣ жаль, что я не понимаю ихъ разговора, который до послѣдняго слова ясно слышенъ мнѣ. Можетъ быть онъ вовсе не занимателенъ и совсѣмъ бѣденъ содержаніемъ, но пока мы чего не знаемъ, намъ все представляется необыкновенно интереснымъ; во всякомъ случаѣ пониманіе ихъ разговоровъ освѣтило бы многое изъ ихъ жизни, что безъ этого оставалось для меня непонятнымъ или понималось неправильно.

Долго болтали за перегородкой, наконецъ утихли и заснули; только по временамъ просыпались съ плачемъ больныя коклюшемъ дѣти, да старуха, задыхаясь отъ своего мучительнаго каш-

ля. Нерѣдко также тамъ раздавалось, какъ выраженіе досады, восклицаніе: ай-ёо!... Это значитъ—придавили кого-нибудь: тѣсно и душно имъ, бѣднымъ, въ ихъ крошечной клѣткѣ. Кто-нибудь изъ дѣтей окликнетъ во снѣ свою мать. „Ма!“ произноситъ онъ громкимъ, отрывистымъ звукомъ,—„ма!“—но не получивъ отвѣта, заснетъ опять или заплачетъ и добудится, и меня разбудитъ.

Смотришь—и сонъ прошелъ; скучно станетъ лежать, накинешь на себя полушубокъ и выйдешь изъ каюты на палубу... Надъ землей темное небо, усѣянное яркими звѣздами; оно отражается въ широкой рѣкѣ; созвѣздіе Плеяды стоитъ въ зенитѣ, и всѣ остальныя звѣзды не на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ ихъ привыкъ видѣть.

Мысли бродятъ въ безпорядкѣ, то улетая въ далекую родину или другія страны, то опять возвращаясь къ дѣйствительности; и хотя сознаешь, что находишься въ сердцѣ Китая, о которомъ смутно мечталось въ дѣтствѣ, но сознаешь этотъ фактъ какъ-то неосязательно,—не вполнѣ, можетъ быть потому, что дѣйствительность чрезвычайно похожа на сонъ. Умомъ вѣрю, что все происходящее кругомъ меня—правда, что вотъ неподалеку въ селѣ идетъ шумная жизнь китайцевъ, этихъ замѣчательныхъ полуночниковъ; раздается китайская музыка; я слышу китайскій разговоръ, но чувствомъ воспринимаю все плохо. Не оттого ли это, что созданное въ ранней молодости представленіе о Китаѣ и его жителяхъ далеко не отвѣчаетъ дѣйствительности, что послѣдняя хуже мечты, созданной воображеніемъ на основаніи описаній да лживыхъ рисунковъ, какіе мнѣ раньше попадались.

23 января

Свѣжій вѣтеръ (но, къ сожалѣнію, не попутный) былъ настолько силенъ, что рабочіе, тащившіе бичевой лодку, скоро выбились изъ силъ и отказались идти дальше. Поэтому сдѣлали привалъ около трехъ стоявшихъ у берега соломенно-глиняныхъ шалашей въ видѣ домиковъ, въ которыхъ продавалась водка, кунжутныя лепешки, да еще кой-что съѣстное, и около нихъ толпилось человѣкъ тридцать китайцевъ.

Въ воздухѣ, несмотря на вѣтеръ, было жарко, и распѣвали птицы. Мы съ Матусовскимъ вышли на берегъ и скоро разошлись по разнымъ направленіямъ. Я поднялся на его верхнюю площадь и, присматриваясь къ растеніямъ и птицамъ, пошелъ

прямо въ даль отъ рѣки черезъ засѣянное ячменемъ поле и, скоро добравшись до плотины, которая тянулась непрерывно, параллельно рѣкѣ Хань, взошелъ на нее. Предо мною опять открылись нивы, фермы, рисовыя поля, канавы и дорожки между ними, рощи и отдаленные холмы съ кумирнями на ихъ вершинахъ; пустыхъ, т.-е. ничѣмъ не занятыхъ мѣстъ нѣтъ ни одной сажени.

Изъ одного домика, прислонившагося по его другую сторону къ валу, на которомъ я стоялъ, и окруженнаго зеленымъ кустарникомъ, вышелъ молодой китаецъ, держа въ рукахъ кувшинъ. Онъ, повидимому, намѣревался куда-то отправиться по дѣлу и шелъ беззаботно напѣвая... Вдругъ онъ увидалъ меня, стоящаго на валу, и, испугавшись, остановился на минуту; пѣть, разумѣется, пересталъ и тотчасъ поспѣшно вернулся назадъ въ домъ; оттуда вскорѣ вышелъ другой, постарше, съ чашкой рису въ рукѣ, который онъ ѣлъ, помогая себѣ палочками. Этотъ приблизился ко мнѣ и, любезно раскланявшись, освѣдомился у меня: „ѣлъ ли я сегодня“—потомъ началъ разговоръ; но онъ кончился тотчасъ, когда я сказалъ, что не понимаю. Я только спросилъ у него названія стоявшихъ вблизи деревьевъ и кустарниковъ; онъ назвалъ, и, простившись съ нимъ, я вернулся къ лодкамъ, гдѣ и провелъ остатокъ дня, такъ какъ дальше сегодня не пошли.

24 января.

Рано утромъ на песчаныхъ берегахъ рѣки лежалъ иней и, походя на снѣгъ, напомнилъ отчасти родную зиму; но сто́итъ перевести глаза на широкую и гладкую, какъ озеро, рѣку, по которой бродятъ цапли, на ярко-освященные солнцемъ берега съ ихъ деревушками и вѣчно зелеными бамбуковыми рощами, на лодки съ ихъ парусами и мачтами, отражающимися въ зеркалѣ водъ,—какъ иллюзія тотчасъ пропадаетъ.

Рѣка ушла въ даль и слилась въ утреннемъ туманѣ съ небомъ, какъ будто она впала тамъ въ море. Надъ нею и окаймляющими ее песчаными равнинами пролетаютъ огромныя стада дикихъ гусей, которыхъ, я думаю, пришлось бы считать тысячами. Да отчего и не размножиться имъ, когда ихъ здѣсь никто не стрѣляетъ по недостатку хорошаго оружія и умѣнія.

Я не видалъ ни одного китайца-охотника, но, судя по необыкновенной осторожности гусей, должно думать, что по нимъ стрѣляютъ и только пугаютъ ихъ: они не подпускаютъ къ себѣ на три, на четыре выстрѣла. Китайцамъ, повидимому, и въ голову

не приходитъ, что этихъ гусей можно бы добывать и питаться ихъ мясомъ; но алчный европеецъ ничего живущаго и съѣдобнаго не можетъ видѣть безъ того, чтобъ не подумать,—сколько здѣсь добра „пропадаетъ даромъ“!... Да, въ Китаѣ пропорція между количествомъ дичи и охотниковъ совсѣмъ не та, что въ Европѣ.

Теперь мы уже достаточно ознакомились съ характеромъ рѣки, чтобъ можно было бросить нѣкоторый общій взглядъ на ея особенности. Главныя изъ нихъ состоятъ въ томъ, что Хань-Цзянь имѣетъ, „такъ сказать“, двое береговъ—лѣтніе и зимніе; послѣдніе состоятъ почти исключительно изъ песку и илу, представляя собственно наносную почву, отлагаемую здѣсь во время лѣтнихъ разливовъ; лѣтними же берегами служатъ упомянутыя плотины, которыя устроены здѣсь на обѣихъ сторонахъ рѣки на нѣкоторомъ (и мѣстами на значительномъ) удаленіи отъ ея зимняго русла, такъ что зимніе берега представляютъ мѣстами довольно большія площади; и на нихъ, между двумя разливами, практичные китайцы успѣваютъ посѣять и снять какой-нибудь хлѣбъ или овощи. На этихъ же зимнихъ берегахъ выставляются упомянутые временные шалаши мелкихъ торговцевъ, продающихъ вино, хлѣбъ, дрова и проч. проѣзжающимъ по рѣкѣ, чтобъ имъ не приходилось отправляться за этими припасами довольно далеко, на лѣтніе берега; но никакихъ прочныхъ построекъ здѣсь нѣтъ.

Вторая особенность рѣки Хань, заставляющая береговое населеніе строить и постоянно повышать береговыя плотины, состоитъ въ слѣдующемъ.

Вода въ рѣкѣ поднимается лѣтомъ противъ зимняго уровня футовъ на тридцать и болѣе и, сбѣгая съ горъ, уноситъ большое количество песку и глины, которые потомъ, когда теченіе становится покойнѣе, мало-по-малу отлагаются на днѣ. Подобныя отложенія происходятъ постоянно во время всякаго разлива, и они постоянно повышаютъ дно; и хотя количество воды въ рѣкѣ бываетъ каждый годъ одно и то же, но, вслѣдствіе этого поднятія дна, съ каждымъ годомъ незамѣтно поднимается и уровень лѣтняго стоянія воды. Для повышенія же береговъ не существуетъ подобныхъ причинъ, и они постепенно становятся какъ бы слишкомъ низкими, или кажется, что разливы съ каждымъ годомъ дѣлаются какъ бы сильнѣе; вода достигаетъ все болѣе и болѣе высокаго уровня. Само собою разумѣется, что это совершается медленно, что это работа вѣковъ, и потому это ка-

жущееся пониженіе береговъ дѣлается замѣтнымъ лишь черезъ большіе промежутки времени.

При низменномъ и равнинномъ характерѣ мѣстности въ нижнемъ теченіи Хань-Цзяна, разливы причиняли много бѣдъ даже тѣмъ, кто жилъ отъ рѣки на значительномъ удаленіи, и вотъ, въ предупрежденіе повторенія этихъ бѣдствій, начали устраивать на нѣкоторомъ разстояніи отъ береговъ насыпи, земляные валы или плотины. Сначала они достигаютъ цѣли, но потомъ, примѣрно лѣтъ черезъ пятьдесятъ или болѣе, становятся недостаточно высокими; вода во время наивысшаго стоянія начинаетъ переливаться черезъ нихъ. Люди повышаютъ плотины, но онѣ черезъ новое полстолѣтіе опять становятся недостаточными; ихъ опять нужно повышать и т. д.

Такая борьба съ водою у жителей береговъ Хань-Цзяна, какъ и на берегахъ другихъ рѣкъ подобнаго характера, напр. Желтой рѣки, происходитъ въ теченіе нѣсколькихъ тысячелѣтій, и въ настоящее время наблюдателю представляется то интересное явленіе, что во время половодья такія рѣки текутъ какъ бы въ желобахъ, боками которыхъ служатъ упомянутые валы или плотины, а верхняя площадь воды во время разливовъ стоитъ гораздо выше площади равнины, по которой протекаетъ рѣка. Теперь не трудно себѣ представить, что должно произойти, если вода прорветъ гдѣ-нибудь плотину: она каскадомъ устремится на ниже лежащую равнину, затопляя ее на огромное пространство, пока ее не сдержатъ въ мѣстѣ прорыва или пока она не встрѣтитъ какого-нибудь естественнаго препятствія.

Вотъ такимъ-то образомъ происходятъ тѣ страшныя наводненія, которыя, несмотря на многія мѣры предосторожности и большія затраты, несмотря на постоянное существованіе, такъ сказать, „генераловъ отъ береговыхъ плотинъ“ (особыя должности), нерѣдко повторяются въ низменностяхъ Китая.

Но возвратимся къ разсказу. Сегодня канунъ Новаго года,— самаго большаго праздника китайцевъ, и мы видимъ, что вездѣ дѣлаются приготовленія къ нему. Къ сожалѣнію, мы встрѣчали праздникъ не въ городѣ, а на лодкахъ, среди пустынныхъ береговъ рѣки, слѣдовательно могли увидать только, какъ будутъ справлять его бѣдняки-лодочники.

На ихъ счастье сегодня подулъ хорошій попутный вѣтеръ и, избавивъ отъ необходимости тащить лодку, далъ возможность за-

наться приготовленіями и исполненіемъ разныхъ обрядовъ. Всѣ перешли на лодки и, поднявъ паруса, быстро пошли впередъ.

„Почтенный хозяинъ“ нашей лодки, какъ ихъ обыкновенно называютъ (лао-бань—по китайски), по имени Танъ-Чэнъ-Гуэй, уже съ первыхъ дней нашего путешествія понравился мнѣ, а въ этотъ день сталъ еще симпатичнѣе, и, я надѣюсь, читатель не посѣтуетъ на меня, если я подробнѣе познакомлю его съ нимъ.

Человѣкъ онъ былъ лѣтъ сорока съ небольшимъ, роста выше средняго, лицо имѣлъ простое, но привѣтливое и доброе; обращеніе всегда учтивое и любезное. Работалъ безъ устали, но и безъ малѣйшаго ропота на судьбу или на людей. Онъ былъ бѣденъ, но казалось и не допускалъ, чтобъ иначе могло быть, и казалось ничего не желалъ больше того, что имѣлъ; словомъ, Танъ-Чэнъ-Гуэй принадлежалъ къ тому разряду людей, смотря на которыхъ совершенно примиряешься съ разными невзгодами жизни и самъ научаешься лучше переносить ихъ. У него ли не было этихъ невзгодъ, а онъ былъ всегда спокоенъ, веселъ и ровенъ въ обращеніи какъ съ нами, такъ съ своей семьей и наемнымъ работникомъ.

Всегда бѣдно одѣтый, даже нѣсколько оборванный, не имѣющій ничего, кромѣ своей лодки да мускуловъ, при помощи которыхъ онъ таскалъ ее отъ г. Хань-Коу до г. Фань-Чэна и обратно, перевозя пассажировъ или грузъ, Танъ-Чэнъ-Гуэй обладалъ, какъ я упоминалъ, семьей въ десять человѣкъ и, работая съ утра до ночи, чтобъ добыть средства для ея прокормленія, нисколько не тяготился ею. Всегда мягкій въ обращеніи съ своей женой, онъ былъ добрымъ и даже нѣжнымъ отцомъ.

Полуголый бѣднякъ, онъ былъ при этомъ эстетикъ въ душѣ и сегодня, напримѣръ, больше всѣхъ хлопоталъ о томъ, чтобъ придать своей лодкѣ праздничный видъ и сдѣлать праздникъ возможно болѣе торжественнымъ и пріятнымъ для своей семьи. Направивъ парусъ и поручивъ управленіе имъ своей второй дочери, дѣвушкѣ лѣтъ семнадцати, самъ онъ принялся мести и мыть свою лодку, вымылъ всю, убралъ свою каморочку зеленью, свѣчами и разноцвѣтными бумажками, потомъ одѣлся, хотя въ такое же бѣдное, но новое платье, и, управившись съ остальными приготовленіями, явился на передней части лодки, держа въ рукахъ лотокъ съ жертвенными дарами, состоявшими изъ хлѣбовъ, куска варенаго свинаго мяса, сваренаго пѣтуха, жареной рыбы, и чашекъ съ рисомъ, водой и водкой. Поставивъ подносъ

на палубѣ, онъ зажегъ нѣсколько дымящихся жертвенныхъ свѣчей и вставилъ ихъ въ углубленія на носу лодки; потомъ зажегъ пачку бумаги, сжегъ связочку шутихъ и положилъ нѣсколько земныхъ поклоновъ. Окончивъ свою нѣмую молитву, онъ взялъ по частицѣ отъ каждаго изъ яствъ, бывшихъ на лодкѣ и бросилъ въ воду; потомъ выплеснулъ изъ чашекъ находившіяся въ нихъ вино и воду и высыпалъ рисъ. Этотъ религіозный обрядъ онъ совершалъ съ благоговѣніемъ и видимо съ глубокой вѣрой въ то, что онъ въ эти минуты входилъ въ непосредственное сношеніе съ таинственными силами природы и управляющимъ ими божествомъ...

Я съ большимъ интересомъ наблюдалъ за нимъ. Лодка быстро шла подъ парусомъ, вспѣнивая вокругъ себя воду; яркое солнце, освѣщавшее землю, смотрѣло на этого честнаго бѣдняка-труженика, по своему молившагося невѣдомому Творцу вселенной. Онъ молился такъ, какъ его научили тому отецъ и мать. И неужели же, думалъ я, его молитва не примется Богомъ, потому что она исходила изъ сердца язычника!.. Неужели частая молитва христіанина-негодяя выше этого чистосердечнаго идолопоклонства!..

Онъ возвратился въ свое помѣщеніе и, смѣнивъ дочь, опять сталъ править рулемъ. Я попросилъ позволенія взглянуть на его праздничное убранство. Онъ, разумѣется, согласился, и я взобрался на крышку лодки, откуда могъ лучше видѣть его каморку, находившуюся въ самой задней части, и сталъ набрасывать карандашомъ видъ ея. Лао-бань посматривалъ то на мой рисунокъ, то на свою убогую роскошь. Тутъ же находились его жена, старшая дочь, державшая на колѣняхъ маленькаго брата, и еще двое другихъ дѣтей сидѣли въ уголкѣ.

Взглянувъ на лицо Танъ-Чэнъ-Гуэй, я подмѣтилъ на немъ какое-то выраженіе грусти и невольно подумалъ, что ему совѣстно своей бѣдности, стыдно, что я рисую такіе пустяки, не стоющіе вниманія. Я боялся, чтобъ онъ не подумалъ, что я дѣлаю это ради насмѣшки, на смѣхъ другимъ срисовываю его комнатку, боговъ и лежавшія предъ ними бѣдныя жертвы. Мнѣ хотѣлось успокоить его и многое сказать, но я не могъ связать въ своей головѣ и десяти словъ для выраженія своихъ мыслей.

Вскорѣ мы пришли въ село Танъ-Гуанъ, гдѣ и остановились на ночлегъ, хотя солнце стояло еще высоко. Тутъ также все готовилось къ празднику, и всякая торговля прекратилась на цѣлыхъ три дня; а у насъ не было сдѣлано никакихъ запасовъ:

мы это совсѣмъ упустили изъ виду, такъ какъ привыкли къ тому, что здѣсь вездѣ и всегда можно находить что̀ намъ было нужно.

У села, гдѣ мы остановились, вопервыхъ, праздникъ, а также сильный противный вѣтеръ задержали еще нѣсколько другихъ лодокъ. Тутъ же стояла военная лодка, на которой жилъ мандаринъ,—чиновникъ рѣчной полиціи. Съ наступленіемъ ночи на всѣхъ лодкахъ зажглись фонари; китайцы начали приносить въ жертву разнымъ духамъ бумагу и шутихи, которыя безпрестанно зажигали то на одной, то на другой лодкѣ. Небо заволокло тучами; ночь была такъ темна, что кромѣ огней и фонарей, разсѣянныхъ по лодкамъ и мачтамъ, ничего не было видно,—неба отъ земли не отличишь. На всѣхъ лодочныхъ кухняхъ пеклись, варились и жарились разныя яства. Рѣзали припасенныхъ заранѣе пѣтуховъ, обрызгивали ихъ кровью бумагу и сожигали ее, все изъ угожденія богамъ, кто въ какихъ больше нуждался. Воздухъ оглашали многіе голоса разговаривавшихъ и за что-то ссорившихся китайцевъ, звуки мѣдныхъ „ло“, въ которые сегодня колотили съ усердіемъ, достойнымъ лучшаго назначенія, а также стрѣльба изъ ружей и пушекъ, имѣвшихся на двухъ казенныхъ лодкахъ. Громкое эхо повторяло всѣ эти звуки, еще усиливая ихъ.

Наконецъ наступила полночь, и все затихло и словно заснуло, даже говору не было слышно; всѣ люди попрятались... Вдругъ съ лодки мандарина раздался сигнальный пушечный выстрѣлъ и возвѣстилъ, что Новый годъ наступилъ. Тотчасъ начались опять поклоненія разнымъ богамъ, потомъ поздравленія другъ друга, старшихъ младшими, равныхъ равными и наконецъ младшихъ старшими и затѣмъ приступили къ ѣдѣ и питью... Какъ все у людей въ общихъ чертахъ одинаково!

Открывъ окно въ каморку лодочника, гдѣ вся его семья была въ сборѣ, я попросилъ его принять отъ меня на память нѣсколько маленькихъ подарковъ. Ему я подарилъ ножъ и бритву, женщинамъ ножницы, иголокъ и разныхъ пуговицъ, а дѣтямъ европейскихъ конфектъ, въ красивыхъ бумажкахъ съ картинками. Эти неожиданные подарки доставили всѣмъ большое удовольствіе. Я оставилъ ихъ продолжать наслаждаться праздничными увеселеніями и сошелъ съ лодки на берегъ съ намѣреніемъ оттуда взглянуть на пловучую колонію случайныхъ гостей на рѣкѣ; но смотрѣть было не на что, такъ какъ всѣ забрались въ лодки, а къ тому же вскорѣ сталъ накрапывать дождь,

подулъ сильный сѣверо-западный вѣтеръ и я вернулся въ лодку; но долго не могъ заснуть, такъ какъ китайцы прокутили всю ночь до утра за ѣдой, питьемъ вина и въ безконечныхъ бесѣдахъ богъ-вѣсть о чемъ. Цѣлую ночь за моей перегородкой шла неумолкаемая болтовня; цѣлую ночь не прекращался тамъ огонь на кухнѣ, все раздавалось шипѣніе и трескъ поджариваемаго сала.

25 января.

Первый день Новаго года.—Этотъ день, говорили въ Хань-Коу, интересно провести въ городѣ, и даже совѣтовали остаться тамъ или стараться поспѣть въ ближайшій городъ на Хань-Цзянѣ; но то, что̀ интересно для однихъ, вовсе не занимаетъ другихъ. Насъ занимали теперь „важныя государственныя задания“, какія именно—читатель увидитъ позже.

Здѣсь же на рѣкѣ, у небольшаго села, гдѣ пріютились всего десятка два лодокъ, да еще въ такую ненастную погоду было мало и занимательнаго и праздничнаго. Скучно было стоять тутъ, а вѣтеръ дулъ съ такою силою, что нечего было и думать трогаться въ путь; да пожалуй и въ хорошую погоду китайцы не пошли бы по случаю праздника, который они почитаютъ тѣмъ болѣе, что праздниковъ у нихъ вообще мало, особенно у бѣднаго рабочаго класса.

По берегамъ вѣтеръ несетъ одну сплошную массу песку и такую густую, что намъ не видно противоположнаго берега рѣки, которая взволновалась и, потемнѣвъ отъ волненія, казалась моремъ. Тонкій песокъ пробирается въ плохо закрывающуюся лодку, засыпаетъ глаза и садится слоемъ на всѣ предметы. Закупорившись какъ только было возможно и оставивъ для свѣта одно окно съ подвѣтренной стороны, мы съ Матусовскимъ предавались своимъ занятіямъ,—читали, писали или переводили кой-что изъ сочиненій о Китаѣ и потому не скучали.

Въ это время насъ прервалъ одинъ изъ солдатъ китайской военной лодки: онъ вошелъ къ намъ въ каюту и сдѣлалъ реверансъ. Слѣдомъ за нимъ вошелъ переводчикъ Ѳедоръ съ визитной карточкой въ рукѣ и спросилъ, можемъ ли мы принять мандарина сопровождавшей насъ военной лодки.

— Проси, очень рады! отвѣтили мы и встали, чтобъ встрѣтить его по правиламъ вѣжливости—въ дверяхъ. Одѣтый въ парадное платье, вошелъ онъ, или лучше сказать влѣзъ въ низенькую дверь нашей каюты и, стоя согнувшись, потому что выпрямить-

ся тамъ было нельзя, поднялъ руки ко лбу и закрылъ глаза; лицо его приняло сначала выраженіе мольбы, потомъ какъ бы робости и страха передъ нами, и онъ не произносилъ ни слова... Все это такъ требовалось китайскимъ этикетомъ, который для непривычныхъ людей хотя и занимателенъ, но чрезвычайно тягостенъ.

Мы просили его скорѣе садиться, потому что ему было очень неловко стоять, но онъ не сразу исполнилъ нашу просьбу и все продолжалъ изображать лицомъ, что ужасно боится насъ и не смѣетъ сѣсть; мы должны были сѣсть прежде сами; тогда только онъ измѣнилъ свое положеніе и, продолжая искусственно робѣть, сѣлъ. Я говорю „искусственно“, потому что внѣ оффиціальнаго визита онъ былъ совсѣмъ иной, довольно простой и вовсе не застѣнчивый человѣкъ.

Начался разговоръ, одинъ изъ тѣхъ тяжелыхъ разговоровъ по неволѣ, какіе ведутся, чтобъ не оставаться въ неловкомъ молчаніи. Мы выразили сожалѣніе, что дурная погода мѣшаетъ всѣмъ веселиться, что намъ пришлось встрѣтить праздникъ не въ городѣ, а главное—лишить его этого удовольствія. На всѣ эти рѣчи онъ отвѣчалъ только однимъ: Ша! (точно такъ). Затѣмъ мы спросили о его семействѣ, о томъ, гдѣ онъ прежде встрѣчалъ Новый годъ; предложили чаю, табаку и конфектъ, которыми запаслись для подобныхъ случаевъ.

Къ счастью, онъ скоро собрался уходить, и мы не удерживали, хотя по правиламъ вѣжливости мы должны были бы просить его садиться. Вставъ, онъ снова поднялъ высоко сложенныя руки, опустилъ глаза, даже почти закрылъ ихъ, и опять придавъ лицу выраженіе сначала мольбы и потомъ почтительнаго страха и трепета, остался въ такой позѣ и словно замеръ: не садится и не уходитъ. Мы стояли передъ нимъ и не знали, что̀ намъ дѣлать. Хотѣлось сказать: да проходите же скорѣе, вѣдь вамъ не ловко стоять, но это было бы не учтиво; мы стояли сами и молча смотрѣли на него.

— Да садитесь пожалуйста, сказалъ я наконецъ,—сдѣлайте милость, присядьте.

Онъ повидимому только этого и ждалъ и тотчасъ вышелъ, бормоча вполголоса какія-то почтительныя слова; но, выйдя за дверь каюты, снова остановился на палубѣ. Мы также вышли проводить его и усердно раскланиваемся; но никакими поклонами не можемъ его пробрать: стоитъ онъ опять въ неподвижной позѣ,

вытянувши руки по швамъ, и теперь съ новымъ выраженіемъ на лицѣ—выраженіемъ полнѣйшаго безстрастія и готовности на все, что̀ мы прикажемъ. Мы снова раскланиваемся изо всѣхъ силъ, желая скорѣе положить конецъ этой тягостной сценѣ; не тутъ-то было: стоитъ, будто не замѣчая нашихъ поклоновъ, не двигаясь ни однимъ мускуломъ, словно не живой. Онъ, казалось, рѣшился умереть тутъ, на нашей лодкѣ, съ выраженіемъ страха, робости и съ разставленными руками, которыми онъ какъ бы преграждалъ намъ путь, чтобъ мы дальше не провожали его. Мы, наконецъ, просто ушли въ свою каюту, что̀ и нужно было, чтобъ онъ могъ уйти съ спокойной совѣстью... Это была одна изъ знаменитыхъ церемоній китайскаго этикета! И у насъ словно гора съ плечъ свалилась, когда наконецъ она кончилась.

Но пусть не думаетъ читатель, что онѣ постоянно примѣняются въ жизни: этого отнюдь не существуетъ. Въ жизни обыденной, обыкновенной проявляется только вѣжливость, которая въ Китаѣ распространена, можно смѣло сказать, болѣе, чѣмъ въ какой-либо другой странѣ міра: неучтиваго человѣка вы тамъ почти не встрѣтите. Тамъ вы можете смѣло обратиться съ вопросомъ или просьбой къ каждому встрѣчному, и будьте увѣрены, что получите отвѣтъ или исполненіе ея, даже съ утонченною любезностью просто свѣтскаго человѣка.

По уходѣ мандарина мы отдали нашему казаку распоряженіе варить супъ, что̀ обыкновенно производилось на хозяйской кухнѣ „почтенной бабушкой“; но сегодня онъ получилъ рѣшительный отказъ готовить наше кушанье, потому что хозяинъ, сказали ему, сейчасъ придетъ просить насъ откушать его хлѣба-соли, что сегодня у нихъ большой праздникъ, и они обязаны угостить каждаго; для насъ же у него приготовленъ отдѣльный обѣдъ.

Черезъ минуту явился самъ Танъ-Чэнъ-Гуэй и нѣсколько разъ чистосердечно повторилъ свою просьбу принять его обѣдъ и не обижать отказомъ, потому что, какъ передалъ казакъ его слова, „онъ себя съ своей семьей тоже за людей почитаетъ“.

Не принять обѣда значило доказать ему противное, значило обидѣть его. Мы же такъ любили нашего хозяина, что никакъ не желали сдѣлать ему малѣйшую непріятность.

— Ну, будемъ обѣдать, рѣшили мы.—Пускай подаетъ.

Въ дорогѣ мы всегда ограничивались однимъ кушаньемъ,—супомъ или рисовой кашей съ мясомъ, но наше одно блюдо было сытно и скромность состава обѣда вознаграждали количествомъ;

а аппетитъ отъ постояннаго пребыванія на свѣжемъ воздухѣ у насъ былъ отличный. Китайцы же, какъ намъ было извѣстно, готовятъ каждаго блюда понемножку; поэтому у насъ сегодня возникали опасенія, что мы съ нашимъ волчьимъ аппетитомъ, пожалуй, будемъ голодны послѣ китайскаго обѣда нашего бѣдняка-хозяина. Съ другой стороны, хотя мы съ Матусовскимъ были и не брезгливы, тѣмъ не менѣе не могли не подумать, среди какой обстановки и чистоты приготовлялся ожидавшій насъ обѣдъ. Возможно ли при такой нищетѣ соблюденіе особенной чистоты...

Но вотъ открылось окно въ перегородкѣ, и хозяинъ на этотъ разъ самъ передалъ казаку деревянный лотокъ съ чашками, содержавшими кушанья, и когда казакъ поставилъ его на столъ, намъ даже совѣстно стало: вмѣсто нашего единственнаго супа или каши, у насъ явилось сегодня нѣсколько блюдъ, а именно: вареная курица, нарѣзанное свиное мясо съ ломтиками молодаго бамбука, жареная свинина, жареная рыба, хлѣбцы разныхъ видовъ, пельмени, круглыя котлеты, еще свинина подъ соусомъ и графинчикъ водки. При видѣ этого обѣда мы невольно вспомнили слова Сосновскаго, взявшагося завѣдывать общимъ столомъ и кормившаго насъ недѣлю, пока мы не ушли, однимъ жидкимъ супомъ съ зернышками риса да свинымъ саломъ...

— Намъ ширяться нельзя, говорилъ онъ, расходуя на восемь человѣкъ самое, самое большее одинъ рубль въ день!

Многія блюда этого обѣда оказались очень вкусными, и всего было въ такомъ количествѣ, что мы втроемъ не могли всего съѣсть, такъ что наши опасенія были совершенно напрасными. Въ благодарность за этотъ обѣдъ мы подарили хозяину три тысячи чохъ и послали конфектъ его дѣтямъ.

Послѣ обѣда пришли съ поздравленіемъ солдаты сопровождавшей насъ военной лодки въ числѣ одиннадцати человѣкъ, но только двое изъ нихъ, передніе, могли войти въ нашу каюту и сдѣлать реверансъ съ преклоненіемъ на одно колѣно; другіе продѣлали то же на палубѣ за дверью. Имъ было подарено на праздникъ пять тысячъ чохъ (около шести рублей). Мы сознавали, что намъ, какъ иностранцамъ, какъ русскимъ офицерамъ, слѣдовало бы платить за все гораздо щедрѣе, но вѣдь мы съ Матусовскимъ тратили на это деньги не изъ экстраординарной суммы, а намъ лично отпущенныя, которыя мы должны были расходовать экономно въ виду еще далекаго пути. Приходилось краснѣть подчасъ и очень, да дѣлать было нечего.

Цѣлый день сегодня наши лодочники, рабочіе и солдаты ходили другъ къ другу въ гости, набиваясь иногда въ каморочкахъ почти до невозможности шевельнуться, ѣли наготовленныя прошлою ночью кушанья, пили вино и чай и были еще болтливѣе и веселѣе обыкновеннаго; у нѣкоторыхъ зарумянились лица, и глаза смотрѣли больше въ пространство, но ни одинъ не былъ пьянъ въ русскомъ смыслѣ слова; никто не буянилъ, не бранился и даже не пошатывался.

Дѣти выходили на берегъ, закутанныя въ теплое ватное платье, и ради забавы жгли шутихи по одиночкѣ. Они вставляли ихъ по одной въ мѣдныя трубочки, нарочно для этого сдѣланныя, и поджигали тлѣющей щепкой натертую порохомъ бумажную нитку, послѣ чего вспыхивалъ порохъ, и трубочка разрывалась и хлопала. Эти не совсѣмъ безопасныя игрушки можно было видѣть въ рукахъ пяти и четырехлѣтнихъ дѣтей, совершенно предоставленныхъ самимъ себѣ. Китайцы вообще чрезвычайно смѣло обращаются съ огнемъ и еще смѣлѣе даютъ своимъ дѣтямъ разныя опасныя игрушки.

Въ промежуткахъ, когда дождь не шелъ, я тоже выходилъ на берегъ или заглядывалъ внутрь другихъ лодокъ и видѣлъ, что ни одна изъ нихъ не была такъ мило убрана, какъ у нашего Танъ-Чэнъ-Гуэй.

Вѣтеръ и дождь продолжались цѣлый день, заставляя насъ почти безвыходно сидѣть въ лодкѣ; барометръ падалъ, а термометръ показывалъ только + 2, 5 R снаружи и однимъ градусомъ больше въ каютѣ. Всю ночь бушевалъ вѣтеръ, трепля флаги и снасти; волны плескались объ лодки, которыя качались и толкались одна объ другую; но мнѣ было тепло въ моей импровизированной спальнѣ, а покачиванія лодки и завыванія вѣтра только убаюкивали меня. Не было мыслей ни объ опасности отъ людей, ни о болѣзняхъ; и дѣйствительно мы всѣ оставались совершенно здоровыми.

26 января.

Погода портилась не на шутку. Сегодня стало еще холоднѣе, а снѣгъ въ видѣ кругленькихъ зернышекъ или такъ называемой крупы сыпался на землю. Противный вѣтеръ былъ слишкомъ силенъ и заставилъ остаться еще на день. Въ лодкѣ холодно, несмотря на теплое платье и обувь; ноги сильно зябнутъ, и никакъ

нельзя ихъ согрѣть при постоянномъ сидѣньи на одномъ мѣстѣ. Я отправился на берегъ.

Неподалеку отъ нашей стоянки находилась деревня, возлѣ которой толпа китайцевъ, большею частью молодыхъ людей и дѣтей, играла въ мячъ, и я направился къ нимъ. Черезъ минуту меня замѣтили, и игра была брошена; всѣ собрались вокругъ меня и стали разсматривать какъ меня самого, такъ и мое платье. Одинъ изъ китайцевъ поднялъ полу моего полушубка. Мнѣ вздумалось подурачиться, и я сдѣлалъ то же съ его платьемъ, чѣмъ вызвалъ общій веселый смѣхъ. Потомъ, показавъ полу своего полушубка, спросилъ: хорошо или нѣтъ?

— Хорошо,—отвѣтилъ китаецъ и показалъ свою шапочку, желая какъ мнѣ показалось, щегольнуть ею передо мной. На мнѣ была складная англійская фуражка съ разными заключающимися въ ней добавленіями. Я дернулъ ее сзади и сдѣладъ башлыкъ... Общее удовольствіе. Китаецъ показалъ косу, видя что у меня нѣтъ подобной; я обратилъ его вниманіе на усы и бороду, какихъ у него не было, и этимъ наше нѣмое состязаніе кончилось.

Ноги мои однако, не согрѣвались, и я затѣялъ игру съ ребятишками, сталъ бѣгать за ними, убѣгать отъ нихъ и скоро увлекъ ихъ всѣхъ въ эту забаву. Ихъ первоначальный страхъ прошелъ, и они всѣ стали ловить меня, причемъ нѣкоторые падали, къ общему удовольствію, и хохотали сами. Я погнался за однимъ мальчуганомъ лѣтъ двѣнадцати и неожиданно порепугалъ его не на шутку; онъ съ крикомъ удралъ отъ меня на деревню. Онъ былъ такъ смѣшонъ въ своемъ испугѣ, что я отъ души расхохотался; хохотали и всѣ его земляки и пріятели. Не менѣе удовольствія доставили имъ начерченныя мною палкой на пескѣ фигуры китайца, лошади и дракона. Одинъ мальчикъ написалъ на землѣ три іероглифа и спросилъ, знаю ли я, что̀ они значатъ, или нѣтъ.

— Не знаю.

— Тянь, Ди, Жень (небо, земля, человѣкъ), объяснилъ онъ и при послѣднемъ словѣ указалъ на меня пальцемъ.

— Я не человѣкъ, сказалъ я,—я заморскій чортъ.

Всѣ взрослые, стоявшіе тутъ, замахали руками и закричали въ одинъ голосъ.

— Ай, ай, ай! Нѣтъ, нѣтъ! Человѣкъ, человѣкъ! хорошій человѣкъ!

— Ваши же люди называютъ меня заморскимъ чортомъ.

— Ай, нѣтъ! Это неправда. Не можетъ быть, чтобъ они называли.

Въ это время кто-то изъ стоявшихъ около меня тѣснымъ кружкомъ дернулъ меня сзади за полушубокъ; я оглянулся. Смотрю, веселенькая дѣвочка лѣтъ десяти убѣгаетъ отъ меня, но не изъ страха, а заигрывая, какъ можно было заключить по ея смѣющимся чернымъ глазкамъ, и желая вѣроятно возобновить прежнюю игру. Подобная смѣлость со стороны дѣвочки, ея подвижность и веселый смѣхъ не могли не обратить на себя моего вниманія, такъ какъ я привыкъ видѣть китайскихъ женщинъ, дѣвушекъ и дѣвочекъ застѣнчивыми, робкими и даже дикими. Вотъ почему я былъ пораженъ этой рѣзвой, быстроглазой шалуньей. Черезъ нѣсколько минутъ она опять подкрадывалась ко мнѣ и подергивала меня за рукавъ; я сдѣлалъ видъ, что сейчасъ погонюсь за ней и поймаю, и она съ веселымъ смѣхомъ отбѣжитъ прочь на своихъ уродливыхъ, но не очень маленькихъ ножкахъ, и заливается звонкимъ дѣтскимъ смѣхомъ, дѣлая милыя гримаски.

Странно, думалось мнѣ,—кто этой дѣвочкѣ подсказалъ, что я не опасный человѣкъ, что ей меня бояться нечего. Отчего другія боялись? Развѣ не вмѣстѣ съ ними она родилась и выросла!..

Съ деревни подходили по немногу новые китайцы, они съ живымъ любопытствомъ смотрѣли на меня и предлагали все одни и тѣ же вопросы, которые я уже научился понимать и отвѣчать на нихъ по-китайски. Они касались моего имени, возраста, національности, того — откуда и куда ѣду и что буду продавать? Впрочемъ многіе обращались съ этими вопросами къ своимъ землякамъ, и тѣ имъ пересказывали все узнанное отъ меня. Меня начинало радовать, что я хоть нѣсколькими словами могу обмѣняться съ туземцами.

Я продолжалъ гулять по берегу въ сопровожденіи большихъ и малыхъ собесѣдниковъ; вдругъ послѣдніе тихонько подергали меня за рукавъ и изподтишка указали мнѣ на упомянутаго выше перепуганнаго и убѣжавшаго мальчишку. Онъ явился опять и держался позади другихъ, прячась за ихъ спины. Я былъ въ хорошемъ настроеніи духа, видѣлъ, что китайцамъ очень нравилось мое ласковое обращеніе съ дѣтьми, а кромѣ того, холодный воздухъ вызывалъ охоту къ движенію, и вотъ я опять сдѣлалъ видъ, что сейчасъ догоню этого мальчишку. Онъ перепугался пуще прежняго и закричалъ, удирая изо всѣхъ силъ; но, видя что я настигаю его, мигомъ остановился и продолжая кричать и изобра-

жать на лицѣ ужасъ, быстро нагнулся, захватилъ пригоршни песку и готовъ былъ бросить имъ въ меня; но должно быть столь же мгновенно передумалъ, выбросилъ песокъ и поднялъ ко лбу сложенныя руки, прося помилованія и пощады... Ребятишки кругомъ просто помирали со смѣху. Мнѣ показалось даже, что и испугавшійся мальчишка только представлялся трусомъ, чтобъ смѣшить своихъ товарищей, что онъ самъ скорѣе сдерживалъ улыбку, чѣмъ боялся меня въ такой степени, какъ показывалъ.

Согрѣвшись, я возвратился къ своимъ лодкамъ, на которыхъ китайцы опять жгли бумагу и ракетки; а съ военной лодки стрѣляли изъ пушки.

27 января.

Суровый, холодный, совсѣмъ зимній день. Съ утра до ночи посыпало насъ небо ледяной дробью; земля побѣлѣла; лодки покрылись толстой ледяной корой, черезъ которую сквозило дерево, точно ихъ облили жидкимъ стекломъ. То же было съ тростниковыми крышами домиковъ, хворостомъ и каждой былинкой въ полѣ. Значитъ морозъ, но всего въ одинъ градусъ; однако при постоянномъ пребываніи на воздухѣ онъ былъ весьма чувствителенъ.

Всѣ попрятались въ дома и лодки, послѣднія покрыли циновками, устроивъ на палубахъ родъ шалушей, и о движеніи впередъ и рѣчи не было, такъ что мы еще цѣлый день просидѣли въ лодкахъ, почти не выходя изъ нихъ; я сдѣлалъ только небольшую прогулку съ ружьемъ; но ничего не найдя, вернулся назадъ.

28 января воскресенье.

Погода не измѣняется, но китайцы по своимъ примѣтамъ ожидаютъ перемѣны къ теплу и потому стали околачивать ледъ, покрывшій лодки, чтобъ при таяніи его вода не потекла внутрь; и послѣ полудня, когда это освобожденіе отъ ледянаго покрова было окончено, мы тронулись въ путь.

Прошли 25 ли, и хотя по времени могли бы идти еще, но принуждены были остановиться, потому что рабочимъ, тащившимъ лодки бечевой, стало не въ мочь идти по скользкой землѣ.

Мы стояли вблизи города Ань-Лю-Фу, но его не было видно, какъ и ничего другаго: мѣсто нашей стоянки имѣло скучный, пустынный видъ. Выйдя на берегъ, я увидалъ бродившихъ по

лужамъ и мелкимъ заливчикамъ куликовъ и, убивъ двухъ, пошелъ доставать ихъ, но чуть было не оставилъ тамъ своихъ сапогъ, увязнувъ въ глинистомъ днѣ лужи; еле-еле выбрался.

Чучела, сдѣланныя изъ этихъ двухъ куликовъ (Totanus glareola), положили основаніе моей будущей зоологической коллекціи.

29 января.

И тутъ по случаю дурной погоды простояли опять цѣлый день и остановились, какъ нарочно, въ самомъ пустынномъ мѣстѣ; нигдѣ не видно ни одного домика, ни одного шалаша.

Кажется, здѣсь съ голоду погибнуть можно; но гдѣ бы ни остановился путникъ въ этой части Китая, онъ непремѣнно найдетъ что нибудь для своего пропитанія. Много, если версту придется пройти—и деревня; а въ ней есть хлѣбъ, яйца, овощи, а можетъ быть и мясо; а у рыбаковъ почти всегда найдешь рыбу. Такъ и сегодня китайцы съ двумя казаками ушли куда-то и вернулись часа черезъ два, раздобывъ всякой провизіи.

Сегодня съ утра ледъ сталъ таять, и какъ ни околачивали его, онъ все-таки остался въ щеляхъ и пазахъ, и вода стала капать внутрь на столъ, постели, въ кушанья и текла по стѣнамъ каюты ручьями... Непріятно; но во сколько разъ легче миришься съ подобными невзгодами въ дорогѣ: какой бы гвалтъ подняли мы, если бы въ квартирѣ у насъ вдругъ потекла съ потолка или по стѣнамъ вода!..

30 января.

Около полудня сами лодочники, которымъ надоѣло, да и невыгодно было стоять на одномъ мѣстѣ, рѣшили тронуться въ путь; но имъ такъ трудно было идти противъ холоднаго вѣтра, ноги такъ скользили по снѣгу, что пройдя не болѣе, какъ версты три, они принуждены были остановиться. Но здѣсь по крайней мѣрѣ было въ виду и не далеко селеніе; около него стояло довольно много деревьевъ, слѣдовательно можно было надѣяться найти птицъ, и я пошелъ вмѣстѣ съ казакомъ Степановымъ искать добычи. Онъ былъ страстный охотникъ; но, состоя въ должности камердинера Сосновскаго, былъ заваленъ самой безплодной работой днемъ и даже ночью; ему и на полчаса почти не удавалось отойти, да и ружья своего не было.

Мы видѣли съ нимъ въ этотъ день довольно много утокъ и гусей; но они проносились надъ нами, улетая, какъ говорилъ по

привычкѣ Степановъ, „за Иртышъ“. Иртышъ—его родная рѣка, а потому названіе ея сдѣлалось для него до извѣстной степени общимъ для всѣхъ рѣкъ, и онъ безпрестанно говорилъ: „былъ за Иртышомъ“, т.-е. за Хань-Цзяномъ... „Надо бы въ Иртышъ держать (т.-е. ближе къ срединѣ рѣки), а она къ берегу жмется“, критиковалъ онъ дѣйствія китайской дѣвицы, управлявшей рулемъ.

Мы перешли съ нимъ черезъ береговой валъ и стали спускаться; мои ноги скользили по глинистой почвѣ, и случившійся тутъ одинъ любезный китаецъ, безъ моей просьбы, взялъ меня подъ руку и помогъ сойти на ровное мѣсто. Я сталъ заряжать ружье и тутъ замѣтилъ что потерялъ войлокъ для пыжей... Спрашиваю у этого китайца, нѣтъ ли съ нимъ бумаги; онъ нашелъ, но ея хватило только для одного пыжа. Другой, стоявшій тутъ, замѣтилъ это, молча ушелъ домой и принесъ мнѣ цѣлый листъ...

И я нарочно упоминаю объ этихъ, можетъ быть, и неинтересныхъ мелочахъ, но они характеризуютъ народъ, ибо изъ какихъ бы побужденій ни исходили подобныя выраженія любезнаго вниманія къ иностранцу, они во всякомъ случаѣ доказывали, что вражды у нихъ къ заморскому человѣку нѣтъ, и я все больше и больше чувствовалъ къ туземцамъ симпатію.

Убивъ нѣсколько птицъ, я возвратился домой и принялся за препаровку ихъ.

31 января.

Вѣтеръ, наконецъ, стихъ; небо очистилось, и на солнцѣ ужъ тринадцать градусовъ тепла. Тронулись въ путь, и ни въ одинъ день еще мы не встрѣчали такого большаго числа лодокъ, какъ сегодня. Вѣроятно ихъ также задержали праздникъ и ненастье, которое они пережидали у пристаней. Рѣка была покрыта лодками, какъ бы по случаю какого-нибудь торжества; ихъ паруса, поднятые для просушки и висѣвшіе неподвижно въ тихомъ воздухѣ, то располагались рядами, то собирались въ группы по десяти штукъ и болѣе, придавая рѣкѣ очень оживленный видъ.

Снѣгъ еще держался кой-гдѣ, но сильно таялъ, и вода ручьями бѣжала въ рѣку, какъ у насъ настоящей весной. Да и люди сегодня одѣты по весеннему. Вотъ сейчасъ видѣлъ нѣсколькихъ китайцевъ-рыболововъ въ легкихъ бумажныхъ халатахъ съ открытыми головами.

Они разъѣзжали по рѣкѣ въ такомъ оригинальномъ суднѣ, что ему и названія не придумаешь: двѣ кадки соединены непо-

движно между собою, и отъ связывающаго ихъ бруска отходитъ довольно большое бревно, которое лежитъ на водѣ, дѣлая такимъ образомъ кадки болѣе устойчивыми. На срединѣ между кадками устроена скамеечка, на которую садится рыболовъ, а ноги опускаетъ въ одну изъ кадокъ и разъѣзжаетъ куда захочетъ, управляя своимъ оригинальнымъ судномъ при помощи весла.

Рѣка широка и гладка. За нею вдали передъ нами показалась гряда невысокихъ горъ, не имѣющихъ особаго названія. Берега дѣлаются холмистыми, и рабочимъ, тянущимъ лодки, приходится то взбираться на пригорки, то спускаться съ нихъ почти до уровня воды, причемъ они скользятъ и нерѣдко падаютъ.

На рѣкѣ начинаютъ появляться быстрины, и на одной изъ нихъ при насъ лопнула бечева, которою вели лодку противъ теченія: ее довольно быстро отнесло внизъ саженъ на сто, пока лодочникамъ удалось ее остановить.

1 февраля.

Сегодня на солнцѣ было уже двадцать градусовъ тепла. По берегамъ встрѣчается множество маленькихъ домиковъ легкой постройки, въ которыхъ происходитъ торговля дровами и сухими стеблями особаго рода крапивы—чжу-ма, которые употребляются, какъ топливо, а также сожигаются на открытомъ воздухѣ вмѣсто жертвенныхъ свѣчей, за неимѣніемъ послѣднихъ. И дрова и вязанки этихъ палочекъ продаются здѣсь на вѣсъ,—по четверть копѣйки за полтора фунта (цзинъ).

Берега рѣки ясно измѣняютъ характеръ: они становятся выше и за ними показываются невысокія горы, на вершинахъ которыхъ стоятъ пагоды.

Эти горныя вершины съ ихъ храмами, и безъ того уединенными отъ остальнаго міра своей значительной вышиной, на которой находятся, еще обнесены стѣнами. Какія это таинственныя и поэтическія обители; какъ онѣ нравятся мнѣ! Ихъ невозмутимая тишина, прекрасный горный воздухъ и открывающіеся оттуда виды ужасно смущали меня и тянули къ себѣ.

— Хоть бы въ одномъ изъ этихъ нагорныхъ монастырей побывать, говорю я Матусовскому.

— Что?! А вы развѣ забыли „о важныхъ государственныхъ заданіяхъ“, которыя поважнѣе вашихъ монастырей... Вы, я вижу, совсѣмъ не знаете службы, милостивый государь, шутилъ онъ копируя нашего капитана,—вы ѣдете, чего вамъ еще больше?

Сегодня также встрѣчается много лодокъ, и ни одна не прошла мимо безъ того, чтобы сидѣвшіе въ ней китайцы, увидавъ насъ, не приходили въ неописанное изумленіе, которое они непремѣнно выражали восклицаніемъ: заморскіе люди?! произнесеннымъ такимъ тономъ, какъ будто бы передъ ними являлся самъ Драконъ (Лунъ).

Лодки, ходящія здѣсь, большею частью небольшихъ размѣровъ, но встрѣчаются и большія грузовыя лодки. Такъ на одной изъ нихъ я насчиталъ двадцать три человѣка, обѣдавшихъ на передней палубѣ; а въ ея кормовой части, кромѣ того, копошились люди, не менѣе десяти человѣкъ, которые, услыхавъ крики—иностранцы, иностранцы пріѣхали! всѣ высунули свои головы, одну надъ другой, и совершенно выполнили ими все отверстіе, изъ котораго выглядывали.

2 февраля.

Рѣка представляетъ обширную водную гладь съ плоскими песчаными островами; на ея отдаленныхъ берегахъ виднѣются въ синеватомъ туманѣ группы деревьевъ и селеній. Лѣвый берегъ ея высокъ, обрывистъ и вдается въ воду гранитными утесами, въ одномъ изъ которыхъ находится каменоломня, гдѣ добываютъ жерновой камень.

Мы приближаемся къ городу И-Чэнъ-Сянь, но знаемъ это изъ карты, а самаго города не видно, потому что онъ стоитъ въ верстѣ отъ рѣки. Лодочники остановились на ночлегъ, и нѣсколько человѣкъ отправились туда за провизіей. Шли два казака, переводчикъ Ѳедоръ и одинъ солдатъ съ военной лодки. Я также присоединился къ нимъ, и мы отправились по тропинкамъ между полями, засѣянными горохомъ и бобами, которые, вѣроятно, и привлекали сюда огромныя стаи грачей, сорокъ и галокъ, поднимавшихся съ земли при нашемъ приближеніи.

Привольно жить въ Китаѣ птицамъ; онѣ живутъ здѣсь совсѣмъ близко къ человѣку и разводятся во множествѣ. Ихъ почти не безпокоятъ; онѣ, повидимому, вовсе незнакомы съ ружьемъ, какъ пернатыя Европы, и здѣсь мнѣ не разъ приводилось наблюдать изумленіе птицъ, при видѣ убитаго или раненаго собрата: они, очевидно, не могутъ понять, почему онъ упалъ на землю и не летитъ съ ними; подлетаютъ къ нему близко, поднимаютъ тревожный крикъ, отнюдь не подозрѣвая, что имъ грозитъ та же опасность, что надо спасаться. Сдѣлаешь выстрѣлъ—птицы только

перелетятъ на ближайшее дерево и опять подпускаютъ васъ близко, такъ что на одной верстѣ вы могли бы перестрѣлять всю стаю. Разумѣется, не всѣ птицы такъ довѣрчивы: нѣкоторыя осторожны по природѣ и никогда не теряютъ своей подозрительности.

Мы приближались къ предмѣстьямъ города. Весь горизонтъ, куда ни поглядишь, запертъ селеніями и бамбуковыми рощицами; вотъ показалась и городская стѣна; въ ней ворота съ обычной башней надъ ними; вотъ окружающій городъ каналъ и перекинутый черезъ него каменный мостъ объ одной аркѣ, ведущій въ городъ.

Мальчишки, стоявшіе на другомъ берегу канала, эти зоркіе шпіоны, ужъ завидѣли насъ своими ястребиными глазами, крикнули, и лучше всякаго телеграфа сообщенная новость собрала уже толпу, которая на встрѣчу не пошла, а дождалась нашего приближенія и, пропустивъ насъ въ городскія ворота, съ шумомъ и криками послѣдовала за нами по улицѣ.

Эта узкая улица мигомъ запрудилась народомъ; но я ужъ привыкъ къ самой густой и самой шумной толпѣ, и теперь она мнѣ не мѣшала думать о томъ, о чемъ я хотѣлъ, и наблюдать, что было кругомъ меня. Тѣснота построекъ, на всемъ копоть, вездѣ грязь и соръ и наполненный отвратительными испареніями воздухъ—вотъ обстановка города. Взглянемъ на этихъ галдящихъ людей. На всѣхъ лицахъ читаешь выраженіе страстнаго любопытства; на кого ни посмотришь, ужъ непремѣнно встрѣтишь его взглядъ, и во всѣхъ взглядахъ удовольствіе, добродушіе, веселье и желаніе разсмотрѣть, какъ можно лучше. Толпа росла каждую минуту, потому что всякій, у кого былъ досугъ,—а у китайцевъ его вообще пропасть,—присоединялся къ нашей свитѣ. Крикъ былъ непзобразимый; въ улицѣ начиналась давка, такъ что страшно становилось, что люди передушатъ другъ друга. Каждая наша остановка лишь на одно мгновеніе уже производила сумятицу.

Казаки съ солдатомъ-китайцемъ пошли за провизіей, а я съ Ѳедоромъ отправился въ мѣстное полицейское управленіе, [1]) чтобъ отправить письмо въ г. Фань-Чэнъ, гдѣ, какъ читатель помнитъ, насъ ожидали наши переводчики, Андреевскій и Сюй, и, кромѣ того, просить приготовить тамъ квартиру.

---

[1]) Чиновники въ Китаѣ всегда живутъ въ казенныхъ зданіяхъ, служащихъ присутственными мѣстами разнаго рода и называемыхъ я-мынь.

По дорогѣ Ѳедоръ зашелъ въ одинъ домъ размѣнять кусокъ серебра на чохи, а я остался ждать его на улицѣ, подъ навѣсомъ этого домика, и, войдя за перила, находившіяся при входѣ во дворъ, прислонился спиною къ стѣнѣ.

Гудѣвшая, какъ море въ бурю, толпа напирала на меня, потому что каждому хотѣлось пробраться впередъ, поближе; и черезъ минуту деревянныя перила были сломаны, словно картонныя, нѣсколько мальчишекъ при этомъ свалились на землю, и меня морозомъ осыпало,—я думалъ что имъ и не подняться, что ихъ тамъ раздавятъ; но я не смѣлъ нагнуться, чтобъ поднять ихъ. Кричали ли они или нѣтъ—не знаю, потому что слышать отдѣльно чей-нибудь голосъ было невозможно. Всѣ кричали: кто просто оралъ отъ удовольствія; кто, судя по жестамъ, извѣщалъ своихъ знакомыхъ; кричали притиснутые; всѣ ссорились изъ-за мѣстъ и чуть не дрались. Но упавшіе мальчишки, должно быть, видали виды: они ужъ были на ногахъ, и ихъ глаза были опять уставлены на меня. Я сохранялъ полное спокойствіе и серьезный видъ, хотя мнѣ, глядя на всю эту сцену, не разъ хотѣлось расхохотаться. Иногда въ толпѣ подмѣчали мою улыбку и на нее, какъ по сигналу, отвѣчали взрывомъ громкаго сочувственнаго смѣха.

За это время только одинъ разъ мнѣ пришлось отстранить руками слишкомъ близко напиравшій первый рядъ зрителей; только одинъ разъ кто-то изъ толпы бросилъ въ меня кусочкомъ хлѣба; я сдѣлалъ видъ, что не замѣтилъ этого, и дерзость не повторилась.

Ѳедоръ вернулся, и мы пошли дальше. Теперь уже буквально весь городъ всполошился. Всѣ поднялись и вышли изъ домовъ; у каждыхъ воротъ по всѣмъ улицамъ и переулкамъ стояли люди и еще вызывали изъ дворовъ оставшихся тамъ, по преимуществу женщинъ, которыя спѣшили выйти на улицу, ковыляя на своихъ ножкахъ и въ свою очередь вызывая тѣхъ, кто еще былъ въ домѣ; страшная толпа слѣдовала за нами, а впередъ на рысяхъ летѣли вѣстовые, крича—янъ-жень! и приглашая всѣхъ выходить на улицу. Словомъ, происходило то, что можно увидать во всякой странѣ, во всякомъ городѣ, если на улицахъ его появится что-нибудь никогда невиданное; но, я думаю, никакой народъ въ мірѣ не превзойдетъ китайцевъ въ умѣньи такъ орать и неистовствовать отъ восторга, какъ они это дѣлаютъ...

Мы пришли въ я-мынь,—небольшое, бѣдное и грязненькое

учрежденіе, но, несмотря на бѣдность и ветхость, въ немъ было много своеобразной прелести.

Давно, должно быть, стоятъ эти зданія: круглые камни въ родѣ жернововъ, украшающіе входъ въ одинъ изъ дворовъ, стерлись, отполировались и промаслились, вѣроятно, человѣческими руками; отъ стѣнъ и крышъ вѣетъ глубокой стариной, и съ ними такъ гармонировали находившіеся тутъ старые, сѣдовласые прислужники. Одному изъ нихъ ужасно хотѣлось поговорить со мной, точно ему было положительно извѣстно, что я отлично знаю китайскій языкъ и только почему-то притворяюсь непонимающимъ.

Вышелъ чиновникъ, хотя и главный, но въ маленькомъ чинѣ, еще молодой человѣкъ, весьма вѣжливый, но, казалось, думавшій о себѣ гораздо болѣе, чѣмъ слѣдовало... Но ужъ таково свойство всѣхъ въ мірѣ маленькихъ чиновниковъ. Передавъ письмо и просьбу относительно квартиры, мы простились съ мандариномъ и, выйдя на улицу, не вернулись назадъ, а отправились дальше, чтобы выйти черезъ другія ворота. Тутъ улицу пересѣкаютъ почти развалившіяся тріумфальныя ворота, каменныя, рѣзныя, чрезвычайно живописныя и по рисунку и, главное, своей ветхостью. Никто изъ мѣстныхъ жителей не зналъ въ честь кого или какого событія они поставлены; и сколько на землѣ такихъ памятниковъ, значеніе которыхъ извѣстно лишь немногимъ, и которые служатъ только тріумфомъ всесокрушающему времени.—Только передъ славою нѣкоторыхъ немногихъ людей и время оказывается безсильнымъ, и имена ихъ будутъ жить на землѣ, пока люди не потеряютъ способности говорить и писать. Вотъ, напримѣръ, старый полуразрушенный храмъ, съ запущеннымъ, густо заросшимъ дворомъ, обнесеннымъ каменной узорчатой оградой... Пустъ и забытъ этотъ дворъ; пустъ обложенный гранитомъ резервуаръ передъ главнымъ входомъ храма; двери въ него забиты, и, кажется, никто не входитъ внутрь его кромѣ птицъ и летучихъ мышей, свившихъ тамъ свои гнѣзда... Но спросите:

— Какой это храмъ?

— Великаго Кунъ-Цзы (или Кунъ-Фу-Цзы, Конфуція), отвѣтятъ вамъ разомъ нѣсколько голосовъ.

Больше двухъ тысячъ лѣтъ въ Китаѣ произносится это имя, и навѣрно не забудется до конца существованія земли... Такова сила идеи...

Я шелъ дальше, осматривая улицу. Здѣсь въ настоящее время,

по случаю новаго года, во многихъ домахъ надъ дверьми висѣли приклеенныя визитныя карточки лицъ, посѣтившихъ хозяевъ въ праздничные дни и не заставшихъ ихъ дома. Изъ-за невысокой глиняной стѣны одного дома выглянули двѣ нарядныя китаянки, ужасно набѣленныя и нарумяненныя; застыдившись, онѣ спрятались и, подбѣжавъ къ двери, стали смотрѣть на насъ сквозь узенькую щель, оставленную между створами, такъ что ихъ самихъ нельзя было видѣть.

Мы вышли за городскія ворота, когда солнце уже сѣло, и жители не рѣшались слѣдовать за нами, изъ опасенія, какъ бы не заночевать внѣ стѣнъ, такъ какъ ворота скоро должны будутъ запереть. Поэтому толпа мало-по-малу отстала; наконецъ съ нами раскланялись и послѣдніе два человѣка. Оказалось, что это были два полицейскихъ, которымъ было приказано проводить насъ черезъ городъ; они исполнили это такъ, что мы и не замѣтили. Охотники навязывать китайцамъ подозрительность къ иностранцамъ увидали бы въ этомъ актъ тонкаго шпіонства; я же не могу считать этого ничѣмъ инымъ, какъ только деликатностью и вниманіемъ, которымъ всѣмъ не мѣшало бы поучиться у китайцевъ.

Мы шли опять между полями, направляясь къ другой деревнѣ, возлѣ которой была пристань и гдѣ должны были остановиться на ночлегъ наши лодки; мы добрались до нея уже ночью, при слабомъ свѣтѣ луны.

Ночь была совершенно наша, весенняя. Съ возвышеннаго берега рѣка представлялась обширнымъ зеркаломъ, въ которомъ отражались стоявшія у берега лодки, мѣсяцъ и звѣзды. Воздухъ былъ тепелъ и совершенно тихъ; но въ ушахъ у мена все еще раздавался тотъ ужасный концертъ, который безплатно задали мнѣ въ И-Чэнъ-Сянѣ...

А сколько, я думаю, матеріала для разговоровъ оставилъ я его жителямъ только тѣмъ, что прошелъ черезъ городъ отъ однихъ воротъ до другихъ!

3 февраля.

День холодный, и въ воздухѣ стоитъ туманъ. По обоимъ берегамъ рѣки совершается такое движеніе, какое не часто бываетъ въ улицахъ нашихъ городовъ. Тутъ и пѣшіе, и ѣдущіе верхомъ или въ носилкахъ, и вьючныя животныя; лодочники, согнувшись, тянутъ бечевой лодки; во многихъ мѣстахъ взрослые и дѣти про-

сто сидятъ или лежатъ на травѣ въ своихъ синихъ, голубыхъ, зеленыхъ или красныхъ одеждахъ, какъ будто около своихъ домовъ но послѣднихъ нигдѣ не видно.

Сегодня встрѣчается очень много людей въ бѣлыхъ (т.-е. траурныхъ) одеждахъ, или только съ бѣлыми повязками на головѣ, въ родѣ чалмы. Отчего это? Не было ли тутъ эпидеміи какой, увеличившей смертность въ этомъ краю? Ничего не удалось узнать, потому что для этого надо остановиться. .

Мы шли подъ парусомъ, съ хорошимъ попутнымъ вѣтромъ; на встрѣчу намъ проносились вереницы лодокъ, нагруженныхъ соломенными шляпами, лѣкарствами въ видѣ кореньевъ и пучковъ стеблей, а также тюками съ другими товарами... Сосновскій писалъ въ донесеніи въ Петербургъ о полной возможности пароходства по Хань-Цзяну, а наша лодка сегодня не разъ садилась на мель, да такъ, что съ одной мы едва сошли, провозившись минутъ десять. Какое же тутъ пароходство? Развѣ что только въ половодье оно будетъ возможно.

Въ этой части рѣки встрѣчаются отмели въ видѣ острововъ, и на одной изъ нихъ китайцы промывали гальку и песокъ, добывая изъ нихъ золото, которое рѣка уноситъ съ горъ и въ видѣ золотаго песку отлагаетъ его на днѣ.

И такъ какъ я зналъ изъ описаній барона Рихтгофена, что мы еще встрѣтимъ подобныхъ золотопромышленниковъ въ другомъ мѣстѣ, то здѣсь не остановились, желая воспользоваться попутнымъ вѣтромъ, и шли до сумерекъ. Заночевали у пустыннаго песчанаго берега, что было отчасти пріятно, потому что насъ не безпокоили посѣтители.

4 февраля воскресенье.

Сегодня должны придти въ Фань-Чэнъ, одинъ изъ значительныхъ торговыхъ пунктовъ на рѣкѣ, и близость его уже начинала чувствоваться по еще бо́льшему оживленію береговъ.

Здѣсь мы должны были встрѣтить нашихъ злосчастныхъ переводчиковъ и предполагали сдѣлать остановку дня на два, на три, для ознакомленія съ торговымъ значеніемъ и дѣятельностью этого городка. Но Ѳедоръ получилъ отъ кого-то свѣдѣніе, что переводчики наши уѣхали отсюда въ Хань-Коу, что они давно прибыли въ Фань-Чэнъ, ждали, ждали насъ или письма отъ начальника; но, не дождавшись ни того, ни другаго, и вовсе не имѣя денегъ, рѣшились уѣхать къ намъ!.. Это пока былъ слухъ, мо-

жетъ быть, совсѣмъ невѣрный, или не совсѣмъ вѣрный. А если правда, значитъ, мы гдѣ-нибудь встрѣтились на рѣкѣ и, не замѣтивъ другъ друга, проѣхали мимо. Не дурно!.. А это очень легко могло случиться,—напримѣръ, на одномъ изъ ночлеговъ, или въ тѣ ненастные дни, когда всѣ сидѣли, спрятавшись, въ лодкахъ.

Но, можетъ быть, рѣчь шла не объ Андреевскомъ и Сюѣ, утѣшали мы себя; а китайцы говорили о комъ-нибудь другомъ,—иначе будетъ ужасно непріятно!

Вотъ показались предмѣстья Фань-Чэна, потомъ онъ самъ и рядомъ съ нимъ, за особой стѣной, лагерь находящагося здѣсь гарнизона. Надъ послѣдней стѣной возвышались нѣсколько башенокъ или бесѣдокъ и большое количество пикъ и флаговъ, и послѣдніе, какъ я узналъ, были салютомъ въ честь нашего пріѣзда.

Далѣе тянулась прекрасная каменная набережная, съ красивой пагодой и длиннымъ рядомъ бѣдныхъ деревянныхъ домиковъ, въ родѣ сказочныхъ избушекъ на курьихъ ножкахъ; и надъ этой длинной линіей однообразныхъ домовъ лишь нѣсколько храмовъ возвышали свои изящныя крыши. Тамъ, гдѣ кончается набережная, дома стоятъ на высокихъ каменныхъ фундаментахъ; всѣ имѣютъ балконы, укрѣпленные на бревенчатыхъ подпоркахъ; и почти у каждой двери каждаго домика приклеены въ нѣсколькихъ мѣстахъ листочки красной бумаги съ различными надписями, которыя весьма оживляютъ общій видъ и производятъ на глазъ очень пріятное впечатлѣніе. Значеніе ихъ, вѣроятно, извѣстно читателю: красный цвѣтъ бумаги говоритъ, что въ домѣ все благополучно, а надписи на ней то выражаютъ разныя несбыточныя пожеланія самому себѣ и своему дому, то представляютъ разныя хвастливыя заявленія въ родѣ слѣдующаго: „дѣдъ, отецъ и сынъ—всѣ трое академики“, то какія-нибудь заклинанія или высокопарныя изреченія съ весьма темнымъ смысломъ.

На рѣкѣ стоитъ цѣлая флотилія лодокъ и множество плотовъ сплавляемаго внизъ бамбука. На берегу сложенъ мѣстами мачтовый лѣсъ (для лодокъ), толстыя доски, изъ какихъ дѣлаются гробы; тутъ же лежатъ большія кучи сора и всякой дряни, около которой роются куры и бродятъ голодныя собаки. Тутъ же продаютъ мясо, очень плохое на видъ, и зелень. Надъ головой въ воздухѣ носятся со своимъ пронзительнымъ свистомъ десятки коршуновъ. Людей, разумѣется, множество всякихъ,—и за-

нятыхъ разными дѣлами, и праздно глазѣющихъ по сторонамъ. Бѣдность и нищета бросаются въ глаза гораздо сильнѣе, чѣмъ достатокъ, и эту бѣдную толпу еще нѣсколько оживляютъ яркоцвѣтныя платья, какія носятъ женщины и дѣти.

Мы пока проходимъ на своихъ лодкахъ вдоль города къ мѣсту, гдѣ должны будемъ пристать. Жители уже замѣтили насъ, объявили во всеуслышаніе о нашемъ пріѣздѣ и стали собираться на берегу, слѣдуя за нами и выжидая, когда мы остановимся.

Проходимъ мимо лодокъ, цѣпляясь за нихъ баграми или упираясь въ ихъ бока; наконецъ причаливаемъ къ берегу, и буквально въ одно мгновеніе онъ уже залитъ народомъ въ такой степени, что ни одной пяди земли, на которой только можно было бы поставить двѣ ноги, не осталось свободной. Любопытное зрѣлище! Стоимъ и созерцаемъ другъ друга.

Я ужъ такъ приглядѣлся къ лицамъ китайцевъ, что мнѣ кажется, другихъ людей и не видалъ никогда; тѣмъ болѣе, что ихъ лица вовсе не такъ своеобразны, какъ мы привыкли думать. Тѣ же и выраженія на нихъ. Вотъ старикъ, на лицѣ котораго длинная исторія страданій. Вотъ круглолицый парень—приказчикъ, самодовольный и покойный. Тутъ и тамъ мелькаютъ безъ-заботныя и веселыя дѣтскія рожицы. Вонъ помирившійся съ горемъ и покорный своей долѣ бѣдняга-работникъ, черезъ плечи и спину котораго прошли многія тысячи пудовъ. Вотъ молодой человѣкъ, красивый, съ нѣжнымъ бѣлымъ лицемъ, хорошо одѣтый. Онъ одинъ не увлеченъ общимъ интересомъ толпы, задумался и глядитъ въ сторону, но такъ, какъ будто ничего не видитъ и не слышитъ ни смѣха, ни говора вокругъ себя, Что-то сильно занимаетъ его мысли... Можетъ быть, сердцемъ его завладѣла какая-нибудь черноокая и узкоглазая красавица... Не здѣсь ли она, въ ряду вотъ этихъ забитыхъ, робкихъ и до крайности набѣленыхъ и нарумяненыхъ дамъ.

Но все живетъ, хохочетъ, радуется; гамъ въ толпѣ невообразимый, и рѣдко-рѣдко увидишь равнодушную, тупую и ничего не выражающую физіономію неподвижно стоящаго человѣка; у всѣхъ же остальныхъ вся душа на распашку: ничто не стѣсняетъ ихъ жизненныхъ проявленій. И какъ ни докучлива такая толпа, видѣть ее все-таки пріятно,—пріятнѣе, чѣмъ мрачное чинно-молчаливое собраніе какъ бы озлобленныхъ людей, какихъ нерѣдко случается встрѣчать въ городахъ западной Европы.

Но плохо тутъ придется европейцу, если онъ не будетъ ограж-

день отъ любознательныхъ сыновъ Поднебесной Имперіи ея же собственными солдатами или полисменами, или не скроетъ своего заморскаго происхожденія подъ китайскимъ платьемъ, которое сдѣлаетъ его незамѣтнымъ.

Вскорѣ болѣе смѣлые стали дѣлать попытки перебираться съ берега на наши лодки; ихъ, разумѣется, немедленно прогоняли, но вмѣсто десяти изгнанныхъ являлось пятнадцать новыхъ; и мы, наконецъ принуждены были стать подъ прикрытіе военной лодки, то-есть перейти на ея другую сторону. Эта мѣра хотя и помогла, но не совершенно избавила насъ отъ назойливыхъ посѣтителей, которые, улучивъ удобную минуту, успѣвали-таки проскакивать къ намъ даже черезъ военную лодку. И это дѣлалось отнюдь не ради простаго глумленія: они сами понимали, что дѣлаютъ неловкость; но имъ неудержимо хотѣлось, во что бы ни стало, посмотрѣть поближе на насъ, на наши занятія и вещи. Они видѣли, напримѣръ, что я рисовалъ съ натуры,—какъ же было не заглянуть ко мнѣ въ альбомъ!...

Въ городъ послали переводчика Ѳедора и ожидали его возвращенія съ извѣстіями о квартирѣ и переводчикахъ.

Я сидѣлъ на палубѣ и срисовывалъ видъ набережной; вдругъ на лодку падаетъ у моихъ ногъ камень съ яйцо величиной. Я поднялъ и, не сказавъ ни слова, положилъ его на свою бумагу, такъ чтобы всѣ видѣли. Въ толпѣ это замѣтили и заговорили о камнѣ (ши-тоу), что̀ именно, я не могъ понять; но вѣроятно, нашли это дѣйствіе по крайней мѣрѣ безполезнымъ, потому что грубая выходка больше не повторилась.

Возвратившійся переводчикъ принесъ намъ визитную карточку отъ мѣстнаго мандарина, который извинился, что не можетъ лично пріѣхать къ намъ, вслѣдствіе траура по случаю смерти Богдохана!...

Это была непріятная новость: молодой Императоръ Тунъ-Чжи умеръ, не оставивъ по себѣ наслѣдниковъ, вслѣдствіе чего могли произойти безпорядки и, пожалуй новыя междоусобныя войны. Извѣстіе о кончинѣ богдохана не было для насъ полною неожиданностью, такъ какъ мы знали, что онъ былъ боленъ оспою и находился въ опасномъ положеніи: но говорили, что критическій день болѣзни уже прошелъ, что Сынъ Неба начиналъ поправляться, и по этому случаю однимъ изъ придворныхъ врачей было сожжено въ Пекинѣ жертвенной бумаги на полторы тысячи рублей!...

„Да, не помѣшала бы его смерть продолженію нашего путешествія,—невольно думалось намъ, ибо мятежи въ Китаѣ страшны, какъ пожары въ бурю.

Вслѣдъ за Ѳедоромъ изъ города явились четыре полицейскихъ солдата, въ траурныхъ, т.-е. бѣлыхъ одеждахъ, и вступили въ роль охранителей нашихъ лодокъ отъ излишняго любопытства толпы.

Набросавъ рисунокъ набережной Фань-Чэна, я закрылъ альбомъ и хотѣлъ войти въ каюту, какъ въ толпѣ сотни голосовъ вдругъ подняли крикъ.

— Покажи, покажи, дай посмотрѣть намъ, „великій заморскій господинъ!“

Я уступилъ просьбамъ только, чтобъ отдѣлаться отъ шума, потому что толпа почти ничего не могла видѣть издали. Какъ только я повернулъ къ нимъ раскрытый альбомъ, толпа двинулась впередъ; задніе навалили на переднихъ и чуть было не свалили въ воду. Въ этакой безумной толпѣ изъ всего бѣда можетъ выйти, и хорошо по крайней мѣрѣ, что пострадавшіе нисколько не обижаются,—сейчасъ же первые и хохочутъ. Я узналъ что квартира для насъ была приготовлена въ городѣ, но такъ какъ мы предполагали оставаться въ Фань-Чэнѣ всего два-три дня, то рѣшили остаться въ лодкахъ, тѣмъ болѣе, что тѣ же лодочники согласились провезти насъ еще 180 ли, до селенія Лао-Хо-Коу, гдѣ обыкновенно перемѣняютъ лодки на другія болѣе приспособленныя къ особенностямъ рѣки въ вышележащей части. Узнали мы также, что переводчиковъ Андреевскаго и Сюя въ Фань-Чэнѣ дѣйствительно не оказалось, и Ѳедоръ привезъ отъ перваго письмо, которое было оставлено у здѣшняго начальника города.

Онъ сообщалъ, что прождавъ насъ очень долго и не получая никакого извѣстія, они уѣхали въ Хань-Коу, къ намъ навстрѣчу. Главная же цѣль письма заключалась въ предупрежденіи насъ о томъ, чтобы мы были какъ можно осторожнѣе, потому что „ненависть китайцевъ къ европейцамъ все усиливается“.—„И со мной были случаи,“—глухо прибавлялъ онъ...

Подобныя извѣстія всегда не хорошо дѣйствуютъ на душу, но они не особенно пугали въ данномъ случаѣ, потому что Андреевскій, какъ мы знали, былъ способенъ иногда изъ мухи слона дѣлать. Хотя онъ и говорилъ про себя не разъ,—нѣтъ, господа, я храбръ, и даже божился въ подтвержденіе своихъ словъ,

но доказательствъ его особенной храбрости намъ еще не случалось видѣть.

Вскорѣ явилась новая военная лодка, которая, смѣнивъ первую, должна была сопровождать насъ до Лао-Хо-Коу, и командующій ею мандаринъ сейчасъ же сдѣлалъ намъ визиты на каждую лодку отдѣльно. Этотъ нашъ новый спутникъ и охранитель былъ молодой человѣкъ родомъ изъ Ху-Нани, какъ бо̀льшая часть офицеровъ. Мы предложили ему конфектъ въ бумажкахъ и папиросъ. Онъ долго вертѣлъ конфекту во рукахъ, повидимому не зная что̀ съ нею дѣлать. Пришлось показать, и точно также объяснить, какъ закуриваютъ папиросы.

Итакъ, въ сущности у насъ все готово къ дальнѣйшему движенію, но мы должны дожидаться Андреевскаго и Сюя.

6 февраля.

Матусовскій проснулся раньше, будитъ меня, и говоритъ, десятый часъ... Но что̀ же это такое? Въ лодкѣ совершенно темно, какъ раннимъ утромъ. Оказывается—такая погода. Небо темносѣрое, снѣгъ съ дождемъ падаютъ на землю; лодки покрыты циновками; холодно и грязно. Даже зрителей на берегу нѣтъ, а это очень много значитъ: до сихъ поръ барометръ китайскаго любопытства еще никогда не падалъ такъ низко! Дѣйствительно, выйти не хочется наружу,—такъ скверно на дворѣ, да и вылѣзать изъ лодки изъ-подъ циновокъ весьма неудобно. И мы поневолѣ сидимъ внутри, занимаемся чтеніемъ, дрогнемъ и согрѣваемъ себя чаемъ.

Входитъ нашъ казакъ и сообщаетъ новость, что нашъ капитанъ не хочетъ ѣхать дальше въ той же лодкѣ, а нанялъ новую, огромную, такую огромную, что въ ней намъ всѣмъ помѣститься можно въ одной.

— А какъ же съ прежними лодочниками? спрашиваю его.—Вѣдь было рѣшено, что они пойдутъ до Лао-Хо-Коу?

— Тѣмъ отказали. Они горюютъ, бѣдные.

Вскорѣ Матусовскій былъ приглашенъ къ Сосновскому и, вернувшись, подтвердилъ слова казака и передалъ сдѣланное начальникомъ предложеніе—помѣститься всѣмъ въ одной лодкѣ. Мы отправились вмѣстѣ и, осмотрѣвъ лодку, нашли ее достаточно помѣстительной, но не совсѣмъ удобною для нашихъ занятій, потому что всѣ каюты въ ней были проходныя. Помѣститься въ одной этой лодкѣ было бы для всѣхъ дешевле; но мы

колебались, не зная предпочесть ли удобство экономіи, или наоборотъ.

Но пока; ничѣмъ не рѣшивъ, ушли въ городъ обѣдать, такъ какъ купить провизіи было еще нельзя, по случаю все еще продолжавшагося праздника Новаго года: въ городахъ онъ продолжается двѣ недѣли. Съ нами пошелъ нашъ казакъ и одинъ изъ приставленныхъ полицейскихъ. Мы велѣли послѣднему провести насъ въ хорошую гостинницу, только не очень отдаленную.

Грязь на улицахъ ужасная; она стоитъ лужами, походя на какой-то черный кисель; ноги скользятъ по покрытымъ ею камнямъ, и народу на улицахъ значительно меньше обыкновеннаго; но за нами все-таки слѣдуетъ толпа мальчишекъ и взрослыхъ, крича, смѣясь и страшно стуча своими тяжелыми сапогами на огромныхъ гвоздяхъ, или деревянными калошами, какіе китайцы носятъ здѣсь въ грязную погоду, впрочемъ вообще очень рѣдко. Мнѣ только разъ, кажется, и случилось ихъ видѣть. Эти калоши состоятъ изъ деревянныхъ подошвъ на двухъ деревянныхъ подставкахъ, въ вершокъ вышины, и передами изъ лакированной кожи; задниковъ въ нихъ совсѣмъ нѣтъ. Ихъ скорѣе можно назвать скамеечками, чѣмъ калошами, и ходить въ нихъ чрезвычайно неудобно, не говоря о производимомъ ими стукѣ...

Если бы отрядъ кавалеріи проходилъ по узенькой мощеной улицѣ, онъ, я думаю, не производилъ бы бо́льшаго грома и шума, чѣмъ сопровождавшая насъ, сравнительно очень небольшая, толпа; и если бы побѣдоносная армія вступала въ побѣжденный городъ, то вступленіе ея также не было бы болѣе торжественно, чѣмъ наше шествіе въ гостинницу обѣдать.

Полицейскій указалъ намъ на нее рукою. Мы остановились передъ грязнѣйшей, открытой на улицу харчевней, въ которой сидѣли рабочіе, услаждая себя лапшой и какою-то вареною зеленью съ кусочками свинаго сала, или распивая чай.

Казакъ объяснилъ провожатому, что намъ нужна хорошая гостинница, съ комнатой, и велѣлъ вести въ самую лучшую, какую только онъ знаетъ. Полисменъ сдѣлалъ видъ, что теперь понялъ и повелъ дальше.

Далеко шли мы, шлепая по грязи и скользя по камнямъ; наконецъ онъ остановился и указалъ.

— Вотъ эта самая лучшая гостинница въ городѣ, по крайней мѣрѣ изъ тѣхъ, какія теперь открыты; самыя же хорошія еще не торгуютъ, все по случаю праздника.

И на этотъ разъ передъ нами была такая же харчевня, только чуть-чуть почище первой. Съ недостаточной чистотой ихъ обѣихъ можно бы было помириться, но главное неудобство заключалось собственно въ томъ, что онѣ были открыты на улицу, и толпа, разумѣется, не дала бы намъ ни минуты покоя; поэтому мы рѣшили заказать здѣсь обѣдъ и велѣть принести его къ намъ на лодку, а сами отправились назадъ.

— Спроси-ка, чей это домъ, обратился я къ казаку, увидавъ черезъ открытыя ворота, съ фонарями по бокамъ, длинный, довольно чистый дворъ, закрытый въ глубинѣ щитомъ, изъ-за котораго виднѣлись красивыя рѣшетки дверей и оконныхъ рамъ.

На этомъ дворѣ стояло нѣсколько китайцевъ, и прежде чѣмъ казакъ успѣлъ обратиться къ нимъ съ вопросомъ, эти господа,— хозяева или прислуга, узнать это въ Китаѣ очень трудно,—знаками приглашали насъ въ этотъ самый домъ.

Не зная въ чемъ дѣло, мы принимаемъ приглашеніе и входимъ. Прошли первый дворъ, по обѣимъ сторонамъ котораго находились жилыя помѣщенія съ рѣшетчатыми окнами и дверьми; вступили черезъ круглую дверь, продѣланную въ стѣнѣ, на слѣдующій дворъ и вошли въ комнаты находившагося тамъ дома, двери и окна котораго были раскрыты настежъ.

Неизвѣстно, кто такой водилъ насъ и все намъ показывалъ; но ни мы не знали его намѣреній, ни онъ—чего намъ нужно. На одной стѣнѣ я увидалъ рисунокъ смѣлой кисти, сдѣланный тушью и представлявшій граціозно раскинувшіяся вѣтви бамбука, и похвалилъ работу, дѣйствительно очень талантливую. Но показывавшій возразилъ:

— Совсѣмъ не хорошо... Вотъ на что посмотрите, указалъ онъ на рукопись, въ немногихъ буквахъ изображавшую какое-то изреченіе; но дѣло было не въ изреченіи, а въ красотѣ самаго письма. Этой красоты въ каллиграфіи, которую такъ понимаютъ и цѣнятъ китайцы, я еще не постигъ; а они ужасно восхищаются даже самымъ процессомъ письма.

Всѣ маленькія комнатки въ домѣ были пусты и довольно грязны; мебель старая, бѣдная; отовсюду дуетъ сквозной вѣтеръ.

Что же это за домъ? Не гостинница ли, какой мы искали? Спросили и оказалось, что мы дѣйствительно попали въ гостинницу, чѣмъ были очень довольны.

— Можно обѣдать? спрашиваемъ.

— Можно, можно, разомъ отвѣтило нѣсколько голосовъ; и

послѣ нашего вопроса провели еще на слѣдующій дворъ,—третій, значитъ, и ввели въ расположенный на немъ домикъ съ тремя комнатами того же вида и характера, какъ и описанныя выше.

Полицейскій остался на улицѣ, въ воротахъ, и при помощи своей бамбучины сдерживалъ толпу, изъ которой лишь немногимъ удавалось проскочить, получая ударъ по спинѣ; но они, казалось, не замѣчали его и спѣшили пробраться въ сосѣднюю съ занятой нами комнату или останавливались подъ окномъ, которое было открыто, и глядѣли на насъ во всѣ глаза.

На приготовленіе обѣда потребовалось довольно много времени, которое мнѣ не показалось длиннымъ, потому что со мной были бумага и карандашъ, и я въ ожиданіи обѣда успѣлъ сдѣлать рисунокъ внутренняго дворика.

Намъ подали тонко нарѣзанной жареной свинины съ чеснокомъ и разными приправами (блюдо довольно вкусное, кому не противенъ чеснокъ), холодной свинины ломтиками, разрубленной на кусочки соленой курицы; нарѣзанной соленой баранины съ рубленой капустой; пельмени изъ твердаго и тяжелаго, какъ оконная замазка, тѣста, и какой-то супъ, видомъ и вкусомъ похожій на помои. Каждое блюдо было подано въ чашкѣ, величиною съ большую чайную, и каждому поставлено блюдечко съ уксусомъ, имѣющимъ отъ неизвѣстныхъ мнѣ примѣсей темно-коричневый цвѣтъ и особый запахъ, очень напоминающій запахъ свѣжей ваксы, что̀ вовсе недурно.

Мы пообѣдали съ казакомъ сами и накормили полицейскаго;—спрашиваемъ: „сколько слѣдуетъ заплатить за все“?

— Не нужно назначать цѣны, это не хорошо, отвѣчалъ хозяинъ—что̀ дадите, то и ладно будетъ.

Такъ и не сказалъ, сколько ни добивались;—не хорошо говоритъ, назначать цѣну—и только. Дали связку монетъ въ тысячу штукъ и спросили довольно ли?

— Довольно, довольно, заговорилъ онъ и поблагодарилъ со сложенными на груди руками.

Судя по его виду, онъ дѣйствительно былъ очень доволенъ, а тысяча чохъ по мѣстному курсу составляли не болѣе полутора рубля. Итакъ на полтора рубля четыре человѣка пообѣдали и были сыты.

Когда мы встали изъ-за стола, стоявшіе на дворѣ китайцы бросились впередъ на улицу, извѣщая ожидавшихъ тамъ, что иностранцы пообѣдали и сейчасъ идутъ домой. Толпа же на улицѣ

не только не убавилась, напротивъ, значительно возросла, и вся отправилась провожать насъ.

На обратномъ пути мы заходили въ разныя лавки и въ нѣкоторыхъ нашли иностранные товары, какъ-то: стеклянную посуду, (одинъ стаканъ, стоитъ копѣекъ 35), карманные часы продающіеся по 25 руб. (10 ланъ), лампы, стеариновыя свѣчи, спички и т. п. Изъ русскихъ произведеній были сукна фабрики Бабкина, (красное и синее), коленкоръ,—розовый и голубой, и люстринъ чернаго цвѣта.

Дождь пересталъ, и на берегу у нашихъ лодокъ мы нашли многихъ зрителей. Между ними, какъ передалъ намъ казакъ, шелъ оживленный разговоръ по поводу нанятой Сосновскимъ большой лодки, въ которую въ это время уже переносили ящики и другія вещи изъ двухъ прежнихъ лодокъ.

Китайцы ужъ все знали, — что она нанята до города Хань-Чжунъ-Фу за 155 ланъ, что новый лодочникъ уже получилъ задатокъ и потому веселъ, а старые повѣсили носы, потому что они теперь остались безъ работы, да еще нѣсколько дней пропустили, а можетъ быть за это время они бы нашли себѣ обратныхъ пассажировъ въ Хань-Коу.

Самое же важное въ разговорахъ туземцевъ было то, что они находили новую лодку вовсе негодною для дальнѣйшаго плаванія вверхъ по рѣкѣ. Они удивлялись ея хозяину, какъ онъ рѣшается идти и берется везти; они смѣялись надъ нимъ, предсказывали лодкѣ неминуемую погибель и всѣми путями старались дать намъ знать о предстоящей для насъ опасности. Точно заинтересованные сами, уговаривали они насъ ни за что не ѣхать въ ней, говоря, что лучше потерять задатокъ, чѣмъ рисковать лишиться всего.

Черезъ нѣсколько минутъ нашъ лодочникъ, которому мы объявили, что съ нимъ поѣдемъ дальше, пришелъ къ намъ переговорить собственно на счетъ того, чтобъ мы убѣдили нашихъ товарищей не ѣхать въ той лодкѣ, передавая отзывы всѣхъ опытныхъ людей, что она болѣе двухъ-трехъ сотъ верстъ никакъ не пройдетъ, какъ непремѣнно погибнетъ.

Въ виду подобной настойчивости туземцевъ нельзя было думать, что предостереженія ихъ дѣлались не чистосердечно, а подъ вліяніемъ какихъ-нибудь личныхъ разсчетовъ, тѣмъ болѣе, что никому не могло быть ни барыша, ни убытка отъ того въ какой лодкѣ иностранцы поѣдутъ дальше. А люди, которые бы-

ли заинтересованы, т.-е. прежніе лодочники, не говорили ни слова, вѣроятно зная заранѣе, что ихъ заподозрятъ въ хитрости и ничему не повѣрятъ.

Мы передали Сосновскому все, что̀ намъ говорили, но онъ и самъ все это слышалъ; ему самому многіе повторяли то же самое; только у него сложилось убѣжденіе, что китайцевъ надо слушать какъ можно менѣе и въ большинствѣ случаевъ поступать какъ разъ наоборотъ съ тѣмъ, что̀ они будутъ говорить.

Можетъ быть это и мудрое правило, но мы съ Матусовскимъ, въ виду упомянутыхъ заявленій, теперь рѣшительно отказались перейти въ большую лодку и остались въ прежней, съ тѣмъ чтобы въ Лао-Хо-Коу взять другую—мѣстную.

7 февраля.

Военная лодка, провожавшая насъ отъ Хань-Коу, сегодня уходила въ обратный путь, и мандаринъ, командующій ею, пришелъ проститься. Получивъ отъ Сосновскаго въ подарокъ рукомойникъ съ лоханкой изъ папье-маше, онъ удалился, но черезъ минуту прислалъ подарокъ назадъ и объяснилъ, что не знаетъ, какъ употреблять эти вещи, что онѣ ему ни на что не нужны. Принесшій же ихъ солдатъ намекнулъ, что его господину пріятнѣе было бы получить что-нибудь другое, напримѣръ часы. Но этихъ часовъ онъ не получилъ, потому что никакихъ такихъ у Сосновскаго не было.

Мандаринъ заходилъ и къ намъ съ прощальнымъ визитомъ, и мы простились, подаривъ ему на память свои фотографическія карточки и поблагодаривъ за попеченія о насъ. Онъ попросилъ меня нарисовать ему что-нибудь на память, и я, чтобы сколько-нибудь украсить картонный умывальный приборъ, исполнилъ его просьбу. Мы разстались, чтобъ вѣроятно никогда болѣе не встрѣтиться.

Послѣ обѣда мы съ Матусовскимъ сдѣлали прогулку по городу вдвоемъ, безъ всякихъ конвойныхъ, и ровно никакихъ непріятныхъ приключеній съ нами не было.

Возвращаясь домой уже въ сумеркахъ, мы встрѣчали на улицахъ много мальчишекъ, которые носили зажженные фонари разныхъ причудливыхъ формъ, представлявшихъ то птицъ, то уродливыя человѣческія физіономіи, рыбъ, драконовъ, лошадей и проч. Одинъ носилъ большое бумажное колесо, которое, несмотря на свою величину, достигавшую аршина въ діаметрѣ, приводилось

въ движеніе нагрѣтымъ воздухомъ; другія дѣти сидѣли у столиковъ и играли въ кости на красныя яйца, точно такія, какъ наши пасхальныя.

Сегодня китайцы справляли окончаніе праздника Новаго года и предмѣстье города Сянь-Янь-Фу, открывавшееся передъ нашими глазами, когда мы вышли на набережную, горѣло огоньками, представляясь изъ-за рѣки большимъ иллюминованнымъ городомъ.

8 февраля.

Погода перемѣнилась къ лучшему; можно было больше оставаться внѣ каюты, чѣмъ мы и пользовались, совершая прогулки по рѣкѣ въ лодкахъ и по городу.

Вернувшись сегодня домой, я засталъ у насъ одного военнаго мандарина изъ фань-чэнскаго лагеря, пришедшаго познакомиться съ нами.

Одѣтый въ обыкновенное, т.-е. неформенное платье, этотъ мандаринъ ничѣмъ не отличался отъ всякаго другаго китайца, носящаго шелковое платье и черную атласную шапочку на головѣ. Онъ былъ одѣтъ въ желтовато-зеленую курму на лисьемъ мѣху съ опушенными бобромъ рукавами. Лицо его было мало симпатично своимъ длиннымъ, нѣсколько горбатымъ носомъ и тупымъ выраженіемъ, но, какъ всѣ мандарины, онъ былъ любезенъ, хотя менѣе обыкновеннаго разговорчивъ.

Разговоръ происходилъ при помощи Ѳедора.

Послѣ обычныхъ первыхъ привѣтствій я спросилъ его,—встрѣчался ли онъ прежде съ иностранцами?

— Нѣтъ, никогда, отвѣтилъ онъ.

— Что же въ нашей наружности болѣе всего обратило на себя ваше вниманіе? Что бросается въ глаза?

— Узкая одежда и борода, признался мандаринъ.

— Отчего ваши соотечественники не ѣздятъ въ чужія государства,—вѣдь полезно знать, какъ живутъ другіе люди, пріятно видѣть чужія страны, изучать иную жизнь, чѣмъ наша.

— Да, очень пріятно и полезно, согласился онъ,—но очень далеко надо ѣхать, и у васъ очень холодно.

— Постройте желѣзныя дороги, по нимъ никуда не далеко; а холоду не бойтесь: у насъ теплые дома.

— Если Хуанъ-Шанъ (императоръ) пошлетъ, я съ удовольствіемъ пріѣду въ вашу землю, а самъ по себѣ не могу,—я на службѣ.

Затѣмъ я попросилъ его показать намъ когда нибудь лагерь, на что онъ изъявилъ согласіе и предложилъ, если угодно, хоть сейчасъ отправиться съ нимъ. Предложеніе приняли и пошли.

До лагеря было съ четверть версты. Онъ обнесенъ глинянымъ валомъ, имѣющимъ двое воротъ. Мы вошли во дворъ. Тутъ передъ казармами были выстроены солдаты, которыми на англійскомъ языкѣ командовалъ мандаринъ; но если бы объ этомъ не сказали, самому ни за что бы не догадаться, что это англійскій языкъ. При нашемъ появленіи солдаты взяли „на кра-улъ“, ловко, всѣ разомъ и съ извѣстнымъ отрывистымъ бряцаніемъ ружей.

Пока мы оставались тутъ, о нашемъ приходѣ дали знать начальнику лагеря, и онъ съ своими офицерами вышелъ встрѣтить насъ и тотчасъ пригласилъ въ пріемную комнату, чего требовала учтивость. Учтивость требовала и отъ насъ, чтобы мы вошли хотя на минуту. Затѣмъ мы вмѣстѣ отправились осматривать лагерь. И какъ въ городѣ все имѣло неприбранный, грязный видъ, такъ здѣсь, напротивъ, вездѣ было чисто, уютно и все въ большомъ порядкѣ. Довольно чисто было и внутри солдатскихъ бараковъ; только нѣкоторые изъ нихъ были наполнены густымъ дымомъ, что должно быть случалось по временамъ и въ другихъ, судя по горькому дымному запаху, какимъ они пропитаны, и часто встрѣчающейся у солдатъ болѣзни глазъ, которую надо приписать вліянію дыма.

По просьбѣ главнокомандующаго китайской арміи, Ли-Хунъ-Чжана, мы подарили начальнику здѣшняго лагеря одно бердановское ружье и хотѣли показать, какъ съ нимъ обращаться, какъ прицѣливаться и стрѣлять. Для этого всѣ отправились на обширный плацъ, попросили поставить мишень и предложили одному офицеру сдѣлать выстрѣлъ, но онъ отказался; другой взялъ ружье и выстрѣлилъ. Но, судя по тому, какъ былъ сдѣланъ этотъ выстрѣлъ, должно думать, что онъ никогда и не слыхалъ о прицѣльной стрѣльбѣ; нѣкоторые же изъ солдатъ стрѣляли порядочно шаговъ на двѣсти и триста, впрочемъ весьма немногіе. Эта самая существенная сторона военнаго дѣла у китайцевъ оказывается слабѣе всѣхъ. Но нѣтъ сомнѣнія, что обучить ихъ этому нехитрому искусству весьма легко и потомъ только заставлять упражняться, какъ это дѣлаютъ наши солдаты.

Когда мы возвращались домой, наступалъ уже вечеръ, великолѣпный весенній вечеръ, и я остановился на возвышенномъ мѣстѣ, любуясь простой, но величественной въ своей простотѣ

и спокойствіи картиной. Солнце ужъ сѣло, а на противоположной сторонѣ изъ-за низменнаго берега рѣки всплывалъ полный мѣсяцъ и длиннымъ блѣдно-желтымъ столбомъ дрожащаго свѣта отразился въ гладкой поверхности воды. Въ городѣ раздавались праздничные звуки; еще горѣли священные огни; люди кой-гдѣ молились на лодкахъ, обращая глаза и руки къ ясному, безконечному небу.

9 февраля.

Погода была вѣтреная, и я, просидѣвъ нѣсколько часовъ въ лодкѣ за переводомъ, сошелъ на берегъ, по обыкновенію съ альбомомъ; толпа, разумѣется, послѣдовала за мной, точно всѣ эти люди были связаны между собою и одной общей веревкой привязаны ко мнѣ. Но я ужъ помирился съ этой „привязанностью“.

Проходя мимо одного маленькаго домика съ открытою дверью, я заглянулъ въ него, и его внутренность показалась мнѣ настолько интересной, что, рѣшивъ про себя,—стóитъ нарисовать,—я вошелъ въ него такъ же просто, какъ въ свой собственный домъ, хотя не зналъ, кто въ немъ живетъ. Въ Китаѣ это не нужно. Если дверь открыта, входите,—послѣ узнаете.

Домикъ весь состоялъ изъ одной комнаты, въ которой находилась старуха. Въ первую минуту она сильно сконфузилась, потому что вошелъ, вопервыхъ, чужой, вовторыхъ,—мужчина, и, втретьихъ, иностранецъ; она стала отворачиваться, чтобъ спрятать свое лицо, но не выражала никакого неудовольствія. Кивнувъ ей головой, я безъ церемоніи сталъ осматривать ея красиво-убранную хижинку; но когда толпа, остановившаяся у дверей, стала напирать, и легкому бамбуковому домику могла грозить опасность буквальнаго разрушенія, хозяйка, позабывъ и страхъ, и свойственную прекрасному полу стыдливость, мигомъ подскочила къ двери и вступила въ отчаянное сраженіе съ моей непрошенной свитой, прибѣгнувъ къ женскому оружію, т.-е. языку.

Ея почтенный возрастъ и выразительная рѣчь ошеломили толпу, которая тотчасъ отступила; но старуха видно знала ея нравы и не удовольствовалась этимъ, а продолжала держать къ ней, должно думать, очень грозную рѣчь.

Когда я слушалъ этотъ трескъ цѣлаго водопада непонятныхъ для меня словъ, съ быстротою машины и безъ малѣйшей запинки отчеканиваемыхъ возбужденной старухой, испугавшейся за свой

домъ, я подумалъ, что едва ли женщина какой-либо другой націи способна къ говоренію съ такой неимовѣрной быстротой и такой чистотой отдѣлки каждаго звука. Это—общая способность китаянокъ, особенно, когда онѣ бываютъ разгнѣваны.

Взглянувъ на тонкія и непрочныя стѣнки домика, я самъ испугался, какъ бы несчастная женщина не осталась сегодня безъ крова и, отложивъ намѣреніе, поспѣшилъ успокоить домовладѣлицу и вышелъ къ толпѣ, которая точно жить безъ меня не могла.

Остановившись потомъ передъ однимъ живописнымъ узенькимъ переулкомъ, представлявшимъ въ перспективѣ цѣлый хаосъ крышъ столпившихся въ безпорядкѣ домовъ, я сталъ было набрасывать рисунокъ; но толпа мгновенно замкнула около меня кругъ, и разорвать его передо мною уже не могла, хотя, какъ я видѣлъ, сама этого желала. Просьбы не помогали; пришелъ же я сюда по обыкновенію безъ провожатаго и видя, что ничего не удастся сдѣлать, уже хотѣлъ-было уйти, какъ неожиданно явились два солдата и, угрожая толпѣ палками, бывшими у нихъ въ рукахъ, мигомъ разогнали ее; кругъ расширился и разомкнулся передо мною, такъ что мнѣ удалось окончить рисунокъ... Этихъ солдатъ, какъ оказалось, послалъ ко мнѣ на помощь начальникъ новой китайской лодки.

Солнце просто жарило, когда я возвращался домой. Здѣсь я нашелъ нѣсколькихъ мандариновъ, пріѣхавшихъ къ намъ съ визитомъ. Тутъ были начальникъ лагеря, адъютантъ главнаго начальника мѣстныхъ войскъ и нѣсколько младшихъ офицеровъ. Нѣкоторые изъ нихъ тотчасъ по представленіи имъ меня, какъ доктора, обратились ко мнѣ съ жалобами на разныя болѣзни, по преимуществу глазъ, и просили помочь имъ. Я обѣщалъ. Потомъ зашелъ разговоръ о медицинѣ и врачахъ. О своихъ эскулапахъ они отзывались не съ особенно лестной стороны и выражали сожалѣніе, что у нихъ нѣтъ „заморскихъ“ врачей (янъ-дай-фу).

— Зачѣмъ же вамъ заморскихъ, сказалъ я имъ:—у васъ могутъ быть и свои хорошіе, только для того, чтобы ихъ имѣть, надо завести школы, въ которыхъ бы они могли учиться.

Я разсказалъ имъ, какъ у насъ приготовляются медики, обративъ вниманіе на трудный пятилѣтній курсъ, не пройдя котораго нельзя быть врачемъ. Сосновскій также поддержалъ меня.

„Да, медицина дѣло не легкое, сказалъ онъ,—у насъ доктора учатся столько же сколько и офицеры“.

Этотъ странный капитанъ, очевидно, и меня принималъ за мандарина, совсѣмъ незнакомаго съ русскими порядками, и потому въ моемъ присутствіи выговаривалъ самыя изумительныя вещи.

Прощаясь, китайцы приглашали насъ къ себѣ, и мы дали обѣщаніе; а въ этотъ день должны были отправиться на обѣдъ къ какому-то мѣстному купцу, не знаю хорошенько, какъ и почему пригласившему насъ къ себѣ.

Мы ничего не знали, какъ отъ Сосновскаго пришли сказать, что такой-то купецъ приглашаетъ насъ всѣхъ къ себѣ обѣдать,— такъ пойдемъ ли мы съ Матусовскимъ или нѣтъ? Я радъ былъ всякому случаю знакомиться съ туземцами и отправился со всѣми остальными.

Пригласившій насъ купецъ былъ не китаецъ, а одинъ изъ потомковъ тѣхъ мусульманъ, которые давно переселились въ Китай изъ Восточнаго Туркестана и слились съ туземцами во всѣхъ отношеніяхъ, кромѣ религіи. По внѣшнему виду ихъ ничѣмъ не отличишь отъ китайцевъ; они часто женятся на китаянкахъ, выдаютъ своихъ дочерей за китайцевъ и весь образъ ихъ жизни одинаковъ съ туземцами. Тѣмъ не менѣе вражда между ними всегда существовала и привела къ войнѣ, послѣдствіемъ которой было почти поголовное истребленіе мусульманъ въ Китаѣ. Но нѣкоторые изъ нихъ остались мирными и до сихъ поръ живутъ покойно, и даже между мандаринами, находящимися на службѣ, встрѣчаются, какъ увидимъ ниже, мусульмане.

При извѣстной уже читателю обстановкѣ, совершили мы наше всегда торжественное шествіе по улицамъ города до того дома, въ которомъ жилъ купецъ-мусульманинъ.

Присланный за нами провожатый, указывавшій дорогу, вошелъ наконецъ въ лавку и пригласилъ слѣдовать за нимъ. Здѣсь насъ встрѣтилъ хозяинъ, старикъ лѣтъ шестидесяти, худой, съ сѣдыми волосами и такъ сильно опущенными верхними вѣками, что онѣ почти закрывали глаза и онъ, чтобъ смотрѣть впередъ, долженъ былъ высоко поднимать голову, какъ смотрятъ люди, имѣющіе привычку носить очки на кончикѣ носа. Онъ привѣтствовалъ насъ не по китайскому обычаю, а бралъ руку каждаго въ обѣ свои и какъ бы прижималъ ее къ своему сердцу, что̀ сразу и рѣзко отличало его отъ китайцевъ. Затѣмъ онъ пригласилъ насъ войти внутрь дома.

Черезъ заднюю дверь изъ лавки мы вступили на маленькій

дворикъ, изъ котораго вели двѣ двери, одна въ боковую комнату, другая—въ среднюю, болѣе парадную, куда насъ и ввели. Она была очень не велика, почти темная, потому что свѣтъ проникалъ въ нее только черезъ дверь да небольшое отверстіе въ потолкѣ, огороженное перилами. Комнату освѣщали еще висѣвшіе подъ потолкомъ четыре фонаря, но свѣта отъ нихъ было не много, потому что въ нихъ тускло горѣли сальныя свѣчи, а фонари были обтянуты не особенно прозрачной красной бумажной матеріей. Посреди комнаты стоялъ уже приготовленный столъ, хотя и небольшой, но занимавшій почти всю ее.

Насъ тотчасъ пригласили садиться, при чемъ нашъ переводчикъ, китаецъ Ѳедоръ, ужасно долго препирался съ хозяиномъ по случаю того, кто сядетъ прежде и кто гдѣ сядетъ, что̀ случается и у насъ, но не въ такой степени. Наконецъ всѣ усѣлись; началась бесѣда, но разговоръ при одномъ переводчикѣ на четырехъ человѣкъ почти немыслимъ; поэтому, когда одинъ говорилъ, остальнымъ только приходилось отвѣчать своимъ сосѣдямъ: „не понимаю и не умѣю говорить по-китайски“.

Славное положеніе, читатель, не правда ли? Сколько интереснаго мы могли узнать отъ туземцевъ! А тотъ, кто говорилъ, кто имѣлъ право и долженъ былъ говорить больше другихъ, какъ старшій въ экспедиціи,—тотъ говорилъ не дѣло: ему и въ голову не приходило то о чемъ должно было спрашивать. Онъ, можетъ быть, и „радъ былъ бы стараться“, да ни къ чему не былъ подготовленъ. Ну, а фигурировать надо.

Сыновья и племянники хозяина, бывшіе за столомъ, старались занять насъ разговоромъ, да имъ и самимъ интересно было поговорить съ нами; но они скоро увидали, что бесѣда невозможна, и всѣ видимо чувствовали себя неловко. Скучно и досадно было!.. Оставалось только ѣсть, словно мы для одной ѣды и пришли. И вотъ теперь только о ѣдѣ и приходится говорить да досадовать.

Обѣдъ былъ обыкновенный китайскій; бóльшая часть кушаній были очень вкусны; хозяева усердно угощали насъ, а мы съ не меньшимъ усердіемъ исполняли ихъ просьбы. Между кушаньями было одно, приготовляемое, подобно нашимъ блинамъ, только одинъ разъ въ годъ, въ теченіе трехъ дней (13, 14 и 15 первой луны) и во всѣхъ домáхъ цѣлой Имперіи, отъ богдоханскаго дворца до послѣдней лачужки. Кто не можетъ приготовить ихъ дома, тотъ покупаетъ, но непремѣнно долженъ въ эти дни ихъ поѣсть.

Каждый нищій, говорилъ Ѳедоръ, купитъ себѣ хоть одинъ такой пирожокъ. Но онъ, къ сожалѣнію, не могъ объяснить мнѣ, имѣетъ ли этотъ обычай какое религіозное основаніе, или вообще какое его значеніе. Онъ не зналъ самъ. Спросили хозяевъ, тоже не знаютъ. Но удивляться тутъ не чему: вѣдь и мы не всѣ знаемъ исторію своихъ блиновъ.—Это обязательное кушанье очень похоже на наши оладьи, только здѣсь онѣ имѣютъ шаровидную форму, а величину съ крупный грецкій орѣхъ, дѣлаются изъ рыхлаго тѣста, начиняются какою-то сладкою смѣсью и жарятся въ салѣ.

Послѣ обѣда пришли младшіе сыновья старика, одинъ мальчикъ лѣтъ двѣнадцати, нѣжнаго сложенія, задумчивый и съ чрезвычайно пріятнымъ, мелодичнымъ голосомъ; въ немъ вообще было что-то необыкновенно милое, ласкающее; другой мальчуганъ лѣтъ девяти,—живой, быстрый и смѣлый. Оба они не выражали передъ нами ни малѣйшаго страха, какой мы привыкли вселять въ китайцахъ своимъ появленіемъ: эти, напротивъ, держались совершенно смѣло, относились къ намъ вполнѣ довѣрчиво, какъ тѣ изъ европейскихъ дѣтей, которыя часто видятъ чужихъ людей.

Они съ живымъ интересомъ разсматривали мой альбомъ и были въ неописанномъ восторгѣ, когда я нарисовалъ имъ по ихъ просьбѣ заморскаго человѣка и когда они узнали въ немъ меня. Имъ это показалось какимъ-то чудомъ, и они все осаждали меня вопросами,—какъ и наши дѣти,—да какъ же я могъ это сдѣлать? Но этого и на русскомъ языкѣ скоро не разскажешь, не только что по-китайски.

Мы простились съ любезнымъ хозяиномъ и уже въ сумеркахъ возвратились на свои лодки, въ сопровожденіи слуги и сыновей хозяина, фонарями освѣщавшихъ намъ дорогу.

10 февраля.

Сегодня я узналъ, что въ составъ нашей компаніи поступилъ новый человѣкъ,—одинъ изъ солдатъ военной лодки, которая провожала насъ изъ Хань-Коу и на которой онъ исполнялъ обязанности повара.

Не нравилась ли ему военная служба, или ужъ мы очень полюбились ему, только онъ предпочелъ службу государственную частному услуженію у насъ также въ качествѣ повара. Объ этомъ неважномъ фактѣ я упоминаю потому, что въ немъ любопытна та простота, съ какою китайскій солдатъ можетъ оставить воен-

ную службу: не нужно ему для этого никакихъ уважительныхъ причинъ и законныхъ поводовъ къ увольненію въ отставку, ни свидѣтельствъ о болѣзни, ни разрѣшеній высшаго начальства и никакихъ письменныхъ прошеній. Не захотѣлъ почему нибудь солдатъ продолжать службу царю и отечеству, является къ своему ближайшему начальнику и очень просто объясняетъ ему, что онъ уходитъ.

— Хорошо, столь же просто говоритъ тотъ, выдаетъ остатокъ жалованья, приказываетъ сдать казенное платье, и разговоръ конченъ.

Точно такъ уволился сегодня отъ службы и поваръ, по имени Лао-Бу-Тянь. Вскорѣ, послѣ его найма, какъ будто для того, чтобъ ему сейчасъ и дѣло было, отъ военнаго начальника здѣшняго лагеря принесли, неизвѣстно почему, подарки, вѣроятно просто по обычаю, такъ какъ едва ли они могли узнать (а не мудрено, что и узнали), что у нѣкоторыхъ изъ насъ пища была очень скудная. Подарки эти состояли изъ живыхъ куръ, бараньяго мяса, хлѣба и грецкихъ орѣховъ. Принявъ ихъ, нашъ начальникъ послалъ ему двѣ бутылки шампанскаго изъ подареннаго намъ въ Хань-Коу земляками, чтобъ мы сами его въ дорогѣ пили и ихъ поминали, а ужъ, конечно, не для подарковъ.

Однако дни проходятъ, а мы стоимъ здѣсь въ ожиданіи возвращенія изъ Хань-Коу нашихъ гдѣ-то странствующихъ переводчиковъ.

Опредѣленныхъ занятій у меня нѣтъ, и я ежедневно совершаю прогулки по городу, къ сожалѣнію, только глухонѣмымъ зрителемъ, потому что переводчикъ Ѳедоръ долженъ находиться при начальникѣ,—„на всякій случай“—„мало ли, говорятъ, что можетъ понадобиться“...

Совершая ежедневно прогулки, я все болѣе привыкалъ къ китайцамъ, все болѣе убѣждался въ ихъ безобидности и съ каждымъ днемъ становился смѣлѣе. Опасенія подвергнуться серьезнымъ оскорбленіямъ и даже нападенію, внушенныя мнѣ многими разсказами о ненависти китайцевъ къ европейцамъ, все болѣе и болѣе уступали мѣсто увѣренности, что никакая серьезная опасность мнѣ не угрожаетъ, если только я самъ не создамъ ея.

Такимъ образомъ я ходилъ по всему городу совершенно одинъ. Жители Фань-Чэна, въ свою очередь, привыкли ко мнѣ, и я былъ извѣстенъ у нихъ подъ названіемъ заморскаго художника, потому что они всегда видѣли меня съ бумагой и карандашомъ.

Досужій людъ, котораго зимою особенно много, вслѣдствіе того что люди свободны отъ полевыхъ работъ, всегда сопровождалъ меня большою толпой и съ нетерпѣніемъ ожидалъ, когда я остановлюсь передъ чѣмъ-нибудь и начну рисовать: ко мнѣ они ужъ приглядѣлись, и теперь моя „заморская кисть“, т.-е. карандашъ, занимала ихъ къ моему великому удовольствію больше, чѣмъ моя особа.

И вотъ, какъ только они замѣчали мое намѣреніе начать работу, они тотчасъ начинали размѣщаться вокругъ меня, причемъ каждому хотѣлось стать поближе, и изъ-за этого въ публикѣ не разъ происходили непріятныя столкновенія, ссоры, а то и драки. Въ толпѣ любопытныхъ являлись даже женщины; только онѣ не слѣдовали за мною, а завидѣвъ толпу и услыхавъ крики,—идетъ, идетъ! заморскій художникъ идетъ!—выходили изъ своихъ домовъ впередъ на дорогу, по которой я долженъ былъ пройти и, выстроившись въ рядъ, пропускали меня мимо, стыдливо и съ нѣкоторымъ страхомъ, но съ пожиравшимъ ихъ любопытствомъ, посматривая на меня. Я настолько привыкъ къ подобнымъ многолюднымъ проводамъ, что безъ нихъ мнѣ, пожалуй, показалось бы даже скучно.

Проходя однажды въ сопровожденіи своихъ многочисленныхъ тѣлохранителей по одной улицѣ, я замѣтилъ въ одномъ изъ боковыхъ переулковъ какія-то странныя нити желтоватаго цвѣта, развѣшенныя какъ бы въ рамахъ, и издали принялъ ихъ за шелкъ, но въ какомъ-то особенномъ видѣ.

Пошелъ посмотрѣть и шелкъ оказался *вермишелью*. Я ознакомился со способомъ ея приготовленія, который состоитъ въ слѣдующемъ. Ставится вертикально простая большая рама, въ верхней перекладинѣ которой находятся отверстія, и въ нихъ вставлены колышки. На каждый изъ послѣднихъ надѣвается по одному кольцу изъ пшеничнаго тѣста; въ кольца продѣваютъ другіе колышки, подобные верхнимъ и вставленные въ нижнюю, подвижную часть рамы, которая можетъ быть поднята до верхняго края, или опущена внизъ почти до самой земли; постепеннымъ пониженіемъ ея понемногу растягиваютъ тѣстяныя кольца, которыя такимъ образомъ вытягиваются мало-по-малу въ длинныя и тонкія нити; и когда нижняя перекладина дойдетъ почти до земли, вермишель готова, и, разумѣется, достаточно смѣшана съ пылью. Ее снимаютъ, а на колышки надѣваютъ новыя коль-

ца изъ тѣста, повторяя съ ними ту же процедуру. Просто, нехлопотливо и дешево.

Здѣсь же я видѣлъ, не менѣе *оригинальный способъ мѣшенья тѣста* въ большомъ количествѣ. Булочникъ работалъ на улицѣ, у стѣны своего дома. Тутъ стоялъ низенькій столъ или широкая скамья, на которой была замѣшена довольно большая масса тѣста, аршина полтора въ діаметрѣ. Въ стѣнѣ укрѣплена однимъ концомъ подвижная толстая палка, которую за другой конецъ можно приподнимать и опускать, а также отводить въ стороны, хоть до самой стѣны. Длина же ея четверти на три больше ширины стола. Булочникъ кладетъ эту палку на тѣсто, самъ садится на ея конецъ, бокомъ, какъ будто на дамское сѣдло и начинаетъ, припрыгивая, подвигаться впередъ, потомъ назадъ, потомъ опять впередъ и такъ далѣе, причемъ палка постоянно надавливаетъ на тѣсто, и такимъ образомъ размѣшиваетъ его. Тоже не глупо и картинно.

Проходя потомъ далѣе по улицамъ, я направился было къ набережной, чтобъ вернуться на свою лодку; но нѣкоторые изъ моей многочисленной и шумной свиты остановили меня, указывая руками въ противоположную сторону, въ одинъ переулокъ, что-то говорили мнѣ. Я поймалъ два знакомыхъ слова—хао-канъ,—(буквально хорошо смотрѣть, значитъ — красиво), и догадался, что китайцы, замѣтивъ, что я интересовался изящными зданіями, хотѣли показать мнѣ что-нибудь въ этомъ родѣ и повернулъ въ указанную улицу; толпа была въ дѣтскомъ восторгѣ, повидимому, потому, что я ее понялъ. Дѣйствительно, я не ошибся въ своемъ предположеніи.

Вскорѣ я увидалъ передъ собою ворота въ толстѣйшей городской стѣнѣ и построенный надъ ними храмъ весьма изящной архитектуры. Чтобъ не терять времени, котораго немного оставалось до вечера, я остановился посреди улицы и началъ срисовывать его. Толпа, и безъ того огромная, быстро увеличивалась прибывавшими изъ ближайшихъ домовъ и лавокъ китайцами и скоро запрудила всю улицу, а остававшійся около меня кружокъ свободнаго пространства все дѣлался меньше, несмотря на все стараніе ближайшихъ ко мнѣ зрителей, которые сдерживали натискъ заднихъ рядовъ; они наконецъ должны были уступить силѣ и ихъ притиснули ко мнѣ вплотную. Продолжать работу стало почти невозможно, тѣмъ болѣе, что толпа не могла стоять неподвижно, а волновалась противъ воли, какъ море, и увлекала меня

съ собою; но мнѣ хотѣлось во что бы то ни стало окончить рисунокъ; китайцамъ же, повидимому, вздумалось поиграть вообще, и со мною въ особенности.

Задніе умышленно напирали на среднихъ, чтобы усиливать колебанія всѣхъ и такимъ образомъ толкать меня; кто-то даже бросилъ въ меня горстью мелкихъ камешковъ; я сдѣлалъ видъ что ничего не замѣтилъ; но толпа видѣла это, и одни смѣялись отъ удовольствія, другіе же строго закричали на своихъ собратій тономъ порицанія и запрещенія. Черезъ минуту прилетѣлъ новый зарядъ камешковъ; но они были не крупнѣе конопляного зерна и брошены легко, такъ что особенной непріятности не причинили; но все возраставшее оживленіе и веселость китайцевъ заставили меня поторопиться окончаніемъ работы, потому что я зналъ, какъ легко толпѣ перейти отъ невинныхъ шутокъ къ оскорбленіямъ, отъ оскорбленій къ насилію, и, пожалуй, смертоубійству, особенно такой суевѣрной толпѣ, какъ толпа китайцевъ, которыхъ можетъ воспламенить до изступленія одно слово какого-нибудь фанатика, глупца или злоумышленника.

Закрывъ альбомъ, я направился домой, и толпа тотчасъ разступилась, давъ мнѣ дорогу. Въ это время одинъ простолюдинъ, сказавъ нѣсколько словъ, хлопнулъ меня сзади по плечу и пошелъ рядомъ со мною, чѣмъ опять вызвалъ смѣхъ толпы... Трудно сказать, съ какою цѣлью было оказано особенное вниманіе моему плечу,—желалъ ли онъ показать свою смѣлость или неуваженіе ко мнѣ тѣмъ, что онъ могъ обращаться со мной за панибрата, или это была простая своеобразная любезность. Я не обратилъ вниманія на его поступокъ и, не оборачиваясь, продолжалъ путь; но черезъ минуту онъ опять хлопнулъ меня по плечу, и уже сильнѣе, чѣмъ въ первый разъ.

— „Что ты съ ума сошелъ, или отъ природы не уменъ?! крикнулъ я на него по-русски и, остановясь противъ него, строго глядѣлъ ему прямо въ глаза, какъ бы дожидаясь отвѣта.

— Хао, хао, хао! т.-е. ладно, ладно, ладно, быстро заговорилъ онъ, очевидно сробѣвъ и растерявшись; онъ помахалъ рукой передъ своимъ лицомъ и поспѣшилъ скрыться въ ближайшій переулокъ.

Толпа, повидимому, почувствовала уваженіе ко мнѣ, осталась на своемъ мѣстѣ, и я безъ всякихъ приключеній, уже въ сумеркахъ, вернулся домой.

Мнѣ что-то не поспалось въ эту ночь, и я почти до самаго

утра слышалъ жалобные крики продавца - разнощика какихъ-то лепешекъ, названіе которыхъ—„ко-лё-минъ-цзы“, онъ и повторялъ нараспѣвъ, предлагая ихъ покупателямъ. Не знаю, купилъ ли кто что у этого бѣднаго человѣка, цѣлую ночь, холодную и ненастную ночь, проходившаго по берегу передъ стоявшими тутъ лодками туземцевъ и все жалобно напѣвавшаго свое: „ко-лё-минъ-цзы! ко-лё-минъ-цзы„!

11 февраля, воскресенье.

Однажды мы обратились къ знакомымъ намъ военнымъ мандаринамъ съ просьбою, нельзя ли показать намъ здѣшнія войска и, если можно, сдѣлать имъ ученье. Они немедленно изъявили согласіе, и маневры были назначены на сегодняшнее утро.

Въ девять часовъ отъ начальника лагеря, явился посланный съ его карточкой и приглашеніемъ, объявивъ, что все готово и только ожидаютъ насъ.

Мы съ Матусовскимъ обыкновенно вставали очень рано и могли бы тотчасъ отправиться, но ожидали Сосновскаго, который, вѣроятно, былъ „очень занятъ“ и собрался только къ одиннадцати часамъ!..

Такимъ образомъ мы заставили солдатъ и офицеровъ прождать себя около двухъ часовъ, что̀ было конечно всѣмъ непріятно, тѣмъ болѣе, что мы знали, какъ аккуратны китайцы: если они назначатъ часъ, то ужъ не опоздаютъ и пяти минутъ.

Провожатые ввели насъ въ лагерь, и послѣ двухъ-трехъ поворотовъ дороги мы очутились на обширномъ плацу, на которомъ стояли войска; а въ одной сторонѣ, на небольшомъ возвышеніи, расположенномъ противъ фронта, помѣщалась палатка, гдѣ находились мандарины, знакомые и незнакомые намъ.

Главнаго начальника не было; всѣ были одѣты въ обыкновенные костюмы, что̀ противорѣчило китайскимъ обычаямъ и рѣзко бросалось въ глаза. Я узналъ потомъ, что сначала всѣ пришли въ парадномъ платьѣ, что здѣсь былъ и начальникъ лагеря, но, прождавъ насъ, ушелъ домой, а всѣмъ остальнымъ было приказано перемѣнить свои костюмы.

Когда мы приблизились къ палаткѣ, ни одинъ изъ мандариновъ ни на одинъ шагъ не вышелъ изъ нея навстрѣчу; они были видимо обижены нашею неделикатностью и приняли насъ весьма сухо. Мы заняли указанныя намъ мѣста и одинъ изъ мандариновъ подалъ знакъ къ началу маневровъ.

Войска представляли чрезвычайно пеструю и красивую декорацію, благодаря яркоцвѣтнымъ костюмамъ солдатъ и множеству шелковыхъ знаменъ разныхъ цвѣтовъ. Здѣшнія войска обучены европейскими офицерами, и потому команда, сигналы, построенія и стройность движенія массъ напоминали европейскіе маневры, на что́ мандарины обращали наше главное вниманіе, а также на то, что они вооружены европейскими пистонными ружьями. Тѣмъ не менѣе китайцы, видимо, чувствуютъ сами, что далеко имъ до Европы, превосходство которой они несомнѣнно признаютъ надъ собой; это слишкомъ замѣтно, да они и не стараются скрывать этого.

Войска дѣлали малопонятныя для меня эволюціи, то раздѣлялись на колонны, то смыкались въ одну цѣлую массу, двигались въ разныхъ направленіяхъ, потомъ много стрѣляли залпами и бѣглымъ огнемъ, и я, по невѣдѣнію моему въ военномъ дѣлѣ, смотрѣлъ на происходившее передо мною только съ эстетической точки зрѣнія. Сосновскій опишетъ, какъ спеціалистъ, со всѣми подробностями.

Когда ученье кончилось, я осмотрѣлъ солдатскіе бараки. Они построены почти изъ одного бамбука: стѣны, крыша, перегородки—бамбуковые; почти вся утварь ихъ сдѣлана изъ того же матеріала. Надъ каждой солдатской кроватью устроенъ занавѣсъ, закрывающій ее со всѣхъ сторонъ, для защиты людей отъ комаровъ и другихъ скучныхъ или опасныхъ насѣкомыхъ, мошекъ разнаго рода, пауковъ, сколопендръ и скорпіоновъ.

Добродушные китайцы забыли нашу неделикатность и причиненную имъ скуку и пригласили насъ къ обѣду, который нарочно приготовили для насъ. Къ столу явился начальникъ лагеря; хозяева были весьма любезны и веселы. Зная, что мы не употребляемъ за обѣдомъ китайскихъ палочекъ, а ножи и вилки, они заранѣе сносылали къ намъ на лодку гонца за нашими приборами, которые мы и нашли, къ нашему удивленію, на ихъ столѣ. Но лучше бы они этого не дѣлали, потому что эти приборы, купленные Сосновскимъ, были просто не позволительны по своему достоинству и виду.

По окончаніи обѣда, слуга по обычаю подносилъ къ каждому тазикъ съ теплой водой и плававшей въ ней грубой сѣрой тряпкой; и всѣ мандарины по очереди вытирали себѣ руки, лицо и голову,—всѣ одной тряпкой и одной водой! Эта честь бы-

ла предложена и намъ, но мы отговорились тѣмъ, что у насъ это вовсе не въ обычаѣ.

Послѣ обѣда всѣ перешли изъ столовой въ жилыя комнаты мандариновъ, маленькія и бѣдненькія. Обыкновенная обстановка ихъ заключается въ кровати съ пологомъ изъ легкой шелковой матеріи, стола для занятій, небольшаго сундука, въ которомъ хранится платье, и нѣсколькихъ болѣе или менѣе неудобныхъ стульевъ, да на стѣнахъ висятъ еще вѣшалки для шляпъ. Почти у каждаго стоятъ на столѣ два-три фарфоровыхъ горшка съ цвѣтами; на стѣнахъ иногда развѣшены картины или изреченія, написанныя бойкимъ почеркомъ, или географическія карты, исключительно Китая и китайской работы.

Пройдя въ комнату главнаго начальника,—такую же маленькую и скромную,—мы размѣстились на стульяхъ, и въ ней стало уже тѣсно.

Началась, при помощи Ѳедора, бесѣда, въ продолженіе которой мандарины по очереди отправлялись за занавѣску на постель, ложились тамъ, приготовляли лежа трубочку опія и съ наслажденіемъ выкуривали ее. Одинъ изъ офицеровъ, худой съ впалыми щеками, ввалившимися глазами и желто-коричневымъ цвѣтомъ лица, выкурилъ при мнѣ одну за другою девять трубокъ опія!

Онъ, какъ и другіе, курилъ открыто, самъ выражалъ сознаніе, что дѣлаетъ дурно, но говорилъ, что теперь оставить не можетъ, потому что, если не куритъ, начинаетъ страдать уже извѣстными читателю явленіями отъ некуренія. Онъ просилъ у меня лекарства, отъ котораго бы страданія могли проходить помимо опія. Жаль было его, бѣднаго, а пособить, особенно на ходу, было нечѣмъ. Если бы еще я могъ надолго остаться тутъ, я бы испробовалъ дѣйствіе нѣкоторыхъ лекарствъ; теперь же о леченіи и рѣчи не могло быть. Я разспрашивалъ его о дѣйствіи опія и повторяю, что ни одинъ китаецъ не засыпаетъ послѣ куренія, какъ увѣряли всѣ путешественники, и никакимъ сновидѣніямъ и грезамъ не предается. Напротивъ, курильщики только оживаютъ отъ опія и дѣлаются снова бодры и веселы. Въ этомъ я положительно убѣдился.

Наши собесѣдники много разспрашивали насъ о Россіи,—какъ она далеко отсюда, какое у насъ бываетъ „небо“, т.-е. погода, какіе города, курятъ ли наши люди опій, какія имѣются еще произведенія, кромѣ сукна?

Спросили, между прочимъ, какое жалованье получаютъ у насъ чиновники.

— Напримѣръ вы, обратился одинъ къ нашему начальнику — сколько получаете въ годъ?

Сосновскій не любилъ такихъ прямыхъ вопросовъ, а потому отвѣчалъ вообще, что чиновники у насъ получаютъ жалованья до шести и семи тысячъ ланъ, т.-е. отъ 12 до 14 тысячъ руб. звонкою монетой.

Китайцы переглянулись, какъ будто сказали другъ другу: это хорошее жалованье.

Разговоръ продолжался въ этомъ духѣ, но я не могъ принимать въ немъ участіе, потому что меня безпрестанно осаждали просьбами то вылечить отъ какой-нибудь болѣзни, то нарисовать портретъ. Я приглашалъ приходить ко мнѣ за лекарствами, но отъ портретовъ отказывался, за неимѣніемъ свободнаго времени; да и правда, его у меня не было.

Мы провели въ лагерѣ цѣлый день, погода была превосходная, и я свободно работалъ на открытомъ воздухѣ; но передъ вечеромъ, когда мы возвращались на свои лодки, небо нахмурилось; съ востока надвигались тяжелыя тучи и поднялся вѣтеръ; скоро совсѣмъ стемнѣло, наступила темная ночь, завыла буря и продолжалась до утра. Но въ лодкахъ намъ было не страшно: такія ненастныя ночи заставляли только подумывать о предстоящемъ путешествіи черезъ безлюдныя степи, гдѣ палатка будетъ нашимъ единственнымъ кровомъ отъ непогодъ, — тамъ будетъ плохо; а крытая лодка въ сравненіи съ нею — покойный, прочный домъ.

12 февраля.

Буря стихла, но дождь шелъ цѣлый день, и мы не выходили изъ лодокъ предаваясь, такъ сказать, „домашнимъ“ занятіямъ. Послѣ жаркаго дня наканунѣ, температура вдругъ упала до полутора градуса тепла; но на то и зима!

Вечеромъ и ночью сыпалась крупа.

13 февраля.

Опять пасмурный и холодный день; снѣгъ летаетъ порошинками въ воздухѣ и мѣстами даже залегъ на землѣ бѣлыми пятнами. Опять цѣлый день просидѣли въ лодкахъ за тѣми же занятіями, которыя сегодня были прерваны визитомъ старшаго сына того купца-мусульманина, у котораго мы недавно обѣдали.

Войдя къ намъ въ лодку, онъ тотчасъ снялъ башмаки и, оставшись въ однихъ чулкахъ, усѣлся по-турецки. Этотъ милый юноша очень близорукъ и носитъ сильныя, двояковогнутыя очки китайскаго издѣлія, которыми не совсѣмъ доволенъ; а потому спрашивалъ у насъ—нѣтъ ли продажныхъ европейскихъ очковъ? Но у насъ не было, и я пожалѣлъ, что не запасся ими. Въ будущее путешествіе нужно непремѣнно брать съ собою различныя очки и побольше, сказалъ я себѣ; и другимъ совѣтую тоже: они могутъ быть весьма цѣнными подарками не по цѣнѣ, а по услугѣ.

14 февраля.

Погода опять хорошая. Давно пора бы въ путь; нашимъ лодочникамъ надоѣло стоять въ Фань-Чэнѣ, и они все спрашиваютъ, да скоро ли мы поѣдемъ? Но мы не могли уѣхать, не дождавшись переводчиковъ. Дѣла же у насъ,—хотѣлъ было сказать не было,—оно было, да не дѣлалось почему то [1]). Его не было собственно у меня, какъ натуралиста, которому въ городѣ нечего собирать и изслѣдовать; не было, какъ у врача, вслѣдствіе невозможности говорить съ больными: Ѳедоръ удерживался умышленно при Сосновскомъ и служилъ одному фотографу. Я поэтому бродилъ по городу, можно сказать, безцѣльно и уже порядочно ознакомился съ нимъ.

Однажды захожу во дворъ одной красивой кумирни, стоящей на набережной, чтобъ посидѣть въ покоѣ и посмотрѣть на рѣку. Привратникъ пропустилъ меня и безъ моей просьбы тотчасъ заперъ за мною дверь, чтобъ меня никто не безпокоилъ. Эта кумирня стоитъ высоко надъ водою на городской стѣнѣ, которая въ этомъ мѣстѣ выдается въ рѣку въ видѣ мыса.

Внизу, у подножія стѣны, двигались люди, занятые каждый своимъ дѣломъ, и по обыкновенію такъ кричали, что я по временамъ выглядывалъ черезъ амбразуры каменной ограды, окружавшей дворъ, думая, что тамъ, за стѣной случилось что-нибудь необычайное; но ровно ничего особеннаго тамъ не происходило, а гамъ поднимали одни рабочіе, которые таскали изъ рѣки бамбуковые стволы, пригнанные сюда въ видѣ плотовъ. Въ воздухѣ такъ было тепло, что они были большею частью полуголые; отправ-

[1]) Кяхтинскіе образцы товаровъ, напримѣръ, все еще не были нигдѣ ни разу показаны китайскимъ купцамъ; а вѣдь ихъ Сосновскому для этого только и дали.

лялись въ воду, брали одинъ или два бамбуковыхъ ствола и тащили на берегъ, и т. д.

Здѣсь же на берегу лежалъ большой ворохъ какой-то соломы, повидимому, отданной всѣмъ, кто желалъ ею воспользоваться, потому что мужчины, женщины и дѣти теребили ее, забирая обѣими руками, кто сколько могъ, и поспѣшно бѣжали домой, чтобъ успѣть вернуться и еще захватить нѣсколько. Это—вторая причина чтобъ поднимать неистовый крикъ, хотя дѣлежъ происходилъ полюбовно, безъ ссоры.

Рядомъ съ этими рабочими и заботливыми добывателями соломы на ней же лежали лѣнивые или отдыхавшіе люди, переваливаясь съ боку на бокъ; другіе забрались на бамбуковые плоты и валялись на нихъ, грѣясь на солнцѣ; а на краяхъ этихъ плотовъ женщины полоскали бѣлье, и одна изъ этихъ бабъ отчаянно бранилась съ какимъ-то невидимымъ для меня врагомъ, находившимся, судя по ея обращенію, на берегу, далеко отъ нея: я только слышалъ его реплики, которыя производили на нее страшное дѣйствіе. Должно быть, дѣло касалось чести очень отдаленныхъ родственниковъ бабы, ибо по китайскимъ понятіямъ, говорятъ, обида, нанесенная кому-нибудь посредствомъ оскорбленія его родственниковъ, становится тѣмъ тяжелѣе, чѣмъ къ болѣе и болѣе далекимъ представителямъ рода восходитъ оскорбитель. Разгнѣванная женщина выходила изъ себя, кричала, топала ногами и въ безсильной злобѣ даже подпрыгивала на мѣстѣ. Перебранка продолжалась долго, и, несмотря на то что я не понималъ словъ, меня занимали комизмъ этой сцены и интонація голосовъ, говорившихъ, замѣтьте, по очереди и никогда вдругъ,—такъ что каждая сторона сначала терпѣливо выслушивала, что ей преподносила другая и потомъ уже отвѣчала отъ себя.

Не знаю, чѣмъ кончился этотъ словесный турниръ, потому что мое вниманіе было отвлечено чьею-то игрою на одномъ струнномъ инструментѣ, въ родѣ скрипки. Она послышалась гдѣ-то неподалеку отъ меня, и я невольно весь превратился въ слухъ. Хотя инструментъ былъ крайне плохъ, хотя музыкальнаго въ игрѣ ничего не было, но по техникѣ она была замѣчательна.

Когда я сказалъ стоявшему около меня сторожу, что играетъ кто-то очень хорошо, онъ взялъ меня за рукавъ и привелъ въ небольшую комнату, находившуюся при этой же кумирнѣ; и въ ней-то сидѣлъ и игралъ талантливый артистъ. Я не узналъ, кто онъ былъ, но видъ онъ имѣлъ простаго рабочаго. При моемъ

появленіи, музыкантъ оставилъ скрипку, и вставъ, чтобъ выразить мнѣ обычное привѣтствіе, сталъ приглашать садиться и предложилъ мнѣ погрѣть ноги у стоявшей посреди комнаты жаровни съ горячими угольями.

Я поблагодарилъ, сѣлъ и попросилъ его продолжать игру, похваливъ его искусство, и показалъ ему большой палецъ правой руки.

Ай, нѣтъ, не хорошо, отвѣтилъ онъ, отрицательно помахавъ передъ собою рукой; но самъ видимо зналъ себѣ цѣну и тотчасъ исполнилъ мою просьбу.

Его незатѣйливый инструментъ, называемый китайцами эръцинъ, т.-е. двухструнка, сдѣланъ изъ двухъ отрѣзковъ бамбуковыхъ стволовъ различной толщины и длины, и вдѣтыхъ одинъ въ другой подъ прямымъ угломъ; одинъ потоньше и подлиннѣе служитъ грифомъ, другой резонаторомъ. На этой допотопной скрипкѣ натянуты двѣ шелковыхъ струны, подпертыя кобылкой, и на нихъ играютъ смычкомъ, который пропущенъ между струнами и слѣдовательно никогда съ нихъ не снимается; а такъ какъ на извѣстномъ мѣстѣ толстаго цилиндра приклеена смола, то во время самой игры канифолится и смычокъ. Практично!..

Звуки, извлекаемые этимъ смычкомъ изъ шелковыхъ струнъ, тихи, пискливы и непріятны; но извѣстно, какъ мало средствъ нужно артисту. Вота эта хриплая и пискливая двухструнка, словно чудомъ какимъ, рождала цѣлые милліоны звуковъ, кажется совсѣмъ ей несвойственныхъ и для нея даже невозможныхъ.

Музыкантъ-китаецъ медленно водилъ смычкомъ, или послѣдній быстро дрожалъ въ его рукѣ, и инструментъ то пѣлъ пѣсню, то плакалъ, то свисталъ птицей, смѣялся самъ и смѣшилъ другихъ, напѣвая потѣшные, каррикатурные мотивы китайскихъ пѣсенъ. Частая трель вдругъ переходила въ мелодію; то слышался какъ будто отдаленный голосъ китайца, напѣвающаго пѣсню; то, казалось, актеръ говорилъ нараспѣвъ свою роль... Я былъ просто изумленъ и не хотѣлъ вѣрить своимъ глазамъ и ушамъ. Долго и съ удовольствіемъ слушалъ я его, и ушелъ только тогда, когда надо было ѣхать съ остальной компаніей къ военному начальнику (Ти-Ду) въ городъ Сянь-Янъ-Фу, находящійся на другомъ берегу р. Хань, почти напротивъ Фань-Чэна. Визитъ былъ назначенъ, и насъ ожидали.

Оттуда за нами пріѣхали два мандарина; съ военной лодки взяли двухъ солдатъ для водворенія порядка въ толпѣ при на-

шемъ прохожденіи черезъ города, и мы отправились всѣ въ одной лодкѣ. Одинъ изъ упомянутыхъ мандариновъ имѣлъ на головѣ и лицѣ нѣсколько шрамовъ, оставшихся отъ ранъ, полученныхъ имъ, какъ онъ сообщилъ, въ сраженіи противъ одного разбойника-китайца, который, составивъ себѣ большую, хорошо организованную шайку, долго чинилъ разбои на большомъ пространствѣ имперіи, подходилъ даже къ Пекину, намѣревался взять его и завладѣть престоломъ, но былъ отбитъ; его хорошо организованныя войска разсѣяны, а самъ онъ бѣжалъ и скрылся неизвѣстно куда. Къ сожалѣнію, не могу вспомнить имени этого разбойника; боюсь солгать.

Мы долго плыли вверхъ мимо Фань-Чэна; потомъ переѣхали на правый берегъ и причалили къ нему у города Сянь-Янъ-Фу...

Незнакомый съ китайскими городами подумалъ бы при видѣ его, что онъ пріѣхалъ въ грозную и неприступную крѣпость. Да и дѣйствительно, не легко было бы взять его штурмомъ: здѣсь у самой воды начинается каменная набережная, сажени въ три вышины, крѣпко сложенная изъ большихъ кусковъ дикаго камня въ видѣ лѣстницы, но съ чрезвычайно узенькими ступенями, такъ что на каждой изъ нихъ едва-едва можно поставить ногу. Наверху набережной находится площадка, идущая у подножія высокой городской стѣны, отвѣсно поднимающейся надъ нею.

Эта стѣна сложена изъ кирпича, и зеленый мохъ, разныя травы и даже кустарники, мѣстами покрывающіе ее, вмѣстѣ со многими полукруглыми ямками въ кирпичахъ, какъ бы вымытыми водой, свидѣтельствуютъ объ очень давнихъ временахъ, когда клались эти кирпичи для воздвиженія стѣны и выводились увѣнчивающіе ее зубцы... Дѣйствительно, еще въ 1268 году Хубилай-Ханъ, основатель монгольской династіи въ Китаѣ, осаждалъ этотъ городъ, и осада его продолжалась пять лѣтъ!

Лодка наша, вмѣстѣ съ другими, перевозящими жителей изъ Фань-Чэна въ Сянь-Янъ-Фу и обратно, пристала къ тому мѣсту, откуда вела лѣстница къ городскимъ воротамъ, и когда мы стали подниматься къ нимъ, стоявшіе на стѣнѣ и выглядывавшіе между зубцами люди замѣтили насъ и стремглавъ пустились бѣжать по стѣнѣ къ воротамъ, несомнѣнно къ намъ на встрѣчу. У воротъ уже стояла толпа любопытныхъ, между которыми я замѣтилъ одного альбиноса. Онъ былъ еще молодой человѣкъ, очень некрасивой наружности, а съ своей бѣлой косой, бѣлыми бровями и рѣсницами былъ еще безобразнѣе; кромѣ того, ослѣп-

лемый дневнымъ свѣтомъ, онъ постоянно прищуривалъ свои глаза, дѣлая кислую гримасу, какъ будто дразнилъ кого-нибудь. Судя по висѣвшему у него за плечами барабану и сопровождавшимъ его людямъ съ разными инструментами въ рукахъ, онъ былъ уличный комедіантъ.

Улица, которая ведетъ отъ воротъ внутрь города, узка, грязна, обставлена маленькими и бѣдными домиками; но большія деревья, насаженныя по обѣимъ ея сторонамъ, хотя и безъ листьевъ въ настоящее время, придаютъ ей симпатичный видъ. Въ дверяхъ, буквально каждаго дома, стояли тѣсными группами, навѣрно всѣ до одного, ихъ обитатели и разсматривали насъ глазами, преисполненными любопытства. Многіе изъ нихъ присоединялись къ нашей свитѣ, которая такимъ образомъ росла съ каждой минутой.

Наконецъ мы повернули въ переулокъ и скоро достигли дома военнаго начальника. Пройдя одинъ за другимъ четыре двора и никого не встрѣтивъ, мы вошли, наконецъ, въ комнату, которая оказалась оффиціальной пріемной. Привыкнувъ къ обычаямъ китайцевъ, мы ожидали, что хозяинъ встрѣтитъ насъ по крайней мѣрѣ здѣсь, въ дверяхъ этой комнаты; но его даже вовсе не было въ ней, и пріѣхавшіе съ нами мандарины просили насъ обождать, потому что, объяснили они, Ти-Ду еще одѣвается. Потомъ оказалось, что и пріемная эта не принадлежала къ квартирѣ начальника, а была комнатой одного изъ офицеровъ; словомъ, пріемъ, съ китайской точки зрѣнія, вышелъ совсѣмъ оскорбительный, и я узналъ потомъ, что онъ былъ нѣкоторымъ образомъ местью за тѣ два часа, которые мы заставили прождать себя передъ маневрами, такъ что мы и не въ правѣ были обижаться: намъ только дали почувствовать, какъ непріятно ожидать даже не два часа. Наконецъ насъ пришли просить.

Мы прошли еще черезъ нѣсколько комнатъ и дворовъ, въ дверяхъ которыхъ вездѣ стояли мѣстные жители - китайцы, — кто такіе,—опредѣлить по наружности было невозможно; вошли, говорятъ, въ пріемную, и въ ней опять никого нѣтъ. Мы было направились къ двери, которая вела изъ нея дальше, но насъ остановили. Самъ хозяинъ какъ-то очутился позади насъ, и обратившись къ намъ, указалъ на себя пальцемъ. Не замѣтить его было очень легко, потому что въ Китаѣ костюмы у всѣхъ одинаковы, и въ подобныхъ случаяхъ указываніе на себя пальцемъ есть пріемъ весьма полезный и даже необходимый.

Мы поздоровались и сѣли. Бесѣда началась по обыкновенію тѣмъ, что „намъ очень пріятно съ нимъ познакомиться, что онъ, что вотъ мы всѣ, тѣмъ болѣе, что тотъ, что даже Ли-Хунъ-Чжанъ такъ много писалъ и потому, тотъ, мы очень рады", и такъ далѣе все въ этомъ родѣ.

Я разсматривалъ комнату и ея хозяина. Окно во дворъ открыто и за нимъ видны зелень и розовые цвѣты, называемые китайцами мэй-хуа, которыми было буквально усыпано маленькое деревцо. Оно всегда цвѣтетъ зимой, когда на немъ не бываетъ ни одного листа; листья являются весною, и до слѣдующей зимы цвѣтовъ не бываетъ. Въ комнатѣ противъ обыкновеннаго китайскаго кана стояла европейская кушетка; тутъ было двое часовъ, одни стѣнные, другіе столовые, и на столѣ стояли четыре европейскихъ канделябра съ стеклянными колпаками; все это доказывало, что хозяинъ знакомъ съ Европой и всѣ эти вещи, какъ онъ самъ объяснилъ намъ потомъ, были подарками англичанъ, его знакомыхъ въ Шанъ-Хаѣ. У кана стояла мѣдная грѣлка (тазъ съ горячими угольями подъ колпакомъ изъ проволочной сѣтки), а у окна помѣщался письменный столъ, также по устройству весьма похожій на европейскій.

Но самъ хозяинъ былъ любопытнѣе комнаты. Онъ былъ на видъ лѣтъ сорока, роста выше средняго и крѣпко сложенный. По лицу его всего менѣе можно было принять за китайца, тѣмъ болѣе что на всей головѣ его отросли довольно большіе волосы, которыхъ мандарины не должны были брить въ теченіе положеннаго срока по случаю смерти богдохана,—это одно изъ выраженій глубокаго траура. На головѣ была надѣта шапочка, хотя китайская, но надѣта не по-китайски, не на затылокъ, а набекрень и была измята, чего до сихъ поръ я ни разу не видывалъ ни у одного прилично одѣтаго китайца. Словомъ, по наружности онъ почти не походилъ на китайскаго мандарина, и шелковый голубой халатъ на дорогомъ тибетскомъ баранѣ и черные атласные сапоги на толстыхъ бѣлыхъ подошвахъ напрасно старались придать ему національный типъ. Точно такъ же и всѣ его манеры были не китайскія, такъ что онъ производилъ на меня впечатлѣніе человѣка, нарядившагося въ китайскій костюмъ, но не умѣвшаго разыграть приличную ему роль.

По всей вѣроятности этотъ военный генералъ старался показаться намъ европейцемъ и, можетъ быть, копировалъ кого-нибудь изъ своихъ знакомыхъ; а можетъ быть у него были и иныя

намѣренія, только онъ держалъ себя странно. Его развалившаяся поза, быстрыя и слишкомъ смѣлыя движенія, всегда серьозное лицо, которое у китайцевъ въ подобныхъ случаяхъ всегда принимаетъ самое любезное выраженіе, живой и быстрый взглядъ и по временамъ веселая улыбка на лицѣ, съ которой онъ обращался то къ тому, то къ другому изъ насъ,—все это было не похоже на то, что мы привыкли встрѣчать въ китайскихъ мандаринахъ. Однако хотя онъ и не казался естественнымъ, но впечатлѣніе, на меня по крайней мѣрѣ, производилъ скорѣе хорошее: онъ былъ оригиналенъ.

Поговоривъ еще о томъ, о семъ, а больше ни о чемъ, приступили къ сниманію съ Ти-Ду фотографическаго портрета, о чемъ онъ просилъ заранѣе; Матусовскій воспользовался свободной минутой и успѣлъ предложить черезъ переводчика нѣсколько вопросовъ. Онъ узналъ отъ него, между прочимъ, что китайскихъ войскъ, обученныхъ по-европейски и стоящихъ въ открытыхъ для европейцевъ портахъ и въ Сянь-Янъ-Фу—60,000; а то бы мы уѣхали отъ военнаго мандарина, не узнавъ даже и этого; его же стоило бы позондировать.

Во время позированія для фотографа и приготовленій послѣдняго, я успѣлъ нарисовать его портретъ, и потомъ мы всѣ отправились обѣдать. Хозяинъ былъ весьма любезенъ, совершенно простъ и все спрашивалъ, нравятся ли намъ китайскія купанья.

За обѣдомъ онъ сообщилъ намъ нѣсколько свѣдѣній о пребываніи въ Хань-Чэнѣ нашихъ переводчиковъ, о томъ, что они были въ самомъ бѣдственномъ положеніи, такъ какъ у нихъ совсѣмъ не было денегъ, что ихъ не хотѣли держать на квартирѣ и давать обѣдъ; что онъ, Ти-Ду, далъ имъ, кажется, рублей сто денегъ; что одинъ изъ нашихъ переводчиковъ постоянно ходилъ по городу съ ружьемъ, которое сначала пугало народъ, но потомъ къ нему привыкли и только посмѣивались надъ нимъ; и еще нѣкоторыя подробности, которыя весьма непріятно было выслушивать, особенно потому, что всего могло не быть: стоило только слушать совѣты, которые намъ не разъ давали, да дѣйствовать нѣсколько иначе; а то вотъ теперь краснѣй ни за что, ни про что, да хлопай глазами.

Сосновскій увѣрялъ мандарина, что онъ непремѣнно заплатитъ сдѣланный переводчиками долгъ; а мы съ Матусовскимъ поблагодарили китайскаго генерала за его разсказы, придавъ имъ характеръ доказательства съ его стороны доброжелатель-

наго къ намъ расположенія. Этимъ разговоръ за обѣдомъ и кончился. Посидѣвъ немного послѣ обѣда въ пріемной, гдѣ я отъ нечего дѣлать нарисовалъ хозяину на память свой портретъ къ великому изумленію его и всѣхъ присутствовавшихъ мандариновъ, мы отправились домой, при чемъ хозяинъ проводилъ насъ теперь до втораго двора, другой мандаринъ—до третьяго, а третій отправился съ нами въ Фань-Чэнъ, чтобы проводить насъ до нашихъ лодокъ.

Толпа, которая осталась на улицѣ у первыхъ воротъ, не только не разошлась, а напротивъ еще увеличилась до необъятныхъ размѣровъ; она вся повалила за нами и проводила до рѣки, гдѣ мы сѣли въ лодку. Народъ кричалъ, хохоталъ, прыгалъ на берегу отъ удовольствія, и хотя никто не бранился обыкновенными словами „заморскіе черти“, но два раза мальчишки бросили въ насъ порядочными камнями, къ счастію ни въ кого не попавъ. На нихъ тотчасъ прикрикнули.

Было еще свѣтло, когда мы вернулись на свои лодки, и, пользуясь тѣмъ, что возлѣ нихъ на этотъ разъ не было толпы, мы съ Матусовскимъ походили по берегу. Подходитъ къ намъ переводчикъ Ѳедоръ и объявляетъ, что онъ рѣшился отойти отъ насъ и уѣхать назадъ въ Хань-Коу, даже не дожидаясь возвращенія Андреевскаго и Сюя.

Мы спрашиваемъ,—отчего, что случилось, чѣмъ онъ недоволенъ или обиженъ; но онъ ничего не хотѣлъ высказать и видимо придумывалъ разныя отговорки, умалчивая о настоящихъ причинахъ, заставившихъ его измѣнить свое намѣреніе совершить съ нами все путешествіе.

Мы съ Матусовскимъ рѣшились приплачивать ему жалованье отъ себя, сверхъ получаемаго, сказали, чтобъ онъ приходилъ обѣдать съ нами, а не съ казаками, или, если это нельзя, такъ хоть дообѣдывать, когда будетъ ужъ очень голоденъ; но онъ рѣшительно отказался ѣхать далѣе, и намъ едва удалось уговорить его остаться по крайней мѣрѣ до пріѣзда Андреевскаго и Сюя.

Такимъ образомъ самый лучшій изъ нашихъ трехъ переводчиковъ, хотя тоже плохой, уходилъ отъ насъ!.. Что же мы будемъ дѣлать! Что мы будемъ дѣлать! восклицали мы въ безполезномъ отчаяніи. Вѣдь теперь ужъ намъ переводчика больше негдѣ найти,—не туда ѣдемъ.

15 февраля.

Теперь Сосновскій ужъ не споритъ о томъ, слѣдуетъ или не слѣдуетъ входить въ сношенія съ мѣстными властями: теперь у насъ цѣлые дни проходятъ только въ томъ, что мы, или принимаемъ мандариновъ у себя, или ѣздимъ въ гости къ нимъ. Они, конечно, рады нашему пріѣзду и продолжительному пребыванію здѣсь, потому что мы доставляемъ имъ пріятное развлеченіе среди ихъ однообразной, безцвѣтной и, какъ мнѣ казалось, весьма скучной жизни; и они посѣщали насъ ежедневно.

Сегодня, напримѣръ, къ намъ пріѣхали нѣсколько человѣкъ офицеровъ въ девять часовъ утра, а въ десять явился и Ти-Ду, который за свои слишкомъ размашистыя манеры получилъ прозваніе „атамана-разбойника“. Посидѣвъ у насъ съ полчаса, онъ уѣхалъ въ Фань-Чэнъскій лагерь, куда просилъ тономъ приказанія прислать фотографа съ аппаратомъ, чтобы сдѣлать его портретъ на лошади; а начальникъ мѣстной кавалеріи, стоявшей особымъ лагеремъ, приглашалъ къ себѣ на обѣдъ.

Я еще не видалъ этого лагеря и отправился. Онъ устроенъ такъ же, но хуже нѣхотнаго: помѣщеніе офицеровъ и солдатъ тѣснѣе и грязнѣе; дворы не такъ чисты; между солдатами много больныхъ глазами, что вѣроятно зависитъ отъ обычая разводить внутри домовъ костры для согрѣванія себя, а также для кипяченія воды и варки пищи.

Я просто удивлялся, какъ могутъ люди сидѣть въ такомъ густомъ, горькомъ дыму, отъ котораго изъ глазъ текутъ слезы, а въ носу и въ горлѣ дѣлается такая горечь, что, побывъ въ немъ нѣсколько минутъ, ее чувствуешь потомъ цѣлый день.— Еще болѣе надо удивляться этой непростительной небрежности къ такимъ существеннымъ жизненнымъ удобствамъ, какъ сносный воздухъ. Пища солдатъ и здѣсь та же, т.-е. рисъ и какая-нибудь зелень въ родѣ салада или ботвинья; мясо даютъ очень рѣдко.

Начальникъ военнаго лагеря, рябой, некрасивый старикъ, былъ, какъ видно, большой любитель природы, потому что на многихъ дворахъ около его квартиры были устроены цвѣтники, акваріумы съ водяными растеніями и золотыми рыбками; у одного дерева ходила привязанная дикая коза; въ клѣткахъ содержалось много разныхъ птицъ, жаворонковъ, перепеловъ, скворцовъ, куропатокъ и фазановъ рѣдкихъ породъ. На крышѣ сидѣли голуби изъ

породы турмановъ, а возлѣ стоялъ сдѣланный собственно для нихъ домикъ въ тридцать отдѣленій, каждое для одной пары.

Всѣ эти птицы помѣщались у параднаго входа въ домъ начальника, по сторонамъ разбитаго здѣсь садика, въ которомъ между цвѣтами устроены четыре акваріума въ большихъ глиняныхъ сосудахъ, вмазанныхъ въ землю.

Оставаясь по неволѣ нѣмымъ наблюдателемъ, я все чертилъ въ свой альбомъ, благо научился дѣлать это скоро. Приходилось рисованіемъ замѣнять недостаточность свѣдѣній, пріобрѣтаемыхъ путемъ разговора. Мнѣ хотѣлось подробно осмотрѣть лагерь, сдѣлать его планъ, кой-что срисовать, узнать число живущихъ здѣсь солдатъ и находящихся при нихъ лошадей; но всѣ уже были приглашены къ обѣду, и меня пришли звать. Надо было идти.

За обѣдомъ „атаманъ-разбойникъ“ распоряжался и здѣсь, какъ дома, и командовалъ всѣми. Всѣ его движенія и слова были попрежнему быстры, отрывисты и повелительны. Онъ пилъ вино исключительно крѣпкое и хотя маленькими чашечками, но много. Здѣсь послѣ обѣда подали чашки съ водою для полосканія рта,— это еще въ первый разъ,—а также полотенца для умыванія рукъ, лица и даже головы! Отъ послѣдняго удовольствія мы отказались, а Ти-Ду совершилъ это омовеніе, но такъ, какъ будто обмахивалъ съ себя пыль, а не умывался.

Мы выразили желаніе когда-нибудь принимать у себя въ Россіи нашихъ новыхъ друзей, но Ти-Ду сказалъ, что боится дальности пути и не любитъ моря.

— Если я пріѣду къ вамъ когда-нибудь, сказалъ онъ,—такъ верхомъ, на своей лошади.

Онъ оказался страстнымъ охотникомъ до лошадей и обладалъ, какъ онъ сообщилъ, превосходнымъ иноходцемъ, котораго я попросилъ показать мнѣ. Въ ту же минуту отдано было приказаніе осѣдлать лошадь.

Мы перешли изъ-за стола въ одну изъ комнатъ начальника здѣшняго лагеря, маленькую, уютную, но мрачную; на кровати, въ глубинѣ полога, горѣла лампочка и находились другія принадлежности для куренія опія. Я взялъ чубукъ и сталъ приготовлять опій, но дѣлалъ это очень неловко. Сидѣвшій рядомъ „атаманъ-разбойникъ“ увидалъ.

— Не хорошо, не хорошо, не такъ! проговорилъ онъ и, взявъ трубку, показалъ, какъ надо дѣлать.

Онъ исполнилъ это съ ловкостью и знаніемъ очень опытнаго человѣка.

— Вы сами ку́рите? спросилъ я его.

— Нѣ-тъ! отвѣтилъ онъ такимъ тономъ, что самый недовѣрчивый человѣкъ ни на минуту не усомнился бы въ справедливости этого „нѣ-тъ“; но черезъ нѣсколько минутъ онъ съ видимымъ наслажденіемъ выкурилъ трубку, опять сдѣлавъ видъ какъ будто показывалъ мнѣ, какъ курятъ другіе.

Въ это время одинъ изъ слугъ доложилъ, что лошадь готова. Атаманъ-разбойникъ стремительно вышелъ изъ комнаты, махнувъ мнѣ рукой, чтобъ я слѣдовалъ за нимъ. Выйдя на крыльцо, онъ мигомъ вскочилъ на сѣдло и, какъ вихорь, полетѣлъ съ мѣста, вдоль двора къ воротамъ, и въ одно мгновеніе исчезъ за ними; пока мы дошли до нихъ и вышли потомъ на набережную, вдоль которой онъ помчался, онъ былъ уже версты за двѣ, остановился и, повернувъ лошадь, несся къ намъ обратно. Небольшой, плотный иноходецъ, сѣрой масти, летѣлъ, какъ стрѣла, и такъ работалъ ногами, что глазъ почти не видалъ ихъ; но, несмотря на такую быструю перестановку ногъ, онъ шелъ такъ спокойно, что всадникъ, когда я смотрѣлъ на него, казался неподвижно и беззаботно сидѣвшимъ въ креслѣ, которое какъ будто неслось по волѣ вѣтра. Онъ три раза пролетѣлъ мимо насъ взадъ и впередъ и въ послѣдній разъ такъ взглянулъ на насъ, какъ будто сказалъ:—Видѣли? Ну, довольно съ васъ.

— Лошадь хороша или нѣтъ? спросилъ онъ, когда мы вернулись въ лагерь.

Я показалъ ему правую руку съ поднятымъ большимъ пальцемъ, и онъ былъ весьма доволенъ этой похвалой. Вернувшись въ комнату, мы опять продолжали бесѣду. Теперь разговоръ зашелъ объ арміи.

— „Сколько въ Россіи войска? спросилъ онъ между прочимъ Сосновскаго.

— Милліонъ въ мирное время и три милліона въ военное, отвѣтилъ тотъ, и затѣмъ перешелъ къ полному описанію состава нашей арміи со всѣми подробностями касательно „форменныхъ отличекъ, погоновъ, выпушекъ, петличекъ“, и въ разговорѣ по обыкновенію все обращался къ Ѳедору, а не къ собесѣднику, который поэтому почти ничего и не слушалъ; да и Ѳедоръ давно ужъ изнемогъ, подбирая китайскія слова для перевода такихъ вещей, какъ нашивки, позументы, обшлага, шпоры, султанъ, ко-

карда, аксельбантъ и проч. и проч., о которыхъ китайцы и понятія не имѣютъ, потому что ничего подобнаго въ ихъ военныхъ костюмахъ нѣтъ. Я бы на мѣстѣ Сосновскаго не сталъ этого разсказывать, а онъ старался необыкновенно, хотя его ужъ давно никто не слушалъ.

„Атаманъ-разбойникъ“ въ это время разсматривалъ мое платье и сапоги; ему особенно нравился драпъ моего военнаго пальто и кожаные непромокаемые сапоги, которые онъ такъ хвалилъ, что мнѣ очень хотѣлось подарить ихъ ему, но, къ сожалѣнію, у меня не было другихъ такихъ же, а путь намъ предстоялъ еще длинный.

Разсказъ Ѳедору о внѣшнихъ признакахъ существующихъ въ Россіи полковъ такъ и не былъ конченъ... Мы простились и ушли домой.

16 февраля.

Выйдя поутру на палубу, я увидалъ плывшихъ по рѣкѣ двухъ китайцевъ, на лодкѣ у которыхъ сидѣло нѣсколько *бакановъ* *). Извѣстно, что китайцы дрессируютъ этихъ птицъ для *рыбной ловли;* и мнѣ давно хотѣлось видѣть послѣднюю, но до сихъ поръ не представлялось случая.

Я подозвалъ къ себѣ китайцевъ и сказалъ, что хочу поѣхать съ ними, посмотрѣть, какъ они будутъ ловить рыбу.

Съ полною китайскою любезностью они пригласили меня, тотчасъ помогли перейти въ ихъ лодку, и мы отправились по рѣкѣ вверхъ. Утро было сѣрое и свѣжее, такъ что руки безъ перчатокъ зябли. Мы проѣхали уже большое пространство, а ничего еще не предпринималось. Птицы, въ числѣ пяти штукъ, сидѣли на своихъ мѣстахъ на особо для нихъ укрѣпленныхъ по бокамъ лодки и обернутыхъ соломой рогатинахъ, привязанныя къ нимъ за одну ногу, и своими хищными, зелеными глазами поглядывали на воду, какъ будто говоря: пора бы начинать! На шеѣ у каждаго баклана было надѣто сплетенное изъ соломенокъ кольцо.

Поднявшись вверхъ до самаго конца города, лодочники повернули лодку и, поставивъ ее поперекъ рѣки, пошли потихоньку назадъ, двигаемые только теченіемъ. Старшій изъ китайцевъ досталъ изъ-за пазухи лепешку, собираясь позавтракать передъ охотой, и по обычаю предложилъ сначала мнѣ и своему товари-

---

[1]) Phalacrocorax carbo. Древесный бакланъ, Водяной воронъ или Корморанъ.

щу; но мы оба отказались. Затѣмъ рыбаки отвязали птицъ, и нѣкоторыя тотчасъ сами слетѣли на воду, другихъ очень безцеремонно столкнули, и онѣ поплыли за лодкой, какъ стая охотничьихъ собакъ, и вскорѣ начали нырять.

Плаваютъ онѣ быстро, какъ бы припрыгивая, ныряютъ на большое пространство и долго остаются подъ водой. Хозяинъ поощрялъ ихъ разными словами и звуками, которые онѣ, казалось, понимали. Нырнувъ и появившись на поверхности безъ добычи, они точно сердились на себя за неудачную попытку, сопѣли и издавали гортанные звуки, нѣсколько напоминающіе сердитое ворчаніе собаки.

Нѣсколько попытокъ были неудачны, бакланы выскакивали изъ воды все съ пустыми носами; но вотъ вынырнулъ одинъ, держа въ клювѣ карпа четверти въ полторы. Раздались крики радости, и рыбаки спѣшили къ нему на помощь, чтобъ сильная рыба, трепетавшая и свивавшаяся кольцомъ, не освободилась изъ крючковатаго клюва баклана, схватившаго ее поперекъ туловища. Подплыли; рыбакъ поспѣшно схватилъ сачокъ, какимъ у насъ вынимаютъ передъ покупателями рыбу изъ садковъ, и захватилъ въ него баклана, чему тотъ не противился и не уходилъ прочь, а только старался забрать половчѣе рыбу, чтобъ направить ее къ себѣ въ горло головой, вѣроятно съ намѣреніемъ скорѣе проглотить, пока не отняли. Но это, разумѣется, не удалось; рыбакъ взялъ его за шею одной рукой, другой вынулъ рыбу, а баклана снова бросилъ на воду. Тотъ, повидимому, впередъ зналъ, что все это произойдетъ именно такъ, какъ случилось, и потому не выражалъ негодованія, а только помоталъ головой, окунулъ ее нѣсколько разъ въ воду, ополоскалъ носъ, какъ бы для того, чтобы уничтожить и воспоминаніе объ ускользнувшей изо рта добычѣ и, забывъ обиду, принялся нырять снова, заботясь, конечно, объ утоленіи своего голода, а не о соблюденіи интересовъ хозяина.

Мѣстами бакланы ныряли безпрестанно и часто появлялись на поверхности съ добычей болѣе или менѣе крупной; но очень много дѣлалось безплодныхъ попытокъ; рыбу помельче они успѣвали пропустить въ горло, но она не проходила далеко, потому что упомянутое предательское кольцо на шеѣ не пропускало ея въ желудокъ; горло растягивалось; черезъ него были видны трепетанія проглоченной рыбы, что̀ ему, повидимому, было непріятно,—онъ трясъ головою и старался пропустить ее въ желудокъ,

но не могъ. Его ловили самого, выдавленную изъ горла рыбу бросали въ лодку, а его посылали за новой добычей. Если же въ это время нужно было поймать другаго, этого оставляли на лодкѣ, и онъ сидѣлъ смирно и ждалъ операціи. Когда же пойманная имъ рыба была маленькая, ее оставляли въ горлѣ птицы, которая продолжала нырять съ нею и ловить другихъ. Ихъ вынимали потомъ за однимъ разомъ по двѣ, по три и даже по четыре. Раза два бакланы ловили такую крупную рыбу, что одному было не подъ силу удерживать ее; тогда подскакивалъ другой, вѣроятно съ эгоистическими стремленіями, и они держали ее двое, пока не подплывали рыбаки и, вынувъ ихъ обоихъ, не отбирали добычи. Иногда птицы ссорились между собою и сердито ворчали одна на другую, тоже какъ собаки. Случалось, что рыба вырывалась, и въ большинствѣ случаевъ нырявшіе за нею въ догонку бакланы уже не могли ее изловить.

Одни ныряли часто и какъ будто сами увлекались охотой, другіе неохотно, несмотря на разныя поощренія хозяина въ родѣ слѣдующихъ: О-го, го-го! Эрръ-га, эрръ-га! Ай, гай-гай-и! или порицанія,—Ай-ёу! съ какимъ онъ обращался къ тому, который, повидимому, вовсе не хотѣлъ ловить. Рыбакъ сердился на него, бранился и даже подпрыгивалъ на лодкѣ, и провинившійся баканъ, казалось, понималъ, что гнѣвъ относится къ нему и повиновался, а иногда долго капризничалъ.

Наша охота продолжалась съ часъ; у насъ въ лодкѣ было нѣсколько крупныхъ карповъ, одинъ даже въ поларшина, да десятковъ до двухъ другихъ рыбъ помельче, и рыбаки сказали, что теперь надо дать Лоу-сы, (или Лу-цы, какъ они называютъ баклановъ), отдохнуть.

Ихъ вынули всѣхъ изъ воды, посадили на свои мѣста и они, тяжело дыша и разинувъ рты, тотчасъ начали отряхиваться, разбирать клювомъ свои перья, чесали лапками головы и сушили крылья, для чего они растопыривали ихъ и держали такъ нѣкоторое время, точно поднятые для просушки паруса.

Давъ имъ отдохнуть съ полчаса, но не кормивъ, потому что они ловятъ рыбу только когда голодны, ихъ снова заставили отправляться за новой добычей и только за большую рыбу давали въ награду маленькую, въ видѣ поощрительной медали за трудолюбіе и искусство. Когда лодка останавливалась, и птицы не уплывали далеко, держась вблизи ея; лодка трогалась—и онѣ всѣ слѣдовали за нею. Мы встрѣтили еще другихъ рыболововъ

съ птицами и нѣкоторое время ловили рыбу въ одномъ мѣстѣ, такъ что бакланы смѣшались; но каждый изъ нихъ знаетъ свою лодку и держится возлѣ нея, точно такъ, какъ и хозяева всегда отличаютъ своихъ птицъ отъ чужихъ, что́ непревычному глазу кажется очень трудно.

Мы шли дальше между отмелями, гдѣ гладкая, какъ зеркало, вода отражала отдаленныя синеватыя горы; въ городахъ направо и налѣво раздавались шумъ, говоръ, пѣсни и музыка, а на срединѣ рѣки былъ точно иной міръ, полный тишины и спокойствія; но не счастья, такъ какъ мы вносили въ него своей забавой страданіе и смерть... Таковъ ужъ видно нашъ міръ, что въ немъ жизнь одного возможна только при непремѣнномъ условіи умиранія другаго.

Ловъ кончился, и я велѣлъ ѣхать къ нашей лодкѣ. Китаецъ предложилъ мнѣ взять себѣ лучшую рыбу, и когда я спросилъ, сколько ему заплатить за нее, онъ по китайскому обыкновенію сказалъ, что ему вовсе не надо за это денегъ. Я далъ ему за прогулку съ нимъ и за рыбу пятьсотъ чохъ, коп. 75 на наши деньги, и онъ былъ не только доволенъ, но даже обрадованъ. И я былъ доволенъ, что видѣлъ этотъ способъ рыбной ловли, который мнѣ давно хотѣлось посмотрѣть.

Хотѣлось мнѣ еще увидать другой оригинальный и довольно остроумный способъ *охоты за дикими утками*, о которомъ я читалъ или слышалъ,—не помню.

Вотъ въ чемъ онъ состоитъ. Замѣтивъ мѣсто, куда по вечернимъ зарямъ слетаются утки, китаецъ-охотникъ пускаетъ тамъ на воду нѣсколько пустыхъ тыквъ, которыя и плаваютъ себѣ, не причиняя никому зла. Утки сначала посматриваютъ на нихъ недовѣрчиво, сторонятся, потомъ, убѣдившись въ полной невинности и миролюбіи этихъ круглыхъ незнакомцевъ, начинаютъ плавать возлѣ самыхъ тыквъ, не обращая на нихъ ни малѣйшаго вниманія, какъ возлѣ болотныхъ травъ.

Тогда охотникъ въ костюмѣ праотца Адама, только съ поясомъ на туловищѣ и съ пустою тыквою, съ прорѣзанными дырочками, на головѣ, входитъ до прилета утокъ въ воду по шею, такъ что на водѣ только кажется одною тыквою больше. Прилетѣвъ на обычное мѣсто, утки плаваютъ мимо нихъ, вовсе не подозрѣвая скрытаго въ одной изъ нихъ врага-человѣка; и хитрый китаецъ таскаетъ ихъ за ноги въ воду, свертываетъ шею и привязываетъ къ поясу... То, что сосѣдка нырнула, никого не

удивляетъ, потому что отчего же уткѣ и не нырнуть; ея продолжительнаго отсутствія на первыхъ порахъ никто изъ подругъ не замѣчаетъ, потому что каждая занята своимъ дѣломъ, и только испуганныя неожиданно появившимся изъ воды человѣкомъ, онѣ улетаютъ и не досчитываются—кто друга, кто подруги жизни; но, разумѣется, имъ и въ голову не приходитъ, что ихъ погибшіе друзья очутились на поясѣ коварнаго злодѣя, и они по прежнему продолжаютъ посѣщать то же мѣсто.

Вотъ подлинно можно сказать—„голь“ на выдумки хитра: этому голому охотнику не нужно ни собаки, ни ружья, не нужно тратить зарядовъ, и по болотамъ не надо шляться; а лишь посидѣть на досугѣ часокъ, другой въ водѣ,—вотъ онъ и съ дичью.

Къ сожалѣнію, говорю, мнѣ самому такъ и не пришлось увидать этого любопытнаго зрѣлища.

17 февраля.

Наконецъ-то пріѣхали наши переводчики, которымъ въ особенности обрадовался Ѳедоръ, потому что теперь онъ могъ проститься съ „учено-торговой“ экспедиціей и ни за что не хотѣлъ держать путь дальше. Для меня это было большимъ горемъ, и я еще нѣсколько разъ принимался уговаривать его; но все было напрасно.

Обрадовались прибытію нашихъ спутниковъ и мы, такъ какъ теперь могли уѣхать изъ Фань-Чэна, просидѣвъ въ немъ вмѣсто предполагавшихся двухъ дней двѣ недѣли [1]).

Погода сегодня была совсѣмъ осенняя; съ утра сѣялъ мелкій спорый дождь, сильно разгрязнившій землю, и изъ лодки выйти не хотѣлось.

Нашъ лодочникъ отправился въ городъ за провизіей и намъ совѣтовалъ запастись ею, такъ какъ дальше, говорилъ онъ, селенія по берегамъ будутъ рѣдки; казакъ отправился съ нимъ, и мы велѣли ему прислать къ намъ какого-нибудь купца съ иностранными товарами. Такой вскорѣ явился и мы купили у него разныхъ мелкихъ вещицъ для подарковъ туземцамъ въ дорогѣ за разныя маловажныя услуги,—зеркалецъ, мыла и иголокъ въ

[1]) Читатель безъ сомнѣнія ожидаетъ разсказа о странствованіяхъ и страданіяхъ Андреевскаго и Сюя, отправленныхъ Сосновскимъ почти безъ гроша. Можетъ быть первый самъ опишетъ ихъ; мнѣ же это было бы слишкомъ тяжело.

хорошенькихъ коробочкахъ, а также восковыхъ спичекъ, бронзовыхъ пуговицъ и т. п.

Послѣ обѣда стали готовиться къ отплытію. На лодкахъ всѣ какъ будто ожили; началось движеніе, говоръ, распоряженія, приготовленія. Я и очень радъ былъ ѣхать дальше и въ то же время мнѣ стало жаль покидать эти убогіе домики фань-чэнской набережной и этихъ людей, ежедневно собиравшихся на берегу передъ нашими лодками, и даже одну жалкую собаку, которая, получивъ нѣсколько разъ подачку, стала потомъ каждое утро приходить подъ окно нашей лодки...

И не пойметъ человѣкъ, что̀ ему нужно, гдѣ ему хорошо и чѣмъ бы онъ могъ удовольствоваться, чтобъ не желать другаго; а то, сидишь на мѣстѣ, надоѣдаетъ,—хочется въ даль; а уѣзжая, жалѣешь о томъ, что̀ покидаешь!

Съ попутнымъ вѣтромъ отплыли мы подъ парусами теперь только въ двухъ лодкахъ и въ сопровожденіи третьей, военной; мы съ Матусовскимъ въ своей прежней, а вся остальная компанія въ новой большой, которой предсказано погибнуть на пути. И дѣйствительно она наводила на серьезныя опасенія, и мы не мало удивлялись Сосновскому, какъ могъ онъ такъ легко относиться ко всѣмъ дѣланнымъ ему предостереженіямъ, не понимали изъ за чего онъ рисковалъ. Вѣдь и выгоды-то всего какихъ-нибудь рублей семнадцать съ полтиной.

Отойдя не далеко за Фань-Чэнъ, мы остановились въ пять часовъ по полудни у низкаго пустаго берега на ночевку, потому что слѣдующее обыкновенное мѣсто стоянки лодочниковъ было, говорили они, далеко, и сегодня не дойти бы до него; къ тому же и погода была дурная,—дождь все не переставалъ.

Наступила ночь,—темная, хоть глазъ выколи; въ воздухѣ было свѣжо, но не такъ какъ бывало: сегодня все-таки пять градусовъ тепла.

18 февраля, воскресенье.

Отправились въ путь рано утромъ... И какое чудесное утро: небо голубое, солнце сіяетъ, какъ лѣтомъ. Наши лодочники идутъ бодро; но задняя лодка начала уже отставать и скоро исчезла изъ вида.

Матусовскій сидитъ за своимъ столикомъ, которымъ ему служитъ одинъ изъ ящиковъ, посматриваетъ на буссоль и наноситъ

на бумагу изгибы Хань-Цзяна; я привожу въ порядокъ рисунки, сдѣланные въ Фань-Чэнѣ.

Рѣка въ этой части широка, течетъ спокойно и мѣстами разливается на такое широкое пространство, что, уходя вдаль, почти сливается съ горизонтомъ. Вдали на западѣ виднѣется хребетъ горъ и на нѣкоторыхъ вершинахъ его сіяютъ въ туманѣ снѣга. Берега рѣки, до этого низкіе и песчаные, теперь стали подниматься и приняли характеръ округленныхъ скалъ изъ рыхлаго известняка, мѣстами отвалившихся и упавшихъ въ воду. Въ скалахъ кой-гдѣ высѣчены гроты, и въ одномъ изъ нихъ подъ нависшимъ выступомъ скалы построенъ храмъ, а для предупрежденія обвала этого тяжелаго навѣса до самаго потолка его подведены толстыя кирпичныя стѣны. Однако опасность продолжаетъ угрожать храму и живущимъ при немъ, тѣмъ болѣе, что изъ скалъ въ глубинѣ грота всюду сочится вода и подтачиваетъ ихъ. Но ужъ такова любовь китайцевъ къ горамъ и гротамъ!

На закатѣ солнца мы съ Матусовскимъ остановились у деревни Пу́-Хоу и вышли на берегъ, чтобъ измѣрить быстроту теченія рѣки въ данномъ мѣстѣ. Мы могли это сдѣлать, потому что другой лодки еще не было видно, и слѣдовательно не кому было погонять насъ и запрещать задерживать общее движеніе изъ-за всякихъ глупостей. Мѣстные жители, повидимому, вовсе не были приготовлены къ нашему пріѣзду, потому что, когда мы вышли на берегъ, находившіеся тутъ нѣсколько человѣкъ,—судя по виду, деревенскіе жители,—были поражены нашимъ появленіемъ буквально до столбняка. Но, оправившись отъ перваго испуга и удивленія, они рѣшились заговорить съ нами. Но какъ поговорить? Они сказали нѣсколько фразъ по-китайски, я—по-русски, тѣмъ дѣло и кончилось, и мы приступили къ своему дѣлу.

Берегъ былъ глинистый, довольно круто поднимался отъ уровня воды, и тропинки, проложенныя по немъ, были не особенно удобны, а мѣстами даже до того покаты, что безъ чужой помощи по нимъ ни за что бы не взобраться. Когда я дошелъ до такого мѣста, одинъ изъ стоявшихъ наверху туземцевъ, увидавъ меня въ затруднительномъ положеніи, нагнулся и подавъ мнѣ руку, помогъ подняться наверхъ; потомъ втащилъ такимъ же манеромъ Матусовскаго, и мы пошли вдоль рѣки въ сопровожденіи небольшой группы поселянъ.

Послѣдніе относились къ намъ не только безъ грубостей, но даже съ почтеніемъ, и чувство страха къ намъ теперь въ нихъ

пропало. Меня заинтересовало одно дерево съ висѣвшими на немъ сухими стручьями; но низко не было ни одной вѣтки, чтобъ я могъ достать, и я объяснилъ знаками и немногими китайскими словами, что желалъ бы вблизи посмотрѣть на эти стручья. Мое желаніе было исполнено тотчасъ, какъ только меня поняли, и притомъ такъ исполнено, что мнѣ пріятно вспомнить объ этомъ маленькомъ эпизодѣ. Одинъ молодой китаецъ взлѣзъ на дерево, отломилъ вѣтку, но не бросилъ ее, а взявъ въ ротъ, спустился на землю и, принеся, подалъ мнѣ въ руки... Это—еще *примѣръ учтивости* китайскаго простолюдина... И кто училъ ихъ этой деликатности!

Я поблагодарилъ его, а онъ отвѣтилъ, что „не смѣетъ принять благодарности“.

На обратномъ пути насъ ожидала еще новая любезность туземцевъ: когда мы возвращались къ своей лодкѣ, я съ нѣкоторой тревогой подумывалъ о предстоящемъ крутомъ спускѣ внизъ по скользкой глинѣ; но, подойдя къ нему, къ удивленію своему увидалъ, что на тропинкѣ въ этомъ мѣстѣ уже были выдѣланы удобныя ступеньки въ видѣ лѣстницы!.. Оказалось, что кто-то изъ китайцевъ сбѣгалъ за лопатой домой и приготовилъ для насъ этотъ удобный сходъ. Хотя я не зналъ, кто изъ нихъ это сдѣлалъ, я поблагодарилъ стоявшихъ возлѣ меня людей за ихъ милое вниманіе и хотѣлъ дать имъ нѣсколько денегъ, но они наотрѣзъ отказались и не взяли, какъ я ни предлагалъ. Мнѣ невольно вспомнилась Европа, съ ея „пурбуарами“, „на-чаекъ бы слѣдовало“, „тринкгельдами“ и т. п., которыхъ тамъ не просятъ, а скорѣе требуютъ, за самую пустѣйшую услугу. Не хорошо!

Вернувшись на лодку, мы поужинали; уже совсѣмъ стемнѣло, а двухъ другихъ лодокъ не было; настала ночь, а онѣ такъ и не пришли: мы посовѣтовались съ нашимъ хозяиномъ лодки, хотѣли-было идти назадъ, но онъ отвѣтилъ, что ночью идти не только опасно, но даже невозможно, и прибавилъ, что это и безполезно.

„Значитъ, они не могли поспѣть за нами и остановились въ другомъ мѣстѣ“, рѣшили мы: „завтра дождемся ихъ здѣсь и потомъ пойдемъ вмѣстѣ.“

Такимъ образомъ мы были одни, безъ всякаго китайскаго конвоя, да въ немъ и не чувствовалось надобности, такъ какъ толпы не было. Улеглись спать; но въ ближайшей деревнѣ китайцы не спали: по случаю ли какого праздника, свадьбы или похоронъ,

тамъ раздавались пѣсни съ акомпаниментомъ мѣдныхъ тазовъ и тарелокъ и громкій говоръ многихъ голосовъ; и подъ эти отдаленные звуки мы заснули.

Вдругъ ночью насъ разбудилъ страшный крикъ нѣсколькихъ человѣкъ,—какъ будто вдругъ началась жаркая ссора или готовилось нападеніе. Ночь темная, а въ каютѣ еще темнѣе.

— Смокотнинъ! Узнай, что̀ такое случилось? будимъ мы своего казака, какъ понимавшаго языкъ.

Онъ спитъ, не слышитъ, а мы ничего не можемъ разобрать; узнаемъ только голоса нашего лодочника и рабочихъ, кричащихъ въ отвѣтъ на крики чьихъ-то незнакомыхъ голосовъ. Наконецъ проснулся казакъ и тоже не сразу могъ сообразить, что̀ такое происходило; потомъ, вслушавшись, понялъ и объяснилъ намъ, что „капитанъ остановился отсюда въ пяти верстахъ и послалъ двухъ солдатъ разыскать насъ, а какъ разыщутъ, передать распоряженіе, чтобъ сейчасъ вернулись къ нимъ“.

— „Солдаты обижаются, продолжалъ казакъ,— что ихъ ночью гоняютъ въ этакую темь, и бранятъ лодочника за то, что онъ скоро ушелъ.

— Ну, скажи лодочникамъ, чтобъ трогались; а солдатъ надо взять къ себѣ на лодку.

Казакъ передалъ наше распоряженіе лодочнику; но тотъ сказалъ, что ни за что не пойдетъ ночью, что онъ и себя бережетъ и за насъ отвѣчать долженъ, если что случится.

— Помилуйте, говорилъ онъ,—мы по этой рѣкѣ и днемъ идемъ съ осторожностью, потому что тутъ попадаются то мели, то быстрины и камни; а ночью здѣсь ни за что не пройти благополучно. Что хотите со мной дѣлайте, а я не тронусь съ мѣста... Да и зачѣмъ же намъ дѣлать лишнихъ двадцать ли взадъ и впередъ?

Солдаты, видимо, понимали справедливость его словъ, но бранились только потому, что имъ нужно было на комъ-нибудь сорвать досаду за то, что ихъ лишили покоя, да еще подвергали опасности сломать себѣ шею.

Крики спорившихъ и бранившихся солдатъ разбудили всѣхъ спавшихъ на сосѣднихъ лодкахъ, также остановившихся тутъ на ночлегъ, и тоже вскочившихъ въ тревогѣ съ своихъ мѣстъ; и у насъ сонъ прошелъ. Дѣлать было нечего, и мы остались здѣсь, потому что нашъ Лао-бань такъ и не пошелъ; мы совѣтовали и солдатамъ заночевать тутъ, но они не смѣли ослушать-

ся приказанія своего офицера и ушли, бѣдные, назадъ, отмѣривать еще въ обратный путь десятокъ китайскихъ верстъ!.. Нескоро все успокоилось въ нашей пловучей компаніи и пришло въ прежній порядокъ: долго слышался разговоръ на сосѣднихъ лодкахъ; мы долго бесѣдовали съ товарищемъ насчетъ того, какой еще замыселъ таился въ этой будто бы заботливости о насъ не по разуму нашего возмутительнаго капитана. Очень вѣроятно, рѣшили мы, что ему надо было подвергнуть насъ опасности и погубить, если не насъ самихъ, то находившіеся въ нашей лодкѣ результаты нашихъ работъ... Хорошо было ѣхать съ начальникомъ, отъ котораго мы каждый день ожидали подобной „нравственной заботливости“ о своихъ спутникахъ?!..

Наконецъ все опять заснуло.

19 февраля.

Ночь прошла совершенно благополучно, и мы съ нетерпѣніемъ ожидали его прибытія, чтобъ узнать разъясненіе его вчерашнихъ распоряженій, думая все-таки не случилось ли у нихъ чего съ лодкой.

Наступилъ великолѣпный день; и какая чудесная, похожая на сновидѣніе, обстановка является здѣсь глазамъ обитателя сѣвера: написавъ въ своей тетради 19 февраля, невольно вспомнилъ я о нашихъ морозахъ и снѣжныхъ метеляхъ, какія теперь проносятся надъ нашими степями... А здѣсь!.. Безоблачное небо, сіяетъ солнце, тишина и теплота въ воздухѣ; по крутымъ скаламъ изъ краснаго песчаника бѣгутъ и спадаютъ каскадами ручьи, зеленѣютъ травы и нѣкоторые кустарники, въ которыхъ порхаютъ и щебечутъ птицы...

Мы стояли, не трогаясь, въ ожиданіи нашихъ спутниковъ. Наконецъ лодка ихъ показалась и прошла мимо насъ даже не остановившись. Мы все поняли и отправились за ними. Значитъ преступный планъ не удался, и Сосновскій въ досадѣ и гнѣвѣ не въ силахъ былъ даже взглянуть намъ въ лицо.

По мѣрѣ дальнѣйшаго движенія съ каждымъ поворотомъ рѣки виды мѣнялись: берега становились возвышенными, и здѣсь, въ холмистой мѣстности, густота береговаго населенія являлась во всей очевидности; на равнинахъ же она не такъ замѣтна. Тутъ видишь, какъ близко другъ отъ друга расположены селенія, какъ тѣсно лѣпятся домики одни надъ другими. Дѣйствительно, куда бы ни упалъ взглядъ, онъ непремѣнно встрѣтитъ хоть одного

человѣка: люди или работаютъ, или идутъ, несутъ что-нибудь, или просто грѣются на солнцѣ, посматривая кругомъ себя на привольный Божій міръ; и когда смотришь на нихъ глазами проѣзжающаго мимо зрителя, кажется, что имъ такъ хорошо живется здѣсь, а такъ ли это на самомъ дѣлѣ,—Богъ знаетъ.

Около одного селенія Цзы-Хоу мы останавливались не надолго, купить кой-чего; но, вѣроятно, много и надолго оставили по себѣ воспоминаній и разговоровъ, судя по тому впечатлѣнію, оживленію и переполоху, какіе произвели въ мѣстномъ населеніи наши лодки, простоявъ у берега не болѣе десяти минутъ.

Плывя по Хань-Цзяну въ здѣшнихъ мѣстахъ, не трудно повѣрить, что въ Китаѣ триста или четыреста милліоновъ жителей, такъ какъ селенія почти непрерывною цѣпью тянутся вдоль его береговъ, то у самой рѣки, то на нѣкоторомъ отъ нея разстояніи; и эти деревни и села, вмѣстѣ съ густо насаженными около нихъ деревьями, образуютъ, можно сказать, одну безконечную рощу, въ тѣни которой пріютились разбросанныя въ живописномъ безпорядкѣ человѣческія жилища и кумирни.

На рѣкѣ повсюду видны лодки; однѣ идутъ отъ города до города съ тѣмъ или другимъ товаромъ; на другихъ ѣдутъ пассажиры, иногда цѣлыми семействами; въ третьихъ безпрестанно перевозятъ черезъ рѣку изъ одного села въ другое; на четвертыхъ разъѣзжаютъ по рѣкѣ рыболовы. Кишащіе повсюду люди почти исключительно мужчины; женщинъ же встрѣчается очень мало и то почти однѣ старухи; но хотя изрѣдка удается видѣть и молодыхъ.

Я уже говорилъ о странной неодинаковости въ отношеніяхъ женщинъ къ появленію диковинныхъ заморскихъ людей: однѣ были чрезвычайно дики и прятались, тогда какъ другія смотрѣли на насъ совершенно спокойно, и даже безъ того любопытства, какое мы возбуждали своимъ появленіемъ во всѣхъ остальныхъ. Сегодня, напримѣръ, рядомъ съ нами и довольно близко шла нѣкоторое время одна лодка, въ которой ѣхало куда-то китайское семейство, повидимому, зажиточныхъ людей. Оно состояло изъ старика,—отца или дѣда,—нѣсколькихъ молодыхъ людей и двухъ довольно молодыхъ женщинъ. Одна изъ китаянокъ кормила грудью ребенка и, нисколько не конфузясь, и не думая прятаться, сидѣла спокойно въ лодкѣ, посматривая на насъ такъ обыкновенно, какъ будто мы также составляли часть ихъ семьи; другая же, казалось, готова была броситься въ воду, чтобъ только

скрыться отъ нашихъ наблюдательныхъ взглядовъ. Непонятная и весьма интересная разница въ антропологическомъ отношеніи; и какъ было не спросить, отчего одна такъ боялась, а другая такъ мало была удивлена. Но подобные вопросы будутъ разрѣшать другіе путешественники, или мы, когда будемъ ѣхать одни; а теперь до „пустяковъ“ ли намъ!

Пройдя нѣкоторое разстояніе, мы остановились у отлогаго лѣваго берега, покрытаго пескомъ и галькою, изъ котораго мѣстные жители *промывали золото*. Такъ какъ задняя лодка,—спасибо ей,—опять далеко отстала отъ насъ, то мы могли остановиться и пойти посмотрѣть на эту работу, которою невдалекѣ занимались здѣсь китайцы, въ числѣ всего девяти человѣкъ.

Мы подошли къ нимъ, и наше неожиданное появленіе видимо смутило и даже испугало ихъ; на ихъ лицахъ такъ и сказалась мысль: ну, прощай наше золото, сейчасъ ничего не будетъ, и не уйти ли намъ по крайней мѣрѣ самимъ, пока живы? Но, увидавъ, что съ нами шелъ китаецъ—простолюдинъ (нашъ лодочникъ), они не убѣжали и, хотя съ видимымъ усиліемъ, употребленнымъ надъ собою, остались на своихъ мѣстахъ. Мы попросили ихъ показать намъ самое золото, и какъ они добываютъ его, но они сказали, что золота у нихъ нѣтъ, что они только что начали работу; однако черезъ нѣсколько минутъ ихъ удалось успокоить и увѣрить, что мы не имѣемъ никакихъ дурныхъ намѣреній, что ничего у нихъ не отнимаемъ. Тогда одинъ изъ нихъ пошелъ въ стоявшій неподалеку шалашъ и принесъ оттуда маленькую деревянную коробочку, въ которой находились два кусочка драгоцѣннаго металла, каждый величиною съ горошину.

Это было уже сплавленное золото, а затѣмъ онъ взялъ одинъ изъ стоявшихъ тутъ лотковъ и показалъ, какъ оно находится въ естественномъ видѣ: оно представляло мельчайшія, тоненькія пластинки, похожія на песокъ.

Самая же промывка производится ими слѣдующимъ образомъ. Золотоносная земля, залегающая по рѣчнымъ отмелямъ, появляющимся зимою, отдается правительствомъ участками разной величины за весьма скромную арендную плату (точно не могъ узнать), и каждый арендаторъ съ своими рабочими или компаньонами начинаетъ работу въ данномъ мѣстѣ своего участка, границы котораго обозначены вѣхами.

Лопатами снимаютъ прочь верхній слой песку, какъ не содержащій золота, потомъ вырываютъ гальку (рѣчные камни или го-

лыши) до глубины полуаршина и накладываютъ ее въ корзины, которыя сносятъ къ извѣстному мѣсту. Тутъ установлена въ наклонномъ положеніи широкая доска съ нѣсколько возвышенными бортами и нарѣзанная поперечными тонкими желобками сдѣланными такъ, что каждый желобокъ нѣсколько прикрывается лежащимъ выше возвышеніемъ, которыя раздѣляютъ желобки другъ отъ друга и по которымъ вода течетъ каскадами, какъ по ступенямъ лѣстницы, наполняя разумѣется желобки.

Корзину съ набранной въ нее галькой и пескомъ ставятъ надъ верхней частью этой наклонной плоскости и начинаютъ лить въ нее воду; она, проходя между камнями и черезъ скважины въ корзинѣ, уноситъ съ собою песокъ и находящіяся въ немъ частички золота и катитъ ихъ по наклонной плоскости, причемъ золотыя частицы, какъ болѣе тяжелыя, задерживаются въ упомянутыхъ желобкахъ, а песокъ уносится дальше. Но такъ какъ вмѣстѣ съ нимъ могутъ проскакивать также и мельчайшія золотыя песчинки, то подъ наклоненной плоскостью ставятъ еще плоскій лотокъ, на который собираютъ песокъ и промываютъ его еще разъ, прямо на этомъ лоткѣ, такимъ образомъ: погружая его въ лужу и держа въ горизонтальномъ положеніи, имъ зачерпываютъ нѣсколько воды и легонько покачивая лотокъ, все въ горизонтальномъ положеніи, осторожно сливаютъ воду, съ которой и уходитъ обыкновенный песокъ, какъ болѣе легкій, а золотой остается на лоткѣ. Изъ желобковъ же нарѣзанной доски послѣдній сметается кисточками.

Вотъ всѣ приборы и весь процессъ промывки. При такомъ способѣ одинъ человѣкъ, какъ сообщили эти люди, промываетъ въ день отъ 600 до 700 гинъ (около 25 пудовъ) гальки и песку и обыкновенно добываетъ изъ этого количества четверть фына золота, которая стоитъ 55 чохъ или около семи копѣекъ, а самый счастливый заработокъ одного дня достигаетъ 170 чохъ или $27^1/_2$ коп. въ день!.. Это не наши золотые пріиски. Не наши и золотопромышленники по своему виду, который ничѣмъ не отличаетъ ихъ отъ всѣхъ остальныхъ бѣдныхъ поселянъ.

У насъ, конечно, нѣтъ разсчета производить такую ничтожную промывку, потому что руки дороги, а китайцы работаютъ и довольны, тѣмъ болѣе, что добываніе золота возможно только зимою, когда земледѣльцы свободны отъ полевыхъ работъ и когда найти какое-нибудь занятіе на сторонѣ весьма трудно. (Въ зим-

нее время, разсказывали мнѣ, китайцы охотно берутъ работу безплатно, за одну лишь пищу).

Но если въ Хань-Цзянѣ находятъ мало золота, за то онъ можетъ назваться неистощимымъ источникомъ его, потому что оно извлекается ежегодно въ теченіе многихъ вѣковъ, и, вѣроятно, много вѣковъ пройдетъ прежде, чѣмъ вода унесетъ его изъ горъ все и перестанетъ отлагать на днѣ рѣки.

Поблагодаривъ китайцевъ за то, что они все показали намъ, мы отправились къ своей лодкѣ; и старшій изъ работавшихъ, обладатель этого участка золотыхъ пріисковъ, даже проводилъ насъ на нѣкоторое разстояніе, какъ бы въ благодарность за то, что мы разстались съ ними честно и миролюбиво, ничего не отобравъ у нихъ,—даже и части ихъ добычи.

Мы пошли дальше съ попутнымъ вѣтромъ довольно быстро и ужъ если полагать задачу нашего путешествія въ скороходствѣ, то мы могли бы сдѣлать сегодня большой переходъ; но такъ какъ новая лодка нашего начальника не могла поспѣвать за нами и отстала опять, то мы принуждены были остановиться и ждать ее, чтобъ избавить несчастныхъ солдатъ отъ новой ночной прогулки, подобной вчерашней.

Вечерѣло. Солнце еще освѣщало красноватыми лучами высокіе глинистые берега рѣки съ разбросанными по нимъ селеніями и пашнями, съ ихъ зелеными бамбуковыми рощицами и отдѣльно или группами стоящими вѣероподобными пальмами. Картина была прелестная, и я успѣлъ сдѣлать набросокъ ея, пока насъ не догнала отставшая компанія. Мы поджидали ее, надѣясь услышать разъясненіе вчерашней ночной тревоги, но къ нашему удивленію лодка опять гордо прошла мимо. Всѣ обитатели ея сидѣли на палубѣ, и съ нея на всю окрестность раздавалась удалая пѣсня, которую громко и весело пѣли два казака, увѣряя здѣшнихъ жителей, что будто бы

„И ужъ нѣтъ у насъ такого молодца!..“

какъ нашъ начальникъ, имя котораго вставлялось въ пѣсню... Что онъ гдѣ-то тамъ

„Съ гривенки на гривенку ступалъ,

„Да по пяти рублей сударушкамъ давалъ“...

Не знаю, можетъ быть, я ужъ черезчуръ скроменъ, но мнѣ казалось, что намъ, въ нашей обстановкѣ, то-есть являясь въ первый разъ въ странѣ, не слѣдовало бы пѣть очень громко:

вѣдь не странствующіе же мы артисты въ самомъ дѣлѣ, какъ насъ въ Тюмени повеличали!..

Мы пошли слѣдомъ за музыкой. Лодки наши часто становились на мель, и иногда не малыхъ времени и труда стоило чтобы сдвинуться съ мѣста. Оживленіе береговъ и движеніе лодокъ по рѣкѣ поразительны. И для наблюденія за порядкомъ во всѣхъ значительныхъ пунктахъ здѣсь стоятъ военныя лодки рѣчной полиціи, на которыхъ находится постоянно по одному мандарину.

20 февраля.

Рѣка раздѣлилась на два рукава, огибая огромный песчаный островъ, плоскій и низменный. Мы пошли правѣе острова. Послѣдній мѣстами пустыненъ, представляя скучную гладь желтоватаго песку, мѣстами же очень оживленъ народомъ, подобно нашимъ улицамъ и площадямъ въ базарные дни. На немъ также работали золотопромышленники, а кромѣ ихъ шли или, правильнѣе, бѣжали въ припрыжку носильщики съ товаромъ на коромыслахъ,—какимъ, откуда и куда переносимымъ, этого читатель не спрашивайте ради-бога; вѣдь для этого нужно останавливаться, ходить по песку и спрашивать... Стоитъ ли дорогое время терять!

По острову также шли въ разныхъ направленіяхъ прохожіе, и нѣкоторые закрывались отъ солнца зонтиками, потому что идти было уже жарко,—въ тѣни тринадцать градусовъ тепла.

Мы подвигались впередъ разными способами: то шестами, упираясь въ рѣчное дно; то рабочіе выходили на берегъ и тащили лодку бечевой; то по временамъ налеталъ вѣтерокъ, и мы проходили нѣкоторое пространство подъ парусомъ, котораго поэтому и не убирали. Почти весь день рядомъ съ нами шли, также съ распущенными парусами, до двадцати лодокъ большой величины съ высоко поднятыми кормами. На нихъ рабочіе съ длинными шестами ходили взадъ и впередъ по палубѣ, упираясь ими всѣ заразъ въ дно рѣки и помогая своей работѣ покрикиваньями въ родѣ пѣсни, только не веселой, а тяжкой, которая брала за сердце: это были скорѣе стоны больныхъ, чѣмъ припѣвъ.

Но вотъ передъ нами показалось большое торговое селеніе или портъ уѣзднаго городка Гуань-Хуа-Сянь, расположеннаго въ двухъ верстахъ отъ берега, такъ что съ городомъ мы не познакомились, а видѣли издали только его зубчатую стѣну, ворота въ ней и

надъ стѣною башни съ загнутыми кверху углами, издали кажущіяся чрезвычайно изящными. Наконецъ мы пришли въ Лао-Хо-Коу,—большое торговое село, гдѣ должны были перемѣнить свою лодку на новую, мѣстную, такъ какъ добросовѣстный Танъ-Чэнъ-Гуэй никакъ не хотѣлъ рисковать идти дальше, какъ мы его ни просили; онъ не зналъ рѣки въ ея дальнѣйшемъ теченіи и потому не попелъ, какъ ни грустилъ, разставаясь съ нами.

ГЛАВА VII.

НА ГОРНОЙ РѢКѢ. [1])

Село Лао-Хо-Коу.—Первая прогулка.—Я осажденъ больными. — Новая лодка.—Толпа разшалилась.—Отъѣздъ.—Перемѣна въ характерѣ рѣки.—Весна идетъ.—Живописные берега.—Горныя тропинки лямочниковъ.— Г. Юнь-Янъ-Фу.—Китайскій художникъ.—Изумленія туземцевъ. — Интересная дѣвочка.—Мартъ.—Ненастье.—Г. Бай-Хо-Сянь.—Пороги.—Нашъ день въ лодкѣ. — Любезность туземцевъ изумляетъ меня.—Фабрикація бумаги.—Предостереженіе относительно рѣчныхъ разбойниковъ.—Поэтическіе дни и ночи.—Гонецъ и извѣстія съ родины.—Поразительная степень населенія.—Г. Синъ-Ань-Фу.—Напуганный юноша.—Неожиданная встрѣча.—Прогулка по городу.—Каменноугольныя копи.—Трудный порогъ.—Г. Цзы-Янъ-Сянь.—Поврежденіе лодки и остановка.—Временная разлука.—Г. Ши-Цюань-Сянь.—Мастерица на улицѣ.—Изобиліе цвѣтовъ на берегахъ.

Мы пришли въ Лао-Хо-Коу часу во второмъ дня и, пробравшись между множествомъ стоявшихъ у пристани лодокъ къ берегу, бросили на него якорь.

Не прошло и пяти минутъ, какъ передъ нашей лодкой сбѣжалась и собралась густая толпа зрителей; но почти тотчасъ явились два солдата мѣстной полиціи съ палками и, помѣстившись у нашей лодки, положили преграду излишнимъ любопытству и смѣлости мѣстныхъ обывателей, которые, безъ сомнѣнія, хорошо знали, что палка полицейскаго безжалостна, никого не щадитъ и ничего не разбираетъ.

Наши остальные спутники въ своей неповоротливой лодкѣ остались далеко назади, и мы съ Матусовскимъ, въ ожиданіи ихъ, отправились въ городъ; упомянутые два полицейскіе пошли съ нами, одинъ впереди, другой сзади. Они были учтивы, но ужъ

[1]) Дальнѣйшій путь будетъ лежать по той же рѣкѣ Хань, но характеръ ея съ вхожденіемъ въ горы рѣзко измѣняется и потому я назвалъ ее „горною рѣкою“.

слишкомъ развязны и черезчуръ усердны: ихъ палки, къ счастію еще не толстыя, не отдыхали ни минуты; полисмены не только разгоняли толпу вблизи насъ, но даже неистово кричали тѣмъ, которые еще были шаговъ за двадцать впереди, и ужъ приказывали имъ сторониться и давать дорогу... Совершенно китайское величіе! Подходившихъ слишкомъ близко или медленно убиравшихся въ сторону они безъ церемоніи хлопали палками, и своими отчаянными криками и распоряженіями производили, пожалуй, больше шума и гама, чѣмъ вся уличная толпа.

Подобная обстановка, обыкновенная при проѣздѣ мандариновъ, была для насъ ужасно непріятна, и я наконецъ запретилъ имъ драться и кричать такъ.

— Yes! отвѣтилъ китаецъ, почему-то имѣвшій претензію на знаніе англійскаго языка, но ничего не знавшій, кромѣ yes. Онъ, кажется, думалъ, что мы говорили между собою также по-англійски и безпрестанно произносилъ — yes! yes! даже когда къ нему и не думали обращаться... Этимъ онъ намъ ужасно напоминалъ одного „Хлестакова“ нашего времени, который тоже при помощи одного yes, да старательнаго смѣха съ усиленной жестикуляціей верхними конечностями, желалъ увѣрить, что понимаетъ по-англійски, даже въ присутствіи людей, очень хорошо знавшихъ, что онъ ничего не понимаетъ. „Китайскій Хлестаковъ“ такъ надоѣлъ намъ, что мы не знали, какъ отъ него отдѣлаться, но вынуждены были выносить его присутствіе, какъ и того другаго.

Мы прошли по нѣкоторымъ улицамъ, характеръ которыхъ все тотъ же,—онѣ узки, грязны и заражены; тѣ же постройки, люди, ихъ одежды, лица; тѣ же товары въ лавкахъ, и мы скоро вернулись къ рѣкѣ на свою лодку.

Теперь вся набережная, всѣ промежутки между зубцами стѣны были сплошь усѣяны и усажены народомъ. Въ толпѣ ужъ знали, что одинъ изъ пріѣзжихъ заморскихъ людей — врачъ; а потому привели и даже принесли сюда больныхъ и осадили меня просьбами „вылѣчить“ ихъ... И я просто руками развелъ. Что же это за противорѣчіе съ тѣмъ, что́ разсказывали нѣкоторые путешественники про злобное отношеніе китайцевъ къ иностраннымъ врачамъ!

Приведенные къ нашей лодкѣ больные страдали большею частью наружными болѣзнями, лекарства были со мною, и мнѣ было легко оказать имъ помощь безъ особенныхъ разспросовъ и объясненій, требующихъ знанія языка; во всѣхъ же остальныхъ

случаяхъ встрѣтилось неодолимое препятствіе: я не понималъ больныхъ и ничего не могъ сказать имъ... А нашъ казакъ, какъ переводчикъ, разумѣется, совсѣмъ не годился для подобныхъ разговоровъ.

День кончился, и толпа разошлась только когда совсѣмъ стемнѣло, когда, слѣдовательно, смотрѣть имъ было не на что; а если бы мы были достаточно освѣщены и сидѣли, напримѣръ, на открытой палубѣ, я увѣренъ, они не ушли бы отсюда всю ночь.

На квартиру мы предпочли не переходить, а остались въ лодкахъ, что, конечно, было гораздо удобнѣе.

21 февраля.

День просто лѣтній; въ тѣни + 17,8° Р, а на солнцѣ + 28,2°.

Утромъ къ намъ являлся съ визитомъ начальникъ новой военной лодки, которая пойдетъ съ нами дальше, отъ Лао-Хо-Коу. Потомъ намъ необходимо было позаботиться здѣсь о наймѣ новой лодки, и я отправился вдвоемъ съ Андреевскимъ на пристань, чтобъ присмотрѣть и нанять для себя пловучую квартиру на довольно продолжительное время, — ужъ никакъ не менѣе мѣсяца.

Лодки мнѣ всѣ не особенно нравились, но выбирать было не изъ чего, или мы не умѣли найти, и я нанялъ одну за сто ланъ, или двѣсти серебряныхъ рублей, на весь остальной путь по рѣкѣ,—т.-е. на разстояніе въ тысячу верстъ, причемъ мы не знали болѣе никакихъ расходовъ: лодочникъ самъ, какъ это обыкновенно дѣлается, обязывался нанимать нужное число рабочихъ и давать имъ пищу; плата же каждому рабочему за все разстояніе равняется 8,000 чохъ или приблизительно десяти рублямъ.

Когда я вернулся на свою лодку, возлѣ нея на берегу опять собралось много больныхъ, и я отправился „исцѣлять народы“, какъ говаривалъ одинъ русскій мужичокъ. Преобладающими болѣзнями были накожныя (по преимуществу парша и чесотка), а также глазныя, ревматизмъ и болѣзни желудка. Я былъ готовъ помогать имъ, но ничего не могъ сдѣлать. Допустимъ даже, что мы имѣли въ Андреевскомъ и Сюѣ порядочныхъ переводчиковъ; но я все болѣе и болѣе чувствовалъ необходимость имѣть отдѣльнаго переводчика, такого, который бы зналъ только меня, а не долженъ былъ бы то бѣжать къ начальнику, говоря мнѣ, что у него поважнѣе дѣла есть, то сопровождать на съемку фотографа. И притомъ мнѣ нуженъ былъ такой переводчикъ, который

бы правильно передавалъ мои слова; а то обращаюсь разъ къ Сюю и прошу его сказать больному, чтобъ онъ, кромѣ употребленія лекарства, постоянно выдергивалъ у себя рѣсницы: онѣ росли у него назадъ, въ глазъ.

— Приснится? переспрашиваетъ Сюй.

— Рѣсницы, показываю я ему на свои глаза.

— А, лисаница, ну хылошанки! (хорошо)—и говоритъ больному по-китайски: иди теперь домой, умойся, а потомъ приходи къ г. доктору за лекарствомъ...

Я совсѣмъ далекъ отъ обвиненія Сюя или Андреевскаго, но развѣ такихъ помощниковъ можно называть переводчиками, да еще „учено-торговой“ экспедиціи!.. Вотъ и приходится отсылать больныхъ безъ помощи и ограничиваться совѣтами лишь тѣмъ немногимъ, съ которыми кой-какъ удавалось объясниться самому при помощи словаря да нашего казака.

А больные точно ничего не хотѣли понять и осаждали меня все сильнѣе, такъ что намъ пришлось отодвинуть свою лодку на нѣкоторое разстояніе отъ берега; но и это мало помогло, потому что родные больныхъ сажали ихъ въ лодки и подплывали къ намъ съ другой стороны. Тутъ были по преимуществу матери съ больными дѣтьми; нѣкоторыя изъ нихъ плакали и кланялись мнѣ, и въ тонѣ ихъ просьбъ было столько горя, что отказать имъ, ничего не сказавъ, ничего не давъ, просто не было силъ....

Не знаю, пойметъ ли читатель, не врачъ, мое нравственное страданіе!.. О, какъ горько было... И вспоминались мнѣ тѣ давнопрошедшія времена, когда къ Христу приводили и приносили больныхъ... Тогда, должно быть, были тѣ же картины, какія теперь совершались на этой китайской рѣкѣ, передъ моими глазами, чтобъ меня мучить. Кричали и просили о помощи съ одной стороны; меня звали и поднимали больныхъ на руки съ берега, чтобъ обратить мое вниманіе туда; каждый спѣшитъ, каждый торопится дойти до меня прежде другаго; шумъ, давка, ссоры, стоны больныхъ!... Сцена была потрясающая! Господи! зачѣмъ я не могу исцѣлять больныхъ такъ же легко, какъ Христосъ! Вотъ на чемъ остановились тогда всѣ мои мысли и чувства... Я терялъ голову.

Когда я сходилъ съ лодки на берегъ, меня тотчасъ окружала такая густая толпа желавшихъ и, въ простотѣ душевной, ожидавшихъ отъ меня моментальнаго исцѣленія, что я едва могъ

дѣйствовать руками, не зная на кого смотрѣть, кого слушать: каждый говорилъ свое, жаловался на свою болѣзнь, или показывалъ своего больнаго, звалъ къ себѣ, дергалъ тихонько за платье или постукивалъ по мнѣ пальцами, чтобъ заставить выслушать его жалобы и просьбы... Прошло много времени съ тѣхъ поръ, когда это было, а у меня и теперь, какъ вспомню, раздаются въ ушахъ эти умоляющіе голоса, взывавшіе ко мнѣ тогда: Лаоѣ! Дай-фу-да-жень-на! (Господинъ! Докторъ, великій господинъ!).

Я выслушивалъ ихъ, но, увы!—ничего не понималъ, слѣдовательно могъ помогать только тѣмъ, чья болѣзнь была видна и понятна безъ разспроса,—а способъ употребленія лекарства объяснялъ имъ при помощи немногихъ фразъ, которымъ научился, да разными пантомимами.

Но люди — вездѣ одни и тѣ же. И здѣсь, среди истиннаго горя и правды, была ложь: нѣкоторые притворялись больными, чтобъ имѣть предлогъ пробраться на лодку и посмотрѣть поближе на насъ самихъ и нашу обстановку. Но такихъ безъ церемоніи и немедленно выпроваживали вонъ, безъ различія званія и состоянія.

Бывали также забавныя просьбы; напримѣръ, одна здоровая женщина показываетъ мнѣ ладонь и проситъ сказать ей,—не можетъ ли у нея быть со временемъ какой-нибудь болѣзни, и если можетъ, то чтобъ я предупредилъ ея развитіе. Это доказываетъ, что туземные врачи берутся за выполненіе подобныхъ задачъ и не краснѣютъ. Нѣкоторые просили лекарства, чтобъ имѣть дѣтей; другіе, наоборотъ,—чтобъ не имѣть ихъ больше! Иные обращались съ просьбами сдѣлать ихъ болѣе храбрыми *), и т. п.

Являлись между паціентами, но очень рѣдко, и нахалы. Напримѣръ, посреди густой толпы народа, одинъ молодой малый добрался до меня и сталъ жаловаться на болѣзнь глазъ, которые были слегка въ воспалительномъ состояніи. Когда я сталъ изслѣдовать ихъ подробнѣе, у него явилось желаніе собственноручно вынуть изъ моего рта сигару, которую я курилъ.

*) Туземные врачи даютъ съ этою цѣлью кости тигра, желчь казненнаго разбойника и т. п. Одинъ англійскій миссіонеръ (Ch. Pitton) разсказываетъ, что на войнѣ китайцы съ тою же цѣлью вырѣзываютъ печень и сердце изъ труповъ непріятелей и ѣдятъ ихъ,—тоже для пріобрѣтенія храбрости. Не знаю, правда ли: вѣдь на китайцевъ до сихъ поръ возводятъ разныя обвиненія, до сихъ поръ разсказываютъ про нихъ самыя невѣроятныя нелѣпицы.

Я хлопнулъ его по рукѣ, и сразу отнялъ у него смѣлость; толпа здоровыхъ подняла его на смѣхъ, и онъ почувствовалъ себя очень сконфуженнымъ.

Меня нѣсколько разъ предупреждали, чтобы я ни подъ какимъ видомъ не позволялъ китайцамъ забываться, иначе, говорятъ, они тотчасъ теряютъ всякое уваженіе,—общая черта всѣхъ малообразованныхъ людей. Для нихъ, говорили, имѣетъ обаяніе напыщенная важность и неприступность, или грубая сила, и даже пожалуй жестокость. Такое обращеніе дѣйствуетъ на китайцевъ столь же магически, какъ и самая утонченная вѣжливость; но послѣдняя можетъ быть примѣнима только не въ толпѣ. Толпа вообще вездѣ дика и груба; она способна на то, что̀ для каждаго ея члена въ отдѣльности немыслимо или, по крайней мѣрѣ, необыкновенно. Ни одинъ китаецъ, можетъ быть, не позволитъ себѣ разсмѣяться по поводу того, что человѣкъ оступится въ воду и замочитъ себѣ ноги; а толпа радуется и рукоплещетъ по этому случаю. Сегодня было хуже: толпа расхохоталась во все горло самымъ веселымъ смѣхомъ по поводу того, что одинъ мальчикъ, лѣтъ семи, стоявшій на берегу, оборвался и упалъ въ воду; хотя тутъ было и не глубоко, но онъ все-таки могъ утонуть; онъ испугался и страшно закричалъ... А толпа хохочетъ, и никто не шевелится, чтобъ скорѣе помочь ему; наконецъ-то одинъ лодочникъ, не спѣша, вынулъ его и поставилъ на ноги; но мальчуганъ продолжалъ плакать горькими слезами, потому что его башмаки остались въ рѣкѣ, увязнувъ въ илѣ. Я далъ ему пряниковъ, которые тутъ продавалъ одинъ разносчикъ, и обѣщалъ купить новые башмаки, но онъ, должно быть, не понималъ и не успокоился, пока башмаковъ не нашли, и другой мальчикъ лѣтъ двѣнадцати, вѣроятно его братъ, не взялъ его на руки и не унесъ домой.

Весь нынѣшній день прошелъ въ пріемѣ больныхъ. Вечеромъ явился нашъ новый слуга-китаецъ изъ бывшихъ рабочихъ, нанятый въ помощники Смокотнину, потому что онъ, состоя переводчикомъ, не успѣвалъ всего дѣлать. Этотъ китаецъ, по имени Чжу, самъ предложилъ намъ себя въ услуженіе. Онъ не назначалъ жалованья (китайскій обычай, какъ я могъ замѣтить), а просилъ единовременно 4000 чохъ, или пять рублей, на пріобрѣтеніе себѣ порядочнаго платья; жалованье же предоставлялъ назначить намъ самимъ, смотря по его заслугамъ. Мы согласились взять его. Онъ сходилъ въ городъ и, одѣвшись въ новое платье, пришелъ

исполнить обычай поклоненія: передъ каждымъ изъ насъ онъ положилъ по три земныхъ поклона, при чемъ послѣ каждаго вставалъ на ноги; такихъ же три поклона онъ положилъ и передъ нашимъ казакомъ.

22 февраля.

Погода прекрасная; въ тѣни + 17° R. Мы перебирались сегодня на новую квартиру, т.-е. въ другую лодку, въ которой намъ предстояло прожить съ мѣсяцъ, а можетъ-быть и больше, такъ какъ наши разсчеты уже много разъ оказывались невѣрными.

Новая лодка была просторнѣе и глубже прежней, но старая, грязная и пропитанная дымомъ и еще какимъ-то противнымъ тяжелымъ запахомъ. Кромѣ того, въ ней жило множество черныхъ таракановъ, пауковъ, уховертокъ и даже мышей! Вообще она произвела на насъ весьма непріятное впечатлѣніе. Но когда въ ней продѣлали боковое окно, когда на полъ постлали новую циновку, поставили стулъ и столъ, положили наши постели, удалили многихъ обитателей изъ класса насѣкомыхъ, посыпавъ въ щеляхъ персидской ромашкой, имѣвшейся для этой цѣли въ моей походной аптекѣ; когда обтянули ситцемъ и пледами потолокъ и досчатую перегородку, отдѣлявшую нашу каюту отъ сосѣдней каморки, гдѣ помѣстился нашъ казакъ,—тогда лодка приняла совсѣмъ иной видъ, и мы скоро помирились съ нашей новой обителью.

Новый хозяинъ казался добродушнымъ; главный изъ его рабочихъ былъ грамотный и, повидимому, очень смышленый человѣкъ, и мы надѣялись поладить съ ними такъ же, какъ и съ ихъ предшественниками.

23 февраля.

Сегодня уѣзжаемъ изъ Лао-Хо-Коу. Наша лодка еще не совсѣмъ была готова,—на ней не доставало мачты—и до окончанія этой работы мы не могли тронуться, о чемъ вчера сказали Сосновскому и просили его не ожидать насъ, такъ какъ мы могли легко нагнать его лодку. Онъ сегодня чѣмъ свѣтъ тронулся въ путь; но, конечно, забылъ сдѣлать распоряженіе о томъ, чтобъ на берегу у нашей лодки остался хоть одинъ полицейскій, пока мы не уѣдемъ; и мы остались такимъ образомъ частными путешественниками, т.-е. въ томъ самомъ положеніи, въ какомъ были бы всегда, всѣ, если бы „насъ“ не убѣдили, что сношенія съ

мѣстными властями положительно необходимы, а не вредны. Опытъ былъ интересный и поучительный, доказавшій, что о. Палладій и Матусовскій были правы. Мы убѣдились сегодня, что если бы вздумали ѣхать по Китаю, не прибѣгая для охраненія себя отъ толпы къ мѣстнымъ властямъ, намъ не только не удалось бы заниматься чѣмъ-нибудь, но самое пребываніе могло быть не безопаснымъ, потому что легко могло бы кончиться непріятнымъ столкновеніемъ. Вотъ что произошло сегодня.

Мы съ Матусовскимъ сидѣли утромъ на новой лодкѣ и пили чай; казакъ ушелъ въ городъ покупать нѣкоторые, какъ онъ говорилъ, „жизменные припасы“ на дорогу; на палубѣ работали плотники.

Народъ, увидавъ, что при насъ нѣтъ ни одного китайскаго солдата, что полицейскіе ушли, сталъ гораздо смѣлѣе и началъ лѣзть къ лодкѣ самымъ безцеремоннымъ образомъ. Нищіе выстроились около нея, войдя въ воду, и неумолкаемыми протяжными криками—лао-ѣ! лао-ѣ! (господинъ), надоѣдали намъ невыносимо; подаваніе имъ хлѣба и денегъ не только не помогало, а, какъ и слѣдовало ожидать, лишь увеличивало сборище ихъ. Вмѣстѣ съ развязными любопытными зрителями, къ лодкѣ подходили больные съ своими просьбами, указывая на свои больныя мѣста; но среди происходившаго безпорядка и думать было нечего заниматься ими, потому что мы едва успѣвали отбиваться отъ назойливыхъ людей, которые, подобно неотвязнымъ комарамъ, осаждали нашу лодку; и мнѣ пришлось и ихъ прогонять, какъ остальныхъ.

Наконецъ плотники кончили свою работу; все было готово, оставалось только купить еще глиняную переносную печку для приготовленія въ дорогѣ нашего обѣда. У насъ такой раньше не было; поэтому сегодня попросили приготовить обѣдъ еще на старой лодкѣ, и въ ожиданіи его Матусовскій ушелъ съ казакомъ въ городъ—собрать нѣкоторыя свѣдѣнія о торговлѣ въ Лао-Хо-Коу иностранными товарами; рабочіе также всѣ разбрелись, кто за чѣмъ, и хозяинъ нашъ отлучился, такъ что на лодкѣ остались только его жена съ дѣтьми, занятая дѣлами по хозяйству, да я.

Я сидѣлъ въ своей каютѣ и писалъ переводъ одной статьи; въ толпѣ на берегу шелъ громкій говоръ, становившійся все оживленнѣе, смѣлѣе, и къ нему присоединялся черезчуръ ве-

селый смѣхъ. Улавливая нѣкоторыя слова, я догадывался, о чемъ у туземцевъ шла рѣчь.

— Онъ теперь одинъ, говорили въ толпѣ,—не бойся, ступай: теперь можно!

И вотъ на палубѣ, у входа въ каюту, начинаютъ появляться разныя личности, то оборванцы, то люди порядочно одѣтые,— останавливаются и глядятъ внутрь. Я бы охотно дозволилъ имъ это, если бы за пятью не явилось немедленно двадцати-пяти; поэтому нельзя было, изъ принципа, оставить на лодкѣ и одного человѣка. Сначала я просилъ ихъ учтиво сойти долой, но они совершенно не обращали вниманія на мои слова,—не то, чтобъ не понимали ихъ, а какъ будто я вовсе не къ нимъ обращался. Я попробовалъ заговорить строго, вышелъ изъ каюты и сталъ выпроваживать ихъ; они уходили, но медленнымъ шагомъ и съ дерзкимъ смѣхомъ. Сажусь на палубѣ. Толпа видимо издѣвалась, и нѣсколько камней ударилось въ лодку; одинъ попалъ мнѣ въ плечо; но они бросали ихъ вообще не сильно, и попавшій въ меня камень никакой бѣды не причинилъ. Однако слѣдующій можетъ попасть въ лицо, въ голову, подумалъ я; онъ можетъ быть брошенъ и посильнѣе, тогда послѣдствія будутъ иныя... Но я зналъ, что въ подобныхъ случаяхъ отступленіе съ моей стороны было бы дѣломъ самымъ опаснымъ, а потому остался на палубѣ и вернулся въ каюту только тогда, когда толпа нѣсколько успокоилась.

Въ ту же минуту крики и смѣхъ усилились, на палубу вскочили десятка два человѣкъ и полѣзли къ двери. Я попробовалъ не обращать на нихъ вниманія, продолжая писать, и рѣшилъ про себя не шевелиться до тѣхъ поръ, пока они будутъ оставаться на палубѣ; но если кто-нибудь вздумаетъ забраться въ каюту, съ тѣмъ обойтись весьма сурово, для назиданія другимъ.

Мое хладнокровіе, очевидно, раздражало китайцевъ; я понялъ, что имъ хотѣлось раздразнить меня, и потому принялъ еще болѣе спокойный видъ, хотя дерзость этой ватаги начинала возмущать меня. Я чувствовалъ, что во мнѣ закипаетъ гнѣвъ, но продолжалъ писать; они то обращались ко мнѣ съ непонятными словами, то предлагали покупать разныя вещи, хлѣбъ, орѣхи и т. п.; наконецъ стали протягивать руки въ каюту, толкать меня и дергать за платье. Я все дѣлаю видъ, что ничего не замѣчаю; потомъ всталъ съ мѣста, чтобъ взять нужную книгу, какъ они, вѣроятно ожидая нападенія на нихъ, мигомъ отскочили отъ две-

рей; но съ лодки не сошли, а остались на палубѣ, и когда я сѣлъ, вернулись снова и стали со смѣхомъ указывать на свои глаза, животъ, голову, будто они были больные и пришли ко мнѣ за совѣтомъ.

Я все молчалъ; тогда нѣсколько смѣльчаковъ полѣзли было въ мою каюту. Этого я ужъ не могъ дозволить и, опасаясь, чтобъ потомъ не вышло серьезнаго столкновенія, быстро всталъ съ своего мѣста—и... Куда дѣвалась смѣлость! Китайцы уже прыгали съ лодки, какъ лягушки, въ воду и на берегъ,—а я, желая положить конецъ этой наскучившей мнѣ грубой забавѣ, вынулъ изъ чехла револьверъ и положилъ его подлѣ себя у входа въ каюту, у всѣхъ на виду.

Эта мѣра оказалась дѣйствительною, и послѣ того ни одинъ человѣкъ не подошелъ къ лодкѣ; всѣ стояли на берегу и только продолжали кричать. Теперь къ лодкѣ подошли дѣйствительно больные; но я объяснилъ, какъ могъ, что никому не дамъ больше ни совѣта, ни лекарства, потому что меня безпокоятъ, въ меня за мое доброжелательство бросаютъ камнями.

Говорилъ я, безъ сомнѣнія, въ высшей степени уродливо и неумѣло; но меня, должно быть, поняли: грустные, больные отошли прочь; толпа стихла и начался разговоръ; всѣ, казалось, почувствовали, что напрасно меня обидѣли. Я былъ взволнованъ и нравственно чувствовалъ себя дурно.

Ничего подобнаго не произошло бы, думалось мнѣ, если бы у меня былъ переводчикъ; я убѣжденъ, что, имѣя возможность толково говорить съ людьми, вмѣсто насмѣшекъ можно заслужить только ихъ уваженіе и благодарность; вмѣсто безплодной траты времени и ненужнаго раздраженія, я могъ бы спокойно принимать больныхъ съ пользою для нихъ и съ большимъ интересомъ для своей науки...

Совсѣмъ не гармонировало мое настроеніе съ природой, въ которой было такъ хорошо. День былъ такой теплый, солнце такъ ярко освѣщало рѣку съ ея берегами, на которыхъ праздные китайцы и китаянки разсѣлись на набережной и на ступеняхъ каменной лѣстницы. Всѣ они теперь смирно сидѣли, глазѣя на нашу лодку, грызли орѣхи, или сосали палки сахарнаго тростнику.

Матусовскій съ казакомъ вернулись изъ города; потомъ собрались рабочіе и стали готовиться къ отплытію. Мы пообѣдали на старой лодкѣ, простились съ прежнимъ лодочникомъ и его

семьей, которая также успѣла привыкнуть къ намъ, и мы съ грустью разставались другъ съ другомъ. Когда мы отчалили, они всѣ долго смотрѣли намъ вслѣдъ... Прощайте навсегда, бѣдные добрые люди! мысленно говорилъ я имъ, уѣзжая отъ нихъ вдаль.

Кончился праздникъ для жителей Лао-Хо-Коу, и они стали расходиться; мальчишки же, когда мы были уже далеко отъ берега, вдругъ почувствовали приливъ храбрости и принялись отчаянно выкрикивать: заморскіе черти! заморскіе черти! И,—вотъ что значитъ настроеніе духа,—на этотъ разъ брань эта оскорбляла меня... За что же, думалось мнѣ, сердятся эти люди, за что злятся, что мы сдѣлали имъ дурнаго?! Обидно и непріятно было...

Мы шли мимо Лао-Хо-Коу, вдоль его каменной набережной, съ ея убогими домиками, поднертыми сваями; а надъ этой безконечно длинной линіей однообразныхъ, но посвоему живописныхъ построекъ, возвышалось нѣсколько изящныхъ и легкихъ, какъ кружево, крышъ храмовъ отдѣланныхъ прозрачнымъ узоромъ изъ голубой черепицы. Воспользовавшись остановкой по случаю поджиданія нашего новаго хозяина лодки, который остался въ городѣ и долженъ былъ выѣхать къ намъ сюда, я сталъ набрасывать рисунокъ лучшей части Лао-Хо-Коу.

Противъ него на рѣкѣ находилась его пристань, гдѣ стоялъ цѣлый флотъ лодокъ съ своимъ водянымъ населеніемъ, котораго, вѣроятно, достало бы для цѣлаго города порядочныхъ размѣровъ. Многіе изъ этихъ рѣчныхъ жителей, замѣтивъ, что мы остановились, стали поспѣшно садиться въ маленькія лодочки и, работая изо всѣхъ силъ веслами, чтобъ не опоздать, понеслись къ намъ изъ многихъ мѣстъ.—Вотъ нѣкоторые приплыли и прямо причаливаютъ къ нашей лодкѣ, какъ будто мы ихъ только и ждали.

— Куда васъ несетъ, собаки! закричалъ казакъ, замахнувшись шестомъ на одного мальчишку.—Вотъ ужъ настоящія собаки!

— Нѣтъ, нѣтъ! Насъ ужъ не надо бить! Насъ ужъ не надо бить, потому что мы ужъ отплываемъ прочь, быстро и весело защебеталъ мальчишка, дѣйствительно поспѣшно отчаливая.

Пріѣхалъ хозяинъ, и мы отправились, сопровождаемые множествомъ маленькихъ лодокъ, которыя миролюбиво, чтобъ только посмотрѣть на насъ, гнались за нами слѣдомъ, то ровняясь, то обгоняя, и, наконецъ, бросая еще одинъ, прощальный взглядъ, поворачивали и возвращались домой.

Мы шли безъ остановки до сумерокъ. Небо заволокло тучами; начинался вѣтеръ, и барометръ сулилъ дождь.—Передней лодки мы сегодня не догнали и остановились ночевать у незаселеннаго берега, слѣдовательно въ тишинѣ и спокойствіи, что, послѣ описаннаго утра, было въ особенности пріятно да и вдали отъ нашего капитана мы всегда чувствовали себя такъ хорошо!

24 февраля.

Пошли хотя и рано, но не такъ, какъ можно было, потому что нашъ новый лодочникъ (называемый здѣсь уже не Лао-Бань, какъ на прежней лодкѣ, а Тай-Гунъ, и даже обижающійся первымъ величаніемъ) оказывался далеко не такимъ ретивымъ и ловкимъ, какъ нашъ пріятель Танъ-Чэнъ-Гуэй. Онъ даже былъ лѣнивъ и неповоротливъ; не зналъ, какъ оказалось, ни рѣки, ни окрестной мѣстности, что было для насъ вссьма непріятно, особенно для Матусовскаго, потому что онъ разсчитывалъ получать отъ лодочника различныя свѣдѣнія. Мы были въ высокой степени огорчены этимъ неудачнымъ выборомъ, но теперь ужъ надо мириться.

Идемъ впередъ. Надъ рѣкой и берегами разстилается густой туманъ; берега становятся выше, и ихъ уже можно назвать горами; на склонахъ ихъ повсюду виднѣются обработанныя поля и разсѣянные между ними домики, отдѣльные или стоящіе группами, а также деревни съ непремѣнными и иногда многочисленными кумирнями въ родѣ нашихъ часовенъ или образницъ. Почва на горахъ песчаноглинистая красновато-желтаго цвѣта, и она вмѣстѣ съ зелеными бамбуковыми рощами, сѣрыми или розовыми кумирнями, съ цвѣтущими деревьями мэй-хуа и фіолетовыми тѣнями, производитъ на глазъ очень пріятное впечатлѣніе. Начинаютъ попадаться и голыя скалы.

Рѣка очень оживлена безпрестанно встрѣчающимися лодками, но вода такъ мелка, что онѣ безпрестанно садятся на мель, и работа лямочниковъ становится тяжелѣе, какъ по причинѣ этихъ мелей, такъ и крутыхъ береговъ, по которымъ идетъ тропинка, проложенная собственно для нихъ; она проходитъ мѣстами по такимъ скаламъ, что движеніе черезъ нихъ возможно только благодаря высѣченнымъ въ нихъ ступенямъ; но эти ступени зачастую очень мелки, и на нихъ едва можно поставить ногу. Сегодня рабочимъ, тянувшимъ бечеву отъ нашей лодки, приходилось уже карабкаться, какъ козамъ, то взбираясь на скалы, то

спускаясь въ ущелья; а Тай-Гунъ цѣлый день сидитъ передъ нами на палубѣ и плететъ для чего-то канатъ изъ надранныхъ бамбуковыхъ пластинокъ, которыя самъ тутъ же и изготовляетъ. Оказывается, что съ помощью такаго (а не веревочнаго, какъ прежде) каната, привязаннаго къ верхушкѣ мачты, тянутъ здѣсь противъ теченія всѣ лодки: веревочные здѣсь недостаточно прочны, потому что теченіе воды здѣсь стало гораздо быстрѣе, и они легко перетираются о скалы.

Вечеромъ остановились на ночлегъ у крутаго песчанаго берега, наверху котораго расположено селеніе.

25 февраля, воскресенье.

Итакъ, мы вступили въ горы, которыя рѣка Хань прорѣзываетъ на большомъ пространствѣ. Это—хребетъ Цзунъ-Линъ-Шань. Цѣлый день шелъ дождь, то мелкій осенній, то крупный, какъ лѣтній ливень. Облака спустились низко и залегли на бокахъ горъ, испещренныхъ красноватыми и зелеными пашнями, между которыми блестятъ мѣстами мокрыя скалы голубовато-сѣраго цвѣта; на горахъ тутъ и тамъ разсѣяны кумирни и сложенныя изъ камня небольшія стѣны, поддерживающія площадки устроенныхъ террасами полей. Рѣка во многихъ мѣстахъ перерѣзана грядами торчащихъ изъ воды большихъ камней самыхъ причудливыхъ формъ и разнообразныхъ цвѣтовъ.

Просторной дали ужъ нигдѣ не видать; рѣка сжата со всѣхъ сторонъ высокими горами, и какая глубокая тишина царствуетъ здѣсь на ея замкнутыхъ, словно маленькія озера, изгибахъ. Только когда идетъ вверхъ по рѣкѣ большая лодка съ тяжелымъ грузомъ и большимъ количествомъ рабочихъ, крики послѣднихъ, повторяемые эхомъ береговъ, одни нарушаютъ безмолвіе рѣчной долины, и своимъ сходствомъ со стонами больныхъ производятъ на душу тяжелое впечатлѣніе. И хотѣлось бы, чтобы пароходы и локомотивы скорѣе избавили китайцевъ отъ подобнаго тяжкаго труда; а они боятся,—говорятъ, что тогда многимъ придется умирать съ голоду отъ недостатка работы; они предпочитаютъ самый тяжкій трудъ, готовы надрывать свои груди, изранивать руки и ноги, карабкаться съ опасностью жизни по каменнымъ утесамъ, только бы имѣть этотъ трудъ и за него кусокъ хлѣба для себя и своей семьи...

Но оставимъ политико-экономамъ разрѣшать мудреный вопросъ, что лучше — вводить или не вводить машины, — а сами будемъ

плыть дальше и наблюдать за измѣненіемъ береговъ. Передъ нами синѣютъ отдаленныя горы съ темною зеленью, какъ будто хвойныхъ лѣсовъ,—даже въ бинокль не различишь,—а на ближайшихъ горахъ словно задумчиво покачиваются ярко зеленыя пушистыя рощи изъ молодаго бамбука. Деревья мэй-хуа всѣ точно осыпаны розовыми цвѣтами... И это февраль!

На встрѣчу намъ часто попадаются лодки, и отъ китайцевъ, ѣхавшихъ въ одной изъ нихъ, мы узнали, что наша передняя лодка остановилась у ближайшаго города Цзюнь-Чжоу. Мы прошли еще нѣкоторое разстояніе; потомъ рѣка сдѣлала крутой поворотъ, и горы разступились: правый берегъ понизился и вытянулся въ видѣ длинной, ровной набережной, на которой возвышалась стѣна съ лѣпившимися около нея домиками предмѣстій, а за нею скрывался городъ Цзюнь-Чжоу [1]). Изъ-за его стѣны виднѣлись только верхнія части трехъ храмовъ съ ихъ типичными крышами, а внизу, у набережной, стояла цѣлая флотилія лодокъ; я смотрѣлъ въ бинокль и искалъ своихъ спутниковъ, но не находилъ ихъ такъ называемаго „Ноева-Ковчега“. Намъ сообщили, что они были здѣсь и, постоявъ очень недолго, прошли дальше. Наконецъ мы нашли ихъ; пристали тутъ же неподалеку сами и остались ночевать.

Ночь была очень темная; нѣсколько разъ начиналъ идти дождь; но на дворѣ не холодно, а въ лодкѣ было 13 градусовъ тепла; вода къ намъ не пробиралась, и потому ненастье насъ не тревожило.

26 февраля.

Тронулись въ путь чуть только стало свѣтать и скоро опять вошли въ горы, въ долинахъ которыхъ поднимался густой туманъ. Рѣка дѣлала частые повороты и потому въ каждой своей части представлялась какъ бы озеромъ, окруженнымъ горами, а характеръ послѣднихъ и зеленая вода рѣки очень напоминали мнѣ маленькія озера Швейцаріи; только тамъ не плаваютъ, какъ здѣсь, стада дикихъ утокъ, не проходятъ бамбуковые плоты и не движется столько грузовыхъ лодокъ, сколько здѣсь. Какъ ни густо населеніе въ Швейцаріи, тамъ все-таки не встрѣтишь на берегахъ озеръ столько деревень и фермъ, сколько видишь ихъ

[1]) Мѣстные жители называютъ его Цзынъ-Чжоу или Чжынъ-Чжоу, вѣроятно, по имени впадающаго здѣсь притока р. Цзынъ-Хо.

здѣсь, разсѣянныхъ почти на каждомъ шагу. Хотя на этой рѣкѣ и встрѣчаются тихія, какъ бы пустынныя, мѣста, но они только кажутся такими: стóитъ вглядѣться внимательнѣе, и тогда буквально на каждомъ аршинѣ вы найдете если не людей съ ихъ жилищами, то слѣды какого нибудь человѣческаго труда; а при разсматриваніи въ бинокль, даже въ мѣстности, повидимому совсѣмъ незаселенной, непремѣнно откроешь человѣческое жилище и гдѣ-нибудь увидишь хоть одного человѣка.

Во впадинахъ, на крутыхъ склонахъ горъ, китайцы устраиваютъ отвѣсныя каменныя стѣны въ родѣ плотинъ, какія дѣлаются для собиранія воды въ прудахъ, но они наполняютъ образующееся за плотиной углубленіе удобною для посѣвовъ землею, уравниваютъ ее въ видѣ горизонтальной площадки и получаютъ миніатюрныя поля. Точно такъ же повсюду на горкахъ можно найти работающихъ земледѣльцевъ; одни взрываютъ поля сильно изогнутой лопаткой, другіе полютъ огороды, и эти картины живописной природы и трудовой жизни людей, какъ въ панорамѣ, проходятъ передъ глазами плывущаго по рѣкѣ путешественника. И не оторвешься отъ нихъ, пока что-нибудь не отвлечетъ вниманія.

Вниманіемъ же нашимъ часто овладѣвалъ торчавшій, можно сказать, у насъ передъ носомъ, нашъ Тай-Гунъ. Сегодня онъ ужасно смѣшилъ меня. По временамъ, когда, напримѣръ, лодка сядетъ на мель и приходится сталкивать ее, онъ оставитъ плетенье своего безконечнаго каната, возьметъ въ руки длинный бамбуковый багоръ съ желѣзнымъ наконечникомъ и станетъ имъ помогать рабочимъ, которые гдѣ-то тамъ, далеко, идутъ въ горахъ, такъ что ихъ и не видно. Ухватившись за багоръ обѣими руками, онъ воткнетъ его въ дно рѣки, упрется ногами въ бортъ лодки, который обхватитъ ножными пальцами, словно руками, и такъ опрокинется весь, что совсѣмъ ляжетъ спиной на палубу, и при этомъ такъ закричитъ, какъ будто кто ему горячій ножъ воткнетъ. Это опрокидываніе на спину съ отчаяннымъ крикомъ совершается разъ, или нѣсколько, пока лодка не сойдетъ съ мели, и потомъ, тотчасъ послѣ этого страшнаго напряженія силъ и словно предсмертныхъ криковъ, издаваемыхъ въ лежачемъ положеніи, онъ встаетъ и съ совершенно спокойной, какъ всегда, нѣсколько улыбающейся физіономіей, молча садится за свое плетенье.

Чѣмъ дальше подвигались мы вверхъ по Хань-Цзяну, тѣмъ чаще и круче становились его повороты; горы по берегамъ все бо-

лѣе возвышались и мѣстами представлялись почти отвѣсными, такъ что часть рѣки между двумя такими поворотами казалась глубокой чашей воды изумруднаго цвѣта; а виды береговъ постепенно принимали болѣе величественный и дикій характеръ: сѣрыя скалы, подобно гигантскимъ стѣнамъ, опускались въ зеленую воду; другія торчали изъ нея разнообразными обломками, какъ близь береговъ, такъ и на самой срединѣ рѣки. Выше поднимались груды огромныхъ камней, нагроможденныя надъ другими такими же грудами, подобно ступенямъ гигантской разрушенной лѣстницы.

Скалы здѣсь по преимуществу сланцевой породы; обломки ихъ представляютъ громадныя плиты, и онѣ, смоченныя недавнимъ дождемъ, блестятъ, какъ отполированныя, и, отражая цвѣтъ неба, кажутся голубыми. Эти скалы и камни представляютъ разные оттѣнки зеленоватаго, голубовато-сѣраго и темно-фіолетоваго цвѣтовъ, а по нимъ растутъ ярко-зеленые мхи или черные лишайники...

Подобныя скалы поднимаются здѣсь на такую высоту, что, кромѣ ихъ, ничего больше не видишь; это какое-то царство камней, хаосъ разрушенія, какъ будто картина недавно бывшаго здѣсь землетрясенія; только кой-гдѣ покажется прилѣпившійся въ горахъ домикъ, да стѣны террасообразныхъ полей, а потомъ опять скалы и ихъ обломки. Но какъ все величественно и красиво! Куда ни поглядишь, вездѣ очаровательныя картины дикой природы, и не описывать, а рисовать слѣдовало бы ихъ; но мы шли мимо всего, ни передъ чѣмъ не останавливаясь.

Однако, какъ ни дики и неприступны кажутся съ лодки эти скалистые берега, по нимъ проходятъ тропинки для лямочниковъ; но по какимъ мѣстамъ пролегаютъ онѣ! Онѣ то вьются по отвалившимся, почти отвѣснымъ обломкамъ, то просѣчены въ скалахъ, или поддерживаются сложенными изъ камней стѣночками, подобными тѣмъ, какія поддерживаютъ пашни; въ иныхъ мѣстахъ спускаются на рѣчной песокъ къ самой водѣ, и потомъ снова взбираются на огромную высоту... Трудно и небезопасно пробираться по такой горной тропинкѣ даже совсѣмъ свободному человѣку, а лямочники идутъ по нимъ, таща и натягивая канатъ, на которомъ ведется тяжелая лодка; онъ безпрестанно встрѣчаетъ препятствія въ видѣ угловъ скалъ и камней, могущихъ легко перерѣзать его, и, чтобы этого не случилось, натянутый канатъ надо перебрасывать черезъ такіе камни, отводить отъ ост-

рыхъ граней скалъ, поднимать и опускать его; а канатъ постоянно натянутъ, какъ струна, сопротивленіемъ идущей противъ теченія лодки.

Вотъ — каторжная работа, хотя оффиціально и не считается такою! Но они и совершаютъ ее не какъ каторжную, а какъ будто даже съ удовольствіемъ. Я слѣдилъ за ними то простыми глазами, то въ бинокль, когда они были очень высоко, часто страшился за нихъ и изумлялся ихъ необычайной ловкости. Меня не разъ просто морозомъ осыпало, когда я видѣлъ, что канатъ, соскочивъ съ камня, сбивалъ съ ногъ какого-нибудь изъ рабочихъ, который передъ этимъ стоялъ на краю отвѣсной скалы! Но упавшій не летѣлъ внизъ съ высоты нѣсколькихъ десятковъ саженъ, а удерживался на мѣстѣ, неизвѣстно за что уцѣпившись тамъ своими руками или ногами. Ловкость этихъ людей, подобно сернамъ перескакивающихъ съ камня на камень, почти не глядя себѣ подъ ноги, бѣгущихъ то сверху внизъ, то снизу вверхъ, достигаетъ степени просто акробатскаго искусства; и я наконецъ пріобрѣлъ такую увѣренность въ нихъ, что потомъ совершенно пересталъ опасаться и даже вѣрить въ то, что кто-нибудь изъ нихъ можетъ оборваться и полетѣть внизъ.

Есть однако мѣста, гдѣ даже и эти люди-серны не могутъ пробраться; въ такихъ случаяхъ они собираютъ въ кольца канатъ и спускаются внизъ къ самой водѣ; лодка причаливаетъ къ берегу, рабочіе садятся на нее, быстро переходятъ на веслахъ къ другому берегу; тотчасъ выскакиваютъ на него одинъ за другимъ и опять бѣгутъ въ горы, распуская бамбуковую бечеву, и затѣмъ снова натягиваютъ ее, какъ струну. Какими крошечными кажутся они передъ этими горами и даже передъ обломками скалъ, когда смотришь на нихъ съ лодки.

Да, тяжелая жизнь выпала на долю этихъ бѣдняковъ!.. Но ей Богу, отраднѣе видѣть этого оборваннаго, не всегда сытаго работника, да беззаботнаго и веселаго, чѣмъ окруженнаго возможнымъ комфортомъ человѣка, снѣдаемаго тоскою о томъ, что онъ недостаточно богатъ и важенъ, худѣющаго и желтѣющаго отъ зависти, что многіе живутъ роскошнѣе и счастливѣе его... И китайцы,—я говорю о народѣ,—именно счастливы тѣмъ, что они, насколько я могъ замѣтить, чужды этой нравственной чахотки: ни ропота на судьбу, ни зависти не замѣчалъ я между китайцами рабочаго класса; каждый, повидимому, глубоко убѣж-

день, что все, что̀ есть и какъ есть, такъ именно и должно быть, и иначе быть не можетъ.

День клонился къ вечеру, когда къ намъ на встрѣчу вышла новая военная лодка съ солдатами и мандариномъ. Поровнявшись съ нами, они дружно привѣтствовали насъ крикомъ напоминавшимъ мнѣ наше „здравія желаю“; потомъ повернули назадъ и послѣдовали за нами.

Вскорѣ мы остановились на ночлегъ у подножія отвѣсныхъ скалъ, возлѣ небольшой площадки наноснаго песку, по которой очень пріятно было походить послѣ продолжительнаго сидѣнья въ лодкѣ за работой. Вѣдь мы съ утра до вечера почти не выходимъ изъ каюты.

Сойдя на берегъ и оглядѣвъ дикія каменистыя горы, я и тутъ разглядѣлъ нѣсколько домиковъ, прилѣпившихся къ скаламъ высоко надъ водою, подобно птичьимъ гнѣздамъ, и къ каждому изъ нихъ вилась снизу тропинка; не отшельники ли какіе, люди не отъ міра сего, забрались въ такую глушь? подумалъ я. Но нѣтъ, я увидалъ въ бинокль и здѣсь все тѣхъ же обыкновенныхъ китайцевъ. Ихъ заставляетъ селиться въ подобныхъ мѣстахъ то, что земля въ такихъ неприступныхъ горахъ раздается правительствомъ безплатно. Въ другомъ мѣстѣ, также на склонѣ горъ тутъ были устроены нѣсколько печей для обжиганія извести, и у каждой стояла крошечная хижинка живущихъ здѣсь рабочихъ.

Изъ другихъ живыхъ существъ въ этомъ мѣстѣ я видѣлъ только летучихъ мышей, которыя вились надъ рѣкой, отчего-то все на одномъ пространствѣ.

Наши усталые рабочіе усѣлись на пескѣ на корточкахъ и въ ожиданіи ужина съ наслажденіемъ сосали свои крошечныя трубочки съ промасленнымъ табакомъ. Они поужинали и улеглись спать на палубѣ, превративъ ее при помощи паруса въ палатку. Наконецъ все успокоилось.

27 февраля.

Уже ясно начинаютъ сказываться разные признаки весны; но весна здѣсь не имѣетъ той чарующей прелести, какою она бываетъ у насъ, потому что здѣсь ей не предшествуетъ наша долгая и суровая зима. Здѣсь зимы вовсе нѣтъ, и переходъ къ веснѣ совершается, такъ сказать, прямо отъ осени, да еще той поры ея, когда остается много зелени и даже маленькія рѣчонки

не успѣли замерзнуть. Поэтому здѣсь не радуютъ такъ сильно появляющіеся на деревьяхъ молодые листья и голоса пернатыхъ вѣстниковъ весны, которые въ настоящее время безъ умолку щебечутъ въ горахъ. Сегодня увидалъ первую ласточку.

Весна здѣсь уже въ полной силѣ. Почки на деревьяхъ позеленѣли; плакучія ивы распустили свои желтыя сережки и одѣваются молодой листвой; персиковыя деревья, груши и яблони въ полномъ цвѣту; зацвѣли многіе кустарники и травы, и надъ ними уже порхаютъ бабочки. Наступило золотое время для натуралиста-коллектора; но... опять тоже „но“,—мы проходимъ все мимо и мимо, не останавливаясь нигдѣ, кромѣ городовъ да ночлеговъ, а птицы и бабочки мало живутъ въ городахъ и засыпаютъ каждый вечеръ раньше натуралистовъ.

Мы приближались къ городу Юнь-Янъ-Фу, и неизвѣстно для чего городъ былъ увѣдомленъ о нашемъ прибытіи пушечнымъ выстрѣломъ, сдѣланнымъ съ военной лодки; развѣ чтобъ всполошить его жителей.

Онъ расположенъ на возвышенномъ лѣвомъ берегу, укрѣпленномъ во многихъ мѣстахъ искусственными набережными, а внизу у рѣки находится большая песчаная площадь изъ наноснаго песку. Собственно самаго города съ рѣки не видно, потому что онъ за стѣной; а около нея лѣпятся домики предмѣстій, расположенные ярусами въ нѣсколько рядовъ, и между ними зигзагами проходятъ снизу до верху каменныя лѣстницы.

Вѣсть о нашемъ пріѣздѣ сюда пришла, конечно, давно, и теперь пушечный выстрѣлъ послужилъ только сигналомъ къ тревогѣ; и дѣйствительно онъ мигомъ поднялъ на ноги весь городъ. Движеніе поднялось страшное; люди посыпали, какъ муравьи разрытой кочки, изо всѣхъ переулковъ, изо всѣхъ воротъ, дверей, щелей, выскочили на балкончики, высунулись, въ окна, и цѣлыя толпы летѣли внизъ по лѣстницамъ, мчались рысью по упомянутой песчаной площади, мимо которой еще проходили наши лодки, готовясь пристать къ берегу. Народъ кричалъ и хохоталъ; нѣкоторые прыгали, выкидывая въ воздухѣ колѣна, и всѣ радовались, какъ будто теперь совершилось то, чего они давно желали, отъ чего зависѣло все ихъ счастіе.

Съ праваго берега рѣки, гдѣ расположено многолюдное селеніе, съ безпримѣрнымъ рвеніемъ переправлялись черезъ рѣку лодки, до нельзя наполненныя людьми. Однѣ изъ нихъ подплывали къ намъ, шли съ нами рядомъ, и сидѣвшіе въ нихъ гля-

дѣли на насъ во всѣ глаза, которые, казалось, готовы были выскочить изъ-за вѣкъ; другія лодки высаживали своихъ пассажировъ на лѣвый берегъ и увеличивали безъ того громадную толпу сбѣжавшихся зрителей. Никто еще не зналъ, въ какомъ мѣстѣ причалятъ къ берегу наши лодки, и потому всѣ медленно подвигались рядомъ съ нами, причемъ каждый видимо заботился о томъ, чтобъ не прогадать какъ-нибудь,—получить хорошее мѣсто.

Наконецъ мы остановились... И что за любопытное зрѣлище представлялъ этотъ берегъ моимъ глазамъ, когда я смотрѣлъ на него съ палубы своей лодки!

До сихъ поръ еще ни въ одномъ городѣ не собиралось такой необозримой толпы любопытныхъ зрителей, какая стояла передъ нами теперь. На всемъ отлогомъ берегу, отъ самыхъ нашихъ лодокъ вплодь до основанія набережной города, не осталось буквально ни одной четверти аршина свободнаго мѣста; и наблюдатель, находившійся, подобно мнѣ, на лодкѣ, не могъ ничего видѣть, кромѣ лицъ,—цѣлые десятки тысячъ китайскихъ лицъ, глаза которыхъ всѣ были обращены въ одну точку,—на лицо пріѣзжаго заморскаго гостя.

Полюбовавшись на этотъ огромный, разстилавшійся передо мною пестрый коверъ изъ открытыхъ лбовъ, черныхъ глазъ, сплюснутыхъ носовъ, выдающихся скулъ и большею частью открытыхъ ртовъ, я кликнулъ бывшую вблизи маленькую туземную лодку съ двумя китайцами, взялъ одного изъ полицейскихъ, уже приставленныхъ къ нашимъ лодкамъ для охраненія, отплылъ отъ берега, остановившись, набросалъ рисунокъ части набережной города и вернулся на свою лодку, когда уже стемнѣло. Чрезвычайно учтивые полисмены провожали меня, подсаживали и поддерживали, словно архіерея, подъ руки.

28 февраля.

Утро. Небо облачно, но солнце проглядываетъ между облаками; вскорѣ потомъ послѣднія совсѣмъ разсѣялись, и оно стало грѣть, какъ лѣтомъ.

Къ намъ явились съ визитами два мѣстныхъ мандарина, бесѣда съ которыми, сколько нибудь интересная и дѣльная, оказалась рѣшительно невозможною вслѣдствіе взаимнаго непониманія другъ друга. Приходилось занимать гостей, показывая имъ кой-что, и слава Богу, что они живо интересовались всякими бездѣлицами, которыя были имъ незнакомы. Такъ, напримѣръ, они

пришли въ восторгъ отъ моего толстаго шерстянаго одѣяла и дорожной сумки съ туалетными принадлежностями; а также выручали меня всегда и вездѣ занимавшіе всѣхъ мои рисунки.

Такъ какъ сегодня рѣшено еще остаться здѣсь, то мы съ Матусовскимъ отправились въ городъ, въ сопровожденіи двухъ солдатъ и повалившей за нами толпы народа. Улицы были грязны отъ недавнихъ дождей; подниматься въ гору по глинистымъ, немощенымъ переулкамъ было очень трудно, и солдаты, видя это, безъ нашей просьбы сами поддерживали насъ подъ руки.

Въ улицахъ Юнь-Янъ-Фу мы не встрѣтили ничего особенно интереснаго или оригинальнаго, кромѣ одной небольшой кумирни съ помѣщавшейся внутри ея, какъ говорили, очень древней статуей какаго-то идола. Онъ сдѣланъ изъ глины, смѣшанной съ паклей; формы его довольно пропорціональны и правильны, лицо благообразно, а костюмъ напоминаетъ отчасти древне-рыцарскій.

Окруженные толпой, мы остановились передъ открытой кумирней, и я сталъ дѣлать рисунокъ статуи; намъ сейчасъ принесли скамейку, сзади которой и съ боковъ помѣстились зрители. Между ними оказался нѣкто Чэнъ—художникъ, какъ отрекомендовали его мнѣ; этотъ несчастный былъ нѣмъ и очень безобразенъ собою. Я посадилъ его около себя и началъ работу. Всѣ, кто могъ видѣть, восхваляли мой рисунокъ, а бѣдняга-художникъ былъ восхищенъ больше всѣхъ, что онъ выражалъ разными безсвязными звуками и низкими поклонами... Что чувствовала его на вѣки замкнутая душа? Подъ вліяніемъ какихъ мыслей или чувствъ у него навернулись на глазахъ слезы?... Я окончилъ рисунокъ; Чэнъ сталъ насупротивъ и смотрѣлъ на меня не сводя глазъ, какъ будто на святыню какую.

Когда я хотѣлъ закурить папиросу и попросилъ огня, онъ взялъ меня за руку и съ выраженіемъ большаго почтенія провелъ въ свою комнату, которая находилась тутъ же вблизи, при сосѣдней кумирнѣ, и, усадивъ насъ съ Матусовскимъ, тотчасъ принесъ огня. Я попросилъ его показать что-нибудь изъ своихъ работъ; онъ законфузился, покраснѣлъ, отрицательно помахалъ рукой и не хотѣлъ показывать; наконецъ, послѣ новой просьбы, досталъ кусокъ коленкора, сложенный на подобіе географической карты, и развернулъ его. На немъ были изображены имъ какія-то сцены, составленныя изъ мелкихъ фигурокъ обыкновеннаго китайскаго рисованія и съ непремѣннымъ текстомъ внизу. Я

похвалилъ работу, но онъ отрицательно покачалъ головой и, указывая на меня, поднималъ правую руку и большой палецъ кверху.

Мы простились, но онъ далеко проводилъ насъ, знаками приглашая толпу къ выраженію намъ самаго большаго почтенія, и долго потомъ стоялъ на одномъ мѣстѣ, все смотря намъ вслѣдъ и кланяясь,—точно онъ старыхъ друзей провожалъ навсегда на чужую сторону... Странное впечатлѣніе иногда приходится производить на людей при самой мимолетной встрѣчѣ!

На обратномъ пути мы прошли мимо кладбища, расположеннаго на пригоркѣ, ничѣмъ не огороженнаго и усѣяннаго множествомъ однообразныхъ могилъ, сложенныхъ изъ камня и формою напоминавшихъ юрты въ маленькомъ видѣ. Затѣмъ черезъ одинъ узенькій переулокъ между высокими глухими стѣнами мы вошли на набережную, откуда, благодаря ея высокому положенію, передъ нами открылся обширный и чрезвычайно живописный видъ. Внизу у нашихъ ногъ разстилался городъ съ его стѣною, красивыми крышами, зелеными деревьями, хорошенькими двориками и изящными воротами. Дальше за городомъ, и гораздо ниже его спокойно катилась изумрудно-зеленая рѣка съ фіолетовыми пятнами тѣней, упавшихъ отъ облаковъ; за рѣкой на возвышенномъ противоположномъ берегу тянулись гряды холмовъ съ пестрѣвшими на нихъ полями и селеніями.

Постоявъ немного на этомъ возвышенномъ мѣстѣ и пожалѣвъ, что всего не срисуешь, не заберешь съ собой, мы вернулись домой, и вскорѣ къ намъ пріѣхалъ съ визитомъ еще одинъ изъ мѣстныхъ мандариновъ,—начальникъ войскъ, расположенныхъ въ Юнь-Янъ-Фу. Этотъ визитъ былъ интереснѣе, потому что съ нимъ были трое его дѣтей: дѣвочка лѣтъ десяти, на очень маленькихъ ножкахъ, дѣвочка лѣтъ пяти и мальчикъ лѣтъ трехъ; они были одѣты въ шелковыя платья, толсто подбитыя ватой, въ расшитыя золотомъ шапочки и нарядные башмаки. Дѣти были здоровыя на видъ, вовсе не выражали передъ нами страха и были очень обрадованы, когда получили отъ насъ по нѣсколько конфектъ въ хорошенькихъ бумажкахъ съ картинками. Даже старшая дѣвочка нисколько не была застѣнчива.

Послѣ полудня оставили городъ, и, когда проходили мимо стоявшихъ близъ него лодокъ, я увидалъ на одной изъ нихъ, которая была самыхъ большихъ размѣровъ, нашихъ новыхъ знакомыхъ—дѣтей бывшаго у насъ мандарина. Увидавъ нашу лодку, старшая дѣвочка торопливымъ шагомъ ушла въ каюту, и черезъ

минуту изъ дверей ея выглянула дама, вѣроятно ея мать; она хотя не показалась на палубѣ, но и не пряталась отъ насъ. Въ домашнемъ костюмѣ и некрасивая, она ничѣмъ не отличалась отъ простолюдинокъ; только ея голова была изящно причесана и украшена серебряными булавками и цвѣтами.

Скоро мы были уже далеко отъ города, а многіе китайцы все еще продолжали стоять и смотрѣть намъ въ слѣдъ.

День былъ очень теплый, и рабочіе сегодня одѣлись въ однѣ рубашки, которыя на многихъ были дырявыя; одни были совсѣмъ безъ шапокъ, на другихъ появились лѣтнія шляпы. Въ воздухѣ безпрестанно носились ласточки; на рѣкѣ встрѣчались большія стаи дикихъ утокъ различныхъ породъ; бакланы часто пролетали надъ рѣкой, то сидѣли на камняхъ, или плавали и ныряли за добычей; по берегамъ бродили кулики. Сегодня въ первый разъ я услыхалъ крикъ лягушекъ, которыя, вѣроятно, засыпали на зиму или просто скромно вели себя въ зимнее время, отчего ихъ не было слышно.

Горы отошли отъ рѣки, и теченіе воды стало спокойнѣе; рѣка въ этой части мельче, такъ что мы шли при помощи шестовъ, и однимъ изъ нихъ случайно ушибли какую-то большую рыбу въ родѣ щуки, которая долго билась на поверхности воды... Поднялся шумъ, крики: лови! держи ее! Степановъ мигомъ раздѣлся и бросился въ воду догонять рыбу; но мы шли скоро, и ее отнесло теченіемъ далеко внизъ, такъ что догнать ее ему не удалось.

Вдоль береговъ опять потянулись почти непрерывной нитью селенія; изъ нихъ выходили на берегъ жители, мужчины, дѣти и женщины, между которыми встрѣчалось много и молодыхъ, съ особенной прической, состоявшей въ томъ, что коса складывается по длинѣ въ три раза и потомъ, перевязанная по срединѣ, укрѣпляется на затылкѣ въ видѣ изогнутой лодочки.

Мы остановились на ночлегъ у низкаго песчанаго берега, за которымъ на возвышеніи было расположено селеніе, и китайцы, увидавъ наши лодки, направились было къ намъ; но число ихъ было не велико и они, видимо, шли не смѣло. Я ходилъ по берегу и замѣтилъ, что когда я шелъ по направленію къ нимъ, они всякій разъ останавливались и, если я продолжалъ идти въ ихъ сторону, поворачивали назадъ; а мы находились другъ отъ друга по крайней мѣрѣ на разстояніи полутораста шаговъ. Я наконецъ пошелъ прямо къ нимъ, и они такъ пустились бѣ-

жать, какъ будто къ нимъ подходилъ настоящій чортъ. Такъ и ушли домой,—не вернулись; да и сумерки ужъ наступили.

Я бродилъ по берегу въ ожиданіи ужина и чаю... Тихій теплый вечеръ, свистъ куликовъ и отдаленный крикъ лягушекъ разбудили въ душѣ раннія дѣтскія воспоминанія о родныхъ рощахъ и заросшихъ водяными растеніями прудахъ, когда я впервые познакомился съ ними и безотчетно, всею душою, полюбилъ ихъ. Я собиралъ въ нихъ первыя растенія, камни и животныхъ для своего акваріума; тамъ мальчишкой стрѣлялъ первыхъ птицъ и дѣлалъ изъ нихъ чучела. И жаль мнѣ этихъ рощъ и этихъ дѣтскихъ лѣтъ, и дѣтскихъ грезъ. Вспомнишь о нихъ и загрустишь. А что толку изъ этой грусти! Не радъ я ей и самъ; да, видно, себя не пересоздашь...

За работу скорѣй, ибо въ ней одной источникъ всякихъ человѣческихъ силъ и если не душевнаго спокойствія, то хоть забытья.

Смотрю вотъ на спутника Матусовскаго и любуюсь на него. Сидитъ онъ себѣ и распрашиваетъ черезъ казака нашего лодочника, записываетъ свѣдѣнія объ удобреніяхъ, хлѣбахъ, цѣнахъ дорогахъ, провозной платѣ и тому подобныхъ предметахъ; и ничего не хочетъ знать, кромѣ полезной работы. Для него изумрудно-зеленая рѣка есть болѣе или менѣе пригодный путь сообщенія, который надо на нести на карту и промѣрить; одѣтыя ночною темнотою горы на противоположномъ берегу съ ихъ стоголосымъ эхомъ суть возвышенности, которыя слѣдуетъ отмѣтить, чтобы знать, гдѣ онѣ есть и гдѣ ихъ нѣтъ; горящія въ небѣ звѣзды и молодая луна, отраженіе которой трепещетъ въ бѣгущей съ шумомъ рѣкѣ, суть свѣтила, которыя можно наблюдать для опредѣленія долготъ и широтъ данныхъ мѣстъ на земной поверхности. Куликовъ онъ не слышитъ, а лягушки, по его, суть дрянь, которую и въ руки взять гадко; издали же пусть онѣ себѣ кричатъ сколько имъ угодно, потому что онѣ ему заниматься не мѣшаютъ.

— Но на землѣ должны быть и кулики, и лягушки, и люди всѣхъ сортовъ, говорилъ онъ.

1 марта.

Сѣрый день. Небо покрыто тучами; дуетъ вѣтеръ; температура + 10° Р.

Русло рѣки опять стало уже, и теченіе быстрѣе; посреди ея опять стали встрѣчаться торчащія изъ воды скалы гранита и

сланца. Много лодокъ идетъ намъ на встрѣчу, и ѣдущіе на нихъ китайцы сидятъ себѣ преспокойно, задумчиво, ни на что не глядя и ни чѣмъ не интересуясь, потому что имъ, конечно, уже все извѣстно, все надоѣло; и они убѣждены, что ничего новаго здѣсь, на Хань-Цзянѣ, имъ не встрѣтить. Вотъ ѣдутъ, напримѣръ, двое въ лодкѣ, причаливаютъ къ берегу и останавливаются; одинъ ушелъ въ каюту, другой лежитъ ничкомъ на палубѣ и что-то жуетъ. Проходитъ мимо наша лодка, на которую онъ, разумѣется, не смотритъ и продолжаетъ себѣ ѣсть; взглядъ его блуждаетъ безсознательно отъ неба къ водѣ, отъ воды къ горамъ; а его мысли, очевидно, заняты чѣмъ-то другимъ. Но вотъ совершенно случайно, его глаза остановились на нашей лодкѣ... Нужно видѣть мгновенное преображеніе его физіономіи! Жевавшія челюсти остановились, ротъ остался полуоткрытымъ, глаза дѣлаются больше, больше и постепенно осмысливаются; онъ уже смотритъ пристально, сдвинувъ брови. Проходитъ нѣсколько секундъ столбняка; онъ вдругъ оживляется и съ поспѣшностью обращается къ своему товарищу съ вопросомъ, въ которомъ слышно и безграничное удивленіе, и удовольствіе, и недовѣріе къ тому, правда ли это или сонъ.

— „Янъ-Жень?! (Заморскіе люди?!) обращается онъ съ вопросительнымъ восклицаніемъ къ нему или къ самому себѣ. Другой, какъ ужаленный, выскакиваетъ изъ каюты, и на его лицѣ послѣ момента удивленнаго вниманія наступаетъ моментъ удовольствія и веселья. Они ужъ оба хохочутъ, говорятъ быстро непонятныя слова и потомъ громкими криками объявляютъ всѣмъ, кто находится въ данной части рѣки и кто можетъ слышать, о появленіи на рѣкѣ заморскихъ людей.

Вскорѣ мы остановились, чтобъ обождать другую лодку, оставшуюся далеко позади. Матусовскій отправился съ казакомъ измѣрять ширину рѣки, а я сталъ собирать на берегу растенія, отбилъ отъ скалъ нѣсколько образцовъ горныхъ породъ и возвратился на лодку, возлѣ которой собралось нѣсколько поселянъ изъ стоявшихъ неподалеку домиковъ, а также пассажировъ съ чужихъ сосѣднихъ лодокъ; нѣкоторые взошли даже къ намъ на палубу, откуда ихъ не прогнали, потому что ихъ было не много, и они держали себя весьма скромно и вѣжливо.

Я зналъ уже достаточное количество наиболѣе употребительныхъ китайскихъ словъ, чтобъ очень часто понимать о чемъ идетъ разговоръ, тѣмъ болѣе, что его предметъ и бесѣды по

поводу его у туземцевъ были почти одни и тѣ же. На этотъ разъ китайцы толковали о моей сигарѣ, о томъ, что́ она такое,—табакъ или не табакъ, крѣпкій или не крѣпкій, и, понюхавъ дымъ, рѣшили, что это „листья заморскаго табаку и очень крѣпкаго“. Я отдалъ сигару близъ стоявшему китайцу, чему онъ ужасно обрадовался, и, поблагодаривъ, сейчасъ же попробовалъ, закашлялся и передалъ другимъ, которые всѣ заразъ протягивали свои руки, спѣша скорѣе поймать диковину и попробовать. Она пошла по рукамъ; всѣ затягивались, кашляли до слезъ и, кашляя, говорили: ужасно крѣпкій табакъ! Но нѣкоторые пробовали покурить еще и опять кашляли до слезъ и рѣшили возвратить сигару мнѣ, вѣроятно предполагая, что я стану продолжать курить ее.

Уложивъ собранныя здѣсь растенія, я вышелъ на берегъ и сталъ смотрѣть въ бинокль на красивую кумирню сѣраго цвѣта съ бѣлыми украшеніями, расположенную среди зеленой рощицы. Она походила издали на богатую виллу. Китайцы заговорили о биноклѣ, называя его заморскими очками (инъ-янь-цзинъ), неизвѣстно почему хвалили его и, разумѣется, выражали желаніе посмотрѣть въ эти „хорошіе заморскія очки“. Мнѣ пріятно было доставить имъ это удовольствіе; они смотрѣли и радовались, и удивлялись, какъ дѣти, особенно поражаясь тѣмъ, что одни и тѣ же очки показываютъ предметы то большими, то маленькими, то очень близко, то очень далеко.

Всѣ находившіеся тутъ были бѣдно одѣты, но всѣ отличались чрезвычайно учтивымъ обращеніемъ и, если вѣрить первому впечатлѣнію, казались очень добродушными людьми, какими вообще представлялись мнѣ китайцы, когда они не собирались въ большую толпу.

Побродивъ еще по берегу, я вернулся въ лодку; нѣсколько человѣкъ опять взошли на палубу и издали смотрѣли на меня, на мои занятія и, садясь на корточки, заглядывали въ нашу каюту. На этотъ разъ между взрослыми были и дѣти,—явленіе рѣдкое, потому что послѣднія большею частью чувствовали передъ нами непреодолимый страхъ: они были робки и осторожны, какъ птички, которыя пока не оглядятся, пока ихъ не прикормишь, ни за что не рѣшаются подходить близко; эти же, къ моему удивленію, почти или совсѣмъ не боялись. Между ними была дѣвочка лѣтъ десяти или одиннадцати, и появленіе такой взрослой дѣвочки, чужой, на нашей лодкѣ было ужъ совсѣмъ

необыкновеннымъ явленіемъ, да и сама она оказалась необыкновенной. Она просто поразила меня, привыкнувшаго видѣть въ китаянкахъ забитыхъ, запуганныхъ существъ, робкихъ до дикости и спасающихся отъ иностранца, какъ отъ звѣря.

Эта дѣвочка, по имени Сяо-Бярръ, [1]) была смѣла и бойка, какъ европейская барышня, часто бывающая въ обществѣ постороннихъ людей; обращеніе ея было рязвязно, даже игриво, и въ немъ проглядывала не малая доля кокетливости. Лицомъ она была ни дурна, ни красива, не была особенно типична для китаянки, но чрезвычайно мила, и мнѣ вздумалось нарисовать ея портретъ; но я боялся, что она, замѣтивъ, сейчасъ уйдетъ, а потому хотѣлъ сдѣлать это тайкомъ отъ нея, чтобъ она не знала, что съ нея рисуютъ. Началъ, но безъ особеннаго старанія, потому что, думалъ,—все равно не кончу,—не досидитъ, убѣжитъ. Но оказалось, что съ такой живой и подвижной особы не нарисуешь портрета безъ ея вѣдома, и, такъ какъ терять было нечего, еслибъ она ушла, я рѣшился попросить ее присѣсть и посидѣть смирно, объяснивъ зачѣмъ. Она стояла въ раздумьи...

— Сядь, сядь, Сяо-Бярръ, садись! заговорили стоявшіе подлѣ китайцы.

Она согласилась и хотѣла сѣсть тамъ, гдѣ стояла и откуда мнѣ было бы вполнѣ удобно ее рисовать; но мои слишкомъ усердные помощники подняли ее и посадили у меня передъ самымъ носомъ, что было уже слишкомъ большою смѣлостью даже и для такой рѣзвушки, какъ Сяо-Бярръ. Она сѣла, но, почувствовавъ смущеніе отъ близости къ себѣ заморскаго чорта, опустила глаза внизъ; черезъ минуту однако смущеніе прошло; она только отвлекалась, слѣдя за карандашомъ, что мнѣ мѣшало, и я долженъ былъ нѣсколько разъ просить ее смотрѣть на меня.

— Кань-уо́! (посмотри на меня) скажу ей.

— Кань-лё! (посмотрѣла) непремѣнно отвѣтитъ она, исполнивъ просьбу, но тотчасъ опять глаза внизъ и глядитъ на бумагу.

— Смотри на меня, Сяо-Бярръ!

— Посмотрѣла, опять повторяетъ шалунья и взглянетъ—точно вопьется, въ самые зрачки, причемъ улыбнется чуть замѣтно, а своимъ глазамъ придастъ самое плутовское выраженіе.

Ну, ошибкой ты родилась въ Китаѣ, подумалъ я, или мы были ошибочнаго мнѣнія о китаянкахъ; а Матусовскій, смотря на

[1]) Только звукъ р, какъ и вообще въ китайскихъ словахъ, нужно произносить какъ англійскій г, т.-е. какъ намекъ на р.

нее, даже произнесъ: „Вотъ бѣдовый чертенокъ! Молодецъ—дѣвка“!

Чертенокъ, можетъ быть, усталъ, или его живой натурѣ надоѣло сидѣть неподвижно, и онъ началъ шалить, чтобъ мѣшать работѣ.

— Посмотрѣла!—вдругъ протяжно, какъ бы о чемъ-то задумавшись, произнесетъ она, когда ее и не просили смотрѣть, и взглянувъ, улыбнется какъ-то однимъ глазомъ. Потомъ опуститъ голову, точно вдругъ грустна станетъ, и задумается.

— Тай-тоу! (подними голову) скажешь ей; она возьметъ и задеретъ ее кверху, такъ что покажетъ шею.

— Ванъ-ся-и-дяръ! (немножко внизъ!)

Она совсѣмъ спрячетъ ее въ плечи и въ свою ватную кофточку, такъ что я принужденъ былъ рукою приводить ея голову въ должную позу. Сверхъ ожиданія и это ни мало не смутило ея.

Ей наскучило сидѣть, и она стала дѣлать капризныя гримасы, поворачивала голову въ разныя стороны и стучала своей маленькой ножкой, что-то бормоча про себя. Я не понялъ ея словъ и нарочно не спрашивалъ, торопясь скорѣе окончить портретъ; и когда она уже могла узнать себя, я показалъ его ей, сказавъ, что сейчасъ кончу. Она самодовольно улыбнулась, а стоявшіе возлѣ катайцы закричали:

— „Сяо-Бярръ, Сяо-Бярръ! И-го-янъ! (одинъ образъ) и хохотали отъ удовольствія.

Черезъ нѣсколько минутъ портретъ былъ оконченъ и я позволилъ дѣвочкѣ встать и, отпуская ее, хотѣлъ было подарить ей что-нибудь на память, для чего попросилъ обождать одну минуту; но она, вѣрно, не поняла, можетъ быть подумала, что ее опять посадятъ, спрыгнула на берегъ и ушла къ своей лодкѣ, стоявшей неподалеку отъ нашей. Оказалось, что она ѣхала съ своими отцомъ и матерью въ Хань-Коу, и что они также остановились здѣсь на ночлегъ. Отецъ ея былъ купецъ изъ провинціи Сы-Чуань, жители которой, по словамъ путешественника барона Рихтгофена, отличаются наибольшимъ здравымъ смысломъ и менѣе всѣхъ заражены предразсудками относительно иностранцевъ; и хотя по одному образцу не судятъ, Сяо-Бярръ все-таки блестящимъ образомъ доказала справедливость его замѣчанія.

Мы не знали, что̀ предпринять, и все стояли въ ожиданіи отставшей лодки. Наступали сумерки, небо заволокло тучами, горы покрылись туманомъ и пошелъ мелкій дождь. Наконецъ пришла

военная лодка, а нашихъ спутниковъ все не было. Командиръ ея пришелъ къ намъ и, судя по его поведенію, пришелъ просто такъ посидѣть, безъ всякаго дѣла.

Это былъ маленькій, худенькій человѣкъ, судя по лицу,—записной курильщикъ опія. Войдя въ нашу каюту онъ, противъ обыкновенія, не заговорилъ тотчасъ, не сказалъ ни одного обычнаго привѣтствія, а молча и необыкновенно серьезно сдѣлалъ двумя пальцами подъ козырекъ, хотя послѣдняго собственно не имѣлось на его шапочкѣ; онъ принялся разсматривать и трогать каждую не китайскую вещь, пробовать, нюхать,—и все это дѣлалъ молча, все хвалилъ, но и хвалилъ не словами, а жестами. И если бы я не слыхалъ раньше, что онъ говоритъ, его бы можно было принять за нѣмаго; своими же движеніями, отрывистыми и быстрыми, онъ ужасно напоминалъ извѣстнаго звѣрка, похожаго на человѣка. Изслѣдовавъ буквально всѣ наши вещи, бывшія на виду, изрѣдка спрашивая объясненія объ ихъ употребленіи, онъ наконецъ простился и скоропостижно ушелъ домой.

Вскорѣ прибыла отставшая или лучше сказать отстающая лодка, и мы, разумѣется, остались здѣсь ночевать, такъ какъ уже наступала ночь.

2 марта.

Наступилъ пасмурный и дождливый день. Виды береговъ очень живописны; но чувствуешь, какъ мозгъ утомляется отъ быстрой перемѣны впечатлѣній и особенно отъ поверхностнаго отношенія рѣшительно ко всему...

Сегодня въ береговыхъ скалахъ, высоко надъ рѣкой, встрѣчалось много какихъ-то черныхъ отверстій, имѣющихъ форму и величину дверей съ округленнымъ верхнимъ краемъ. Мѣстами они находятся на близкомъ другъ отъ друга разстояніи, какъ гнѣзда береговыхъ ласточекъ, то встрѣчаются разсѣянными по одиночкѣ. Мы узнали отъ лодочниковъ черезъ нашего казака, что эти двери ведутъ въ пещеры, высѣченныя въ скалахъ, и что въ нихъ жили въ древнія времена отшельники, спасавшіеся будто бы въ этихъ уединенныхъ и неприступныхъ мѣстахъ отъ соблазновъ міра сего. Но на сколько справедливы эти показанія и переводъ чужихъ словъ—я не знаю.

Такъ и ко всему привыкъ я относиться съ недовѣріемъ или по крайней мѣрѣ съ неполною вѣрою, а потому усиленно училъ китайскія слова, чтобъ имѣть возможность самому, если не го-

ворить, то хоть контролировать переводчика, и эти занятія шли особенно успѣшно въ такую ненастную погоду, какая стояла послѣдніе дни.

Дождь мороситъ цѣлый день, и изъ лодки совсѣмъ не выходишь; главное же неудобство такой погоды было въ томъ, что растенія въ моемъ гербаріи не высыхали, и если не гнили, то покрывались плѣсенью, чернѣли и почти погибали. Отсырѣвали и портились другія вещи, и хотя нашъ казакъ, которому поручено было осмотрѣть чемоданы, лежавшіе въ трюмѣ, докладывалъ что—„настоящей мокроты въ лодкѣ нѣтъ, что это только такъ, отъ сыраго запаха сквозитъ, значитъ сырость пронизаетъ“; тѣмъ не менѣе многія вещи порядочно пострадали: табакъ заплѣснѣлъ, взятый запасъ рису отсырѣлъ, бумага покрывалась пятнами и т. п.

Мы медленно подвигаемся впередъ. Матусовскій дѣлаетъ съемку и разспрашиваетъ у лодочника разныя подробности о рѣкѣ Хань. Ему помогаетъ, какъ переводчикъ, урядникъ Смокотнинъ и часто забавляетъ насъ оригинальными выраженіями въ родѣ приведенныхъ,—напримѣръ что „въ десятой лунѣ вода въ рѣкѣ на почву садится, а ея самый сильный игръ бываетъ въ седьмой и осьмой лунѣ“. Прессъ онъ называетъ „присомъ“, палубу—„пагубой“, матрацъ—„матросомъ“, вермишель—„дермишелью“, бульонъ—„бѣльеномъ“ и т. п., а слово сумма произноситъ такъ, какъ будто буква м, повторяется въ немъ не два, а четыре раза. Во всякомъ случаѣ Смокотнинъ былъ для насъ неожиданнымъ „дивнымъ даромъ небесъ“, какъ онъ у насъ назывался: онъ былъ толковый человѣкъ и вслѣдствіе постояннаго упраженія въ разговорѣ и частыхъ справокъ въ словарѣ, который я подарилъ ему, онъ сталъ очень порядочно говорить по-китайски въ извѣстной области и много помогалъ Матусовскому при собираніи имъ географическихъ свѣдѣній. Къ сожалѣнію, онъ не могъ быть моимъ помощникомъ, потому что для моихъ цѣлей требовалось болѣе тонкое знаніе языка.

Вторымъ неожиданнымъ даромъ небесъ явилась для насъ новая лодка начальника,—тѣмъ что она умѣряла его пылъ въ стремленіи впередъ безъ оглядки и безъ остановокъ: она шла гораздо медленнѣе нашей, часто отставала, и это давало намъ возможность иногда выходить на берегъ и хоть урывками что-нибудь собрать, посмотрѣть и срисовать. Сосновскій упустилъ это изъ вида и приходилъ въ негодованіе, видя, что мы получили возмож-

ность работать больше, чѣмъ это возможно было дозволить по его соображеніямъ.

Походить собственно ради движенія мы могли только на ночлегахъ, и хотя я ужасно не люблю классическихъ прогулокъ „для моціона“, но ихъ надо было дѣлать послѣ дневнаго сидѣнія въ лодкѣ; и я, чтобъ не такъ скучно было, бралъ съ собою гармонику и, когда постороннихъ зрителей не было, наигрывалъ попури изъ всего, что̀ приходило на память.

Такъ и сегодня на ночлегѣ я заигралъ на этомъ, совершенно неизвѣстномъ для жителей центральнаго Китая, инструментѣ. Знакомый читателямъ мандаринъ, похожій на обезьянку, и одинъ солдатъ съ военной лодки, прислушавшись откуда раздавалась музыка, прибѣжали ко мнѣ и, усѣвшись на корточки, начали заглядывать въ гармонику съ боковъ, и снизу, и сверху, причемъ не разъ стукнулись головами во время этого осмотра; но, вовсе не замѣчая этого, продолжали удивляться и изучать „чудесный инструментъ“. Чиновничекъ опять молча, быстро и отрывисто нѣсколько разъ показалъ мнѣ большой палецъ въ знакъ похвалы, потомъ такъже быстро схватилъ было гармонику и потянулъ изъ монхъ рукъ; но я, не желая допускать въ обращеніи съ собою излишней фамильярности, молча отстранилъ его руки. Онъ понялъ и тотчасъ вѣжливо попросилъ позволенія посмотрѣть. Долго разсматривалъ онъ, заглядывалъ однимъ глазомъ всюду, куда можно было заглянуть, осмотрѣлъ, когда не игралъ, смотрѣлъ играя,—и наконецъ возвратилъ мнѣ ее, сказавъ: „не понимаю“. Я объяснилъ ему устройство и онъ долго потомъ стоялъ и слушалъ и все просилъ поиграть еще и еще. Гармоника въ Китаѣ можетъ быть весьма интереснымъ подаркомъ, а стоитъ порядочная всего рублей пять, десять.

3 марта.

Дулъ порядочный попутный вѣтеръ, и мы шли довольно скоро; живописные виды береговъ и встрѣчавшихся на нихъ селеній были одинъ заманчивѣе другаго, и я проходилъ мимо ихъ съ сожалѣніемъ, что не могу ничего перенести на бумагу законченно, не спѣша.

На рѣкѣ начали чаще встрѣчаться быстрины, и эхо гористыхъ береговъ усиливало шумъ воды, разбивавшейся о подводные камни. Лодокъ, шедшихъ по одному съ нами направленію и навстрѣчу, было много; между ними попадались огромныя грузовыя лод-

ки, которыя тащили бечевой человѣкъ десять или двѣнадцать каждую, сопровождая свою работу страшными криками. Другія лодки шли на веслахъ, и для того, чтобы дѣйствовать ими дружно, заразъ, у китайцевъ есть, такъ сказать, своя „Дубинушка“, которую рабочіе просятъ „подернуть“.

Эта трудовая пѣсня поется запѣвалой и хоромъ. Первый тянетъ непрерывную и грустную-грустную пѣсню, а хоръ рабочихъ, дружно налегающихъ на огромныя весла, которыми каждымъ дѣйствуютъ пять—шесть человѣкъ, отвѣчаетъ только крикомъ:—„га-а!.. И эхо разноситъ надъ рѣкой это, во сто разъ усиленное, „га-а“, и потомъ долго перекатываетъ его по вершинамъ горъ. Но какимъ гамомъ наполняется ущелье, по которому течетъ рѣка, когда случается, что рядомъ идутъ двѣ-три большія грузовыя лодки! Тогда кажется, будто надъ рѣкою поднялась стотысячная стая галокъ и воронъ и съ криками продолжаетъ носиться надъ головой.

Селеній въ этой части рѣки еще больше; дома въ нихъ построены лучше, растительность богаче, и около домовъ больше деревьевъ и кустарниковъ, которые своею зеленью и цвѣтами совершенно окутываютъ ихъ.

Мы остановились ночевать въ чрезвычайно живописной котловинѣ, замкнутой со всѣхъ сторонъ высокими горами. Дикія вершины ихъ и склоны убраны зеленью рощь и кустарниковъ и оживлены разсѣянными по нимъ изящными кумирнями и хуторками; и послѣдніе такъ симпатичны по своей обстановкѣ, что, кажется, навсегда остался бы въ нихъ и никуда не уѣхалъ бы отсюда. Внизу съ шумомъ несется рѣка, и въ этомъ шумѣ опять столько неизъяснимой прелести!..

Вышелъ на берегъ, просто смотрѣть и дышать,—но ни наглядѣться, ни надышаться не могу достаточно: такъ хорошо кругомъ; такое спокойствіе во влажномъ вечернемъ воздухѣ и неподвижно стоящихъ деревьяхъ, осыпанныхъ цвѣтами; такое величіе и красота въ этихъ угрюмыхъ скалахъ, какъ будто нагроможденныхъ до небесъ и отдѣлившихъ отъ всего остальнаго міра этотъ хорошенькій тихій уголокъ земли, въ которомъ на рѣкѣ пріютились наши лодки...

Стемнѣло. Въ домикахъ, разбросанныхъ по горамъ, засвѣтились огоньки, и какъ хотѣлось мнѣ посмотрѣть на здѣшнюю жизнь сыновъ поднебеснаго царства, что разумѣется было бы возможно если бы не было извѣстной читателямъ помѣхи.

Я вернулся въ лодку и по задведенному у насъ порядку принялся съ Матусовскимъ за переводъ „отчета шанхайской торговой компаніи“. Чтобы ускорить работу, я диктовалъ ему содержаніе одной страницы, а самъ въ то же время писалъ переводъ другой, и эти занятія продолжались у насъ пока сонъ не одолѣвалъ нашихъ глазъ. Повѣритъ ли читатель, что эту работу мы должны были производить втайнѣ отъ нашего начальника, чтобъ онъ, узнавъ о переводѣ не отобралъ ее, такъ какъ эту книгу считалъ своею собственностью.

4 марта, воскресенье.

День ненастный и такой свѣжій, что рабочіе дрожатъ отъ холода; солдаты военной лодки по временамъ выходятъ на берегъ и идутъ пѣшкомъ, чтобъ согрѣться и одинъ изъ нихъ оказался очень набожнымъ человѣкомъ, что̀ между китайцами встрѣчается чрезвычайно рѣдко. Поэтому я невольно обратилъ на него вниманіе: передъ каждой кумирней, какихъ сегодня много встрѣчалось въ горахъ, возлѣ тропинокъ для пѣшеходовъ, онъ творилъ колѣнопреклоненіе и удивлялъ меня своимъ высокимъ настроеніемъ религіозныхъ чувствъ. Но очень скоро обнаружилось что онъ былъ не болѣе какъ мошенникъ первой руки, чтобъ не сказать грабитель. Это былъ второй подобный плутъ, только о первомъ я забылъ раньше упомянуть; этотъ же занимался слѣдующими благочестивыми дѣлами.

Въ упомянутыхъ кумирняхъ прохожіе, какъ и у насъ, кладутъ разные гроши въ видѣ жертвоприношеній. Набожный негодяй, постоянно бормоча про себя молитвы, вносилъ вездѣ и свою лепту, но вслѣдъ за этимъ придирался къ сидѣвшему тамъ китайцу, схватывалъ его за косу и начиналъ таскать безъ всякой видимой причины; онъ въ чемъ-то обвинялъ его и за то, чтобы прекратить „дѣло“, бралъ съ него контрибуцію въ размѣрѣ нѣсколькихъ десятковъ или сотенъ чохъ взамѣнъ одного своего, пожертвованнаго богамъ. Онъ уже успѣлъ сорвать нѣсколько такихъ безстыдныхъ взятокъ, прежде чѣмъ я остановилъ его, сказавъ, что непремѣнно доложу объ этомъ его начальнику. Онъ сконфузился, струсилъ и совсѣмъ пересталъ „молиться Богу“. Другой плутъ обкрадывалъ своихъ товарищей, пользуясь ихъ довѣріемъ или невѣдѣніемъ.

Пройдя сегодня часа два, мы пришли въ городокъ Бай-Хо-Сянь, расположенный на правомъ берегу Хань-Цзяна у подно-

жія горъ, на которыя до извѣстной высоты взбираются городскія строенія, уходящія также въ глубь одного ущелья, образуемаго здѣсь горами. По горамъ, на значительной высотѣ тянется надъ городомъ старая зубчатая стѣна, извиваясь по неровностямъ горъ, и въ одномъ мѣстѣ на ней возвышается трехъярусная пагода изящной архитектуры.

Несмотря на пасмурный, дождливый день, Бай-Хо-Сянь показался мнѣ, по своему мѣстоположенію, самымъ живописнымъ городомъ изъ всѣхъ, какіе я до сихъ поръ видѣлъ въ Китаѣ. Но красота китайскихъ городовъ и самыхъ знаменитыхъ зданій, поражающихъ зрителя, такова, что ихъ можно сравнить съ картинами, написанными широкой кистью: они очаровываютъ зрителя только издали, а подойдете близко, и вы увидите, что все грубо, въ подробностяхъ вовсе нѣтъ тонкой отдѣлки и чистоты.

Какъ только лодки наши причалили къ берегу и остановились между множествомъ другихъ стоявшихъ здѣсь, большею частью грузовыхъ, я, не справляясь, долго ли мы тутъ простоимъ, немедленно сошелъ на берегъ, и, не теряя ни минуты времени, выбралъ неподалеку отъ лодокъ пунктъ и подъ зонтикомъ, по случаю дождя, началъ рисунокъ наиболѣе интересной части города.

Зрителей, ужъ конечно, собралось множество, и отправившійся со мною мѣстный полицейскій едва успѣвалъ разгонять ихъ, чтобъ они не останавливались по крайней мѣрѣ передо мной, и всѣхъ посылалъ назадъ, гдѣ образовалась густая толпа и такъ близко отъ меня, что ближайшіе зрители по временамъ даже ложились на мою спину, заглядѣвшись и забывшись; они дышали на меня, вздыхали и рыгали иногда въ самое ухо, и мнѣ сдѣлалось невыносимо жарко въ этой теплицѣ изъ живыхъ людей.

Вернувшись домой и узнавъ отъ Матусовскаго, что мы еще простоимъ здѣсь нѣсколько времени, я прошелъ въ сопровожденіи полицейскаго въ открывавшееся на набережную и казавшееся мнѣ столь привлекательнымъ ущелье.

Дѣйствительно, трудно представить себѣ что-нибудь болѣе живописное этого уголка. Мнѣ трудно его описать, потому что я даже осмотрѣть его хорошенько не могъ; у меня остались въ памяти только высокіе дома, поднимавшіеся со дна ущелья и окаймлявшіе узкій входъ въ него,—дома, живописные своею оригинальностью и отсутствіемъ всякой правильности. Они, какъ видно, строились и надстраивались безъ всякаго плана, а такъ,

просто, въ силу потребности, желанія и вкуса его обитателей: нужно продѣлать окно или дверь,—сдѣлаютъ окно или дверь и вставятъ въ нихъ красивую деревянную или каменную рѣшетку; найдутъ необходимымъ или пріятнымъ пристроить балкончикъ или лѣстницу, — прилѣпятъ ихъ, и т. д. Нѣкоторые дома здѣсь имѣютъ пять этажей, но и изъ верхнихъ, какъ изъ нижнихъ, есть выходы прямо на землю при помощи наружныхъ лѣстницъ. Такъ какъ дома прислонены къ горамъ, то изъ нѣкоторыхъ дверей верхнихъ этажей прямо идутъ горныя тропинки, черезъ сады, за которыми выше лѣпятся опять группы живописныхъ домиковъ. И все оживлено присутствіемъ людей, которые виднѣются вездѣ, куда ни взглянешь, занятые или праздные. Они выглядываютъ въ окна, сидятъ подъ навѣсами на балконахъ, поднимаются или сходятъ по высокимъ лѣстницамъ, сложеннымъ изъ дикаго камня и ведущимъ къ верхнимъ жилищамъ.

Помнится мнѣ еще гранитная скала, запирающая ущелье въ его противоположномъ входу концѣ и образующая нѣсколько уступовъ, обмытыхъ водою, которая при сильныхъ дождяхъ ниспадаетъ по нимъ каскадами и не даетъ растеніямъ удержаться въ трещинахъ скалы въ ея средней части; за то по бокамъ ея разнообразная яркая зелень мховъ и разныхъ ползучихъ растеній устилаетъ камни и землю мягкимъ и пушистымъ, какъ бархатъ, ковромъ. Съ сожалѣніемъ уходилъ я поспѣшно изъ этого ущелья, нѣсколько разъ оборачиваясь, чтобъ еще разъ взглянуть на него; я торопился назадъ къ лодкамъ, но на обратномъ пути пошелъ другой дорогой, не по набережной, а вдоль одной изъ городскихъ улицъ.

Толпа, слѣдовавшая за мною, была, вѣроятно по случаю дурной погоды, очень немногочисленна и состояла почти исключительно изъ мальчишекъ. Взрослые, сидѣвшіе въ лавкахъ, китайцы, мимо которыхъ я проходилъ, были почему-то мало удивлены моимъ появленіемъ, спокойно оставались на своихъ мѣстахъ, были весьма учтивы и любезны, когда я останавливался передъ лавкой, что-нибудь разсматривая или спрашивая у нихъ какого-нибудь объясненія.

Характеръ улицы, лавокъ и произведеній все одинъ, общій китайскій. Торговля мелочная, предметы ея тѣ же, т.-е. удовлетворяющіе мѣстнымъ потребителямъ.

Возвращаюсь домой и узнаю, что сегодня дальше не пойдемъ, а здѣсь ночуемъ... Такимъ образомъ день, разбитый на части, пропалъ, какъ золотой, размѣненный на копѣйки.

5 марта.

Отсюда мы отправились уже не въ сопровожденіи военной лодки, которыя въ этой части рѣки не ходятъ; а взамѣнъ ея намъ дано восемь человѣкъ конвойныхъ солдатъ и они отправились пѣшкомъ вдоль берега.

День былъ сѣренькій, но безъ дождя, который уже порядочно наскучилъ за послѣдніе дни. Движеніе лодокъ противъ теченія становится, по причинѣ частыхъ быстринъ, все затруднительнѣе; наконецъ начались и настоящіе пороги, черезъ которые лодки уже не могли быть проведены силами только имѣвшихся у насъ рабочихъ, а пришлось прибѣгать къ помощи жителей береговыхъ селеній, расположенныхъ здѣсь во множествѣ по чрезвычайно живописнымъ берегамъ рѣки.

Этихъ жителей сгоняли сопровождавшіе насъ солдаты противъ ихъ желанія и приказывали тащить наши лодки. Хотя они и не очень охотно исполняли это распоряженіе, но не повиноваться не смѣли, потому что возражавшіе немедленно брались за косы и приводились силой, а иногда еще награждались колотушками. Подобныя сцены производили весьма непріятное впечатлѣніе, но вмѣшиваться въ нихъ было бы безполезно. Эти временные помощники провели нашу лодку, которая шла впередъ, и, получивъ отъ насъ 500 чохъ (коп. 75), которыми, повидимому, были довольны, отправились на помощь къ другой лодкѣ и также протащили ее; но Сосновскій не хотѣлъ ничего заплатить имъ, говоря, что „ужъ это не его забота“,—что хозяинъ лодки взялся провезти, а объ этомъ ничего не упоминалъ, слѣдовательно самъ теперь и долженъ платить.

Сегодня мы переѣхали границу провинціи Ху-Бэй и вступили въ Шэнь-Си [1]). Граница въ этомъ мѣстѣ обозначена каменными плитами съ надписью, поставленными на обоихъ берегахъ рѣки.

---

[1]) Собственно Шань-Си (что значитъ „Отъ горъ къ западу“ въ противоположность названію провинціи „Шань-Дунъ“—„Отъ горъ на востокъ“); но для отличія отъ другой провинціи Шань-си, на сѣверѣ, эту принято называть Шэнь-Си.

6 марта.

Встали, какъ обыкновенно, съ восходомъ солнца, и сегодня этотъ восходъ, въ первый разъ послѣ продолжительнаго ненастья, не былъ скрытъ облаками, и лучи яркаго солнечнаго свѣта скользнули по горамъ, въ глубинѣ ущелій, еще окутанныхъ голубыми тѣнями ранняго утра. Собираемся въ путь, и сегодня на лодкахъ дѣлаются особыя приготовленія, потому что невдалекѣ находится порогъ, черезъ который мы должны будемъ пройти; онъ даже видѣнъ съ мѣста нашей стоянки.

Рѣка тамъ шумитъ какъ водопадъ или море въ непогоду; вода кипитъ, скачетъ, брызжетъ бѣлой пѣной и плещется у береговъ, которые поднимаются въ видѣ голыхъ отвѣсныхъ скалъ. Изъ разсѣлинъ ихъ мѣстами текутъ ручьи прозрачной воды и, осаждая растворенную въ ней известь, образуютъ сталактитныя отложенія самыхъ причудливыхъ формъ; рядомъ съ ними растутъ въ видѣ зеленыхъ подушекъ роскошные мхи; съ камня на камень перекидываются самыми граціозными гирляндами молодыя вѣтки ползучихъ растеній, а на верхушкахъ скалъ поднимаются деревья, усѣянныя птичьими гнѣздами, и многочисленные обитатели ихъ, начавъ свои дневныя заботы, летаютъ надъ ними съ крикомъ и свистомъ. По этимъ же скаламъ вьется и тропинка, по которой въ теченіе многихъ вѣковъ проходятъ милліоны людей, таская лодки точно такъ, какъ это совершается и въ настоящую минуту.

Тронулись. Рабочіе бодро и весело взобрались на горы и, натянувъ длинный канатъ, привязанный къ вершинѣ мачты нашей лодки, бредутъ высоко между скалами по своей тропинкѣ; они уже далеко за порогомъ, а мы только подходимъ къ нему. Между ними и лоцманомъ Ваномъ ведутся телеграфные разговоры при помощи разныхъ знаковъ руками; лоцманъ далъ одинъ такой сигналъ, и они начали пѣсню съ запѣвалой и хоромъ.

— Э-эй-хи, э-э-хи-хи! тонко выводитъ запѣвало.

— Э! коротко и дружно отвѣчаетъ хоръ, налегая на канатъ.

— Э-хо, э-хи-хо!—словно горюетъ о чемъ первый.

— О! разомъ отбиваетъ хоръ и, опять потянувъ канатъ, отдыхаетъ.

Такимъ образомъ лодка медленно, едва-едва замѣтно для глаза, движется противъ стремительнаго теченія. Такъ проходитъ нѣсколько минутъ.

— Хао! командуетъ запѣвало, — хорошо,—значитъ довольно, и хоръ отвѣчаетъ короткимъ „О!“.

Прошли благополучно порогъ, и остальную часть пути двигались спокойно между живописными и густо населенными берегами, которые, хотя и однообразны, но въ высшей степени привлекательны, особенно въ тѣхъ частяхъ рѣки, которыя наиболѣе заселены. Китайскія деревушки очень живописны отсутствіемъ въ нихъ какой бы то ни было правильности, симметріи и моды: дома въ нихъ не вытянуты въ ряды, а каждый поставленъ, какъ пришлось поставить; какой отдѣлкой случилось украсить его, такъ и ладно. Поэтому здѣсь въ кажущемся на первый взглядъ однообразіи такое богатство непохожихъ другъ на друга построекъ и украшеній, какого я не встрѣчалъ въ Европѣ, и описать ихъ нѣтъ возможности. И я не стану и пробовать, а приглашу читателя на нашу лодку, если ему интересно посмотрѣть, какъ проходитъ нашъ день.

Насъ въ лодкѣ четверо. Матусовскій, засыпающій всегда раньше меня, раньше и просыпается. Чуть только забрежжетъ и мелькнетъ въ щеляхъ нашей каюты утренній свѣтъ, когда въ каютѣ еще темно, онъ зажигаетъ свѣчу и закуриваетъ свою „вторую папиросочку“ (первая выкурена наканунѣ, ложась въ постель), приготовленную съ вечера и положенную у изголовья на стулъ вмѣстѣ съ часами и коробочкой спичекъ.

— Смокотнинъ! будитъ онъ, съ просонокъ сердитымъ голосомъ казака, помѣщающагося въ особой каморкѣ между нами и отдѣленіемъ хозяина.

— Чего-съ? откликается тотъ изъ-за перегородки, какъ будто ожидаетъ чего-нибудь новаго.

— Буди лодочника; скажи рабочимъ, чтобъ трогались.

— Слушаю-съ... Тай-гунъ! О-о! О, тай-гунъ! будитъ казакъ хозяина, какъ будто заигрываетъ съ нимъ.

Тотъ просыпается, но не можетъ сразу одолѣть сна.

— Цзоу! (пойдемъ) О! Цзоу! продолжаетъ Смокотнинъ.

— Сы-да! (ладно) отвѣчаетъ тай-гунъ и начинаетъ вставать.

По другую сторону нашей каюты, на носовой части лодки, гдѣ на палубѣ спятъ рабочіе, тоже проснулись, заслышавъ голоса; начинается движеніе, убираніе палатки, устраиваемой на ночь изъ паруса; начинаютъ ходить надъ нами, по крышѣ лодки; поднимается стукъ, говоръ, кашель; слышно, какъ кто-то изъ рабочихъ уже сосетъ трубочку.

Раскрываютъ дверь, и свѣжій утренній воздухъ вмѣстѣ со свѣтомъ вливаются въ каюту. Мы встаемъ, умываемся въ лодкѣ надъ

деревянной китайской чашкой (пынъ-цзы), изъ китайскаго же мѣднаго чайника (ца-ху), формой почти не отличающагося отъ русскихъ мѣдныхъ чайниковъ, только не луженаго, китайцы никогда не лудятъ своей мѣдной посуды и дѣлать этого какъ слѣдуетъ не умѣютъ;—Чжу уже приготовилъ чай и грѣнковъ изъ пароваго китайскаго хлѣба, такого безвкуснаго, что его въ обыкновенномъ видѣ просто ѣсть нельзя.

И какъ хорошъ на свѣжемъ воздухѣ, въ ранній часъ утра, этотъ чай съ поджаренными на свиномъ салѣ съ солью грѣнками! Напились, закурили „папиросочки“ и принимаемся за работу.

Передъ дверью выставляется ящикъ, замѣняющій Матусовскому столъ; на него кладутся его рабочія принадлежности: буссоль, часы, линейка, ножикъ, карандашъ, резинка и бумага. Онъ усѣлся передъ ящикомъ, чтобъ, не вставая изъ-за него цѣлый день, чертить карту рѣки, разспрашивать про окрестную мѣстность и записывать, а въ минуты досуга читать.

Спутникъ мой—человѣкъ почтенный, ибо немногіе способны такъ неутомимо работать, какъ онъ, и немногіе умѣютъ такъ работать. Умъ, опытность, любовь къ дѣлу и самое добросовѣстное отношеніе къ своимъ обязанностямъ—вотъ главныя черты этого сильнаго душой и коренастаго тѣломъ человѣка. Не цѣнить его достоинствъ и не уважать его могутъ только люди, представляющіе съ нимъ полную противоположность. Онъ мнѣ чужой, а потому похвалить его—не грѣхъ и не страшно.

Казакъ Смокотнинъ, въ качествѣ переводчика, сидитъ при немъ неотлучно, спрашивая у нашего лоцмана Вана то, что̀ приказываетъ спросить Матусовскій, и передаетъ ему его отвѣты.

Судьба посылала намъ дорогихъ помощниковъ въ китайцахъ. До Лао-Хо-Коу у насъ былъ смышленный и знавшій мѣстный край Танъ-Чэнъ-Гуэй; теперь у насъ былъ Синъ-Ванъ, простой бѣднякъ-рабочій, но хорошо знающій китайскую грамоту, умный, и отлично знакомый съ мѣстнымъ краемъ. Матусовскій спрашиваетъ у него названія безпрестанно встрѣчающихся селеній, главныя занятія ихъ жителей, куда ведутъ отходящія въ стороны дороги и о разныхъ другихъ практическихъ вопросахъ. Ванъ отвѣчаетъ на нихъ, но если чуть-чуть не довѣряетъ своей памяти или не знаетъ чего точно, сейчасъ же провѣритъ себя, справившись у мѣстныхъ жителей.

Если казакъ не занятъ разговоромъ съ Синъ-Ваномъ, онъ дѣлаетъ лотомъ промѣры рѣки для опредѣленія ея глубины. Нашъ

слуга-китаецъ, Чжу, бывшій гребецъ и лямочникъ, по старой привычкѣ охотно помогаетъ рабочимъ, когда свободенъ, ловко дѣйствуя багромъ, или стираетъ на палубѣ бѣлье. Лоцманъ Ванъ глядитъ за ходомъ лодки и управляетъ ею съ замѣчательною ловкостью и знаніемъ дѣла; а нашъ добродушный, но глуповатый и ровно ничего не знающій хозяинъ,—тай-гунъ, по цѣлымъ днямъ, молча, плететъ свой безконечный бамбуковый канатъ.

Мое время наполняется укладываніемъ и сушкой растеній, собираемыхъ, къ сожалѣнію, только урывками на ночлегахъ, когда еще остается сколько-нибудь свѣтлаго времени, а также на мѣстахъ короткихъ остановокъ для отдыха и обѣда рабочихъ, которыхъ я также просилъ срывать вѣтки съ цвѣтущихъ деревьевъ, кустарниковъ и травъ, какіе будутъ встрѣчаться имъ на дорогѣ. Мнѣ хотѣлось самому идти пѣшкомъ вдоль берега съ цѣлью собиранія растеній, насѣкомыхъ и стрѣлянія птицъ; но лодки шли слишкомъ скоро, безъ остановокъ, и я, отвлекаясь то затѣмъ, то за другимъ, непремѣнно отставалъ бы отъ нихъ. Я могъ бы, разумѣется, приходить одинъ къ мѣсту ночлега; но мы проходили слишкомъ большія разстоянія и останавливались только въ сумеркахъ, слѣдовательно, меня всегда заставала бы въ дорогѣ ночь измученнаго, голоднаго, и съ ношей, неудобной и слишкомъ тяжелой для одного человѣка.

Точно такъже урывками мнѣ удавалось стрѣлять птицъ, какія попадались только на самыхъ берегахъ рѣки; но тутъ ихъ было мало и меня только смущали ихъ голоса, раздававшіеся въ горахъ, гдѣ онѣ перелетывали по деревьямъ и между кустарниками. Изъ всѣхъ убитыхъ птицъ я собственноручно приготовлялъ чучела, такъ какъ мнѣ помощника для моихъ занятій, какъ не важныхъ, не полагалось, несмотря на то, что казакъ Павловъ оставался совершенно безъ дѣла. Когда не было экстреннаго дѣла, я приводилъ въ порядокъ собранные предметы, укладывалъ ихъ въ ящики или оканчивалъ сдѣланные наскоро рисунки; когда было возможно, дѣлалъ съ натуры новые. Если не было ихъ, я читалъ имѣвшіяся сочиненія о Китаѣ или переводилъ нѣкоторыя изъ нихъ и писалъ свои малосодержательныя замѣтки о видѣнномъ

Въ часъ или два пополудни мы обѣдали и пили чай, не останавливая для этого лодки, а на ходу, такъ какъ на ней у насъ имѣлось все необходимое.

И такъ же, какъ утро, проходилъ и остальной день до вечера. А когда лодки останавливались и Матусовскій прекращалъ свою съемку, мы принимались съ нимъ за переводъ или общее чтеніе.

Компанія другой лодки жила своею, намъ почти неизвѣстною, жизнью, такъ какъ мы рѣшительно не имѣли времени, да, откровенно говоря, и вовсе не желали посѣщать своихъ спутниковъ, особенно нашего капитана.

Такимъ образомъ каждый новый день приносилъ хотя и не очень богатый результатъ, не такой, какой былъ желателенъ и какого можно бы было достигнуть; но если бъ и мы ничего не дѣлали было бы хуже. И мы могли бы проспать или просидѣть съ папиросой у окна всѣ дни и потомъ донести, что китайцы рѣшительно ничего не давали дѣлать...

Каждый день доставлялъ такую массу новыхъ впечатлѣній, что я иногда съ трудомъ могъ вспомнить, что происходило вчера, и завидовалъ тѣмъ, кто обладаетъ такою памятью, что они считаютъ лишнимъ что-нибудь записать, а все и такъ помнятъ.

7 марта.

Что за день, что за воздухъ!.. И какой-то другой день и воздухъ другихъ мѣстъ вспоминаются мнѣ сегодня. Кажется, каждая травка, каждый камень, цвѣтокъ, каждый изъ тысячи звучащихъ въ природѣ голосовъ напоминаютъ что-то старое, знакомое, и старыхъ знакомыхъ людей... Но и здѣсь мнѣ хорошо.

Какъ въ окружающей насъ природѣ, такъ и въ природѣ самихъ людей, къ какой бы національности они ни принадлежали, гораздо болѣе общаго всему человѣчеству, чѣмъ это можетъ казаться на первыхъ порахъ знакомства съ ними. Надо только умѣть полюбить ихъ; я же такъ сжился съ китайцами, что теперь мнѣ все въ нихъ кажется обыкновеннымъ и естественнымъ, и очень многое стало симпатичнымъ; когда же полюбишь туземцевъ, тогда вдвое милѣе становится и ихъ страна, вдвое пріятнѣе жить въ ней. А по какой очаровательной странѣ проѣзжаемъ мы теперь!..

Тронувшись въ путь, по обыкновенію раннимъ утромъ, мы вскорѣ пришли въ село Шу-Хо, у котораго остановились для закупки провизіи.

Это довольно большое и оживленное селеніе расположено у подошвы высокихъ горъ, по обѣимъ сторонамъ быстрой и сердитой рѣчонки, выбѣгающей изъ ущелья и впадающей здѣсь въ Хань-Цзянъ. На берегъ сбѣгаются китайцы; сходятся, спѣша и почти падая, ихъ супруги и дочери,—и вотъ на селѣ точно праздникъ, по случаю нашего пріѣзда.

Я вышелъ съ альбомомъ на палубу, чтобъ во время остановки снять видъ красиваго села Шу-Хо, но заглядѣлся на одного китайца, который обработывалъ поле при помощи двухъ воловъ на такой высотѣ, что казался вмѣстѣ съ своими волами и плугомъ какой-то дѣтской игрушкой; его даже разглядѣть было трудно; я сталъ смотрѣть на него въ бинокль и въ это время выронилъ альбомъ, который упалъ въ воду и вложенные въ него рисунки поплыли по поверхности рѣки, къ счастію совсѣмъ не быстрой въ этомъ мѣстѣ. Китайцы изъ собравшейся на берегу толпы мигомъ разулись, соскочили въ воду, а одинъ даже не пожалѣлъ башмаковъ, и, осторожно поймавъ листочки, подали ихъ мнѣ. И они опять сдѣлали это не изъ корысти, не изъ надежды получить существенное вознагражденіе;—думаю такъ, потому что мнѣ едва удалось уговорить ихъ взять отъ меня ту бездѣлицу, которую я далъ имъ въ благодарность за услугу.

Нѣсколько времени потребовалось для просушки выкупавшихся рисунковъ, которые я разложилъ на палубѣ, къ великому удовольствію обитателей Шу-Хо, стоявшихъ на возвышенномъ берегу и критиковавшихъ, впрочемъ весьма благосклонно, мои произведенія.

Хуа-ды-хао! (Нарисовано хорошо!) кричали они мнѣ во все горло, какъ будто я находился отъ нихъ за версту, а не въ пяти шагахъ, какъ было на самомъ дѣлѣ.

Вскорѣ вернулись посланные съ закупленной провизіей; мы отправились дальше, двигаясь между берегами того же характера.

8 марта.

День съ утра пасмурный и свѣжій; потомъ прояснило и, несмотря на довольно сильный вѣтеръ, было тепло. По берегамъ тянутся все такія же сланцевыя скалы, то наклоненныя по теченію, то въ противоположную сторону; мѣстами же слои лежатъ въ горизонтальномъ положеніи или представляютъ волнообразныя линіи. Постепенно оживающая растительность, человѣческія жилища, расположенныя террасами поля, иногда встрѣчающіяся здѣсь домашнія животныя (коровы, козы и овцы) и вездѣ люди,—вотъ что составляетъ декорацію береговъ.

Рабочіе остановились обѣдать у селенія Чжанъ - Чжа - Ба, въ которомъ многіе жители занимаются, какъ намъ сообщилъ нашъ лоцманъ Ванъ, выдѣлкой бумаги изъ дерева коу-шу (Aralia pa-

pirifera), и мы въ сопровожденіи его отправились посмотрѣть на это производство.

По тропинкѣ, густо обросшей по краямъ высокой зеленой травой, поднялись мы на возвышенный берегъ и вышли къ небольшому чистенькому домику, оклеенному снаружи бѣлой бумагой; его окружалъ небольшой, обнесенный изгородью садикъ, опушенный свѣжей молодой листвой, и въ одной части его разбитъ крошечный огородъ, миніатюрныя грядки котораго зеленѣли богатыми всходами. За садомъ поднималась невысокая каменная стѣна, поддерживавшая террасу, принадлежавшую уже сосѣднему дому; на ней также находились огороды и росли персиковыя, грушевыя и другія фруктовыя деревья, которыя всѣ были въ цвѣту; вѣеровидныя пальмы граціозно покачивали своими разрѣзанными листьями, и подъ тѣнью ихъ стояли маленькіе домики. Выше и дальше по откосу поднимавшейся почвы опять повторялись такія же террасы съ зеленью, домиками и цвѣтами; и такъ далеко, далеко вверхъ по горѣ. На многихъ террасахъ сидѣли китаянки, и группы ихъ также очень походили на живые цвѣтники, благодаря ихъ набѣленымъ и нарумяненымъ лицамъ, ихъ яркимъ голубымъ и розовымъ одеждамъ и изящно причесаннымъ и убраннымъ цвѣтами головкамъ. Онѣ сидѣли на террасахъ, иногда прямо на землѣ, свѣсивъ одну или обѣ ножки; другія, завидѣвъ насъ, сбѣгались на эти террасы, шушукали между собою и довольно откровенно посмѣивались,—надо полагать, на нашъ счетъ. Солнце, стоявшее высоко надъ горою, щедро лило на землю свѣтъ и теплоту и пронизывало ослѣпительными лучами эту симпатичную картину, на которую мы смотрѣли, закинувъ назадъ голову; эти лучи точно окружали сіяніемъ каждый предметъ, каждый листъ и цвѣтокъ на деревѣ.

— „Хорошо! невольно воскликнулъ я, взволнованный еще невиданнымъ очаровательнымъ зрѣлищемъ.

— Это вамъ надо нарисовать, отвѣтилъ мнѣ Матусовскій;— однако пойдемте скорѣе, прибавилъ онъ,—нельзя долго стоять,— лодка Сосновскаго уже видна. „Вы совсѣмъ не знаете службы“, повторилъ онъ шутливо любимую фразу нашего начальника.

Мы вошли въ ограду перваго бѣленькаго домика, стоявшаго къ намъ задомъ, обогнули его и очутились передъ его лицевой стороной, гдѣ также все сіяло какой-то праздничной чистотой. На крыльцѣ подъ навѣсомъ работалъ одинъ китаецъ въ бѣломъ лѣтнемъ костюмѣ; другихъ людей вблизи никого не было и наше

неожиданное появленіе не на шутку испугало бѣднаго сына „Поднебесья“, который вдругъ поблѣднѣлъ, какъ его халатъ.

Но не будемъ смѣяться надъ этимъ испугомъ и объяснять его только китайскою трусостью, а войдемъ въ его положеніе. Положеніе же это вотъ какое. Живетъ онъ въ этомъ домѣ съ своего дѣтства; дни его проходили однообразно посреди этихъ цвѣтовъ и деревьевъ, между своихъ сосѣдей, за извѣстными занятіями; и привыкъ онъ встрѣчать каждый начинающійся день съ убѣжденіемъ, что ничего особенно интереснаго онъ въ этотъ день не узнаетъ; никого, кромѣ своихъ сосѣдей или проѣзжающихъ по рѣкѣ китайцевъ, не увидитъ; онъ, можетъ быть, даже никогда и, не думалъ въ своей жизни о чужихъ земляхъ и иныхъ людяхъ.

Итакъ, сидитъ такой китаецъ у себя дома, за своимъ дѣломъ, и вдругъ нежданно-негаданно передъ нимъ являются, какъ изъ земли выросшіе, два и во снѣ невиданныхъ человѣка... Вы не испугались бы? Я бы на его мѣстѣ тоже испугался... Неизвѣстно, что случилось бы съ застигнутымъ врасплохъ китайцемъ, что бы онъ сталъ дѣлать, если бы съ нами не было Вана, который, замѣтивъ его волненіе, поспѣшилъ успокоить его и скоро совершенно достигъ этого. Онъ объяснилъ ему, что мы за люди, зачѣмъ пришли къ нему, и оправившійся китаецъ съ полною любезностью ввелъ насъ въ домъ и показалъ все производство.

Вся бумажная фабрика, если такъ можно назвать этотъ домикъ, состояла изъ двухъ маленькихъ комнатокъ; рабочихъ на ней было всего три человѣка; процессъ же, какимъ древесная кора аралія превращается въ мягкую, тонкую и какъ кисея полупрозрачную бумагу, состоитъ въ слѣдующемъ. Содранную кору, смѣшанную съ известью, сначала варятъ въ печахъ довольно долгое время; потомъ колотятъ эти вываренныя мочала молоткомъ, и расплющиваютъ пучки ихъ въ широкія ленты; послѣднія свертываютъ въ трубки и рубятъ топоромъ на поперечные диски, подобно тому, какъ рѣжутъ ломтиками колбасу. Эти нарубленные куски толкутъ въ каменной чашѣ тяжелымъ механическимъ молотомъ самаго первобытнаго устройства до тѣхъ поръ, пока не получится масса въ родѣ тѣста. Тогда послѣднее бросаютъ въ стоящій подлѣ каменный резервуаръ съ водою, въ которой масса разжижается, какъ бы растворяясь, и изъ этого тонкаго раствора вылавливается на сито.

Эти послѣднія дѣлаются изъ тончайшихъ пластинокъ или волоконъ, надранныхъ изъ бамбука, расположенныхъ параллельно

и вставленныхъ въ рамку. Сито погружаютъ въ чанъ, потомъ приподнимаютъ, и при этомъ вода протекаетъ сквозь него, а содержащаяся въ ней масса осѣдаетъ на немъ въ видѣ тончайшаго слоя; остается перевернуть сито и приложить его къ листу бумаги, чтобъ къ нему пристало весь новый слой бумажной массы; на этотъ накладывается слѣдующій слой и такъ далѣе. Кипа изъ тысячи такихъ листовъ кладется подъ умѣренную тяжесть, просушивается и Коу-Пи-Чжы (т.-е. бумага изъ коры дерева Коу-Шу) готова [1]).

Осмотрѣвъ все и простившись съ хозяиномъ, мы возвратились на лодку; украсили свою каюту принесенными Ваномъ пальмовыми листьями и отправились дальше; но скоро должны были остановиться, потому что сильный противный вѣтеръ такъ измучилъ рабочихъ, что они были не въ силахъ больше идти ему навстрѣчу и тащить лодку.

Выйдя съ ружьемъ на берегъ, я поднялся къ селенію, расположенному, подобно крѣпости, на высокихъ стѣнахъ, сложенныхъ изъ большихъ и малыхъ кусковъ сланца; пошелъ вдоль его съ цѣлью поискать птицъ на близь стоявшихъ деревьяхъ и убилъ одну очень красивую китайскую сороку [2]), голубоватаго цвѣта съ краснымъ клювомъ и длиннымъ граціознымъ хвостомъ. Вѣроятно, присутствіе ружья въ моихъ рукахъ отбивало охоту у китайцевъ слѣдовать за мною толпой: они останавливались, посматривали на меня, вели обо мнѣ разговоръ, но за мною не слѣдовали.

Когда я возвращался назадъ, я замѣтилъ, что за мною на нѣкоторомъ разстояніи шелъ одинъ изъ конвойныхъ китайскихъ солдатъ, что меня удивило; и я не зналъ, чѣмъ это объяснить,— его ли собственною любезною заботливостью, или исполненіемъ приказанія, даннаго ему мѣстнымъ начальствомъ на томъ основаніи, что оно не особенно полагалось на добродушіе своихъ соотечественниковъ; менѣе же всего я склоненъ видѣть въ этомъ полицейскій надзоръ за моимъ поведеніемъ, потому что до сихъ поръ я ни разу ничего подобнаго не замѣтилъ.

[1]) Разнообразіе сортовъ бумаги въ Китаѣ чрезвычайно велико, какъ по виду, плотности, величинѣ листовъ и цвѣту, такъ и по матеріалу, изъ какого она выдѣлывается; а способъ фабрикаціи почти одинъ и тотъ же. Ее выдѣлываютъ изъ бамбука, хлопчатой бумаги, шелковаго отрепья, разныхъ травянистыхъ растеній, соломы и даже изъ содержимаго желудочно-кишечнаго канала жвачныхъ животныхъ.

[2]) Хвостатый Китта, (Urocissa sinensis Lin.)

Вѣтеръ вскорѣ стихъ, и мы могли продолжать нашъ путь. Двое старшихъ дѣтей нашего лодочника, обыкновенно находящіяся въ своей каморкѣ или въ задней части лодки, появились сегодня на палубѣ передъ нашей каютой. Хорошенькій толстый мальчишка, лѣтъ четырехъ, дичился и все держался отъ насъ подальше, а семилѣтняя дѣвочка, рѣзвая и миловидная, но рѣдко умывающая свое личико, усѣвшись у самаго входа въ нашу каюту, сначала молча наблюдала за циркулемъ и карандашемъ Матусовскаго и за моимъ ножемъ, которымъ я препарировалъ убитую птицу. Нѣсколько разъ она бойко заговаривала со мной, но я ничего не понималъ изъ ея лепета и признался ей въ этомъ.

— Ты не понимаешь, какъ бы съ сожалѣніемъ сказала дѣвочка и долго внимательно разсматривала меня... Богъ знаетъ, что въ это время происходило въ ея дѣтской головкѣ. Потомъ она стала заигрывать со мной, дергала за рукавъ, пряталась и хохотала. Странно, что дѣвочки-китаянки часто смѣлѣе и развязнѣе мальчиковъ...

Мы остановились на ночлегъ у селенія Бао-Динъ-Пу, неподалеку отъ одного порога. Матусовскій и казакъ уже заснули, а мнѣ не спалось, и я лежалъ въ постели у открытаго окна, любуясь прекрасной лунной ночью, тихой и теплой, и прислушиваясь къ шуму воды, который напоминалъ мнѣ Рейнскій водопадъ. Въ это время кто-то постучалъ въ дверь нашей каюты,—явленіе совсѣмъ необыкновенное въ ночное время. Я окликнулъ и узналъ голосъ нашего слуги Чжу, но не понялъ, что̀ онъ говорилъ, и поэтому разбудилъ казака; проснулся и товарищъ. Оказалось, онъ пришелъ предупредить насъ, что въ этихъ мѣстахъ есть рѣчные разбойники, недавно совершившіе здѣсь убійство и разграбившіе лодку съ товаромъ. Онъ говорилъ, что надо быть настороже и положить подлѣ себя револьверы. И если конвойные забьютъ въ тазъ,—продолжалъ онъ,—тогда надо скорѣе вставать и готовиться къ защитѣ.

Мы послѣдовали совѣтамъ, положили подлѣ себя оружіе и заснули, хотя и не особенно покойнымъ сномъ, потому что ночное нападеніе могло быть дѣйствительно опасно.

9 марта.

Ночь прошла совершенно спокойно, и ничто не потревожило нашего сна.

Мы отправились и скоро пришли въ городокъ Синъ — (или

Сюнъ) Янъ-Сянь, расположенный на невысокомъ и довольно плоскомъ холмѣ, который какъ-то некстати забрался въ компанію горъ, пораздвинулъ ихъ и усѣлся тутъ своимъ широкимъ основаніемъ. Со стороны рѣки городъ представляетъ три террасы, округленныя на подобіе амфитеатра, и когда смотришь на боковыя стороны ихъ, уходящія въ ущелья, такъ и кажется, что городъ долженъ имѣть непремѣнно круглую форму, какъ циркъ или Колизей, что̀ дѣлало его мало похожимъ на китайскіе города; несходство заключалось еще и въ маломъ числѣ лодокъ, стоявшихъ близъ него на рѣкѣ: ихъ было тутъ всего не болѣе десяти. Но я узналъ потомъ, что суда не стоятъ здѣсь, по причинѣ сильной быстроты теченія Хань-Цзяна въ этомъ мѣстѣ, а входятъ въ р. Синъ-Хо, огибающую городъ съ другой стороны.

Мы подошли ближе къ городу и остановились; но для этого подхожденія потребовалось не мало ловкости и знанія судоходнаго дѣла, потому что рѣка мчится здѣсь съ огромной силой. Сначала мы зашли выше, при помощи бечевы, потомъ переправились на веслахъ на другой берегъ, и насъ при этомъ снесло далеко внизъ, такъ что потомъ опять принуждены были тянуть лодку бечевой вверхъ до желаемаго мѣста. Такъ какъ Синъ-Янъ-Сянь расположенъ на покатости, то надъ стѣною видно много городскихъ строеній, но ни одно зданіе въ немъ не выдается, не обращаетъ на себя вниманія размѣрами или красотою: все хижинки, да маленькіе дома; виднѣются двѣ-три розовыя кумирни, да еще возвышается одна башня. На вершинѣ холма, посреди города, стоятъ нѣсколько какихъ-то темнозеленыхъ деревьевъ.

Жители города явились на берегу передъ нашими лодками, но въ небольшомъ числѣ, потому что городъ значительно удаленъ отъ берега и, кромѣ того, чтобъ придти сюда, надо переправляться еще черезъ рѣку Синъ-Хо. Они отрекомендовали себя, какъ неособенно учтивые люди, дерзко смѣялись намъ въ лицо, а одинъ, когда я сошелъ на берегъ, грубо толкнулъ на меня другаго китайца, и даже взрослые бранились „заморскими чертями“.

Хотя это и подѣйствовало на меня очень непріятно, я все-таки собирался сдѣлать прогулку въ городъ и уже дошелъ до мѣста переправы черезъ Синъ-Хо; но мнѣ прислали сказать, что за нами ѣдетъ гонецъ съ письмами и что, получивъ ихъ, мы сейчасъ же пойдемъ дальше... Съ какою быстротою передаются въ Китаѣ вѣсти безъ всякихъ телеграфовъ, — это достойно удивленія. Кто, напримѣръ, привезъ извѣстіе въ Синъ-Янъ-Сянь, что

сегодня вслѣдъ за нами будетъ гонецъ, который привезетъ намъ изъ Хань-Коу посылки и письма! Не вздоръ ли, не прождать бы напрасно; но китайцы говорятъ объ этомъ положительно: „пріѣдетъ, сейчасъ будетъ; онъ ужъ не далеко“. Ужъ не спириты ли они?!

Стоимъ, ждемъ. Между тѣмъ къ намъ пришли проститься провожавшіе насъ отъ Бай-Хо- Сяня четыре китайскихъ солдата, получили отъ меня и Матусовскаго тысячу чохъ (около 1 р. 25 к.) и сдѣлавъ передъ нами весьма граціозные реверансы, съ преклоненіемъ на одно колѣно и подниманіемъ сложенныхъ рукъ нѣсколько выше головы, ушли обратно въ свой городъ.

Вскорѣ, дѣйствительно, явился посолъ съ письмами изъ Россіи, полученными въ Хань-Коу и отправленными вслѣдъ за нами съ нарочнымъ нашими любезными соотечественниками. Этотъ гонецъ былъ простой китаецъ, нанятый частнымъ образомъ, потому что въ Китаѣ, какъ извѣстно, не существуетъ казенныхъ почтовыхъ учрежденій.

Всѣ казенныя бумаги и посылки доставляются болѣе или менѣе скоро, отъ мѣста до мѣста эстафетами, иногда однимъ курьеромъ, посылаемымъ на все разстояніе, иногда же передаются изъ рукъ въ руки, и это исполняется у нихъ съ замѣчательной аккуратностью. Долго жившіе въ Китаѣ говорили мнѣ, что не бывало примѣра, чтобъ когда-нибудь затерялось отправленное съ такимъ частнымъ почтаремъ письмо, посылка или деньги. Для частной корреспонденціи не существуетъ другихъ способовъ, какъ отправка писемъ съ случайно ѣдущими или съ нарочными, [1]) которымъ обыкновенно смѣло ввѣряются какъ цѣнныя посылки, такъ и большія суммы денегъ. Таковъ, говорятъ, фактъ; а объяснять его страхомъ отвѣтственности или болѣе высокою честностью людей въ Китаѣ я предоставляю другимъ, потому что вообще плохо вѣрю въ непогрѣшимость своихъ выводовъ и буду стараться ихъ не дѣлать.

Мы отправились, взявъ гонца къ себѣ на лодку, съ тѣмъ чтобы дорогой написать письма и, вручивъ ему, отправить его завтра обратно съ мѣста нашего ночлега, на который мы пришли передъ закатомъ солнца, остановившись у селенія Лю-Тянь-Цу.

Опять наступилъ очаровательный вечеръ, не наслаждаться кото-

[1]) Ихъ нанимаютъ иногда при посредствѣ особыхъ конторъ въ родѣ частныхъ почтовыхъ учрежденій, переправляющихъ и частную корреспонденцію.

рымъ нельзя; опять передъ глазами привлекательныя картины китайской жизни!... Я боюсь наскучить читателю своими восторгами; но что же мнѣ дѣлать, когда эти картины непрерывно слѣдуютъ одна за другою, словно безконечная галлерея видовъ, одинъ другаго привлекательнѣе, одинъ другаго величественнѣе и интереснѣе. Какъ проходить молчаніемъ мѣста, въ которыхъ природа такъ полна чарующей прелести!

Стою, напримѣръ, здѣсь и глазъ не могу оторвать отъ того, что открывается передо мною. Воздухъ прозраченъ и такъ спокоенъ, что ни одинъ листъ на деревьяхъ не покачнется; со всѣхъ сторонъ къ темно-голубому безоблачному небу поднимаются высокія безмолвныя горы, и по склонамъ ихъ, какъ пестрый узоръ ковра, разбросаны въ живописномъ безпорядкѣ деревни и домики, передъ которыми на площадяхъ сидятъ семьи китайцевъ; возлѣ домовъ цвѣтущіе сады и зеленѣющія поля, обнесенныя низенькими каменными оградами; по этимъ оградамъ и вьющимся между полями тропинкамъ разсѣяны люди, двигающіеся или работающіе иногда на такой высотѣ, что въ нихъ не съ разу узнаешь людей; здѣсь изъ тѣни бамбуковыхъ рощъ бѣгутъ, журча и звеня, безчисленные ручьи, то скрываясь въ зелени роскошной растительности, то ниспадая каскадами по обнаженнымъ скаламъ; тамъ дикія ущелья, обросшія по краямъ деревьями и кустарникомъ, и устроенные черезъ нихъ каменные мостики.

Въ бинокль можно было разсмотрѣть чѣмъ занимались люди около своихъ домовъ: одни сучили веревки, другіе просѣивали сквозь сито муку; третьи ходили позади коровъ, впряженныхъ въ оглобли и вертѣвшихъ жерновъ; иные няньчили дѣтей, а другихъ ребятъ нѣкоторыя мамаши нашлепывали весьма усердно. Роются въ садахъ и огородахъ, ужинаютъ, пьютъ чай или, повидимому, отдыхаютъ, прогуливаясь по нѣскольку человѣкъ вмѣстѣ.

Смотришь на эту гору—и невольно впадаешь въ какое-то забытье.—Что это, все та же земля? хочется спросить себя; все это—настоящее, живое, или декорація, сонъ, поэтическая мечта воображенія? Нѣтъ, это правда, это дѣйствительная жизнь такихъ же смертныхъ людей; это—полная поэзіи проза жизни съ ежедневными нуждами и заботами объ ихъ удовлетвореніи, съ тяжелымъ трудомъ и бурями все тѣхъ же страстей; это—все та же человѣческая жизнь съ моремъ горя и каплями маленькихъ мимолетныхъ радостей.

А кажется, что это чародѣй-художникъ силою своего творче-

скаго генія изобразилъ красками на полотнѣ эти фантастическія горы, представивъ на нихъ картины фантастической жизни. Это были картины самыя необыкновенныя для глазъ европейца, свойственныя только Китаю и въ высшей степени для него характеристичныя. Первою моею мыслью и первымъ желаніемъ было перенести ихъ на бумагу; но для такой сложной картины нуженъ, по крайней мѣрѣ, одинъ полный день, а у меня не было и двухъ часовъ свѣтлаго времени,—вечеромъ мы остановились, а завтра раннимъ утромъ уйдемъ дальше; даже карандашомъ некогда было начертить. А заикнуться о томъ, чтобъ меня обождали, я и думать не смѣлъ... Описаніе же подобныхъ мѣстностей требуетъ и много времени, да языкъ и не такъ правдивъ въ передачѣ видимаго, какъ рисунокъ и краски: онъ часто украшаетъ то, что̀ не особенно красиво въ натурѣ и, наоборотъ, истинная красота нерѣдко блѣднѣетъ въ изображеніи ея словами.

Взявъ ружье, я поднялся черезъ бамбуковыя рощицы на ближайшія террасы, прошелъ вдоль домиковъ, жители которыхъ были очень учтивы и любезно исполняли мои желанія; напримѣръ, когда я не могъ достать вѣтку одного дерева съ цвѣтами, хозяинъ участка, на которомъ я находился, молодой человѣкъ въ темныхъ очкахъ, принесъ изъ дому палку съ крючкомъ, нагнулъ вѣтку и, отломивъ, подалъ мнѣ. Они провожали меня черезъ свои дворы и огороды, и вели со мною, или, лучше сказать, старались вести бесѣду, разспрашивая меня, изъ какого я государства, куда и зачѣмъ теперь ѣду. Я возвращался на свою лодку, когда уже совсѣмъ стемнѣло; а Сосновскій съ Андреевскимъ поднимался на берегъ къ селу: онъ шелъ собирать народныя легенды.

10 марта.

Тронулись въ путь, и вскорѣ передъ нами явился порогъ,—почти водопадъ: такъ ясно былъ замѣтенъ уступъ, черезъ который неслась массою вода.

Рабочіе бредутъ далеко по высокой горной тропинкѣ, натягивая, какъ струну, бамбуковую бечеву и незамѣтно подвигая впередъ нашу лодку; и когда забываешь объ этихъ невидимыхъ двигательныхъ машинахъ, то, кажется, совершается чудо,—лодка поднимается вверхъ по наклону стремящейся напротивъ воды, но поднимается такъ медленно, что рѣшительно нельзя замѣтить ея движенія; кажется, она остановилась; думается, рабочіе вы-

бились изъ силъ и не могутъ преодолѣть напора встрѣчной воды. Но нѣтъ, они идутъ; вотъ порогъ мало-по-малу отходитъ назадъ и совсѣмъ остается за нами, а лодка тихо и плавно идетъ уже по спокойной и гладкой, какъ зеркало, поверхности воды, съ ясностью зеркала же отражающей въ себѣ нагроможденныя надъ нею горы и ущелья. На этихъ горахъ, кромѣ домовъ, тонущихъ въ зелени и цвѣтахъ, встрѣчаются еще развалины до сихъ поръ невиданныхъ построекъ на вершинахъ горъ, какъ будто въ родѣ остатковъ храмовъ, замковъ или крѣпостей.

Эти развалины, оказывается, суть свидѣтели тѣхъ тревожныхъ эпохъ, когда война выгоняла жителей изъ ихъ домовъ и заставляла искать спасенія на этихъ мало доступныхъ высотахъ, въ стѣнахъ крѣпостей, которыя строились жителями сообща, на собственныя средства: въ Китаѣ, какъ вѣроятно извѣстно читателю, въ послѣднее время часто повторяются мятежи и междоусобныя войны...

Сегодня навстрѣчу намъ шло особенно много грузовыхъ лодокъ, очень оживлявшихъ дикую красоту рѣки; а на другой нашей лодкѣ опять раздавалась веселая пѣсня казаковъ, про какого-то „вора Максима“, который, говорится въ пѣснѣ, „плутъ совсѣмъ“, тѣмъ не менѣе „Максимушка—онъ добрый человѣкъ“... И воръ, и плутъ совсѣмъ, и добрый человѣкъ!.. Что за странная пѣсня! Не спросилъ, про кого она сложена. Не разслышалъ также, вставлялось ли въ нее чье-нибудь имя и отчество или нѣтъ.

Остановились на ночлегъ, и чудесная лунная ночь смѣнила поэтическій день.

11 марта, воскресенье.

День совсѣмъ какъ лѣтній.

Нѣсколько времени мы шли между берегами прежняго характера, потомъ видъ ихъ измѣнился; горы понизились; по берегамъ, у самой воды, снова появились песчаныя и покрытыя галькой отмели, бродя по которымъ, китайцы собирали для топлива разныя палочки и хворостъ; за ними почва постепенно поднималась, была воздѣлана и засѣяна хлѣбными растеніями. Рѣка опять открылась на большое пространство и ушла вдаль къ подножію синѣвшей за нею гряды отдаленныхъ горъ.

Мы огибали мысъ, изъ-за котораго на правомъ берегу рѣки показался рядъ сплошныхъ строеній,—это было предмѣстье города Синъ-Ань-Фу, и скоро онъ самъ открылся передъ нами

съ своею высокою стѣною и возвышающимися надъ нею крышами нѣсколькихъ храмовъ; а за городомъ опять поднимались довольно высокія горы съ группами деревьевъ на вершинахъ или высокими и тонкими башнями, издали казавшимися колоннами.

Мы остановились противъ города на лѣвомъ берегу, и я тотчасъ вышелъ изъ лодки, поднялся по тропинкѣ на довольно крутой глинистый берегъ, наверху котораго тянулось большое селеніе, но, не найдя тамъ ничего особенно интереснаго, возвратился на лодку, только напрасно всполошивъ его жителей. На берегу собралось множество народу; нѣкоторые въ порывѣ любопытства лѣзли на нашу лодку, какъ будто надѣялись, что ихъ примутъ съ распростертыми объятіями; но ихъ безъ церемоніи отгоняли прочь, и они, ни мало не обижаясь, возвращались на берегъ.

Къ намъ явился между прочими одинъ молоденькій китаецъ, лѣтъ восемнадцати, хорошо одѣтый, съ очень милымъ выраженіемъ лица и на нашъ, т.-е. не китайскій взглядъ довольно красивый. Онъ пришелъ спросить, что мы продаемъ, съ какимъ товаромъ пріѣхали и нѣтъ ли у насъ продажныхъ „заморскихъ очковъ“, т.-е. зрительныхъ трубокъ. Ему объяснили, что мы пріѣхали не съ цѣлью торговли, что никакого товара не имѣемъ, чему онъ, казалось, не мало удивился и очень сожалѣлъ объ этомъ: онъ, повидимому, былъ убѣжденъ, что сегодня сдѣлается обладателемъ страстно желаннаго бинокля.

Мы должны были подождать нашихъ отставшихъ спутниковъ, и я вздумалъ нарисовать его портретъ и предложилъ ему; онъ тотчасъ согласился, сидѣлъ очень смирно, и я скоро набросалъ карандашомъ его юное женоподобное личико. Оставалось сдѣлать еще немного штриховъ, чтобъ окончить портретъ, какъ изъ толпы, стоявшей на берегу, ему стали что-то кричать, и я замѣтилъ, что эти крики вызывали въ немъ не малое смущеніе; онъ нѣсколько разъ что-то говорилъ имъ въ отвѣтъ, потомъ быстро всталъ съ своего мѣста и, даже не взглянувъ на свое изображеніе, ушелъ совсѣмъ съ лодки и скрылся въ толпѣ. Судя по тому, какъ неожиданно онъ исчезъ, я думалъ, что онъ сейчасъ вернется, что его отозвали по какому-нибудь дѣлу,—нѣтъ, „пропалъ совсѣмъ; но портретъ былъ уже достаточно оконченъ; я зафиксировалъ его и, занявшись другимъ дѣломъ, позабылъ объ удалившемся юношѣ.

Вдругъ онъ неожиданно появился на лодкѣ, но ужъ въ совер-

шенно другомъ настроеніи: теперь онъ былъ не прежнимъ скромнымъ и вѣжливымъ человѣкомъ, а точно сумашедшимъ.

— Дай мнѣ портретъ! Отдай мнѣ, мой портретъ! быстро заговорилъ онъ въ волненіи и лѣзъ ко мнѣ.—Давай, давай! Скорѣй! Отдавай скорѣй портретъ! Непремѣнно отдай, сейчасъ! Онъ мнѣ нуженъ, я хочу его взять!..

Онъ ничего не хотѣлъ слушать, лѣзъ ко мнѣ, хотѣлъ даже силой ворваться въ каюту и произвелъ такой шумъ и кутерьму, что его пришлось взять за руки и удержать. Я рѣшительно не понималъ, что̀ съ нимъ случилось.

Онъ опять просилъ портретъ, вырывался, кланялся, лѣзъ въ каюту и хваталъ меня за руки и очевидно придумалъ сейчасъ, что хочетъ снести портретъ домой, показать отцу и потомъ принесетъ его обратно. Я велѣлъ ему сказать, что обѣщаю непремѣнно нарисовать ему другой, чтобъ онъ завтра утромъ пришелъ и получилъ,—копія будетъ готова; что эту копію я ему подарю, а этотъ хочу сохранить себѣ о немъ на память. Все напрасно! Бѣдный юноша словно бѣлены объѣлся: онъ то метался и кричалъ, какъ въ припадкѣ безумія, повторяя, что не уйдетъ съ лодки, если ему не отдадутъ портрета; то, нѣсколько утихая, не требовалъ, а выпрашивалъ его, обѣщая непремѣнно завтра принести назадъ.

— Да отдайте ему и прогоните его къ чорту! закричалъ раздосадованный Матусовскій, что-то записывавшій въ это время со словъ Вана. Мнѣ и самому стала весьма непріятна эта сцена; но не хотѣлось лишиться интереснаго портрета. Послѣдній лежалъ въ каютѣ на столѣ; оригиналъ его видѣлъ и, улучивъ минуту, вскочилъ въ лодку и чуть было не схватилъ его; но мнѣ удалось удержать его за руку, а казакъ вынесъ его, какъ ребенка, на палубу и держалъ на рукахъ. Онъ ужасно сконфузился, ожидая, можетъ-быть, какого-нибудь грубаго дѣйствія.

— Уйду, уйду, самъ уйду, только пусти, заговорилъ онъ.

Казакъ поставилъ его на ноги на палубѣ. Тутъ сидѣлъ хозяинъ нашей лодки, и молодой человѣкъ обратился къ нему съ какимъ-то секретнымъ разговоромъ, послѣ котораго, повидимому, успокоился и, сойдя на берегъ, скоро исчезъ въ толпѣ и больше не возвращался.

Мнѣ показалось страннымъ, что наши китайцы, Тай-Гунъ и Ванъ такъ индифферентно относились къ этой сценѣ: они какъ будто ничего не видѣли и не слыхали, хотя оба находились тутъ.

Я спросилъ черезъ казака у Тай-Гуна, что̀ ему сейчасъ говорилъ по секрету загадочный юноша. Тотъ съ снисходительной улыбкой разсказалъ, что его напугали въ толпѣ, сказали, что онъ теперь долженъ умереть, если не сожжетъ нарисованнаго портрета; и онъ спрашивалъ у него, умретъ онъ или можетъ быть не умретъ, если портретъ останется у заморскаго господина.

— Я ему сказалъ, прибавилъ Тай-Гунъ,—что это неправда, что надъ нимъ только посмѣялись, и онъ успокоился.

Загадка объяснилась. Это повѣрье относительно опасности умереть, когда сдѣлаешь свой портретъ, существуетъ, какъ извѣстно, и въ Европѣ между неразвитыми людьми; но въ Китаѣ, какъ показываетъ приведенный разсказъ, вѣра въ этотъ предразсудокъ не особенно сильна или не повсемѣстно распространена. Сколько ужъ я сдѣлалъ портретовъ, а описанный случай былъ первый. Жена нашего лодочника также позволила мнѣ сдѣлать портретъ съ своего хорошенькаго сынишки; но когда онъ во время сеанса заснулъ крѣпкимъ и сладкимъ сномъ, она, увидавъ его, подскочила испуганная и схватила на руки, подумавъ, какъ она потомъ призналась, что онъ уже умеръ. Хотя она теперь и разсмѣялась, увидавъ свою ошибку, но больше не оставляла сына передъ нашей каютой, если тутъ не присутствовалъ отецъ.

Солнце сѣло; мы все стояли противъ Синъ-Ань-Фу, поджидая отставшую лодку, не зная, что̀ дѣлать—остаться ли тутъ ночевать или перейти на другую сторону, къ городу.

Во время этихъ колебаній къ намъ на лодку явилось новое лицо — полицейскій изъ города, съ вопросами, — кто мы такіе, сколько насъ и куда мы проѣзжаемъ? Онъ желалъ убѣдиться, тѣ ли мы иностранцы, о проѣздѣ которыхъ дано было знать заранѣе и которыхъ здѣсь ожидали; о числѣ же насъ спрашивалъ для того, чтобы знать для скольких лицъ приготовить квартиру. Ему велѣли поблагодарить мѣстное начальство и сказали, что квартиры не надо, такъ какъ мы въѣзжать въ городъ не будемъ, а останемся на своихъ лодкахъ. Полисменъ удалился.

Наконецъ явились спутники, и мы вмѣстѣ переправились на другую сторону, гдѣ насъ уже ожидала страшная толпа народа, продолжавшаго еще прибывать изъ города. Какъ только мы пристали къ берегу и конвойные наши ушли въ городъ, чтобъ сдать свою обязанность мѣстнымъ полицейскимъ, китайцы полѣзли къ лодкамъ, потомъ на лодки, словно брали насъ приступомъ. Отъ нихъ и отдѣлываться приходилось, какъ отъ осаждающаго не-

пріятеля, потому что здѣшняя толпа была дерзка и назойлива, какъ еще нигдѣ до сихъ поръ, и мы избавились отъ нея только тѣмъ, что стали на нѣкоторомъ разстояніи отъ берега, такъ какъ въ воду китайцы лѣзутъ не охотно. Тогда, какъ бы въ отмщеніе за нашу хитрость, въ насъ нѣсколько разъ были брошены камни и горсти песку, въ чемъ я видѣлъ, впрочемъ не злобу, а шалость, что различить не трудно.

Вдругъ въ этой толпѣ оказался одинъ нашъ знакомый китаецъ, по имени Ма, племянникъ того купца въ Фань-Чэнѣ, у котораго мы обѣдали. Онъ крикнулъ съ берега, поздоровавшись съ нами, протѣснился черезъ толпу къ рѣкѣ и потомъ, ни слова не говоря, сѣлъ первому подвернувшемуся босоногому китайцу на спину, сказавъ: перенеси-ка, братъ, на лодку,—куда и былъ доставленъ. Любопытно въ этомъ то, что столь внезапно осѣдланный имъ китаецъ не былъ ни удивленъ, ни недоволенъ и не обиженъ: ни слова не говоря, принесъ и точно такъ же вернулся на берегъ, даже довольный тѣмъ, что получилъ возможность посмотрѣть на насъ поближе.

Послѣ обычныхъ привѣтствій мы обратились къ Ма съ вопросомъ, какъ онъ сюда попалъ, и къ нашему удивленію узнали, что онъ приглашенъ Сосновскимъ ѣхать вмѣстѣ съ нами до г. Су-Чжоу и можетъ быть дальше, какъ человѣкъ бывавшій въ тѣхъ мѣстахъ. Это было для насъ пріятной новостью. Ма скоро ушелъ отъ насъ къ Сосновскому; а мы, когда ночной мракъ прогналъ наконецъ толпу, могли спокойно предаться нашимъ обычнымъ занятіямъ.

На слѣдующій день рано утромъ Ма опять явился къ намъ и предложилъ мнѣ быть моимъ проводникомъ, если я желаю осмотрѣть городъ; я былъ очень радъ; и, позавтракавъ вмѣстѣ, мы отправились.

Городъ лежитъ въ настоящее, т.-е. весеннее, время приблизительно въ разстояніи полуверсты отъ рѣки, отдѣлясь отъ нея низкой и широкой площадью, покрытой пескомъ и галькой; во время же лѣтняго разлива рѣка подходитъ къ самой его набережной. Городъ защищенъ отъ лѣтнихъ разливовъ береговой плотиной, имѣющею видъ прочнаго землянаго вала, по которому тянется и городская стѣна. Поэтому снаружи къ ея воротамъ ведетъ высокая каменная лѣстница; а пройдя черезъ ворота, нужно опять спуститься по лѣстницѣ же въ главную улицу, которая лежитъ значительно ниже верхней площадки плотины. Бросивъ

на нее взглядъ изъ-подъ темной арки воротъ, за которой она открылась мнѣ вся въ перспективѣ, я былъ пораженъ ея оригинальной красотой.

Длинная, прямая и узенькая, съ красиво отдѣланными фасадами лавокъ, изящными крышами домовъ, множествомъ вывѣсокъ разныхъ видовъ и двигавшимися, большею частью подъ зонтиками, людьми, она представляла заманчивую и типичную картинку китайской городской жизни. Мы пошли вдоль этой улицы въ сопровожденіи огромной толпы зрителей; но я уже такъ привыкъ возбуждать любопытство при своемъ появленіи въ селѣ или городѣ, что толпа не только не страшила и не безпокоила меня, если я не работалъ въ ея присутствіи, но я даже чувствовалъ себя какъ будто обиженнымъ, если туземцы не выражали обычнаго страстнаго любопытства и не стремились за мною.

Сегодня, напримѣръ, я былъ удивленъ однимъ куппомъ, который сидѣлъ въ глубинѣ своей лавки, и, когда мы проходили мимо, онъ только гордо взглянулъ на меня, но не шевельнулся на своемъ мѣстѣ,—это было совершенно не въ китайскомъ духѣ, да и лицомъ и позой онъ не походилъ на китайца. Это былъ, какъ мнѣ показалось, красавецъ съ орлинымъ носомъ, большими глазами и довольно густой черной бородой.

Умѣй я говорить, я бы непремѣнно познакомился съ нимъ,—такъ онъ заинтересовалъ меня своею наружностью и выходящимъ изъ ряда поведеніемъ. Ма сообщилъ мнѣ потомъ, что это былъ одинъ изъ мѣстныхъ мандариновъ, мусульманинъ, который желалъ инкогнито посмотрѣть на пріѣзжихъ иностранцевъ, для чего и пришелъ въ лавку, надѣясь, что мы пройдемъ мимо.

Слѣдуя дальше по улицѣ, мы встрѣтились съ однимъ старикомъ, который шелъ посреди ея, что-то крича и дѣлая палкой угрожающіе жесты, размахивая ею направо и налѣво. Что такое? Не воззваніе ли къ народному возстанію, подумалъ я,—можетъ быть противъ меня? Но его не только никто не слушалъ, никто даже не обращалъ на него вниманія. Валившая за нами во всю ширину улицы толпа, казалось, изумила его; потомъ взглядъ его случайно упалъ на меня; онъ что-то закричалъ и сильно махнулъ палкой, но ударъ, можетъ быть предназначавшійся мнѣ, пришлось получить головѣ моего спутника Ма.

— Больно? спросилъ я.

— Ничего, отвѣтилъ онъ;—этотъ старикъ—сумашедшій, на него обижаться нельзя... Онъ давно здѣсь живетъ.

Вѣроятно онъ вовсе не опасенъ или совсѣмъ безродный, если расхаживаетъ такъ свободно по городу, потому что въ Китаѣ, гдѣ нѣтъ учрежденій для умалишенныхъ, за вредъ, причиненный сумашедшимъ, отвѣчаютъ его родные, которые поэтому обязаны за нимъ смотрѣть и по извѣстной статьѣ закона отвѣчаютъ довольно строго, а въ случаѣ совершеннаго имъ убійства даже подвергаются смертной казни.

Мы дошли до противоположной городской стѣны, на которой возвышалась башня, и хотѣли взойти на нее, но ворота мгновенно затворились передъ нами. Я думалъ, что меня не хотятъ впустить; но чей-то голосъ крикнулъ намъ,—входите скорѣе, и мы проскользнули въ ворота, которыя тотчасъ опять затворились на запоръ. Не хотѣли, значитъ, пускать толпы, а меня, напротивъ, очень желали видѣть.

Мнѣ также пріятно было отдохнуть отъ ея невообразимаго гама хотя нѣкоторое время, и я очутился теперь въ обществѣ немногихъ, весьма любезныхъ старичковъ-китайцевъ, двухъ священниковъ храма, находящагося въ этой башнѣ, и ихъ знакомыхъ, бывшихъ у нихъ въ гостяхъ. Предоставивъ имъ осматривать и ощупывать мое платье и меня самого и отвѣчая на тѣ изъ вопросовъ, какіе мнѣ удавалось понять, я сѣлъ на вынесенное для меня кресло и началъ рисовать видъ улицы съ высоты; внизу волновалась и неистово кричала толпа, но этотъ крикъ не выражалъ ни озлобленія, ни досады, ни даже желанія: это просто была обыкновенная уличная бесѣда китайцевъ между собою.

Многіе, впрочемъ, смотрѣли вверхъ, на меня и тотчасъ догадались, что я дѣлаю. Тутъ ужъ они не могли устоять, хлынули къ запертымъ воротамъ и стали ломиться въ нихъ, требуя, чтобъ ихъ открыли. На толпу попробовали прикрикнуть, пригрозили палкой, потомъ полиціей; ничто не дѣйствовало, и, вѣроятно изъ опасенія за цѣлость не особенно надежныхъ воротъ, священнослужители предпочли открыть ихъ. Народъ помчался по покатому всходу съ такими дикими криками, что надо было уже хорошо быть знакомымъ съ китайцами, чтобъ оставаться въ спокойномъ состояніи передъ этой массой черни, которая, если бы захотѣла, въ одинъ моментъ могла бы задавить васъ ногами, забросать камнями и буквально разорвать на куски... Я уже такъ хорошо зналъ эту толпу, что чувствовалъ себя, въ виду ея наступленія, столь же спокойнымъ, какъ бы ожидая прихода старыхъ пріятелей.

Да не подумаютъ, что я желаю рисоваться своею храбростью. Нисколько, я желаю только придать этой храбрости тѣмъ изъ моихъ читателей, кому самому случится побывать въ Китаѣ. Смѣло могу совѣтовать будущимъ путешественникамъ одно правило, котораго я всегда держался, а именно: отправлялся въ толпу, никогда не брать съ собой никакого оружія, такъ какъ оно совершенно безполезно, чтобъ не сказать даже вредно, потому что человѣку раздраженному, выведенному изъ терпѣнія, легко взяться за револьверъ, когда онъ виситъ съ боку. А дальше что?! Вѣдь ужъ если пойдетъ на борьбу съ толпою, такъ побѣдителемъ выйти трудно; выстрѣломъ же можно только испортить все дѣло. Я постоянно наблюдалъ въ Китаѣ, что къ безоружному толпа всегда относится великодушнѣе; ей, кажется, льститъ довѣріе человѣка, являющагося посреди ея, какъ среди друзей, а не какъ между врагами.

Итакъ я смотрѣлъ на эту валившую ко мнѣ волну горланившихъ китайцевъ, зная впередъ, что̀ будетъ: что они полѣзутъ смотрѣть на меня, на мою бумагу, начнутъ между собою ссору изъ-за мѣстъ, пожалуй, передерутся, а ко мнѣ будутъ относиться съ такимъ почтеніемъ, какое только можно выразить въ подобной свалкѣ. Я продолжалъ работу, хотя невольные толчки порядочно мѣшали мнѣ.

Прошло минутъ пять, и вдругъ около меня являются пять человѣкъ полицейскихъ съ палками въ рукахъ. Всѣ они одѣты въ новенькое платье; на головахъ у всѣхъ форменныя шляпы. Они были присланы, какъ я узналъ потомъ, мѣстными властями для охраненія меня отъ народа и, ставъ вокругъ моего кресла, грозили палками всѣмъ, кто дѣлалъ попытки пробраться ко мнѣ поближе; а нѣкоторымъ доставались не однѣ угрозы, но и оскорбленія дѣйствіемъ.

Я пробылъ на этой башнѣ часа полтора, и отсюда Ма провелъ меня черезъ одинъ узенькій переулочекъ, предлагая осмотрѣть зданіе Цзянъ-Си'скаго клуба. Полицейскіе слѣдовали за нами, и толпа, если и не повиновалась имъ безпрекословно, то боялась ужасно. У входа во дворъ клуба мы остановились обождать, пока кому-то докладывали о моемъ желаніи посѣтить зданіе, и не прошло минуты, какъ ворота открылись и насъ попросили войти. Мы вступили на главный дворъ, гдѣ насъ встрѣтилъ китаецъ высокаго роста, хорошо одѣтый и державшій себя вѣжливо, но съ достоинствомъ. Онъ предложилъ осматривать все, что̀ угодно. На

томъ дворѣ помѣщались, какъ всегда, храмъ, напротивъ него театръ и по бокамъ въ одинъ рядъ ложи. Зданіе было, повидимому, очень старое, и видъ этого двора, окруженнаго строеніями, пестрѣвшими узорами, рѣзьбой, нѣжными, точно сплетенными изъ кружева рѣшетками и крышами, былъ просто очарователенъ; а темно-сѣрый налетъ на всемъ, какъ будто пыль и прахъ вѣковъ, и также многія поврежденія производили впечатлѣніе глубокой старины.

По возвращеніи на наши лодки, Ма отправился къ Сосновскому и тамъ остался. Уже наступилъ вечеръ; мы думали, что Ма ушелъ домой, и легли спать, какъ вдругъ онъ неожиданно явился къ намъ, очень взволнованный, сконфуженный и разсерженный.

Онъ наговорилъ намъ много и съ жаромъ непонятныхъ для насъ рѣчей. Кликнули казака; и онъ объяснилъ намъ и причину поздняго визита, и причину волненія: нашъ капитанъ объявилъ ему теперь, что онъ вовсе не нуженъ, что его вовсе не приглашали, а сказали,—пожалуй, поѣдемъ по пути. Ма же утверждалъ, что его пригласили, что онъ будто съ этою цѣлью оставилъ мѣсто въ Фань-Чэнѣ, истратилъ деньги на проѣздъ въ Синъ-Аньфу и теперь не можетъ пріѣхать назадъ въ свой городъ, потому что онъ теперь, по китайскому выраженію, „безъ лица оставленъ“, т.-е. осрамленъ тѣмъ, что иностранцы сначала пригласили его ѣхать съ собою, а потомъ, какъ будто дурнаго человѣка, прогнали отъ себя.

Вышла тяжелая и непріятная сцена, и мы ничего не могли придумать ни въ утѣшеніе ему, ни въ оправданіе себѣ, такъ какъ его гнѣвъ и жалобы, казалось, распространялись и на насъ... Впрочемъ, это было ужъ не первое наше похмѣлье на чужомъ пиру.

13 марта.

Ровно годъ тому назадъ я уѣзжалъ изъ Петербурга въ далекій и неизвѣстный путь, въ таинственный, интересный Китай. Тогда тамъ были глубокіе снѣга, по ночамъ морозы и метели, а сегодня здѣсь идетъ теплый весенній дождь съ первой весенней грозой [1]). Годъ тому назадъ жизнь отдаленнаго Китая, которая теперь совершается передъ моими глазами, смутно рисовалась въ

[1]) Я ни разу не замѣтилъ, чтобъ китайцы, даже дѣти, боялись грозы; они совершенно равнодушны къ ней.

воображеніи въ какомъ-то туманѣ, въ фантастическихъ и невѣрныхъ образахъ; и если бы я тогда могъ увидать себя въ той обстановкѣ, въ какой буду находиться ровно черезъ годъ, моимъ глазамъ представилось бы слѣдующее.

Въ одной изъ среднихъ провинцій Китая—Шэнь-Си, по одной изъ улицъ города Синъ-Ань-Фу, идутъ два человѣка въ русскихъ военныхъ сюртукахъ, подъ китайскими дождевыми зонтиками; ихъ сопровождаютъ два китайскихъ солдата въ черныхъ шляпахъ, похожихъ на кокошники и надѣтыхъ на затылокъ; въ черныхъ широкихъ кофтахъ, обшитыхъ широкой красной каймой, съ широчайшими рукавами съ такою же каймою; въ синихъ широкихъ брюкахъ, бѣлыхъ чулкахъ и черныхъ башмакахъ. Они разгоняютъ толпу, которая не идетъ, а волнуется, бѣжитъ и скачетъ позади этихъ четырехъ человѣкъ, крича, кто что хочетъ и, между прочимъ, что „по улицѣ заморскіе люди идутъ“! Я увидалъ бы, какъ изъ всѣхъ дворовъ, домовъ и лавокъ выбѣгаютъ на улицу всѣ, мужчины и женщины, отъ дряхлаго старика до понимающаго слова и могущаго бѣгать ребенка, бѣгутъ съ такою стремительностью и въ такомъ азартѣ, какъ будто на улицѣ кричатъ: спасайтесь, горимъ!

Я увидалъ бы далѣе слѣдующую забавную сцену. Въ то время, когда два русскихъ офицера, т.-е. я и Матусовскій, проходили вблизи воротъ одного дома, изъ нихъ выскочилъ одинъ простолюдинъ-китаецъ, уже пожилой человѣкъ, одѣтый только до половины и, выдѣлывая въ воздухѣ прыжки подобно разыгравшемуся теленку, приговаривалъ исключительно про себя, тѣмъ не менѣе во все горло: „надо и мнѣ посмотрѣть на заморскихъ людей, и я посмотрю на заморскихъ людей!“

Онъ подпрыгиваетъ еще и, припрыгивая, выкидываетъ въ воздухѣ колѣно еще хитрѣе прежняго и, видимо, такъ увлекся мечтою о предстоящей встрѣчѣ съ заморскими людьми, что, благодаря густой толпѣ, и не замѣтилъ, что онъ скакалъ козломъ какъ разъ передъ ними, что они были сзади, а онъ искалъ ихъ глазами впереди. Толпа видѣла это и хохотала надъ нимъ, но не выводила его изъ заблужденія. Полицейскіе также оставили его въ покоѣ и посмѣивались.

— Гдѣ же заморскіе люди? наконецъ кричитъ онъ.

Въ эту минуту полицейскій стегнулъ его по голой спинѣ своей бамбуковой тросточкой и сказалъ: „вотъ гдѣ заморскіе люди! Смотри скорѣй“!

Онъ обернулся, увидалъ ихъ—и въ одно мгновеніе преобразился до неузнаваемости. Онъ не ожидалъ такой близкой встрѣчи и испугался, какъ будто передъ нимъ очутились два тигра, готовые растерзать его... Куда дѣвались веселое настроеніе и выраженіе радости на лицѣ, живость и дѣтская рѣзвость движеній! Все мигомъ исчезло, и онъ превратился въ статую съ блѣднымъ лицомъ, вытаращенными глазами и раскрытымъ ртомъ. Заморскіе люди тоже расхохотались и прошли мимо, а толпа поглотила остолбенѣвшаго любопытнаго сына Поднебесья.

Возвращаюсь, однако, къ дѣйствительности. Я продолжаю свой путь сначала вмѣстѣ съ Матусовскимъ, потомъ, разставшись съ нимъ, отдѣльно, потому что у каждаго изъ насъ были свои цѣли и интересы: онъ снималъ планы городовъ, для чего „засѣкалъ свои углы“; а меня привлекали къ себѣ китайскіе люди и архитектура. Я останавливался передъ наиболѣе красивыми или типичными зданіями, передъ типичными личностями и все набрасывалъ въ свой альбомъ, всегда, когда можно, предпочитая рисунокъ описанію.

А дождикъ все моросилъ; рисовать безъ зонтика было почти невозможно, и сопровождавшіе меня зрители весьма любезно исполняли при мнѣ обязанности самыхъ усердныхъ слугъ, принося мнѣ стулья и держа надо мною мой зонтикъ, а иногда еще закрывая меня и своими.

Я обошелъ почти весь городъ по стѣнѣ, верхняя площадь которой вымощена кирпичными плитами и чисто содержится. Я видѣлъ собственно одинъ городъ, такъ какъ Синъ-Ань-Фу состоитъ изъ двухъ отдѣльныхъ частей или городовъ, стоящихъ неподалеку одинъ отъ другаго и называемыхъ Цзю-Чэнъ, Старый городъ, стоящій ближе къ рѣкѣ, и Синъ-Чэнъ, Новый,—за нимъ, отъ рѣки дальше. Въ послѣдній я, за неимѣніемъ времени и дурной погодой, не пошелъ, хотя меня очень привлекала возвышавшаяся среди его высокая и тонкая башня.

Я возвратился на свою лодку, передъ которой по прежнему стояла огромнѣйшая толпа народа; но эта толпа была теперь почтительна и относительно смирна, потому что, вмѣсто вчерашнихъ тихихъ и даже робкихъ полицейскихъ, сегодня были присланы изъ города новые и между ними одинъ, уже старикъ, своимъ лицомъ чрезвычайно напоминавшій ex-императора Наполеона III. Онъ дѣйствовалъ съ такой энергіей, и даже, можно сказать, яростію, что его одного было бы достаточно, чтобъ дер-

жать толпу въ полномъ повиновеніи: всякаго, чуть приближавшагося къ нашей лодкѣ, онъ немедленно обдавалъ водой изъ рѣки, другихъ колотилъ палкой, на третьихъ налеталъ ястребомъ, таскалъ за косы и, ничего не слушая, отправлялъ въ полицію. Ни одной минуты „Наполеонъ третій“ не оставался въ бездѣйствіи.

14 марта.

Сегодня утромъ мы оставили Синъ-Ань-Фу. Погода стояла такая же ненастная, съ дождемъ и вѣтромъ; но, благодаря послѣднему, рабочіе могли отдохнуть, такъ какъ лодки шли подъ парусами. Пѣшіе конвоиры не могли бы поспѣть за нами, и мы взяли ихъ къ себѣ на палубу, всѣхъ шесть человѣкъ.

Если бы я раньше не видалъ до чего доходитъ простота въ отношеніяхъ между солдатами и мандаринами внѣ службы, то можно было бы обидѣться поведеніемъ этихъ такъ-называемыхъ солдатъ, подумавъ, что они умышленно желаютъ показать намъ, что они насъ и въ грошъ не ставятъ. Эти „неустрашимые тигры“ китайской арміи сидѣли и лежали, можно сказать, у насъ передъ носомъ, во всевозможныхъ позахъ: лежа на спинѣ, напримѣръ, они задирали ноги кверху и, засучивая штаны гораздо выше колѣнъ, немилосердо чесали себѣ усѣянную прыщами кожу [1]). Подробности непріятныя, но весьма характерныя...

Ни мало не стѣсняясь нашимъ близкимъ присутствіемъ, они громко болтали между собою, напѣвали пѣсни, играли на деньги въ орлянку, причемъ между ними не разъ возникали горячія ссоры, и тогда они кричали во все горло.

Вѣтеръ скоро стихъ, и лодку надо было тащить бичевой; но дождь усилился, въ воздухѣ было только 10^0 тепла, и плохо одѣтые китайцы, какъ куры боящіяся дождя, дрожали отъ холода; да, кромѣ того, дѣйствительно трудно было идти по мокрымъ и скользкимъ горнымъ тропинкамъ. Лямочники шли босикомъ съ открытыми головами или въ соломенныхъ шляпахъ, другіе подъ дождевыми зонтиками; платье же ихъ не могло ни согрѣть, ни защитить отъ сырости. Мы въ сухомъ платьѣ вздрагивали отъ пронизывавшаго сыраго холода, а ноги у насъ просто зябли; и

[1]) Они почти всѣ были въ чесоткѣ, и каждый обращался ко мнѣ съ просьбой избавить ихъ отъ этой тягостной болѣзни. Со мною былъ порядочный запасъ сѣрной мази, и я охотно далъ каждому изъ нихъ достаточную порцію, разсказавъ черезъ нашего казака, какъ надо ее употреблять.

изъ сожалѣнія къ рабочимъ мы остановились на ночлегъ довольно рано, но бѣдные китайцы мало выиграли отъ этого, потому что имъ нечѣмъ было хорошенько укрыться отъ стужи и вѣтра, который еще усилился къ ночи; а бо́льшая часть ихъ и безъ того сильно кашляла.

15 марта.

Проснулись, спрашиваемъ, какая погода?—Скверно, говорятъ. Идетъ сильный дождь; вода понемногу протекаетъ въ лодку, вслѣдствіе чего ее закрыли циновками, и потому свѣта совсѣмъ мало; ненастье нагоняетъ дремоту, и нѣтъ охоты вставать. Но нельзя же лежать въ путешествіи: мы встали и принялись за работу, а китайцы потащили лодку впередъ.

Съ крутыхъ береговъ, одѣтыхъ кустарниками, изъ которыхъ многіе въ цвѣту, бѣгутъ съ шумомъ дождевые ручьи и падаютъ маленькіе водопады; вода въ рѣкѣ поднялась, какъ говоритъ нашъ лоцманъ, на четыре „чи“ (около двухъ аршинъ) и изъ прозрачной и зеленой стала желтоватой и мутной.

На мѣстѣ сегодняшняго ночлега рядомъ съ нами остановились двѣ большія купеческія лодки съ грузомъ. Было не поздно, китайцы на нихъ еще не спали, и Матусовскій, желая получить отъ нихъ нѣкоторыя свѣдѣнія о мѣстной торговлѣ, послалъ казака пригласить ихъ къ намъ. Они не заставили себя ждать, пришли тотчасъ и во время бесѣды за часмъ сообщали всякія свѣдѣнія, какъ надо думать, безъ малѣйшихъ подозрѣній, безъ тѣни нежеланія или скрытности, отвѣчая на каждый вопросъ тотчасъ и, какъ мнѣ казалось, совершенно откровенно и правдиво.

Эти свѣдѣнія товарищъ аккуратно записывалъ и, вѣроятно, напечатаетъ ихъ въ отдѣльномъ сочиненіи или въ спеціальномъ журналѣ.

16 марта.

Погода дурная, но идти можно. Скалистые берега опять становятся выше, круче, поднимаются у самой рѣки; они убраны зеленью и цвѣтами и оживляются разсѣянными по нимъ домиками горныхъ жителей. На бокахъ горъ, не высоко надъ водой, встрѣчаются какія-то большія черныя дыры,—это выходы изъ каменноугольныхъ копей. Опять весьма интересный предметъ для наблюденія, такъ какъ китайцы разрабатываютъ ихъ по своему.

Пользуясь отставаніемъ нашихъ спутниковъ, мы пошли было посмотрѣть производство работъ; но войдя въ шахту и сдѣлавъ не болѣе двухъ десятковъ шаговъ, уже не могли двигаться дальше, по случаю непроницаемаго мрака; рабочихъ же съ фонарями не было, а ожидать ихъ было некогда.

Эта шахта, какъ намъ объяснилъ одинъ изъ мѣстныхъ жителей, разрабатывается уже семьдесятъ лѣтъ и, идя все въ горизонтальномъ направленіи, углубляется въ гору теперь на 8 ли (версты на четыре). Уголь вывозится изъ шахты въ двухколесныхъ телѣжкахъ, сплетенныхъ изъ ивовыхъ прутьевъ, и давность разработки мины свидѣтельствуется довольно глубокими колеями, какія колеса продѣлали въ скалѣ, служащей дномъ шахты и, слѣдовательно, дорогой. Съ боку послѣдней изъ отверстія пещеры течетъ ручей прозрачной воды, которая покрываетъ всѣ попадающіе въ нее предметы желтымъ охристымъ осадкомъ.

Сопровождавшій насъ одинъ мѣстный китаецъ, очень любезный человѣкъ, указавъ на противоположный берегъ рѣки, сказалъ, что тамъ также находится уголь, который также добывали; но вслѣдствіе неосторожности онъ загорѣлся, и подземный пожаръ продолжался три года. Теперь гора въ этомъ мѣстѣ представляется какъ бы пробитою большими черными дырами сверху до низу.

Взявъ образцы угля, оказавшагося антрацитомъ хорошаго качества, мы возвратились на лодку и потомъ шли безъ остановокъ до самаго ночлега между гористыми берегами.

17 марта.

Погода ясная. Пороги на рѣкѣ встрѣчаются чаще и становятся труднѣе для прохожденія черезъ нихъ лодокъ; теперь уже почти на каждомъ изъ нихъ приходится прибѣгать къ помощи жителей прибрежныхъ деревень.

Мы проходимъ самыми живописными мѣстами; быстрины и пѣнящіеся пороги чередуются съ затишьями на рѣкѣ, гдѣ вода гладка, какъ зеркало; въ густыхъ кустарникахъ и бамбуковыхъ рощахъ, одѣвающихъ гористые берега, порхаютъ птицы, и хоръ ихъ голосовъ раздается въ горахъ безъ умолку отъ зари и до зари. Множество прекрасныхъ, часто совсѣмъ незнакомыхъ намъ деревьевъ встрѣчается на горахъ, но лѣсовъ нигдѣ нѣтъ; только сегодня я видѣлъ на хребтѣ одной изъ сосѣднихъ горъ довольно длинный, но рѣдкій рядъ большихъ деревьевъ въ видѣ вырубленной рощи.

Такъ называемому „Ноеву Ковчегу“, или лодкѣ нашего начальника, становится все труднѣе двигаться въ этой части рѣки, и она постоянно отстаетъ, къ нашему большому благополучію, потому что мы раньше останавливаемся на ночлегъ, и дорогой я могу выходить на берегъ для собиранія растеній, охоты за птицами и чтобы хоть мелькомъ взглянуть на жизнь туземцевъ.

Здѣшніе жители были кротки, миролюбивы и такъ любезны со мной, какъ я и ожидать не могъ. Выхожу, напримѣръ, сегодня на берегъ, въ селеніе Ю-Хо, представляющее прелестнѣйшій уголокъ, въ которомъ отовсюду вѣетъ довольствомъ и тихимъ счастьемъ; поднимаюсь выше, черезъ тройную арку, поставленную на тропинкѣ, которая вьется между обрывовъ и высокихъ стѣнъ, сложенныхъ изъ камня и покрытыхъ растеніями. (Эти стѣны поддерживаютъ расположенные террассами дворы и рисовыя поля). Жители, разсѣянные всюду, куда ни взглянешь, по одному, по два или группами, мужчины, женщины и дѣти, останавливаются и смотрятъ на меня удивленными глазами; нѣкоторые здороваются; другіе, видя, что я собираю цвѣтущія растенія, тоже начинаютъ срывать разные цвѣты и приносить мнѣ. Замѣтивъ, что я собираю не только красивые цвѣты, а всякія растенія и что выдергиваю ихъ съ корнями, они стали взбираться на крутые пригорки или уходили куда-то въ сторону и приносили мнѣ оттуда растенія и вѣтки съ деревьевъ, какихъ по близости не было, а также травы съ корнями и цвѣтами.

Отдавая нѣкоторыя растенія, они что-то объясняли мнѣ, указывая на нихъ, но я, къ сожалѣнію, не понималъ ихъ словъ:— вѣроятно объясненія касались или ихъ лекарственнаго употребленія или значенія въ хозяйствѣ, а можетъ быть какихъ-нибудь связанныхъ съ ними повѣрій, которыхъ у китайцевъ относительно растеній довольно много. Въ этомъ селѣ, напримѣръ, Ванъ указалъ на одну кумирню, называемую Ми-Чы-Дунъ, и объяснилъ, что она построена на томъ мѣстѣ, гдѣ въ древнія времена находился источникъ, изъ котораго текла вода съ рисомъ... „Теперь ужъ нѣтъ такихъ источниковъ,“ съ сожалѣніемъ прибавилъ онъ.

Пройдя нѣсколькими дворами такъ же свободно и спокойно, какъ будто я гулялъ по собственнымъ владѣніямъ, и стрѣляя, иногда у самыхъ домовъ, попадавшихся на близь стоящихъ деревьяхъ птицъ, я направлялся къ находившимся невдалекѣ рисовымъ полямъ. Со мною пошло нѣсколько китайцевъ, которыхъ

интересовалъ и я самъ, и особенно мое двухствольное ружье, о которомъ они очень много говорили между собою и удивлялись, какъ можно убивать на такомъ далекомъ разстояніи такихъ маленькихъ птицъ, да еще на лету.

Когда я прицѣливался, они обыкновенно зажимали руками уши и отворачивались въ сторону, а послѣ выстрѣла въ тотъ же мигъ бросались за убитой птицей, какъ это дѣлаютъ молодыя горячія собаки. Собаки у меня не было, и они оказывали мнѣ немаловажную услугу, доставая птицъ, за которыми мнѣ пришлось бы ходить самому, иногда карабкаться по оврагу, перелѣзать черезъ изгороди и т. п. Они же дѣлали все это съ наслажденіемъ, легко и весело; потомъ разсматривали поднятую птицу, отыскивали рану, а когда она закупоривалась перьями и изъ нея не показывалось ни капли крови, какъ это иногда случается, то удивленію ихъ не было конца, и они, вѣроятно, готовы были вѣрить, что мое ружье убиваетъ безъ свинца, а такъ просто, однимъ громомъ, волшебной заморской силой. Они снова принимались осматривать ружье и расхваливать его, а также мою „твердую руку и вѣрный взглядъ“.

Пришелъ на рисовыя поля. Они въ данную пору года стояли пустыми и походили на мелкіе пруды, поросшіе разными водяными растеніями,—но пруды, приведенные въ замысловатую систему: каждое поле, окаймленное нѣсколько возвышеннымъ валикомъ земли, находится на другой высотѣ, чѣмъ всѣ остальныя, — оно лежитъ или выше или ниже другихъ, т.-е. террасами или лѣстницами; но сравненіе рисовыхъ плантацій съ ступенями лѣстницы будетъ не совсѣмъ или не всегда вѣрно вотъ почему. При приготовленіи полей подъ рисовые посѣвы задача земледѣльца состоитъ въ томъ, чтобы вода, наполнивъ одно поле, переходила черезъ устроенный шлюзъ на другое, сосѣднее, ниже его лежащее; съ этого—на слѣдующее и т. д. При этой системѣ достаточно провести воду одного горнаго ручья на самое верхнее поле, и затѣмъ она наполнитъ сама собою всѣ остальныя. А такъ какъ при обдѣлываніи горнаго склона въ видѣ террасъ приходится приспособляться къ условіямъ каждой данной мѣстности, то подобныя плантаціи представляютъ безконечное разнообразіе въ формѣ и величинѣ; и въ общемъ, когда на нихъ смотрѣть сверху, онѣ чрезвычайно красивы, но не сами по себѣ, а въ цѣлой картинѣ здѣшней величественной природы.

Представьте, напримѣръ, себя, стоящимъ на значительной вы-

сотѣ, на склонѣ одной изъ горъ, гряда которыхъ тянется отъ васъ въ обѣ стороны; такія же горы возвышаются и передъ вами, по другую стоорону рѣки, которая протекаетъ далеко внизу, у вашихъ ногъ, и вы видите ее на большомъ пространствѣ; она течетъ то тихо, недвижно, какъ будто и не течетъ совсѣмъ, то мчится и скачетъ бѣлыми валами на порогахъ, разбиваясь о торчащіе камни, и шумъ воды едва-едва доносится до вашего уха. Гористые берега рѣки одѣты богатѣйшею растительностью, и между рощами, отдѣльными купами деревъ и живыми изгородями вы видите вездѣ разноцвѣтныя нивы разныхъ хлѣбовъ, свѣтлыя рисовыя поля, подобно зеркаламъ отражающія небо; видите деревни и разсѣянные домики, а на вершинахъ горъ—уединенные храмы и монастыри... Солнце сѣло; на западѣ догораетъ заря и вечерняя голубоватая мгла одѣваетъ мало-по-малу очаровательную картину, окрашивая всѣ предметы въ другой болѣе спокойный колоритъ и дѣлая всѣ очертанія ихъ такими мягкими и нѣжными...

Эхъ, времени бы намъ побольше, да честнаго и разумнаго начальника! Что бы мы привезли изъ нашего путешествія, — думается бывало,—когда остановишься передъ картинами здѣшней богатой природы и ея кипучею жизнью... Вздохнешь и съ проклятіями глупой судьбѣ побредешь на свою лодку.

Я возвращался домой опять черезъ село, жители котораго собрались толпами на берегу, и удивленные на этотъ разъ появленіемъ на рѣкѣ не заморскихъ людей, а капитанской лодки, восклицали, какъ бы не вѣря своимъ глазамъ.

— Ма-Янъ-Чуань?! Ма-Янъ-Чуань идетъ! [1])

Должно быть, они никогда не видали на своихъ водахъ такого судна, и многіе изъ нихъ, несмотря на позднее время, побѣжали внизъ къ рѣкѣ, смотрѣть на диковину.

— Охъ, не хороша эта лодка, говорили туземцы,—не годится она для нашей рѣки; и мы удивляемся, какъ вы могли въ ней пробраться черезъ такіе пороги; должно быть, много людей помогало... Не хорошо въ этой лодкѣ дальше ѣхать! Какъ вы тамъ поѣдете! выражали свои опасенія китайцы.

И они совѣтовали оставить ее, а себѣ взять другую, мѣстную... Нужно ли говорить, что ихъ не послушали.

---

[1]) Чуань значитъ лодка, а названіе Ма-Янъ дается лодкамъ извѣстной конструкціи. У китайцевъ множество названій для различнаго вида судовъ.

18 марта, воскресенье.

Сегодня намъ предстояло пройти черезъ порогъ болѣе трудный и потребовавшій особыхъ приготовленій, состоявшихъ въ томъ, что изъ сосѣдней деревни призвали человѣкъ до тридцати людей и обычный бамбуковый канатъ замѣнили другимъ, такимъ же, но прочнѣе, а прежній привязали не къ верхушкѣ мачты, а къ ея основанію, и повели лодки на этихъ двухъ канатахъ: одинъ тянули рабочіе шедшіе по правому берегу, другой — другіе, по лѣвому... Вотъ, оказывается, для чего нашъ Тай-Гунъ готовилъ свой крѣпкій безконечный канатъ!

Подошли къ порогу; рабочіе остановились, чтобъ собраться съ силами и лучше приспособиться, но все время удерживали лодку на натянутыхъ канатахъ. Мы не выходили изъ лодокъ, потому что этого не предлагали, да и интереснѣе было.

Вода неслась мимо насъ, трепетала, билась о края лодки и качала послѣднюю такъ, что люди, бывшіе на ней, должны были упереть нѣсколько бамбуковыхъ шестовъ въ дно рѣки и ближайшіе камни, торчавшіе изъ воды, чтобъ лодка не разбилась объ нихъ. Наконецъ раздалась команда лоцмана Вана, и рабочіе съ извѣстнымъ читателю пришѣвомъ тронулись въ путь; пошла разумѣется и лодка, но мы вовсе не замѣчали ея движенія впередъ: она, казалось, стояла на мѣстѣ, нѣколько приподнявъ носъ передъ покатостью несшагося на встрѣчу водянаго холма. Съ боковъ около лодки образовались въ водѣ глубокія впадины—волновыя долины, а за ними поднимались валы; пѣна клубилась и кипѣла вокругъ. И около насъ со всѣхъ сторонъ точно происходила отчаянная борьба какихъ-то бѣлогривыхъ чудовищъ, схватившихся и перевившихся въ одну вертящуюся массу; глазъ терялся отъ непривычнаго ощущенія. Отъ шума этихъ валовъ нельзя было слышать словъ рядомъ стоящаго человѣка, если даже онъ кричалъ изо всѣхъ силъ прямо въ ухо.

Посматривая на натянувшіеся, какъ струны, канаты, невольно думаешь о томъ,—что если они не выдержатъ,—и представляешь себѣ съ какою силой отбросятъ лодку назадъ и, конечно, разобьетъ ее въ дребезги о первую скалу или камень... Да, невозможно оставаться спокойнымъ въ эти медленныя минуты прохожденія черезъ такіе пороги!

Хотя здѣсь нельзя опасаться за свою жизнь, потому что рѣка тутъ не широка,—до берега всегда можно доплыть, отдѣлавшись нѣсколькими ушибами; но намъ дѣлалось страшно за находившія-

ся въ лодкѣ вещи, безъ которыхъ мы не могли бы дальше ѣхать и другія, какихъ вновь не пріобрѣсти.

Но вотъ мы и за порогомъ. Возможная опасность миновала, и мы остановились у берега на совершенно тихой и гладкой части рѣки—остановились, потому что наши лоцманъ и рабочіе должны были отправиться помогать проведенію другой лодки, какъ ея рабочіе сейчасъ помогали нашимъ.

Мы вышли на берегъ и пошли посмотрѣть со стороны на прохожденіе ея черезъ порогъ. Сцена была любопытная. Въ ней принимало дѣятельное участіе человѣкъ до сорока людей: рабочіе и хозяева лодокъ, жена лодочника, исполнявшая обязанности лоцмана, настоящіе лоцманы, конвойные солдаты и нанятые люди изъ мѣстныхъ сельскихъ жителей. Одни находились на лодкѣ, другіе разбрелись по обоимъ берегамъ.

Нашъ „генералъ отъ судоходства“, Ванъ, стоялъ на носу лодки съ багромъ въ рукахъ и заправлялъ всѣми остальными. Жена другаго лодочника, маленькая, худенькая, уже пожилая, но какъ видно умная и энергичная женщина, стояла на берегу и передавала рабочимъ его распоряженія, а также работала и доглядывала сама. Нашъ же глуповатый Тай-Гунъ, къ моему изумленію, засѣлъ на руль... Впрочемъ, онъ имѣлъ одну дѣйствительную добродѣтель, за которую ему можно простить его недальній умъ и благодаря которой онъ не могъ быть опаснымъ рулевымъ, а именно: онъ нисколько не важничалъ своимъ саномъ хозяина и, видя превосходство надъ собою своего старшаго рабочаго Вана, всегда подчинялся ему въ дѣлѣ управленія лодкой. Такъ и въ данномъ случаѣ онъ не умничалъ, а рабски исполнялъ все, что̀ Ванъ приказывалъ, отдавая свои приказанія извѣстными знаками рукою, потому что словъ за ревомъ воды рѣшительно нельзя было слышать.

Остальные рабочіе всѣ были при дѣлѣ,—тянули, поддерживали канатъ, отводили отъ камней, чтобъ его не перерѣзало; всѣ работали усердно, изо всѣхъ силъ, какъ китайцы умѣютъ работать; нѣкоторые несчастные даже падали, перебираясь черезъ груды навороченныхъ въ безпорядкѣ большихъ камней, какими здѣсь покрыты берега. И опять нельзя было не любоваться, глядя на этихъ искусныхъ, ловкихъ и добросовѣстныхъ работниковъ.

Передъ порогомъ Сосновскій по обыкновенію вышелъ на берегъ — наблюдать, какъ онъ говорилъ, чтобъ хорошо дѣйствовали. Онъ поощрялъ трудолюбивыхъ, распекалъ тѣхъ, кто

„только разговариваетъ на порогахъ“, указывалъ, какъ и что нужно сдѣлать—словомъ заправлялъ всѣмъ дѣломъ; къ сожалѣнію только, китайцы не могли послѣдовать его совѣтамъ, такъ какъ всѣ распоряженія дѣлались имъ на русскомъ языкѣ и при страшномъ шумѣ воды.

Они дѣлали свое дѣло, какъ знали, и лодка благополучно миновала порогъ, лишь немного зачерпнувъ воды, такъ что нѣкоторыя вещи въ трюмѣ подмокли... Это было первое предостереженіе...

Сегодня должны придти въ городъ Цзы-Янъ-Сянь, и мы съ Матусовскимъ прибыли туда довольно рано; остальные же спутники явились къ вечеру. Они опоздали такъ потому, что ихъ лодку тащили съ страшными усиліями, и одинъ разъ она таки оторвалась; ее понесло внизъ по теченію, и только благодаря чьей-то чужой лодкѣ, на которую она налетѣла, нѣсколько повредивъ ее, да ловкости казака Степанова, ее удалось остановить; а то Богъ вѣсть, что могло бы случиться, еслибъ ее донесло до ближайшаго порога. Итакъ всѣ пришли въ городъ Цзы-Янъ-Сянь.

Онъ расположенъ на лѣвомъ берегу рѣки, на возвышенномъ холмѣ, а по набережной тянется его предмѣстіе. Близъ города съ правой стороны въ Хань-Цзянъ впадаетъ рѣка Рынь-Хо (или Жинь-Хо), зеленая и прозрачная вода которой долго не смѣшивается съ мутною послѣ дождей водою Хань-Цзяна. Деревья здѣсь большею частью уже одѣлись листьями, другія только развертываются, а нѣкоторыя стоятъ еще голыми. Въ городѣ всюду большое оживленіе по случаю нашего пріѣзда. Толпа надоѣдала порядочно, и по сходнямъ, когда ихъ клали на берегъ, туземцы лѣзли къ намъ ужасно. Слуга-китаецъ, Чжу, которому надоѣло прогонять безпрестанно являвшихся земляковъ-посѣтителей, хотѣлъ принять сходни прочь; но въ это время на ихъ противоположный конецъ уже сталъ одинъ китаецъ; Чжу выдернулъ доску и стукнулъ его ею по ногѣ; тотъ обозлился и закричалъ: бей его!

— Бей, бей его! заорало въ толпѣ множество голосовъ, и въ Чжу попалъ одинъ порядочный камень; толпа полѣзла было къ лодкѣ съ намѣреніемъ достать и достойно наказать своего собрата; но мнѣ стоило только сойти съ лодки на берегъ, чтобъ сильный гнѣвъ перешелъ въ не менѣе сильный страхъ, и толпа мигомъ разсыпалась въ стороны: такъ велика у нихъ боязнь къ

„заморскимъ чертямъ“. Тѣмъ все и кончилось. Черезъ минуту они опять стали собираться потихоньку и понемногу; опять стояли и глазѣли, за всѣмъ наблюдая съ жадностью и ловя нѣкоторыя русскія слова, которыя они потомъ долго повторяли и смѣялись. Съ того берега, напримѣръ, подъѣхала лодка съ любопытными, намѣревавшимися причалить къ нашей, чтобъ разсмотрѣть насъ на свободѣ, во всѣхъ подробностяхъ; но казакъ замѣтилъ это намѣреніе и закричалъ на подъѣзжавшихъ по-русски:

— Куда! куда! И не позволилъ лодкѣ причалить.

Толпѣ эта сцена почему-то показалась ужасно смѣшною; она разразилась взрывомъ хохота, и потомъ чуть только другая лодка приблизится къ намъ съ тѣмъ же намѣреніемъ, какъ китайцы съ берега тотчасъ кричатъ на нее:

— Кху-да, кху-да! и хохочутъ такъ добродушно и весело, что долго сердиться на нихъ было рѣшительно невозможно.

19 марта.

Узнавъ, что сегодня мы остаемся здѣсь на цѣлый день, я тотчасъ пошелъ въ городъ въ сопровожденіи одного полицейскаго; поднялся на холмъ къ домикамъ, которые устроены на разныхъ подмосткахъ и подпоркахъ, а также стоятъ на выравненныхъ и укрѣпленныхъ стѣнами площадяхъ, и направился вдоль берега по тропинкамъ и переулкамъ, обрамленнымъ домиками и лавками. Мѣстами въ этихъ переулкахъ дорога превращается въ каменныя лѣстницы, по бокамъ которыхъ тоже стоятъ дома съ выходящими на улицу дверьми, окнами и балкончиками, и отовсюду выглядывали головы, по преимуществу женскія; вездѣ раздавались говоръ и смѣхъ.

Продолжая свой путь все въ гору, я достигъ незастроенной возвышенности въ видѣ холма и остановился на ней, чтобъ отдохнуть и полюбоваться прекраснымъ видомъ раскинувшагося внизу города, съ красивыми группами домиковъ и кумиренъ, съ тѣнистыми садами, въ которыхъ стаями порхали птицы, съ катившейся подъ городомъ рѣкой и высокими горами по ея другую сторону, воздѣланными почти до самыхъ вершинъ и просто усѣянными миніатюрными зданіями монастырей и хуторовъ.

Хорошо живется здѣсь, подумалось мнѣ. Такъ ли будутъ жить тутъ, если просвѣщеніе Запада проникнетъ сюда? Сохранится ли такой же миролюбивый характеръ людей, скромность ихъ желаній, простота и патріархальность нравовъ, какія замѣчаются те-

перь? Или эти столь симпатичныя стороны характера китайцевъ исчезнутъ вмѣстѣ съ птицами, которыя тогда уже не будутъ жить такъ близко и въ такой дружбѣ съ человѣкомъ, какъ теперь, перестанутъ вить свои гнѣзда въ каждомъ саду и распѣвать свои пѣсни, какія оглашаютъ здѣсь воздухъ въ настоящее время...

Извѣстно, что человѣку, поднявшемуся на извѣстную высоту, невольно и неудержимо хочется подняться еще выше, чтобъ еще оттуда посмотрѣть внизъ на расширившійся горизонтъ; и я отправился дальше въ гору, не ожидая ничего тамъ найти, а просто чтобъ побывать выше. Взобрался по трудной тропинкѣ еще шаговъ на двѣсти, ужасно усталъ и, дѣлая послѣдніе шаги, рѣшилъ про себя дальше не идти.

Но каково было мое удивленіе, когда я, взойдя на пригорокъ, увидалъ въ нѣкоторомъ разстояніи передъ собою городъ со стѣной, башнями, храмами, улицами и кипучей жизнью... Положимъ, что въ этомъ открытіи другаго города не было ничего сверхъестественнаго,—это была другая, нагорная часть Цзы-Янъ-Сяня,—но я не подозрѣвалъ ея существованія; мнѣ казалось, что я поднялся на слишкомъ большую высоту, чтобъ надо мною могъ находиться еще городъ, и потому онъ представился мнѣ какимъ-то волшебнымъ явленіемъ сказочнаго міра, городомъ, находящимся какъ бы въ заоблачной странѣ. И очутившись передъ нимъ, ужъ конечно нельзя было не войти и не осмотрѣть его.

Къ несказанному удовольствію его жителей, особенно ребятъ, прыгавшихъ и хохотавшихъ отъ радости; къ удовольствію бѣдныхъ затворницъ прекраснаго пола, обреченныхъ почти на безвыходную домашнюю жизнь, я отправился въ городъ, и мнѣ даже пріятно было доставлять своей персоной такое живое развлеченіе всѣмъ этимъ бѣднымъ людямъ. О самомъ городѣ ничего особеннаго сказать не могу, потому что въ общихъ чертахъ въ немъ то же, что и въ другихъ китайскихъ городахъ, а поближе ознакомиться съ нимъ было некогда: сейчасъ закричатъ, что „изъ-за меня простояли, что я всегда заставляю дожидаться и нарочно ухожу въ даль, чтобъ только оказывать оппозицію“.

Вернувшись домой, я узналъ, что въ городѣ разнеслась вѣсть о пріѣздѣ сюда „иностраннаго доктора“, и десятка три паціентовъ уже стояли на берегу въ ожиданіи моего возвращенія; но видя всю безплодность пріема больныхъ, по безъязычію моему, я поневолѣ ограничился лишь немногими совѣтами тѣмъ изъ нихъ, болѣзни которыхъ были понятны безъ разспроса. Между паціен-

тами была даже одна молодая женщина, которая пришла съ матерью или знакомой старушкой и все время держалась за ея руку, очевидно подъ вліяніемъ безотчетнаго страха.

20 марта.

Плывемъ далѣе. Прошли одинъ порогъ, и нашъ лоцманъ говоритъ: „здѣсь надо остановиться, обождать другую лодку, которая на этомъ порогѣ долго провозится". Пристали къ берегу и расположились бивуакомъ.

Еще было раннее утро. Солнце освѣщало только вершины одной стороны горъ, а вся долина рѣки была еще въ тѣни; но воздухъ совершенно прозраченъ и тепелъ.

Я взялъ ружье и побрелъ по тропинкѣ въ горы, круто поднимавшіяся у самой рѣки. Меня привлекалъ къ себѣ незнакомый голосъ одной крошечной птички [1]), которую мнѣ хотѣлось добыть для своей коллекціи. Нехитрая, но чрезвычайно симпатичная пѣсня ея состоитъ всего изъ двухъ нотъ,—первой протяжной и чрезвычайно тихой, какъ будто доносящейся откуда-то очень издалека, и второй—громкой, короткой и тона на три выше первой. Увидать эту крошку въ густой листвѣ растущихъ здѣсь вѣчно зеленыхъ кустарниковъ, въ которыхъ порхаетъ она, чрезвычайно трудно, и я, прислушиваясь къ ея свисту, долго карабкался по скаламъ, цѣпляясь за вѣтки, и наконецъ увидалъ ее и убилъ, какъ ни жаль было бѣдняжку, но убился было и самъ. Оборвавшись въ моментъ выстрѣла съ своей ненадежной точки опоры, я полетѣлъ внизъ, но къ счастію ухватился за кустъ и удержался, а то бы еще далеко пришлось катиться.

Я полѣзъ назадъ за ружьемъ и своей бѣдной жертвой, которую долго прискалъ, прежде чѣмъ нашелъ ее и, отправившись выше, добрался до удобной тропинки, тянувшейся параллельно берегу. Въ очень крутыхъ мѣстахъ на этой тропинкѣ выдѣланы въ скалахъ лѣстницы, и по одной изъ нихъ, ступеней во сто, я быстро поднялся на значительную высоту. Подхожу къ краю площадки, на которую выбрался, и, взглянувъ оттуда внизъ, почти по отвѣсному направленію, вижу далеко подъ собою слѣдующую неожиданную сцену.

Сосновскій и всѣ его спутники стоятъ на берегу; возлѣ нихъ у берега лодка, и изъ нея таскаютъ и выносятъ на берегъ раз-

[1]) Suthora Webbiana Gray.

ные ящики и сундуки; тѣ же, которые уже снесены, постепенно открываютъ, достаютъ изъ нихъ вещи и раскладываютъ на землѣ... Не трудно было догадаться, что означала эта внезапная ревизія багажа... Это значило, что лодка или пробила себѣ дно, или набрала воды черезъ бортъ! Оказалось послѣднее и слава-Богу еще, что этимъ кончилось, потому что, если вѣрить опытности китайцевъ, предостерегавшихъ относительно ея, могло быть гораздо хуже.

Я пошелъ назадъ и на обратномъ пути убилъ еще двухъ птицъ, собралъ десятка три растеній и, вернувшись домой, узналъ отъ Матусовскаго, что ни сегодня, ни завтра мы ѣхать не можемъ по случаю просушки подмоченныхъ вещей. Непріятна была причина, но остановкѣ я былъ радъ; и если въ ней было что дурное, такъ то, что она наводила на мысли о томъ, какъ хорошо бы, если подобныя остановки дѣлались чаще, вездѣ, гдѣ было бы нужно.

Проведя этотъ день за препаровкой птицъ и перекладкой собранныхъ растеній, я готовился къ экскурсіи въ горы, которую намѣревался предпринять завтра.

21 марта.

Проснулись съ солнцемъ и, совершивъ туалетъ, вышли на палубу. Утро превосходное; дувшій вчера довольно сильный вѣтеръ совершенно стихъ. Наша лодка была отдѣлена отъ мѣста вчерашней катастрофы вдающимся въ рѣку мысомъ, и потому мы не могли видѣть, что̀ тамъ происходило; но нашъ казакъ сходилъ туда сегодня и принесъ новость, которую узналъ отъ хозяина другой лодки, что „изъ восьми рабочихъ, находившихся на ней, четверо сбѣжали“...

— Какъ сбѣжали? Отчего? спрашиваемъ.

— Оттого, говорятъ, что вчера ужъ измучились очень, работали цѣлый день—все ящики таскали, такъ что поѣсть некогда было; думали, что имъ хоть заплатятъ что-нибудь за работу, а они такъ ничего и не получили. Ну и сбѣжали.

— Какъ же теперь начальникъ намѣренъ поступить? спрашиваемъ его.—Вѣдь съ четырьмя человѣками они совсѣмъ не могутъ тронуться.

— Хозяинъ сказывалъ, что хочетъ идти въ городъ нанимать новыхъ рабочихъ, да, говоритъ, денегъ нужно, чтобъ нанять, а у него, говоритъ, нѣтъ; такъ теперь объ этомъ идутъ перего-

воры. Онъ говоритъ—пожалуйте денегъ, а ему капитанъ, не хотятъ давать, говорятъ,—это не мое дѣло... Ты, говорятъ, взялся доставить до мѣста, такъ и долженъ нанимать на свой счетъ.

Мы стояли верстахъ въ четырехъ отъ Цзы-Янъ-Сяня. Пока дойдутъ туда, пока наймутъ рабочихъ и вернутся назадъ, пройдетъ, разсчитывалъ я, нѣсколько часовъ времени, которыхъ мнѣ было достаточно, чтобы сдѣлать полезную прогулку въ горы. Между конвойными былъ одинъ солдатъ, очень милый, учтивый и расторопный человѣкъ. Онъ просилъ меня вчера взять его съ собою, когда я пойду, чему я былъ очень радъ, потому что имѣлъ въ немъ полезнаго помощника. Но сегодня узнаю, что и всѣ конвойные ушли назадъ въ Цзы-Янъ-Сянь, потому, говорятъ, что „отправились въ дорогу безъ припасовъ и безъ денегъ, вѣроятно разчитывая, что имъ дадутъ обѣдъ у насъ въ лодкѣ или будутъ отпускать кормовыя деньги; но, не получивъ ни того, ни другаго, они ушли за ними домой, чтобы истребовать содержаніе отъ своего начальника. Обѣщали сегодня же вернуться."

Это было весьма непріятное извѣстіе; намъ стало ужасно совѣстно и досадно, но поправить уже было нельзя и мы только приказали казаку—впередъ всегда, не спрашивая у конвойныхъ есть у нихъ что или нѣтъ, выдавать всѣмъ изъ нашихъ денегъ по сту чохъ ежедневно на ѣду, независимо отъ того, что будетъ дано при возвращеніи ихъ домой. Ста чохъ въ день китайскому солдату, пожалуй, не проѣсть, хотя по здѣшнему курсу это составляетъ на наши деньги менѣе пятнадцати копѣекъ. Насъ съ товарищемъ это разорить не могло; да если бы и тяжело было, мы предпочли бы лишить себя многаго, чтобы только избавиться отъ общаго срама.

Мы боялись однако, что ушедшіе конвойные совсѣмъ не вернутся и такимъ образомъ лишатъ насъ возможности поправить нашу невнимательность относительно ихъ.

Вскорѣ затѣмъ къ намъ приходитъ Андреевскій съ распоряженіемъ, чтобъ мы отправлялись въ г. Хань-Чжунъ-Фу (послѣдній пунктъ, до котораго мы должны были идти рѣкою), и говоритъ, что вся ихъ компанія возвращается отсюда въ Цзы-Янъ-Сянь, а оттуда пріѣдетъ въ Хань-Чжунъ сухимъ путемъ.

— Какъ сухимъ путемъ, возражаетъ Матусовскій,—вѣдь изъ Цзы-Янъ-Сяня сухопутной дороги въ Хань-Чжунъ-Фу нѣтъ, есть только горная тропинка для пѣшеходовъ. Вамъ надо будетъ ѣхать на Ха-Инъ-Сянь: оттуда есть дорога.

— Что же касается насъ, продолжалъ онъ,—то мы должны имѣть паспортъ и конвойныхъ, а у насъ нѣтъ ни того, ни другихъ. Вы передайте на счетъ этого... Впрочемъ я самъ пройду туда и объясню, сказалъ Матусовскій и ушелъ съ переводчикомъ къ другой лодкѣ.

Онъ повторилъ Сосновскому приведенныя выше слова.

— Ну, ужъ это моя забота, отвѣтилъ тотъ относительно паспорта и конвойныхъ; что же касается дороги, замѣтилъ онъ Матусовскому, — то вы жестоко ошибаетесь. Что дорога здѣсь есть, это у меня даже въ книгѣ записано, и даже обозначены размѣры провозной платы на этой дорогѣ... А вы мнѣ будете разсказывать, что дороги нѣтъ!..

Матусовскій попробовалъ повторить то, что̀ зналъ положительно, но зная изъ многихъ опытовъ, что продолженіе спора ни къ чему не приведетъ, болѣе не возражалъ и сказавъ—можетъ быть не знаю, ушелъ назадъ.

Сосновскій рѣшилъ ѣхать обратно въ Цзы-Янъ-Сянь, а мы остались здѣсь до возвращенія изъ города конвойныхъ, которые должны были принести намъ написанный тамъ отдѣльный паспортъ.

Бывшіе при насъ китайцы всѣ старались уговорить насъ измѣнить рѣшеніе и настроили казака Смокотнина пойти передать ихъ совѣтъ. Но онъ, получивъ строгій выговоръ за то, что „смѣетъ соваться, когда его никто не спрашиваетъ“, грустный вернулся назадъ.

Итакъ, Сосновскій съ своей компаніей отправился обратно въ городъ, а мы остались на своемъ мѣстѣ въ изумленіи и страхѣ за будущее.

Надо было разсѣяться, и я, взявъ ружье, жестянку для собиранія растеній и коробки для насѣкомыхъ, ушелъ въ горы. Нашъ лоцманъ Ванъ, этотъ живой и милый старикъ, не могъ оставаться безъ дѣла и отправился со мною.

Погода стояла великолѣпная, и роскошная природа скоро разсѣяла мои невеселыя думы; я скоро забылъ все, кромѣ того, что было передъ моими глазами и что̀ меня интересовало.

Ванъ говоритъ, что тутъ, въ горахъ, много золотыхъ фазановъ (цзинь-цзи)... Чтобы увидать золотаго фазана на волѣ и самому добыть его, стоило полазить по горамъ; но намъ пришлось карабкаться по такимъ мѣстамъ, что иногда я останавливался на одномъ мѣстѣ и долго долженъ былъ соображать, куда теперь

лѣзть и какъ? Густые кустарники акацій, дикихъ розъ и многихъ другихъ родовъ то помогали, то мѣшали намъ; но, промучившись понапрасну часа два и даже не слыхавъ крика фазановъ, мы выбрались на тропинку и пошли по ней вдоль берега, вверхъ по рѣкѣ.

Тутъ съ нами повстрѣчался одинъ китаецъ, который несъ двѣ шкурки золотыхъ фазановъ, хотя цѣльныя, но снятыя очень дурно. Когда его удивленіе отъ неожиданной встрѣчи со мною прошло и онъ разговорился съ Ваномъ, онъ предложилъ мнѣ купить шкурки и спросилъ за обѣ 60 чохъ (копѣекъ 7). Я, разумѣется, купилъ ихъ ради красивыхъ перьевъ и при этомъ не могъ не вспомнить нашихъ дамъ, которыя платятъ рубли за одно крылышко, да еще не всегда фазана, а какой-нибудь бѣлой куропатки, горлинки или другой, не особенно красивой и не особенно рѣдкой птицы.

Ванъ съ покупкой отправился назадъ къ лодкѣ, а я одинъ пошелъ далѣе къ виднѣвшемуся невдалекѣ селенію, расположенному на покатости горы, приблизился къ нему, прошелъ между чистенькими снаружи домиками и садами, въ которыхъ росли, между прочимъ, апельсинныя деревья, вѣерныя пальмы и бананы, прошелъ между огородами и рисовыми полями (въ которыхъ плавали лягушки), встрѣчалъ много китайцевъ, занимавшихся разными домашними дѣлами, и вошелъ въ небольшую рощу туій и можжевельниковъ, куда послѣдовали за мной нѣсколько человѣкъ изъ сельскихъ жителей, большею частью молодыхъ людей и ребятъ.

Послѣдніе, увидавъ что я собираю травы, сами превращались въ ботаниковъ—срывали разныя растенія и несли ко мнѣ; а видя на мнѣ ружье, они указывали на птицъ, которыхъ много порхало въ вершинахъ деревьевъ; и когда я убивалъ какую-нибудь изъ нихъ, они въ запуски бѣжали за ней и бережно тащили ко мнѣ. Когда мы предавались этимъ занятіямъ,—словно ужъ давно знали другъ друга,—вдругъ всѣ мальчишки всполошились и въ одинъ голосъ закричали — ту! ту! указывая пальцами въ одно мѣсто.

Этотъ „ту“, т.-е. заяцъ, навостривъ уши, изо всей мочи улепетывалъ въ гору. Но раздался выстрѣлъ, и быстрыя ноги, сдѣлавъ послѣдній судорожный прыжокъ, остановились... Китайчата бросились къ убитому звѣрку и торжественно принесли его ко мнѣ.

— Это у васъ ѣдятъ? спросилъ я.

— Ѣдятъ, ѣдятъ! отвѣтили всѣ. Я подарилъ зайца имъ, и они въ восторгѣ побѣжали съ нимъ домой, а я направился къ лодкѣ съ своей добычей и, вернувшись, принялся за работу, во время которой у насъ съ Матусовскимъ шла бесѣда насчетъ занимавшаго насъ вопроса о томъ, что же предпримутъ наши путешественники, такъ какъ мы были твердо убѣждены, что дороги, о которой шла рѣчь, не существуетъ.

День былъ великолѣпный, жаркій, у насъ въ лодкѣ было +20° Р.

— А не выкупаться ли намъ? предложилъ я товарищу.

Онъ согласился. Но измѣривъ температуру воды, я нашелъ что она для перваго купанья слишкомъ холодна (13° Р.) и посовѣтовалъ устроить купальню на берегу. Черезъ нѣсколько минутъ на пескѣ была разостлана циновка, надъ нею изъ паруса устроена палатка—и купальня была готова. Намъ туда рабочіе приносили воду въ деревянной чашкѣ; но близость прекрасной рѣки соблазнила меня, и черезъ минуту я уже плылъ посреди ея.

Китайцы смотрѣли на меня съ лодки и удивлялись какъ можно купаться въ такой холодной водѣ... Ихъ просто морозъ пробиралъ, и они вздрагивали всѣмъ тѣломъ, когда я приглашалъ также выкупаться. Ни одинъ не рѣшился. Они говорили, что начинаютъ купаться не раньше іюня, да и вообще до этого удовольствія не большіе охотники.

Только-что мы выкупались, какъ является казакъ съ вѣстью.

— Наши-то, ваше высокоблагородіе, ѣдутъ назадъ!... Только далеко еще, сказываютъ.

— Откуда же ты узналъ?

— Китайцы откуда-то узнали.

И мы еще разъ убѣдились, что въ Китаѣ телеграфы — вещь лишняя, потому что они безъ нихъ все узнаютъ издалека и очень быстро.

Дѣйствительно, передъ вечеромъ изъ-за мыса показалась, на этотъ разъ съ пѣніемъ какихъ-то церковныхъ стихиръ, знакомая намъ широкая лодка. Китайцы, увидавъ ее, посмѣивались исподтишка, а нашъ казакъ даже руками всплеснулъ.

Дѣйствительно, положеніе вернувшихся, послѣ всѣхъ споровъ, грубаго тона и обычныхъ дерзкихъ фразъ, было настолько неловко, что когда мы встрѣтились, то изъ чувства деликатности даже не стали спрашивать Сосновскаго,—отчего же онъ не поѣхалъ сухимъ путемъ, по несомнѣнной дорогѣ, которая имъ даже въ книгу внесена съ обозначеніемъ провозной платы!

Все это мало вѣроятно, но къ сожалѣнію вѣрно.

22 марта.

Итакъ, опять всей компаніей отправляемся дальше вверхъ по рѣкѣ, и сегодня опять, какъ объявили китайцы, предстоитъ трудный порогъ, на которомъ также понадобится помощь мѣстныхъ жителей.

Ихъ привели своею властью конвойные, въ числѣ восьми человѣкъ, обѣщая награду. Мы прошли впередъ и заплатили бездѣлицу. Но Сосновскій опять ничего не далъ, предлагая это своему лодочнику, и призванные китайцы, уходя домой, громко выражали свое неудовольствіе за неисполненіе обѣщанія, то-есть, попросту говоря, всячески бранились вслухъ.

День былъ просто удушливый, такъ что даже рабочіе нѣсколько разъ останавливались сегодня отдыхать и пить чай для утоленія мучившей ихъ жажды отъ усиленной испарины. Въ воздухѣ висѣла какая-то мгла, а передъ вечеромъ пошелъ довольно сильный дождь и поднялся порывистый вѣтеръ.

Мы остановились. Китайцы сдѣлали надъ палубой палатку изъ паруса, закрылись циновками и укладывались спать. Я пришелъ посмотрѣть, какъ они это дѣлаютъ, и увидалъ, что они спятъ безъ рубашекъ и не покрываются одѣялами, а дѣлаютъ изъ нихъ мѣшки, въ которые и залѣзаютъ ногами или головой впередъ; а когда случается двоимъ забираться въ одинъ такой мѣшокъ, они располагаются въ немъ такъ, что ноги одного приходятся съ головою другаго, и наоборотъ.

Нѣкоторые изъ нихъ передъ сномъ курили опій, и когда я вошелъ, они нѣсколько смутились и начали прятать лампочку и трубки, точно боялись наказанія за это; но я успокоилъ ихъ и попросилъ продолжать. Потягивалъ, къ сожалѣнію, и нашъ старикъ Ванъ... О, несчастныя жертвы человѣческой алчности! Кому-то весело живется на ваши трудовые гроши, отданные за опій!

23 марта.

Хорошій, не жаркій день; воздухъ очистило вчерашнимъ дождемъ, обмыло берега, и ихъ темносѣрыя или голубоватыя скалы, торчащія посреди богатой растительности съ ея молодой зеленью, казались сегодня еще привлекательнѣе. По берегамъ на значительной высотѣ встрѣчались кой-гдѣ чайныя плантаціи, но весьма незначительныхъ размѣровъ и рѣдко.

Мы дошли до одного селенія Хань-Вань-Чэнъ, гдѣ должны были остановиться для закупки провизіи, а я, пользуясь остановкой,

хотѣлъ пройти къ ближайшимъ деревьямъ и кустарникамъ, въ надеждѣ добыть что-нибудь изъ пернатыхъ, и такъ какъ времени было немного, то я взялъ поскорѣе ружье, и какъ только лодка причалила къ песчаному берегу, спрыгнулъ на него. А тутъ уже заранѣе собралось изъ села человѣкъ до двадцати китайцевъ, спокойно разсматривавшихъ насъ издали.

„Чянъ“! (ружье!) со страхомъ вскрикнули нѣсколько голосовъ; и вся кучка людей мигомъ разлетѣлась въ стороны, какъ будто между ними упала граната.

Но когда первый испугъ прошелъ, они стали подходить ко мнѣ ближе и ближе, пошли со мною вмѣстѣ, вступили въ разговоръ о моей родинѣ, о возрастѣ, спросили, какъ меня зовутъ, дорого ли стоитъ мое ружье и проч.

Застрѣливъ одну птицу [1]), я вернулся на лодку и тотчасъ сталъ снимать съ нея кожу, что̀ не мало удивляло китайцевъ, не привыкшихъ видѣть своихъ „да-жень“. т.-е. господъ, занимающихся подобными дѣлами. Ихъ интересовали своимъ блескомъ мои инструменты, и они заспорили между собою насчетъ того, изъ какого металла сдѣланы эти скальпели и ножницы: — одни говорили, что они стальные, другіе — серебряные, и съ послѣднимъ мнѣніемъ согласились всѣ. Когда же я имъ сказалъ, что вовсе не серебряные и далъ въ руки посмотрѣть, они долго восхищались работой и говорили: „у насъ такъ дѣлать не умѣютъ; это ваша заморская работа, работа хорошая!“

Одинъ китаецъ, увидавъ, что я занимаюсь сниманіемъ кожи съ птицы, сходилъ домой и, принеся двѣ шкурки рѣчной выдры, предложилъ ихъ купить, запросилъ шесть тысячъ чохъ, а отдалъ за тысячу (по здѣшнему курсу около рубля двадцати копѣекъ).

Казакъ и Чжу вернулись съ провизіей, и мы отправились дальше къ видимому сожалѣнію китайцевъ, которые, казалось, очень были бы рады, если бы мы погостили у нихъ подольше.

Къ вечеру пришли къ селенію Сё-Уо́ и только-что остановились у берега, какъ у насъ случилось маленькое происшествіе, маленькое потому, что кончилось благополучно: младшая дочь Тай-Гуна, хорошенькая дѣвочка одного года, упала съ лодки въ воду; но ее тотчасъ вынули.

Все это совершилось на моихъ глазахъ и совершилось ужасно странно,—можно сказать по-китайски, а совсѣмъ не по нашему.

---

[1]) Motacilla (Budytes) sulphurea Bechst.

Мать сидѣла на лодкѣ у своей каюты; двое старшихъ дѣтей, по обыкновенію, тотчасъ, какъ лодка остановилась, выскочили на берегъ и начали играть; а маленькая дочь находилась возлѣ матери. Я не замѣтилъ какимъ образомъ, но увидѣлъ что дѣвочка бултыхнула въ воду, и невольный крикъ вырвался у меня; я бросился къ ребенку, чтобъ спасти его, но одинъ стоявшій возлѣ этого мѣста рабочій, болтавшій о чемъ-то съ другимъ, нагнулся, взялъ дѣвочку и, не прерывая своего разговора съ товарищемъ, подалъ матери. Послѣдняя такъ же спокойно и просто взяла ее и посадила къ себѣ на колѣни, продолжая разговоръ, который вела съ своимъ мужемъ, стоявшимъ на берегу. Вотъ какъ это просто!

Если бы дѣвочку сняли съ кресла и по просьбѣ матери подали ей на руки, сцена не могла бы совершиться болѣе спокойно. Меня удивило это хладнокровіе матери, котораго я не умѣлъ объяснить себѣ, и въ головѣ невольно мелькнула мысль о дѣтоубійствѣ, объ утопленіи дѣвочекъ китайцами-родителями, о которомъ не мало было писано. Но въ данномъ случаѣ едва ли можно было предположить злой умыселъ, неудавшуюся попытку, потому что эта мать имѣла тысячу болѣе удобныхъ моментовъ, въ которые она могла бы избавиться отъ лишней дѣвочки, если бы желала.

Читателямъ, безъ сомнѣнія, приходилось читать или слышать объ убійствѣ въ Китаѣ дѣтей. Показанія путешественниковъ относительно того, существуетъ ли тамъ дѣтоубійство, какъ довольно обыкновенное явленіе, противорѣчивы. Говорятъ и пишутъ, что нерѣдко бѣдность и рожденіе въ одной семьѣ исключительно дѣвочекъ заставляетъ родителей избавляться отъ лишнихъ „ротиковъ“ прекраснаго пола, и что самый обыкновенный способъ дѣтоубійства есть бросаніе дѣвочекъ въ воду. Что касается меня, то я ни разу не видалъ дѣтскаго трупа, плывущаго по водѣ, и ни разу не слыхалъ, чтобъ видѣлъ кто-нибудь другой изъ ѣхавшихъ съ нами вмѣстѣ. А бѣдности и нужды между китайцами мы видѣли довольно...

Побродивъ немного съ ружьемъ по ближайшимъ полямъ и пока еще пустымъ рисовымъ плантаціямъ, я вернулся на лодку, гдѣ засталъ казака Степанова, который бесѣдовалъ съ нашимъ казакомъ на счетъ имѣющей быть подъ Благовѣщеніе на лодкѣ у капитана всенощной.

— Вы, Николай Денисычъ, какой мотивъ будете держать? спра-

шивалъ Степановъ Смокотнина. А потомъ, обратившись къ намъ, прибавилъ:—У насъ завтра всенощная будетъ; вы, ваше высокоблагородіе, придете молиться?

— Нѣтъ, братъ, мы ужъ лучше здѣсь свою отслужимъ, отвѣтили мы.

— А въ Благовѣщеніе у насъ будетъ заутреня. Мы ужъ служили; давно приготовляемся: кто за священника, кто за дьякона и дьячка вмѣстѣ, а мы съ Павловымъ, значитъ, хоръ образуемъ. Такъ по старшинству и идетъ.

— Что жъ, доброе дѣло, отвѣчали мы.—Только насъ не ждите, потому что у насъ дѣла пропасть; а вѣдь на всенощную цѣлый вечеръ уйдетъ. И хотѣлось бы помолиться, да некогда.

24 марта.

Раннимъ сѣрымъ утромъ тронулись мы въ путь; только пять часовъ было. Рѣка и ея берега такъ же прелестны; но досадно, что всѣ чувства какъ-то притупились, должно быть отъ частой перемѣны впечатлѣній, и умъ впадаетъ въ состояніе, похожее на болѣзненную дремоту. Тѣ тысячи вопросовъ, которые нужно было предложить туземцамъ и разрѣшить, накоплялись, забывались и превращались въ нѣчто въ родѣ хлама.

Мы однако заняты постоянно и, несмотря на отчаянныя условія для занятій, результаты ежедневной работы все-таки растутъ: увеличивается коллекція животныхъ, толстѣетъ гербарій; исписываются дорожными замѣтками и переводами тетради; альбомъ обогащается новыми видами и портретами.

Сегодня, напримѣръ, сдѣлалъ портреты двухъ конвойныхъ солдатъ, замѣчательно деликатныхъ, скромныхъ и учтивыхъ людей, а также нашего лоцмана Вана, котораго нельзя было не уважать и не полюбить. Живой и дѣятельный, несмотря на свои пятьдесятъ три года, грамотный, ловкій, смышленый, все зорко видящій своими узенькими, почти закрытыми глазками, онъ съ первыхъ дней нашего знакомства сдѣлалъ на меня хорошее впечатлѣніе, а потомъ мы подружились.

Остановились на ночлегъ въ прелестномъ мѣстѣ, возлѣ небольшой песчаной площадки у подножія почти отвѣсныхъ горъ, замыкающихъ изгибъ рѣки со всѣхъ сторонъ. Горы такъ дики, что даже китайцы не могли устроить на нихъ своихъ домиковъ; здѣсь только птицы живутъ въ густой чащѣ кустарниковъ, да гдѣ-то вблизи, говорятъ, держатся разбойники, для внушенія ко-

торымъ страха намъ совѣтовали сегодня сдѣлать нѣсколько выстрѣловъ. И когда я разрядилъ на воздухъ свое ружье, мнѣ показалось, что всѣ горы потряслись и готовы были обрушиться, такой страшный громъ эха прокатился по нимъ изъ конца въ конецъ.

— Шань-Инь! (буквально горный голосъ, эхо) сказалъ Ванъ, какъ бы для моего успокоенія, хотя оно было не нужно: я не испугался, потому что раньше былъ знакомъ съ эффектами горнаго эха; но думаю, что если бы выстрѣлъ сдѣлалъ другой кто-нибудь, такъ, чтобы я не видалъ, я бы не сразу догадался, что разразившійся громъ есть только слѣдствіе выстрѣла, и успокоительное объясненіе Вана не было бы лишнимъ.

Вскорѣ нашего казака пригласили на другую лодку, и до насъ донеслись оттуда звуки церковнаго пѣнія. Возвратившись, онъ доложилъ, что „сегодня капитанъ служили вечерню“... А черезъ нѣсколько времени является казакъ Павловъ и передаетъ намъ распоряженіе начальника, чтобъ „завтра выступать въ обыкновенное время, потому что заутреня будетъ отслужена ими раньше“.

— Помолимся Богу и пойдемъ, сказалъ Павловъ, стараясь придать своей красивой, но почему-то всегда безпокойной физіономіи набожный видъ. Затѣмъ, обращаясь къ нашему казаку, онъ прибавилъ:—Если ты хочешь придти помолиться завтра вмѣстѣ съ нами, такъ приходи; капитанъ велѣли тебѣ сказать.

Гдѣ мы? Что такое мы изъ себя представляемъ? Что вокругъ насъ происходитъ! Въ Китаѣ ли мы? Члены ли мы казенной экспедиціи? Или паціенты и находимся въ домѣ умалишенныхъ.

Настала ночь, и все затихло. И хоть на время забылись скорбныя думы; замерли чувства стыда и досады.

Всѣ уже спятъ, кромѣ нѣсколькихъ рабочихъ и конвойныхъ солдатъ, играющихъ на берегу въ орлянку. Этакіе грѣховодники, чѣмъ бы Богу молиться, а они что дѣлаютъ...

25 марта, воскресенье.

Мы съ товарищемъ проснулись съ разсвѣтомъ и хотѣли по обычаю тронуться въ путь, но присланный казакъ Павловъ запретилъ рабочимъ нашей лодки выступать, потому что, говоритъ, „еще заутреню будутъ служить, а потомъ пойдемъ“. Рабочіе однако возразили, что намъ надо спѣшить, потому что дальше пойдутъ трудныя и опасныя мѣста на рѣкѣ.

— Наконецъ, говорятъ они,—это столь же удобно можно дѣлать и на ходу—зачѣмъ тутъ стоять!

Рѣчь ихъ оказалась убѣдительной, и мы отправились.

Рѣка безпокойна. Ванъ зорко глядитъ, чтобъ лодка не ударилась гдѣ-нибудь о скалу или подводный камень; лямочники шагаютъ по горной тропинкѣ и, согнувшись, тянутъ бамбуковую бечеву, перепрыгивая съ камня на камень и цѣпляясь за крѣпкіе кустарники, растущіе на страшныхъ крутизнахъ; полицейскіе солдаты сидятъ и лежатъ у насъ на палубѣ, грѣясь на солнцѣ; а одинъ пишетъ мнѣ по-китайски названія собранныхъ мною здѣсь образцовъ деревьевъ. На берегу мелькаютъ китайцы на своихъ поляхъ и въ тѣни бамбуковыхъ рощъ; другіе сидятъ у рѣки и ловятъ рыбу особеннымъ способомъ, которому они, можно подумать, научились у кита.

Они кладутъ въ воду связанные пучки крѣпкой травы или вѣтокъ кустарниковъ; въ ихъ чащу охотно забирается мелкая рыбешка, и стóитъ только быстро выдернуть изъ воды пукъ за привязанную къ нему веревку, чтобъ застрявшая въ промежуткахъ рыба очутилась вмѣстѣ съ нимъ на берегу.

Въ другомъ мѣстѣ сегодня же я видѣлъ еще другой способъ рыбной ловли, до котораго труднѣе было додуматься и требовалась большая наблюдательность для его открытія. А именно: на неглубокомъ мѣстѣ, тамъ, гдѣ вода стрѣлою мчится по каменистому дну, положена въ полуопрокинутомъ положéніи старая лодка, уже негодная для плаванія; и чтобъ ея не унесло теченіемъ, въ нее по концамъ наложены камни. Дно ея обращено противъ теченія, а нижній бортъ погружается нѣсколько въ воду, такъ что она входитъ въ лодку и здѣсь находится въ относительно покойномъ состояніи; а изъ-подъ борта струя быстро несется мимо. Если рыба случайно попадетъ въ этотъ резервуаръ болѣе покойной воды, находящейся въ лодкѣ, она уже не охотно выходитъ оттуда или совсѣмъ не можетъ выйти, и проходящій по временамъ китаецъ вылавливаетъ ее тамъ руками или сачкомъ.

26 марта.

Города мелькаютъ передъ нами, какъ сновидѣнія. Вотъ опять подходимъ къ новому городу Ши-Цюань-Сянь.

Передъ нимъ у рѣки находится небольшая песчаная площадь, и за нею на возвышеніи поднимается городская стѣна, сложенная изъ кусковъ сланца, расположенныхъ то въ вертикальномъ,

то въ горизонтальномъ положеніяхъ; надъ стѣною поднимаются башни, а кругомъ виднѣются горы. Движенія около города противъ обыкновенія мало; здѣсь какъ-то ненормально тихо и пусто кажется,—совсѣмъ не по-китайски. Но скоро, хотя мы не подавали никакихъ сигналовъ, наши лодки были замѣчены,—вѣроятно опять Ма-Янъ-Чуань Сосновскаго удивила туземцевъ, и народъ началъ высыпать на набережную.

Тотчасъ, какъ только наши лодки причалили къ берегу, я съ однимъ полицейскимъ пошелъ осмотрѣть городъ. Онъ расположенъ на возвышенной равнинѣ, которая тянется вдоль берега. Пройдя большое разстояніе по улицамъ, имѣющимъ обыкновенный китайскій характеръ, и собравъ за собою огромную толпу китайцевъ, тоже во всѣхъ отношеніяхъ обыкновенныхъ (только представительницъ прекраснаго пола было больше), я остановился передъ одной башней, стоящей на пересѣченіи двухъ улицъ, и сталъ срисовывать ее; толпа запрудила улицу вплотную, и я торопился скорѣе окончить рисунокъ, чтобъ прерванное сообщеніе могло возстановиться.

Проходя далѣе по городу, встрѣчаюсь съ новымъ явленіемъ. На улицѣ, у особаго рода станка, стояла чисто одѣтая китаянка,—женщина среднихъ лѣтъ, большаго роста, крѣпко сложенная и довольно красивая собой. Станокъ, на которомъ она сучила шнурки изъ синихъ бумажныхъ нитокъ, устроенъ на двухъ столикахъ съ выдвижными ящичками и покрытъ полотняннымъ навѣсомъ въ родѣ крыши. Механизмъ аппарата довольно сложенъ и не лишенъ остроумія. Я остановился посмотрѣть на ея работу и сталъ дѣлать рисунокъ съ ея переносной машины, что ни мало ея не смутило; она продолжала работать и работа у нея шла быстро, шнурки выходили гладкіе, ровные и крѣпкіе. Вертя лишь одну рукоятку, она разомъ сучила девять нитокъ, которыя потомъ ссучивались по три въ одинъ шнурокъ, такъ что разомъ получалось три шнурка, аршина въ два длиною каждый, и на это требовалось не болѣе полминуты.

Стоявшіе около меня зрители не понимали, зачѣмъ мнѣ нужно срисовывать этотъ станокъ; ихъ очень забавляло то, что я и „нюй-жень“ (женщину) нарисовалъ, и „чжо-цзы“ (столъ), и „сянь“ (нитки); все это они разглядѣли, поняли и сообщили сосѣдямъ, что „все срисовано, и срисовано вѣрно“. А самой китаянкѣ, повидимому, только льстило, что она удостоилась такого вниманія иностранца.

Купивъ у нея нѣсколько шнурковъ ея работы, я пошелъ далѣе и встрѣтилъ одного китайца, одѣтаго лучше другихъ и державшаго себя скромно и съ достоинствомъ; я замѣтилъ, что увидавъ его, толпа стихла, и каждый принималъ относительно его почтительную позу.

Мандаринъ, думаю себѣ. Онъ подходитъ прямо ко мнѣ и раскланивается. Мы поздоровались, и сопровождавшій меня полицейскій представилъ мнѣ его, назвавъ просто „да-жень“,—большой человѣкъ, господинъ [1]). Это былъ, какъ я потомъ узналъ, уѣздный начальникъ—Чжи-Сянь, и не китаецъ, а мусульманинъ, чего по виду невозможно было угадать. Онъ дружелюбно взялъ меня подъ руку, и мы продолжали путь вмѣстѣ, обмѣниваясь нѣкоторыми общими вопросами. Онъ пригласилъ зайти къ нему выпить чашку чаю, попросилъ меня нарисовать ему что-нибудь на память и въ благодарность подарилъ мнѣ два горшка съ цвѣтами, которыми я заинтересовался, и затѣмъ проводилъ меня до воротъ.

Когда я, обойдя еще нѣсколько улицъ, возвратился на лодку, цвѣты отъ него были уже принесены; а не больше какъ черезъ полчаса онъ и самъ пришелъ къ намъ съ своею дочерью, дѣвочкой лѣтъ семи,—заплатить визитъ.

Мы узнали отъ него, что прежде онъ находился на службѣ въ Лань-Чжоу-Фу, куда намъ лежалъ путь, что дорога изъ Су-Чжоу въ Хами теперь не занята мятежниками, и что мы, вѣроятно, проѣдемъ черезъ пустыню благополучно.

На прощаньи мы подарили маленькой гостьѣ коробочку конфектъ, кусокъ мыла и ножницы, и проводили гостей по обычаю на берегъ.

Въ сумеркахъ перешли отъ города на противоположную сторону, ради спокойствія, и остались тамъ ночевать.

27 марта.

Въ Ши-Цюянь-Сянѣ китайцы опять совѣтовали перемѣнить свою лодку на двѣ мѣстныхъ, приспособленныхъ къ характеру этой части рѣки, и даже самъ хозяинъ лодки просилъ позволенія не идти далѣе, выражая опасенія за благополучный переѣздъ до Хань-Чжунъ-Фу; но такъ какъ онъ получилъ уже всѣ деньги, (т.-е. 300 р. за весь тысячеверстный путь), то ему предложили

[1]) (Такъ обыкновенно подчиненные называютъ своихъ мандариновъ, то-есть не произнося ни имени ихъ, ни названія должности).

нанять лодки на свой счетъ. Бѣднякъ лодочникъ говоритъ, что онъ и радъ бы, да сдѣлать этого не въ силахъ.

Такимъ образомъ никакихъ измѣненій въ способѣ движенія Сосновскаго и компаніи не сдѣлано, и мы ѣдемъ далѣе.

День былъ сѣренькій, и намъ при десяти градусахъ тепла ужъ холодно. Вскорѣ по отправленіи въ путь, лодка Сосновскаго отстала и исчезла изъ виду. Въ три часа мы остановились чтобъ дождатся ея: но дальше такъ не пошли, потому что, когда она явилась, было уже слишкомъ поздно. Кромѣ того, измученные рабочіе находили нужнымъ остановиться сегодня раньше, чтобы сдѣлать нѣкоторыя приготовленія, такъ какъ завтра, говорятъ они, намъ предстоитъ проходить черезъ новый большой порогъ.

Хозяинъ другой лодки говоритъ, надо нанять здѣсь лишнихъ людей для завтрашняго перехода; но опять отказывается нанять ихъ на свой счетъ. Этакій упрямый человѣкъ! И скряга, должно быть... Его долго уговаривали,—не помогло; пробовали кричать, даже грозили полиціей, даже „сельскаго старосту“ къ себѣ требовали, но ничего не могли добиться, и разговоръ о необходимыхъ лишнихъ рабочихъ такъ и покончили ничѣмъ.

Ночь прекратила всякія приготовленія и соображенія, и лагерь затихъ; но люди еще не спали, и нашего казака потребовали къ начальнику. Оказалось, что Сосновскій сегодня въ первый разъ замѣтилъ, что на нашей лодкѣ дѣлаются промѣры глубины рѣки и, желая приписать себѣ иниціативу этого изслѣдованія, спрашиваетъ у Смокотнина:

— А что, братецъ, промѣры продолжаютъ дѣлать?

И не мало мы потомъ хохатали надъ этимъ „а что, братецъ, промѣры продолжаютъ дѣлать.“

Эти промѣры дѣлались изо дня въ день уже въ теченіе двухъ съ половиною мѣсяцевъ; поэтому для казака было бы не менѣе странно, если бы Сосновскій позвалъ его къ себѣ и спросилъ у него,—продолжаетъ ли докторъ писать свой дневникъ или рисовать съ натуры?...

Когда казакъ отвѣтилъ, что промѣры дѣлаются постоянно, Сосновскій сказалъ ему:

— Ну то-то смотри, чтобъ постоянно дѣлались.

Изъ этой фразы Смокотнинъ долженъ былъ заключить, что промѣры рѣки, какъ и все другое, дѣлаются по приказанію его, начальника; но онъ все видѣлъ, все понималъ правильно и поэтому къ такому заключенію не пришелъ и только смѣялся.

О характерѣ рѣки сегодня сказать особеннаго ничего.

28 марта.

Разсвѣтаетъ. На лодкахъ проснулись и задвигались люди. Проснулись и мы и, велѣвъ лодочникамъ трогаться, стали вставать.

Но съ другой лодки пришли сказать, чтобы мы обождали, потому что имъ нельзя идти, что рабочихъ еще не наняли и хозяинъ ея продолжаетъ рѣшительно отказываться нанимать ихъ на свой счетъ. Поэтому, говорятъ, Сосновскій предпочитаетъ ѣхать отсюда сухимъ путемъ, и теперь только идутъ переговоры съ однимъ китайцемъ, мѣстнымъ жителемъ, который предлагаетъ своихъ вьючныхъ муловъ.

Мы вышли на палубу, пьемъ чай и ждемъ, пока навьючатъ вещи, выбранныя изъ лодки, и транспортъ тронется. Утро великолѣпное, воздухъ прозрачный, прохладный. Рабочіе наши тоже благодушествуютъ. Одинъ изъ нихъ, симпатичный малый и здоровякъ, очень привязавшійся ко мнѣ за дорогу, растянулся на пескѣ и воспѣваетъ „чы-фань“, т.-е. обѣдъ и всякаго рода ѣду.

Смотрю я на него и вижу въ немъ самое безпощадное опроверженіе всѣхъ теорій насчетъ раціональнаго питанія тѣла и гигіеническихъ правилъ для сохраненія здоровья. Не спрашивайте его, какъ устроенъ его домъ, потому что этого дома не существуетъ; лѣтомъ его жжетъ солнце, зимой пробираютъ дожди и холодъ, потому что бѣдная одежда плохо защищаетъ его тѣло отъ вѣтра и сырости. Не спрашивайте и о питательности его пищи. Онъ ѣстъ рисъ съ какой нибудь травой и лишь изрѣдка съ весьма скромнымъ прибавленіемъ свинаго сала; пьетъ онъ горячую воду, въ которой для самообольщенія мокнутъ по цѣлымъ днямъ какіе-нибудь листья подъ названіемъ „ца“ (чая)... Но посмотрите на него, и у васъ на душѣ повеселѣетъ; вы сами какъ будто здоровѣе станете. Что за кости, какіе мускулы, что за грудь! А зубы! щеки! Онъ точно весь отлитъ изъ бронзы и только раскрашенъ подъ цвѣтъ тѣла. Другіе наши рабочіе тоже молодцы, какіе вообще не рѣдкость въ Китаѣ...

Они также рады остановкѣ и весело болтаютъ или бранятся между собою. Нашъ тай-гунъ, обыкновенно только улыбающійся или сидящій за плетеньемъ своего каната, сегодня что-то много говоритъ и пускается въ разсужденія. Онъ тоже чувствуетъ себя молодцомъ передъ тай-гуномъ другой лодки, потому что у него все исправно,—и рабочіе, и лодка, и парусъ;—и онъ говоритъ, что если бы не задержка, ужъ мы бы давно въ Хань-Чжунъ-Фу были.

Дѣйствительно, мы много времени „потратили“ на остановки, и хоть не совсѣмъ безполезно, но все-таки съ малою пользою, потому что никогда не могли знать впередъ, сколько времени намъ предстояло оставаться въ данномъ мѣстѣ, и потому что эти мѣста не избирались. Вотъ сегодня, напримѣръ простояли три часа,—можно было бы хорошую экскурсію сдѣлать; но кто же могъ это знать впередъ?

Пришли сказать, что теперь можно трогаться.

— Что же, наняли муловъ? Отчего же ихъ еще не приводятъ? спрашиваемъ у нашего казака.

— Какихъ муловъ!.. Въ той же лодкѣ дальше ѣдутъ, воскликнулъ онъ съ досадой.

— Значитъ приняли еще рабочихъ?

— Ничего я не могу и понять-съ! отвѣтилъ онъ и не сталъ больше говорить.

Такъ какъ мы тоже ничего не могли и не должны были понимать, то, получивъ приказаніе отчаливать, хотѣли было отправляться, какъ на берегу явились три мандарина, какъ оказалось, таможенные чиновники, изъ которыхъ одинъ былъ съ желѣзнымъ щупомъ. Они начали какой-то разговоръ, который все дѣлался громче, потомъ перешелъ въ крикъ.

Переводчики,—одинъ не понималъ въ чемъ дѣло; другой понялъ, но не могъ объяснить намъ на удобопонятномъ русскомъ языкѣ. Наконецъ добрались кой-какъ.

Чиновники приняли насъ за купцовъ, ѣхавшихъ съ иностранными товарами и намѣревавшихся тайно провезти ихъ безъ досмотра и не заплативъ пошлинъ. Имъ, конечно, стоило только показать паспортъ, выданный намъ китайскимъ правительствомъ; но Сосновскій почему-то „положительно не находилъ нужнымъ“ предъявлять его, и изъ этого вышла непріятная сцена. Мандарины не смѣли не исполнить долга своей службы и требовали произведенія осмотра нашихъ вещей.

Мы пригласили ихъ къ себѣ и не только позволили, но даже просили осмотрѣть всѣ наши вещи и убѣдиться, что мы не купцы и никакихъ товаровъ съ нами нѣтъ. Вѣжливое обращеніе, спокойный тонъ разговора, хотя, вѣроятно, не особенно искусно переданнаго нашимъ казакомъ, сразу подѣйствовали на нихъ успокоительно, и они сами тотчасъ перемѣнились; и, только заглянувъ въ нашу каюту съ улыбками и любезностями, объявили, что мы можемъ проѣзжать свободно.

Мы отправились, а Сосновскій съ компаніей еще стояли на берегу, собираясь, повидимому, войти въ свою лодку, на которую, какъ на диво, раскрывши рты, смотрѣли изумленные туземцы, собравшіеся на берегъ изъ ближайшаго селенія. Они говорили что-то о Ма-Янъ-Чуань, покачивали головами, и это изумленіе, эти поканчиванія въ раздумьи, не особенно успокоительно дѣйствовали на насъ; но мы еще не знали чѣмъ рѣшатъ наши спутники.

— Скажите ему (т.-е. хозяину лодки)—послышались слова раздосадованнаго начальника, что такъ какъ... тотъ... онъ вещи мои подмочилъ... и, тотъ... четыре раза лодку совсѣмъ было... тотъ... потопилъ, такъ тотъ... я тотъ... теперь ему не вѣрю...

Ну слава Богу, подумали мы, значитъ ѣдутъ сухимъ путемъ, а то ужъ, сами говорятъ, четыре предостереженія было.

Но нашъ казакъ, стоявшій на палубѣ и смотрѣвшій назадъ, какъ будто въ отвѣтъ на нашу мысль, объявилъ:

— Всѣ сѣли въ лодку и отчаливаютъ!.. Ну, Господь знаетъ, что будетъ, а китайцы, ваше высокоблагородіе, ужасть какъ сумлеваются на счетъ этой лодки... Всѣ „дикуютъ“ (удивляются, сибирское выраженіе) когда завидятъ ее; никогда, говорятъ, здѣсь этакія лодки не показывались; и въ одинъ голось говорятъ, что она ни за что не дойдетъ до Хань-Чжунъ-Фу.

— Начальникъ объ этомъ знаетъ? переспросили мы въ двадцатый разъ.

— Какъ не знать, ваше высокоблагородіе! Да они и сами боятся, какъ я замѣчаю, потому, какъ порогъ, такъ они сейчасъ и на берегъ. Вѣдь ни черезъ одинъ они въ лодкѣ не проѣхали,— всѣ сухопутно обошли.

— Ну, что жъ онъ говоритъ, если знаетъ?

— Ничего, говорятъ, у насъ пройдетъ; я самъ, говорятъ, буду распоряжаться. До сихъ поръ шла же, говорятъ, такъ и дальше пройдетъ.

Въ это время я увидалъ на берегу кустарникъ, весь покрытый кистями лиловыхъ цвѣтовъ *) и велѣлъ рабочимъ причалить къ тому мѣсту, гдѣ онъ росъ. Онъ находился невысоко, но надъ едва доступными скалами; и если бы не его длинныя крѣпкія вѣтви, перекинутыя съ камня на камень, съ куста на кустъ и прикрѣпленныя обоими концами, какъ веревки, за которыя я цѣп-

*) Wistaria chinensis.

лялся руками, тамъ совсѣмъ нельзя было бы удержаться. Я сорвалъ нѣсколько кистей цвѣтовъ; и ихъ превосходный запахъ развилъ во мнѣ такую жадность, что мнѣ хотѣлось забрать ихъ всѣ, чтобъ унести съ собою, и я, срывая кисть за кистью, бросалъ ихъ внизъ, гдѣ одинъ изъ рабочихъ подбиралъ ихъ, а другой пробрался къ другому кусту и тоже нарвалъ громадный букетъ. Здѣсь же я нашелъ нѣсколько другихъ интересныхъ растеній.

Отобравъ лучшіе экземпляры для гербарія, я сдѣлалъ изъ остальной массы цвѣтовъ нѣсколько огромныхъ букетовъ и поставилъ ихъ на своемъ столѣ; кромѣ того, убралъ ими всѣ стѣны нашей каюты, усыпалъ ими постели, и мы сидѣли точно въ надушенной оранжереѣ.

Пройдя еще нѣкоторое разстояніе, я увидалъ на берегу другой цвѣтущій кустарникъ дикорастущей китайской розы (съ мелкими цвѣтами бѣлаго цвѣта и съ превосходнымъ запахомъ, такимъ же, какъ у нашихъ розъ, только нѣжнѣе). Цвѣтовъ на нихъ было такое богатство, что издали эти кусты казались совсѣмъ бѣлыми бесѣдками или холмиками, покрытыми снѣгомъ. Вѣтви этого кустарника такъ густо переплетаются между собою, листва на немъ такъ обильна, что подобные кусты розъ, вышиною до полуторы сажени и болѣе, представляютъ сплошную, совершенно не прозрачную массу. Рабочіе, тащившіе лодку, проходили мимо этихъ кустовъ, и я крикнулъ имъ, чтобъ кто-нибудь нарвалъ мнѣ цвѣтовъ; и черезъ нѣсколько минутъ мнѣ притащили вѣтку, представлявшую самую изящную гирлянду изъ зелени и цвѣтовъ, около четырехъ саженъ длины!

Въ гербарій, разумѣется, не помѣстишь цѣликомъ такого экземпляра, а бросить остальное было жаль; и я еще украсилъ нашу плавучую комнату цвѣтами и зеленью китайскихъ розъ; прикрѣпилъ упомянутую гирлянду къ крышѣ нашей каюты въ видѣ арки и расплелъ по потолку; а чтобы цвѣты не завяли скоро, я поставилъ оба отломленные конца вѣтви въ бутылки съ водою... И никогда въ жизни не бывало у насъ такого поэтическаго жилища, какъ настоящее!

Любители природы и цвѣтовъ, китайцы не умѣли достаточно хорошо похвалить ее и все приходили любоваться.

Мы подвигались впередъ. Характеръ рѣки нѣсколько измѣнился: дикія и крутыя скалы уступили мѣсто болѣе отлогимъ склонамъ, покрытымъ плодородной и воздѣланной почвой гли-

нисто-песчанаго свойства. Въ этой части рѣки мѣстные жители также промываютъ золото изъ береговаго песку по описанному выше способу. Сегодня опять встрѣчались дикія утки и бакланы, которыхъ я ужъ давно не видалъ; въ горахъ слышались голоса фазановъ. Птицъ вообще множество и, если бы мы ѣхали дѣйствительно съ цѣлью изслѣдованія страны, здѣсь можно бы составить богатѣйшую коллекцію ихъ.

Мы остановились у песчаной береговой отмели, у подножія одного изъ такихъ покатыхъ холмовъ, за которымъ поднимались высокія горы. На срединѣ этого холма виднѣлся домикъ китайца-фермера, и я направился къ нему. Передъ нимъ стоялъ рядъ вѣерныхъ пальмъ, а за нимъ начинался густой кустарникъ и молодая роща, уходившіе въ овраги и поднимавшіеся дальше на горы. Возлѣ домика рылся въ саду его хозяинъ, а на маленькомъ дворикѣ жена его ухаживала за своимъ стадомъ, состоявшимъ изъ двухъ коровъ, двухъ телятъ и десятка бѣлыхъ козъ. Домикъ былъ крошечный, состоявшій всего изъ одной комнатки; но въ немъ все было такъ уютно и мило!

Другая лодка пришла хотя и гораздо позже насъ, но, слава-богу, благополучно... Авось дотащится какъ-нибудь безъ бѣды, утѣшали мы себя надеждой: ужъ не далеко и конецъ нашего роднаго странствованія.

Но какія могутъ быть утѣшенія, когда все совершается по законамъ,—законамъ природы вопервыхъ, и „степнымъ“ вовторыхъ. Готовилась бѣда неминучая и наконецъ разразилась.

Этими словами оканчивался первый томъ въ первоначальной редакціи. По выходѣ въ свѣтъ моей книги Сосновскій имѣлъ неосторожность выступить съ печатнымъ заявленіемъ подъ чужой фамиліей, будто бы мною дозволена себѣ клевета противъ него.

Этимъ поступкомъ онъ заставилъ меня дать въ настоящемъ изданіи какія-нибудь документальныя данныя, которыя бы настолько характеризовали г. Сосновскаго, чтобъ у читателей не оставалось никакого сомнѣнія въ томъ, — не враждали, въ самомъ дѣлѣ, руководила перомъ автора въ его обличеніяхъ противъ можетъ быть, во всѣхъ отношеніяхъ достойнаго капитана.

Вотъ нѣсколько словъ, которыхъ для читателей будетъ достаточно; тѣхъ же кто пожелаетъ узнать всѣ подробности не вошедшимъ въ настоящее сочиненіе, мы отсылаемъ къ позже на-

печатаной мною книгѣ подъ заглавіемъ „Неудачная Экспедиція въ Китай“, которая вообще должна служить дополненіемъ къ „Путешествію по Китаю“, особенно же сомнѣвающимся.

Я сказалъ, что готовилась бѣда и что она наконецъ разразилась... Да, она совершилась въ видѣ погибели лодки Сосновскаго; и эта катастрофа будетъ описана во второмъ томѣ, а теперь послушаемъ о ней первое заявленіе потерпѣвшаго крушеніе экспедиціоннаго начальника; прочтемъ въ цѣломъ то его письмо, изъ котораго выше были приведены лишь нѣкоторыя фразы. Оно въ высшей степени характерно и служитъ превосходнымъ подтвержденіемъ того, что̀ я повѣдалъ міру о доблестныхъ похожденіяхъ этого почтеннаго представителя — ужъ я и не знаю чего — передъ туземцами чужой страны и живущими въ ней русскими людьми, представителя, который называетъ себя „русскимъ гражданиномъ“, „лицомъ, коему ввѣрено правительствомъ начинаніе“! Это письмо получитъ особенное значеніе, если читатель возобновитъ въ своей памяти два другія письма (стр. 372—375), а потомъ прочтетъ мое описаніе крушенія лодки, въ день 30-го марта, и узнаетъ о его, сверхъ ожиданія, неважныхъ послѣдствіяхъ, т.-е. о томъ, что у насъ, можно сказать, почти ничего не погибло.

Вотъ, что писалъ этотъ, нѣкогда важный „представитель цѣлей, которымъ служилъ,“ къ извѣстному читателямъ г. Родіонову.

НАЧАЛЬНИКЪ,
командированной
по
ВЫСОЧАЙШЕМУ ПОВЕЛѢНІЮ
ученно-торговой экспедиціи
по
КИТАЮ
№ 50

апрѣля 9 (21) дня 1875 года.
г. Янъ-Сянь,
въ 120 ли
отъ
Хань-Чжунъ-Фу.

ЕГО В—ДІЮ
А. Л.
Родіонову.

Милостивый Государь
Андрей Львовичъ!

„Дорого яичко къ Свѣтлому дню.“

Святая Русь сложила непреложную истину этихъ словъ въ ходячее изреченіе. Такъ встрѣчаетъ она своевременную, не знающую цѣны услугу, такъ поистинѣ надлежитъ привѣтствовать и Васъ, любезнѣйшій соотечественникъ. Смыслъ моихъ словъ станетъ понятенъ, если я скажу Вамъ, что послѣ двухмѣсячнаго утомительнаго плаванія по Хань-Цзяну и когда уже близокъ былъ конецъ, лодка наша, на кото-

рой ѣхали я, Боярскій, Андревскій, китаецъ Сюй и два казака, Степановъ и Павловъ, по нерадѣнію лоцмана на одномъ изъ многихъ пороговъ рѣки, на глубинѣ 26 слишкомъ футъ, разбита въ щепы. Случилось это печальное событіе въ воскресенье 30 марта, за 220 ли недоходя до Хань-Чжунъ-Фу. На первыхъ порахъ, вдали отъ своихъ, среди чуждаго, почти враждебнаго намъ населенія, мы остались безъ всего; оружіе, порохъ, деньги... *все поглотила мутная пучина.* Трехдневные поиски возвратили только самое необходимое: часть серебра, винтовки, патроны, бумаги и инструменты для наблюденія. И вотъ, въ годину такого испытанія, точно по устроенію Всевышняго, является посланецъ съ вашимъ письмомъ. *Какъ русскій гражданинъ, какъ лицо, коему ввѣрено правительствомъ начинаніе,* благодарю Васъ, Андрей Львовичъ, благодарю за оказаное *воспособленіе* и сочувствіе. *Я сочту лучшимъ днемъ жизни, если въ состояніи буду лично свидѣтельствовать выражаемыя здѣсь чувства.* Вѣрю, любезнѣйшій Андрей Львовичъ, что Ваша готовность содѣйствія есть святая правда; думаю также, что *и другіе* уважаемые соотечественники въ Хань-Коу не отступятся передъ необходимостью посильныхъ услугъ. Долгъ совѣсти заставляетъ меня обратиться и къ Вамъ, и къ нимъ. У Боярскаго, Андреевскаго и обоихъ казаковъ погибли всѣ положительно вещи, все имущество, *набытое* годами тяжелаго труда; погибли потому, что они, откинувъ личные разсчеты, спасали только *бумаги, инструменты,* все то, что составляетъ интересъ общій, достояніе родины. Сдѣлайте извѣстнымъ настоящее мое письмо и возьмите на себя обязательное посредничество оказать имъ посильное матеріальное воспособленіе, такъ какъ я *не располагаю* средствами, могущими возмѣстить вполнѣ утрату ихъ.

При письмѣ слѣдуетъ пакетъ на имя Посланника, гдѣ я прошу о высылкѣ новаго охраннаго листа, вмѣсто утраченнаго. Нарочный, соображаясь съ тѣмъ, какъ онъ шелъ сюда, обязался быть въ Хань-Коу на 22-й день, т.-е. къ 30 апрѣля; но какъ дѣло спѣшное, то я, снабдивъ его *частью денегъ,* назначилъ ему по 1 т. чохъ награды за каждый выигранный противъ обязательства день. Какъ только пакетъ получится въ Хань-Коу, то не откажите переслать его, съ первоотходящимъ пароходомъ, въ Тянь-Цзинъ, съ тѣмъ, чтобы оттуда Н. А. Нефедьевъ съ нарочнымъ отправилъ Посланнику въ Пекинъ.

У переводчика Сюя остается въ Тянь-Цзинѣ семья, которой А. Д. Старцовъ имѣлъ выдавать изъ внесенныхъ мною денегъ,

по 8 ланъ въ теченіе 5 мѣсяцевъ, начиная съ 20 сентября [1]). Назначенный срокъ давно уже миновался и семья остается, по всей вѣроятности, безъ денегъ. Чтобы имѣть счеты съ однимъ лицомъ, *я посылаю* Вамъ переводное письмо въ 50 ланъ на имя Миссіи, которая сдѣлаетъ уплату изъ причитающагося мнѣ отъ казны назначенія, а Васъ прошу снестись съ Николаемъ Андреевичемъ, дабы онъ, въ силу этого переводнаго письма, выдалъ упомянутой семьѣ 50 ланъ; адресъ можетъ сообщить Старцовъ. Еще одна просьба. Вещи, которыя я везъ, какъ образцы и какъ презенты,—погибли. Не возьметесь ли Вы сами, или черезъ Ю. А. Рединга, помочь мнѣ въ этомъ случаѣ.

Я просилъ бы купить мнѣ и переслать въ Семипалатинскъ на имя Военнаго Губернатора Владиміра Александровича Полтарацкаго, съ передачею мнѣ, а за выѣздомъ его оставить до востребованія:

1) Четыре кантонскихъ вѣера; три изъ бѣлыхъ перьевъ съ рисункомъ, *очками павлинаго* пера на концахъ, въ рѣзной изъ слоновой кости оправѣ въ *ящичныхъ футлярахъ* и вообще лучшаго достоинства, а одинъ бумажный съ *лѣпными изъ кости* изображеніями. (Въ Шанъ-Хаѣ мы заплатили съ Рединомъ за пять вѣеровъ, если не ошибаюсь, 55 доларовъ.)

2) Одинъ портъсигаръ фильграновой работы, серебряный.

3) Одинъ кусокъ манильскаго бѣлаго газа и одинъ кусокъ темножелтой сучжеуской шелковой матеріи.

4) Чрезъ Рединга, три японскія серебряныя трубочки, какія онъ мнѣ выписалъ изъ Японіи и которыя вмѣстѣ съ прочими вещами погибли, а также *возвратитъ* деньги за эти прежнія трубочки. Можно было бы переслать черезъ Е. К. Бюцова, или какъ вы признаете удобнымъ.

Я просилъ бы Васъ очень написать мнѣ, впослѣдствіе настоящаго моего письма, если найдете возможнымъ, то моимъ слѣдомъ, а то черезъ Посланника. Въ Хань-Чжунъ-Фу мы будемъ оставаться до 3-хъ недѣль, а въ Ланъ-Чжеу-Фу прибудемъ около 10-хъ чиселъ іюня.

---

[1]) На переводчиковъ 27 февр. 1875 г. было получено между прочимъ, т.-е. внѣ смѣты, 3000 р. въ такой странной формѣ: *въ мое безотчетное распоряженіе для уплаты двумъ другимъ переводчикамъ* (какимъ—не сказано) Дѣло Экси. Ч. I. ст. 61. Вотъ и пришлось г. Родіонову содержать семью Сюя.

„Передайте мой душевный привѣтъ Вашей уважаемой семьѣ и вѣрьте искреннему расположенію и неизмѣнной дружбѣ благодарнаго

Юл. Сосновскаго.

PS. „Какъ на выполненіе заказа, такъ и на 50 ланъ для семьи Сюя, *я хотѣлъ, какъ и упомянулъ выше, въ самомъ письмѣ, приложить переводныя письма,* но Андреевскій предлагаетъ *просто предоставить Вашему усмотрѣнію*, съ тѣмъ, чтобы я сосчитался или лично съ Вами въ Петербургѣ или кому укажете въ Россіи.“

Эти счеты такъ до сихъ поръ и не окончены. Г. Родіоновъ умеръ, а на предъявленіе г-жи Р. Сосновскій сначала отвѣтилъ ей, что уплатилъ по счету все сполна, при личномъ свиданіи съ покойнымъ. Но когда ему доказали, что этого свиданія и быть не могло, потому что г. Р. находился, въ указанное имъ время въ Китаѣ, то Сосновскій предъявилъ въ свою очередь оригинальное требованіе удостовѣрить его въ томъ, что покойный *не получалъ* съ него долга,—просилъ только убѣдить его въ этомъ.

Вотъ копіи съ двухъ его писемъ по этому предмету къ г. Родіоновой, давшей мнѣ право на напечатаніе ихъ.

30 января, Новгородъ.

Многоуважаемая А. И!

„Не сочтите неделикатностью, что только сейчасъ пишу эти строки въ отвѣтъ *на два* полученныхъ мною вашихъ письма. Болѣзнь, удерживавшая меня въ постели, не давала мнѣ возможности поспѣшить отвѣтомъ на ваше письмо переданное мнѣ вашимъ повѣреннымъ и послѣ того какъ я обѣщалъ адресоваться непосредственно къ вамъ. Я показывалъ вашему повѣренному письмо покойнаго Андрея Львовича изъ Москвы, отъ 22 сентября 1878 года, съ приложеннымъ къ нему счетомъ и по которому деньги въ томъ самомъ количествѣ мною были тогда же *уплачены. Я храню слишкомъ хорошее воспоминаніе о гостепріимныхъ нѣкогда соотечественникахъ въ Хань-Коу и вашемъ домѣ,* и мнѣ было бы крайне тяжело еслибъ этотъ денежный счетъ послужилъ поводомъ какихъ либо пререканій, недоразумѣній и неудовольствій. Прошу васъ очень, *провѣрьте еще разъ тщательно всѣ частныя записи, книжки или тому подобное покойнаго Андрея Львовича, а въ нихъ, быть можетъ, и найдутся необходимыя указанія или свѣдѣнія* къ разрѣшенію возникшаго вопроса.

Я хорошо помню, что *тогда же высказалъ какъ бы маленькій упрекъ Андрею Львовичу, что онъ сообщилъ мнѣ счетъ уже по представленіи мною офиціальнаго отчета объ экспедиціи, такъ что вся эта сумма легла пол-*

ностью лично на меня, изъ моего кармана, тогда какъ весь сдѣланный расходъ казенный, экспедиціонный. [1])

Въ концѣ февраля и не позже начала марта я расчитываю быть въ Москвѣ и прошу позволеніе заѣхать къ вамъ, такъ какъ устными уясненіями въ подобныхъ случаяхъ лучше всякаго письма *опредѣлятся ближайшія обстоятельства недоумѣнія и возможность къ соглашеніямъ.*

Съ совершеннымъ уваженіемъ и полнѣйшей готовностью къ услугамъ остаюсь старый прежній знакомый" *Юл. Сосновскій.*

2 февраля 1882 г. Н. Новгородъ.

Милостивая Государыня А: И!

„Я имѣлъ честь получить *оба* ваши письма и приношу мои извиненія, если силою обстоятельствъ, отъ меня впрочемъ вполнѣ независящихъ, подалъ поводъ *къ настойчивости тона, какимъ отмѣчены эти письма.*

Въ самомъ дѣлѣ могло показаться мало понятнымъ, если не сомнительнымъ, какимъ образомъ, обѣщавъ быть въ началѣ марта, я словно канулъ въ воду, ни письмомъ, ни лично не заявляю о себѣ. Обстоятельства рѣшительно были противъ меня"...

Тутъ слѣдуетъ изложеніе причинъ, помѣшавшихъ ему быть въ Москвѣ,—важныхъ и неважныхъ, но не идущихъ къ дѣлу.

„Я могъ, конечно писать, но что писать, когда на основаніи вашихъ послѣднихъ писемъ еще болѣе убѣждаюсь что только личнымъ устнымъ обмѣномъ возможно дойти до желанныхъ выясненій и положить конецъ недоумѣнію.

Вы мнѣ говорите: представьте доказательства почтовую росписку, квитанцію банка и проч., *когда мнѣ и заботиться о доказательствахъ не приходится.*

Я Андрею Львовичу никакихъ росписокъ не давалъ и отъ него не получалъ, черезъ банки никакихъ дѣлъ не имѣлъ, какъ не имѣю ни привычки, ни основанія хранить почтовыя росписки, особенно за пять лѣтъ. Скажу болѣе, чѣмъ настойчивѣе припоминаю себѣ это давно прошедшее время, тѣмъ болѣе убѣждаюсь, что этотъ спорный между нами счетъ рѣшительно законченъ еще при Андреѣ Львовичѣ и что деньги я ему вручилъ лично въ бытность его въ Петербургѣ, *хорошо не помню, когда именно, въ промежутокъ времени съ конца января 1876 года и по октябрь 1877,* (!) *когда я уѣхалъ въ армію.*

Какъ бы ни была однако сильна во мнѣ увѣренность, что деньги мною уже заплачены *я не отказываюсь платить еще разъ, если только Вы возьмете на себя трудъ разъяснить мнѣ* черезъ посредство ли Вашего повѣреннаго здѣсь въ Нижнемъ, или при нашемъ личномъ свиданіи въ Москвѣ, гдѣ я буду во всякомъ случаѣ не позже мая; *но я просилъ бы при этомъ не ограничиваться простымъ лишь заявленіемъ, что по конторскимъ книгамъ или инымъ записямъ счетъ не покрытъ, а потому значитъ я и долженъ.* Сплошь и рядомъ мы наталкиваемся на недоразумѣнія въ этомъ родѣ.

Еще недавно извѣстная *фирма швейныхъ машинъ въ С.-Петербургѣ Кастильонъ* прислала мнѣ грозное требованіе уплатить какія-то деньги, грозя

[1]) Зачѣмъ казнѣ понадобились „японскія трубочки, манильскій бѣлый газъ и разныя лѣпныя изъ кости изображенія въ ящичныхъ футлярахъ", — этого ужъ я не понимаю.

въ случаѣ промедленія въ теченіи трехдневнаго срока, предъявить противъ меня формальный искъ. Я промедлилъ не три дня, а три недѣли, и затѣмъ потребовалъ объясненій, взамѣнъ которыхъ мнѣ отвѣчаютъ, сильно извиняясь, что произошла ошибка, вслѣдствіе небрежности или недосмотра прикащика [1]). Слѣдовательно конторская книга сама по себѣ еще не доказательство. Чтобы дать Вамъ свидѣтельство искренняго моего желанія покончить недоразумѣнье, послѣдствія котораго я охотно приму на себя и возмѣщу искомую сумму, я готовъ *облегчить* Вашъ трудъ и указать какія требованія имѣли бы для меня *значеніе убѣждающаго довода*, а именно: если Вы ближе ознакомите меня съ порядкомъ веденія книгъ, насколько покойный былъ аккуратенъ въ записяхъ, не произошло ли тутъ случайной ошибки, насколько послѣдняя была возможна или нѣтъ при усвоенныхъ вообще пріемахъ счетоводства; не осталось ли въ числѣ бумагъ покойнаго какихъ-либо иныхъ слѣдовъ кромѣ конторской книги, бумагъ, телеграммъ, недошедшихъ почему-либо до меня писемъ; былъ ли Андрей Львовичъ и когда именно въ указанный промежутокъ времени въ Петербургѣ, гдѣ я сидѣлъ безвыѣздно до самого отъѣзда въ армію и когда извѣстно, что мы разстались съ нимъ въ Хань-Коу, и вообще все то, что ближайшимъ образомъ не оставляло бы покрайней мѣрѣ большихъ сомнѣній, что деньги доведется платить не во второй разъ. Измѣряя обязательства въ данномъ случаѣ *чисто нравственной* стороной, повторяю: отъ отвѣта или уплаты я не отказываюсь, *но надо разсѣять мои сомнѣнія.* Сумма достаточно велика [2]), да и самая затрата при томъ сдѣлана не лично для меня, а для экспедиціи. Вотъ что я могу сказать пока."

Съ совершенной готовностью къ услугамъ имѣю честь быть

Юл. Сосновскій.

„Если Вы предпочтете дѣйствіямъ черезъ повѣреннаго личные переговоры, то о днѣ выѣзда въ Москву я извѣщу телеграммой" [3]).

---

[1]) Это произошло потому что какой-то другой полковникъ Сосновскій (имя и примѣты неизвѣстны), жившій въ Сергіевской улицѣ Петербурга, также уѣхалъ въ Нижній-Новгородъ. Фирма Кастильонъ прекратила дѣло, потому что этимъ другимъ полковникомъ недоплачено было за машину только 5 р.

[2]) Г-жа Родіонова требуетъ уплаты только той суммы, которая истрачена на исполненіе личныхъ порученій г. Сосновскаго съ обязательствомъ уплаты (см. ст. 581—582). Она составляетъ 539 руб.

[3]) Телеграмма еще не получена, и г-жа Р., предпочитая дѣйствія черезъ повѣреннаго, намѣрена предъявить искъ.

КОНЕЦЪ ПЕРВАГО ТОМА.

Научная библиотека им. Горького

7p.